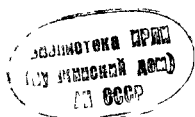

Ответственный редактор
Д. С. Лихачев

К ЧЕТВЕРТОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ
КОНГРЕССУ СЛАВИСТОВ

А. БОЛДУР

Троян «Слова о полку Игореве»

1

Едва ли имеется в области истории русской литературы другой вопрос, который вызвал бы к себе столь повышенный интерес, как вопрос о Трояне, упоминаемом в «Слове о полку Игореве». В связи с ним появилась огромная исследовательская литература, в которой даны самые разнообразные и интересные толкования. Множество авторов занялось расшифрованием ставших широко известными четырех мест «Слова» о Трояне, и их работы поднимают нас до высот мифологических представлений древнеязыческого времени или спускают в самую гущу событий исторической действительности.

Борьба мнений идет вовсю, как если бы мы присутствовали на средневековом турнире, куда являются рыцари, чтобы сразиться, имея при себе хорошо отточенное оружие.

Последним по времени отражением этой борьбы является напечатание в «Сборнике исследований и статей» о «Слове о полку Игореве» под редакцией В. П. Адриановой-Перетц¹ двух статей, принадлежащих двум видным представителям исторической науки — Д. С. Лихачеву и М. Н. Тихомирову.

Первый автор, останавливаясь на четырехкратном употреблении слова Троян в упомянутом литературном памятнике («рища в тропу Трояню», «вечи Трояни», «встала обида девою на землю Трояню», «на седьмом веце Трояни»), замечает: «Во всех этих значениях слово Троян может быть удовлетворительно объяснено только в том случае, если мы допустим, что под Трояном следует разумеать какое-то русское языческое божество».²

При этом автор ссылается на упоминание имени Трояна как языческого бога в памятнике письменности XII в. «Хождение Богородицы по мукам». Там упоминаются как боги Троян, Хърс, Велес и Перун.

Второй автор пишет: «По Слову о полку Игореве получается так, как будто земля Трояна помещалась у Дона».³ В самом деле, в «Слове» читаем: «Въстала обида в силах Дажь-Божа внука. Вступил[а] девою на землю Трояню; всплескала лебедиными крылы на синем море; у Дону плещуци, убуди жирня времена».⁴ Дается связанная картина действия обиды,

¹ М.—Л., 1950 (далее: «Слово о полку Игореве». Сборник).

² Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве». Сборник, стр. 5—52.

³ М. Н. Тихомиров. Боян и Троянова Земля. — «Слово о полку Игореве». Сборник, стр. 184.

⁴ Кроме известного издания «Слова о полку Игореве» А. С. Орлова (М.—Л., 1946, стр. 69—70) и текста «Слова», помещенного в «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Т. Бархударова (т. 1, М., 1952, стр. 209—221), я пользовался еще пятой главой («Содержание и композиция „Слова о полку Игореве“») ра-

где дееспричастие «плещучи» тесно связано с указанием на место действия обиды (Дон), благодаря чему читатель выносит определенное впечатление, что земля Трояна — русская земля.

Чтобы преодолеть локализацию «Трояновой земли» у Дона, автор предлагает вышеприведенный текст разбить на три параллельных предложения, а именно: 1) обида встала в силах Дажь-Божа внука, 2) вступает девою на землю Трояню, 3) плещет лебедиными крылы на синем море у Дону. «В этом случае, — добавляет автор, — Дон не будет иметь отношения к Трояновой земле, и нет оснований пересматривать вопрос о земле Трояновой как о земле Придунайской».

В подтверждение своего мнения автор прибегает к косвенным доказательствам: образ Трояна не был чужд древнерусскому фольклору, сказания о Трояне были распространены в придунайских землях, в Болгарии и Молдавии, ссылается также на Троянову топонимию и т. д.

В этом сопоставлении в одном и том же сборнике двух статей, придерживающихся в вопросе о Трояне диаметрально противоположных взглядов, сказывается прежняя борьба двух течений в этом вопросе: одно в пользу языческого бога Трояна, другое в пользу римского императора Траяна.

Эти статьи содержат принципиальные установки обоих течений. Борьба этих течений имеет свою продолжительную историю. Она длится уже почти столетие, и еще не видно ее окончания.

2

Наша классификация мнений всех писавших по этому вопросу значительно отличается от классификации, предлагаемой Н. С. Державиным.⁵

Исследователи, занимавшиеся вопросом о Трояне, разделены им на четыре направления: 1) мифологическое (Буслаев, Квашнин-Самарин, Барсов), 2) символическое (Полевой, Бодянский, Забелин, Потебня, Костомаров, Огоновский и др.), 3) историко-литературное (Вяземский, Вс. Миллер, А. Веселовский, Пыпин) и 4) историческое (Дринов, Максимович, Дашкевич и др.).

Это деление не основано на строгом *fundamentum divisionis*. Так, например, символическое направление характеризуется как видящее в Трояне «некий символ или метафорическую и метаморфическую замену других объектов» и стремящееся вскрыть их настоящее содержание. Однако представители этого направления видят в Трояне реальный продукт русской исторической действительности, отождествляя Трояна либо с тремя братьями князьями, либо со всем княжеским родом, либо, наконец, с Владимиром, названным святым. Это ведь, в сущности, чисто исторический подход к вопросу, и едва ли удобно скрывать настоящее содержание этих взглядов под мало говорящим термином-маской «символисты».

Так называемое мифологическое направление также не лишено исторического характера. Языческая мифология славянского народа, на которую ссылаются авторы этого направления, есть определенный исторический факт, являясь составной частью его древнейшей культуры. Трактую слово Троян как упоминание об языческом боге, они ссылаются на определен-

боты Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 57—92).

⁵ Н. С. Державин. 1) История Болгарии, т. I. М.—Л., 1945, стр. 206; 2) Троян в «Слове о полку Игореве». — Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, стр. 25—44.

ный исторический отрезок времени, именно на раннюю, дохристианскую историю всех славян.

С другой стороны, так называемое историческое направление не лишено мифологических элементов. Сторонники этого мнения говорят об «обожевлении», т. е. тоже о боге. Русские, по отражениям русской действительности в «Слове», сотворили себе кумира либо в лице римского императора Траяна (по одной версии), либо в лице собственных князей (по другой версии). Следовательно, налицо тоже мифология, самая доподлинная мифология, только приноровленная к другим отрезкам времени, к другим местам и к другим историческим явлениям.

Называя сторонников «раннеславянского» направления «мифологами», мы объективно, помимо воли, снабжаем их эпитетом, имеющим до известной степени оттенок неодобрения.

С другой стороны, называя «историками» только сторонников так называемого исторического направления, мы тем самым утверждаем косвенно, что «мифологи» не историки, хотя, без сомнения, они оперируют настоящей историей.

Наконец, мы не считаем удачным и четвертый термин — «историко-литературное» направление. Он говорит нам лишь о том, в какой научной области работают авторы этого направления, но вовсе не характеризует сущности их взглядов по вопросу о Трояне. По существу же они отрицают Трояна как реальный продукт русской исторической действительности. В упоминаниях о Трояне в «Слове» авторы этого направления видят: или «возбуждение византийских и южнославянских преданий, восходящих в далекую древность, в частности отражение Троянских сказаний» (Пыпин),⁶ или заимствование какого-нибудь средневекового сказания о Троянской войне и Троянах Азовского моря (А. Веселовский),⁷ или, наконец, просто «увлечение старыми словесами, найденными автором „Слова“ в старых болгарских книжках» (Вс. Миллер).⁸

Мы считаем, что к мнениям отрицательного характера, к мнениям о простом заимствовании, можно прийти только тогда, когда будут исчерпаны все попытки найти положительное содержание по интересующему нас вопросу. Налицо, так сказать, «научный пессимизм». Но ведь недаром же научная мысль все время настойчиво возвращается к этой теме. Настойчивость эта поддерживается идеей, что поиски не бесплодны и могут привести к результатам.

Вышеприведенные критические замечания подготовили почву для формулировки нашей классификации.

Основным ее делением должно быть деление на: 1) отрицательное (негативное) направление (Пыпин, А. Веселовский, Вс. Миллер и др.) и 2) положительное (позитивное) направление, верящее в то, что упоминания о Трояне имеют какой-то реальный смысл и его можно найти в исторической действительности.

В свою очередь это направление можно разделить на три течения в зависимости от того исторического периода времени, в котором они ищут разгадку выражений слова о Трояне. На основании отрезков времени, лежащих в основе интерпретации, можно наметить три исторических течения: 1) течение, связывающее Трояна с фактами римской истории,

⁶ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. 1. СПб., 1902, стр. 180.

⁷ А. Н. Веселовский в разборе книги Вс. Миллера о «Слове»: ЖМНП, 1877, август. См. также вполне убедительную критику его взгляда у Вс. Миллера: По поводу Трояна и Бояна «Слова о полку Игореве». — ЖМНП, 1878, декабрь, стр. 253—256.

⁸ Вс. Миллер. По поводу Трояна и Бояна. . . , стр. 239 и сл.

с римским императором Траяном, следовательно с II—III вв. н. э., 2) течение, рассматривающее Трояна как славянского языческого бога и, следовательно, оперирующее в своей интерпретации явлениями приблизительно VI—IX вв. н. э., и 3) течение, видящее в Трояне русских князей XI—XII вв. н. э.

Если бы мы хотели упростить эту схему и в то же время снабдить ее суммарной характеристикой по существу, то могли бы для краткости условно назвать эти течения так: 1) мнения о римском происхождении Трояна (А. Котляревский, Леже, Огоновский, Ягич, Дринов, Карамзин, Н. Державин, Максимович, М. Тихомиров), 2) мнения о раннеславянском его происхождении (Буслаев, Барсов, Ербен, Квашнин-Самарин, Д. Лихачев) и 3) мнения о русском происхождении (Костомаров, Забелин, Лонгинов).

Эта классификация построена на критерии исторического времени, но в то же время содержит и пространственные рамки явления. Первые две группы мнений имеют в виду, как увидим ниже, Дунай, хотя и в разное время, третья — территорию русских княжеств XI—XII вв.

Итак, в результате, у нас четыре направления, или течения. Схема их такова: I. Негативное направление; II. Позитивное направление, распадающееся на три течения: а) римское, б) раннеславянское и в) русское.

Эта классификация, помимо преимуществ по существу, имеет еще и то удобство, что в ее рамки вмещаются все авторы, писавшие о Трояне, тогда как при делении на «мифологов» и «историков» ряд авторов не вмещался в схему. Так, например, «историк» Н. С. Державин мог быть смело отнесен и к «мифологам», а «мифолог» О. Огоновский мог быть без всякого труда отнесен и к «историкам».

Такое смещение при классификации было неизбежным, так как по существу Троян «Слова», по мнению всех писавших о нем, был или богом, или обоготворенным человеком, но в конце концов во всех случаях божеством, в признании которого различие между так называемым мифологическим направлением и так называемым историческим совершенно стиралось.

В гамму голосов о Трояне включаю и я свой скромный голос. Полагаю, что исследователям «Слова» и всем интересующимся этим вопросом будет любопытно узнать и румынскую точку зрения, тем более что до сих пор в румынской исторической и фольклорной литературе не существует исследования, посвященного этому вопросу, хотя по многим другим вопросам румынской мифологии было написано достаточно.

По нашему мнению, как будет видно ниже, решение вопроса о Трояне следует искать в VI—VII вв. н. э. и ключом к нему должны послужить дако-славянские отношения этого времени на Дунае, равно как данные румынской филологии и лексики.

Мы не имеем в виду представить здесь последовательное изложение всех взглядов на этот вопрос или тем более их историю. Их обстоятельное изложение мы находим у Н. С. Державина, облегчившего задачу дальнейших исследований. Нет надобности повторяться. Мы затронем лишь несколько из высказанных ранее мнений разного направления и лишь в той мере, в какой это необходимо для выяснения нашей собственной точки зрения.

Еще в 1946 г. А. С. Орлов с сожалением констатировал, что пока вне Советского Союза «не оказалось беспристрастных научных работников» в деле изучения «Слова», прибавляя при этом, что «русским ученым при-

дется сработаться с зарубежными силами, чтобы путем взаимной помощи достигнуть объективной истины».⁹

Настоящая работа и представляет собой ответ на положение А. С. Орлова о научном сотрудничестве, являясь попыткой найти истину по крайней мере в одном секторе «Слова», в его выражениях о Трояне, а косвенно и вообще о «Слове».

3

Прежде чем перейти к изложению нашей точки зрения, мы хотели бы устранить одно недоразумение. Очень часто авторы, защищающие «римскую» точку зрения, ссылаются на Троянову топонимию и Троянов фольклор.

В самом деле, топонимия Трояна очень богата.¹⁰

В Болгарии Троянов путь («Трояновият път») соединяет Белград и Софию с Константинополем. На севере от Филиппополя имеются римские руины, называемые Трояновград. В горах одно из ущелий называется Трояновы Врата.¹¹

В сербо-кroatских областях также упоминается имя Трояна. В Румынии имеются топонимические названия и валы Трояна.¹² В уезде Вылчя (Vilcea) между Рымником-Вылчя и Окнеле Марь (Ocnele Mari), на расстоянии приблизительно километра от реки Олт, имеется местность, называемая Троян. У подшвы горы Козия (Cozia) в уезде Аржеш (Argeş), недалеко от монастыря Козия, находится широкая скала с площадкой, называемая «столом Трояна» (masa lui Troian). Вход реки Олта в Румынию через горное дефиле назывался в древности «воротами Трояна» (roarta lui Troian). В Трансильвании, около города Турда (Turda), имеется луг, называемый «пратуллуй Траян» (pratul lui Traian). Старое шоссе, проходящее в Олтении через Turnul Rosu (Турнул-рошу — красная башня, крепость), называется calea Traianului, или, как думает А. Philippide, calea Troianului. Это дорога, идущая вдоль старинного земляного вала.¹³ В одном румынском историческом документе 1814 г. указана местность Бозынчешть «у (реки) Троян».¹⁴ В Молдавской Советской Социалистической Республике на левом берегу реки Прута недалеко от устья имеется село, носящее название Троян.

Однако же обилие топонимических указаний может, самое большее, породить мысль о возможности римского происхождения этих названий, но простая возможность неубедительна. Тезис римского происхождения просто берется на веру. Откуда черпается уверенность, что эта топонимия связана именно с императором Траяном, а не, за небольшими исключениями, с языческим богом Трояном?

⁹ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 212.

¹⁰ Iuliu Zanne. Proverbele Romînilor, vol. VI. Bucureşti, 1900, стр. 408; A. Cihas. Dictionnaire d'étymologie daco-roumaine, vol. II. Elements slaves, magyars etc., 1879, стр. 423; vol. I, стр. 215; D. Onciul. Tradiția istorică în chestiunea originilor romîne. — Analele Academiei Romîne, Seria II, tomul XXIX, стр. 583; Louis Legier. Etudes de mythologie slave, III. Paris, 1895, стр. 7, 8, 9, 11, 13; А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 92—93.

¹¹ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 92.

¹² В исследовании Н. С. Державина «Троян в „Слове о полку Игореве“» (стр. 24) при передаче румынских названий, связанных с именем Трояна, вкрались досадные опечатки. Так, Троянов вал назван по-румынски valea Traianului, тогда как valea — «долина» и следовало сказать: valul lui Troian. Кроме того, в передаче румынских названий, связанных с именем Трояна, звук «о» в корне этого слова заменен звуком «а», например: Traian de západá вместо Troian de západá, cîmpul Traianului вместо cîmpul lui Troian и т. д. А соблюдение правильного написания очень важно для существа дела.

¹³ Al. Philippide. Originea Romînilor, vol. I. Iaşi, 1928, стр. 725.

¹⁴ Uricariul. (Собрание исторических документов), t. XVII. Iaşi, 1891, стр. 152.

Топонимия сама по себе еще не является доказательством. Она требует интерпретации, и есть основания сомневаться в том, что топонимия Трояна всегда обязана своим происхождением императору Траяну.

Следует иметь в виду, что названия, связанные с именем Трояна, имеются не только в Болгарии, Сербии, Румынии, но и в прежней России, в Польше и Чехии. Так, например, в прежней России имелись: Троян в Таврической губернии, Трояны, Троянка, Трояново в Херсонской губернии, Троя и Трояновка в Полтавской губернии, Трояновка в Вольнской губернии, Трояново в Орловской губернии и Трояновка в Калужской губернии. Отмечаем при этом, что все названия имеют в своем корне «о», а не «а». Имеется и несколько имен Троян в русских исторических актах.¹⁵

В Галиции в Днестровском бассейне имеется ручей Троян, в Моравии — Троянский ручей и Трояновице. В Чехии и Польше села носят название Троянов, Троянек, Трояны.¹⁶ В Польше существуют также Трояновице, Троянов.

Около Коростышева Киевской губернии есть Троянов луг, в местности Белой Церкви есть Троянов яр, в Смоленской губернии — село Трояны.¹⁷

Как видим, имеется целый ряд названий, к которым исторический император Траян не мог иметь никакого отношения.

Поэтому мы должны признать, что топонимия Трояна указывает только на крайнюю популярность этого имени, но отнюдь не доказывает, что в основе ее лежит именно имя императора Траяна.

Не является доказательным и фольклор с упоминанием о Траяне. То обстоятельство, что император Траян известен русскому фольклору и еще больше балканскому, ничего не доказывает. Естественно, что такая крупная историческая фигура, как император Траян, оставивший огромные следы своей деятельности в придунайской территории, не мог остаться чуждым балканскому и даже русскому фольклору.

В средние века, как на Западе, так и на Востоке, была чрезвычайно популярной повесть об Александре Македонском под названием «Александрия».¹⁸ Она считалась тогда занимательным чтением всех любителей истории и фантастического. В разных редакциях она обошла Европу. Однако никому не пришло бы на ум для решения какого-нибудь спорного вопроса ссылаться на «Александрию», отражающую популярность этого великого императора и полководца.

По аналогии можно утверждать, что популярность римского императора Траяна, отраженная в фольклоре, не дает права делать заключения по такому в высшей степени спорному вопросу, как Троян «Слова о полку Игореве». В данном случае с популярностью императора конкурирует другая популярность — популярность языческого бога.

Чтобы представить себе характер Троянова фольклора, возьмем одну из самых известных народных песен с упоминанием о Трояне — румынскую колядку под новый год под названием «Plugul».¹⁹

¹⁵ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве», т. I. М., 1887, стр. 377 и сл.; [Безавтора]. О переселении фракийских племен за Дунай и далее на север. — ВОИДР, кн. X, 1851, стр. 39—40.

¹⁶ L. Niederle. Slovanske starožitnosti. — Život Starých Slovanu, II, sv. I, 1916, стр. 125, 145 и сл.

¹⁷ П. М. Дашкевич. Славяно-русский Троян и римский император Траян. — Сб. «Serta Borysthenica» в честь заслуженного профессора Ю. А. Кулаковского. Киев, 1911, стр. 228.

¹⁸ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 148—155.

¹⁹ Vas. Alexandri. Poezii populare, publicate de G. Giuglea, ed. 2. București. [б. г.], стр. 339—343.

Содержание песни такое. Bădica Troian (bădica — народное обращение к старшему) садится на лошадь, едет осмотреть поле для посева, вскоре засеивает его пшеницей; льет дождь, на нивах Трояна появляются богатые всходы, и в результате бог дает Трояну прекрасный урожай.

Можно ли по рассказу заключить, кто вспоминается под именем Трояна? Разумеется, нет. Вместо этого имени, могло бы фигурировать любое другое. Если все же настаивать на знаменательности имени и верить, что в нем скрывается отзвук прежних времен, то кому более приличествуют полевые работы: императору-завоевателю или прежнему умиротворенному богу, дателю жизненных благ?! Второе, конечно, является гораздо более естественным.

4

Каким же богом был Троян, когда и как он появился?

В одной из своих ранних статей С. К. Шамбинаго относительно славянских языческих богов делает следующее замечание: «Так и остается неясным, каких богов русские подразумевали под именем Симарьгла, Мокоши, Переплута, Дыя и Трояна».²⁰ С тех пор, как писались эти строки, прошло почти полу столетие, но и донныне значение этих богов остается еще невыясненным. Правда, относительно богини Мокоши утверждается, что она была патроном прядения и стрижки овец.²¹ Трудно сказать, в какой степени это верно для всей территории огромного славянского мира.²²

Что касается Трояна, то мы видели выше, как много было написано по этому вопросу.

Возьмем несколько ответов, наиболее оригинальных и наиболее разработанных, и в первую очередь остановимся на мнении Н. С. Державина.²³

Автор полагает, что образ Трояна не только мифологический, не только литературный, не только исторический. Он «комплексный образ, сложившийся в длинном процессе развития мышления народа и является в такой же мере достоянием русских славян, как и южных славян, болгар и сербов». Процесс этот представляется в следующих этапах: 1) некое сверхъестественное существо, 2) полубог, 3) эпический герой и 4) отождествление с римским императором. Конечно, это лишь схема развития идеи, так как из самого изложения не все этапы превращений отчетливо видны. «Теогонической протоосновой» Трояна является, по мнению автора, не царь Троян с ослиными или козлиными ушами болгарских и сербских сказок, а некое божество. Troian имеет «двуосновный скрещенный термин» tro-tor, который мы находим в первичном виде в названии скандинавского бога грома и молнии Thor. По методу языковеда Н. Марра автор сводит этот tro-tor к tarhan, что означает «кузнец», «бог», «небо», и думает, что первоначальное божество было божеством подземного металлического царства.²⁴

Несмотря на эти мифологические предпосылки, Н. С. Державин заявляет себя определенным сторонником исторического направления в его

²⁰ С. К. Шамбинаго. Языческая религия русских славян. — Русская история в очерках и статьях, под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. 1. М. [б. г.], стр. 153.

²¹ Hanus Machal. Nakres slovanskeho bajeslovi. Praha, 1891, стр. 35 и сл.

²² По предположению (правда, голословному) Д. Иловайского, «Мокошь принадлежала, вероятно, к водным божествам» (Д. Иловайский. История России, часть 1. Киевский период. 1876, стр. 67). И. Забелин считал Мокошь лунным божеством, соответствовавшим Диане-Артемиде, в то же время указывал, что в народной памяти сохраняются еще представления о Мокоше как о пряже, работавшей по ночам, подобно тому как Диана у римлян была также доброй пряхой (И. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, часть II. М., 1879, стр. 296).

²³ Н. С. Державин. 1) Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 5—60; 2) История Болгарии, т. 1, стр. 206—210; 3) Славяне в древности. М.—Л., 1946, стр. 143—144.

²⁴ Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 33.

понимании этих слов.²⁵ Троян в «Слове» — подлинное историческое лицо и именно римский император Траян, а не какой-либо мифический или литературный образ, это образ славянский, свой, незаимствованный, «выросший в культурно-исторической обстановке славянского населения Киевско-Дунайской области».²⁶ «Между населением Симеоновской Болгарии и населением Киевской Руси, — пишет автор, — не было никакого разрыва, и река Дунай служила лишь политической границей, отделявшей Россию от Болгарии».²⁷

Как видим, налицо огромный территориальный охват, отграничение которого сделано в наших современных понятиях («политическая граница», «Россия»). В то время, как известно, границы были очень условным понятием, совпадая с пределами этнографического расселения (что можно было бы передать словами «мой границы там, где кончается мое население»).

В согласии с Ф. И. Буслаевым Н. С. Державин устанавливает сходство между Трояном и Всеславом Полоцким «Слова». «Оба они, — пишет автор, — обгоняли путь солнца, и как Троян вместе с пением петухов спешил к своей возлюбленной, чтобы убежать от солнца, так и Всеслав до кур, т. е. до петухов, успевал из Киева в Тмутаракан, волком перебегая путь великого солнца».²⁸

Тому, что это наследие является собственным, не заимствованным у южных славян, автор находит некоторое подтверждение в наличии у русских веры в оборотничество. В описании Скифии у Геродота говорится о неврах, которые считаются предшественниками белорусов, что они умели оборачиваться в различных животных.²⁹

Автор ближайшим предшественником Трояна считает царя Трояна-Мидаса и разделяет мысль Вс. Миллера о том, что в основе легенды о сказочном царе Трояне-Мидасе лежит «отложение старого наследия фригийско-фракийской культуры».³⁰

Такова в общих чертах сложная теория Н. С. Державина.

Не вполне последовательно со своим историческим тезисом об императоре Траяне автор отождествляет землю Трояна с Киевской Русью. Седьмой век он считает седьмым веком после падения римского владычества в «Киевско-Дунайской области». К седьмому веку после Траяна (умер в 117 г. н. э.) относится и образ Киевской державы. Слово «тропа» является, по мнению автора, видоизмененным заимствованием названия исторического монумента «Трораеум Трајани».³¹

Мы не можем согласиться с основными предпосылками взгляда Н. С. Державина. Прежде всего невозможно допустить, чтобы имя скандинавского бога было образцом для бога Трояна не только потому, что, как отмечает сам автор, функциональная роль бога совсем иная, чем роль Трояна, но и потому, что в VI в. н. э., когда мог появиться бог Троян,

²⁵ Там же, стр. 45.

²⁶ Н. С. Державин. История Болгарии, т. I, стр. 207.

²⁷ Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 13. Первый, кто высказал мысль о том, что бог Троян — обоготворение императора Траяна, был анонимный автор XVI в., полагавший, что все главные языческие боги — Перун, Хорс, Дый и Троян — появились в результате обожествления обыкновенных людей, «старейшин», проживавших: Перун у греков, Хорс на острове Кипре, Троян в Риме. Работа анонимного автора относится к так называемой обличительной литературе: надо было низвергнуть богов, утверждая, что это люди (Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1865, стр. 1004).

²⁸ Н. С. Державин. История Болгарии, т. I, стр. 210.

²⁹ Там же, стр. 210—211.

³⁰ Там же, стр. 208; Вс. Миллер. По поводу Трояна и Бояна..., стр. 240—247.

³¹ Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 44 и 46—49.

славяне обнаруживали стремление к югу, а не к северу. Все внимание и все их интересы в это время были сосредоточены на юге, на Балканском полуострове, на Дунае, чем, между прочим, и объясняется появление бога Трояна с юга.

Если бы протоосновой Трояна был скандинавский бог Тор, то прежде всего этого бога могли бы заимствовать балтийские славяне, как ближайшие к Скандинавии, а между тем среди многочисленных названий различных богов балтийских славян не имеется ни одного, которое бы хоть сколько-нибудь походило на имя Тора.³²

Троян не мог быть богом преисподней, богом металлического царства, как это будет видно из нашего дальнейшего изложения. Но он не является и богом сексуальной жизни, как утверждает автор в другой своей работе, где он говорит, что «в румынской обрядности вместо Ярилы или Германа выступает в аналогичной обстановке Калоян или Скалоян, а также Траян» (у автора значитсЯ Траян, а не Троян).³³

У румын не имеется решительно никаких следов, по которым можно было бы заключить, что Троян принадлежит к числу богов плодородия и сексуальной жизни, как это наблюдается в отношении Калояна и Скалояна.

Возможно, что такое мнение о Трояне навеяно статьей Вс. Миллера по поводу болгарских и сербских сказок о Трояне, толковавшего этого Трояна как лунное и фаллическое божество. Такая интерпретация — большая ошибка. Но об этом мы говорим подробнее ниже.

Мы считаем совершенно произвольным сопоставление Трояна с Все-славом Полоцким. Один боится солнца, чтобы не быть растопленным его лучами, другой боится его, чтобы оно не застигло его оборотнем. Разные положения и разные явления! Нигде не имеется никаких признаков, которые бы указывали на способность языческого бога Трояна оборачиваться. Троян не имеет никакого отношения к явлению оборотничества.

Наконец, является совершенно непонятным, почему, имея в своем распоряжении русское слово «тропа», надо было искать для «тропы» «Слова» совершенно искусственное объяснение в заимствовании латинского слова «Тгораеиш» (Traiani) — означающего трофей, колонну, сооруженную для прославления победы над даками.

Тоже к «римскому течению» принадлежал М. А. Максимович, отождествлявший Трояна с римским императором Траяном, землю Трояна с древней Дакией, века с веками от покорения Дакии, тропу Трояна с древней дорогой, пролежавшей через Малую Валахию от Дуная до Карпатских гор.³⁴

В таком же духе писал и М. С. Дринов в своем исследовании «Время появления славян». Он не сомневался, что Троян это император Траян, что тропа (видоизменяя это слово в т р а п а, что по-болгарски и по-боснийски имеет смысл ямы, рва) означает ров, вырытый вдоль Троянова вала, и что земля Трояна — земля, лежащая за этим рвом, т. е. Троянова Дакия.³⁵

Следует также упомянуть про попытку Л. Леже,³⁶ в согласии с В. Ягичем, установить римское происхождение Трояна. Леже посвятил отдельный

³² См. тщательно составленный очерк религии балтийских славян у А. Гильфердинга: Собрание сочинений, т. IV. История балтийских славян, СПб., 1874, стр. 150—226.

³³ Н. С. Д е р ж а в и н. Славяне в древности, стр. 143—144.

³⁴ М. А. М а к с и м о в и ч. О значении имени Троян, упоминаемом в «Слове о полку Игореве». — Собрание сочинений, т. II, Киев, 1877, стр. 426—433.

³⁵ М. С. Д р и н о в. Сочинения, т. I, София, 1909, стр. 221—223.

³⁶ Louis Legeг. Etudes de mythologie slave, III. Первый выпуск посвящен Перуну, второй — Свантовиту, третий — Трояну.

(третий) выпуск своей небольшой работы по славянской мифологии культу Трояна. В ней высказывается предположение, что бог Троян появился в результате обожествления императора Траяна. Проводится аналогия с обожествлением императора Августа. Как полагает автор, традиция почитания и обожания императора Траяна могла прийти в Россию от южных славян, именно из Болгарии, находившейся всегда в контакте с Румынией, а может быть, даже от самих румын.³⁷ По-видимому, эта мысль об обожествлении императора Траяна была внушена автору Ягичем, предложившим свое толкование пути обожествления: в южных странах имеется много руин, носящих имя Траяна. Согласно народным поверьям, в руинах живут демоны, в частности духи, скитающиеся ночью, чтобы творить всякое зло. Таким духом и был Троян. Страх перед ним вызвал поклонение, а с этим представлением соединилось воспоминание о римском царе Траяне. Леже считает интерпретацию Ягича «весьма правдоподобной».³⁸ Он все же прибавляет, что ни в русской мифологии, ни у балтийских славян аналогичного явления обожествления какого-нибудь исторического лица не наблюдается.³⁹

Предположение Ягича и Леже кажется нам слишком поверхностным, упрощенческим, примитивным. Трудно поверить, чтобы из страха перед руинами, которых и не так уж много было, могло появиться, вырасти и распространиться почитание бога Трояна, находящегося в почтенном антураже главных языческих богов. Тезис же Леже, как, впрочем, и некоторых других представителей мнения о римском происхождении Трояна, является совершенно необоснованным.

Вспоминается, как отнесся к попытке связать выражения «Слова» о Трояне с императором Траяном А. С. Пушкин, который в своих заметках относительно «Слова о полку Игореве» пишет, что можно ли без улыбки верить столь легкомысленному объяснению земли Трояна как земли императора Траяна, а тропа Трояна может ли быть Трояновым валом (в Бессарабии), раз ниже говорится о Доне? ⁴⁰ Историческое чутье, которым обладал великий русский писатель, не обманывало его. Действительно, все выражения «Слова» с упоминанием о Трояне не имеют отношения к императору Траяну.

5

Переходим к другому полюсу времени, к тем, кто отыскивал корни Трояна в русской истории. Среди них на первом месте следует поставить А. В. Лонгинова.⁴¹

В своей обширной статье он высказался против отождествления Трояна с императором Траяном. Он указывает, что не всегда упоминание в «Слове» о Дунае означает непременно Дунай. Когда говорится, что

³⁷ Louis Léger. Etudes de mythologie slave, III, стр. 7 и сл.

³⁸ Развитие этой мысли см. в работе: V. Jagič. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, I, стр. 99 (цит. по статье Н. С. Державина «Троян в „Слове о полку Игореве“», стр. 29); см. также: V. Jagič. Zur Slavischen Mythologie. — Archiv für slavische Philologie, XXXVII, 1920, стр. 492—511.

³⁹ Louis Léger. Etudes de mythologie slave, III, стр. 13, 14.

⁴⁰ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений под ред. М. А. Цявловского, т. IX, Изд. АН СССР, 1937, стр. 296—297.

⁴¹ А. В. Лонгинов. «Слово о полку Игореве». Источники и мифология «Слова». — Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXIX. Одесса, 1911. Эта статья, опубликованная позже его известной работы «Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г.» (Одесса, 1892), не была использована Н. С. Державиным в исследовании его о Трояне, цитированном выше. Впрочем, разница между этими двумя работами автора не очень велика.

девицы поют на Дунае, здесь под словом «Дунай» можно разуместь и Дон, как в летописи, например «ехали половци на Дунай» (Ипатьевская летопись, стр. 453); в народных песнях имя Дуная переносится на Дон и Днепр (ссылки на Рыбакова, I, стр. 463, и II, стр. 50 и 130). По удостоверению Йорнанда, туземцы называли Днепр Дунаем.⁴² Троян — мифической божество, связанное с понятием о благодатной власти, располагающей человеческой судьбой.⁴³

Имя Трояна автор производит от слова «три». Первообраз его кроется, по мнению автора, в: 1) триединстве божества, 2) в трехбратном роде у русских, так же как и у поляков, чехов, сербов и болгар (ссылка на Ербена, Забелина, Буслаева, Костомарова, Петрушевича), 3) в предании о трех рожденных в окрестностях Днепра сыновьях Девы-Дианы и Геркулеса, из коих младший прослыл Скифом, 4) в предании о трех варяжских князьях, 5) в предании о трех устроителях Киева и, наконец, 6) в сведениях о трех братьях князьях Ярославичах, внуках Владимира (св.): Изяслава в Киеве, Святослава в Чернигове и Всеволода в Переяславле.⁴⁴

По мнению А. В. Лонгинова, автор «Слова» увлекается византийским риторическим приемом окружать царей божественным ореолом и взирает на князей как на земных богов. Неудивительно, продолжает автор, что былевой эпос слил трех солнечных князей в триединое мифическое божество Трояна, сходное с божеством балтийских славян Триглавом.⁴⁵

Автор ставит вопрос: почему арабский географ Едризид на карте, начертанной и изданной Лелевелем в средневековом атласе по древнейшим Оксфордскому и Парижскому спискам, поместил между Доном («Русская река») и Днепром («Данаприс») выше половецкой земли («Кумания») Троя, из каких источников Михаил Литвин (XVI в.) извлек сведения о русской Трое и какое отношение имеет она к земле Трояновой? ⁴⁶ Автор не решает поставленного им вопроса, полагая, что решение его остается будущей задачей науки. По-видимому, он надеется, что оно будет в пользу защищаемой им точки зрения.

Несмотря на всю оригинальность попытки найти внутреннее, чисто русское, а не стороннее объяснение выражений о Трояне, с ней нельзя согласиться. Основной недостаток этого мнения заключается в узких временных границах обсуждения явления. Из того, что пишет автор, вытекает, что бог Троян, являясь персонификацией трех братьев, трех русских князей XII в., родился только в этом веке, не раньше. Такой подход к вопросу не может быть отстаиваем. Как увидим ниже, имеются все данные утверждать, что бог Троян намного старше указанного века.

В соответствии с концепцией автора разрешается и вопрос о седьмом Трояновом веке.⁴⁷ Счет идет не на века, а на годы, и именно от года первого нападения половцев на Русскую землю. Это случилось в 1061 г., т. е. на седьмом году от года смерти Ярослава I (1054 г.). В оправдание своей подмены понятия века годом автор считает век условным понятием, так как, по объяснению Иоанна Дамаскина, век означает «и жизнь человека, и тысячелетие, и всю настоящую жизнь, и всю будущую». В данном случае понятие века получает расширенный объем, становится «перспективным».

Такое расширение допускается и русским языком (в переносном смысле), и религиозными понятиями.

⁴² А. В. Лонгинов. «Слово...», стр. 72.

⁴³ А. В. Лонгинов. Историческое исследование..., стр. 108 и сл.

⁴⁴ А. В. Лонгинов. «Слово...», стр. 76.

⁴⁵ Там же, стр. 79 и 80.

⁴⁶ Там же, стр. 77.

⁴⁷ Там же, стр. 78.

Но ведь у автора произведен обратный процесс: сужение понятия до крайних пределов с подменой века годом. Вся условность и искусственность этого приема совершенно очевидны.

Что касается тропы, то автор разумеет под этим понятием «тропу, проторенную в ратях и ополчениях Трояном, т. е. тремя братьями Ярославичами». Чувствуя, по-видимому, шаткость конкретизации понятия о тропе и проявляя совершенную непоследовательность, автор дает и другое определение тропы. Он поднимается при этом до абстрактных высот мифологического обоснования. Мы читаем у него: «Земная Троянова тропа параллельна светлой стезе господней, следу небесного владыки (Иоанна, глава 8, Псалтырь, Ипатьевская летопись 479), вечному пути, вводящему в царство господя».⁴⁸

А. В. Лонгинов заимствовал у Н. Костомарова идею о трех братьях, у И. Забелина идею о трехбратном роде, у Н. Д. Квашнина-Самарина идею о Триглаве.

В общем, автор признает, что Троян — мифологическое божество. Но его попытка объяснить, как появилось почитание этого бога, как он родился, надо признать совершенно неудовлетворительной. Ставить происхождение этого бога в связь с числом «три» и с обожествлением трех князей, якобы соединенных в единое понятие, значит допускать явную натяжку.

Такую же натяжку находим мы и у И. Забелина, утверждающего, что под Трояном разумеется весь княжеский род,⁴⁹ у тех, подобно Н. Полевому, считал, что под именем Трояна надо предполагать князя Владимира Ярославича,⁵⁰ и, наконец, у А. С. Петрушевича, полагавшего, что под именем Трояна надо разуметь первого русского князя Рюрика.⁵¹

6

Перейдем к представителям раннеславянского мнения, среди которых первое место принадлежит Ф. Буслаеву.⁵² Он полагал, что Троян — мифологическое существо из той же породы стихийных существ, к которым относятся вилы, русалки, немецкие альфы, эльфы, светлые духи и подземные карлики — хранители золота и серебра, духи мрака, не терпящие лучей солнца.

Ф. И. Буслаеву же принадлежит и сопоставление Трояна с мифическим Трояном сербо-болгарского эпоса, тоже боящегося солнца, с Всеславом Полоцким, с Китоврасом и т. д.

Целый ряд авторов этого направления толкует имя Трояна как заимствование имени бога Триглава балтийских славян, бога Сатурна из Штеттина, известного по жизни Оттона Бамбергского.

Чешский ученый К. Erben⁵³ считает Трояна восточным Триглавом, являющимся олицетворением зимы, льда и снега, тающих под лучами солнца. Поэтому он сомневается, чтобы имя Трояна могло быть заимство-

⁴⁸ Там же, стр. 79.

⁴⁹ И. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, ч. I. Изд. 2, М., 1908, стр. 521 и сл.

⁵⁰ Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 34.

⁵¹ А. С. Петрушевич. «Слово о полку Игореве». Древнерусское эпическое стихотворение из конца XII столетия, отд. I. Львов, 1887 (цит. по изданию: Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве», т. II. М., 1887, Дополнение, стр. 11).

⁵² Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 385 и сл.

⁵³ К. I. Erben. O dvojici a trojici v bajeslovi slovanskem. Časopis Muzea království českého, sv. 2, 3, 1857, Praha, стр. 275 и сл.

вано от императора Траяна. Чехи имели сношения с балтийскими славянами и могли заимствовать их веру в бога Триглава.

Н. Д. Квашнин-Самарин⁵⁴ также был того мнения, что первоначально Троян означал Триглава. Он считался господином воздуха, воды и земли. Будучи царем ночи, он не любит лучей солнца и погибает от них.

Наконец, отождествление Трояна с Триглавом мы находим и у О. Огоновского⁵⁵ с тем, правда, различием, что он считал его первоначальным поверьем, которое впоследствии было перенесено на императора Траяна.

Относительно попыток отождествить Трояна с Триглавом можно сказать следующее. Троян — божество, почитание которого было очень распространено. Он известен был болгарам, сербам, чехам, полякам, русским и румынам. Легко допустить, что ввиду территориальной близости чехи, поляки и русские имели сношения с балтийскими славянами, но как могли заимствовать Триглава болгары, сербы и румыны? Объяснение должно было бы обнимать всю территорию, на которую распространялась его популярность.

Если имело место заимствование, почему вместе с верой в него не было заимствовано и самое имя?

Наконец, если допустить заимствование, как примирить с ним болгарские и сербские сказания о царе Трояне с ослиными и козлиными ушами?

Очевидно, что на юге Триглав не мог быть предметом заимствования.

Однако же имеется известный параллелизм в функциональной роли Триглава и Трояна. Раз у восточных славян существовали светлые боги, боги солнца, плодородия, веселья, любви, то, с другой стороны, должны были существовать и мрачные боги.

В пантеоне богов у восточных славян чувствуется отсутствие бога зимы, т. е. именно того бога, который у западных славян носил имя Триглава. В такой же роли выступал у западных славян и Поревит, имевший пять голов по числу зимних месяцев. Где же этот зимний бог восточных и южных славян? Вот это пустое место и занимал Троян. Случайно о нем не сохранилось следов в документах эпохи.

Нет ли каких-нибудь других следов, по которым можно было бы судить о функциональной роли этого бога?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо выяснить некоторые вопросы, связанные с временем и местом.

7

В первую очередь установим хронологические границы явления. Появление бога Трояна не могло состояться ранее появления славян на Дунае, т. е. ранее конца V и начала VI в. н. э., равно как не могло состояться и позже распространения христианства, т. е. приблизительно позже начала или середины IX в., в особенности позже принятия болгарским народом при царе Борисе (852 — 888) христианства по византийскому обряду. Хотя христианство распространялось на Балканском полуострове уже начиная со II в. н. э., а Константином Великим в Византийской империи было объявлено господствующей религией, все же массы населения на Дунае оставались при своей языческой вере. Только когда христианство стало религией большинства, появился настоящий языческо-христианский синкретизм и процесс изживания в населении языческих религиозных представлений растянулся на века.

⁵⁴ См.: Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 26.

⁵⁵ О. Огоновский. «Слово о полку Игореве». Львів, 1876.

Балканский полуостров с его пестрым населением, среди которого были и славяне, с половины VI в. получил определенную этническую окраску. Фракийское население оказалось в меньшинстве, так как в это время, по выражению Нидерле, Балканы «были «оккупированы славянами»».⁵⁶

В последней четверти VI в. последовало массовое вторжение славян на полуостров. Они оккупировали Фракию, Македонию и Фессалию.⁵⁷ А немного позже, «к середине VII века, — пишет П. Н. Третьяков, — славянский этнический элемент превратился в господствующую силу и вскоре поглотил старое, фракийское и иллирийское, население, соперничавшее с греческим элементом на юге и в приморских частях полуострова. К этому же времени относится и выражение Константина Багрянородного, что вся провинция ославянилась и сделалась варварской».⁵⁸

В условиях подавляющего господства славян должно было развиваться славяно-дакское сожительство на Дунае. Тогда же складывался этнический состав южного славянства.

Вот именно в это время и появился интересующий нас бог Троян. Как известно, имя его дошло до нас в форме Троян, а не Траян, т. е. в той форме, в какой знают его румыны. Как появилось оно? Для разрешения вопроса приходят нам на помощь данные румынской филологии.

Если бы румыны заимствовали имя Траян непосредственно из латинского языка, то, по утверждению известного румынского филолога Al. Philippide, это заимствование должно было бы дать звуки trädzi'n—träzi'n, в русском написании «трэдзын»—«трэзын», а не «Траян» или «Троян», как это имеется в настоящее время. По мнению упомянутого ученого, слово troianul проникло в румынский язык намного раньше аффрикатизации согласного звука i. Поэтому и название «calea traianului» есть позднейшее изменение древнего выражения «calea troianului» (путь Трояна).⁵⁹ Славяне же, заимствуя в то время имя императора Траяна из латинского языка, должны были воспринять его в форме Troian, т. е. «Тройан», иначе говоря, первое слышимое «а», будучи кратким и неударным, должно было бы перейти в «о».

Если бы славяне в то время заимствовали имя императора от румын, то они должны были бы заимствовать его в форме «Трэзын», а не в форме «Траян» или «Троян». И напротив, если бы румыны заимствовали это имя у славян, то они должны были бы заимствовать его в форме Troian.

В румынском языке имеются глаголы a troieni, a întroieni — «заносить снегом», отглагольное существительное o întroienire — «снежный занос», причастие, ставшее прилагательным, întroienit — «занесенный снегом», существительное troian с основным значением «куча снега». В румынском языке не имеется ни одного глагола и ни одного существительного, которые были бы производными от traian. Это явное доказательство того, что не балканские славяне заимствовали у румын имя Траян, а, напротив, румыны заимствовали его у них. Точной даты заимствования, конечно, нельзя установить. Вероятнее всего, оно имело место в VI в. н. э., т. е. при господстве славян.

Опосредствованное заимствование слова Troian, на которое указал A. Philippide, пользуется признанием и у современных румынских лингвистов. Так, Al. Rosetti утверждает, что славянский язык левого берега Дуная в отношении некоторых латинских слов является посредником

⁵⁶ L. Niederle. L'antiquités slaves, I. Paris, 1923, стр. 60.

⁵⁷ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2. М., 1958, стр. 191.

⁵⁸ Там же, стр. 195.

⁵⁹ Al. Philippide. Originea Romînilor, vol. I, стр. 725.

между латинским и румынским языком. Такие румынские слова, как Crăciun (рождество), colinda (коляда), Rusalii (весенний праздник) и troian, не являются прямыми заимствованиями из латинского языка соответствующих слов creatio, calendae, Rosalia и Traianus, а воспроизводят характерные черты слов древнего южнославянского языка: krahun, kolenda, rusalii, Troian. Некоторые исследователи называют этот старославянский язык берегов Дуная «дако-славянским» языком (Bernstein, E. Petrovici).⁶⁰

Следовательно, тезис французского автора Л. Леже должен быть изменен в том смысле, что, с одной стороны, традиция почитания императора Траяна не могла начаться у даков, предков нынешних румын, а с другой стороны, не может быть речи об обожествлении его, а только о заимствовании имени.

Хотя мы не имеем никаких исторических данных для дако-румын VI—VII вв. н. э., но сохранился как исторический пережиток давних времен термин «gimī» (румын), означающий человека, говорящего на латинском языке (римлян), и в то же время подневольного, крепостного человека. По традиции с тех пор в русском языке сохраняются названия «румын» и «Румыния», хотя румыны называют себя «ромынами» (romīni), а свою страну — «Ромыния» (Romīnia). Славяне находились тогда на положении владык, а румыны в своей массе — в положении полузависимых людей. Естественно, что заимствование и подражание должны были идти от высшего социального слоя к низшему, а не наоборот. Именно таким путем и мог получиться от имени императора Траяна румынско-славянский языческий бог в славянской языковой форме Троян.

Очень возможно, что почва для этого была подготовлена всем предшествующим развитием культуры на Балканском полуострове, в том числе и болгарскими и сербскими сказками о царе Трояне с ослиными или козлиными ушами, как предполагал Ф. И. Буслаев и допускает Н. С. Державин, и что настоящим фундаментом для этих сказок в конечном счете были фригийские сказания, как полагал Вс. Миллер.⁶¹

Однако здесь необходимо несколько остановиться, чтобы показать, что является приемлемым и что неприемлемым в предположениях Вс. Миллера.

Согласно сербской сказке, прирученной к развалинам города Трояна на горе Цере, царь Троян с козьими ушами ездил ночью в Срем к своей возлюбленной и возвращался поутру до восхода солнца из боязни быть растопленным им. Когда кони успевали съесть корм, а петухи начинали петь, он отправлялся домой. Однажды муж или брат любовницы вырвал петухам языки, а коням дал песок вместо овса. Из-за этого царь Троян замешкался и на обратном пути был растоплен солнцем (сказка фигурирует в словаре Вука Караджича).

Вс. Миллер возводил эту сказку к фригийским преданиям о царе Мидасе с ослиными ушами.

И так как луна олицетворялась с ослом, а осел в мифологических сказаниях получил фаллический характер, то автор вывел отсюда заключение, что и Троян, заступивший место Мидаса, — лунное и фаллическое божество. «Фригийский царь Мидас, — пишет Вс. Миллер, — получил у южных славян, поселившихся в той местности, где ходили о нем сказания, имя царя Трояна... Работа народной фантазии в создании некоторых песен о Трояне ограничивалась лишь тем, что приурочила черты Мидаса к историческому имени императора Траяна».⁶²

⁶⁰ Al. Rosetti. Influența limbilor slave meridionale asupra limbii române (sec. VI—XII). București, 1953, стр. 25; по первому изданию этой работы (1950) — стр. 32—33.

⁶¹ Вс. Миллер. По поводу Трояна и Бояна. . . , стр. 240—248.

⁶² Там же, стр. 247. (Разрядка наша, — А. Б.).

Откуда такая уверенность в простом копировании фригийских преданий? Ее не только нет, но, напротив, существуют все основания предполагать, что заимствование коснулось только изображения Мидаса, а не мифологической подоплеки преданий, как это не раз случалось в истории народных литературных заимствований.

Поездки царя Трояна к своей возлюбленной не могут служить доказательством его особых сексуальных свойств, а что касается ушей, то их скрытый мифический смысл в славянских сказках утратился.

В Румынии Троян является очищенным от всяких лунных и фаллических свойств. Можно ли считать это результатом творчества именно румынской народной фантазии? Конечно, нет. Языческая мифология на Дунае сложилась как коллективное дако-славянское творчество, и раз румынский Троян лишен лунных и фаллических свойств, мы должны заключить, что и славяне на Дунае тоже не чтили Трояна как лунное и фаллическое божество.

Следовательно, необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что дако-славянский бог Троян не обладал лунными и фаллическими свойствами царя Мидаса. В этом между ними коренное различие. Произошла не только перемена имени, но и перемена роли.

Заимствованию имени завоевателя Траяна гораздо более подходила бы роль сурового, зимнего бога, чем роль лунного божества.

Эта перемена имени и роли произошла в условиях глубокого взаимного дако-славянского культурного «симбиоза», смещения культуры, в условиях заимствования из других культур лишь подходящих элементов.

Процесс становления бога Трояна растянулся во времени, причем фазы эволюции и трансформации могут быть сейчас намечены только в общих чертах, в виде абстрактной схемы.

Путь этот, насколько позволяют нам судить об этом наши нынешние исторические познания, должен был быть следующим:

1. Заимствование балканскими славянами имени императора Траяна для приспособления его к фригийско-фракийским сказаниям о царе Мидасе, бытующим на Балканском полуострове, с переменной имени одного царя на имя другого «царя», которого здесь хорошо знали, и с коренной переменной роли Мидаса: метаморфоза царя в мифологическое существо (сербские и болгарские сказки).

2. Превращение идеи мифического существа в идею бога и распространение его почитания в общей массе славян и даков.

Указанный выше путь исключает идею обоготворения императора Траяна, как полагал Л. Леже и многие другие. Интересно, что идея дивинизации, по-видимому, не вполне удовлетворяла Леже, так как в более поздней своей работе он смягчил свое категорическое утверждение. Он пишет: «Троян paraît une reminiscence danubienne de l'empereur Trajan», т. е. «Троян кажется дунайской реминисценцией императора Траяна».⁶³ Это уже ближе к истине, так как означает, что было заимствовано только имя, за которым не скрывался никакой конкретный исторический смысл, не скрывались психо-физические черты императора Траяна, его личность.

В румынском фольклоре мы не встречаем идеи обоготворения римского императора. Для этого у даков и не было оснований. Государство их было разрушено Траяном. Вождь даков Децебал покончил самоубийством. Голову его принесли Траяну. Даки попали в подчинение Риму

⁶³ L. Leger Les anciennes civilisations slaves. Paris, 1921, стр. 82.

Когда же на полуострове восторжествовали славяне, уже прошло много времени, сохранилась только слава завоевателя, а страх перед ним давно отошел в прошлое.

8

В румынской исторической и фольклорной литературе имеются только представители мнений о римском происхождении Трояна. Это мнение является как бы *communis opinio* как среди толкователей фольклора, так и среди переводчиков «Слова». Вообще же для характеристики положения этого вопроса в Румынии можем отметить, что вопрос о Трояне совершенно неразработан.

Имеются два румынских перевода «Слова о полку Игоре»: первый в прозе, сделан А. Пападопол-Калимахом и опубликован Румынской Академией наук в 1885 г.,⁶⁴ второй в белых стихах, сделан М. Бенюком в 1953 г. и опубликован в издании «*Cartea Rusă*» (Русская книга).⁶⁵ Эти переводы несоизмеримы. Первый изобилует неточностями и устаревшими выражениями, второй является результатом предварительного добросовестного изучения «Слова» и в общем правильно передает линию рассказа.⁶⁶

Нас интересует в первую очередь перевод того пассажа, в котором говорится о «Деве» и «земле Трояна».

В первой попытке передать содержание этого места смысл его искажен тем, что после выражения «*țara lui Traian*» (земля Траяна) вставлено слово «*aroi*», что значит «потом».⁶⁷ И, следовательно, соответствующий текст при обратном переводе надо было бы читать так: «вступила девою на землю Трояню, потом всплеснула лебедиными крылы». Откуда взялось это «потом»? А. Пападопол-Калимах не сомневался, что под именем Троян подразумевается император Траян. В двух местах он ставит знак равенства между землей Трояна и Дакией.⁶⁸ Чувствуя географическое несоответствие между Дакией и Доном, он легко выходит из затруднения, вставляя слово «потом».

Второй переводчик также считает, что в выражениях «Слова» о Трояне имеется в виду император Траян и под землей Трояна разумеется Дакия. В отдельных примечаниях, приложенных к тексту перевода, говорится, что выражения «тропа Трояна» и «земля Трояна» «имеют географическо-исторический характер, из которых первое намекает на дорогу или римский вал (насыпь) от Дуная и Днестра до Днестра, а второе — на древнюю территорию Дакии, завоеванную императором Траяном, и в особенности на область, занятую тогда куманами».⁶⁹

Переводчик воспользовался тем, что нашел у А. С. Орлова в его издании «Слова». Но это явно недостаточно. В бассейне Днестра много ва-

⁶⁴ Al. Papadopol-Calimach. Cuvînt despre expediția lui Igor — Sveatoslavici contra polovților. București, 1885.

⁶⁵ Mihai Beniuc. Cîntec despre oastea lui Igor, traducere cu introducere și comentarii. București, 1953.

⁶⁶ М. Бенюк в своем переводе все время называет Дажьбога Дажьбогом. Второе из этих названий упоминается в «Слове» только один раз. Как объясняет Якубинский в «Истории древнерусского языка» (М., 1953, стр. 323), «звук „ж“ в этом названии происходит из „г“, и никаких оснований для написания „жд“ здесь нет». Нет для этого основания и с точки зрения румынского языка, если считаться с тем, что русское «ж» — мягкий звук, а добавление звука «д» ведет к устранению этой мягкости.

⁶⁷ Al. Papadopol-Calimach. Cuvînt despre expediția lui Igor, стр. 159.

⁶⁸ Там же, стр. 142 и 159.

⁶⁹ Mihai Beniuc. Cîntec despre oastea lui Igor, стр. 54.

лов. Это так называемые Змиевы валы, еще называемые Трояновыми, но сооруженные после императора Траяна.⁷⁰

В северной части б. Подольской губернии и Галиции также имеется Троянов вал, но кем он был насыпан — неизвестно, и можно только об этом гадать.

В Бессарабии, между Прутом и Днестром, находятся два вала, называемые Трояновыми, относительно происхождения которых имеются различные предположения, но одно несомненно, что они сооружены не императором Траяном.

Наконец, в Румынии имеется несколько валов. Один, называемый Трояновым, а также *Brazda lui Novac*, начинается в 15 км к юго-востоку от *Turnu-Severin*, тянется под холмами Олтении и Мунтении и кончается у Брэилы. По-видимому, этот вал сделан в IV в. н. э. Константином Великим для обозначения северной границы своих владений.⁷¹ Другой вал, называемый *Troianul*, сооружен приблизительно в правление Септимия Севера (192—211 гг. н. э.), следовательно, не Траяном.⁷² В Добрудже три ряда валов построены одновременно римлянами в течение V в.⁷³

Как могло возникнуть одинаковое название валов (Троянов) в совершенно разных местах и откуда могло взяться обилие названий разных местностей с корнем «Троян» в России, Польше, Чехии, Румынии, Болгарии и Сербии, мы показываем дальше.

В соответствии со своей концепцией М. Бенюк объясняет и остальные выражения «Слова»: век Трояна имеет связь с войнами Траяна (101—102 и 105—107 гг. н. э.), под седьмым веком имеется в виду одиннадцатый, и упоминание о седьмом является ошибкой поэта. Как известно, такое предположение (ни на чем не основанное) ведет свое происхождение еще от Н. М. Карамзина.

В конце своего толкования переводчик все же прибавляет: «По новейшим комментариям имя Трояна означает одно из старославянских божеств» (дань добросовестности автора, сторонника римской концепции).

Наконец, чтобы покончить с переводами, сделаем еще одно замечание. «Тропу Трояна» А. Пападопол-Калимах, давая волю полету своей фантазии, толкует как «дорогу через Балканы, через Карпаты, через долины Днестра и Дона».⁷⁴

Не следует удивляться тому, что оба переводчика оказались в плену устаревшей концепции. С одной стороны, они повторяли, что читали у некоторых русских и нерусских авторов (Карамзин, Венелин, Иречек и др.) без критической проверки, с другой стороны, оставались верными старой румынской, траяновской традиции. Эту традицию можно формулировать так: «Раз румыны происходят от даков, которых латинизировал император Траян, завоевав их страну, и раз романизованная Дакия

⁷⁰ А. В. Лонгинов, ссылаясь на В. Б. Антоновича, полагает, что они сооружены князем Владимиром (св.) для защиты от кочевников (А. В. Лонгинов. «Слово...», стр. 76), а Н. П. Барсов предполагает, что вал, тянувшийся от Екатеринополя до Буга, был насыпан Болоховцами (Н. П. Барсов. Русская историческая география. Варшава, 1885, стр. 299), т. е. в XII—XIII вв.

⁷¹ D. Tudor. Constantin cel Mare și recucerirea Daciei traiane... — *Revista istorică română*, vol. XI—XII, 1941—1942, стр. 143.

⁷² Там же, стр. 145.

⁷³ R. Vulpe. Valurile romane din Dobrogea. — *Studii și cercetări istorice*, vol. XVIII. Iași, 1943, стр. 87—89.

⁷⁴ Al. Papadopol-Calimach. Cuvînt despre expediția lui Igor... , стр. 153, примечание.

превратилась с течением времени в Румынию, то всякое упоминание о Трояне или Траяне должно означать реминисценцию старых времен и императора Траяна».

Поэтому для нас должно стать понятным, почему авторы румыны, изучавшие древнюю румынскую мифологию, невольно поддавались искушению связывать все следы языческого бога Трояна с именем хорошо известного им императора Траяна.

9

Хотя траяновская традиция нашла свое отражение уже у румынских летописцев Григория Уреке и Мирона Костина в XVII в.,⁷⁵ некоторые приводимые ниже данные из области румынской литературы по интерпретации фольклора покажут нам, что главным образом фольклористам, как это ни странно, мы обязаны проведением и утверждением знака равенства между Трояном и императором Траяном.

В 1885 г. в Румынской Академии наук известный румынский писатель и ученый Богдан Петричейку Хасдеу (Bogdan Petriceicu Hasdeu) предложил Академии провести среди крестьянского населения опрос для установления реального круга народных поверий. В вопроснике под № 140 значилось: «Как называется беловатая полоса ночного неба (Млечный Путь), которую некоторые называют путь Трояна, и что рассказывается об этом?» Это предложение осталось тогда без результата, но в начале нашего века частные лица собрали кое-какой материал и несколько авторов опубликовали свои работы с интерпретацией материала, как например Tudor Pamfilie, I. Otescu, Aurel Cosma, Iuliu Zanne и др.⁷⁶

На вопрос о Трояне и пути Трояна давались разнообразные ответы. По большей части авторы, находившиеся под влиянием собственных исторических концепций (в стиле упомянутой нами выше традиции), ответам из крестьянской среды давали толкование в смысле связи с именем императора Траяна. В этой своей интерпретации некоторые доходили до слащаво-сентиментальных утверждений. I. Otescu, например, писал, что «римские легионеры христиане, оставшиеся в Дакии, любили Траяна как отца, чем и объясняются легенды о Траяне». Очень часто, ссылаясь на своих корреспондентов, они при слове «Троян» добавляют «или Траян» (sau Traian).⁷⁷ Следовательно, все ссылки на Траяна имеют более или менее привнесенный, авторский характер.

⁷⁵ M. Kogălniceanu. Cronicele Romînilor, vol. I, 1872, стр. 131 и 21.

⁷⁶ Tudor Pamfilie. 1) Cerul si podoabele lui după credințele poporului român. București, 1915; 2) Mitologie romîneasă. Dușmani și prieteni ai omului. București, 1916; 3) Văzduhul după credințele poporului român. București, 1916; I. Otescu. Credințele țaranului român despre cer si stele. București, 1907; Aurel Cosma. 1) Mythologie roumaine. Bucarest, 1942; 2) Cosmogonia poporului român. București, 1942; 3) Lumea spiritelor. Din credințele poporului român. București, 1943; Iuliu Zanne. Proverbele Romînilor, vol. VII. București, 1901; D. Teodorescu. Incercări critice asupra unor credințe, datine si moravuri ale poporului român. București, 1874; Marienescu. Cultul pagin si creștin. 1884; A. Gorovei. 1) Zmei si zîne. București, 1909, 2) Credințe si superstiții ale poporului român. București, 1915; Densușianu. Tradiții si legende populare. București, 1910; Rădulescu-Codrin. Legende, tradiții si amintiri istorice, adunate din Oltenia. București, 1910; L. Șăineanu. Basmele romîne în comparație cu legendele antice istorice si în legătură cu basmele popoarelor învecinate. Studiu comparativ. București, 1895; Beza Marcu. Paganism in Roumanian Folklore. London, 1928.

⁷⁷ Например: I. Otescu. Credințele țaranului român despre cer si stele, стр. 48—49.

Но вместе с тем ни в одном из крестьянских ответов Троян не назван богом или хотя бы демоном, бесом. Отсюда следует, что сохранилось слово, но утрачена сущность явления. Смысл его испарился из народного сознания. И это в то время, когда другие божества, например Ладо, Мано, Лель, сохранились в народной памяти,⁷⁸ а Лель перешел даже в обиходный язык: в обращении к старшей сестре или к старшей по возрасту женщине употребляется выражение «lele», а «copil de lele» означает «внебрачный ребенок».

Конечно, не исключена возможность, что и некоторые крестьяне, зная из начальной школы об императоре Траяне, ставили название Млечного Пути (о чем ниже) в связь с императором Траяном. Все же всегда на первом месте во всех ответах неизменно стоит «Троян», а не «Траян».

К сожалению, писавшие по этому вопросу не опубликовали самых материалов в том сыром виде, в каком они приходили из крестьянской среды, а представили их только в своем толковании, чем, конечно, значительно умалили ценность произведенной ими работы. Насколько сильна модернизация и, да позволено будет сказать, субъективация материала, видно на примере истолкования Млечного Пути.

В этом отношении очень характерен I. Otescu, чья работа о крестьянских поверьях, связанных с небом и звездами, была напечатана Румынской Академией в 1907 г.

Мы читаем у него, что Млечный Путь называется вообще «Troian» или «Troianul cerului» (Троян неба), «Troianul ceresc» (Небесный Троян).⁷⁹ При этом он объясняет, что не идет речь о снежном сугробе, но что название объясняется белой Млечного Пути, напоминающей снег. «Народ ведь называет „troian“ом не только снежные сугробы, но «и все старые пути, а также древние валы».⁸⁰

После такого разъяснения можно было бы ждать, что Млечный Путь будет назван, согласно крестьянским показаниям, «Трояновой дорогой» или «Трояновым путем». Вместо этого мы находим у автора «дорога императора Траяна (drumul lui Traian), или дорога рабов». Следует объяснить, связывающее эти понятия: в древности население было уведено в рабство в страну на западе и юге; когда оно освободилось от рабства, бог указал им на небе путь для возвращения в отечество. Автор заключает при этом: раз говорится о юго-западе, значит речь идет о Риме и об императоре Траяне!

После этих объяснений, стоящих на первом месте и так или иначе связанных с императором Траяном, автор переходит к другим толкованиям, но прибавляет, что, по его мнению, они были придуманы позднее, а именно: 1) Млечный Путь указывает, по какому пути может идти освобождение рабов, 2) с помощью Млечного Пути рабы могли быть уведены очень далеко, 3) по этому пути войдут в небесное царство все те, кто был рабом на земле, 4) этот путь исчезнет, когда исчезнет на земле рабство, 5) Млечный Путь является путем всех людей, рабов божьих, идущих на страшный суд, 6) по этому пути идут души покойников в рай.

Интересно, что другой автор — I. Zanne — дает несколько иное объяснение дороге рабов (drumul robilor).⁸¹ Эта дорога была указана богом

⁷⁸ Gaster. *Crestomația română*, vol. II. 1911, Glosar, слово «lelea» и стр. 50—53. У него значится следующее: «Lelea numele zeității slavone și române, de aci vine si lele si lelița». В переводе: «Леля — имя славянского и румынского божества, отсюда происходят слова „lele“ и „lelița“». В колядах рефрены *ler doamne* производны от богини Lelea, а по-русски Лель.

⁷⁹ I. Otescu. *Credințele țaranului român despre cer si stele*, стр. 48—49.

⁸⁰ Там же, стр. 50.

⁸¹ Iuliu Zanne. *Proverbele Romînilor*, vol. VI. București, 1900, стр. 567, № 10628.

для тех, кто освобождался от рабства язычников, в том числе для молдован, освобождавшихся от татар; следовательно, речь идет о востоке, а не о юго-западе (и не о Риме)!

Наконец, третий автор — Tudor Pamfilie, — тоже достаточно сильно проникнутый траяновой традицией, дает следующие наименования Млечного Пути: дорога рабов, путь Трояна или Траяна, Млечный Путь, дорога слепых, уворованная цыганом солома, путь хромых, светлый пояс неба.⁸² Этот путь имеет своим назначением указать дорогу домой тем, кто был уведен в рабство татарами или некими чудовищами, называемыми Sărcini или Sărcăuni (с песьими головами). Некоторые думают, прибавляет автор, что речь идет о рабах, взятых Траяном. Следовательно, как и у предыдущего автора, здесь говорится о востоке (а не о юго-западе) или не дается локализации совсем.

Вот три мнения, каждое со своими особенностями и оттенками, отражающими мотив освобождения от рабства и скрытую надежду, что только бог может развязать земные узы угнетения. В то же время в этих названиях отражаются и те несчастья, которым подвергался народ во время вражеских нашествий.

Несомненно, что основными названиями Млечного Пути являются два: «путь Трояна» и «небесный Троян».

Нужно думать, что все остальные названия, не связанные с упоминаниями о Трояне, являются позднейшими, последующими наслоениями на первоначальном фоне «пути Трояна», являются, так сказать, христианизацией первоначально языческого наименования. Они выдают тенденцию осмыслить название Млечного Пути в историческом плане, в исторически известных понятиях, тогда как настоящий смысл выражения, его древнейший религиозный смысл ко времени производства опроса населения уже был утрачен.

Названия «путь Трояна», «небесный Троян» идут из глубины веков.

К пониманию их надо найти ключ, который дал бы возможность выяснить историческую роль бога Трояна, его роль в жизни ранних славян и даков. Об этой роли можно будет судить по смыслу сохранившихся в румынском языке слов, производных от корня «Troian».⁸³

10

В румынском языке переходные глаголы a troieni и a întroiени означают «заносить», «покрывать снегом», «образовывать, нагромождать кучи снега». В переносном смысле эти глаголы означают: 1) «наносить кучи чего-нибудь», «заносить», «нагромождать», «покрывать», «заволакивать» и 2) «белить», «делать белым, седым». Примеры для первого смысла: troieni-va teiul floarea-i peste noi (Еминеску) — «липа занесет нас множеством своих цветов»; pe drumеţ l-a troienit uitarea (Топырчяну) — «прохожий был забыг (покрыт забвением)»; gînduri troienite (Кожбук) — «покрытые забвением».

⁸² Tudor Pamfilie Cerul si podoabele lui după credințele poporului romîn, стр. 188.

⁸³ Ниже даем объяснение этих слов по а) тексту, подготовленному для «Словаря современного румынского языка» (Dicționarul limbii romîne contemporane), издаваемого Академией наук Румынской Народной Республики (выпущены в 1955 и 1956 гг. первые два тома из намеченных четырех); б) по проекту текста, приготовленному Академией до напечатания упомянутого выше Словаря и неопубликованному; в) по словарю Академии наук 1940 г. (Dicționarul limbii romîne, т. I, partea I, si II); г) по известному словарю Т. А. Candrea: Dicționar enciclopedic ilustrat; д) по словарю L. Şăineanu: Dicționar universal al limbii romine, изд. 5, 1925 («Scrisul romînesc»).

мысли». Для второго смысла: *necazurile troienesc si îmbărnesc fără de vreme* — «огорчения убеляют нас сединой и преждевременно старят». В своей возвратной форме упомянутые глаголы означают «быть занесенным снегом», «иммобилизованным среди снежных заносов». Любопытно, что румынские писатели, употреблявшие в своих произведениях эти глаголы, часто связывали их с понятиями о тропинках и улицах. Так, например, Еминеску пишет: «*viscolul troienind cărările*» — «вьюга заносила тропинки»; Камилл Петреску пишет: «*Viscolul troenise străzile*» — «вьюга заносила улицы». В этом, конечно, нет ничего удивительного: снегопад логически связан с уничтожением дорог.

Перейдем к существительному *troian* (мн. ч. *troiene*), с определенным артиклем *troianul* (мн. ч. *troienele*) среднего рода. Это слово означает: 1) земляной вал, сделанный в виде насыпи древними народами в целях защиты (народ привык называть его *троиановым*); 2) большое количество снега, сугроб; 3) (переносный смысл) любая громада чего-нибудь, гряда, куча; 4) (в Банате) улица, дорога, путь; 5) Млечный путь называется *Троян*, *Троян неба*, *небесный Троян*; другие его названия: *дорога рабов*, *дорога слепых*, *дорога хромых*, *дорога цыгана*, *цыганская солома*, *молочный путь*, *светлый пояс неба*; 6) (в Олтении) тропинка между стогами сена; 7) следы, оставляемые колесами повозки, лошадиными копытами на проезжей дороге или санями на снегу (*санний путь*); 8) дорожка, протоптанная дикими животными; 9) длинный след, оставляемый потоками воды после половодья; 10) украшение на полотне в виде змеевидной линии; 11) (в Трансильвании) луг, пастбище (а по немецко-румынскому словарю *Vârseanu* — *weite Wiese*, т. е. «широкий луг»); 12) масса в движении, например *troiene de poroare în istorie* — «масса народов в историческом процессе». Слово *troian* употребляется и для выражения обстоятельства образа действия, например *zăpada a crescut troian* — «снег вырос в огромную кучу».

Как уже было сказано выше, от упомянутых глаголов имеются отглагольные существительные и причастия, получившие значение прилагательных.

Приступая к разбору этого материала, прежде всего отметим, что семантически все приведенные выше слова имеют теснейшую связь со снегом. Поэтому смысл, фигурирующий на первом месте, фактически является переносным. Любопытно, что для обозначения большого количества снега румынами заимствовано у славян и слово *lavina*, означающее «лавина», «снежный обвал», «занос», «завал».

Особое внимание привлекает к себе пятый смысл, где Млечный Путь назван *Трояном*. Повторим то, что сказано было об этом выше: основной, древнейший смысл связан с именем *Трояна*, остальные же названия являются позднейшими легендами, домыслами, вытекающими из стремления придумать несуществующую связь. Если бы вместо обилия названий существовало, кроме *Трояна*, еще только одно, скажем *дорога рабов*, то можно было бы еще предполагать какую-то связь между *Трояном* и этим названием. Но с ним конкурирует и масса других названий, которых уже никак нельзя увязать с *Трояном*. Отсюда следует вывод, что все легенды и названия, связанные с Млечным Путем, являются результатом целого ряда исторических напастований, появившихся и кристаллизовавшихся в разное время на основном, первичном фоне, каковым является *Троян*. Иногда заметна попытка связать разновременные явления, иногда они остаются параллельно и независимо друг от друга существующими.

Одной из таких поздних легенд является и легенда о цыгане, уворовавшем у своего соседа солому и по недосмотру разбросавшем ее по дороге домой. В осуждение этого аморального поступка и в назидание всем на

небе проведена белая полоса Млечного Пути. Аналогичная легенда существует и у болгар; но у них она получила более модернизированный характер: чтобы навсегда осудить безнравственный поступок, соломинки были превращены в звезды.⁸⁴ Здесь уже видны элементарные астрономические познания, которые и доказывают ее позднейшее происхождение.

Другое обстоятельство, обращающее на себя наше внимание в перечне значений, это связь слова *troian* с понятием о пути, дороге, дорожке, тропе, проталине. Разумеется, и следы, оставляемые на дороге колесами, санями, копытами и пр., говорят о дороге и тесно связаны с этим понятием. И упоминание о народных массах в историческом движении также предполагает известную линию развития, некоторое понятие проходимого пути.

Наконец, третий признак, обращающий на себя внимание, это белизна.

Итак, после расчистки смыслового значения слова *troian* и производных от него от всего наносного, случайного, позднего и излишнего, мы получим для корня «Троян» следующие основные значения: 1) снежная масса, 2) дорога и 3) (в переносном смысле) элемент белизны.

Семантика слова «Троян» станет совершенно понятной, только если мы предположим, что существует сила, от которой зависит снегопад, метели, снежные бури и заносы, от которой зависит замести все следы человеческого передвижения, все пути, дороги и тропинки. Эта сила должна была казаться древним народам грозной, страшной, а эффекты ее разрушительного действия должны были повергать в трепет.

М. А. Ubicini писал в 1858 г.: «Румыны не могут ни на небо смотреть, ни грома слышать, ни на землю взглянуть без того, чтобы не представить себе при этом Трояна». Разумеется, таким страшным мог быть только бог Троян.⁸⁵

Лето, как символ плодородия, должно было казаться началом положительным, а зима — отрицательным явлением. Надо было умиловать эту грозную силу и в то же время рассчитывать на победу лета над зимой, солнца над мраком. Расчет должен был делаться на вечную борьбу между богом солнца и богом снегопада.

В примитивном представлении должен был существовать бог снегопада и дорог, подобно тому как в языческом представлении существовал бог света, солнце-царь Сварог, сын его Сварожичь, бог солнца, именуемый Дажьбог, Хорс, Волос, бог грома и молнии Перун, превратившийся позднее в святого Илью, бог ветра Стрибог, боги весеннего солнца, похоти, любви и плодородия: Авсень, Овсень, Товсень, Таусень, Тур, боги любви, веселья, женитьбы, утешения: Ладо, Лель, Ярила, Купала, а специально у румын, кроме Ладо и Леля, еще Калоян и Скалоян.

У западных славян в такой роли подвизались Триглав и Поревит (пятиглавый по числу зимних месяцев). Таким же богом, как они, был у славян на Дунае и у даков, а впоследствии у восточных славян и у румын Троян. Это он провел на небе полосу, посыпав ее снегом, это он разделил небо надвое белой дорогой, белизну которой народы, забыв о боге Трояне, стали потом объяснять разными неподходящими понятиями или подменивать его на императора Траяна, т. е. одну сущность другой.

⁸⁴ Lidia Schischmanof. *Legendes religieuses bulgares*. Paris, 1896, стр. 4—5.

⁸⁵ M. A. Ubicini. *Ballades et chants populaires de la Roumanie, recueillis et traduits avec une introduction*. Paris, 1858 (цит. по: Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 380). К этому Е. В. Барсов добавляет: «Нет сомнения, что такой живостью представлений Трояна они обязаны имени императора Траяна». Вывод крайне наивный. Можно ли себе представить, чтобы страх перед историческим лицом (Траяном) мог сохраняться в населении в течение стольких веков? Другое дело, чувства к верховному существу — богу.

Ни откуда не видно, чтобы Троян в своей последней метаморфозе божества был богом подземного царства. Он не был дьяволом, сатаной, бесом. Как правильно отметил Н. С. Державин, «Перун, Хорс, Троян и Дый» были первостепенными языческими богами.⁸⁶

Сатана — это антипод единого христианского бога и, следовательно, относится к периоду полной победы христианства над язычеством. Как известно, христианские проповедники, не будучи в состоянии искоренить в населении веру в языческих богов, создали компромисс между язычеством и христианством, допустив дальнейшее существование богов в качестве бесов.⁸⁷

Сатана — понятие христианской, а не языческой идеологии. Только после наступления полного заката языческих богов, только в позднейшей стадии их существования языческий бог мог быть превращен в сатану или беса. Эта стадия, логически вполне допустимая, для Трояна нигде и ни в чем не обнаруживается.

11

Начатки славяно-русской мифологии были заложены на юге, на Дунае, во времена дако-славянского сожительства. Подавляющая масса восточно-славянских языческих богов южного происхождения.

Нигде не имеется столь многочисленных следов почитания бога Перуна, как в Болгарии, где он сохраняется даже в мужских и женских именах, равно как и в топонимии.⁸⁸

Дый, несомненно, Dies pater, Зевс, Юпитер.⁸⁹

Сварог — греческий Гефест, а сын его Гелиос — бог солнца, именуемый Дажьбогом, внуками которого считался русский народ.⁹⁰

Почитание Хорса было очень распространенным в средней Европе, и, вероятно, он был южного происхождения, как полагал анонимный автор XVI в.⁹¹ Нет надобности предполагать, как это сделал А. С. Фаминцын, что Хорс для русских иноземный бог, вывезенный из Прибалтики.⁹² Если значительное количество других богов было заимствовано с юга, то почему бы не мог быть заимствован наряду с ними и Хорс?!

В связи с этим мы вспоминаем и мнение И. Забелина, который считал имя Хорса древнеперсидским: Кирос, Корос, Курос,⁹³ а в одном анонимном произведении XVIII в., имевшем циркуляцию в Румынии, он назван *Curşa* (Курша).⁹⁴

Троян, Коляда, Русалки тоже, как мы видели, южного происхождения.

⁸⁶ Н. С. Державин. Славяне в древности, стр. 138.

⁸⁷ Вполне справедливо отмечает Н. М. Никольский: «Византийские проповедники, видя тщетность убеждений... пошли на уступки: они признали реальность существования всех бесчисленных славянских богов, приравняв их к бесам, и признали святость традиционных мест и сроков культа, выстраивая храмы на месте кумиров и назначая христианские праздники приблизительно в те дни, к которым приурочивались ранее языческие» (М. Н. Покровский (при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева). Русская история с древнейших времен, т. I. М., 1913, стр. 178).

⁸⁸ Н. С. Державин. Славяне в древности, стр. 135—136. См. также: L. Leger *La mythologie slave*, в. I. Paris, 1901 стр. 28—29; Перун — славянский Зевс.

⁸⁹ А. С. Фаминцын. Божества древних славян, I, СПб., 1884, стр. 123—126. См. также: Pierre Lavedan. *Dictionnaire illustré de la mythologie et des antiquités Grecques et Romains*. Paris, 1931, стр. 1030—1032 для Зевса и 563 для Юпитера.

⁹⁰ А. С. Фаминцын. Божества древних славян, I, стр. 143—146.

⁹¹ Fr. Miklosich. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, стр. 1004.

⁹² А. С. Фаминцын. Божества древних славян, I, стр. 202 и сл.

⁹³ И. Забелин. История русской жизни, ч. II. М., 1879, стр. 291.

⁹⁴ Манускрипт носит название «*Învățătura pe scurt în potriua multor rele închipiri*» и напечатан в книге: Gaster. *Crestomația romîna*, vol. II, 1911, стр. 50—53.

Все пути языческого богопочитания ведут к югу, на Балканы, к тому времени, когда славяне играли здесь первенствующую политическую роль, но с точки зрения культурной подпали под сильное влияние Рима вместе с окружающим их населением. Здесь, в VI и VII вв. н. э. даки, будущие румыны, совместно со славянами проходили общую историческую линию развития родового строя, а затем в последующие века совершали переход к раннему феодализму. В конце IX в. н. э., когда венгерские племена поселились на нынешней территории Венгрии, «они нашли у живших там славян готовые политические учреждения раннефеодального государства».⁹⁵ Несомненно, румыны прошли через родовой строй, от которого у них осталось в праве и быте очень много следов, и это произошло во время славяно-дакского сожителства.

12

Разделившись на разные ветви, балканское славянство унесло с собой на новые места многое из того, чем оно духовно жило на Дунае, примыслив к этому вынесенному оттуда богатству в новой обстановке и кое-какие новые понятия в соответствии с новой географической и исторической средой.

Именно этой религиозной языческой основой балканской культуры объясняется поразительное сходство, наблюдаемое между мифологией восточных славян и мифологией румын. Подавляющая масса языческих верований является общей для тех и других. Троян — не изолированное явление, он только часть общего дако-славянского языческого наследства.

К сожалению, освещение этого вопроса потребовало бы еще много места и слишком расширило бы рамки и без того разросшегося очерка. Поэтому в данный момент можно ограничиться только перечнем общих верований. Они следующие: святое солнце, святая луна, семь небес, оборотничество (у румын *viicolac*, у русских волкулак, или вркодлак),⁹⁶ злые феи (у румын *gusalii*, у русских вилы и русалки), феи — предсказательницы судьбы человека (у румын *ursitoarele*, у русских рожаницы), персонализация счастья и несчастья (у румын *Nogoc* и *Piaza gea*, у русских Доля и Недоля), домовый (у румын *spiridușul* и *șarpe*, у русских домовый и змей),⁹⁷ бог грома и молнии (у румын — поздний отголосок в лице св. Ильи, у русских Перун), боги плодородия и сексуальной жизни (у румын *Калоян* и *Скалоян*,⁹⁸ а также *paraguda* или *paraluga*, у русских Ярила, Купала и др., обряды общи не только румынам и русским, но и грекам), богиня любви, женитьбы, счастья, веселья (у румын *Lado*, *Lele*, у русских Лада, Лель, Полель и др.), бог зимнего солнцестояния (у румын *Colinda*, у русских Коляда), почитание предков (у румын весенние поминки, у русских навье, навий день, радуница), вера в Харона, леший (у румын *moșul codrului*, *mama codrului*, *rădurarul*, *răduroaica*, у русских леший), водяные божества (у румын *stima apei*, у русских водяной и морская царица) и многие другие поверья.

⁹⁵ М. А. Павлушкова. Крестьянская община в Венгрии в XI—XIII веках. Средние века. VI. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 56.

⁹⁶ Ф. Буслаяев. Лютичи, Вильци и Волчки. — ВОИДР, кн. X, 1851, стр. 12.

⁹⁷ Славяне-язычники почитали змей своими домашними богами; в Литве и Польше они тоже считались домашними пенатами (Переселение фракийских племен за Дунай и даже на север. — ВОИДР, кн. X, 1851, стр. 96; см. также: Tudor Pamfilie. Mitologia românească. Dușmani și prieteni ai omului, стр. 77).

⁹⁸ Marcu Beza. Paganism in Roumanian folklor. London, 1928, стр. 32—36. См. также краткое изложение доклада: G. Ivanescu. Influențe slave și bizantine în folclorul românesc și în limba românească. — Studii și cercetări de istorie literară și folclor, t. II, 1953, стр. 249—250.

Среди главных языческих поверий румын выделяются некоторые, для которых, как кажется, нельзя найти соответствия у русских, а именно: вера в особые существа с песьей головой под названием *sărcini* или *săr-săini*, вера в особых людей подземного царства под названием *blajini*, вера в особые существа, связывающие дожди, из-за чего они не идут, под названием *strigoii* и другие существа, помогающие св. Илье побеждать первых, под названием *moșoi*.

У румын ветры были в распоряжении особых фей, сходных с русалками и называвшихся *iele*, *vîntoasele*, *șoimanele*, *joimarișele*,⁹⁹ у русских этих фей заменял бог ветров Стрибог.

Интересно отметить еще и то обстоятельство, что, по-видимому, румыны верили и в Дажьбога, так как один из видных сотрудников Стефана Великого (1457—1504), господаря Молдавии, носил имя Дажьбога.¹⁰⁰

Итак, мы видим, что даки, побежденные Римом и затем подпавшие под сильное влияние дунайских славян, совершили переход от своей первоначальной религии примитивного монотеизма времен короля Децебала к полному анимизму. Все явления природы: солнце, луна, солнечные затмения, лес, вода, ветер, дождь, гром, молния, смена времен года, человеческая судьба, семейные и личные горести или удачи, переход в потусторонний мир — все объяснялось сверхъестественными силами.

В подавляющем большинстве боги и добрые и злые духи были теми же, что и у восточных славян.

Среди многочисленных славянских и румынских языческих богов одно из первых мест принадлежало богу зимы, снегопада и дорог — Трояну.

Одно время сложилось обыкновение, чтобы не сказать мода, относить сходство верований двух народов арийского корня на счет их общего индоевропейского происхождения.

В настоящее время к такого рода ссылкам прибегают очень редко по причине крайней относительности сведений об индоевропейских верованиях. Эта относительность объясняется тем, что метод составления представлений об этих верованиях отправляется от верований индоевропейцев, уже разделившихся на отдельные ветви, в особенности от верований греков и римлян (генеалогическая или лингвистическая школа сравнительной мифологии), или от данных первоначальной религии Индии,¹⁰¹ и, таким образом, заключения делаются от более поздних явлений к более ранним, что не всегда убедительно.

Сами исследователи индоевропейских народов признают, что «верования, кажущиеся общим наследием индоевропейских народов, могут быть и общим заимствованием у иноземцев»,¹⁰² и предостерегают против некритической ссылки на индоевропейские верования. О. Шрадер пишет: «Не следует приписывать духу первобытного времени те позднейшие идейные представления, которые впоследствии были связаны со словами лат. *deus*,

⁹⁹ Основная работа по этому вопросу: Lazăr Șăineanu. *Ielele*. . . București, 1886. По предположению румынского лингвиста Г. Иванеску, *iele* фракийского происхождения, что представляется очень возможным. Вопрос заслуживает дальнейшего изучения.

¹⁰⁰ Documentele privind istoria României, veacul XV. A Moldova, vol. II (1476—1500). București, 1954, стр. 6, документ от 4 марта 1479 г. пану Дажьбогу, администратору уезда Нямц (Neamț). Предположение не неизбежно, так как Стефан Великий добирал себе сотрудников из лиц разной этнической окраски, и Дажьбог из Нямц мог быть одним из «дажьбожьих внуков», т. е. русским. Во всяком случае Дажьбог был известен в Молдавии.

¹⁰¹ Max Müller. *Nouvelles études de mythologie*. Paris, 1898, стр. 131.

¹⁰² О. Шрадер. Сравнительное языковедение и первобытная история. СПб., 1886, стр. 468. (Перевод с немецкого издания 1883 г.).

литовск. *dė̃was* и древнеинд. *dēwà* у различных народов в позднейшее время».¹⁰³

Max Müller допускает возможность, что надежда восстановить арийскую мифологию, пользуясь методом от последующего к предыдущему, «окажется иллюзорной».¹⁰⁴

В другом своем произведении тот же автор указывает, что если в ведийских гимнах слово *dēwà* мы стали бы передавать словом *deus*, мы допустили бы «анакронизм в тысячу лет».¹⁰⁵

В общем, по вопросу об арийских верованиях сравнительная мифология до сих пор еще находится в периоде исканий. Метод ее не дал еще надежных результатов.

Во всяком случае и численность индо-европейских богов и культов, относительно которых между индо-европеистами существует полное согласие, невелика. Это: 1) вера в души усопших, 2) культ неба (*Varouna*, *Oupanos*), 3) культ огня (*Agni*) и 4) почитание матери — Земли (*Prithvi*). К этому перечню одни прибавляют: 1) пастушье бога, бывшего одновременно и богом дорог и тропинок, и 2) неизвестную по своей функции богиню утренней зари,¹⁰⁶ другие — пару богов Ашвин, относительно которых «известно, что понимали под этими божествами древние арийцы»,¹⁰⁷ но существует предположение, что это братья-близнецы, «внуки» *Dyaus* — божества неба, создателя мира.¹⁰⁸ Третьи говорят о боге солнца и боге грома и дождя (*Indra*).¹⁰⁹ Однако же известно, что бог грома и дождя в начальной своей стадии был тождественен с богом неба,¹¹⁰ и весьма вероятно, что в начале и бог солнца совпадал с богом неба.

При таком положении вопроса об индо-европейских верованиях мы вправе утверждать, что сходство румынских и русских языческих верований, иногда прослеживаемое до деталей, не может быть случайным явлением или результатом общего индо-европейского происхождения, а объясняется взаимным румынско-славянским влиянием и общей, при совместном жительстве, выработкой верований.

13

При решении вопроса о Трояне авторы, писавшие по этому поводу, строя свои теории, имели в виду все четыре загадочных места «Слова» о Трояне. Поэтому объяснения этих мест тесно связаны у них с общими предпосылками и развитием теорий и падают одновременно с падением защищаемых ими воззрений.

Подведем краткие итоги объяснений.

Под веками различные авторы разумеют или века от покорения Дакии («римское» течение), или века бога Трояна, предшествовавшие векам русских князей или совпадавшие с веками этих князей («русское» течение), или, наконец, просто века господства бога Трояна над верившим в него населением («дако-славянское» течение).

¹⁰³ О. Шрадер. Индо-германцы. СПб., 1913, стр. 186. (Перевод с немецкого издания 1911 г.).

¹⁰⁴ Max Müller. *Nouvelles études de mythologie*, стр. 131.

¹⁰⁵ Max Müller. *Origine et développement de la religion étudiés à la lumière des religions de l'Inde*. Paris, 1879, стр. 181.

¹⁰⁶ Krappe. *Mythologie universelle*. Paris, 1920, стр. 51.

¹⁰⁷ М. Ковалевский. *Социология*. СПб., 1910, стр. 16.

¹⁰⁸ Max Müller. *Nouvelles études de mythologie*, стр. 102 и 407.

¹⁰⁹ О. Шрадер. *Сравнительное языковедение...*, стр. 459--463.

¹¹⁰ Krappe. *Mythologie universelle*, стр. 51.

Так как существовало желание приурочить седьмой век ко времени князя Игоря, то сначала было решено, что автор «Слова» допустил ошибку в счете, поставив седьмой вместо одиннадцатый.

Н. С. Державин считает седьмой век от «падения римского владычества в Киево-Дунайской области». В результате крайнего расширения границ римского владычества, мы тем самым вступаем в область совершенно расплывчатых понятий. Кроме того, почему счет веков должен идти от падения римского владычества, если самое имя Троян с л а в и л о императора Траяна?

До чего доходила иногда изобретательность в объяснении слова седьмой, видно по тому, что появилось было предложение Н. Головина считать век не по 100 лет, а по 160 лет (народный счет сороков), чтобы, считая от покорения Дакии Траяном (102 г. н. э.), вышел одиннадцатый век, т. е. время князя Игоря и других русских князей.¹¹¹

Е. В. Барсов предложил считать седьмой век от начала выступления славян на всемирно-историческом поприще, т. е. с конца V в. н. э. Но при этом автор прибавил: «Мы не стоим за это: число семь, по всей вероятности, имеет скорее эпическое, а не историческое значение». «Века и седьмой век не могут быть объяснены лицом историческим: не бывало народа, который вел бы свое летоисчисление от враждебного себе лица, от завоевателя и угнетателя».¹¹²

Если бы понятие о седьмом веке было чисто историческим понятием, то, разумеется, ближе всего к истине должен был бы быть именно Е. В. Барсов. Но, как видим, и он сомневается в этом, чувствуя, по-видимому, искусственность как предложения других авторов, так и своего собственного.

Вся эта искусственность совершенно излишня. Троян — это бог, и у него свой собственный счет веков.

Века — это время господства бога Трояна, а седьмой век получил правдоподобное истолкование у Д. С. Лихачева.¹¹³ Седьмой определяется средневековыми представлениями о числе семь: семь дней творения, семь тысяч, существования мира, семь дней недели, семь человеческих возрастов и т. д. К этому прибавим семь рогов Агнца, семь цветов радуги, семь светильников (по Апокалипсису), семь дней плача по богу Адонису (у евреев) и веру в семь небес (высший ярус неба принадлежит самому богу, в то время как остальные — сонму подчиненных ему существ). Остатком этого верования является сохранившееся до сих пор в русском языке выражение «быть на седьмом небе», т. е. наверху счастья, блаженства.¹¹⁴

Земля Трояна — это земля, на которой почитается бог Троян, и в первую очередь Русская земля.

Что касается тропы, то в литературе предмета существуют самые разнообразные предположения.¹¹⁵

¹¹¹ М. А. Максимович. О значении имени Троян, стр. 429.

¹¹² Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве», т. I, стр. 384 и 378.

¹¹³ Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве», стр. 23.

¹¹⁴ Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. II М., 1938, «Небо», стр. 478.

¹¹⁵ К сожалению, у меня не было возможности познакомиться с статьей А. И. Яцимирского «Тропа Трояна» в «Трудах Славянского комитета Московского Археологического общества» (серия «Древности», III. М., 1902, стр. 119—125), о которой дан весьма суровый отзыв Н. С. Державиным в его исследовании о Трояне (Н. С. Державин Троян в «Слове о полку Игореве», стр. 59).

Так, под тропой некоторые авторы «русского» течения понимают исторический путь Русской земли, начиная со времени трех братьев-князей. Е. В. Барсов, раскрывая общий смысл понятия о тропе (дорожка, проторенная следом скота или человека), формулирует затем и определение тропы Трояна — это путь князя Игоря по безводным местам, представлявший необычайный подвиг.¹¹⁶ Н. М. Карамзин и М. А. Максимович под тропой Трояна понимали *Via Traiani*, т. е. дорогу через Малую Валахию.¹¹⁷ М. С. Дринов считал тропой Трояна ров, вырытый вдоль Троянова вала в Румынии. Н. С. Державин производил «тропу» от «*Troaeum Traiani*».¹¹⁸ Наконец, А. С. Орлов дает альтернативную сводку нескольких представлений о тропе Трояна.¹¹⁹ Это или дорога по ущелью Балкан, проложенная Трояном, или вал от Дуная и Днестра до Днепра, или проложенная тут дорога, о которой в одном словаре около 1670 г. сказано «*Traian-via strata*».

А. В. Лонгинов, как мы видели, дает двойное понятие тропы: 1) путь, проторенный в ратях Ярославичами, и 2) путь господний, божеский, параллельный первому.

С нашей точки зрения, в свете приведенных выше соображений становится понятным выражение «тропа Трояна». Тропа — дорожка, проторенная следами человека или скота, а более широко путь, дорога. В польском языке *tor* — «след», «тропинка». Но тропа Трояна — это не конкретная тропа, которую следует отыскивать и локализовать. Это путь бога Трояна, бога дорог, божья тропа, аналогичная вечной стезе, тропа в том смысле, в каком говорится «Пути господни неисповедимы». Жизненный путь славян (и румын) находился во власти Трояна. Выражение «Боян рыщет по тропе Трояна» означает либо что он, предаваясь поэтическому вдохновению, обегает мыслью божественные пути Трояна, либо, что вернее, он пытается угадать пути верховного распорядка, начертанного Трояном, иначе говоря, прочесть будущее в книге судеб русского народа

14

Гипотетическое установление на основании румынских лексических данных функциональной роли бога Трояна как зимнего божества, божества снегопада и дорог влечет за собой два важных вывода.

Первый: принимая во внимание общий дако-славянский характер этого верования, бог Троян играл для русских, вероятно, ту же функциональную роль, что и для румын.

Второй: румынские лексические данные, раскрывая настоящий смысл некоторых выражений о Трояне, содержащихся в «Слове о полку Игореве», тем самым косвенно оправдывают подлинность этого литературного монумента.

Язык — естественное явление, результат массового творчества, сохраняющийся веками. И он в данном случае оказался ценным показателем достоверности «Слова». Вот еще новое звено в цепи доказательств подлинности «Слова» и новый аргумент против недоверия скептиков!

¹¹⁶ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве», т. 1, стр. 382.

¹¹⁷ М. А. Максимович. О значении имени Троян..., стр. 428.

¹¹⁸ О мнении М. С. Дринова и Н. С. Державина см. выше (стр. 14—15).

¹¹⁹ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 93—94.

все же наиболее автентичным, передан так: «Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвизашася; а Игорьъ Князь поскочи горностаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду». А в переводе: «К полуночи приготовлен конь. Овлур свиснул за рекою, чтоб Князь догадался. Князю Игорю тамо не быть. Застонала земля, зашумела трава; двинулись заставы Половецкия, а Игорьъ Князь горностаемъ побежал к тростнику, и белым гоголем пустился по воде».⁵

В академическом издании «Слова» (1950 г.) тот же пассаж дан в таком виде (в переводе Д. С. Лихачева):

Комонь въ полуночи Овлуръ свиснулъ за рѣкою;
велить князю разумѣти:
князю Игорю не быть!
Кликну,
стукну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкїи подвизашася.
А Игорьъ князь поскочи
горностаемъ къ тростию,
и бѣлымъ гоголемъ на воду.⁶

В объяснительном переводе Д. С. Лихачева приведенный выше пассаж интерпретируется следующим образом: «Коня в полночь Овлур... свистнул за рекою, велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться; [Овлур] кликнул, застучала земля [под копытами коней], зашумела [потревоженная] трава, вежи половецкие задвигались [половцы заметили бегство Игоря]. А Игорьъ князь поскакал горностаем к [прибрежному] тростнику и белым гоголем на воду».⁷

Так обстоит дело с общепринятым пониманием выражения «вежи ся половецкїи подвизашася».

Какие же доводы в пользу своего чтения приводит А. Югов и в каком направлении движутся его рассуждения? А. Югов прежде всего ссылается (и совершенно справедливо) на одну из разновидностей древнерусского родительного беспредложного — отделительного (отложительного), употреблявшегося в старинном русском языке при глаголах исходного движения. Примеры такого отделительного беспредложного родительного в языке древней письменности довольно обычны. А. Югов дает очень интересный и редкий случай употребления беспредложного родительного в предложении «Зла подвизайся» — «Зла беги», «От зла беги» (с формой императива от глагола «подвизатися»).

В своем учебнике «Историческая грамматика русского языка» П. Я. Черных говорит об этом случае употребления родительного падежа следующее: «Одним из древнейших явлений славянского синтаксиса (начиная с памятников старославянского языка) и, следовательно, синтаксиса древнерусского языка можно считать отсутствие некоторых предлогов, особенно „от“, перед дополнением в форме родительного падежа в том случае, если глагольное сказуемое, обозначающее „удаление“, „отделение“ и т. п., начинается с этого или близкого к нему по значению предлога-приставки. Например, в I Новгородской летописи: „отступи Києва“

⁵ Ироическая пѣснь... стр. 40, 41. Перевод даем по новой орфографии. (Разрядка везде наша, — Н. Д.).

⁶ «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 28. (Далее: «Слово», 1950).

⁷ Там же, стр. 99.

(и др.); в новгородских грамотах XIII—XIV вв.: „тѣхъ всѣхъ отступился есмь Новугороду“ (около 1300 г.); в Рязанской грамоте 1381 г.: „князь великий Олег ступился тѣхъ мѣсть... Дмитрию Ивановичю“ (= съступился).⁸ Это был своего рода родительный «отложительный» (аблятивус) древнерусского языка. П. Я. Черных говорит, что подобное опущение предлога имело место «не только при условии предложности глагола, но и в таких словосочетаниях, как „бежать кого-чего“ и т. п.».⁹ Пример такого словосочетания дается из Изборника Святослава 1073 г.: «бѣжа же Саула Давидъ» и т. д. Аналогичное употребление глагола «бежать» встречается и у русских поэтов конца XVIII—первой половины XIX в. Два образца беспредложного родительного у поэтов XIX в. отмечены и А. Юговым: «Одних я сам чуждаюся, другой бежит меня» (у Мерзлякова в его песне «Среди долины ровныя») и «зачем бежала своенравно она семейственных оков» (в «Полтаве» Пушкина).¹⁰ Беспредложный родительный можно найти и в других (более ранних) произведениях Пушкина: «Бежали северных мечей» (в «Руслане и Людмиле»); «Я вас бежал, отечески края; Я вас бежал, питомцы наслаждений» и «Беги, беги столицы, О Галич мой, сюда!» и др.¹¹ Ясно, что с точки зрения древнерусского языка сочетание «зла подвизайся», найденное А. Юговым, вполне закономерно, как один из случаев употребления родительного беспредложного. Посмотрим, однако, в какой степени этот любопытный, но единственный пока случай сочетания беспредложного родительного с глаголом «подвизаться» (подвищися?) в повелительной форме может послужить аргументом в пользу предлагаемого А. Юговым чтения?

Из всего сказанного становится совершенно очевидно, что наличие словосочетания «зла подвизайся» в древнерусском языке обязывает по словому всмотреться и вслушаться в анализируемое место «Слова о полку Игореве». Но в то же время надо сказать, что для окончательного раскрытия семантики выражения «вежи ся половецкии подвизашася» уяснения значения одного словосочетания «зла подвизайся» далеко не достаточно.¹² Раскрытию его содержания должен предшествовать тщатель-

⁸ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Издание второе. М., 1954, стр. 290, 291.

⁹ Там же, стр. 291.

¹⁰ Алексей Югов, стр. 167.

¹¹ См.: Словарь языка Пушкина, том первый. М., 1956, стр. 75.

¹² А. Югов не обратил внимания на то, что в найденном им примере глагол «подвизайся», что очень существенно, имеет переносное значение. В переносном значении встречается этот глагол и в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского: домогаться, добиваться, трудиться, подвизаться и т. д. (т. II, СПб., 1902, столб. 1034). Только в одном примере глагол «подвищися» — «подвижеся» имеет буквальное значение (но не с отделительным, аблятивным оттенком, что подчеркиваем особо):

«Аби подвижесѣ рака о себѣ» Иак. Бор. Гл. 147 (Чтен.), т. е. сдвинулась (сама собою) с места (там же, столб. 1035). Значит, в примере И. И. Срезневского основной оттенок действия глагола «подвищися» сохраняется в выражении «вежи ся половецкии подвизашася» — задвигались. Совершенно очевидно, что в изречении «Зла подвизайся» глагол «подвизатися» с аблятивным значением (беги от чего-либо, здесь — от зла) совсем не тождествен глаголу в словосочетании «подвижеся рака», как не тождествен глагол «подвижеся» в «подвижеся рака», «подвизашася» в выражении «вежи ся... подвизашася» в аблятивном значении, которое ему хочет приписать А. Югов. Указанное обстоятельство отмечено и Л. А. Булаховским в статье «„Слово о полку Игореве“ как памятник древнерусского языка» («Слово», 1950, стр. 150). Примеры, на которые мы сослались выше, свидетельствуют о том, что в древнерусском языке глагол «подвизатися» — «подвищися» мог иметь аблятивное значение только в случае его употребления в переносном смысле. Кроме того, надо поставить вопрос — в какой степени глагол

ный анализ предыдущих и последующих звеньев всего пассажа в целом, так как всякое слово и словосочетание получает свое подлинное значение только в рамках контекста, более или менее широкого. К сожалению, А. Югов не делает этого. Выражение «вежи ся половецкїи подвизашася» он рассматривает изолированно, в самом себе, в полном отрыве от той словесной среды, в которой оно употреблено. Мы же считаем, что к убедительным выводам в конечном счете может привести только обстоятельный разбор всего пассажа, изображающего отдельные моменты бегства Игоря. Понимание нашего выражения находится в тесной зависимости от чтения предшествующих и последующих предложений. А такой пересмотр отдельных смысловых звеньев широкого контекста приводит нас к совершенно иному, нежели у А. Югова, заключению.

Начнем с разбора стихов, предшествующих выражению «вежи ся половецкїи подвизашася». Задаем вопрос: как надо понимать отдельные предложения первой половины пассажа, рисующего бегство Игоря: «Овлур свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; вѣшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвизашася. . .» (даем по тексту Мусин-Пушкинского издания).

А. Югов, присоединяясь к общепринятому чтению, пишет: «Ясно, что Овлур свистом своим и, возможно, условным стуком об земь подавал потаенный знак к бегству Игоря». Так ли это?

Позволим себе усомниться в полной приемлемости утвердившегося в изданиях «Слова» чтения места «кликну стукну земля», относящего «кликну» к Овлуру. Мы склонны считать, что глагол «кликну» наравне со «стукну», который А. Югов также относит к Овлуру, имеет в виду не Овлура, а бегство Игоря. А. Югов строит свое утверждение на понимании выражения «кликну, стукну земля» как «Овлур свистом своим и, возможно, условным стуком об земь подавал потаенный знак к бегству Игоря».

Можно ли понимать «стукну земля» как «стукнул в землю, об земь»? Вряд ли. Здесь надо учесть то, что во фразе «кликну стукну земля; вѣшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвизашася» все четыре глагола — непереходные и притом без предлога! А это весьма важное обстоятельство для правильного понимания отдельных лексем фразы. В качестве побочного доказательства приводим и следующее наблюдение. Если мы обратимся к тексту «Слова», то увидим, что в двух выражениях в нем употреблен глагол — синоним глагола «стукну» («стукнути») — «тресну» («треснути»). Ср.: 1) «Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю» и 2) «Тѣми тресну земля, и многи страны. . .»¹³ и т. д. Первое выражение обычно переводится: «Уже спустился позор на славу; уже ударило насилие на свободу;» а второе — «От них дрогнула земля, и многие страны. . .»¹⁴ В обеих фразах глагол — непереходный, но во второй фразе он употреблен без предлога. Употребление глагола «тресну» во втором выражении — «Тѣми тресну земля» — вполне тождественно употреблению глагола «стукнути» во фразе «стукну земля». Следует заключить, что глагол «стукнути» (по аналогии с глаголом «треснути» в предложном соче-

«подвизатися» — «подвишися» был присущ восточнославянскому языку именно в переносном значении и не является ли он, как и все изречение, церковнославянизмом? Если он церковнославянизм, то его доказующая роль в нашем случае в значительной степени обессиливается.

¹³ Ироническая пѣснь. . ., стр. 25 и 32.

¹⁴ «Слово», 1950, стр. 64 и 67 (ритмический перевод Д. С. Лихачева). В Мусин-Пушкинском издании: «уже насилие восстало на вольность» (стр. 25) и «Потряслась от них земля. . .» (стр. 32).

тани) употреблялся в сочетании с предлогом. Если бы автор «Слова» употребил его в значении, которое приписывает ему А. Югов, то он должен был употребить его с предлогом («стукну об землю» или нечто подобное), т. е. примерно так, как им был употреблен глагол «тресну» во фразе «уже тресну нужда на волю». А этого мы не видим. В результате между тремя предложениями с глаголами «тресну», «стукну» в «Слове» получается следующее соответствие со смысловым тождеством второго и третьего (нашего) предложений: «уже тресну нужда на волю» — «Тѣми тресну земля» = «стукну земля».

Сделанное выше сопоставление глаголов «тресну», «стукну» приводит к заключению, что глагол «стукну» (в «стукну земля») аналогичен по своему употреблению беспредложному глаголу «тресну» (в «тресну земля») и что стих «стукну земля» ни в коем случае не должен переводиться «стукнул, ударил об землю» или «топнул в землю» и т. п.¹⁵

Сопоставление сочетания «стукну земля» с синонимическим «тресну земля» и вытекающие из него выводы наводят нас на мысль о другом, новом чтении всей первой половины пассажа «Кликну стукну земля; вшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвишася».

Считаем, что с почти полной вероятностью можно допустить, что «кликну» относится не к Овлуру и к его условному знаку (свисту, крику), а к звукам, вызванным бегством Игоря и Овлура с той стороны реки (Тора). Словами «кликну стукну земля; вшумѣ трава» автор передает звуки топота стремительно мчащихся по степи коней беглецов, гул вздрогнувшей от ударов конских ног земли и шум потревоженной степной травы. «Отозвалась гулом, загудела, вздрогнула (застучала) земля, зашумела трава» — таков будет новый перевод нашего выражения. Итак, «кликну» я отношу наравне со «стукну» к слову «земля». При такой интерпретации глагола «кликну» все четыре глагола первой половины пассажа, изображающего бегство Игоря из плена, выравниваются в одну линию: все они интранзитивные, в беспредложном употреблении, выраженные формой аориста: «кликну» — «стукну» — «вшуме» — «подвишася». Первые три: «кликну» — «стукну» — «вшумѣ», воспроизводят звуки, вызванные скачкой коней Игоря и Овлура. Последний — «подвишася» — изображает смятение, наставшее в половецком стане при вести

¹⁵ Подвести сочетание «стукну земля» под категорию сочетаний типа «земля пахати» (с дополнением в форме именит. пад. ед. ч. женск. р. на «-а», «-я») не представляется возможным по следующим соображениям: 1) именительный падеж ед. ч. имен женск. р. на «-а», «-я» в роли прямого дополнения употреблялся при переходных глаголах и притом почти преимущественно с инфинитивом: «земля пахати», «косити трава» и др. Ср.: «Нача у Пскова просити... и по пригородом его намѣстником княжая продажа имати обоя, такоже и денги намѣстничи» в ПЛ. 2) Бросается в глаза, что в оборотах с именит. пад. женск. р. на «-а», «-я» глагол был переходным. В сочетании же «стукну земля» глагол никак нельзя считать переходным. Как интранзитивный (непереходный) употреблен он и у А. Югова: «топнул в землю» («Слово», 1945, стр. 95) или «стук об землю» (значит, «стукнул об землю»; в заметке в журнале «Октябрь», М., 1956, стр. 168). 3) Конструкцию именит. пад. на «-а», «-я» с инфинитивом естественно признают первичной. С XIV в. в письменности наблюдаются единичные случаи употребления формы на «-а», «-я» и с неинфинитивными глагольными формами. Позднее возникают и обороты с дополнением с предлогом (засвидетельствованные диалектами: «ложыли в дирвянная масленка», Пашский район Ленинградской области). Значит, если бы у нас и были основания подвести сочетание «стукну земля» под последнюю рубрику, то и в таком случае «стукну» должно было бы иметь при себе предлог. А его нет! О конструкциях указанного типа смотри подробнее в статье В. Георгиевой «Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием „надо“ в современных русских говорах» (Материалы и исследования по русской диалектологии, т. III. М.—Л., 1949, стр. 40—45 и сл.).

о бегстве Игоря, и представляет своего рода концовку, разрешение вызванного предыдущими глаголами напряжения. По мнению же А. Югова, к бегству Игоря относится только глагол «въшуме», передающий осторожные, крадущиеся движения пробирающегося через половецкую стоянку князя, вызванный ими шум травы.

Что касается выражения «вежи ся половецкѣи подвизашася», то в отношении его А. Югов делает заключение, которое уже было приведено нами в своем месте. Он считает возможным переводить его только так: «от вежи половецкой отделились, или устремились прочь, отбежали».

Свой перевод А. Югов обосновывает также ссылкой на рассказ летописи о бегстве Игоря из плена. «Известно — пишет он, — что за Игорем половецки присматривали. Но вот князь поддался на уговоры Овлура... Они условились бежать ночью. Овлур ждал князя за рекою Тором, держа наготове коней... Игорю был подан сигнал к бегству. Он с великою осторожностью поднял полу своей вежи (шатра, кибитки) и „лезе вон“, то есть вышел».¹⁶ Далее А. Югов выдвигает предположение о том, что «князь через весь половецкий стан шел не один, а в сопровождении своих помощников и сообщников из свиты: трудно предположить, чтобы Игорь сам, один решился пройти через лагерь и перейти речку Тор. И вот естественно, что беглецы сперва отделились от вежи, устремились от нее прочь».¹⁷ Однако ни в летописи (по Ипатьевскому списку), ни в самом «Слове» о товарищах Игоря, сопутствовавших ему во время бегства через половецкий стан (до реки Тор), не говорится ничего. Напротив, из текста летописи можно скорее заключить, что через половецкий лагерь Игорь пробирался один. Поэтому предположение А. Югова в значительной степени является произвольным и не опирающимся на какие-либо конкретные данные. По-видимому, оно имеет в виду форму множественного числа аориста «подвизашася», так как при предположении, что Игорь бежал не в сопровождении сообщников, было бы утрачено согласование между подлежащим (Игорь и его соучастники) и сказуемым — «подвизашася». С наименьшей долей обоснованности, однако, можно допустить, что до берега реки Тор Игорь пробирался один, искусно скрываясь в траве, что группа в несколько человек легче могла быть обнаружена половецами. Не можем также пройти мимо того обстоятельства, что рассказ о бегстве Игоря четко разграничивает формы единственного и двойственного числа (когда речь идет о Игоре и Овлуре). Так, повествуя об Игоре, летописец говорит о нем и отдельных моментах его бегства, последовательно употребляя формы единственного числа: «Сей же вставъ ужасенъ и трепетенъ и поклонися... И возмя на ся крестъ... и подоима стѣну и лѣзе вонъ... Сии же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ и всѣде на конь...». Но как только летописец начинает говорить об Игоре и Лавре, он сейчас же употребляет форму двойственного числа: «и тако пойдоста сквозъ вежа».¹⁸

А. Югов не обратил достаточного внимания и на грамматическую структуру предложения «вежи ся половецкѣи подвизашася», а она отнюдь не свидетельствует в пользу предположения о родительном беспредложном. Проанализируем выражение «вежи ся половецкѣи подвизашася» со стороны его морфологических и синтаксических особенностей. Существительное «вежи» может быть в одинаковой степени формой родительного единственного и именительного (винительного) множественного числа,

¹⁶ Алексей Югов, стр. 168.

¹⁷ Там же.

¹⁸ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1946, стр. 172.

т. е. может быть дополнением или подлежащим в предложении. Что же касается прилагательного «половецкіи», определения к слову «вежи», то как в первом издании, так и в Екатерининской копии, этих двух единственно автентичных для настоящего времени текстах «Слова», оно дано в форме множественного числа, хотя и с неправильным (мужского рода!) окончанием «-ии». Подобный случай наличия окончания мужск. р. в форме прилагательного мн. ч. женск. р. в «Слове о полку Игореве» не единственный. Примеры такой замены окончаний (употребления окончания мужск. р. именит. пад. мн. ч. в функции женского рода) у прилагательных и местоимений приводит в своей работе о «Слове» С. П. Обнорский.¹⁹ Если бы «половецкіи» было формой род. пад. ед. ч., то оно должно было бы иметь окончание «-ія» (-ыя), как в других прилагательных в «Слове»: «половецкія» или «половецкой» (вместо первичного «половецкоѡ»). Ср.: «забывъ... и своя милья хоти красныя Глѣбовны»; «иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія» и другие, или «на брезѣ быстрой Каялы», «Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой...» и др.²⁰

Находим нужным подчеркнуть, что случаи замены окончания род. пад. ед. ч. в прилагательном женск. р. окончанием «-ии» именит.-вин. пад. мн. ч. мужск. р. в «Слове» С. П. Обнорским не отмечены. Ясно, что в данном случае («Половецкіи») мы имеем дело с формой именит. пад. мн. ч. женск. р. с известной для «Слова» заменой окончания женск. р. мн. ч. окончанием мужск. р. Следовательно, замена «-ии» в прилагательном «половецкіи» окончанием «-ия» у А. Югова совершенно произвольна и графическими данными текста не оправдывается и не подтверждается ни в какой степени (ср. у А. Югова: «Итак, „вежи ся половецкія подвизашася“», стр. 167). В отношении же препозитивного «ся» при наличии постпозитивного, возвратного «-ся», которое может вызвать некоторое сомнение, в «вежи ся половецкіи подвизашася», С. П. Обнорский говорит следующее: «Конечно, в оригинале „Слова“, как и в ближайшем его списке, читалось „ся подвизаша“; в этой форме писец дошедшего до нас списка заменил „подвизаша“ через „подвизашася“, не обратив внимания на то, что „ся“ имелось в препозиции, так как в его языке и в общем русском языке того времени уже стабилизировались в употреблении формы возвратных глаголов с слившеюся постпозитивно с ними частицею „ся“».²¹

Есть, наконец, и еще одно очень важное соображение в пользу общепринятого чтения выражения «вежи ся половецкіи подвизашася» и всего пассажа. Соображение это имеет в виду синтаксическую структуру конца первой половины пассажа и начала его второй половины и выраженное противительным союзом «а» противопоставление: «Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду...»

На противопоставительную функцию союза «а» в «Слове о полку Игореве» обратил внимание еще в 1935—1936 гг. М. Петерсон, проиллюстрировавший свои наблюдения рядом примеров из «Слова». К сожалению, нашего примера среди них нет (вообще, у М. Петерсона не даются все без исключения примеры с союзом «а» в «Слове»). М. Петерсон в двух местах статьи прямо говорит, что «словосочетания, соединенные союзом „а“, обыкновенно противопоставляются одно другому» и что

¹⁹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 154.

²⁰ Там же, стр. 156.

²¹ Там же, стр. 163

«конструкции с союзом „а“ обозначают обыкновенно противоположение».²²

С большей определенностью роль союза «а» в древнерусском языке выявляется в развернутой статье В. И. Борковского «Союзы „а“ и „и“ начинательные в древнерусских грамотах».²³ Правда, наблюдения В. И. Борковского относятся к языку грамот, но они полностью могут быть применены к особенностям синтаксической структуры древнерусского языка вообще, а значит, и к языку «Слова». На обильном материале древнерусских грамот, начиная с древнейших, В. И. Борковский приходит к выводам, аналогичным выводам М. Петерсона, но только более обоснованным и категоричным. Так, например, он устанавливает, что «на употребление союза „а“ в значении союза, начинающего новое смысловое целое и ограничивающее это целое от предыдущего текста, с которым оно в то же время связано по смыслу, особенно ярко указывают трафаретные формулировки в грамотах с союзом „а“».²⁴ Об ограничивающей роли союза «а» В. И. Борковский говорит также: «... союз „а“ не только присоединяет следующее предложение к предыдущему, но в известной степени и ограничивает это предложение от стоящего ранее, причем лица, предметы и действия в предложениях с союзом „а“ могут противопоставляться или сопоставляться».²⁵ Наконец, он утверждает, что «каждое из предложений с союзом „а“ не объединяется тесно с предыдущим и последующим предложением»²⁶ и т. д.

Вчитываясь на фоне приведенных выше формулировок в разбираемый пассаж, вслушиваясь в его внутреннее звучание, мы не можем не прийти к заключению о несомненно противопоставительной роли союза «а» в начале второй части общего текста. Противопоставительность его напрашивается сама собой, для установления противоположительной функции «а» не нужны специальные теоретические экскурсы. К ним мы сочли необходимым прибегнуть лишь для вящей убедительности. Но она достаточно ясна и для неискушенного в теории и непредубежденного предварительно глаза и слуха. Союз «а» противопоставляет вторую часть всего пассажа его первой половине и в особенности заключительной фразе: «вежи ся половицки подвизашася». Как искусный художник-психолог, автор «Слова» не рисует все моменты бегства в их деталях, следуя за Игорем шаг за шагом, не выпуская ни одной подробности. В передаче отдельных звеньев сцены бегства ощущается некая недоговоренность, эллиптичность и отрывочность, передающие напряженность, тревожность, настоятельность. И эта напряженность, внутренний трепет, объявший Игоря в решительные для него минуты бегства через вражеский стан, целиком проектируется в отрывочных фразах, в их внутренне и внешне не законченной структуре, в динамике и модуляциях ритма. «Сей же [Игорь] вставъ ужасень и трепетень...», — повествует летописец. «Игорь спить, Игорь, бдитъ, Игорь мыслию поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца» — читаем в «Слове». В незаконченной, прерывающейся последовательности и лаконичности отдельных предложений содержатся резкие, внезапные переходы, скачки от одного действия к другому. Автор как бы умышленно не старается уследить за всеми действиями беглеца-князя своим поэтическим взором, он лишь намечает их, предоставляя слушателю самому восполнить их творческим воображением, переживать их. Экономия слова, певец

²² М. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве». — *Slavia. Ročník*, XIV, Sešit 1—2, 1936—1937, стр. 556 и 588.

²³ *Slavia. Ročník*, XXV, Sešit 2, 1955, стр. 184—190.

²⁴ Там же, стр. 186—187.

²⁵ Там же, стр. 188.

²⁶ Там же, стр. 189.

«Слова» в схематическом, так сказать, виде, как нельзя лучше отвечающем быстрой смене, ударности чередующихся действий, набрасывает основные моменты бегства. Вот Овлур за рекою во мраке полуночи подает князю условный знак — «велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть...» Не вдаваясь в подробности, которые могли бы только растянуть действие, ослабить силу его внушения, автор выпускает промежуточный момент — бегство Игоря до берега реки, а резко переносит действие в другой план, не рассказывая о нем, а непосредственно действуя на наш слух уже его результатами. Акустический эффект — долетевшее до нас эхо бегства Игоря и Овлура — воздействует на наше воображение гораздо сильнее словесного изображения той же картины: «Кликну стукну земля; вьшумѣ трава...» — «откликнулась гулом, задрожала земля, зашумела трава...» — то Игорь с Овлуром мчатся по степи на своих быстрых конях по ту сторону Тора! Откликом бегства и разрешением кульминации является фраза «вежи ся половецкии подвизашася», в трех словах передающая наступившее в стане половцев смятение при вести о бегстве пленников. За этим следует большая пауза, рассекающая общий контекст на две части. Верный своему чувству художника, автор не спешит устремиться за беглецами, он на несколько мгновений разлучает нас с ними, приостанавливает стремительность действия, опускает между нами и ими завесу и делает нас свидетелями смятения и неизвестности в стане кочевников. А за эти несколько мгновений Игорь и Овлур успевают намного опередить погоню. Вежи половецкие приходят в движение, полы шатров и кибиток поднимаются — снаряжается погоня. А в это время Игорь князь уже далеко: он скачет горностаем к тростию, опускается белым гоголем на воду, вскакивает на борзого коня и соскакивает с него оборотнем — босым волком, летит соколом под облаками. Всей предыдущей картине и ее ключительному моменту — тревоге во вражеском стане — автор противопоставляет следующий момент в развитии действия, начинающийся противительным союзом «а». Как и первая часть картины, все последующие звенья действия полны стремительности. Противоположение начала второй половины пассажа последнему предложению первой половины настолько очевидно, что его едва ли надо доказывать другими добавочными средствами.

А как будет выглядеть это место «Слова» в чтении, предлагаемом А. Юговым? При его чтении из первой части пассажа выпадает момент, немногословно, но так выразительно передающий тревогу в пришедших в движение половецких вежах. Реакция половцев при вести о бегстве русского князя, являющаяся неизбежным ответом на предыдущие стихи и разрешающая напряжение, содержащееся в них, таким образом, во фразе совершенно отсутствует. Благодаря этому полностью уничтожается эффект противопоставления, так ярко выраженный союзом «а» и разъединяющий два плана развивающегося действия. В интерпретации А. Югова в переводе на современный русский язык весь пассаж получает следующий вид:

Коней во полуночи
свистнул Овлур за рекою, —
велит князю разумети:
«Князю Игорю — пора!»
Кликнул,
топнул в землю...
Восшумела трава
От кибитки половецкой
отдались —
и поскакал Игорь-князь
в тростники — горностаем,
белым гоголем — на воду!

Пал на бѣрза коня,
а спрыгнул с него
серым волком

В своем переводе А. Югов переделывает беспредложный глагол «стукну» в глагол с предлогом «топнул в землю»; произвольно заменяет прилагательное в форме множественного числа (с окончанием «-ии» мужск. р.) прилагательным с окончанием единственного числа «-ия»: «вежи ся половецкия...» Наконец, противительный союз «а» у него совершенно неоправданно заменяется союзом «и», имевшим в синтаксисе древнерусского языка резко противоположную функцию. После слов-глаголов в форме единственного числа «кликнул» — «топнул» не вполне понятной на первый взгляд становится форма множественного числа глагола «отдалились». В этом глаголе следует подразумевать соучастие предполагаемых, мнимых спутников — сообщников Игоря, в окружении которых он якобы пробирался через половецкий стан, не упоминаемых ни одним словом ни в летописи, ни в поэме об Игоре-вом походе.

Наши краткие заметки о «вежи ся половецкия подвизашася» в «Слове о полку Игоре-ве» нам хотелось бы закончить следующим небольшим обобщением.

1. На базе сделанного в начале заметок грамматического анализа глагол «кликну» с полным основанием следует отнести не к Овлуру, а к слову «земля» наравне с глаголом «стукну», за которым следует глагол «въшумѣ» (трава).

2. Существительное «вежи» (ся половецкия) не может быть формой беспредложного родительного отделения в единственном числе, так как определение к нему — прилагательное «Половецкия» — стоит в форме множественного числа, хотя и с окончанием мужского рода.

3. Глагол «подвизашася» в том же контексте ни коим образом нельзя связывать с предполагаемыми соучастниками Игоря. На это нет абсолютно никаких указаний ни в летописи, ни в самом «Слове». Наоборот, в летописи (по Ипатьевскому списку) четко разграничиваются формы глаголов единственного числа, выражающие действия Игоря, и форма двойственного числа глагола «пойдоста», как только речь заходит об Игоре и Овлуре.

4. О ярко выраженном противопоставлении двух смежных моментов действия, поставленных в оформлении предложения на грани первой и второй половин пассажа, говорит недвусмысленно союз «а», исключительно типичный в своей противительной функции.

5. Замена его соединительным союзом «и», который в отличие от союза «а» не ограничивал данное предложение от предыдущего в древнерусском языке, не может быть оправдана соображениями как синтаксического, так и логического порядка.

И, наконец, два слова о семантическом членении всего отрывка, рисующего отдельные эпизоды бегства Игоря. Основных моментов в нем пять. а) Он начинается своего рода вступлением — картиной, изображающей явления природы, символически благоприятствующей осуществлению давно лелеемой Игорем мысли об избавлении от плена, на фоне которых зарождается действие: «Прысну море полунощи; идуť сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажеť изъ земли Половецкой на землю Рускую къ отню злату столу». б) Второй момент изображает тревожное душевное состояние князя, охваченного противоположными чувствами,

переходящего от полудремоты к бодрствованию, устремляющегося мыслью в далекие степные просторы в тишине мирно догорающего вечера: «Погасоша вечеру зари: Игорьъ спитъ, Игорьъ бдитъ, Игорьъ мыслию поля мѣрять отъ великаго Дону до малаго Донца». «Тревога, решимость, готовность на риск — все в этом быстром, как ветер, пробеге мысли: удастся ли победить расстояние и пронестись степью...», — говорит об этих стихах Е. Ляцкий.²⁷ в) Но вдруг тревожное раздумье Игоря прерывается резким свистом — то Овлур с того берега реки подает ему условный знак к бегству. На размышления не остается ни мгновения, ударил роковой час, всякое промедление может повлечь за собой гибель и смерть! «Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть...» Игорь напрягает последние силы, мобилизует волю, решается на последний шаг... г) Последовательность действия прерывается, Игорь скрывается от нашего взора, повествование автора резко обрывается... И только следующие за этим слова дают ответ на происшедшее. В ответ на него половецкие шатры нарушают свой покой: «вежи ся половецкии подвизашася» — читаем в «Слове»; заключительный эпизод четвертой картины — естественный финал всего случившегося. д) Мы на грани двух моментов, противопоставленных певцом «Слова». В то время как нам предоставляется автором дополнить воображением недосказанные подробности ночной тревоги, он дает беглецам возможность ускакать далеко: «а Игорьъ Князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголем на воду...»

Ссылаясь на выводы сделанного в нашей заметке анализа, предлагаем примыкающий непосредственно к выражению «вежи ся половецкии...» контекст читать в переводе на современный русский язык так:

Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь:
князю Игорю не оставаться! (по Д. С. Лихачеву).
Отозвалась гулом (эхом, загудела),
вдрогнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие пришли в движение (задвигались)²⁸
А Игорь князь поскакал
горностаем к тростнику...²⁹

²⁷ Е. Ляцкий. Звукопись в стиховом тексте «Слова о полку Игореве». — *Slavia Ročník*, XVI, Sešit 1, 1938, стр. 58.

²⁸ Любопытно, что примерно так же понимал это место еще В. В. Капнист: «От раздавшегося топота земля застонала. Зашумела трава. Слышно смятение в жилищах половецких» (см.: Д. С. Бабкин. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. — «Слово», 1950, стр. 340 (перевод древнерусского текста); ср. также его примечания на «Слово о полку Игореве», стр. 395; прим. 212: «Слова „вежи ся половецкия подвизашася“ не значат, кажется мне, чтоб они от бури потряслись, но что у них учинилось смятение, когда услышан был раздавшийся топот конский и зашумела трава»).

²⁹ Ср. подробное толкование этого выражения в статье В. И. Стеллецкого «К изучению текста „Слова о полку Игореве“» (стр. 146 и сл. и особенно стр. 150—155).

Б. Ст. АНГЕЛОВ

«Слово о полку Игореве» и его оценка в Болгарии

Как великое творение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» привлекает внимание болгарских культурных деятелей минувшего и настоящего времени. Они не чужды сложным проблемам, связанным с этим замечательным творением древней русской поэзии. Показателем прежде всего факт, что у нас стали говорить о «Слове о полку Игореве» очень рано: имеется письменно засвидетельствованное внимание к нему еще в середине XIX в. В номере 13 от 27 марта 1848 г. газета «Цариградски вестник» печатает статью «Руска книжнина», в которой, помимо прочего, говорится и о «Слове».¹

Автор этой первой осведомительной в нашей печати статьи о русской литературе в настоящее время неизвестен (весьма вероятно, что автор ее известный литератор д-р Ив. Богоров). При всей своей краткости и наивности эта заметка все же дает известную оценку «Слову о полку Игореве». И надо отметить, что эта оценка не только положительная, утверждающая, но и восторженная. Ее автор горячо отзываясь о «Слове». Заслуживает при этом внимания тот факт, что во всей статье «Руска книжнина» самым патетичным является пассаж, относящийся к «Слову о полку Игореве», которое называется «ироическо стихотворение», «чудно стихотворство от старите книжници». Его творец назван «соловьем всех времен». Автор статьи хорошо знаком с научной литературой о «Слове», что явствует из некоторых его фраз, касающихся известных спорных вопросов (например: «и се почита като за доказателство за староруското стихотворство», «ако и мнозина от младите се препираха, какво това име се отнесе в Русия на всичките стихотворци»). Он, бесспорно, знаком и с теорией о позднем происхождении этого произведения, согласно которой «Слово» является созданием образованного русского писателя конца XVIII в. Хотя наш автор и не выражает определенного отношения к этой теории, он и не присоединяется к ней. Самым лучшим доказательством того, что он ее не разделял, является чрезвычайно восторженное отношение его к «Слову», высокая и пламенная оценка, которую он ему дает.

Это положительное отношение к «Слову» неизвестного автора становится характерной чертой и в оценке последующих литераторов, которую они дают классическому древнерусскому творению. Следующей по времени

---

¹ Тут говорится: «По онова време излязоха на свет на руския език доста басни и ироическо стихотворение с надпис: „Разказвание за бойт на княз Игоря към половците“: чудно стихотворство от старите книжници и се почита като за доказателство за староруското стихотворство и за вярно битие и на други някои списания, които времето изтреби. Най-после се извадиха и различни трагедии, които се отдават на стихотворец Бегия когото наричат „славей на всичките времена“, ако и мнозина от младите се препираха, какво това име се отнесе в Русия на всичките стихотворци, които пееха по царските празници юначествата на преместниците на царете».

является оценка Райко Жинзифова в его предисловии к собственному переводу «Слова», помещенному в «Новобългарска сбирка» (М., 1863). Жинзифов — русский воспитанник с патриотической и отзывчивой душой, вдохновленный идеями русских славянофилов. Его убеждение не позволяет ему разделять теорию скептиков о позднем происхождении «Слова». Среди болгар он является одним из первых, кто определенно и страстно отстаивает древность «Слова о полку Игореве». Он знает, что о «Слове» писало много выдающихся ученых: Мусин-Пушкин, Карамзин, Болтин, Шишков, Востоков, Калайдович, Сахаров, Максимович, Дубенский, Ганка, Шафарик, Добровский. В своей работе он широко использует исследования и переводы Максимовича, Дубенского и Гербеля, на основе которых преимущественно строит свои взгляды на «Слово». Сам Жинзифов считает, «что невозможно передать все то, что было написано учеными о «Слове», потому что «их рассуждения заняли бы много места, из них вышла бы целая довольно крупная книга». Потому он ограничивается только общими сведениями о нем, говоря главным образом об источниках и языке своего перевода. По Жинзифову, «Слово о полку Игореве» — классическое старорусское творение. «Шесть веков прошло, как написано „Слово о полку Игореве“ и до конца восемнадцатого века оно не было знакомо русским; и не будучи им знакомо, не могло быть знакомо и другим славянам», — пишет Жинзифов. Он мог бы привести «еще много других замечаний и рассуждений, которые сделали другие ученые люди относительно „Слова“, но нет нужного времени». Жинзифов считает, что нужно перевести на болгарский язык это «славное» произведение русских, как он пишет о нем в другом месте в «Новобългарска сбирка» (стр. 62). Это великое творение должно стать достоянием и болгарской литературы, а не только других славян — чехов, сербов и поляков.

О переводе Жинзифова К. Н. Державин писал: «Свой перевод Жинзифов выполнил весьма внимательно, любовно и добросовестно... Болгарский переводчик, видимо, ставил одной из своих задач по возможности приблизить текст к своим читателям, ввести в него некоторые конкретные поэтические детали, связанные с привычным восприятием песенных образов на фоне болгарской народной поэтической традиции».²

По мнению Ефрема Каранова, второго, давшего у нас полный стихотворный перевод «Слова о полку Игореве», это произведение «составлено неизвестным певцом в конце XII столетия».³ Сравнительно с Жинзифовым Каранов подчеркивает в «Слове» другое. Прежде всего он указывает на чрезвычайно важную особенность «Слова» — светский характер его сюжета. «Этот старорусский памятник, — пишет Каранов, — можно сказать единственный, в котором нет ничего религиозного; это чисто поэтическое произведение, составленное в духе славянской поэзии». Каранов считает, что нужно прежде всего отметить именно эту сторону «Слова», потому что ею определяются и другие его особенности в композиционном и стилистическо-языковом отношениях. Именно с этой стороны «Слово о полку Игореве» показывает особенное родство с народной поэзией.

² К. Н. Державин. Райко Жинзифов и его перевод «Слово о полку Игореве». — Вестник ЛГУ, 1951, № 1, стр. 186, 187. Статья К. Н. Державина является первой работой, в которой сделана целостная и глубокая оценка перевода Жинзифова «Слова», а также и некоторые интересные наблюдения. Совсем основательно К. Н. Державин заканчивает статью констатацией, что перевод Жинзифова «вошел в историю болгарской литературы как первый опыт воссоздания величайшего памятника древней русской поэзии, как несомненный вклад в дело болгарско-русского культурного сближения, как дань искренней, любовной признательности воспитавшей его русской культуре от болгарского патриота-просветителя».

³ Ефрем Каранов. «Слово за пълка Игорев». Кюстендил, 1898, стр. 3.

Ефрем Каранов считает, что «„Слово“ — поэтическая повесть, поэма и было составлено первоначально в стихотворном размере, но при переписывании впоследствии потеряло стихотворную форму». Таким образом, он у нас один из первых литераторов, который поддерживает тезис о стихотворной форме «Слова». В тесной зависимости с этим его пониманием находится и подчеркивание близости в стилистическо-поэтических сходствах между «Словом о полку Игоре» и народной поэзией. «С художественной стороны выражения, — пишет он, — отметим несколько фактов, свойственных русской, а особенно малорусской и болгарской народной поэзии». Далее следуют примеры: сравнения, отрицательные сравнения, постоянные эпитеты, олицетворения, повторения, вопросы. Все они показывают прочную связь с народно-песенным творчеством.

«Едиственный памятник, жемчужина не только древнерусской, но и вообще древнеславянской поэзии, с которым по оригинальности не могут соперничать и самые лучшие отрывки из чешской Краледворской рукописи, — оставим в стороне вопрос об ее автентичности — это без сомнения так называемое „Слово“ о походе (1185 г.) северского князя Игоря против половцев». Так начинает Бойчо Липовски (Никола Василев) вступительную заметку к своему переводу «Слова о полку Игоре» 1907 г.⁴ «Слово» составлено в конце XII в. «современником Игоря, если и не самым его соучастником в походе». Содержание и художественные особенности этого произведения красноречиво говорят, что его творец — светское лицо, «необыкновенный художник».

Краткая статейка Б. Липовского — одна из самых восторженных публикаций в болгарской литературе о «Слове о полку Игоре», отмеченная печатью сильной любви автора к этому выдающемуся старорусскому произведению. Эта любовь, конечно, подкрепляется его личным научным убеждением в древнем происхождении поэмы, так как Липовскому хорошо известно писанное о «Слове» видными русскими учеными и писателями, особенно Н. Тихомировым, А. Потемней и Н. Гербелем. Он не удовлетворен существовавшими до того времени болгарскими переводами старорусской поэмы и высказывается о них весьма не лестно («в них нет и следа от поэзии оригинала»). И потому именно он берет на себя ответственную задачу дать новый болгарский перевод «в форме так называемых стихотворений в прозе», чтобы передать полнее художественные достоинства и героическое содержание этого поэтического творения.

В кратких редакционных заметках, данных к переводу или к текстам «Слова о полку Игоре», помещенных в некоторых периодических изданиях, снова указывается на его древность. В одной из таких заметок, например, говорится: «„Слово об Игоре» полку“ — русская эпическая поэма, написанная неизвестным поэтом в конце XII или начале XIII столетия».⁵

Вообще характерной чертой в исследованиях болгарских ученых является их положительное и восторженное отношение к «Слову о полку Игоре». Для них это великое достижение древнерусской литературы, жемчужина русской культуры. Это исходное положение лежит в основе их специальных исследований и популярных публикаций. Некоторые исследования, опираясь на приведенный материал и его толкование, имеют целью доказать древность поэмы, отрицают теорию ее позднего происхождения.

⁴ Бойчо Липовски. Защо даваме трети превод на едно в също произведение. — Илюстрация светлина, XV, 1907, кн. IX—X, стр. 2.

⁵ Знание, г. I. Стара Загора, 1884, № 5; см. также: Мисъл, I. Силистра, 1886—1887, кн. 5, стр. 130.

Таковы, например, некоторые из публикаций Н. М. Дылевского⁶ и Боню Ст. Ангелова.⁷

В одной из своих публикаций Н. М. Дылевский писал: «Открытые параллели к подозреваемому в извращении месту в тексте первого издания „Слова о полку Игореве“ помогают нам рассеять сомнения тех, кто хочет видеть в „Слове“ поздний и претенциозный фальсификат. . . В свете новых свидетельств слово „шестокрилицы“ в „Слове о полку Игореве“ не может быть принято как мысль, случайно возникшая в уме мнимого фальсификатора, поставившего его в не совсем удачном на первый взгляд текстовом соседстве. Напротив, оно живая форма, сохранившаяся в народном творчестве двух славянских народов».⁸

Совершенно изолированным остается в болгарской литературе мнение Михаила Арнаудова о позднем происхождении «Слова». Под сильным влиянием французского ученого-слависта Андре Мазона Арнаудов высказывает мнение, что «Слово» представляет позднюю фальсификацию конца XVIII в. Согласно с Мазоном Арнаудов утверждает, что это сочинение — мистификация, написанная в конце XVIII в. высокообразованным русским писателем, взявшим за образец старорусское произведение с воинским сюжетом — «Задонщину». О позиции Арнаудова хорошо говорит еще самое заглавие его статьи «Достоверна или подправена поема? Потеклото на руското „Слово о полку Игореве“ в осветлението на проф. А. Мазон».⁹ Передавая кратко содержание и аргументы двух вышедших до того времени статей Андре Мазона, Михаил Арнаудов обобщает: «Мы имеем вполне определенное впечатление, что г. Мазон стал на твердую почву и имеет на своей стороне истину. Филолог и литературный историк с доказанной опытностью, он идет — без боязни быть обвиненным в какой-либо ереси — поднять завесу, покрывающую реальный лик поэмы, чтобы показать, что эта поэма вовсе не освещена никакой стариной и что все то, что в ней действительно хорошего, является чужим созданием, известным в почти полном своем составе еще до появления „Слова“ . . . И мы верим, что то, что нам и другим казалось раньше самым правильным разрешением проблемы, теперь получает окончательное и неопровержимое подтверждение (разрядка моя, — Б. А.)».¹⁰ Тут следует отметить, однако, и то, что в прежних своих публикациях М. Арнаудов стоит на прямо противоположной точке зрения. В своей работе «Очерки по българския фолклор» 1934 г., говоря о Симеоновом сыне Бояне, он писал: «Этот Боян или Баян едва ли имеет, однако, что-либо общее со сказочным поэтом Бояном, о котором идет речь в русском эпическом „Слове о полку Игореве“ XII в. . . Метафорические выражения в данном случае показывают смелое воображение старорус-

⁶ Н. М. Дилевски. 1) Едно неясно място в «Слово о полку Игореве». — Известия на дружеството на филолозите-слависти в България, кн. I. София, 1942, стр. 72—79; 2) «Бусым» или «босом волком» в «Слово о полку Игореве»? — Известия на Камарата на народната култура, серия хуманитарни науки, т. IV, № 5. София, 1947, стр. 25; 3) «Ратаевъ кикахуть» и «а злата и сребра ни мало того потрепати» в «Слово о полку Игореве». — Годишник на Софийския унив. Историко-фил. фак., т. XLII. София, 1946, стр. 15; 4) Бележки върху «Слово о полку Игореве». — Известия на Института за българска литература, кн. III. София, 1955, стр. 97—112.

⁷ Боню Ст. Ангелов. 1) «Слово о полку Игореве» и някои южнославянски успоредници с него. — Известия на Института за българска литература, кн. III. София, 1955, стр. 178—182; 2) Бележки върху «Слово о полку Игореве». — Известия на Института за българска литература, кн. V. София, 1957, стр. 456—474.

⁸ Н. М. Дилевски. Бележки върху «Слово о полку Игореве», стр. 103, 110.

⁹ Българска мисъл, XIV, 1939, кн. V—VI, стр. 290—297.

¹⁰ Там же, стр. 297.

ского мифического певца, родственного словно классическому Орфею (разрядка моя, — Б. А.)».¹¹

Я уже отметил, что теория позднего происхождения «Слова» остается изолированной в болгарской литературе, так как и до и после М. Арнаудова ее не разделяет ни один ученый. Йордан Иванов еще в 1896 г. писал: «„Слово о полку Игореве“ — оригинальное произведение, которое имеет важное значение как в историческом отношении по своей идее и патриотическому чувству, так и в поэтическом отношении по силе изображения и чистосердечного лиризма».¹² Александр Т.-Балан также писал: «... русские, которые до 1795 г., когда была открыта поэма „Слово о полку Игореве“, только гадали о своей письменной поэзии XII века, без возможности охарактеризовать ее по определенному вещественному поводу; до тех пор они читали только полинявшие отзвуки поэтических преданий, а Волынская летопись XIII века упоминала им о каком-то „словутном певце Митусе“ и о „песне о славе“ галицких князей-победителей».¹³ В этом же роде высказываются и другие болгарские ученые, как Ив. Д. Шишманов,¹⁴ Всеволод Николаев,¹⁵ Петр Мутафчиев,¹⁶ Иван Дуйчев,¹⁷ Велчо Велчев,¹⁸ Иван Снегаров.¹⁹

О «Слове о полку Игореве» в болгарской литературе писалось очень часто в связи с именем Бояна. Загадочный образ упомянутого в нем Бояна связывается с именем болгарского Бояна, сына царя Симеона X в. По мнению одних ученых, Боян из «Слова» идентичен с Симеоновым сыном Бояном, а по мнению других, это совсем различные лица. Первое мнение разделяют, например, Всеволод Николаев,²⁰ Петр Мутафчиев,²¹ Никола Балабанов²² и др. Ко второму мнению склоняются Иван Дуйчев,²³

¹¹ Михаил Арнаулов. Очерки по българския фолклор. София, 1934, стр. 532.

¹² Йордан Иванов. История на славянските литератури. Пловдив, 1896, стр. 100—101.

¹³ Ал. Т.-Балан. Сенки. Книжовно-исторически чертици. — Български преглед, I, 1894, кн. XI—XII, стр. 248.

¹⁴ Ив. Д. Шишманов. Стари пътувания през България в посока на римския военен път от Бялаград за Цариград. — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. IV. София, 1891, стр. 339—343.

¹⁵ Всеволод Николаев. Славянобългарският фактор в христианизацията на Киевска Русия. София, 1949, стр. 144—146.

¹⁶ Петър Мутафчиев. Към въпроса за българските извори на руските летописни известия. — Списание на Българската академия на науките, кн. III. София, 1912, стр. 142—143.

¹⁷ Иван Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. II. Боян Магесник. Към въпроса за лъжливите науки у нас и във Византия през средновековието. — Сборник на Българската академия на науките, кн. XLI. София, 1949, стр. 9—19.

¹⁸ Велчо Велчев. Руска литература в образци и очерки. Част I. От XI до XVII век. София, 1954, стр. 48.

¹⁹ Ив. Снегаров. Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X—XV в.). София, 1950, стр. 43.

²⁰ Всеволод Николаев. Славянобългарският фактор в христианизацията на Киевска Русия, стр. 144—146.

²¹ Петър Мутафчиев. Към въпроса за българските извори на руските летописни известия, стр. 142—143.

²² Никола Балабанов. Стари украинно-български литературни отношения. — Украинно-български преглед, I, 1919—1920, № 5, стр. 41.

²³ Иван Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие, стр. 9—19. Дуйчев пише: «Тъждествеността на имената не доказва нищо, още повече като се има предвид, че името Боян не е било така рядко. Трябва да се вземат в съображение също и големите хронологически трудности. Изобщо, трябва да се заключи, че се отнася до две напълно различни личности. Певецът в „Слово о полку Игореве“ принадлежи изцяло на руското минало. Колкото и да ни блазни мисълта за някакво тъждество, пресилено е да приписваме неговите качества на българския княз Бояна, за когото знаем толкова малко».

Васил Пундев,²⁴ Михаил Арнаудов²⁵ и др. Несмотря на множество высказываний по этому поводу и в русской и в болгарской научной литературе, и до настоящего времени этот вопрос не может считаться окончательно разрешенным. Над ним придется еще достаточно поработать. Правильное его разрешение можно ожидать только, когда откроются новые материалы из средневековой русской и болгарской истории.

Самую высокую и правильную, научную оценку «Слово о полку Игореве» получило у нас в годы народно-демократического строя, утвердившегося в результате народной антифашистской борьбы болгарского народа, активно поддержанного братским советским народом в сентябре 1944 г. Выражением этого отношения является торжество, проведенное Болгарской Академией наук в 1951 г. по случаю 150-летия со дня выхода первого печатного издания «Слова о полку Игореве» в 1800 г. Еще более ярким выражением этой оценки является юбилейная книга «Песен за похода на Игор», подготовленная по этому поводу и вышедшая в Софии в 1955 г. Богато иллюстрированная, она ценна прежде всего благодаря новому стихотворному переводу «Слова о полку Игореве», сделанному видным болгарским поэтом и писателем академиком Людмилом Стояновым. В своей вступительной статье «Бележита национална поема» Людмил Стоянов указывает на высокие поэтические достоинства этого произведения, его смысл и политическую устремленность. «Исключительно важный литературный памятник эпохи феодализма в России, — пишет Людмил Стоянов, — „Слово о полку Игореве“ дает широкую историческую картину общественной и социальной борьбы в расчлененном на отдельные княжества русском феодальном государстве конца XII века и одновременно указывает на тогдашний культурный уровень и состояние письменности». В этой же книге помещено обширное литературно-историческое исследование Н. М. Дылевского («„Слово о полку Игореве“ — героична поема на старата руска лигатура», стр. 75—99), «Бележки към „Песен за похода на Игор“» (стр. 111—140) его же и «„Слово о полку Игореве“ на български» Б. Ст. Ангелова (стр. 101—109). На основе широкого исторического анализа Н. М. Дылевский рассматривает различные вопросы: эпоху, в которую возникло «Слово», воздействие на него народного творчества, поэтическое дарование его творца, стилистические и языковые особенности произведения, связь его с русскими летописями, значение его «„Слово о полку Игореве“, — отмечает Дылевский, — это продукт целого предшествующего развития старой русской литературы и создавшихся в ней литературных и общественных традиций. Но и само оно влияло на оформление литературных вкусов и общественных настроений современников, на создание литературных творений позднейших эпох и оставило глубокий след в русской культуре».

Хорошую, марксистскую оценку «Слову о полку Игореве» дает и Велчо Велчев в своей статье «Руската героична поема „Слово о полку Игореве“ — велико народно произведение».²⁶ «„Слово о полку Игореве“, — пишет В. Велчев, — выдающееся достижение не только русской, но и славянской художественной мысли. „Слово о полку Игореве“ — исключительное произведение своего рода и в мировой литературе. Автор „Слова о полку

²⁴ Васил Пундев Боян Магьосникът. Историко-литературна студия. София, 1923, стр. 45 и др.

²⁵ Михаил Арнаудов. 1) Очерки по българския фолклор, стр. 532—534, 2) Боян Магьосника в историята и митологията. — Театър и опера, I, 1921, кн 8, стр. 2—4.

²⁶ Работническо дело, XXIII, № 47, 16 II 1951, стр. 2

Игореве“ перерос ограниченные личные и узкоклассовые феодальные интересы и возвысился до идеи отстаивания народных интересов».

В своих занятиях над «Словом о полку Игореве» болгарские ученые опираются прежде всего на русские исследования о нем. Для них авторитетно мнение русских ученых. Особенно сильно и благотворно в этом отношении воздействие советской науки. Это имеет значение и в отношении к болгарским переводам «Слова». Все переводчики отмечают, какими русскими переводами они руководствовались в своей переводческой работе над «Словом». Конденсированное выражение всей этой большой творческой деятельности дает Людмил Стоянов, говоря: «Моя задача прежде всего состояла в претворении старорусского оригинала в соответствующий болгарский текстуальный перевод поэмы „в прозе“. После этого можно было приступить к художественному ее оформлению в отношении языка, ритма, поэтического строя и поэтического смысла. Тут бесспорно неоценимую помощь могли мне принести русские переводы, главным образом советских авторов. Между ними надо упомянуть переводы И. А. Новикова, В. И. Сгеллецкого, А. Югова, Н. А. Заболоцкого, Д. С. Лихачева».²⁷

Если исключить некоторые из статей, можно отметить, что публикации в болгарской литературе о «Слове о полку Игореве» носят до настоящего времени преимущественно научно-популярный характер, прямая цель их познакомить болгарского читателя с этим классическим древнерусским литературным творением, создать интерес и любовь к нему. И надо признать, что эта цель достигнута — это видно как по литературе о нем, так и по числу полных и частичных переводов «Слова».²⁸ На основе этого ценного наследия более чем векового интереса к «Слову о полку Игореве», выраженного в переводах, научных и популярных статьях и заметках, можно сжидать, что болгарская наука приступит к рассмотрению некоторых специальных вопросов из его истории. Это является еще более возможным теперь, когда болгарские ученые вооружены великим марксистско-ленинским учением о развитии общества и человеческой культуры.

---

²⁷ Песен за похода на Игор. София, 1955, стр. 13.

²⁸ Б. Ст. Ангелов. «Слово о полку Игореве» на български. — Песен за похода на Игор. София, 1955, стр. 101—109.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

Искусство перевода Киевской Руси

1

Переводная письменность XI—XII столетий имеет громадное значение в истории культуры русского народа. С помощью переводных произведений складывавшееся феодальное общество упрочивало свою идеологическую систему. С переводной письменностью в большой степени связано образование оригинальной древнерусской литературы. На материале переводов совершенствовался и обрабатывался древнерусский литературный язык.

Между тем по сравнению с оригинальной литературой того же периода русская переводная письменность, возникшая именно на Руси в Киевскую эпоху, изучалась недостаточно. И в прошлом переводным памятникам были посвящены лишь отдельные труды А. И. Соболевского,¹ В. М. Истрина,² М. Н. Сперанского,³ отчасти А. С. Орлова.⁴ За последние же 20—25 лет изучение древнерусской переводной письменности совершенно прекратилось, что мы можем рассматривать как крупный недочет современной филологической науки.

В настоящей статье автор ставит своей целью обратить внимание на важность отдельных проблем, связанных с изучением древнерусской переводной письменности Киевского периода, выявить круг памятников, несомненно подвергшихся переводу на Руси, уточнить представление о языковой основе древнерусских переводов, охарактеризовать язык и стиль переводов, сделанных в XI—XIII вв., а также показать их значение для развития древнерусского литературного языка.

---

¹ А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода. — СОРЯС, т. 88, 1910, в. 3 (далее: Соболевский), стр. 162—177.

² В. М. Истрин. 1) Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1894; 2) Книга временных и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I, Пгр., 1920; т. II, Пгр., 1922; т. III, Л., 1930; 3) Иудейская война Иосифа Флавия в древнем славянорусском переводе. — Ученые записки высшей школы г. Одессы (Отдел гуманитарно-общественных наук), т. I, Одесса, 1922, стр. 27—40; V. M. Istrine. La Prise de Jérusalem de Josèphe le Juif, tome premier. Paris, 1934; tome second, Paris, 1938. Более подробную библиографию см.: В. В. Данилов. Хронологический список трудов академика Василия Михайловича Истрина. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 586—593.

³ М. Н. Сперанский. 1) Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. — СОРЯС, т. 99, 1922, № 7, 165 стр.; 2) Повесть о Динаре в русской письменности. — ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 43—92. Более подробную и точную библиографию см.: В. Д. Кузьмина. Хронологический список трудов акад. М. Н. Сперанского. — ТОДРА, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 594—612.

⁴ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Изд. АН СССР, Л., 1934, 171 стр.

Без сомнения, известное сообщение Повести временных лет, помещенное под 1037 г., о том, что киевский князь Ярослав «сбра письмо многы. . . и. . . прекладаше книги от грѣк на словенское письмо»,⁵ следует понимать обобщенно и в более широком смысле, чем указание только на один данный год. Это, очевидно, прямое свидетельство о наличии в Киевской Руси своих переводов, независимых от славянского юга. Расширительно истолковывая указанное сообщение, мы распространяем его на весь период существования Киевского государства, с возможным предположением, что такие переводы могли производиться не только в столице, но и в других культурных центрах тогдашней Руси, например в Галиче или во Владимире в эпоху их расцвета, до татаро-монгольского завоевания.

Весьма естественно предположить, что переводы, сделанные в Киевской Руси в домонгольский период, отличаются какими-то общими для них чертами языка и стиля, благодаря которым они могут быть отделены от переводов южно- и западнославянского происхождения, наряду с ними имевших обращение в древнерусской письменности. Мы имеем право, таким образом, говорить о чертах и традициях какой-то единой древнерусской переводческой школы, так как переводы эти характеризуются общей манерой изложения, одинаковыми стилистическими приемами, хотя они, несомненно, выполнены не одним лицом и не в одно время.

2

Первым, кто обратил внимание на приведенное указание «Начальной летописи» и сделал попытку установить критерий, на основании которого можно было бы из массы памятников древнерусской переводной письменности выделить именно те, которые могли быть переведены непосредственно на Руси, был академик А. И. Соболевский. В 1910 г. он опубликовал статью «Особенности русских переводов домонгольского периода», в которой ставил вопрос, «как отличить переводы, сделанные в домонгольской Руси, от переводов, сделанных у южных славян, и что можно считать переведенным на Руси?»⁶

Как правильно полагал А. И. Соболевский, основная трудность решения поставленного им вопроса заключается в большей или меньшей однотипности языка во всех письменных памятниках, сохраненных в рукописной традиции древней Руси, независимо от места и времени их происхождения.

Можно согласиться с названным исследователем также и в том, что по существу язык переводных письменных памятников совпадает и с тем языком, на котором писались такие оригинальные произведения древнерусской литературы, как летописи, жития Феодосия Печерского, Бориса и Глеба, слова Кирилла Туровского и даже «Слово о полку Игореве».

Ввиду указанной однотипности языка во всех без исключения переводных памятниках порою бывает очень трудно отличить переводы, сделанные на Руси, от переводов иного происхождения, особенно в тех случаях, если произведения невелики по своему объему. Однако, по мнению А. И. Соболевского, мы всегда имеем возможность отличить такие переводы тогда, когда произведение имеет более или менее значительный объем.

В качестве критерия, которым следует руководствоваться в данном случае, А. И. Соболевский справедливо признает не признаки фонетики и

⁵ Повесть временных лет, ч. I. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 102.

⁶ Соболевский, стр. 162.

морфологии, которые могут быть использованы лишь в виде незначительных исключений, а данные лексики в языке переводных памятников. Словарный материал перевода, по мнению этого исследователя, имеет особо важное значение для определения того, где именно мог быть сделан перевод. При этом выделяются четыре группы слов, могущих быть показательными в указанном отношении.

Первую группу составляют слова, славянские по происхождению, но имеющие специальные значения: названия должностных лиц, денежных единиц, мер веса или расстояния, названия судов, одежд, напитков и других предметов быта, характерных именно для восточных славян. Сюда относятся такие слова, как «посадник», «староста», «гривна», «куна», «капь», «резана», «насад», «кожух».

По мнению А. И. Соболевского, большая часть таких слов совсем не встречается в старославянских памятниках, происходящих из стран славянского юга; меньшая часть их может иногда встречаться, но в других специальных значениях. Так, слово «гривна» может быть в значении «ожерелье», но никогда не употребляется в качестве названия монетной или весовой единицы. Слово «пиво» может быть встречено в южнославянских по происхождению памятниках лишь в значении «напиток вообще» и не употребляется, как в памятниках русских, в значении определенного хмельного напитка.

Ко второй группе А. И. Соболевский отнес слова, заимствованные русским языком из других языков, в том числе и из греческого, но изустным путем, минуя влияние церковнославянской письменности. Указанные слова могли употребляться в самых разнообразных значениях, например: «тиун», «шолк», «плуг» (из германских языков), «женчуг» (из китайского языка через тюркские), «сабля» (из тюркских языков), «уксус», «скамья», «кадь» (из греческого языка), «керста» или «корста» (ящик, гроб), «пья» («парус» — из финских языков) и др.

В старославянском языке этим словам соответствовали другие слова: «плуг» — «рало», «женчуг» — «бисър», «уксус» — «оцѣт» и т. п. Слова этой группы также обычно неизвестны в текстах южнославянского происхождения.

К третьей группе относятся названия стран, городов, народов, хорошо известных восточным славянам и неизвестных или мало известных у южных славян. Названия эти обычно отличаются от названий, свойственных греческой традиции. Сюда относим такие названия, как «Кърчева», «Сурож», «Суд» (пролив), «мурманин» (норманн, варяг), «обез» (абхазец, грузин) и др.

К четвертой группе слов могут быть отнесены такие слова, которые или совсем не встречаются в памятниках южнославянского происхождения, или встречаются в них чрезвычайно редко и которые вместе с тем находятся обычно в памятниках заведомо русского происхождения или до сих пор звучат в современных русских народных говорах: «хвост», «глаз», «пирог», «ковер», «думати» (держат совет); такие словосочетания, как «учити грамоте», «в ть чин» (в то время) и т. п.

К этим словам А. И. Соболевским присоединены и те немногие слова, значение которых в текстах, несомненно русских по происхождению, одно, в текстах же, по происхождению южнославянских, другое: село (в древнерусском «селение», в южнославянских языках «поле»), сено (в древнерусском «сухая трава», в южнославянских «трава» (вообще)), скот (в древнерусском не только «скот», но и «деньги», в южнославянских в значении «скот», «животное»), лаяти (в древнерусском в значении «брехать (о собаке)», «бранить», «ругать (о людях)», в южнославянских

в значении «подстергать»), страдати (в древнерусском не только в значении «испытывать страдание», но и в значении «работать», «трудиться») и др.

Критерий, выдвинутый А. И. Соболевским, может быть признан в общих чертах правильным, хотя в отдельных частностях нуждается в некотором уточнении. Так, наличие того или иного слова в словаре Ф. Миклошича еще не дает основания считать данное слово старославянским или южнославянским. Во-первых, Ф. Миклошич использовал не только собственно старославянские, но и русские лексические материалы через словарные записи Х. Востокова, Ф. И. Буслаева и др. Во-вторых, в его словаре широко представлена лексика, взятая из южных памятников, как «Пролог», «Кормчая» и др., которые являются по своему происхождению русскими и попали в южнославянские языковые области в конце XII—начале XIII в., переписывались там с русских оригиналов и тем самым способствовали внедрению руссизмов в письменный язык южных славян. Должен быть уточнен также вопрос об исключительно русской принадлежности того или иного слова, возможно имевшего более широкий круг обращения в славянских языках. Однако эти проблемы трудно решить при слабой разработанности исторической лексикологии, и поэтому пока, условно и с соответствующими оговорками, критерий А. И. Соболевского может быть принят как рабочий прием.

Согласно указанному лексическому признаку, А. И. Соболевский выделил до двух с половиной десятков переводов, которые, по его мнению, должны быть отнесены к сделанным на Руси в домонгольский период. Среди отмеченных Соболевским переводных произведений должны быть названы в первую очередь такие, которые не имеют узко церковного значения, содержание и стиль которых поэтому обогащали общекультурный кругозор древнерусского общества. Сюда относятся: Житие Андрея Юродивого, сохранившееся в списках XIII—XIV вв. и отразившееся в начальной части Киевской летописи. Как памятники, безусловно светские по стилю и содержанию, далее должны быть названы: «Космография» («Христианская топография») Космы Индикоплова, «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Пчела», «Александрия» Псевдокаллисфена, «Сказание о создании храма св. Софии в Царьграде», «Физиолог» так называемой второй редакции, книга «Эсфирь», апокрифическое житие Моисея «Исход Моисеев», апскрифические сказания о Соломоне («Соломон и Китоврас», «Соломон и царица Савская», «Сказание о подземном человеке», «Суды Соломона»), «Повесть об Акире», «Повесть о прекрасном Девгении», «Сказание о царе Адарiane», «Сказание об Иверской царице Динаре», «Сказание о 12 снах царя Шахаиши». К этому же списку А. И. Соболевский склонен был отнести также древнейший перевод «Пролога». Что касается «Хроники» Амартола, то А. И. Соболевский, в противоположность В. М. Истрину, склонен был считать перевод не русским по происхождению, а болгарским, лишь отредактированным в более позднее время на Руси.

Приведенный список должен быть пополнен отдельными произведениями, которые остались неизвестными А. И. Соболевскому. Так, необходимо назвать книгу «Иосиппон», т. е. еврейское хронографическое произведение, охватывающее исторические события до разорения Иерусалима Титом. Эта книга сохранилась в разрозненных частях в составе различных компилятивных повествований, как «Плены Иерусалимли», «Взятие Иерусалиму третья Титова» по второй редакции «Летописца Еллинского и Римского». Часть этого перевода введена в качестве цитаты в текст По-

вести временных лет под 1110 г.⁷ Относительно отдельных произведений, как например «Повесть о царице Динаре», должна быть уточнена датировка и рассмотрен вопрос об их самобытности.⁸ Однако в целом цикл древнерусской переводной письменности, намеченный в труде А. И. Соболевского, мы должны считать в общих чертах правильным.

Более пристальное изучение языка и стиля переводов позволяет поставить проблему, которая до сих пор предполагалась решенной сама собою. С какого языка делались переводы? Доверяя буквальному указанию Повести временных лет, А. И. Соболевский, как и другие исследователи, занимавшиеся этим вопросом, считали само собою разумеющимся, что переводы делались только с греческого языка. Между тем язык таких переводов, как книга «Эсфирь», а также книга «Иосиппон», сказаний о Соломоне, о Моисее, о царе Дариане и ряда других доказывает их непосредственную зависимость не от греческого, а от древнееврейского оригинала. В этом убеждают как отдельные слова, оставленные в тексте без перевода, так и транслитерация собственных имен и географических названий, главное же — характерные синтаксические гебраизмы, там и сям вкрапленные в язык перевода.⁹

Наряду с довольно обширным кругом произведений, переведенных с древнееврейского языка, следует остановиться на «Повести об Акире», оригиналом которой, по всей видимости, следует считать сирийскую версию этого широко распространенного в мировой литературе сюжета. В свое время, в 1913 г., А. Д. Григорьев, впервые издавший древнерусский текст «Повести», высказал предположение о том, что перевод был сделан с сирийского языка;¹⁰ Н. Н. Дурново в 1915 г. не поддержал, но и не опроверг этого предположения.¹¹ Другие исследователи высказывались за греческий оригинал. В нашем распоряжении имеются материалы, которые подтверждают предположение А. Д. Григорьева о сирийском языке оригинала. Один из героев «Повести» назван в древнерусском переводе Синагрипом, царем «Адорским и Наливским», т. е. царем Ассирии и Ниневии; это может быть объяснено только из особенностей сирийской палеографии (шрифт «эстрангело»), в которой буквы «нун» и «лямед» имеют сходное начертание и отличаются друг от друга только по длине основной вертикальной, полунаклонной влево черты.

Возможно, что более пристальное исследование позволит вскрыть переводы с других восточных языков, в частности с языков народов Кавказа, грузинского и армянского; возможно, с грузинского была переведена повесть «О царице Динаре». Это наблюдение значительно расширяет наши представления о лингвистическом кругозоре Киевской Руси, о широте взглядов и мировоззрения русских переводчиков.

3

Перейдем к анализу языка и стиля переводов. В качестве примера мы привлекаем перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, так как

⁷ Н. А. Мещерский. 1) Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет». — Палестинский сборник, в. 2 (64—65). Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 58—68; 2) К вопросу об источниках «Повести временных лет». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 57—65.

⁸ Л. С. Шепелева. Культурные связи Грузии с Россией. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 308—310.

⁹ Н. А. Мещерский. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода. — Ученые записки Карело-Финского педагогического института, т. II, Серия общественных наук, в. 1. Петрозаводск, 1955, стр. 198—219.

¹⁰ А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

¹¹ Н. П. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе, I. К истории повести об Акире. М., 1915.

он, бесспорно, сделан в Киевской Руси и так как это наиболее обширный по объему и разнообразный по содержанию памятник. «История» не принадлежала к числу церковных вообще, ни тем более собственно богослужбных книг, при переводе которых с греческого на церковнославянский текст передавался буква в букву с соблюдением того же порядка слов, тех же синтаксических конструкций, что и в греческом оригинале. Светское содержание переводимого текста допускало значительно большую свободу для переводчика. Он стремился не к буквальной передаче текста, а напротив, главным образом к тому, чтобы сделать его содержание более доступным, понятным, интересным и даже увлекательным для своих древнерусских читателей, приблизить его по возможности к их понятиям и запросам.¹² Словом, переводчик был не рабом, а соперником автора, творчески пересоздавал его произведение и подчинял все его положения своей основной идее. Свобода перевода, таким образом, связывается с высоким литературным мастерством, свидетельствующим о незаурядных дарованиях переводчика как художника слова и о высоком уровне развития русского литературного языка того времени.

Свобода перевода и литературное мастерство переводчика проявляется в следующем: а) естественный порядок слов, независимый от порядка слов оригинала; б) конкретизация общих отвлеченных понятий; в) художественное распространение описания, преимущественно боевых эпизодов; г) приспособление к русским пониманиям того времени к насыщению особенностями русского быта; д) внесение прямой речи и диалога взамен косвенной речи и повествования о событиях в оригинале; е) широкое использование метафор, сравнений и развернутых образных выражений, не имеющих соответствия в греческом тексте; частое применение фразеологических средств русского языка; ж) эмоционально насыщенные описания природы, данные гораздо ярче и красочнее, чем в оригинале; з) использование звуковой организации речи, рифмы и ритмического членения фраз.

Рассмотрим отдельно каждую из отмеченных сторон стиля, характерного для древнерусского перевода «Истории иудейской войны».

Для того чтобы судить о свободе древнерусского перевода по отношению к греческому оригиналу в смысле построения предложений в порядке слов, достаточно сравнить точный подстрочник любого места из любой книги «Истории» с его древнерусским текстом. Так, например:¹³ кн. III, гл. V (подстрочник с соблюдением расстановки слов греческого подлинника): «Когда в Иерусалиме о иотапатском несчастье было узвано, то сначала не верили многие и ради размеров бедствия, и ради того, что никто из говоривших очевидцем не являлся, ибо не спасся ни один вестник, но сама собою распространялась молва, которая обычно разносит всякое несчастье». То же в древнерусском тексте: «Бывши вести в Иерусалиме [о] иотапатстеге страсти и о пленении, не яша веры величества реди вещи, зане не бысть человека, иже бы очима своима видел, не утече бо ни один вестник, но сама весть проповедаше».¹⁴ Кн. IV, гл. I, ч. 2: «Таким образом по природе неприступный город он сделал еще более неприступным, укре-

¹² См. подробнее: Н. А. Мещерский. «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М—Л., 1958, стр. 64—91.

¹³ Сравнения с греческим текстом «Истории иудейской войны» делаем по изданию Б. Низе: Flavii Josephi opera edidit et apparatus critico instruxit Benedictus Niese. Volumen VI. De bello Judaico libros VII ediderunt Justus a Destinon et Benedictus Niese. Berolini apud Wiedemannum MDCCCXCIV (1894).

¹⁴ Древнерусский текст перевода «Истории иудейской войны» приводим по списку Виленского хронографа (рукопись Библиотеки Академии наук Литовской ССР № 109 (147), лл. 500—736).

пив его подземными ходами и окопами». То же в древнерусском тексте: «И тако сущю твердо граду тому, Иосиф боле утверди: създания и трубы, и пещеры устрои, како бы лзе землею ходити». Кн. V, гл. I, ч. 6: «И теми постройками из неблагочестиво добытого материала одолеть надеялся он врагов, но бог щетным его труд показал, прежде чем стать кому-либо на башни, приведа римлян». То же в древнерусском тексте: «И тем беззаконным строением уповаше победити враги, бог же труд его суетен показа и приведе Тита с римляны прежде начатия боя».

В приведенных примерах заметно стремление переводчика конкретизировать изложение событий. Это можно подтвердить и еще более яркими образцами. Кн. IV, гл. VIII, ч. 1: «В то время в галльском стало известно двужени и, где Виндеко вместе с туземными владетелями отложился от Нерона, о чем более точно другими написано». Ср. в древнерусском тексте: «И тогда приде вестник Еуспасиану о галатийсте воздвижении, како Уиндикс преврати к себе властелины, и заратишася с Нероном». К Веспасиану приходит конкретное лицо — вестник; Виндекс привлекает на свою сторону вельмож, и потом они уже все вместе восстают против Нерона.

Еще: кн. VII, гл. II, ч. 1: «[Веспасиан] из Ионии направился в Элладу, а оттуда, от Ксркиры в мысу Еапигии, откуда уже по суше продолжал свое путешествие». Ср. в древнерусском: «И от Ону преплы к Еладе и оттуда к Керкиру, а потом ко Агипиа. И ту вошед из огар, и нача на коних путешествиевати». Здесь все совершенно конкретно; переводчик видит перед собой изображаемые события и действия описываемых лиц: Веспасиан, приплыв к берегам Италии, высаживается из гребных судов, доставивших его туда, и далее совершает свой путь уже верхом на конях.

Таким образом, творческая инициатива переводчика сказалась не только в сокращениях и добавлениях, но и в полной стилистической переработке всего текста «Истории», в превращении ее из собственно исторического произведения в поэтическую повесть. Особенно отчетливо это проявляется в описаниях картин боя, здесь переводчик чувствует себя вполне в своей стихии, нераздельным хозяином изображаемого материала. Вот описание боя иудеев с римлянами во время осады Иотапати: кн. III, гл. VII, ч. 4: «И наутрия, вышедше на римляны велми крепле, обретоша же ся противни крепльше их. До пятого дьне бишася. (И бысть видети дом копиинны, скрежетание мечное, и щиты ископаны, и мужи носими, и землю напоиша крови). А ни иудеи римлян устрашивахуся, ни римляне трудяхуся, зряще твердости града». Словам, взятым в скобки, нет соответствия в греческом.

В другом месте (кн. VI, гл. II, ч. 8) читаем: «Римляне же, очютивше пришествие их, притекша скоро и възбраниша им преити обрытие, и въставиша крепку сечю и много храбрьство показаша межи собою зане римляне сильнейше и искуснейше на рати суть, иудеи же, не щадаше себе, прярившееся (акы слепи) скакаху, ищуще сечения, да тем избавятся от лютаго мучителя, глада. Воевода же биста имъ: иудеом нужна и алчба, а римляном срам, аще попустять иудеи на ся, акы от сети (от тенета)». Слова, взятые в скобки, и в данном случае внесены древнерусским переводчиком. Мы можем заметить, что именно они придают всему рассказу яркую и конкретную образность.

Описания боевых столкновений всегда носят эпический характер; так, например, кн. V, гл. VII, ч. 3: «Ни едины же длъго гоняху, но мало побегываше, възвращахутся и, гоняще, и скоро побегняху». В греческом здесь стоит только: οὐδέτερος οὐτε φυγῆς, οὐτε δεωξέως μῆκος εἶναι, т. е. «ни для одной стороны ни бегство, ни преследование не были постоянными». Или: кн. V, гл. XI, ч. 6: «И снемшимся полком, прах

очима не дадеше видети, ни ушима слышати кличь, ни мощно познати своего или супостата». Или еще: кн. V, л. VII, ч. 3: «И не одолеваше труд ни сим ни онем, и бысть стенобитье и снятие (схватка) по вся дньи, и выростание (вылазки) и ломление оружиею, и скрежетание меча, и вопль до облак, озем стеноющим и рыдающим, озем же хвалящимся. И несть образа ратного, иже не явися ту».

Картины боя даются в стиле, очень близком к описаниям русских летописей. Например, кн. VI, гл. II, ч. 6: «Потом же, и мечи изламаше, и руками начаша битися, и всяко обретаемое оружие бысть обретающемуя»; или кн. III, гл. VII, ч. 23: «И камень меташу пороками, сулицы, из лук пушаемы, шумяшу»; или кн. III, гл. VII, ч. 22: «И бысть видети падающе жиды, акы снопы со забрал»; или кн. II, гл. VII, ч. 19: «И стрельцем стреляющим и суличником сулицами сующим, и порочником камней пушающим, и не смеюще юдеи стати на забралах»; или кн. III, гл. VII, ч. 9: «и сулицы, из лук пушаемы, шумяще, стрелы помрачиша свет».

В подобных же эпических чертах даются описания поединков и доблестных поступков отдельных римских и иудейских воинов. Например, о подвиге римского сотника Иулиана (кн. VI, гл. I, ч. 8): «убодену же бывшу коню его, сеи же творяше пеш, яко же и на кони скача, яко и демон... иудеи же, обступльше и купно, пободоша оружии, и копии, и окшевами (топорами), и каменiem бияху, и древом, хотяще симь единемь вся римляны устрашити»; или о храбрости иудея Ионафана, вызвавшего на единоборство римлян (кн. VI, гл. II, ч. 10): «яко несть в вас, иже со мною с единемь битися!». Когда ему удастся свалить своего противоборца, он «наступи на труп его, и, кровавым мечем махашет, скача и пляша радостно, акы все римлян убив. И кричаше на всех, акы кличем хотя снести я».

Постоянны в переводе такие излюбленные летописные выражения, как «добыти копиемь», т. е. взять город штурмом (кн. IV, гл. VIII, ч. 3): «Тъ же град Исус, Наввин сын, воевода еврейский, добы копием первые от Хананьские земли»; «вдати на щить»; «плечи даша» (в греческом *ὑπόδειξαν τὰ ὤματα* — «показали тыл»); «Зане же не обычай им есть обратити плещи, когда побежени суть, но тихо отступают, тако не знати бегания их». Замечательны выражения «к смерти челом идут» (кн. VI, гл. I, ч. 5), в греческом «презирают смерть», или «челомъ ити к железу акы зверь» (кн. IV, гл. I, ч. 6). Выражению «оставиша игемона своего во устех брани» (там же) имеет соответствие в греческом лишь *ἐν τοῖς κινδύνοις ἐγκαταλιπεῖν*, т. е. «в опасностях покинуть». Приведенные воинские выражения были для того времени, когда создавали перевод, выражениями обычными и общенародными, знакомыми для каждого соприкасавшегося с воинскими подвигами, столь частыми тогда в дружинной среде.

Подобные выражения можно встретить и в Повести временных лет, и в Киевской и Галицкой летописях, и в «Слове о полку Игореве». Трудно определить, что при этом служило для них источником: попали ли они из «Истории» в летописи или, наоборот, переводчик, хорошо знакомый с летописным стилем и способом выражения, украсил ими свой труд. Во всяком случае мы можем с уверенностью сказать, что перевод «Истории» и указанные древнерусские воинские произведения — современники, они созданы людьми одной эпохи и одной среды, литературными деятелями, которые жили одними и теми же общественными интересами, проявляя одно и то же воспитание чувств, принадлежали к одной и той же писательской школе в период расцвета русской литературы в пределах Киевского государства.

Понятия и предметы, о которых идет речь в «Истории», как правило, передаются названиями предметов и понятиями, характерными для русского общества и быта раннефеодальной эпохи. Понятиям «друзья», «товарищи» (греч. οἱ ἑταῖροι, οἱ φίλοι) всегда соответствует «дружина», «вернейшая дружина». Ироду вложено в уста такое изречение: «Мятеж гнев ражает от дружиння безумия», чему в греческом соответствует только «ссоры и дрязги происходят от злонамеренности окружающих» (кн. I, гл. XVII, ч. 5).

Постоянно в переводе встречается слово «честь» в полном соответствии с понятием феодальной чести. Это слово вставляется переводчиком на месте греческого εὐφρομία «радость»: «И сретоша сѣфаряние съ честью и с похвалою» (кн. II, гл. XVIII, ч. 11), или в том месте, где в греческом тексте этого понятия вообще не выражается: «Боюся же, яко тѣи хошетъ огнусити чьсть мою» (кн. I, гл. XXXII, ч. 2). В греческом только: «Я опасался, чтобы ты не возненавидел меня за судьбу мою». Понятие чести связывается с наградами или угощениями при воспевании славы кому-либо: «Агриппа же възва Успасиана в свою власть на чьсть и на славу» (кн. III, гл. X, ч. 7).

Римское пожалование (δόσις) также объясняется в переводе понятием чести: «И повеле (Клавдий) властелем своим, да испишуть в книгах медяных чьсть всю и возложить на Капетолию, да явлено будет и последним родом, каку чьсть приа Агрипа от Клавдия» (кн. II, гл. XI, ч. 5). В греческом при этом имеем только: «Он приказал сенаторам, чтобы они повеление о пожаловании, вырезав на медных досках, выставили в Капитолии».

Словом «чьсть» передается и греческое понятие γέρας, т. е. «какая бы то ни была награда вообще»: «И съ (Симон, сын Гиоров) заповеда рабом свободу, а свободным чьсть» (кн. IV, гл. IX, ч. 3); в греческом: «обещающая рабам свободу, а свободным награду».

Вместе с тем греческое τιμή — «честь», употребленное в подлиннике в смысле, не отвечающем понятию феодальной чести, переводится другим русским словом — «глум»: «и умучени быша (пленники) на глум цесарев» (т. е. «на потеху цесаря»), чему в греческом соответствует: «множество иудеев подвергнув наказанию в чьсть его» (кн. VII, гл. III, ч. 1). Как и в летописях, в переводе «Истории» часто упоминается о пении народом похвальных песен при встрече победителей: «И абие (Ирод) постиг Иезекия, начальника разбойникомъ, губящая окръстная Сурия, и того ем, изби вся силу его. Тем же и песни пояху ему по сурьскимъ градомъ» (кн. I, гл. X, ч. 5). Этому в греческом соответствует лишь: ὁ δὲ μάλιστα τοῖς Σύροις ἤγειτο κευχαρισμένοις, т. е. «этим он сделал сирийцев весьма признательными себе».

Постоянны в переводе значительно более распространенные, чем в греческом оригинале, похвалы, расточаемые храбрости, доблести воинов.

Понятие «отцовское наследство», «отцовское царство» всегда передается сочетанием «отънни стол» (например, кн. II, гл. II, ч. 5, и др.). Заседание суда в присутствии царя описывается в духе русских феодальных обычаев: «Сам же седя на высоце престоле, а Царь посторонь его на нисшем» (кн. I, гл. XXXII, ч. 1; Царь-Вар — имя римского правителя Иудей). Ср. также: «на злате столе седя» (кн. II, гл. II, ч. 7) и «нарече и достойна отеческого стола» (там же).

Окружающие царя, полководца или начальника советники называются «думцами», советоваться с ними, собирать совещание всегда передается сочетанием «думати с кем-либо»: «Анан бо думал с людми своими» (кн. IV, гл. III, ч. 14) или «Елиазар, Симонов сын, и Захария Фалеков

с людьми думаема, что достоинь сътворити» (кн. IV, гл. IV, ч. 1). Знатные и богатые приближенные царя называются боярами. Понятие присяги всегда передается древнерусским «рота»: «И полкы, и народ заведе роте, да бьются по Успасиане» (кн. VI, гл. X, ч. 6), «не могуще датися роты деля» (кн. VI, гл. VII, ч. 2). Постоянны в переводе слова и выражения, связанные с обозначением предметов, относящихся к военным сооружениям и укреплениям, к доспехам и вооружению, к дружинному быту и укладу, слова те самые, которые постоянно употребляются в летописях, «Слове о полку Игореве», слова, характерные для Киевской Руси. Нижняя внешняя часть укрепления называется «острог», а верхняя внутренняя — «детинець»: «Пустиша и жити в острог с своими женами и отроки, сами же пребываху в детинци» (кн. IV, гл. IX, ч. 3). Постоянны в переводе такие слова, обозначающие военные сооружения, как «забрала», «приспы», «шатры», «чела», «комары», «стълпы» и др. Систематически употребляются термины дружинного убранства и вооружения: бронѣ, шеломи, мечи, сабли, копия, пороки (пращи), луки, тулы, сулицы, стрелы, трубы, хоругви. Наряду с дружинной часто употребляется и церковная терминология; предметы культа римской эпохи всегда обозначаются словами, характерными для русского церковного быта того времени. Так, словом «църквѣ» обозначается всегда храм, не только иерусалимский, но и всякий языческий. При перечислении добычи, попавшей в руки Иоанна Гисхальского при захвате им храма, говорится: «и много от служебных сосуд разби, и отданаа богови различна дискоси, потир и трапезы» (кн. V, гл. XIII, ч. 6). Те же предметы перечисляются как переданные Титу после сожжения храма перешедшим на его сторону священником Исусом: «и раскопав стену, и выня два свѣтильника злата, и трапезу, многы и потиры, и дискосы, и фиалы, вся сухим златом устроена и толсты» (кн. VI, гл. VIII, ч. 3).

Не оставляет переводчик при описании событий и других более мелких, но не менее характерных подробностей быта. Вот как описывается проникновение римских лазутчиков в осажденный иудейский город: «Другыи же сотник, именем Гал, 18 воин с ним, при том мятежи внидоша в некую храмину и ухранишася под лавицами. И господарем же пришедшим, и при вечери, восповестившимся, в людскую думу проявившим, они же, лежаще под лавицами, слышаша. И онемь спящим, нощию вышедше, убиша все и бежаша ко обрытию» (кн. IV, гл. I, ч. 5). В греческом тексте нет и речи о прятании под лавками, переводчик же не спугивает два раза упомянуть об этой столь характерной для русского быта детали. В другом месте книги не свойственное русской природе животное — «онагр» — переводчик заменяет названием обычного лося.

Большая живость изложения достигается в переводе через всегда проводимую замену косвенной речи оригинала прямой. Действия, о которых столь сухо сообщается в подлиннике, в переводе тоже часто сопровождаются речами действующих лиц. При этом речи обычно кратки, энергичны, эмоционально насыщены. По стилю они очень напоминают речи героев русских летописей. Благодаря такому оживлению повествования читатель не только может ярко видеть перед собой действия изображаемых людей, но и слышать их говорящими. Вот идумеи, при поддержке зилотов одержавшие верх над сторонниками римлян в Иерусалиме, в ярости убивают вождей этого направления — первосвященников Иоанна и Исуса. В греческом тексте добавлено, что «став над трупами убитых, они потешались над попечениями Иоанна о народе, как и над речью Исуса, произнесенной им со стены». Вместо этого в древнерусском тексте читаем: «И стояще над трупома его, поругахуся има и глаголюще над

Ананом: И въ истинну приятель еси Иерусалиму и народу, и подобен еси (ты достоин) чьсти, ею же еси почтен! А над Исусомъ реша: Речист еси и веломудр, и много трудился, молвя с забрал. А ныне почивай!» (кн. IV, гл. V, ч. 2). Сцена военного совета в лагере Тита перед решительным штурмом Иерусалима тоже передана в драматизированной форме. В греческом тексте рассказывается, что Тит созвал военный совет, причем «более горячие из предводителей были того мнения, что следует всем войскам сразу делать приступ на стены, из более рассудительных одни — опять строить валы, другие же — продолжать осаду без валов, а только наблюдать за тем, чтобы жители не могли покидать города, ни получать припасов извне, и таким образом заставить неприятеля сдаться». В древнерусском переводе этого места читаем: «И потом Тит думаше с игемоны, глаголя: Приспы, ими ж надеяхомся взяти град, истлешася (погибли), и воины опечалишася, зане велик труд их в един час погиге. И разумею, яко мнози отчаявшася взяти града сего! Ему же и юнеишии отвещаша: Да приступим к стенам на купь, и не терпят иудеи нашего пришествия, погрузят бо ся нашими стрелами: А средовеции (люди среднего возраста) реша: Подобае еще иные приспы делати в иных местех и всю силу приставити, и заградити иудеом выход! Стариин же реша, яко доистинно обрываеть окръст града и не дати иудеом выходити или на травоимание, или на ино что, а руками не сниматися (не вступать в рукопашную). Непобедимо бо ест отчаяние их. А въскую бьемся с ними, им же молятся от железа смерть приати? Аще же оседим окръст их, или от глада измруть, или вдадутся!» (кн. V, гл. XII, ч. 1). В этом отрывке, как видим, каждое из мнений не только выражено в форме прямой речи, но и приписано участникам совещания, исходя из возрастного их подразделения: горячие — юноши, благоразумные — люди среднего возраста, осторожные — старики.

В драматической же форме передан в переводе и судебный процесс. В 4-й части главы V книги IV «Истории» рассказывается об обвинении, которое зилоты возвели на знатного и богатого человека, Захарию, сына Варуха. Желая его осудить, они для формы приказали созвать семьдесят находившихся в должностях судей простых граждан судилища, которое, конечно, совершенно было лишено авторитета, и здесь обвиняли Захарию в том, что он хотел предать город римлянам и с этой целью послал уполномоченных к Веспасиану. Обвинение не подкреплялось ни свидетельскими показаниями, ни какими-либо другими доказательствами, но они утверждали, что вполне убеждены в этом, и считали, что этого одного достаточно для установления истины. В древнерусском тексте рассказанное передается таким образом: «И тогда Захария, сын Варухов, муж преславен и богат, не терпя убийства и въздерзну обличити их и глаголати на них, яко же время вдасть. И они, хотяще и сего убити, и поставиша судище, и собраша 70 муж от старец, и вдаша им власть судити, поручающеся им. И сами они, ставше перед 70 с Захарею, пряхуся с нимь, глаголюще, яко ть предать град римлянам. Судия же рекоша: Кто обличитель или которое знамение? И ревнителя отвещавше: Мы ведоци тому, мы же послуси, и нам веру имете. Судии же рекоша: Не имем веры вам, зане противнии есте».

Не менее выразительны были в тексте перевода посольские речи и доносения. Так, в кн. IV, гл. IV, ч. 1 передается содержание грамоты, которую осажденные в храме зилоты послали к своим союзникам — идумеям. Вот содержание их письма: «Анан прельсти люди, предать римляном митрополию. Мы же, разлучившиися от них свободы деля, и ныне, затворени, седим внутрь църквы, и стражие окръст нас стоять. Мало время

остаётся нам на избавление. Аше вы не поможете нам скоро, то мы будем под Ананом и врагом нашимъ, а град под римляны».

В книге II (гл. III, ч. 1) рассказывается о донесении, которое наместник в Сирии Уар (Вар) послал императору Августу, о начавшемся в Иудее восстании: «Принесоша еписстолию от Уара, сурьского строителя, яко иудеи на рать въздвигаются, не хотяще быти под римскою властью, а промышляи!» Все эти места, а также многие другие, которые невозможно процитировать за недостатком места, неопровержимо доказывают явную стилистическую близость между «Историей» и летописями и в отношении искусного и умелого построения прямой речи. Живость и убедительность рассказа достигается также и богатой образностью речи, которой насыщен перевод. Метонимической параллелью к слову «труд» постоянно выступает слово «пот», порой употребляемое и в сочинении с последним: «римляне же толик пот приемше» (кн. VI, гл. VII, ч. 5), «римляне с великимъ потом и трудомъ ставляху дела» (кн. VI, гл. II, ч. 7). Вместо того чтобы сказать, что Веспасиан по необходимости принял бремя правления, переводчик пишет: «яко сам подлезл под ярем игемонский» (кн. VI, гл. X, ч. 6). Метафорическое употребление греческого слова *θηρ* (зверь) всегда в древнерусском переводе заменяется словом «зми». В книге I (гл. XXXII, ч. 2) Ирод, обращаясь к суду вельмож, так характеризует злодеяния своего сына Антипатра: «Се же съкровенныи змии, насытився моихъ благодеянии и преврати на мя свою сытость, и мои живот стосну ему, и старостию моею тяжко ему бысть, и не стерпи цесарьствовати добромъ, нъ оцубиствомъ» (т. е. «Этот непотребный зверь, переполнившись моим терпением, обратил на меня свою сытость. Моя жизнь показала ему долговременную, и моя старость его обременила; он же не рассчитывал сделаться царем иначе, как через отцеубийство»). Далее, обращаясь к римскому наместнику Вару, тот же Ирод говорит: «Уаре, ты блюдися от него, аз бо велми вем змея» (т. е. «И тебе нужно остерегаться, Уар, ибо я знаю этого зверя»). Бедствие вообще (греч. *τὰ κακά*) передается в переводе выражением «змиевы злобы».

Метафоры в переводе очень часты и в громадном большинстве случаев независимы от греческого оригинала: «правда стонет», «глад приползе» «огню полозити», «брань над главою стоит». Краткому греческому выражению: «побросав оружие, они (протигвники Иосифа) обратились в бегство» (кн. II, гл. XXI, ч. 5) в древнерусском соответствует образное фразеологическое сочетание: «и тако ужас възложи на люди, яко, пометавши оружие, разбегошася, камо кого очи несяшета». Последнее идиоматическое выражение полюбилось переводчику, и он несколько раз применяет его разнообразными вариантами: «камо кого нужа влечаше» или «кто камо видя». Ср. с этими образными словосочетаниями использование аналогичной русской идиомы в памятнике XV в. — «Хожении за три моря» Афанасия Никитина: «а кой должен, а тот пошел, куды его очи понесли»¹⁵ В речи Елеазара (кн. VII, гл. VIII, ч. 6) поражает своей образностью широко развернутая метафора: «И еще бо звенят прегрешения наша в ушню всех, мню же, яко и по нас будет сеи звон, им же есмы длъжни и мечь прияти». Смерть на поле брани обычно называется «суд»; например: «и инемъ оружиемъ и рукама одолеваша ему, но судъ предаст его» (кн. VI, гл. II, ч. 10) или «и тогда падеся судомъ» (кн. VI, гл. I, ч. 6). Оригинальны и разнообразны многочисленные сравнения, которых также почти совсем нет в греческом подлиннике. Так, например: «Четыре камени вывалиша на места великыа, акы горы» (кн. VI, гл. I, ч. 3); в Галилее

¹⁵ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 332.

«грады часты и села, акы звезды» (кн. III, гл. III, ч. 2); от голода в осажденном Иерусалиме «уноши же и отроковице опухше, вертяхуся, акы идолъ и акы стени» (кн. V, гл. XII, ч. 3); умирающие от голода в Иерусалиме «падаху, акы листвие, пакы песок» (кн. VI, гл. III, ч. 3); «Вои же, по обычаю облъкхесея во оружие, акы стени, поидоша» (кн. V, гл. II, ч. 1); «Июдеи же ристаху клечуше, акы зверие» (кн. V, гл. VIII, ч. 1); «Римляне ходяху, акы стени» (там же); «Стрелы идяху, акы дождь» (кн. II, гл. VII, ч. 11); «А иже утеснишася, ту падаху, акы скот, давяхесея» (кн. V, гл. VIII, ч. 1); «И умножиася, акы стози, мертвых» (кн. IV, гл. VI, ч. 3); «Мятежницы женяху (гонялись) по трупиемь, акы по стогомь, снимахуся (схватывались вруклопашную)» (кн. V, гл. I, ч. 8); «Они же ласкосердствующе на златоимание (римляне), яко же врани на труп» (кн. I, гл. XXXII, добавление); «Народ, акы велико телище, межи ими (мятежниками) смущающесея» (кн. V, гл. I, ч. 2); «Не можемь противитесея римляню, яко и лук спряжен» (кн. II, гл. II, ч. 3, добавление) и т. д.

Образные гиперболические описания кровопролития в Иерусалиме. «И ручьи по граду потекоша кровию» или: «Разноличнаа кровь стояше на святемь месте, акы озеро» (кн. V, гл. I, ч. 3). Гиперболы мы видим и в других местах. Количество трупов после взятия римлянами Иерусалима таково, что «по всему граду не бы лзе где иглы поврещи на голе месте» (кн. VI, гл. VII, ч. 2). Иоанн хвалится перед защитниками Иерусалима, желая убедить их в его неприступности: «яко еще крила възрастуть у римлян и не могут прелезти иерусалимских стен» (кн. IV, гл. III, ч. 2). Эти и многие подобные сравнения, которые нет возможности привести здесь ввиду недостатка места, также свидетельствуют о незаурядном языковом мастерстве переводчика.

Обращают на себя внимание нередко встречающиеся в переводе фразеологические единства, связанные с обозначением тех или иных социальных движений. Так, сочетание «юноши безумии» применяется в смысле «сторонники крайнего революционного действия»: «юноши безумнии на рать разгарахуся» (ср. у А. С. Пушкина: «Сижу ль меж юношей безумных»). Сочетание «възгорится пламень» употреблено переводчиком в смысле «народное восстание»: «преже даже не възгорится пламень» (ср. известное выражение из стихотворения А. И. Одоевского «Из искры възгорится пламя»).

Выразительность многих сравнений и метафор еще усиливается в значительной степени от того, что в них сознательно или стихийно используются звуковые повторы. Например, храм, опорный пункт зилотов под предводительством Иоанна Гисхальского, назван «съхранилище кровавых съкровищ». В знак торжества украшают город, «вешающе по вратом венце радошцами» (кн. IV, гл. IV, ч. 3), или по возвращении в город сикарии ликовали, «выюше, акы волци радошцами».

Аналогичную же роль играют и стилистические повторы того же слова или того же корня: «акы бесующиея и акы строком (оводам) устречени» (кн. VII, гл. VIII, ч. 4).

Обычны в переводе украшающие речи риторические воззвания, отсутствующие в оригинале. Так, Иосиф обращается с речью к осажденным в Иерусалиме иудеям и говорит: «Имь же бог, сам бог, и лаки реку, бог наведе на ны римляны» (кн. VI, гл. II, ч. 2).

Первосвященник Иоанн обращается к народу со словами: «И живу, с съдце, и веледушо, и не емлю славныа смерти от своее старости!» (кн. IV, гл. III, ч. 10). Ирод, обвиняя своего сына Александра, сопровождает это такими риторическими приемами. «И съ руже простеръ и

главу отклонь, въпиаше: О земля, о небо, о съльнце! Или можетъ отъцеубиинь обуимати отъца, на него же толика зла съмысливъ. Истлися, нечестивая главо, скрушися, незаконниче!» (кн. I, гл. XXV, ч. 5). В греческом тексте, как и в предыдущем случае, эти патетические воззвания к солнцу, к небу, к земле отсутствуют.

Обращают на себя внимание в переводе и эмоционально насыщенные описания природы, в греческом оригинале читаемые в значительно более сухом и сдержанном изложении. Пейзаж в этих описаниях сливается с изображением людей, преданных своей родине и готовых сражаться и умирать за нее. Так, в кн. III, гл. III, ч. 2 по древнерусскому переводу мы читаем о жителях Галилеи: «Учатся бо измладенства ратному обычаю и умножишася зело, и ни страх обдержит мужь тех, ни земля скудееть людми, поне же суть вся тучна и блегозельна, и всеми садми доброплодными насажена. Устроена же есть вся земьцемь. И несть места на ней праздна, но и грады часты, и села, аки звезды, и люди без числа». В проведенное поэтическое изображение родины переводчик несомненно вложил кое-что от себя, и прежде всего свое собственное восприятие родной ему Русской земли. При этом он воспевае ее как «страдолюбецъ», как действенный защитник ее и возделыватель, своим трудом способствующий ее украшению. В приведенном отрывке мы находим не только стилистические, но и идейные параллели созданному впоследствии «Слову о гибели Русской земли». Оба памятника роднит их неподдельное патриотическое воодушевление. Не менее эмоционально насыщены в переводе и остальные пейзажные описания палестинской природы.

Чрезвычайно часты в переводе случаи рифмовки. Эти рифмы или ассонансы связаны с синтаксическим параллелизмом в построении предложений и, по всей вероятности, с параллелизмом ударений. Так, например:

Земное же семя сторицею ражается
от аерски теплоты
и от водныя тукоты.
(Кн. IV, гл. IV, ч. 3).

В этом случае рифмуют между собой существительные с одинаковыми суффиксами и флексиями. Иногда связаны рифмами окончания прилагательных:

И отвергше архиерея сродныя,
и ставяхуть незнамыя простородныя.
(Кн. IV, гл. III, ч. 6).

Значительно обильнее представлены примеры глагольной рифмы, причем, как правило, рифмуют слова, принадлежащие к одинаковым грамматическим категориям:

Темь Иркан устремляшется,
Но, видя матерь мучиму, ослабляшется;
(Кн. I, гл. II, ч. 4).

Аристовулови бо совѣтницы, бранити хотяху,
Избавити цесаря дерьжаху;
(Кн. I, гл. III, ч. 2).

На которая дела и на которую пищу искльчиваше,
таже с кровию добываше;
(Кн. II, гл. IV, ч. 2).

И беспечальное мне житие подаваше,
и сон храняше?

(Кн. I, гл. XXXII, ч. 2).

Ни иудеи римлянь устрашивахутся,
ни римляне трудяхуся;

(Кн. III, гл. VII, ч. 2).

Иудеи камене велики пушаху на ня
и всяким оружием соваху на ня.

(Кн. III, гл. VII, ч. 8).

Нужно заметить, что во многих случаях второй член параллельного построения, и в частности глагол, отсутствует в греческом подлиннике. В отдельных случаях наблюдается рифма, не вполне выдержанная за счет неточного параллелизма при построении предложений. Например:

ведая, яко любима есть жидом,
и противляшется нечестием его,
и за люди моляшется;

(Кн. I, гл. V, ч. 1).

или

и на страх нападаваешь на ня,
и ни труд одолеваешь ня;

(Кн. III, гл. V, ч. 1).

или

и ни страх обдержит муж тех,
ни земля скудеет людий тех.

(Кн. III, гл. III, ч. 2).

Периодическое членение речи, вызываемое параллелизмом синтаксического построения, встречается в переводе и без рифмовки. Например:

Храмы разграблени,
роди иссечени,
жены желеюща,
плачь и рыдание по всему граду;

(Кн. IV, гл. V, ч. 3).

или

И не можаше никако же скотина туда проити,
но токмо единому человеку пешому;

(Кн. VII, гл. VIII, ч. 3).

Вспомняете, яко они нази,
а мы и в оружии,
они пеши,
а мы на коних,
они без наряда,
а мы с нарядомь;

(Кн. IV, гл. VI, ч. 3).

или

Тако утвержден есть чин их,
скоровратно же есть приведение их,
и уши скоры на послушание,
очи же на хоругви зрят,
и руде на сечю готовятъ.
Темь же и скоро творять,
его же хотять,
и язвы даяти,
нежели приимати;

(Кн. III, гл. V, ч. 7).

ИЛИ

Брегомъ бо иди не дасть безводие,
а по морю пристанища несть,
а по рекам порози люти;

(Кн. IV, гл. X, ч. 3).

ИЛИ

Кто боле людии погубить
и боле греха добудеть
и беззаконствують.

(Кн. VII, гл. VIII, ч. 1).

Разобранные нами особенности языка и стиля заметнее и ярче других проявляются в переводе «Истории иудейской войны», однако в какой-то мере они могут быть признаны характерными и для других переводных произведений, восходящих к древнекиевской переводческой школе. Так, перевод «Александрии», в общем достаточно близкий к греческому подлиннику, обнаруживает при более пристальном рассмотрении также следы творческой переработки его со стороны переводчика. Это тоже стремление стилистически распространить текст, сделать его выразительнее и эмоционально насыщеннее. Например, при описании убийства персидского царя Дария его приближенными переводчик говорит о том, что убийцы, спеша с выполнением своего злого умысла, боролись с Дарием, так как последний отличался большой физической силой: «тии бо нечъстивии спроста боряхуся с нимъ, бе бо силен».¹⁶ В греческом тексте в данном случае отсутствует наречие при сказуемом. Древнерусский же текст в первой редакции перевода распространяет сказуемое обстоятельством, выраженным наречием «спроста», которое во второй редакции того же перевода заменяется, по-видимому, равнозначущим наречием «въбързе», т. е. «поспешно». Наряду с элементами стилистического распространения, как и в переводе «Истории», мы находим и сокращения в тех местах, которые переводчику казались менее достойными внимания.

Изучая язык и стиль переводных памятников, мы имеем возможность проследить постепенную эволюцию искусства перевода, усовершенствование этого искусства по мере развития культуры Киевской Руси, по мере развития и усовершенствования самого древнерусского языка. Это особенно ярко выступает при сравнении одних и тех же текстов, переведенных в «Хронике» Георгия Амартола и в «Истории» Иосифа Флавия. Дело в том, что ряд событий мировой истории, в частности относящихся к осаде Иерусалима римлянами в 70 г. н. э., «Хроника» воспроизводит по Иосифу Флавию, тексты которого переданы через посредство «Церковной истории» христианского писателя IV в. Евсевия Кесарийского. Каким бы мы ни считали по происхождению древнеславянский перевод «Хроники» Георгия Амартола, русским ли в соответствии с утверждениями В. М. Истрина или болгарским, лишь отредактированным в Киевской Руси, по мнению его критиков — П. Лаврова, Вейнгардта и др. (к последнему мнению присоединялись также А. И. Соболевский и А. С. Орлов), мы можем лишь отметить разительное различие в отношении языка и стиля между ним и переводом «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Насколько первый перевод отличается громоздкостью, запутанностью периодов и предложений, настолько перевод «Истории» блещет ясностью, легкостью, прозрачностью в синтаксических конструкциях, соединяемой с точной передачей смысла подлинника.

¹⁶ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1894, стр. 69 (Приложение).

Приведем для сравнения лишь одно из параллельных мест, при анализе которого бросается в глаза явное преимущество перевода «Истории».

Перевод «Хроники» Амартола

Во ть же праздник вол, на жертву приведен, роди агнець посредѣ церкви (В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнеславянском переводе, т. I, II т. 1920, стр. 263).

Перевод «Истории»

В той же праздник корова неким приведена бысть на заколение и, посреди църквы стоящи, роди агнець (Рукопись Виленского хронографа, л. 697б).

Приведенный пример является наглядным свидетельством несомненного прогресса в искусстве перевода древней Руси и в совершенствовании литературного языка за время, протекшее между выполнением обоих переводов.

4

В заключение позволим себе сделать несколько замечаний о качестве русского языка в изучаемых нами переводах. Бесспорно, мы находим в них именно древнерусский литературный язык, по существу не отличающийся от того языка, на котором написаны такие оригинальные русские произведения, как Повесть временных лет и «Слово о полку Игореве», как «Поучение» Владимира Мономаха и «Моление» Даниила Заточника. Поэтому мы и считаем необходимым называть этот язык именно древнерусским литературным языком, не касаясь здесь вопроса о самом его происхождении. В нем мы находим органическое соединение живых разговорных восточнославянских и книжных старославянских черт.

Изучение языка переводных памятников в значительной степени обогащает наши представления о богатстве словарного состава древнерусского литературного языка, о разнообразии его выразительных возможностей. Так, в переводе «Истории иудейской войны» для передачи одного и того же понятия, выраженного греческим именем существительным εὐεργετής (благодетель), мы находим пять морфологических и лексических вариантов: благотворьць, благодавьць, благоденць, благотворитель, добродѣць. Для передачи такого понятия, как «воин, строящий пути», имеем следующие эквиваленты: путестроець, путедельць, путестроитель, путестройник.

Часто переводчик прибегает к словотворчеству, пользуется при этом словообразовательными средствами языка. Так, для передачи понятия «зависимое положение второго царского сына» в соответствии с греческим субстантивированным инфинитивом τὸ δευτερεῖον в переводе возникает неологизм-калька «въторонейство».

В большом количестве мы находим в переводе «Истории» греческую лексику. Иногда это слово, оставленное по каким-либо причинам без перевода и точно соответствующее такому же слову в греческом оригинале. Например, глагольная форма ἀδοξεῖτε (кн. II, гл. XVI, ч. 3) передана в виде слова «адоксите»; мы читаем также «пастофорья» в соответствии с греческим παστοφόριον, и др.

Однако иногда переводчик по своему усмотрению считал необходимым заменять какое-либо классическое греческое слово подлинника аналогичным по значению греческим же словом, но более поздним, разговорным, народным словом византийской эпохи. Так, нередко он заменяет классическое θρίαμβος (триумф) — народно-разговорным «проелипись» (προέλιψις), φρούραρχος (начальник крепости) — словом «дука», ὀρίνησιον (гавань) — словом «лимень», и т. п. Очевидно, переводчик, в совершенстве

владея не только литературным греческим языком классической эпохи, но и живыми народногреческими диалектами своих современников, жителей Византии, с которыми ему приходилось непосредственно встречаться, смело вводил в языковую ткань своего произведения слова из устной речи простого народа.

Наконец, необходимо еще раз указать на то, что внимательное изучение языка древнерусской переводной письменности киевского периода во многом обогащает наши знания древнерусского литературного языка и помогает лучше уяснить значение многих редких слов и выражений, встречающихся и в оригинальных памятниках древнерусской письменности, как собственно литературного, так и делового содержания. Так, прилагательное «ббръянь», обычно понимаемое в «Слове о полку Игореве» как обозначение бобрового меха, может быть истолковано как обозначение драгоценной шелковой или виссонной ткани. По крайней мере в таком значении прилагательное «ббръянь» и существительное «ббрърь» встречаются в трех независимых друг от друга памятниках переводной письменности: в «Истории» Иосифа Флавия, переведенной с греческого, в книге «Есфирь», переведенной с еврейского, в «Повести об Акире Премудром», по-видимому, переведенной с сирийского.¹⁷

В том же «Слове о полку Игореве» «похытиши» в сочетании «преднюю славу сами похытим» может иметь значение не «насильственно завладеть», а «подхватить», «поддержать что-либо падающее»; подобные значения мы находим для того же глагола в переводе «Истории» и в переводе «Иосиппона».¹⁸

Фразеология, присущая языку переводной письменности, широко распространилась в киевскую эпоху и отразилась даже в деловом письме, и в частности в языке новгородских грамот на бересте. Иногда самый смысл памятника становится ясным лишь при условии привлечения для его истолкования фразеологии переводов. Так, древнейшая грамота № 9, относимая обычно к XI в., до сих пор не может быть удовлетворительно прочитана и понята: спорят даже о том, женщина или мужчина является ее автором.¹⁹ Привлекая сопоставительный материал из памятников переводной письменности, мы можем категорически утверждать, что грамоту эту могла написать только женщина, и притом оставленная мужем жена. Сочетание «пустилъ же мя, а иноую поялъ» может в древнерусских письменных памятниках иметь только одно широко засвидетельствованное значение: «развестись с одной женой и жениться на другой».

Приведем для сравнения ряд текстов древнерусской переводной письменности XI в. В «Александрии» говорилось об Олимпиаде, жене Филиппа, царя Македонского: «прослуло бо ся бяше о неи яко же придетъ Филипъ с воины, сию пустити хоцеть, а иную поятъ». В переводе «Истории» Иосифа Флавия мы читаем о подобных семейных ситуациях: «примати напасти от своая жены, от Мариами, юже поят, пустив первую, Дориду иерусалимляннью» (кн. I, гл. XXI, ч. 1). Заключительная концовка в той же грамоте № 9 — «доеди, добръ сътворя» — также содержит устойчивое словосочетание (в данном случае формулу вежливости), соответ-

¹⁷ Н. А. Мещерский. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки ЛГУ, № 198, Серия филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л., 1956, стр. 3—9.

¹⁸ Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958.

¹⁹ См. различные толкования смысла грамоты № 9 в книге: Палеографический и лингвистический анализ новгородских грамот на бересте. Изд. Института языковедения АН СССР, М., 1956, стр. 196.

ствующее аналогичному греческому словосочетанию, известному из текстов папирологии: εὖ ποιεῖν, εὖ πράττειν. Оно соответствует и нашему современному «пожалуйста». Это свидетельствует о том, что автор письма № 9 (женщина) была хорошо грамотна и начитана в литературном языке своей эпохи.²⁰

Таким образом, изучение языка и стиля переводных памятников письменности XI в. является чрезвычайно важным и необходимым для понимания закономерностей общенародного русского литературного языка древнейшего периода.

---

²⁰ Н. А. Мещерский. Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка. — Вестник ЛГУ, т. 2, Серия истории языка и литературы 1958, в. 1, стр. 93—108.

В. Д. КУЗЬМИНА

Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния»

Изучение переводных произведений раннего периода русской литературы позволяет наглядно представить себе взаимодействие стилистики иноземных (византийских или славянских) книжных произведений с поэтикой русского народного творчества. Синтез обоих начал и послужил основой своеобразного художественного стиля древней русской литературы.

Продолжая работу, начатую советскими исследователями, попробуем сопоставить стилистику «Девгениева деяния» с его источником — средневековыми греческими поэмами о подвигах Дигениса Акрита.¹ Последние сохранились в поздних переделках XV—XVII вв., отличающихся по стилю и даже по содержанию от более архаического текста X—XI вв., который имел перед собой автор «Девгениева деяния». Оставив в стороне поздние переделки XVII в. (рукопись 1632 г., найденную Д. Пасхалисом на о. Андросе в 1898 г., и Оксфордскую рукопись И. Петрициса 1670 г.), привлекаем для сравнения рукописи Гроттаферратскую (XV в.), о Андроса,² Трапезундскую и Эскуриальской библиотеки (XVI в.).³

В этих списках поэмы о Дигенисе отличаются от «Девгениева деяния» иным расположением отдельных эпизодов фабулы (например, Дигенис встречается с Максимо и Филипапой после брака со Стратиговной) и обширными, явно позднейшими вставками (рассказ Дигениса о его встрече с дочерью эмира Аплоравда; многочисленные рассуждения авторов морализующего и панегирического типа; описание дворца Дигениса). Тем не менее для интересующей нас темы достаточно материала дают эпизоды, которые в дошедших до нас поздних списках поэм о Дигенисе сохранили некоторые черты греческого протографа «Девгениева деяния» и оказываются поэтому довольно близкими к русским его текстам.

---

¹ Оставляю в стороне полемику вокруг генезиса греческих поэм о Дигенисе и их взаимоотношений с греческими песнями акритического цикла. Не разбираю также утверждений о позднем происхождении русского «Девгениева деяния», в котором либо пытаются видеть обработку поздних народных акритических песен, возникших на основе ученых средневековых греческих поэм, либо считают, что «Девгениево деяние» — перевод несохранившегося югославянского романа о Дигенисе XIV—XV вв.

² Отдельные чтения этой рукописи исправляются и дополняются по родственной ей Трапезундской рукописи.

³ Все цитаты греческих текстов сделаны по новейшим изданиям: Гроттаферратская рукопись — по оксфордскому изданию 1956 г. (Digenes Akrites, edited with an introduction, translation and commentary by John Mavrogordato), остальные — по афинскому изданию 1941 г. (ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ ΔΙΓΕΝΗΣ ΑΚΡΙΤΑΣ. ΝΕΑ ΠΑΝΡΗΣ ΕΚΔΟΣΙΣ ΜΕΤ' ΕΙΣΑΓΩΓΗΣ, ΥΠΟΣΕΜΕΙΩΣΕΩΝ ΚΑΙ ΚΡΙΤΙΚΟΥ ΥΠΟΜΝΗΜΑΤΟΣ ΥΠΟ Π. Π. ΚΑΛΟΝΑΡΟΥ), с указанием книги и номера стиха поэмы. Рукописи обозначены сокращенно: А. — рукопись о. Андроса (ныне находится в Афинах); Гр. Ф. — Гроттаферратская рукопись; Тра. — Трапезундская рукопись; Эск. — Эскуриальской библиотеки.

Из русских списков «Девгениева деяния» для данной цели интересны Мусин-Пушкинский и Тихонравовский тексты, представляющие первоначальную русскую редакцию произведения.⁴

Параллельный анализ возможен в семи эпизодах, совпадающих по содержанию: 1) охота юноши Девгения на диких зверей; 2) описания внешности Девгения и его одежды; 3) описание убранства коня Девгения; 4) диалог Девгения со Стратиговной; 5) похищение Стратиговны; 6) битва Девгения с родными Стратиговны; 7) перечисление свадебных подарков, полученных Девгением.

М. Н. Сперанский в своей монографии показал, что описания и перечень подарков в первой русской редакции «Девгениева деяния» почти дословно следуют за греческим оригиналом.⁵ Он пришел к выводу, что такие совпадения — наглядное доказательство того, что «Девгениево деяние» было переводом (а не переделкой) общего протографа рукописей о Андроса, Трапезундской и Гроттаферратской. Позднее этот вывод был уточнен А. Стендером-Петерсеном⁶ и А. Грегуаром,⁷ которые высоко оценили точность русского перевода (описания одежды, внешности и т. п., перечисленные подарки).

Для нашей цели — сравнительного анализа стилистики — гораздо больший интерес представляют эпизоды (охота Девгения на диких зверей, похищение им невесты — прекрасной дочери Стратига и битва с ее родными), в которых обращают на себя внимание не только точные совпадения лексики перевода, но и отличия.

«Ведущие стилистические тенденции каждого исторического периода наиболее выражались в подборе поэтических „формул“, характерных для определенных групп литературных жанров, — указывала В. П. Адрианова-Перетц. — С этой точки зрения весьма продуктивным для последующих обобщений явится изучение метафорическо-символического языка средневековой русской литературы».⁸

Изучая стилистику русского текста «Девгениева деяния», М. Н. Сперанский выделил обильные сравнения, «придающие изобразительность, картинность рассказу и построенные при помощи „как“ (яко)». Он сопоставил их с аналогичными сравнениями в ранних переводных произведениях («История иудейской войны» Иосифа Флавия) и в русских оригинальных памятниках («Слово о полку Игореве», Галицко-Волынская летопись). Исследователь подчеркнул общность «не только в способе построения их, но, кроме того, и в самом подборе материала для сравнения: это преимущественно область мира животных (сокол, волк, лев, пардус, тур, орел и т. п.), явлений природы (дождь, снег), притом эти образы животных и картины природы часто будут одни и те же. Видимо, этот круг предметов сравнения был в значительной степени ходячим, общепринятым в той среде, которая дала нам и перевод

⁴ Подробнее об этом см.: М. Н. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. — СОРЯС, т. ХСІХ, 1922, № 7 (далее: Спер.), стр. 48—56, 82—87 и др.

⁵ Там же, стр. 15 и 115.

⁶ A. Stender-Petersen. Zum Problem des Digenis-Romans. — Slavische Rundschau, Prag, 1938, Jahrgang, X, № 6, стр. 198.

⁷ A. Gregoire. Le Digenis russe. Russian epic studies, edited by R. Jakobson and E. F. Simmons. — Memoirs of the American folklore society, vol. 42 (1947). Philadelphia, 1949, стр. 137—138, 146—147.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 10.

„Девгениева деяния“, и перевод Иосифа Флавия, и „Слово о полку Игореве“, и нашу южную летопись XII—XIII вв.»⁹

Продолжая наблюдения М. Н. Сперанского, попробуем разделить в стилистике русского текста «Девгениева деяния» сравнения, навеянные византийской поэмой, и те, которые внес туда переводчик, исходя из стилистики русской народной поэтики.

В эпизоде охоты отрока на диких зверей греческий автор цепью сравнений подчеркивает быстроту и силу юного сына Амира.

Увидев медведя с медведицей и двумя медвежатами, Дигенис, подобно молнии, выскочил из кольчуги, схватив простую палицу.

ὡς ἀστραπή ἐξεπήδησεν ἀπὸ περιστήθιου,
μηδὲν ἐπιφερόμενος, εἰ μὴ λίτον ῥαβδίτιζιν
(Гр. Ф., IV, 118—119).

Убив самку, Дигенис

налетел, подобно орлу,
и настиг дикого зверя
[медведя-самца].

πετάσας ὡς ἀετὸς ἔφθασε τὸ θηρίον
(Гр. Ф., IV, 132).

В рукописях Андроса и Трапезунда в поэме о подвигах Дигениса следом за победой над медведем помещен рассказ о том, как отроку Дигенису пришлось вступить в единоборство с самкой оленя, вспугнутой из лесной чащи шумом его борьбы с медвежьим выводком. Криком предупредил Амир сына: любимый, смотри, вот еще зверь. Услышав это, юноша Дигенис,

как лев, рассердился, как пардус,
сжался и в несколько прыжков опередил
лань.¹⁰

ὡς λέων ἐβριμήσατο, ὡς πάρδος συνεσφίθη,
καὶ εἰς ολίγου πῆδημα τὴν ἐλαφίνα φθάνει
(А., IV, 1451—1452).

Параллелизм, аналогичный вышеприведенным сравнениям, Дигениса с орлом, львом, пардусом, находим также в эпизоде похищения прекрасной дочери Стратига:

куропатка вылетела, сокол
[ястреб] схватил ее.

ἡ πέρδικα ἐξεπέτασεν, ὁ ἴεραξ τὴν ἐδέχθη
(Гр. Ф., IV, 587).

Сравнение юноши Девгения со львом («поскочи, яко лев, и, догнав лося, похвати его») сохранено в русском тексте в эпизоде охоты. Сравнение его с орлом перенесено в сцену похищения невесты, которую прекрасный Девгений, «яко орел, исхити».

Но, в соответствии с образностью русской народной песни и ранней летописной повести, переводчику «Девгениева деяния» особенно полюбилось сравнение героя с соколом. «Старшие примеры применения образа сокола в русском историческом стиле показывают, что князь, воин уподобляются соколу именно как охотничьей птице», — указывала В. П. Адрианова-Перетц, приводя метафоры и сравнения Ипатьевской летописи и «Слова о полку Игореве».¹¹

В русском тексте «Девгениева деяния» герой дважды сравнивается с соколом в сцене охоты: Девгений «спаде с коня, яко сокол млады»; «яко скоры сокол, медведя наскочи». При этом в обеих характеристи-

⁹ Спер., стр. 60.

¹⁰ Лань (самка оленя) — греч. ἡ ἐλαφίνα — была заменена при переводе лосем — греч. ἡ ἄλλη (ср. у Владимира Мономаха упоминание об охоте на лося) — в соответствии с природой и бытом Киевской Руси.

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 78.

ках быстроты Девгения образ сокола заменил имевшиеся в греческом тексте сравнения с молнией и орлом.

Дважды встречается сравнение Девгения с соколом и в боевых эпизодах в битве с войском Стратига («яко дюжей сокол удари посреде их»), в единоборстве с царем Василием («скочи через реку, яко дюжи сокол»). При этом следует отметить, что в картинах сражений греческие тексты поэм о подвигах Дигениса совсем не дают сравнений: прославление героя достигается чаще всего другим приемом — подчеркиванием многочисленности, опытности вооруженного врага, с которым дерзает сражаться отважный юноша.¹²

Средневековая битва осмыслялась как тяжкий труд и в славянской поэзии сопоставлялась с трудом земледельца. Отсюда общеславянские образы битвы-сеяния, битвы-жатвы, известные как в русских исторических песнях, так и в «Слове о полку Игореве». Вероятно, именно эта славянская традиция образности определила сравнение битвы Девгения против многочисленного вражеского войска с трудом умелого косца или жнеца: он так сражается, «яко же добры косец траву положи», он бьется так, «яко добры жнец траву сечет».

Стремясь возвеличить подвиги Девгения, русский переводчик подчеркивал множество пленных, взятых им во время битвы с войсками Стратига: перебив половину воинов, Девгений вторую половину «перевязал, яко пастух овец перед собою погна».

Последняя картина прямо противоречит греческому тексту поэмы, где говорилось: «Дигенис так жестоко бился с воинами Стратига, что, прежде чем вернулся Стратиг, ни одного [из них] не осталось [в живых]» — *πρὶν ἔλθειν τὸν στρατηγὸν οὐδὲ εἰς ὑπλείφθη* — Гр. Ф., IV, 1724).

Разные воззрения на плен русского переводчика и греческого автора ясно выступают в этом эпизоде.

Не имеют также греческих параллелей метафоры, с помощью которых в русском тексте рисуется образная картина пробуждения отваги и воинской силы в 12—14-летнем отроке. Перед тем как он стал просить отца и родных отпустить его «на ловы», «преславный Девгений 12 лето мечем и граша, а на 13 лето копием».

В Эскуриальском списке (стих 743) эпизод отроческой охоты Девгения начинается прямо с просьб его к отцу. В Гроттаферратском списке (IV, 70—72) глухо говорится, что отрок стремился к конским ристаниям и охоте (*ἰππηλάσια καὶ κυνηγεῖν*). Лишь рукопись, найденная на о. Андросе, содержит указания, что мальчик Дигенис любил охоту и стрельбу из лука (*ἀγάπησε κυνήγια καὶ τόξα, καὶ κυνηγᾷ, καὶ πολεμᾷ, καὶ τρέχῃ τότε πάντα* — А., IV, 1388—1389).

Давая вольный перевод греческого текста, русский книжник с помощью метафоры оттенял богатырство отрока Девгения, почувствовавшего в себе пробуждение воинской силы.

Характерна для поэтики русской воинской повести и вторая метафора текста «Девгениева деяния» — синоним гибели, смерти: «голову свою положить». Эта метафора имеет лишь весьма отдаленную связь с сообщением греческих поэм о том, что все женихи дочери были обезглавлены или ослеплены Стратигом: *ἐκράτησε πάντας, τοὺς μὲν ἀπεκεφάλισεν, τοὺς δὲ*

¹² *Ἐξενοπράγμα εἰδείκνυτο τοῖς ἐκείσει παροῦσι καὶ ἐν βραγεῖ ἀπέκτεινε στρατιώτας ἀπέιρους καθωπλισμένους ἰππικούς, πολέμου γυμνασμένους, οἷς συμβουλευεῖν ἤρξατο στραφήναι εἰς τὰ ὀπίσω καὶ μὴ πείραν τῆς ἑαυτοῦ μεταλαβεῖν ἀνδρείας* (Гр. Ф., I V. 1716—1721).

τοφλοῦς ἐποίησεν (Гр. Ф., IV, 1376—1377). М. Н. Сперанский справедливо указал, что метафора погибнуть-«голову положить» (варианты: сложить, приложить) хорошо известна в литературе Киевской Руси, как в Ипатьевском списке Повести временных лет («за Русскую землю головы свое сложити»), так и в «Слове о полку Игореве» («хощу главу свою приложити»).¹³ В греческих хрониках и в аналогичных эпизодах греческого текста «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия эта метафора не встречается.

Аналогично обстоит дело и с постоянными эпитетами, нередкими в языке русского текста «Девгениева деяния». Традиции русской народной поэзии определили наличие в «Девгениевом деянии» таких постоянных эпитетов, как «лютый» (зверь), «борзый» (конь), «младой» (сокол). Сравнение с соколом образно раскрывает быстроту и силу юного Девгения на охоте и в единоборстве. Можно думать, что поэтому автор и ввел в текст именно такие эпитеты, как «скорый» сокол, «дюжий» сокол.

Интересно отметить, что в греческих текстах некоторые из приведенных существительных (например, сокол — ἱεραξ или зверь — θηρίον) употребляются без эпитетов, а «борзому» коню соответствует «отважный», «смелый» конь (τολμηρὸς καὶ θρασύς ἵππος — Гр. Ф., IV, 1221; Тра., IV, 1016).

Отметим также другие случаи переадресовки или вольного перевода эпитетов греческого текста.

Многообразно, хотя и различно в соответствии с материальной культурой обоих народов употребляется эпитет «золотой». В греческих поэмах встречаются словосочетания: золотое оконце χρυσῆ θύρις — Гр. Ф., IV, 1664), золотые рукава χρυσοράνικα — Гр. Ф., IV, 2006), золотые монограммы χρυσογράμματα — Гр. Ф., IV, 2001), золотая мозаика χρυσό-μουσα — Гр. Ф., IV, 3370). В переносном смысле тот же эпитет встречается в словосочетании «золотой (т. е. дорогой) зять» χρυσογάμβε — Гр. Ф., IV, 1772). Последнее удачно передано в «Девгениевом деянии» выражением «милый зять». В русском тексте упоминаются «золотые» крест, шлем, броня и «сухое золото» (т. е. литое золото). В переносном смысле слова в тексте «Девгениева деяния» мы встречаем эпитет «золотые струны». Как показывают примеры, в употреблении этого эпитета греческие и русские тексты расходятся.

Несомненно греческого происхождения эпитеты, передающие восторг Стратиговны красотой юного Девгения («о свет светозарный, прекрасное солнце»). Аналогичные эпитеты — «словно солнце прекрасное» (ἥλιος καλός — Гр. Ф., IV, 1558), «солнцорожденный» (ἡλιογέννητος — Гр. Ф., IV, 1429, 1886) — встречаются в греческих поэмах, но они почти всегда сопутствуют образу юной красавицы — дочери Стратига. Лишь один раз сравнивается с солнцем облик юного героя в рукописи о Андроса: когда Дигенису исполнилось 12 лет, «словно солнце, воссиял он среди других юношей» (ὡς ἥλιος ἀπέλαμπεν εἰς ὄλα τὰ παῖδια — А., IV, 1397).

Приведенные наблюдения не исчерпывают всего материала, но они позволяют наметить общую закономерность.

Переводчик «Девгениева деяния» не всегда и не везде точно следовал своему источнику. Он старался брать из греческого произведения те сравнения, метафоры, эпитеты, которые либо имели соответствия с русской народной традицией, либо были связаны с привычной библейской образностью («яко лев», «яко орел»). Многое в стилистике своего текста русский переводчик создавал самостоятельно, опираясь наряду с устной поэзией на раннюю воинскую повесть (летопись, «Слово о полку Игореве», перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия).

¹³ Спер., стр. 63.

А. В. СОЛОВЬЕВ

Заметки к «Слову о погибели Руския земли»

Вступление

Со времени опубликования «Слова о погибели Руския земли» Х. М. Лопаревым¹ прошло 66 лет. Несмотря на всю значительность этого памятника, о нем писали сравнительно мало, занимаясь главным образом археографическими и историческими вопросами: было ли «Слово» самостоятельным произведением или введением к житию Ярослава или Александра Невского, был ли автором его Даниил Заточник, каково значение «Слова» для создания легенды о Мономаховом венце и т. п. Отдельной монографии, посвященной оценке этого отрывка как чисто литературного произведения, до сих пор не появилось. Лишь с 1947 г. стали печататься отдельные статьи, посвященные этому «Слову». Посмертная статья М. Горлина имела целью доказать, что это не самостоятельное поэтическое произведение, а лишь вступление к утраченному житию князя Ярослава Всеволодовича.² М. Н. Тихомиров специально занялся вопросом о том, где и когда могло быть написано «Слово».³ В 1953 г. во французском журнале мы поместили статью, в которой стремились дать историческую и эстетическую оценку этого памятника.⁴ Наконец, в 1956 г. Н. К. Гудзий напечатал обстоятельную статью об этом «Слове».⁵

Н. К. Гудзий изложил вкратце мнения различных ученых, правильно отмечая «прежде всего радикальные расхождения в оценке литературных его качеств» и «недооценку литературных достоинств» памятника у целого ряда авторов. Он считает самым существенным вопрос о том, представляет ли «Слово» самостоятельное произведение, хотя бы лишь частично сохранившееся, или оно органически связано с отсутствующим повествованием о смерти Ярослава Всеволодовича, либо с житием Александра Невского. Основательно возражая против мнений Н. И. Серебрянского и М. В. Горлина, Н. К. Гудзий возвращается к мнению Х. М. Лопарева и приходит к выводу, что наиболее приемлемым является утверждение, что «Слово о погибели» было отдельным, самостоятельным

¹ Х. Лопарев. «Слово о погибели Руския земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века. — ПДП, XXXIV. СПб., 1892.

² Michel Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. — Revue des Etudes Slaves, XXIII. Paris, 1947, стр. 5—33.

³ М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Руской земли». — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 235—244.

⁴ А. Soloviev. Le Dit de la ruine de la terre Russe. — Byzantion, t. XXII. Bruxelles, 1953, стр. 105—124. Впрочем, еще в 1937 г. мы напечатали небольшую статью на сербском языке с ритмическим переводом памятника: А. Соловьев. Песма о погибели Руске земле. — Страни Преглед, год VII (1937). Београд, стр. 274—279.

⁵ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Руския земли». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 527—545.

произведением. Перейдя к анализу статьи М. Н. Тихомирова, разделяющего то же мнение, Н. К. Гудзий убедительно доказывает, однако, что «Слово» не явилось откликом на Калкскую битву, которая не могла вызвать представления о «погибели всей Руси», и что остается в силе приурочение Х. М. Лопаревым этого памятника к 1238 г. Н. К. Гудзий справедливо возражает и против новгородского происхождения автора и считает более вероятным предположение Х. М. Лопарева, что автор «Слова» жил в Переяславском княжестве. Затем Н. К. Гудзий останавливается на вопросе об отношении «Слова о погибели» к «Слову о полку Игореве». Изложив указанные нами параллели между обоими произведениями и наше заключение, что «оба они, несомненно, продукт одной и той же поэтической школы», Н. К. Гудзий считает, что указанные параллели слишком общего характера и едва ли могут свидетельствовать о литературной связи обоих «Слов». Наконец, Н. К. Гудзий останавливается на трудном вопросе о пунктуации «Слова о погибели», в которой наблюдаются крупные различия между печерской и рижской рукописями. Приведя противоречивые мнения различных комментаторов, Н. К. Гудзий осторожно заключает: «Думается, однако, что ритмическая природа „Слова о погибели“ такова, что она требует ставшей уже традиционной пунктуации печерского списка».

Своей оценки «Слова» как художественного произведения Н. К. Гудзий, к сожалению, не дал.

Ввиду того что обстоятельная статья Н. К. Гудзия несомненно поднимет интерес к «Слову о погибели», мы предлагаем читателям наши заметки об этом памятнике. В них мы отчасти излагаем наши прежние соображения, появившиеся в редких иностранных изданиях, но приводим и ряд новых наблюдений над памятником. Надеемся, что эти несколько разрозненные заметки пригодятся будущему составителю монографии о «Слове о погибели».

1. Художественная форма и содержание «Слова о погибели»

Вполне соглашаясь с Н. К. Гудзием в том, что «Слово о погибели» есть самостоятельное произведение, мы должны отметить прежде всего его лиро-эпическую природу. Его даже нельзя назвать поэмой: до нас дошло лишь вступление, имеющее характер торжественного гимна в честь родины, и в этом отношении оно заслуживает особого внимания. Как правильно отметил Д. С. Лихачев, «ощущение родины как грандиозного живого существа, как совокупности всей родной истории, культуры и природы» с особой силой сказалось уже в «Слове о полку Игореве» и «этот широкий образ Русской земли пронизывает русскую литературу на всем протяжении ее развития. Теми же широкими приемами, что и в „Слове о полку Игореве“, описана в „Слове о погибели Русскяя земли“ XIII в. „светло-светлая и украсно украшена земля Руськая“». ⁶ Эту вкратце брошенную мысль следует развить подробнее.

Неизвестный поэт начинает с восторженного обращения к родине «удивленной», т. е. ставшей дивною своими многими красотами. В длинной ритмической фразе он перечисляет эти красоты, начиная прежде всего с родной природы.

Картина природы в «Слове о погибели» очень последовательна: она начинается со «многих озер», за ними следуют реки и кладези-источники,

⁶ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 63.

затем крутые горы, высокие холмы, всюду частые дубравы и дивные, плодородные поля. Это скорее северный пейзаж озерной полосы, где с холмов сбегает истоки рек, где среди березовых и хвойных лесов стоят клADEZI, блестит гладь озер и ширь полей, та страна, где встречаются Весну счастливые берендеи Островского, т. е. жители Суздальской области.

За этой картиной природы, на главном ее фоне, идет перечисление живых существ в строго логическом порядке: различные звери и бесчисленные птицы населяют дубравы и леса, но люди уже создали великие города и дивные, богатые села, а в них и около них монастырские сады⁷ и церкви (вспомним прекрасную церковь Покрова на Нерли среди лугов). И как завершение этой картины выступают на первый план князья грозные, бояре честные, вельможи многие. Все это нарастание — постепенный переход от тихой природы к живым людям, от красочного фона широкой, безбрежной картины к главным героям будущей песни — обличает настоящего мастера слова с большим эстетическим чутьем. И нарастание звучности заканчивается торжественным аккордом: «Всего еси исполнена, земля Руская, о правоверная вера хрестиянская!»

Все перечисленные красоты и ценности слагаются в одно понятие Родины. В него входят и родной пейзаж, и родные селения, и родные люди, и политическая власть, и гордое национальное имя, и, наконец, сознание своего избранничества среди других народов.

Это сознание духовного избранничества наполняло уже светлым восторгом душу митрополита Илариона, гордившегося тем, что Русская земля «знаема и слышима всеми концы земли». Оно сквозит и в летописях, и в «Слове о полку Игореве», несмотря на все несчастья. В «Слове о погибели» оно выражено ярче, чем где-либо.

После этого величественного приступа, в котором понятие родины дано в красочных, экспрессивных образах, поэт переходит к ее более точному описанию. Он «точно раскрывает перед нами карту родины» (по счастливому выражению М. Н. Тихомирова) и указывает ее географические границы. Он не замкнулся в пределах своей северной Залесской Руси, но начинает с юго-запада. «Отседе до угор» — этим «отседе» скорее всего можно считать Киев, откуда до Карпат гораздо ближе, чем от Новгорода. Мы полагаем, что певец обозревает Русскую землю (мысленно или фактически) с «киевских гор».⁸ От угор он ведет границу «до ляхов, до чahов». В этом нет ничего удивительного: уже X. М. Лопарев привел много примеров того, как часто в памятниках упоминаются рядом «угры и ляхи», а также «ляхи и чахи» в летописях и в сказании о Борисе и Глебе.

От ляхов и чехов поэт переходит к дикой ятвязи за Наревом и Неманом, известной со времени старого Владимира, и к родственной ей литве, от нее к немцам, укрепившимся с конца XII в. на Балтийском побережье, затем к кореле к северу от Невы и доходит до Устюга, где жили тоймичи: это финское племя, известное уже в уставе 1137 г. как данники Великого Новгорода,⁹ жило в Устюжском уезде, где и сейчас есть две реки — Верхняя и Нижняя Тойма. «И за дышючим морем» — это Белое море как часть

⁷ «Винограды обительные» можно толковать не в переносном смысле, а реально, как пример высокой земледельческой культуры. М. С. Грушевский указал, что виноградники были известны в Киевской области в XVI в. (см.: История Киевской земли. Киев, 1891, стр. 376, прим. 7); они могли существовать и в XIII в. Певец «Слова», если он и северянин, обнимает своим взором всю Русскую землю.

⁸ Так, полтора века спустя иерей Софоний Рязанец обращается к своим слушателям в Московской Руси: «Взыдем на горы Киевския и посмотрим славнаго Днепра и посмотрим по всей земле Русской».

⁹ «В Тоиме сорочек». — Памятники русского права, в. 2. М., 1953, стр. 117 и 121.

Ледовитого океана, где вздымаются, как живые, грозные валы. От моря поэт спускается на юг — до болгар, владевших в это время областью Камы и даже взявших Устюг в 1219 г., от болгар до буртас, до черемис и мордвы (с этими народами воевали Всеволод III и его сыновья). Все это было волею божиею покорено «крестьянскому языку», т. е. русскому народу, все эти «поганские» страны.

Это горделивое противопоставление избранного культурного народа окружающим его кольцом иноверным, по большей части языческим народам типично для средневековья и показывает, как национальное сознание обостряется на почве религиозных различий.

Интересно сравнить этот список соседей с первыми страницами Начальной летописи, так же ясно разграничивающей народности: «Се бо токмо словенск язык в Руси. . . а се суть иные языци, иже дань дают Руси. чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимегола, корсь, норова, либь, си суть свои язык имуще». Этот список составлен во времена Ярослава Мудрого. Через два века он несколько изменился: чюдь пропущена (она подчинена датчанам), меря, весь, мурома вошли в состав Русской земли, черемиса, мордва и литва остались, печеру и пермь заменили буртасы и болгары, а вместо зимеголы, корси, норовы и ливи, дававших дань Руси, появились новые их господа — немцы.

С этим перечислением соседей и данников связан третий отдел «Слова» — исторический, с подробностями об отношении этих соседей к Руси в недавнем прошлом. «Поганские» народы были будто бы покорны великому князю Всеволоду, властному главе Мономахова племени (1176—1212), отцу его Юрью князю Киевскому, т. е. Юрью Долгорукому, умершему на великокняжеском престоле в Киеве в 1157 г., и деду его Владимиру Мономаху. Эти три имени, три поколения достаточно легитимируют власть суздальских мономашичей (в том числе и Ярослава Всеволодича) и выражают неумирающую идею единства распадающейся Руси.

С именем Мономаха связан целый ряд красочных, легендарных образов — это пожалуй самая интересная часть отрывка. Его именем половцы страшили своих детей в колыбели; можно вспомнить, как Ипатьевская летопись говорит о правнучке Мономаха, Романе Волынском: «бе изострился на поганья, яко лев, им же половци дети страхаху». Во всех этих образах заключена скрытая антитеза: прошлое величие и настоящее бессилие. При Мономахе литва не смела «выинкнуть» на свет из болот — теперь она осмелела и нападает на Полоцк, Торопец и Ржев. Тогда угры укрепляли каменные горы железными воротами, боясь Мономаха, теперь они притязают на Галицию, и Коломан даже коронуется в Галиче. Ноткой иронии врывается шутка: «а немцы радовахуся, далече будуче за синим морем». Действительно, во времена Мономаха немцы не появлялись еще на балтийских берегах, теперь они укрепились там, взяли Юрьев и угрожают Пскову и Новгороду. Восточные инородцы — буртасы, черемиса, мордва и вьда — бортничали на Мономаха, т. е. давали ему дань диким медом, теперь приходится воевать с непокорной Мордвой.

Наконец, последняя, самая интересная легенда: сам царь кир-Мануил опасался Мономаха и посылал ему великие дары, чтобы великий Володимер не взял у него Царьград. Об этой фразе в «Слове» писали больше всего, начиная с византиниста Х. М. Лопарева. Ясно, что это начало легенды о Мономаховом венце: сам базилевс послал великому князю богатые дары, среди них могла быть и корона. В похвале рязанским князьям есть похожая фраза: «во многих странах славно имя имяша, к греческим царем велику любовь имуща и дары от них многии взимаша». Если далекие рязанские князья получали многие дары в эпоху упадка Византии, то, ко-

нечно, царский внук Мономах мог получить еще более богатые в эпоху Комненов. Какое-то зерно правды тут есть. Любопытно, что «Слово» путает имена Комненов: вместо современников Владимира Мономаха, Алексея (1081—1118) и Иоанна (1118—1143), оно называет славного Мануила (1143—1180), гораздо более известного на Руси и оставшегося в нашем эпосе в виде царя Этмануила. Этот анахронизм доказывает, что певец «Слова» черпал не из письменных, а из устных источников, из богатого запаса дружинных песен, воспевавших подвиги и величие славного князя Владимира. Можно сказать, что почти каждая из приведенных фраз есть намек на известные слушателям песни: о Мономахе и половцах, о Мономахе и греческом царе и т. д. Их было, вероятно, немало. Сильно измененные следы их сохранились в былинах о Владимире Красное Солнышко и его богатырях.

Последняя фраза начинала новый, четвертый отдел отрывка: «А в ты дни болезнь крестьяном». В какие дни? Очевидно, не в эти последние (было бы сказано «в си»), а в отдаленные, предыдущие. Об этом дальше сказано точно: «от великого Ярослава и до Володимера», т. е. от смерти Ярослава Мудрого и до возвышения Владимира Мономаха. Это — нашествия половцев и княжеские усобицы второй половины XI в., разорявшие Русь и ее жителей. Как и «Слово о полку Игореве», наше «Слово» хотело вспомнить «давних времен усобицы», бывшие «болезнью» для христиан, чтобы подвести к трагической катастрофе, к нашествию татар, ставшему «погибелью» для Русской земли. Эти усобицы продолжались и «до нынешнего Ярослава». «Нынешний Ярослав», как «нынешний Игорь», — это здравствующий, главный герой задуманного «Слова». Оно, вероятно, хотело воздать должное его усилиям сохранить политическое бытие и единство Русской земли в самых тяжелых условиях. Нам кажется, что певец считает Ярослава великим князем киевским, прямым наследником его великих предков, перечисленных выше. То, что его старший брат Юрий скромно назван на втором месте, с титулом только «князя володимерьского», дает возможность предполагать, что его уже не было в живых и что поэт назвал его, ибо желал рассказать о его смерти в битве на Сити, в этой трагической «погибели».

Трудно сказать, было ли написано продолжение «Слова о погибели». Возможно, что оно было записано в одном лишь экземпляре и сгорело в огне татарского нашествия, а сохранился лишь переписанный кем-то первый листок (40 строк умещаются как раз на двух страницах тетради). Возможно, что продолжение и не было написано — автор мог вскоре погибнуть в бою.

Одно несомненно: автор задумал «Слово о погибели Русской земли» — поэтическое произведение, задачей которого было воспеть былую славу родины в контрасте со страшным татарским нашествием; в этом произведении должен был играть главную роль великий князь Ярослав Всеволодич, к которому автор был близок. Все предположения о том, что «Слово» могло быть вступлением к житию Александра Невского или к гипотетическому житию его отца, не выдерживают критики. «Слово о погибели» было задумано и написано еще при жизни Ярослава. Оно является поэтическим произведением и должно быть рассматриваемо как таковое. Необходимой задачей становится его всестороннее исследование с точки зрения историко-литературной, стилистической и национально-политической. Несмотря на краткий объем отрывка, он должен занять почетное место в истории древнерусской литературы, являясь связующим звеном между «Словом о полку Игореве», «Задонщиной» и последующими былинами.

2. Национальное сознание в европейской поэзии средних веков

«Слово о погибели» чрезвычайно ценно, как яркое проявление национального сознания, наряду со «Словом о полку Игореве». В этом отношении оно занимает выдающееся место в современной ему средневековой поэзии.

Сравним «Слово о погибели» и «Слово о полку Игореве» с песней о Сиде, созданной в середине XII в. Конечно, поэма о подвигах Сида гораздо длиннее, в ней 3370 стихов.¹⁰ Но в них трудно найти ясную патриотическую идею. Вся песня посвящена прославлению данного героя, и героизм его довольно двусмысленный: он непослушен своему королю, изгнан им из всего Кастильского королевства, он является «бандитом» в правовом смысле этого слова. Собрав 60 таких же изгнанников, Сид воюет на свой страх, как наши казаки. Но на первом месте у него добыча, подробно описанная в поэме. Он воюет не только против мавров, но и против христиан: первое его нападение на эмира Толедского, данника кастильского короля, второе — на христианского графа Барселоны. Правда, дальше в поэме чувствуется пафос борьбы христиан против мусульман. Дружина Сида всюду носит имя «cristianos». Но национального чувства еще нет, нет нигде слова «испанец» (español). Родиной Сида является только Кастилия, туда он стремится вернуться: он с грустью говорит: «De Castiella la gentil exidos somos asa» (стих 672). Его государь Альфонс VI — это король Кастилии, подданные этого короля — кастильцы, и таковым чувствует себя сам Сид.¹¹ Рядом с королем Леона и Кастилии стоят король Наварры, король Арагонии, а большая часть Испании подчинена семи мусульманским королям. Феодалная раздробленность Испании уничтожает сознание национального единства народа. Имя Кастилии названо 24 раза, а Испания названа только 5 раз и то лишь как географическое понятие, название всего полуострова, унаследованное еще от римской эпохи. Так, перед первым набегом на Толедо Сид ободряет дружину словами: «Об их удаче будет говорить вся Испания». Затем, когда он взял в плен графа Барселоны, дон Ремонта, тот объявляет голодовку и заявляет: «Я не съем ни куска, каков бы ни был во всей Испании» (en toda Espana, стих 1021). Заметим, что подданные графа Ремонта, каталонцы, названы франками, вероятно потому, что их язык ближе к южнофранцузскому, или потому, что Каталония была одно время феодом Франции.

Во второй части поэмы, когда Сид жалуется королю Альфонсу на графов Гонзалец (yfantes de Carrion), опозоривших его дочерей, он обращается к королю со словами: «Merced, ya rey, el major de toda Espana» (стих 3271). Король Альфонс VI — самый сильный во всей Испании, но он назван тут же «король Кастилии и король Леона и Астурии» (стихи 2922—2923). Он еще не король Испании, а лишь отдельных ее королевств. Испания, разделенная на десять государств, еще лишь географическое понятие, и жители ее не испанцы, а лишь кастильцы, леонцы, галициане, португальцы и франки (каталонцы).¹²

¹⁰ El cantar del mio Cid. Texto, gramática y vocabulario por R. Menendez Pidal. I—III. Madrid, 1908—1911.

¹¹ Король Леона Альфонс VI стал с 1072 г. и королем Кастилии, что явилось крупным шагом на пути объединения мелких феодальных государств. Песня о Сиде называет его то королем Леона, то королем Кастилии и не нашла еще общего имени для объединения.

¹² Castellanos (748, 1067 — сам Сид, 495, 1790, 2976 — король, 2979 — бароны), leoneses (238), galizianos (1982, 2926), portogaleses (2978), francos (1002). Цитирую по прекрасному изданию Менендеца Пидалья.

* *

*

Германская литература XII—XIII вв. очень богата песнями миннезингеров: их насчитывается до 150, а число их песен достигает нескольких тысяч. Однако во всей этой литературе, воспевающей в духе провансальских трубадуров прежде всего «прекрасную даму», политических произведений немного. Если они есть, они касаются прежде всего императора, его борьбы против папы, иногда отдельных герцогов. Понятия родины в них трудно уловить.

Насколько мы знаем, единственным произведением, описывающим величие Германии и ее географические границы, является небольшое стихотворение известного Вальтера фон дер Фогельвейде, самого талантливого из миннезингеров.¹³ Это стихотворение, впервые опубликованное по рукописи романтиком Уландом, постоянно цитируется как пример проявления сильного патриотического чувства, и некоторые издатели XIX в. печатали его под заглавием «Германия выше всего» (Deutschland über alles), которого вовсе не было в подлиннике.

Написанное в 1220—1230-х годах, оно совпадает по времени со «Словом о погибели». Однако если мы его разберем внимательно, мы найдем сильные различия в содержании и в поэтической окраске.

В этом стихотворении всего 40 строк: оно опять-таки посвящено женщине, вернее немецким женщинам вообще (Tiuschen frouwen). Поэт видел много стран и много женщин, но пусть его поразит рок, если ему больше понравятся чужие обычаи. Для него немецкое воспитание выше всего:

Tiuschu zuht¹⁴ gat vor in allen
Von der Elbe unz an der Rin
Und her wider unz an Ungerlant
So mugen wol die besten sin
Die ich in der werlte han erkant.

Немецкий обычай во всем превосходит.
От Эльбы и до Рейна
И дальше до Угорской земли
Они, вероятно, лучше всех,
Каких я видел на свете.

Он восхваляет доброе воспитание и внешность немецких женщин и клянется, что они лучше всех остальных (so swuere ich wol daz hie diu wip bezzer sint danne andere frouwen).

И немецкие мужи хорошо воспитаны (Tiusche man sint wol gezogen), но немецкие жены прямо как ангелы. Кто с трудом ищет добродетель и чистую любовь, тот пусть придет в нашу землю: она полна прелести, я желал бы долго жить в ней, восклицает поэт.

Tugent und reine minne
swer die souchen wil,
der sol komen in unser lant; da is wünne vil;
lange müeze ich leben dar inne!

В этих стихах действительно высказано чувство любви к «нашей земле», трижды названо имя немцев (Tiuschen) и восхваляются немецкие жены и мужи. Но, как миннезингер, Вальтер исходит из культа женщины: страна у него лишь фон, она на втором месте. И если он намечает границы своей родины, то они весьма скромны: от Эльбы до Рейна. Он как бы от-

¹³ R. Pfeiffer. Walther von der Vogelweide. Dritte Auflage. Leipzig, 1870, стр. 39 и сл.; A. Lange. Un trouvère allemand. Paris, 1879, стр. 69—71.

¹⁴ Немецкое слово «zucht» трудно переводимо, ибо оно имеет несколько значений. Это прежде всего «разведение скота», затем «воспитание детей» (отсюда значения «благовоспитанность», «скромность»), но оно значит и «строгая дисциплина», отсюда Zuchthaus — «исправительный дом», Zuchtarbeiten — «каторжные работы». У Вальтера это слово скорее всего обозначает «добрые обычаи», «благовоспитанность».

казывается от Эльзаса и Лотарингии на западе, от Бранденбурга и Поморья на востоке. Границы едва намечены, о политическом величии он и не вспоминает в эту эпоху, когда Германия тоже была раздроблена и раздиралась внутренней борьбой. «Слово о погибели» гораздо более насыщено политическим содержанием и историческими воспоминаниями, чем этот мадригал для прекрасных дам, оставшийся все же самым сильным и чуть ли не единственным проявлением немецкого патриотизма в средневековой поэзии.

* *
*

Если так трудно найти проявление национального чувства в германской поэзии XIII в., то еще труднее обнаружить его у многочисленных французских труверов и трубадуров.¹⁵ Они на тысячи ладов воспевают своих дам и свою любовь и лишь изредка касаются политических событий в отдельных стихотворениях. Да и эти политические стихи говорят лишь о феодальных распрях: южные трубадуры восхваляют своих графов и враждебны северной Франции, а северные труверы воспевают то бретонских герцогов (Гю де ла Ферте), то других баронов (Гю д'Осси).

Редким исключением являются труверы, понимающие объединительную роль королей (Жен де Бетюн и Андре Контреди). У Андре Контреди можно найти и чувство национальной гордости, но только в двух строках:

Des pais est donc France la flor,
Se on se vuet loi aument contenir.

Во Франции XIII в. особенно заметно раздвоение между Севером и Югом, говорившими на разных языках (ланг д'ой и ланг д'ок) и раздиравшимися кровавыми войнами, приведшими к истреблению еретиков альбигойцев на Юге и вместе с тем к уничтожению особой национальной культуры некогда цветущего Юга. От богатой поэзии трубадуров остались главным образом лирические стихи в честь прекрасных дам. Политические песни «сирвенты» посвящены войне, жажде мести или добычи (Бертран де Брон), призывам к оружию и походам. Только у одного трубадура, Гвильельма Фигуейры, можно найти своеобразное политическое чувство: это обостренное чувство сепаратизма, ненависть к католическому Риму и к северной Франции с ее королями. Фигуейра надеется, что его граф Раймунд VII Тулузский накажет Францию за грехи Рима, что бог поможет Раймунду, который сдирает кожу с французов и мостит мосты их телами:

Roma, Dieus l'aon — e lh don poder e forsa
Al comte que ton — los Frances els escorsa,
E fa'n plance e pon — quand al els se comorsa.

И другой трубадур, Бернарт Сикарт (около 1230 г.), возмущается тем, что его земляки подчиняются французам (al Frances), которые их грабят. Он оплакивает свою южную родину, ее былую свободу:

Ai! Tolosa e Provensa
E la terra d'Argensa,
Bezers et Carcassey,
Quo vos vi e quo us vey!

Этот местный патриотизм южной Франции весьма знаменателен для XIII в.

¹⁵ Léon Gauthier. L'idée politique dans les chansons de geste. — Revue des Questions Historiques, VII. Paris, 1869, стр. 79—86; A. Lange. Un trouvère allemand, стр. 71—73.

* *
*

Следует указать еще на чувство патриотизма в средневековой итальянской поэзии. Разделенная на герцогства и городские республики, будучи объектом борьбы римских пап с германскими императорами, Италия находилась в политическом бессилии, но литература и искусства расцветали в ней пышным цветом. Народный язык побеждает латынь в поэзии, и в первых же стихах проявляется чувство родины, сперва ограниченное кругозором родной области. У поэтов 1260—1270-х годов мы найдем стихотворения, посвященные родной земле: «*Ahi dolce e gaia terra Fiorentina*», «*O dolce terra Aretina*», — восклицают они.¹⁶ Эти нежные строки напоминают возглас «О светло-светлая... земля Русская», но размах последнего гораздо шире, он охватывает всю родину, а не одну лишь провинцию.

Позднее великий Данте около 1300 г. в своей «Божественной Комедии» высказывает горячую любовь к Италии как идеальному целому, но он не написал гимна в ее честь, мы найдем у него лишь взволнованные горькие упреки:

*Ahi serva Italia, di dolore ostello,
Nave senza nocchiero in gran tempesta,
Non donna di provincia, ma bordello!*

(Purg. VI, 76)

Только в XIV в., у Петрарки можно найти гимны родине, которые по силе поэтического чувства приближаются к нашему «Слову о погибели». Около 1360 г. он пишет на родном языке «4-ю Канцону», обращенную «к вельможам Италии, чтобы побудить их освободить ее от тяжкого рабства». В ней мы найдем прекрасные строки, но это прежде всего субъективные чувства поэта, его воспоминания детства, его взволнованные симпатии и антипатии. Картина самой родины расплывается в его красноречивом энтузиазме:

*Italia mia, benché 'l parlar sia indarno,
A le piaghi mortali
Che nel bel corpo tuo si spesse veggio,
Piacemi almen, ch'è miei sospir' aian quali
Spera 'l Tevere e l'Arno
E 'l Po, dove doglioso e grave io seggio...*

Однако у Петрарки есть менее известное стихотворение на латинском языке, посвященное родине как целому.¹⁷ В апреле 1352 г. он возвращался из своего уединения в Провансе в Италию. С высоты перевала Альп он увидел холмы и поля родины в цвете весны и, позабыв ее несчастья, обратился к ней с вдохновенным гимном:

*Ad Italiam ex Gallis removens
Salve, chara Deo tellus sanctissima, salve,
Tellus tuta bonis, tellus metuenda superbis,
Tellus nobilior multum generosior oris,
Fertilior cunctis, terra formosior omni,
Cincta mari gemino, famosa splendido monte,
Armorum legumque eadem veneranda sacrarum,
Pyeridumque domus, auroque opulenta virisque
Cuius ad eximios ars et natura favores
Incubere simul, mundoque dedere magistram.*

¹⁶ Первая строка принадлежит флорентинцу Кьяро Даваццати; ею начинается песня по поводу поражения при Монталерти в 1260 г. Вторая строка взята из стихов Гвитона из Арццо. М. Scherillo. *Le origini e lo svolgimento della letteratura italiana*, I. Milano, 1919, стр. 47 и 45.

¹⁷ *Epistola metrica III, 24*; М. Scherillo. *Le origini e lo svolgimento...*, стр. 276.

Мы опустим вторую часть этого послания: в ней сентиментальный поэт передает свои чувства, связанные с впечатлениями природы, с горными облаками и нежным теплым ветром родины. Приведем лишь последние строки:

Agnosco patriam, gaudensque saluto:
Salve, pulchra parens, terrarum gloria salve!

Остановимся на первой части, где родина описана во всех ее красотах. Как сказал один из последних исследователей, «поэт приветствует здесь Италию всех эпох, и римскую, и ему современную, зная все слабости и несчастья последней. Не надо его обвинять в преувеличениях, ибо он воодушевлен чувством, а искренность сердца допускает преувеличения ума».¹⁸

Сравнивая это послание с русским отрывком, мы найдем ряд любопытных совпадений. Оба гимна (можно их так назвать) начинаются с прямого обращения к родине: «Привет, дорогая богу, святая земля» — «О светло-светлая... земля». Мысль Петрарки о том, что его родина свята и близка к богу, выражена у русского поэта дальше, в словах: «о правдивая вера христианская... все покорено было богом крестьянскому языку». Это зародыш идеи «святой Руси», «земли свято-русской», столь близкой фонетически и семантически понятию «светло-русской земли».¹⁹ Петрарка говорит, что его родина «защита для добрых, грозна для гордых». Для русского поэта его родина полна «князьями грозными, боярами честными». Петрарка восхваляет Италию, как «плодороднейшую и прекраснейшую»: та же мысль выражена еще подробнее в русском гимне, в перечислении «дивных полей» и виноградников, бесчисленных птиц и зверей, прекрасных городов и сел. Петрарка говорит: «опоясанная двумя морями (двойным морем)»; русский поэт называет два моря как границы своей родины, а в тексте «Родословца» сказано прямо «от моря и до моря». У Петрарки родина «прекрасная знаменитыми горами»; русский поэт говорит с некоторым преувеличением: «удивлена... горами крутыми, холмы высокими». Вспоминая далекую славу римских легионов и римского права, Петрарка говорит: «почтенная своим оружием и законами». Русский поэт подробно говорит о военной славе Владимира Мономаха и мог бы упомянуть его законы в «Русской Правде». «Жилище Пиэрид» (т. е. муз) не нашло точной параллели в русском гимне, но он называет культурные центры — «дома церковные» и монастырские «обители». Петрарка повторяет: «богатая золотом и мужами»; русский поэт восхищен «великими городами, селы дивными... вельможами многими». Он мог бы упомянуть и «русское золото», известное «Слову о полку Игореве» и французскому эпосу XII в.,²⁰ но говорит в общих словах: «Всего еси исполнена, земля Русская». Петрарка заканчивает: «искусство и природа возвеличили тебя и сделали наставницей всего мира». У русского поэта его родина, просвещенная светом христианской культуры, подчиняет себе все «поганские страны».

Конечно, произведенное нами сравнение не дает возможности утверждать, что Петрарка вдохновился «Словом о погибели» или что, наоборот, «Слово о погибели» лишь подделка Х. М. Лопарева, знакомого по лекциям

¹⁸ Henri de Ziegler. Pétrarque. Genève, 1940, стр. 132.

¹⁹ Об этой связи между понятиями «светло-русской» и «свято-русской» земли мы писали недавно в статье: А. V. Soloviev. Helles Russland — Heiliges Russland. — Festschrift für Dmytro Cyževskij zum 60. Geburtstag, Berlin, 1954 (= Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin, Bd. 6), стр. 282—289.

²⁰ «Ne le ferai pour tout l'or de Rousie» и т. д. (G. Lozinsky. La Russie dans la poésie française du Moyen Age. — Revue des Etudes Slaves, IX. Paris, 1929).

А. Н. Веселовского с итальянской литературой. Об этом нельзя говорить серьезно, так же как нельзя серьезно доказывать, что «Слово о полку Игореве» — подделка XVIII в.

Задачей нашего сравнения было показать, что чувство патриотизма, горячей любви к родине, к ее природе, к ее славному прошлому и к ее историческим задачам было одинаково сильно и у русского дружинного певца XIII в., и у великого итальянского поэта XIV в. Оба они находили для этого сильного чувства часто довольно похожие выражения, вовсе не зная друг о друге.²¹

3. Метрический размер «Слова о погибели»

Полагаем, что «Слово о погибели» следует разделить на стихи, приблизительно следующим образом:

1	О светло-светлая и украсно украшена земля Русская!	6 + 8 = 14 (+5) 5
	И многими красотами удивлена еси: озеры многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными,	8 + 6 = 14 6 + 6 = 12 7 + 5 = 12
5	горами крутыми, холмы высокими, дубравами частыми, польми дивными, зверьми различными, птицами бежислеными, городы великими, селы дивными, винограды обительными, дома церковными,	6 + 6 = 12 7 + 5 = 12 6 + 8 = 14 7 + 5 = 12 9 + 6 = 15
10	и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими!	6 + 6 = 12 (+7) 7
	Всего еси исполнена, земля Руская, о прававерная вера християнская! Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи, и от ятвязи до литвы,	8 + 5 = 13 6 + 7 = 13 6 + 7 = 13 7 + 8 = 15
15	от литвы до немецъ, от немецъ до корелы, от корелы до устьяга, где тамо бяху гоймици поганьи, и за дышючим морем; от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до чермис, от чермис до морьдви —	6 + 7 = 13 8 + 5 = 13 7 + 7 = 14 6 + 6 = 12 6 + 6 = 12
20	то все покороно было Богом крестьянскому языку поганьския страны — великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю Киевскому, деду его Володимеру и Манамаху,	6 + 4 = 10 7 + 6 = 13 6 + 4 = 10 6 + 6 = 12 9 + 5 = 14
25	которым то половци дети своя страшаху в колыбели, а литва из болота на свет не выниковаху, а угры твердяху каменны горы железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не въехал;	7 + 7 = 14 (+4) 4 9 + 6 = 15 6 + 6 = 12 7 + 4 = 11 7 + 5 = 12
30	а немци радовахуся, далече будуче за синим морем; буртасы, черемиса, вьяда и морьдва бортьничаху на князи великого Володимера; и жор — Мануил Цесарегородский опас имея, поне и великия дары посылаше к нему,	8 + 6 = 14 (+5) 5 7 + 5 = 12 (+4) 7 + 5 = 12 5 + 6 = 11 (+5) 9 + 6 = 15
35	абы под ним великий князь Володимер Цесаря-города не взял. А в ты дни болезнь крестияном, от великаго Ярослава и до Володимера и до нынешняго Ярослава и до брата его	7 + 5 = 12 6 + 2 = 8 5 + 4 = 9 9 + 7 = 16 10 + 6 = 16
40	Юрья князя Володимерьскаго. . .	4 + 6 = 10

²¹ Приведем еще прекрасные строки из посмертной статьи нашего незабвенного наставника и друга, профессора В. Н. Щепкина: «Живое и радостное чувство величия страны и величия народа было в начале нашей истории основным настроением русской души. Племена русских славян жили особой и отчасти очень разной жизнью, но были

Конечно, это деление не окончательное. Например, в стихе «а литва» цезуру можно поставить перед словами «на свет», тогда схема стиха будет: 7 + 8 слогов; можно иначе распределить некоторые последние стихи.

Но нам кажется, что в общем это деление правильно и что нас не должно удивлять неравное количество слогов в стихах (от 10 до 16) и в их частях (от 4 до 9). Отметим, что испанская поэма о Сиде (сохранившаяся только в одной рукописи начала XIV в.) отличается той же неравносложностью, что и наши былины и «Слово о погибели». Лучший знаток испанской средневековой литературы Рамон Менендез Пидаль произвел подробный анализ ритма этой поэмы.²² В ней преобладают стихи в 14 и 15 слогов (первых он нашел 270 на тысячу, вторых — 216), но достаточно много стихов в 13 и 16 слогов (187 и 115 на тысячу). Наконец, встречаются и краткие стихи в 12, 11 и 10 слогов (93, 27 и 6 на тысячу) и, с другой стороны, длинные стихи в 17, 18, 19 и даже 20 слогов (37, 22, 12 и 2 на тысячу).²³ Несмотря на это разнообразие, писец XIV в. переписал поэму как стихи, начиная каждый стих с новой строки и с заглавной буквы, и все современные исследователи не сомневаются в том, что это стихи, причем каждый стих делится цезурой на два полустишия. Стихи заканчиваются ассонансами: рифмуют лишь гласные, а не согласные.

Опять-таки число слогов в полустишиях весьма разнообразно. Р. Менендез привел интересную таблицу полустиший, насчитав в них 52 вида различных сочетаний числа слогов, которые он сводит к 10 основным классам. Достаточно указать, что чаще всего встречается полустишие в 7 слогов (327 раз как первое, 453 раза как второе полустишие), затем в 8 слогов (166 раз как первое, 328 как второе полустишие) и в 9 слогов (51 как первое, 73 как второе полустишие). Встречаются часто и более краткие полустишия в 6 слогов (266 как первое, 89 как второе) и в 5 слогов (130 как первое и лишь 5 раз как второе). Наконец, почти как исключение попадаются полустишия в 10 слогов (18—23), в 4 слога (4—3) и в 11 (3 раза), 12 и даже 13 слогов (по 2 раза).

Различные сочетания этих полустиший дают 52 разных вида стихов. Самым частым является стих в 7 + 7 слогов, но все же таких «правильных» стихов всего лишь 15.2%; стихи в 6 + 7 слогов составляют 12.15%, а стихи в 7 + 8 слогов — 11.34%. Все остальные сочетания дают в убывающем порядке: 6 + 8 слогов — 9.32%, 8 + 7 слогов — 8.2%, 5 + 7 слогов — 6.07%, 8 + 8 слогов — 5.68%, 5 + 8 слогов — 4.15%, 6 + 6 слогов — 2.63% и т. д. Отметим, что второе полустишие часто длиннее первого, но и первое может быть длиннее второго.

на счету друг у друга, как великий народ, широко разлившийся по великой равнине. А русская равнина лежала нетронутая, девственная, простая, как сама душа народа. В летописи, в Слове о полку Игореве, в Слове о погибели Русской земли мы чувствуем, как созерцает русская душа свою равнину. Она представляется русским людям привольная, свободная, удивленная большими озерами, покрытая дремучими лесами на севере, цветущая степными цветами на юге, прорезанная во всю длину серебряными нитями Днепра и Волги, ограниченная только каменными горами Карпат и Урала, а на юге — Синим морем и синим Дунаем» (В. Н. Шепкин. Душа русского народа в его искусстве. — Воля России. Прага, 1929, кн. 8—9, стр. 32).

²² Cantar de mio Cid. Texto, gramática y vocabulario por R. Menendez Pidal, vol. I. Madrid, 1908, стр. 76—104. Огромный труд Менендеца мог бы послужить образцом для окончательного издания «Слова о полку Игореве»: в первом томе (420 стр.) — подробная монография об истории, стиле и грамматике памятника, во втором (480 стр.) — азбучный словарь всех встречающихся в поэме слов с подробными объяснениями, в третьем (270 стр.) — издание текста с примечаниями и его реконструкция.

²³ В поэме 3735 стихов, но Менендез не решился анализировать стихи, где встречаются рядом две гласные, ибо неизвестно, считать ли их за два слога или за один, как у Данте; поэтому Менендез взял лишь 987 стихов, без зияния.

Было бы очень полезным применить тот же метод внимательного статистического анализа и к нашим былинам, где мы наблюдаем ту же неравносложность и то же деление на два полустишия при помощи цезуры. В «Слове о полку Игореве» ритм еще более прихотливый, и его очень трудно разложить на стихи, хотя эти попытки постоянно делаются.²⁴ Однако в «Слове о погибели» этот ритм уловить гораздо легче, и это тот же эпический стих Сиды и былин.

Некоторым отличием являются в «Слове о погибели» отдельные стихи, которые не укладываются в двучастный размер и могут быть названы полуторными, имея небольшую концовку. Таковы стихи 1 (14 + 5 слогов), 10 (12 + 7), 25, 30. Для такого деления мы найдем пример в древнейших сербских эпических песнях «долгого слога».²⁵ Известно, что типичный сербский эпический размер «краткого слога», всегда десятисложный («десетерац»), возник позже, а что древнейший размер имеет от 13 до 16 слогов, причем иногда к стиху прибавляется концовка как припев своего рода. Приведем пример:

Л'јепу шету пошетала Милица Лазаровица,	8 + 8 = 16
люби Лазарова,	6
и она ми шеташе, вишьнего бога мољаше:	7 + 8 = 15
«Ти ми, боже, донеси на сваке на невољне	7 + 7 = 14
среће, боже,	4
ма ме немој дош'јети на јунака израђена,	7 + 8 = 15
ер су мени, Милици, љуте ране додијале,	7 + 8 = 15
люби Лазаревој.	6

Совершенно так же построен первый стих «Слова о погибели»:

О светло-светлая и украсно украшена	6 + 7 = 13
земля Руськая.	5

или стих 30:

А Немци радовахуся, далече будучи	8 + 6 = 14
за синим морем. ²⁶	5

Вопрос о средневековой метрике вовсе не является нашей специальностью, но мы полагаем, что следует указать на эти любопытные параллели, что может побудить будущих исследователей заняться этим вопросом более внимательно.

4. Вопрос о пунктуации и о тексте «Слова о погибели»

Н. К. Гудзий подробно останавливается на «неразрешенном и едва ли разрешимом вопросе о пунктуации» в приступе «Слова о погибели». Нам кажется, однако, что этот вопрос разрешается довольно легко. Следует

²⁴ Например, в изыщном издании «Слова о полку Игореве» (под ред. Д. С. Лихачева. Детгиз, 1952). Ср.: Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Изд. АН СССР, 1955, стр. 135—139. (Глава II. «Ритм „Слова о полку Игореве“»).

²⁵ Сербские песни «долгого слога» были впервые опубликованы известным историком-юристом Валтазаром Богичичем по старым рукописям: В. Богичић и њ. Народне пјесме из старијих, највише приморских записа. Београд, 1878. Мы взяли пример из нового сборника: Војислав Бур и њ. Антологја народних јуначких песама. Београд, 1954, стр. 119.

²⁶ Нам кажется, что такие «полуторные» (или трехчастные) стихи можно найти и в былинах, где их печатают как один долгий стих. Например, «Поезжай-ка ты | Алешенька Попович | во чисто поле» ясно делится на три части и дает: 5 + 7 + 5 слогов, причем последние пять слогов можно считать концовкой по схеме: 12 + 5 слогов. Или: «Молода scomорошина | скорешенько ставает | на резвы ноги» дает 15 + 5 слогов (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, М., 1909, стр. 41 и 65).

лишь сопоставить полностью текст списка XV в. (псково-печерского) в пунктуации Х. М. Лопарева с позднейшим, рижским списком XVI в.

Печерский список

Рижский список

О светло-светлая | и украсно украшена
земля Русская!

И многими красотами | удивлена еси:
озера многими | удивлена еси,
реками и кладязьми | месточестными,
горами крутыми, | холмы высокими,
дубравами частыми, | польми дивными,
зверьми различными, | птицами
бещисленными,
города великими, | селы дивными,
винограды обительными, | дома
церковными,
и князьми грозными, | бояры честными,
вельможами многими!
Всего еси исполнена, | земля Руская,
о прававерная вера | християнская!

О светло-светлая | и украсно украшена
земля Руская!

И многими красотами | удивлена еси:
озера многими | удивлена еси,
реками и кладязьми,
месточестными горами, | крутыми холмы,
высокими дубравами, | чистыми польми,
дивными зверьми,
различными птицами бещисленными,
города великими, | селы дивными,
винограды обительными, | дома
церковными
и князьми грозными, бояры честными,
вельможами многими!
Всего еси исполнена земля Руская |
О прававерная | вера християнская!

В перечислении по пунктуации Лопарева чувствуется ясно выдержанный ритм двучастных долгих стихов и наблюдается выразительная позиция эпитетов, последовательно проведенная пятнадцать раз в одной фразе.

В младшем списке перечисление начато с постпозиции: «озера многими», но затем «реки и кладязи» почему-то остались без эпитета и повисли в воздухе как отрывок стиха; следующие четыре объекта имеют эпитеты впереди, «птицы» имеют почему-то два эпитета, и спереди и сзади: «различными птицами бещисленными», а затем семь эпитетов стоят все-таки после определяемых слов. Такая путаница не могла принадлежать поэту, а лишь невнимательному переписчику, начавшему ставить точки не на месте, а затем спохватившемуся и последовавшему за своим оригиналом. Такая пунктуация не только нарушает ритм поэмы и искажает его выразительный стиль. Она нарушает и требования логики — «месточестные горы» не имеют никакого смысла, тогда как «реки и кладязи месточестные» вполне понятны. Славяне издавна почитали реки, а особенно их источники (так надо понимать «кладязи» — ключи). Это почитание сохранялось и в христианскую эпоху. Достаточно вспомнить Игначь крест, поставленный в 1155 г. в верховьях Волги, и часовни, стоявшие еще недавно на истоках рек, например той же Волги. «Горы крутые» — это эпитет, известный народной поэзии; мы найдем его, например, в песне о Горе: «Я пойду с горя во круты горы».²⁷ Эпитет этот перешел даже в поговорку: «Укатали сивку крутые горки». Между тем «крутые холмы» довольно необычны, ибо холмы обычно пологие; эпитет «холмы высокие» более осмыслен. «Высокие дубравы» тоже необычны: гораздо понятнее «дубравы частые», как прочел слово под титлом еще Х. М. Лопарев, нашедший в одном рукописном тексте параллель: «и влезе в дубраву часту». Писец рижского списка прочел «чистыми» и отнес этот эпитет к полям. Правда, «чистое поле» знакомо народной поэзии, но всегда в смысле необработанной, безбрежной степи.²⁸ Между тем певец «Слова»,

²⁷ В стихе о Егории Храбром: «Зароститесь вы, лесы, по всей земле светло-русской, по крутым горам по высоким». (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, стр. 511).

²⁸ «Поезжай-ко ты в раздольце чисто поле», «поехали они в чисто поле поляковать», «не езди далеко во чисто поле» и т. д. (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, стр. 9, 196, 149). В «Повести об Азовском сидении»: «уже нам... дикого зверя в чистом поле не стреливать» (см.: Н. К. Гудзий. Хрестоматия, изд. 6. М., 1955, стр. 370).

восхищенный земледельческим освоением родного края, конечно, думает об урожайных полях и потому (с некоторым преувеличением) говорит: «полями дивными. . . селы дивными». Опять-таки, Х. М. Лопарев уже указал на эпитет «дивное поле» в «Каликах переходящих» П. Безсонова. Наконец, «зверьми различными, птицами бесчисленными» гораздо логичнее, чем «дивными зверьми» (разве лютые звери могут быть дивными?) и «различными птицами бесчисленными» (неуклюжее сочетание эпитетов).

Мы полагаем, что пунктуация печерского, старейшего списка хотя и недостаточна, но более правильна: рижский списан с него довольно невнимательно и вообще дает лишь худшие чтения. Для восстановления правильного чтения с ним считаться не следует. Впрочем, сам Н. К. Гудзий, после некоторых колебаний, приходит к выводу, что лучше следовать за пунктуацией Х. М. Лопарева, «при которой выдерживается единство и стройность ритма», а это главное в поэтическом произведении. Мы только постарались доказать, что и «требования отвлеченной логики» вовсе не говорят в пользу пунктуации рижского списка.

Что касается самого текста, то мы считаем, что в тексте «Слова о погибели» следует сделать три исправления.

1) Изменить фразу «от угор и до ляхов до чахов» на более логическую: «от угор до чахов, от чахов до ляхов, от ляхов до ятвязи». Это правильный географический порядок, а что так стояло в протографе «Слова», видно из того, что в тексте «Родословца» стоит «угрове, и чахи, и ляхи, и ятвязи» (тот же порядок в тексте Степенной книги и у Каменича-Рвовского). И даже в весьма краткой цитате в Белозерском списке «Задонщины» стоит «до черемисы, до чахов, до ляхов». Очевидно, в оригинале «Слова о погибели» чехи предшествовали ляхам, а довольно невнимательный переписчик нарушил этот порядок.

2) Вместо «каменные городы» мы предлагаем читать «каменные горы». Образ гор, замкнутых металлическими воротами, известен той эпохе. Вспомним «Железные ворота» на Кавказе и рассказ Повести временных лет под 1096 г. о немом народе за Уралом, «заклепленном» еще Александром Македонским: «. . . соступишася о них горы полунощныя. . . и створиша врата медьная», а перевалы Карпат считались именно «угорскими вратами»; так, фра Юлиан пишет, что он в 1238 г. въехал верхом (через Русь и Польшу) «во врата Угрии» (*Ungarie portas intravit, et tamen per Ruciam et Poloniam eques venit*). Переписчик не понял эпического размаха этого образа — железные ворота в каменных горах — и приставил выносное «д» над словом «горы».

3) Третьим исправлением, предложенным еще Лопаревым, является «полошаху» (или «страшаху») вместо «ношаху». Заметим, что местоимение «которым» согласовано с именем Мономаха и стоит в творительном падеже единственного числа, что никак не согласуется с глаголом «ношаху» — очевидно ошибкой переписчика.

5. Где и когда было написано «Слово о погибели»

Труднее всего решить вопрос о том, где и когда было написано «Слово о погибели». По этому поводу мы высказали несколько предположений в нашей французской статье, сданной в печать в 1952 г. Лишь после того нам удалось ознакомиться со статьей проф. М. Н. Тихомирова, специально посвященной этому вопросу. Он справедливо говорит: «Автор точно раскрывает перед читателями карту Русской земли в первой половине XIII в. и последовательно называет ее соседей. Он бросает свой взор на эту карту

„отселе“, так и не раскрывая перед нами, что это за место, откуда — „отселе“ — он ведет свой обзор русских рубежей». ²⁹

Приводя целый ряд летописных известий, М. Н. Тихомиров приходит к выводу, что «географические термины автора и его политические намеки ведут нас опять к определенному времени — ко второму-третьему десятилетиям XIII в., к определенным лицам — князьям Юрию и Ярославу Всеволодичам». Ему кажется, что «Слово» было создано после битвы на Калке и что Новгород и был тем «отселе», откуда смотрел на Русскую землю автор «Слова». По его мнению, «„Слово о гибели“ возникло еще до Батыевой рати, поэтому в нем и не упоминается о татарах, возникло при жизни Юрия Владимировича и при княжении в Новгороде Ярослава Всеволодича, „нынешнего Ярослава“, может быть, около 1225 года». Это мнение было уже высказано в 1929 г. А. И. Соболевским.

Н. К. Гудзий основательно возразил, что трудно согласиться с этой датировкой. «О гибели Русской земли северянину естественнее всего было говорить после тех потрясающих татарских опустошений, которые начались с 1237 г.». Если в «Слове» не упоминается о татарах, то это не является доказательством, что оно написано после битвы на Калке: ведь и в этом случае, по нашему мнению, следовало упомянуть татар. Н. К. Гудзий правильно указывает, что «Слово» дошло до нас в незаконченном виде и что о татарском нашествии должна была идти речь в продолжении произведения: иначе непонятно самое заглавие «Слово о гибели Руския земли».

Н. К. Гудзий считает, что «Слово» написано не в Новгороде, а скорее всего в Переяславле, до битвы на Сити 4 марта 1238 г., так как в нем Юрий, а не Ярослав назван князем владимирским. Мы также считаем, что «Слово» не могло быть написано в Новгороде. Если в нем названы соседи Новгорода — немцы, литва, корела, тойма, то это можно объяснить тем, что все эти народы были объектами походов Ярослава, и его певец помнил их, ибо, вероятно, сопровождал князя в этих походах и мог написать свою поэму в другом городе.

М. Н. Тихомиров утверждает: «Нет никакого сомнения, что автор „Слова“ пользовался какими-то южнорусскими источниками, причем эти источники не были ему вполне понятны». М. Н. Тихомирову неясно, почему поэт вспоминает об уграх, и он создает сложную гипотезу: под 1218 г. в Новгородской первой летописи сказано, что Мстислав Удалой отправился из Новгорода в Галич и победил «галичан и чехы и ляхы и моравы и угры». Создались условия, при которых южнорусская письменность легко могла проникнуть на север. Затем, в 1223 г., произошли три печальных события: 1) взятие Юрьева немцами, 2) нападение литовцев на Старую Руссу и 3) битва при Калке. Заключение «Слова» «а в ты дни болезнь христианом» могло злободневно звучать после битвы на Калке, когда усилились нападения «„поганных“, т. е. немцев и литовцев, от которых больше всего страдала Новгородская земля». Новгород и был тем «отселе», откуда смотрел на Русскую землю автор «Слова». Понятна осведомленность автора «Слова» о дышущем море и поганных тоймичах, куда постоянно совершались новгородские экспедиции, о немцах, об уграх, о литве.

Однако мог ли Новгород быть этим «отселе»? Взглянем на географическую карту: от Новгорода до Венгрии 1100 км. Почему, если певец смотрел из Новгорода, он не стал описывать его соседей — чудь, немцев,

²⁹ М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о гибели Русской земли», стр. 236.

литву — и постепенно идти дальше к югу, а сразу сделал огромный нелогичный скачок до угров, чтобы затем постепенно возвращаться к северу? Заметим, что юго-западная граница Руси у него очень точна: угры, чехи (ибо Галицкое княжество граничило в Карпатах с Чехоморавской землей), ляхи, ятвязь и литва. Пять соседей точно названы, ни один не забыт. Но дальше, когда он приближается к Новгороду и Пскову, его точность исчезает. Повесть временных лет знает в этих пределах соседей и данников Руси: корсь, норову, либь, зимеголу, чудь, весь, ямь. Певец «Слова» не называет ни одного из этих племен, хотя они должны были быть известны в Новгороде, он говорит лишь «до немец» и от немцев делает скачок через Финский залив «до корел». Между тем новгородские летописи постоянно упоминают чудь (эстов) как своих соседей, к тому же чудь подчинялась в это время не немцам, а датчанам, которых певец «Слова» тоже забыл.

Совершенно не нужно предполагать, что певец пользовался «какими-то южнорусскими источниками» и что благодаря Мстиславу Удалому они могли проникнуть на север. Южнорусская письменность всегда проникала на север, ибо в эту эпоху было единство письменности: киевские церковные и светские памятники постоянно переписывались и на севере. Но в данном случае не письменность питала певца: он воспитывался на княжеских и дружинных устных преданиях. Каждый княжеский певец хранил в своей памяти всю родословную Рюриковичей, особенно ветви своего князя, помнил о походах и победах князей, о соседях и данниках Русской земли. Географическая осведомленность певца «Слова о полку Игореве» известна; такова же осведомленность второго певца. Ни одному из них не надо было пользоваться письменными источниками. И по нашему мнению, географические термины и политические намеки певца ведут нас к суздальским мономахичам, а именно к сыновьям Всеволода Большое Гнездо.

Надо обратить внимание на последние слова отрывка: «от великого Ярослава и до Володимера (Мономаха) и до нынешняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго». Автор «Слова о полку Игореве» совершенно так же говорит: «от стараго Володимера до нынешняго Игоря». Нынешний — это здравствующий, главный герой песни. Можно полагать, что певец «Слова о погибели» хотел воспеть, на фоне прошлого величия Русской земли, ее нынешнего великого князя Ярослава, подчеркнув легитимность его наследственной власти в восходящем ряду предков: великий князь Всеволод III, отец его Юрий князь Киевский, дед Володимер Мономах.

То, что Юрий Всеволодич скромно назван «князем володимерским», не назван «нынешним» и поставлен после своего младшего брата Ярослава, дает возможность заключить, что «Слово» написано после битвы на Сити 4 марта 1238 г. После этой катастрофы, среди страшной «погибели Руской земли» Ярослав остался в живых, остался законным наследником перечисленных великих князей, устройтелем разоренной родины. Его хочет воспеть певец, а о его брате Юрье упоминает лишь, поскольку он желал коснуться битвы на Сити и трагической гибели этого князя и всего его войска.

* *
*

В связи с этим следует остановиться на личности великого князя Ярослава III (если вторым после Ярослава Мудрого считать Ярослава Изяславича, внука Мстислава Великого, занимавшего великокняжеский престол в Киеве в 1172—1175 гг.)

Ярослав III — незаурядная, крупная личность, интересная не только тем, что он отец Александра Невского. Он принадлежал к гордой ветви

суздальских монашачей, добивавшейся власти над всей Русской землей. Лаврентьевская летопись, сообщая под 1212 г. о смерти его отца, пишет: «Преставися князь великий Всеволод, сын Гюргев благочестивого князя всея Руси, внук Володимера Мономаха». То же говорит «Слово о погибели» в уже указанном перечислении поколений. Оно подчеркивает, что Юрий Долгорукий, этот «князь всея Руси», был князем киевским, ибо он умер в Киеве в 1157 г., где он сидел «на столе отца, деда и прадеда».

Традиция Мономахова племени подчеркивалась в окружении Всеволода Большое Гнездо: накануне рождения сына Ярослава, в 1190 г. он назван в той же летописи опять: «благочестивый христоролюбивый великий князь Всеволод, сын Гюргев, внук Мономахов Володимерь». Сам он был назван Всеволодом в честь Мономахова отца, бывшего великим князем с 1078 по 1093 г., но родословная традиция в его семье идет дальше: старший сын его был назван Константином (впервые в Рюриковом доме), очевидно в честь Мономахова деда, царя Константина IX; второй сын назван Юрием в честь своего деда Юрия Долгорукого; наконец, третий сын — Ярославом, в честь другого деда Мономаха, Ярослава Мудрого.

Ярослав (в крещении Федор) родился 8 февраля 1191 г. в Переяславле Залесском,³⁰ «тогда сушу князю великому в Переяслави на полюдьи». Уже 27 апреля 1194 г. был совершен обряд пострига и посажения на конь трехлетнего князя «и бысть радость велика в граде Володимери». В это время Всеволод III, признанный «старейшина в мономаховом племени», повластно распоряжался в большей части Русской земли: в Киеве его двоюродный племянник Рюрик Ростиславич признает его старейшинство, в 1198 г. Всеволод посылает на епископство Павла в свою отчину, Русский Переяславль, где сидит его племянник Ярослав Мстиславич. В 1200 г. новгородцы просят у него сына в князья, «зане тобе отчина и дедина Новгород»; он дал им пятого сына, четырехлетнего Святослава.

В 1201 г. 3 августа «посла князь великий Всеволод, сын Гюргев, внук Володимеров Мономахов, сына своего Ярослава в Переяславль Русьский княжити на стол прадеда своего», т. е. Всеволода I, получившего его еще в 1054 г. Посольство южных переяславцев приехало в Северный Переяславль и там из собора святого Спаса взяли «князя его же желаша». Любопытна эта связь между Переяславлем Залесским и Южным.

Ярославу Всеволодичу было всего 10 лет, когда его послали на опасную южную окраину, где велась постоянная борьба с половцами.³¹ Уже под 1204 г. отмечено участие юного Ярослава в большом походе на половцев: старый Рюрик Киевский с сыном Ростиславом (зятем Ярослава, мужем его сестры Верхуславы), Ярослав Всеволодич, Роман Галицкий и иные князья победили половцев, взяли много полону и стад, «и бысть радость велика всем хрестьяном Русской земли». При возвращении, однако, князья перессорились: честолюбивый Роман, притязавший сесть в Киеве, захватил в плен своего тестя Рюрика и его сыновей и постриг его с женой

³⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского, 5-е изд., кн. I. СПб., 1842, прим. 143 к III тому. Все указываемые в дальнейшем факты о жизни и деятельности Ярослава Всеволодича содержатся в Лаврентьевской, Густынской, Воскресенской и других летописях, в 1-й главе 7-й степени Степенной книги «О Ярославе Всеволодиче», в III—VI и VIII главах III тома и в I главе IV тома и в примечаниях к III и IV томам «Истории» Н. М. Карамзина.

³¹ Н. М. Карамзин. История..., т. III, гл. III, стлб. 64 и прим. 103 к III тому. В дальнейшем мы не будем давать ссылок на «Историю» Н. М. Карамзина, ограничившись лишь общим указанием на III и IV тома, содержащие сведения о Ярославе. Подробнее см также: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т. I. СПб., 1889, стр. 7—19.

и дочью насильно в монастыство. Это насилie заставило великого князя Всеволода «опечалитися Русской землею»; с его помощью Рюрик опять сел в Киеве.

Смерть Романа Галицко-Волынского (14 октября 1205 г.), оставившего лишь малолетних сыновей, вызвала борьбу за галицкий стол. Роман захватил его в свое время не по праву, и галицкие бояре готовы призвать родню Осмомысла по женской линии: одни — его внуков, сыновей Игоря (героя «Слова») и Ярославны, другие — племянника Осмомысла по суздальской его жене, Ярослава Всеволодича. Угорский король Андрей вмешался в этот спор и, «сдумав с галичанами», пригласил на стол 14-летнего Ярослава. Тот поскакал в Галич из Переяславля, но Владимир Игоревич опередил его на три дня и въехал в Галич, где потом погибли позорной смертью его братья, повешенные недобролыми галичанами. Любопытно, что соперники были свояками: Владимир Игоревич был женат на дочери хана Кончака, а Ярослав только что женился на внучке хана, на Юрьевне Кончаковича.

Широкие планы Ярослава не понравились Ольговичам, и севший в Киеве Всеволод Чермный (сын Святослава III, тоже героя «Слова о полку Игореве») пригрозил ему: «поеди из Переяславля к отцу своему в Суждаль, а Галича не ищи под моею братьею; пак ли не поедешь добром, иду на тебя ратью». Ярославу пришлось уступить, и осенью 1206 г. 15-летний князь вернулся к отцу, который дал ему Переяславль-Залесский. Однако уже через два года отец посадил его на стол в Рязани, захватив в плен всех рязанских князей и решив вполне подчинить это важное княжество. И тут княжение Ярослава было неудачно: рязанцы не сдержали крестного целования, восстали и захватили в плен Ярослава с дружиной. Всеволод пришел с войском, освободил сына и сжег Рязань. Ярослав опять сел в Переяславле-Залесском. Вероятно, в это время умерла бездетною его первая жена-половчанка, и Ярослав женился на дочери Мстислава Удалого, князя Торопецкого.

Перед смертью своей, в 1211 г., великий князь Всеволод созвал «на снем» бояр, духовенство, купцов и дворян (что напоминает земский собор) и дал великое княжение во Владимире второму сыну Юрию, а старшему Константину, «книжнику и философу», лишь Ростов. Между братьями чувствовалась рознь, в которой Ярослав был все время на стороне Юрия. В 1216 г. эта рознь перешла в открытую борьбу, закончившуюся драматической битвой при Липице.

После смерти отца Ярослав вернулся в свой Переяславль, сказав знаменательные слова: «Отец мой отошел к богу, а вас отдал мне, и меня отдал вам на руки. Хотите иметь меня у себя и сложить за меня свои головы?» В этих эпических словах особенно ярко выражена теория единчества князя и земли и необходимость согласия веча на посажение князя даже в Суздальской земле.

Уже в 1215 г. Ярослава пригласили к себе новгородцы, изгнав его тестя, Мстислава Удалого. Но Ярослав не ужился в этом вольном городе: он скоро ушел в Торжок, где сковал 2000 новгородцев (купцов), засел там и не пускал хлеб в Новгород. Тогда новгородцы, помирившись с Мстиславом Удалым, вмешались в распрю между сыновьями Всеволода Большое Гнездо. Обе стороны собрали большие войска и встретились при Липице.

Юрий и Ярослав были уверены в победе и хвастались перед битвой: «Не бывало, кто вошел в сильную землю в Суздальскую, хотя бы и вся Русская земля: и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская». Эту гордость «сильной землей Суздальской»

можно объяснить только тем, что она уже была густо заселена в это время. Братья уже вперед делили между собой «все города русские»: Ярославу должен был достаться Великий Новгород, Смоленск — Святославу, Киев — Ольговичам, а Юрию, сверх великого княжения, — Ростов и Галицкая земля. Следует отметить, что здесь «Русская земля» и «русские города» понимаются в самых широких пределах и что Новгородская, Смоленская и Галицкая земля должны были быть в руках братьев Всеволодичей, — это ясное стремление к объединению Русской земли с северо-востока.

Ярослав, надменный и мстительный (по словам Н. М. Карамзина), не хотел слушать предложений о мире. Он убеждал свою дружину: «Се пришел товар в руки. Аще и золотом шито оплечье будет, то убей», а послам Константина и Мстислава ответил: «Вы теперь как рыба на песке; зашли далеко и видите беду неминуемую». Интересны эти краткие, эпические его слова, сохраненные летописью.

Однако не помогли ему ни его «величавость», ни его войско в 13 стягов. В кровопролитной сече 22 апреля Юрий и Ярослав были разбиты наголову. Ярослав потерял золоченый шлем, найденный через 600 лет на поле битвы, и едва прискакал в свой Переяславль на пятом коне, «а четырех задушил». «Еще бо не насытился бе крови: изыма новгородцев и смольнян иже бяху зашли гостьбою, и повеле им вметати в погреб, и издуши их 150 человек», — говорит не расположенная к нему Ипатьевская летопись.

Мстислав Удалой подошел к Переяславу с предложением мира, но потребовал свою дочь, «не желая, чтобы она жила с князем столь жестокосердым» (Карамзин). Однако Ярослав проявил сильное чувство, он «многажды сылал с мольбою к Мстиславу, прося своей княгини; князь же Мстислав не дасть ему», увез дочь и добился развода.

Побежденные Юрий и Ярослав должны были признать старейшинство Константина, причем Ярослав ударил ему челом со словами: «Брате, накорми мя хлебом», т. е. дай мне власть. Интересно, что челобитие и понятие «кормления» отмечены здесь задолго до московской эпохи. Константин оставил Ярославу его Переяславль-Залесский.

В 1218 г. умер болезненный Константин, и Юрий опять стал великим князем, уже по праву наследства. Тогда повысилось значение Ярослава, женившегося в том же году на рязанской княжне Феодосии, подарившей ему через два года сына Александра (отметим это имя, несомненно навеянное романом об Александре Македонском). В 1219 г. Ярослав по просьбе князя Ингваря Рязанского послал свои полки в степь против половцев. В следующем году он вместе с братом Юрием участвует в большом походе князей против камских болгар, перед тем взявших даже с бою Устюг.

В 1222 г. новгородцы, обеспокоенные наступлением немецких рыцарей и литовцев, призвали к себе воинственного Ярослава, «забыв свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть к нему» (Карамзин). Он согласился «княжить у них на Новеграде по их воле новгородской изстаринной». Опираясь на свою храбрую переяславскую дружину, Ярослав деятельно отстаивает Новгород, в то время как Мстислав Удалой продолжает свои бесполезные подвиги в Галиче и на Калке.

Прежде всего Ярослав выгнал литовцев из южных пределов Новгородской и Торопецкой волостей и гнал их до Усвята. Затем он решил защитить ливь и чудь (эстонцев), утесняемых немцами и датским королем Вольдемаром II. С двадцатитысячным войском он вступил в Ливонию как освободитель: жители встречали его с радостью и в Юрьеве, и в Медвежьей Голове (Оденпе). Он хотел идти походом на Ригу, но чудские послы с о. Эзеля просили его повернуть в Эстонию. Близ Вельяна (Феллин) он

увидел много повешенных немцами туземцев. Он поклялся отомстить, но наказал не столько рыцарей, сколько жителей этой области, сжегши их селения. Затем он осаждал целый месяц Колывань (недавно основанный датчанами Ревель), но не мог его взять и вернулся в Новгород, «взяв полна без числа и злата много». Однако в том же году он не ужился с новгородцами и уехал с семьей в свой Переяславль. «Новгородцы же кланяются ему: Не ходи княже! Он же поиде по своей воли». Однако после взятия Юрьева немцами в 1223 г. беспомощным новгородцам пришлось опять просить его к себе защищать их. Тогда он проявил еще более кипучую деятельность. В 1226 г. он вместе с псковичами и торопчанами победил литовцев у Усвята, побил их до двух тысяч и взял в плен их князей.

В следующем 1227 г. он пошел за море на Емь (в Финляндию), «где же ни один от князь русских не возможе бывати, и всю землю плени, и много полна посекали». Тогда же он «послав крести множество корел, мало не все люди». Когда затем емь, переправившись через озеро, напала на Ладогу, он отбил ее и повоевал около озера и Олонца. Он решил подчинить и Псков, заключивший изменнический союз с рыцарями-меченосцами. При переговорах псковичи обратились к нему со словами: «Господине княже, ты князь смыслен и премудр, и веси яко вси есмя едино Афетово племя». Здесь интересна ссылка на начитанность Ярослава. Но новгородцы неохотно поддерживали его в его замыслах; он опять оскорбился и уехал в 1228 г. с княгиней в свой Переяславль, оставив в Новгороде двоих малолетних сыновей, Федора и Александра (8 и 7 лет), как носителей власти. Новгородцы посылали к нему с посольством: «Господине княже, свирепства и гнева не держи» и звали его княжить «на всей воле нашей и на всех грамотах Ярославлих». Им нужна была его военная сила и опытность. Но князь не вернулся, а вскоре убежали и княжичи.

Новгородцы пригласили тогда Михаила Всеволодича Черниговского, который собрался даже в 1230 г. воевать с Ярославом, но князей примирил митрополит всея Руси Кирилл. С этого времени начинается вражда Михаила и Ярослава, последнее проявление давней распри Ольговичей и Мономашичей.

В том же году новгородцы, недовольные Михаилом, опять призвали Ярослава, но он просидел у них лишь две недели и снова вернулся в Переяславль, оставив в Новгороде своих сыновей на столе. Михаил, однако, изгнал их из Новгорода. Тогда Ярослав вместе с братом Юрием начал рать против черниговско-северских городов. Ярослав сжег Серенск и осадил Мосальск. Ярослав опять сел в Новгороде, а во Пскове сидел его наместник Вячеслав. Псковичам удалось даже отнять Изборск у рыцарей, которым помогал изменник-князь Ярослав Владимирович: они послали пленных в заточение в Переяславль, в удел Ярослава. Когда Ярослав сидел в Новгороде, 5 июня 1233 г. внезапно умер его 13-летний первенец Федор, «а свадьба юже уговорена, и невеста приведена, и бояре сехашася, а вся красная и слаткая и суетная уготована». Эти строки летописи, делящиеся на правильные пеоны, кажутся нам стихами, вырванными из погребального плача при дворе князя.

В 1234 г. Ярослав опять ходил с новгородцами на немцев-рыцарей под Юрьев и Медвежью Голову, а затем пошел на литву в насадах и на конях по Ловати, настиг ее в Торопецкой волости и разбил наголову. В 1235 г. его размах стал еще шире: с новгородцами и с переяславской и ростовской помощью он спустился по Днепру и взял Киев под Изяславом Мстиславичем смоленским, «и седе на великом княжении в Киеве князь Ярослав Всеволодович новгородский, а в Новгороде его сын Александр» (уже 15-летний). Это был все тот же грандиозный план объединить все главные центры Русской

земли в руках одной семьи суздальских Мономашичей. Во Владимире сидел великий князь Юрий, ему подчинялась вся восточная Русь, а в Киеве, также с титулом великого князя, сел его дружный брат, владея одновременно Новгородской и Псковской землей через послушного сына. Однако Густынская летопись говорит, что его вскоре выгнал из Киева Владимир Рюрикович, которого опять изгнал Михаил Черниговский. Ипатьевская говорит иначе: «Приде Ярослав Суждальский и взя Киев под Владимиром, не мога его держати, иде паки Суждалю, и взя под ним Михаил». Как говорит С. М. Соловьев, трудно согласовать эти известия. Неясно, где был Ярослав в 1236 и 1237 гг. Однако хорошо осведомленная Воскресенская летопись утверждает, что в 1238 г. Ярослав прибыл в разоренный Владимир из Киева.³² Возможно, что он занял его еще раз. Во всяком случае его не было в Суздальской земле во время татарского нашествия. Его брат Юрий погиб 4 марта 1238 г. в битве на Сити. Ярослав остался законным наследником великого княжения. Он прибыл в разрушенный Владимир, сел на великокняжеском столе «и поча ряды рядити и утвердися в своем честном княжении». Не обращая внимания на татар, он распорядился столами: дал Суздаль брату Святославу, а Стародуб — брату Ивану. В Новгороде остался его сын Александр.

Соперники его, Михаил Черниговский и Даниил Галицкий, бежали в Венгрию, боясь татар. Ярослав остался непрерываемым главою Рюрика дома. Ему выпала тяжелая задача убрать трупы, расчистить и восстановить погоревшие города Суздальской земли. Вместе с тем он взял на себя защиту Русской земли от осмелевших западных врагов.³³ В 1239 г. он пошел на литовцев, захвативших было Смоленск, освободил его, взял литовского князя в плен и посадил на столе законного князя, очевидно, как своего вассала. В 1240 г. 15 июля его юный сын Александр, княживший от его имени в Новгороде, блестяще поразил шведов, высадившихся на Неве. Житие Александра Невского, подробно рассказывая об этой победе, говорит: «Жалостно слышати, яко отец его Ярослав честный, великий, не бе ведал такового возстаня на сына своего милаго... ни оному бысть весть послати ко отцу во град Киев, уже беаху приближилися ратнии». Мы не можем считать это указание «ошибкою». Летописи не упоминают о том, где был Ярослав в 1240 г.: вероятно, он главным образом пребывал в Суздальской земле, но он мог легко занять в июле 1240 г. покинутый Киев, к обладанию которым он стремился. В Киеве в это время сидел храбрый тысяцкий Дмитро от имени Даниила Галицкого, но Даниил, вероятно, уже уехал в Венгрию, а покинутый своим князем на произвол судьбы Дмитро мог временно подчиниться и великому князю Ярославу, надеясь на его помощь.

К этим годам относится и любопытное известие Степенной книги, которое, по предположению М. Горлина, взято из более древнего жития Ярослава: «И тогда злоименитый Батый присла к нему посол свой, зовый его к себе во Орду. Ходившу же ему, и достойную честь прият от царя, и восприим старейшинство во всем Руском языке. Прииде в землю свою

³² ПСРЛ, т. VII. СПб., 1889, стр. 143. М. С. Грушевский полагает, что Ярослав покинул Киев и перешел в Суздальскую землю, получив уже известие о катастрофе на Сити, где погиб его брат Юрий (М. С. Грушевський. Історія України—Руси, т. II. Львів, 1905, стр. 249).

³³ А. Е. Пресняков правильно сказал: «Только что отхлынула к югу татарская сила. Ярослав тотчас вступает на прежние пути великокняжеской политики... В его власти и все княжьи силы великого княжения... и перевес великокняжеской силы над младшими князьями не меньше (скорее больше), чем во времена Мономаха и Мстислава Великого» (А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 52—53).

честно и славно и многи пришьельца утешу и множество людей собра. Сами прихожаху к нему в Суждальскую землю от славныя реки Днепра и от всех стран Руския земли: галичане волюньстий, кияне, черниговцы, переяславцы и славнии куряне, торопчане, меняне, мещижане (читай: вщижане), смольняне, полочане, муромцы, рязанцы; и вси подражаху храбрости его и обещавахуся ему живот свой полагаати за избаву христианскую; и тако множахуся и всяким богатеством исполняхуся; и бысть необычной скорби радость велия христианом и благодарствоваху бога, преспевающе во благочестии».³⁴ Этот текст указывает на широкую деятельность Ярослава и на сильное заселение Суздальской земли, в которую стремятся угрожаемые венграми и Литвой жители западных областей, даже из Галиции, Волини, Украины, из Минской, Смоленской и Полоцкой областей. Суздальская земля, хотя и разорена татарским нашествием, становится для них прибежищем под защитой великого князя Ярослава.

Четыре года Ярослав распоряжался сравнительно спокойно в разоренной Русской земле. Наконец в 1242 г. ему пришлось поехать в Орду к Батю. Тот принял его с уважением и признал «главой всех князей российских», по словам Абульгази. По летописи, Батый почтил его великой честью и сказал ему: «Ярославе! буди ты старей всем князем в русском языке». То старейшинство, которым Ярослав уже фактически пользовался, теперь было признано за ним высшей властью во всех пределах Русской земли, «в русском языке», т. е. в русском народе. Ясно, что это понятие не было создано татарами, а было подсказано им самим великим князем.³⁵ Ярослав вернулся на Русь с великой честью и управлял ею спокойно. В 1245 г. его наместник Дмитро Ейкович сидел в Киеве; по догадке М. С. Грушевского, это был тот же тысяцкий Дмитро, славный защитник Киева в 1240 г.³⁶

В 1245 г. Ярославу пришлось поехать к великому хану в Каракорум. Там его видел Плано Карпини: «Vidimus in curia imperatoris nobilem virum Jeroslaum, magnum ducem Russiae». Титул «великого князя России» был признан за ним при ханском дворе и понятен был всякому иностранцу, привыкшему рассматривать всю Русскую землю как единое целое. На возвратном пути из Монголии Ярослав разболелся «и преставился нужною смертью» 30 сентября 1246 г. Плано Карпини утверждает, что он был отравлен женою хана, а летопись намекает, что он был отравлен по навету Федора Яруновича; вероятно, это был сын его старого врага Яруна, боярина Мстислава Удалого. Тело Ярослава было привезено во Владимир, и он местно чтился там как святой, но канонизован не был.³⁷

Таков этот князь широких политических замыслов, сидевший и в Южном и в Северном Переяславле, чуть не севший в Галиче; ему подчинялись и Новгород, и Псков, и Смоленск, он сидел на великокняжеском золотом столе и в Киеве и во Владимире. С детских лет он воевал с половцами, затем с болгарами и мордвой, храбро отражал набеги литвы,

³⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, стр. 253.

³⁵ А. Е. Пресняков сказал: «Столь необычное выражение Лаврентьевской летописи как бы передает по-своему татарскую фразеологию» (А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства, стр. 53, прим. 4); однако мы не видим ничего необычного в понятии старейшинства.

³⁶ Ипатьевская летопись, под 1250 (!) г.: ПСРЛ, т. II. СПб., 1843. М. С. Грушевский. История Киевской земли, стр. 427.

³⁷ Карамзин правильно отметил, что Ярослав III, этот «возобновитель разрушенного великого княжения», снискал даже почтение татарских ханов, «но не заслужил ревностной похвалы наших летописцев, ибо не раздавал имени церквам и монахам, отличаясь, может быть, верою просвещенною, а не суесвятством» (История государства Российского, т. IV, стр. 29).

ходил походами на чудь, корелу и емь, упорно боролся с немецкими рыцарями. Не воевал он лишь с татарами, непобедимыми в то время, но от них «много пострадала за землю Русскую». Его заслуга в том, что в самые страшные годы он сумел наново организовать погибавшую Русскую землю и отстоять идею ее единства, хотя бы в виде вассального государства. Польские историки назвали бы его «Обновителем», если бы он был поляком; русские историки, к сожалению, называют его «заурядным князем». Властный и величавый, иногда жестокий, иногда ласковый (житие Александра Невского называет его «кротким и мужелюбцем»), этот храбрый и воинственный князь — выдающийся представитель суздальских монашичей. Его биография доказывает, как ошибочно ходячее мнение о суздальских князьях как «хозяевах-вотчинниках, с практическим взглядом на жизнь, без блеска и благородства», невоинственных домоседах.

Великого князя Ярослава III, по нашему мнению, лучше всего охарактеризовал историк XVIII в. князь М. М. Щербатов, сказав: «Сей государь, как по всей его истории видно, был человек великих качеств, тверд в величайших несчастьях и несколько склонен к суровости», и в другом месте: «Ярослав великодушный своего не потерял и при падении своем единый бывшую Россию содержал».³⁸

Ярослав Всеволодич установил ту политическую линию, которую с успехом продолжал его сын, Александр Невский, и с меньшим успехом, единственные прямые потомки Александра, великие князья московские. Следовало, скрепя сердце, подчиняться могущественным татарам, чтобы сохранить автономное устройство Русской земли и оградить ее от новых нашествий, но надо было всеми силами бороться против западных соседей — языческой Литвы, хищных немецких рыцарей и шведов, стремившихся оторвать большие куски Русской земли и установить в них свою политическую власть. Можно сожалеть о том, что эта политика углубила разрыв между Русью и западной Европой, но она была неизбежна, она спасала Русь от полной потери самостоятельности и от денационализации.³⁹ Из двух зол пришлось выбирать меньшее.

* *
*

Отметим, что с 1206 г. Ярослав Всеволодич сел в Переяславле Залеском и провел там много лет, покидая этот город то ради Новгорода, то ради Киева. С этим городом связан такой важный памятник, как особая летопись «Переяславская» с общерусским размахом, с подробностями о древнерусских князьях и о византийских событиях, с особыми местными данными, начиная с 1177 г.⁴⁰ Она нам известна по списку XV в., но, по исследованию А. А. Шахматова, знаменитая Радзивилловская рукопись, заканчивающаяся 1206 г., сходна с Переяславской,⁴¹ а богатые миниатюры Радзивилловской были скопированы с оригинала Переяславской летописи,

³⁸ М. М. Щербатов. История Российская, т. III. СПб., 1772, стр. 48.

³⁹ Вспомним, что в 1352 г. язычник Ольгерд сказал немецким рыцарям: «Omnis Russia ad Litwanos debet simpliciter pertinere» (Scriptores rerum Prussicarum, t. 2, стр. 80) — «Вся Русская земля должна просто принадлежать литовцам», и после этого два раза пытался взять Москву. О значении этих слов см.: А. Soloviev. Der Begriff «Russland» im Mittelalter. — Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas, Bd. II (1956), стр. 159—160.

⁴⁰ Летопись Переяславля Суздальского. Изд. М. Оболенского. М., 1851.

⁴¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, ч. СССXXXI, 1900, сентябрь, стр. 119; ч. СССXXXII, 1900, ноябрь, стр. 171—176

законченной в 1216 г. именно для князя Ярослава.⁴² Итак, в Переяславле при нем процветало летописание, был и княжий летописец, и искусный миниатюрист.

С Переяславлем связано и известное произведение русской письменности — «Моление» Даниила Заточника, в своей основной («второй») редакции обращенное именно к Ярославу, «сыну великаго князя Всеволода».⁴³ Даниил униженно восхваляет этого князя, «своего господина», его величие, благоразумие и щедрость. «Моление» показывает, что в Переяславле был широко образованный «философ», начитанный в литературе.⁴⁴

Наконец, с именем Ярослава связано и «Слово о погибели». Нет оснований предполагать, что автором его мог быть Даниил Заточник, как это допускали Х. М. Лопарев и В. А. Келтуяла.⁴⁵ Слишком велико различие между поучительно-сатирическим и униженным стилем Даниила, полным цитат из Библии, и высоким лиризмом и историческим вдохновением ритмических стихов «Слова». В древней Руси было немало одаренных личностей, и незачем сводить к одному двух разных писателей.

Если при князе Ярославе были летописец, миниатюрист, начетчик-моралист, то, конечно, при нем был и дружинный певец, хранивший в памяти подвиги и родословную своих князей, а вероятно, и былины или рассказы о «старом» и «великом» Владимире. Этот певец, если и был родом из Переяславля, следовал за князем в его походах на литву, на корелу, на немцев, на болгар. Он задумал воспеть страшную «погибель», вспоминая прошлое величие родины, и отметить трудную роль «нынешнего Ярослава». Быть может, он начал это «Слово» в Киеве в 1238 или 1240 г., быть может, и в другом месте, но мысленно он и тогда переносился на киевские горы, в древнюю столицу столь горячо любимой им Русской земли.

6. Что такое вяда?

Редким словом в «Слове», не встречающимся в других русских памятниках, является «вяда». Ее старались объяснить как «воть» — название финского племени к югу от Невы, сохранявшееся затем в имени Водской пятины.⁴⁶ Однако такое сближение противоречит и правилам фонетики и логике памятника. «Слово» строго держится географической последовательности, и если оно говорит: «буртаси, черемиса, вяда и мордва бортничаху», то ясно, что «вяду» нельзя искать у Финского залива, а надо искать между черемисой и мордвой. Здесь речь идет о восточных и юго-восточных соседях Суздальской Руси, находившихся еще на низкой ступени экономического и политического развития.

⁴² В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, ч. 1. Киев, 1908, стр. 966.

⁴³ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. М., 1956, стр. 171—173.

⁴⁴ Если принять мнение Вас. Щурата (Записки Наук. тов. им. Шевченка, т. 9, Львів, 1896), что «Моление» Даниила вдохновлено посланием Михаила Глики из заточения к царю Мануилу около 1164 г. и стихами нищего поэта Федора Птохопродрома, то надо допустить, что Даниил читал их по-гречески, ибо славянских переводов этих посланий нигде нет.

⁴⁵ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 1. СПб., 1913, стр. 793. Ср. тот же взгляд у Н. В. Водовозова: Повесть XIII века об Александре Невском (к вопросу о составе повести и ее авторе). — Ученые записки Московского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XVII, в. 6, 1957, стр. 21—45.

⁴⁶ Это объяснение повторяет даже Н. К. Гудзий. (Хрестоматия, изд. 6, стр. 155).

Большой заслугой М. Н. Тихомирова было его указание на «вятцкую мордву» в документе XVI в.,⁴⁷ что дает возможность предполагать, что «вяда» была одним из племен мордвы. Можно подкрепить мнение М. Н. Тихомирова данными времени татарского нашествия. Латинские отчеты о поездках венгерского доминиканца Юлиана, дважды ездившего в 1235 и 1237 гг. за Волгу, чтобы отыскать и окрестить «Великую Угрию» (*Magnam Hungariam*), т. е. Югру, подробно описывают его путешествие.⁴⁸ Из Царьграда он прибыл с товарищами в Зихию, в город Матригу (Тму-таракань), оттуда через 13 дней в Аланию, где жили язычники и христиане. Оттуда после 37 дней пути по степям монахи пришли «в землю сарацинов (т. е. язычников), называемую Вяда» (*in terram Saracenorum, quae vocatur Veda*), в дождь и холод, в город Бунда (*Bundam, Bundaz*). Князь города встретил их любезно и обещал креститься. Здесь они похоронили брата Герарда и отправились в Великую Булгарию, в это могущественное и великое государство с богатыми городами. Итак, «земля Вяда» находилась на правом берегу Волги, к юго-западу от Великого Булгара, на пути оттуда на Кавказ, в нынешних Пензенской или Саратовской областях, что совпадает с указанием М. Н. Тихомирова. Позднее, находясь во Владимире, Юлиан узнал, что татары разорили уже «*quinque regna paganorum Sasciam, Bulgariam, Wedin et Meroviam Poydoviam, Mordanorum regnum*». Итак, по представлению фра Юлиана, Булгария, Вяда, Муром и Мордва — это ряд соседних языческих земель, примитивных государств.

Что «Veda» и «wedín» значит «Вяда» и «вядин», это несомненно. Венгерец Юлиан, вероятно знавший сербо-хорватский язык,⁴⁹ привык заменять русское «я» через сербо-хорватское «е» (ср. ряд/ред, сядь/седи, лядина/ледина и др., из малого юса). Поэтому известный в 1340-х годах, «староста Руской земли» во Львове Димитрий Дядько называется в венгерских грамотах *Demetrius Dethko*. Русские, наверное, говорили: Вяда/вядин, как Мордва/мордвин, Литва/литвин. Прибыв в Суздальскую землю, Юлиан услышал эту форму единственного числа и поставил ее наряду с собирательной «Veda».

Последний издатель текстов о путешествиях венгерских доминиканцев, Ласло Бендефи, совершенно неправильно объяснил названия «Веда» и «ведин».⁵⁰ Ему кажется, что монахи, покинув летом 1235 г. Матраху, добрались в 13 дней до Алании, столицей которой он считает Астрахань, что они в Астрахани провели шесть месяцев, а затем весной 1236 г. отправились дальше на восток, через киргизскую степь за р. Урал, и через 37 дней добрались до р. Уиль, где будто бы находилась земля «Вела-Уела». Из напечатанных им трех списков путешествия в двух стоит «Veda, Ueda», а в третьем, Ватиканском, — «Uela». Бендефи берет эту ошибочную форму и не упоминает о двух остальных. Оттуда монахи будто бы поднялись к Оренбургу, где он помещает «великий город болгар, из которого выходит 50 тысяч войска», а оттуда, вдоль р. Белой и Камы, они наконец прошли в Великий Болгар.

⁴⁷ М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли», стр. 238; он нашел это указание в издании С. Шумакова: Сотницы. — ЧОИДР, 1902, кн. 2, стр. 74.

⁴⁸ A. Theiner. *Monumenta Hungariae ecclesiastica*, t. I, № 271, стр. 151—153; новое издание: *Fontes authentici itinera fratris Iuliani illustrantes*, ed. Bendefv. — *Archivum Europae Centro-Orientalis*, vol. 3. Budaе, 1937.

⁴⁹ Хорватия входила в состав венгерского королевства, и при посылке монахов в далекую Русь наверно выбрали венгерцев, знавших славянский язык, или даже хорватов-католиков.

⁵⁰ L. Bendefv. *Archivum Europae Centro-Orientalis*, III, стр. 11—13.

Поэтому на приложенной к его статье карте указаны: 1) страна «Uela» в Казахстане, между Яиком и Эмбой, с городом Бунда на р. Уиле и 2) страна «Wedin» на севере, на р. Унже, к югу от р. Сухоны, с городом «Wedin» где-то около Кологрива. Все это совершенно фантастично.

От Матрахи до Астрахани, как указывает сам Бендефи, около 800 км: за 13 дней пешие и голодные монахи могли еле пройти 260 км, т. е. добраться до района Армавир-Ставрополь (Бендефи произвольно предполагает пропуск в счете дней); здесь они именно попали в Аланию, в страну осетин, где было много христиан,⁵¹ где «сколько сел, столько князей», где жители пахут поля и ходят в лес за дровами, что абсолютно непохоже на Астрахань, а указывает именно на предгорья Кавказа. Затем монахи сами говорят, что они пробыли здесь шесть месяцев, боясь татар в степях; как же они после этого пошли бы в 1236 г., когда приволжские степи уже были заняты татарами, прямо на восток, за Яик, навстречу татарам, тогда как им надо было идти на север. Ясно, что они пошли бассейном Дона, шли 37 дней (около 700 км), что привело их в дождь и холод в лесистый район Пенза—Саратов, а вовсе не в Казахстан.

Мы считаем, что «terra Saracenorum, que vocatur Veda» в описании первого путешествия то же, что «Wedin regnum» в описании второго.

7. Было ли «Слово о погибели» вступлением к житию Ярослава

Приведем наши возражения против гипотезы М. Горлина о том, что «Слово о погибели» вовсе не является отрывком лиро-эпической поэмы, а лишь вступлением к утраченному житию Ярослава Всеволодича, извлеченным из забвения редакторами Степенной книги в середине XVI в. Н. К. Гудзий считает их, «впрочем, далеко не достаточными и очень беглыми», и ни одно не нашел нужным привести из них. Мы указывали:

1) Если и существовало житие Ярослава, то оно могло быть написано лишь после его смерти, подобно тому как житие Александра Невского, несомненно, написано после его кончины. К тому же в течение своей жизни Ярослав не отличался особыми христианскими добродетелями; лишь его трагическая кончина при дворе великого хана, где он был отравлен и таким образом «пострада за землю Русскую», окружила его известным ореолом, так же как его современника и соперника, Михаила Черниговского. Между тем «Слово» ясно говорит «до нынешнего Ярослава»; эти слова доказывают, что поэт собирался говорить о подвигах и страданиях живого Ярослава, главного героя поэмы, совершенно так же как другой певец воспевал подвиги излоключения «нынешнего Игоря».

2) Если бы «Слово» было только вступлением к биографии, оно должно было бы иметь другой заголовок, например: «Житие великого князя Ярослава», а не имеющийся — «Слово о погибели Руския земли», указывающий, что задумано было произведение ораторского искусства, политической поэзии.

3) Если «Слово» было вступлением к житию Ярослава, почему оно сохранилось лишь во вступлении к житию Александра Невского, от которого оно сильно отличается по стилю и с которым оно не имеет прямой связи?

4) Если оно было вступлением к житию Ярослава, почему редакторы Степенной книги не сохранили его на своем месте, в начале жизнеописания Ярослава (7-й степени), а внесли лишь краткую и сильно переделанную цитату в конце этой степени?

⁵¹ О следах христианства в области Ставрополя см. статью Г. Турчанинова «Эпиграфические заметки. IV» (ИЮЛЯ, т. VII, 1948, в. 1, стр. 77).

5) Самым важным я считаю пятое возражение. М. В. Горлин не заметил того, что цитата в Степенной книге вовсе не заимствована непосредственно из «Слова», а взята из составленного в начале XVI в. «Родословца русских князей», помещенного в начале Степенной книги, но отделенного от нее «Родословием рязанских и муромских князей». Ясно, что «Родословец» был составлен раньше Степенной и был внесен в две ее рукописи как подходящее вступление.⁵²

Во французском византологическом журнале я не хотел утруждать читателей текстологическим сравнением, но считаю долгом сделать это в издании на русском языке.

«Родословец»

Степенная книга

От Рюрика начася державство
в Новгороде,
от Игоря же сына его в Киеве и до
Всеволода Юрьевича державствоваху, от
них
же вси страны трепетаху
ближнии и дальнии, и сами Гречестие
цари,

вси повиновахуся им и
дань даяху от моря до моря:
угрове и чахи, и ляхи, и ятвязи, и литва,
и немцы, и чюдь, и корела, и устюг,
и обои болгары, и буртасы, и черкасы,
мордва, и черемиса;
и самии половци дань даяху и мосты
мостяху,
литва же тогда бояхуся и из лесов
выницати,
татарове же тогда ни слухом
именовахуся.⁵³

(«Ярослав... ревности божественныя
исполняеши...»)
...паче же воспоминаия начальнейшее
отьческое
благородие и богом дарованное им
скиптродержавие, и како
вси страны трепетаху имен их, не токмо
ближнии, но и дальние земли и царства,
и самии Гречестие цари,
и како повсюду бысть в Рустей земли
православная вера христианская, идеже
бысть всякия божественныя благодати
исполнение и всего земного доброплодия
изобилование, в них же не бяшесть тогда
поганина; уду же присягаху и
повиновахуся многие страны и
дань даяху от моря и до моря:
угрове и чахи, и ляхи, и ятвязи, и литва,
и немьди, и чюдь, и корела, и устюг,
и обои болгары, и буртасы, и черкасы,
и мордва, и черемиса;
и самии половци дань даяху и мосты
мостяху,
литва же тогда и из лесов бояхуся
выницати,
татарове же тогда ни слухом не имено-
вахуся.⁵⁴

Из этого сопоставления ясно видно, что «Родословец» заимствовал свой список данных из «Слова о погибели», уже достаточно его изменив, а что Степенная взяла свой текст именно из «Родословца», распространив его краткий эпический стиль вялыми цветами церковного красноречия.

Простая фраза: «От Рюрика начася державство в Новгороде» превратилась в «начальнейшее отъческое благородие и богом дарованное им (?) скиптродержавие». Дальше, вместо ясного выражения «от них же вси страны трепетаху ближнии и дальнии» — растянутое многословие: «и како вси страны трепетаху имен их, не токмо ближнии, но и дальнии земли и царства». Текст разбит довольно бессмысленной вставкой: «и како повсюду бысть в Рустей земли православная вера христианская» (как будто при Ярославе Всеволодиче ее уже не было), за которой следует неуклюжее добавление: «идеже бысть всякия божественныя благодати

⁵² Степенная книга издана в XXI томе ПСРЛ по четырем рукописям: Московской, Ундольского, Исторического музея и Дружинина. Из них лишь две (Московская конца XVI в. и Исторического музея середины XVII в.) имеют вступительные статьи, в том числе «Родословец».

⁵³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 3.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 254.

исполнение и всего земного доброплодия изобиливание», и синтаксически неправильный оборот: «в них же (?) не бьшеть тогда поганина», что бессмысленно, ибо именно в XII и XIII вв. среди данников Руси было достаточно «поганных» язычников, как это видно из «Слова о погибели». Затем краткая фраза «вси повиновахуся им» в Степенной книге имеет добавления: «уду же присягаху и повиновахуся многие страны». Только начиная со слов «и дань даяху», Степенная довольно точно переписывает текст «Родословца», отказавшись от цветистых добавлений; впрочем, прибавлено три раза «и» и один раз «не».

Следовательно, все рассуждение М. В. Горлина о том, что редакторы Степенной переставили цитату из «Слова» в конец с редакции жития, совершенно неверно. Редакторы Степенной и не видали «Слова». Перед ними был текст «Родословца», которым они своеобразно воспользовались. «Родословец» же воспользовался текстом «Слова», и нет необходимости предполагать для обоих какой-то общий, древнейший источник, как это делает А. И. Соболевский⁵⁵ и Н. К. Гудзий.⁵⁶

Можно предполагать, что автор «Родословца» имел перед собой какой-то более полный текст «Слова о погибели». Такие эпические выражения, как «вси страны трепетаху ближнии и дальнии, и сами Гречестие цари», могли находиться в подлиннике «Слова»; сравним в «Плаче князей рязанских»: «и во всех странах славно имя имяше, к греческим царем велику любовь имуще и дары от них многие взимаша». Подобно этому, фраза «вси повиновахуся им и дань даяху от моря до моря» вполне в стиле «Слова».

Особенно любопытна фраза «Половци дань даяху и мосты мостяху». Она напоминает стих «Слова о полку Игореве»: «начаша мосты мостити. . . всякими узорочьи половецкими». В оригинале «Слова о погибели» могло быть такое упоминание о половцах. Наконец, фраза «татарове же тогда ни слухом именованхуся» вполне логично могла стоять в изображении былой славы Мономаха в «Слове» (ср. «а немци радовахуся, далече будучи»).

В перечислении народов «Родословец» сильно изменил свой оригинал: он вставил «чюдь», исключил «тойму» и «дышущее море», но оставил «устюг» довольно неудачно: получилось, что этот русский город относится к чужим странам, дававшим дань. Выпущена мало известная «вьяда», но в рифму к «буртаси» вставлены «черкасы», что указывает на начало XVI в.⁵⁷

Генеалогический ряд в начале «Родословца» — «От Рюрика. . . от Игоря сына его в Киеве и до Всеволода Юрьевича» — сильно напоминает концовку «Слова о погибели»: «от великого Ярослава и до Володимера» и обратный ряд предков, где сказано: «великому князю Всеволоду, отцу его Юрью князю Киевскому».

Наше заключение: «Слово о погибели» было известно как самостоятельный отрывок, вне связи с гипотетическим житием Ярослава и вне

⁵⁵ А. И. Соболевский. Рец. на кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета (Псковская старина, т. I. Псков, 1910). — ЖМНП, 1910, ноябрь, стр. 208.

⁵⁶ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли», стр. 539 и 542.

⁵⁷ Перечень народов в Степенной книге (и в «Родословце») вовсе не «более географически упорядочен», чем в «Слове», как это казалось А. И. Соболевскому. В него внесены «обои болгары» и «черкасы», что невозможно для XIII в. А главное, тогда как «Слово» различало соседей и данников Руси, «Родословец» смешал все названия, сделав данниками Руси и угров, и чехов, и ляхов, и немцев, и даже русский град Устюг, что показывает весьма плохое знание истории. Единственно, помещение чехов между уграми и ляхами более логично, но оно может восходить к более правильному тексту «Слова».

связи с житием Александра Невского, к которому его приставил редактор печерского сборника XVI в., как увидим дальше. Именно это «Слово» переделал в церковном духе автор жития Федора Ярославского, Андрей Юрьев. Это «Слово» помнил белозерский гуслир, вставивший из него несколько слов в свою неполную версию «Задонщины», им воспользовался и автор «Родословца». Отзвуков жития Александра Невского в этих трех произведениях незаметно.

8. Отзвуки «Слова о погибели» и параллели к нему

«Слово о погибели» было известно в следующие века, хотя следов его влияния сохранилось очень мало.

Укажем, что некоторое сходство темы и отдельных выражений можно найти в известном третьем «Слове» епископа Серапиона Владимирского (1274 г.), когда он рисует картину «томления и муки» Русской земли. Автор «Слова» воспевал былое величие, красоту сел и городов, храбрых князей и бояр, прекрасные церкви. Епископ Серапион как бы отвечает ему:

Разрушены божественные церкви...
 Князьи наших, воевод крепость исчезе,
 храбрии наши, страха наполньшеса, бежаша...
 села наша лядиною поростоша,
 и величество наше смирися,
 красота наша погыбе,
 богатство наше онем в корысть бысть,
 труд наш погании наследоваша,
 земля наша иноплемеником
 в достояние бысть.⁵⁸

Певец «Слова» воспел былую красоту, намереваясь рассказать о ее погибели. Серапион в сильных ритмических выражениях описал эту «погибель красоты». Конечно, не будем гадать о том, знал ли Серапион дошедший до нас отрывок или, быть может, утраченное продолжение «Слова». Очень возможно, что не знал и что известное сходство объясняется всей обстановкой того времени, когда антитеза между былым величием Русской земли и тягостным разорением вызывала горькие чувства почти в каждой душе. Такие выражения могли быть «общими местами» в ту эпоху.

Гораздо позже, в XV в., автор жития князя Федора Ярославского, Андрей Юрьев, несомненно, воспользовался началом «Слова о погибели» для вступления в это житие: «О светлая и пресветлая Русская земле! и преукрашенная многими реками и различными птицами и зверьми и всякою различною тварию потешая бог человека, и створил есть вся его ради на потеху и на потребу различных искушений человеческого ради естества, и потом подарова господь православною верою, святым крещением, наполни ю великими грады и дома церковными и насая ю боголюбивыми книгами». На это указал еще И. Н. Жданов, но сделал совершенно неверный вывод, что вступление «Слова о погибели» есть «один из образцов агиографической риторики».⁵⁹ Какая разница между строго ритмичным, живым, дружинным приступом «Слова» и этой монастырской риторикой, где отдельные выражения, близкие к «Слову» («О светлая Русская земля и преукрашенная... многими реками и птицами и зверьми... великими грады и дома церковными»), тонут в нескладных прозаических оборотах чисто церковного типа! Видно, что Андрей Юрьев знал «Слово» (может

⁵⁸ Н. К. Гудзий. Хрестоматия, изд. 6, стр. 162—163.

⁵⁹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 96.

быть, уже как вступление к житию Александра Невского), но взял из него лишь немного, ибо его литературное направление и его словарь совершенно не сходились с дружинным памятником XIII в.

В 1475 г. в Кирилло-Белозерском монастыре монахом Ефросимом (позднее игуменом монастыря) была записана неполная версия «Слова о Куликовской битве» Софония Рязанца, получившая здесь название «Задонщины». ⁶⁰ В этой редакции в текст Софония вставлены несколько слов из нашего памятника: «к Железным вратам, к Риму, до черемисы, до чахов, до ляхов, до устюга поганых татар, за дышущеем морем». Мы уже высказали предположение, что монастырский писец мог записать «Задонщину» от гусяря (белозерских князей), забывшего конец «Задонщины», но знавшего наизусть «Слово о погибели» и довольно неумело вставившего из него несколько выражений в сказание о Куликовской битве.

Гораздо больше заимствований из «Слова о погибели» в «Родословце русских князей», составленном в начале XVI в., во всяком случае до Степенной книги. Как уже отмечалось, сама Степенная книга не обнаруживает прямого заимствования из «Слова»: она пользовалась текстом «Родословца». ⁶¹ Именно к «Родословцу», а не к Степенной книге восходит и заимствование в «Сказании о начале московского рода» Каменевича-Рвовского, около 1665 г. Оно также перечисляет данников Руси: «угры, чехи, ляхи, ятвяги, литва, немцы, чюдь, корела, устюг, болгары двои, буртасы, черкасы запорожские, мордва, черемисы, половцы», а затем говорит: «литва вся убо тогда бояхуся и из лесов вон вынитца (выницати), татарове же тогда не сказовахуся и ниже слух их к нам доношашеся и не именовашеся». ⁶² По этому смешению соседей и данников Руси и особенно по упоминанию «двоих болгар» и черкас видно, что Каменевич-Рвовский имел перед собой «Родословец», а самого «Слова о погибели» и не читал даже в виде вступления к житию Александра Невского.

* *
*

Д. С. Лихачев правильно указал на некоторое тематическое и стилистическое сходство между текстом Ипатьевской летописи под 1201 (неверным) годом и «Словом о погибели». Он напомнил, что, как выяснил Л. В. Черепнин, Ипатьевская летопись с 1202 по 1250 г. заключает в себе житие Даниила Галицкого, которое не было разделено на погодные даты и начиналось с лирического вступления, посвященного предкам Даниила и былому могуществу Русской земли. Характерно, что это вступление к жизнеописанию Даниила многими чертами напоминает «Слово о погибели», которое также носит характер своеобразного лирического вступления к житию Александра. Действительно, оба текста говорят главным образом о славе Мономаха и о страхе, который он нагнал на врагов Руси, и в первую очередь на половцев. ⁶³ Но надо обратить внимание на следую-

⁶⁰ Сборник писан в разное время, но на л. 137 находится запись: «в лето 6984 сентября 18 в неделю почах писати», перед «Хождением» Даниила игумена. «Задонщина» находится на лл. 122—128; можно считать, что она была переписана до сентября 1475 г. (Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение... М., 1891, стр. 9—20; Jan Fgček. Zadoňstina. Praha, 1948, стр. 159).

⁶¹ Сравнение текстов сделано нами на стр. 105 настоящей статьи.

⁶² Текст Каменевича-Рвовского приведен в сокращении И. Н. Ждановым (И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 95, прим. «а»).

⁶³ Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 47.

щее: лиро-эпический текст Ипатьевской вовсе не связан органически с житием Даниила. Он был вставлен позже и довольно неумело. Житие начинается: «По смерти же великого князя Романа» и рассказывает о его славе в эпических тонах. Затем начинается новая фраза: «Ревноваше же деду своему Мономаху» и здесь излагается прекрасный отрывок песни о хане Отроке и траве емшан. Наконец, сказано: «Роману же князю ревновавшу за то, и тщащяся погубити иноплеменники. Велику мятежу восставшу в земле Руской, оставшима же ся двеима сынома его, един 4 лет, а другий дву лет» и т. д.

О Романе рассказывается как о живом, но ничего не сказано о его смерти. Фразы о Мономахе и о великом мятеже совершенно не связаны друг с другом ни по смыслу, ни по стилю. При внимательном анализе ясно, что житие Даниила начиналось так: «По смерти же великого князя Романа, приснопамятного самодержца всея Руси (одолевша всем поганским языком, ума мудростью ходяща по заповедем Божиим),⁶⁴ велику мятежу воставшу в земле Руской, оставшима же ся двеима сынома его, един 4 лет, а другий дву лет, собравшу же Рурику Половци и Руси много и приде на Галичь, оставив мниский чин, бе бо приял боязни ради Романовы».

Биограф Даниила просто начал с событий после смерти Романа 14 октября 1205 г. и изложил их в одной фразе с характерными для его стиля дательными самостоятельными. Впоследствии он же или позднейший редактор решил, что надо что-то сказать о приснопамятном Романе.⁶⁵ Тогда уже были вставлены и его характеристика, и песня о его прадеде Мономахе, разрезавшие основную фразу. Житие Даниила получило лирическое вступление. То же произошло с житием Александра Невского. Написанное после его смерти в 1263 г. его современником, оно начиналось просто: «Месяца ноября в 23 преставися великий князь Александр... Скажем мужество и житие его», и продолжалось в прозаическом духе. Однако позднейший редактор, найдя отрывок «Слова о погибели», решил сделать из него вступление к житию, поскольку этот отрывок говорил об отце и предках Александра. В обоих случаях редакторы поступили не особенно умело, но заслуживают благодарности: они сохранили прекрасные образцы древнего песенного творчества.

9. «Слово о погибели» и «Слово о полку Игореве»

Говоря о «Слове о погибели», нельзя не указать на его отношение к «Слову о полку Игореве». Н. К. Гудзий в своей статье упомянул, что об известном сходстве между обеими поэмами писали уже Х. М. Лопарев, М. С. Грушевский и Н. Серебрянский, но лишь мимоходом. Затем он замечает: «Но настойчивее всех о связях „Слова о погибели“ со „Словом о полку Игореве“ говорит А. В. Соловьев» и вкратце приводит мои соображения. Однако вывод его следующий: «Все эти параллели из обоих памятников, в том числе в наибольшем количестве подобранные А. В. Соловьевым, настолько общего характера, что едва ли могут свидетельствовать о литературной связи „Слова о погибели“, со „Словом о полку Игореве“, даже при тех оговорках, которые делает А. В. Соловьев.

⁶⁴ Слова, взятые в скобки, могут тоже быть позднейшим добавлением.

⁶⁵ Возможно, что это сделал сам биограф, ибо он по-своему изменил текст песни, поставив в нем десять дательных самостоятельных. О дательном самостоятельном как особенности стиля автора жития Даниила Галицкого см. статью Д. И. Чижевского «Über den Stil der Galizisch-Volynischer Chronik» (Südost-Forschungen, Bd. XII, München, 1953, стр. 79—108).

Как бы мы ни ценили „Слово о погибели“ с точки зрения литературной, нет необходимости во что бы то ни стало подтягивать его к „Слову о полку Игореве“».⁶⁶

Тут некоторое недоразумение. Я вовсе не так уж «убежден в том, что автор „Слова о погибели“ был знаком со „Словом о полку Игореве“, как это кажется Н. К. Гудзюю. Моей задачей не было «подтягивать» одно «Слово» к другому. В моей французской статье я настаивал лишь на тематическом и стилистическом сходстве между обоими, на том, что оба «Слова» — «несомненно, продукт одной и той же поэтической школы». Я хотел указать, что такая поэтическая школа существовала и могла давать светские произведения различной окраски; в моей французской статье сказано: «Эта картина северной природы (в «Слове о погибели») сильно отличается по своим краскам от картины степи в „Слове о полку Игореве“, от ее гроз и теплых ветров, идущих от южного моря. Тональности обоих „Слов“ различны, но основная тема произведений та же: это та же любимая „Русская земля“, ее христианский народ, долгом которого является беспрестанная борьба против языческих племен».

Моя полемика против М. В. Горлина отчасти объясняется тем, что, следуя за своим учителем Андре Мазоном, этот молодой ученый⁶⁷ считал, что «Слово о полку Игореве» — подделка XVIII в.⁶⁸ Так как наличность «Слова о погибели» могла мешать этой гипотезе, то М. В. Горлин постарался доказать, что это лишь вступление к утраченному житию, т. е. вовсе не поэтическое произведение, и что никакой поэтической традиции в древней Руси не было.

Мы полагаем, однако, что «Слово о погибели» следует рассматривать как редкий образец светского, лиро-эпического творчества и что оно и по теме, и по стилю перекликается с подлинным и вдохновенным «Словом о полку Игореве».

Конечно, трудно сравнивать оба «Слова» прежде всего потому, что «Слово о погибели» лишь краткий отрывок, всего 230 слов (считая предлоги и союзы). Следовательно, оно составляет лишь одну двенадцатую часть «Слова о полку Игореве», насчитывающего 2775 слов.

И все же целый ряд сходств связывает эти произведения. Мы уже указали на следующие.

1) Оба произведения носят то же заглавие «Слово», указывающее на их ораторский, декламационный стиль. Оба сложных заглавия довольно схожи в звуковом отношении: «Слово о полку Игореве, Игоря Святославича» — «Слово о погибели Руския земли».

2) Оба произведения написаны свободным ритмом, трудно укладываемым в правильные стихи и все же музыкальным.

3) Оба «Слова» отличаются тем же лирическим чувством красот природы, что весьма редко в современной им европейской литературе.

4) Оба «Слова» прежде всего политические произведения. Говоря о князьях и об их подвигах, они в первую очередь думают о родине, о «Русской земле», что звучит как «Русская держава». Возглас «О Руская земля» звучит в обоих «Словах» как их основной мотив.

5) Оба «Слова» проявляют глубокие исторические знания. Воспевая князей своего времени, певец Игоря уходит и в глубь XI в.: он вспоминает

⁶⁶ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Руския земли», стр. 542—544.

⁶⁷ М. В. Горлин стал, как еврей, жертвой фашистов.

⁶⁸ М. В. Горлину принадлежит статья, в которой он пытался доказать, что чтение «О Русская земля, то уже как за Соломоном царем побывало» в «Задонщине» вполне осмыслено, а что «за шеломянем» в «Слове о полку Игореве» есть лишь неудачное подражание (см.: M. Gorlin. Salomon et Ptolémée: la légende de Volot Volotovic. — Revue des Etudes Slaves, t. XVIII, Paris, 1938, стр. 41—62).

походы Олега Гориславича и Всеслава, ибо это прямые предки Игоря, грозного Святослава и его жены Марии. Так же автор «Слова о погибели» особенно выдвигает эпоху Владимира Мономаха (отдаленную от него целым веком), ибо это прадед князя Ярослава Всеволодича.

6) Оба поэта пользуются сходными выражениями: «от старого Владимира и до нынешнего Игоря» — «от великого Ярослава... до нынешнего Ярослава». Этим они обнимают каждый два века истории (980—1185 гг. и 1019—1238 гг.).

7) Оба поэта очень внимательны к родословию князей: поэт Игоря называет около 40 князей, принадлежащих к семи поколениям; гораздо более короткий отрывок «Слова о погибели» успел назвать шесть поколений, идя вглубь от Ярослава.

8) Оба поэта удивляют нас своими широкими географическими познаниями. Каждый из них называет по 15 народов, соседей или данников. Но политический кругозор их несколько различен: певец Игоря знает лучше южные и западные народы, следующий певец — северные и восточные. Политический центр Руси передвинулся за полвека на северо-восток.

9) В обоих «Словах» есть легендарные образы в историческом рассказе. С одной стороны, вещий Всеслав и грозный Святослав, «возмутивший реки и болота»; с другой — восхваление безмерной мощи Мономаха.

10) Некоторые выражения весьма близки: например, выразительная тавтология: «один свет светлый ты» — «о светло-светлая», эпитет «грозный» как похвала князьям, в смысле «грозный для врагов», выражение «синее море».

11) Оба поэта охотно пользуются собирательными именами народов: «литва, деремела, хинова» — «литва, мордва, вьда, корела», и образуют редкие патронимические формы: «русичи (русици)» и «тоймичи (тоймицы)». Оба они избегают, однако, двусмысленное слово «Русь» (и народ, и страна) и предпочитают имя «Русская земля».

12) Наконец, оба поэта называют русских просто «христиане», «крестияне», противопоставляя их «поганым», «поганским странам»; в этом они разделяют терминологию летописей.

Эти параллели, к сожалению, не убедили скептиков. Можно указать еще.

1) Прямое обращение: «О светло-светлая и украсно украшена земля Русская, всеми красотами удивлена еси» переключается не только со словами князя Всеволода: «Один свет светлый ты, Игорю», но и с воззванием Ярославны: «Светлое и тресветлое солнце, в сем тепло и красно еси». Это то же объединение понятий «света» и «красоты»; его нельзя считать общим местом.

2) Отметим, что эти обращения построены по тому же ритму: «О... земля Русская, всего исполнена еси» и «О Русская земле, уже за шеломянем еси», солнце «всем тепло и красно еси». Выразительная постановка глагольной формы «еси» в конце фразы вполне совпадает в обоих поэмах.

3) Интересная форма сослагательного наклонения с союзом «абы». В «Слове о погибели»: «абы на них великий Володимер тамо не въехал», «абы под ним Царягорода не взял». То же в «Слове о полку Игореве»: «абы ты сиа полкы ущекотал» (также глагол в конце предложения) и несколько иначе: «а бых не слаа к нему слез на море рано». В житии Александра Невского такой конструкции нет.

4) Оба «Слова» не знают церковнославянских причастий с полным окончанием «-нный» (они есть в житии Александра Невского: «окаянный», «разнуженный», «благословенно»), но охотно пользуются краткой формой для образования страдательного залога: «удивлена еси, всего еси испол-

нена, все покорено было», ср. «мой ти кони оседлани, пути им ведоми», и даже в качестве определений: «украшно украшена земля», ср. «рцы лебеди роспужени, вино с трудом смешено».

5) В деепричастиях любопытно смешение церковнославянских и народных форм. «Слово о погибели» дает: «опас имея» (а не «имеючи»), но «далече будуче». Так же в «Слове о полку Игореве»: «летаая, поборая» (а не «летаючи»), но «аркучи, плещучи». Параллелизм полный.

6) Прилагательные (и притяжательные местоимения) свободно ставятся то впереди, то позади определяемых слов. В «Слове о погибели» мы насчитали 24 случая постпозиции и 14 случаев антепозиции. В «Слове о полку Игореве» — 87 случаев постпозиции, но еще чаще определения стоят впереди (194 случая). Это расхождение объясняется тем, что от «Слова о погибели» сохранился лишь торжественный приступ, где постпозиция имела особенно эмоциональный характер.

7) В обоих «Словах», если объект имеет два определения, они ставятся: одно впереди, другое позади определяемого слова. Сравним «О украсно украшена земля Руская, о правоверная вера христьянская» и «красныя девкы половецкия, храброго полку Игорева, злата стола Киевскаго».

8) Из местоимений отметим пользование редкой формой «который» в соединении с «то»: в «Слове о погибели»: «которым то Половци», в «Слове о полку Игореве»: «которую то бяше успил».

9) Местоимение «тѣй/ты» ясно указывает на отдаленное, прошлое время: сравни «А в ты дни болезнь крестияном, от великаго Ярослава» и «То было в ты рати и в ты полкы».

10) Оба «Слова» любят восклицание «О!»: в «Слове о погибели», при всей его краткости, мы найдем два случая: «О светло-светлая» и «О правоверная вера»; в «Слове о полку Игореве» мы встретим девять таких восклицаний, из которых два обращены тоже к Русской земле.

11) Отметим еще весьма частое пользование союзом «а» (не считая «абы»). В «Слове о погибели» он встречается три раза, в «Слове о полку Игореве» — 56 раз. Любопытно, что в обеих поэмах этим союзом могут начинаться совершенно новые предложения, без видимой связи с предыдущим. Сравним: «А в ты дни болезнь» и «А Святослав мутен сон виде», «А въстона бо, братие, Киев» и т. п.

12) Наконец, очень важно сходство основного словарного фонда. Мы уже отмечали, что в обоих произведениях названо по 15 народностей, из них семь названий совпадают.⁶⁹ Если же обратимся к нарицательным существительным, то мы увидим, что их в «Слове о погибели» 37, из них 24, т. е. две трети, можно найти в «Слове о полку Игореве», а с житием Александра Невского совпадает лишь 14, почти вдвое меньше.

Повторяем, «Слово о погибели» относится к той же литературной школе дружинного лиро-эпического творчества, что и «Слово о полку Игореве», и с этой точки зрения оно заслуживает внимания и изучения. От жития Александра Невского оно весьма далеко по стилю и по словарю. Вопрос о том, знал ли автор «Слова о погибели» предыдущее «Слово» и подражал ли ему, решить трудно. Может быть, знал, а может быть, и не знал. Во всяком случае, пользуясь сходными литературными приемами, он создал «торжественный гимн, в котором оплакивает исчезнувшее могущество государства»,⁷⁰ нечто единственное в европейской литературе того времени.

⁶⁹ А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — ИЗ, т. 25. М., 1948, стр. 102.

⁷⁰ По словам В. Филиппа (Werner Philipp. Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken in Kiewer Russland. Breslau, 1940, стр. 59).

«Слово о погибели» является лебединой песнью,⁷¹ предсмертным ключем высокой культуры Киевской Руси, но вместе с тем, начертав бессмертный образ родины, оно стало политическим завещанием для Александра Невского и его потомков и для медленного возрождения Русской земли. Потому-то позднейшие книжники справедливо приставили его к житию Александра Невского и тем спасли от исчезновения.

10. Новое мнение В. Филиппа о «Слове о погибели»

Наши «Заметки» были уже сданы в печать, когда мы получили оттиск новой работы берлинского профессора Вернера Филиппа, посвященной отношению «Слова о погибели Русской земли» к житию Александра Невского.⁷² Большой знаток древнерусской политической литературы, В. Филипп еще в 1940 г. имел гражданское мужество рассказать о ее богатстве и о наличии в ней сильной патриотической идеи.⁷³

На X международном съезде историков в Риме в сентябре 1955 г. В. Филипп прочел доклад «О начале политической историографии в России», в котором правильно указал, что такие жития, как жития Александра Невского, Довмонта Псковского, Михаила Тверского, выходят из рамок агиографии и проникнуты светским, политическим элементом, как и житие Даниила Галицкого в Ипатьевской летописи.⁷⁴

В своей новой статье он подробно и убедительно доказывает, что гипотеза Н. И. Серебрянского о «светском житии» Александра Невского, вступлением к которому было-де «Слово о погибели», столь же мало обоснована, как и схожая гипотеза М. Горлина о «светском житии» Ярослава Всеволодича с тем же вступлением. В. Филипп правильно указывает, что наличное житие Александра не является результатом переделки, а первично и органично — оно представляет новый литературный жанр, в котором светские мотивы — описание подвигов князя — тесно сплетены с церковной окраской стилиа. «Слово о погибели» сильно отличается от этого жития своим поэтическим характером и широтой политического кругозора («земля Русская», а не «земля Суздальская»).

К сожалению, после этой блестящей критической части положительные домыслы В. Филиппа не столь удачны. Ему кажется, что Юрий Всеволодич упомянут еще как живой, поэтому датой создания «Слова» можно считать время между 1212 г. (вступление Юрия II на престол) и 1223 или 1238 г. Оно создано в окружении Ярослава Всеволодича, скорее всего в Новгороде, хотя решение вопроса о месте написания «не столь важно», ибо «Слово о погибели» посвящено не одной области Руси, а «Русской державе как целому» (*dem russischen Reich als Ganzem*). Это замечание справедливо, но с датировкой нельзя согласиться. Автор считает возможным отодвигать дату создания «Слова» к годам до татарского нашествия на основании явившегося у него странного толкования слова «погибель».

Он подхватил брошенную М. Б. Горлиным мысль о том, что слово «погибель» имело будто бы в древнерусском языке и смягченное значение — «опустошение», «ущерб» (*dévastation, dégât*), причем Горлин не

⁷¹ В. М. Истрин назвал «Слово о погибели» «лебединой песнью северо-восточной литературы первого периода» (В. М. Истрин. Из области древнерусской литературы. — ЖМНП, 1905, август, стр. 267). Это название кажется нам слишком сложным.

⁷² Werner Philipp. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo». — Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, Bd. 5. Berlin, 1957, стр. 7—37.

⁷³ Werner Philipp. Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken im Kiewer Russland.

⁷⁴ Atti del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma, 1955, стр. 819—821.

ссылается ни на какой источник.⁷⁵ Однако мы уже приводили примеры того, что в языке летописи и других древнерусских памятников «погибель» имеет всегда смысл «разрушение», «уничтожение» — ἀπόλεια, ὄλεθρος. Владимир Мономах восклицает в 1097 г., узнав о страшном злодеянии — ослеплении Василька: «аще сего не поправим, больше зло встанеть в нас, и начнет брат брата закалати, и погибнет земля Русьская, и врази наши половци пришедше возьмутъ землю Русьскую». Ясно, что «погибель» есть потеря свободы, гибель государства. Так, Гектор предрекал:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам, и народ копыеносца Приама.

(Илиада, VI, 448—449).

Особенно важно, что в «Повести о разорении Рязани Батыем» слова «погибель», «погибнуть» встречаются семь раз, и всегда в самом сильном смысле: «Виде князь Ингварь Ингоревичъ великую конечную погибель», «кто бо не восплачется толикия погибели?», «все узорочье рязанское, иже вскоре погипе», «погипе град и земля Рязанская», «скоро погипли есте», «да бых не видел смерти вашей, а своя погибели!», «день, в он же погипе толико господарей и многое узорочье рязанское, храбрых удальцов». Это слово было у всех на устах в годы татарской грозы: в Галицко-Волынской летописи говорится, что пленный тысяцкий киевский Димитрий «виде землю гибнущу Рускую от нечестивого» — в этих трех словах заключено заглавие нашего «Слова».

Певец «Слова», столь горячо вспоминающий Мономаха, как бы отзывается на его предсказание: князья не послушались мудрого призыва, враждовали «в ты дни» — и до вокняжения Мономаха и после его смерти «до нынешнего Ярослава», и наконец гибнет земля Русская, т. е. ее державная свобода и величие; пришли не половцы, а еще более страшные татары, и «пришедше взяли землю Рускую».

Однако В. Филиппу понравилась мысль М. Горлина: «погибель» есть лишь «ущерб» (dégât), и он заменяет свой прежний перевод «Das Lied vom Untergang» новым «Das Lied vom Niedergang» (Песнь о нисхождении, ослаблении Русской державы). В. Филиппу кажется, что «погибель», которую собирается воспеть певец, это то же, что «болезнь крестьяном от великого Ярослава», и что под «погибелью» певец понимает всю эпоху междоусобиц от 1054 до 1212 или 1223 г.

Автору кажется, что заглавие «Слово о погибели Руския земли по смерти великого князя Ярослава» первоначально и что певец собирался воспеть весь удельный период от 1054 г. как медленное «нисхождение Русской державы» по смерти Ярослава Мудрого! Это открытие неудачно: нельзя себе представить певца, который будет излагать в стихах двухвековой период ослабления государства; каждое эпическое произведение вдохновляется ярким событием — победой или поражением, а не историческим процессом, что может служить темой лишь для ученого трактата. А во вторых, все сохранившееся начало «Слова о погибели» резко противоречит гипотезе В. Филиппа: оно рисует величие Русской земли при ее великих князьях — Всеволоде III (1178—1212), отце его Юрии Долгоруком (умер в 1157 г.) и деде его Владимире Мономахе (1113—1125): тогда все поганские страны были покорны христианскому русскому народу, тогда

⁷⁵ Он утверждает, что так и в современном языке, глухо говоря: «свидетель Даль» (témoin Dahl: M. Gorlin, RES, XXIII, стр. 32). Однако у Даля (Толковый словарь, т. III, стр. 391) мы найдем: «Погибель, ж. гибель, пропажа, истребление, уничтожение; смерть; крайняя опасность. беда, напасть или пагуба», со многими примерами; никакого «ущерба» мы не находим. Ссылка Горлина просто неверна.

его боялись и литва, и венгры, и сам царь Мануил. По гипотезе же В. Филиппа выходит, что вся эта славная эпоха есть лишь медленная «погибель» — нисхождение, неуклонный регресс после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.).⁷⁶

Эту смелую гипотезу В. Филипп хотел бы подтвердить палеографическими данными: он настаивает на том, что подлинное заглавие было «Слово о погибели Руския земли по смерти великого князя Ярослава», несмотря на то что Лопарев выяснил, что буква «П» переделана из омеги. В. Филипп не соглашается с Лопаревым и указывает, что в палеографии Е. Ф. Карского можно найти букву «п», нижняя часть которой похожа на омегу.⁷⁷ Однако он не заметил того, 1) что у Е. Ф. Карского это единственное «п» скорописное, а заголовок «Слова» писан уставом, в котором такое «п» невозможно, и 2) что над переправленным «П» стоят две «каморы» (дужки), а каждому, кто занимался славянской палеографией, известно, что эти дужки отвечают греческим придыханиям с ударением (как ѿ, оѿ, ѡ) и, как в греческом письме, могут стоять лишь над гласными и в начале слова, а никак не над согласной.⁷⁸ Именно эти две дужки подтверждают наблюдение Х. М. Лопарева: в протографе Печерского списка стояло: «Слово о погибели Руския земли и о смерти великого князя Ярослава»;⁷⁹ печерский писец так и написал, но не найдя в тексте второй статьи, решил изменить «и о смерти» в растяжимое «по смерти»,⁸⁰ поскольку дальше житие Александра говорило и о событиях после смерти его отца.

Итак, мы не можем согласиться с В. Филиппом и продолжаем считать, что Х. М. Лопарев правильно истолковал заглавие «Слова о погибели».

⁷⁶ Все это происходит от смешения понятий «болезнь» и «погибель», между тем это совсем разные вещи: «болезни» могли быть и до Мономаха и после него, но «погибель» наступила в 1237—1240 гг. Если человек «болен», то это вовсе не значит, что он «погиб».

⁷⁷ В. Филипп ссылается на Е. Ф. Карского (Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 197) и приводит даже снимок этих скорописных «п».

⁷⁸ На той же странице Печерского списка мы найдем еще 11 раз эти две дужки: 3 раза над омегой, 2 раза над «о», 6 раз над «оу», всегда в начале слова.

⁷⁹ Отметим, что в слове «ЗЕМЛИИ» «м» вынесено над строкой, а после уставного «Л» стоят три черты, которые должны обозначать два «И»; и тут писец старался переправить заглавие.

⁸⁰ Вправо от этого нового «П» стоит маленькое выносное «о», что совершенно необычно; ясно, что в протографе было «ѿ СМЕРТИ», но копист переправил омегу на «П» и прибавил справа вверху не умещавшееся в строке «О».

Ю. К. БЕГУНОВ

Следы «Слова о погибели Руския земли» в Степенной книге

Литературные источники Степенной книги выявлены еще далеко не полностью.¹ Однако попытки обнаружить в Степенной книге следы древнерусских произведений XII—XIII вв. были безуспешными.

Благодаря исследованиям А. В. Соловьева² и Д. Н. Альшица³ можно полагать, что составители Степенной книги были знакомы со «Словом о полку Игореве» (см. 6-ю степень — «о Всеволоде Георгиевиче» и 7-ю степень — «о Ярославe Всеволодовиче»). По-видимому, авторы Степенной книги знали Повесть временных лет⁴ и повести о татарском нашествии,⁵ «Чтение» о Борисе и Глебе, составленное Нестором,⁶ «Повесть об убиении Михаила Черниговского».⁷ И. Н. Жданов,⁸ Н. И. Серебрянский⁹ и А. И. Соболевский¹⁰ в качестве параллелей к «Слову о погибели» приводили известное перечисление народов, повторенное в Степенной книге дважды, — в «Родословии русских государей» и в 1-й главе 7-й степени «о Ярославе Всеволодовиче».

---

¹ О составе и литературных источниках Степенной книги см.: Д. В. Поленов. Библиографическое обозрение русских летописей. СПб., 1850; Н. С. Державин. Степенная книга как литературный памятник. Батум, 1902; П. Г. Васенко. 1) «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности, ч. I. СПб., 1904; 2) Составные части «Книги Степенной царского родословия». — ЛЗАК, в. XIX (за 1906 г.). СПб., 1908, стр. 1—51; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1308—1338 (здесь же и литература вопроса); А. С. Орлов. Литература времени образования многонационального русского государства. Гл. I, § 2. Степенная книга. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 437—439; В. В. Кусков. Степенная книга» как литературный памятник XVI века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1952; А. А. Зимин. К изучению источников Степенной книги. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 225—230.

² A. V. Soloviev. New traces of the Igor Tale in old Russian literature. — Harvard slavic studies, v. I. Cambridge, Mass., 1953, стр. 73—81.

³ Д. Н. Альшиц. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI века на «Слово о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 64—70.

⁴ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 40—41, 49 (жития Ольги и Владимира); Д. Н. Альшиц. Легенда о Всеволоде..., стр. 64—70.

⁵ В 7-й степени, посвященной Ярославу, Юрию и Константину Всеволодовичам, чувствуется знакомство составителей с летописными и иными известиями о татарском нашествии. Однако эта гипотеза может подтвердиться лишь в результате специального исследования.

⁶ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 100.

⁷ Там же, стр. 131.

⁸ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 95—97.

⁹ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 163—166.

¹⁰ А. И. Соболевский. Рецензия на кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета (Псковская старина, т. I. Псков, 1910). — ЖМНП, 1910, ноябрь, стр. 205—208.

Степенная книга,
«Родословие»

Степенная книга,
глава «О Ярославѣ»

«Слово о погибели
Руския земли»

От Рюрика начаса державство в Новеграде. От Игоря же сына его в Киеве и до Всеволода Юрьевича державствоваху; от них же вси страны трепетаху, ближнии и дальнии; и сами гречестии цариє вси повиновахуся им; и дань даяху от моря до моря: угрове, и чахи, и ляхи, и атвяги, и литва, и немцы, и чюдь, и корела, и устюг, и обои болгары, буртасы и черкасы, мордва и черемиса; и самии половцы дань даяху и мосты мостяху; литва же тогда бояхуся и из лесов вынищати; татарове же тогда ни слухом именованыхуся. От Всеволода же Юрьевича и до Данила Александровича в Володимери державствоваху. От Данила же на Москве богом утвержено бысть царствие русских государей. О них же в книзе сей отчасти сказание имат.¹¹

Сий же великий князь Ярослав Всеволодич в то же время и лето пакн бысть в той же великой Орде, в пагубной земли татарстей, и вся безаконных неправедная на благочестие умышления разуме, и сердцем разгарашеся, и ревности божественных исполняшеся, не терпя зрети людей земли своея погибающих душею и телом, за них же умысли драгаго своего живота не пощадети, истиннаго ради благочестия, паче же воспоминаия начальнейшее отъческое благородие и богом дарованное им скипетродержание, и како вси страны трепетаху имен их не токмо ближнии, но и дальние земли, царства и самии гречестие цариє и како повсюду бысть в Рустей земли православная вера христианская, идеже бысть всякия божественныя благодати исполнение и всего земнаго доброплодия изобилование, в них же не бяше тогда поганина; уду же присягаху и повиновахуся многия страны и дань даяху от моря и до моря: угрове, и чахи, и ляхи, и ятвяги, и литва, и немцы, и чюдь, и корела, и устюг и обои болгары, и буртасы, и черкасы, и мордва, и черемиса; и самии половцы дань даяху и мосты мостяху, литва же тогда и из лесов бояхуся вынищати, татари же тогда ни слухом не именованыхуся.¹²

Отселе до угор и до ляхов, до чачов, от чачов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немец, от немец до корелы, от корелы до устьяга, где тамо бяху тоимици поганин, и за дышючим морем; от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до чермис, от чермис до мордва — то все покороно было богом крестияньскому языку поганьския страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю киевскому, деду его Володимеру и Ман[ма]ху.¹³

И. Н. Жданов и Н. И. Серебрянский, отмечая сходство этих отрывков с описанием границ Русской земли в «Слове о погибели», считали, что эти параллели еще не позволяют установить прямое заимствование автором

¹¹ ПСРА, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, стр. 3—4.

¹² ПСРА, т. XXI, ч. 1, стр. 254. И. Н. Жданов замечал, что такая же цитация из «Слова о погибели» встречается в житии Александра Невского (см.: И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 95, примечания). В редакции жития Александра Невского, составленной в 1591 г. Ионой Думиним, было использовано житие Александра из Степенной книги. Большая часть главы Степенной книги «О Ярославѣ Всеволодичѣ», в том числе и приведенная выше цитата, оказалась включенной в эту редакцию жития (см.: В. И. Манский. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. — ПДП, CLXXX. СПб., 1913, стр. 182; Приложение, стр. 84—87; Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 157).

¹³ Слово о погибели Руския земли. Новь найденный памятник литературы XIII в. Сообщение Х. Лопарева. — ПДП, LXXXIV. СПб., 1892, стр. 19—22.

Степенной книги из «Слова». По их мнению, источником перечисления народов мог быть древний княжеский «Родословец». «Следов непосредственного знакомства со „Словом“ ни в Степенной книге, ни вообще в старинных памятниках светского характера мы, таким образом, не находим», — заключал Н. И. Серебрянский.¹⁴ А. И. Соболевский¹⁵ допускал существование общего источника перечисления народов Степенной книги и «Слова о погибели», который восходит к первой половине XIII в. Жданову, Серебрянскому и Соболевскому возражал М. Горлин.¹⁶ Он считал, что Степенная книга заимствовала это перечисление из «Слова о погибели», так как в Степенной книге идет речь о народах, которые не были в то время подчинены Руси. А такое преувеличение было в духе XVI, а не XIII в. А. В. Соловьев¹⁷ предполагает знакомство редакторов Степенной книги и Каменевича-Рвовского, автора «Сказания о начале московского рода», со «Словом о погибели Русской земли» через посредство «Родословца». Н. К. Гудзий в своем подробном обзоре литературы о «Слове»¹⁸ замечает, что точка зрения А. В. Соловьева серьезно оспаривается, но не говорит кем. Он соглашается с А. И. Соболевским в том, что перечисление народов следует возводить к более древнему источнику, общему для «Слова о погибели» и для Степенной книги. При этом текст Степенной книги оказывается более близким к древнейшему источнику. Исследование «Родословца русских государей» и 1-й главы 7-й степени «о Ярославе Всеволодиче» Степенной книги позволит выяснить, в каком отношении находится перечисление народов в Степенной книге ко всему остальному тексту. Обнаружение литературного метода составителя обоих произведений может подсказать, каким образом составители Степенной книги использовали древнерусские произведения во взаимосвязи со своей концепцией родословного древа, как они приспособляли к своей риторически торжественной манере различные по стилю и жанру произведения.

* *
*

Остановимся вначале на 1-й главе 7-й степени, которая имеет следующее заглавие: «О благоверном и богохранимом кореноплодном великом князе Ярославе Всеволодичи. И в мале явлено (т. е. в сокращении, — Ю. Б.): плен на чюдь, и брань на Калке, и победа на литву, и на емь, и плен на немцы, и рать Батыева, — Ярослава же и с прочими защити бог, — и брак Александров, и Ярославле хождение дважды во Орду, и преставление его».¹⁹

Самое обстоятельное исследование этой главы сделал М. Горлин. Отбросив из Степенной книги первую половину 1-й главы и фразы, которые почему-либо казались М. Горлину стилистическими украшениями и позднейшими восполнениями в древнейший текст, он выделил очищенный текст «Слова о преставлении Ярослава», к которому присоединил «Слово о погибели». Реконструированный им текст жития он датировал 1246—1247 гг.

¹⁴ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 166.

¹⁵ А. И. Соболевский. Рецензия на кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета, стр. 207—208.

¹⁶ M. Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslav. — Revue des études slaves, XXI, Paris, 1947, стр. 17—18.

¹⁷ A. V. Soloviev. Le Dit de la ruine de la terre Russe. — Byzantion, t. XXII. Bruxelles, 1952, стр. 116.

¹⁸ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Русская земля». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 539.

¹⁹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 251.

А. В. Соловьев²⁰ критикует концепцию М. Горлина за бездоказательную попытку присоединить «Слово о погибели» к памятнику житийного жанра, но принимает реконструированный М. Горлиным текст за житие XIII в., написанное в духе воинских повестей.²¹ Н. К. Гудзий²² подробно разбирает работу М. Горлина и признает выводы автора необоснованными, а метод реконструкции им текста XIII в. произвольным. Едва ли не самым основным возражением М. Горлину явится, на наш взгляд, анализ состава и источников этой главы. Этот разбор источников заставляет нас вернуться к точке зрения Н. И. Серебрянского, считавшего, что впервые произведение, восхваляющее Ярослава Всеволодовича, появилось из-под пера московского книжника в XVI в.²³

Повествование о Ярославе состоит из небольших рассказов, имеющих подзаголовки: «Плен на чюдь», «На Калке» и т. д. Интересующий нас отрывок из «Слова о погибели» находится в конце повествования, под рубрикой «Самодержец Ярослав». В главе «О Ярославе» мы не находим внутренней связи между летописными и другими отрывками, не ощущаем впечатления целостности произведения. Рассказы искусственно объединены на основе концепции родословного древа с помощью агиориторической манеры изложения. Уже начало главы — «Благородного корени доброплодная и многорасленая и неувядаемая ветвь царского извращения и плодотворное семя русских самодержателей сий великий князь Ярослав...» — дает образчик выспренного стиля составителей Степенной книги и настраивает читателя на восприятие образа Ярослава как идеального самодержца.²⁴ Вплоть до первого пространного рассказа «Батыева рать» автор пользуется исключительно летописями.²⁵ При этом в рассказ вторгаются известия, не относящиеся к биографическим данным о Ярославе.²⁶

Следующие два рассказа «Батыева рать» и «Ярослава бог защити»²⁷ начинаются с летописной формулы «Тоя же зимы», хотя в предыдущих известиях год не был назван. Приспособление летописного текста под агиориторическую манеру автора Степенной книги здесь особенно чувствуется. Занятый своей излюбленной концепцией родословного древа, составитель Степенной книги привлекает «Повесть об убении князя Михаила Черниговского» из Воскресенской летописи²⁸ и житие Михаила Черниговского из 7-й грани Степенной книги.²⁹ Весь текст главы «О Ярославе», начиная с рассказа «Ярослава бог защити», который М. Горлин

²⁰ A. V. Soloviev. 1) *Le Dit...*, стр. 115—116; 2) *New traces...*, стр. 74—75 и сл.

²¹ A. V. Soloviev. *New traces...*, стр. 73—75, 79.

²² Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Русских земель», стр. 536—539.

²³ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 173—174.

²⁴ П. Г. Васенко. «Книга Степенная царского родословия»..., стр. 226—227.

²⁵ Например, рассказ о посажении семилетнего Ярослава на южно-перьяславский стол его отцом (под 1201 г. в Лаврентьевской летописи: ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 175; в Густынской летописи: ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 327; в Воскресенской летописи: ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 107) и многие другие. (Подробнее о Ярославе см.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, т. I, СПб., 1889, стр. 7—19). Отсутствуют известия о Липецкой битве (1216 г.), об изгнании Ярослава из Новгорода (1228 г.) и др.

²⁶ Например, рассказ «На Калке» понадобился автору Степенной книги только для того, чтобы сообщить о татарах и о том, что Ярослава на Калке не было (ср.: ПСРЛ, т. I, стр. 18, 218; т. III, стр. 40—41; т. IV, стр. 28; т. V, стр. 173; т. VII, стр. 132).

²⁷ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 252—253. В Никоновской летописи имеется рассказ «Батыева рать», начинающийся со слов «Тоя же зимы» и сходный по содержанию с таким же рассказом Степенной книги (см.: ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 105).

²⁸ ПСРЛ, т. VII, стр. 152—156.

²⁹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 267—277. Это текст жития Михаила Черниговского Паолом Логофета, дополненный летописными известиями (Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 131—132).

принимал за текст жития Ярослава XIII в., является в действительности умелой обработкой «Повести» и жития Михаила Черниговского, текстов летописей и некоторых других источников, использование которых автор перемежает цитатами из священного писания. Приведем характерные примеры. В рассказе «Батыева рать», используя текст священного писания, составитель сравнивает Батыя с вепрем, пожирающим все живое, как траву,³⁰ но не сумевшим уничтожить «плод благоверия», т. е. Ярослава. Он спорит с автором «Повести», доказывая при помощи тех же текстов из священного писания, что бог не только карает, но и милует, особенно если это касается богоизбранных идеальных князей, «корени благочестия», «державных наследников».³¹ Обращаясь к текстам летописи,³² составитель Степенной книги дает высокую оценку деятельности Ярослава 1238—1243 гг. по залечиванию ран от татаро-монгольского нашествия во Владимиро-Суздальской земле. Идеальный князь приобретает черты почти святого заступника Русской земли.

Составитель рассказа «О Ярославе» широко использует житие Михаила Черниговского для описания подвига Ярослава, дважды побывавшего в Орде.³³ Он переносит черты Михаила Черниговского на Ярослава, нового кандидата в святые. Ярослав, так же как и Михаил, не мог терпеть

³⁰ Псалмы, LXXIX, 14. На использование библейских цитат для создания концепции идеального князя впервые обратил внимание М. Горлин (см.: M. Gorlin. *Le Dit de la ruine de la terre Russe...*, стр. 20).

³¹ Сравните:

«Повесть о Михаиле Черниговском»
из Воскресенской летописи

Глава «О Ярославе» из Степенной
книги

Быть находение безбожных татар на землю русскую гневом божиим за умножение грехов наших, яко же при Нои, яко и при Лоте казнь божиа на землю находаше, такоже и в последняя времена сия наведе бог рукою своею на землю христианскую, по порочеству дивных пророк.

Ярослава бог защити, яко корень благочестия невржеи бысть и дел сохрани бысть сий истинный поборник православлюю, богохранимый великий князь Ярослав. Бе бо милостив всякому просящему у него; его же кто требоваше, невозбранно подавая; его же ради спасен бысть и прочий с ним от губительных рук. Никто же бо возможет на милостивия, яко же рече господь: «Блажени милостивии, яко ти помиловани будут» (*Матфей, V, 7*). «Весь бо господь, — по апостолу (*Апостол, Петр, II, 9*) — благочестивия от напасти избавляти». Яко же избави праведного Ноя наследника миру от вселенского потопа и Лота от Содомского пожжения, тако защити преблагий бог и сего наследника Русскаго, возлюбленнаго своего вернаго правителя, державнаго Ярослава Всеволодича.

Н. И. Серебрянский утверждает, что фраза «яко же при Нои, яко и при Лоте казнь божиа на землю находаше, такоже и в последняя времена сия наведе бог рукою своею на землю христианскую» была характерна для древнейших редакций жития Михаила и для общерусской проложной редакции XVI в. (Н. И. Серебрянский. *Древнерусские княжеские жития*, стр. 112; Приложение, стр. 52, 63). Автор Степенной книги выпускает эту цитату из жития Михаила Черниговского в 7-й степени, но с выпущенными словами он спорит в той же 7-й степени, в главе «О Ярославе».

³² Характерным для составления главы «О Ярославе» является обращение с летописным текстом из Воскресенской летописи (под 1238 г.: ПСРА, т. VII, стр. 143; такой же текст см.: ПСРА, т. V, стр. 186; т. I, стр. 199; т. II, стр. 338). Цитата из летописи была расчленена надвое, а в середину было вставлено перечисление «стран Русской земли». Источник этой вставки нам неизвестен. А. В. Соловьев видит в этом отрывке цитацию из «Слова о полку Игореве» («славный Днепр» и «славные куряне»). См.: ПСРА, т. XXI, ч. I, стр. 253.

³³ Сравните:

Житие Михаила Черниговского
из Степенной книги

Глава «О Ярославе»

Тогда же злочестивый Батый по лотом пленении пакы покушашеся и души благочестивых пленити и пречистую церковь осквернити и свяую веру православную исказити и свою скверную веру, осяшную главню перидския льсти хотя ввеси в Русь.

И тако безбожнии содеяюще, и, паче того, злейшим коварством тшахуся и веру христианскую в Русьей земли повредити и святая церквя разорити и богомерския прелести перидския волшебное идолослужение надеяхуся безаконнии в Руси предложити.

татарских насилий над народом³⁴ и начал обличать «безумное веление поганых».³⁵ Князь Ярослав назван «доблй подвижник», подобно тому как в житии Михаил назван «доблй страдалец». Подвиг и страдания обоих князей описаны совершенно одинаково. Собираясь совершить подвиг, Михаил вспоминает только о боге. Ярослав вспоминает о своих благородных предках и дарованном им от бога скипетродержании и «как вси страны трепетаху». Далее, как полагал еще М. Горлин,³⁶ следует вольный пересказ «Слова о гибели Русской земли». Напыщенный и торжественный тон предыдущих фраз, взятых из жития Михаила Черниговского,³⁷ не находится в противоречии с отрывком, в котором вспоминаются былые времена могущества, богатства Русской земли и подвластные народы. Составитель Степенной книги приспособливает к своей манере повествования любые выдержки из житий, летописания, священного писания, родословных книг. Приспособливает к своей манере он и отрывок, перечисляющий подвластные народы. Этот отрывок заключен между рассказом о том, как разгоралось сердце «самодержца» Ярослава при виде насилий татар, и рассказом о том, как Ярослав во второй, и последний раз отправился в Орду и принял мученический венец. Картина политического могущества Руси при прежних князьях, как можно предполагать, по мысли составителя рассказа, должна была оттенить высоту христианского подвига князя Ярослава, славного потомка могучих властителей.

В заключение составитель Степенной книги прибавляет вымышленное им завещание Ярослава «Благословение чадом шести сыновом», составленное при помощи текста Воскресенской летописи.³⁸

Н. И. Серебрянский замечал, что только в редакции жития Михаила Черниговского Степенной книги подчеркивается церковно-историческое значение мученического подвига князя, поэтому только в этой редакции жития говорится о том, что Батый хотел заменить христианскую веру на Руси своей «персидской лостью» (Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 131).

³⁴ Сравните:

Житие Михаила Черниговского

Сий же слух досяжа и до сего самого великаго князя Михаила. Той бо един во Орду взйти тогда не восхоте, но отшед ис Киева и на своем самовластным отъческом столе во граде Чернигове седе. . . Сердце же его наипаче по бозе разгарашеся, негодуя о безаконии злочестиваго царя; поболе, яко же лепо, душою и снадешася печалюю весь и скорбио, душу свою по братиях прободаше и весь слезен бываше. . . . . конче же и свою душу за люди богия положи и умрети за благочестие.

³⁵ О велении Батый очищаться огнем говорится только в житии Михаила Черниговского редакции Степенной книги и в главе «О Ярославе».

³⁶ М. Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe. . . , стр. 17. М. Горлин ошибочно считал «Слово о гибели» введением к панегирическому «Слову о преставлении Ярослава Всеволодовича». Нахождение отрывка из «Слова» не на месте, в середине повествования о Ярославе, Горлин объяснял задачами составителя Степенной книги, якобы не желавшего нарушать панегирический тон повествования.

³⁷ См. стр. 120 настоящей работы, прим. 33.

³⁸ Летописи скупы на похвалу князю Ярославу. Лишь в СІА и в Воскресенской летописи (ПСРА, т. VII, стр. 156) содержится похвала ему.

Воскресенская летопись

О таковых бо писание глаголет. «ничто же бже ино таково пред богом, но еже аще кто положит душу свою за други своя». Сий же великий князь положи душу свою за други своя и за землю Русскую, и, причте его госьдод ко избранному своему стаду; милостив бо бже ко всякому и требующим же невозбранно даше, еже требоваху.

Глава «О Ярославе»

Сий же великий князь Ярослав Всеволодич в то же время и лето паки бысть в той же великой Орде, в пагубной земли татарстей, и вся безаконны неправедная на благочестие умышления разуме и сердцем разгарашеся и ревности божественны исполняшеся, не теряя ярти людей земли своея погибающих душою и телом. . . . . За них же умысли драгаго своего живота не пощадеши истиннаго ради благочестия.

Глава «О Ярославе»

«Что убо сего больше — яко же святое писание глаголет (Иоанн, XVI, 13) — еже положити душу свою за други своя». И тако сий приснопамятный великий князь Ярослав в дальней земли, в Канове Орде положи душу свою за святых дома церковных и за веру христианскую и за вся люди земли Руския. И сего ради причте его сог ко избранному своему стаду праведных селения.

В конце главы составитель Степенной книги добавляет: «Три же сыны его прежде его к богу отидоша: Феодор, Афанасий, Василий». Это позволяет предположить, что

Таким образом, составитель Степенной книги создает совершенно фальсифицированный образ Ярослава.³⁹ Этот князь, в действительности подчинившийся всем унижительным процедурам в Орде и у великого хана, приобретает черты святого мученика и приравнивается к не подчинившемуся татарам и злодейски умерщвленному ими Михаилу Черниговскому. В уста Ярослава он вкладывает пророчество о богоизбранности и державстве своих потомков и о умножении рода, т. е. росте родословного древа. В «Благословении чадом» названы шесть сыновей Ярослава: «Храбрый и мудрый Александр, и поспешный Андрей, и Константин удалый, и Ярослав и милый Данил, и доброхотный Михаил».

Литературный метод составителя Степенной книги позволил ему, пользуясь летописными известиями, близкими к Воскресенской летописи, летописной «Повестью» и житием Михаила Черниговского создать в середине XVI в. жанр княжеского жизнеописания. Разнородные по стилю и содержанию летописные и другие отрывки скреплялись единством стиля торжественной украшенной риторики и единством концепции родословного древа. Такой литературный метод писателя XVI в. позволял ему использовать древние произведения XII—XIII вв., в том числе и «Слово о погибели Русской земли».

* *

*

Другой такой же отрывок, близкий к «Слову о погибели», содержится в одной из вводных статей к Степенной книге — «Родословию русских государей». П. Г. Васенко полагал, что Степенная книга с вводными статьями наиболее близка к протографу основных списков «Степенной книги».⁴⁰

Из четырех основных списков, по которым издавалась Степенная книга, эта статья содержится только в двух.⁴¹ Отсутствует она также и в первом издании Степенной книги Г. Ф. Миллера.⁴² «Родословие русских государей» содержит перечень имен князей от Юриика до Ивана IV и его сыновей Дмитрия, Ивана, Федора и Василия. Затем в «Родословии» содержатся родословные ростовских,⁴³ твер-

---

составитель главы «О Ярославе» Степенной книги пользовался летописью, близкой к Воскресенской или к Никоновской, так как только в этих летописях Ярославу приписываются 9 сыновей, а не 8, как было на самом деле. Эти летописи из Афанасия-Ярослава Ярославича Тверского (1238—1272) сделали двух сыновей — Ярослава и Афанасия (см.: ПСРЛ, т. X, стр. 113—134; т. VII, стр. 236; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья... т. I, стр. 18—19). Об использовании Никоновской, Воскресенской и Софийской летописей в Степенной книге говорили Н. С. Державин (Степенная книга как литературный памятник, стр. 22, 126), П. Г. Васенко (Составные части «Книги Степенной царского родословия», стр. 9), В. В. Кусков («Степенная книга» как литературный памятник XVI века, стр. 6—7).

³⁹ Такие же легенды составитель Степенной книги создает о других князьях, например легенду о Всеволоде Георгиевиче (см.: Д. Н. Альшиц. Легенда о Всеволоде... стр. 68).

⁴⁰ П. Г. Васенко. «Книга Степенная царского родословия»... стр. 99—102, стр. 114.

⁴¹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. IV—VI, 1—2.

⁴² Книга Степенная царского родословия, содержащая историю Российскую, изданная Г. Ф. Миллером. М., 1775.

⁴³ Род ростовских князей оканчивается 19-м поколением, детьми князей Ивана Андреевича Брюхатого (умер до 1473 г.), Владимира Андреевича Ростовского (умер между 1461 и 1474 гг.) и Ивана Андреевича Янова-Ростовского (1425—1474). Названы дети первого — Андрей и Александр Хохолки, второго — Дмитрий и Александр (последние великие князья Ростовские), третьего — Василий Губка и Иван Темка. Семен и Дмитрий (см.: Д. А. Корсаков. Меря и ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 243; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья... т. I, стр. 61—62 и Приложение, табл. 1). В 1474 г. Иван III купил у великого князя Ростовского Ивана Ива-

ских,⁴⁴ белозерских,⁴⁵ смоленских,⁴⁶ ярославских,⁴⁷ суздальских,⁴⁸ рязанских,⁴⁹ муромских⁵⁰ князей. Следующий за родословиями отрывок «От Рюрика начаса державство в Новгороде. От Игоря же сына его в Киеве и до Всеволода Юрьевича державствоваху...» совершенно не связан с предшествующим текстом. После имени Всеволода III содержится перечисление подвластных Руси народов, затем составитель рассказа повторяет имена великих князей: «...от Всеволода же Юрьевича и до Даниила Александровича в Володимере державствоваху. От Даниила же на Москве богом утвержено бысть царствие русских государей. О них де в книзе сей отчасти сказание имат». Весь этот отрывок носит характер вставки в текст «Родословия». Все «Родословие русских государей» представляет собой краткую родословную историю объединения северо-восточных удельных княжеств вокруг Москвы. Так как только род ростовских князей доведен до боярских родов времени Василия III, то можно предположить, что в основе «Родословия русских государей» Степенной книги лежит ростовский княжеский родословец, доведенный до первой четверти XVI в.

Составитель Степенной книги добавил к нему лишь имена Ивана IV и его сыновей и в конце, после родословия муромских князей, отрывок «От Рюрика...», содержащий перечисление народов и не относящийся непосредственно к родословцу ростовских князей. Этот отрывок ярко обнаруживает тенденцию Степенной книги — показать начала самодержавия от Рюрика через Всеволода до Ивана Грозного. Этот отрывок выражает самодержавно-феодалную концепцию составителей Степенной книги, согласно которой единство и могущество Русской земли определялось родо-

новича Долгого половину г. Ростова, еще не отошедшую под власть московских государей (ПСРА, т. VIII, стр. 180). Свой титул сыновья Владимира Андреевича уже носили номинально. Они были московскими боярами и занимали высокие посты при Василии III. Например, Александр Владимирович часто упоминается от 1492 до 1531 г. как воевода, участвовавший в походах на корелу, литву (см. картотеку исторических имен XVI в., составленную в Отделе рукописей ГПБ в 1949 г. Д. Н. Альшицем на основании официальной разрядной книги московских государей XVI в. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 390)), Дмитрий Владимирович, Иван Иванович Темка и Василий Иванович Губка упоминаются как воеводы первой четверти XVI в. (там же). В Родословной книге Ивана IV, написанной при жизни царевича Ивана (1554—1581), названы уже дети Александра и Андрея Хохоловых, Дмитрия и Александра Владимировичей, дети Ивана Темки и Василия Губки, Семена и Дмитрия Яновых (ВОИДР, кн. X, 1851, стр. 230). Все это позволяет предположить, что родословие ростовских князей было доведено до времени Василия III.

⁴⁴ Последним назван князь Михайло Борисович (1453—1486).

⁴⁵ Род кончается на Юрии Васильевиче (умер между 1380 и 1389 гг.). От него удел перешел к одному из сыновей московского князя.

⁴⁶ «И по та места взятие Смоленску от Витофта при князе Федоре Юрьевиче» (начало XV в.).

⁴⁷ Последний князь Александр Федорович (1423—1471), «тот продал Ярославль» (в 1463 г. — ПСРА, т. IV, стр. 148; см.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья..., т. II. СПб., 1891, стр. 95).

⁴⁸ Последние суздальские князья Василий Константинович Кирдяпа и его брат Симеон умерли в 1402—1403 гг. Суздальское княжество было присоединено к Москве (см.: В. С. Иконников. Опыт российской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 944).

⁴⁹ Последний рязанский князь Иван Иванович «побежа с Москвы к Рязани и на Броннице убит от татар» (1521 г.). В действительности Иван Иванович жил в Литве еще в начале 30-х годов XVI в. (Д. И. Иловайский. История рязанского княжества. М., 1850, стр. 233—236; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья..., т. II, стр. 607—608).

⁵⁰ В 1354 г. князь Федор захватил Муром у князя Юрия (ПСРА, т. VII, стр. 244; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья..., т. II, стр. 618—619). В родословии муромских князей сообщается еще о легендарном князе Константине Глебовиче, о котором нам известно из его проложного жития.

выми отношениями между князьями, а также единодержавием московского царя.

* *
*

Теперь, после того как мы обнаружили, что оба отрывка являются вставками составителей Степенной книги в основной текст, попытаемся сопоставить их друг с другом и со «Словом о погибели» и выявить их взаимоотношения.

В результате сопоставления двух отрывков из «Родословия» (первый текст) и из главы «О Ярославе» (второй текст) есть основание предполагать независимость первого текста от второго. С другой стороны, второй текст, более распространенный, может быть объяснен из первого. Оба списка совпадают в следующих выражениях:

«Родословие»

- 1) От них же вси страны трепетаху, ближнии и дальнии, и сами гречестии царие.
- 2) Вси повиновахуся им и дань даяху от моря до моря: угрове, и чахи, и ляхи, и атявги, и литва, и немцы, и чюдь, и корела, и устюг, и обои болгары, буртасы и черкасы, мордва и черемиса.
- 3) И самии половцы дань даяху и мосты мостяху.
- 4) Литва же тогда бояхуся и из лесов выницати.
- 5) Татарове же тогда ни слухом именованыхуся.

Глава «О Ярославе»

- 1) И тако вси страны трепетаху имен их, не токмо ближнии, но и дальние земли и царства, и самии гречестии царие.
- 2) И повиновахуся многия страны и дань даяху от моря до моря: угрове, и чахи, и ляхи, и ятвяги, и литва, и немцы, и чюдь, и корела, и устюг, и обои болгары, буртасы и черкасы, и мордва, и черемиса.
- 3) И самии половцы дань даяху и мосты мостяху.
- 4) Литва же тогда бояхуся и из лесов выницати.
- 5) Татари же тогда ни слухом не именованыхуся.

Кроме того, во второй текст еще прибавлено несколько фраз, которые не встречаются в первом тексте. После слов «сами гречестии царие» и перед словами «вси повиновахуся им» добавлено: 1) «и тако повсюду бысть в Русей земли православная вера христианская», 2) «идеже бысть всякия божественныя благодати исполнение и всего земнаго доброплодия изобилование», 3) «в них же не бяше тогда погани на Июду же присягаху».⁵¹

Почти полное текстуальное совпадение большинства фраз первого и второго текста позволяет сделать предположение, что в главе «О Ярославе» был использован текст отрывка «Родословия», а в одну из разорванных фраз было вставлено несколько фраз из другого источника. Наше предположение, что текст «Родословия» был первоначальным и не содержал фраз о православной вере, земном доброплодии и присяге поганых, подтверждается отрывком из сочинения Каменевича-Рвовского «Сказание о начале московского рода» (1665 г.), в котором в риторической, укра-

⁵¹ В списке Степенной книги (ЦГАДА, ф. 181, № 27, список Степенной книги XVII в.), изданном Г. Ф. Миллером, содержится тот же текст, что и в главе «О Ярославе Всеволодиче» (стр. 322—23), дающий незначительные орфографические разночтения (например, в двух случаях «и тако» вместо «и како») и более правильное чтение одного места. Сравните в Степенной, изданной П. Г. Васенко: «в них же не бяше тогда поганина, уду же присягаху и повиновахуся многия страны...» В житии Александра Невского в редакции Ионы Думина эта фраза написана так: «в них же не бяше поганина, юдуже прикасахуся и повиновахуся многия страны...» (см.: В. И. Мансикка. Житие Александра Невского. . . , Приложение, стр. 85). В Степенной книге, изданной Г. Ф. Миллером: «в них же не бяше тогда погани на Июду же присягаху. И повиновахуся многия страны...»

шенной манере сообщается только о политическом господстве Руси над 16 народами.⁵²

Возможно, что источником, из которого автор главы «О Ярославе» заимствовал фразы о православной вере, исполнении благодатью, изобиливании земным доброплодием, могло быть «Слово о погибели Русской земли».⁵³ В нем после описания украсно украшенной многими красотами Русской земли встречается обобщающая фраза: «всего еси исполнена земля Русская, о правоверная вера християнская». Откуда взята фраза о том, что поганые не присягали «на Июду», остается неизвестным, так как в сохранившихся двух списках «Слова» подобных выражений нет.⁵⁴

Таким образом, описание богатства Русской земли из «Слова о погибели» сокращено до минимума в главе «О Ярославе» и вовсе отсутствует в «Родословии». Описание политического величия Руси в извлечениях из Степенной книги может быть сопоставлено со «Словом о погибели Русской земли».

В отрывке из Степенной книги, так же как и в «Слове о погибели», политическое могущество Руси описывается в связи с именем Всеволода Юрьевича. Если в отрывке из Степенной Рюрик и Игорь названы предшественниками Всеволода, то в «Слове о погибели» — это Владимир Мономах и Юрий Владимирович. Различие это объясняется тем, что для составителя «Родословия русских государей» было более уместно обратиться к авторитету первых князей, чем князей Мономашичей. «От них же вси страны трепетаху, ближнии и дальнии, и сами гречестии царие» — текстуральных соответствий этой фразе в «Слове о погибели» нет никаких. Упоминание народов и стран, повиновавшихся Руси, и опасение Мануила Царьградского перед Владимиром Мономахом в «Слове о погибели» еще не дают оснований видеть в «Слове» источник.

В повествованиях XII—XIII вв. не раз говорилось «о трепетании всех стран», с присоединением иногда и греческих царей, перед русскими князьями, — то Владимиром Мономахом, то Всеволодом Большое Гнездо.⁵⁵ В Лаврентьевской летописи под 1125 г. летописец замечает по поводу смерти Владимира Мономаха: «его имене трепетаху вся страны».⁵⁶ Под

⁵² «Сии же сугь предречени и покорнии нам роди наши 16 колен, единого с нами племени бывшии, они: 1) угры, 2) чехи, 3) ляхи, 4) ятвяги, 5) литва, 6) немцы, 7) чюдь, 8) корела, 9) устюг, 10) и 11) болгары двои, 12) бургасы, 13) черкасы запорожские, 14) мордва, 15) черемиса, 16) половцы. За страх же наш предбывший, предгрозный и предвеликий, тогда сущный, литва вся убо тогда бояхуся и из лесов своих вон вынидати, татарове же тогда не сказовахуся и ниже слух их к нам доношасеся и ни именовашася. Таков бо страх тогда мы над всеми роды сими и над иными предмногими, и силу и славу неисповедимую предвеликую и предгрозную храбрость нашу таковую над всеми предсодержахом, аминь» (цит. по: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 64).

⁵³ Впервые на это обратил внимание Н. И. Серебрянский (Древнерусские княжеские жития, стр. 165—166).

⁵⁴ Можно предполагать, что эта фраза была в одном из древнейших источников, а не была сочинена составителем Степенной книги. В произведениях XIII в. (в «Повести о Николе Заравском», в 5-м поучении Серапиона Владимирского) содержатся противопоставления справедливых поступков поганых поведению христиан. Серапион Владимирский так говорил: «Погании бо закона божия не ведуще, не убивают единовѣрных своих, не ограбляют, ни обадят, ни поклепят, ни украдут, ни запрягься чужаго; всяк поганый брата своего не продаст, но кого в них постигнет беда, то испукят его и на промысел дадут ему, а найденая в торгу проявляют» (Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, проповедник XIII века. СПб., 1888, Приложение, стр. 14). Фраза о неприянии поганых «на Июду» была взята из памятника, где, вероятно, противопоставлялись добрые старые времена, когда поганые подчинялись Руси и не нарушали присяги, временам нынешним.

⁵⁵ В. С. Иконников. Опыт российской историографии, т. II, кн. 1, стр. 956.

⁵⁶ ПСРА, т. I, стр. 129.

1212 г. в той же летописи говорится в похвале Всеволоду: «сего имени токмо трепетаху вся страны».⁵⁷ Описание могущества первых князей, перечисление различных стран и народов заменено коротким упоминанием стран «ближних и дальних». В соответствии с манерой того времени в начале рассказывалось о ближних пограничных народах, а затем летописец перечислял отдаленные народы. Например, в Повести временных лет: «А се суть иные языци, иже дань дают Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, емь, литва, зимгола, корсь, морава, либи; сии суть язык свой имущи от колена Афетова, иже суть на странах полуношных».⁵⁸ Летописец называет народы как бы по спирали, сначала перечисляет с северо-запада на юго-восток по часовой стрелке, а затем в обратном направлении, делая поворот от мордвы.

Упоминание «и сами гречестии царие» — анахронизм и, по-видимому, либо связано с легендой о Мономаховых регалиях, либо с анахронизмом из «Слова о погибели» («опас жюра Мануила» перед Владимиром Мономахом): Для окончательного решения у нас еще нет данных.

В «Слове о погибели Русской земли» вначале перечисляются пограничные народы Русской земли, затем автор называет, какие народы были покорены Всеволоду, Юрию и Владимиру Мономаху, платили им дань, какие народы только опасались их силы. В отрывке из Степенной книги сообщается, что «все повиновахуся им и дань даяху от моря до моря», а затем перечисляются народы, значительная часть которых известна по «Слову о погибели» как пограничные. Это может говорить о вторичности отрывка Степенной книги.

Сравним перечисление народов в «Слове о погибели» и в Степенной книге.⁵⁹ А. И. Соболевский⁶⁰ обратил внимание на то, что имена народов в «Слове о погибели» названы в родительном падеже, а в Степенной книге — в именительном.

Большая полнота и именительный падеж в перечислении народов он посчитал признаками древнейшими и полагал, что отрывок из Степенной книги ближе следует древнему тексту, послужившему источником для Степенной книги и для «Слова о погибели».

Однако различие в употреблении падежей определяется здесь не древностью текста, а задачами, которые ставились авторами.

В «Слове о погибели» описываются границы Русской земли. «Отселе» требует после себя родительного падежа. В Степенной книге, называвшей покоренные Руси народы, после слов «все повиновахуся им» больше подходит именительный падеж.

В Степенной книге, как это впервые заметил М. Горлин,⁶¹ речь идет не о пограничных народах, а о подвластных Руси народах. В «Сказании» Каменевича-Рвовского они названы уже «16 колен русского племени». По справедливому замечанию М. Горлина, такое преувеличение было харак-

⁵⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 184. В дальнейшем это выражение стало традиционным в характеристике сильного князя. В Титулярнике 1672 г. об Иване Грозном мы читаем: «все окресные государства имени его государского трепетали, зане знаменит и храбр и в победе страшен...» (ГПБ, Эрмитажное собр., № 440, Титулярник 1672 г., л. 10—10 об.). На это известие обратила наше внимание М. Д. Каган. В житии Александра Невского в Степенной книге мы читаем: «и бысть всем супротивным страшен и грозен и повсюду имени его трепетаху» (ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 280).

⁵⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 5.

⁵⁹ Тексты см. на стр. 117.

⁶⁰ А. И. Соболевский. Рецензия на кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета, стр. 205—206.

⁶¹ М. Gorlin, *Le Dit de la ruine de la terre Russe...*, стр. 18—19.

терно для писателя XVI—XVII вв., а не XIII—XIV вв.⁶² Конечно, автор «Слова о погибели» умел преувеличить, но он никогда не пошел бы на грубую фальсификацию, назвав угров, чахов, ляхов, литву и немцев народами, подвластными Руси. По сравнению со «Словом о погибели» народы в Степенной книге названы в более правильном географическом порядке: «угрове, и чахи, и ляхи» вместо «угры, ляхи, чяхи»;⁶³ названы «мордва и черемиса» вместо «черемиса и мордва»; добавлены имена «чудь», «черкасы»; и «обои болгары», вместо «болгары».

Перемена местами черемис и мордвы в отрывке Степенной книги не оправдывается с точки зрения метода летописца. Древняя мордва жила на правом берегу Волги, между Окой и Сурой, черемисы жили на левом берегу Волги, северо-восточнее мордвы, буртасы — восточнее и юго-восточнее мордвы и черемис, на правом берегу Волги, между Сурой и Волгой. В перечислении народов автор «Слова о погибели» следует от «болгар до буртас» и «от буртас до чермис», т. е. с востока на запад от «дальних народов к ближним». Он должен сначала назвать черемис, а потом мордву. Перестановка имен этих народов в Степенной книге может быть объяснена тем, что, прочитав начало имени «чермис», составитель вспомнил о черкасах и занес в текст Степенной книги на месте черемис.

Вставка черкас в текст не оправдана в географическом отношении, так как между буртасами и мордвой черкасы никогда не жили. Если составитель Степенной книги неожиданно переносился мыслью на юг к кабардинским черкасам или на юго-запад к запорожским казакам, называемым также черкасами, то это было в его манере, но не в манере летописца и автора «Слова о погибели».

Какой народ имел в виду составитель Степенной книги под именем «черкасы»? Каменевич-Рвовский в своем «Сказании» пишет прямо: «черкасы Запорожские». Известно, что черкасами называли казаков.⁶⁴ Запорожское казачество возникает в середине XVI в. М. С. Грушевский, склонный отодвигать время украинской вольницы в глубь веков, однако, не находит данных говорить о казаках ранее конца XV в.⁶⁵ В топонимике

⁶² В «Истории о великом князе Александре Ярославиче Невском», написанной Екатериной II в июне—сентябре 1791 г., имеется перечень подвластных Руси, а потом татарам народов: «В 1258 году приехали численницы из татар во Владимир, а как сие было в противность обещаний ханских, данных Александру, то князь великий велел всех татарских счетчиков и численницы, из орды присланных, изо всех градов русских выслать, а посла от себя мужи для зборов по древнему порядку, а не по татарскому обычаю. Примечание 1: В сие время дань давали татарам: угры, чяхи, ляхи, ятвяги, литва, немцы по морю живущие, чюдь, корель, устюг, оба болгары, буртасы, черкесы, мордва, черемисы и половцы» (ГПБ, Эрмитажное собр., № 379, История о великом князе Александре Ярославиче Невском, 1791 г., л. 60 об. нумерованный). Екатерина II явно преувеличивает силы татар для того, чтобы показать, что тяжелая дань Руси татарам не была унижительной.

⁶³ В летописях часто встречается книжное выражение: «угры, ляхи, чехи» (см.: Ипатьевская летопись, ПСРА, т. II, стр. 9: «прииде Ярослав Святополчич с угры, и ляхи, и чехы». В похвале Владимиру Мономаху под 1111 г. говорится о слове «ко всем странам дальним, рекуще к греком и угром, и ляхом, и чехом, дондеже и до Рима пройде»; Ипатьевская летопись, стр. 3).

⁶⁴ «Пришли з Днепра черкасы (каневские черкасы)»: (ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 322—323, 341). В 1610 г. черкасы с литовцами в рати пана Лисовского идут против немцев (ПСРА, т. IV, стр. 328), в 1612—1614 гг. черкасы под начальством Якова Пунтусова совершают поход на северную Россию (Вологда, Архангельск, Олонец) и т. д.

⁶⁵ М. С. Грушевский. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904, стр. 196. В одной из последних работ по истории казачества мы читаем следующее: «Нз случайно именно район Канева и Черкас представлялся современникам основным местом сосредоточения украинского казачества, а в России с XVI века самое название „черкасец“, „черкашени“, „черкасцы“, „черкассы“ стало нарицательным для всего украинского каза-

Украины производные наименования от слова «черкас» встречаются нередко, но как давно возникло это этническое название и существовал ли на Украине «черкасский народ» до конца XV—XVI в., остается для нас загадкой. Лишь однажды в Воскресенской летописи черкасы отождествляются с черными клобуками.⁶⁶ М. С. Грушевский указывал, что видеть в разноплеменном тюркском объединении черных клобуков предков позднейших казаков (черкасов) — это взгляд ошибочный.⁶⁷

Кабардинские, пятигорские, терские черкасы подпадают под власть Руси только в середине XVI в.⁶⁸

В древнейшие времена этническим именем адыгейского племени было имя «касоги» («косаги», «косагии»).⁶⁹ О черкасах говорится в связи с поражением Мамаю в 1380 г., когда они были в татарском войске.⁷⁰ Составитель Степенной книги, как можно предполагать, мог под черкасами иметь в виду кавказских черкас, так как запорожское объединение только около 1570 г. вступило в сношения с Русью, а кавказские князья пришли служить к Ивану IV уже в 1552—1555 гг. Автор Степенной от буртас, живших по Волге, мог мысленно скользнуть скорее на юг, к Северному Кавказу, чем к Днепру.

Таким образом, чтение «черкасы» в перечислении народов вряд ли является древнейшим, по-видимому, это все-таки вставка XVI в. Составитель Степенной книги, очевидно, вспоминает о черкасах в связи с приходом феодальной верхушки Черкассии, княжны Марии Темрюковны и ее родственников, к власти на Руси.

Упоминание в Степенной книге «обоих болгар» вместо «болгар» «Слова о погибели» А. И. Соболевский объяснял большей древностью текста Степенной книги. Он замечал, что Ипатьевская летопись знала «серебряных» болгар и темтюгов⁷¹ и что после монгольского завоевания волжские болгары исчезли с исторической арены. Однако при этом А. И. Соболевский не уточнил, что волжские и камские болгары исчезают с исторической сцены лишь в начале XV в.⁷² Степенная книга знает волжских и камских болгар, составителю Степенной книги они были, по-видимому, известны под этими именами, а не под именами «серебряных» и темтюгов. Сторонники взгляда, что текст Степенной книги дает более древнее перечисление народов, чем «Слово о погибели», не воспользовались одним сильным аргументом в их пользу — упоминанием «чюди». Пропуск имени этого народа в «Слове о погибели» более чем странен. Если автор написал «Слово» как предисловие к житию Александра Невского или к повествованию о Ярославе, то остается непонятным, почему он пропустил чудь,

чества (позже «черкасами» называли в России всех вообще украинцев)» (В. А. Глобуцкий. Запорожское казачество. Киев, 1957, стр. 51).

⁶⁶ Под 1052 г.: «Изяслав же то слышав, скопе свою дружину поиде, пойма с собою Вячеславъ полк весь, и все черные клобуки, еже зовутся черкасы, и кияне лучшие и всю русскую дружину и поиде [в Польшу]» (ПСРЛ, т. VII, стр. 56).

⁶⁷ М. С. Грушевский. Очерк истории украинского народа, стр. 20.

⁶⁸ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 655, 663, 671—672 (под 1555—1559 гг.); Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. — ИЭ, т. 34. М., 1950; Т. Х. Кумыков. К вопросу присоединения Кабарды к России. — Сборник статей по истории Кабарды, в. 5. Нальчик, 1956, стр. 87; История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957, стр. 37.

⁶⁹ См., например: ПСРЛ, т. I, стр. 27, 63, 71, 189, 216; Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.

⁷⁰ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 396.

⁷¹ ПСРЛ, т. II, стр. 126, под 1182 г. Темтюги пошли на помощь Великому городу, осажденному Всеволодом Георгиевичем.

⁷² После 1236 г. в летописях болгары не упоминаются до 1359 г. После походов Тимура, ордынских ханов и русских воевод в 1431 г. разоренная Болгария подпадает под власть Казанского ханства.

с которой эти князья вели непрерывную войну. В Степенной книге «чюдь» названа рядом с народами, перечисленными в «Слове о погибели», в числе которых «ятвяги», например, точно указывают на XIII в.⁷³

Упоминание чуди в Степенной книге еще не может свидетельствовать о большей древности этого текста, так как чудь была хорошо известна и в XVI в., но, с другой стороны, отсутствие имени «чудь» в «Слове о погибели» не может свидетельствовать об исправности и отсутствии пропусков в перечислении народов в обоих дошедших до нас списках «Слова».

За перечислением народов в Степенной книге следует три интересные фразы: «И самии половцы дань даяху и мосты мостяху. Литва же тогда бояхуся и из лесов выницати. Татарове же тогда ни слухом именовохуся». Из них только одна фраза о литве прямо заимствована из «Слова». Более правильной здесь является форма имперфекта «выниковаху» (т. е. «высовывались»)⁷⁴. «Выницати» — форма неопределенного наклонения глагола, и ее в словаре И. И. Срезневского нет, есть глагол «вынизати» (т. е. «вынимать из ножен»).

В начале XIII в. литовцы еще жили в лесах и лишь в 40-е годы XIII в., при Миндовге, вышли из лесов и обратились к завоеваниям смоленских, новгородских и полоцких земель.

Две другие фразы о половцах и татарах в «Слове» отсутствуют. Как о неизвестном народе о татарах говорится в летописях.⁷⁵ Происхождение книжного выражения о том, что половцы «дань даяху и мосты мостяху», неясно, в летописях не содержится известий о том, когда и при каких обстоятельствах пленные половцы использовались для наведения дорог во время военных походов.⁷⁶

Итак, в перечислении народов отрывок из Степенной книги гораздо ближе к «Слову о погибели», чем к «Слову о полку Игореве». Из 15 народов, упомянутых в «Слове о погибели»,⁷⁷ в отрывке из Степенной 13 (нет «тоимицы» и «вяда») и прибавлены еще «черкасы», «татары» и «чюдь», которых нет в «Слове о погибели». Из 15 народов, упомянутых в «Слове о полку Игореве», общими для отрывка Степенной книги и для «Слова о погибели» являются 7. Все это, на наш взгляд, может явиться аргументом в пользу того, что в Степенной книге мы имеем прямое заимствование из «Слова о погибели Русской земли».

Таким образом, если не о цитации, то о следах «Слова о погибели» в Степенной книге мы говорить можем. Можно думать, что составителю «Родословия русских государей» и главы «О Ярославе Всеволодиче» «Слова о погибели» было известно без жития Александра Невского, так как никаких следов первоначальной летописной редакции жития в этих произведениях мы не находим. Редакция жития Александра Невского в Степенной книге исследована В. Мансикка. В ней содержатся следы первоначальной летописной редакции; однако заимствований из «Слова

⁷³ Ятвяги в последний раз упоминаются под 1282 г., затем они вошли в состав литовского государства (ПСРЛ, т. II, стр. 208; т. VII, стр. 165, 254). В «Родословии» Степенной книги имя «ятвяги» написано как «атвяги», что может говорить о том, что переписчик пользовался поздним списком XV или XVI в., где вначале слова стояло *а*, а не *ч* как было бы правильнее орфографически.

⁷⁴ См.: Срезневский, Материалы, т. I, столб. 447.

⁷⁵ «Того же лета явишася языци, их же никтоже добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их; и зовуть я татары. . .» (ПСРЛ, т. I, стр. 189).

⁷⁶ Ср.: «И рече Володимер: „Требите путь и мстите мост“, хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболеся» (ПСРЛ, т. I, стр. 56).

⁷⁷ См.: А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». Прилож. 2. Народы и племена, перечисляемые в южном и северном «Словах». — Изз, т. 25. М., 1949, стр. 100.

о погибели» здесь нет.⁷⁸ Большая полнота в перечислении народов и заимствование автором Степенной традиционных выражений из летописей и из других источников подтверждаются общим характером метода составителя Степенной книги, компилирующего из многих источников, в одном случае, в «Родословии», в целях создания легенды о могуществе первых русских князей: Рюрика, Игоря и Всеволода III, в другом случае в целях создания легенды о Ярославе Всеволодовиче. При этом составитель, как мы предполагаем, воспользовался перечислением народов из «Слова о погибели», отбросив тему погибели Русской земли и противопоставление старых, киевских времен нынешней погибели земли. Литературные пути от «Слова о погибели» через «Родословец» или через ряд каких-либо других источников к Степенной книге остаются невыясненными и ждут продолжения исследования, которое в условиях отсутствия промежуточных звеньев особенно трудно.

---

⁷⁸ В. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 143 и сл.

Я. С. ЛУРЬЕ

Вопрос об идеологических движениях конца XV—начала XVI в.
в научной литературе

I

Идеологические движения, возникшие на Руси в период образования централизованного государства, довольно поздно привлекли внимание литературоведов и историков. Только в последней трети XIX в. тема эта появляется в специальных исследованиях и общих работах, посвященных истории русской общественной мысли и литературы. Для авторов более раннего периода такой проблемы еще не существовало. Литературоведы иногда включали Иосифа Волоцкого, Нила Сорского и других авторов в число называемых ими «церковных писателей древней Руси»; историки (особенно историки церкви) упоминали о распространении в конце XV в. «ереси жидовствующих» и о борьбе с нею «преподобного Иосифа»; упоминали они и о «великом подвижнике» Ниле Сорском; но о значении всех этих лиц в истории русской общественной мысли или русской публицистики не было и речи. Литературоведение первой половины XIX в. имело в основном библиографический характер; в центре внимания исторической науки находилась политическая история. Для Н. М. Карамзина история конца XV—начала XVI в. это прежде всего история Ивана III — «творца величия России». «Иоанн оставил Государство удивительное пространством, сильное народами, еще сильнейшее духом Правления, то, которое ныне с любовью и гордостью именуем нашим любезным отечеством. Россия Олегава, Владимирова, Ярослава погибла в нашествие Моголов: Россия нынешняя образована Иоанном; а великие Державы образуются не механическим слеплением частей, как тела минеральныя, но превосходным умом Державных» О роли идеологических движений в образовании Русского государства Н. М. Карамзин не говорит ни слова; из обстоятельств, благоприятствовавших Ивану III в осуществлении его задачи, он упоминает только брак с «греческою царевною» Софией Палеолог.¹

Авторы первой половины XIX в. не только не интересовались историей общественных движений на Руси в XV—XVI вв., но и прямо отвергали возможность таких движений. В первом из своих «Философических писем» П. Я. Чаадаев говорил о борьбе идей как о характерной особенности истории Запада, отличающей ее от истории России: «Пусть поверхностная философия вопиет, сколько хочет, против войн за веру, против костров, зажженных нетерпимостью: мы можем только завидовать народам, которые в этой ошибке мнений, в этой кровопролитной борьбе за истину,

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. СПб., 1892, стр. 222, ср. стр. 218—219.

создали себе целый мир идей, который мы не можем себе представить воображением, не только перенестись в него телом и душой».² В этом вопросе с П. Я. Чаадаевым был согласен и публицист совершенно противоположного направления — М. П. Погодин. Сравнивая в своей статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств» историю русской церкви с историей западной церкви, он писал: «у них пропаганда, у нас сохранение; у них движение, у нас спокойствие, у них инквизиция, у нас терпимость».³

Идеологические движения конца XV—начала XVI в. не получили отражения и в творчестве крупнейшего представителя дореволюционной историографии С. М. Соловьева. В отличие от Н. М. Карамзина С. М. Соловьев, излагая историю образования Русского государства в XV в., не ограничивался только ссылками на «превосходный ум» Ивана III; он указывал ряд других, гораздо более глубоких причин: распад родовых связей и замена их государственными, колонизация северо-восточных земель, выгодное географическое положение Москвы и т. д. Однако идеологические предпосылки образования государства его почти совсем не интересовали; он замечал только, что «сословие, пользовавшееся могущественным нравственным влиянием, сословие духовное, изначала действовало в пользу единовластия».⁴ Излагая фактическую историю княжения Ивана III, С. М. Соловьев упоминает Иосифа Волоцкого, его борьбу с ересью, упоминает он и Нила Сорского, но лица эти не рассматриваются как представители каких-либо общественных групп — ни о каких общественных движениях этого периода в его «Истории России» ничего не говорится.

Вопрос об общественных движениях конца XV—начала XVI в. был поставлен в научной литературе в 60-х годах XIX в., в момент отмены крепостного права и проведения буржуазных реформ. В 1863 г. известный впоследствии историк церковного права А. С. Павлов в статье «Земское (народное и общественное) направление русской духовной письменности в XVI в.» впервые специально поставил вопрос об «общественном сознании» на Руси в период, когда она была «собрана» Москвой. А. С. Павлов указывал, что «под влиянием недовольства современными государственными и церковными порядками в сознании мыслящих русских людей XVI в. накопился большой запас новых идей, которые выразились частью в религиозно-националистической, частью в мистико-исторической форме. Представителями первого направления были еретики жидовствующие, Матфей Башкин и Феодосий Косой. Последнего направления держались все современные писатели, бравшие на себя опасное дело защищать народные и общественные интересы, подавляемые государством и пренебрегаемые церковною иерархией».⁵ Однако в дальнейшем своем изложении, говоря только о втором из названных им направлений, А. С. Павлов ограничился упоминанием о памятниках XVI в.: «Беседе валаамских чудотворцев», сочинениях Максима Грека и Курбского.

В более решительной форме вопрос о влиянии общества на организацию Русского государства был поставлен в небольшой работе Н. Хлебникова, появившейся в 1869 г. Н. Хлебников — весьма своеобразная и необычная фигура в русской науке. Ученый-самоучка, поздно получивший образование и не связанный ни с одной определенной школой, он ставил в своей книге такие вопросы, которыми мало занималась русская наука

² П. Я. Чаадаев *Философические письма* Казань, 1906, стр. 16.

³ М. П. Погодин. *Историко-критические отрывки*, т. 1 М., 1846, стр. 80.

⁴ С. М. Соловьев *История России с древнейших времен*, кн. I (тт. I—V) Изд. «Общественная польза», столб. 1344, ср. столб. 1544—1553 и 1556—1559.

⁵ *Православный собеседник* Казань, 1863, № 1, стр. 296.

его времени. Резко отличало Н. Хлебникова от представителей академической науки того времени, например, его усиленное внимание к «экономическим условиям общества», которые, по его мнению, «многое объясняют в жизни народа».⁶ Большое значение придавал Н. Хлебников и «умственно-религиозным движениям», в частности еретическим движениям XV в. «Церковь и государство, — писал он, — подавили многие смелые идеи, которые были высказаны людьми нового религиозно-нравственного направления; но многие идеи, благотворно принятые впоследствии в недра церкви, были впервые высказаны обществу и церкви людьми, которые сами пострадали за смелость религиозной мысли».⁷ «Некоторые еретики были сожжены, некоторые замолчали под влиянием ужаса, но великое дело было сделано — общество пробудилось от бесконечной дремоты».⁸ Высказав эти интересные и новые для того времени взгляды, Н. Хлебников, однако, очень слабо подкрепил их фактическим материалом; работа его имела поверхностный и во многих отношениях любительский характер. Именно поэтому она не оказала почти никакого влияния на историографию и литературоведение; молодой В. О. Ключевский (судя по дошедшим до нас его рукописным заметкам) расценил даже книгу Н. Хлебникова как «исследование, написанное очень модно, но исполненное противоречий самому себе и источникам».⁹

Гораздо большее влияние на научную литературу имело исследование, написанное почти в одно время с книгой Н. Хлебникова, но имевшее более специально филологический характер, — магистерская диссертация И. Хрущова «Исследование о сочинениях Иосифа Санина». Внимательно обследовав рукописные сборники XVI в., введя в науку ряд новых неизданных материалов, И. Хрущов не ставил, однако, в своей работе широких теоретических вопросов. Он уклонился, в сущности, от какой-либо характеристики ереси, с которой боролся Иосиф Волоцкий; не дал он и прямой характеристики самому направлению Иосифа, указав только, что преемник его по игуменству Даниил «превзошел учителя своего в преданности великому князю» и «не уступал ему и в строгом суде на основании подобранных на случай свидетельств». Он привел враждебные замечания князя А. М. Курбского о «презлых осифлянах» и заметил, что эти замечания «проливают свет на отношения Иосифа к старому боярскому порядку».¹⁰

Несмотря на беглость и некоторую неопределенность этих высказываний, они получили неожиданно громкий резонанс в журнальной литературе тех лет. Книга И. Хрущова вызвала две рецензии: одна из них принадлежала О. Миллеру, другая — Н. И. Костомарову. В обеих рецензиях Иосиф Волоцкий рассматривался как представитель одного из направлений общественной мысли конца XV—начала XVI в., резко противостоявшего другому направлению, связанному с именами Нила Сорского и Вассиана Патрикеева. «Яркая противоположность между Иосифом Волоцким и заволжскими старцами» составляла, по мнению О. Миллера, «одно из самых знаменательных явлений в истории русской образованности».¹¹

⁶ Н. Хлебников. О влиянии общества на организацию государства в царский период Русской истории. СПб., 1869, стр. VII.

⁷ Там же, стр. 117—118.

⁸ Там же, стр. 139—141.

⁹ Рукописный отдел Института истории АН СССР (Москва), фонд В. О. Ключевского, д. 26, рецензия на Макария (листы не нумерованы).

¹⁰ И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, стр. VII, 253—254.

¹¹ О. Миллер. Вопрос о направлении Иосифа Волоцкого. — ЖМНП, 1868, № 2, стр. 529.

Н. К. Костомаров объяснял борьбу между двумя направлениями общественной мысли в конце XV в. на основе своей излюбленной теории о «двух русских народностях» (московско-великорусской и новгородско-украинской). Направление Иосифа он связал с Москвой, а направление Нила — с Новгородом. «Личная свобода — душа новгородской жизни, — писал Н. К. Костомаров, — господствовала и в монастырском быту; и так, новгородец не хотел налагать на себя тяжелого ярма. Между тем в Московской Руси монастырское общежитие совпадало с общинным устройством, господствовавшим в миру, и строгая власть настоятеля была в его монастыре подобием неограниченной власти великого князя над землею».¹²

Либеральный политический подтекст статей О. Миллера и Н. Костомарова ощущался достаточно ясно: на Иосифа Волоцкого Костомаров и Миллер смотрели не столько как на церковного деятеля XV в., сколько как на провозвестника современной им самодержавно-клерикальной реакции, к которой оба автора относились отрицательно. Костомаров даже писал, что в наше время Иосиф «сделался бы публицистом, и всего вероятнее консервативным».¹³ Именно поэтому появление книги И. Хрущова и рецензий О. Миллера и Н. Костомарова вызвало сильную тревогу в реакционном лагере. В своем отзыве на книгу И. Хрущова известный церковный историк и археограф К. И. Невоструев обвинил автора «в вольных и обидных для Церкви Русской и преподобного суждениях и нареканиях, явно или намеками высказанных», вследствие чего «посеянные автором семена принесли печальный плод» в виде рецензий Миллера и Костомарова. К. И. Невоструев предложил даже не представлять И. Хрущову искомой им Уваровской премии, если он не откажется от своих «заблуждений».¹⁴

Несмотря на немалый научный авторитет К. И. Невоструева, статья его, написанная в сугубо «охранительном» духе, успеха не имела. О. Миллер ответил К. Невоструеву статьей под выразительным заглавием «Инквизиторские вождедения ученого».¹⁵ Дальнейшая разработка вопроса о идеологических движениях конца XV — начала XVI в. в научной литературе велась в значительной степени под влиянием взглядов, высказанных в статьях О. Миллера и Н. Костомарова. Влияние этих взглядов сказалось, в частности, на работе, посвященной еретическому движению конца XV в., — статье И. Панова «Ересь жидовствующих». В своей статье И. Панов пытался определить взаимоотношения между ересью, которую он, как и Н. Хлебников, считал «одним из первых и весьма важных шагов русского общества на пути интеллектуального прогресса»,¹⁶ и направлениями Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. «До появления ереси, — по мнению И. Панова, — оба направления в умственной жизни нашего общества, при всей своей диаметральной противоположности имели — каждое — свою отдельную область деятельности и не вступали в открытую борьбу между собою». Когда же в Новгороде под влиянием недовольства московской властью появилась ересь, которая «поставила на очередь вопросы, затрагивающие самые существенные вопросы религиозно-церковного и церковно-общественного быта», оба направления

¹² См. рецензию Н. К—ва (Костомарова) на указанное сочинение И. Хрущова: Вестник Европы. СПб., 1868, кн. 4, столб. 969.

¹³ Вестник Европы. СПб., 1868, кн. 4, столб. 970.

¹⁴ Отчет о 12-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1870, стр. 88 и 161—164

¹⁵ Заря, т. X. СПб., 1870, стр. 294.

¹⁶ И. П а н о в. Ересь жидовствующих. — ЖМНП, 1877, № 3, стр. 53

вступили в антагонизм и взаимную борьбу.¹⁷ «Формальное» направление Иосифа победило; направление Нила и его ученика Вассиана потерпело поражение, «но ясно сформулированные и пущенные ими в народное обращение высокохристианские идеи... уже никогда не переставали иметь в нашем обществе более или менее выдающихся представителей».¹⁸

Наиболее широкое развитие взгляды О. Миллера и Н. Костомарова получили в работе В. И. Жмакина «Митрополит Даниил и его сочинения». Значение работы Жмакина и ее влияние на научную литературу последующих лет объяснялось в первую очередь тем, что схему своих предшественников, публицистическую по своему характеру, он постарался наполнить конкретным историческим материалом. Направление Иосифа Волоцкого Жмакин характеризовал как «консервативно-формальное»; консерватизм иосифлян в религиозно-нравственных вопросах приводил их, по мнению Жмакина, и к признанию полной неограниченности царской власти.¹⁹ Консерваторам-иосифлянам противостояло «направление более высокое» — критическое, «нравственно-либеральное», проникнутое «идеями свободы», признающее «право личности как нравственного существа».²⁰ Во вступительном слове к своей работе (которая была его магистерской диссертацией)²¹ Жмакин коснулся вопроса и о третьем направлении в общественной мысли конца XV—начала XVI в. — еретическом движении. Движению этому он придавал меньшее значение, чем И. Панов, видевший в ереси своеобразный катализатор, ускоривший столкновение между направлениями Иосифа и Нила. Для В. И. Жмакина ересь только «крайность» критического направления, результат неумения «отыскать верный путь к исправлению аномальностей и несовершенств современной церковной жизни». Еретики — «люди увлечений и жизненной ломки». «Стремясь, по-видимому, как и многие другие, к возвышению внутренней нравственной стороны религии, они сразу же пошли по опасному пути. Вместо спокойного отношения к делу, они горячо, с азартом набросились на современные недостатки и как бы старались излить на них всю желчь. Они осуждали весь строй современной жизни, являлись, таким образом, отрицателями существующих порядков, но в то же время, мало давая положительного содержания, не предлагали новых, более солидных реформ для жизни».²² Трудно не заметить явной публицистичности этих замечаний, присутствия в них «политики, опрокинутой в прошлое». Связывая Иосифа Волоцкого с современной ему самодержавно-клерикальной реакцией, а Нила — с либеральным направлением, автор, говоря о еретиках XV в., не мог не думать о «людях увлечения» 1881 г., «осуждавших весь строй современной жизни» и занимавшихся вместо проектов «солидных реформ» подпольной революционной работой.

Несмотря на ряд погрешностей фактического характера,²³ ярко написанная и богатая материалом книга Жмакина имела очень большое влияние на литературоведение и историографию. Под прямым и непосредственным влиянием этой книги находилась, в частности, первая работа по истории

¹⁷ ЖМНП, 1877, № 3, стр. 56; ср. № 1, стр. 4—7 и 19—21

¹⁸ ЖМНП, 1877, № 3, стр. 58.

¹⁹ В. И. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения М., 1881, стр. 23—24, 91—92, 107.

²⁰ Там же, стр. 33—35 и 107.

²¹ Оно было издано отдельной статьей «Борьба идей в России в первой половине XVI в.» (ЖМНП, 1882, № 4).

²² ЖМНП, 1882, № 4, стр. 147—148.

²³ Рецензия П. Знаменского на указанное сочинение В. Жмакина (Церковный вестник. СПб., 1884, № 27 и сл.), написанная с таких же реакционных позиций, как и рецензия К. Невоструева на И. Хрущова, осталась в историографии почти незамеченной.

литературы, в которой вопрос о «направлении Иосифа Волоцкого и Нила Сорского» занял свое особое место, — «История русской литературы» А. Н. Пыпина. Книга А. Н. Пыпина — не первый сводный курс истории русской литературы, в котором упоминаются Иосиф Волоцкий, Нил Сорский и еретики. Специальные лекции посвящены этому сюжету в «Истории русской словесности» С. Шевырева;²⁴ включали в свои курсы произведения Иосифа и Нила также А. Д. Галахов²⁵ и И. Я. Порфирьев.²⁶ Однако только у А. Н. Пыпина направления Иосифа и Нила сопоставляются между собой и ставятся в определенную взаимосвязь со всем процессом развития русской культуры и общественной мысли. Заслуживает внимания то место, которое занимает глава об Иосифе и Ниле в «Истории А. Н. Пыпина». Второй том своего курса, посвященный «временам Московского царства», А. Н. Пыпин начинает с официальной политической литературы этого периода — «легенд о Московском царстве»; после этого он переходит к главе, посвященной идеологическим движениям того времени, — «Иосиф Волоцкий и Нил Сорский». Характеризуя религиозное мировоззрение русского средневековья, автор пишет, что в России «при недостатке знания не могло развиться критической мысли», в связи с чем «для древней Руси действительно остались чужды те великие движения в области веры и мысли, какие волновали запад еще с половины средних веков и результатом которых явилось Возрождение и затем целый новый период европейского просвещения».²⁷ Прямым выражением этого отсутствия критической мысли и слепого преклонения перед авторитетом были, по мнению А. Н. Пыпина, воззрения Иосифа Волоцкого и его последователей. В характеристике Иосифа и иосифлян А. Н. Пыпин полностью следует В. Жмакину, целыми страницами цитируя его книгу.²⁸ С Иосифом Волоцким, применявшим «к московскому князю те черты власти, которыми в писаниях окружен был византийский император», А. Н. Пыпин связывал и идеологию, отразившую политические «итоги Московского царства», в частности теорию «Москвы — третьего Рима».²⁹ Направлению Иосифа А. Н. Пыпин, вслед за В. Жмакиным, противопоставляет направление Нила Сорского и его последователей, которые «разошлись с Иосифом Волоцким в самых существенных пунктах его теории и смело против них выступали».³⁰ Однако при недостатке просвещения победа неизбежно должна была, по мнению Пыпина, остаться на стороне направления Иосифа, ибо «старая русская образованность была ограничена тесным кругом понятий» и впадала в преувеличение внешней обрядности — «противодействовать этому были бессильны такие идеалисты, как Нил Сорский; с другой стороны, пробуждавшаяся потребность критики... вела опять к преувеличенному, частью необузданному отрицанию, как было в ересь XIV—XVI века».³¹

Если в книге А. Н. Пыпина характеристика идеологических движений конца XV—начала XVI в. была связана с его концепцией истории древней русской литературы, то в появившейся в те же годы работе П. Н. Ми-

²⁴ С. Шевырев. История русской словесности, ч. IV. СПб., 1887, стр. 83 и сл.

²⁵ А. Д. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. I. М., 1894, стр. 325 сл.

²⁶ И. Порфирьев. История русской словесности, ч. I. Казань, 1891, стр. 483 и сл.

²⁷ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 72. Глава «Иосиф Волоцкий и Нил Сорский» была издана А. Н. Пыпиным отдельной статьей (Вестник Европы. СПб., 1894, кн. VI).

²⁸ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II, стр. 100—103.

²⁹ Там же, стр. 182.

³⁰ Там же, стр. 104.

³¹ Там же, стр. 110.

люкова сходная характеристика была приведена в соответствие с общей концепцией всей русской истории, предложенной автором. Отличительными чертами русской «исторической эволюции» были, по мнению П. Н. Милюкова, «во-первых, ее крайняя элементарность, во-вторых, ее совершенное своеобразие». Свообразие это Милюков видит прежде всего в том, что при иных географических условиях и совершенно иной плотности населения, чем на Западе, экономическое развитие России шло крайне медленно, и «на таком непрочном фундаменте могла сложиться только очень элементарная общественная организация». Отсюда отсутствие в России сколько-нибудь определенных сословных или классовых группировок; государство, возникшее в XV в. для нужд военной обороны страны, не было порождением какой-либо общественной группировки, а, наоборот, само создавало «общественную организацию».³² Поэтому «общественное сознание» XV в., по П. Н. Милюкову, могло выражаться только через «тогдашних представителей власти»; оно «выразилось в действиях власти как наиболее сознательного тогда выразителя коллективного общественного сознания».³³ Прямой опорой государственной власти в ее политических притязаниях были носители «идей национальной государственной церкви» — Иосиф Волоцкий и его сподвижники. «Иосиф готов был считать торжество московских государственных порядков торжеством самой церкви и содействовал ему всеми возможными способами». Теория «Москвы — третьего Рима», получившая, по мнению П. Н. Милюкова, «полное развитие» уже в конце XV в., также рассматривается им как «дело осифлян». Характерной особенностью идеологии Иосифа и его последователей П. Н. Милюков (вслед за Жмакиным и другими авторами) считает, кроме официально политического направления, также «сохранение старины и усердную преданность форме, букве, обряду».³⁴ Иосифлянам Милюков (как и предшествующие авторы) резко противопоставляет наряду с еретиками Нила Сорского и его сторонников, которые «не были такими отвязанными еретиками, как новгородские „жидовствующие“», но которых «обвиняли, более или менее основательно, в сношениях с новгородскими еретиками». Однако судьба этих заносных оппозиционных течений была предопределена. «Мы видели, как сама жизнь подготовила почву для националистических идеологий в московском государстве XV в. и как на подготовленной почве начали быстро прививаться занесенные в Москву из юго-славянских земель политические идеи. Судьба оппозиционных идеологий на Руси XV и XVI века была совершенно противоположная. Занесенные отчасти из чужеземного источника, они не нашли для себя готовой почвы и после недолгой борьбы должны были очистить поле сражения перед победоносным противником».³⁵

Приняв точку зрения Миллера—Костомарова, развитую Жмакиным, Пыпин и Милюков дали ей широкое теоретическое обоснование. Свообразие их концепции заключалось в том, что признавая существование идейной борьбы в России конца XV—начала XVI в., Пыпин и Милюков считали, однако, исход этой борьбы безнадежно предопределенным; в конечном итоге они приходили, таким образом, к старому, чаадаевскому представлению об абсолютном своеобразии идеологической истории России по сравнению с Западом с его «борьбой за истину». Концепцию Пыпина и Милюкова можно считать господствующей концепцией в научной (и

³² П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. I. Изд. 4-е. СПб., 1900, стр. 230—239.

³³ Там же, ч. III, в. 1. СПб., 1903, стр. 23.

³⁴ Там же, ч. II, в. 1. СПб., 1904, стр. 23, 26—28, 31.

³⁵ Там же, ч. III, в. 1, стр. 48—54.

научно-популярной) литературе конца XIX—начала XX в. Следовал этой концепции, например, В. Малинин, автор исследования о старце Филофее, создателе теории «Москвы—третьего Рима». Относя сочинения Филофея (в стиличе от Милюкова) к XVI в., Малинин, однако, полагал, что они вышли из той «школы мысли», к которой принадлежал Иосиф Волоцкий, применивший к русской действительности начала византийского государственного строя.³⁶ Полностью повторил традиционную оценку направлений Иосифа Волоцкого и Нила Сорского М. В. Довнар-Запольский в статье «Московские гуманисты и обскуранты XVI века». М. В. Довнар-Запольский предложил только некоторые уточнения к характеристике сторонников Иосифа как «консерваторов» и сторонников Нила как «либералов». Он полагал, что «иосифлянская партия, исходя из принципа отождествления земного и небесного владыки, стремилась поддержать и теоретически обосновать развившийся под влиянием целого ряда условий абсолютизм. Эта партия стремилась закрепить те радикальные перемены, которые определились к концу XV века... В культурном отношении взгляды иосифлян отличаются крайним консерватизмом, партийным и личным эгоизмом». Последователи Нила, напротив, были либералами в идеологии и консерваторами в политике: «в религиозных, моральных и социальных взглядах нестяжателей много широкой для того времени гуманности, зато их политические идеалы стремятся к удержанию старинных традиций».³⁷

Некоторые возражения против традиционного взгляда на общественные движения конца XV—начала XVI в. были высказаны М. Н. Сперанским в его «Истории древней русской литературы». М. Н. Сперанский ставит в упрек прежним историкам литературы то, что они «считали официальную литературу главной выразительницей идейного содержания этой эпохи и отводили ей поэтому первое место». По мнению М. Н. Сперанского, «от этого упрека не свободен и Пыпин; ему эпоха XV и до XVII вв. рисуется в очень мрачных, преимущественно отрицательных тонах. Сопоставляя эпоху гуманизма на Западе и современное состояние жизни и литературы у нас, он, естественно, находит на Руси полнейший застой, скудость мысли, особенно живой мысли; но литературные и исторические факты у него освещены односторонне потому, что он имеет в виду главным образом эту официальную литературу при сравнении».³⁸ В отличие от своих предшественников М. Н. Сперанский при изложении истории московской литературы XV—XVI вв. начинает с вопроса о ереси и с еретической литературы. Однако общая оценка литературных течений конца XV—начала XVI в. в его построении, в сущности, не может считаться новой. Ересь конца XV в. М. Н. Сперанский рассматривает как продукт внешнего, прежде всего иудейского влияния; под еретической литературой автор имеет в виду, в сущности, ту переведенную с еврейского языка литературу, которая обращалась в то время на Руси (главным образом Западной Руси); в связи с этим роль ереси в развитии собственно русской общественной мысли осталась в его курсе нераскрытой.³⁹ В иосифлянах М. Н. Сперанский, как и его предшественники, видит представителя официального «старомосковского направления», аргументирующего «исключительно цитатами из священного писания, подобранными «по принципу буквального понимания».⁴⁰ В Ниле Сорском, по мнению

³⁶ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 384 и 580—594.

³⁷ Москва в ее прошлом и настоящем, ч. I, в. II. М. [б. г.], стр. 31.

³⁸ М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1914, стр. 405.

³⁹ Там же, стр. 381—408.

⁴⁰ Там же, стр. 400.

М. Н. Сперанского, сливаются элементы западного рационализма, сближающие его с еретиками, и византийские аскетические идеалы.⁴¹

Традиционное представление об Иосифе Волоцком как об официальном идеологе Русского государства конца XV—начала XVI в. и о Ниле Сорском (так или иначе связанном с еретиками) как о его основном оппоненте сохранялось в литературоведении и историографии вплоть до революции. Следует отметить, однако, что фактический материал, привлеченный исследователями еще в конце XIX—начале XX в., давно позволял поставить под сомнение верность этой концепции. Так, уже в 1869 г. А. Никитский в своем исследовании по истории церкви в Новгороде показал, что, вопреки мнению И. Панова и других авторов, новгородские еретики вовсе не были противниками великокняжеской власти, напротив, многие из них были прямо связаны с Иваном III.⁴² В 1889 г. М. Дьяконов в работе «Власть московских государей» обратил внимание на то, что Иосиф Волоцкий вовсе не был таким безусловным сторонником неограниченной власти государя, каким его обычно считают; именно Иосифу принадлежал, по выражению М. Дьяконова, «революционный тезис», позволяющей не признавать установленную власть, если она отступает от норм религиозного благочестия.⁴³ Но наблюдение это не было развито Дьяконовым: в его глазах Иосиф Волоцкий оставался прежде всего идеологом «теократического абсолютизма» и одним из создателей «теории власти московских государей», полностью воспринятой затем Иваном Грозным.⁴⁴ К числу решительных сторонников «подчинения церкви государственной власти» относил Иосифа и В. Вальденберг, автор специального исследования, посвященного древнерусским учениям о пределах царской власти.⁴⁵ В. Вальденберг не мог, однако, отрешиться от некоторых сомнений по этому вопросу. Он отмечал, например, противоречие между традиционным взглядом на иосифлян как на «потаковников» великокняжеской власти и тем обстоятельством, что именно «иосифляне первые в русской литературе выставили учение о правомерном сопротивлении государственной власти». «Можно ли, — указывал В. Вальденберг, — и каким образом примирить установившийся взгляд на иосифлян как на практических деятелей с идеями, находящимися в их сочинениях, или же надо признать, что между их действиями и их идеями есть несогласимые противоречия, — на этот вопрос ответят историки».⁴⁶ Аналогичные сомнения вызывали у В. Вальденберга и сочинения Нила Сорского. Если сторонники Нила, как полагал В. Вальденберг, «исходили из принципа свободы», то принцип этот должен был бы привести их «к замечательным по своей новизне заключениям о пределах царской власти», но автор признавал, что «таких заключений у Нила нет, а делать их нам самим было бы рискованно».⁴⁷

⁴¹ Там же, стр. 431—432.

⁴² А. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879, стр. 167—170.

⁴³ М. Дьяконов. 1) Власть московских государей. СПб., 1889, стр. 94—95 и 129; ср.: 2) Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1908, стр. 416.

⁴⁴ М. Дьяконов. 1) Власть московских государей, стр. 103; 2) Очерки..., стр. 407.

⁴⁵ В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 197—229.

⁴⁶ Там же, стр. 229.

⁴⁷ Там же, стр. 229—231.

II

Внутренние противоречия в оценке общественных движений конца XV—начала XVI в., обнаружившиеся в дореволюционной научной литературе, не разрешены и в современной западной литературе по этому вопросу. Как и дореволюционные исследователи, западные литературоведы и историки, говоря об идеологических движениях древней Руси, исходят из представления о совершенном своеобразии исторического развития России по сравнению с Западной Европой. Представление о своеобразии общественной идеологии Руси как идеологии сугубо «восточной», связанной с «Восточным Римом» (Византией), свойственно не только публицистическим и полупублицистическим статьям, посвященным «русской проблеме» вообще,⁴⁸ но и научным исследованиям по истории и литературе древней Руси. Усвоив популярное в дореволюционной историографии представление о развитии Московской Русью «идей, посеянных греками»,⁴⁹ иностранные исследователи прежде всего стараются определить те специфические черты, которые, по их мнению, присущи Византии и Руси. Именно этому вопросу посвящена, например, монография У. К. Медлина «Москва и Восточный Рим». Характерной особенностью византийского церковно-общественного устройства Медлин считает своеобразный теократический абсолютизм, при котором «универсальной церкви» соответствует единая «универсальная империя» согласно принципу «нет церкви без императора». Этот принцип, совершенно чуждый Западу, был, по мнению автора, полностью воспринят Русью и играл решающую роль в идеологии русского самодержавного государства XV—XVII вв., разработанной главным образом иосифлянами.⁵⁰ Следует заметить, что и в этой общей форме концепция Медлина не представляется убедительной. Принцип «нет церкви без императора», который он считает присущим всей византийско-русской идеологии, до XV в. на Руси вообще не применялся: считая русскую митрополию частью константинопольской патриархии, ни киевские князья, ни русские князья времени феодальной раздробленности не признавали при этом политической «игемонии» византийского императора.⁵¹ Теория «единого православного государя» («Москва — третий Рим») появилась на Руси только после падения Константинополя и разрыва русской церкви с Византией и имела в виду уже не византийского императора, а московского «государя всея Руси». Однако для того, чтобы установить степень своеобразия этой московской политической идеологии конца XV и XVI в., необходимо сопоставить ее прежде всего с современными ей политическими учениями в других странах. Только такое

⁴⁸ Н. Кohn. The Permanent Mission. — The Review of Politics, Notre Dame, Indiana, vol. 10, July 1948, № 3; О. Halecki. Imperialism in Slavic and West European History. — The American Slavic and East European Review, vol. XI, № 1, Febr. 1952; С. Toumanoff. Moscow the Third Rome. — Catholic historic review. Washington, 1955, Jan., vol. 40, № 4. Критику статей этого типа см.: N. V. Riazanovskiy. Old Russia, the Soviet Union and Eastern Europe. — The American Slavic and East European Review, vol. XI, № 3, Okt. 1952; О. Р. Backus. Was Muscovite Russia imperialistic? — The American Slavic and East European Review, vol. XIII, № 4, Dec. 1954.

⁴⁹ Ср.: А. Mazon. Byzance et la Russie. — Revue d'histoire de la philosophie..., fasc. 19. Lille, 1937; А. Mayendorff and N. H. Baynes. The Byzantine inheritance in Russia. — Byzantium. Oxford, 1948.

⁵⁰ W. K. Medlin. Moscow and East Rome. A political study of the relations of church and state in Muscovite Russia. Genève, 1952.

⁵¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; Пл. Соколов. Русский архиепий из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913; ср.: W. K. Medlin. Moscow and East Rome..., стр. 69—71.

сопоставление (а его У. Медлин не делает) покажет, в какой мере теория «богоизбранности» и особой идеологической «чистоты» собственного государства является специфической особенностью Руси XV—XVI вв. и в какой мере она свойственна вообще всем новым национальным государствам со слагающимся абсолютистским строем.

С общей концепцией Медлина связана и его оценка идеологических движений конца XV—начала XVI в. Если официальной идеологией Русского государства был «теократический абсолютизм», то естественно считать главными носителями этой идеологии церковников-иосифлян. Представители противоположной группы — последователи Нила Сорского — тяготились, по мнению Медлина, зависимостью от Москвы;⁵² совместно с боярами — сторонниками секуляризации церковных земель — и с еретиками они выступали против «националистов-иосифлян».⁵³ Однако принимая эту традиционную точку зрения, Медлин оказывается перед теми противоречиями, которые уже были знакомы дореволюционной русской историографии. В главе, посвященной «Развитию московской государственной теории» до конца XV в., говоря о теоретиках воинствующей церкви, автор упоминал о призывах Иосифа Волоцкого к сопротивлению неблагоприятным государям, указывая, что высказывания такого рода могут быть сопоставлены не со взглядами «монархомахов», ссылавшихся на права народа, а с утверждениями тех западных публицистов, которые ставили духовную власть выше светской.⁵⁴ В следующей же главе — «Рождение Царства, Теократии и Третьего Рима» — Медлин уже рассматривает Иосифа как провозвестника официальной идеологии русского самодержавия и «имперско-религиозных» традиций.⁵⁵ Как же совершилась в идеологии Иосифа Волоцкого эволюция от теократической критики абсолютизма к теократическому абсолютизму? Имеются ли вообще между действиями и идеями иосифлян «несогласимые противоречия»? На этот вопрос, поставленный В. Вальденбергом еще в 1916 г., У. К. Медлин не отвечает и даже не ставит его в своей книге.

Взгляд на иосифлянский «теократический абсолютизм» как на специфическую идеологию «восточного Рима», свойственен не только У. К. Медлину. Еще резче этот взгляд высказывается в работах немецкого исследователя Г. Штекля,⁵⁶ в свою очередь опирающегося на специальные работы по истории русского монашества И. Кологривова⁵⁷ и И. Смолича.⁵⁸ И Кологривов, и Смолич считают борьбу между «двумя аскетическими направлениями» — Иосифа Волоцкого и Нила Сорского — основным фактом идеологической истории конца XV в.; оба они видят в победе «формального» направления Иосифа глубокую трагедию православной церкви и вообще «русской святости» (*sainteté russe*).⁵⁹ Невозможность компромисса и «среднего пути» между обоими направлениями определилась, по мнению Смолича, в результате союза между сторонни-

⁵² W. K. Medlin. *Moscow and East Rome...*, стр. 81—82. Это утверждение Медлина основано на недоразумении: известный конфликт кирилло-белозерских старцев с архиепископом Вассианом в 1478 г., который он имеет в виду, не был связан с Нилом Сорским (ср.: ТОДРА, т. XIV. М.—Л. 1958, стр. 221—222).

⁵³ W. K. Medlin. *Moscow and East Rome...*, стр. 87.

⁵⁴ Там же, стр. 74.

⁵⁵ Там же, стр. 78—98.

⁵⁶ G. Stöckl: 1) *Die Politische Religiosität des Mittelalters und die Entstehung des Moskauer Staates*. — *Saeculum*. München, Bd. 2, 1951, H. 3; 2) *Zur Geschichte des russischen Mönchtums*. — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, II, 1954.

⁵⁷ J. Kologrivov. *Essai sur la sainteté en Russie*. Bruges, 1953.

⁵⁸ J. Smolitsch. *Russischer Mönchtum*. Würzburg, 1953 (первая часть работы Смолича была издана отдельно еще в 1940 г. и в этом издании известна Штеклю).

⁵⁹ J. Kologrivov. *Essai sur la sainteté en Russie*, стр. 243.

ками Иосифа и великокняжеской властью и признания ими «богоподобной природы русских царей». ⁶⁰ Но Г. Штекль видит в победе Иосифа над Нилом не только удар по духовному достоянию и возможностям дальнейшего развития («*entwickelungsfähige Überlieferungsgut*») русской церкви, ⁶¹ но и решающее событие в духовной истории России в целом. Считая характерной чертой истории Европы (в отличие от неевропейской истории) равновесие между «политически религиозной статикой» и «динамической энергией протестующей воли к реформе», автор полагает, что равновесие это было нарушено именно победой Иосифа Волоцкого в конце XV в. В направлении Нила он усматривает «протест против религиозно-политического тоталитаризма»; «вступив в союз с реакционными силами феодальной знати, стремление к религиозной реформе разбилось об усилившийся абсолютизм московских великих князей». ⁶² С этого момента и начинается расхождение между русской и собственно европейской духовной историей. ⁶³

Итак, победа Иосифа, по мнению Г. Штекля, определила весь дальнейший ход русской истории, противопоставив Россию Европе. Насколько мало этот «всемирно-исторический» вывод вытекает из материала, свидетельствует лучше всего работа И. Денисова, появившаяся на западе в те же годы, что и статьи Кологривова, Смолича и Штекля. Статья И. Денисова «К происхождению автокефальной русской церкви» ⁶⁴ представляет собой наиболее оригинальную по материалу и выводам иностранную работу, посвященную идеологической борьбе на Руси в конце XV—начале XVI в. В отличие от дореволюционных историков (в особенности церковных историков), рассматривавших отпадение московской митрополии «всех Руси» от константинопольской патриархии после Флорентийской унии как акт, единодушно и беспрекословно одобренный всей Русью, И. Денисов справедливо отметил, что акт этот знаменовал собой кризис в жизни русской церкви и наталкивался на сопротивление в определенных кругах русского духовенства. В особенности привлекают внимание И. Денисова тенденции к сближению с западно-католическими силами, обнаруживавшиеся в кругах, близких к архиепископу Геннадию Новгородскому и Иосифу Волоцкому. ⁶⁵

Какие же выводы делает из своих построений И. Денисов? Общая оценка направления Иосифа и Нила, данная им, представляет как бы последовательную антитезу не только к концепции либеральной историографии второй половины XIX в., видевшей в иосифлянах «консерваторов», связанных с Москвой, а в нестяжателях носителей новгородского «либерализма», но и к взглядам тех иностранных исследователей, которые считают Иосифа основоположником типично «восточной» идеологии. По мнению И. Денисова, «консерваторами» и в политике и в идеологии были нестяжатели и митрополит (с 1473 по 1489 г.) Геронтий; иосифляне

⁶⁰ J. Smolitsch. Russischer Mönchtum, стр. 119—126.

⁶¹ G. Stöckl. Zur Geschichte... стр. 130.

⁶² G. Stöckl. Die politische Religiosität... стр. 412—414.

⁶³ Там же, стр. 415.

⁶⁴ E. Denisoff. Aux origines de l'église russe autocéphale. — *Revue des études slaves*. t. XXIII, f. 1—4, 1947. Английский вариант статьи Денисова («On the origines of the Autonomous Russian Church») был напечатан в журнале «The Review of Politics» (12, 1952).

⁶⁵ E. Denisoff. Aux origines... стр. 72—73, 77—78. И. Денисову остались, к сожалению, неизвестными ценные материалы по этому вопросу, появившиеся в советской научной литературе; например, работа А. Д. Седельникова «Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в.» (Доклады АН СССР, 1929, сер. 3, № 1, стр. 16—19).

были последовательными сторонниками нового; консервативные силы сосредоточивались в Москве, а цитаделью новаторов-иосифлян был Новгород. «В то время как в Новгороде и Волоколамске религиозные идеи уже ориентировались на идеал третьего Рима, в Москве царствовал еще старый дух русской церкви того времени, когда она была провинцией Константинопольской патриархии», — пишет И. Денисов.⁶⁶ Идеологическое новаторство иосифлян заключалось, по мнению И. Денисова, прежде всего в их близости к западно-католической церкви. К Западу (через Геннадия) восходила, согласно И. Денисову, и иосифлянская теория «Москвы — третьего Рима». Противники иосифлян — митрополит Геронтий и нестяжатели — были враждебны католическому влиянию и поддерживали традиционные связи с греческой церковью; что касается «ереси жидовствующих», то она представляла собой «антитезу к идеалу третьего Рима».⁶⁷

Итак, если, по мнению Г. Штекля, направление Иосифа на целые столетия установило непроходимую грань между Россией и Западом, то, по мнению И. Денисова, это направление как раз ориентировалось на Запад. И, что особенно важно отметить, при столь значительном расхождении в выводах все перечисленные иностранные исследователи в фактической оценке обоих идеологических направлений конца XV в. почти не расходятся между собой: все они, вслед за русскими исследователями, считают направление Иосифа и Нила двумя основными антагонистическими направлениями древнерусской общественной мысли, все они считают Иосифа решительным приверженцем великокняжеского абсолютизма и т. д. Вместе с этой традиционной историографической схемой иностранные исследователи унаследовали и присущие ей противоречия с фактами (высказывания волоколамского игумена о возможности неподчинения царю или князю, отсутствие таких высказываний у Нила и т. п.). Построение Денисова, помимо недостатков, присущих всей литературе вопроса, содержит и ряд других фактически неверных положений. Совершенно непонятно, например, на каком основании автор считает единомышленниками (сторонниками старины и византийской церкви) митрополита Геронтия, Паисия Ярославова и Нила Сорского. Нам не известно ни одного случая, когда бы Геронтий, с одной стороны, и Паисий и Нил, с другой, выступали совместно и с одинаковых позиций. Напротив, во время известного конфликта митрополита Геронтия с Иваном III в 1478—1484 гг. Паисий Ярославов выступал на стороне Ивана, и великий князь собирался даже назначить его митрополитом на место Геронтия. Ничего неизвестно и о сочувствии Геронтия, Паисия или Нила константинопольской иерархии; Нил Сорский действительно цитировал греческих отцов церкви, и в том числе Иоанна Лествичника, но авторитет греческой патристики никогда не отвергался представителями независимой московской митрополии всея Руси (высоко почитался он и Иосифом Волоцким).⁶⁸ Наконец, ни Геронтий, ни (вопреки традиционным представлениям) Паисий и Нил никогда не выступали против расправы с еретиками.

⁶⁶ E. Denisoff. *Aux origines...*, стр. 83—87, ср. стр. 78. Медлин также именует нестяжателей «консерваторами», а иосифлян — «националистами» (W. K. Medlin. *Moscow and East Rome...*, стр. 80—82).

⁶⁷ E. Denisoff. *Aux origines...*, стр. 77.

⁶⁸ Отметим кстати одно явное недоразумение в статье И. Денисова: характеристику политической программы последователей Нила он основывает на «Беседе валаамских чудотворцев», цитируя ее как произведение Вассиана Патрикеева (E. Denisoff. *Aux origines...*, стр. 86—87). Между тем взгляд на «Беседу» как на произведение Вассиана давно оставлен в историографии, и едва ли можно воскрешать его без новой аргументации.

Но наиболее неубедительно мнение И. Денисова о происхождении теории «Москва — третий Рим». На каком основании он выводит эту теорию с Запада и связывает ее с католическим влиянием? Ведь сущность теории «Москва — третий Рим» заключалась как раз в признании того, что «ветхий Рим» (т. е. первый, папский Рим) бесповоротно погиб, как погиб «второй Рим» (Византия); ведь гибель «второго Рима» объясняется здесь именно его уступками католицизму, Флорентийской унией. Автор посланий о «третьем Риме» старец Филофей мог сомневаться в том, нарушили ли «агаряне» (турки) благочестие «второго Рима», но в «изрушении» «первого Рима» он нисколько не сомневался. Что же в этой теории западного, католического? Ересь конца XV в. И. Денисов считает «антитезой к идеалу третьего Рима». В исторической литературе, однако, уже давно было отмечено обратное явление — прямая связь, которую имела теория «Москва — третий Рим» с теорией «Москва — новый град Константина», высказанной митрополитом Зосимой, человеком, которого Иосиф Волоцкий считал одним из наиболее опасных представителей ереси. О связи теории Зосимы с теорией Филофея писали еще М. Дьяконов⁶⁹ и В. Малинин;⁷⁰ на этом обстоятельстве останавливались и иностранные исследователи — Стремоухов⁷¹ и Медлин.⁷² Исходной точкой рассуждений Зосимы, несомненно, была идея духовного и физического падения Константинополя, но, разрабатывая идеологию «нового града Константина», Зосима (как и все московские еретики конца XV в.) отнюдь не смотрел в сторону «ветхого Рима», а искал каких-то новых, совершенно оригинальных путей.

Вопрос о месте и значении еретических движений конца XV — начала XVI в. в идеологической борьбе того времени, в сущности, не ставился в западной научной литературе. В какой-то степени вопрос этот затрагивается только в статье Дж. Феннела «Позиция иосифлян и заволжских старцев по отношению к ереси жидовствующих». Общая концепция Феннела традиционна; как и русские исследователи XIX в., он считает, что в противоположность иосифлянам нестяжатели выступали в защиту еретиков и что их сочувственная позиция в отношении «жидовствующих» объяснялась не только гуманностью, но и сходством в подходе к определенным проблемам между заволжскими старцами и еретиками. «Претензии еретиков на право свободной интерпретации священного писания и особенно их скептическая позиция в отношении непогрешимости святых писаний» представляли собой, по мнению Феннела, логическое завершение «критического отношения заволжских старцев по отношению к божественным писаниям».⁷³ Совпадение это определялось, по мнению автора, и политическими причинами. Наиболее важным моментом в статье Феннела представляется нам попытка автора систематизировать весь материал о политической близости между еретиками и будущими нестяжателями (Патрикеев). Однако попытка эта, на наш взгляд, лишний раз доказы-

⁶⁹ М. Дьяконов. Власть московских государей, стр. 66—67.

⁷⁰ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, стр. 490—491.

⁷¹ D. Streimoukhoff. Moscow the Third Rome: sources of the doctrine. — Speculum, vol. XXVIII, № 1, Jan. 1953, стр. 91. Работу Д. Стремоухова (как и другие работы на эту же тему) мы здесь не разбираем, так как она посвящена специально теории «Москва — третий Рим», а не общим вопросам идеологической борьбы в конце XV — начале XVI в.

⁷² W. K. Medlin. Moscow and East Rome. . . , стр. 78.

⁷³ J. L. Fennell. The Attitude of the Josephians and Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judizers. — The Slavonic and East European Review, vol. XXIX, № 73, June 1951, стр. 504.

вает несостоятельность всего тезиса: многие из фактов, на которые опирается Дж. Феннел (фамильные связи Курицыных и Патрикеевых, литовская ориентация еретиков), были отвергнуты еще в дореволюционной науке.

Своеобразным дополнением к направлению Нила, «внецерковной формой духовного протеста», существовавшей наряду с «внутрицерковной», считает ересь и Г. Штекль: по его мнению, именно «свободный религиозный индивидуализм», сближавший Нила с еретиками, свидетельствовал о том, что и это течение не могло спасти русское монашество от наступающего упадка.⁷⁴ Совсем отстраняет вопрос о еретиках И. Кологривов — для него они только «противники русской духовности».⁷⁵

Таким образом, вопрос о взаимоотношениях между основными направлениями общественной мысли конца XV—начала XVI в. не получил удовлетворительного разрешения ни в дореволюционной русской, ни в иностранной научной литературе. Приняв схему, разделяющую публицистов времени образования Русского централизованного государства на сторонников самодержавия — иосифлян и их противников — нестяжателей, не сделал попыток проверить достоверность этой схемы, исследователи оказались в серьезных противоречиях с фактами; совершенно выпали из этой схемы еретические движения конца XV—начала XVI в.

III

Новый этап в изучении идеологических движений конца XV—начала XVI в. связан с развитием советской историографии и литературоведения. Идеологическая борьба в период образования централизованного государства получает теперь более глубокое осмысление — она рассматривается как отражение (хотя часто и в мистифицированной, богословско-религиозной форме) классовой борьбы того времени. Тем самым история общественной мысли конца XV—начала XVI в. ставится в тесное взаимодействие с историей этого периода вообще.

Первые попытки связать историю идеологической борьбы в конце XV—начале XVI в. с социальной борьбой были сделаны еще до революции — в «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханова и «Русской истории» М. Н. Покровского и Н. М. Никольского. Начав вторую часть своей книги словами Гегеля «Противоречие ведет вперед», Г. В. Плеханов затем рассматривал «движение общественной мысли в допетровской Руси» как следствие борьбы между различными общественными группами: движение общественной мысли под влиянием борьбы духовной власти со светской, под влиянием борьбы дворянства с боярством, боярства с духовенством и т. д. Благодаря такой постановке вопроса, Г. В. Плеханов иначе, чем его научные предшественники, охарактеризовал идеологию Иосифа Волоцкого: волоколамского игумена он рассматривал

⁷⁴ G. Stöckl. Zur Geschichte. . . , стр. 128—129.

⁷⁵ J. Kologrivov. Essai sur la sainteté en Russie, стр. 176. Мы не разбираем здесь работы, специально посвященные ереси; например статьи: G. Verpudsky. The Heresy of Judizers and the Policies of Ivan III of Moscow. — Speculum, vol. VIII, № 4, Oct. 1933; B. Parain. La Logique des Judaisants. — Revue des études slaves, XIX, 1939; V. Strojev. Zur Herkunftsfrage der «Judaisierenden». — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XI, 1934; D. Čiževskij. Die «Judaisierenden» und Hussiten. — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XVII, 1940. Точно так же мы не включаем в этот обзор работ, специально посвященных Иосифу Волоцкому; например: M. Raeff. An early theoretist of Absolutism: Joseph of Volokolamsk. — The American Slavic and East European Review, v. VIII, № 2, Apr. 1949; T. Spidlik. Joseph de Volokolamsk. Une chapitre de la spiritualité russe. Roma, 1956.

прежде всего как представителя духовенства, защищавшего интересы церкви и ее земельные владения.⁷⁶ Однако другие направления общественной мысли конца XV в. — ересь, направление Нила Сорского — не получили отражения в книге Г. В. Плеханова. Историю общественной мысли под влиянием борьбы дворянства с боярством он начинает с Пересветова; борьба боярства с духовенством отражается в «Беседе валаамских чудотворцев», а борьба царя с боярством — в переписке Курбского с Иваном Грозным. Классовая борьба в прямом смысле этого слова — борьба антифеодалных сил с феодалами — в сущности не нашла отражения в работе Г. В. Плеханова. Горожане XV—XVI вв. не представлялись ему активной политической силой: «наши города не были тем, чем были западноевропейские политические общины»; отсюда и «политическая инертность городского населения», и то обстоятельство, что «русские монархи в своей борьбе с крупным землевладением опирались не столько на горожан, сколько на мелкое служилое сословие».⁷⁷ Отсутствие на Руси политически активного «третьего сословия» было, по мнению Г. В. Плеханова, следствием обстоятельств, «замедливших экономическое развитие России и приведших к закреплению государством всех общественных сил». «Ввиду этих обстоятельств, — писал Г. В. Плеханов, — можно было бы а priori сказать, что движение общественной мысли на Руси должно совершаться очень медленно сравнительно с западноевропейскими странами, находившимися в более благоприятных условиях».⁷⁸

В историографии уже была отмечена определенная зависимость этой концепции от концепции Милюкова, делавшая ее как бы реформированным вариантом милюковской схемы. Особенности развития России как страны, «колонизовавшейся при условиях натурального хозяйства», «однообразии занятий и постоянная подвижность населения» хотя и не приводили, по мнению Г. В. Плеханова, к полному отсутствию классовой борьбы в этой стране, но препятствовали «углублению тех классовых различий, которые возникают вследствие общественного разделения труда».⁷⁹ Было бы, однако, едва ли справедливо, если бы мы объясняли сходство выводов Плеханова и Милюкова сходством их теоретических посылок: Плеханов строил свою работу в значительной степени как антитезу к милюковским «Очеркам истории культуры»; мнение Милюкова о «полной исторической самобытности России» представлялось Плеханову научным анахронизмом, отголоском взглядов «людей сороковых годов» XIX в.⁸⁰ Представление Плеханова о чрезвычайной медленности «движения общественной мысли» России XV—XVI вв. диктовалось скорее конкретным материалом, имевшимся в его распоряжении, нежели теоретическими соображениями. Не будучи специалистом в области древнерусской литературы и истории, он вынужден был пользоваться данными, собранными прежними исследователями. Для характеристики Иосифа Волоцкого Г. В. Плеханов мог воспользоваться интересными наблюдениями, сделанными М. Дьяконовым; для истории других общественных движений конца XV в. подобных материалов у него не было.

С аналогичной трудностью встретились и два современных Г. В. Плеханову автора — М. Н. Покровский и Н. М. Никольский. В предисловии к своей «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровский

⁷⁶ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I. М., [1914], стр. 133—142.

⁷⁷ Там же, стр. 88 и 150.

⁷⁸ Там же, стр. 133.

⁷⁹ Там же, стр. 82.

⁸⁰ Там же, стр. 8.

(основной автор книги) и Н. М. Никольский (писавший в этой книге главы по истории церкви, переработанные после революции в отдельную «Историю русской церкви») специально оговаривались, что они не претендуют на какую-либо оригинальность «ни в области фактов, ни в деле освещения отдельных, специально научных проблем». Заимствуя, по их словам, «у других, у исследователей первоисточников, их материал», авторы, однако, этот «материал, собранный историками-идеалистами», намеревались обработать «с материалистической точки зрения».⁸¹ Нет необходимости подробно доказывать опасность такого разрыва между «собираанием материала» и установлением «точки зрения» на него: разрыв этот не мог не сказаться на самой работе. В отличие от Г. В. Плеханова М. Н. Покровский не склонен был преуменьшать степень экономического развития русских городов в XV в.; он говорил даже о тогдашней русской буржуазии и ее политической активности;⁸² в этом вопросе с ними был вполне солидарен и Н. М. Никольский.⁸³ Но на характеристику идеологической борьбы конца XV—начала XVI в. эта теоретическая предпосылка авторов никак не повлияла. Говоря об идеологической борьбе в этот период, Н. М. Никольский видит в этой борьбе две стороны: Иосифа Волоцкого как «лучшего выразителя религиозного сознания боярско-именитого класса» и его противников, представляющих собой причудливое соединение представителей московского «старого боярства» и новгородских «мелких людей».⁸⁴ В отдельном издании своей «Истории русской церкви» Н. М. Никольский характеризовал русское еретическое движение как «аристократический протестантизм», который был «ближе к французскому, чем к немецкому, ибо под его радикальной внешностью скрывалась реакционная социальная сущность».⁸⁵ Поддержка еретиков заволжскими старцами (сторонниками Нила Сорского) дала возможность иосифлянам сблизиться с великокняжеской властью, «ибо связь заволжских старцев с крамольниками была налицо, и те же крамольники, благодаря остроумной догадке Иосифа, оказывались и еретиками».⁸⁶ Социальная сущность конфликта между «выразителем религиозного сознания боярско-именитого класса» Иосифом и боярскими «крамольниками» остается в изложении Н. М. Никольского совершенно непонятной.

Обе рассмотренные работы, как мы уже отметили, относятся к дореволюционной историографии, но некоторые недостатки, присущие им, к сожалению, сохранили свою силу и в советской историографии и литературоведении.

Основным достоинством советской научной литературы по истории идеологической борьбы в древней Руси следует считать четкую постановку вопроса о расстановке классовых сил в этой борьбе. К концу XV—началу XVI в. советская историческая наука относит важнейшее событие в истории русского феодализма — уничтожение феодальной раздробленности в нашей стране и образование централизованного государства. Русское централизованное государство было феодальным государством и опиралось на основную массу класса феодалов; внутри класса феодалов противодействие централизованной власти оказывала только относительно небольшая

⁸¹ М. Н. Покровский (при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева). Русская история с древнейших времен (далее: Русская история), т. 1, кн. I. Изд. «Мир», [6. г.], стр. 5—6.

⁸² Там же, т. 1, кн. II, стр. 214—216.

⁸³ Ср.: Н. М. Никольский. История русской церкви. М., 1931, стр. 94.

⁸⁴ Русская история, т. II, стр. 30, 50.

⁸⁵ Н. М. Никольский. История русской церкви, стр. 104.

⁸⁶ Русская история, т. II, стр. 54.

группа крупных феодалов, носителей удельно княжеских традиций. Необходимой предпосылкой централизации было развитие торговых связей между русскими землями, связанное с развитием городского торгового сословия. Городское население на Руси (как и на Западе) было заинтересовано в установлении государственного единства и содействовало ему; это не исключало, однако, существования глубоких антагонистических противоречий между горожанами и феодальным государством.

С общей характеристикой социальных отношений в период образования Русского централизованного государства связана оценка идеологических движений этого периода в советской научной литературе. Видя в городских ересьях средневековья характерную форму выражения «революционной оппозиции против феодализма», советские авторы обычно уделяют значительное внимание русским еретическим движениям конца XV—начала XVI в. Ереси отводятся видное место не только в исследованиях по истории древней Руси и по древней русской литературе, но и в общих литературоведческих и исторических курсах,⁸⁷ в сводных трудах по истории философской, общественно-политической и даже экономической мысли,⁸⁸ в исследованиях по истории науки⁸⁹ и т. д. «Мы застаем страну нашу при ее вступлении в XVI век охваченной широким общественным движением, окрашенным по условиям того времени в религиозные, богословские тона», — указывает в своей «Русской публицистике XVI века» И. У. Будовниц.⁹⁰ Полемизируя с дореволюционными авторами, в частности с А. Н. Пыпиным, считавшим чуждыми для древней Руси западные «движения в области веры и мысли», И. У. Будовниц пишет: «Источники говорят о том, что еретические „движения в области веры и мысли“ были широко распространены и что в ереси оказались втянуты широкие круги городского населения».⁹¹ Очень интересно был поставлен вопрос о еретических движениях конца XV—начала XVI в. в ходе дискуссии по периодизации истории СССР. Утверждая, что к 80-м годам XV в. относится важный рубеж русской истории — завершение периода феодальной раздробленности и начало периода Русского централизованного государства, авторы видят одно из доказательств в пользу установления именно такого рубежа в том, что в этот период возникает «реформационно-гуманистическое движение конца XV—начала XVI века».⁹² Не менее важное место занимает ересь и в работах литературоведов; посвящая ей отдельные разделы в своих курсах, историки литературы отмечают роль еретического движения как своеобразного «Возрождения», «Ренессанса» на русской

⁸⁷ История СССР, т. I. Под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева. М.—Л., 1939, стр. 343; изд. 2-е, т. I, М.—Л., 1947, стр. 286—287; История СССР, т. I. Под ред. Л. В. Черепнина и др. М., 1956, стр. 211; История Москвы, т. I. М., 1952, стр. 123—124; Очерки истории СССР. Период феодализма (IX—XV вв.). М., 1953, стр. 313—314; Очерки истории СССР. Период феодализма конца XV—начала XVII в. М., 1955, стр. 172—173; История русской литературы. Учебник для вузов. Под ред. В. А. Десницкого, Б. С. Мейлаха, Л. А. Плоткина. Т. I, ч. 1. Учпедгиз, М., 1941, стр. 164—166; История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945 (далее: АИРЛ), стр. 377 и сл.; А. С. Орлов. Древняя русская литература. М.—Л., 1945, стр. 237—250; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1956, стр. 276—278.

⁸⁸ Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. I. М., 1955, стр. 40; История философии, т. I. М., 1957, стр. 274; История русской экономической мысли. Под ред. чл.-корр. АН СССР А. И. Пашкова. М., 1955, стр. 111—115.

⁸⁹ Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 132.

⁹⁰ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 63.

⁹¹ Там же, стр. 300.

⁹² ВИ, 1950, № 2, стр. 91 (П. Мирошниченко), № 3, стр. 73 (А. А. Зимин); 1951, № 2, стр. 65, прим. 55 и стр. 79 (В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнин).

почве. «„Ересь жидовствующих“ можно считать неким „Возрождением“, некоей „Реформацией“, насажденной в России, которая жаждала выхода новым общественным силам», — указывал А. С. Орлов.⁹³ «Есть основание думать, что в этой ереси мы имеем отзвук идей, зародившихся в эпоху Ренессанса», — замечал Н. К. Гудзий.⁹⁴ «Это была не столько „богословская ересь“, сколько умственное светское антиклерикальное течение, связанное своим происхождением и направленностью с ранним европейским гуманизмом», — писал в коллективной «Истории русской литературы» Д. С. Лихачев.⁹⁵

Столь значительная переоценка роли ереси в истории Русского государства и русской культуры, естественно, должна была бы привести к изменению взгляда и на другие идеологические течения конца XV—начала XVI в. Если ересь действительно имела столь широкое значение, как полагают советские литературоведы и историки, то неизбежно встает вопрос, как отразилось еретическое движение на идеологической борьбе этого времени в целом.

Вопрос о влиянии еретических движений на идеологию «воинствующих церковников» — иосифлян — был поставлен в советской научной литературе двумя авторами — Б. А. Рыбаковым и А. А. Зиминим. Б. А. Рыбаков видел в иосифлянстве своеобразную «реформу монастырей», «объединение и перевооружение церковного воинства, изменение его тактики и приемов». Главной предпосылкой этой реформы автор считал «обострение классовых противоречий» в конце XV—начале XVI в. и, в частности, «борьбу городов с феодальной знатью», нашедшую свое отражение в ереси.⁹⁶ А. А. Зимин также начинает историю иосифлянства с характеристики «реформационно-гуманистического движения», всколыхнувшего «самые различные классы русского общества». «В такой обстановке, — пишет он, — возникает и развивается политическая и публицистическая деятельность новгородского архиепископа Геннадия и его ученика Иосифа Санина, направленная на охрану господствующей церкви против народно-реформационного движения».⁹⁷

Однако, интересно поставив вопрос о влиянии еретического движения на учение Иосифа Волоцкого и о характере иосифлянства вообще, Б. А. Рыбаков и А. А. Зимин не дали более широкой характеристики общественных движений конца XV—начала XVI в.

Такая характеристика выходила бы за рамки их небольших статей, посвященных Иосифу Волоцкому и иосифлянам; вопрос о ереси и особенно о направлении Нила Сорского имел только косвенное отношение к темам обеих статей.

Еще менее склонны были к пересмотру общей характеристики идеологических движений конца XV—начала XVI в. другие авторы, писавшие о литературе или истории этого периода.

В большинстве трудов, трактующих вопросы истории общественной мысли в период образования Русского централизованного государства, характеристика идеологической борьбы между сторонниками Иосифа и Нила остается как бы изолированной от вопроса о ереси; связь между этими идеологическими конфликтами не устанавливается. Вопросы эти зачастую

⁹³ А. С. Орлов. Древняя русская литература, стр. 250.

⁹⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, стр. 276—277.

⁹⁵ АИРЛ, стр. 378.

⁹⁶ Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI века. — Антирелигиозник, № 3. М., 1934, стр. 24.

⁹⁷ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРА, IX. М.—Л., 1953, стр. 164—165.

трактуются даже в разных разделах: так, в «Истории СССР» о ереси говорится в разделе о классовой борьбе, об Иосифе и Ниле — в разделе «Церковь»; в вузовском учебнике и академическом курсе «Истории русской литературы» Иосиф Волоцкий и Нил Сорский попали в главу «Московская литература (публицистика)», еретики — в главу «Литература Новгорода».⁹⁸ Такое же разделение мы наблюдаем и в монографии И. У. Будовница: о еретиках автор повествует в главе «Стригольники и жидовствующие», об Иосифе и Ниле — в главе «Стяжатели и нестяжатели», и никакой органической связи между этими главами не обнаруживается.⁹⁹ Сугубо механически соединены оба вопроса и в заключительной части монографии. Возражая П. Н. Милюкову, считавшему идеи Нила Сорского «преждевременными» для России XVI в., И. У. Будовниц напоминает о «живучести» этих идей в XVI в., а в следующем абзаце пишет: «Исключительную живучесть обнаружили и русские ереси, которых официальная церковь, обладавшая столь могучими средствами борьбы, так и не смогла раздвинуть».¹⁰⁰

В решении фактических вопросов, связанных с историей идеологических движений конца XV—начала XVI в., советские исследователи в основном следуют дореволюционным авторам. Большинство исследователей (за исключением только Б. А. Рыбакова и А. А. Зимина) считает Иосифа Волоцкого на всем протяжении его деятельности борцом «с областным сепаратизмом за полную победу самодержавия»;¹⁰¹ «политическая линия Иосифа Волоцкого», по мнению И. У. Будовница, «несомненно, имела прогрессивное значение и куда более соответствовала новому положению объединенного государства, чем консервативный гуманизм, если можно так выразиться, заволжских старцев».¹⁰² Нил Сорский рассматривается как представитель оппозиционного направления, которого «роднит с еретиками» требование «критического подхода к писанию»; характерной чертой его идеологии считается терпимость по отношению к еретикам.¹⁰³ К традиционному представлению о близости Нила и его ученика Вассиана к еретикам (во всяком случае к некоторым из них) примыкает и А. А. Зимин.¹⁰⁴ Историки философии усматривают в мировоззрении Нила «рационалистическую тенденцию» в соединении с мистикой.¹⁰⁵

Мы уже знаем, что оценка идеологических движений Московской Руси была у дореволюционных исследователей тесно связана с их общими концепциями. Для либеральных авторов второй половины XIX в. иосифляне были «консерваторами», а нестяжатели — «либералами»; сочувствуя обычно последним, историки и публицисты тем не менее считали их деятельность в древней Руси фатально обреченной на неудачу. В работах конца XIX—начала XX в. публицистический подтекст ощущается не так заметно, но общая характеристика иосифлян как представителей официального направления сохраняет свою силу, а мысль о бесплодности всяких оп-

⁹⁸ История СССР, т. I, М., 1956, гл. VIII, §§ 1 и 3; История русской литературы. Учебник для вузов, гл. V, §§ 2 и 3; АИРЛ, гл. II, разд. 1; гл. VI, разд. 2.

⁹⁹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, гл. 2 и 3.

¹⁰⁰ Там же, стр. 298—299.

¹⁰¹ АИРЛ, стр. 310.

¹⁰² И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, стр. 100.

¹⁰³ А. С. Орлов. Древняя русская литература, стр. 244; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века, стр. 78; Очерки истории СССР. Период феодализма конца XV—начала XVII в., стр. 175; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, стр. 278 и др.

¹⁰⁴ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 169.

¹⁰⁵ История философии, т. I, М., 1957, стр. 271. Ср.: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли..., т. I, стр. 41.

позиционных течений (нестяжательства и ереси) повторяется с еще большей настойчивостью. Мысль эта получает даже философское обоснование в теории абсолютного своеобразия русского исторического процесса, выражающегося в отсутствии в древней Руси общественной борьбы. Из представления о полном своеобразии русской политической и идеологической истории исходят и иностранные авторы.

Нет необходимости доказывать неприемлемость этих теоретических предпосылок для советской науки. Советская наука поставила вопрос об идеологических движениях в период образования Русского централизованного государства в связь с социальными отношениями того времени; для советских историков и литературоведов и еретики, и иосифляне, и нестяжатели являются представителями определенных социальных групп; официальная идеология Русского централизованного государства также рассматривается как порождение общественной и идеологической борьбы того времени. Но этого мало. Если основой идеологической борьбы является борьба классовая, если в период образования централизованного государства на Руси действительно существовало широкое еретическое движение, являвшееся «революционной оппозицией феодализму», то современный исследователь никак не может следовать за концепцией, согласно которой главным идеологическим конфликтом конца XV—начала XVI в. была борьба между сторонниками Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, а еретики были лишь более или менее радикальными союзниками Нила. Очевидно, главный водораздел в идеологической борьбе того времени должен был проходить по линии классового антагонизма; между тем ни Иосиф Волоцкий, ни Нил Сорский не могут рассматриваться как представители антифеодалных элементов.

В советской науке не было попыток фактического пересмотра всей истории идеологической борьбы в период образования Русского централизованного государства. Объясняется это в первую очередь тем, что работы, в которых ставятся общие вопросы истории общественной мысли конца XV—начала XVI в., как и работы Г. В. Плеханова, М. Н. Покровского и Н. М. Никольского, не были исследовательскими работами. Это обобщающие труды, использующие материал, собранный предшествующими исследователями. Отсюда их неизбежная зависимость от взглядов прежних исследователей.

Само собой разумеется, что неприемлемость теоретических позиций авторов, писавших об общественных движениях конца XV—начала XVI в. не дает еще оснований отвергнуть использованный ими фактический материал: в науке нередки случаи, когда, правильно установив факты, исследователь дает им неверное объяснение. Но не менее часто встречается в науке и другое явление, когда исследователь, идя от той или иной предвзятой концепции, ищет и подбирает факты (нередко бессознательно) в определенном направлении. Не останавливаясь здесь на специальных работах по отдельным вопросам истории общественной мысли Московской Руси, заметим, что в этих работах предвзятая идея об антагонизме «иосифлян» и «нестяжателей» как основным стержне идеологической борьбы того времени играла важнейшую роль. Изучая жития древнерусских святых, исследователи искали в них нестяжательского «критицизма» или иосифлянского «консерватизма»; всякое упоминание о «свободе» или нападки на корыстолюбие воспринимались как неперемный признак нестяжательства и т. д. А между тем фактическая сомнительность традиционной характеристики еретиков, Иосифа и Нила ощущалась, как мы видели, уже некоторыми дореволюционными авторами. Вот почему критическая проверка фактов, установленных прежними исследователями русской об-

щественной мысли конца XV—начала XVI в., становится важнейшей задачей современного исследователя.

Важность этой задачи усугубляется тем обстоятельством, что работы по истории общественной мысли в период образования Русского централизованного государства весьма редко носили источниковедческий и текстологический характер. Исследований отдельных памятников идеологической борьбы конца XV—начала XVI в. почти нет; многие из этих памятников не изданы или изданы неудовлетворительно. Работа над рукописным материалом позволяет обнаруживать не только новые тексты и редакции этих памятников, но часто и совершенно новые, неизвестные до сих пор произведения древнерусской публицистики.

Филологическое исследование памятников публицистики конца XV—начала XVI в. в связи с конкретной политической историей этого периода несомненно должно помочь решению вопроса об идеологической борьбе в период образования Русского централизованного государства — вопроса, имеющего важное значение для истории древнерусской литературы и истории общественной мысли древней Руси.

Н. А. КАЗАКОВА

Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель
(Текстологические данные)

В литературе давно отмечено, что Вассиан Патрикеев не только обличал стяжательскую деятельность монастырей, но пытался склонить великого князя к секуляризации монастырских земель. Однако, выдвигая требование секуляризации земель, принадлежащих духовным феодалам, Вассиан ограничивал его только монастырским землевладением, а за мирскими церквами признавал право на владение землей. Этот вывод сделан исследователями на основе анализа содержания последнего полемического сочинения Вассиана.¹ Написанное в форме диалога с Иосифом Волоцким, последнее полемическое сочинение Вассиана чрезвычайно важно для понимания его общественно-политических взглядов, ибо в нем Вассиан, подводя итог своей длительной полемике с игуменом волоцким, четко формулирует основные пункты своего мировоззрения. Изложению взглядов Вассиана на церковное и монастырское землевладение посвящены 11-й и 12-й пункты диалога с Иосифом, содержание которых позволило исследователям сформулировать изложенную выше точку зрения о масштабах секуляризации, предлагавшейся Вассианом Патрикеевым. Однако недавно обнаруженный новый список последнего полемического сочинения Вассиана заставляет внести в это традиционное представление существенные коррективы.

Известные ранее списки последнего полемического произведения Вассиана сохранились в составе цикла его сочинений, который находится в сборниках Соловецкого собрания — № 941/831 60-х годов XVI в., № 963/853 конца XVI в. и № 985/875 второй половины XVII в.² Все три Соловецких списка сочинений Вассиана идентичны (не имеют сколько-нибудь значительных расхождений) и восходят к общему протографу, который следует датировать временем ранее 60-х годов XVI в.³ Новый список последнего полемического сочинения Вассиана является относительно поздним: он находится в сборнике № 738 Синодального собрания, датированном началом XVII в. Но имеющиеся в нем разночтения дают ценный материал для изучения мировоззрения Вассиана. Особенно это относится к тексту 11-го и 12-го пунктов интересующего нас произведения, в которых, как мы уже указывали, излагаются взгляды Вассиана на монастыр-

¹ Это произведение издано А. Павловым под названием «Тогоже инока пустытника Васьяна на Иосифа, игумена волоцкаго, собрание от святых правил и от многих книг собрано, и на его ученики, и различные межь себя ответы от книг» (см.: А. Павлов. Полемические сочинения инока-князя Вассиана Патрикеева (XVI ст.). — Православный собеседник. Казань, 1863, № 3, стр. 200—210).

² По этим спискам сочинения Вассиана Патрикеева изданы А. Павловым (см. прим. 1).

³ Н. А. Казакова. Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 446—447.

ское и церковное землевладение. Чтобы показать это, сопоставим соответствующие отрывки Соловецких и Синодального списков последнего полемиического сочинения Вассиана.⁴

Соловецкие списки

11. Иосиф: о еже како в второе лето князь великий Иван Васильевич всяя Руси велел быти на Москве святителем и Нилу и Иосифу, попов ради, иже дрѣжаху наложницы; паче же рещи: възхоте отъимати села у святыхъ церквей и у монастырей.

Вассиан: . . . А о селех: не подобает монастырем сел дрѣжати. О сем писано в 3-м слове сих тетратей. А у соборныхъ церквей и у мирскихъ повелеваютъ святая правила земли дрѣжати, но не епископу ими владети, ни попом, но все церковное богатство ведати иконому и давати от него, с епископя доклада, и с всего его священнаго собору попов его, причетником церковнымъ всем комуждо что на потребу, также и нищим и убогим, и плененныхъ окупати и всяким в убожестве живущимъ помогати. Сего ради христолюбци принашаютъ к церквамъ сборнымъ мирскимъ своимъ именья и богатства. Аще ли церковь будетъ обидима от кого чим, мстителемъ поставленнымъ отмщается. А инокомъ не подобаетъ богатствовати и земли дрѣжати, понеже отрелкися сего всего: чуже имъ есть.

12. Иосиф: о еже како иногда прииде на Москву Васианъ пустынникъ, яко да великаго князя научитъ и вся благородныя челоуеки, иже у монастырей и у мирскихъ церквей села отъимати.

Вассиан: сие, Иосифе, на мя не лжши, что азъ велю великому князю у монастырей села отъимати, а не у мирскихъ церквей. И азъ пишу и глаголю истину. О семъ писано в первомънадесяте слове сих тетратей.⁵

На первый взгляд приведенные нами отрывки Синодального и Соловецких списков имеют малосущественные различия. В 11-м пункте диалога с Иосифом, во фразе, которая в Соловецких списках читается: «А у соборныхъ церквей и у мирскихъ повелеваютъ святая правила земли дрѣжати», в Синодальном списке отсутствуют союз «а», начинающий фразу, и союз «и», находящийся в середине ее. В 12-м пункте диалога в ответе Вассиана, во фразе, читающейся в Соловецких списках: «. . . азъ велю великому князю у монастырей села отъимати, а не у мирскихъ церквей». в Синодальном списке союз «а» и отрицание «не» заменены союзом «и».

Но эти, казалось бы, очень небольшие различия на самом деле существенно меняют содержание рассматриваемых отрывков. Чтобы это было

Синодальный список

11. Иосиф: о еже како второе лето князь великий Иван Васильевичъ всяя Руси повеле быти на Москве святителемъ и Нилу и Иосифу, попов ради, иже дрѣжаху наложницы; паче же рещи: възхоте отъимати села у святыхъ церквей и у монастырей.

Вассиан: . . . А о селех: не подобаетъ монастыремъ сел дрѣжати. О семъ писано в 3-мъ слове сих тетратей. У соборныхъ церквей у мирскихъ повелеваютъ святая правила земли дрѣжати, но не епископу ими владети, ни попом, но все церковное богатство ведати иконому и давати от него, со епископя доклада и с своего его священнаго собору попов его, причетникомъ церковнымъ всем комуждо что на потребу, также и нищимъ и убогим, и плененныхъ окупати и всяким в убожестве живущимъ помогати. Сего ради христолюбци принашаютъ ко церквамъ соборнымъ мирскимъ своимъ именья и богатства. Аще ли будетъ церковь обидима от кого чим, мстителемъ поставленнымъ отмщается. А инокомъ не подобаетъ богатствовати и земли дрѣжати, понеже отрелкися сего всего: чуже имъ есть.

12. Иосиф: о еже како иногда прииде на Москву Васианъ пустынникъ, яко да великаго князя научитъ и вся благородныя челоуеки, иже у монастырей и у мирскихъ церквей села отъимати.

Вассиан: сие, Иосифе, на мя не лжши, что азъ великому князю у монастырей села велю отъимати и у мирскихъ церквей. И азъ пишу и глаголю истину. О семъ писано в первомънадесяте слове сих тетратей.⁶

⁴ Полный текстологический анализ последнего полемиического сочинения Вассиана, включающий рассмотрение всех различий, имеющих место в сохранившихся списках его, дается нами в подготовляемой к печати книге «Сочинения Вассиана Патрикеева».

⁵ А. Павлов. Полемические сочинения инока-князя Вассиана Патрикеева (XVI ст.), стр. 206—208.

⁶ ГИМ, Синодальное собр., № 738, лл. 100—101.

наглядно, сформулируем кратко основные положения, в них заключающиеся.

Соловецкие списки

1. Монастырям не подобает иметь села.
2. У соборных церквей и у мирских разрешается иметь земли для удовлетворения потребностей причта, а также для нужд нищих, убогих и выкупа пленных.
3. Вассиан побуждал великого князя отнимать села у монастырей, а не у мирских церквей.

Синодальный список

1. Монастырям не подобает иметь села.
2. У соборных церквей мирских разрешается иметь земли для удовлетворения потребностей причта, а также для нужд нищих, убогих и выкупа пленных.
3. Вассиан побуждал великого князя отнимать села у монастырей и у мирских церквей.

Согласно тексту Соловецких списков получается, что Вассиан выдвигал требование секуляризации только монастырских земель, а наличие земель у мирских церквей (обслуживаемых белым духовенством) считал соответствующим «святым правилам» (правилам Кормчей книги). Из текста же Синодального списка следует, что Вассиан добивался секуляризации всего церковного землевладения — и монастырей и мирских церквей, делая исключение лишь для соборных мирских церквей, при которых разрешалось иметь земли для нужд причта и благотворительных целей. Таким образом, от того, какой текст — Синодального или Соловецких списков — следует признать более близким к авторскому тексту произведения, зависит решение вопроса о масштабах секуляризации церковного землевладения, предлагавшейся Вассианом Патрикеевым.

Для определения степени близости Соловецких и Синодального списков к авторскому тексту произведения посмотрим, как сформулированы в них отмеченные выше основные положения 11-го и 12-го пунктов диалога с Иосифом и насколько эти формулировки соответствуют всему тексту рассматриваемых отрывков.

Формулировка первого положения — о том, что монастыри не должны владеть селами, — одинакова во всех списках, поэтому касаться ее мы не будем.

В формулировке второго положения в Соловецких и Синодальном списках имеются разночтения, меняющие, как мы видели, его смысл. В Соловецких списках указывается, что святые правила повелевают иметь земли «у соборных церквей и у мирских» для нужд причта и благотворительных целей, и далее разъясняется, что «сега ради христолюбци принашают к церквам съборным мирским свои имения и богатства».⁷ Эта формулировка вызывает ряд недоуменных вопросов: 1) если для благотворительных целей разрешалось иметь земли «у соборных церквей и у мирских», то непонятно, почему «христолюбцы», руководствовавшиеся стремлением употребить свои «имения и богатства» на нужды благотворительности, жертвовали их только «соборным мирским церквам», а не «соборным» и «мирским»; 2) неясно, какие церкви следует понимать под «соборными церквами»: из материалов словаря И. И. Срезневского явствует, что под «соборными церквами» в древней Руси понимались главные кафедральные храмы городов;⁸ в качестве таковых они входили в состав мирских церквей, представляя собой лишь их разновидность; в Соловецких же списках соборные церкви рассматриваются как особая, отдельная от мирских категория церквей, что не соответствовало действительности. Все эти недоумен-

⁷ См. выше, стр. 154, левый столбец.

⁸ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. [СПб., 6. г.], стр. 650—651.

ные вопросы исчезнут, если мы обратимся к тексту Синодального списка. В Синодальном списке совершенно точно указывается, у каких именно церквей разрешается иметь земли для благотворительных целей — «у соборных мирских церквей» и далее в полном соответствии с этим указанием поясняется, что «сего ради христороуби приношают ко церквам соборным мирским своя имениа и богатства».⁹ Таким образом, текст Синодального списка ясный, логичный и не вызывает никаких недоумений.

Аналогичный результат дает сопоставление формулировок третьего положения рассматриваемых отрывков. Согласно тексту Соловецких списков, на утверждении Иосифа о том, что Вассиан учил великого князя отнимать села у монастырей и у мирских церквей, Вассиан отвечает: «сие, Иосифе, на мя не лжеши, что аз велю великому князю у монастырей села отымати, а не у мирских церквей».¹⁰ Между утверждением Иосифа и ответом Вассиана имеется противоречие: ответ Вассиана сформулирован так, как будто Иосиф говорил, что Вассиан учил отнимать земли только у монастырей, а не у мирских церквей. На самом же деле Иосиф, как это видно из текста, обвинял Вассиана в том, что он учил отнимать земли и у монастырей, и у мирских церквей. В тексте Синодального списка этого противоречия нет. В полном соответствии с утверждением Иосифа Вассиан отвечает: «сие, Иссифе, на мя не лжеши, что аз великому князю у монастырей села велю отымати и у мирских церквей».¹¹

Анализ текстов интересующих нас отрывков Соловецких и Синодального списков последнего полемического сочинения Вассиана позволяет, как нам кажется, сделать вывод о том, что текст Синодального списка ближе к авторскому тексту произведения¹² и что, следовательно, Вассиан в какой-то период своей деятельности ставил вопрос о секуляризации земель не только монастырей, но и мирских церквей. Исключение он делал лишь для соборных мирских церквей, при которых разрешалось иметь земли для нужд причта и благотворительных целей.

Этот вывод, сделанный на основе анализа нового списка последнего полемического сочинения Вассиана, подтверждается теми высказываниями о церковном землевладении, которые имеются в его остальных сочинениях. Приведем соответствующие места из них: 1) «Тако же и Росейския земли здешние наши начальници и чудотворци... сел к своим монастырем не имали, но своих учеников учили по Еуангалию жити и по иноческому обещанию. Понеже села держати епискупом у соборных церкви нищих ради или убогих и иное церковное богатство, а не иноком, ни монастырем по своему обещанию»;¹³ 2) «По сей грани 11, аще именуются села монастырския в правилех, но не иноком повелевает ими владети, но данныя им села от съборных церкви епискупом их, хранятя от съборных церкви икономом и окормляются от него всякими потребами повелением от епископа их, или милостынею христороубцев, аще не довлеются своим рукоделием».¹⁴ В обоих высказываниях, находящихся в Кормчей, составленной Вассианом

⁹ См. выше, стр. 154, правый столбец.

¹⁰ См. выше, стр. 154, левый столбец.

¹¹ См. выше, стр. 154, правый столбец.

¹² Следует отметить, что Соловецкие списки передают тексты других сочинений Вассиана с большими искажениями. Так, например, текст большого полемического произведения Вассиана «Слова ответна» в Соловецких списках разорван на две части, которые в одном из списков осмыслены как самостоятельные произведения (см.: Н. А. Казакова. Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева, стр. 446—466).

¹³ Канонический трактат В. Патрикеева; см.: Н. А. Казакова. Незаданное произведение Вассиана Патрикеева. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 416.

¹⁴ Пояснение Вассиана к 11-й грани Кормчей: ЦГАДА, ф. 181, № 1597, лл. 27 об.—28.

в 1517 г., право на владение землями признается только за соборными церквами (под контролем епископов), причем в первом случае указывается, что доходы с этих земель должны идти на нужды нищих и убогих, во втором — разрешается употреблять их частично для помощи монастырям. В более раннем произведении — «Слове ответном» — Вассиан следующим образом трактует рассматриваемый вопрос: «Аз же не токмо манастирем предстоявших обретаю последнее нестяжание, по заповеди возлюбивших, но и самех во архиерейство восиавших; имь же от святых правил попускается некако стяжание движимая и недвижимая дръжати, и сия бо угодне устраати, и изнуряти икоиномы, сииречь строителями, в потребах нищих и скудных, и вдовах, и сир, и приходящих странник, якоже повелевают грозными прещенми святая правила седмых събор». ¹⁵ В «Слове ответном», которое, повторяем, являлось более ранним произведением, Вассиан прямо не говорит о церковном землевладении: он указывает лишь, что епископам-архиереям разрешалось «держатъ» некоторую движимую и недвижимую собственность для нужд нищих и убогих. Позже, когда отношение Вассиана к имущественным правам церкви окончательно оформилось, он, как мы видели, четко и определенно ставил вопрос о том, что только у соборных церквей епископы могли держатъ земли для нужд благотворительности. О праве же других категорий церквей владеть землями Вассиан нигде ничего не говорит. В последнем же полемическом сочинении, как это видно из нового списка его, он это право прямо отрицает, но за соборными церквами признает его по-прежнему.

Таким образом, Вассиан Патрикеев был наиболее радикальным идеологом нестяжательства не только по силе обличения монастырского стяжания, но и по масштабам выдвигавшейся им программы секуляризации: Вассиан добивался секуляризации всего церковного землевладения (за исключением земель соборных церквей), остальные же деятели нестяжательства ограничивались лишь отрицанием вотчинных прав монастырей.

В протограф Соловецких списков последнего полемического сочинения Вассиана были внесены изменения, назначение которых заключалось в уменьшении размеров секуляризации, предлагавшейся Вассианом Патрикеевым. Эти изменения были произведены недостаточно умелой рукой, следствием чего явилось наличие в Соловецких списках отмеченных выше нелогичностей и смысловых искажений. По вопросу о том, когда и как были произведены эти изменения, мы можем высказывать только предположения.

Несомненно, что составитель протографа Соловецких списков принадлежал к нестяжательским кругам, ибо основной тезис нестяжателей о том, что монастыри не должны владеть селами, он сохранил неприкосновенным. Но в то же время он не был настроен так радикально, как Вассиан, и не разделял мнения последнего о необходимости секуляризации всего церковного землевладения. Вероятнее всего протограф Соловецких списков был составлен в середине XVI в., когда в связи со Стоглавым собором в русском обществе обострился интерес к судьбам монастырского землевладения. Решение Ивана IV поставить на Стоглавом соборе вопрос о законности вотчинных прав монастырей нестяжатели использовали для того, чтобы добиться осуществления своей давней программы — секуляризации монастырских земель. Виднейший деятель нестяжателей этого периода, трицкий игумен Артемий, в беседах с царем советовал ему отнять земли у монастырей. ¹⁶ Неудивительно, что именно в этот период нестяжатели

¹⁵ Н. А. Казакова. Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева, стр. 463

¹⁶ Сам Артемий в одном из своих посланий, написанном уже после собора 1551 г., отрицал, что он советовал царю отнимать села у монастырей. «А все ныне съгласно

обращаются к сочинениям Вассиана Патрикеева, представлявшим собой острое идейное оружие в борьбе против вотчинных прав церкви. Накануне Стоглавого собора в нестяжательских кругах создается третья редакция канонического трактата Вассиана, написанного им для Кормчей книги с целью канонического обоснования нестяжательности монастырей.¹⁷ Вероятно, как мы указывали, в эти же годы была произведена и переработка последнего полемического сочинения Вассиана, представленная Соловецкими списками.

Но нестяжатели середины XVI в. были умереннее своего предшественника, к публицистическому наследию которого они все время обращались. Если в каноническом трактате Вассиана весь материал подчинялся задаче отрицания вотчинных прав монастырей, то в третью редакцию канонического трактата, составленную в середине XVI в., были включены правила, регулирующие монастырскую жизнь вообще,¹⁸ результатом чего явилось смягчение заостренности произведения. Стремление «смягчить» Вассиана, сделать его более умеренным, для того чтобы иметь возможность использовать его наследие для пропаганды своих взглядов, особенно должно было проявиться при переработке последнего полемического сочинения Вассиана, содержащего радикальное требование секуляризации всего церковного землевладения. Отсюда те разночтения, которые имеются в Соловецких списках.

Так рисуется история текста последнего полемического сочинения Вассиана Патрикеева, по поводу отдельных звеньев которой мы можем строить только предположения. Но несомненным нам представляется одно — что протограф Синодального списка был ближе к авторскому тексту произведения Вассиана, нежели протограф Соловецких списков. А это заставляет изменить привычные представления о масштабах сформулированной Вассианом программы секуляризации земель, принадлежавших духовным феодалам. Когда и под влиянием каких причин Вассиан выдвинул требование секуляризации всего церковного землевладения (исключая земель, принадлежавших соборным мирским церквам) и какое место это требование занимало в системе его общественно-политических взглядов — это вопросы, которые могут быть решены лишь в процессе углубленного изучения всей общественно-политической и литературной деятельности Вассиана Патрикеева.

враждуют, — писал Артемий, — будьтось аз говорил и писал тебе — села отнимати у монастырей, друг другу сказывают. А от того мно, государ, што аз тебе писал на собор, извещая разум свой, а не говоривал есми им о том, ни тебе не советую нужению и властию творити что таково. Разве межи себя говорили есмо, как писано в книгах быти иноком? И се наше мудрование, якоже и святии отци уставляют жити, яже по Великому Василию. . .» (Послание к царю Ивану Грозному. — РИБ, т. IV. СПб., 1878, стбл. 1440). Вполне возможно, что это заявление Артемия не было искренним и было вызвано стремлением отвести надвигавшуюся на него грозу: иссифляне, одержавшие победу на соборе в вопросе о секуляризации монастырских земель, готовили расправу над своими противниками (в 1553 г. Артемий был предан суду по обвинению в ереси).

¹⁷ Н. А. Казакова. Неизданное произведение Вассиана Патрикеева, стр. 391—393, 414—419.

¹⁸ Там же, стр. 393—394, 407—408, 419—426.

И. ДУИЧЕВ

Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного*

Долгое время после падения Византии во время турецкого владычества византийское культурное наследие продолжало жить с особенной силой и широтой в русских землях. Поэтому-то несколько не удивительно, что один из русских государей, а именно Иван Васильевич Грозный (1533—1584), обнаружил поразительные знания в византийской истории и литературе: его послания¹ наполнены реминисценциями Византии. В обобщающей, сжатой характеристике Ивана Грозного как писателя Д. С. Лихачев совершенно правильно отметил широкие культурные интересы и образованность русского царя: «Нельзя думать, — пишет он,² — что Грозный нарушал современные ему литературные каноны „по невежеству“, как изображал это его противник князь Курбский. Грозный был одним из образованнейших людей своего времени. По свидетельству венецианца Фоскарини, Грозный читал „много историю Римского и других государств... и взял себе в образец великих римлян“. Грозный заказывал перевести Историю Тита Ливия, биографии цезарей Светония, Кодекс Юстиниана. В его сочинениях встречается множество ссылок на произведения древней русской литературы. Он приводит наизусть библейские тексты, места из хронографов и из русских летописей, знал летописи польские и литовские. Он цитировал наизусть целыми „паремиями и посланиями“... он читал „Хронику“ Мартина Бельского... По списку Библии, сообщенному Грозным через Михаила Гарабурду князю Острожскому, была напечатана так называемая Острожская библия — первый в славянских странах полный перевод Библии. Он знал „Повесть о разорении Иерусалима“ Иосифа Флавия, философскую Диоптру и др.». Эту верную характеристику можно было бы дополнить и другими примерами, которые свидетельствуют о широкой начитанности в области византийской истории и литературы. Византолог с удивлением мог бы обнаружить в посланиях Грозного ряд очень интересных упоминаний фактов византийской истории. Комментируя эти места посланий Ивана Грозного, Я. С. Лурье³ определил, к каким историческим личностям относятся некоторые упоминания Грозного, и уточнил хронологию. Реминисценции из византийской истории и литературы в посланиях русского царя заслуживают, однако, глубокого и специального изучения, опыт которого и представляет данная статья. Эти упоминания, рассмотренные систематично и подробно, могут раскрыть с особой ясностью редкую начитанность этого крупного исторического деятеля.

* Перевод с болгарского О. Ф. Коноваловой. (Ред.).

¹ См.: Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под ред. чл.-к.срр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»). (Далее: Послания).

² Д. С. Лихачев. Иван Грозный писатель. — Послания, стр. 455.

³ Я. С. Лурье. Комментарии. — Послания, стр. 583, сл.

Обращает на себя внимание прежде всего то, что Иван Грозный обладал познаниями во всей византийской истории — от начальных веков вплоть до падения Византийской империи под ударами турок в 1453 г. Правда, он использовал примеры из истории Византии с учетом строго определенных своих целей, но даже и этих его отрывочных указаний достаточно, для того чтобы показать широту и точность его знаний. Намеками на историю Византии пестрят многие из его посланий, которые лучше всего показывают, насколько хорошо он знал прошлое Византийской империи. В знаменитом первом послании князю Андрею Курбскому русский царь дает нам общее толкование хода истории Византийской империи, а это показывает, что он как властитель поднимавшегося тогда русского государства глубоко задумывался над причинами величия и падения Византии. Все это ясно говорит о том, что у Ивана Грозного были не отрывочные и разрозненные, а стройные и упорядоченные знания из прошлого Византии.

Хронологический диапазон познаний Ивана Грозного в области римской и византийской истории чрезвычайно широк. Так, в одном месте послания к Курбскому он обращается к истории древней Трои: «И сия вся явлена суть, — пишет он, — яже от тебе сильных нарицаемым и воеводам мучеником, аще кая прилична им суть истинною, а не яко же ты, подобно Антеру и Еней, предателем Троянским, много соткав, лжеши...»⁴ Как уже отмечалось,⁵ здесь Иван Грозный имел в виду героев Троянской войны Антенора и Енея, следуя в оценке их деятельности более поздней традиции. В нескольких местах в посланиях Ивана Грозного упоминается римский император Август (63 г. до н. э.—14 г. н. э.). Написанное об этом римском императоре в целом соответствует исторической действительности, но вместе с тем есть и некоторые утверждения, которые почерпнуты из более поздних легендарно-исторических источников. «Како убо Август кесарь всею вселенъною обладаше: Аламаниею и Долматиею и вся Италиския места, и готфы и савръматы, и Афинею, и Сириею, и Киликеею, и Ассеею, и Азею,⁶ и Междоречием, и Каппадокийскими странами, и Домаском градом, и божиим градом Иерусалимом, и Александрею и Египетскою власть, даже и до Перския державы; вся сия под единою державою бяху много лета...»⁷ Если исключить некоторые отдельные анахронизмы, этот отрывок из послания Ивана Грозного правильно очерчивает границы Римской империи во времена императора Октавиана Августа. Однако понятно и вполне объяснимо, что в нескольких местах своего послания русский государь пытался соединить свою родословную, вернее родословную русских царей, с родом императора Августа. «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся», — пишет он во втором послании 1573 г. к шведскому королю Иоганну III.⁸ В послании князю Александру Полубенскому 1577 г. он сообщает еще больше сведений о предполагаемом римском происхождении первых русских владетелей: «Тажь по благоволению в троицы славимого бога в Росийской земле воздвижеса царствие сице... еже Август кесарь римский, обладай всею вселенною, постави брата своего Пруса, иже вышешепоманутый. И живоначалные троицы десницею и милостию воздвижеса царьство в Руси сице: под Пруса четвертое надесять колено Рюрик прииде

⁴ Послания, стр. 43, 103; в тексте в «Сборнике Курбского»: Ангенору, вероятно вместо правильного Антенору.

⁵ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 600.

⁶ Об этих двух именах см.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 589, 644, сл.

⁷ Послания, стр. 23—24, ср. стр. 85 и др.

⁸ Послания, стр. 158.

нача княжити в Русии и в Новегороде».⁹ Эта мысль повторяется и в послании к императору Сигизмунду II в 1567 г.¹⁰ Можно было смело сказать, что истолкование этой старой легенды, происхождение которой остается до сих пор не вполне выясненным,¹¹ является действительно одним из редких решительных отклонений Ивана Грозного от исторической правды. Между прочим некоторые сербские родословные и летописи связывали роды сербских царей с позднеримской эпохой и сообщали, что римский император Лициний (307—324) был сербом по происхождению («глаголють истинны съписателіе, іко Ликиню сръбину быти родомъ»), что сын Лициния, рожденный сестрой Константина Констанцией, носил имя Бела Урош, наконец, что сербский великий жупан Стефан Неман Первовенчаный (1198—1228), будучи родственником Константина Хлора (305—306), происходил от рода императора Августа («бысть же великий жуопанъ Неманіа отъ племенѣ благочѣстиваго корѣнѣ вѣтвь, прѣвьнуоукъ Коньстантьіе сестрѣ цара Коньстантьіна Зеленаго одъ дѣштере Клавдиіеве, отъ племенѣ рашкааго господьства и сродьства Авгоустоу кісароу, при ніемъ же роди се господь нашъ Исоусъ Христось»)¹².

Попытки связать с далеким прошлым происхождение династии встречаются также и в Болгарии. Так, в известном Именнике первых болгарских ханов¹³ на первое место поставлены имена Авитохола и Ирника. Это говорит о том, что среди болгар во второй половине VIII в. (так предположительно датируется окончательная редакция этого важного исторического источника) было стремление связать происхождение династии первых болгарских владетелей с именем Авитохола-Атилла и его любимым сыном Ирником. В начале XIII в., во времена царя Калояна (1197—1207), распространялся слух о том, что первые владетели возрожденной болгарской державы Асенеи происходили из благородного рода города Рима и именно там получили свое благородство. В конце декабря 1199 г. или в первые два месяца 1200 г. папа Иннокентий III в связи с этим писал царю Калояну: «nos autem, audito quod de nobili urbis Romae prosaria progenitores tui originem traxerint, et tu ab eio et sanguinis generositatem contraxeris. . .»¹⁴ В болгарском средневековье, следовательно, была двойная тенденция: во время первого царства связывать род владетелей с родом Атиаллы, а в начале второго болгарского царства род Асенеи с древним Римом. В Византии можно указать достаточно попыток, произведенных в этом направлении. Так, об императоре Василии I Македонце было распространено мнение, что он со стороны матери был связан с родом императора Константина Великого.¹⁵ По словам другого византийского писателя, византийский император Никифор Вотаниат (1078—1081) происходил из знатного римского рода Фабиев.¹⁶ Писатель Михаил Аталиат¹⁷

⁹ Послания, стр. 200, 201.

¹⁰ Послания, стр. 260.

¹¹ См. указания у Я. С. Лурье (Комментарии, стр. 629—630).

¹² См.: Л. Стојановић, Српски родослови и летописи. Гласник Српског уч. др. ЛП. 1884, стр. 23, 24 и сл., 29 и сл., 44, 48 и др.

¹³ См. тексты: А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, т. I. М., 1866, стр. 25—27. Новый список дан у М. Н. Тихомирова (Именник болгарских князей. — Вестник древней истории, 1946, кн. 3, стр. 81—90). Ср. еще: Ив. Дуйчев. Из старата българска книжина, 1. София, 1943, стр. VII—VIII, 1—2, 162—165, а также: Преглед на българската историография. Jugoslav, istor. časopis, IV, 1938, стр. 41—42.

¹⁴ См.: Ив. Дуйчев. Преписката на папа Иннокентий III с българите. Увод, текст и бежежки. — Годишник на Соф. ун-т, ист.-филол. фак., XXXVIII, 3, 1942, стр. 21, ср. стр. 79.

¹⁵ Theophanes Continuatus, ed. B., стр. 212, 18 и сл., стр. 216, 2 и сл.

¹⁶ J. Scylitzes—G. Cedrenus, Hist. comp., II, ed. B., стр. 726, 17 и сл.

¹⁷ M. Attaliates. Historia, ed. B., стр. 216, 20 и сл.

добавляет, что на основе какой-то «древней книги» установлено, что род Фабиев, от которого происходил упомянутый император, был переселен в Царьград во времена императора Константина Великого. Существовало мнение, что византийский император Анастасий (491—518) происходил из рода римского полководца Помпея.¹⁸ О знаменитом византийском роде Мелисины сообщалось, что он был связан с римлянином Салустием.¹⁹ Эти примеры, которые легко могли бы быть умножены, достаточно объясняют и можно сказать полностью оправдывают попытки Ивана Грозного найти связи рода русских владетелей с древним Римом. Поиски далеких и, в сущности, фиктивных связей между русским царским родом и прославленным римским императором не являлись суетным стремлением к самовосхвалению и возвеличиванию собственной династии, но служили для утверждения самой русской державы в период ее бурного роста и усиления.

Имя римского императора Константина Великого (306—337) упоминается многократно в посланиях Ивана Грозного.²⁰ Русский царь вспоминает Константина I прежде всего как первого римского императора-христианина и, во-вторых, обращает внимание на то, что Константин I в интересах государства погубил собственного сына Криспа в 326 г. «Вспомяни же, — пишет он Курбскому,²¹ — и во царех великого Констянтина: како, царьство ради, сына своего, рожденнаго от себе, убил ешь!» Кроме того, в некоторых местах посланий упомянуто имя соимператора Константина, а затем противника его, Максенция (306—312). Так, во втором послании князю Курбскому Иван Грозный намекает на поражение Максенция в 312 г. при Понте Мильвио от войск Константина Великого.²² В связи с борьбой между двумя императорами Ивану Грозному была хорошо известна легенда о появлении крестного знака как знамени, которое предвещало победу Константина Великого.²³ В послании к Полубенскому²⁴ говорится об антихристианских гонениях в Римской империи во времена Максенция: «И от Августова царства в Риме даже до лет Максентия и Максимиана Галера сие гонение бысть на христианы». Впрочем, здесь упомянуто имя другого римского императора Галерия Максимиана (305—311), который был известен своими гонениями христиан. Из истории Восточной Римской империи конца IV—начала V в. Иван Грозный знал, как видно, хорошо и, вероятно, главным образом на основе жития царьградского патриарха Иоанна Златоуста (398—404),²⁵ а возможно и по другим историческим источникам, о борьбе между женой императора Аркадия (395—408) Евдоксией и императорским фаворитом Евтропием, сосланным в 399 г. на заточение и позднее погубленным.²⁶ Замечательно, что в распрах между Иваном Грозным и его политическими противниками царица Анастасия уподоблялась развратной и легкомысленной Евдоксии, а Иван Грозный, отводя подобное обвинение, сравнивал князя Курбского с евнухом Евтропием.²⁷ Может быть, этот обмен оскорблениями между политиче-

¹⁸ *Antologia Palatina*, ed. Waltz, стр. 78, 14: II, vers. 398 и сл.

¹⁹ G. Phrantzes, ed. J. B. Papadopoulos, стр. XXVIII, XXX.

²⁰ Послания, стр. 9, 45, 71, 231, 180.

²¹ Послания, стр. 19, 81, 137; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 589.

²² Послания, стр. 209, 211, 236.

²³ Об этой легенде см.: Eusebius Pamphili. *Historia ecclesiastica*: Migne, P. Gr. XX (1857), столб. 952 и сл.; Gelasius. *Kirchengeschichte*. Leipzig, 1918, стр. 8 и сл.; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 652.

²⁴ Послания, стр. 200.

²⁵ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 606. Отрывки из славянского перевода ср. у В. Г. Васильевского (Труды, III, Пгр., 1915, стр. ССXL и сл.). В византийской литературе существовало несколько житий Иоанна Златоуста.

²⁶ Послания, стр. 54, 59, 118, 167.

²⁷ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 606, 609.

скими противниками лучше всего показывает нам, насколько хорошо была известна история Византийской империи, раз даже небольшой намек на исторические личности воспринимался как тяжкое оскорбление. Показательны в этом отношении также обвинения, которые Иван Грозный возводил на князя Андрея Курбского, которого он сравнивал с императором-иконоборцем VIII и IX вв.: «бывшему прежде прославному истинному христианству и нашего самодержавия боярину и советнику и воеводе, ныне же крестопреступнику честного и животворящего креста господня, и губителю хрестыанскому и ко врагом хрестыанским слугатою, отступльшим божественнаго иконнаго поклонения и поправшим вся божественная священнаго повеления, и святыя храмы разорившим, осквернившим и поправшим священныя сосуды и образы, яко же Исавр, и Гноетезный, Арменин, сим всем соединителю — князю Андрею Михайловичу Курбскому...»²⁸ Сравнения с иконоборцами встречаются и в других посланиях Ивана Грозного. Так, в послании в Кирилло-Белозерский монастырь от 1573 г. Иван Грозный пишет: «А вся та слабость от начала учинилася от Василия от Шереметева подобно иконоборцом в Цариграде, царем Льву Исавру и сыну его Константину Гноетезному. Понеже Лев точию семена злочестия посея, Константин же всего царствующаго града во всяком благочестии помрачи...»²⁹ В послании к Полубенскому читаем: «Ино тричисленного божества и пречистыя богородицы милость и всех святых его молитвы и иконного поклоняния крепость вас иконоборцов посрами, а нашу древнюю отчину к нам возврати, а ваша надежда — Крон и Зевс и инии... ни во что же бысть».³⁰ О том, насколько известны были эти имена из истории Византии VIII и IX вв. Ивану Грозному и тем, с кем он переписывался, можно судить по тому обстоятельству, что он считал вполне достаточным, обвиняя своих противников, только намекать на имена: вместо того чтобы точно назвать имя первого императора иконоборца Льва III Исавра (717—741), он попросту именуется в послании к Курбскому Исавром; вместо имени Константина V Копронима (741—775) он употребляет прозвище «Гноетезный», а императора Льва V (813—820) называет Арменином. История Византии использовалась так живо и непосредственно именно потому, что была известна и близка.

Послания содержат также некоторые реминисценции и из истории Византии IX в. Эти упоминания подтверждают, насколько хорошо были известны даже по существу незначительные исторические подробности. Так, в послании в Кирилло-Белозерский монастырь говорится: «А Игнатия блаженнаго патриарха Цариграда, царева же сына бывша, его же в заточении замучи Варда Кесарь, обличения ради, подобно Крестителю, понеже бо той Варда живяше с сыновнею женою...»³¹ Как уже подчеркивалось,³² здесь идет речь о цареградском патриархе Игнатии (847—888), который возглавлял цареградскую церковь дважды, а именно с июня 847 г. по 23 ноября 848 г. и с 23 ноября 867 г. по 23 октября 878 г. Известно, что патриарх Игнатий, светское имя которого Никита, был сыном императора Михаила I Рангаве (811—813) и Прокопии, дочери императора Никифора I (802—811). В праздник Богоявления 858 г. патриарх Игнатий отказал в причастии кесарю Варда по той причине, что тот будто бы имел любовную связь со своей снохой. Вследствие вспыхнувшего конфликта

²⁸ Послания, стр. 10, 72, 125 и сл.; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 583, 637.

²⁹ Послания, стр. 176.

³⁰ Послания, стр. 203. Намеки на древнегреческое языческое божество Кронос см там же, стр. 61, 123, 210; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 610.

³¹ Послания, стр. 174, 175.

³² Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 636.

между всеильным кесарем и патриархом Игнатий был низложен, подвергнут жестокому мучениям и отправлен в заточение.³³ Оценивая историческую точность сочинений Ивана Грозного, строгий ученый мог бы его обвинить единственно в том, что Грозный полностью принял слухи о прелюбодеянии кесаря Варды. В современной научной литературе по этому поводу высказаны основательные сомнения.³⁴ Однако требовать от Ивана Грозного обратного значило бы требовать нечто невозможное. Русский царь полностью сохранял историческую правду в том виде, в каком он мог узнать ее из имевшихся в то время исторических источников.

Приведенный случай конфликта между патриархом Игнатием и кесарем Вардой использован Иваном Грозным в качестве иллюстрации отношений между светской и церковной властью в Византийской империи.

Как видно, события, связанные с большой аваро-славянской осадой Царьграда в 626 г.,³⁵ были хорошо известны Ивану Грозному. В послании к Стефану Баторию 1581 г. он, между прочим, пишет: «...фалишься яко Амалик и Сенахирим или якож при Хоздрое Сарвар воевода, хваляся на царствующий град глаголет: „не блазнитесь убо о бозе, в онъже веруете, утре бо град ваш, яко птицу, рукою моею возму“...»³⁶ В послании же к Ходкевичу сказано: «Сиче же государь ваш и вы, последствуя дияволу, подобно Сенахириму и Навходносору и Хоздрою и иным безбожным царем, яко птицу рукою своею хотите похитити православые...»³⁷

Итак, русский царь здесь упоминает имена персидского царя Хозроя II Парвиза (590—628) и его полководца Сарвараза (Шахрбараза). Представляет интерес далее то, что Иван Грозный пишет в первом послании к Курбскому: «Како же, собака, и того не разсудишь, како трие патриархи собращая со множеством святителей к нечестивому Феофилу царю, и многосложный свиток послаша, и таковая хуления, яко ж ты, не писаша, аще нечестив бяше царь Феофил».³⁸ Послание, на которое намекает Иван Грозный, — хорошо известный книжный памятник: это послание александрийский патриарх Христофор (умер в 836 г.), антиохийский патриарх Иов и иерусалимский патриарх Василий направили византийскому императору Феофилу (829—842) с просьбой отказать от иконоборчества.³⁹ Послание, известное в двух различных греческих редакциях, было очень рано переведено на славянский язык,⁴⁰ и, таким образом, Иван Грозный мог

³³ См. житие патриарха Игнатия, написанное Никитой Давидом Пафлагонским: *Migne, P. Gr., CV, стлб. 487—553*. В научной литературе существует спор относительно авторства памятника; см.: А. П. Керамевс. *Византийский временник*, VI, 1—2, 1899, стр. 13—38; В. Г. Васильевский. *В защиту подлинности жития патриарха Игнатия и принадлежности его современному автору — Никите Пафлагону*. — Там же, стр. 39—56; другие указания см.: Ив. Дуйчев. *Списание на Българската Акад. наук*, LIV, 1936, стр. 154, сл.

³⁴ Общие сведения см.: Fr. Dvornik. 1) *Les Légendes de Constantin et de Méthode vives de Byzance*. Prague, 1933, стр. 139 и сл.; 2) *The Photian Schism. History and Legend*. Cambridge, 1948, стр. 17 и сл., 33 и сл.; G. Evely. *The Byzantine Patriarchate 451—1204*. London (1947), стр. 117 и сл.

³⁵ Об этих событиях имеется значительная литература. См. главное: Е. Тевяшов. *Осада Константинополя аварами и славянами в 626 г.* — *ЖМНП*, т. 52, 1914, стр. 229—235; Ю. Кулаковский. *История Византии*, III. Киев, 1915, стр. 79—87; Ф. И. Успенский. *История Византийской империи*, I. СПб., 1913, стр. 690—697; Fr. Barišić. *Le siège de Constantinople par les Avars et les Slaves en 626*. — *Byzantion*, XXIV, 1954, стр. 371—395.

³⁶ *Послания*, стр. 236; ср.: Я. С. Лурье. *Комментарии*, стр. 668.

³⁷ *Послания*, стр. 271; ср.: Я. С. Лурье. *Комментарии*, стр. 676.

³⁸ *Послания*, стр. 51—52.

³⁹ О памятнике см.: K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*. Leipzig, 1897, стр. 166, § 3; G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*, München, 1952, стр. 121, прим. 6; *Migne, P. Gr. XCV, стлб. 343—385*.

⁴⁰ См. указания у Я. С. Лурье (*Комментарии*, стр. 605).

ознакомиться с его содержанием. И если в данном случае русский царь почерпнул факты из сравнительно редкого литературного источника, то его сведения об отношениях киевского князя Игоря с Византией имеют чисто легендарный характер: «Игор преселися на Киев и тамо царьствия скифетры Росии положи, и на Греках дань емляше и в Переславце Дунай-стем живяше, иже есть Бен и Ведна...»⁴¹ Я. С. Лурье⁴² правильно отметил, что в этом месте «возможна какая-то порча текста» и что, в сущности, автор послания «упоминал или собирался упоминать Святослава».

Действительно, написанное очень близко напоминает некоторые места из ПВЛ, касающиеся похода киевского князя Святослава в болгарские земли в 869—872 гг. Так, там под 6475 г. сказано: «Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемъя обоимъ, одолъ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, и сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грѣцѣхъ».⁴³ В письме Святослава к княгине Ольге, помещенном в летописи под 6477 г., сказано между прочим: «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей».⁴⁴ Очевидно, в тексте послания Ивана Грозного имеется известная контаминация сведений из русской летописи о князе Игоре и его сыне Святославе. Неясными остаются слова «иже есть Бен и Ведна». Может быть, следует истолковать еще одно имя, например Бениведна? В этом случае это имя следовало бы толковать как второе название Переяславца. Вопрос остается открытым. Отождествление Переяславца и точная локализация, относительно которой все еще идут споры в научной литературе, вероятно, помогут разгадке этой части послания Ивана Грозного.

Из истории XII в. Грозный упоминает один момент, который связан с русско-византийскими отношениями. Так, называя имя князя Владимира Мономаха (1113—1125), Иван Грозный добавляет: «... иже от грек достойнейшую честь восприемшему...»⁴⁵ В послании к Полубенскому эта мысль выражена еще яснее: «великого царя и великого князя Владимера Мономаха, иже на Фракею Царяграда воевавшего и царьский венец и имя приобрете царьствия (от царя Константина, иже тогда во Цареграде царствующего сия приемлет)».⁴⁶ В этих сведениях отразились не реальные исторические отношения русской державой и Византийской империей в первой половине XII в.,⁴⁷ а одна поздняя легенда,⁴⁸ по которой упомянутый киевский князь получил как царскую корону, так и само имя от византийского императора Константина IX Мономаха. Мы не можем в этом случае (даже в самой малой степени) винить Ивана Грозного за искажение исторической правды: эта легенда могла только подтвердить необходимость самодержавия на Руси. Из истории поздней Византийской империи Иван Грозный привел лишь несколько отрывочных сведений. Так, в послании к польскому королю Стефану Баторию он кратко упоминает известный Ферарско-флорентийский собор 1439 г.: «а коли собор был

⁴¹ Послания, стр. 201.

⁴² См.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 645.

⁴³ См.: Повесть временных лет, т. 1. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианов-всй-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 47; ср.: В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, I, 2. София, 1927, стр. 573, сл.

⁴⁴ ПВЛ, т. 1, стр. 48.

⁴⁵ Послания, стр. 9, 71, 125.

⁴⁶ Послания, стр. 202.

⁴⁷ Подробности см., например: М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 437, 476, сл.; G. Vernadskij. Relations byzantino-russes au XII siecle. — Byzantion, IV, 1929, стр. 269—276.

⁴⁸ См. у А. С. Орлова (Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 44, сл.), а также у Я. С. Лурье (Комментарии, стр. 645, 534).

в Риме при Евгеньи папе Римском, от создания миру в лето шестытысечное девятьсот чотыридесят семое и тогда был на том соборе греческий царь Цариграда Иван Мануйлович, а с ним патрреарх Цараградский Иосиф (на том его соборе и не стало), а из Руси был тогда Исидор митрополит; и уложили на том соборе, что однако быти греческой вере и з римскою». ⁴⁹ Здесь упоминаются некоторые хорошо известные исторические личности: византийский император Иоан VIII Палеолог (1425—1448), сын императора Манула II Палеолога (1391—1425), названный по русскому обычаю «Иваном Мануйловичем», затем царьградский патриарх Иосиф (Иосиф II, управлявший цареградской патриархией с 21 мая 1416 г. по 10 июня 1439 г.), римский папа Евгений IV (1431—1439) и, наконец, киевский митрополит Исидор, позднее смещенный из-за его симпатий к римской церкви. Насколько хорошо был осведомлен Иван Грозный о составе цареградского представительства на соборе и о его судьбе, видно, между прочим, из того обстоятельства, что упоминая имя цареградского патриарха Иосифа, он добавляет о смерти патриарха во время собора («на том его соборе и не стало»). Действительно, патриарх Иосиф умер 10 июня 1439 г., почти за месяц до провозглашения унии между Восточной и Западной церквями.

В первом послании Ивана Грозного князю Курбскому содержится довольно длинный абзац, относящийся к византийской истории в целом. Подвергая острой критике теократизм, Иван Грозный объясняет поражение Византии турками как результат теократического управления и сепаратизма управителей: «Или мниши сие быти светлость благочестива, еже обладатися царьству от попа невежи, от злодейственных и изменных человек, и царю повелеваему быти? — пишет он своему противнику. — И сие ли супротивно разума и совесть прокаженна, еже невежу взустити и злодейственных человек возразити от бога данному царю воцаритися? Нигде же обрящещи, еже не разоритися царству, еже от попов владому. Ты же убо почто ревнуеши — иже во грехех царствии погубивших и турком повинувшимся?..» ⁵⁰

Таким образом, он приходит к выводу о несовместимости царской власти с властью духовенства: «Видиши ли, яко священство и рядничество царским владателем не прилично?» Русский властитель противопоставляет самодержца духовенству и прочим стремящимся к власти «правителям», т. е. аристократии, боярству и феодальным властелинам. Строгое централизованное управление и самодержавие обеспечивало силу и незыблемость государства, в то время как борьба духовенства и боярства за власть и разъединение стали причиной упадка и даже гибели государства. Чтобы подкрепить свою идею, Иван Грозный сделал, хотя и сжато, обзор всей истории Римской и Византийской империй. Упоминая об обширных границах Римской империи времен Августа, Иван Грозный добавляет, что империя находилась под единой властью много лет, вплоть до времен Константина Великого: «вся сия под единою державою бяху много лета, даже и до первого во благочестии и великаго Константина Флавна». ⁵¹ Разъединение империи между тремя сыновьями Константина Великого, а именно, что Константин (умер в 340 г.) правил Галией и Испанией, Констанций (умер в 361 г.) правил восточными провинциями империи и Фракией, Констанс (умер в 350 г.) правил Италией и западными территориями Балканского полуострова, считается причиной наступления упадка.

⁴⁹ Послания, стр. 229.

⁵⁰ Послания, стр. 22.

⁵¹ Послания, стр. 23—24, ср. стр. 85.

«И после его, — пишет Иван Грозный, — чяда его разделиша власть: Константин убо во Цареграде,⁵² Константинъ же в Риме, Конста же в Далматии. И оттоле убо начя греческая власть делитися и скудость примати».

Время императора Маркиана (450 — 457), первого императора, получившего императорскую корону из рук царьградского патриарха, и Льва I (457—474), когда утверждалось вандальское королевство Гейзериха (Гензериха), взявшего в 455 г. Рим, является эпохой упадка империи вследствие внутренней борьбы за власть и наступившего разделения. «И паки, во царство Маркиане, во Италии мнози князи, от мест блюстителю, востаха, подобно вашему злобесному умышлению, во царство Лва Великого и обладаша коиждо своими месты, яко же во Африкии Зинзирих рига и ины многи. И оттоле убо всяко строение царствия Греческаго преста: токмо убо упражняхуся на власти и чести и богатства, и междуособными браньми разлевахуся».⁵³

Новым периодом упадка Восточной Римской империи является время императора Анастасия I (491—518), когда персы овладевают некоторыми из восточных провинций, а в балканских землях вспыхивает бунт полководца Виталиана.⁵⁴ Следовало бы отметить, что Ивану Грозному известно прозвище императора «Дикор» и еще то, что он родился в городе Дирахюме, поэтому и называет его «Драчянином». Без всяких объяснений, умалчивая о значительном периоде истории Византии, русский властитель отмечает, что во время императора Маврикия (582—602) наступил новый упадок империи: «также же при Маврикии велми оскуде греческая власть». Действительно, время правления Маврикия отмечено продолжительной изнурительной войной Византии с Персией, а также со славянами и аварами, вследствие чего на балканских территориях прочно заселяются славянские племена.

Не совсем точно, однако, сведение Ивана Грозного о том, что персидский царь Хозрой овладел Фракией во времена «Фоки мучителя», т. е. узурпатора Фоки (602—610). Очевидно, он поторопился обобщить сведения своего источника, где и прочитал, по всей вероятности, что в это время авары занимали и опустошали Фракию, а персидские войска господствовали в малоазийских областях вплоть до окрестностей столицы. Время императора Ираклия (610—641) обрисовано чрезвычайно черными красками.

Тяжелое положение, в котором Ираклий застал империю в 610 г., недвусмысленно подчеркнуто в наших исторических источниках. Свидетельством могут служить хотя бы те строки из старославянского перевода хроники Симеона Логофета, где о начале правления Ираклия говорится: «Авари же, мирныя устави разорше, къ стѣнѣ византистѣи придошѣ, въсѣ сѣщаа въ нѣяду града огневи прѣдашѣще. И яко разделишеса на двое, Персы убо яже на вѣстоцѣ триаху, Авари же Фраческаа въсѣ погубишѣ . . .»⁵⁵

В сущности, тяжелое положение империи этого времени следует отнести в основном за счет нападений персов, аваров и славян, а в конце правления — Ираклия и арабов. Внутри империи разгорелась религиозная борьба

⁵² Послания, стр. 24. Указание неточно: Константин управлял в Риме, Констанций — в Цареграде.

⁵³ Послания, стр. 24; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 589.

⁵⁴ Об этом бунте см. подробности у Ю. Кулаковского (История Византии, I. Киев, 1913, стр. 508 и сл.) и у Ф. И. Успенского (История Византийской империи, I, стр. 347 и сл.).

⁵⁵ Симеон Метафраст и Логофет. Описание мира от бытия. Славянский перевод хроники Симеона Логофета. СПб., 1905, стр. 66.

между сторонниками монофизитизма и монофелизма, а позже споры о считавшейся незаконной женитьбе императора на своей племяннице Мартине. Известна также ссора императора со стратегом Криспом. Вообще говоря, написанное Иваном Грозным не отвечает исторической истине, а скорее является преувеличенным пояснением к его главной идее об упадке государства из-за внутренних раздоров духовенства и бояр. С той же тенденцией написано и о времени императора Юстиниана II Ринотмета (685—695, 705—711): «Во царьство Иустина Корноносаго болми от варвар греки побеждени быша и множество воин побиени быша. Тогда убо болгарская вера и власть особь учиняшеся — епархом и суглиту и всем властелем не престающим о властех меж собя ратоватися, и вся хотения своя улучшившим во градех и во властех и имениях и богатствах. . .»⁵⁶ Среди намеков на борьбу в это время империи с «варварами» следовало бы встретить указание на войну Византии с болгарами, македонскими славянами (поход в 688 г.) и с арабами. Известно,⁵⁷ что осенью 704 г. изгнанный в Херсонес бывший император Юстиниан II явился к болгарскому хану Тервелю просить у него помощи, необходимой для возвращения себе власти. Когда весной 705 г. низложенный император с помощью болгарских войск действительно овладел престолом, болгары во главе с Тервелем были щедро вознаграждены: хан получил титул кесаря, богатые дары и почести со стороны императора и царьградского населения, а болгарскому государству была отдана область Загорие. Все эти события имели большое значение для молодого болгарского государства, ибо давали возможность болгарам вмешаться во внутренние дела империи. Расплатившись за помощь, византийское правительство не только щедро вознаградило болгар, но и признало за их владетелем один из высших титулов империи. После мирного договора 681 г., согласно которому византийское правительство признавало новосозданную болгарскую державу и обязывалось выплачивать болгарам годовую дань,⁵⁸ события 704—705 гг. представили собою новое утверждение болгарского государства и создающейся болгарской народности на землях Балканского полуострова, до недавних времен подвластных империи. Именно в таком смысле нужно понимать слова Ивана Грозного, что «тогда убо болгарская вера и власть особь учиняшеся»; т. е. что к этому времени обособился болгарский народ (болгарская вера) и болгарская держава (власть). Едва ли слово «вера», использованное во многих литературных памятниках как синоним понятий «народ» и «язык», могло бы здесь толковаться в смысле церковь, вследствие чего признается, что «не ясно о каком отделении болгарской церкви» говорит Грозный,⁵⁹ когда хорошо известно, что официально болгарская церковь оформилась только после крещения в 865 г. Период с 695 по 717 г. характеризуется чрезвычайно бурными событиями внутри Византийской империи. Византийский престол последовательно занимают императоры Леонтий (695—698), Тиверий II Аспимар (698—705), потом снова овладевший властью Юстиниан II (705—711), Филипп Вардан (711—713) и, наконец, Анастасий II (713—715) и Феодосий III (715—717). Иван Грозный намекает именно на эти внутренние раздоры, когда пишет, что «епархом и суглиту и всем властелем не престающим о властех меж собя ратоватися».

⁵⁶ Послания, стр. 24.

⁵⁷ Подробности см.: В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, I, 1. София, 1918, стр. 162 и сл.

⁵⁸ Подробности см. у Ю. Трифонова (Извещието на сирийския пресвитер Константина за Исперихова победа над византийците. — Известия на Историч. д-во, XI—XII, 1932, стр. 199—215).

⁵⁹ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 590.

Имена некоторых из этих владельцев упомянуты в его послании: он говорит о том, что «во царство Апсимарово и Филипиково и Феодосия Брады Адрамического, персом египетскую власть и Дамаск от грек изабладавшим».⁶⁰

К словам Грозного необходима только одна поправка. Как известно, непосредственно после побед императора Ираклия над персами и разгрома персидского государства начали свою экспансию арабы, и в скором времени Египет и Сирия оказались под их владычеством. Имея в виду продолжительные и ожесточенные войны болгар с Византийской империей Константина V Копронима (741—775),⁶¹ которого Иван Грозный называл «Константином Гноетезным», а также использование византийскими авторами слова «скифы» для обозначения болгар,⁶² нужно согласиться, что слова русского владельца «при Константине Гноетезном скифом отложившимся» относятся, вероятно, к болгарам, а не к другому народу.⁶³ Как раз в этот период, спасаясь от надвигающейся угрозы, они укрепляют свое государство. К первой половине IX в. относится отделение западных территорий Византийской империи и обособление государства Карла Великого. «По сем же Лва Арменина и Михаила Амморенина и Теофила — Рим со всею Италию от Греческаго царства отторжеса; избраша убо себе царя от латын Карула князя Латынскаго».⁶⁴

Многие из византийских хронистов обращают внимание на это обособление западных земель от Византийской империи, относя его, однако, к концу VIII и началу IX в.⁶⁵ Следуя этой византийской традиции, Иван Грозный приходит к еще более крайним выводам. Для него первая половина IX в. является эпохой наибольшего упадка Византийской империи. По его мнению, именно тогда обособились вместе с остальными сербы и болгары, создавая свои государства: «также же и сербом и болгаром, у себя властодержца поставившим и от Греческаго царствия отторгъшеса».⁶⁶ Это утверждение, вообще говоря, неточно. Кроме того, Иван Грозный пишет, что вследствие отделения сербов и болгар от империи Византия потерпела большой убыток: «от сего Греческому царствию злейшу разорению приходящу». Грозный говорит также о потерях империи во время царствования императора Михаила III (842—867) и его матери Феодоры: «Во царство же Михаила и Феодоры царицы благочестивых, божий град Иерусалим и Палестинскую землю и страны Финическия персы изобладаша; царствующему же граду во утеснении велице наченшу пребывати, и отъ всюду частыми находжении и бранными ратьми часто колеблющеса, епархом же и синклиту всему не престающе от всего своего злоперваго обычя и никако же о селице разорении царства промысла полагающе, но аки сонное мечтание сидевую погибель царству быти вменяюще».⁶⁷

Как видно из контекста, в нескольких строчках Иван Грозный постарался обрисовать положение Византийской империи с начала IX в. и

⁶⁰ Послания, стр. 25.

⁶¹ Подробности см.: В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, I, 1, стр. 200, сл.

⁶² См. указания в кн.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, II. Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. Budapest, 1943, стр. 237, § 5; М. Рајковић, Сборник радова, XXXVI, Византолошки институт, 2, 1953, стр. 34 и сл.

⁶³ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 590. Я. С. Лурье сомневается, что это слово относится к болгарам.

⁶⁴ Послания, стр. 25—26.

⁶⁵ См., например: J. Hergenroeter. Monumenta graeca ad Photium eiusque historiam pertinentia. Ratisbonae, 1869, стр. 154 и сл.; J. Zonaras. Epitome histor., libri XIII—XVIII. Ed. Bonn, III, стр. 298, 15 и сл.; Cronica lui Constantin Manasses. Traducere mediobulgară. Ed. J. Bogdan. București, 1922, стр. 155.

⁶⁶ Послания, стр. 26.

⁶⁷ Там же.

вплоть до начала XIII в. Именно вследствие желания передать в сжатом виде эти события он и допустил существенную с хронологической точки зрения ошибку. Как известно, в 1077 г. Иерусалим захватили сельджукские турки, которые распространили свое владычество и над всем палестинским побережьем. Под именем персов в тексте Ивана Грозного нужно понимать сельджукских турок. Русский государь пользуется им, следуя византийским источникам или русским источникам, составленным под византийским влиянием. В византийской литературе,⁶⁸ как известно, сельджукских турок часто называют персами. Во второй части приведенной выше цитаты послания Ивана Грозного дается общая картина упадка Византийской империи XII в., причины неудач, однако, односторонне приписываются действиям епарха (возможно, намекается на градоначальника Царьграда) и византийского сената. Дальше в послании, после риторического отступления, автор дает новые подробности о положении империи: «Тако же убо отселе грекове во многие страны дани даяти начыша, а прежде убо сами дани взимаху; потом же, нестроения ради... сами даяти дани начыша». Утверждения Ивана Грозного, возможно, содержат намек на упадок морских сил Византии в XI—XII вв. и признание за большими итальянскими городами-республиками, прежде всего за Венецией и Генуей,⁶⁹ значительных привилегий. После изложения трудностей империи в начале XIII в. автор сообщает о взятии участниками Четвертого крестового похода Царьграда в апреле 1204 г.: «... таковому убо царствующему граду во утеснении велице пребывающу, даже до царства Алексея, нарецаемого Дуки Марцуфла, при нем же взят бысть царствующий град от фряг и пленен бысть зельнейшим пленением; и тако убо все благолетие и красота греческие власти погиге».⁷⁰

Действительно, Царьград подпал под власть крестоносцев 13 апреля 1204 г. во время правления императора Алексея V Дука Мурцуфла, которому удалось удержать за собой трон всего на три месяца. О последних веках существования империи Иван Грозный упомянул только в нескольких строках: «Потом же Михаил Палеолог изгнал латин из царствующаго града, и паки убо во убожестве царство воздвигл, даже до лет царя Константина, нарецаемого Дрогаса, при нем же, грех ради наших, народа христьянсково безбожный Магмет греческую власть погаси, и, яко ветр и буря зельняя, вся без вести сотвори».⁷¹ Впрочем, здесь намекается на императора Михаила VIII Палеолога (1259—1282), взявшего 25 июля 1261 г. Царьград, которым во время императора Константина XII Драгаш овладел султан Мехмед II Завоеватель (29 мая 1453 г.).

Таким образом, в полемике с князем Андреем Курбским царь Иван Грозный дает чрезвычайно интересное толкование причин упадка Византийской империи, изложив в общем всю историю империи от самой ранней эпохи и до середины XV в. Сжатая и во многих отношениях вполне правдивая, эта картина византийской истории указывает на хорошее знание исторических фактов, иногда удивляющее своими подробностями. Несомненно, царь хорошо знал прошлое империи и в полемических целях приводил только отдельные моменты. Нужно отметить также тот факт, что для него история Византии представляется как естественное продолжение истории Римской империи. Именно потому он и прослеживает эти несколько страниц в процессе упадка империи, начиная с императора Окта-

⁶⁸ См. указания в кн.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 216, сл.

⁶⁹ Ср.: G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, стр. 284, 300, 309, сл.

⁷⁰ Послания, стр. 26.

⁷¹ Там же.

виана Августа и кончая последним византийским императором Константином XII. Обзор византийской истории использован в качестве красноречивого свидетельства и для доказательства основной идеи, которой руководствуется Иван Грозный в своей полемике с Курбским, а именно: утвердить первенство светской власти перед духовной, а также доказать отрицательные последствия сепаратных выступлений боярства против самодержавной власти и единства государства. После беглого обзора византийской истории Иван Грозный считает возможным сделать общий вывод: «Смотри же убо се и разумей,— обращается он к своему непокорному боярину,— каково управление составляется в разных начаях и властях, и понеже убо тамо (т. е. в Византии, — *И. Д.*) быша царие послушные епархом и сигкли-том, и с какову погибель приидоша. Сия ли убо нам советуши, еже в тако-вей погибели приитти? И се ли убо благочестие, еже не строити царьства, и злодейственных человек не взустити и к разорению иноплеменных по-дати? Или речеши ми, яко святительская поучения тако приимаху? Благо и прикладно! Но инсе же свою душу спасати, и иное же многими душами и телесы пещися: ино убо есть постническое пребывание, ино же во общем жи-тии сожитие, ино же святительская власть, ино же царьское правление...»⁷²

Писания Ивана Грозного о Византийской империи заслуживают осо-бого внимания не только как свидетельство больших знаний государя в области истории Византийской империи. Не менее важен и критический ха-рактер отношения русского государя к истории Византии. Очевидно, что для него Византийская империя не являлась непогрешимым образцом го-сударственного управления, которому нужно слепо следовать. Это крити-ческое отношение с особой ясностью показывает — в противовес некоторым утверждениям, связанным с теорией «Москва — третий Рим», — каким об-разом воспринималось в старом Русском государстве политическое и куль-турное наследие Византии.

Иван Грозный обнаруживает познания не только в политической исто-рии Византийской империи. В его посланиях упомянут целый ряд визан-тийских писателей и литературных памятников, причем из них сделаны довольно большие выписки.

Так, например, он многократно цитирует Григория Назианзина, или Богослова (329—390),⁷³ делая довольно пространные выписки из его сочи-нений. В одном месте послания в Кирилло-Белозерский монастырь он при-водит цитату из «иноческих правил» Василия Великого (330—379).⁷⁴ Иван Грозный знаком также с сочинениями Иоанна Златоуста (354—407) и использует, вероятно, его житие.⁷⁵ Бегло упоминает он имя Афанасия Александрийского (295—373).⁷⁶ Русскому государю знакомо также одно послание, вообще говоря, малоизвестного ранневизантийского церковного деятеля Василия Амасьского (умер приблизительно в 332 г.).⁷⁷ Он цити-ровал большие отрывки из жития Илариона Великого (умер в 371 г.).⁷⁸ Знал также и житие египетского отшельника Онуфрия Великого (IV—V вв.).⁷⁹ Он делает ссылки и на известную «Лествицу» Иоанна Лествич-

⁷² Послания, стр. 27.

⁷³ Послания, стр. 44 и сл., 51 и сл., 69 и сл., 104 и сл., 116 и сл., 129 и сл., 542.

⁷⁴ Послания, стр. 180. Этот же текст см.: P. Lavrov—A. Vaillant, Les feuil-lets du Zograph. Paris, 1930 (Textes publiés par l'Institut d'Etudes slaves, I).

⁷⁵ Послания, стр. 19, 80, 137; ср. также прим. 25 настоящей статьи.

⁷⁶ Послания, стр. 19, 80, 137.

⁷⁷ Послания, стр. 166, 168. Об этом авторе см.: K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, стр. 205, § 5; Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxellis, 1909, стр. 37.

⁷⁸ Послания, стр. 164 и сл., 181 и сл., 189, 564—565.

⁷⁹ Послания, стр. 189.

ника (525—600).⁸⁰ Иван Грозный был знаком также с повестью о Варлааме и Иоасафе.⁸¹ Из южнославянской литературы ему известно житие сербского архиепископа Саввы⁸² (умер в 1235 г.). В посланиях дано довольно много больших и малых цитат из книг Писания — Библии и Нового Завета. Необходимо сравнить эти цитаты с первоисточниками.⁸³ Несомненно, что цитаты из Писания — особенно более обширные — цитированы не по памяти, а на основании соответствующих текстов. Изучение цитат дает возможность сделать интересные выводы. Так, в первом послании к Курбскому⁸⁴ находим довольно большую цитату из Послания Иакова (III, 1—18; IV, 1—4, 8, 11—12). Текст цитируется дословно. Сделаны только мелкие пропуски и выброшены разделы, которые Грозный счел лишними. В том же послании дан небольшой отрывок из второго послания Тимофею (III, 1—9), при этом текст немного сокращен в шестом стихе.⁸⁵ В начале послания даны две другие цитаты, именно из Послания к римлянам (XIII, 1). Вообще, он дает цитаты точно, но в известных случаях сокращает их и сочетает в свободном виде сообразно своим целям. Некоторые краткие тексты даны по памяти.

Удивительное знание византийской политической истории и отдельных византийских литературных памятников подтверждает поистине «изумительную эрудицию и богатство памяти» Грозного.⁸⁶

Имея в виду эти наблюдения и выводы, мы можем оценить две цитаты из послания Грозного Андрею Курбскому, которые вызывают некоторые сомнения. Так, в списке Археографической комиссии первого послания Курбскому читаем: «А еже убо не хоцещи молчати, но всегда проповедати на нас пребезначальной троицы и пречистой владычицы богородице и всем святым, — воспомани же к сему, окоянные, аще бы праведне молился еси, рече на нас в послании божественнаго о Поликарпе епискупе: „И аще хоцещи и божественнаго видения, святаго некоего мужа воспомянем, и да не посмеешися, истинно бо хоцю рещи. Бывшу ми некогда в Крите, священней странноприят мя Карп мужь, и аще кто другия многия ради чистоты ума к боговидению прикладнейша, ибо ниже святыя тайны, службы начинаше не прежде тамо в предочистительных молитвах священному благосродному видению явльшеся. Глаголеши бо, яко оскорблшу его некогда от неверных некоему; скорбь же убо, яко от церкви он некоторого ко безбожию прельсти, еще иларионьским днем от того совершаемом. Потреба бяше от обою боголепне по милости бога и спаса помощника приемшу, овогда убо возвратити их, но все дни прежде сего пострадав. Не вем, како тогда многое озлобление некоторое и горесть показав, возлеже спати, убо сиче злая имея (вечер бо бе); о полунощи же (обыче бо в то время сам в себе божественным пением бодрствовать) востает убо, ниже снов самех многих сущих и присно присецаемых вне смущения насладився. Стоя же, обаче, в божественней беседе, неблагочестивне скорбяще и тужаще: не быти праведно, глаголя, аще живи будут мужие безбожнии, развращающа пути господня правыя. Глаголя молящеся богу: пожжением неким но обою в конец немилостивне улишити живота. Сия же рече, глаголаше, славу видети; внезапно же дому, в нем стояше, поколебавшуся, первые и з верха две половини разделившуся, и некое огневство много-светлое, спреди ему, и то (мняше бо прочее бес покрова места) от небес-

⁸⁰ Послания, стр. 16, 78, 134, 174, 178; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 635.

⁸¹ Послания, стр. 174; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 365.

⁸² Послания, стр. 174; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 636.

⁸³ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 600, 635.

⁸⁴ Послания, стр. 21—22.

⁸⁵ Послания стр. 22, 12.

⁸⁶ Д. С. Лихачев. Иван Грозный писатель, стр. 462.

ных страны, даждь до того доле носимое. Небо же само откровенно, и на рамени небесном Иисуса, безмерным человеком виде и ему предстоящим аггелом. И сия убо свыше зритца и тамо удивитися. Долу же преклонься, Карп видети, рече, в земли самое зелную некую пропасть и темную разседшуся; и мужи убо оны, их же кленяше, пред ним на устех стояти пропасти, трепетных и умиленны, елико нес носимыя от своих ног непостояния. З долу же от пропасти змием восполозовати, а ногами их подвизати. Когда оттязатися, со обращающимся вкупе и отегчевающим и влекущим; когда зубы ли опашми биющим, или скоктающим, всегда в пропость воврещи козньствующих. Быти же и мужем неким посреди змии, на мужие встающим, колеблшим вкупе и пореблющим и биющим; мняху же быти ко яже пастися оной, убо не хотяще, ово же хотяще от зла помалу понуждем вкупе и повинуемы. Глаголаше бо Карп, себе радоватися доле зряще, горких же не бреши. Стужати же и пренемогати, яко не подоша уже, и вещью многажды на них встающих, и изнемогаша, и скорбети и кляти. И возникъше егда видети убо паки небо, яко же и первие видети, Иисуса же помиловавше бывшее, востати с небесного престола, и даждь до тех встающего, и руки благуя подати, и аггелом ему сопримемлюще иному отинюду держати мужи; и рещи Карпу, Иисусови руже убо простерто: Бий мене прочее, готов бо емь и паки за человеки спасаемыя пострадати, и любезно ми се есть, не иным согрешающим человеком; обаче зри, аще добре имаши и ты, еже в пропасти со змиями пребывание заминяти же з богом и благими и чело-веколюбивыми аггелом. Сия суть, яже аз слышах. Верую истинна быти". И аще убо такова праведна и свята мужа и праведне молящеся на погибель не послуша аггельский владыка, кольми же паче тебе, пса смердяща, злобеснаго изменника, неправедне на злую волю молящеся, не послушает. . . »⁸⁷

В краткой редакции первого послания Ивана Грозного Курбскому этот отрывок дан в сильно сокращенном виде.⁸⁸ В переводе на современный русский язык переводчик отметил только следующее: «Следует рассказ Дионисия Ареопажита и сходный с ним другой рассказ о святом муже, молившемся против грешников, молитву которого не принял Христос».⁸⁹ В послании Ивана Грозного после указанной длинной цитаты следует еще один отрывок сходного содержания: «Великого священномученика Поликарпа видение, еже молящеся на еретиков, иже сметевших божественную службу, о погибели их. И како виде не яко во сне, но явственно, на молитве стоя, аггельскаго владыку, на плещу херувимскую сядяще, и земли убо зинувше пропастию великою, змию оттуду страшно дыхающу; онем же яко осужденником руже опаки связаны имуще и х пропасти оно влеком, иже ини поползновение бяху, еже в пропасть сорну впасти. Святому мужу Поликарпу тако от зелныя ярости гнева разжегся, оставивше ему пресладкого ми Иисуса видения, и прилежно смотрящи погибели муж оных. Тогда убо аггельский владыка с плещу херувимскую сниде и ем мужий оных за руку, плещи же свои представи Поликарпа и рече: „Аще сладко ти есть, Поликарпе, бий мя, понеже и преж сих ради плещи свои вдах на раны, да вся в покойние вмещу. И аще убо такова праведна и свята мужа, праведне молящася на погибель, не послуша аггельский владыка, кольми же паче тебя, пса смердяща, злобеснаго изменника, неправедна, на злую волю молящуся не послушает. . . “»⁹⁰

Как видно, этот второй текст по содержанию и стилю повторяет данную непосредственно перед этим цитату. Нет ли здесь, в сущности, повто-

⁸⁷ Послания, стр. 57—59.

⁸⁸ Послания, стр. 133—134.

⁸⁹ Послания, стр. 325.

⁹⁰ Послания, стр. 59.

рения, возникшего благодаря особенности переписки? Я. С. Лурье отвечает на этот вопрос отрицательно: «Дальнейший рассказ отличается некоторой композиционной запутанностью: в доказательство недопустимости „молится за гибель“ кого бы то ни было, царь приводит два сходных рассказа о „святых мужах“ Карпе и Поликарпе, дважды сопровождая их одинаковым заключением... Вряд ли можно, однако, считать эту композиционную запутанность (встречающуюся, как мы увидим, и в списках хронографической редакции) делом рук переписчика списка Археографической комиссии: соединение двух сходных рассказов и повторение одинакового заключения могло иметь место и в оригинале послания Грозного».⁹¹ Далее в объяснительных записках исследователь еще раз повторяет свою мысль о «композиционной запутанности» этого места в послании Ивана Грозного.⁹² Еще большее затруднение эта часть создала для Я. С. Лурье в связи с его толкованием и отождествлением использованных источников. Указывая коротко⁹³ на то, что «притча о Карпе» была взята из приписываемого Дионисию Ареопагиту «Послания к Димофилу»,⁹⁴ причем в русском переводе,⁹⁵ комментатор добавляет: «Происхождение второй притчи менее ясно». Как сам Я. С. Лурье напоминает, давно уже высказано мнение,⁹⁶ что героем второй притчи нужно считать известного архимандрита Печерского монастыря Поликарпа (XII в.).

Немецкий ученый Штелин, принимая предположение о тождестве упомянутого Поликарпа с архимандритом Печерского монастыря Поликарпом, добавляет, что, в сущности, в послании русского государя даны два варианта одного и того же рассказа.⁹⁷ Я. С. Лурье вполне правильно возражает⁹⁸ этим предположениям, заявляя, что если их принять, «то получится абсурдный вывод, что в византийском сочинении V—VI вв. н. э. шла речь о киевском архимандрите XII в.». В то же время он отмечает, что в краткой редакции послания Ивана Грозного прямо указывается, что отрывок взят из «послания божественного Дионисия о Поликарпе Измирском»⁹⁹ и, следовательно, принадлежит тому же Дионисию Ареопагиту. Здесь советский исследователь с сожалением добавляет, что «в отличие от истории Карпа история о Поликарпе не обнаруживается в известных нам сочинениях Ареопагита — ни в русском переводе в Четьих-Минеех, ни в греческом тексте». После всех этих замечаний исследователь заключает: «Каким образом в послании Грозного оказались рядом два варианта одной притчи, сказать трудно. Поскольку такое удвоение имеется в разных группах списков, следует думать, что оно раннего происхождения и может быть сделано самим Грозным или кем-либо из лиц, помогавших ему в составлении послания (вставлявшим цитаты по указанию царя)».¹⁰⁰ Некоторые пояснения относительно обоих вариантов даны также и в археографическом обзоре посланий Ивана Грозного.¹⁰¹ Так, в списке послания «сборника князя Курбского» излжение этого места текста сокращено, причем первая притча о Карпе вообще пропущена и, наоборот, со-

⁹¹ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 543.

⁹² Там же, стр. 546.

⁹³ Там же, стр. 608.

⁹⁴ Migne, P. Gr., III (1857), столб. 1083—1100.

⁹⁵ ВМЧ, октябрь, 1—3. СПб., 1870, стр. 764—767 и 788—790.

⁹⁶ Н. Устрялов. Сказания кн. А. Курбского. СПб., 1868, прил. 293.

⁹⁷ K. Stählin. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürst Kurbskij. Leipzig, 1921, стр. 95, прим. 85; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 608.

⁹⁸ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 608—609.

⁹⁹ Послания, стр. 133.

¹⁰⁰ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 609.

¹⁰¹ Я. С. Лурье. Археографический обзор. — Послания, стр. 552.

хранен только рассказ о Поликарпе. Немецкий ученый К. Штелин,¹⁰² рассматривая спорное место с помощью сопоставления разных редакций послания, высказывает мнение, что список послания, сохранившийся в «сборнике Курбского», следовало бы считать более близким к первоначальной редакции и, с другой стороны, что притча о Карпе представляет собой только постороннее, очевидно более позднее, добавление к первичному тексту. У Я. С. Лурье мнение прямо противоположно. С его точки зрения, «рассказ о Карпе и Поликарпе в К (т. е. по списку Археографической комиссии) при всей своей композиционной сложности, несомненно, ближе к первоначальному тексту Грозного, чем в „сборниках Курбского“».¹⁰³ Я. С. Лурье считает, что «литературно сглаженный рассказ о Поликарпе в „сборнике Курбского“ — плод редакторской работы: имея перед собой не удовлетворявший его по той или иной причине текст (может быть, такой, какой мы читаем сейчас в ХСУ),¹⁰⁴ редактор подверг его стилистической правке». Как видно, намечаются два различных толкования этого места в послании Грозного. Несомненно, вопрос может быть решен только в том случае, если мы обратимся к использованным первоисточникам, из которых был почерпнут или мог бы быть почерпнут тот или иной текст — притча о Карпе и Поликарпе. Вообще, как уже сказано,¹⁰⁵ притча о Карпе взята, вероятно, посредством старого русского перевода из послания к Димифилу, которое приписывают Дионисию Ареопагиту. Это послание, по-видимому, особенно нравилось русскому государю, потому что и в другом месте своего послания Андрею Курбскому он использовал из него довольно значительные отрывки.¹⁰⁶ Однако совершенно новый элемент выступает из краткой редакции послания Ивана Грозного, когда там специально говорится по поводу спорной цитаты: «В послании божественного Дионисия о Поликарпе Измирского видение. . .»¹⁰⁷ После того как составитель или переписчик краткой редакции поставил в начале имя Поликарпа, он вводит его и в самый текст, замещая им имя Карпа. Напротив, в списке Археографической комиссии читаем, что этот текст был открыт в «Послании божественного (Дионисия, — И. Д.) о Поликарпе епискупе».¹⁰⁸ Нужно сразу отметить: в противоположность мнению о том, что здесь речь идет об архимандрите Поликарпе из Печерской лавры, в данном отрывке, в сущности, упомянут известный епископ малоазийского города Смирны Поликарп, умерший в 156 г. как христианский мученик.¹⁰⁹

В связи с жизнью и деятельностью мученика Поликарпа Смирненского в патристической литературе сохранились несколько чрезвычайно важных текстов, а именно: одно житие, один рассказ о его мученичестве и одно послание, отправленное жителям македонского города Филиппии.¹¹⁰ Ни в одном из сохранившихся текстов, связанных с епископом Поликарпом

¹⁰² K. Stählin. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürst Kurbskij, стр. 95, п. b.

¹⁰³ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 552.

¹⁰⁴ Т. е. Хронограф: Ф. IV. 165, о Степенной книге и Уваровском списке; см. у Я. С. Лурье (Комментарий, стр. 546).

¹⁰⁵ Я. С. Лурье. Комментарий, стр. 608

¹⁰⁶ Послания, стр. 63 и сл., 110 и сл.; ср.: Я. С. Лурье. Археографический обзор, стр. 531. Текст взят из перевода ВМЧ (октябрь, I—3. СПб., 1870, ст. 759); ср. также стр. 552, 553.

¹⁰⁷ Послания, стр. 133.

¹⁰⁸ Послания, стр. 57.

¹⁰⁹ О нем см.: В. Altaner. Patrologia. Torino (1952), стр. 67—69; Н. Delehaye. Les origines du culte des martyres. Bruxelles, 1933, стр. 35, 40, 42, 43, 145, 152, 267 и др.

¹¹⁰ F. K. Funk. Patres apostolici, I. Tubingae, 1901, стр. 296—313, ср. стр. LXXXVIII—XCIX; 314—345, XCIX—CVI (Martyrium Polycarpi); II (1901),

Смирненским, однако, не упоминается видение, о котором говорится в послании Ивана Грозного. Невероятно предполагать, что в старославянской литературе сохранился какой-нибудь текст, утерянный в византийской литературе, в котором бы говорилось о видении. Может быть принято только одно объяснение, а именно, что в данном случае мы имеем простое повторение видения отшельника Карпа, жившего на Крите, о чем говорится в послании к монаху Димофилу. Вероятно, причиной смещения является упоминание в послании Дионисия Ареопагита имени Карпа, которое, может быть, было неизвестным.¹¹¹ С другой стороны, седьмое послание Псевдо-Дионисия Ареопагита было отправлено именно смирненскому епископу Поликарпу.¹¹² Наличие подобного послания стало причиной того, что, переписывая упомянутый текст, по ошибке вместо послания к Димофилу указали один раз, что извлеченный текст взят из послания к епископу Поликарпу. Если подобная ошибка была допущена, то в дальнейшем было уже гораздо легче отождествить имена Карп и Поликарп, приравняв первое к имени известного малоазиатского мученика. Зная, насколько точно и хорошо был осведомлен Иван Грозный, нужно ли ему приписывать контаминацию имен и вообще всю допущенную ошибку? Несомненно, что ошибка сделана очень рано по времени, раз находим ее в лучших списках. Чтение о «сборнике Курбского» нужно считать в противовес К. Штелину более поздним осмыслением текста.

Изучая познания Ивана Грозного в области византийской истории и византийской литературы, необходимо далее точно установить и использовать им первоисточники и проверить, все ли было использовано в переводах или в некоторых текстах он каким-то путем добрался до самых первоисточников. Все это раскроет нам важное явление в истории русской культуры XVI в., воплощенное в лице одного из самых видных политических деятелей того времени.

стр. 291—336 (Vita Polycarpi); A. Hilgenfeld. Ignatii Antiocheni et Polycarpi Smyrnaei epistulae et martyria. Berolini, 1902, стр. 44—51, 51—55, 56—70, 106—112, 113—121; Migne, P. Gr., V, (1857), стлб. 717—728, 857—872, 961—964, 1005—1046.

¹¹¹ Bibliotheca hagiographica graeca, стр. 44. Известен только мученик Карп, умерщвленный вместе с Палилом и Агатоником в Пергаме во времена императора Деция (249—251). Его память отмечается 13 октября.

¹¹² Migne, P. Gr., III, стлб. 1077—1082. Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита получили широкое распространение среди славян во времена средневековья. Так, из письма Анастасия Библиотекаря от марта 875 г. к Карлу Плешивому (840—877) узнаем, насколько высоко Константин-Кирилл, апостол славян, ценил сочинения названного писателя (см.: Monumenta Historiae Germaniae, Epistolae VII, Karolini aevi V, стр. 433, 17—26; ср.: А. Теодоров-Балан. Кирил и Методи, II. София, 1934, стр. 248). Заслуживает внимания тот факт, что еще до того, как Анастасий Библиотекарь послал упомянутому французскому королю рукопись с сочинениями Дионисия Ареопагита, византийский император Михаил II весной 824 г. передал императору Людвигу Благочестивому (814—840) рукопись с текстами этого писателя (см.: Fr. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, I. München—Berlin, 1924, стр. 50, № 408). В 1371 г. святогорский монах Исая по поручению сербского митрополита Феодосия переписал сочинения Дионисия Ареопагита; он и сделал перевод его сочинений. (См.: Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, III. Београд, 1905, стр. 41—44, № 4944; Йорд. Иванов. Български старини из Македонија. София, 1931, стр. 225—227; Ив. Дуйчев. Из старата българска книжнина, II. София, 1944, стр. XXVII, 174—176, 390—391; см. также: А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, I. М., 1866, стр. 202—203; А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842, стр. 161. О тексте монаха Исаи см. также в моей статье: Byzantinoslavica, XIV, 1953, стр. 22—23). Болгарский патриарх Евфимий Тырновский (1375—1394) в своем послании к монаху Никодиму Тисменскому дал цитату из Дионисия Ареопагита (см.: E. Kałużniacki. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius. Wien, 1901, стр. 221—222; см. также другие цитаты из первого послания; Werke, стр. 211—212; ср. также: Хр. Ив. Попов. Евтиний, последен търновски и трапезицки патриарх. Пловдив, 1901, стр. 203 и сл.).

Н. К. ГУДЗИЙ

Новые редакции повести о папе Григории

Повесть о папе Григории сохранилась в большом количестве русских и отчасти украинских списков начиная с XVII в. Общее количество таких списков, обнаруженных до сих пор, превышает сотню.¹ Такой усиленный интерес к повести объясняется в первую очередь повышенной драматичностью ее содержания, соединенной с острой занимательностью фабулы, исключительностью событий и ситуаций, характеризующих течение повествования. Все эти ее особенности обусловили как разнообразие ее рукописных редакций, так и переработки и пересказы ее в устной традиции, украинской и белорусской.²

Опубликованные до сих пор русские списки повести о папе Григории распределяются по трем редакциям. Одна из этих редакций представлена текстом «Римских деяний»³ и близким к нему текстом по списку XVII в., опубликованным Костомаровым;⁴ другая — списком из собрания Ундольского (рукопись XVII в., № 632), опубликованным В. Н. Перетцом;⁵ наконец, третья редакция, составляющая любопытную стилистическую переработку текста «Римских деяний» применительно к литературным вкусам Петровской эпохи, опубликована пишущим эти строки.⁶ В. Н. Перетц затем опубликовал украинский текст повести по списку из сборника священника Шаргородского 1660 г., являющийся сильно сокращенной редакцией польского текста «Римских деяний» с устранением всех диалогов, встречающихся в повести.⁷

Насколько я могу судить на основании неполного знакомства с сохранившимися списками повести о папе Григории, они в огромном большинстве случаев близки либо к тексту «Римских деяний», либо к тексту из собрания Ундольского, причем количество списков, примыкающих к редакции текста Ундольского, большее, чем списков, восходящих к редакции «Римских деяний».⁸

¹ Перечень их см.: В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. М.—Л., 1940, стр. 166—170; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, стр. 88—92.

² Об устных переработках и пересказах повести см.: Н. К. Гудзий. К истории легенды о папе Григории. — ИОРЯС, т. XIX, 1914, кн. 4, стр. 225—230.

³ Ср.: Римские деяния [в. 1]. Изд. ОЛДП, СПб., 1877—1878, стр. 338—366.

⁴ Памятники старинной русской литературы, в. II. СПб., 1860, стр. 418—423.

⁵ Университетские известия. Киев, 1907, № 9, стр. 49—52. Судя по пересказу Костомарова (Современник, 1860, № 3, Исторические монографии и исследования, т. 1. СПб., 1872, стр. 309—311), со списком собрания Ундольского тождествен список повести Погодинского древлехранилища № 1288.

⁶ ИОРЯС, т. XIX, 1914, кн. 4, стр. 234—256.

⁷ В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков, I. Л., 1926, стр. 121—124.

⁸ Об особенностях обоих текстов см. в указанной моей статье (стр. 220—224).

Публикуемые нами списки повести о папе Григории — по рукописям Московской типографской библиотеки (№ 394, конца XVII в.),⁹ Государственного исторического музея (из собрания М. И. Соколова, № 15, XVIII в.) и Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (из собрания Н. С. Тихонравова, № 361, XVIII в.) — являются новыми редакциями повести по сравнению с ранее опубликованными.

Остановимся сначала на списке Типографской библиотеки. В нем бросается в глаза прежде всего стремление редактора, так сказать, к документальности в изложении рассказа. Действие происходит «в лето пятьсотное и тридесатное». Место рождения Григория указано точно — город Галасия. Имя деда его (старого короля) Иван (в редакции «Римских деяний» обычно Паркус, Парнус, Панкус и др., в редакции Ундольского имя деда отсутствует), имена родителей будущего папы, ни в одном из прочих нам известных списков не указанные, — Василий и Мария. Игумен монастыря, к которому приплывает «клада» с младенцем Григорием, называется Сергей, название самого монастыря — Неусыпаемая пустыня (быть может, в подражание повести об Андрее Критском, где речь идет о монастыре Неопалимая купина). Уйдя из города Галасии, после того как раскрылась его греховная связь с матерью, Григорий приходит к реке Силуян и тут встречает старца Сихему, который и отводит его в пустыню. Позже говорится о том, что этот Сихема живет в «Ыльине улице». Упомянуты предшественник папы Григория Фармусий и его преемник Герман. Названы тут, как увидим ниже, и другие имена.

Фабула в этом списке также сильно отличается от обычной. Отец Григория не умирает вскоре после рождения сына, как об этом говорится в прочих редакциях повести, а еще очень долго живет. Услышав о папе Григории, он приходит в Рим после смерти своей сестры и жены и поселяется в той палатке, в которой до того жила она; умирает он лишь через три года после того, как переселился в Рим. И в редакции, к которой восходит список Ундольского, и в редакции «Римских деяний» мать отказывается крестить ребенка и делает это игумен того монастыря, к которому приплывает Григорий. В нашем списке крещение ребенка происходит до спуска его в море. Самая мысль опустить родившегося мальчика в воду приходит в голову не матери, как в обеих только что указанных редакциях, а рыцарю, на попечение которого оставлена королевна. Ребенка носит по волнам целых три года (тоже новая подробность). Когда Григорий вырос, он, по рассказу нашего списка, наподобие Василия Буслаева или Еруслана Лазаревича, очень круто расправляется со своими сверстниками: «кого хватит за руку или за ногу или за главу, то отхватит» (в прочих списках рассказывается лишь о том, что он побил однажды своего товарища). Разговор игумена с Григорием после жалобы на него родителей потерпевших от него детей не походит тут на то, что читается в соответствующих местах других списков. Игумен не говорит здесь о неизвестности происхождения Григория (как в редакции «Римских деяний» и списка Ундольского), так что является не совсем ясным, почему Григорий просит своего воспитателя сообщить ему, кто его отец и мать. Уйдя из монастыря, Григорий приходит в город Армен к царю Раганю и становится у него посольским воеводой. Вскоре к городу подступает нечестивый царь Аттик. Григорий обращается к царю со словами: «Благослови мя и повели мне, царю, противу нечестивых братись: хошю яз за веру православную и за церкви святыя и за всю братию и за тебя, царя, главу свою положю». Несмотря на уго-

⁹ После Октябрьской революции фонды Типографской библиотеки переданы в ЦГАДА.

воры Раганя, Григорий выступает один против неприятельского войска и побеждает его, а царя Аттика приводит живым в город. Затем Григорий становится купцом, корабли его «волею божиею» прибывают в Галасию, и он по настоянию князей и бояр женится на своей матери. Рассказ о приходе Григория к царю Раганю и о его службе у этого царя является индивидуальной особенностью списка Типографской библиотеки: нигде больше этот эпизод не встречается. Видимо, это вариация того места повести в редакции «Римских деяний», где идет речь о защите Григорием своей сестры от бургундского князя, добывающегося ее руки. Этот последний эпизод, как и в тексте Ундольского, в нашем списке отсутствует.

Таковы главные особенности списка по рукописи Типографской библиотеки по сравнению с прочими, нам известными. Особенностей второстепенных в стиле и в подробностях очень много; чтобы отметить их, пришлось бы выписать здесь чуть ли не весь текст.

Список повести о папе Григории по рукописи из собрания М. И. Соколова не менее интересен, хотя и с другой стороны. Редакторская рука фабулы повести не изменила (она та же, что и в «Римских деяниях»),¹⁰ но зато произвела стилистическую переработку. Предварительно скажем два слова о самом сборнике, в котором помещен данный список. По своей внешности сборник этот весьма любопытен. Каждая его страница обрамлена бледно-красной рамкой. Сторона рамки, близкая к корешку, состоит из одной линии, а три прочие, шириной приблизительно в два пальца, — из ряда линий, между которыми вкраплены точки. Поперек рамки проведена такая же бледно-красная полоса от одной боковой стороны рамки до другой, шириной в палец. В получившихся таким образом двух четырехугольниках на каждой странице помещен текст. Внешний вид сборника, благодаря его оригинальной орнаментации, очень красив: листы рукописи производят впечатление вышивки. В записи, сохранившейся в сборнике, читаем: «Сия книга елатомского купца Сергия Кокорева и сыновей его Михаила, Ивана и Саввы. Куплена в Нижнем Новеграде 1797 года». В состав сборника, кроме повести о папе Григории, входят: Пророчество Исаии о последних днях, Повесть об Андрее Критском, Мучение Параскевы-Пятницы, Повести о граде Иерусалиме, о Давиде, о Соломоне, о Димитрии Басарге, Видение Макария Египетского, повести о Христовом крестнике, о бражнике, Страсти Христовы.

Несколько слов об этом сборнике находим в резюме доклада бывшего владельца рукописи М. И. Соколова в заседании Славянской комиссии Московского археологического общества.¹¹ М. И. Соколовым обращено было внимание на то, что здесь «почти все повести изложены эпическим языком и стилем народных сказок с примесью, конечно, по местам слов и оборотов книжных, славянских». По мнению докладчика, стиль сборника производит впечатление диктовки народного рассказчика. Встречаются места, напоминающие былинный склад. Нужно сказать, что влияние былинного размера особенно сильно чувствуется именно в повести о папе Григории. Как образец приведем прежде всего отрывок, уже отмеченный М. И. Соколовым: «Королевна послала князей и бояр по воина Григория. Взяли с честью. Григори воин пришел пред королевну ради думы крепкие. Королевна богатыря приняла, великие дары ему воздала. Григори воин богу помолился, королевне поклонился, сел на коня богатырскова, взял

¹⁰ Как новую подробность отметим лишь указание списка на то, что при встрече Григория в Риме колокола зазвонили сами собой (л. 102 об.).

¹¹ Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества, т. III. М., 1902, Протоколы, стр. 4—5.

палицу железную и копе мурзовецкое, поехал из града вон в чисто поле супротив неприятеля князя бургонскова и силы ево. Господь бог помог всю силу побить, а князю бургонскому голувау отсек, поднял на копе мурзовецкое» (л. 95—95 об.). Когда князья и бояре упрасивают королеву выйти замуж за Григория, они обращаются к ней так: «Свет наша матушка, яснейшая королева, за великую ево службу Григория воина надобно пожаловать: ваше королевство оборонил» (л. 96). И в дальнейшем, когда речь идет о королевне, к ней постоянно прилагаются эпитеты: «яснейшая», «честная», «свет наша матушка». Редактор избегает придаточных предложений; стиль его очень прост и в этом отношении также близок к народной речи. Вот несколько примеров. «После короля Паркуса стал быть сын королем. Сестру свою почитал и любил, без нея ни пил, ни ел. Брата роднова короля изкусил диявол: разжегся на сестру свою блудом» (лл. 85а об.—87); «Князь бургонски прислал посла ко девице королевишне: восхотел за себя взяти. Девица королева послу отказала: „До смерти замуж не иду“. Услышел посол речи от девицы королевы, воротился ко князю своему бергонскому, сказал посол князю. Князь велми разгневался на девицу королеву. Князь бургонски собрал войско великое, пришел в землю ко девице королевишне. Князь бургонской многие грады попленил и вырубил и огнем пожег. Девица королева убося бежала в далнай град и великое время там жила» (л. 91—91 об.); «Услышел рыболов от посланных, сказал рыболов посланным» (л. 101 об.); «от трудника божа принели благословения. Посланные рекли труднику божию» (л. 102). В последних двух примерах опять, видимо, влияние былинного склада.

Особенно любопытна редакция повести, сохранившаяся в списке XVIII в. по рукописи из собрания Н. С. Тихонравова, № 361. Заглавие ее («Сказание о царском платье») вовсе не соответствует содержанию. Впрочем, по листам, вверху текста, надписано: «Житие святого Григория, папы римскаго», но и это заглавие не вполне оправдывается содержанием повести, так как тут Григорий становится не папой римским, а патриархом в Царьграде. Очевидно, редактор решил «оправославить» католическую по своему происхождению повесть. С этой целью и игумен того монастыря, к которому приплывает бочка с Григорием, заменен архимандритом.¹²

Главные особенности этой редакции сводятся к следующему. Действие повести происходит в Царьграде, где живет царь Платон, у которого есть двое детей — сын и дочь. Как и в редакции из собрания Ундольского, Григорий, узнав о своем происхождении, решает, удалившись из монастыря, заняться торговлей и становится богатым и знатым. Прибыв в Царьград, он по желанию царицы женится на ней, не подозревая, что она его мать. Эпизод защиты царицы от бургундского короля, как и в тексте Ундольского, здесь отсутствует. Став мужем и женой, Григорий и царица «постелнаго греха не твориша», и таким образом оказывается, что Григорий не причастен к кровосмесительству, и выходит, что удаляется он на остров для того, чтобы замазывать не свой грех, а грех своих родителей. Григорий, как сказано выше, избирается не папой, а патриархом, притом в Царьграде. Когда мать Григория в старости решает покаяться, она последовательно обращается к трем священникам, но от них отпущения грехов не получает. Последний священник советует ей отправиться с испо-

¹² Григорий папа переименован в патриарха иерусалимского также в украинских списках повести конца XVII в. б. Киево-Михайловского монастыря (см.: А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести, стр. 88) и второй половины XVIII в. ИРЛИ (из собрания В. Н. Перетца). Оба списка восходят к тексту «Римских деяний».

ведью к патриарху, что она и делает. Патриарх Григорий не открывается своей матери и заковывает ее уста железом, сказав, что оно спадет тогда, когда грехи ее простятся. Мать после этого идет в пустыню, проводит там семнадцать лет, вымаливает себе прощение, и оковы отваливаются. Все эти подробности покаяния матери, отсутствующие в других редакциях повести, могли быть навеяны очень распространенными легендами о кающемся разбойнике, но скорее всего книжной повестью об Андрее Критском, где также идет речь о трехкратном хождении грешника Андрея к священникам, затем к архиепископу, который назначает Андрею Критскому покаяние, а матери его прорезывает ноздри и замыкает их замком, бросив ключ в море, пообещав ей отпущение грехов тогда, когда ключ выйдет из моря.

Что касается отца Григория, то он, как и в редакции списка Типографской библиотеки, не умирает вскоре после рождения сына, а, отправившись в пустыню, проводит там двадцать лет. Когда он идет каяться к иеромонаху, тот обещает ему разрешение от греха тогда, когда черные овцы (которых он, очевидно, должен был пасти) сделаются белыми, когда бездонный чан наполнится водой и когда, наконец, из соснового пня вырастет береза. Все это совершается после следующего случая. Однажды отец Григория приходит в церковь, на паперти которой находит гроб с телом мертвой девицы. Вскоре является туда пастух и совершает блуд с мертвой девушкой, которую он безуспешно стремился соблазнить при ее жизни, а затем, оставив тело на полу, удаляется. Кающийся грешник после этого, положив тело в гроб, отправляется к реке, обмывает в ней тело, гроб и платье умершей и вновь устанавливает гроб на церковной паперти. Вернувшись в пустыню, он видит, что черные овцы стали белыми, чан наполнился водой и из соснового пня выросла береза «велми кудрява». Иеромонах прощает ему его грех, он постригается в обители, становится в ней игуменом, живет там в молитвах еще девять лет и умирает «во святых». На этом повесть оканчивается.

Здесь уже вполне очевидно влияние легенды о кающемся разбойнике. Особенно популярен в этих легендах мотив о превращении черных овец в белых. Что касается мотива о наполнении водой бездонного чана, то это, нужно думать, отдаленный отзвук античного мифа о данаидах, осужденных в Тартаре наполнять водой бездонную бочку. Мотив о березе, вырастающей из соснового пня, также, видимо, вариация известного апокрифического мотива о прорастающей головне, популярного и в легенде о кающемся разбойнике. Грешник получает прощение за то, что обмывает и кладет в гроб поруганное мертвое тело. В одном из вариантов легенды о панщине разбойнику отпускаются его грехи тогда, когда он в порыве негодования убивает человека, надругавшегося над мертвецами, тыкающего палкой у могилы и созывающего мертвецов на барщину.¹³

Любопытна стилистическая подробность, сближающая эту редакцию повести с изданной нами в ИОРЯС (т. XIX, 1914, кн. 4): перед вступлением в брак царица собирает «всех персон и фелмаршалов и ковалеров» и вручает Григорию царский скипетр. Эта подробность определяет время возникновения данной редакции (Петровская эпоха).

Список не отличается исправностью: в нем попадают испорченные места, а порой, видимо, и пропуски в тексте.

Все тексты публикуются с соблюдением фонетических и морфологических особенностей списков, но без точного соблюдения их орфографии.

¹³ Ср.: Ю. А. Яворский. Очерки по истории народной словесности, I. Легенда о панщине. Львов, 1901, стр. 8.

**Житие и подвизи преподобнаго отца нашего папы стараго Рима
Григория мниха**

- л. 65 Бысть в лето пятьсотное и тридесятное естъ град на восточной стране зовомый Галасия, и в том граде царь именем Иван, а имяше у себя сына Василия и дщер Марию. И по неколице времени умершу тому царю и собращась вси во граде князи и бояря и гости и вельможи и власти и воеводы и поставиша царя Василия Ивановичя. И вложи диявол царю Василию злую мысль блудную и разжегся царь мыслию и паде с сестрою своею Мариною и оттого зачась у нея во утробе. И уведа о сем царь Василий, что от него естъ во утробе у сестры Марии, и призва царь старейшину своего и рече ему: «Брате, блюди сию тайну, до времени не поведай никому. Аще будет год и время рождению, и ты господа ради не погуби что бог подаст, но соблюди сохранно». А сам царь со слезами господу богу помоляся и с сестрою простяся и отай людей ношию изыде вон из града. || И уведав граждане, что царь изыде из града и искаше многое время его и не обретоша. И совет они сотворше о том, кому царство прияти, и даша власть сестре цареви Марии до времени и нача она царствовать. И егда приидет час рождения и родиста сына и нарече имя ему во крещении Григорий. И рече Мария старейшине: «Что у нас будет о сем?» Он же рече ей: «Госпожа моя Марие, дай ми ты злата и сребра и аз ти сотворю и положим отроча в кладу твердо». А с ним положиши злата и сребра по пяти тысяч да тутож положиши тщицу златую, а на ней влиты слова: «Финистуйской сей отрок братом зачат, а сестрою рожден». И залив ю оловом и пустиша ю по морю. Носима ж бысть сия клада по морю и в пучине морстей быв три лета и божиим изволением взнесе из пучины и принесе ко острову ту кладу к монастырю, а игумен туто Сергей, а братии пятсот, и имя монастырю тому Неусыпаемая пустыня. И в день неделный поиде игумен з братиею гуляти по берегу морскому и устремися волна великая и выкинув на берег кладу пред игуменом и братиею. И повеле игумен кладу разбити и обретоша в кладе отроча
- л. 66 плещется вельми прекрасно. И взяши его игумен и злато || и сребро и тщицу, а отрока начаша брашны разными кормити — и воскорми его и научи в грамоте доволно его и книжному разуму. И нача игры творити с детищи и кого хватит за руку или за ногу или за главу, то отхватит. И начаша отцы тех отроков приходити ко игумену и глаголати ему: «Отче честный, сын твой Григорий изгубил дети наши и что мы сотворим противу ему?» И рече им игумен: «Чада моя милая, отдайте ему согрешения его». А ему глаголах игумен: «Враг ли ты еси или человек и что ты небожия дела делаеш?» И поклонися игумену отрок: «Прости мя, отче святой, к тому уж сего не сотворю и молю тебя яз о сем, повеждь мне бога ради о мне грешном, кто суть отец мне и мати и родители мои». И рече игумен: «Чадо мое милое, не ведаю того и кто твой родители или отец и мати или от коея страны ты еси; толко то нам ведомо: яз з братиею иду по берегу морскому и напрягшия волна низверже кладу на брег, а яз видев кладу облиту оловом и повелел ея разбити и обретоша тебя в кладе да с тобою злата и сребра десеть тысяч и тутож тщица златая, а на ней влиты слова: „братом зачат, а рожден сестрою“». И глаголя отрок: «Покажи ми, отче, || тщицу». Он же даде ему тщицу. Отрок же взя ея и разжегся сердцем и смятется умом и рече: «Отче, прости мя и благослови и отпусти с миром». Рече ж ему игумен: «Чадо, возми свое все злато и сребро и иди с миром». Отрок же взяв свое все и поиде из монастырея вон и прииде во Армен

град и предсташи цареви Раганю. Царь же виде отрока не проста и повеле ему близ себе быти. И помале времени рече царь Григорию: «Брате мой, не подобает ти тако быти в сей службе, но подобает тебе быти воеводою посольским и ближним моим». И в то время прииде под град нечестивый царь Аттик, хотя его пленити с великою силою грозно, им же и числа несть. И рече Григорий ко царю: «Благослови мя и повели мне, царю, противу нечестивых братись: хошю яз за веру православную и за церкви святыя и за всю братию и за тебя, царя, главу свою положю». И рече царь: «Григорие, потерпи малое время ехати битися». И рече царю: «Благослови мя ныне да еду». Царь же его не мог удержати и поеха един противу нечестивых братись и поби всех, а самого царя жива привел во град пред царя (и) войско многое, а царь великими дарами одари Григория и начаша || Григорий куплю творити и бысть во граде том славен и в первых у царя. И наряди Григорий корабли многи и поеде по морю куплю творити и волею божиею принесены быша корабли ко граду Галасии и ту царствова Мария мати его, девица. Григорий же пристав к берегу и взем великия дары и иде ко царице на поклонение, царица же прием дары и чтяше его велми. Видев же его князи и бояря и вси людие славна и богата храбра велми и рече ему: «Господине Григорие, хощеши ли в царстве нашем прияти венец обручению и венчанию со царицею нашею Мариною?» Он же рече: «Буди по глаголу вашему». И сотвори брак и начаша Григорий царем быти во граде Галасии и начаша всегда бога и пречистую его матер молити, да явит ему о сем, кто ему отец и мати и родители и на всяк день на словословии стояше и бога моляше и чтяше тщицу свою со слезами. Царица же глагола мужю своему царю Григорию: «Господине мой Григоре, повеждь мне тайну свою, что много медлиши и что молиши, дело твое повеждь мне». Он же не поведа к ней ничесоже, а имейше обычай свой: иде в полату свою и чтяше тщицу || пред иконою со слезами. И уведа царица, яко тщицу прочитает и глагола ему царица: «Дай ми, царю, тщицу свою, еже ты прочитаеши всегда, уведая яз, еже ты прочитаеши». Царь же даст тщицу царице, царица же позна тщицу тою златую и глагола царю с плачем великим: «Воистину ты Григорий сын мой еси возлюбленный, и яз мати твоя. Увы и мне грешной, увы окаянной! Камо мне деться со грехи мои! Оскверних свою душу, первое девство свое оскверних, з братом Василием падеся, от него и зача во утробе своей и родила тебя, Григория, и ты еси воистину сын мой, а ныне господин мне и муж; вдвое грех сотворих». И все порядку ему изрече мати его. И услышя Григорий у матери своея глаголы сия и смятесе вельми утроба его и нача вопити горкими слезами: «Увы мне грешному, увы окаянному! Камо иду и к кому прибегну!» И испущая умильно слезы изо очию своєю: «О пресвятая госпоже царице богородице, родящая нам сына своего а господа нашего Иисуса Христа творца небу и земли, буди ты, госпоже мати моя, заступница и помощница и ходатайца истена, необоримая в нынешнем веце и в будущем! Помози мне грешному отселе не осквернять тела моего». И глагола Григорий матери своей: «Госпоже моя мати Марие, отдай ми мое согрешение и прости мя и благослови мя грешнаго». И паде на ногу, моля ея со слезами, омочая нозе и землю и поиде из царства своего далече и вседе на конь свой и взя от богатства своего и поеде ношню и многое время ехав прииде к реке некоторой прозваней Силуян, и ту ездит человек по реке в кораблеце именем Сихема. И рече Григорий к Сихему: «Брате святой, покажи ми пустыню, где блаженнии отцы житие имели». И рече ему Сихема: «Есть, господине, место предивно и угодно отселе поприщ 100». И рече Григорий: «Вези мя, брате, тамо, а за провоз возми моево коня и златыя моя ризы». И довезе его Сихема. Григорий же

л. 67

л. 67 об.

л.

видя пустыню и возрадовался душою, что место угодно вельми и повеле Сихеме себя затворити извну дверцы и замкнути пустыню, а ключи, отъехав от себе, повеле кинуть в реку и заповеда никому о себе поведати. И нача Григорий богу молитися и слезы ко слезам прилагати. И потом времени много минувшем умре папа римский Фармусий и совет сотворше вси граждане и князи и бояря и велможи и воеводы и архиепископы и епископы

л. 68 об. || и весь причет церковный, кому в Риме папою быти. И начаша наместницы местити меж собя, кого бы на тот святительский престол избрати, и многи от них погибоша мечем сами меж собою. И бысть с небеси глас глаголющ, яко гром: «Поищите вы миром человека божя, а он некоем месте за весь мир молится, а имя ему Григорий». И вси граждане начаша богу молитися, да явит им господь человека божя Григория. И на молитве вторые с небеси глас бысть всему миру: «Ищите того с Сихемою, а живет в Блбине улице, тот вам укажет, ему ведомо о нем, уж тридсят три лета в пустыни; тому подобает в Риме у вас папою быти на святительском престоле». И взяли они Сихему, вельми муж стар, и поехаша с ним в судех архиепископы и епископы и весь чин священнический и не дошедше мало до пустыни, хотя они от многого путнаго труда отдохнути и кинуша мрежю в реку и яша множество рыб и пререза щюку первую и обретоша внутрь ея чрева два ключа, и возрадовалися вси вельми и похвалили бога, а Сихема узнал, который ключ пустынный, он и замкнул его до пустыне, и поехаша они до пустыни с радостию и мнози прослезилися, зря на его пустыню угодную, и начаша ону молитву творити у пустыни и не бысть

л. 69 им гласа ни слуху, || и в третие сотворили молитву и глас бысть: «Аминь, братия». И архиепископы приложили ключ той, замок и отпаде по Сихемову слову, и вошли внутрь в пустыню к преподобному, и просветися пустыня яко солнце, а лице преподобнаго яко молния блещется, а власы его аки волна чиста, а брада у него аки белый снег. И пали вси на ногу его, прося у него благословеня и омочая слезами землю и глаголя вси единогласно: «Отче святыи, тебе подобает в Риме папою быти, благослови и поиди с нами в Рим град на вселенский престол». И глагола преподобный: «Аз, братия, недостоин и многогрешен раб и никим незнаем, а zde на землю пришлец, червь, а не человек, поношение человеком и уничижение людем, не хошю на вселенском соборе папою быти: выше моя меры. Идите, братия, с миром отсюду». И глагола ерхиепископ: «Мы, отче, ис пустыни сея не возвратим без тебе, а ты не прогневай господа бога своего». И едва взявша его с нуждею великою и доиде града Рима и стретоша вси его, мали и велицы, и благословив их преподобный и вшед в црков преображение Христово и поставиша преподобнаго на престол папою, и начаша он люди учити день и нош и беспрестани. По некоем времени лучися итти

л. 69 об. преподобному в црков на || праздник шествие святаго душа со множеством народа, и узре преподобный матер свою с южныя страны грядущу царицу со множеством народа. И узрев преподобный матер свою Марию царицу и паде ей на ногу и плакав на мног час, прося от нея благословения. Царица глагола ему: «А яз от тебе хошю прощения получитьи грехов». И услышя преподобный от матери такая словеса (?) и возвратися в полаты своя и прося от нея благословения и облече ея в ангельский чин и повеле близ себе поставити полатку и труды к трудом прилагати и о матери бога молити со слезами и душою ея спасе, о госпде преставися в вечную жизнь. Преподобный погребе тело ея, матери своея, и по неколице времени отец его Василий услышав о сем и прииде ко граду, а преподобный Григорий, святым духом уведев яко отец его Василий прииде, и повеле его к себе всяти на покаяние и поведа отцу своему все порядку, да в туж полатку утверди, где

и мати спасенна. И Отец его жив тут три лета и преставися ко господу. Преподобный ж погребе и отца своего честно и пасе паству свою многое время и уведав святым духом отшествие свое ко господу и призва к себе гражан и подав им благословение и о Христе целование || и поучив их доволно, а вместо себе благословив на святительский престол и поставив Германа, духовна мужа, папою и отиде к богу, и много бьсть от него исцеления слепым, хромым, трудоватым, всяким немощным помощь. л. 70

(ЦГАДА, собр. Московской типографской библиотеки, № 394, лл. 65—70).

О дивной мудрости и святом Григории, папе римском

Во странах римских некоторы король был именем Паркус. Был у его сын и единая дочь. Король Паркус велми разболелся. Король призвал рыцрей князей и бояр. «Милые мои рыцери и князя и бояра, от сие немощи не || востать мне, а имею я печаль великую о своей дщере; мужеству аз не совокупил ея. Сейчас приказываю сыну моему королем быть и доч я свою поручаю ему на соблюдение». Король Паркус речет сыну своему: «По достоянию после меня почитай сестру свою». Король Паркус умре. После короля Паркуса стал быть сын королем. Сестру свою почитал и любил, без нея ни пил, ни ел. Брата роднова короля искусил диявол: || разжегся на сестру свою блудом. Речет король сестре своей: «Не буди противна мне, сотвори желание мое; аще не сотвориш, не хоцеш жива видети». Речет девица, королевская дочь: «Братец мой король, не сотвори такова дела, вспомени отца нашего благословение, тебе приказывал под клятвою девство мое в чистоте сохранить». Король, брат ея, не послушал моления ея, сотворил волю свою. || Девица, королевская дочь, стала плакати велми. Уведала девица, королевская дочь, во чреве своем, сказала брату королю. Король стал плакати. Девица, королевская дочь, брата своево утешала: «Милай мой братец король, не плач, послушей мене, бога мы прогневали, благословение отца нашего преступили. Есть у нас рыцер: отец наш призывал к себе и испрашивался отец наш ево во всем, у отца нашего ведал всякую тайну и хранил. || Призови сего рыцаря и скажи ему тайну нашу». Король призвал рыцера старова. Король рыцерию тайну свою сказал. Рыцер речет королю: «Государь мой, яснейши король, слушей думы моя: дабы сие дело тайно было, собери всех князей и бояр королевства твоего. Пред всеми отдай мне сестру свою королевешну на соблюдение, а ты поедь в Еросалим поклонитися гробу господню и проси у господа бога прощения о грехах, а сестру твою я || возму к себе и тайну вашу сохраню». Услышел король речи от рыцера, похвалил: «Сотворю тако». Король собрал всех князей и бояр королевства своего. Речет король Паркусович: «Верны мои рыцерь, ведомо тебе буди, я еду в Еросалим град гробу господню поклонитися, а сестру я свою королевешну приказываю тебе, рыцерь, а когда возвращуся, бог весть». Король простился, поехал в Еросалим горад. Рыцерь после короля сестру взял к себе на соблюдение. Рыцерь || призвал свою жену и сказал ей и все причины запретил жене своей, дабы сие дело тайно было. Жена ему с клятвою обещалась королевскую дочь хранити. Девица королевешна родила сына. Рыцерь хотел окрестить по своей вере. Девица королевешна рекла: «Рыцерь, не хошу по своей вере крестить. Господин рыцерь, зделай малай кораблиц». Положили в корабль младенца, под главу золотых 5 тысяч, под ноги || казны серебряные 3 тысячи. Девица повелела написать указ, а в указе было написано: «Ведайте, хто сего младенца в море найдет, высокова роду, от брата л. 86а об.

л. 87

л. 87 об.

л. 88

л. 88 об.

л. 89

л. 89 об.

- и от сестры девицы королевского роду. Золотую казну себе возьмите, а серебряную казну ему на пропитание, а не крещен, окрестите христианскою верою». Рыцерь караблук пустил в море. Рыцерь пришел ко дворцу королевскому. У дворца встретил рыцера посол королевский, приехал от земли святыя. Рыцерь || спросил посла: «Откуды приехал и што скажешь?» Рек посол: «Приехал от земли святыя, из Еросалима града». Рек посол рыцерию: «Государь король умре, а тело его привез в град сей». Услышел рыцерь, велми стал плакати. Пошел рыцерь х королевичне. Королевна увидела рыцера, со женою плачут. Речет королевична: «Други мое, што так плачете?» Речет рыцерь: «Яснейшая королевична, как нам не плакати? Приехал посол из Еросалима града || от земли святыя. Посол сказал про короля о государе нашем, а твоим браце, что умре». Девица королевична велела посла пред себе привести. Посол пришел, сказал королевичне: «Брат твой, а государь наш умре, а тело ево привез из земли святыя в сей град. Государь мой король приказал себе положить в земле отца своего». Услышела девица королевна от посла, от великие печали и пала на землю, велми плакала великим гласом. «Ныне потеряла надежду мою, половину души моея, не стала короля брата моего единороднаго». Рыцерь речет: «Матушка наша яснейшая королевична, от печали великие имей меру, государя нашего короля погребем, а ты, ясняя королевична, будеш королем». Князь бургонски прислал посла ко девице королевичне: восхотел за себя взяти. Девица королевна послу отказала: «До смерти замуж не иду». Услышел посол речи от девицы королевны, || воротился ко князю своему бургонскому, сказал посол князю. Князь велми разгневался на девицу королевну. Князь бургонски собрал войско великое, пришел в землю ко девице королевне. Князь бургонский многие грады попленил и вырубил и огнем пожег. Девица королевна убояся, бежала в дальнай град и великое время там жила. А караблук на море волнами носила. Божем повелением караблук принесло к монастырю. || Игумен того монастыря гулял по берегу морскому, увидел в море плавает малой караблук. Повелел рыболовам привести г берегу. Вскрыли караблук: младенец лежит. Игумен повелел взяти. Увидели в караблуке грамоту, под головами золотая казна, под ногами серебряная казна. Игумен прочел грамоту, увидел — королевский сын. Игумен взял младенца, окрестил, дал ему имя Григори. Игумен младенца || отдал рыболову воскормити. Григори велми красно вырос. Игумен Григория семи лет взял к себе, стал грамоте учити. Григори изучилсь божественному писанию и чтению. Прилучилсь Григорию с сынам рыболовным играти на улице. Григори ударил силна рыболова сына. Стал плакати. Мать ево стала Григория бранити: «Что бьещи сына нашего? Он луче тебе». Речет Григори: «Мати моя возлюбленная, и я твой сын».
- л. 93 «И ты сын наш, а откуды || ты, не знаем, нашли тебе на море в караблуке малым. Игумен дал воспитати». Услышел Григори такие речи, стал плакати, пришел ко игумену. «Ясны отче, я чаял рыболова, аз не сын ево. Отпусти меня вон из монастыря отца и матери поискати». Речет игумен: «Сын мой милы, не думай того, по моей смерти будеш наместником». Речет Григори: «Не хошу жыти». Игумен пошел в сундук, взял грамоту.
- л. 93 об. Игумен прочел, отдал || Григорию. Григори и сам прочел грамоту и вразумилсь, что королевского роду, от брата и от сестры родился, от короля и от девицы королевны, а сам рек Григори: «Боже вседержитель, каковых я родителей, и пойду в землю святую и ко всем святым местам, стану труждатися за грех моих родителей, в трудах и живот свой скончаю». Игумен Григорий благословение воздал и отпустил на карабль. Григори по морю на карабле побежал || по морю ко святым местам. Божьею волею на море карабль в море носило три месеца. Принесло карабль ко граду

тому, где был отец и мать ево. Григори стал плакати. Карабелщики не узнали града коего королевства. Григори вылез от карабля, пошел во град. Попался встречу гость торговой. Речет Григори: «Отведи подворья доброе». Господин взял себе в полаты. Григори стал господина спрашивати, как град зовут и хто у вас государь || король был. Речет господин: «Был у нас славной король, да умре; после ево был сын королем и тот умре, после прежнево короля осталась дочь девица. Ныне у нас она королем. Князь бургонски хотел взяти за себе, королевна за ево не пошла. Князь бургонски за то розгневался, пошел боем, собрал великую войну, многие грады попленил и деревни выжег, людей порубил, толко сей град крепкой астался». У Григория сердце разгораетца. || Князь бургонски с войском подошел под град сей, уведал, что королевна во граде. Речет Григори господину: «Я воин храбры, поди скажы королевне про меня: аще мне воздадут волю, буду стоять за королевну и за град ваш, выведу един против князя бургонскова и силы ево». Господин доложил королевне про воина. Королевна послала князей и бояр по воина Григория. Взяли с честью. Григори воин пришел пред коралевну ради думы крепкие. || Королевна богатыря приняла, великие дары ему воздала. Григори воин богу помолился, королевне поклонился, сел на коня богатырскова, взял палицу железную и копе мурзовецкое, поехал из града вон в чисто поле супротив неприятеля князя бургонскова и силы ево. Господь бог помог всю силу прбить и князю бургонскому голову отсек, поднел на копе мурзовецкое. Приехал Григори с войны во град х королевне, князя бургонскаго главу привез пред королевну. Речет || королевна Григорию воину: «Я велию тебе честь воздам». Князя и бояра пошли к королевне подумати. Рекли князя и бояра королевне: «Свет наша матушка, яснейшая королевна, за великую ево службу Григория воина надобно пожаловать: ваше королевство оборонил». Рекли князя и бояра: «Сама ты, яснейшая королевна, знаеш, до сего времени многа зла терпела без государя нашего короля». Князя и бояра пали пред королевною девицею. || «Для нашего прошения произволиш ли за его итти, да и впред земля твоя в покое будет?» Услышела королевна речи от князей и бояр. Королевна стала рассуждати пред князьями и боярами: «Григори воин для нас воевал и мое королевство оборонил от неприятеля, князя бургонскова; ради ево замуж пойду и приму ево, Григория славнаго воина». Услышали от королевны князя и бояры, возрадовалися радостию великою. Князя и бояра зделали потеху по три дни, воина Григория || сочетали браком с королевною. Стал бытъ Григори воин королем и жыл в великой любви с женою королевною. Честный Григори король не пивши и не ечи выходил в особую полату и читал рукописание матери своей и плакал. Увидели королевские девицы короля, что плачет, сказали честной королевне: «Свет наша матушка, чесная королевна, чем ты государя нашего прогневала? Мы, твоє верные девицы, три раза видели государя нашего короля || в полатах плакал, письмо читаючи». И рекла чесная королевна девицам: «Поверте вы мне, девицы, я чаюся, королевна, никто так не живет в такой любви, как я живу со своим королем». В некоторое время король поехал за охотою. Королевна после ево пошла в полату, нашла грамоту за своею рукою. Королевна прочитала, вразумилася, грамота ея рукою, а сама залилася слезами: «Сын мой, горе мне на сем || свете». Королевна вышла из полаты, рекла к князьям, боярам: «Поедте вскоре по любезнава моево короля». Бояра приехали к королю. «Яснейши наш король, честная твоя королевна велми болна, желает тебе короля поскорее». Король скорє поехал во град х королевне, пришел в полату х королевне. Речет королевна: «Государь мой король, повели вытти всем из полаты, не слышали бы словес наших». Речет королевна: «Любезниши

- л. 98 об. мой || король, скажи мне, какова ты роду». Речет король: «Любезная моя королева, дивно вопрошаеш ты меня. Аз из далные страны». «Аще ты правды не скажеш, сейчас жыва не буду». Речет король: «Скажу всю истинную правду. Некоторый был монастырь подле моря, слышел я от игумна. Он мне сказывал, чтобы нашел на море в малом кораблике. Он меня воспоил и воскормил». Услышела королева от короля всю истинную
- л. 99 правду. Королева королю пока||зала грамоту за своею рукою. Увидел король сию грамоту в руках у королевны. Король стал призрашен. Речет королева: «Государь мой любезны король, ты сын мой от брата моего. Я тебя родила. Я велела положить в караблик, а сия грамота за моею рукою. Ты сын мой и муж мне, сын брата моего». Речет король Григори: «Не знал я такова дела: впал я в какую напасть». Речет королева: «Я пойду странствовати до сметри своей, а ты, || Григори, владей королевством». Речет Григори король: «Мати моя любезная, я пойду, король, странствовати и стану плакати по вся дни». Речет король Григори: «Мати моя, дай свое великое благословение. У иду во страны далные потружда- тиса за грехи отца моего и матери и о своем великом согрешение». Король Григори оделся в нищенское платье, стал прощатиса с материею своею,
- л. 100 королевною. Велики плакал, пошел в далные страны. Мати его || королева с печали пала на землю, лежала трои сутки, ни пивши, ни ечи. Григори пришел в некоторы град, впросился у рыболова начевать. Рыболов увидел человека добра. Речет Григори: «Господине мой, не знаеш ли где преподобнаго места помолитиса богу?» Речет рыболов: «Я знаю — есть на море остров, в ним есть пещера, а от сего града семдесят верст». Григори услышел от рыболова, радашен стал, пал в ноги. Речет рыболов: «Утре поедем
- л. 100 об. и отвезу тебя». Поехали || морем ко острову, пристали в остров, пошли к пещере. Пришли. Рыболов Григория в пещеру. Рыболов простился с Григорием, пещеру замкнул, поехал морем рыболов ко граду, а ключ бросил в море. Григорий в той пещере трудился семнацеть лет, молился богу со слезами. Прошли семнацеть лет. В то лето умер папа в Рыме. После папы римского глас с небеси по три дни. Господь рек с небеси: «Поищите свята мужа Григория и святите его папою и возведите его на престол». Услышели || в Рыме глас с небеси, возрадовалися радостию великою. Из Рыма послали изскати по всем сторонам свята мужа Григория. Некоторым посланным прилучилось начевать в том граде у рыболова. Рыболов спросил посланных, откуда еси и куды путь ваш надлежит. Посланные сказали рыболову: «Друзе наш, мы многие страны обездили, ищем мужа свята, а именем Григорий. От бога наречен у нас в Рыме. Свят муж папа умер.
- л. 101 об. Божем изволением наречен папою. У нас в Рыме по три || дни был глас с небеси». Услышел рыболов от посланных, сказал рыболов посланным: «В прежние времена ночевал у меня именем Григорий. Я в море отвез на остров, затворил в пещере и замкнул, а ключ бросил в моря. Тому делу будет семнацеть лет, только, я чаю, умер». Посланные услышели от рыболова, дали ему велики наем. Рыболов поехал в моря с посланными х труднику. На пути рыбак стал рыбы ловити. Бог дал единую рыбу. Стали
- л. 102 чистить, ключ нашли в рыбе, || которым запер пещеру. Посланные абрады- вались радостию великою. На остров приехали, пришли х пещере послан- ные, увидели угодника божа, отперли пещеру посланные и рыбак, от труд- ника божа принели благословения. Посланные рекли труднику божьему: «Поедем с нами в Рим, тебе хвалу божьему воздадут; господь тебя возлюбил. По три дни был глас с небеси. Господь повелел изскати свята мужа
- л. 102 об. Григория: освятите его папою и возведите его на престол». || Посланные трудника взяли из пещеры, повезли его с честию в славный град Рим. Едучи решили посланные: «Даровал нам бог угодника божа». Посланные

стали подежать ко граду Риму. Божем повелением в Риме у всех церквей сами колокола заунывна благовестили. Во граде Риме услышали колокольной голас горадцкие жытели, вышли из Рыма с месными образами, встретили угодника божа свята мужа Григория. Народ божей принели благословения трудника божа, || вывели его в церковь, осветили папоу у Петра и Павла, возвели его на престол. Святые отец папа пожыл в Риме миласливо и во всех заповедях господних. Папа свят отец Григори прославился славою доброю. От всех стран народ приходили богу молитися у свята отца папы, благословение принимали. Услышела мать ево родная ясная королевна про свята мужа Григория папу в Риме. Королевна приехала || в Рим ко святому отцу папе ради благословения и просити прощения о своем согрешени. «И объявлю ему, святу мужу папе Григорию, пред всем народам объявлю свое согрешение, что был мой сын и муж мой от брата моего короля». Королевна пошла ко святу отцу папе ради благословения и покаяния. Королевна увидела свята отца папу, залилася слезами, на ногах своих не устояла, пала пред папою пред его святыми ногами, просила благословения || и прощения во грехах своих королевна пред папою и пред всем народам: «Свят отец, прости меня, многогрешную королевну; божем изволением был ты мой сын от брата роднова короля и муж мой. И король был ты славный, а ныне господь произволил, за твое труды папою освящен. Свят отец Григори, господь простил твое согрешение. Свят отец папа, прости и мене во всяком согрешение». Речет свят отец папа: «Встань, мати моя любезная, честная королевна — бог простит тя в нынешнем веце и в будущем || во всяком согрешении». Встала честная королевна, приняла благословение от свята отца папы. Речет свят отец: «Пред богам поведала грехи свое и предо мною, папою, и пред всем народом. Благодарим бога: труды наши малые принел господь и простил наше согрешение, услышел господь моление наше». Свят отец папа принел мати свою с великою честью. Папа королевну постриг, поставил наместницею над вдовами. Была честная королевна, а стала быть святая игуменья. || От грех своих простил господь в всяком согрешение. Аминь, аминь, аминь.

(ГИМ, собр. М. И. Соколова, № 15, лл. 86а—105).

Сказание о царском платье ^а

Бысть в Цареграде царь Платон, живяше много лет и умре, а после его остались един сын, една дщерь. И бысть на возрасте и прелстися брат на сестру и сотвори блуд, и царевна во чреве понесла младенца. || И проведав брат царевичь, что царевна чревата, и приказаше ближним своим, чтобы ея сохранить, а сам поехал из царства вон. И царевна родила сына именем Григория. И призваша к себе купаров ^б и повелеша им сооронити бочку великую и положиша свинцовую доску, а на ней написано все рождение его, от чего он зародился, а злата и сребра положиша два мешка и на доске подписано тако: половина имения младенцу на пропитание, а другую половину тому, кто ево возмет. И пустиша на море и понесоша ту бочку под обитель. И узреша ту бочку караульники и сказаша архимандриту. Архимандрит повелеша бочку перенять и раскубрить. И обретоша в ней младенца жива лежаще и прочте в ней и взяша его и доску и вельми || размышляху об нем и отдаша его для воспитания казначею. И минуло

^а По листам над текстом другое заглавие: Житие святого Григорья, папы римского.

^б Очевидно, от немецкого Kuffer — «бондарь».

ему три года и поидоша царевичъ на улицу погулять с робятами и ушиб единого из них. И придоша тот отрок — жалобу творит казначею, и казначей нача на него кричати: «Чего ради дерешся, на кого надеешься? Ты же от непотребного дела родился». И нача о том ведать. И усмотря казначея в радости (?) и паде ему в ноги и расплакался. И нача просити его, дабы он ему поведал о сем. И взяв казначей ту доску и показа ему и он нача читати, а сам горко заплакал. И нача просити казначея, чтоб отдал ему доску. И читаша всегда со слезами и мыслит тако и нача просити казначея, чтоб ево отпустил за море. И золото нача казначей отдавати и унимаша ево, || что отрок искусен грамоте и протчим наукам и лицем леп зело. Исполнися ему пятнадцать лет. И казначей купи три корабля и нагрузил товарами на его ж деньги и учредил его купцем и все золото отдаша ему и отпустил его с протчими господами с корабельными. В Цареград поидоша, а того не знал, что мать ево царствует в Цареграде. И нача торговати и бысть царевич в великой чести, потому что мудростям исполнен и лицем леп зело. А царица похоте замуж и нача избирати супружника себе, хто б могл царством владеть. Изобраша того купца сына своего и собраша всех персон и фелмаршалов и ковалеров и всех достой(ней)ших законных браков и вручила ему царской скипетр. И живяше с нею, а постелнаго греха не твориша. По всякой || день пред кушанием ходиша в особую полату читати ту доску со слезами. И царица всегда вопрошаше его о том: «Друзе мой, повеждь ми, чего ради ходиши в особую полату?» И нача о том мыслити и стала ему говорить: «Друзе мой, живеши со мною одинакой. Забавляйся (?), изволь взять с собою младых юношей и поеть ты в чистое поле гулять». И он сотвориша тако и поехал в чистое поле гулять, и она в полату нача ломитись и бить замок и обретоша свинцовую доску, которую она сама писала. И дознашася, что сын ея, и она потому жестко ужаснушася, горко заплакала пред богом. И прибысть царь с охоты, и она ему упадоша в ноги и нача рыдать, и он такоже нача плакати о своих тяжких грехах. И царь поидоша ис царства вон на брех моря, и узреша || рыболова и облечеса в худое платье и возмолися раболовам, чтоб они перевезли на остров. И оне перевезли его, и он состроил каменую келию, двери железные и замкнулся в ней, ключ велел верзити в море. И трудися там 15 лет. Человек достоин бысть патриархом и сотвориша тако^о и придоша вельможи на берег при (море) и поехаша на остров || и обретоша трудника в келье и нача его просити в Царьград в патриархи. И он им сказал: «Ищите ключь в море свержена». И нача руболовы сети метати и цоимаше чуку и в ней собретоша ключь и отомкнуша келью и взяша ево с честью и с колокольным звоном и удостоиша ево патриархом в Цареграде. И царица — мать ево в том же граде царствует. И приспе ея старость и нача она о гресех своих господу богу покаяние приносить и пошла на исповедь ко иерею, исповедаша грехи своя. Иерей не разрешиша ея, понеже что грехи тяжки, и она, заплакав, пошла ко иному иерею такожь поведав о вышеписаном. И другой иерей тожде ни прияша на исповедь. И поиде к третьему иерею — и тот такожде не прияша || на исповедь и нача ей говорить: «Изволь итти к патриарху на исповедь: он тебя исповедует», и она пошла к патриарху и придоша к нему и упадоша на нозе со слезами и поведоша ему грехи своя, и он смотря на нея горко заплакал, дознался, что мать ево. И он ей не сказал, что сын ея и закова уста железом и сказал ей, что изволь молитися богу; когда умолишь тогда отвалятся окованныи от тебя, для того что не хотя ея велми в погибели.¹ И пустил ея, и

^о Тут очевидный пропуск.

¹ Фраза испорчена.

она пошла в пустыне труждатися и нача...⁴ и наложила на себя черное платие и бысть в трудах 17 лет и умолися господу и бысть прощена, и окование отвалилось от нея, и пострижесе она во иночески чин и бысть игуменею в обители. А брат ея царевичь, с того времени, когда сотворил с сестрою своею грех, ровно 20 лет трудишася в пустыне. И поиде он ко другому пустыннику || ермонаху на исповедь и поведоша ему грехи своя. л. 151 об. Ермонах же сказал ему: «Сотвори ты три заповеди: первая заповедь — стадо овец черных когда будет белые, а другая заповедь — стоит чан безо дна, когда будет полан воды, третья заповедь — стоит пень сосновой, когда в нем выростет береза. Едва исполнишь сие ты заповеди, тогда приходи на исповедь». И он пошел и нача овец мыти и овцы не белеют и нача и чан воду лить и чан не наполняется; хождаше ко пню и береза не выростае. И он горко заплакал, а сам мняше так, поиде в народ трудитися. И поидоша нощию х приходцкой церкви. Взошед в паперть и в той паперти стоит гроб, а в нем мертвое девическое тело. И он стояше моляшесе богу. И внидоша в паперть пастух и рече такое: «О ты девица, не могла тебя живую представить на блут, а ныне || сотворю над мертвою». И взяв л. 152 тело из гроба и нача блуд творить. И оставив на полу и пошел ис паперти вон. И царевичь взял тело и положиша во гроб и понесоша к речке и обмыша ея тело и гроб и платие и пренесоша к речке и положиша в паперти, а сам поидоша в пустыню. И приидоша к овцам — и овцы белы, аки снег. И возрадвашесе царевичь, поидоша ко чану — и чан полон воды. И поидоша ко пню — и на пне береза велми кудрява. И он велми возрадвашесе и поидоша ко ермонаху и рече ему, чтоб сотворил ево на исповедь. И простил его во всех грехах и тайносных (?) и пострижесе во обители и пошел во игумены и живяше во обители 9 лет и моляшесе богу и преставися и бысть во святых. Богу нашему слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова, № 361, лл. 147 об.—152).

⁴ Снова пропуск

В. Е. ГУСЕВ

О жанре Жития протопопа Аввакума

Проблема жанров древней русской литературы относится к числу наименее разработанных в советском литературоведении. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что даже в пособиях по теории литературы самый термин «жанр» употребляется применительно к различным группам произведений, а единые принципы или критерии разделения на жанры отсутствуют.¹ Эта несогласованность, а порой и противоречивость в классификации литературных произведений объясняется условностью тех границ, которые разделяют отдельные группы произведений искусства в действительности, и бесконечным разнообразием типов и видов этих произведений. Существующая классификация жанров весьма приближенно и грубо отражает это живое многообразие, игнорируя зачастую переходные формы и оставаясь бессильной в определении жанровой природы многих произведений. Но думается, что это является лишь свидетельством несовершенства нашей классификации и терминологии, но отнюдь не служит доказательством фиктивности самого понятия «вид» или «жанр». Определенные группы, более или менее многочисленные, обладающие известными общими идейно-художественными признаками, существуют в действительности прежде всего в силу того обстоятельства, что искусство отражает реально существующие закономерные явления жизни, определенные типы человеческих отношений, типические характеры, а также потому, что творческая индивидуальность художника, его субъективное восприятие действительности есть лишь частное, индивидуальное проявление мировоззрения, этических и эстетических идеалов реально существующей социальной группы или класса. Образованию жанров как более или менее устойчивых групп способствует и наличие традиций в искусстве, с которыми не может не считаться каждый художник, каким бы новатором он ни был.

В определении жанров древней русской литературы много субъективизма и, если можно так выразиться, терминологического фетишизма: исследователи зачастую слишком доверяют определению, данному памятнику в его названии самим автором или переписчиком. Так, в сущности разные по своей жанровой природе произведения исследователи относят к жанру «повести». В последнем случае, правда, признаются жанровые подразделения: воинская повесть, историческая повесть, бытовая повесть,

---

¹ Так, Л. И. Тимофеев употребляет этот термин в значении «род» (эпос, лирика, драма), Г. Н. Пospelов — в значении «вид» (повесть, роман, рассказ и т. п.). Иногда в пособиях различаются «вид» и «жанр» (Г. Л. Абрамович. Введение в литературоведение. Учпедгиз, М., 1953); в последнем случае либо «вид» признается производным от «жанра», либо наоборот (вид — роман; жанры — исторический роман, социально-психологический роман и т. д.). Мы употребляем термин «жанр» в последнем значении — для определения группы сходных по идейно-художественным признакам произведений, не поддающейся дальнейшему дроблению.

но и это разделение представляется нам весьма общим, не отражающим реального разнообразия типов древнерусской повести или, точнее говоря, тех произведений, которые по традиции относятся к жанру повести. Если мы обратимся только к группе так называемых бытовых повестей XVII в., то даже здесь мы должны будем признать, что имеем дело отнюдь не с одним жанром. М. О. Скрипиль определяющим признаком жанра древнерусской оригинальной повести считает «личную тему», «рассказ о частной жизни, о счастье и трагедии рядового человека».² Однако тематика сама по себе не определяет еще жанра. Одна и та же тема лежит в основе «Слова о полку Игореве» и летописной повести о походе Игоря, а между тем это совершенно различные по жанру произведения. Что же касается темы «рядового человека», то она, как известно из истории литературы, разрабатывалась и в рассказе, и в очерке, и в романе, и в драме, и в поэзии. Если мы обратимся к литературе XVII в., то в этом смысле нет принципиальной разницы между «Повестью о Савве Грудцыне» и «Комидией притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого — тема у них одна, а принадлежат они не только к разным жанрам, но и к разным родам поэзии. Тема «рядового человека» разрабатывалась и в «Повести о Горе-Злочастии» и в «Азбуке о голом и небогатом человеке»; но кто станет утверждать, что это произведения одного жанра! Точно так же, строго говоря, нельзя сблизить в жанровом отношении «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне»: первая гораздо ближе к жанру поэмы, чем повесть, вторая — скорее роман, чем повесть. Точно так же «Повесть о Карпе Сутулове» — типичная новелла, близкая к новеллам «Декамерона» Бокаччо, а «Повесть о Фроле Скобееве» — по существу является эмбрионом русского плутовского романа, близким по жанру западноевропейскому плутовскому роману.

Вряд ли можно говорить о едином агиографическом жанре только на основании сходного идейного содержания и некоторых шаблонных композиционных элементов. Во всяком случае следовало бы говорить о житиях-новеллах (которые группировались в патериках) и о житиях-повестях. Заслуживает внимания классификация вида житийных повестей, которую предлагает М. О. Скрипиль (по его терминологии — «биографических житий»)³. Некоторые произведения, по традиции долгое время относившиеся к житийной литературе, в настоящее время исследователи справедливо отделяют от этого литературного вида. Так, «Сказание о Борисе и Глебе» и Житие Александра Невского многими признаются воинскими повестями. На наш взгляд, убедительно отнесение Жития Юлиании Лазаревской к жанру нравоучительной повести или семейной хроники,⁴ а «Сказание о боярине Морозовой» — к жанру историко-бытовой повести.⁵ Наличие в этих произведениях элементов, характерных для житийной литературы (сходство композиционных мотивов, религиозные сентенции и характеристики, молитвы, описания чудес и др.), несколько не препятствует выделению названных памятников в другие группы, поскольку эти же элементы в большей или меньшей степени характерны для многих произведений древней русской литературы, никогда и не относившихся к житийной литера-

² М. О. Скрипиль. Проблема изучения древнерусской повести. — ИЮЛЯ, т. VII, 1948, в. 3, стр. 192.

³ История русской литературы (далее: АИРЛ), т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 91—99.

⁴ М. О. Скрипиль. 1) Повесть об Улиании Осорьбиной. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 256—323; 2) Повесть об Улиании Осорьбиной. — Русская повесть XVII в. Гослитиздат, М., 1954, стр. 350—356.

⁵ АИРЛ, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 332.

туре. Таким образом, рамки собственно житийных жанров все более и более сужаются в результате более глубоких исследований и большей дифференциации литературных групп, объединявшихся ранее в один жанр на основании внешних признаков.

Житие протопопа Аввакума в советском литературоведении непосредственно из агиографической литературе не относилось.⁶ Однако один из первых исследователей Жития как литературного памятника — Н. К. Гудзий — все же сопоставлял Житие с другими древнерусскими житиями, стремясь именно в этом литературном ряду определить своеобразное место произведения Аввакума. Н. К. Гудзий пришел к выводу: новаторство Аввакума как писателя состояло в том, что он реформировал традиционное житие.⁷ С агиографической литературой сопоставлял Житие и В. Л. Комарович.⁸ К сходным выводам, отталкиваясь от параллели Житие Аввакума и древнерусские жития, пришли и зарубежные исследователи. П. Паскаль в книге «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» констатирует, что «Аввакум не мог подчиниться предписаниям агиографического жанра».⁹ Р. Ягодич в своем исследовании о Н. С. Трубецком заявляет, что «творение... страстного, фанатического поборника старорусского благочестия... ознаменовало окончательный упадок этого литературного вида» (т. е. житийной литературы, — В. Г.).¹⁰ Таким образом, сравнение Жития Аввакума с другими произведениями житийного жанра, пусть и в плане противопоставления, стало в какой-то мере традиционным.

От этой общепринятой параллели отличается подход к Житию В. П. Адриановой-Перетц. «Создавая оригинальную форму для своей автобиографии, — пишет исследователь, — Аввакум переосмыслил для нее не столько жития, сколько апостольскую литературу — деяния и послания апостолов».¹¹ Это наблюдение знаменательно — оно выводит исследователя из одного, привычного литературного ряда и побуждает искать точки соприкосновения Жития с другими видами средневековой письменности. В самом деле, ссылка Аввакума на апостолов, цитаты из соответствующих новозаветных книг и отдельные реминисценции (см., например, 2-е послание апостола Павла Коринфянам, гл. II, 23—32) свидетельствуют о некотором воздействии апостольской литературы на Аввакума в процессе создания им своего Жития. Но все же, на наш взгляд, не это воздействие определяет жанр Жития уже хотя бы потому, что ни апостольские деяния, ни послания апостолов не являются художественными произведениями, в них отсутствует образ человека, типизация характера, они представляют собой образец религиозно-дидактической литературы.

В Житии протопопа Аввакума действительно наличествуют элементы, присущие отчасти апостольской литературе, в еще большей степени характерные для житийной литературы: черты страдальца за веру в образе центрального героя, рассказы о чудесах и видениях, назидательные ком-

⁶ Связь «Жития» с агиографическим жанром склонен был одно время преувеличивать П. Паскаль (см.: *Pierre Pascal. Avvakum et les débuts du rascol. La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie.* Paris, 1938, стр. 485).

⁷ Н. Гудзий. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Изд. «Academia» [1934], стр. 27.

⁸ АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 312.

⁹ P. Pascal. *La vie de l'archiprêtre Avvakum, écrit par lui-même...*, 2 édition. Paris, 1938, стр. 43.

¹⁰ R. Jagoditsch. N. S. Trubetzkoy als Literaturhistoriker. — *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, Viertes Band, 1955, стр. 46.

¹¹ История русской литературы, под ред. В. А. Десницкого и др., т. I, ч. I. Учпедгиз, М., 1941, стр. 299.

ментарию, традиционное вступление и концовка («аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку лицемерец окаянный»). Однако, во-первых, удельный вес и значение этих элементов значительно уменьшится, если мы примем во внимание, что сочинение Аввакума, известное под названием «Житие», на самом деле является не одним произведением, а сборником различных по жанру и назначению произведений (помимо Жития в собственном смысле, он включает такие отдельные статьи как вступительная полемическая статья о слове «истинный», статья о причастии, статья «Поучение преподобного отца нашего аввы Дорофея о любви», статья «О сложении перст», которые имели вполне самостоятельное хождение в списках). Во-вторых, работая над сочинением, Аввакум или сокращал или исключал вовсе в тексте Жития рассказы о чудесах, полемические и обличительные рассуждения, оставляя их в сборнике, но перенося их за пределы собственно Жития, придавая тем самым своему Житию все большую и большую жанровую цельность.¹² Наконец, некоторые элементы агиографического жанра, все же оставшиеся в Житии в собственном смысле этого слова, не могут определять его жанр, поскольку в силу господства религиозной идеологии в средние века и большого влияния канонической литературы на древнюю русскую литературу они проникали и в летописи, и в воинские повести, и даже в бытовую повесть.

Продолжая попытку В. П. Адриановой-Перетц расширить круг привлекаемой для сравнения с Житием литературы, правомерно было бы сопоставить произведение Аввакума с «Поучением» Владимира Мономаха. Не является ли Житие своего рода развернутым поучением отца детям — в данном случае «духовным детям»? И само сочетание назидательной беседы с живыми картинками-иллюстрациями в Житии не предвосхищено ли в нераздельной слитности строгих формул-наказов с лаконичной живописью «Поучения»? Но как ни соблазнительно это сопоставление, совершенно очевидно, что оно не может объяснить многие особенности Жития, которые в свою очередь побуждают обращаться к другим фактам древней русской литературы. Так, например, вчитываясь в Житие, вслушиваясь в его страстный, порою иронический, порою раздражительный и бранчливый тон, невольно вспоминаешь манеру писем Ивана Грозного и легко представляешь себе, с другой стороны, как при соответствующих обстоятельствах эти письма могли бы развиться в целую полемическую автобиографию (подобно тому, как многие места в Житии восходят к письмам Аввакума). Но ведь не меньше аналогий к Житию можно было бы привести и из древнерусских проповедей, особенно из «Слов» митрополита Даниила...

К какому же жанру следует отнести Житие протопопа Аввакума? Исследователи обычно называют его автобиографией.¹³ Такое определение жанра Жития является, на наш взгляд, неточным. Существование собственно автобиографии как самостоятельного литературного жанра сомнительно. Автобиографический материал лишь тогда становится художественным, когда теряет свою исключительность, когда он перестает восприниматься читателем как описание одной жизни, жизни только этого человека, иными словами, когда этот материал типизируется. Средства же художественной типизации автобиографического материала бывают самыми

¹² См. об этом подробнее в нашей статье «Заметки о стиле „Жития“ протопопа Аввакума» (ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 273—281).

¹³ Н. К. Гудзий (Протопоп Аввакум. . ., стр. 22, 27), В. П. Адрианова-Перетц (АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 154), В. Л. Комарович (АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 312).

различными, а это порождает различные литературные формы, различные автобиографические жанры. Сказать о Житии протопопа Аввакума, что мы имеем дело с автобиографией, еще не значит дать определение жанра; это лишь служит указанием на материал, положенный в основу произведения. Автобиографичны и «Поучение» Владимира Мономаха и «Моление» Даниила Заточника, и послания Ивана Грозного, и Житие Епифания, особенно много автобиографических произведений появляется в новой русской литературе — от «Записок одного молодого человека» Герцена до трилогии А. М. Горького. Но как различны жанры всех этих автобиографий! Здесь и эпически уравновешенное поучение, и полный страстного лиризма памфлет, и непринужденный эпистолярный вид, и психологическое житие, а позже мемуары, очерки, рассказы, повести, романы. . .

Итак, мы должны признать, что жанровая природа автобиографического Жития протопопа Аввакума, в сущности, не определена, а взгляд на Житие как на автобиографию вообще приводил на практике к отсутствию анализа Жития как художественного произведения с особой, присущей ему жанровой природой. До сих пор Житие в основном интересовало исследователей как историко-биографический документ, как источник характеристики деятельности и мировоззрения Аввакума, как материал для характеристики раскола в русской церкви. В том же случае, когда исследователи изучали Житие как литературный памятник (В. В. Виноградов, Н. К. Гудзий, В. Л. Комарович, Д. С. Лихачев и др.), то они ограничивали свой анализ рассмотрением особенностей манеры повествования, языка и стиля. Сам Аввакум интересовал исследователей как живая, реально существовавшая личность, как «культурно-исторический тип» (Н. К. Гудзий) или как писатель. Не отрицая закономерность такого подхода к изучению Жития, мы считаем в то же время, что все это оказывается недостаточным для определения историко-литературного значения Жития. Нам представляется, что при изучении Жития в истории литературы Аввакум должен быть рассмотрен прежде всего как образ, как тип. Равно и другие персонажи Жития в историко-литературном плане должны нас интересовать не столько как реально существовавшие личности, сколько как характеры, составляющие вместе с Аввакумом-героем систему образов Жития не как автобиографии, а как произведения определенного литературного жанра. Такой подход к Житию позволит установить объективный смысл, объективную идею его как художественного произведения, поможет понять, почему, несмотря на чуждые нам идейные побуждения автора, этот памятник вышел далеко за пределы той среды, для которой он предназначался, и почему он продолжает интересовать и волновать читателей нашего времени.

Таким образом, проблема жанра является отнюдь не праздным или формальным вопросом. Правильное определение жанра Жития поможет точнее определить место памятника в истории литературы, поставить его в ряд близких ему общественно-литературных фактов.

Жанр как более или менее устойчивая литературная форма, как более или менее часто повторяющаяся совокупность характерных средств художественной типизации возникает и развивается в процессе взаимодействия конкретно-исторического жизненного материала, подлежащего отбору и обобщению, и идейного замысла автора, его мировоззрения и особенностей его таланта. Проблема жанра — это один из аспектов проблемы конкретного выражения единства содержания и формы в искусстве.

Художественное значение Жития протопопа Аввакума заключается прежде всего в том, что оно правдиво, с огромной впечатляющей силой

отразило некоторые стороны общественной жизни и быта Руси середины XVII в., некоторые реальные противоречия своей эпохи — недовольство разных социальных слоев укреплением дворянско-феодалного государства и церкви, протест против новых порядков, охвативший широкие массы и неизбежно, в силу конкретно-исторических условий времени, вылившийся в религиозную форму. Протопоп Аввакум в силу обстоятельств своей жизни находился в самой гуще этих событий, сталкивался с самыми различными группами современного ему общества — с окружением царя, с правящей церковной партией, с боярством, с сельским и городским духовенством, с мирянами-горожанами, со стрельцами, с казаками. Таким образом, не литературная традиция, а прежде всего своеобразие самого жизненного материала, реальное содержание жизни самого Аввакума как одного из предводителей социально-религиозной оппозиции, реальные формы борьбы его самого, его единомышленников подсказывали Аввакуму писателю и адекватную форму отражения этого материала — сложное, развернутое повествование с широким социальным фоном, с большим количеством действующих лиц, с главным героем в центре; повествование, в котором органически сливались картины быта и религиозные рассуждения, героическое и обыденное, трагическое и комическое. Теперь уже известно, что Аввакум, отражая значительные по историческому смыслу и размаху события, сознательно отбирал из пестрого жизненного материала самое важное, самое характерное, самое яркое, довольно четко сформулировав принцип отбора: «Стану сказывать верхи своим бедам».¹⁴ Благодаря этой сознательной установке на отбор «верхов» Аввакуму удалось в своем сравнительно небольшом произведении собрать небывалое до того в памятниках древней русской литературы количество персонажей, отразить расширившиеся до Даурии пространства Руси, сжать большую, едва ли не полувековую историческую перспективу, сгустить до предела все мысли и страсти, волновавшие его самого и его соратников по борьбе.

Жанровые особенности Жития вытекают также из особенностей идейного замысла и объективного идейного содержания этого замечательного произведения. Задуманное как произведение полемическое и поучительное («да не забвению будет предано дело божие» и да «пускай ведомо в людех правда и кривда»), как произведение, долженствующее доказать истинность старой веры, Житие в действительности, в процессе авторской работы над его редакциями, приобретало совсем иной характер, идейный смысл его перерастал задачи, первоначально поставленные Аввакумом перед самим собою как перед писателем. Увлечшись повествованием, Аввакум сознательно допускал отступление бытового и интимного содержания, понимая, что они не имеют никакого отношения к задуманной цели: «Простите меня... А однако уже розвякамя — еще вам повесть скажу». И этими предупредительными извинениями или оправданиями, следующими за отступлениями («к слову моылось»), пестрит все произведение. Многочисленные картины жизни и быта наполняли Житие таким богатым по содержанию и обильным по количеству материалом, что первоначально намеченные рамки поучительной и полемической притчи разрывались и сметались, и в результате мы имеем дело с произведением, совершенно отличным от задуманного как по содержанию, так и — объективно — по идее. Перед нами правдиво написанное большое полотно, на котором реальная картина жизни приобретает самостоятельное значение.

¹⁴ В. И. Малышев. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 392.

Идейное содержание *Жития*, отчасти вследствие этого изобилия добротного жизненного материала, отчасти и в силу противоречивости самого мировоззрения писателя, оказалось весьма противоречивым. В нем причудливо переплелись и идеи религиозного фанатизма, мученичества, непротивления злу — с одной стороны, и ненависть к различным церковным и светским начальникам, страстная жажда правды и справедливости на земле, боль за неурядицы на Руси и за страдания народа, идея борьбы и самопожертвования в этой борьбе — с другой стороны. Эта противоречивость идейного содержания памятника может быть правильно объяснена только с позиций марксистско-ленинской теории отражения, с позиций материалистической эстетики. Эти противоречия есть не что иное, как отражение реально существовавших в середине XVII в. противоречий в социальной практике и в мировоззрении оппозиционно настроенных к феодализму слоев русского общества, и прежде всего противоречий, свойственных народным массам, на которые и опирался раскол.¹⁵ Особенная форма выражения этих объективно существовавших противоречий — религиозная оболочка социального протеста — также неизбежно отразилась на самом *Житии*, определила его специфическую жанровую природу — религиозную окрашенность бытового повествования.

Этими же обстоятельствами вызвана и своеобразная форма типизации характеров в *Житии*, в первую очередь типизации главного персонажа. В нем причудливо сочетаются черты фанатика и ригориста, проповедника и мученика с характерными признаками правдолюбца, «бойца» (А. М. Горький), «бунтаря» (А. Н. Толстой), чадолюбивого отца, заботливого супруга, снисходительного к чужим ошибкам и слабостям пастыря, влюбленного в жизнь человека. Это сложный, весь сотканный из противоречий образ. Мы видим героя *Жития* в самые различные моменты его жизни — в толпе и в кругу семьи, с друзьями и врагами, в царском дворце в Москве и у байкальских рыбаков, заключенного в тюрьме и лежащего нагим на печи, проповедующего в церкви и тянущего сани по льду Иргень-озера, бранящегося и избиваемого, вступающего в рукопашную с медведями и умиленно созерцающего природу, «травы красны и цветны и благовонны гораздо». Он то непреклонен и требователен, то отзывчив и уступчив; то суров и жесток, то нежен и растроган; то раздражителен и бранчив, то шутит и смеется; чувство юмора не изменяет ему в самые тяжелые минуты жизни, но ему знакомо и сознание трагизма своего положения; он без ложной скромности осознает героизм своего подвига, а собственные ошибки и слабости вызывают в нем жгучее чувство неудовлетворенности собой. . .

В образе Аввакума, как видим, достигнута та степень индивидуализации и многосторонности, какой не знала не только житийная литература с ее идеальным героем и шаблонами, но, пожалуй, и все другие предшествующие *Житию* литературные памятники. Индивидуализация образа трудно давалась средневековой литературе. Она стала возможной лишь в условиях русской жизни XVII в., в связи с обострившимся интересом к человеческой личности. На последнее обстоятельство в свое время обратил внимание Д. С. Лихачев: «XVII век в русской истории — век постепенного освобождения человеческой личности, разрушавшего старые средневековые представления о человеке только как о члене корпорации — цер-

¹⁵ См.: Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. — Сочинения, т. XX, М.—Л., 1925, стр. 335. Подробнее этот вопрос рассмотрен нами в статье «Житие протопопа Аввакума — произведение демократической литературы» (ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 380—384).

ковной, государственной или сословной. Сознание ценности человеческой индивидуальности, развитие интереса к внутренней жизни человека — таковы те первые проблески освобожденного сознания, которые явились знаменем нового времени. Интерес к человеческой индивидуальности особенно характерен для второй половины XVII века». ¹⁶ Этот процесс в общественном сознании, вызванный в конечном счете переменами в экономической жизни Руси, отразился и в литературе, помог писателям преодолеть схематизм и односторонность типизации характеров. В этом смысле Житие Аввакума не явилось исключением, но эта черта обозначилась в нем, может быть, резче, чем в других современных ему памятниках, в силу особого свойства обобщаемого материала — это был автобиографический материал. И здесь навстречу общей тенденции в развитии литературы шел личный талант художника, в совершенстве овладевшего своим материалом. Однако индивидуализация характера не только не лишила его типического содержания, но лишь ярче осветила как раз наиболее типичные его черты. Типичность образа Аввакума состоит как раз в той противоречивости всего поведения, всех его побуждений, чувств и настроений, которые были так характерны для той социальной среды, которую представлял Аввакум, — среды, мятущейся в поисках правды и ежечасно заблуждающейся, стремящейся примирить верность религии и свое недовольство церковью, предписания христианского учения и зовы живой жизни, обряд и быт.

Все эти противоречия образа, стоящего в центре повествования, как и связанные с ними противоречия идейного содержания, неизбежно отразились на всех особенностях стиля Жития. Стремление автора дать широкую панораму жизни, рассказать о своей борьбе от начала до конца, передать читателю свои страстные искания, мечтания, раздумья, свести счеты с врагами — все это обусловило особенности композиции — внешне нестройной, свободной, как будто разорванной, с перемежающимися картинками и лирическими отступлениями, допускающей постоянное переоплощение рассказчика в героя, героя в рассказчика. И именно эта подвижная композиция давала возможность вместить и организовать столь разнородный материал в одно целое. Те же самые противоречия лежат в конечном счете в основе смещения и слияния двух языковых и стилистических традиций — книжной и просторечной, образования особого метафорического строя, в котором объединялась евангельская и народно-бытовая образность, условная аллегоричность понятий и их реальная жизненность (плавание, буря, волокита, зима и т. п.). Те же самые противоречия определили и драматический тон всего повествования, превосходно раскрывающий внешние и внутренние конфликты, сопровождавшие всю жизнь героя. Наконец, совпадение в одном лице рассказчика и героя произведения, на наш взгляд, позволило внести художественную гармонию в произведение, придать единство всем разнообразным и разнородным его элементам, окрасить все повествование в лирико-драматический тон, короче говоря — реализовать жанровую специфику произведения, заложенную в самом материале. Это тождество рассказчика и героя, а также особенности стиля и языка Жития роднят его с народными сказами, что в свое время отметил В. В. Виноградов, ¹⁷ а также Р. Ягодич, который назвал Житие «народным рассказом». ¹⁸

¹⁶ АИРЛ, т. II, ч. 2, стр. 321.

¹⁷ В. В. Виноградов. О задачах стилистики. — Русская речь, в. 1. Пгр., 1923 стр. 215.

¹⁸ R. Jagoditsch. Das Leben des Protropen Avvakum. . . Berlin, 1930, стр. 69.

Все отмеченные признаки Жития Аввакума дают, как нам кажется, основание говорить о его сложной, синтетической жанровой природе. Не случайно разные исследователи рассматривали Житие в связи с самыми различными жанрами древней русской литературы, не решаясь в то же время безоговорочно связать его с каким-либо одним известным жанром. В Житии в единое целое слились эпическое, лирическое и драматическое начала, элементы многих жанров древней русской письменности — и учительной литературы, и проповеди, и житий, и поучений, и бытовой повести, а также устного народного сказа. Вряд ли можно поэтому определить жанр Жития каким-либо известным нам термином. Но в то же время из всего нами сказанного можно сделать вывод о проявлении в Житии определенной тенденции в истории русской литературы, о приближении Жития к определенному жанру, окончательно оформившемуся уже несколько позднее. Мы имеем в виду ту тенденцию становления синтетического жанра романа, которая одновременно и по-разному проявилась в повествовательной литературе второй половины XVII в. и особенно ярко в «Повести о Савве Грудцыне». В связи с этим уместно припомнить определения, которые давал роману В. Г. Белинский, а вслед за ним и крупнейшие представители русского и советского литературоведения. Наш первый историк литературы указал на одну очень характерную особенность романа, отличающую его от всех других видов эпической поэзии, на то, что именно в романе впервые эпическое повествование приобретает лирическую, «субъективную» форму и характеризуется острым драматизмом.¹⁹ Белинский писал о романе, что «это самый широкий, всеобъемлющий род поэзии... В нем соединяются все другие роды поэзии — и лирика как изливание чувства автора по поводу описываемого им события, и драматизм как более яркий и рельефный способ заставить высказываться данные характеры».²⁰ В Житии мы как раз и наблюдаем эту тенденцию, причем, на наш взгляд, даже в более сильном выражении, нежели в «Повести о Горе-Злочастии» или «Повести о Савве Грудцыне».

Но, пожалуй, еще более важным проявлением тяготения Жития к жанру романа является охарактеризованное выше впервые осуществленное Аввакумом изображение человека как средоточия общественных противоречий, его попытка собрать в фокусе частной жизни и личной психологии события большого общественного значения, судьбы и психологию целого социального слоя. «Роман... — пишет А. И. Белецкий, — преломляет сквозь призму индивидуальной психологии даже события общенародного значения, растворяя общее в частном».²¹ Сходную характеристику романа мы можем встретить еще в высказываниях А. Н. Веселовского.²² Именно это принципиально и отличает роман от средневековых эпических форм, в том числе от апокрифической и житийной литературы.²³ Но именно эта тенденция так ярко проявилась в Житии Аввакума.

Наконец, весьма существенным признаком Жития как произведения, отступающего от средневековой эпической традиции, является повышенный интерес Аввакума в этом произведении к «обыкновенному, повседневному»

¹⁹ См.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 25—28; т. VI, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 217—218.

²⁰ Там же, т. X, 1956, стр. 315—316.

²¹ А. И. Белецкий. Судьбы большой эпической формы в русской литературе XIX—XX вв. — Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка. Наукові записки, т. VII, в. III, Філологічний збірник, № 2, Київ, 1948, стр. 13.

²² Ср.: История или теория романа? (А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, в. 1. СПб., 1886, стр. 1—27), где ученый в понимании романа во многом переключается с В. Г. Белинским.

²³ См.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, в. 1, стр. 31.

ному, домашнему», о чём писал В. Г. Белинский как о характерной особенности романа. Однако в Житии это внимание к повседневному и «домашнему» сочетается с героикой подвига, с пафосом борьбы. Смелость сочетания героического и обыденного, трагического и комического выделяет Житие даже в ряду других современных ему произведений, выражавших ту же тенденцию в более слабой степени. В то время как средневековая письменность и даже более поздняя литература в разных жанрах давала образцы или только «низкого» или только «высокого», лишь в романе, как писал В. Г. Белинский, появилось сочетание самой возвышенной поэзии и самой обыденной житейской прозы.²⁴

Житие протопопа Аввакума может рассматриваться как выражение того закономерного процесса, который — в одних странах раньше, в других позже — протекал во всех европейских литературах. И те же самые причины, которые в конечном счете определили появление романа в Западной Европе эпохи Возрождения, а именно развитие буржуазных отношений и обусловленное этим выделение личности и повышенный интерес к ней, вызвали к жизни сходную тенденцию и на Руси. И неслучайно эта тенденция проявилась не ранее XVII в., который, по выражению В. И. Ленина, характеризовался «созданием связей буржуазных».²⁵ Но в отличие от западноевропейской литературы, где первыми формами романа явились рыцарский и плутовской роман, в условиях русской действительности XVII в., наряду со слабо выраженной тенденцией и этого типа (преимущественно в переводной литературе), более характерным оказалось появление начальных форм социально-бытового романа, причем им («Повесть о Савве Грудцыне», Житие протопопа Аввакума) была еще присуща религиозно-дидактическая направленность.

Обращение к опыту западноевропейской литературы помогает лучше понять некоторые особенности Жития как произведения, начинающего историю нового жанра в русской литературе. Характерной жанровой особенностью всех ранних форм западноевропейского романа, независимо от их видов и идейной направленности, была линейная композиция, при которой эпизоды-новеллы следовали один за другим, как бы нанизываясь на один общий стержень, наращиваясь в некий бесконечный ряд, объединенный лишь личностью центрального героя.²⁶ Именно такой же принцип лежит в основе композиции Жития Аввакума, представляющей разорванную цепь эпизодов-«повестей», скрепленную личностью рассказчика-героя. Разумеется, о знакомстве Аввакума с произведениями западноевропейской эпической литературы не может быть и речи; тем убедительнее проявление общих объективных законов композиции нарождающегося жанра романа в произведениях, столь далеких по своему характеру, по условиям, времени и месту своего возникновения. Даже сам автобиографизм Жития по-иному будет воспринят нами, если мы вспомним, что этому «естественному» автобиографизму первого предвестника русского романа соответствует излюбленная некоторыми ранними западноевропейскими романистами форма «псевдоавтобиографии», когда для усиления достоверности повествования герой является и рассказчиком своих приключений (доста-

²⁴ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 267.

²⁵ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Сочинения, изд. 4-е, т. 1, М., 1941, стр. 138.

²⁶ Ср. эволюцию сюжета «Рейнеке-Лиса», возникшего из Jsegrinus'a Нивардуса, или «Les aventures de Renard», а также композицию романов «Жиль Блаз», «Лосарильо из Тормеса», «Поп Амис» Штрикера, «Тильд Эуленшпигель» и др., включая и «Дон-Кихота» Сервантеса.

точно вспомнить «Робинзона Крузо» Дефо или «Путешествие Гулливера» Свифта). Нелишне заметить, что позднее подлинно автобиографический роман получит довольно заметное распространение как в русской, так и в западноевропейской литературе.

Итак, не стремясь к педантической точности и категоричности в определении жанра Жития Аввакума, мы можем с уверенностью говорить о том, что Житие многими своими элементами представляет собой яркое выражение эволюции русской средневековой религиозно-дидактической эпической литературы в жанр нравоучительного бытового романа. Характерными признаками Жития как произведения нового, нарождающегося жанра нам представляются следующие его особенности: развернутость повествования, многофигурность, полнота жизнеописания главного героя, индивидуализация образа, стремление к изображению разносторонности характера, внимание к острым, драматическим моментам частной жизни, обусловленным социальными обстоятельствами, многоэпизодность и в то же время однолинейная, цепочная композиция с довольно свободным соединением различных эпизодов. Многими своими особенностями Житие не столько связано с традиционными жанрами древней русской письменности, сколько предвещает появление более развитых форм новой русской литературы, что, как нам кажется, выдвигает перед исследователем задачу не ретроспективного изучения Жития, а осмысления его места в перспективе последующего развития русского литературного процесса. Не случайно именно Житие Аввакума привлекло такое пристальное внимание выдающихся русских и советских романистов — Льва Толстого, Тургенева, Лескова, Мельникова-Печерского, Мамина-Сибиряка, М. Горького, А. Н. Толстого, Леонида Леонова.

А. Н. РОБИНСОН

Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии

Религиозно-общественное движение раскола в первые годы своего существования (50—70-е годы XVII в.) выдвинуло группу талантливых писателей-полемистов, защитников «старой веры». Эти писатели (Аввакум, Епифаний, Федор, Лазарь, Авраамий, Иван Неронов, Феокист, Никита Добрынин и др.) постоянно пользовались литературными средствами для защиты и распространения своих взглядов. Из-под пера каждого из них выходили полемические послания, богословские трактаты, поучения и другие сочинения, в которых под оболочкой религиозных идей нередко скрывались оппозиционные демократические настроения. Характерной особенностью этой религиозной публицистики было то, что в ней сталкивались и сочетались черты древней восточнохристианской традиции и живой современности, литературного трафарета и художественного своеобразия, языка церковной книжности и просторечия.

Движение раскола, как и всякое крупное религиозно-общественное движение, нуждалось в своем «олимпе». Легенда о подвижничестве, о святости идеологов и вождей движения начала создаваться уже в пылу ожесточенной борьбы и, главное, при их собственном деятельном участии. Их борьба и страдания, их видения и пророчества становятся сначала достоянием устной молвы и переписки (даже официальной), а вскоре и объектом литературного изображения. Общность идейных целей толкала этих писателей к своеобразному взаимодействию: сведения о «чудесных» и о реальных обстоятельствах жизни и деятельности кого-либо из них собирались и распространялись его ближайшими товарищами, а затем самими героями этих обстоятельств. Таким образом, эта публицистика отражала не только идеи ее создателей, но и их судьбы, насыщаясь при этом элементами биографического повествования. Быстрое накопление в среде первых «расколуучителей» такого литературного опыта облегчало возможности для перехода некоторых из них к автобиографическому творчеству в собственном смысле. Потребность в таком творчестве возникла в среде этих писателей именно тогда, когда светская и духовная власть подвергла их наиболее жестоким гонениям и казням, невольно способствуя созданию вокруг них ореола мучеников за веру.

В этой исторической и идеологической обстановке привычные для современников, но отвлеченные представления о древних мучениках и подвижниках христианства вдруг ожили и наполнились злободневным содержанием. Сама история жизни «первоучителей» старообрядчества сделалась образцом для подражания и предметом почитания. Описание их жизни оказалось превосходным материалом для пропаганды идей движения. Вполне закономерно, что в таких условиях новые литературные задачи борьбы за «старую веру» обрели опору в испытанной веками

агиографической традиции. Появились жития Неронова и Морозовой. Однако вершиной этого литературного процесса становится возникновение ярких образцов поучительной автобиографии — жития Аввакума и жития Епифания.

К сожалению, вся эта обширная и самобытная литература изучалась мало и неравномерно, в особенности в историко-литературном отношении. Главное внимание исследователей сосредоточивалось на творчестве протопопа Аввакума. «Жемчужина»¹ древнерусской литературы — автобиография Аввакума — затмила окружавшие ее литературные памятники. В частности, до сих пор осталась мало исследованной автобиография инока Епифания, ближайшего друга и соратника Аввакума.²

Историки литературы не сразу подошли к правильной оценке жития Епифания. Так, известный французский исследователь жизни и творчества Аввакума П. К. Паскаль в краткой характеристике Епифания не отказал ему в большой искренности, но полагал, что он писал свое житие без последовательности, без заботы о композиции, без таланта, стараясь лишь подражать Аввакуму.³ В дальнейшем, однако, И. П. Еремин справедливо обратил внимание на то, что среди писателей старообрядцев первого поколения Епифаний отличался «незаурядным талантом». В своем небольшом очерке «Житие Епифания» И. П. Еремин точно наметил основные черты содержания и стиля этого произведения, указав, что в центре внимания писателя был его «внутренний душевный мир», а в основе «стиля и психологического склада» лежало стремление облекать свои галлюцинации «в такие натуралистически конкретные формы описания, что фантастическое в его изображении приобретает все черты объективно реального факта».⁴ По мнению И. П. Еремина, автобиография Епифания была написана в подражание житию Аввакума, хотя и отличалась от него рядом особенностей.

Высокую оценку жития Епифания дал в своей новейшей работе и американский славист С. А. Зеньковский.⁵ Исследователь установил, что первая часть жития Епифания была написана (в первой своей редакции — А) до его прихода в 1666 г. в Москву, т. е. за 6—7 лет до того, как Аввакум описал свою жизнь (1672—1673 гг.). Вторая редакция жития Епифания (Б), по мнению С. А. Зеньковского, была написана в пустозерской темнице между 1676 и 1681 гг. Однако более правильным (относительно редакции Б), как нам кажется, следует считать старое мнение Я. Л. Барскова, который отметил, что «Епифаний стал писать свое житие тут же, без перерыва, как только Аввакум закончил первую редакцию своего».⁶ Действительно, обращение к автографам обоих писателей показало нам, что Епифаний начал писать свой труд на том же самом листе бумаги, на котором окончил писать Аввакум.⁷

Продолжая наблюдения И. П. Еремина, С. А. Зеньковский дал общую характеристику жития Епифания, сравнил его первую и вторую редакции,

¹ Определение приписывается М. Горькому (по свидетельству Д. А. Лутохина); см.: В. Малышев. Рукопись протопопа Аввакума. — Нева, 1957, № 3, стр. 220.

² См. нашу статью «Аввакум и Епифаний (к истории общения двух писателей)» (ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 391—403).

³ Pierre Pascal. Avvacum et les débuts du rascol. La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. Paris, 1938, стр. 488.

⁴ История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 322—326.

⁵ Serge A. Zenkovsky. Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie. — Die Welt der Slaven, Jahrgang 1, Heft 3. Wiesbaden, 1956, стр. 276—292.

⁶ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, в. 1, Л., 1927 (РИБ, т. XXXIX), стр. XI.

⁷ Пустозерский сборник. — БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 790, л. 285 об.

отметил некоторые черты его сходства и различия с житием Аввакума. Исследователь высказал мнение, что Епифаний как писатель не был учеником Аввакума, а, напротив, сам послужил образцом для него. Решение этого вопроса, как нам кажется, требует дополнительного исследования. Епифаний, как известно, побуждал Аввакума к автобиографическому творчеству и, поскольку первая редакция его жития была написана еще до их знакомства, мог служить в этом отношении примером для Аввакума. Но вопрос о литературных связях этих писателей нам представляется более сложным, так как художественные принципы их автобиографизма оказываются во многом противоположными.⁸

Большой интерес вызывают замечания С. А. Зеньковского об элементах автобиографического повествования в составе житийной литературы, особенно в житиях севернорусских подвижников, а также о той предполагаемой преемственности, которая могла существовать между автобиографическими фрагментами Елеазара Анзерского, Мартирия Зеленецкого и житием Епифания. К сожалению, эти наблюдения имеют скорее обзорно-библиографический, чем историко-литературный характер.

Названные работы уже создали предпосылки для того, чтобы сделать предметом отдельного изучения житие Епифания как ранний опыт дидактической литературной автобиографии, тем более что созданные писателем принципы и приемы автобиографического повествования специальному исследованию в них не подвергались, а проблема автобиографизма как определенного комплекса литературных средств для изображения жизни человека и его внутреннего мира вообще не ставилась. Методика исследования проблемы автобиографизма в древнерусской литературе еще не определилась, но она подсказывается в данном случае особенностями самого материала. Следует попытаться выявить и объяснить то новое, что внес автор в свое повествование по сравнению с традиционной системой агиографии. В соответствии с этим в первой части работы мы рассмотрим те литературные приемы, при помощи которых автор описывает свою личность и достигает доступного ему условно-схематического раскрытия своих переживаний.⁹

* *
*

Внутренняя или душевная жизнь Епифания и по содержанию своему, и по форме литературного изображения существенно отличалась от того, что свойственно этим понятиям и формам применительно к литературе нового времени.¹⁰ Она в значительной мере определялась и ограничивалась влиянием на него окружающей социальной среды и специфическими условиями его корпоративной монашеской принадлежности. Психология Епифания оставалась в плену средневековой христианской фантастики, крайне обостренной его отшельничеством, аскезой и мученичеством. Будучи еще пустынноником, он постоянно погружался в мир религиозных грез и душевных конфликтов, исполненных столкновений абстрактных сил зла и добра, земли и неба, временного и вечного. В пустозерской темнице эти конфликты усугубились благодаря тому обстоятельству, что теперь они оказа-

⁸ Вопрос о соотношении принципов автобиографизма у Аввакума и Епифания рассмотрен нами в отдельной работе, сообщенной в виде доклада на Третьем Всесоюзном совещании по древнерусской литературе 14 мая 1957 г. в Ленинграде.

⁹ Во второй части работы, которую мы надеемся опубликовать в т. XVI ТОДРА, дается анализ идейного содержания и композиции автобиографии Епифания, а также очерк его мировоззрения и деятельности.

¹⁰ С учетом этого обстоятельства должна оцениваться и применяемая нами литературоведческая терминология.

лись следствием его участия в религиозно-общественном движении. Мучительные переживания Епифания, вызванные тяжелыми ударами действительности, не только приводили его к решительному осуждению царя и официальной церкви, но даже к сомнению в божественной справедливости.¹¹ Но такие сомнения, несовместимые с мировоззрением и положением Епифания, тут же вызвали его раскаяние и старательно опровергались. Епифаний не допускал признания трагической неразрешимости жизненных противоречий, и прерогатива их всегда благополучных решений предоставлялась им небесным силам, а причины их возникновения относились к силам бесовским. Мировоззрение его было оптимистичным, но это был типичный христианский оптимизм средневекового подвижника.

Все переживания Епифания, возникая в мире реальном, находили свое развитие и завершение в мире воображаемом. Но сам этот воображаемый мир, населенный, по мнению автора, потусторонними существами, представлялся ему как мир вполне реальный. Он обретал в его сознании видимость материальной жизни и выступал в житии по отношению к изображению действительной жизни автора не только как компонент равноправный, но даже — преобладающий и, главное, гораздо более значительный. Переходом в этот «иной» мир служил сон, а литературное изображение сна было тем условием, которое позволяло, не нарушая внешней достоверности повествования, конкретно описывать этот фантастический мир. Содержание изображаемых сновидений и кошмаров, сделавшись предметом автобиографического рассказа, не могло быть случайным. Оно формировалось автором по определенному плану и облекалось в определенные формы, давно уже заготовленные агиографической традицией. Именно поэтому такое автобиографическое описание сновидений, как видений и чудес, могло сделаться литературным средством поучительного изображения внутренней жизни автора.

Разработанный Епифанием метод изображения собственной внутренней жизни по своему характеру и происхождению глубоко уходил в почву древнерусских христианских представлений и литературных традиций. По этим представлениям, подлинному подвижнику должно было быть свойственно как бы двойное видение мира: обычное наблюдение над окружающей жизнью и особое провидение, умение проникать во внутренний смысл событий. Это воззрение отчетливо проявляется в житийной литературе, когда святой сам объясняет своим ученикам существенную разницу между ним и ими в умении различать за внешними событиями жизни некие предвечные явления. В житии Варлаама Хутынского, например, рассказывается о том, как Варлаам спас человека, осужденного на казнь, но отказался помочь другому осужденному, который и был казнен. Варлаам сказал монахам, что спасенный им человек был преступником, он раскаялся, и ему следовало сохранить жизнь с тем, чтобы он мог достойно продолжать ее в монастыре. Казненный же человек был невиновен, но спасти его не следовало, так как ему, как мученику, был уже уготован венец самим Христом. Почему же это справедливое с точки зрения средневекового сознания решение не было сразу понято монахами? Варлаам объясняет: «...вы убо внешними очима зряще, внешняя и судите. Аз же сердечными очима смотря...».¹² Пафнутий Боровский одновременно пользовался обоими способами созерцания: «възре душевным оком на братию, а чувственным на образ владычень... исполни очи слез, въздох-

¹¹ Эти вопросы анализируются во второй части нашей работы.

¹² Житие Варлаама Хутынского. — ОЛДП, XLI. СПб., 1881, стр. 13.

нув, глаголаше...».¹³ Составитель жития Стефана Комельского надеялся, что бог просветит его «разум и отверзнет очи сердечныя и да пишу о святем».¹⁴ Товарищ Епифания — Кирилл, очевидно, предпочитал это внутреннее зрение внешнему, как более достоверное. Когда бесы старались разорить его келью, «зряху кирилловы чувственные очи от основания разоряему, мысленнии же разумеваху — быти мечтание притворное».¹⁵ Это внутреннее зрение подвижника помогало и его общению с потусторонним миром во время сна. Так, составитель жития Евфросина Псковского пишет, что он «в тонце сне въздремах... а умныма очима яко яве зрящу». И тогда предстали перед ним сам Евфросин со Серапионом. В другой раз «усну в тонце сне... а мысленныя очи мои и паче суть яко яве отверсты. И се абие внезапу предста ми некто в образе уноша... И аз възбнух и никогож видех».¹⁶

В такой же обстановке сна и видения, с таким же намеренным противопоставлением «телесного» и «сердечного» зрения раскрывает Епифаний свое общение с неземным миром. Однажды в пустозерской темнице, рассказывая он, «наиде на мя сон мал: и вижу сердечныма очима моима темничное оконце мое... широко стало и свет ко мне в темницу сияет». Из света этого «сотворися» образ спаса. «Аз же отворил очи мои телесныя и поглядев на оконце мое темничное, а оконце по старому, яко же и преже бысть».¹⁷ Автор подчеркивает здесь, что один и тот же реальный предмет («темничное оконце») может представляться в разном виде «очам телесным» и «очам сердечным». В другом случае: «и сведохся абие в сон мал, и вижу в келейце моей сердечными очима моима гроб, а во гробе лежит старец Евфросин» (244); или: «И вижу сердечными очима моима, кабы сотник к темнице моей пришел» (257).

Два способа наблюдения над жизнью и над самим собою («телесными очами» и «сердечными очами») отражают свойственное сознанию автора раздвоение его бытия, два плана его жизни: жизнь внешнюю — временную, исполненную страданий, и жизнь внутреннюю — вечную, приносящую утешение. Однако если в агиографии эти два способа видения мира применялись героем для оценки явлений внешней жизни, то в житии Епифания происходит существенное изменение. Автобиографизм Епифания в сфере изображения его внутренней жизни представляет собой художественную реализацию способа наблюдения «сердечными очами» над самим собою. Благодаря ему создается повествование о жизни собственной души, как бы объективизированной и сохраняющей все свойства автора как живого человека, но свободно вступающей в общение с неземным миром. Параллельно с этим развивается повествование и о внешней (реальной) жизни автора, наблюдаемой «телесными очами», но это повествование создает лишь ту обстановку, которая мотивирует предпринятое автором самораскрытие жизни внутренней.

Декларируемая в житийной литературе способность героя к наблюдению потусторонних явлений при помощи «сердечных очей» не выходила

¹³ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 447—448.

¹⁴ Житие Стефана Комельского. Сообщение Х. Лопарева. — ПДП, LXXXV, 1892, стр. 6.

¹⁵ Житие и подвизи инока Кирилла, первого выгорецкаго пустынножителя. ГПБ, Q. I. 1062, л. 83.

¹⁶ Житие Евфросина Псковского (первоначальная редакция). К изданию приготовил Н. Серебрянский. СПб., 1912, стр. 67, 75, 80.

¹⁷ Житие Епифания цитируем по изданию: Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912 (ЛЗАК, т. XXIV), стр. 255 (далее страницы указываются в тексте в скобках).

в этой традиции за пределы внешней констатации такого свойства. Епифаний развивает этот способ «прозрения», вводя себя самого в обстановку видений и чудес. Он как бы учится видеть себя «сердечными глазами» и описывать свои наблюдения. Этот первоначальный путь к самонаблюдению кажется автору столь непривычным, что он считает нужным прямо указать на него читателю — «вижу себя». Действие происходит во сне, но реальность такого самонаблюдения подчеркивается тщательным описанием окружающей автора обычной обстановки и даже помещенным им самим в скобках специальным пояснением: «... и вижу себя сидяща посреде келейцы моей на скамейке (на ней же рукоделие мое временем делаю), а богородица от образа прииде...» (235). В другом случае: «и вижу себя на некоем поле велике... и вижу... на воздухе лежат два мои языка» (252).

В житийной традиции встречаются случаи, когда видение изображается как внимательное «прилежное» созерцание героем и его небесными посетителями друг друга. Например, Мартирий Зеленецкий увидел во сне «девицу благообразну... в келью его пришедшу и... вседшу близь... икон, зрящи на них прилежно... и тако блаженному неуклонно зрящу на милостивое ея лице...».¹⁸ Епифаний использует и этот способ «прилежного» созерцания чудесных явлений для того, чтобы не только внешне описать видение, как это делается в житиях, но и раскрыть перед читателем сам процесс его становления. Чудо постепенно развивается на глазах автора, обретая черты будто бы реального явления. Когда перед «сердечными глазами» автора явился гроб с телом его покойного друга Евфросина, автор стал наблюдать за ним: «И зрю на него прилежно и нача... Ефросин по малу малу оживати...» (244). Точно так же автор наблюдал во сне за своим отрезанным палачами языком: «и зрю на него прилежно; он же на руке моей ворошится живешенек» (253). Однажды ночью темница автора озарилась светом, но это было лишь традиционным началом видения, которое далее развивалось по-новому, аналогично с предшествующими ему видениями: «аз же зрю прилежно на той великий свет...». Перед глазами автора происходит постепенный процесс материализации, и оживления этого света: «и нача той свет огустевати, и сотворися ис того света воздушнаго лице, яко человеческое...» (255).

Это «прилежное» пристальное самонаблюдение, как и наблюдение окружающих событий, привело автора к новому способу изображения обстоятельств его жизни (реальных и воображаемых), как процессов, развивающихся во времени. Традиционные житийные исцеления, происходящие будто бы в результате видений, изображались обычно как мгновенный акт превращения больного человека в здорового, чем и доказывалась чудесная сила небесных целителей. Например, некий расслабленный «в сон тонок сведен бысть» и увидел тогда Михаила Клопского, который обещал ему исцеление, «он же абие возбну, и видит себя здрава...»;¹⁹ заболел, некий Митрофан надел на себя «скиму железную» Евфросина Псковского и «абие уснувшу ему и възбнувшуся ему, обрете себе здрава...».²⁰ В отличие от этого Епифаний настойчиво подчеркивает более отвечающий реальности постепенный характер таких исцелений («по малу малу»), хотя, по его мнению, они и осуществлялись небесной волей. Например, после казни «по малу малу рука моя исцеле от ран, и делаю ныне вское рукоделие»

¹⁸ Повесть о Мартирии, основателе Зеленой пустыни. — Памятники старинной русской литературы, в. 4. СПб., 1862 (далее: Памятники, в. 4), стр. 63.

¹⁹ Повесть о Михаиле Клопском. — Памятники, в. 4, стр. 49.

²⁰ Повесть о Евфросине Псковском. — Памятники, в. 4, стр. 23.

(250); «скоро по малу малу дойде язык мой до зубов моих, и бысть полон и велик, яко от рождения...» (253). Точно так же автор извывается от нападения муравьев, изгнанных по его просьбе богородицей: они «сами по малу малу вси исчезоша» (238). Чудесные исцеления описываются автором в таких же чертах, как и процесс его постепенного заболевания, реальные причины которого им приводятся: «стало у мене быти в темнице... чадно и пылно... По малу начаша у мене глаза худо глядети...» (256).

Поскольку для автора не существует принципиальной грани между жизнью и смертью, он переносит свои наблюдения над постепенностью жизненных процессов и в изображение оживания и умирания. Евфросин на его глазах «нача... по малу малу оживати и оживе...» (244). А сам автор после казни «начал умирати и три накона умирал, да не умер» (248); кроме того, он «многажды умирал от дыма» (256).

Разработка этих принципов наблюдения и самонаблюдения приводит к образованию двух тесно соприкасающихся групп приемов, которыми пользуется Епифаний при создании своего жизнеописания. Эти приемы мы назовем приемами автобиографизма повествовательного и автобиографизма психологического.

* *
*

В сферу повествовательного автобиографизма Епифания входят приемы изображения его воображаемой внутренней жизни как жизни реальной. Заботясь об образной реализации видений и чудес, Епифаний стремится показать, что потусторонние существа (бесы, богородица, Христос) предстают перед ним всегда в человеческом облике. Действия этих существ и их взаимоотношения с автором внешне весьма похожи на человеческие. Бесы действуют как «разбойники»: распахивают двери, врываются в келью, хватают, душат и давят автора. Один из них одет в «кафтан» (234). «Разбойничий» облик беса традиционен. Например, в житии Варлаама Бажеского бесы приходили «видом убо и образом... разбойничим», они как «лукавии разбойницы... разбойнически творяху».²¹ На Даниила Переяславского бесы «разбойнически устремляхуся... и яко убити его хотяху...».²² Однако Епифаний не ограничивается простым повторением подобной характеристики беса. При ее помощи он символически объединяет своих злейших врагов — беса и «никонианина», сначала закрепляя эту характеристику за образом беса, а затем уже перенося ее на образ человека. Бес в своем облике «злого и лютаго разбойника» (235, 245) и в своих поступках по отношению к автору («вскочил... и ухватил мене», 235, 245) совершенно уравнивается с конкретным врагом — человеком, о котором говорится то же самое: «скоро прискочил к нам голова стрелецкой... Василий Бухвостов, яко злой и лютой разбойник... и ухватили нас» (250).

Бесу присваиваются человеческие состояния и даже переживания. После избития автором бес «встал на ноги свои, яко пьян... , яко сонный, побрел от кельи прочь» (236). Характерно, что подобные сопоставления применяются обычно в житиях не к бесам, а к недостаточно благочестивым людям. Например, вместо молитвы один священник «начат от сна победжати... яко пьян от сна въздръжания».²³ «Почто безумнии, яко пьяни, мятетеса?», — спрашивал новгородцев Михаил Клопский.²⁴ В другом

²¹ Житие Варлаама Бажеского. С предисловием А. Григоровича. М., 1887, стр. 25.

²² Житие Даниила Переяславского чудотворца. Издание С. И. Смирнова. М., 1908, стр. 26.

²³ Повесть о Евфросине Псковском, стр. 74.

²⁴ Повесть о Михаиле Клопском, стр. 45.

случае Елифаній пишет, как во время его схватки с одним из бесов второй бес сильно испугался, он был «в велице ужасе и хоцет вон бежати ис келии, да не может, нозе бо его прилепишася к мосту келейному и мучится, тянет, нозе свои от земли оторвати хоцет, да не может, и сего ради бежати нелзе ему» (235). В Киево-Печерском патерике рассказывается, как к Григорию «придоша татие. И егда възша бремена на ся, егда хотяше отъйти, и не възмогша и стояша два дньи неподвижими». ²⁵ По житию Леонтия Ростовского, некий Захария захотел присвоить монастырскую землю: «взыде... на землю... святыя богородица, тогда возопи велиим гласом Захария, и яко бежати хотяше, но не можаше...». ²⁶

Еще в большей степени реализованы и очеловечены взаимоотношения автора с бесами. Герои севернорусских житий обычно оборонялись от бесов молитвой и крестным знаменем, не вступая с ними в непосредственные столкновения. ²⁷ Картины физической расправы святого с бесами встречаются в житиях вообще сравнительно редко и главным образом применительно к тем святым, которые прославились как демоноборцы. Например, Николай Мирликийский, встретив беса, сказал ему: «Не имаше уже убежати от руки моя, темный бес!.. и ем его, и поринул под нози свои и нача бити его». Однако в исходе этой борьбы Николай все же воспользовался чудотворной силой, «связав ему (бесу, — А. Р.) руце и нозе. знаменем креста». ²⁸ Не случайно, зная об этих подвигах Николая, Елифаній в критический момент своей схватки с бесом обращается именно к нему: «Николае, помози ми!», и бес в страхе исчезает (235).

Предшественник Епифания по автобиографическому труду Елеазар Анзерский (последние десять лет жизни которого в скиту близ Соловецкого монастыря совпали по времени с пребыванием в нем Епифания) ²⁹ тоже любил описывать свои встречи с бесами. Они являлись к нему в образе знакомых стрельцов на конях и пешие с луками, самопалами, копьями, стрелами и всячески устрашали его. Но он никогда не боролся с ними в рукопашную. Ободренный явившейся к нему богородицей, он оборонялся при помощи обычных молитвословий. ³⁰ В отличие от него Елифаній полностью присваивает себе прямые функции пустыннока-демоноборца. Он детально развивает картины физической борьбы с бесами, рисуя их как могучих и опасных противников. Если Мисаилу бесы являлись, «яко младенцы», ³¹ то в житии Епифания они сами качают автора, «яко младенца», но чаще нападают на него, как «разбойники». Богородица, по его представлениям, тоже борется с бесом не свойственной ей чудесной силой, а вполне реально, т. е. душит его своими руками.

Разговор автора с побежденным бесом имеет бытовой характер: «И рече ми бес сице: „Уже я опять к тебе не буду, иду Вытегру“». На что автор отвечал: «Не ходи на Вытегру, иди тамо, где людей нету» (236).

²⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря. Издание имп. Археографической комиссии. СПб., 1911, стр. 198, стр. 97.

²⁶ Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. С предисловием действительного члена А. А. Титова (отд. оттиск), стр. 27.

²⁷ См., например: Повесть о Мартирие... , стр. 59—60; Житие Никодима Кожеозерского. — Православный собеседник. Казань, 1865, март, стр. 217; Житие Филиппа Иракского. — ОЛДП, XLVI, 1879, стр. 32.

²⁸ В. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых... , стр. 456.

²⁹ См.: Serge A. Z e n k o v s k y. Der Mönch E p i f a n i j... , стр. 288—289.

³⁰ См.: Житие и чудеса преподобного отца нашего Елеазара, чудотворца начальника Анзерского: ГПБ, собр. Соловецкой библиотеки, № 187.

³¹ Житие Даниила Переяславского чудотворца, стр. 52; см.: Ф. А. Р я з а н о в с к и й. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915, стр. 45—50, 62, 64, 65.

Небесные силы также обретают человеческий облик. Богородица является в темнице не только в традиционном образе, «яко чистая девица», но и ведет себя как земное сердобольное существо, «наклоняся лицом» к больному автору (235), она с его искаленной палачом рукою «яко играет» (249). Отношение автора к богородице хотя и уважительное, но вполне житейское. Автору кажется, что он не получил еще достаточного воздаяния за свою «работу» в пустыне Христу и богородице, которые не уберегли его от беса. Когда ему представляется, что богородица его «приказу» не послушала, он раздражается простодушными упреками, исполненными разговорных интонаций: «Видиши ли, владычица моя... в мале веть разбойник... меня не погубил, а ты не брежести мене!» (235). Бытовой характер имеют и некоторые обращения автора к Христу: «Ну, свет мой... храни... келейцу мою и твою» (233).

Автор специально обращает внимание на обычный человеческий облик Христа: в темнице его воссиял свет «и сотворися ис того света воздушнаго лице, яко человеческое — очи, и нос, и брада» (255).

Когда Епифанию во сне является его покойный друг Евфросин, он обращается с ним совершенно реально: «с великой радостию... начаш лобызати и целовати его... и глаголати: „О, свет мой... Евфросинушко, ведаю аз, что ты давно умер... а ныне вижу тя, паки ожил ты“» (244). Автор непринужденно беседует с душою Евфросина, как будто бы его друг вернулся из дальнего путешествия, куда и ему самому предстоит скоро отправиться: «Скажи мне, свет мой, как там царство небесное... и живут как на оном свете тамо?». Не скрывая своих опасений, автор просит приятеля быть обстоятельным: «Да и грешникам како уготована мука та... огонь и червь... скажи мне... Евфросинушко, по ряду вся, боюся аз грешный муки вечныя...» (244).

Однако Епифаний не удовлетворяется внешним изображением своих отношений с потусторонним миром как отношений реальных и человеческих. По сравнению с житийной литературой в автобиографии Епифания резко возрастает активность главного героя. Автор является не столько объектом воздействия потусторонних сил (враждебных ему или дружественных), сколько деятельным участником в их столкновениях. Поэтому для него приобретают особое значение пристальные наблюдения за собственными действиями в этой борьбе. Эти самонаблюдения приводят его к разработке приемов литературной материализации видений, т. е. изображения их в осязаемой, натуральной конкретности.

Наиболее показательным средством такой автобиографической материализации чудес и видений становятся описания автором тех действий, которые осуществляются им самим или богородицей при помощи их рук. Автор внимательно следит за тем, как богородица «в руках у себя беса мучит». Процесс этого действия рисуется во всей его конкретной последовательности, как бы в замедленном темпе: «И даде ми богородица беса уже мертваго в мои руки. Аз же взем у богородицы из рук беса... и начаш его мучити в руках моих» (236).

Столь же внимательно автор наблюдает и за своими руками в других случаях. Размышляя как-то во сне о том, почему бесы скрылись, не причинив ему вреда, автор «возрех на правую руку, и правой руке на мышце моей лежит образ вольяшной (литой, — *А. Р.*) медяной... богородицы». Попытка намеренного действия с его стороны разрушает это видение: «Аз же левою рукою хотел его взять, ано и нету» (234). По этому же способу строится и другое видение, когда после казни к правой руке автора прикасается уже не образ, а сама богородица. При этом традиционная картина превращается в живую жанровую сценку благодаря автобио-

графической конкретности описания. После казни, пишет Епифаний, он «всполс на лавку... а руку мою сеченую положил на сердце мое и наиде на мя яко сон». Автор ощущает присутствие явившейся к нему богородицы, которая утешает его не какими-либо чудодейственными способами, а совершенно по-человечески — своими руками: «И слышу — богородица руками своими болную мою руку осязает, и преста рука моя болети... а пречистая руками своими над моею рукою яко играет, а мнит ми ся... к руке моей и персты приложила». И в этом случае, как только автор делает намеренную попытку продлить это чудесное общение, как бы установить обоюдные человеческие отношения с его посетительницей, богородица исчезает: «аз же грешный хотех рукою моею удержати руку богородичну, и не мог удержати, уйде бо» (249). Видение рассеялось, автор, «яко от сна убудихся», и начинается проверка увиденного. Казалось бы теперь, в состоянии бодрствования, он мог бы оценить свое положение при помощи непосредственного ощущения. Но поскольку в задачу автора входит материализация чуда, установление между видением и действительностью как бы реальных связей, он упорно продолжает описание того же ряда действий, которые только что ему представлялись: «И начах осязати левою моею рукою правую мою руку сеченую, ища у ней перстов, ано перстов нету, а рука не болит» (249).

Исцеление человека при помощи прикосновения рук святого встречается в житийной литературе. Например, Евфросин Псковский явился во сне иноку, искушенному дьяволом, «и осяза рукама главу его, и рече: "... отныне буди здрав"...».³² Однако в агиографии эти эпизоды далеко не получают такого развития и художественной конкретизации, как у Епифания.

Видение отрезанного языка автора материализуется таким же путем последовательного описания действий его рук: «Аз же грешный простер руку мою левую и взем рукою моею со воздуха... язык, и положил его на правую руку... он же на руке моей ворошится... аз же... начах его обеими руками моими превращати... и исправя его в руках моих... и положил его руками моими во уста мои» (253).

Описывая видения, автор совершенно реально и точно координирует положения своего тела и действия рук. Когда автор лежал «на левом боку», образ богородицы оказался на его «правой руке», а взять его он пытался «левою рукою». После казни правая рука автора сильно болела. Поэтому и языки показались ему «с левую сторону», он простер к ним руку «левую».

С наблюдением за собственными руками связывается также момент прекращения видения и перехода к действительности. Во сне автор пытался беса «рукою... крестом... оградити» и бился с ним, но потом бес «из рук моих выскочил и ушел» (236—237), чем и закончилось видение. Такими же наблюдениями обрамляется встреча автора с Евфросином, которого он «объем... рукама». Создается впечатление, что во время всей беседы друзья так и стояли обнявшись, так как в заключение ее автор сообщает, что его друг «из рук моих изыде и невидим бысть» (244—245). Но в некоторых случаях наблюдения автора за своими руками, начавшись во время видения, продолжают и после его прекращения. Этот прием открывает перед автором новые возможности утверждения будто бы материального характера его столкновений с потусторонними существами. Видение материализуется в момент перехода от сна к действительности, однако условия для этого подготавливаются заранее. Так, в келью автора,

³² Повесть о Евфросине Псковском, стр. 114—115.

когда он заснул, явились два беса: «один наг, а другой в кафтане». Автор предусмотрительно схватил «беса нагово» и тут же ощутил в своих руках, «яко мясище некое бесовское». Не заметив далее, как «бес из рук... исчезнул», автор просыпается и обнаруживает как бы вещественное доказательство, подтверждающее реальность видения: «руце мои от мясища бесовского мокры» (235). Если бы схвачен был бес «в кафтане», такая реализация видения оказалась бы немотивированной.

По типу своему подобный способ материализации видений при помощи перенесения некоторых конкретно осязаемых следов пережитого из сна в реальность встречается в житийной традиции. Когда к составителю жития Евфросина Псковского явился ангел во сне, «возрев яростно», тот от страха «начаш рыдати», а потом «возбнувшу» и «обретох возглавицу мою слезами помочену».³³ Мартирий Зеленецкий видел во сне «столп огнен» и от него образ богородицы «теплоты исполнен»; «возбнух же от сна... осязав лице свое, и также ощути е теплоты исполнено».³⁴ Однако особенность подобного приема у Епифания состоит именно в постоянных наблюдениях за собственными руками.

Истоки этого способа автобиографической материализации видений лежали в самой действительности. Будучи опытным мастером «рукоделия» — столяром, художником и переплетчиком, Епифаний привык действовать руками и обращать внимание на эти действия при описании реальных ситуаций: «взем топор в руки» (243), «приступая ко кресту... возму его рукою» (260), «Аз же грешный превращая в руках моих древо кедровое и кляпичек, и долотечко» (258). Точно так же автор и в видении начал «руками... превращати» отрезанный язык, перенося в область описаний потусторонних явлений именно те действия, которые были ему более всего свойственны и привычны в жизни.

Биографические обстоятельства еще более обострили внимание автора к «рукоделию» и к своим рукам. Епифанию отсекают пальцы на правой руке в то время, когда его мастерство стало одним из средств для продолжения идейной борьбы (отправка в Москву сделанных им крестов со спрятанными в них рукописями Аввакума и самого Епифания, сделанный им с той же целью ящичек в бердыше стрельца). Епифаний ни разу не упоминает об официальном назначении этой казни («за крест руки сетчи»),³⁵ отнявшей у него возможность креститься по-старому. Он горюет только по утраченной любимой работе: «нелзя мне ныне крестов делать... рука болна сечена, отошло ныне от мене рукоделие то» (257). После исцеления он прежде всего опять вспоминает о своем любимом труде: «рука моя исцеле от ран, и делаю ныне всякое рукоделие попрежнему» (250). «Рукоделие» автора рисуется ему как занятие, имеющее символическое значение. Изготавливая кресты в течение почти тридцати лет, он «ни которою снастию ни руки, ни ноги, ни посека, ни прорезал... А егда делаю ведерка или ящички или ино что, тогда много рук и ног сек и резал» (261).

Таким образом, этими способами Епифаний сделал из описаний действий своих рук и «во сне» наиболее убедительное, как, очевидно, ему казалось, средство ознакомления с потусторонним миром в его осязательной реальности.

Такое же назначение имеет у Епифания и другой прием автобиографической материализации чудес и видений, который заключается в изображении своих воображаемых взаимоотношений с потусторонними силами на фоне тщательно зафиксированных подробностей реальной обстановки.

³³ Там же, стр. 106.

³⁴ Повесть о Мартирие..., стр. 59.

³⁵ РИБ, т. XXXIX, стлб. 714.

Общаясь с этими силами во сне, душа автора никогда не покидает тех привычных условий быта, которые окружают его. Сначала это обстановка кельи, затем темницы. В этих бытовых помещениях, во многом сходных, самонаблюдения и наблюдения автора приобретают необычайную детализацию.

Келья для автора это место его жилья и в то же время это дом богородицы, где стоит ее образ. В житиях постоянно кратко упоминается о том, как пустынный, облюбовав себе место, ставит келью. Так, Никодим Кожезерский «устроив... себе... на край блата того келейцу малу».³⁶ В отличие от житийной литературы у Епифания этот акт становится предметом подробного изображения. Любуясь своим трудом, он старательно описывает весь процесс постройки такой «келейцы малой». Он сообщает ее форму («о пяти стенках»), внутреннее устройство из двух частей («малая книг ради и правила — белая, а другая рукоделия ради и покоя»), ее размеры. Весь ход работы над кельей последовательно приводит к итогу — просьбе ко Христу и богородице о ее сохранении: «И егда совершил келейцу... и покрыл, и стенки вытесал, и опечек зделал, и образ... внес и поставил, и помоляся ему... рекох сице: „Ну, свет мой... храни образ свой и келейцу мою и твою“» (233). С такой же автобиографической тщательностью описывается процесс ремонта кельи: «у келейцы верх нарубил и покрыл, и стены и углы огорелыя досками обил, и сенечки построил» (233—234). Келья очень мала: «меж углы одна с локтем сажень, а другая полсажени поперек» (232), и автор точно рассчитывает свои действия в этом миниатюрном жизненном пространстве: «возлегшу ми... на голой доске, а глава ко образу... богородицы, от образа пяди три или две» (235).

Чудесные явления рисуются автором всегда с выявлением даже мельчайших подробностей обстановки этой кельи. На той же самой «доске» бесы, «играя», качают автора, а потом он бьет беса «о лавку о коничек» (234). Себя автор видит во сне сидящим «посреде келейцы... на скамейке» и считает необходимым уточнить в скобках: «(на ней же рукоделие мое временем делаю)» (235). Само появление бесов в келье связывается автором с определенными и постоянными условиями внешней обстановки. Каждый раз последовательно описывается весь путь их проникновения в келью: «И отворишася сенные двери, а в келейце моей стало светло... и паки келейные двери отворишася... и внидоша в келию ко мне два беса» (234). Необычайные свойства этих пришельцев сказываются только в том, что двери открываются по-особому: «отворишася двери сенные скоро зело и пылко, да и келейные двери скоро, скоро зело отворишася» (235); «и отвориша сенные двери, да и келейныя, пылко зело отвориша» (241). Описывается и обратное действие: уходя, бесы «келию мою затворили» (234). Эти однотипные описания не становятся, однако, у автора литературным штампом. Они лишь материализуют обычную и как бы непосредственно наблюдаемую автором ситуацию появления бесов. Автор настолько внимателен к изображению своего маленького мира, что он предлагает и другой вариант: «И скоро отворишася двери сенныя, и вниде бес в сени». Келейные двери теперь не фигурируют, так как на этот раз сам автор устремляется навстречу врагу, опередив его намерение проникнуть внутрь кельи: «Аз же идох в сени...». Там-то и разыгрывается схватка: «Он же побежал от мене; аз же, яко за разбойником, за бесом гонюся». Вся эта погоня, однако, не выходит за пределы тех же крошечных сеней, и автор

³⁶ Житие Никодима Кожезерского, стр. 216.

не забывает это показать: «и ухватил его... и начах его о сенную стену бити» (236).

Если бесы всегда врываются в келью как разбойники, то благочестивый христианин, привезший материал для изготовления креста, решаетея только, по словам автора, «с великим опасением» подойти «к оконцу моему» (241). Та же ситуация повторяется автором применительно к темнице. Тайно сочувствующий узникам сотник сначала в видении, а затем и наяву «к темнице моей пришел к оконцу и принес мне крестов... и кладяше их на оконце мое темничное» (257). Такое общение отшельника с людьми через оконце кельи является обычным предметом житийных описаний. Например, к Никодиму Кожеозерскому пришел некий посланец и «по обычаю молитву сотвори у келии его. Преподобный же, мало отворив оконце, увиде человека».³⁷

Обстановка темницы близка обстановке кельи. Как и келья, «темница то и церковь, то и трапеза, то и заход» (254). Те же самые «оконце», «лавка», «печь», «образ», дверей только нет. Впрочем, описывать двери и не было надобности: бесы теперь не посещают Епифания, так как его воображаемые страдания в пустыне сменились реальными в тюрьме. В этих условиях автобиографические наблюдения автора раскрываются с особенной силой. Они перестают служить задаче материализации видений и все более обращаются к реальному изображению действительности. Автор еще более тщательно, чем раньше, останавливает внимание читателя на своих внешних состояниях и движениях. Вернувшись после казни в темницу, автор «падох на землю», потом «востав со земли и на лавку лег ниц, а руку мою сеченую повесил на землю... и много крови вышло и в темнице стало мокро, а стражи сена на кровь наслали» (248). Страстные мольбы о смерти, покаянные внутренние монологи и упреки богу автор последовательно перемежает однотипными описаниями своего внешнего состояния: «Аз же грешный, в темнице един валяся по земли на брюхе, и на спине, и на боках, и всяко превращаяся от великия болезни» (249); «И много тосковал валяся по земли, и всполс на лавку и лег на спине» (249); «занемог от поста и от труда поклоннаго... и возлег на земле на рагозине» (254). Эти картины сопровождаются попыткой осветить свое состояние через передачу не только своих собственных ощущений, но также эмоций очевидца-стражника: Симеон десятник перевязал раны автора «и изыде ис темницы плача, видя мя, тоскующа горко» (248—249).

* *
*

Повествовательный автобиографизм Епифания сочетается с начатками автобиографизма психологического, отражающего его наблюдения за собственными душевными состояниями и эмоциональную оценку внутренних и внешних обстоятельств своей жизни.

В серии этих наблюдений важное место отводится описанию сна как перехода в иной мир и в иной план сознания. Епифаний всегда указывает, в каком именно из свойственных ему двух планов сознания протекает то или иное действие или явление. Для того чтобы полностью признать или полностью отклонить какой-либо факт, ему необходимо учесть и «сон» и «явь» как равноправные для него формы бытия. Например, пользуясь традиционными формулами, он указывает, что бес «пакости творяше во сне и на яве» (230) или, наоборот, «не видали мы беса ни во сне, ни на

³⁷ Там же, стр. 231.

яве» (232), «не видал, не слышал бесов ни во сне, ни на яве» (234). В соответствии с житийной традицией он неизменно фиксирует стереотипными формулами момент засыпания перед описанием видения: «и абие сведохся в сон», «и абие сведохся в сон тонок» (234 и 236), «найде на мя яко сон» (249), «найде на мя сон мал» (255). Так же фиксируется и момент пробуждения: «Аз же возбнухся, яко от сна» (235), «возбнух, яко от сна» (253), «убудихся, яко от сна» (257). Но автор усложняет это традиционное описание пробуждения, отмечая, что оно хранит еще ощущения, пережитые во сне: «... и того у меня труда было много над бесом... Аз же... яко от сна воспрянул, зело устал, умучился беса биуще» (237).

Момент перехода ко сну обставляется мотивировкой либо внешней, либо психологической. Внешняя мотивировка выражается следующими постоянно повторяемыми формулами: «и утомяся довольно, возлег опочинути» (232), «возлегшу ми опочинути от труда» (234), «от труда рукодельнаго и правильнаго возлег на одре мсем опочинути» (236), «по обычаю моему после правила... возлег на одр мой опочинути» (245), «возлегшу ми опочинути от трудов на одре моем» (244), «делаю аз кресты те прилежно и утомяюся... и возлягу опочинути на одре моем» (261). Подобная мотивировка восходит к житийной традиции. Например, Евфросин Псковский «возлегшу на земли, хотя мало опочити от трудов, а абие в тонок сон предложися». Старец Герман молил Ефросина об исцелении и «возлег почити мало на одре своем, и... от лютыя тоя болезни в тонок сон прииде».³⁸ Последний пример содержит уже основу для психологической мотивировки подобного сна, которая разрабатывается Епифанием. Он сообщает о том, что переходит ко сну в результате не только физических, но и душевных страданий: «... от печали тоя великия возлег опочинути в кельи» (237), «от болезни и от тоски горькие, и печали великия... возлег на печи» (250), «И от печали моя великия найде на мя сон» (235).

Житийная литература обычно только констатировала то обстоятельство, что видения приходят к подвижнику в «тонком сне», но не могла углубить характеристику этого явления. Отправляясь от этой же констатации, Епифаний старается тщательно проанализировать и автобиографически запечатлеть свои конкретные состояния, которые сопровождают его переход ко сну и от сна к деятельности, как постепенно возникающие и исчезающие условия для общения с потусторонними силами. После работы по изготовлению крестов, рассказывает автор, «возлягу опочинути... и усну, и егда первой сон отидет от мене, аз же лежу на одре моем уже не спя, тогда ми чудные гласы бывають» (261). Так очень тонко и реально отражается момент начала сновидений, наступающий после «первого сна» утомленного человека. В сознании автора это момент как бы внутреннего пробуждения и начала общения с небесными силами, которые повелевают ему в данном случае вновь «встати и делати кресты». При этом по традиции является «юноша некий» (ангел), который, однако, выступает в своеобразной функции: он подготавливает обратный переход автора от видения к реальности. «Юноша» начинает говорить молитву, автор же завершает ее и встает: «аз же реку „аминь“ и востану». После такого ангельского напутствия его работа подвигается успешно. Следуя своему методу антитезы, Епифаний считает нужным изложить и те обстоятельства, при которых работа его не ладится. Объяснение его по содержанию традиционно, но оно вводит иной вариант описания процесса «тонкого сна». Это описание также вполне реально, причем оно снимает первоначальное утверждение автора, что он общался с «юношей» будто бы «уже не спя»:

³⁸ Повесть о Евфросине Псковском, стр. 69, 109.

«А егда не послушаю гласа того, будящего мя, и паки усну, тогда много ми беси творят во сне пакости... аз же встану тогда с печалию... и того дни крестов не делаю» (261).

Таким образом, традиционную ситуацию засыпания и пробуждения автор стремится обставить автобиографическими мотивировками и психологическими самонаблюдениями, которые служат связующим средством между двумя планами его повествования — внешним и внутренним. Разрабатывая далее этот почерпнутый из житийной традиции способ обрамления видений определенными описательными формулами передачи состояния святого (засыпание — пробуждение), автор расширяет его функцию и превращает его в прием, при помощи которого он сочетает изображения своих физических и душевных состояний.

Описания проявлений душевной жизни автора (видения, размышления, внутренние монологи) обрамляются повторяющимися сведениями о его внешнем состоянии. Перед тем как произнести монолог после первой казни на тему «горе мне бедному — как жить?», автор сообщает, что он «внидох на печь от болезни и от тоски горкия... и возлег на печи, и начах помышляти в себе сице». Окончив эти размышления, автор, «востав, сошел с печи и сел на лавке» (250). Умоляя бога после второй казни о ниспослании ему смерти, автор «падох на землю», а убедившись в тщетности этой мольбы, «востав со земли и на лавку лег» (248). Монолог автора после казни с упреками небесным силам предваряется сообщением: «Аз же грешный, в темнице един валяясь по земли... всяко вопел ко господу». Закончив монолог, он повторяет: «И много тосковал, валяясь по земли» (249).

Если описания размышлений автора обрамляются описанием его физических состояний, то изображение его действий по такому же принципу, но с противоположным эффектом заключается в рамку повторяющихся эмоционально-психологических моментов. Например: «И воздохнув, на небо зря... и идох к келии огорелой. А около келии приготовлено было на сенишка лесу много». Описав создавшееся положение, автор возвращается к исходной эмоции и исходному действию: «Аз же... воздохня от печали, внидох в келию огорелую» (233).

Житийной литературе иногда свойственно было фиксировать эмоции своих героев. Это выражалось, например, в стремлении передать удивление героя по поводу открывающихся перед ним необыкновенных явлений. Некий Авраамий увидел келью пылающей, но огонь внезапно, силою молитвы, исчез, «Авраамий же отъиде... чюдясь бывшему».³⁹ Епифаний гораздо чаще отмечает такую же свою психологическую реакцию на происходящее (как во сне, так и наяву): «зрю... на Ефросина и дивлюся» (244), «да и сему аз... много дивлюся... ни котороу снастию ни руки, ни ноги... ни порезал, соблюдает мя благодать» (261).

Если в житиях описание психологической реакции героя не выходит за пределы упомянутых отдельных констатаций, то Епифаний, освещая как бы изнутри открывающиеся перед ним картины видений, получает возможность последовательно сопровождать их фиксацией своих чувств. Так, например, видение двух вырезанных «языков» описывается под знаком непрерывно возрастающего удивления автора (дивлюся-дивяся-чюдяся), сопровождающего развитие действия: «дивлюся красоте... поля того, и вижу... лежат два мои языка... взял рукою... язык... дивися... красоте его... начах... руками моими превращати, чюдяся ему...». Это чувство удивления, передаваемое при помощи нагнетения синонимов, не только пронизывает развитие всего видения, но распространяется за его преде-

³⁹ Повесть о Мартирие..., стр. 58.

лами. Испытанная автором эмоция переносится и в действительность: «и возбнух яко от сна, и дивлюся сему видению» (253). В другом случае таким эмоционально-психологическим фоном развивающегося видения является описание радости автора, создаваемое при помощи лексических повторов: «Богородица руками... большую мою руку осязает, и преста рука моя болети и... отъиде тоска, и радость на мя найде, а пречистая руками над мою рукою яко играет... и велика радость найде на мя тогда». Это же настроение продолжается за пределами видения, психологически закрепляя увиденное автором: «Аз же... яко от сна убудихся... а сердце радуется» (249). Таким образом, эмоциональная оценка изображаемых событий развивается как бы контрапунктически по отношению к ходу действия.

Элементы психологического автобиографизма получают у Епифания некоторое риторическое развитие. Чувство удивления, вызванное видениями и чудесами, разрастается в недоуменные мысли автора, облекающиеся в форму его обращений и вопросов, адресованных к самому себе или к богу. Указания на то, что подвижник обращается к самому себе и к богу, встречаются в житийной литературе. Так, Боголеп «рече в себе: „Востани, господи, в помощь моя...“», а Авраамий, осуждая его, «рече в себе: яко и нам старец тяжкий устав... предаде».⁴⁰ Филипп Ирапский «рече в себе: „Терпи, Филиппе, мужайся...“».⁴¹ Своеобразно используя этот прием внутреннего монолога, Епифаний мысленно задает богу и самому себе вопросы, которые должны предварить и обострить явление чуда, на них, по существу, и отвечающего. Он постоянно говорит так: «... дивлюся сему видению, глаголя в себе: „Господи, что се хошет быти?“» (253); «и начах глаголати в себе сице: „Что се творится надо мной бедным?“» (254); «Аз же, грешный, убудихся яко от сна и рекох себе: „Что се будет видение?“» (257).

В некоторых случаях эмоциональная реакция автора сопровождается уже более сложной формой рассуждения, но сохраняет иногда то же формальное пояснение («в себе»), которое было уместнее для внутреннего монолога, чем для изображения процесса мысли. Получается как бы изложение мыслей вслух: «... дивлюся, помышляя в себе: како обретеса в келии моей друг мой (Евфросин, — А. Р.) и гроб его... Что хошет быти се?» (244); «Аз же лежа помышляю: что се бысть надо мною?» (249). Эти размышления служат у Епифания своеобразным психологическим фоном для изображения чудес и видений. Но сама форма введения их в повествование также воспринята из житийной традиции: «нача помышляти в себе святой», рассказывается, например, о Евфросине Псковском.⁴²

Точно такие же, хотя и реже встречающиеся, разговоры с самим собой вводит Епифаний применительно к описанию реальной обстановки: «возлегшу на одре моем и рекох себе: „Ну, окаяние Епифане...“» (256); «И инако подобно сему рекох себе...» (257); «Тогда аз... возлег на печи и начах помышляти в себе сице: „Горе мне, бедному, — как жить?“» (250).

Чувства и настроения автора выражаются им обычно в традиционном внешних проявлениях. Подобно тому, как автор материализует видения, он материализует и закрепляет потворяющимися формулами описания собственных чувств и психологических состояний. Эта внешняя фиксация своих внутренних состояний прежде всего выступает в форме обычных описаний ритуальных действий. В житийной литературе молитва подвиж-

⁴⁰ Там же, стр. 56, 58.

⁴¹ Житие Филиппа Ирапского, стр. 62, ср. стр. 17, 32.

⁴² Повесть о Евфросине Псковском, стр. 79.

ника сопровождается описанием следующих действий: «воздев руце свои на высоту»,⁴³ «великим голосом молитву вопияше»,⁴⁴ «пад на земли, моляся богу за христианы; и востав от земли, и простер руце на небо».⁴⁵ Постоянно стремясь показать себя читателю в экстатическом состоянии молящегося подвижника, Епифаний многократно повторяет и развивает такие фразеологически отстоявшиеся описания: «воздох руки мои на высоту небесную и завопел великим голосом... сице глаголюще...» (237);⁴⁶ «и воздох руце мои и возопил ко образу... глаголющи сице...» (238); «воздох руце мои на высоту небесную и завопел...» (254); «а сам вопиу великим голосом к высоте небесной, глаголющи сице...» (236); «и вопиюще сице к высоте небесной великим голосом» (234); «вопел много... на высоту небесную глаголя...» (248); «возопи гласом великим» (246); «начах вопити к богородице, зря на небо...» (233); «всяко вопел ко господу» (249). Особенно усердные молитвы сопровождаются описанием следующих действий: «и ударихся о землю трою» (237), «и ударихся трою о землю» (238), «и ударихся три накона о землю» (254).

Такие экспрессивные формулы не углубляют характеристики психологических состояний автора в силу своей стереотипности, но они создают эмоционально напряженный фон его повествования. На этом фоне контрастно выделяются обращения автора к небесным силам, имеющие иной характер. В самые трудные моменты ужасных испытаний автор совсем отказывается от своего обычного «вопля» к богу и пространных риторических молитв. Когда палач подошел «с ножом и с клещами», «Аз же грешный тогда воздохнул... умиленно зря на небо, рекох сице: „Господи, помози!“» (251). Обычный «воплъ» контрастно заменяется предсмертным «писком», когда бес сжал автора так, что было «не возможно ми ни дышать, ни питать, толко смерть. И еле-еле на великую силу пропищал в тосках сице: „Николае, помози ми!“» (235). Подавленный жестоким натиском беса, автор скорбно обращается к богородице: «со слезами начах глаголати... ко образу» (235). В другой ситуации, удовлетворенный постройкой кельи, он говорит просто: «рекох ко образу сице: „Ну, свет мой...“» (233). Все эти отступления от принятого самим автором литературного образца для изображения его молитвенных состояний особенно показательны, так как они свидетельствуют о его стилистическом чутье.

Житийная литература отмечает, что молитва подвижника сопровождается также его определенным «взглядом» на предмет почитания: Евфросин Псковской, например, «возрев на небо и помолися».⁴⁷ Епифаний развивает описание такого традиционного жеста, делая его одним из средств изображения своих переживаний. Взор его попеременно обращается то к небу, то к земным предметам, вызывавшим его тревогу. Создается два различных объекта наблюдения («земля» и «небо»). Так, сообщив о пожаре кельи, автор говорит: «узрех издалеца келейцу мою... и начах вопити к богородице, зря на небо и на келию... взирая». Затем, «воздохнув, на небо зря... и идох к келии» (233). Излагая от первого лица рассказ крестьянина-охотника, автор подчеркивает, что переход от молитвенного состояния к обычному наблюдению над окружающей природой сопровождается реальной сменой объекта созерцания: «И возведох очи мои на

⁴³ Житие Никодима Кожеозерского, стр. 220—221.

⁴⁴ Повесть о Мартирие..., стр. 58.

⁴⁵ Житие Николая Мирликийского: В. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых..., стр. 454.

⁴⁶ См. В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2. М., 1938, стр. 37.

⁴⁷ Повесть о Евфросине Псковском, стр. 80.

небо... и рекох сице: „Господи, дай ми лов днесь... и аз ти... поставлю крест...“. Крестьянин рассчитывает тотчас же увидеть результаты своих слов и сразу меняет объект наблюдения: «И егда дал обещание богу, зря на небо, как сведох очи мои с небес на землю, и начах очима моима обзирати около себе сюду и сюду, зря лова какова-либо, ми посланнаго от бога» (241—242).

Молитва автора неизменно сопровождается стереотипным описанием того, как он смотрит на образ или на крест: «погляжу умиленно на крест», «И паки возведу очи мои на образ», «аз же тогда умиленно возведу очи», «аз умиленно погляжу на образ» (252).

Большое внимание уделяет автор описанию своих внутренних состояний. Эти описания строятся по тому же принципу изображения внешних проявлений его чувств. Делается попытка изобразить развитие этих чувств в виде эмоционального процесса, начало которому дается «сердечным» толчком и который затем реализуется в соответствующих случаю внешних физических проявлениях. Так, автор входит в келью, где «бес живет»: «И нача сердце мое трепетатися во мне, кости и тело дрожати, и власы на главе моей востали». Заключается эта картина обобщающей характеристической собственного состояния: «... и нападе на мя ужас велик зело» (232). По такой же схеме изображается скорбь автора, увидевшего обгоревшую келью: «... и вострепета во мне сердце мое, и потекоша от очей моих слезы на землю...». Затем, как и в первой картине, следует вывод: «... и нападе на мя печаль великая» (233).

Древнерусской литературе, в частности житийной, не было еще свойственно описание переходных и уравновешенных психологических состояний человека. Если психологические состояния и становились иногда предметом литературного изображения, то лишь в своих наиболее напряженных проявлениях. В соответствии с этим и в описании Епифания его внутренняя жизнь движется резкими эмоциональными толчками. Обуревающие его чувства и настроения сменяются по принципу контраста: с одной стороны, это страх, печаль, скорбь, с другой — торжество, радость, веселье. Бес чуть не задушил автора, и «он со слезами начах глаголати с великою печалию ко образу... богородицы». Молитва была услышана и автор тотчас «обретохся вместо печали в великой радости» (235—236); в другом случае также «обрати ми ся печаль в радость» (233). Такому же принципу следует изображение быстрой смены настроений вслед за сменой физических состояний: «преста рука моя боleti и от сердца моего отъиде тоска, и радость на мя найде» (249); «а рука не болит, а сердце радуется» (249).

Такое контрастное изображение переживаний, мгновенно переходящих из одной крайности в другую, типично для житийной литературы с XIV—XV вв.⁴⁸ Столь же традиционно для нее и описание религиозных переживаний как определенных состояний «сердца» (его пожара, свечения и т. п.). Например, Авраамии Смоленскому «свет восия... в сердцы от бога»,⁴⁹ Евфросин Псковский «тако распалив сердце свое рвннвым пламенем... любовию по бозе»,⁵⁰ у Мартирия Зеленецкого «великий пламень в сердцы... возгореса» и «огнь желания в сердцы его возгореса».⁵¹ Даже при одном только чтении жития святого (Кирилла Белозерского) «сердце» человека (боярина Морозова) осветилось, «яко некоею зарею пресветлоу,

⁴⁸ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 106—107.

⁴⁹ Жития Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил к печати С. П. Розанов. СПб., 1912, стр. 17.

⁵⁰ Житие Евфросина Псковского, стр. 23.

⁵¹ Повесть о Мартирие..., стр. 61, ср. стр. 59.

наполнился радости и веселия вся внутренняя его и от великия тоя скорби и печали во утишие и радость преложися».⁵²

В духе этой традиции излюбленным способом для изображения своих чувств Епифанию служат наблюдения над собственным сердцем, за которым он следит как за чутким манометром душевной жизни. В этих случаях он развивает тот же метод внешней материализации своих переживаний в виде описания разных состояний собственного сердца, какой он применял при изображении фантастических событий с помощью описания действий своих рук. Обращаясь к богу, он говорит: «зажги и запали сердце мое любовью твоею и всю внутреннюю мою, да всегда горит к тебе, свету» (260), в другом случае констатирует: «и возгореса сердце мое и внутренняя моя... и завопел ко господу богу» (254). Но в отличие от житийной литературы автор переносит эту трафаретную характеристику духовных экстазов подвижника на описание своих реальных физических страданий: после казни «возгореса сердце мое во мне и вся внутренняя моя огнем великим» (248).

Автор превращает эти фразеологически стереотипные метафорические описания состояний своего сердца в способ постоянных психологических самонаблюдений. В этом отношении он имеет предшественника в лице Елеазара Анзерского, который в своей автобиографии использовал аналогичные характеристики: «И ощути сердце свое исполнено радости многа зело», «душа моя вострепета, вся внутренняя моя зело» и «возрадовася душа моя, и вся внутренняя в веселии бысть».⁵³

Применяя к себе по принципу антитезы слова псалма «возвеселися сердце мое», Епифаний возражает: «Ныне сердце мое не веселится, но плачет». Получив исцеление, он говорит: «И о сем ныне веселюся... сердцем моим» (253). Бесы были изгнаны из кельи, «а сердце мое наполнено великия радости и веселия» (234); богородица беса мучит, «а сердце мое великия радости наполнено» (236); автору является Евфросин, «а сердце мое наполнено великия радости» (245); богородица избавляет автора от страданий, и его «сердце радуется» (249).

Попытки анализа состояния собственной души неизменно приводят автора к описанию своего сердца как традиционного вместилища душевной жизни. Изображая, например, испытанный им страх смерти, автор говорит: «начал тужити и скорбети в сердце моем, глаголя: „како избуду муки вечныя...?“» (243), или: «Слава тебе, господи... в сердцы моем утешения твоя возвеселиша душу мою» (255).

Глубокий вздох как обычное внешнее проявление переживания вырывается у подвижника именно из сердца. Это отливается в стереотипные фразеологические формулы: например, Евфросин Псковский, «вздохнув из глубины сердца своего... рече»,⁵⁴ Боголеп, «вздохнув от сердца, прослезися»,⁵⁵ Никодим Кожеозерский — «тяжко о сем вздохнув из глубины сердечныя».⁵⁶ Точно так же пишет о себе Епифаний: «И вздохнул ко господу из глубины сердца моего» (250); «Аз же, грешный, тогда вздохнул из глубины сердца моего умиленно» (251); «вздохну из глубины сердца моего» (252).⁵⁷ Автор даже обращается с речью к самому себе из собственного сердца: «рекох себе из глубины сердечныя» (257).

⁵² В. Ключевский, *Древнерусские жития святых...*, стр. 400.

⁵³ *Житие и чудеса... Елеазара... Анзерского*, лл. 33, 36, 36 об.

⁵⁴ *Повесть о Евфросине Псковском*, стр. 79.

⁵⁵ *Повесть о Мартирии...*, стр. 56.

⁵⁶ *Житие Никодима Кожеозерского*, стр. 288.

⁵⁷ См.: В. В. Виноградов, *Очерки...*, стр. 37.

Описания своих действий автор сопровождает характеристикой сопутствующих им настроений. Это тоже либо печаль, либо радость. Например: «Аз руками гной содираю со очей моих с печалию великою» (257); «аз же встану тогда с печалию и очишуся от искушения» (261); «И аз рекох ему с печалию» (257); «внидох на печь от болезни и от тоски горкия, и печали великия» (250). И напротив, убедившись в одобрении своей жизни небесными силами, автор «от того времени стал терпети с радостию всякую нужу темничную» (255). Такой же схематической характеристикой соответствующего душевного состояния автор сопровождает картины своих физических страданий. После казни он «в темнице всяко превращаяся от великия болезни, и от горкия тоски... вопел ко господу»; «... от болезни великия и от тоски горкия, начах глаголати...»; «И много тосковал, валяся по земли» (249); «изнемогоша очи мои... и я ... о сем опечалился зело и уныл, и тужил не мало времени» (256).

Автор стремится изобразить в экспрессивной форме эти эмоциональные порывы, смущающие его ум и душу. Печаль лишь иногда «приходит», но чаще она «нападает» на автора: «И скоро нападе на меня уныние, и печаль велика и бых яко изумлен» (237); «И нападе на мя печаль велика и уныние горькое», — говорит крестьянин (241); «И нападе на мя печаль великая» (233); «прииде на мя печаль велика и возмутиша всю внутреннюю мою» (254); «нападе на мя ужас велик» (232).

Внутренние потрясения иногда настолько сильны, что Елифаный описывает те усилия, которые необходимы для того, чтобы вновь обрести душевное равновесие. Так, после схватки с бесом он отмечает: «Аз же грешный, собрався со душею моею, и со слезами начах глаголати...» (235); искалеченный бесом крестьянин «полсуток с умом собирався» (231).

Описания собственных мыслей строятся автором по аналогичному принципу выражения внутреннего через внешнее с повторением фразеологически однотипных формул. Например, автор стремился внушить читателю, что вся его отшельническая жизнь была проникнута идеей спасения собственной души. После известия о смерти Евфросина эта мысль целиком захватила автора. Для передачи этого состояния он настойчиво повторяет одну и ту же мысль: «начал тужити и скорбети в сердце моем, глаголя: „как избуду муки вечныя и получу царство небесное...?“ Тако же и богородице... в помощь призывая... да помолится о мне... еже бы ми избыти муки вечная и уллучити царство со святыми его. И в сем помысле много дней проводил, моляся... да избуду мук и обрящу ми рай» (244). В учительной литературе встречается способ передачи постоянства того или иного душевного явления при помощи указания на то, что оно сопровождает человека в его различных физических состояниях. В одном из «слов», например, говорится: «всяк бо грех совершается в кратце... а злопомнение люту имать страсть палящу, ибо ходя и лежа и востоя яд в сердце имеет».⁵⁸ Елифаный развивает этот способ характеристики целиком захватившего его душевного состояния. После приведенного выше троекратного повтора своей мысли он пишет: «... то таки и думаю, и сидя, и ходя, и на одре моем лежа». Более того, та же мысль сопровождает и все занятия автора: «... и правило говоря молитвы, и каноны, и псалмы, и поклоны, и рукоделие делаю». В заключение дается еще раз повторение той же мысли, причем сообщается, что она находила различные способы внешнего выражения: «... молюся иногда умом, иногда языком: да избуду муки вечныя и уллучу царство вечное со святыми» (244). Такими спосо-

⁵⁸ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, под ред. А. И. Пономарева, в. 3. СПб., 1897, стр. 78.

бами создается впечатление непрерывных размышлений автора на одну и ту же главную для него тему.

Обращаясь к реальным сюжетам, автор заботится об их психологической характеристике. Так, например, краткое описание своего образа жизни в пустыне вводится сначала в традиционном изложении, но далее психологизируется. Житийной литературе был известен образец жизни пустычника, примером которого может послужить следующее описание: «Святой же в пустыни живяше, питаяся рукоделием своим... ведущий же его... приношаху ему потребная, он же ... со благодарением принимаше, непрестанно богови моляся о них».⁵⁹ Один из пустытников, судившихся на соборе 1666 г., точно так же «питался де трудами своими, делал деревянное дело, а иное боголюбцы присылали».⁶⁰ Так же пишет о себе Епифаний: «А живя я в пустыни, сподобил мя бог питатися от рукоделия, а иное боголюбцы приносили... и я у них принимал... прося им милости у Христа» (236). Однако Епифаний выходит далеко за пределы традиции, развивая поднятую тему рассуждениями о своих психологических наблюдениях: «А в пустыни жити без рукоделия невозможно: понеже находит уныние и печаль, и тоска велика». С его точки зрения, «добро в пустыни псалмы, молитвы, рукоделие и чтение». Тема завершается авторской эмоциональной концовкой: оказывается, соблюдая эти правила в пустыне, «зело красно и весело жити. О, пустыня моя прекрасная!» (236).⁶¹

* *
*

Возникновение дидактической автобиографии на идейной и литературной основе житийной биографии сопровождалось существенным изменением жанра и стиля произведения и появлением новых условий для изображения человека, прежде всего его внутренней жизни. Эта попытка изображения переживаний человека обрела новые литературные возможности: отвлеченное наблюдение агиографа сменилось конкретным самонаблюдением автобиографа. Агиография имела возможность описывать состояние духа своих героев только со стороны, как бы извне иллюстрируя его повторением однотипных видений и чудес, имевших своей целью лишь подтвердить их святость. Составители житий не могли и не стремились раскрыть и последовательно проследить переживания своих героев. Это удалось сделать Епифанию, так как его дидактический автобиографизм при всей его ограниченности определялся целенаправленным намерением описать внутреннее состояние своей собственной души. Используемые для этой цели традиционные образы и сюжеты видений и чудес приобрели в его повествовании новую функцию, став одним из средств биографического самонаблюдения.

Появившиеся условия для возникновения этого примитивного психологического самоанализа были активно использованы автором в агитационных целях, так как концентрация читательского внимания на его душевных конфликтах должна была вызвать особенно поучительный эффект при последующем их разрешении с помощью небесных сил. По представлениям автора, как и всякого подвижника, все его конфликты с действительностью должны были получить разрешение именно по этому заранее известному способу (*deus ex machina*). В зависимости от этого психологическая само-

⁵⁹ Повесть о Мартирии... стр. 59.

⁶⁰ Материалы для истории раскола за первое время его существования, под ред. Н. Субботина, т. 2. М., 1876, стр. 19.

⁶¹ «Прекрасная пустыня», как известно, традиционный образ духовных стихов.

характеристика автора была замкнута в кругу схематических описаний. В стилистическом отношении эта самохарактеристика во многом зависела от устоявшихся приемов агиографии, которые то концентрировались, то своеобразно видоизменялись автором в связи с конкретными задачами его творчества.

Созданные автором описания его переживаний и по существу своему и по форме были еще далеки от реального изображения многообразных и относительно самостоятельных проявлений душевной жизни человека. Но заслуга Епифания состояла в том, что в пределах свойственной ему проблематики и поэтики ему удалось художественно изобразить определенные душевные состояния уже не как привычные житийные абстракции, а как развивающиеся процессы своей внутренней жизни, описание которых создавало некоторое представление и об индивидуальных особенностях его духовного облика. В результате этого под пером Епифания возникло во многом еще условное, но уже целостное описание истории душевной жизни человека. Его автобиографическое повествование приобрело отсутствующую в житиях психологическую мотивированность и причинную последовательность. При этом обезличенные житийные ситуации, освещенные авторским наблюдением как бы изнутри, наполнились живым биографическим содержанием. Они превратились в картинные, осязаемо конкретные эпизоды реальной или воображаемой жизни автора, раскрывающиеся на фоне окружавшей его и любовно воспроизведенной бытовой обстановки.

Формирование дидактической автобиографии на основе традиционной агиографии определило двойственную природу возникшего произведения. Непосредственно сближая автора с общепризнанными в современном ему обществе силами потустороннего мира, это произведение еще сильнее устремлялось по сравнению с обычным житием святого ввысь, к «небу», осуществляя тем самым заданную ему агитационно-поучительную функцию. Но в то же время, отрешившись от житийной абстрактности в пользу живого психологического содержания, оно гораздо крепче тяготело к «земле», раскрывая перед читателями историю жизни и страданий их живого современника. Сквозь созданный автором идеальный «лик» святого-мученика за веру начинали проступать черты живого человеческого характера.

Появление автобиографии Епифания служит одним из ярких показателей значительных сдвигов в развитии русской литературы XVII в., средствами которой оказалось возможным образно запечатлеть это самобытное проявление самосознания человека.

М. Д. КАГАН

**Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским
государям — публицистическое произведение второй
половины XVII в.**

Во второй половине XVII в. тема борьбы с турками и татарами привлекала внимание русской общественной мысли. Турция вела агрессивную внешнюю политику, стремясь к завоеваниям в Западной Европе, распространяя свои притязания на Украину. Жизненные интересы Русского государства требовали обороны южных границ от набегов татар и наступления турок, а также свободной торговли на Азовском и Черном морях.

В политической публицистике, созданной в среде Посольского приказа еще в первой четверти XVII в., — в Повести о двух посольствах и Легендарной переписке Ивана IV с турецким султаном¹ — Турция рассматривается как государство враждебное, грозящее России войной и разорением страны. Во второй половине XVII в. писатели Посольского приказа продолжают эту литературную традицию, поднимая турецкую тему в неофициальных произведениях, написанных в форме дипломатических документов.

В рукописных сборниках второй половины XVII в. появляется цикл «грамот», посвященный дипломатическим сношениям турецкого султана с некоторыми христианскими государями Европы. В него входят две грамоты турецкого султана польскому королю, лист султана Магомета к немецким владетелям и всем христианским людям и его же дипломатическая переписка с Леопольдом, цесарем римским.

Первая, «большая» грамота турецкого султана польскому королю помечена 145 (1637) г., названа «отказной грамотой» и, так же как и все другие послания цикла, начинается пышным титулом султана, что вообще характерно для произведений, написанных в Посольском приказе. В грамоте говорится о разрыве «укрепленных и договорных статей», взятых султаном от польского короля, так как стало известно, что польский король «творит тайные советства» с недругами султана, особенно с московским государем. По примеру польского короля и надеясь на его силу, «иные короли» султану «сопротивны ставятца», а польский король хочет с ними «сопча клятвми укрепится» против султана. Подымая оружие против султана, польский король «камышников, запорожских казаков, аки бегучих лачивых собак, выпустил», и те разоряют и грабят владения султана. В грамоте упоминается о том, что польский король станет просить

---

¹ См.: М. Д. Каган. 1) «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955 (далее: Повесть о двух посольствах), стр. 229; 2) Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957 (далее: Легендарная переписка), стр. 269.

мира, услышав о великом войске и янычарах, которые, «аки грозная туча», идут на Польшу; от грома пушек земля вздрогнет, лес начнет валиться, море волнами играть от большого количества катарг — турецких кораблей; силе турок и татар ужаснутся небо, солнце, месяц и звезды. Турецкий султан намерен взять Краков, где хранится «особная новая святая гробница бога», в кирках и церквах турки начнут ставить коней и верблюдов, замки обратят в пепел и пыль и, преследуя распятого бога, выведут всех христиан.

Вторая, «малая» грамота по содержанию и композиции настолько близка к «большой», что А. И. Соболевский назвал ее совершенно другой редакцией.² Нам кажется, однако, что «малую» грамоту следует считать самостоятельным произведением, хотя, несомненно, и связанным с «большой» грамотой. Она адресована Яну III, т. е. Яну Собесскому, и датирована 1678 г. Султан упрекает польского короля в нарушении мира и в заключении тайного договора с московитином — его супостатом, обвиняет польского короля в вероломстве, ибо тот намеревался заключить с султаном перемирие и в то же время «воздвиг» на турецкое царство «казаков украинских... яко псов беснующихся... которые в полях разоряют и пустошат». Султан заставит польского короля просить мира, послав на него большое войско, описание которого дается в тех же гиперболических образах, что и в «большой» грамоте. Послание кончается угрозой искоренить всех христиан.

«Лист турецкого султана Магомета», помеченный 1663 г., содержит обращение к немецким князьям, полякам, папе, кардиналам, епископам и ко всем христианам. Султан грозит их «королевства... мечем поимать», замучить жен и детей пытками, пленников уморить в тюрьмах. Султан сомневается в том, что распятый Иисус сможет им помочь, и напоминает о взятии турками у христиан Константинополя. Тема дипломатической борьбы с турецким султаном продолжается в переписке его с цесарем Леопольдусом (Леопольдом I). Султан пишет, как и в предыдущих посланиях, о том, что между государями «разорися мир» без всякого повода со стороны султана, который догадывается, что цесарь «со иным неким королем покусился еси внити в совет». За это султан будет воевать с цесарем и немецкую землю всю разорит, ничего в ней не оставя, «токмо вечную память страха и пролитие крови». Турки предадут священников «псом на снадение» и станут гнать христианскую веру. Султан предлагает цесарю для избежания всех бед принять магометанство.

Ответ Леопольда начинается с пародирования титула султана: «Магомете, сыне погибели, дедич вечного осуждения, муж гнилы, древа жизни смрадный, блядословие бога». Писание султана «всякого полне зла» и «неразумное», цесарь его, «яко прах вмених», «ибо псу поволно есть лаяти, их же господа обыкшоа в железах водити». В ответе цесаря имеются отклики на пункты письма султана: на обвинение в совете с иным королем цесарь говорит что он советовался «воистинну с небесным царем». Высмеивая то обстоятельство, что султан назвал себя хранителем гроба Христа, цесарь пишет: «добре во псы тебе влагаться, да стрегут дворы царевы и двери государей, иже мечют им по частицы хлеба к губам. Того ради и мы тебя имеем, и пребываеши да ж до нынешнего времени в стражбе». Дальнейшие угрозы цесаря очень сходны с угрозами из письма султана.

Послания помечены 1663 г., однако в одном из списков³ сказано, что переданы они с немецкого письма «в нынешнем в 178-м (1670) году

² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 239.

³ ГПБ, собр. Археологическое, № 43, л. 14 об.

октября в 29 день». Послание султана цесарю Леопольду позднее попало в Записки Ивана Афанасьевича Желябужского, вклинившись там в повествование о взятии Петром I Азова в июле—августе 1696 г. Наряду с посланием в записках приводятся сообщения из присланных по почте печатных польских и немецких курантов. И. А. Желябужский указывает, что послание им «выписано в Государственном Посольском приказе» и представляет собой «список с листа, что списано с листа турецкого султана к цесарю Леополду, каков писал султан турецкой».⁴

Следовательно, переписка султана с цесарем, а возможно, и все другие грамоты находились в бумагах Посольского приказа. То, что И. А. Желябужский, сам неоднократно участвовавший в 60-х годах в посольствах, включил послание султана в свои записки, свидетельствует об интересе к подобным произведениям в среде служащих Посольского приказа.

Все грамоты султана по содержанию, композиции и жанру настолько близки друг другу, что составляют единый цикл. То, что грамоты имеют даты (1637, 1663 и 1678 гг.), ничего не говорит о времени появления их текста. Даты дают только *terminus post qua* для рассматриваемых нами редакций. Имена королей Леопольда I и Яна III ведут нас ко времени не ранее 1658 г. для первого и 1674 г. для второго.⁵ В содержании грамот опорных пунктов для уточнения датировки нет.

А. Попову были известны все грамоты цикла по списку хронографа 1696 г., за исключением «листа к немецким владетелям и ко всем христианам». А. Попов называет их «подложными грамотами, вымышленными нашими книжниками, в глазах которых подобные произведения имели особый смысл и значение»,⁶ и считает, что грамоты эти, направленные против турок, отражают «исторически сложившийся на Руси взгляд на турок как на главных врагов христианства и самой Руси».⁷ Непосредственным же поводом их написания, по мнению А. Попова, является турецкая война, возникшая в конце царствования Алексея Михайловича. «Во время этой войны, следовательно в семидесятых или восьмидесятых годах XVII века, скорее всего могло придти на мысль русскому книжнику сочинить переписку с султаном от лица главных участников в борьбе с ним».⁸ Концепция А. Попова в основном правильна. Он понял общность грамот и верно представил себе историю их происхождения, охарактеризовав как литературный отклик на определенные политические события. Однако концепция А. Попова нуждается в некотором уточнении.

А. Попов имел список 1696 г., поэтому он так неуверенно говорит о 70—80-х годах как о времени написания грамот. Наличие списков более ранних, относящихся к 70-м годам XVII в., а также существование редакций, включающих даты, которых не было в хронографической редакции А. Попова,— все это позволяет считать, что грамоты появились ранее 80-х годов XVII в.

А. Попов исследовал грамоты, соединенные в одном списке хронографа, и полагал, по-видимому, что написаны они одновременно. Однако в число грамот, находящихся в хронографе, были включены Легендарная переписка

⁴ Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Петра Великого, изд. Ф. Туманским, ч. VII. СПб., 1787, стр. 161—163.

⁵ Годы царствования Леопольда I — 1658—1707, Яна III — 1674—1696.

⁶ А. Попов. 1) Обзор хронографов русской редакции, в. 2, М., 1869, стр. 227; 2) Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 448—458.

⁷ А. Попов. Обзор..., стр. 228.

⁸ Там же.

Ивана IV с турецким султаном, относящаяся к первой четверти XVII в., и переписка чигиринских казаков с султаном — произведения, вполне самостоятельные, со своей литературной историей, не связанной непосредственно с историей хронографа и историей цикла грамот.⁹

Возможно, что и остальные грамоты цикла хотя и более связаны друг с другом, но все же не были написаны одновременно. Это подтверждается тем обстоятельством, что в рукописных сборниках они не встречаются вместе. Исключение казалось бы составляет сборник ГПБ, собр. Археологическое, № 43, где, кроме «малой» грамоты, имеются все остальные; однако там в одном списке находятся «большая» грамота польскому королю и «лист ко всем христианам», переписка же с цесарем Леопольдом помещается в другой тетрадке и написана другим почерком.¹⁰

Основываясь на том, что грамоты в тексте по-разному датированы, следует предположительно датировать переписку цесаря Леопольда с султаном временем между 1663 и 1670 гг. (дата перевода), султана с немецкими владетелями и со всеми христианами — также от 1663 до 70-х годов (время списка),¹¹ «малую» грамоту — около 1678 г., но не ранее 1674 г., так как в ней находится имя короля Яна III.

Эти предположения относятся только к редакциям, имеющим даты, так как самый текст мог появиться и раньше, как это произошло с текстом «большой» грамоты турецкого султана польскому королю.

* *
*

«Большая» и «малая» грамоты написаны на одну тему и повторяют друг друга по композиции. Возможно, что «большая» грамота дала повод для написания «малой», но возможно и то, что в руках авторов был общий образец. Нам известно, что аналогичный сюжет довольно рано, в первой четверти XVII в., имел хождение в кругу лиц, соприкасавшихся с Посольским приказом.

Конрад Буссов сообщает, что в 1612 г. польский король получил от султана гневное послание, и приводит текст, очень близкий к тексту наших грамот. Тот же пышный титул — «султан пресветлейший, сын великого императора, сын высочайшего бога», владетель многих стран, «защитник... рая земного», «страж святого бога», «обладатель древа жизни и святого града»; и то же содержание — «дошло до нас, что ты с своими королевками затеял против нас... злое дело по внушению людей легкомысленных, расторгнув дружбу и мир», «напал на наши области, все грабил, губил, убивал, жег, истреблял. Теперь жди возмездия... мы соберем силы несметные, подавим ничтожных владык и в Кракове явим пред тобою наше величие»; «Наши кони и верблюды опустошат твои поля».¹²

К сожалению, Буссов пользовался не документами, он просто где-то слышал легенду, на что и сам указывает в своей хронике, — «как говорят». Возможно, что этот сюжет имел хождение среди служащих Посольского приказа и там был услышан иностранцем, точно так же как это произошло

⁹ См.: Легендарная переписка; М. Д. Каган. Переписка чигиринских казаков с турецким султаном — русская версия письма запорожцев султану. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958 (далее: Переписка чигиринских казаков), стр. 309—315.

¹⁰ ГПБ, собр. Археологическое, № 43.

¹¹ Там же.

¹² Конрад Буссов. Летопись московская с 1584 г. по 1612. Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. 1, изд. 3-е. СПб., 1859 (далее: Конрад Буссов), стр. 129—130. Благодарю Е. И. Боброву, указавшую мне данное место у Буссова.

с легендой о пересылке посольствами турецкого султана с Иваном IV, попавшей в записки Исаака Массы.¹³

Именно в Посольском приказе были известны и распространены эти полулегендарные дипломатические послания. Иногда они проникали и в официальные документы. Так, письмо турецкого султана польскому королю встречается в рукописных курантах 1621 г. — памятнике, составлявшемся непосредственно в Посольском приказе и представляющем собой своеобразный дипломатический документ-справку.¹⁴ В курантах 1621 г. среди политических новостей сообщается: «Изо Гданска города в грамотках пишут, что турский царь к польскому королю такову отказную грамоту прислал», после чего следуют уже знакомый нам большой титул, упреки в нарушении мира и тайном соглашении с «королевицишками», угрозы и высеивание веры.¹⁵

Сведения курантов в большей степени документальны, чем сообщение Конрада Буссова, однако и с ними мы должны быть очень осторожны. Куранты приводят не грамоту султана, а слух о том, что такая грамота была послана.

Вопрос о документальном протографе грамот султана к польскому королю нельзя будет решить до тех пор, пока не будут найдены подлинные дипломатические послания аналогичного с нашими грамотами содержания. Пока же несомненно одно: уже в первой четверти XVII в. подобный текст, возможно в свою очередь вымышленный, был известен в Посольском приказе и близких к нему кругах и мог послужить непосредственным протографом для наших грамот.

В этой связи следует назвать еще один памятник, близкий к грамотам султана и переписке его с цесарем Леопольдом, документальность которого следует также поставить под сомнение. В составе летописи Самуила Величко до нас дошла «гневливая и досадительная листовная корреспонденция» Сигизмунда III с турецким султаном Османом II, датированная 1620 г.¹⁶ В титуле султана есть термины: «... пан древа залецоного от водуху слонца аж до заходу, пан древа кветнучого, надею потешения нам годкучючим, засмуждение тебе противнику...»,¹⁷ похожие на термины из письма цесарю Леопольду: «... государь древа жизни, начальник Московский и земли обетованныя, велий гонитель христианский, бог древа цвета, блюститель бога твоего распятого, председатель всякия надежды». Самый тон «листовной корреспонденции» из летописи Величко тот же, что и в грамотах султана польскому королю и в переписке с цесарем. Так, Осман II пишет королю: «... маешь раду нашу за низащо, и землю Иерусалимскую з моци нашей хочешь вирвати; прето естесь нензним чело- веком и неровний в той мере чинишь замисл. Бойся смерти з теми людьми малыми твоими, коли умислне и явно буду на твое королевство наступовати; и тое ся стане все яко я пишу. Разумей же моц мою... Юж теди нец не мей надеи в приязни нашей, а ми теж власние мужи твои потлу-

¹³ Исаак Масся. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 27—28 (см.: Легендарная переписка, стр. 248—249). Кстати, такую же легенду о посылке султану издевательских подарков и посланий сообщает и Конрад Буссов, но приписывает эти послания не Ивану IV, а Борису Годунову (Конрад Буссов, стр. 21).

¹⁴ См.: А. Н. Шлоссберг. Начало периодической печати в России. СПб., 1911, стр. 31—32.

¹⁵ В ЛОИИ (собр. Археографической комиссии, № 26) хранятся копии с курантов, сделанные князем Голицыным. В данной работе использованы копии стр. 5—9. Подлинники хранятся в ЦГАДА (склейки 10—17; см. стр. 249—250 настоящего издания).

¹⁶ С. Величко Летопись событий в юго-западной России в XVII-м в. Киев, 1848. Подложения, стр. 3—5.

¹⁷ Там же, стр. 4.

чим и с подданными твоими и Краков, столицу твою, без вшеякого милосердия разгребем, и укрижованного бога твоего потрем на веки, и веру твою викореним, а посвецоних твоих конми порозволючоваем».¹⁸

В письме Сигизмунда III есть насмешки над султаном: «Пишешься освещоним, а ти ешь ослеплений», и угрозы: «але сподевамь то за помощю бога моего укрижованного, же орел полский у коротком часе у Царигороде Махомета проклятого и тебе самого искоренит огнем, а люд твой поганий мечем полским зотрет и вневеч обернет, бо вем час згиненя твоего проклятого».¹⁹

«Листовная корреспонденция» написана на украинском языке с небольшим количеством полонизмов. Путь ее до нас довольно сложен. У Величко она приложена к дневнику Матфея Титлевского — польского автора, чьи записки были переведены на украинский язык.²⁰ Сама же переписка взята «з кронечки рукописной козацкой, в Переясловле Малоросийском року 1636 написанной».²¹ Несмотря на то что в ней упоминаются исторически достоверные события, ее все же нельзя считать переводом польского документа. Скорее всего эта корреспонденция была вымышлена казаками, на что указывает и типичный для казачьей переписки титул турецкого султана: «Алхерове великому, заслепленому противникове божию, кобыльникове негодному, поганину потопенному, сину чортовскому, дедичове пекелному, потомкове люципера, велзабула антихриста, от века проклятому сину...»²² Титул этот знаком нам по письму запорожцев турецкому султану и по русской версии этого письма — переписке чигиринских казаков с султаном.²³

Таким образом цикл легендарных грамот 70-х годов XVII в., несомненно, имел предшественников в первой четверти XVII в. Эти произведения тесно связаны со средой Посольского приказа и сходной с ней по литературным традициям средой казачьей канцелярии, они находятся где-то на грани документа и литературного произведения. Современники (Конрад Буссов, составители курантов), а также и использовавшие их впоследствии авторы (Самуил Величко) старались выдать их за документы; однако в числе бесспорных документальных материалов мы их не встречаем. Какие же все-таки были основания в Посольском приказе считать, что подобные документы существовали?

Мы знаем, что слухи о дипломатических конфликтах султана с польским королем доходили до Москвы. Так, давая свои показания, киевский житель Степан Василев, посланный в Валахию, сообщил в 1672 г. 11 февраля, будто слышал, что от короля прислан к турецкому султану посол и «писал-де король польской и речью велел ему, салтану, говорить: прислал-де он, турской салтан, чтоб-де отдать Каменец Подолской, и король-де польской салтана не страшен, Каменца Подолского не отдаст, а если-де ему, салтану, Каменец Подолской надобен и он бы-де доставал его через меч,

¹⁸ Там же, стр. 5.

¹⁹ Там же, стр. 3, 4.

²⁰ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1583.

²¹ С. Величко. Летопись..., стр. 3.

²² Там же.

²³ См.: Русская старина, т. 6, СПб., 1872, стр. 450—451; А. Попов. Изборник..., стр. 456; Переписка чигиринских казаков, стр. 311. Такие титулы вовсе не вымыслы, созданные в узком кругу книжников. Они были довольно широко распространены на Украине в XVII в. Нежинский протопоп Симеон Адамович в 1672 г. в своих письмах к окольничему Артемию Сергеевичу Матвееву называет изменника Петра Дорошенко — «внук люципера пекелнаго» и «внук сатанина угодника», см.: Акты, относящиеся к истории южной и западной России (далее: АЮЗР), т. XI. СПб., 1879, стлб. 58, 82.

а шол бы сам он, салтан, в Полшу, а если-де он, салтан, не пойдет и король-де польской в его турскую землю пойдет войною, да на него ж-де турского салтана пойдут семь государств».²⁴

В 1673 г. в Москве были получены сведения от «царегородца Леонтия Ходжи Ардан», «да слышал-де он от турецких людей, что от королевского величества послан к турецкому салтану посол с голым мечом, а велено тому послу турецкому салтану говорить, что он, салтан, не обослався и не описався с его королевским величеством, как монархом надлежит, пришед пустыми месты, город Каменец и иные поймал,—и он-де, королевское величество, ныне готов с ним, салтаном, ставити поле».²⁵

В апреле 1673 г., в период подготовки Московского государства к войне с Турцией, по разным городам были посланы окружные грамоты царя Алексея Михайловича о сборе десятой деньги на содержание ратных людей. В одной из них, посланной Ивану Суздальцеву, воеводе Туринска, говорилось: «И видя то, салтан турецкой, что ему в походах его учинились всякия находки, возгорделся, что ему того крепостию во многия государства путь учинился, приложил в то дело неуклонную мысль, что ему не токмо Польское государство разорить и завладеть, но и всеми окрестными христианскими государствами завладеть, паче же тщится на Московское государство войною и разорением, и в письмах своих ко окрестным государям меж иными делы явил»²⁶ (разрядка наша, — М. К.).

• Таким образом, слух о каких-то угрожающих письмах султана «ко окрестным государям» поддерживался в официальных документах русского правительства.

* *
*

Какие же политические темы волновали авторов цикла грамот?

Прежде всего, это вопрос об антитурецкой коалиции, в которую следовало привлечь заинтересованные в обороне против турок христианские государства Европы. Почти во всех посланиях султан говорит о разрыве с ним мира и заключении союза с «иными государями», его противниками: «... нам истинная весть и подлинная ведомость в нашей царской силе и ко двору пришло, что ты со всеми нашими недруги и подданными тайные советства и крепленые творишь, а кончая с нашим недругом и с ызмеником московским», «... хочешь и со иными королями сопча клятвами укрепится против нас...» («большая» грамота); «... ты противу величества нашего втай с москвитинном, супостатом нашим побратцкой договор учинил» («малая» грамота); «Догадываемся, яко со иными неким королем покусился еси внити в совет, да против моей силы ратоборствуеши» (грамота к цесарю Леопольду). При этом особенно подчеркивается участие в союзе Московского государства.

В 70-х годах XVII в. турецкое правительство действительно боялось коалиции европейских держав и объединения их военных сил. Польские послы, находившиеся в Москве в декабре 1671—январе 1672 г., передавали сведения о том, что в печатных курантах пишут, будто турецкий султан очень печалится из-за того, что христианские государи заключили союз и хотят на него войною наступать.²⁷

²⁴ АЮЗР, т. IX. СПб., 1877, стлб. 657.

²⁵ АЮЗР, т. XI, стлб. 179.

²⁶ СГГД, ч. 4. М., 1828, стр. 284—285, № 85.

²⁷ См.: С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XII. Изд. 3-е, М., 1880, стр. 76.

Особенно большое значение в этот период придавалось вступлению в войну Московского государства. Так, в Риме в 1672 г. считали, что мир и союз поляков с русскими может обезопасить Польское королевство от угрожавшего ему вторжения турок.²⁸

В посланиях султана угроза нападения и войны занимает центральное место. Огромное войско, «аки водная потопа», «аки грозная туча», пойдет в землю короля, «и ту землю разорят и выпустшат, и выжгут», «станут... города и замки разоряти и опустошити, и волочити, и в пепел и в пыль их зделают». «Яз до вас, вашего царского двора и столицы прииду навещати вас и всех ваших приобщников поляков, и все силы ваши нашими войски разорим и разгоним убиствы и разорением»; султан говорит: «... вас, малою землею владеющих, и королевства ваши мечем поимать, ключ и престол римъский и скифетр избранный выгубим без остатку разорим и разгоним». Цесарю Леопольду султан обещает: «... вся твоя земля, города и страны никогда имети не будут покоя, яко устави мысль моя погубити тя купно с людьми твоими без малыя времени мешкоты и немецкую землю всю разорити, расточити, ничего не оставляя в ней и в государстве твоём, токмо вечную память страха и пролитие крови, саблею мою сотворенное тамо».

Этим грамоты цикла, отражая интерес русских дипломатических кругов к состоянию войны и мира европейских государств с Турцией, переключаются с официальными документами. Уже в куранты 1621 г. попала речь польского посла Георгия Оссолинского, произнесенная перед английским королем. В ней, говоря о необходимости христианским государям помогать друг другу в войне с турками, посол подчеркивал, что султан заявляет, будто «и без божия помочи может поляков одолеть и чаеть не токмо нас одних под себя подвесть, но и все крестьянские земли хочет победити».²⁹

В 1673 г. в грамоте, посланной Алексеем Михайловичем папе с Павлом Менезией, были высказаны опасения по поводу того, что султан вслед за Подолой овладеет Данцигом и распространит свои владения от Каспийского моря, Персидского залива, Черного и Средиземного морей до Балтийского моря. Эти опасения разделяли в Риме.³⁰

Об агрессивных планах турецкого султана неоднократно сообщалось и в русских официальных документах. Так, в царском указе князю Ромодановскому о выступлении на помощь полякам против турок в октябре 1672 г. говорится, что султан «послал из Каменца во многие места многие свои силы войною на расхищение и на пагубу призывающих имя господне, и тщит с теми своими многочисленными войски в государство его, королевского величества, обовладеть и далее войною во окрестные христианские государства вступить паче ж на наше великого государя государство тщитися войною».³¹

Война с турками в грамотах, как и в официальных документах, рассматривается как война за правую веру.

На известном в Посольском приказе материале основана та часть грамот, в которой султан описывает казни христианских жен и детей путем «взбивания» на кол. Очевидцы действительно присылали в Москву вести о зверствах турок в занятых городах.³²

²⁸ Н. В. Чарыков. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637—1694). СПб., 1906, стр. 97—98 (письмо кардинала Алтиери к монсиньору Рануччи, нунцию в Варшаве), стр. 752.

²⁹ ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 26, Копии курантов, стр. 50—59 (склейки 66—76).

³⁰ Н. В. Чарыков. Посольство в Рим..., стр. 34.

³¹ АЮЗР, т. XI, стлб. 54—55.

³² См. показания стрельца Алексея Зиновьева: АЮЗР, т. XI, стлб. 642.

В грамотах султана польскому королю можно найти еще одну черту, характерную для отношений Русского государства и Польши с Турцией в XVII в. Часто причиной дипломатических конфликтов служили нападения запорожских и донских казаков на владения султана.

В борьбе за Украину казачество представляло собой самостоятельную и немаловажную военную силу, помощи и союзничества которой добывались все борющиеся за Украину страны: Русское государство, Польша, Турция. Переходы части зажиточного казачества во главе с Демьяном Многогрешным, а позднее с Петром Дорошенко на сторону турок меняли и усложняли политическую обстановку.

Упоминание в грамотах султана о том, что польский король «своих камышников, запорожских казаков, аки бегучих лачивых собак, выпустил, и те нашу монархию и государство грабят и пустошат», является реальной чертой международной обстановки второй половины XVII в., когда разгорелась борьба России, Польши и Турции за Украину.

Все политические темы, затронутые в грамотах цикла, перекликаются с жизненно важными вопросами международной политики второй половины XVII в.

* *
*

Во второй половине XVII в. русское абсолютистское государство стало играть значительную роль в мировой политике. Экономическая необходимость владения торговыми путями на Балтийском и Черном морях столкнула Русское государство со Швецией и Турцией; борьба за объединение земель Украины под рукой русского царя привела к войне с Польшей.

Традиционная политика сохранения мирных отношений с Турцией во второй половине XVII в. резко меняется в сторону политики открытых военных столкновений, что вызвано было все возрастающей агрессивностью со стороны Турции и претензиями ее на Украину. Попытки дипломатическим путем предотвратить военные столкновения ни к чему не привели. Посольства в Турцию Тяпкина и Нестерова в 1666—1669 гг., а в 1673 г. посольство Даудова окончились неудачно.

Во второй половине XVII в. государствами, наиболее заинтересованными в совместной борьбе против Турции, являлись Россия, Польша, Священная Римская империя, южногерманские княжества и Венеция. Но внутренние противоречия и близорукая политика, рассчитанная на ослабление соседних государств в военных столкновениях, мешали государствам объединиться против общего врага — турок.

В 70-х годах XVII в. русская дипломатия неоднократно делает попытки создать антитурецкую коалицию европейских держав. С этой целью в 1672 г. отправившись из России посланники — майор Менезиус к папе, цесарю, к саксонскому и бранденбургскому курфюрстам, в Курляндию и Венецию; переводчик Виниус — к французскому, испанскому и английскому королям; подъячий Украинцев — в Швецию, Данию и Голландию.³³ Однако попытка эта успехом не увенчалась, так как слишком сильны были политические противоречия в Европе. В этот период (1672—1679 гг.) Франция вела вторую войну за испанское наследство против Священной Римской империи, Испании и Голландии. Ее поддерживали Англия, Швеция и Польша. Кроме того, Франция противопоставляла союзу австрийских и испанских Габсбургов свой союз с Турцией, с которой она и Англия

³³ Е. Е. Замысловский. Сношения России с Польшей в царствование Феодора Алексеевича. СПб., 1888, стр. 24.

были связаны выгодными торговыми договорами, предоставляющими им льготы на Левантском рынке.

Это различие интересов хорошо понимали в дипломатических кругах России и Польши. На генеральной раде в Варшаве в 1680 г. его объясняли следующим образом: «Цесарь римский и король французской имеют с салтаном турским свои принадлежности, и царского величества и королевского величества принадлежности с их принадлежностями не сойдутся, понеже король французской имеет государство свое от салтана турскаго в дальних странах. А великий государь, его царское величество и государь их, его королевское величество имеют с салтаном турским близкое соседство». Цесарь римский хотя и желает быть в союзе с русским и польским государями, «потому что и он с салтаном турским от Венгерской земли имеет ближнее ж соседство и в несколько на десять миль от самой Ведни рубежи неприятельские прилежат», но он боится войны с Францией. «А с салтаном-де турским королевское величество французской никаких рубежей не имеет, токмо подданные его имеют морем с турками великую торговлю и от того имеет он богатые доходы и великую прибыль».³⁴

Польша, казалось бы, более всех стран была заинтересована в союзе с Русским государством и совместной борьбе с Турцией, но польские магнаты и часть шляхты были настроены враждебно по отношению к России, не желая заключать с ней мирного договора при условии уступки части Украины и Киева и тем самым ставили Польшу под удары турок. В 70-х годах ее отношения с Турцией особенно обострились. В 1672 г. Турция начинает войну, занимает Подолию с Каменцом-Подольским и заканчивает кампанию выгодным миром в Бучаче. Этот мир не был утвержден польским сеймом, и в 1672—1674 гг. война продолжается. Польша совместно с Россией ведет успешные военные действия, возвращает Хотин. Однако магнатско-шляхетские круги, боясь усиления русского государства, толкают правительство к заключению сепаратного мирного договора в Журавно в 1674 г.

В 1676 г. русское правительство пыталось вновь заключить с Польшей союз, предусматривающий взаимную военную помощь, но Ян Собеский одновременно вел тайные переговоры с Турцией,³⁵ в результате которых Россия осталась в Чигиринской войне 1677—1678 гг. один на один с противником. Политические группировки в Польше, враждебно настроенные в России, рассчитывали, столкнув ее с Турцией, ослабить оба государства, и воспользовавшись этим, завладеть Украиной, вернуть Смоленск и Каменец.³⁶

Отбив наступление турецких войск под Чигирином, русское правительство вновь пытается в 1679 г. создать союз европейских держав, но, как и семь лет назад, европейские государи не смогли войти в союз. Ян Собеский все время затягивал заключение «вечного мира». В Вене также уклонились от определенного решения, ответив, что не могут воевать против турок, имея в союзе одну только Россию без Польши, так как Франция может в это время соединиться с Польшей и напасть на Австрию.³⁷ Не имея поддержки, русское правительство вынуждено было пойти на мир с Турцией и заключить в 1681 г. в Бахчисарае перемирие на 20 лет.

³⁴ Там же, стр. 59—60.

³⁵ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. — Ученые записки МГУ, в. 94, т. II, 1947, стр. 133.

³⁶ Т. Н. Копреева. Русско-польские отношения во второй половине XVII в. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. Л., 1952.

³⁷ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.), ч. 1. М., 1894, стр. 27.

Фактически и Священная Римская империя, и Польша вновь оказались под угрозой ударов со стороны турок, что и не замедлило произойти — в 1683 г. турки осадили Вену. Вопрос о борьбе с Турцией на долгие годы остается животрепещущим во внешней политике Русского государства.

* *
*

Нам думается, что грамоты цикла были написаны одна за другой и одна по образцу другой в один из 70-х годов, в тот момент, когда особенно остро стоял вопрос о заключении международного союза против турок.

Тема антитурецкой коалиции, которой так опасается султан, объединяет все четыре произведения. Если в письме к немецким владетелям и всем христианам прямо не сказано о союзе, то само обращение турецкого султана: «обевляем вам всем вопче со всеми вашими приналежащими в немцах, так же и папе, кардиналом, оискупом и всем их друзьям...», и обещание прийти «навецати вас и всех ваших приобщников поляков» ясно говорят о том, что и здесь основное внимание обращено на союз христиан против турок.

Каждая из грамот должна была показать опасность нападения турок на христианские государства, ибо султан требовал покорности, оскорбительно называл самостоятельных государей своими подданными и отрицал за ними право заключать союзы с другими окрестными государствами.

По мысли авторов, грамоты должны были доказать необходимость союза христиан против турок, так как именно этого союза опасался султан. Если же такой союз заключен не будет, то султан осуществит свои угрозы — пойдет войною, разорит страны, вырежет население. Политическая тактика султана — разъединять государства и завоевывать их по одному — была хорошо известна; польские послы в 1679 г. говорили о ней так: «А у того де неприятеля обычай таков, ищет, чтоб с одним умириться, а в то время другого разорить. А учиня над тем свою волю, миру николи не додерживает, и тому то ж будет чинить. И такими лукавыми вымыслы многими государства овладел, что и всему свету явно».³⁸

Таким образом, грамоты цикла носили характер агитационных публицистических произведений, авторы которых были хорошо знакомы с политической обстановкой 70-х годов. Не случайно адресатами турецкого султана они выбрали государей, с которыми наиболее реален был союз против турок. В данном случае течение неофициальной литературной мысли в Посольском приказе совпало с официальной политикой Русского государства. Возможно, что цикл грамот был литературным откликом на целый ряд попыток русского правительства создать антитурецкую коалицию.

* *
*

В XVII в., а особенно во второй его половине, развитие дипломатических отношений привело к усложнению всего делопроизводства Посольского приказа. Сведения о событиях, происходящих за границей, и о том, как оценивалась там русская политика, поступали в Посольский приказ уже не только из статейных списков послов и посланников, но и из других источников.

На службе у русского правительства за границей находился целый ряд иностранцев, являвшихся московскими агентами и присылавших с оказией, а впоследствии через почту свои донесения. В Москве в Посольском при-

³⁸ Е. Е. Замысловский. Сношения России с Польшей..., стр. 36.

казе записывались речи приезжих иностранцев и торговых людей. Там же делались переводы с официальных дипломатических документов, присылаемых агентами в рукописных копиях. Наконец, делались переводы с печатного материала — иностранных книг, брошюр, газет и летучих листков, разными путями попадавших в Москву.³⁹

Большое количество переводов с рукописных копий документов попадало в архив Посольского приказа. Сложный путь этих документов отразился в формуле заглавия, которым они снабжались при переводе. «Перевод с немецкого ответного письма, каково прислал Дацкой королевиц Волдемар Христьянусович к великому господину святейшему Иосифу московскому и всея Руси з думным дьяком з Григорьем Львовым, в нынешнем, в 152 году апреля в 23 день»⁴⁰ или «Перевод с грамоты полского письма, какову писал к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя России самодержцу полский Михаил король чрез почту нынешнего 181 году декабря в 27 день».⁴¹

Эти формулы попадают в первые рукописные русские газеты — куранты. Так, в курантах 1642—1644 гг. помещались документы под следующими заглавиями: «Перевод с листа с латинского письма, каков писал к князю Льву Шляковскому из Пскова немецкой переводчик Матфей Вейгер ноября в 3 день нынешняго 152 года», «Перевод с письменных и печатных с немецких листов вестовых, что присланы из Пскова в нынешнем в 152 году ноября в 22 день».⁴²

Первоначально рукописные куранты, или, как их еще называли, вести и вестовые письма, составлявшиеся в Посольском приказе на основании полученных заграничных материалов, предназначались для чтения в узком кругу лиц при царе и ближних боярах. Куранты являлись особым видом дипломатических документов, доступ к которым имели только служащие Посольского приказа. Однако интерес к международным событиям широкого круга русских читателей привел к тому, что сведения из курантов все более и более распространяются в списках в виде рукописных листков и попадают в рукописные сборники. Несомненно, что в выходе сведений за пределы Посольского приказа немалую роль сыграли его служащие. Так, находящийся в 1676 г. в Москве датский разидент жаловался канцлеру Артамону Сергеевичу Матвееву на то, что письма его и донесения гуляют помимо его воли по Москве.⁴³ Ходившие среди населения листы предшествовали первой русской печатной газете — «Ведомостям», основанной Петром I в начале XVIII в.

Куранты отличались довольно разнообразным содержанием. Большое место в них занимали описания военных действий, сведения, касающиеся внутренней политики стран Европы и Азии, о беспорядках и народных восстаниях, особенно много места отводилось Турции; сообщались дипломатические новости, рассказывалось о приемах послов и о посольских съездах.⁴⁴ Наряду с этим в курантах помещались известия о стихийных бед-

³⁹ См.: Н. П. Лихачев. К вопросу об издании «вестей» и «курантов», черновик статьи, приложенный к копии с курантов 1621—1644 гг., сделанных кн. Голицыным. — ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 26.

⁴⁰ ГИМ, собр. Уварова, № 1690 (850), л. 13 об.

⁴¹ АЮЗР, т. XI, стлб. 91.

⁴² А. Покровский. К истории газеты в России. Ведомости времени Петра Великого, в. 2. М., 1906, стр. 15.

⁴³ Г. Форстен. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII в. — ЖМНП, 1904, сентябрь, стр. 143.

⁴⁴ Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете, т. XXVII, в. 4, стр. 288—298. — ЛЗАК, в. 4 (1865—1866). СПб., 1868, стр. 56—59.

ствиях и о необычных явлениях природы, а также большое количество легенд.

Грамоты цикла помещены в рукописных сборниках, в составе которых имеются статьи из переводных курантов. Такими статьями являются описание въезда в Краков и коронация Михаила Вишневецкого в 1669 г., взятое «из печатных с цесарских и с голандских писем, каковы переведены в нынешнем в 178 году», сказание о коронации Яна Собесского и о погребении Яна Казимира и Михаила Вишневецкого, сообщения из Нюрнберга и Варшавы, перевод с немецкого печатного листа, описание «в Сицилийском острове гора Етна, како огнем сгорела», легенда о некоем господине, обратившемся в собаку за то, что богохульствовал и притеснял своих подданных, сообщения из Гааги августа в 17-й день 1680 году о двух предсказателях, пророчества относительно Польши.⁴⁵

Куранты содержат не только достоверные документальные сведения, но и вымышленные фантастические или курьезные легенды. Вероятно, то обстоятельство, что грамоты цикла находятся в сборниках среди статей из курантов, и заставило Соболевского отнести их к числу переводных курантов. Действительно, по форме наши грамоты напоминают некоторые статьи курантов, а особенно формула заголовков: «Список турецкого салтана к цесарю римскому з грамоты 1663-го г.» или «Перевод с немецкаго писма, что писал список к листу, каков лист прислал турецкой царь к польскому королю 145-го». По-видимому, авторы грамот цикла воспользовались формулами, принятыми в курантах, и в форме их статей создали публицистические произведения. Возможно, они желали придать грамотам вид подлинных документов, чтобы усилить их авторитет. Таким образом, перед нами формальное подражание курантам, их стилизация.

Цикл грамот идейно не связан с курантами, которые, как правило, доводили до русского читателя иностранные материалы и выполняли назначение первых газет. Цикл целиком отвечает задачам и интересам русской внешней политики. Его цель — распространить в Русском государстве, а может быть и за его пределами, мысль о необходимости объединения сил христианских государств против Турции.

Являясь политическим публицистическим произведением, цикл грамот связан жанровым единством с целым рядом публицистических произведений XVI—XVII вв.

* *
*

Какое же место занимает цикл грамот в русской публицистике XVII в.? А. И. Соболевский⁴⁶ относил их к переводным произведениям. Современный исследователь Илья Борщак, основываясь на том, что содержание грамот связано с Польшей, а также принимая без доказательства грамоты, помещенные в курантах 1621 г. и в летописи Величко, за подлинные польские документы, считает, что и вымышленные грамоты цикла связаны с польской традицией и в русскую литературу попали как переводы с польского.⁴⁷ Не отрицая того, что традиция подобных вымышленных и отчасти пародийных грамот могла существовать и в Польше, мы считаем, что вопрос этот требует еще дополнительного изучения.

В русской же публицистике грамоты цикла имеют своих предшественников. Прежде всего такими предшественниками являются полемические и

⁴⁵ См.: ГПБ, собр. Археологическое, № 43; собр. Ф. А. Толстова, Г. XVII. 21.

⁴⁶ А. И. Соболевский. Переводная литература. . ., стр. 238—239, 243—244.

⁴⁷ E. Borschak. La lettre de Zaporogues au Sultan. — Revue des Études Slaves, t. XXVI. Paris, 1950, f. 1—4, стр. 99—105.

дипломатические послания Ивана Грозного, терминология и тон которых были отчасти приняты в среде писателей Посольского приказа. Автор переписки султана с цесарем Леопольдом применил манеру Грозного-писателя характеризовать письмо корреспондента. В послании Курбскому Грозный говорит: «Писание же твое приятно бысть и вразумлено и внятно, и понеже убо положил еси яд аспиден под устнами своими, наполнено бо меда и сота по твоему разуму, горчайши же обретающесея».⁴⁸ Очень похожая по стилю характеристика послания султана дана в ответе цесаря Леопольда: «Всякого полне зла писание твое неразумное приях аз Леополд государь твой, король твой и цысарь твой, которое яко прах вмених и в разуме моем едва положих . . . ибо псу поволно есть лаяти, их же господа обыкоша в железах водити».

Много общего у Грозного и автора переписки султана с Леопольдом в самом тоне посланий. «А еже писал еси яко бессмертен мнюся, и яз бессмертен быти не мнюся, понеже смерть адамских грех общедательный долг всем человеком»,⁴⁹ — возражает Грозный Курбскому. «Пишешь, что я с некоторым королем принял совет. Воистинну с небесным царем, на него ж всю мою наложив надежду в совершенную твою погибель», — отвечает Леопольд султану.

Стиль грамот Грозного своеобразен; он отличается от стиля официальных дипломатических грамот. Дерзкие и надменные, насмешливые и гневные, они включают в себя помимо делового содержания еще и остроумные оскорбления, пародии. Это своеобразие присуще и грамотам цикла. Иван Грозный пишет Полубенскому: «А пишешься Палемонова роду, ино то палаумова роду, потому что пришел на государство, да не умел его под собою держать, сам в холопи попал иному роду. А что пишешься вицерентом земли Ифлянъския, справцы рыцарства волного, ино то рыцарство блудящее, разблудилося по многим землям, а не волное. А ты вицерент и справце над шибеницыными людьми, которые из Литвы ушли от шибеницы, то с тобою рыцарство».⁵⁰ Высмеивая султана, цесарь Леопольд пишет: «Глупче, страж бутто гроба Христа, бога моего пишешься, вменяясь обаче, да не хвалишися тем, рвяся, вемы бо добре во псы тебе влагаться, да стрегут дворы царевы и двери государей, иже мечют им по частицы хлеба к губам. Того ради и мы тебя имеем, и пребываеши да ж до нынешнего времени в стражке, но зане ж гордостью напыщаешися и царем и государем нашим нарицаешися».

Употребление Грозным насмешливых прозвищ — титулов Полубенского — «дуда, пицаль, самара, разлада, нефирь (то все дудино племя!)»⁵¹ — черта, характерная и для грамот цикла, в каждой из которых имеется вымышленный или пародийный титул.

Цикл грамот принадлежит к тому же литературному направлению, к которому относятся Повесть о двух посольствах, Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном, казачьи повести об Азове, письма запорожских и чигиринских казаков турецкому султану, а в XVIII в. — ответ пугачевцев Рейнсдорфу.⁵²

В произведениях первой четверти XVII в. авторы Посольского приказа обращались к имени Ивана Грозного, от лица которого писали грамоты, вероятно подражая его дипломатическим посланиям, часть из которых

⁴⁸ Послания Ивана Грозного. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (далее: Послания), стр. 127.

⁴⁹ Там же, стр. 132.

⁵⁰ Там же, стр. 203.

⁵¹ Там же, стр. 202.

⁵² А. С. Пушкин. История Пугачева, т. VIII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 300—301 (примечания к гл. 4).

была рассчитана на широкий круг читателей, адресована «во все российское царство».⁵³ Послания Грозного, стоящие на грани делового документа и публицистического произведения, предшествовали публицистическим произведениям, написанным в виде вымышленных дипломатических грамот. Связью грамот цикла с литературной манерой Грозного подтверждается то обстоятельство, что они относятся к числу произведений, созданных в Посольском приказе и продолжающих ту же литературную традицию.

С Повестью о двух посольствах и Легендарной перепиской цикл связан общей темой, популярной в Посольском приказе, — темой дипломатической и политической борьбы с Турцией. Как в Повести и Переписке, так и в цикле грамот турецкий султан выступает в качестве политического врага, борьба с которым неизбежно приводит к открытому военному столкновению.

В Повести о двух посольствах тема столкновений с турецким султаном раскрыта в повествовании сказочно-легендарного характера; в Переписке автор с той же целью обращается к приемам и образам народного творчества; авторы грамот цикла более строго придерживаются форм дипломатического послания, за исключением ответа Леопольда, в котором даны своеобразные сравнения султана с собакой. Если в первых двух произведениях турецкая тема отражает взгляды демократических слоев русского общества на необходимость защиты границ от набегов татар и турок, то в грамотах цикла она соответствует официальной политике русского правительства, ведущего войну с Турцией.

В грамотах цикла использованы те же приемы характеристики турецкого султана, что и в предыдущих произведениях: хвастливый титул султана высмеивается и искажается в ответе на его послание, угрозы султана разорить страну и искоренить христиан встречают ответные угрозы, насмешкам над христианской верой противопоставляются доказательства ее силы. Грамоты цикла построены по тому же плану, что и послания Легендарной переписки Ивана IV с турецким султаном.

Возможно, что Легендарная переписка вызвала определенную реакцию читателей на поднятые ею политические вопросы и, несомненно, была известна в Посольском приказе, что могло послужить поводом для создания новых произведений по образцу уже известного. Общность идей и жанра грамот цикла с легендарной перепиской подтверждается еще и тем, что в Хронографе 1696 г. Легендарная переписка в измененном виде сама была включена в цикл и объединена с его грамотами. История создания Легендарной переписки Ивана IV с турецким султаном похожа на историю создания грамот турецкого султана польскому королю. Письменным вариантам обоих произведений предшествовали устные легенды, появившиеся, по-видимому, в среде посольских приказных, так как обе посвящены дипломатическим темам. Следовательно, письма турецкого султана польскому королю тесно связаны с Легендарной перепиской и общим местом происхождения.

Все вымышленные публицистические грамоты появились в среде Посольского приказа, ибо все они написаны в жанре деловых документов, имеющих хождение именно в Посольском приказе, писатели которого, следуя традициям, идущим от дипломатических посланий Грозного, использовали для своих публицистических произведений известные им формы деловых документов — статейных списков, дипломатических грамот и грамот, попавших в качестве статей в куранты.

⁵³ Послания. стр. 9.

Таким образом, цикл грамот, связанных с темой дипломатической переписки турецкого султана с различными европейскими государями, представляет собой неофициальное публицистическое произведение, созданное в среде Посольского приказа во второй половине XVII в. Цикл грамот опирается на сложившуюся в Посольском приказе в XVII в. литературную традицию использования в публицистических целях жанров и форм деловых документов.

«Большая» грамота турецкого султана польскому королю

Списки

1. ГПБ, собр. Археологическое, № 43. Сборная рукопись конца XVII в., скоропись, 4°, филигрань — шут, лл. 22—25 об. Список взят за основной. В сборнике находятся: часть Переписки Ивана IV с турецким султаном и переписка султана с чигиринскими казаками.

2. БАН, 32.2.31. Сборник конца XVII в., скоропись, 4°, филигранны — кувшинчики разных типов, двуглавый орел и гербовый щит с охотничьим рогом, лл. 47 об.—49 об. В разночтениях — Л.

3. ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 160. Сборная рукопись XVII—XVIII вв., скоропись, 4°, филигранны — шуты с 5 и 7 бубенцами, амстердамский герб различных типов, лл. 69—70 об. Список неполный. В сборнике находится переписка султана с чигиринскими казаками.

4. ГБЛ, собр. Музейное, № 1518. Сборная рукопись конца XVII в., скоропись, 4°, филигранны — шут и амстердамский герб, лл. 297 об.—301 об. В разночтениях — М. В сборнике находятся Повесть о двух посольствах, письмо о Чигиринской войне 1678 г.

5. ГИМ, собр. Исторического музея, № 1388. Сборная рукопись XVIII в., скоропись, 1°, филигрань — амстердамский герб, лл. 255—256. В сборнике находится часть Переписки Ивана IV с турецким султаном.

6. ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 1844 (756) (720). Сборная рукопись XVII в., скоропись, 4°, лл. 232 об.—235 об.

Текст

Перевод с немецкого письма, что писан¹ список с листу,² каков лист прислал³ турецкой царь к польскому королю 146го.⁴ Отказная грамота турецкого царя к ево королевьскому величеству в Полшу⁵ прислана. А переведена была⁶ с турецкого языка в полскую реч, а ис⁷ полской⁸ в немецкую реч,⁹ а из немецкой в нашу словенскую реч.⁹

Салтан, сын того пресветлейшаго¹⁰ кесаря и государь всего¹¹ света,¹² и друг неодолеемый, великомощнейший кесарь турецкой, мощнейший властель¹³ и владетель¹⁴ во Еуроппи¹⁵ и¹⁶ во Азии,¹⁷ и во Фрикии,¹⁸ и во Аморики,¹⁹ а король во²⁰ Августине,²¹ во Александрии и²² во Аравии, государь в Милитии и во Иеросалиме,²³ оберегатель святыя страны и гробов великих пророков²⁴ и друг божий, государь во Лкаире²⁵ владетел-

а — Испр. по Л; в ркп. Америке.

¹ написал МЛ. ² листа МЛ. ³ послал Л. ⁴ Доб. марта в 5 день МЛ. ⁵ Доб. с послом МЛ. ⁶ сперва МЛ. ⁷ с МЛ. ⁸ полские Л; доб. речи Л. ⁹⁻⁹ Нем МЛ. ¹⁰ Доб. великомощнейшего М; доб. велможнейшаго Л. ¹¹ сего М. ¹² свету М. ¹³ владетель МЛ. ¹³⁻¹⁴ Нем М. ¹⁴⁻¹⁵ в Еросалиме М. ¹⁵ Еуроппи Л. ¹⁶ Нем Л. ¹⁷ Азии М; Озии Л. ¹⁸ Африки М; Афракки Л. ¹⁹ Амирике М. ²⁰ в М. ²¹ Египте МЛ; доб. и МЛ. ²² Нем Л. ²³ Еросалиме М; Ерусалиме Л. ²⁴ пророцей М. ²⁵ Алькаире М; Лилкарь Л.

ный,²⁶ великий²⁷ государь над морем и над землею и над сильными⁶ и славы^а достойными водами²⁸ Ефрате²⁹ да Нилу^{се}³⁰ владетель от востока³¹ солнышнаго³² и до Запада,³³ государь всем государем, плеть и страсть всех || людей на земли, воздержатель и хранитель³⁴ правды, школа л. 22 об. всей³⁵ подселенной, оберегатель и прибежище нищей³⁶ твари житейской,³⁷ остерегатель³⁸ земной породе³⁹ и⁴⁰ потешнаго⁴¹ саду⁴² сего света,⁴³ глава и честь⁴³ всех королей и князей на земли,⁴⁴ полковник и застоятель божия⁴⁵ светого закона,⁴⁶ честь и надежда⁴⁷ в помогании⁴⁸ бусурманов,⁴⁹ розоритель⁵⁰ всех их гоуров.⁵¹

Тебе, королю полскому, сказываем мы и явно⁵² чиним тебе^{52 а} нашу великую мочь и силу с нашим любимым и верным послом⁵³ Гобатом, что те укрепленые и договорные статьи и⁵⁴ что по нашей подвижной⁵⁵ милости¹ в недавном⁴ времени от наших приказных от тебя взяты,^с и тем договорным стотьям⁵⁷ быти^ж не крепким и почтенным,⁵⁸ и отказываем подлинно все⁵⁹ то,⁶⁰ что в⁶¹ том договоре именовано и обевлено. Потому⁹ что нам истинная весть и подлинная⁶² ведомость⁶³ к нашей^и царской силе и⁶⁴ ко двору⁶⁴ пришло, что ты^к со всеми нашими недруги и подданными тайные⁶⁵ советства⁶⁶ и крепленые⁶⁷ тво||ришь,⁶⁸ а кончая⁶⁹ с нашим л. 23 недругом и с⁷⁰ ызменником⁷¹ московским. И тем ты ставишь нашу великую мочь и силу ни во что и⁷² н боишься,⁷³ и не страшаешься⁷⁴ тому,⁷⁵ а надеешься и уповаеши на свою мочь и силу, и та твоя⁷⁶ мочь и⁷⁶ сила велми плоха и к нашей силе не применилась.⁷⁷

Ты стал горд быти, помолвил ты нам и рекся поддан⁷⁸ и послухмян быти,⁷⁹ и того ты не держал⁸⁰ и⁸¹ своим волством⁸¹ отстал, для того и⁸² иные короли нам⁸³ сопротивны⁸⁴ ставятца, потому что они много хвалят и надеются на твою мочь и силу. Да и⁸⁵ еще⁸⁶ хощешь⁸⁷ и⁸⁸ со иными королями⁸⁹ сопча клятвами укрепится против нас,⁹⁰ и ты⁹¹ ведай, что тебе в⁹² вековечныя⁹³ времена⁹⁴ никакова миру от нашего татарского войска не будет⁹⁵ в твоей земле⁹⁶ и⁹⁶ в⁹⁷ границах.

Ты ж нам помолвил по уговорным⁹⁸ стотьям⁹⁹ мирну и дружну⁹⁹ жити и орудия против нас не подымати. И ты все то оставя¹⁰⁰ и своих камыш-

^{6-в} Испр. по МЛ; в ркп. сильный. ¹ Испр. по МЛ; в ркп. мести. ⁴ Испр. по МЛ; в ркп. недавной. ^с Испр. по МЛ; в ркп. взято. ^ж Испр. по МЛ; в ркп. бысти. ² Испр. по МЛ; в ркп. потом. ^и Испр. по МЛ; в ркп. наше. ^к Испр. по МЛ; в ркп. мы. ⁴ Испр. по М; в ркп. а.

²⁶ владетель Л. ²⁷ Нет М; велик Л. ²⁸ воеводами Л. ²⁹ Ефрату Л. ³⁰ се МЛ. ³¹ востоку М. ³² солнышнаго М. ³³ Западу МЛ. ³⁴ сохранитель МЛ. ³⁵ сей М. ³⁶ нижние М; нет Л. ³⁷ житейской М; житейной Л. ³⁸ сосерегатель Л. ³⁹ породы М. ⁴⁰ Нет МЛ. ⁴¹ потешна Л. ⁴² сада Л. ⁴³⁻⁴³ честь и глава Л. ⁴⁴ Доб. и Л. ⁴⁵ божий МЛ; доб. и его МЛ. ⁴⁶ закону М. ⁴⁷ надежа МЛ. ⁴⁸ Доб. его Л. ⁴⁹ босорманом М; бусорманом Л. ⁵⁰ расплнитель МЛ. ⁵¹ гавуров М; габуров Л. ^{52-52а} тебе чиним М. ^{52а} Нет Л. ⁵³ Доб. э М. ⁵⁴ Нет МЛ. ⁵⁵ движной М; неподвижной Л. ⁵⁷ стотьям М. ⁵⁸ непочтенным МЛ. ⁵⁹ всем Л. ⁶⁰ о Л. ⁶⁰⁻⁶¹ Нет Л. ⁶² подлинное МЛ. ⁶³ ведомство МЛ. ⁶⁴⁻⁶⁴ к договору М. ⁶⁵ тайно Л. ⁶⁶ советство Л; доб. чинишь Л. ⁶⁷ укрепление М. ⁶⁸ чинишь М. ⁶⁸⁻⁶⁹ Нет Л (одно слово испорчено). ⁶⁹ особ М. ⁷⁰⁻⁷¹ Нет Л. ⁷¹ Доб. с М. ⁷² Нет Л. ⁷³ боишься М; боишься Л. ⁷⁴ страшаешься М; страшишься Л. ⁷⁵ Нет Л. ⁷⁶⁻⁷⁶ Нет МЛ. ⁷⁷ пременилась Л; доб. и Л. ⁷⁸ Доб. быти Л. ⁷⁹ Нет Л. ⁸⁰ здержал Л. ⁸¹⁻⁸¹ своевожеством МЛ. ⁸² Нет Л. ⁸³ Нет Л. ⁸⁴ супротивны М; противны Л. ⁸⁵ Нет Л. ⁸⁶ Доб. ты МЛ. ⁸⁷ хочешь МЛ. ⁸⁸ Нет МЛ. ⁸⁹ короли МЛ. ⁹⁰ Доб. нам на супротивность, и будет так учинишь М; доб. нам супротивен ты, и будет как учинишь Л. ⁹¹ Доб. себе М. ⁹² Нет Л. ⁹³ вековечное М; вековечно Л. ⁹⁴ время МЛ. ⁹⁵⁻⁹⁵ Нет Л. ⁹⁶ земле М. ⁹⁷ Нет М; доб. твоих Л. ⁹⁸ договорным МЛ. ⁹⁹⁻⁹⁹ дружну и мирну М. ¹⁰⁰ оставя Л.

л. 23 об. ников, запорожских козаков, аки бегучих лачивых^{11, 1} собак выпустил и те нашу монархю и государство грабят и пустошат || людей и землю нашу по твоему приказу и веленью. А мы по твоему прошению и хотенью, как тебе не по нашему приказу шкоту учинил, того мочно и велми отрадного и² нашему всему государству подобнаго³ мужа Абаши-баша велели⁴ извести⁵ и казнить,⁶ хстя ты в то время сам задор учинил, что он нашим⁷ именем⁸ за тебя принелся.⁸ И ты то⁹ плохо и лехко ставишь, что он болши для твоего прошения, нежели¹⁰ по делу казен.¹¹ А впредь того¹² болши¹³ не бывать¹⁴ и не будят, дружняго упрошения в нашей земли и того безделья много.

А просишь ты¹⁵ миру¹⁶ у¹⁷ нас, как ты слышал¹⁸ неодолеемое¹⁹ такое²⁰ войско великое,²¹ которое²² от востока²³ солночнаго²⁴ на тебя и на твоих людей²⁵ и наши²⁶ неодолеемые²⁶ янычеры,²⁷ которые с великою страстью сего²⁸ света идут. Да²⁹ наши татарские государи и ратное войско, и те тебе на пустом поле скажутся,³⁰ несчадная³¹ сила коней и³² воинских людей,³³ тех всех³⁴ тебе с высокой³⁵ горы очми своими и³⁶ обозреть³⁷ не уметь³⁸ || и те³⁹ на тебя будут, аки воденая⁴⁰ потопа,⁴¹ великое войско, аки⁴² грозная туча, как они в твою землю пойдут и ту⁴³ землю⁴⁴ розорят и выпустошат и выжгут.⁴⁵

В те⁴⁶ поры⁴⁷ вы⁴⁸ с великою страстью,⁴⁹ узревши⁵⁰ нашу⁵¹ силу и мочь⁵¹ изведаете⁵² и узнаете.⁵³ Вся подсолночная⁵⁴ вздрогнет, и⁵⁵ твоя земля и государство не подойдет⁵⁶ великую⁵⁷ воинскую силу, и великое море учнет⁵⁸ волнами играть, как большая карабелная⁵⁹ сила и⁶⁰ наших каторг⁶¹ окажетца⁶² и на море станут⁶³ ворошитца, и⁶³ дикие звери устршатца, учнут бежати⁶⁴ и кричать и реветь, от нашии силы⁶⁵ леса гнутца.⁶⁵ Что бог сотворил и небо,⁶⁵ и солнце, и месяц, и^{65a} звезды — удивятца и ужаснутца, как я свои страшныя⁶⁶ болшии громовые и молненыи⁶⁶ огнепушаемые пушки велю⁶⁷ запалить и выстрелить,⁶⁸ что⁶⁹ вся земля от того вздрогнет и⁷⁰ лес,⁷¹ и дресеса учнут валятца⁷² кучами от великия⁷³ силы и⁷⁴ многоты⁷⁵ наших пушек.⁷⁶ Что ты, королишко, в то время к тому скажешь⁷⁷ своими з⁷⁸ горкими⁷⁹ людми, как ты ту⁸⁰ болшую⁸¹ и страшную⁸² силу⁸³ увидишь,⁸⁴ что⁸⁵ делаешь, бутто хочешь⁸⁶ комаров⁸⁷ || и слепнев⁸⁸ повоевати, наша⁸⁹ мочь и сила.⁹⁰

^m Испр. по МЛ; в ркп. наших.   ^o Испр. по МЛ; в ркп. стану.   ^{n-p} Испр. по МЛ; в ркп. погнетца.   ^c Испр. по МЛ; в ркп. молняне.

II, 1 лаяных М; лаяных Л.   2 Нет Л.   3 надобнаго МЛ.   4 велел Л.   5 известь М.   6 казнить Л.   7 Доб. великим Л.   8-8 принялся за тебя Л.   9 Доб. все М.   10 не был Л.   11 казен М.   12 тому МЛ.   13 Нет Л.   14 бывать Л.   15 Доб. ныне МЛ.   16 мир М.   17 от Л.   18 слышишь МЛ; доб. про мое МЛ.   19 неодолимое Л.   20 Нет МЛ.   20-21 великое войско М; великое воинство Л.   22 которые МЛ.   23 востоку МЛ.   24 солнышнаго М.   25 Нет М; доб. идет М; советников Л; доб. идут Л.   26 неодолимые М.   27 янычеры Л.   28 всего МЛ.   29 Доб. и М.   30 Доб. и Л.   31 нешотная М; неисчетная Л.   32 Нет Л.   33 Доб. и МЛ.   34 Нет МЛ.   35 высокие МЛ.   36 Нет Л.   37 осмотряти Л.   37-38 недоуменно Л.   38-39 Нет Л.   40 водяный Л.   41 потопа Л; доб. и М.   42 и М.   43 Нет Л.   44 Доб. твою Л.   45 Доб. и Л.   46 ту Л.   47 пору Л.   48 Нет Л.   49 Доб. и с дрожью М; доб. и дрожью Л.   50 Нет МЛ.   51-51 мочь и слау Л.   52 изведает Л.   53 Доб. и Л.   54 подселенная М.   55 Нет М; а Л.   56 подымет Л; доб. ту МЛ.   57 Нет Л.   58 почнет МЛ.   59 карабелная Л.   60 Нет МЛ.   61 катарг Л.   62 окажутца МЛ.   63 Нет М.   64 бегать М; бегати Л.   65-65 и небо, что бог сотворил М; и небо, что сотворил бог Л.   65-65a В Л текст испорчен.   66 Доб. и МЛ.   67 Доб. вверх Л.   68 выстрелит М.   69 то Л.   70 нет Л.   71 леса МЛ.   72 валяются Л.   73 Доб. тоя Л.   74 от Л.   75 многих Л.   76 Доб. так (?) Л.   77 Нет Л.   78 Нет Л.   79 горстью М; горсткою Л.   80 тое Л.   81 болшей Л.   82 страшной Л.   83 слае Л.   84 удивившия Л.   85 Нет М.   86 Доб. что М; доб. с Л.   87 комары Л.   88 слепнеи М; слепни Л.   89 нашу Л.   90 силу Л.

И наше государство от востока⁹¹ солнечного⁹² и до запада⁹³ началось⁹⁴ быти⁹⁵ и⁹⁶ от начала⁹⁷ света и впредь будет доколь⁹⁸ до света.⁹⁹ А все ваши королевства и княжества и вся^{7, 100} христианства,^{11, 1} хотим мы острым² оружием под³ нашу великую⁴ и неодолеемую⁴ мочь и⁵ под нашу⁵ силу привести.⁶ И не хочу вам дале терпети и никакова миру и договору или укрепленья не чайте себе николи, потому что вы гауры⁷ от давнего время⁸ упрямливы и супротивны,⁹ и горды и ставитесь всегда против¹⁰ нашей¹¹ силы и мочи,¹¹ для того¹² наш бог и Магамед¹³ страшно гневен¹⁴ и скаредну¹⁵ имеет на вас и на вашем богоотступном житии и бытве.¹⁶

Для того мы такое и¹⁷ неслышное¹⁸ великое мочное¹⁹ и сильное ратное войско в нашем государстве²⁰ собрав,²¹ посылаем,²² такова ты не видал и не слыхал. Те будут²³ х Кракову итти в твой начальной град, на которой град²⁴ великое упование²⁵ имеешь,²⁶ где ты || особную новую святую гроб- . 25
ницу бога своего назарянина против нашего святого²⁷ града Иеросалима.²⁸ На то ты²⁹ надеешься, толко тебя то не выручит,³⁰ но мы³⁰ хотим³¹ и³² велим³³ с³⁴ нашими³⁵ и³⁶ неодолеемыми конными³⁷ ногами и копытами³⁸ растоптати и смять,³⁹ а⁴⁰ в твоих кирках⁴¹ и в церквах⁴² станут турчания свои кони и верблюды ставить⁴³ и ясли в них делать. То зделает бог и государь земной,⁴³ надежда и радость германской или^{43а} турской, разоритель и пустошитель, и⁴⁴ изгонитель христианом,⁴⁵ против вас будет вымещати⁴⁶ и поити⁴⁶ и кормити⁴⁷ будет⁴⁸ сабли турецкие, и станут твои города⁴⁹ замки разоряти и пустошити,⁵⁰ и волочить, и⁵⁰ в пепел и⁵¹ в пыль⁵¹ их⁵² зделают.⁵³

Вскоре я⁵⁴ проведу твою веру⁵⁵ и помочь⁵⁶ твоего⁵⁷ роспятого бога, на которого ты свою веру и надежду держишь и⁵⁸ которым⁵⁹ ты всегда⁶⁰ против нас⁶¹ хвалишься⁶² и грозишь нам⁶³ против наши⁶⁴ великие⁶⁵ силы и⁶⁶ мочи. И⁶⁷ то мы не будем почитати и хотим всех христиан⁶⁸ до тла вывесть, а⁶⁹ твои боги, которым ты веришь,⁷⁰ пусть о том гневаются || ⁷¹как . 25 об.
хотят и тебе пусть помогают.⁷

Дан лист в Коньстянине Цареграде лета сг рожества⁷² 1637⁷³ марта в 7⁷⁴ день.⁷¹

«Малая» грамота турецкого султана польскому королю по списку ГБЛ, собр. Музейное — 1518. XVII в.

^т Испр. по М; в ркп. всех. ^у Испр. по Л; в ркп. помогает.

⁹¹ востоку МЛ. ⁹² сольнышного М. ⁹³ западу МЛ. ⁹⁴ начало Л.
⁹⁵ бысть Л. ⁹⁶ Нет МЛ. ⁹⁷ началу М; ^{97—99} а не пребудет до коньца света М.
⁹⁸ до конца Л. ⁹⁹ свету Л. ¹⁰⁰ все Л.

III, 1
¹ хрестьянство Л. ² вострым М. ³ по Л. ^{4—4} Нет Л. ^{5—5} Нет Л.
⁶ Доб. и оброчить М; доб. и бросить Л. ⁷ гавуры М; нет Л. ⁸ времяя М.
⁹ сопротивны Л. ^{9—10} Нет Л. ¹⁰ противны М. ^{11—11} мочи и силы М; мочи и силе Л. ¹² Доб. что М. ¹³ Махмет Л. ¹⁴ Доб. на вас Л. ¹⁵ В ркп. текст неразборчив; скаред бо М; скаредне Л. ¹⁶ бывает Л. ¹⁷ Нет МЛ. ¹⁸ неуслышное М; неуслышанное Л. ^{18—19} великомощное М; великомочное Л. ²⁰ Нет Л.
²¹ собрании Л. ²² Нет Л. ²³ Доб. к тебе Л. ²⁴ Доб. ты МЛ. ²⁵ Доб. и надежу МЛ. ²⁶ держишь Л. ²⁷ Нет Л. ²⁸ Доб. имеешь МЛ. ^{28—29} ты на того Л. ²⁹ Доб. надежу и Л. ^{30—30} Нет Л. ³¹ хотя Л. ³² Нет Л.
³³ великим Л. ³⁴ Нет Л. ³⁵ нашим Л. ³⁶ Нет Л. ³⁷ конскими Л.
³⁸ копыты МЛ. ³⁹ смятут Л. ⁴⁰ Нет МЛ. ⁴¹ кирках М. ⁴² Доб. ваших Л.
^{43—43} Текст в Л испорчен. ^{43а} и М. ⁴⁴ Нет Л. ⁴⁵ хрестиянской МЛ.
^{46—46} Нет М. ⁴⁷ Доб. и тут М. ⁴⁸ Нет Л. ⁴⁹ Нет Л. ^{50—50} Нет Л.
^{51—51} выпел Л. ⁵² Нет Л. ⁵³ Доб. и Л. ⁵⁴ аз Л. ⁵⁵ силу М. ⁵⁶ помощь Л.
⁵⁷ Нет Л. ⁵⁸ Доб. в Л. ⁵⁹ котором (?) Л. ⁶⁰ Нет Л. ^{59—61} ты против нас всегда М. ⁶² хвалишься М; хвалилися Л. ⁶³ Нет Л. ⁶⁴ нашей Л.
⁶⁵ великой Л. ^{65—66} Нет МЛ. ⁶⁷ Нет Л. ⁶⁸ крестьян М. ⁶⁹ и МЛ.
⁷⁰ веруеши Л. ^{71—71} Нет М. ⁷² Доб. Христова Л. ⁷³ Доб. году Л. ⁷⁴ 5 Л.

В хронограф 1696 г. попал другой вид текста с бóльшим количеством полонизмов.

л. 302 Перевод полского писма з грамоты турецкого салъ-тана, какова прислана к Яну третьему, королю полскому лета от рожества Христова 1678^о.

л. 302 об. Салтан, сын освещен великого и преизячънаго господа,^а внук божий, цесарь непобежденный, турецкий, василевский, цареградский, асирийский, дальматъцкий, будущий кроль малого и великого Египта, кроль александрийский и всех на свете меня боящихся, князь края Римского и всеа Азии и Сирии, и Амъмории, и всеа Еуропы, града Авхонии и гроба махометова, протроя^б земънаго и божия гроба, и всех воинск божегробских, государь над государи, царь над цари и всех || четырех частей света, драгий бесценный камень против светлостей небесных, бич божий, блюститель гроба распятого господа, надежда и попечение бусурманского рода, печать всего света христианскаго ^агал гал гал гал ги^о.

Объявляю тебе, королю польскому, величество наше и совет чрез посла нашего Серика бо и вери, яко мы пятнатцати статей твоих, которые имел еси с величеством нашим отрицаемся и ни во что же купно и с тобою обращаем, яко еси ты притиву величества нашего втай с москвитинем, супостатом нашим побратушкой договор учинил. Крепостью нашею не простирай в надежду своея силы.

л. 303 Сице пишу вам. Давно уже обещалъся еси и сам нам поддаться доброволно, и за сие будут казаки мое противитися тебе силою своею. Желал еси с нами || чрез посла своего премирие займующи саблю; часо ж ради воздвигл на наша царства и монархию казаков украинских, их же яко пьсов беснующихся попускаеши, которые в полях разоряют и пустошат по твоему к ним совету, не бояся нас и престола нашего. Почто не убоялъся еси величества нашего и пременил еси слово свое вскорѣ?

л. 303 об. Ныне у нас премирья просиши, ныне уже непобежденное воинства от востока солнца на вас посылаю пот страшными янычаны, ни от кого победенными, от них же ни един не отсидитесь. Еще жь как орды татарские в полях диких покажутъся, их же и око обозрети не может, егда к вам изыдут и загоны своя пустят, тогда крепость мою и силу пот страхом познаете и в то время исповедаете, яко силен есть, прет которым || потресетца не токмо ты, кроль, со князи своими малыми, но и весь свет, земля бо таковых воин воздержати не может; море задрожит, егда каторги с воинством на вас придут, звери зарычат и леса возшумят, сонъце и мессец, и звезды чюдитися имут от мене, шума ради и громов наших, егда ис пушек страшные и агненные сильные гласы исходити будут.

В то время познаете веру вашу и роспятого вашего, в нем же веру и надежду имеете против веры нашея, иже ничто же нам успеет. Аз же искореню вас, христиан, зане пуст бог вашъ.

Лист турецкого султана к немецким владетелям и всем христианам

Списки

1. ГПБ, собр. Археологическое, № 43. Сборная рукопись конца XVII в., скоропись, 4^о, филигрань — шут, лл. 25об. — 27. Список взят за основной.

2. БАН, 33. 15. 144. Сборник второй половины XVIII в., витиеватая, крупная скоропись, заголовки киноарные, сильно вылинявшие, 8^о, филигрань — буквы ВФСТ в волнистом картуше, лл. 1—4 об. В разночтениях — Б. В сборнике — переписка султана с чигиринскими казаками.

^а В ркп. гда.

^б В ркп. слово испорчено.

^{о-о} Так в ркп.

Текст

Подлинной список з бесчестного¹ и богомерского² а. 25 об. листа, ²которой турецкой салтан Магамет писал и прислал к неметцким бладетелем и всем христианьским людем в нынешнем 1663-м году.²

Милостию великого бога с небес³ Магамет,⁴ бог на земли, великий⁵ сильный и неодолеемый кесарь,⁶ владетель всех царей земных от востока⁷ до запада, кесарь и салтан вавилоньский, начальник шляхетного⁸ покаяленья,⁹ продиньского¹⁰ и арменьского¹¹ и¹² оружейный¹³ князь призящного счастья, разширяющийся¹⁴ до рек атеманьских¹⁵ и¹⁶ великой помощник чад¹⁷ божиих,¹⁸ Магамет¹⁹ победитель и²⁰ яв и сон,²¹ и²² победоносное знамя возносящи²³ во Иерусалиме,²⁴ || овладелец²⁵ вашего распятого бога, а. 26 разоритель и²⁶ отказатель всем²⁷ христианом²⁸ в дружбе, и всем неприятель,²⁹ которые на свете христианами³⁰ нарицаютца и именем христианьским похваляются.

Обевляем вам³¹ всем вопче^{31а} со всеми вашими приналежащими в³¹ немцах, так же папе³² кардиналом, бискупом,³³ и всем их друзьям³⁴ при утери нашей короны и³⁵ государства обевляем мы³⁶ вам,³⁷ что мы³⁸ поднимаемься³⁹ силами тринадцати царств с людми в двух стах тысящах конных и пеших,⁴⁰ вооруженных⁴¹ турским⁴² оружием, сколько еще в кесарствах наших⁴³ никогда не слыхано есть.⁴⁴ ⁴⁵Яз до вас⁴⁵ вашего^а царского⁴⁶ двора и столицы прииду⁴⁷ навещати вас и всех ваших приобщников поляков, и все⁴⁸ силы⁴⁹ ваши⁵⁰ нашими войски⁵⁰ разорим и разгоним⁵¹ убиствы и разорением,⁵² но и⁵³ пушею смертию, каторая⁵⁴ вымышлятися может,⁵⁵ замучим и изгубим, и⁵⁶ всех ваших || поланеников велим побить и замучить до смерти или во ужасных тюрьмах, как сабак умерить.⁵⁷ Ваши⁵⁸ дети,⁵⁹ сколько⁶⁰ хорошие ни есть,⁶⁰ велим на колья возбить на позор и посмех⁶¹ веры вашей.⁶² Беременных жен с плодом⁶³ чрева их⁶³ велим убить и замучить как сук.⁶⁴ а. 26 об.

Как мы неотлучно замыслили есмь⁶⁵ вас, малою землею⁶⁶ владеющих,⁶⁷ и королевства ваши мечем поимать,⁶⁸ ключ и престол римьский и скифетр избранный выгубим без остатку⁶⁹ разорим и разгоним. И увидим, поможет ли вам⁷⁰ роспятой Иисус⁷¹ как ваши проповедают полагатися на того, которой апостолом своим помогал, в него верующий. А мы таким нестачным делом верити не можем и слышати и⁷² терпети не хотим,⁷³ чтобы тот вам⁷³ помагати мог, который о многих лет умре и сам себе помочь не смог,⁷⁴ а мы от многих лет землею ево и родимым местом завладели.

^а Испр. по Б; в ркл. нашего.

¹ бештагнаго Б. ²⁻² салтана турскаго Б. ³ Доб. и мы Б. ⁴ Махмет Б.
⁵ Доб. и Б. ⁶ Доб. и салтан Б. ⁷ Доб. и Б. ⁸ шлехиново Б. ⁹ поколение Б.
¹⁰ принского Б; доб. и Б. ¹¹ Нет Б. ¹² Нет Б. ¹³ окруженный Б.
¹⁴ расширяющуся Б. ¹⁵ атерманских Б. ¹⁶ Нет Б. ¹⁷ Нет Б.
¹⁸ божий Б. ¹⁹ Махмет Б. ²⁰ Нет Б. ²⁰⁻²¹ явесе Б. ²² Нет Б. ²³ возносящая Б.
²⁴ Иерусалим Б. ²⁵ обладатель Б. ²⁶ Нет Б. ²⁷ всех Б.
²⁸ христиан Б. ²⁹ неприятелем Б. ³⁰ християне Б. ^{31а-31а} вопче всем Б.
³¹ Доб. Розии и в Б. ³² Доб. и Б. ³³ списком Б. ³⁴ другом Б; доб. и приятелем Б.
³⁴⁻³⁵ нашего Б. ³⁶ Нет Б. ³⁷ Доб. всем Б.
³⁸ Нет Б. ³⁹ Доб. мы Б. ³⁹⁻⁴⁰ с семью тритцати царств с людми во двух стах тысящах катарги Б. ⁴¹ Доб. с Б. ⁴² турецким Б. ⁴³ ваших Б.
⁴³⁻⁴⁴ не слыхано есть некогда Б. ⁴⁵⁻⁴⁵ до века Б. ⁴⁶ цесарского Б.
⁴⁷ доиду Б. ⁴⁸ всю Б. ⁴⁹ силу Б. ⁵⁰⁻⁵⁰ Нет Б. ⁵¹ Доб. и Б.
⁵² разорение Б. ⁵³ Нет Б. ⁵⁴ которого Б. ⁵⁵ можем Б. ⁵⁶ Нет Б.
⁵⁷ уморим Б. ⁵⁸ ваших Б. ⁵⁹ детей Б. ⁶⁰⁻⁶⁰ не есть хороших Б. ⁶¹⁻⁶² ваши веры Б.
⁶² Доб. а Б. ⁶³⁻⁶³ чревным Б. ⁶⁴ Доб. и Б. ⁶⁵ есм Б.
⁶⁵⁻⁶⁶ Нет Б. ⁶⁷ владеющим Б; доб. нам землею вашею Б. ⁶⁸ побием Б. ⁶⁹ остатка Б. ⁷⁰ Доб. ваш Б. ⁷¹ бог Б. ⁷² Нет Б. ⁷³⁻⁷³ что вам тот Б. ⁷⁴ мог Б.

И⁷⁵ сие⁷⁶ мы вам,⁷⁷ бедным землям, объявити хотели и вам⁷⁸ христиана⁷⁹ ном вопче,⁸⁰ и⁸¹ вашим владетелем ведомо учинили, и потому || думайте о⁸¹ себе чево вы по вся дни надеяться имате,⁸² а вскоре⁸³ то в самом⁸⁴ деле узнаете.

Дан⁸⁵ в нашем сильном городе⁸⁶ Конъстантинополе,⁸⁷ которой⁸⁸ наши⁸⁹ предки у ваших предков сильною рукою отняли и их выгнали и⁹⁰ в полон поймали и секли,⁹¹ рубили жен и детей и самим⁹² пушшим мукам⁹² предали по нашей воле на позор и⁹³ безчестия. ⁹⁴После рождества Христова 23-го государства нашего 8-го году.⁹⁴

Переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом

Списки

Первая редакция

1. ГПБ, собр. Археологическое, № 43. Сборная рукопись конца XVII в., скоропись, 4°, филигрань — шут, лл. 11—14 об. Список взят за основной.

2. ГПБ, собр. Ф. А. Толстова, Ф. XVII. 21. Сборник конца XVII—начала XVIII в., полуустав, 1°, филиграни — амстердамский герб, гербовый щит со львом, держащим молнии, pro patria, лл. 879—881. В разночтениях — З.

3. ГПБ, собр. Ф. А. Толстова, Ф. XVII. 19. Сборник дипломатического и летописного содержания начала XVIII в., скоропись, 1°, филигрань — амстердамский герб, лл. 248 об.—250. В разночтениях — Г. В сборнике имеются: переписка султана с чигиринскими казаками и переводы подлинных татарских и турецких грамот второй половины (70-х годов) XVII в.

4. ГПБ, собр. Софийской библиотеки, № 1482. Сборник середины XVII в., полуустав, 4°, филигрань — чаша с крестом и буквами Н (?) W по бокам, лл. 1—5 об. В разночтениях — С. В сборнике — письма Петра I из Азовского похода в июле 1696 г.

5. ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 249. Сборная рукопись XVII в., список скорописью, 4°, филигрань — гербовый щит, лл. 1—3. Список не полный, ответ Леопольда не имеет конца. В разночтениях — А. Сборник поступил в комиссию из Новгородского Софийского дома. Запись по листам: «... во 177 году сию книгу летописец в Кириловом монастыре из бслшия казны при казначее старе Павле Ремезове купил служка Оска Овсевьев, во 189 году сию книгу отдал Кирилова монастыря соборному старцу Феофилу Докучаеву, подписал Оска Овсевьев своею рукою».

6. ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 45. Сборная рукопись конца XVII—начала XVIII в., скоропись, переходящая в полуустав, заголовки киноварные, 1°, филигрань — амстердамский герб, лл. 117—118 об. Список не полный, нет ответа Леопольда. В разночтениях — Е.

7. ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 1495 (752) (714). Сборная рукопись, приплетенная к разрядной книге XVII в. Список писан скорописью XIX в., лл. 623—625 об. В этой же тетради XIX в. переписка турецкого султана с чигиринскими казаками.

Вторая редакция

8. ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 44. Сборная рукопись XVII—XVIII вв., скоропись, 4°, филигрань — амстердамский герб, лл. 481—484. Вторая редакция представляет собой совершенно другой текст на ту же тему.

⁷⁵ а Б.   ⁷⁶ ныне Б.   ⁷⁷ Доб.   пишем Б.   ⁷⁸ всем Б.   ⁷⁹ вопче Б.
⁸⁰ Нет Б.   ⁸¹ в Б.   ⁸² имать Б.   ⁸³ в самоскорейшем Б.   ⁸³⁻⁸⁴ Нет Б.
⁸⁵ Да Б.   ⁸⁶ Доб. в Б.   ⁸⁷ Константине поле Б.   ⁸⁸ которые Б.   ⁸⁹ Нет Б.
⁹⁰ Нет Б.   ⁹¹ Доб. и Б.   ⁹²⁻⁹² мукам пушшим Б.   ⁹³ Доб. на Б.   ⁹⁴⁻⁹⁴ Нет Б.

¹Список турецкого салтана к цесарю римскому а. 11
з грамоты 1663-го г.¹

Махмет² сын прехвалныя славы и надо всеми³ повелители,⁴ сын бо-
жий, монарх турецкий,⁵ греческий,⁶ молдавский,⁷ волоцкий,⁸ македонский,⁹
царь армянской, антиохийской, царь великого и малого Египта,¹⁰ царь всеа
вселенныя изряднейший¹¹ меж¹² всеми сынами магометовыми,¹³ винослав-
ник¹⁴ венгерский^а,¹⁵ государь земнаго рая, страж¹⁵ или¹⁶ хранитель
гроба¹⁷ бога твоего, государь всех государей¹⁸ мирских от востока дажа
¹⁶до запада, царь всех царей, государь древа²⁰ жизни, начальник²¹ москов-
ский и земли обетованныя,²² велий²³ гонитель хрестиянскы, бог²⁴ древа²⁵
цвета,²⁶ || блюститель⁶,²⁷ бога твоего распятого председатель²⁸ всякия²⁹
надежды. Повелеваем³⁰ поздравити³¹ тя,³² Леополдуса³³ цесаря.³⁴ а. 11 об.

Аще хощеша и желаеша быти ми³⁵ приятель,³⁶ изрядно же³⁷ веждь,³⁸
от того времени,³⁹ отнеле же⁴⁰ разорися мир,⁴¹ бывший между⁴² нами
безо⁴³ вской обиды, сотворенной⁴⁴ тебе от нас делом⁴⁵ или войною. Дога-
дываемся, яко со иным неким⁴⁶ королем покусился еси⁴⁷ внити в совет,⁴⁸
да против моей силы ратоборствуеша и⁴⁹ в том⁵⁰ лутчего⁵¹ сотворил еси
и⁵² смышленно⁵³ ничего иного⁵⁴ не ожидаеша,⁵⁵ токмо совершенныя поги-
бели, коя⁵⁶ воистинну волею ты поискал еси.

И се⁵⁷ объявляю⁵⁸ тебе,⁵⁹ что я⁶⁰ на погубление твое⁶¹ к тебе изыду,⁶¹
от востока и от⁶² западу⁶³ зайду⁶⁴ и покажу силы моя⁶⁵ и крепость⁶⁶
|| с великим твоим⁶⁷ наказанием и прещением, яко да познаеша⁶⁸ и узриши
сколко силы⁶⁹ государства моего могут. А понеж⁷⁰ надеяшися⁷¹ на неко-
торые⁷² свои⁷³ городки, будто сии⁷⁴ крепкии,⁷⁵ конечно порадею⁷⁶ вконец
разорити и⁷⁷ искоренити и извергнути,⁷⁸ будто никогда⁷⁹ на свете не бы-
вали.⁷⁹ а. 12

Сверх того объявляю⁸⁰ вящшее⁸¹ исполнение⁸² или⁸³ удовольствование,⁸⁴
яко богу попущающу вся твоя земля,⁸⁵ городы⁸⁶ и страны⁸⁷ никогда

^а Испр. по ЕЗГС; в ркп. венчерский. ^б Испр. по АЗС; в ркп. блюститель.

¹⁻¹ Список з грамоты, какову писал турецкий царь к римскому цесарю Леопан-
дусу АЗ; С листа. Список салтана турецкаго к цесарю Леопанду. Прислано чрез почту
в 204-м году Е; Список с листа, каков писал турецкой салтан цесарю Лопалдусу Г;
204-го году прислано чрез почту. Список с листа турецкаго салтана к цесарю Лео-
панду, каков писал турецкой салтан С. ² Доб. салтан АЗ. ³ Доб. иными АЕЗГС.
⁴ повелитель ЕЗГС. ⁵ турецкой АЗ; доб. и ЕС. ⁶ Нет АЕЗГС. ⁷ молдав-
ской А; мордавской З; молдовский Г. ⁸ воложской АЗ; нет Г; волошский С; доб.
и С. ⁹ макидонской АЗ. ¹⁰ Нет Е. ¹¹ избраннейший АЗ; нет Е; издавнейшей Г.
¹² между С. ¹³ магометовыми АС; махметовыми Е; мауметовыми Г. ¹⁴ винословник
АЗ; виоловник Е. ¹⁵ венгерский А; доб. и Е. ¹⁵⁻¹⁵ Нет Г. ¹⁶ и ЕС.
¹⁷⁻¹⁷ господня АЗ; Христова ЕГС. ¹⁸ государи А. ¹⁹ Доб. и АЕЗ. ²⁰ древо З.
²¹⁻²² московския земли и обетования ЕГС. ²³ великий ЕЗГС. ²⁴ Нет Е. ²⁵ древом А.
²⁵⁻²⁷ увета блюдитель Е. ²⁶ увета С. ²⁷⁻²⁸ Нет ГС. ²⁷⁻²⁹ Нет Е.
²⁹ высокия АЗГС. ³⁰ повелением Л; доб. и Е. ³¹ поздравляем С. ³² тебя АГ;
тебе ЕС. ³³ Леопандуса А; Леопанду Е; Леопальдусе З; Леополде Г; Леопайде С.
³⁴ цесарь АЗ; цесарю ЕГС. ³⁵ Нет ЕС. ³⁶ приятен ЕС. ³⁶⁻³⁷ отрядно ж
ЕГС. ³⁸ виждь ЕГС. ³⁹ времени АЗ. ³⁹⁻⁴⁰ отнежели А. ⁴¹ Рим А.
⁴² меж АЗ. ⁴³ без АЗГ. ⁴⁴ сотворено АЗ. ⁴⁵ Доб. или словом С. ⁴⁶ не-
которым ЕГС. ⁴⁷ Нет ЕС. ⁴⁸ советъ Е; советы С. ⁴⁹⁻⁵⁰ Нет З.
⁴⁹⁻⁵¹ тобою Г. ⁵⁰ Доб. бо С. ⁵² Нет ЕС. ⁵³ несмысленно АЕЗГС. ⁵⁴ Нет
Е. ⁵⁵ ожидая ЕС. ⁵⁶ кося АЗГС; но ея Е. ⁵⁷ сие ЕС; сим Г. ⁵⁸ объявляю
З. ⁵⁹ Нет З. ⁶⁰ яз З; доб. изыду АЗ. ⁶¹⁻⁶¹ Нет АЗ; изыду к тебе ГС.
⁶² до АЕ; нет Г. ⁶³ запада АЕЗГС. ⁶⁴ дайду ЕС; дайду Г. ⁶⁵ моего Е.
⁶⁶ крепости Г. ⁶⁷ моим А; своим ЕС; нет ЗГ. ⁶⁸ испознаеша А; скончаеша З.
⁶⁹ Доб. и З. ⁷⁰ понеже АЗГС. ⁷¹ надеяшися АЗГС. ⁷² некоторыя А.
⁷³ своя А. ⁷⁴ си А; нет ЕЗГС. ⁷⁵ Нет Е; крепкии АЗГС. ⁷⁶ порадеют Е.
⁷⁷ Нет А. ⁷⁸ извергут Е. ⁷⁹⁻⁷⁹ не бывали на свете АЕЗГС. ⁸⁰ объявляю З.
⁸¹ вящее З; вяще Г. ⁸² Доб. сие ЕС. ⁸³ и АЕЗГС. ⁸⁴ довольствование ЕС;
довольствования Г. ⁸⁵ Доб. и ЕС. ⁸⁶ породы Е. ⁸⁷ страны Е.

⁸⁸имети не будут покоя,⁸⁸ яко устави мысль моя погубити тя купно с людьми троими без малья⁸⁹ време⁹⁰ мешкоты, и немецкую землю всю⁹¹ разорити,⁹² расточити,⁹³ ничего не оставляя⁹⁴ в ней⁹⁵ и в⁹⁶ государстве твоём, **л. 12 об.** токмо вечную память страха и пролитие⁹⁷ крови,⁹⁸ саблю мою сотво||ренное⁹⁹ тамо.¹⁰⁰ ИИ. ¹ то все² збудетца,³ чтоб то⁴ дело везде было славно и разголошено⁵ повсюду⁶ что⁷ вера наша ⁸болши от часу⁸ множилась и приращение⁹ прияла.

Да¹⁰ потом бога твоего х¹¹ кресту пригвожденного вечно гонити¹² возмогу, его ж сила¹³ и крепость никако¹⁴ ж возможет сотворити тебе помощь¹⁵ и¹⁶ от многих¹⁷ рук свободити¹⁸ и отгоняти¹⁹ впредь. Паче ж²⁰ священники твоя²¹ уставихом псом²² на сведение предати²³ и сосца²⁴ женска²⁵ урезывати²⁶ совершенно.²⁷ Добро²⁸ ты²⁹ и³⁰ мудро³¹ сотворил,³² аще бы веру свою оставил³³ и твои подданныи вси с тобою³⁴ обратилися.³⁵ **л. 13** ³⁶Сего довольно буди³⁶ для познания тех. ³⁷Я ж³⁷ тебе написах³⁸ и еже³⁹ к любви твоей належит⁴⁰ и к соприятствованию⁴¹ || потребнаго⁴² нашего желательства⁴³ к тебе сотворенного⁴⁴ и⁴⁵ объявленнаго.

⁴⁶Список з грамот цесаря римского к турецкому салтану.⁴⁶

Магмете,⁴⁷ сыне⁴⁸ погибели, дедич⁴⁹ вечного осуждения, муж⁵⁰ гнилы,⁵¹ древа⁵² жизни смрадный,⁵³ блядословие⁵⁴ бога.⁵⁵ Всякого полне⁵⁶ зла писание твое ⁵⁷неразумное приях⁵⁷ аз⁵⁸ Леополд⁵⁹ государь твой, король⁶⁰ твой⁶¹ и цысарь твой,⁶² которое⁶³ яко прах вмених⁶⁴ и⁶⁵ в разуме моем едва положих,⁶⁶ видятще⁶⁷ совершенно,⁶⁸ ибо псу⁶⁹ поволно⁷⁰ есть⁷¹ лаяти, их же⁷² господа⁷³ обыкоша в железах водити. || Пишешь,⁷⁴ что я с некоторым королем⁷⁵ приял⁷⁶ совет,⁷⁷ воистинну с небесным царем, на него ж всю мою надежду⁷⁷ в совершенную твою погибель.

Глупче,⁷⁸ страж бутто гроба Христова⁷⁹ бога⁸⁰ моего⁸¹ пишешся, вменяся,⁸² обаче да не хвалишися тем рвяся,⁸³ вемы⁸⁴ бо⁸⁵ добре⁸⁶ во псы⁸⁷

⁸⁸ Испр. до АЗГС; в ркп. советс.

⁸⁸⁻⁸⁸ не будут имети (имест С) покоя ГС. ⁸⁹ малою ЕГС. ⁹⁰ времени З; времени ГС; доб. и ЕГС. ⁹¹ Нет Г. ⁹² разорю С. доб. и АЗС; ⁹³ расточю С. ⁹⁴ оставя А; оставяю ЗС; доб. я З. ⁹⁴⁻⁹⁵ Нет Е. ⁹⁶ Нет А. ⁹⁷ пролитию А; пролития ЕГС. ⁹⁸ крове АС. ⁹⁹ сотворено Е; сотворена Г; сотворенну С. ¹⁰⁰ Нет Е; тако Г; тако ж С.

¹¹ Тако Е; нет ГС. ² Доб. дело и А; доб. и ЕГС; доб. дело З. ³ збудется АГС. ⁴ Нет АЗ. ⁵ разглашено АЗГС. ⁶ всюду Г. ⁶⁻⁷ и чтоб АЕЗГС. ⁸⁻⁸ от часу болши АЕЗС. ⁹ прерашение З. ¹⁰ а ЕГС. ¹¹ ко АЕЗГС. ¹² погонити А. ¹³ Нет Е. ¹⁴ никогда АЕЗС. ¹⁵ помощи З. ¹⁶ Нет Г. ¹⁷ моих АЗГС. ¹⁸ сотворити Е. ¹⁸⁻¹⁹ Нет Г. ¹⁹ отняли АЕЗС. ²⁰ Доб. и АЕ. ²³ твои ГС. ²² Нет Е. ²³ отдати ЕГС. ²⁴ сосцы ГС. ²⁵ женская АЗ; женские Е; женския ГС. ²⁶ отрезывати Е; срезывати ГС. ²⁷ совершенно А; совершенно З. ²⁶⁻²⁸ совершенной доброты Е. ²⁸ Доб. бы ЗС. ²⁹ ти З. ³⁰ Нет АЕЗС. ³¹ Нет ЕС. ³² сотворить З. ³³⁻³⁵ и видя бы твое порадение (поддание С) все с тобою обратились ЕС. ²⁷⁻³⁴ Нет Г. ³⁵ обратились ЗГ. ³⁶⁻³⁶ Се тебе буди довольно ЕС. ³⁷⁻³⁷ Яко же ЕС; Е же З. ³⁸ написал ЕГС. ³⁹ аще Е; еще С. ⁴⁰ належительства Е; надлежит Г; ⁴⁰⁻⁴¹ и ко приятствованию З; и же со възприятствованию Г. ⁴¹ възприятствованию С. ⁴² внутренняго АЗ; утреннего ГС. ⁴⁰⁻⁴³ Нет Е. ⁴⁴ сотворит на то Е; сотворил на то С. ⁴⁵ Нет ЕГС. ⁴⁶⁻⁴⁶ Список с цысарской (цесарской З) грамоты к турецкому салтану АЗС; Список со цесарской грамоты, какова писана к турецкому салтану ГС. ⁴⁷ Магмет ГС. ⁴⁸ сын ГС. ⁴⁹ дедичю З. ⁵⁰ муже АЗГС. ⁵¹ гнилы ЗГС. ⁵² древо С. ⁵³ смрадный Г; смрадные С. ⁵⁴ блядословие З; блядословче С; доб. на АЗГС. ⁵⁵ Доб. понес еси С. ⁵⁵⁻⁵⁶ полне всякого АЗГ. ⁵⁶ Нет С. ⁵⁷⁻⁵⁷ приях неразумное С. ⁵⁸ я Г. ⁵⁹ Леопанд А; Леопад С. ⁶⁰ Нет З. ⁶¹ Нет ЗГС. ⁶² Доб. еже ЗГС. ⁶³ которая Г. ⁶⁴ Нет Г. ⁶⁵ Нет АЗГС. ⁶⁶ положил Г. ⁶⁷ вем же С. ⁶⁸ ВА испорченное чтение. ⁶⁹ псом АЗС; и псом Г. ⁷⁰ повелено АЗГС. ⁷¹ Доб. и С. ⁷² Нет Г. ⁷³ государи С. ⁷⁴ пишеш Г. ⁷⁵ Нет А. ⁷⁶ приях С. ⁷⁷ положих АЗС; положил Г. ⁷⁸ Глубче АС; глупую Г. ⁷⁹ Христова З. ⁸⁰ Нет С. ⁸¹ нашего А. ⁸² вменяся А; все вменяся З; вменяся Г. ⁸³ рвяся А; рвясь З; гоняся ГС. ⁸⁴ вем АГС. ⁸⁵ Нет ГС. ⁸⁶⁻⁸⁷ Нет АГ; псы З; псом С.

тебе⁸⁸ валгаться,⁸⁹ да⁹⁰ стрегут⁹¹ дворы⁹² цареви и двери государей,⁹³ иже⁹⁴ мечют им по частицы хлеба к⁹⁵ губам. Того ради и мы тебя имеем и⁹⁶ пребываеши да ж до нынешнего⁹⁷ времени⁹⁸ в стражке по занеж⁹⁹ гордостно напыщаеши¹⁰⁰ и^{III, 1} царем и государем нашим нарицаеши.²

Таков³ ответ творим, яко⁴ в кратце⁴ времени познаеши силу⁵ Христа распятого,⁶ его ж⁷ яко безумен⁸ неперестаеши хулити. И наше благо^{||}волене узриши, яко все⁹ во искоренение¹⁰ имени¹¹ твоего от лица земли будет. И то¹² сотворю до конца века, грады твоя и государства¹² поимутца¹³ от нас¹⁴ и пленятца,¹⁴ и престол твой будет¹⁵ празнен,¹⁶ и¹⁷ в¹⁸ наше порабощение и под властью нашею будут¹⁹ вся.²⁰

Паче же²¹ уставихом²¹,²² богохульная²³ твоя капища, ²⁴вконец разорити²⁵ или въ яслища²⁶ обратити, а²⁷ церкви наша²⁸ воздвигнем. И будет по²⁸ всей вселенней³⁰ радость и веселие всем, имя Христово исповедующим,³¹ вам³² же горе и плачь семо и овамо придет.³³ Лживи³⁴ же твой жрецы сотворю дрова³⁵ и камене³⁶ сеци,³⁷ жены ж твоя³⁸ тяжки сотворю, да везут³⁹ землю и воду,³⁹ от востока⁴⁰ ж и от⁴¹ запада погоню всеми силами⁴² моими. || А⁴³ Магмет⁴⁴ твой⁴⁵ и росулей⁴⁶ никоея помощи не даст во⁴⁷ вся дни презрядно⁴⁸ к тому сотворю.⁴⁹

Аще⁵⁰ бы святым⁵¹ крещением омылся⁵² ваши⁵³ бы вси⁵⁴ от слепоты поганския, ⁵⁵ею ж⁵⁵ обдержими⁵⁶ есте, свободилися⁵⁷ да у нее разрушение⁵⁸ епитимнею осуждени будете⁵⁹ вечно, да⁶⁰ не осудитесь.

Сих⁶¹ же довольно, от них же разсудити можешь⁶² наше сердце,⁶³ вждь,⁶⁴ яко ж⁶⁵ ничто⁶⁶ ино⁶⁷ в мысли нешей имеем тайного.⁶⁸ 1663го г.

Перевод с немецкого письма октября 1-го числа, переведено в нынешнем во 178-м году октября в 29 день.⁶⁹

ПРИЛОЖЕНИЕ К ТЕКСТАМ ЦИКЛА ГРАМОТ

Послание султана польскому королю из курантов 1621 г.

ЛОИИ, собр. Археографической комиссии. № 26, стр. 5—9.

Копии с подлинных курантов, сделанные в начале XX в. князем Голицыным с целью издания курантов 1621—1644 гг. (по подлинникам склейки 10—17).

Переводы с ведомостей, присылаемых из Польши о разных в Европе военных действиях и мирных постановлениях, а от кого присланы — не означено.

¹ Испр. по ЗГ; в ркл. устафихом. ⁴ Испр. по ЗС; в ркл. везут.
⁸⁸ ты А; нет ЗГС. ⁸⁹ ввернется С. ⁹⁰ Доб. не Г. ⁹¹ стерегут Г. ⁹² двери Г.
⁹³ государя А. ⁹⁴ они же ГС. ⁹⁵ Нет АЗГС. ⁹⁶ Нет С. ⁹⁷ нынешняго АЗГ; нынешнаго С. ⁹⁸ времени АГС. ⁹⁹ понеже С. ¹⁰⁰ напыщаевся А; нарицаешься З; написал ся ГС.
 III, 1 Нет З. 1—2 нарицаешися царя и государя нашего А; царя и государя нашего З; нарицаешися царя господа нашего Г; нарицаеши царя и господа нашего С.
³ Того же Г; Тако же С. ⁴ Доб. же ГС. ⁴ крадце А; крымском С.
^{5—6} распятого Христа моего ГС. ^{6—7} Нет ГС. ⁸ безумне Г. ⁹ вси З.
¹⁰ искорени АЗ. ¹¹ имене ЗГ; имяни С. ^{12—12} суть З. ¹³ возмутся АЗГС.
^{14—14} Нет ГС. ¹⁵ Нет АЗГС. ¹⁶ презрен АЭС; призрен Г. ¹⁷ Нет С.
¹⁸ Нет З. ¹⁹ будет ГС. ²⁰ все Г; всех С. ²¹ Нет С. ²² оставихом С.
²³ богохульная ЗГ. ^{24—25} разорити вконец С. ^{25—26} и эле в плаща С.
²⁶ яслища З. ²⁷ Нет З. ²⁸ наши Г. ²⁹ во З. ³⁰ селенней Г. ³¹ исповедующим ГС.
³² тамо ГС. ³³ придет Г; прииде С. ³⁴ Лживые ЗС; лживи Г.
³⁵ древа ГС. ^{36—36} именье З. ³⁷ сеци Г; сець С. ³⁸ твой ГС.
^{39—39} воду и землю ГС. ⁴⁰ востоку З. ^{40—41} даже и до ЗС; даже до Г.
⁴² Нет С. ⁴³ Нет ГС. ⁴⁴ Мехмет З; Махмет С. ⁴⁵ Доб. егда С. ^{45—46} крадуи З; крови излюи ГС.
⁴⁷ по С. ⁴⁸ презрядне З. ⁴⁹ сотворил ЗГС; доб. бы З.
⁵⁰ Нет ГС. ⁵¹ Нет Г. ⁵² Доб. и аще ГЭС. ⁵³ Нет ЗГС.
⁵⁴ все ГС. ^{55—55} Нет З; чюжи Г; чем С. ⁵⁶ одержими С. ⁵⁷ освободились С.
⁵⁸ разрешение ЗГС. ⁵⁹ Доб. а ЗС; доб. да Г. ⁶⁰ Нет ЗГС. ⁶¹ всих З.
⁶² сможешь З; можши ГС. ^{62—63} наша сердца Г. ⁶³ Доб. и ЗГС. ⁶⁴ вждь ГС.
⁶⁵ Нет ЗГС. ⁶⁶ Доб. же ЗГС. ⁶⁷ ине Г; ниже С. ⁶⁸ тайно ЗГС. ^{68—69} Нет ЗГС.

Изо Гданска города в грамотах пишут, что турской царь к полскому королю такову отказную грамоту прислал:

«Мы, салтан пресветлейший и неодолимый, сильный царь и ангил божей, турской царь, Макидонский и Вавилонский король Вышнего и Меншего Египта и владетель всех крестьянских царств в Европе, король во Александрии и в Юдее, над Португалом и надо всеми государи по всей земле и государь государем аспих (?) земель, страж бусурманского раю и святого гроба, тако же и великого пророка Магомета в городе в Мейхе и велезрянаго пророка в Ерусалиме, король королем и государь государем, и князь князем, и государь всего добра во всем свете, и государь древа животново и всяких мест и городов, и государь болшого и меншого моря и всех пролив и рек, государь всего света и великий державец надо всеми державцы.

Посылаем тебе, королю полскому, наше царское поздравление. Ведомо нам, что ты в своей тайной думе с своими с младыми королевичишками усоветовал против нашего пресветлейшего персона и всех сильнейшего царя; так нечестию всчинаешь. И дивимся мы тому, что ты не страшишься от нашей великия силы и не боишься с своими королевичишками смерти.

Как ты прежние времена миру и постояния правивал и о том своих послов часто к нам посылаа, и они тебя нам миролюбивательным оказывали, что ты никаково задору собою не всчинаешь. А в нынешние времена безо всякой вины и причины ты всчал в нашем кесарстве и государстве в Московском наших подданных воевати и умыслил до последнего расточити и многия места разорил и запустошил, и поймал.

И для того буди тебе ведомо, что мы тебе и твоим королевичишкам, которым ты на ползу ту землю повоевал и их государем над тою землею хотел учинить, хочю мстить и тебя всех злее изгонять и память твою выкоренить. И ты увидишь, что отомщение мы тебе за то воздадим, коли ты тот союз, что меж нас был учинен, порушил и ни во что поставил, и чаем того, что ты и с твоими королевичишками пред нас приведен будешь. И ты с ынными вязнями увидишь, как мы с таким собраньем и с такою великою неизчетною силою, которую мы с собою имеем во вся места, во всем свете от начала и до конца пройти можем и такою силою тебя до конца разорити хочем, такая великая и неодолимая сила тебе и твоим королевичишкам на очи приведена будет, а тебя тем просветить хотим.

И не уповай впредь на нашу милость и ласку, уж тебе впредь нашей милости не будет. А мы от твоих крепостей и от твоей Краковские стены не устрашилися, хстим мы не токмо тот город, но и все твои стольные города и места, и всю землю так хошу приняти и зачати, что камень на камени не устоит, и твое королевство, и имя твое, и память твою до конца выкоренить. И для свидетельства послали мы к тебе нашу кровавую саблю на том, что сие все тотчас попоследствовати будет, и ноги коней наших и верблюды будут землю твою топтать и покрывать, что во многие лета так не бывало.

И бог нам свой праведной суд хочет объявить, потому что бог платщик всему добру и мститель тем, которые мир порушают. И мы, аки бог на земли, хотим лозу свою приняти на тебя и ярость свою на вас возляити и тем твою неправду и мирное порушение мстить и наказати. Пусть боги твое тебе помогут; а хотя и станут, толко не помогут. Святы твоих мы подлинно в сохи велим впрячь и на них те пустые земли Булгару и Юдею велим взорать и те места велим укрепити, что ни один светой твой к тебе назад к тебе не будет.

И буди тем доволен, что мы умыслили, то конечно свершитца, а что тежеле того будет, то ты и сам отведаешь, а чего ты в сем листе не выразишь, и ты поскорее уведаешь, а сие мы все тебе ведомо учинили с великим покорством. Писано в Константинополе царствия нашего».

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в.

Семивековая история русского летописания впервые была исследована с точки зрения развития летописного жанра в книге Д. С. Лихачева,¹ где были учтены все летописи, введенные к тому времени в научный оборот (как и вся огромная литература по летописанию). За последние годы, в результате розысков в рукописных хранилищах, обнаружены сотни новых списков летописей XVI—XVII вв., главным образом московских и новгородских. Ими представлено значительное количество совершенно неизвестных ранее сводов (преимущественно XVII в.).² Это обстоятельство заставляет изменить представление о затухании летописания в XVII в., основывавшееся на совокупности известного ранее рукописного материала. Изучение обнаруженных памятников должно дать материал для еще более полного представления о заключительном этапе развития летописи как литературного жанра.

Интенсивная летописная работа, развернувшаяся в Новгороде в XVII в. (особенно в последней его четверти), привела к созданию четырех больших сводов, которые распадаются в общей сложности (по данным предварительного исследования) на восемь редакций, подразделяющихся в свою очередь на пятнадцать видов.³ Один из этих сводов — Забелинский — по своему объему значительно превосходит крупнейший свод Новгородского периода расцвета его летописания в XV в. — Новгородскую четвертую летопись. Приблизительно равен ей по величине другой свод XVII в. — Новгородская третья летопись. Не намного уступают в отношении объема остальные своды — Уваровский и Погодинский. Только всестороннее исследование этих памятников позволит определить их место в общей истории русского летописания (при условии, если будут также исследованы современные им московские летописи и завершено изучение новгородского и московского летописания XVI в.).

Это заставляет ограничить задачу настоящей статьи попыткой характеристики наиболее заметных особенностей в приемах летописной работы, отношении к источникам и самом подборе этих источников — особенностей, которые могут быть выявлены при сравнении с предшествующим летописанием, в первую очередь новгородским. Поскольку новгородские летописи XVI в. изучены пока неполностью, со временем может выясниться, что некоторые из черт, прослеживаемых здесь лишь на материале XVII в., присущи в какой-то мере к памятникам предшествующего столетия.

---

¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.

² Главные результаты этих розысков опубликованы в работе: А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — Проблемы источниковедения, IV. М., 1955, стр. 243—285.

³ См.: С. Н. Азбелев. Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. (обзор списков). — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 282—297.

Внимание, уделенное в статье отдельным жанровым особенностям, неодинаково и определяется в каждом случае, с одной стороны, их значением, а с другой, — потребностью в аргументации.

* *
*

Сближение летописи с хронографом, постепенно нарушавшее ее документальность и выразившееся главным образом в устойчивом стремлении расширять документальные показания древних летописей продуктами чисто литературного творчества самого составителя, началось в последние десятилетия XV в. и получило дальнейшее развитие в последующее время.⁴ Сюда следует отнести и отражение в поздних летописях произведений народного бытового эпоса⁵ и такие явления XVI в., как распространение летописного известия путем заимствования деталей из текста другого известия сходной летописи об аналогичных событиях⁶ и тенденциозная обработка текста с искажением фактической стороны описываемых событий.⁷

В новгородском летописании XVII в. эти тенденции проявились в своеобразной форме, отразившей широкую начитанность составителей сводов в литературе — главным образом разного рода легендах (по преимуществу местного происхождения), часто связанных с событиями, кратко описанными в более ранних новгородских летописях, послуживших основными источниками этих сводов. Изложение исторических событий часто дополняется и даже переделывается на основе литературных припоминаний составителя, а иногда на основе таких припоминаний включаются и совершенно новые известия, отсутствовавшие в более ранних сводах.

Одним из наиболее характерных примеров является известие НЗЛ о постройке церкви Иоанна Предтечи в 1184 г.: в краткой редакции этой летописи текст пространной редакции дополнен и изменен на основании Легенды о построении варяжской божицы в Новгороде,⁸ причем в летописном тексте дана косвенная ссылка на этот памятник.

Пространная редакция НЗЛ

В лето 6692 заложи церковь каменну Иоанн архиепископ святого Иоанна на Торговищи.⁹

Краткая редакция НЗЛ

В лето 6692 заложиша церковь древяну Иоанна архиепископ собор святого Иоанна предтечи; и в лето 6700 перенесли церковь древяну святого Иоанна предтечи на иное место, а на том месте поставиша немецкую ропату, и о том бысть чюдо о посадники Добрыни.¹⁰

⁴ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 347—354. Отдельные случаи уснащения документального в своей основе летописного рассказа литературным вымыслом имели место и ранее (см., например: И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 67—97).

⁵ См.: Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. — ТОДРЛ, т. VII, стр. 17—51.

⁶ См.: А. В. Марков. Один из случаев литературного вымысла в московском летописании. — ИОРЯС, т. XVIII. СПб., 1914, стр. 43—44.

⁷ Там же, стр. 42—48.

⁸ См.: [К. Калайдович.] Повести древних лет, яже содеяшася в Великом Новгороде. О посаднике Добрыне (из древней рукописи). — Северный архив, ч. XXVI. СПб., 1827, стр. 196—200; Легенда о построении варяжской божицы в Новгороде. — Памятники старинной русской литературы, в. 1. СПб., 1860, стр. 251—252.

⁹ ГБЛ, ОИДР. 127, л. 156.

¹⁰ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 194.

Сведения, которыми текст известия дополнен в краткой редакции, отсутствуют во всех предшествующих новгородских летописях (Н1Л обских изводов, Н2Л — в ней этого известия нет вообще, Н4Л, Н5Л, «Своде 1539 г.» и Уваровском своде). Эти данные могли быть взяты, очевидно, только из Легенды о построении варяжской божицы. Известная в довольно многочисленных списках XVI—XVIII вв., эта легенда повествует о том, как немецкие купцы, подкупив новгородского посадника Добрыню, добились через его посредство разрешения построить костел («ропату») ¹¹ на месте русской церкви Иоанна Предтечи в Торгу, которая в связи с этим была перенесена в другое место; вмешательством небесных сил Добрыня был наказан смертью (в действительности единственный новгородский посадник, носивший имя Добрыни, умер в 1117 г., ¹² за 67 лет до закладки церкви Иоанна).

В легенде речь идет о деревянной церкви, тогда как во всех летописях, начиная с Н1Л старшего извода, под этим годом сообщается о заложении каменной церкви Иоанна. Не подлежит сомнению, что составитель краткой редакции Н3Л изменил «церковь каменну» на «церковь древяну» на основании данных легенды. Следы этой замены ясно видны: в летописных известиях о возведении деревянных построек всегда говорится «срубиша» или «поставиша», а «заложиха» — только о закладке каменных зданий. Между тем в краткой редакции Н3Л читаем «заложиха церковь древяну» ¹³.

Другой пример — известие обеих редакций Н3Л о построении церкви Покрова на Дубне в 1410 г. Олонием Шилом. ¹⁴ Все более ранние новгородские летописи (как и сама Н3Л) сообщают об этом под 1310 г., ¹⁵ т. е. на сто лет раньше (таким образом, в Н3Л об этом событии сообщается дважды). Как показано И. П. Ереминим, с точки зрения исторической достоверности предпочтение следует отдать известию 1310 г., ¹⁶ так как Шилом монастырь упоминается в летописях и под 1386 г. ¹⁷ Действительно, даже если допустить, что сам монастырь существовал и до построения в нем церкви Покрова Шилом (хотя против этого говорит текст изве-

¹¹ Об употреблении этого термина см. в работе: П. Л. Гусев. Откуда произошло название «ропата»? — Сборник Новгородского общества любителей древности, в. 2. Новгород, 1909, стр. 12—14.

¹² Н1Л обских изводов, Н4Л, Н5Л, «Свод 1539 г.».

¹³ Указанная в краткой редакции Н3Л дата переноса церкви — 6700 (1192) г. — в изданных вариантах легенды отсутствует. Очевидно, составителем был использован другой вариант, содержащий или саму эту цифру, или указание на то, что церковь была перенесена через семь лет после ее постройки, на основании которого уже нетрудно было выставить год.

¹⁴ Пространная редакция: «Поставиша церков камену на Дубне, Покрова богородицы, и стяжанием раба божия Олония мнеха, при архиепископе Иоанне» (ГБЛ, ИОДР. 127, л. 31 об.). Краткая редакция: «Поставиша церковь каменну на Дубенке, во имя пресвятыя богородицы Покрова, стяжанием раба божия Олония мнеха, нарицаемого Шила, при архиепископе Иоанне» (Новгородские летописи, стр. 253).

¹⁵ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. И. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 93, 333; ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 1. Пгр., 1915, стр. 254: ч. II, в. 1, Пгр., 1917, стр. 340; Новгородские летописи, стр. 26, 314; ГИМ, Увар. 268, л. 246 об.

¹⁶ См.: И. П. Еремин. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Шиле. (Исследование и тексты). — Труды Комиссии по древнерусской литературе Академии наук, 1. Л., 1932, стр. 96. Разбор литературы вопроса см. там же, стр. 60—64, 98—102.

¹⁷ Шилом монастырь фигурирует в перечне 24 монастырей, сожженных новгородцами в окрестностях города для удобства обороны в связи с готовившимся походом на Новгород Дмитрия Донского (ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 2. Л., 1925, стр. 346; т. V, СПб., 1851, стр. 241).

стия 1310 г. в Н1Л младшего извода¹⁸ и Н2Л¹⁹), то все-таки трудно оспаривать тот факт, что этот монастырь не мог называться в 80-х годах XIV в. Щиловым, если бы сама церковь была основана Щилом только в 1410 г.

Появление дублирующего известия под 1410 г. может быть удовлетворительно объяснено лишь сознательным «исправлением» даты летописцем, хорошо знавшим Повесть о посаднике Щиле. Во всех редакциях этой повести (исключая сильно сокращенные и относящиеся уже к концу XVII—XVIII в. пятую и шестую редакции) указывается, что церковь Покрова была построена Щилом при архиепископе Иоанне.²⁰ Так как в 1310 г. архиепископом в Новгороде был Давид (1309—1325), летописец заподозрил хронологическую ошибку своего источника и изменил 1310 г. на 1410-й, когда архиепископом был Иоанн II (1388—1415).²¹ О том, что именно Повесть с ее указанием на Иоанна явилась причиной «исправления» даты, говорит добавление в тексте 1410 г. слов «при архиепископе Иоанне». Во всех летописях, предшествующих НЗЛ, известие 1310 г. о постройке церкви Покрова не содержит указания на то, при каком архиепископе это произошло,²² хотя в остальном текст совпадает почти дословно.

Следует думать, что это «исправление» было произведено не самим составителем НЗЛ, в которой есть и известие 1310 г., а одним из ее летописных источников, где текст был перенесен (с добавлением указания на Иоанна) из 1310 г. в 1410-й. При соединении же этого источника с Уваровским сводом (легишим в основу НЗЛ),²³ который сообщает о постройке церкви Покрова Щилом под 1310 г., в НЗЛ оказалось два известия об одном и том же событии с разницей в дате на сто лет.

Публикуемая в настоящем томе Легенда о приплывии иконы Николая была использована в Уваровском своде для дополнения известия о закладке Николо-Дворищенского собора, а затем в пространной редакции НЗЛ, при еще большем распространении этого известия. Приводим оба текста, поместив рядом для сравнения известие Н4Л, которая, как и другие летописи, предшествующие Уваровскому своду, не испытала влияния Легенды.

Н 4 Л

В лето 6621. Победи Мстислав на Бору Чюдь и заложи церковь святого Николы, на княжи дворе.²⁴

Уваровский свод

В лето 6621. Князь Мстислав Владимирович заложи церковь каменную в Великом Новеграде святого чудотворца Николы на княжи дворе.

Н 3 Л

В лето 6621. Князь великий Мстислав Владимирович, внук великого князя Владимира, заложи церковь каменну в Великом Новеграде, святого Николы чудотворца на княжи дворе, нареченный во святом крещении Георгии.

¹⁸ «Поставиша церков каменну на Дубенке во имя святыа богородица Покров, стяжанием раба божиа Олония мнеха, нарицаемого Шкила; и бысть монастырь крестияном прибежище» (Новгородская первая летопись. . . , стр. 333).

¹⁹ «Постави церков камену, во имя святыа богородица Покрове, стяжанием раба божиа Олония мнеха, нарицаемого Шкила; и бысть монастырь, а христианом прибежище» (Новгородские летописи, стр. 26).

²⁰ Имеется в виду, вероятно, архиепископ Иоанн-Илья (1165—1186), имя которого было особенно популярно в Новгороде во время возникновения Повести (см.: И. П. Еремин. Из истории старинной русской повести. . . , стр. 114).

²¹ См.: И. П. Еремин. Из истории старинной русской повести. . . , стр. 96—97.

²² Указание на архиепископа Давида добавлено только в краткой редакции самой НЗЛ.

²³ См.: С. Н. Азбелев. Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв., стр. 283.

²⁴ ПСРА, т. IV, ч. I, в. I, стр. 142.

Того же лета образ Николы чудотворца Мирликийскаго приплыл из Киева в Великий Новгород, дщка круглая.²⁵

Того же лета образ Николы Чудотворца Мирликийскаго приплыл ис Киева в Великий Новград, дска круглая; икону ту устроиша в том превеликом храме, на Ярославля дворищи, в церкви; и взяли на Липне, при архиепископе Иоанне.²⁶

Разрастание известия идет как за счет дополнений, вносимых на основании Легенды, так и путем наслоения риторических общих мест и общеизвестных сведений (каменная церковь, отчество князя Мстислава, «нареченным восвятом крещении Георгии», «при архиепископе Иоанне» и т. п.), придающих тексту нарочитую торжественность, которая в глазах летописца, работавшего при дворе новгородского митрополита, вероятно, была в данном случае особенно необходима, поскольку речь шла о событии, связанном с чудом от одной из наиболее почитаемых новгородских святынь.

Составитель краткой редакции НЗЛ перенес этот текст из пространной редакции без существенных изменений,²⁷ но счел необходимым напомнить читателю о Легенде еще и в другой связи: под 1292 г., сообщив о закладке Никольской церкви в Липенском монастыре, он добавляет: «спустя после приплытия святаго образа 180 лет».²⁸

Дополнял летописные данные на основании легендарных памятников и составитель Забелинского новгородского свода. Таково известие 1179 г., основанное на тексте пространной редакции НЗЛ и снабженное прямой ссылкой на источник дополнений.

Пространная редакция НЗЛ

В лето 6687 созда архиепископ Иоанн церковь Благовещение богородицы и монастырь в 70 дней.²⁹

Забелинский свод

В лето 6687 созда архиепископ Иоанн церковь Благовещения богородицы и монастырь в 70 дней, каменную, з братом Ильею. А ныне зоветца Благовещенской у Аркажи. И о сем писано есть инде пространнее о недоставшем злате, о строении монастыря.³⁰

Из текста можно заключить, что летописец писал в расчете на достаточно осведомленного читателя, которому хорошо известна Повесть о построении Благовещенского монастыря в Новгороде.³¹

Примеры летописных известий, по-видимому целиком обязанных своим появлением литературным реминисценциям, дает краткая редакция НЗЛ. Под 1408 г. в этой летописи читаем: «Прииде преподобный Михаил Клопский, сродник великих князей московских, в Великий Новъград с Москвы; и пророчество его — Ионы архиепископу, и о взятии Великаго Новграда».³² Во всех остальных новгородских летописях (в том числе и в пространной редакции самой НЗЛ) подобного известия нет.

Житие Михаила Клопского, послужившее, очевидно, источником этого текста, было известно составителю НЗЛ скорее всего во втором варианте

²⁵ ГИМ, Увар. 568, лл. 175 об.—176.

²⁶ ГБЛ, ОИДР, 127, л. 130. Ср. стр. 368—369 настоящего тома.

²⁷ См.: Новгородские летописи, стр. 187—188.

²⁸ Там же, стр. 209.

²⁹ ГБЛ, ОИДР, 127, л. 155 об.

³⁰ ГИМ, Забел. 261, л. 156.

³¹ Ср.: Памятники старинной русской литературы, в. I. СПб., 1860, стр. 255—256.

³² Новгородские летописи, стр. 252.

Тучковской редакции, который содержит вставной рассказ, озаглавленный: «О пришествии святого Михаила в Великий Новъград; и пришед в первый день пророчества ко Ионе, быти архиепископом Великому Новуграду», взятый из жития архиепископа Ионы Новгородского.³³ В первом виде Тучковской редакции есть все остальные данные о Михаиле Клопском, содержащиеся в приведенном известии НЗЛ (в том числе пророчества о падении Новгорода),³⁴ но нет эпизода с пророчеством Ионе (как и в более ранних редакциях жития). Даты прихода Михаила Клопского в Новгород житие не содержит. Поскольку фигурирующая в житии церковь Троицы на Клопске была построена, по летописям, в 1412 г., а Михаил, согласно житию, пророчествовал Ионе еще до того, как пришел на Клопско,³⁵ составитель НЗЛ имел достаточные основания отнести прибытие Михаила в Новгород за несколько лет до 1412 г. Он и поместил известие об этом событии под 1408 г.³⁶

Аналогично по своему типу включение той же краткой редакции НЗЛ под 1335 г. После упоминания в связи с городским строительством имени архиепископа Василия стоит: «При сем архиепископе Василии принесен бысть белый клобук, от царя Константина и папы Сильвестра, а Великий Новъград, иже и доныне новгородские митрополиты на главах своих тем подобием носят».³⁷ Текст этот, несомненно, обязан своим появлением Повести о новгородском белом клобуке.³⁸

* *
*

В новгородских сводах XVII в. (в отличие от предшествующих) обычным является риторическое распространение известий, в особенности текстов, касающихся церковной жизни Новгорода. При этом добавляются хронологические выкладки, топографические указания, имена архиепископов, при которых произошли данные события, дается полное титулование князей и т. п. Этим путем достигается определенная степень официальности и «полноты» (подобно тому как это можно наблюдать, например, в Толстовском VII списке Никоновской летописи и, частично, в Московском своде 1479 г.³⁹). Особенно характерна такая обработка текста для Уваровского свода и НЗЛ обеих редакций. Приведем один пример (1454 г.).

Уваровский свод

Того же лета в Великом Новеграде поставиша церковь каменну изнова святого Михаила Архангела на Михайлове улицы, а старую порушив.⁴⁰

Пространная редакция НЗЛ

Того же лета в Великом Новеграде поставиша церковь каменну изнова святого Михаила Архангела на Михайлове улицы, на Виткове переулке, а старую порушив, ни Торговой стороне, на посаде, при архиепископе Евфимии Вяжицком.⁴¹

³³ См.: П. Г. Васенко. Житие св. Михаила Клопского в редакции 1537-го года и печатное его издание. — ИОРЯС, т. VIII. СПб., 1903, кн. 2, стр. 44—58.

³⁴ См.: Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1958, стр. 141—167.

³⁵ См.: ВМЧ, ноябрь, дни 1—12, стлб. 163.

³⁶ Весьма возможно, что у летописца были и более веские соображения для выставления именно этой даты. Специальное выяснение этого вопроса не входит в задачу настоящей статьи.

³⁷ Новгородские летописи, стр. 218.

³⁸ Ср.: Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики. — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 178—219.

³⁹ См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи. . . , стр. 352, 359.

⁴⁰ ГИМ, Увар. 568, л. 348 об.

⁴¹ ГБЛ, ОИДР. 127, л. 339 об.

Внесенные составителем НЗЛ добавления не требовали привлечения новых источников: местоположение церкви (сохранившейся и донныне) было хорошо известно, годы архиепископства Евфимия II указаны в самом Уваровском своде.

Риторические распространения часто переплетались с использованием литературных припоминаний самого составителя свода. Один из примеров такого сочетания уже приводился (см. стр. 254—255). Другой пример — известие о постройке церкви Спаса на Ильине:

Уваровский свод

Пространная редакция НЗЛ

Краткая редакция НЗЛ

Составиша в Великом Новеграде церковь каменну святого Спаса на Ильине улицы.⁴²

Поставиша в Великом Новеграде церковь каменну святого Спаса на Ильине улицы. После чюдеси богородицы до сего спасова каменного храма.⁴³

Поставиша в Великом Новеграде церковь каменну святого Спаса, на Ильине улицы. После чюдеси пресвятыя богородицы до сего Спасова каменного храма, от деревянной церкви прошло 205 лет, а после Знамения храма каменного строения спустя 20 лет до Спасова каменного храма.⁴⁴

Составитель пространной редакции НЗЛ, по-видимому, решил добавить подсчет числа лет, прошедших после чуда от иконы богородицы, находившейся в деревянной церкви Спаса на Ильине (которая предшествовала каменной), — легенда об этом чуде помещена в той же НЗЛ под 1169 г.⁴⁵ Однако он, очевидно, не довел своего намерения до конца. Составитель краткой редакции проставил число лет⁴⁶ и добавил от себя вторую хронологическую выкладку — также на материале известия, имеющегося в самой НЗЛ.

* *
*

Одним из нововведений летописной практики Новгорода в XVII в. явилось использование в качестве источника исторических сведений синодиков новгородских церквей и монастырей.

Литературная история новгородских синодиков до сих пор совершенно не исследовалась (в обстоятельной работе Е. В. Петухова, специально посвященной памятникам этого рода, новгородский материал использован не был⁴⁷). Между тем новгородские синодики, насколько можно судить по тем немногочисленным отрывочным заметкам и частичным публикациям, которые имеются, представляют весьма существенный интерес не только как источник уникальных сведений по истории Новгорода, но и с точки зрения специфики своего литературного состава.⁴⁸ В новгородских синоди-

⁴² ГИМ, Увар. 568, л. 275.

⁴³ ГБЛ, ОИДР. 127, л. 263.

⁴⁴ Новгородские летописи, стр. 240.

⁴⁵ См.: ГБЛ, ОИДР. 127, лл. 147 об. — 148.

⁴⁶ Возможно, что эта цифра была проставлена и самим составителем пространной редакции, но затем пропущена переписчиком, из рук которого вышел список ГБЛ, ОИДР. 127.

⁴⁷ Е. В. Петухов. Очерки по литературной истории синодика. [СПб.], 1895, стр. 288.

⁴⁸ См.: Р. Игнатьев. Несколько слов о вкладных записях и синодиках. — Новгородские губернские ведомости, 1852, № 51, 27 декабря; Макарий. 1) В одном софийском (в Новгороде) синодике XVI века написано. — ЧОИДР, кн. 24, М., 1856, отдел III, стр. 40; 2) Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и

ках тщательно фиксировались имена лиц, которые являлись основателями или были причастны к последующим перестройкам, благоустройству и возобновлению многочисленных церквей и монастырей Новгорода. При этом указывались имена, связанные с историей не только той церкви (или монастыря), при которой велся данный синодик. Так, в синодике Клопского монастыря 1660 г. названы имена строителей Антониева монастыря («преп. Антония чудотворца, игумена Андрея, Кириака, Исаяи, Ефрема, Алексия, Пимена, Геласия»), Юрьева монастыря («благоверного великого князя Всеволода, нареченного во св. крещении Гавриила, инока Кириака, инока Исаяи»), Хутынского монастыря (помимо самого Варлаама Хутынского — «преп. старца Ксенофонта, священноинока Порфирия, инока Тарасия, Михаила, Иоанна, Анны, Никифора, Киприана, Григория, Гавриила, Анны, Ирины»), церкви Николая Белого («преосвященного архиепископа Климонта, преосвященного архиепископа Давида, игумена Антония, игумена Савватия»), Колмова монастыря («Варфоломея, Луки, Максима, Аньсифора, Георгия, Григория») ⁴⁹ (большая часть этих имен в летописях не упомянута). В синодике церкви Рождества на поле указывалось, что основателем ее (в 1381 г.) был Дмитрий Донской ⁵⁰ (в летописях это указание отсутствует). ⁵¹ В новгородских синодиках имели, однако, место не только краткие поминальные записи, которые хотя и касались непосредственно истории тех или иных церквей и монастырей, но выполняли чисто богослужебную функцию. Были записи, отличавшиеся чрезвычайной подробностью и имевшие, по сути дела, характер летописных известий или даже небольших исторических сказаний. Синодик церкви Вознесения на Прусской улице (конца XVII—первой четверти XVIII в.) приводит подробный рассказ о создании этой церкви в 1185 г., который хотя и содержит несомненные элементы вымысла, но в фактической своей части полностью согласуется с летописными известиями о событиях этого года (в частности, о солнечном затмении) и при этом заключает в себе много данных, отсутствующих в летописях, но содержащих детали, позволяющие заключить, что в основе значительной части рассказа лежат записи, современные описываемым событиям. ⁵² Описанный и

его окрестностях, чч. I—II. М., 1860; П. О с и н о в с к и й. Историческое описание Спасо-Пресображенской церкви в Новгороде. — Памятная книжка Новгородской губернии за 1893 г., Приложения, стр. 11—26; М. В. Муравьев. Синодик Черемнедского монастыря. — Сборник Новгородского общества любителей древности, в. 2. Новгород, 1909, стр. 25—27; И. А. Шляпкии. Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви. — Сборник Новгородского общества любителей древности, в. 5. Новгород, 1911.

⁴⁹ Макарий. Археологическое описание. . . , ч. I, стр. 145, 439, 405, 460, 588.

⁵⁰ Кроме него, записаны имена еще 13 строителей (Макарий. Археологическое описание. . . , стр. 558—559).

⁵¹ Ср. также указание синодика церкви Троицы на Рядитине улице о возобновлении церкви в 1730 г. Семенов Емельяновым (Макарий. Археологическое описание. . . , ч. I, стр. 172).

⁵² Этот текст, представляющий несомненный интерес и для историка новгородской архитектуры, опубликован Макарием (Археологическое описание. . . , ч. I, стр. 187). Приводим указанный отрывок деликом: «В лето 6693 [1185] года, месяца мая в 1 день, на память святого пророка Еремия, в четверток 6-я недели по пасхе, в самый праздник Вознесения Господня, на вечерне против пятка, бысть знамение в солнце и в звездах. И того ради страшливо видения заложиха тысяцкие В. Новаграда и создаша церковь каменную во имя Вознесения господа нашего Иисуса Христа, по образу святых Троицы, троеглавны, близ стены градской. И в той святых церкви устроиха два предела на полатях; от южных убо страны предел архиерея Христова Николая чудотворца; и освятиша и подписаша настенным подписанием греческими изуграфы пречюдно вельми, елико очи зрящих удивлятися могут, и божественными иконами и всякою церковною утварью украсиша, якоже лепо бе, и села со многими именем даша на подтверждение той святей церкви, иже бе непоколебимо пребывати на веки, тако же и на пропитание служителям той святых церкви. Создателя святых церкви суть еси: Михаил, Терентий, Михаил,

частично опубликованный П. Осиновским синодик церкви Спаса на Ильине, относившийся к концу XVI—началу XVII в., содержит уникальный по составу своих известий летописный рассказ об эпидемии под 1562 г. и приписанные впоследствии летописные известия 1718—1859 гг.⁵³

Особый интерес представляет синодик церкви Филиппа на Нутной улице, подробные данные о котором приведены Макарием.⁵⁴ В этом синодике, «писанном в царствование Алексея Михайловича» (т. е. не позднее 1676 г.), содержатся систематические сведения летописного типа по истории этой церкви, в том числе о пожаловании ей деревень и угодий (с приведением текстов соответствующих выписей и царских грамот) и, что для нас в данном случае особенно важно, о всех этапах строительства и благоустройства самого церковного здания. Некоторые из этих текстов — наиболее ранние — Макарием опубликованы. Сравнение их с соответствующими известиями обеих редакций НЗЛ показывает, что синодик церкви Филиппа использовался составителем краткой редакции этой летописи. Сокращая и опуская общерусские известия пространной редакции, краткая редакция во многих случаях расширяет за счет новых подробностей известия о событиях внутренней жизни Новгорода и добавляет отсутствовавшие в пространной редакции известия этого типа. Одним из источников этих дополнений и был синодик церкви Филиппа. Ниже приводятся параллельные тексты. Для наглядности даны также тексты рассматриваемых известий по Н1Л младшего извода, где эти известия содержат максимум подробностей сравнительно со всеми остальными летописями Новгорода, предшествовавшими Новгородской третьей (Н1Л старшего извода, Н2Л, Н4Л, Н5Л, «Свод 1539 г.», Уваровский свод).

Пространная редакция НЗЛ 1194 г.	Н1Л младшего извода 1194 г.	Синодик церкви Филиппа [1194 г.]	Краткая редакция НЗЛ 1194 г.
Поставиша церковь Филипа апостола, на Нутной улице, на Торговой стороне, в Славенском конце. ⁵⁵	Поставиша церковь святого апостола Филиппа на Нутной улице нову, и святыю владыка Мантурии генваря 29, Родослав Даниловичь. ⁵⁶	[Известий об основании церкви нет.]	Поставиша церковь древяну святого апостола Филиппа на Нутной улицы, на Торговой стороне Знаменской, в Славенском конце; и освящалю владыка архиепископ Мартирий, генваря в 9 день; и стояла до пожара 153 лета игоре 6855-го года. ⁵

Симеон, Иоанн иже прозванием Морозовых, такожде иныя: Михаил, Феодор, Василий, Игнатий и иныя многи; еже и жены: Ульяна, Ксения, Агриппина; иже преставишася койджо в све время и погребены быша при той созданной церкви на южной и северных стенах в настенных гробах. И образы подобие их одежды, яковы носяху, написаны суть и внутрь на церковной стране, по стране южных церковных дверей, в написании том 17 лиц. Бяху бо создатели града владетели быша по древнему градскому обычаю убо тысяцкие, по иных летописцех посадники именовашася. Пришествие же их в В. Новгород бяхе от Пруския земли во время княжения в князя Александра Ярославича, нарицаемого Невским».

⁵³ См.: П. Осиновский. Историческое описание Спасо-Преображенской церкви в Новгороде. стр. 18; текст летописного рассказа 1562 г., опубликован на стр. 20—21.

⁵⁴ Макарий. Археологическое описание... ч. I, стр. 377—381.

⁵⁵ ГБЛ, ОИДР. 127, л. 157 об.

⁵⁶ Новгородская первая летопись... стр. 234.

⁵⁷ Новгородские летописи, стр. 196.

1347 г.	1347 г.	1347 г.	1347 г.
[Известий о пожаре нет.]	Погоре Славно, от Семенова двора от Бескова до Нутной улицы. ⁵⁸	Бысть пожар в Великом Новгороде, на Торговой стороне, в Словенском конце, погоре 6 улиц и святой Филипп Апостол древняный храм на Нутной улицы. А когда строен и долго ли стоял, и того в летописцах не обретохом. А в то время бысть великий князь Семион Иванович Московский и вся Русии, и при митрополите Феогносте московском и вся Русии, и при архиепископе Василии В. Новаграда и Пскова. И от того времени минуло 36 лет, как церковь древняя погорела, до церкви каменного строения святого Апостола Филиппа и великаго чудотворца Николы на Нутной улицы. ⁶⁰	Бысть пожар в Великом Новгороде, на Торговой стороне Знаменской, в Славенском конце, при великом князе Симеоне Ивановиче Московском, и при митрополите Феогносте Московском и вся Русии, и при архиепископе Василии Великаго Новаграда и Пскова: погоре 6 улиц, и в то время погоре церковь древняя святого апостола Филиппа на Нутной улицы, а стояла 153 лета до сего пожара. ⁵⁹
1383 г.	1383 г.	1383 г.	1383 г.
Заложища церковь каменну в Великом Новгороде Апостола Филиппа, храм на Нутной улицы. ⁶¹	Заложища две церкви каменны: святого Филиппа на Нутной улице и святого Иоанна в Радоковицах. ⁶²	Заложища храм каменный святого апостола Филиппа и придел великаго чудотворца Николы Мирликийскаго на одной основы, обе церкви каменные; в церкви у св. апостола Филиппа на полатех придел каменной, над правым крылосом, Воскресение христово. А строители у храмов сих новг. посадники: Родислав Данилович, Устин, Филипп, Александр. ⁶⁴	Заложища церковь каменну, в Великом Новгороде, апостола Филиппа; а строители Родислав Данилович; Устин да Филипп посадники. ⁶³

Рассмотрим каждое из трех известий. Если отбросить не имеющие для нас сейчас значения словесные распространения текста и описки, картина будет следующая.

⁵⁸ Новгородская первая летопись. . . , стр. 359.

⁵⁹ Новгородские летописи, стр. 221.

⁶⁰ Макарий. Археологическое описание. . . , ч. I, стр. 377—378.

⁶¹ ГБЛ, ОИДР. 127, л. 288.

⁶² Новгородская первая летопись. . . , стр. 379.

⁶³ Новгородские летописи, стр. 244.

⁶⁴ Макарий. Археологическое описание. . . , ч. I, стр. 378.

1194 г. Составитель краткой редакции НЗЛ дополнил известие пространной редакции по какой-то другой летописи (но не по синодику, так как в последнем этого известия нет) сведениями об освящении деревянной церкви Филиппа. Указание имени строителя или было им опущено (для согласования с последующим упоминанием этого имени в известии о постройке каменной церкви в 1383 г.), или отсутствовало в самой этой летописи, дававшей несколько сокращенный текст. Хронологическая выкладка в конце добавлена на основании сопоставления с известиями 1347 г.

1347 г. Известие о пожаре взято целиком (с некоторыми сокращениями и перестановкой частей) из синодика. В пользу этого говорят не только тождество содержания и текстуальные совпадения: если погорело шесть улиц, то следует думать, что пострадали и другие церкви, а не только церковь Филиппа, упомянутая в ее синодике.⁶⁵ Напомним, что во всех других известных в настоящее время летописях Новгорода, предшествовавших НЗЛ краткой редакции, это известие содержит лишь те краткие сведения, которые даны в приведенном тексте НЗЛ младшего извода, поэтому ни одна из них не могла быть источником рассматриваемого текста в НЗЛ.

1383 г. Текст пространной редакции НЗЛ дополнен в краткой редакции перечислением строителей церкви, которое могло быть взято только из ее синодика. Имя Родислава Даниловича, который, по данным древних летописей, был строителем деревянной церкви в 1194 г., попало в перечень строителей каменной церкви при позднейших переработках ее синодика путем соединения поминальных записей синодика каменной церкви Филиппа, начатого в 1383 г., со старым синодиком стоявшей на том же месте и затем сгоревшей деревянной церкви того же наименования (это имя не могло быть включено в позднейший синодик на основании летописного известия 1194 г. о постройке деревянной церкви, так как само это известие осталось неизвестным составителю синодика: сообщая о пожаре 1347 г., он указывает, что «когда строен и долго ли стоял» деревянный храм Филиппа, «того в летописцех не обретохом»). Можно думать, что упоминаемые в синодике рядом с Родиславом Даниловичем Устин, Филипп и Александр не все являлись строителями каменной церкви в 1383 г.: некоторые из них могли быть причастны лишь к ее последующим перестройкам, продолжавшимся, по данным того же синодика, вплоть до 1661 г.⁶⁶ В этой связи нас не должно удивлять отсутствие в тексте НЗЛ имени Александра: составитель ее мог располагать копией синодика, снятой до того, как это имя было добавлено в поминальный перечень строителей церкви. Сомнительно, чтобы все перечисленные в синодике лица были посадниками — в списках новгородских посадников нет имен Родислава и Устина; вероятно, посадником был один из строителей, а множественное число этого слова (перешедшее и в НЗЛ) возникло вследствие описки (может быть, умышленной) при переделках и переписках синодика.⁶⁷ Могут быть пред-

⁶⁵ Так, в непосредственной близости от церкви Филиппа находились церкви Павлова и Воскресенского монастырей, а также Знамения, Успения и Спаса на Ильине (см. план Новгорода до перепланировки в XVIII в., приложенный к работе: Н. Н. Муравьев. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828, а также: В. С. Передольский. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898, стр. 117—121). По летописным данным, к 1347 г. все эти церкви уже существовали (см.: Д. Прозоровский. Новгород и Псков по летописям, с дополнениями по другим источникам. СПб., 1887, стр. 105, 112, 132, 147, 151).

⁶⁶ Макарий. Археологическое описание. . . , ч. I, стр. 381.

⁶⁷ Ср. перечень строителей церкви Вознесения в приведенном выше (стр. 258—259, прим. 52) отрывке из ее синодика, где все 12 строителей церкви подразумеваются тысяцкими (или даже посадниками). В летописях тысяцким назван основатель церкви Миронег (вероятно, христианское имя его было Михаил, под каковым он, очевидно, и открывает перечень строителей церкви в ее синодике).

ложены и другие объяснения некоторым из рассмотренных только что дел, но одно несомненно — имя Родислава Даниловича могло оказаться в НЗЛ под 1383 г. только в результате использования синодика церкви Филиппа.

Думаем, что произведенные сопоставления позволяют считать доказанным использование синодиков (по крайней мере синодика церкви Филиппа) составителем НЗЛ краткой редакции. Источники этого типа, как будет показано ниже, привлекались, по-видимому, и в Забелинском новгородском своде.

Новгородские синодики содержали записи о различного рода вкладах, вносившихся на условия вечного поминовения вкладчика в данной церкви. Известно, например, несколько записей подобного рода в Софийском синодике XVI в.⁶⁸ Синодик 1552—1560 гг. новгородской церкви Бориса и Глеба содержал такую же поминальную запись, по своей форме похожую (так же как и записи Софийского синодика) на летописное известие.⁶⁹ Вероятно, и в рассмотренном выше синодике церкви Филиппа записи о постройке этой церкви сопровождались первоначально упоминаниями об обязательном поминовении каждого строителя, которые оказались затем опущенными в результате введения этих записей воедино при позднейших переработках синодика.

В окончательной редакции Забелинского свода известие 1423 г. о постройке церкви Вознесенья в Павлове монастыре отчетливо выделяется среди всех других известий этого типа (как самого Забелинского свода, так и других новгородских летописей) упоминанием о передаче строениями сел в пользу сооруженной на их средства церкви «по своим душам и вечного ради поминовения родителей своих». Есть все основания предполагать, что этот текст восходит к синодичной записи. Ниже приводим его полностью. Для сравнения даны соответствующее известие первоначальной редакции того же свода⁷⁰ (повторяющее текст предшествующих новгородских летописей) и упомянутая выше вкладная запись Борисоглебского синодика 1552—1560 гг.

Первоначальная редакция
Забелинского свода

В лето 6931 совершены были в Великом Новгороде 3 церкви каменных: Воскресение Христово в Павлове монастыри и Воскресение Христово у Благовещения

Окончательная редакция
Забелинского свода *

В лето 6930 поставиша церковь камену Воскресение христово в Павлове монастыри на Павлове улицы в Великом Новегороде на Торговой стороне в Сла-

⁶⁸ Макарием в его заметке «В одном софийском (в Новгороде) синодике XVI века написано» (стр. 40) опубликованы три такие записи (1541, 1543 и 1548 гг.). Приводим первую из них: «Лета 7049 [1541], при Макарии архиепископе великаго Новгорода и Пскова, шила пелену Анна княжна Никитина Васильевича Оболенского, в дом святыя Софии неизреченныя премудрости божия, к ней же пелена и приложена бысть; а за то архиепископу Макарию или кто по нем иный архиепископ будет в Новеграде, велети поминати протопопу с братиею в сенанике и в литейном поминании в повседневном, до куда и храм святыя Софии неизреченныя премудрости божия стоит; а из сенаника и литейного из повседневнога поминания не выгладити княгини Анны».

⁶⁹ И. А. Шляпкина. Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви, стр. 8—9.

⁷⁰ Тексты обеих редакций Забелинского новгородского свода могут быть четко разграничены в архетипном списке его окончательной редакции: в первоначальную редакцию сделаны вставки на листах другой бумаги (иногда с изъятием листов первоначальной редакции), взятые из других источников (см. об этом в моей статье «Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв.», стр. 285—287). Рассматриваемое известие первоначальной редакции (оставшееся в данном случае и окончательной) оказалось рядом со вторым известием о построении той же церкви, взятым из другого источника, вклеенным на отдельном листе и относящемся уже к окончательной редакции свода.

в монастыре, Иоанна Милостиваго в Людине конце.⁷¹

Синодик церкви Бориса и Глеба

169 [1661] году, генваря в 18 день, дал старец Сергий, по приказу архимандрита Авраамия из нижнего домового патриарша Благовещенского монастыря по нем, архимандрите Авраамии, и по его родителех в вечной помянок два пролога печатные, печати московские, во вес год, да книга многосложных свиток печатная в полдествь.⁷²

Чрезвычайная скудость публикаций новгородских синодиков затрудняет сопоставление на более широком материале. Есть все основания полагать, что составители таких обширных исторических компиляций, какими являются новгородские летописные своды последней четверти XVII в., не ограничились использованием синодиков только двух упомянутых церквей. Составление этих сводов при дворе новгородских митрополитов обеспечивало возможность широкого привлечения материалов подобного рода. Можно предпологать, что уникальные известия этих сводов, связанные со строительством, ремонтом, возобновлением и т. п. новгородских церквей, представляющих собой ценнейшие памятники архитектуры, в значительной своей части почерпнуты из синодиков. Но уже сам факт использования синодиков в летописях XVII в., даже безотносительно к возможным масштабам этого использования (которые смогут быть в достаточной мере определены лишь в результате исследования по рукописям самих новгородских синодиков), может представить существенный интерес для истории летописания, поскольку на более ранних этапах его развития источники этого типа как в Новгороде, так и в других центрах летописной работы, по-видимому, не привлекались.⁷⁴

* *

*

Вопрос о связи новгородского летописания с памятниками эпиграфики в его общем виде до сих пор в науке не ставился. Имели место лишь отдельные наблюдения, касающиеся трех примеров такой связи. Макарий в своем обстоятельном обзоре памятников новгородской старины, по-видимому, первым отметил тождество надписи на иконе Николая Липенского монастыря с соответствующим текстом НЗЛ.⁷⁵ В последние годы М. К. Каргер зафиксировал сходство известия этой же летописи о постройке Георгиевского собора в Юрьеве монастыре под Новгородом с опубликованным Н. М. Карамзиным текстом соответствующей надписи в этом монастыре⁷⁶ и высказал предположение о том, что «летописная запись восходит к этой надписи». Сравнивая известие НЗЛ под 1378 г. о росписи Новгородской церкви Спаса на Ильине Феофаном Греком со сходной по своему типу надписью в церкви Спаса на Ковалеве и с фрагментом другой надписи в той же церкви, М. К. Каргер делает вывод, что известие 1378 г. является копией аналогичной надписи, существовавшей, по пред-

⁷¹ ГИМ, Забел. 261, л. 333 об.

⁷² И. А. Шляпкин. Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви, стр. 8—9.

⁷³ ГИМ, Забел. 261, л. 334.

⁷⁴ В этой связи интересно отметить, что использование синодика имело место и в сибирском летописании XVII в., возникшем тогда под руководством архиепископа Киприана, бывшего впоследствии новгородским митрополитом (см.: Д. С. Лихачев. Русские летописи... стр. 394).

⁷⁵ Макарий. Археологическое описание... ч. II, стр. 78, прим. 151.

⁷⁶ Точное местоположение самой надписи Н. М. Карамзин не указывает. В последнее время обнаружить ее не удалось.

положению автора, в церкви Спаса на Ильине, но впоследствии утраченной.⁷⁷

Чрезвычайный интерес подобных явлений с точки зрения истории летописания очевиден, тем более что в летописях, не принадлежащих Новгороду (как в новгородских летописях до XVII в.), таких совпадений до сих пор не обнаружено. Среди новгородских летописей они были зафиксированы, как мы видели, лишь в НЗЛ (точнее, только в краткой ее редакции). Привлечение всей совокупности известных в настоящее время летописных памятников Новгорода XVII в. и более полное использование данных эпиграфики позволяют значительно расширить круг сопоставлений и сделать некоторые общие выводы.

Само по себе то обстоятельство, что в новгородские летописи XVII в. включались тексты эпиграфического происхождения, не может вызывать сомнений — об этом свидетельствуют приводимые ниже тексты.

В пространной редакции НЗЛ читаем: «Список с прежняго Чернаго креста, последи яже проименовася Чудный крест. Лета 7111 году, ноября в 1 день, на память святых чудотворец и безсребряник Козмы и Домияна, поновлен бысть сии крест, именуется Черный, при державе царя государя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руссии и при митрополите Варламе новгородцком, повелением новгородцких старост и всех посадских людеи, на поклонение всем православным христианом».⁷⁸ Первая фраза приведенного известия, как и слова «сии крест», доказывает с несомненностью эпиграфическое происхождение отрывка. Аналогичных текстов можно указать несколько, однако прямые ссылки на заимствование надписи (как в приведенном примере) в большинстве случаев отсутствуют. В Уваровском новгородском своде имеется следующее известие: «Водружен бысть крест сии, церкви светаго всехваланаго апостола Филиппа, лета 7035 году, месяца сентября в 16 день, на память светых праведных богоотец Иоакима и Аанны, светаго мученика Севирияна, при благоверном великом князе Василии Ивановиче всея Русии, при архиепископе Великаго Новаграда и Пскова владыки Макарии».⁷⁹ Самый тип текста, характерный для памятников эпиграфики (в особенности же слова «крест сии») выдает его происхождение достаточно ясно. Подобные тексты в летописях именно своим «эпиграфическим» типом обычно резко выделяются среди «собственно летописных» известий: даже аналогичные по своему содержанию летописные известия, взятые не из надписей, имеют совершенно иной вид; например, в пространной редакции НЗЛ: «В лето 7131 изображен крест и на нем написано распятие господне».⁸⁰

Эпиграфические источники некоторых летописных известий могут быть точно определены. Один из них — надпись на так называемом «Чудном кресте»⁸¹ в Новгороде, многократно публиковавшаяся.⁸² Текст ее включен в пространную редакцию НЗЛ.

⁷⁷ М. К. Каргер. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феодана Грека в Новгороде. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 563—566. Сами надписи Ковалевской церкви погибли при разрушении ее огнем фашистской артиллерии в 1941 г. Одна из этих надписей была опубликована ранее, вторая (фрагмент) приводится автором в указанной статье.

⁷⁸ ГБЛ, ОИДР. 127, лл. 424 об., 425.

⁷⁹ ГИМ, Увар. 568, л. 416.

⁸⁰ ГБЛ, ОИДР. 127, л. 392.

⁸¹ «Чудным» этот крест стал называться, по-видимому, после того, как он был установлен на месте прежнего «Чудного» (он же «Черный») креста, текст надписи с которого приводился выше. Об этой замене сообщается в НЗЛ (ГБЛ, ОИДР. 127, л. 424 об.) вслед за приводимой ниже надписью.

⁸² См., например: А. Глаголев. Извлечение из краткого обозрения древних русских изданий и других отечественных памятников. — Журнал Министерства внутренних

Надпись на кресте

В лето 7056, сентября, при царе и государе великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при архиепископе Феодосие Великого Новаграда и Пскова поставлен бысть крест сей повелением раба божия Петра Невежина на мосту.⁸⁴

Пространная редакция НЗЛ

Список с подножия креста резного. В лета 7056 году, ноября в . . .⁸⁵ день, при цари государи и великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при архиепископе Феодосии Великого Новаграда и Пскова. А поставил сии крест на поклонение всем православным христианом Петр Невежа Шалимов.⁸⁵

Текстуальные отличия (в частности, «сентября» вместо «ноября») опубликованной Макарием в XIX в. надписи от ее летописной копии XVII в. вполне естественны, так как надпись, несомненно, подвергалась обновлению, вероятно многократному.⁸⁶

Другим примером может служить уже упоминавшаяся надпись на иконе Николы Липенского монастыря, перенесенная в краткую редакцию НЗЛ.

Надпись на иконе

В лето 6802, при князя Андреи Александровиче и при архиепископе Клименте, и при посаднице Андреи Климовичи, написана бысть икона сия, повелением и стяжением раба божия Николы Васильевичь, святому Николе в честь и славу от века и до века. А писал грешный Александр Петров сын. Да в лето 7064, при державе царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца и при архиепископе Пимине Великого Новаграда и Пскова, повелением и стяжением никольского игумена Антония, обновлен бысть си образ святого Николы чудотворца Липенского монастыря.⁸⁷

Краткая редакция НЗЛ

В лето 6802, при князи Андрее Александровиче и при архиепископе Клименте Великого Новаграда и Пскова, и при посаднице Андреи Климонтовиче, написана бысть икона чудотворца Николая в Липенской монастырь, повелением и стяжением раба божия Николы Васильевича, в честь и славу Николаю великому чудотворцу. И в лето 7064, при державе великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца и при архиепископе Пимине Великого Новаграда и Пскова, повелением и стяжением Никольского игумена Антония, поновлен бысть сей образ великого чудотворца Николы Липенского монастыря.⁸⁸

Незначительные различия между этими текстами являются, по всей вероятности, плодом творчества летописца, опустившего указание имени живописца и слово «сия» (последнее, очевидно, для уменьшения «эпиграфичности» вводимого им в летопись текста) и внесшего несколько несущественных фразеологических изменений.

дел, 1839, кн. 6, стр. 282; Макарий. 1) Древние кресты в Новгороде. — Известия имп. Археологического общества, т. II. СПб., 1859, в. 2, стлб. 86; 2) Археологическое описание. . . , ч. II, стр. 126; М. Толстой. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862, стр. 79; П. Тихомиров. Сказание о новгородской чудотворной иконе Знамения божией матери. Новгород, 1872, стр. 129; Н. Богословский. Чудный крест в Новгороде. — Древняя и новая Россия, 1875, т. III, стр. 389; Г. Краснянский. Сказания о Чудном кресте. Новгород, 1876, стр. 3.

⁸³ Число не указано.

⁸⁴ Макарий. Археологическое описание. . . , ч. II, стр. 126.

⁸⁵ ГБА, ОИДР, 127, л. 424 об.

⁸⁶ О малокавалифицированном обновлении этой надписи уже во второй половине XIX в. свидетельствует то обстоятельство, что текст ее, опубликованный Н. Н. Богословским спустя 15 лет после публикации Макария, содержал после цифры года слова «а рождения Христова 1576» (ошибка, должно быть 1547), которых ранее, по-видимому, не было (во всех других публикациях они отсутствуют). Не должно нас смущать и то, что надпись была вырезана, а не написана красками на подножии креста, составляющем одно целое с верхним резным слоем дерева самого креста. Макарий указывает, что надпись обновлялась, по-видимому, одновременно со всей резной частью креста (наложенной сверху на более толстый крест из другого дерева). В подтверждение он сообщает, что подобного же рода крест в монастыре Саввы Вишерского неоднократно возобновлялся, причем в 1791 г. «обложен весь другим крестом с резными изображениями и надписями» (Макарий. Древние кресты в Новгороде, стр. 86—87).

⁸⁷ Новгородский историко-художественный музей, инв. № 7578. Неточная публикация дана Макарием (Археологическое описание. . . , ч. II, стр. 78).

⁸⁸ Новгородские летописи, стр. 209—210.

Сопоставление опубликованной Н. М. Карамзиным надписи в Юрьеве монастыре с обеими редакциями НЗЛ (а не только со вторичной, краткой редакцией, как это было сделано М. К. Каргером) наглядно убеждает в том, что надпись была использована именно составителем краткой редакции для дополнения уже существовавшего в пространной редакции летописного известия.

Пространная редакция НЗЛ

В лето 6627 заложи князь Всеволод Олгович и игумен Кирияк в Великом Новгороде, от града в дале трех верст церковь каменную, в имя великомученика Георгия, и сотвориша монастырь велии, и братию собраша и всем удоволиша.⁸⁹

Надпись в Юрьеве монастыре

Лета 6627 заложил церковь каменну князь великий Мстислав св. Георгия в монастыре Юрьеве; а совершил ею великий князь Всеволод, сын Мстиславичь, Гавриил; а освятил ею в лето 6648, месяца июня, на память св. апостол Петра и Павла, при игумене Исаии; а зачата бысть при игумене Кирияке; а мастер делал Петр церковь о трех верхах.⁹⁰

Краткая редакция НЗЛ

В лето 6627 великий князь Всеволод Олгович заложил церковь каменную в Великом Новгороде, и игумен Кирияк, от града за три поприща, во имя святого великомученика Георгия, и сотвориша монастырь велии, и братию собраша; и соверши великий князь Всеволод Мстиславичь; и освятиша в лето 6648, июня в 29 день, на память святых апостол Петра и Павла; а мастер трудился Петр.⁹¹

Отметим, что явная ошибка пространной редакции, которая называет основателя собора Всеволодом Ольговичем (среди новгородских князей такого не было), осталась неисправленной и в большинстве списков краткой редакции (в некоторых из них она была исправлена неудачно).⁹² Текст надписи подтверждает высказанное еще А. Ратшиным предположение о том, что собор заложен Мстиславом Владимировичем, княжившим в Новгороде в 1119 г., и окончен лишь при его сыне;⁹³ иного мнения придерживались публикаторы НЗЛ: в обоих изданиях имя основателя Георгиевского собора произвольно исправлено на «Всеволод Мстиславичь»,⁹⁴ чего нет ни в одном списке летописи; хотя это «исправление» и оговорено издателями в примечаниях, оно привело к неправильному цитированию в ряде работ, в частности в упоминавшейся работе М. К. Каргера.⁹⁵ Составитель краткой редакции НЗЛ, очевидно, больше доверял своему летописному источнику, чем надписи, которую использовал только для дополнения, но не для исправления этого источника.⁹⁶ Явный анахронизм наблюдается в дате окончания и освящения постройки: Всеволод Мстиславичь умер еще в 1137 (6645) г., что не позволяет связывать эти события с его именем, если они действительно происходили в 1140 (6648) г. Возникновение этой ошибки было удовлетворительно объяснено еще автором «Истории российской иерархии», предположившим, что на месте $\overline{\text{SX}}\overline{\text{M}}\overline{\text{I}}$ (6648) чита-

⁸⁹ ГБЛ, ОИДР. 127, л. 131—131 об.

⁹⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1892, стр. 89, прим. 225.

⁹¹ Новгородские летописи, стр. 188—189.

⁹² Там же, стр. 188.

⁹³ А. Ратшин. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852, стр. 369—370.

⁹⁴ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 214; Новгородские летописи, стр. 188.

⁹⁵ М. К. Каргер. К вопросу об источниках... стр. 564.

⁹⁶ Только в одном списке — ГИМ, собр. Щукина, № 710 — имя основателя церкви верно исправлено на «Мстислав Владимирович» (см. л. 54(15) об.).

лось сначала $\overline{\text{S}}\overline{\text{X}}\overline{\text{L}}\overline{\text{I}}$ (6638).⁹⁷ Ошибка вкралась, вероятно, при одном из возобновлений самой надписи (но не при публикации ее Карамзиным, как предполагает М. К. Каргер,⁹⁸ так как в этом случае пришлось бы допустить, что составитель краткой редакции НЗЛ совершил ту же ошибку, что и Карамзин).

Приведенный материал дает достаточное основание полагать, что те известия новгородских летописей XVII в., которые по своему типу совершенно аналогичны памятникам новгородской эпиграфики (в более ранних летописях подобных аналогий нет), восходят именно к таким памятникам. Этот вывод можно распространить и на те летописные тексты, непосредственные эпиграфические источники которых неизвестны, если удастся подобрать одинаковые по типу и по времени (хотя и не тождественные по содержанию) тексты надписей. Одним из примеров может служить уже упоминавшееся известие НЗЛ о росписи церкви Спаса на Ильине Феофаном Греком. Пространная редакция этой летописи сохранила более первоначальный и более близкий по типу к надписи текст этого известия, чем тот, который читается в опубликованной краткой редакции НЗЛ и который был использован М. К. Каргером в его работе. Приводим это известие по обеим редакциям летописи параллельно с аналогичным по форме текстом надписи в церкви Рождества на поле, которая была расписана в том же году, что и церковь Спаса на Ильине.

Надпись в церкви Рождества	Пространная редакция НЗЛ	Краткая редакция НЗЛ
В лето 6886 потыписан бысть храм господа бога и спаса нашего Исуа Христа, а при князи великом Дмитрии Ивановиче и при вьсеосвященном архиепискупе новгородском Алексее, а повелением раба божья Офанаса Степановича и подружи его Марии, а съвршишио месяца августа. ⁹⁹	В лето 6886 подписана бысть церковь господа бога и спаса нашего Исуа Христа во имя боголепного Преображения, повелением благородного и боголюбиваго боярина Василия Даниловича, и со уличаны Ильины улицы; а подписал мастер греченин Феофан при великом княжении князя Дмитрия Ивановича и при архиепископе Алексее Новгородском и псковском. ¹⁰⁰	Того же лета подписаша церковь господа нашего Исуа Христа на Ильине улицы, повелением благороднаго и боголюбиваго боярина Василия Даниловича, и со уличаны Ильины улицы; а подписывал мастер гречанин Феофан при великом княжении князя Дмитрия Ивановича и при архиепископе Алексее Великаго Новаграда и Пскова. ¹⁰¹

Макарий сообщает о наличии в летописной части синодика церкви Филиппа текстов, списанных с принадлежащих церкви колоколов, отлитых в XVI и XVII вв.¹⁰² Текст древнейшей из этих надписей (1558 г.) сопровождается своего рода историческим комментарием: «И не бысть колокола большаго и никаково от создания церквей каменных св. Апостола Филиппа и великаго чудотворца Николы 175 лет, а было железное клепаю».¹⁰³ Копии надписей с новгородских колоколов (очевидно, сокращенные) с подобного же рода комментариями находим и в летописных сводах Новгорода послед-

⁹⁷ Амвросий. История российской иерархии, ч. VI. М., 1815, стр. 736.

⁹⁸ М. К. Каргер. К вопросу об источниках... стр. 566.

⁹⁹ Цитирую по статье М. К. Каргера, поскольку остальные публикации этой надписи, как сообщает исследователь, не вполне точны (М. К. Каргер. К вопросу об источниках, стр. 564—565). При передаче текста мной произведены некоторые упрощения орфографии в соответствии с правилами, принятыми в ТОДРА.

¹⁰⁰ ГБЛ, ОИДР. 127, л. 268.

¹⁰¹ Новгородские летописи, стр. 243; см. также примечание (*) на той же странице.

¹⁰² Макарий. Археологическое описание... ч. I, стр. 380—381.

¹⁰³ Там же, стр. 380, прим. 318.

ней четверти XVII в. Ниже приводим два таких известия, поместив для сравнения текст надписи на колоколе Софийского собора, перелитом в 1659 г.

Надпись на софийском колоколе 1659 г.

Божиею милостию и пречисты богородицы, и великих новгородских чудотворцов молитвами перелит бысть сии колокол в богоспасаемом Великом Новеграде, к соборной и апостольской церкви святых Софiei, еже есть премудрости божия, в лето 7168, месяада октября в 20 день, в царство благовернаго и христоролюбиваго великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и при его благоверной и христоролюбивой царице и великой княгине Марье Ильиничне, и при его великаго государя сыне благоверном царевице и великом князе Алексее Алексеевиче всея Великия и Малыя и Белья Росии, и при святейшем Никоне, патриархе Московском и всея Русии, повелением смиреннаго Макария, божиею милостию митрополита Великаго Новаграда и Великих Лук, Христу богу на вечную хвалу и славу, а любящим церковное собрание и молитву на многую душевную пользу. А перелит сии колокол софейскою домовою казною. Весом 1614 пуд. А лил софейской домовою мастер Ермола Васильев.¹⁰⁵

Забелинский свод под 1654 г.

Августа в 18 день перелить бысть великий колокол вновь разбитый, при державе великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии, повелением преосвященнаго Макария митрополита Великаго Новаграда и Великих Лук. А лит бысть в Великом Новеграде промеж трех церквей в Каменном городе против Похвалы богородицы и Настасии и подле Вход Иерусалима. А мастер был у того колокола псковитин Ермола Васильев сын, кузнец. А весом по смете тот колокол 1000 пудов, иже и донныи есть в Великом Новеграде у Софiei премудрости божии.¹⁰⁴

Пространная редакция НЗЛ под 1572 г.

Того же лета, октября в 1 день, всеильнаго бога и спаса нашего Иисуса Христа и пречистые его матере пресвятых богородицы и приснодевы Марии на праздник честнаго и славнаго ея Покрова, повелением государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии самодержца, и при архиепископе Великаго Новагорода и Пскова владыце Пимине, слит бысть колокол великий к Премудрости божии, без ушей, а мастер Иван Офонасьев.¹⁰⁶

Известие Забелинского новгородского свода и текст надписи сообщают с перелитии двух колоколов Софийского собора одним и тем же мастером в 1654 и 1659 гг. Как показывает сравнение с надписью 1659 г., летописный текст передает соответствующую ему надпись не только с комментариями, но, очевидно, и с сокращениями. Сходно по своему типу и более раннее известие НЗЛ. Характерная форма обоих летописных текстов выдает их эпиграфическое происхождение — другие известия этих же летописей, также сообщающие о слитии колоколов, имеют совершенно иной вид: «Слит колокол на Усекновению главы Иоанна Предтечи по конец Чюдинцовы улицы повелением прихожан под кров святаго Иоанна» (Забелинский свод под 1512 г.),¹⁰⁷ «Того же лета слит бысть колокол к Спасу на Хутыню, благовестник большой, а в нем 200 пудов, повелением Павла и Мирона Тимофеевых детей Хлопова, а делал мастер псковитин» (пространная редакция НЗЛ под 1599 г.¹⁰⁸).

¹⁰⁴ ГИМ, Забел. 261, л. 637.

¹⁰⁵ Публикации этой надписи имеют значительные неточности (см., например: П. Соловьев. Описание новгородского Софийского собора. СПб., 1858, стр. 14—15; Макарий. Археологическое описание... ч. II, стр. 287—288). Я пользуюсь текстом, любезно предоставленным мне Н. Г. Порфиридовым, специально изучавшим надписи на новгородских колоколах.

¹⁰⁶ ГБА, ОИДР. 127, л. 427.

¹⁰⁷ ГИМ, Забел. 261, л. 412.

¹⁰⁸ ГБА, ОИДР. 127, л. 430 об. Для сравнения приводим текст надписи на этом колоколе: «Лета 7107, месяада июня в 1 день, слет бысть колокол ко всемилостивому

Каким путем тексты надписей попали в поздние летописные своды? Можно допустить, что составители этих сводов ходили по церквам и монастырям, списывали наиболее интересные надписи исторического содержания со стен, крестов, икон и т. п. и затем включали их в свои летописи. в одних случаях для дополнения сведений летописных источников, в других — в качестве самостоятельных известий. Более полное исследование этого вопроса даст, вероятно, материал, для того чтобы обоснованно принять или отвергнуть такое предположение. Следует, однако, учитывать, что эпиграфические тексты могли проникнуть в летописи иными путями. Списки с надписей встречаются в рукописях XVII—XVIII вв. и не в составе летописей. Так, в сборнике XVII в. БАН, Д. 257 (лл. 100 об.—108) читается пространный отрывок богословского содержания, списанный, как это видно из его заглавия, с иконы в новгородской церкви Похвалы. В сборнике ГПБ, Соловецкого собр., № 989/879 (лл. 105—112) почерком XVIII в. приведены надписи с нескольких крестов и колоколов Соловецкого монастыря и текст записи в евангелии (о его переписке в 1551 г.). В некоторых случаях текст надписей оказывается рядом с записями «инвентаризационного» характера: в рукописи XVIII в. ГПБ, Q.XVII.9 (л. 167—167 об.) тщательно переписаны тексты, вырезанные на царском месте Успенского собора в Кремле (с точным указанием местонахождения каждой надписи),¹⁰⁹ после чего сразу же помещены результаты обмера этого собора (л. 167—167 об.). В сборнике XVIII в. ГПБ, F. IV. 234 (л. 232 об.) приведены тексты надписей, находившихся на Спасских воротах московского Кремля (о построении кремлевских стен в 1493 г. и об устройстве стрельницы в 1491 г.), после чего, на этой же странице, помещена опись церковной утвари, хранящейся в ризнице Успенского собора. Таким образом, видим, что в одних случаях копировались надписи неисторического содержания, а в других случаях окружение копий позволяет полагать, что снятие их преследовало деловые, а не историографические цели. Можно думать, что с надписи снимался на бумагу «список» перед тем как здание или предмет, на котором она была нанесена, подвергались ремонту или обновлению, с тем чтобы затем можно было возобновить и надпись (несомненно, что такие возобновления древних надписей практиковались; см. стр. 265, прим. 86).¹¹⁰ Такое предположение позволяет легко объяснить и наличие копии с надписей богословского содержания, и соседство подобных копий с результатами обмера храма и описью ризницы. Однако весьма возможно, что переписка надписей преследовала и чисто «инвентаризационные» цели. В пользу этого говорит существование копий надписей с колоколов, в частности упоминаемые Макарием «росписи колоколам с надписями, взятым 1618 года с государева Пушечного двора в Вя-

Спасу и преподобному Варлааму чудотворцу на Футьню, при благоверном государе царе и великом князе Борисе Федоровиче всея Руси самодержце и при святейшем патриарсе Иеве Московском и всея Руси, и при преосвященном митрополите Варламе Великого Новаграда и Великих Лук. Дал ко всемилостивому Спасу и к преподобному Варлааму чудотворцу на Футьню Тимофей Андреевич Хлопов, во иноцех Тихон, по себе да по своей семье Варсанофий и по своих родителей денег двести рублей, да его дети Павел да Мирон дали денег двести рублей; и на ту их всю дачу, на четыреста рублей, слит колокол в двести пудов, при игумени Аркади и при келари старце Варламе, и при казначей священники Варлааме, и при всея же о Христе и братии Футьны монастыря. Дела колокол пскович Василю Иванов, да Офонас Панкратьев, да Иаким Иванов. Богу свершителю, аминь» (этот текст также предоставлен мне Н. Г. Порфиридовым; неточную публикацию см. в работе: Макарий. Археологическое описание. . . , ч. II, стр. 283—284).

¹⁰⁹ Копии этих надписей см. также в сборнике XVIII в.: ЛОИИ, собр. Воронцовых, № 649, лл. 450—452.

¹¹⁰ Об обновлении настенной надписи см. также: Макарий. Археологическое описание. . . , ч. I, стр. 441, прим. 100.

жицкий монастырь»: ¹¹¹ надписи на колоколах списывались не для повторного воспроизведения, так как при перелитии колоколов старая надпись не возобновлялась (пример см. выше, на стр. 268). С другой стороны, не исключено, что в некоторых случаях в летописи отражалась не собственно копия с уже отлитой надписи, а предварительно составленный (еще до отливки колокола) текст ее, который мог сохраняться в архиве церкви, для которой отливался колокол (например, в архиве Софийского собора, для которого были отлиты колокола в 1572 и 1654 гг.). Некоторые из таких текстов могли попасть в летописные своды, как мы видели, через посредство церковных синодиков (см. стр. 267).¹¹²

Интересный пример, указывающий на один из возможных путей проникновения эпиграфических текстов в летопись, дает рукопись ГПБ, Q.IV.78, содержащая один из списков НЗЛ краткой редакции. После окончания летописного текста в этой рукописи помещена подборка разнообразных текстов, связанных с культом Варлаама Хутынского. Здесь точная дата смерти Варлаама, сведения об осмотре его мощей архиепископом Евфимием II и посещении Хутынского монастыря Иваном IV (сопровожденные подсчетом числа лет, прошедших до составления подборки в 1722 г.); далее идут тексты трех надписей: на шапке, пожалованной монастырю Василием III, на раке, устроенной при Михаиле Федоровиче, с перечислением имен мастеров (обе надписи — также с хронологическими выкладками составителя в конце) и, наконец, текст надписи на шитой пелене, пожалованной царевичем Федором Ивановичем в 1580 г. Сопоставление этого текста с подлинной надписью на пелене (хранящейся ныне в Новгородском музее) показывает почти полное их тождество.

Надпись на пелене

Лета 4038-го, марта [в]¹¹³ 20 день, при государи цари и великом князе Иване Васпльевичи всея Русии и при его детях, при царевиче князе Иване Ивановичи, и при его царице княгине Феодосие, и при царевиче князе Феодоре Ивановиче, и при его царице княгине Ирине, сии покров шит бысть на преподобнаго Варлаама Хутынского чудотворца, а повелением царевича князя Феодора Ивановича и его царицы княгини Ирины.¹¹⁴

Рукопись

Лета 7038, марта в 20 день, при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всея России и при его детях, при царевиче князе Иване Ивановиче, и при его царице княгине Феодосии, и при царевиче князе Феодоре Ивановиче, и при его царице княгини Ирины, сии покров шит бысть на преподобнаго Варлаама Хутынского чудотворца, повелением царевича князя Феодора Ивановича и при его царице Ирине.¹¹⁵

Каждый из перечисленных текстов (в том числе и все три надписи) начинается с цифры года и внешне имеет вид летописного известия (эпиграфическое происхождение трех последних текстов выдают лишь слова «сию шапку», «сия святая рака», «сии покров»). Это сходство еще более

¹¹¹ Макарий. Обзорение древних рукописей и книг церковных в Новгороде и его окрестностях. — ЧОИДР, 1861, кн. 2, отдел III, стр. 23.

¹¹² Попутно отметим, что синодичные вкладные записи по своему типу очень близки к надписям — это видно при сопоставлении последних с приведенными выше (стр. 262—263) записями Софийского и Борисоглебского новгородских синодиков. Поэтому практически при определении происхождения отдельных летописных известий часто трудно бывает решить, что лежит в основе данного текста — надпись или синодичная запись (так, приведенное на стр. 262—263 известие Забелинского новгородского свода о построении церкви Вознесения в Павлове монастыре может быть возведено не только к синодичной записи, но частично и к надписи). Не исключено, что сами вкладные синодичные записи возникали параллельно с тождественными по своему содержанию надписями или даже повторяли текст этих последних.

¹¹³ Вязь в этом месте неразборчива; «въ» прочтено предположительно.

¹¹⁴ Новгородский историко-художественный музей, гнев. № 1620.

¹¹⁵ ГПБ, Q. IV. 78, л. 166 об.; см. также: Новгородские летописи, стр. 390.

усиливается хронологическими выкладками, обычными в тексте летописных известий новгородских летописей XVII в., особенно НЗЛ. Помещение этой подборки вслед за летописным сводом позволяет думать, что составитель сборника рассматривал ее как дополнение к летописи. Перед нами, таким образом, своеобразная «заготовка», которую остается только «разнести» по соответствующим годам летописного текста.

Публикуемые в настоящем томе летописец церкви Дмитрия Солунского (см. стр. 367—368) и отрывок летописца церкви Двенадцати апостолов (см. стр. 370), которые содержат среди своих известий несомненные тексты надписей,¹¹⁶ показывают, что привлечение эпиграфических текстов не было в Новгороде особенностью одних только летописных сводов. Следовательно, эти тексты могли попадать в своды и через используемые их составителями летописцы отдельных новгородских церквей и монастырей.¹¹⁷

С точки зрения истории летописания особенный интерес представляет то обстоятельство, что надписи могли служить источником не только сравнительно однообразных по своему типу известий о постройке или росписи церквей, написании икон, отлитии колоколов и т. п. Тексты надписей порой содержали исторические сведения, имевшие лишь косвенное отношение к тем предметам, на которых эти надписи были нанесены. Иногда такие эпиграфические тексты приобретали характер небольших исторических повествований. Таковы, например, надписи на окладе принадлежавшей Н. П. Кондакову иконы Преображения — 1687 г.¹¹⁸ (с данными о древнейшей истории Мещеры),¹¹⁹ на доске под иконой Коневской богородицы — 1610—1700 гг. (история Коневского монастыря и др.),¹²⁰ в клейме на иконе апостолов Петра и Павла Петропавловской церкви в Новгороде — 1700—1703 гг. (сведения о пожаре Торговой стороны, обвале в церкви и т. п.).¹²¹

Одна из такого рода надписей, уникальная по составу своих известий, оказалась целиком включенной в состав Погодинского летописного свода. Надпись помещалась в Зверине монастыре, на доске, и была впервые опубликована Амвросием в 1812 г.¹²² Сопоставим оба текста.

Надпись

В лето 6975 бысть мор в Великом Новеграде и во Пскове Симеоновской, от смертоносныя язвы желвы, и в Старой Русе, и в Новой, и во всех пятинах

Летописный текст

Симеоновский мор в Новеграде. В лето 6975 бысть мор велик зело в Великом Новеграде, во Пскове, в Старой Русе и во всех пятинах Новгородских.

¹¹⁶ О составе летописцев см. на стр. 375—377 настоящего тома.

¹¹⁷ Об использовании этих летописцев см. ниже, на стр. 274—278.

¹¹⁸ Гос. Русский музей, ДР/Ж 951, 31.5 × 27.4 × 3.1 см.

¹¹⁹ «В лето 6706-е [ошибка; очевидно, 6806] князь Ширинской Мещерской Бахмет Усеинович пришел из Болшие Орды на Мещеру со своими многими силами и воевал и засел ее. И родился ему сын Беклемиш и познал истинную святую христианскую веру и крестился со многими своими силами, а во крещении нарек князь Михаил. И во Андрееве городе поставил храм Преображения господня и праздновал. На последок роду своему повеле праздновати. Во 195-м году, будучи в Крымском походе, столник князь Евфим Мещерской преждереченному последовал, обещался сеи образ украсить, моления ради впредь на память роду своему» (указанием этой надписи я обязан Э. С. Смирновой).

¹²⁰ Часть текста надписи приведена Макарием (Археологическое описание... , ч. II, стр. 91—92).

¹²¹ Текст опубликован Макарием (Археологическое описание... , ч. II, стр. 92—93).

¹²² См.: Амвросий. История российской иерархии, ч. IV. М., 1812, стр. 151—153. Что это была за доска, Амвросий не объясняет. Позднейшая публикация сообщает, что эта надпись находилась «на летописной доске» (см.: Ведомость, сколько находилось в Великом Новеграде и уезде его монастырей, ныне существующих и упраздненных, и сколько в оных святых мощей угодников божиих, стр. 7. — Новгородский сборник, в. IV. Новгород, 1865).

в Новгородской области. В Неревском конце за городом в Зверинском монастыре, близ Покрова пресв. богородицы, бысть скудельня велія. Божиим поупущением грех ради наших, преставилося в Великом Новеграде от смертоносныя язвы 48412 человек и бог весть; а в монастырех мужских игуменов и братии, а в девичьих игумений и старца и христиан 7652 человека. А в Старой Русе преставилося от смертоносныя язвы священников 28 человек, а в монастырех преставилося чернецов 1300 человек. А в Новеграде в монастырех игуменов не стало 18 человек, а на посаде по градским церквам не стало попов 300, а диаконов 21, а которые овдовели и стриглися — 19 попов, а диаконов 6. А всего по обыскным спискам в Великом Новеграде попов и диаконов, игуменов и старцев, и посадников, игумений и старца, и христиан, а в Старой Русе и во всех пятинах Новгородской области преставилося многое множество людей от смертоносныя язвы 250 тысящ и 652 человека.

И бысть в то поветрие архиепископ Иона великаго Новаграда в скорби велицей, и в сетовании от смертоносныя язвы, и молящеся богу и пречистой его матери о помощи божией и спасении града; и бысть во ужасе велице и слыша глас глаголюще сице: «Иди со кресты со вселенским собором в Неревской конец, за город, во Зверинец к Покрову пресв. богородице на скудельню — явися у той церкви на скудельни образ святаго и праведнаго Симеона богоприимца — и постави единым днем храм, народом же перестанет мор». И по сем видении архиепископ Иона востав поиде со всем вселенским собором, и с ним народ мног, и пришед архиепископ Иона пред икону святаго и праведнаго Симеона Богоприимца, и преклонь колена, молишту глаголя: «О великий угодниче христов святыи праведный Симеон богоприимце! Помолися о нас грешных к господу богу и пречистой его матери; ты еси упование наше и надежда, и заступник граду нашему, стена и покров и прибежище всем христианом, на тебе бо надеемся и тобою хвалимся мы грешнии, услыши наш плачь, людей сих, прими молитву раб своих, избави нас грешных от смертоносныя язвы и от всякаго зла. И нача пети молебен на скудельни. Поставиша церковь деревянную во имя святаго и праведнаго Симеона богоприимца единым днем; бревны людие принесе на своих рамах из леса, октомвриа в 1 день, на Покров пресвятыя богородицы. И свящает сам архиепископ Иона того же дня и литургию совершив. Аминь.¹²³

Преставися в Великом Новеграде от той смертоносныя язвы 48412 человек, еще же и бог весть что; а в монастырех игуменов и монахов, и в девичьих монастырех игумений и монахинь 7652 человека. А в Старой Русе преставися от той смертоносныя язвы священников 28, а в монастырех монахов 1300. В Нове же граде преставися игуменов и священников: игуменов 18 и во граде священников 300, диаконов 21, а которые священники овдовели и постригалися — 19, а диаконов 6. Всего же в Великом Новеграде и в Старой Русе, и во всех пятинах Новгородския области преставися от той смертоносныя язвы игуменов, попов, диаконов, монахов, монахинь и всех православных христиан мужеска пола и женска 250652 человека. Бысть же в Великом Новеграде, в Неревском конце, в Зверинском девиче монастыре, близ церкви Покрова богородицы скудельница велія.

Архиепископ же Великаго Новаграда и Пскова Иона бысть в велицей печали и молящеся богу, еже избавитися от той смертоносныя язвы, и бысть во ужасе и слышит глас глаголющ свыше сице: «Иди со кресты со всем освященным собором в Неревской конец, в Зверинской девичь монастырь, к Покрову богородице на скудельницу и постави церковь единым днем, и престанет мор». Тогда явися на скудельнице образ святаго и праведнаго Симеона Богоприимца. Архиепископ же Иона поиде со кресты, со всем освященным собором и со множеством народа, в Зверинской монастырь и, пришед пред икону святаго праведнаго Симеона Богоприимца, паде на колена своя, молящеся со слезами сице: «О великий угодниче христов святыи праведный Симеоне! Помолися о нас грешных господу богу нашему и пречистыя его матери, еже избавитися нам от смертоносныя сея язвы». И начат пети молебен на скудельнице. И того дне поставиша церковь древяну во имя святаго и праведнаго Симеона Богоприимца, на той скудельнице, единым днем; людие же носиша бревна на рамах своих из леса, октоврия в 1 день, на Покров Пресвятыя богородицы. И освяти ю сам архиепископ Иона и литургию соверши, и преста мор.¹²³

¹²³ ГПБ, собр. Погодина, № 1411, лл. 171 об.—172 об.

¹²⁴ Амвросий. История российской иерархии, ч. IV, стр. 151—153.

Несомненно, что сама надпись периодически обновлялась, при этом текст ее мог подвергаться порче.¹²⁵ Однако различий фактического характера между приведенной надписью и летописным текстом нет, кроме отсутствия в последнем слов «и в Новой» (Русе),¹²⁶ легко объяснимого механическим пропуском. Даже все цифры (которые особенно часто искажаются при переписке) в точности совпадают. Это заставляет полагать, что публикация Амвросия сохранила в общем почти неизменным то состояние текста надписи, которое имело место в конце XVII в., когда был составлен Погодинский свод.¹²⁷

Это позволяет делать выводы о характере той стилистической обработки, которую произвел составитель свода при использовании текста надписи. Замечаем, что: слова «братии», «старцев», «стариц» везде заменены на «монахов» и «монахинь»; «попы» во всех случаях (кроме одного) заменены «священниками»; дважды ошибочно употребленный в надписи термин «вселенский собор» исправлен в обоих случаях на «освященный собор»; пространная молитва к Симеону, местами явно преувеличивавшая, с точки зрения официальных церковных представлений, значение святого («...на тебе бо надеемся...», «прими молитву раб своих», «избави нас... от всякого зла» и т. п.), заменена кратким и сдержанным обращением, содержащим лишь просьбу о ходатайстве святого перед всемогущим богом, который один только может дать избавление («помолися о нас грешных господу богу нашему... еже избавитися нам от смертоносныя сея язвы»); в самом конце добавлено назидательное «и престамор»; опущены могущие показаться излишними и не вполне понятными для читателя конца XVII в. уточнения «на посаде» и «по обыскным спискам»; изложению придана большая логическая последовательность: упоминание о скудельнице в Зверине монастыре помещено после перечисления жертв эпидемии, указание на появление в монастыре иконы Симеона уже не вклиниваются в текст пророчества а помещено вслед за ним в виде пояснения и т. п.

Таким образом, летописный текст носит явные следы вполне сознательной обработки в сторону большей официальности, понятности и логичности изложения. Это доказывает первичность надписи и вторичность летописного известия, так как обработка текста в обратном направлении (если бы надпись имела своим источником Погодинский свод) не может быть удовлетворительно объяснена, даже если учесть возможные искажения при возобновлении надписи («посад», «обыскные списки» и пространная молитва Симеону никак не могли явиться результатом искажений). Кроме того, само содержание текста надписи показывает, что он возник именно в Зверине монастыре.

Этот текст был, по-видимому, частично использован еще составителем пространной редакции НЗЛ, дополнившим, на основании главным образом легендарной его части, соответствующее известие Уваровского свода.

¹²⁵ Текст этой же надписи, изданный в Новгороде спустя столетия после публикации Амвросия, содержит уже значительные пропуски и искажения (см.: Ведомость, сколько находилось в Великом Новеграде и уезде его монастырей, ныне существующих и упраздненных, и сколько в оных святых мощей угодников божиих, стр. 7—8).

¹²⁶ Город Новая Руса находился на р. Шелони, что засвидетельствовано источниками XVI—XVIII вв. (см.: А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 119, прим. 6). Приведенная нами надпись показывает, что он существовал, очевидно, уже в XV в.

¹²⁷ О времени его составления см. в моей статье «Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв.» (стр. 294).

Уваровский свод

Того же лета бысть в Великом Новеграде и в Русе мор зело велик, умирали желвами; а умерло всех человек по переписанию везде 230602 человека. И в то время поставиша церковь во Зверинцах святого Симеона богоприимца заветную каменную и подписаша ее.¹²⁸

Пространная редакция НЗЛ

Того же лета бысть в Великом Новеграде и в Русе и по всем пятинам мор зело велик; умирали желвами; а умерло всех человек по переписем везде 230602 человека. И в то время в Великом Новеграде поставиша церковь во Зверинцах святого Симеона богоприимца заветную каменную и подписаша, при Ионе архиепископе Отинском по явлению и по гласу Ионы архиепископу бысть некое явление, повелевая ему сию церковь каменную воздвигнути от мору великаго святого праведнаго Симеона и Анны, и тако перестанет мор.¹²⁹

Все более ранние списки новгородских летописей дают об этих событиях лишь очень краткие заметки.¹³⁰

Займствование составителем Погодинского свода рассказа об эпидемии 1467 г. из надписи могло быть обнаружено только благодаря тому, что нам известен текст самой надписи. Никаких признаков, которые бы сами по себе указывали на эпиграфическое происхождение текста, в этом рассказе нет. Таких признаков могло, следовательно, не быть и во многих других надписях подобного рода. Иногда следы «эпиграфичности» текста, как мы видели, устранялись при включении его в летопись. Таким образом, определить сколько-нибудь точные масштабы использования в новгородских сводах XVII в. данных эпиграфии затруднительно. Приведенные примеры позволяют думать, что эти масштабы были достаточно велики.

* *
*

Использование составителями летописных сводов летописцев отдельных монастырей и церквей составляет характерную черту новгородского летописания начиная с XII в.¹³¹ Эта практика, свидетельствующая о ши-

¹²⁸ ГИМ, Увар. 568, л. 375 об.

¹²⁹ ГБЛ, ОИДР. 127, л. 366—366 об. Составитель НЗЛ, дополняя свой летописный источник на основании надписи, вероятно, или не заметил противоречия, заключающегося в том, что в Уваровском своде речь идет о постройке каменной церкви, а в надписи — деревянной, или просто не счел необходимым изменить летописный текст, зная, может быть, из другого источника, что каменная церковь была построена на месте деревянной уже в следующем году (об этом сообщают Строевский и Синодальный списки НЗЛ под тем же годом: ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 2, стр. 446). Отсутствие прямых текстуальных совпадений данного известия НЗЛ с надписью не дает достаточных оснований утверждать, что именно она явилась основой для дополнений — возможно, что легенда о видении архиепископу Ионе была использована и по другому источнику, до сих пор неизвестному (в повести об Ионе Новгородском этот эпизод отсутствует; см.: Памятники старинной русской литературы, в IV, СПб., 1862, стр. 34; ВМЧ, ноябрь, дни 1—12. СПб., 1897, стлб. 175—176).

¹³⁰ Самая подробная из них — в Строевском и Синодальном списках НЗЛ: «Бысть мор во Псковыи и в Новигороде и по волостем Новгородским; и поставиша церковь древяну святого Симеона Богоприимца в Зверинцах, на новом месте, единого дни, бревна из леса принесоша своими рамены людие, октября в 1, на Покров святых богородица, и свеща ю архиепископ Иона, того дня и литургию свершиша, а на другое лето поставиша церковь каменну на том же месте Симеона Богоприимца» (ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 2, стр. 446). В остальных случаях текст гораздо более краток (ср.: ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 2, стр. 456, 464, 498; в. 3, Л., 1929, стр. 609; Новгородские летописи, стр. 53).

¹³¹ См.: Д. С. Лихачев. 1) Новгородские летописные своды XII в. — ИЮЛЯ, т. III, 1944, в. 2—3, стр. 103—105; 2) Русские летописи. . . , стр. 212—215.

роте и «массовости» летописной работы в Новгороде (чего не встречаем в других центрах летописания) и продолжавшаяся на протяжении ряда веков,¹³² отразилась и в последних новгородских сводах XVII в. Широкое привлечение их составителями местных летописцев в ряде случаев может быть доказано сопоставлением параллельных текстов (что оказывается пока невозможным в отношении предшествующих столетий). Таким образом, если до сих пор речь шла о том новом, что появилось в новгородском летописании XVII в., то здесь, напротив, следует говорить о большой живучести тех традиций, которые составляют отличительную особенность новгородских сводов начиная с XII в.

Есть все основания полагать, что составитель пространной редакции НЗЛ использовал летописец новгородской церкви Двенадцати апостолов, по крайней мере ту его часть, которая мне известна и опубликована в настоящем томе. Сопоставим тождественные тексты обоих памятников.

Летописец церкви
Двенадцати апостолов

Лета 6738-го, мая во 2 день от сотворения мира, в пяток 4 недели по пасце трясея земля. Того лета возведоша Спиридона на владычество, и того лета убиша Семиона Борисовича. На ту же оренъ глад бысть велий: кацца ржи продавалась по 40, а овса по 7 гривен, и бысть зло: по улицам трупия пси ядаху, влачаша главы и руки, и наметаша скудельницу у Дванадесяти апостол святых 33000, а на весне конце Чудинцовой улицы, а другую за Рождеством; а в Смоленске 2 скудельницы 16000, а в третьей 4000, а в четвертой 9000 помечаша; все же зло бысть два лета; а в Новгород тое весны прибегоша немцы с житом и с мукою; и по ярославскаго князя послали на всей воли его.¹³⁴

НЗЛ

6738, мая в 3 день трясея земля и хлеб дорог, и глад велик: кадь ржи по 40 гривен, а овса по 5 гривен, и по улицам многия мертвыя лежаху, а пси влачаху главы и руки, и ноги; и наметаша скудельницу у Апостол 12 на Пруской 3030 человек, а по [иным]¹³³ улицам — бог вестъ; а на весну — конце Чудинцовы улицы, скудельню за Рождеством, а в Смоленске городе 32000 в четьрех скудельницах; а было зло 2 лета; а в Новъгород привозиша немцы жито и вской хлеб. Того же лета возведоша Спиридона на владычество, а преставися в лето 6757-е.¹³⁵

В НЗЛ текст сокращен сравнительно с летописцем церкви Двенадцати апостолов.¹³⁶ Следовательно, первоначальным является текст последнего, а не наоборот (в НЗЛ отсутствуют некоторые фактические данные, что исключает предположение о риторическом распрощении текста НЗЛ летописцем церкви Двенадцати апостолов). Отметим, что гипотеза о заимствовании этого текста составителем НЗЛ из летописца церкви Двенадцати апостолов была выдвинута еще И. Д. Беляевым,¹³⁷ который не располагал, однако, самим этим летописцем и строил свои предположения лишь на основании состава известей 1230 г. в НЗЛ.¹³⁸

¹³² См., например, указание на использование летописца Лисьегогорского монастыря, имеющееся в НЗЛ (Новгородские летописи, стр. 53).

¹³³ Это слово, очевидно пропущенное переписчиком списка ГБЛ, ОИДР. 127, восстанавливается на основании краткой редакции НЗЛ (см.: Новгородские летописи, стр. 203).

¹³⁴ См. стр. 370 настоящего тома.

¹³⁵ ГБЛ, ОИДР. 127, лл. 176 об.—177.

¹³⁶ Добавлен лишь год смерти архиепископа Спиридона. Самостоятельное известие об этом событии под соответствующим годом имеется во всех новгородских летописях, в том числе и в самой НЗЛ.

¹³⁷ И. Д. Беляев. О разных видах русских летописей. — ВОИДР, кн. 5, 1850, стр. 19.

¹³⁸ Менее вероятно возможное предположение о заимствовании этих известий не из летописца церкви Двенадцати апостолов, а из летописи Авраамки (см.: ПСРЛ,

Если в отношении НЗЛ приходится пока ограничиться одним приведенным сопоставлением, то иначе обстоит дело с Забелинским новгородским сводом. Не подлежит сомнению, что его составитель имел в своем распоряжении монастырские летописцы. Одним из них была летопись Михалицкого (Молотковского) монастыря в Новгороде. Уже одно то обстоятельство, что этому монастырю в своде уделено больше внимания, чем всем остальным новгородским монастырям, вместе взятым, указывает на источник с достаточной определенностью. Теперешнее местонахождение летописи Михалицкого монастыря неизвестно, однако о содержании ее можно судить по обширному выдержкам, опубликованным Р. Игнатьевым.¹³⁹ Наряду с общерусскими и «общеновгородскими» известиями этот памятник содержал тексты, непосредственно касающиеся монастыря — легенды о чудесах и др. Сравнение приводимых Р. Игнатьевым отрывков с известиями Забелинского свода обнаруживает их текстуальное сходство, а местами и тождество. Приведем один пример (1579 г.).

Молотковская летопись

Апреля в 16-й день, на страстной недели, в Великий четверг, тогда убо во святей вечери Христовы привезена бысть во сию Михалицкую обитель честнаго и преславнаго Рождества пресвятыя богородицы дева какая именем Варвара, дщи единого от больших людей новограцких, Игнатьева, осмь бо лет разслаблена суши, токмо поползновением по земле влечашеся. Люто бо болеша и та убо моление теплое принесе во святем храме Рождества пречистыя и преблагословенныя богородицы пред святым ея образом, и абие изцеление получи. И святаго тела и крове Христовы ту причастица бысть, стоящи сама о себе здравствующи, якоже николи болевша. И пребысть во обители до кончины своея и постригшася, а сродницы ея милостыню даваша.

От того бо лета оставися в среду святыя недели хождение со кресты и молебная правити перед образом тем чудотворным Рождества пресвятыя богородицы монастырским попом неотложно.¹⁴⁰

Забелинский свод

Апреля в 16 день, в Великом Новгороде, в Михалицком монастыре, что на Молоткове улицы, [в] Великий четверг, в соборной церкви у Рождества пресвятыя богородицы, у образа местного, простил девицу именем Варвару, Игнатьеву дочь, разслаблену ногами, не могла на ноги ставитися, токмо ползала по земли. И в том недуге одержима во 8 лет, и того дни в церкви божи востав на ноги своя, никим же держима, бе до скончания живота своего здрава бысть, и жила в том Михалицком монастыре до смерти своеи.

Уставивша того ради праздник праздновати на святой недели, в среду, рождеству пречистые богородицы и ходити со кресты со всего граду, того чудеси, во всякую среду с того времени, и пеща молебны по средам в том монастыре и до сего дне.¹⁴¹

Известие Забелинского свода оказывается несколько сокращенным и обработанным стилистически, местами оно распространено за счет риторических общих мест (не вносящих ничего нового с фактической стороны). Впрочем, эта обработка могла принадлежать и самому Михалицкому летописцу: тексты, опубликованные Р. Игнатьевым, читались в списке, кото-

т. XVI. СПб., 1889, стлб. 50), где они читаются в таком тексте (но без сокращений, которые есть в НЗЛ), или из ее источника — кратких извлечений из Новгородско-Софийского свода 30-х годов XV в. (см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 242—248). Первый из этих памятников — смоленского происхождения, а не новгородского, второй (реально не дошедший) относится, как и сама летопись Авраамки, еще к XV в. Думаем, что вернее видеть источник НЗЛ в новгородском летописце церкви Двенадцати апостолов, сохранившемся в списках первой и второй половины XVIII в.

¹³⁹ Р. Игнатьев. Церковь Рождества богородицы, что на Молоткове в Новгороде. — Новгородские губернские ведомости, 1849, № 33, 13 августа, часть неофициальная, стр. 149—153.

¹⁴⁰ Там же, стр. 151.

¹⁴¹ ГИМ, Забел. 261, л. 436.

рый, по заключению издателя, «бесспорно относится к концу XVII века»,¹⁴² между тем как Забелинский свод возник, по-видимому, не позднее 1681 г.,¹⁴³ что заставляет предполагать использование его составителем другого, более раннего списка Молотковской летописи, быть может, содержавшего иной ее вариант. Несомненно, однако, что именно эта летопись явилась источником Забелинского свода, а не наоборот: во-первых, в этом памятнике находим далеко не все ее известия (из числа опубликованных), в то время как все тексты Забелинского свода о Михалицком монастыре, отсутствующие в других, предшествующих Забелинскому своду новгородских летописях, есть в летописи этого монастыря; во-вторых, крайне трудно допустить, чтобы составитель общерусского новгородского свода мог уделить так много места внутренней жизни Михалицкого монастыря, не имея перед собой его летописи (во всех других известных летописях сведения об этом монастыре сравнительно с Забелинским сводом незначительны).

История Пскова освещалась в новгородских летописях в общем спорадически. В этом отношении не составляет исключения и крупнейшая из компиляций XV в. — Новгородская четвертая летопись. Иную картину видим в наиболее полном новгородском своде XVII в. — Забелинском. Уже во вводной его части находим статью «Списано о начале богоспасаемого града Пскова». С 1308 г. псковские известия идут систематически, вплоть до 1568 г. Среди многих десятков явно псковских по происхождению текстов — подробные иногда рассказы о столкновениях с Орденом и Литвой, устройстве городских укреплений, смене посадников и князей, сношениях с Новгородом и Москвой, пожарах, эпидемиях, строительстве церквей и других событиях внутренней и «внешнеполитической» жизни Пскова.

Всего этого нет в основном источнике Забелинского свода — пространной редакции НЗЛ. Использование составителем свода псковской летописи представляется несомненным. Принадлежность самой этой летописи также простирается довольно отчетливо. Под 1472 г. находим известие об основании псковского Печерского монастыря, после чего добрая половина всех псковских известий, касается связанных с этим монастырем событий, описанных, как правило, с чрезвычайной подробностью — тут и постройка в монастыре церквей и обнесение его каменной стеной, написание, установка и украшение икон в монастыре (с указанием даже на место погребения заказчика одной из икон), чудеса и т. п. Это позволяет полагать, что псковский источник Забелинского свода — летописец Псково-Печерского монастыря (использовавший, по-видимому, в своей начальной части, одну из более ранних псковских летописей).¹⁴⁴

В последнем летописном своде Новгорода — Погодинском — данные церковных летописцев привлекались если не при самом его составлении, то во всяком случае при последующей эволюции летописного текста (которая в Погодинском своде была особенно значительна) в XVIII в. В один из списков сокращенной редакции этого свода — БАН, 17.8.25 — на л. 257 об. включено Сказание об основании церкви Дмитрия Солунского в Новгороде Дмитрием Донским, которое читается также в составе публикуемого в на-

¹⁴² Р. Игнатъев. Церковь Рождества богородицы... стр. 149.

¹⁴³ См.: С. Н. Азбелев. Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв., стр. 286.

¹⁴⁴ Состав летописца (как он может быть восстановлен по данным Забелинского новгородского свода) нуждается в специальном исследовании. Очевидно, этот источник не был однороден, так как в псковских известиях свода имеются дублировки: о постройке церкви Георгия сообщается под 1370 и 1371 гг., о постройке церквей Власия и Петра и Павла — под 1372 и 1373 гг. Этот летописец не тождествен ни одной из псковских летописей, изданных А. Н. Насоновым (см.: Псковские летописи, в. I—II. М.—Л., 1941—1955).

стоящем томе летописца этой церкви.¹⁴⁵ Поскольку последний был известен Макарию в списке начала XVIII в.¹⁴⁶ (который содержал и это Сказание¹⁴⁷), а рукопись 17.8.25 относится к концу XVIII в., то есть все основания полагать, что включенный в нее текст Сказания восходит к летописцу церкви Дмитрия Солунского.

Легенда о приплытии иконы Николы, включенная в списки распространенного вида той же редакции Погодинского свода¹⁴⁸ (как и упоминавшиеся ранее реминисценции в НЗЛ)¹⁴⁹ указывают на несомненную связь с летописцем Николо-Дворищенского собора,¹⁵⁰ хотя в данном случае вопрос осложняется наличием в указанных списках дополнения в конце легенды, отсутствовавшего в этом летописце¹⁵¹ — возможно, что оба вида легенды восходят в общему архетипу.¹⁵²

* *
*

Одна из отличительных черт новгородских сводов XVII в. — систематическое привлечение их составителями агиографических источников для занесения преимущественно кратких заметок о смерти, рождении или перенесении мощей того или иного святого под соответствующим годом: «Того же лета перенесены быша мощи преподобнаго отца нашего Ефрема Перекопъскаго новгородскаго чудотворца, месяца мая в 16»;¹⁵³ «Того же лета преставися преподобный отец наш Никон, ученик преподобнаго Сергия Радонежскаго, иже в Маковице, месяца ноября в 17 день».¹⁵⁴

В Уваровском своде помещены отсутствующие в предшествующих летописях известия о рождении Василия Блаженного; о смерти Антония Печерского, Меркурия Смоленского, Стефана Пермского, Григория Пельменского, Евфимия Суздальского, Федора Ростовского, Саввы Звенигородского, Сергия Обнорского, Никона Маковицкого, Михаила Клопского, Саввы Вишерского, Савватия Соловецкого, Пафнутия Боровского, Зосимы Соловецкого, Ефросина Псковского, Никандра Пустынножителя, Александра Ошевенского, Кирилла Новоезерского, Александра Свирского, Корнилия Комельского, Антония Сийского, Василия Блаженного; об «обретении» мощей Сергия и Германа Валаамских, Леонтия и Исаии Ростовских; о перенесении мощей Иакова Боровицкого, новгородского епископа Никиты, Зосимы и Савватия Соловецких.

В пространной редакции НЗЛ все эти включения сохранены и добавлены новые: о смерти Исаии Ростовского, Сергия Радонежского (с ука-

¹⁴⁵ См. стр. 367—368 настоящего тома.

¹⁴⁶ См.: Макарий. Археологическое описание..., ч. I, стр. 311.

¹⁴⁷ См. там же, стр. 312.

¹⁴⁸ ГПБ, Ф. IV. 888 (вторая половина XVIII в.), лл. 38—40; Эрмитажное собр., № 444 (последняя четверть XVIII в.), лл. 38 об.—41.

¹⁴⁹ См. выше, стр. 255.

¹⁵⁰ См. стр. 368—369 настоящего тома.

¹⁵¹ См. стр. 365—366 настоящего тома.

¹⁵² Опубликованный на стр. 367—368 настоящего тома летописец церкви Дмитрия Солунского был, по сообщению Макария, в начале XVIII в. переписан и наклеен на доску, помещенную в этой церкви (см. стр. 365). Если подобная практика имела место и в предыдущем столетии, то не исключено, что в новгородских сводах XVII в. некоторые из известий, тождественных надписям, восходят не к самим этим надписям, а к тем летописцам, известия которых могли быть их оригиналами (ср. также данные о летописце церкви Никиты, переписанном на стене церковной паперти, по-видимому, уже в XIX в., см.: Макарий. Археологическое описание..., ч. I, стр. 390—392).

¹⁵³ ГБЛ, ОИДР. 127, л. 362 об.

¹⁵⁴ ГИМ, Увар. 568, л. 336.

занием продолжительности его жизни), Якова епископа Ростовского, Дмитрия Прилуцкого, Игнатия Вологодского, Кирилла Новоезерского (второй раз под тем же годом); о перенесении мощей Ефрема Перекомского.

В Забелинском новгородском своде встречаются и более обстоятельные известия, дающие иногда в сумме как бы «конспективное» изложение целого жития. Таковы, например, три последовательные заметки об Александре Свирском: под 1449 г. читаем: «Родися преподобный отець наш Александр Свирский, при архиепископе Евфимии новгородском, который соорудил монастырь на Вяжищах»;¹⁵⁵ далее, под 1485 г.: «О приходе в пустыню преподобнаго Александра. Преиде преподобный Александр со братиею в пустыню, иже и ныне где пречестная обитель стоит. О сем пространнее пишет в житии его»;¹⁵⁶ наконец, под 1509 г.: «Того же лета бысть пришествие святых Троицы преподобному отцу Александру Свирскому; и о извещении церкви святых Троицы по поставлении ея деревянная, иже и доныне стоит на том месте каменная; и о назнаменовании рукою ангеловою о церкви, при великом князе Василии Иоанновиче всеа Русии. И тогда бысть в Великом Новеграде архиепископ Серапион бысть сведен в Сергиев монастырь в подначал, в государеве князя великого опале».¹⁵⁷

Несколько большей подробностью отличается текст об Иякове Боровицком, разбитый на две части другими известиями того же (1544) года: «О явлении и о перенесении мощей Иякова Боровицкаго, новгородскаго чудотворца. В пределах области Великого Новеграда в веси в Боровичах, на реке на Мсте, в пороге, на светлыя недели во вторник, явися гроб огорелый, а в нем тело нетленно суть мертвого. И ту живущии людие тот гроб в тринакон отвозиша вниз по реке Мсте, за поприще и больши. Он же против быстрин речных являшеся на том же месте в пороге».¹⁵⁸ ... В лето 7052. О том же Иякове Боровицком. В то же время, яко взяша мощи святаго Иякова Боровицкого на брег, и в том месте поставиша часовню, сииречь мольбище. И потом поставиша тут новую церковь Сшествия святаго духа и принесоша мощи его в новосозданную церковь. И бысть от мощей святаго многа и различна чудеса приходящим, в недужех своих целбы многи получаху, дондеже бысть в том месте до лета 7161 году, како нача строити Иверский монастырь на Святеи езере, а преж бысть Волдай».¹⁵⁹

Самый подбор имен показывает, что летописец, как этого, впрочем, и следовало ожидать, отдаст явное предпочтение святым, почитаемым в новгородской земле. Последние представлены настолько полно, что не вызывает сомнений факт сознательного насыщения летописного текста обдуманно отобранным материалом.

Источником подобного рода летописных записей могли быть прежде всего сами жития. Намек на это можно усмотреть в одной из фраз приведенного текста об Александре Свирском («О сем пространнее пишет в житии его»).

Составители сводов могли обращаться и к Прологу. В пространной редакции НЗЛ известие о смерти Кирилла Новоезерского снабжено добавлением: «в Прологи пророчество его о Русской земли».¹⁶⁰

Однако наиболее вероятно использование уже готовых подборок сильно сокращенных житий русских святых, преимущественно новгородских. Такие подборки довольно часто попадают в рукописных сборниках нов-

¹⁵⁵ ГИМ, Забел. 261, л. 361.

¹⁵⁶ ГИМ, Забел. 261, л. 398.

¹⁵⁷ ГИМ, Забел. 261, л. 411 об.

¹⁵⁸ ГИМ, Забел. 261, л. 422 об.

¹⁵⁹ ГИМ, Забел. 261, л. 424 об.

¹⁶⁰ ГПБ, ОИДР. 127, л. 411 об.

городского происхождения XVII—XVIII вв.¹⁶¹ При этом сами жития бывают настолько сокращены, что состоят всего из нескольких фраз, содержащих лишь самые основные сведения из биографии святого. Иногда эти сведения даются в виде хронологии основных событий его жизни.¹⁶² Материал такого рода (всегда, вероятно, находившийся под руками в митрополичьей канцелярии) был наиболее удобен, так как давал в готовом виде нужные летописцу сведения и именно о тех святых, данные о которых оказались включенными в новгородские летописные своды XVII в.

* *
*

Видим, что типы источников, систематически привлекаемых составителями новгородских сводов XVII в., значительно более разнообразны, чем в предшествующее время. Добавим, что в наиболее обширном Забелинском своде, помимо рассмотренных, использованы, как это установлено еще Л. В. Черепниным, следующие источники: Синописис,¹⁶³ Сказание об Иверском монастыре патриарха Никона, Служебник 1677 г., куранты и, возможно, некоторые приказные материалы.¹⁶⁴

Начавшаяся еще задолго до XVII в. практика введения разного рода исторических сочинений целиком в летописи отразилась и в новгородских сводах XVII в., причем по объему самих включений она здесь получила, пожалуй, максимальное развитие. Так, например, в Забелинский свод полностью включены: Новый летописец,¹⁶⁵ Сказание о Мамаевом побоище,¹⁶⁶ «Роспись или краткий летописец новгородских владык»,¹⁶⁷ «История еже о начале Русския земли», «Повесть о начале Москвы»,¹⁶⁸ Повесть «О изгнании Улу-Ахмета царя от Златяя Орды» и другие памятники. Подобную же картину (хотя и в меньшей степени) наблюдаем в остальных новгородских сводах XVII в.

Особенностью этого времени является то, что составители сводов систематически прибегают к ссылкам на использованные источники. Еще в пространной редакции НЗЛ, на л. 14—14 об., читаем: «В святцах в четверть, печати московской, 7157-го году, напечатано: месяца февраля в 14 день...» (далее идет краткое изложение жития Кирилла-Константина с основными данными о его просветительной деятельности в славянских землях). В Забелинском новгородском своде подобные ссылки исчисляются десятками. Приведем некоторые из них. Извлечение из повестей о Николле Заразском снабжено припиской: «Выписано ис подлинника Лустина Семена; и о сем — лист 146»;¹⁶⁹ перед известием о поставлении митрополита Петра стоит: «Выписано ис подлинника с печатной псалтири»;¹⁷⁰

¹⁶¹ См., например: БАН, 4.7.16, лл. 44 об.—58; ГПБ, Соловецкое собр., № 989/879, лл. 82 об.—87 об.; ГПБ, собр. Русского археологического общества, № 31, 26 лл.

¹⁶² См., например: БАН, 32.3.16, л. 274—274 об.; 4.17.16, лл. 54—55.

¹⁶³ Включен почти целиком по первому и третьему изданиям. Частичные включения из этого памятника есть еще в НЗЛ.

¹⁶⁴ См.: Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания). — ИЗ, т. 14. [М.], 1945, стр. 119—127.

¹⁶⁵ См. там же, стр. 123.

¹⁶⁶ См.: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 204—206.

¹⁶⁷ См.: Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века, стр. 124.

¹⁶⁸ Как выяснено М. А. Салминой в ее еще не опубликованной работе, в Забелинский свод попал III вид второй редакции Повести; в сокращенную редакцию Погодинского свода включен текст Повести, относящийся к варьирующей группе IV вида той же редакции, а списки основной группы того же вида входят в состав устойчивого литературного окружения списка сокращенного вида краткой редакции. НЗЛ.

¹⁶⁹ ГИМ, Забел. 261, л. 172 об.

¹⁷⁰ ГИМ, Забел. 261, л. 219 об.

под 1582 г. приведено начало Повести о хождении Трифона Коробейникова, после чего — пометка: «И о сем писано в книге Страннике подробну»;¹⁷¹ сообщив об отправке в Китай посольства Ф. И. Байкова, составитель указывает: «и о сем есть и история»¹⁷² (подразумевается, очевидно, статейный список).¹⁷³ Ссылки на используемые составителем различные издания «Синописа» рассеяны по всему своду. Иногда составитель свода просто как бы отсылает читателя к соответствующему источнику, даже не излагая его содержания. Так, на л. 655 читаем: «О знамени на небеси, како видеша в немецкие земли. И о сем бысть истолковано с немецкого на русский язык, чего ради сие знамение бысть, и что ему толк» (имеется в виду, по-видимому, сочинение Варлаама Ясинского о небесных явлениях в Венгрии в 1671 г., использовавшее, как указывает сам автор, немецкие источники и написанное между 1671 и 1673 гг.¹⁷⁴). Подобного же рода отсылка к Прологу приводилась выше (стр. 279).

Встречаются и своего рода «перекрестные ссылки». Так, в Забелинском своде на лл. 180—190 об. помещена Повесть о Меркурии Смоленском,¹⁷⁵ а на л. 201 об. того же свода (под 1247 г.) читаем: «... и Меркурии Смоленский убиен бысть от безбожнаго царя Батыя — писано о том в ином месте на листе... — ноября в 24 день» (номер листа остался непроставленным).

Важным нововведением в летописной практике Новгорода была своеобразная критика источников составителем Забелинского свода. Известие об основании Щилом церкви Покрова читалось в основном источнике свода — НЗЛ — дважды, под 1310 и 1410 гг.;¹⁷⁶ составитель перенес из НЗЛ только текст 1310 г. Но затем, очевидно после дополнительной сверки с источником, склонился в пользу 1410 г. и возле известия 1310 г. сделал приписки: «Несправно летами: не в сия лета» и «Зри 178, 6918 (т. е. 1410, — С. А.) — тут писана»¹⁷⁷ (во второй приписке перед годом указан, по-видимому, номер соответствующего листа рукописи, по которой производилась сверка).

Несравненно более интересна помещенная на лл. 221—223 об. того же свода целая полемика с автором Синописа.¹⁷⁸ Составитель свода упрекает последнего в том, что «ложь обретеша в писании его», что у него «напечатано не против... старых древних летописцев, своим изволом» о том, будто Москва обязана своим основанием Мосохи и «буди то от его родов вся Словенская и Руская распространиласе; несть сие полезно и неправедно о сем». В подтверждение своих упреков составитель приводит данные Повести временных лет о происхождении славян, указывая, что «о сем Мосохе ничтож бысть в писании». Составитель свода отмечает, что автор Синописа противоречит сам себе — у него «в другие статьи написано и положено о именовании по имени реки Москвы град Москва». Между тем «в словенских старых древних летописцев о здании града Москва до

¹⁷¹ ГИМ, Забел. 261, л. 430 об.

¹⁷² ГИМ, Забел. 261, л. 637.

¹⁷³ Ср.: И. Сахаров. Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849, кн. 8, стр. 125—134; см. также Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века, стр. 125.

¹⁷⁴ См.: Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века, стр. 126.

¹⁷⁵ Вторая редакция второй повести по классификации Л. Т. Белецкого (см.: Л. Т. Белецкий. Литературная история Повести о Меркурии Смоленском. Исследования и тексты. — СОРЯС, т. ХСІХ. СПб., 1922, № 8, стр. 75—78). В свод включена первая половина повести.

¹⁷⁶ См. выше, стр. 253.

¹⁷⁷ ГИМ, Забел. 261, л. 228. Почерк приписок тот же, что и основного текста.

¹⁷⁸ Этот текст опубликован мной в XIII томе ТОДРА (М.—Л., 1957), на стр. 296—297.

великого князя Андрея Александровича никакo ж бысть до лет 6797-го, и тогда той князь постави мал град древян Москву на тое реки, и от того времени нача той град распространятися славою и величеством. . .»

Составитель свода опровергает и утверждение о якобы имевшем место в 1283 г. перенесении русской метрополии из Киева в Москву. При этом он также ссылается на соответствующие тексты «в русских древних летописцах» и приводит обширную выдержку из жития митрополита Петра

* *
*

Основная тенденция, установленная Д. С. Лихачевым в развитии позднего русского летописания, — «проникновение в летописание хронографического стиля, усиление чисто литературных сторон летописания в ущерб исторической точности»¹⁷⁹ — проявилась достаточно определенно, как мы видели, и в новгородских летописях XVII в. Этой тенденции обязаны своим появлением литературные реминисценции, вводимые часто в ущерб исторической достоверности, риторические распространения летописного текста, систематическое использование житий, обильное включение в летопись памятников чисто литературных и по своему содержанию порой явно легендарных (например, «История еже о начале Руския земли»). Сюда же следует отнести то обстоятельство, что ни в одном из новгородских сводов XVII в. не выдержана до конца хронологическая последовательность известий — по-видимому, составители не уделяли ей большого внимания.

Другая особенность летописания XVI—XVII вв. — сближение летописи с официальной документацией государственных архивов (обильное привлечение актов, статейных списков и т. п.)¹⁸⁰ — также проявилась и в новгородских сводах XVII в. Впрочем, прямое отражение приказной документации здесь вряд ли имело место, так как своды эти создавались в Новгороде, а не в Москве. Однако несомненен интерес составителей к документальным источникам вообще (тексты надписей, синодичные записи), систематически используемым наряду с чисто летописным материалом предшествующих сводов и местных летописцев.

Критика источников составляет, по-видимому, особенность новгородского летописания XVII в.¹⁸¹ Очевидно, в связи с этим находится и другая его черта (присущая также Синописису и некоторым другим памятникам XVII в.) — систематические ссылки на источники, предоставляющие читателю возможность проверки сообщаемых сведений.¹⁸² Думаем, что эти явления знаменуют собой начало нового отношения летописца к своему труду.

¹⁷⁹ Д. С. Лихачев. Русские летописи. . ., стр. 354.

¹⁸⁰ Там же, стр. 354—374.

¹⁸¹ «Первые элементарные предпосылки исторической критики» отмечены Д. С. Лихачевым уже в Повести временных лет (см.: Повесть временных лет, ч. II. М—Л., 1950, стр. 134—135), где составитель «вступает в обсуждение различных версий» используемых им устных показаний, исходящих от разных лиц (см.: Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии. — ВИ, 1948, № 9, стр. 29). Однако критики письменных источников в такой развитой форме, какую мы находим в Забелинском новгородском своде (см. выше, стр. 281), предшествующее летописание, по-видимому, не знало.

¹⁸² В этой связи следует отметить один новгородский летописец последней четверти XVII в., в начале которого помещен список использованных составителем источников (ГБЛ, ф. 247, № 295, л. 7—7 об.). Отдельные ссылки на источники (преимущественно устные) имели место в летописях и ранее (см.: Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии, стр. 30—31), однако они не носили сколько-нибудь систематического характера и были иногда очень глухими («глаголют бо» и т. п.).

В летописи появляются элементы исторического исследования, которые могут рассматриваться как своего рода «мост» между господствовавшей в течение семи веков летописной формой исторического повествования и исследовательскими работами XVIII в. Наличие этих явлений во второй половине XVII в. следует, очевидно, связывать с теми общими предпосылками (в особенности с зарождением литературной критики вообще), которые, по наблюдениям Д. С. Лихачева, послужили условием другого (гораздо более важного) «новшества» в русской литературе XVII в. — появления литературных направлений.¹⁸³

---

¹⁸³ См.: Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в древней Руси. — Русская литература, 1958, № 2, стр. 3—13.

С. Л. ПЕШТИЧ

«Синописис» как историческое произведение

Воссоединение Украины с Россией породило обширную историческую литературу.

Середина XVII в. явилась переломным моментом в развитии историографии в России. В борьбе за воссоединение Украины с Россией украинские и русские историки стремились исторически обосновать необходимость воссоединения двух великих славянских народов. В этом отношении примечателен ряд выдающихся произведений XVII столетия: Густынская летопись, «Хроника» Софоновича, первая печатная книга по отечественной истории «Синописис», «Летопись Самовидца» и некоторые другие. Первые три из них относятся к 50—70-ым годам XVII в. Близость между ними давно установлена и, добавим от себя, значительно преувеличена. Так, было отмечено, что Густынской летописью пользовался автор «Синописиса», который в свою очередь «почти целиком списан» с «Хроники» Софоновича. Так же была переоценена зависимость этих произведений от польских хронистов.

* *
*

Уже сам факт появления первой печатной книги по истории России в числе немногих книг светского содержания во второй половине XVII в. свидетельствует о серьезной роли исторических знаний в общественной жизни страны.

«Синописис», выдержавший только в XVII—XVIII вв. около полутора десятков изданий, был самой распространенной и популярной книгой по истории России на протяжении целого века.¹ «Синописис» был составлен в Киеве в самом начале 70-х годов XVII в. и издан там же в 1674 г., а может быть, и раньше.² В записке об условиях переговоров с Польшей 1671 г., возможно принадлежащей самому Иннокентию Гизелю, между прочим сказано: «О чем и Синописис книжку читать, которая книжка послана есть до пана Артемона Серьгеевича, думнаго дьяка прежде».³ Научный

---

¹ Подробный подсчет изданий «Синописиса» см.: А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии. — Русский исторический журнал, кн. 6, 1920, стр. 26; С. И. Маслов. К истории издания киевского «Синописиса». — Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 341—346.

² А. С. Лаппо-Данилевский первым изданием считает издание 1674 г. Такой же датировки придерживается И. П. Еремин (К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 212). Между тем есть указание на издания 1670 и 1672 гг. (см.: А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии, стр. 25, примечание); автор статьи о «Типографии Киево-Печерской лавры» в числе редких книг ее ссылается на издание 1672 г. «Синописиса» Иннокентия Гизеля (Труды Киевской духовной академии, т. 2, 1865, стр. 87).

³ Труды Киевской духовной академии, стр. 362.

интерес сообщения заключается не только в указании на возможность существования более раннего издания «Синописа». Этот документ неопровержимо свидетельствует о том, что «Синописис» был послан в Москву в иноземный приказ к одному из видных руководителей внешней политики России — Артамену Матвееву. Первая печатная книга по русской истории предназначалась для сравнительно широкого круга читателей всей России, имела большое политическое и дипломатическое значение и, естественно, не могла выйти в свет без одобрения русского правительства.

Вопрос об авторе «Синописа», пожалуй, не точно будет сказать не решен, а скорее запутан. В историографии долгое время господствовало представление об авторстве Иннокентия Гизеля. Но в свое время, после сомнений, высказанных некоторыми историками, А. С. Лаппо-Данилевский решительно отвергнул его на том основании, что если бы Иннокентий Гизель — человек высокой культуры — был автором «Синописа», то он «счел бы нужным подвергнуть его более наукообразной переработке и придать ему более литературную форму».⁴ Но с этим утверждением согласиться нельзя. Общественно-политические взгляды Иннокентия Гизеля изучены настолько, что даже в той небольшой подборке материала, сделанной А. С. Лаппо-Данилевским, мы можем найти совпадение точек зрения «Синописа» и Гизеля по важнейшим вопросам русско-украинских отношений и связей. Центром древнерусской истории в представлении автора «Синописа» был Киев. Главное внимание при описании столицы древней Руси он уделял церковным событиям, в первую очередь связанным с Киево-Печерской лаврой.⁵ Зная значение этого древнейшего монастыря в русско-украинских отношениях в XVII в. и роль его архимандрита в дипломатических связях Украины с Россией, приходится вернуться к старой точке зрения и признать Иннокентия Гизеля автором «Синописа». Правда, авторство в XVII в. нельзя понимать по-современному. Гизель во многом был не столько автором, сколько редактором, но его редакционная работа была столь велика и обширна, как легко убедиться, что выходила за рамки обычного редактирования, поэтому, думается, Гизеля нельзя не признать автором «Синописа».

«Синописис» издавался в годы борьбы за воссоединение Украины с Россией и отпора турецко-крымской агрессии. Его окончательный текст сложился не сразу. Второе издание (1678 г.) дополнено статьей «О первом бесурманском приходе под Чигирин» в 1677 г. Третье издание (1680 г.) было значительно расширено. Его объем по сравнению с первым изданием увеличился почти вдвое. В него, как правило, дополнительно включались статьи, политическая цель и патриотическое содержание которых не вызывали сомнений. Кроме рассказа «О втором бесурманском приходе под Чигирин» в 1678 г. и «О приходе множественных сил царских и войск запорожских к Киеву» в 1679 г., в третьем издании «Синописа» автор или редактор (?) решил «на вечную память грядущим родам напечатати» «достославную» повесть о Мамаевом побоище.

Впервые в этом третьем издании встречаем статьи «О свободе или вольности славянской», местное киевское предание («Повесть от старых

⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии, стр. 23.

⁵ См. интересную «Повесть от старых людей» о происхождении Выдубицкого монастыря («Синописис». Изд. Акад. наук, 1810, стр. 76—77), объяснение названия «Хрещатик» (стр. 71), молитва в честь Владимира I (стр. 84—86), пространные рассуждения о заботах, дарах и пожалованиях Святополка Изяславича, княгини Анастасии и Андрея Боголюбского церквам и Киево-Печерскому монастырю (стр. 97, 112 и 114—115), о разорении Печерского монастыря Батыем и о происхождении благовеста в нем (стр. 125 и 127) и многое другое (стр. 202, 210, 211, 234—236 и др.).

людей») о происхождении названия Выдубичи, распространенный текст о борьбе Ярополка Мономаховича с Болеславом Кривоустом, рассказ о гибели Батя и др.⁶

При ознакомлении с основным текстом (текст первого издания) бросается в глаза следующее. Во-первых, изложение событий фактически доведено только до 1651 г., когда в Киеве воеводой стал, как отметил автор, «благочестивый» Адам Кисель. С этого, читаем в «Синописе», началось возвращение бывшего величия «на первоначальный всея России царственный град Киев».⁷ Во-вторых, полное умолчание о национально-освободительной войне украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого, имени которого даже не названо. Из всех событий с 1651 г. до начала 70-х годов говорится только об окончательном «возвращении» Киева России, датированном не случайно 1 марта, а не 8 января 1654 г.⁸ Возникает вопрос: почему автор довел описание событий только до 1651 г., умолчав о последующих, ничего не сказав об освободительной войне против панов? Это объясняется, по-видимому, в первую очередь внешнеполитической обстановкой — нежеланием ссориться с Польшей во время переговоров 1671—1672 гг. В указанной выше записке об условиях переговоров с Польшей, не предназначавшейся, разумеется для широкого разглашения, в отличие от «Синописа», агрессия панской Польши, стремившейся, как говорилось в ней, «искоренить православие, веру, церкви и народы российскийские», осуждалась с решительной прямоотой.⁹ В «Синописе», рассчитанном на сравнительно широкий круг читателей, не к месту было вспоминать о столь неприятных для польских магнатов событиях, какими было время успешной борьбы украинского народа во главе с Богданом Хмельницким. Личность Адама Киселя, всегда игравшего соглашательскую роль, в этом смысле была более приемлемой и терпимой и той и другой стороной. Умолчание в «Синописе» об освободительной борьбе украинского народа и его вожде отражало также, конечно, настроения казацких, помещичьих и церковных верхов Украины. Наконец, сама задача книги — исторически обосновать необходимость воссоединения — решалась на материалах далекого прошлого.

Как известно, что уже не раз отмечалось, исторические события в «Синописе» изложены неравномерно; многие известия часто носят случайный характер. Основные события славянорусской истории изложены более или менее последовательно, хотя и сокращенно по сравнению с летописями, только до татаро-монгольского нашествия, точнее до разорения Киева в 1240 г. Затем (с третьего издания) повествование прерывается сказанием о Куликовской битве (вставленным не на место и занимающим 1/4 часть всей книги!), после чего идут события 40-х годов XIII в. и последующие, изложенные более чем конспективно, переходя с 1471 г. — года присоединения Киева к Литве — в простой перечень киевских воевод. Короче говоря, в «Синописе» представлена история только древней Руси, центром которой был Киев. Неудивительно, что в старой, дворянской и

⁶ О новых, дополнительных статьях 2-го и 3-го изданий «Синописа» см.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1555; И. П. Еремич. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в., стр. 220—222, но и в первом и во втором случае неполно.

⁷ «Синопис», стр. 204.

⁸ 8 января 1654 г. народная рада приняла великий исторический акт о воссоединении Украины с Россией, а 17 марта (в «Синописе» опечатка (?)) царское правительство так называемыми «статьями» Богдана Хмельницкого дало согласие на сохранение местных особенностей в административной, военной, правовой и политической жизни Украины (см.: История Украинской ССР, т. 1. Изд. АН УССР, Киев, 1953, стр. 275).

⁹ Труды Киевской духовной академии, т. 2, 1865, стр. 362.

буржуазной историографии значение «Синописа» недооценивалось. Например, П. Милюков высокомерно отрицал всякое научное значение его.¹⁰ Такая отрицательная точка зрения оказалась, к сожалению, незаслуженно устойчивой. Так, в «Очерках истории исторической науки в СССР» «Синописис» определяется исключительно как публицистическое произведение, уступающее в историографическом отношении Хронографу и Степенной книге.¹¹ Только И. П. Еремин высоко оценил «Синописис» как произведение общественной мысли на Украине второй половины XVII в., не коснувшись, правда, его историографического значения.¹² Между тем оно велико. Значение «Синописа» для дальнейшего распространения и развития исторических знаний в России определяется не только большим количеством изданий в XVII и XVIII вв. и распространением его в многочисленных списках, сделанных с книги.¹³ Уже через 5 лет после выхода в свет издания 1674 г. оно было использовано составителем списка Хронографа 1679 г. и позднее списка Хронографа конца XVII столетия.¹⁴ Тогда же он был переведен на греческий язык и несколько позднее, по распоряжению Петра I, на латинский — международный язык тогдашней науки.¹⁵ «Синописисом» пользовались историки Украины Боболинский, Грабянка, Величко и др.¹⁶ В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и многие другие историки XVIII в. неоднократно обращались к нему.¹⁷ Он давал материал для литературных произведений, народных сказок и лубочных картин.¹⁸ Не случайно Н. И. Новиков считал «Синописис» одной из любимых книг в мещанской среде.¹⁹ Знали его, как уже говорилось, и дипломаты.²⁰ Использовал «Синописис» и составитель истории Болгарии (1762 г.) хиландарский проигумен Паисий.²¹

Популярность «Синописа» определялась в значительной мере удачным подбором источников. Не подлежит никакому сомнению, что в основу первой печатной книги по русской истории была положена хорошо известная и широко распространенная «Хроника» Матвея Стрыйковского — «Kronika Polska, Litowska, Zmodzka i wszystkiej Rusi», вышедшая на польском языке в 1582 г.²² Она уже в XVII в. была переведена на русский язык.²³

¹⁰ П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли, т. 1. М., 1898, стр. 10 и 16.

¹¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 99—100.

¹² Е. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в., стр. 212—222.

¹³ См., например: ГПБ, Q.IV.50, 69, 107, 239, 343 и др.

¹⁴ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, в. 2. М., 1869, стр. 209.

¹⁵ И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в., стр. 212.

¹⁶ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2, стр. 1574, 1590 и 1611.

¹⁷ В. Н. Татищев. История Российская..., кн. 1. М., 1768, стр. XI; М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 6, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 9—10.

¹⁸ С. И. Маслов. К истории издания киевского «Синописа», стр. 348.

¹⁹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. V. М., 1937, стр. 440.

²⁰ В одном из экземпляров «Синописа» издания 1735 г. читаем интересную рукописную пометку, из которой видно, что он принадлежал копиисту «государственной иностранной коллегии», бывшему в «Персии при полномочном после при кн. М. М. Голицине в 1745 г.» в г. Реште (Библиотека им. М. Горького, ЛГУ, F I, 1192).

²¹ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 104.

²² Пользуемся изданием: Kronika... Macieja Styjkowskiego, t. 1. Warszawa, 1846. (в дальнейшем: Стрыйковский).

²³ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — СОРЯС, т. 74, СПб., 1903, стр. 79—80. Что переводчиком текста Стрыйковского, использованного в «Синописисе», был не Гизель, свидетельствует не всегда

Систематические ссылки на Стрыйковского, сделанные в «Синописе», по проверке не оставляют никаких сомнений в этом. Тот факт, что составитель «Синописа» предпочел «Хронику» польского автора русским летописям, явился поводом для некоторых великодержавно настроенных историков царской России, не признававших никакой ценности польских хроник, резко отрицательно подойти к оценке «Синописа».²⁴ Но как бы ни относиться к достоверности многих известий, имеющих только в польских хрониках, но не подтвержденных русскими летописями,²⁵ нужно признать, что «Хроника» М. Стрыйковского была выдающимся событием в польской и вообще славянской историографии конца XVI в. Матвей Стрыйковский, человек весьма эрудированный и гуманно настроенный к различным народам, хорошо знавший историю польскую, русскую, литовскую, чешскую и отчасти южных славян, умело обобщил труды своих предшественников и создал талантливый и популярный труд по истории Польши, Руси и Литвы. Известный славист прошлого века Иосиф Первольф, отметив недостатки «Хроники» Матвея Стрыйковского, присущие всей историографии позднего средневековья, назвал ее одним из самых замечательных литературных трудов того времени.²⁶ В новой работе по истории Польши «Хроника» получила высокую оценку за тот богатейший исторический, географический и бытовой материал, который был использован в ней Матвеем Стрыйковским.²⁷

Автор «Синописа», остановив свой выбор на этой книге по истории Восточной Европы, показал начитанность и умение выбрать нужное. Он с полным основанием мог использовать опыт краткого изложения русской истории, сделанный М. Стрыйковским, так как ставил перед собой такую же задачу: сжато рассказать о важнейших событиях общерусской истории. Что автор преследовал цель краткого изложения истории, свидетельствует одно его замечание, объясняющее причину сокращения в перечне стран и народов Европы (по Ботеру): «неудобь подробну описати; совершенно вкратце».²⁸

Использовать готовый и обработанный материал по русской истории польского автора было доступнее, проще, скорее, чем производить самостоятельные разыскания. Это стало возможно только лет через пятьдесят.

высокое качество перевода. Переводчик, как думается, иногда не справлялся с языком оригинала и некоторые слова оставлял без перевода, например польское слово «osada» (поселенец), что сделало текст мало понятным: «...от тех же сарматских и славяно-русских осад тойже народ — русский изыде» («Синопис», стр. 13); в другом месте польское слово «гугу» (трубы) также оставлено без перевода: «отъем воду сладкую рурами подземными текущими» (стр. 66; ср.: Стрыйковский, стр. 129). Небрежность того, кто подготавливал материалы для Гизеля, сказалась в повторении статьи 1321 г. (см. там же, стр. 196 и 197).

²⁴ П. Миллюков. Главные течения русской исторической мысли, стр. 9 и др. А. Попов, автор капитальной работы «Обзор хронографов русской редакции», еще резко отнесся к польской исторической литературе, объявив ее влияние на русскую историческую мысль прямо вредным (в. 2, М., 1869, стр. 203).

²⁵ Пора возобновить изучение польских хронистов, используя современные методы, применяемые советскими историками при изучении русских летописей. Нет никакого сомнения, что польские хроники дадут много ценного и интересного материала, в особенности в области международных отношений государств Восточной Европы. Исследование историко-географической ценности польских хроник уместно проводить совместными усилиями советских и польских историков.

²⁶ Иосиф Первольф. Славяне. Их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 121—126.

²⁷ История Польши, т. 1. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 240. «Очерки» называют Стрыйковского видным литовским историком (стр. 125). Правильнее его назвать историком Литвы.

²⁸ «Синопис», стр. 10.

Уровень развития исторических знаний в России второй половины XVII в. и предназначение книги для широкого круга читателей определили выбор необходимого руководства.

Если автор «Синописа» имел в качестве путеводителя по русской истории Стрыйковского, или, говоря образно, если по правую руку у него неизменно лежала «Хроника» польского автора, то по левую руку у него с такой же постоянностью находились русские летописи. Автор использовал «многие летописцы русские». ²⁹ Ссылки на русские летописи, которые встречаются постоянно, даны в нескольких видах. Например, мало определенные ссылки, которые приводятся на полях и в тексте: «летописцы русские», «в Рос. летописи», «русс. летоп.» и т. д., ³⁰ или более определенные указанием на древность: «древние летописцы», «писанные древние летописцы русские», «в русских древних летописцах», «в древних харатейных летописцах русских» и т. д. ³¹ Как видно, автор «Синописа», отличая древние летописи, придавал им большую историческую ценность по сравнению с новыми. «Древние и достоверные летописцы», ³² писал он, ставя знак равенства между ними, утверждая тем самым достоверность древних источников. Это, разумеется, всецело отвечало представлениям эпохи. Древность летописи сама по себе считалась единственным и надежным критерием достоверности вплоть до XIX в. включительно. Автор «Синописа» особо выделяет летопись Нестора, имени которого, кстати, Стрыйковский не знал. ³³ Нестора «Синописис» величает «летописцем Российским», а его труд — «летописью российской», полагая, что Нестор «изряднее свидетельствует», чем многие летописцы. ³⁴

Из русских летописных источников наибольшее значение для «Синописа» имела Густынская летопись. Именно она лежала «по левую руку» от ее автора, как «Хроника» Скрийковского — «по правую». Сравнивая эту летопись с первой печатной книгой по русской истории, приходим к некоторым наблюдениям и выводам. Ее автор широко использовал список Густынской летописи, известный под шифром Арх. VIII, ³⁵ или не дошедший до нас протограф Густынской летописи. Последнее предположение, быть может, более вероятно, так как летопись была составлена примерно в середине XVII в., а дошла до нас в списке 1670 г. ³⁶ Что основной текст «Синописа» и Густынской летописи сложился в середине XVII столетия свидетельствует одна характерная подробность. Нам уже приходилось отмечать предрасположение «Синописа» к личности «благочестивого» Адама Киселя, с воеводства которого, в представлении автора «Синописа», началось «возрождение Киева». Такое же подобоострастное отношение к мастеру соглашательства и политики национальной измены мы находим и в Густынской летописи. В рассказе об осаде Белгорода печенегами автор Густынской летописи счел нужным дополнить его генеалогическими разысканиями о роде крупных украинских феодалов Киселей. Под его пером безымянный старец Повести временных лет превратился в потомка Свенельда и за свою

²⁹ Там же, стр. 20, 198 и др.

³⁰ Там же, стр. 16, 93, 96, 98, 99, 191 и др.

³¹ «Синописис», стр. 20, 88, 117, 122, 124, 127, 189, 197 и др.

³² Там же, стр. 16, 93, 96, 98, 99, 191 и др.

³³ Стрыйковский, стр. 115, где «старый летописец», а в «Синописисе», стр. 27, — Нестор.

³⁴ «Синописис», стр. 7, 20, 27.

³⁵ ПСРЛ, т. 1. СПб., 1843, стр. 232. Об этом свидетельствует совпадение некоторых чтений «Синописа» со списком Густынской летописи. Например, в А, как и в книге, читается «от Роска» (стр. 236 и 11 соответственно); только в А читается имя патриарха Константинопольского — Георгий (стр. 346), как и в «Синописисе» (стр. 194).

³⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 232—233.

изобретательность киевским князем Владимиром «наречен бысть Кисель», которого «славный во вельможах род и доселе пребывает».³⁷ Если учесть, что Адам Кисель, наиболее видный представитель этой фамилии, был киевским воеводой с 1651 по начало 1653 г., то можно понять, почему протограф Густынской летописи и основной текст «Синописа» так почтиительно относились к тому, «казацкие кости которого давно обросли польским мясом», как тогда говорили на Украине.³⁸ К этому нужно добавить, что Адам Кисель страдал настоящей манией родового величия. Даже московские бояре в официальных документах, по дипломатическим соображениям разумеется, вынуждены были признавать его легендарное родословие и величать Адама Киселя Святольдовичем (Свенольдовичем).³⁹ Несмотря на то, что авторы указанных произведений должны были, отдавая раболепную дань киевскому воеводе, всячески восхвалять Адама Киселя, Густынская летопись и «Синописис» не сбились на фамильную хронику, а дали большие исторические полотна, последовательно проводя идею родственности и дружбы Украины с Россией.

Автор «Синописа», выбрав из русских летописей в качестве основной Густынскую, не ошибся. Густынская летопись отличается широтой взглядов и значительным кругом использованных источников. Она следит за историей Москвы, Византийской империи, татар и Турции, Литвы и Польши. События с XIII в. в ней изложены полнее, чем в «Синописе». Роль Москвы, пусть кратко, но прослежена довольно систематически, хотя главное внимание автор Густынской летописи, естественно, уделяет событиям собственно украинской истории.

Как были использованы «Синописом» его основные источники — «Хроника» Матвея Стрыйковского и Густынская летопись?

От начала и до конца книги автор «Синописа» старается критически подойти, конечно в меру возможностей, обусловленных уровнем развития исторических знаний и приемов исследования, к своему иностранному руководству и отечественному источнику. Спрашивается: те многочисленные изменения, которые сделаны автором в фактическом изложении событий и в их толковании по сравнению со Стрыйковским и Густынской летописью, настолько ли велики и существенны, чтобы иметь основание считать «Синописис» произведением уже нелетописным? К какому типу исторических произведений принадлежит «Синописис» — к старому или новому, т. е. к летописному или нелетописному, составленному по «обычаю летописцев» или по «обычаю историков», т. е., говоря проще, к донаучному или научному?

Как доказывал, исторически обосновывал «Синописис» необходимость воссоединения Украины с Россией? Забегая вперед, укажем на два главных довода автора «Синописа» в этом вопросе: родство «российских народов» (так он называл все славянские народы, входившие в состав древней Руси) и преемственность самодержавной власти в России.

Вначале заметим, сопоставляя последовательно Стрыйковского и Густынскую летопись с «Синописом», что почти все ссылки первой печатной

³⁷ ПСРА, т. II, СПб., 1843, стр. 260. Ср.: «Синописис», стр. 56, где сказано почти то же: «Человека же того, иже хитрость сию изобрете, прозваша Кисель». Далее сказано о происхождении Киселя от колена Свенельда, но опущена ссылка на то, что род Киселя здравствует и донныне. Во время печатания «Синописа» это уже было не к месту.

³⁸ Об Адаме Киселе см.: Ив. Новицкий. Адам Кисель, воевода киевский (1580—1653). — Киевская старина, т. XIII, 1885, стр. 51—72, 204—219, 408—430, 612—638.

³⁹ См., например: Акты, относящиеся к истории южной и западной России, т. III, №№ 124, 128 и 160.

книги по русской истории на иностранные источники (Длугош, Кромер, Гвагний, Бароний и некоторые другие) взяты из той же «Хроники» польского автора или, в большинстве случаев, из указанной летописи.⁴⁰ Это дает возможность остановить внимание только на них для того, чтобы понять, как автор «Синописа» пользовался работами своих предшественников для исторического обоснования воссоединения Украины с Россией.

Сказать только то, что в основу «Синописа» была положена хроника Стрыйковского, как это обычно и делалось в исторической литературе, это значит сказать очень немного. Составитель первой печатной книги по русской истории критически подошел к своему главному источнику. Он не ограничился переводом, но выбрал из него то, что ему было нужно, исключая подробности, решительно сокращая баснословия и рассуждения Стрыйковского. Интересно отметить, что автор «Синописа» сократил «Хронику» примерно в два раза (речь идет только о тех частях, где излагаются события русской истории). Если проследить за тем, что сокращал «Синописис», то легко убедиться в преднамеренности сокращений. Он сокращал описания междоусобиц русских князей, о «rosterkah» которых охотно сообщал Стрыйковский. Драматические события борьбы Ярослава со Святополком, красочно изложенные в летописи и развернутые в «Хронике» на четырех страницах, в «Синописисе» даны совсем кратко.⁴¹ Такое же стремление к сокращению находим при описании княжения Святополка Изяславича, данном всего на двух страничках, тогда как у Стрыйковского читаем целое повествование.⁴² Сокращено описание борьбы с половцами⁴³ и т. д. За сообщением о смерти Владимира Мономаха автор «Синописа» добавил по сравнению со Стрыйковским: «самодержавие Российское разделися».⁴⁴ После этого изложение событий становится все более и более скупым, сокращаясь до простого перечня князей с указанием хронологических рамок их правления и добавлением некоторых, главным образом церковных, подробностей.⁴⁵ Достаточно сказать, что время после Владимира Мономаха до татаро-монголов заняло только 25 небольших страниц. На основании этого можно считать, что автора «Синописа» интересовала по преимуществу единая древняя Русь.

Автор «Синописа» придерживался не только метода «творческого вычитания», т. е. сокращения в русском переводе Стрыйковского, но постоянно, систематически проверял, дополнял и корректировал свидетельства польской хроники русскими летописями. Он часто приводил параллельно отечественные и иностранные источники, вынося их на суд читателя. В этом отношении интересны те места «Синописа», где изложены спорные вопросы, различно освещаемые или датируемые в источниках и литературе. Например, кто крестил Ольгу — император Иоанн Цимиский или Константин; когда крестился Владимир; обстоятельства смерти Святополка; о междоусобицах сыновей Ярослава и др.⁴⁶ Обращает внимание также пространное рассуждение автора в статье «О сем откуда Российские самодержцы венец царский на себе носити начаша», т. е. о царских регалиях, и прежде всего о так называемой шапке Мономаха. Здесь при-

⁴⁰ Ср. «Синописис» с Густынской летописью: соответственно стр. 31 и 243, 42 и 248, 47 и 257, 74 и 253 и др. Из нее же взята, например, статья «об идолах», о крещении Руси до Владимира I и др.

⁴¹ Стрыйковский, стр. 154—158; «Синописис», стр. 87.

⁴² Стрыйковский, стр. 173—182; «Синописис», стр. 96—98.

⁴³ Стрыйковский, стр. 173—174, а в «Синописисе» две строчки (стр. 96).

⁴⁴ «Синописис», стр. 103.

⁴⁵ Там же, стр. 110—112; Стрыйковский, стр. 197 и сл.

⁴⁶ «Синописис», стр. 36, 68; ср. Стрыйковский, стр. 120, 131; ср. также соответственно стр. 87 и 158, 93—94 и 170.

ведена версия позднейших летописей, одну из которых автор несправедливо считает «древней», а также мнения Стрыйковского, Барония и др. Сам автор «Синописа» полагал «по счислению лет», что «венец царский с прочими знамением и дарами» Владимир Мономах получил от Алексея Комнина. Об этом, заметим, рассуждала также и Густынская летопись.⁴⁷

Для автора «Синописа» еще нет различия между источником и литературой вопроса. Поэтому древняя русская летопись, Стрыйковский или Бароний в равной степени являлись для него источником исторической информации. Где русские летописи молчат, там он охотно возвращался к Стрыйковскому: к примеру, «Синописис» заимствовал сообщение о русских князьях, бывших у славян после смерти Кия, Щека и Хорива. Нужно сказать, к чести Стрыйковского и автора «Синописа», что, хотя это известие и не подтверждается летописями, но оно и не противоречит исторической достоверности. Убеждение о древности истории славян, начавшейся задолго до варяжских князей, нашло выражение в этом смелом предположении. Догадка авторов XVI—XVII вв., которую многие объявляли бреднями средневековых хронистов, не отрицается наукой нашего времени.

Для того чтобы ответить на вопрос, что собой представляет «Синописис» в историографическом смысле, необходимо продолжить сравнение его с «Хроникой» М. Стрыйковского. Обращает внимание то, что Стрыйковский часто ближе и последовательнее в изложении к русским летописям, чем «Синописис». В этом нет ничего удивительного. Автор последнего не пытался копировать польскую хронику или перевести русские летописи на современный язык. Он пользовался Стрыйковским и летописями с целью обеспечить такой подбор исторических фактов, который нужен для обоснования необходимости воссоединения двух славянских народов. Для этого автор «Синописа» развивает идею исторической преемственности самодержавной власти в России, усиливая ее по сравнению с летописями московской поры (общерусскими летописными сводами) и Стрыйковским. Так, например, в «Хронике» Аскольд и Дир — потомки Кия — правят на юге. В «Синописисе» сложнее. Как и в летописи, Аскольд и Дир идут из Новгорода на юг с согласия Рюрика. Но автор «Синописа» тенденциозно скомпилировал известия Стрыйковского и Повести временных лет, в результате чего Аскольд и Дир, хотя и потомки Кия, но пришли в Киев с севера, с согласия Рюрика. Сообщение летописи о неудачном походе Аскольда и Дира на Константинополь перенесено в рассказ о походе Олега на Киев. Олег, услышав, «яко Оскольд и Дир, ходившие к Царю граду войною, возвратились в Киев посрамленны в малой дружине», отправился на юг, и т. д., как обычно.⁴⁸ Таким образом, поражение киевских князей явилось для «Синописа» еще одним доводом в пользу «законной» династии Рюриковичей.

В понимании легенды о призвании варяжских князей «Синописис» шел за Стрыйковским, который в свою очередь следовал позднейшим русским летописям. Если первым норманистом, как заметил А. А. Шахматов, был Нестор, то первыми, пусть еще робкими и непоследовательными, критиками норманизма явились московские летописцы. Мысль о стародавних славянских князьях, возникшая в начале русского летописания,⁴⁹ была

⁴⁷ «Синописис», стр. 99—103; ПСРЛ, т. II, стр. 290.

⁴⁸ «Синописис», стр. 28; ср.: Стрыйковский, стр. 115, где это только намечено.

⁴⁹ Б. А. Рыбаков. Начало Русского государства. — Вестник МГУ, 1955, № 4—5, стр. 57—77. Автор этой интересной работы убедительно показал ту борьбу, которая происходила на заре нашего летописания между отечественной и «норманской» тенденциями в вопросе об образовании древнерусского государства.

усилена в период образования русского централизованного государства, в период зарождения и развития национального самосознания у славян Восточной Европы. Национальная, отечественная традиция представляла историю княжеской, а затем самодержавной власти в России примерно так. Вначале славянские князья правили на юге и севере. В Киеве правили Кий и его братья, затем их потомки, имена которых нам неизвестны. На Аскольде и Дире местная династия на юге закончилась. В Новгороде — россы (славяне) «от самих себя в князя избраша» Гостомысла, «мужа нарочита». Но, несмотря на избрание князя, междуусобия не прекращались. «Российские народы» продолжали оставаться «в великом междуусобии и нестроении», так как не могли договориться об «избрании от самих себя властелина». (Заметим, кстати, что эта подробность — новое в «Синописе».)⁵⁰ Только потом, как и в летописи, Гостомысл советовал послать к варягам и пр. Важно и интересно не это. Варяги, по «Синопису», — народ «языка славянского».⁵¹ Рюрик, Трувор и Синеус не только были приняты добровольно «от всех россов с великой радостью и благодарствием». Они приняли уже сложившееся государство: «государство Русское добровольно от народа добровольного поданое», как сказано в тексте «Синописа». Не варяги принесли государственность славянам; напротив, варяги получили готовое государство от славян же, получили в целях прекращения «междуусобиц и нестроения». В этом смысл национальной теории образования древнерусского государства. Таков главный исторический и политический вывод «Синописа».⁵²

Идея добровольного призвания славянских князей (!) для управления сложившимся славянским государством не только свидетельствует о национальной традиции и феодально-монархических взглядах автора, но и является своеобразной исторической декларацией о добровольности воссоединения Украины с Россией.

Казалось бы мысль о добровольной передаче сложившейся славянской государственности пришельцам (пусть даже славянам!) мало оригинальна, если принять во внимание хотя бы то, что приведенные выше слова («государство русское добровольно от народа добровольного поданое»), есть дословный перевод соответствующего места Стрыйковского («... *panstwo Ruskie dobrowolnie od ludu wolnego podane*»)⁵³ Но нужно учитывать существенно новое. Политическая теория панской республики с выборностью короля и шляхетскими волностями в условиях борьбы за воссоединение Украины с Россией означала другое: она исторически обосновывала добровольность воссоединения общих по происхождению и историческим судьбам двух дружественных славянских народов Восточной Европы. Поэтому идея «Синописа» о добровольности воссоединения отвечала интересам Москвы и Киева, правящих кругов Русского государства и верхов украинского общества, русского и украинского народов. Отсюда исключительная популярность первой печатной книги по русской истории.

Историческую необходимость воссоединения Украины с Россией автор «Синописа» обосновывал не только родством и близостью «российских народов», под которыми он разумел всех славян, входивших в состав Древней Руси. Воссоединение для него — это восстановление былого государственного единства, понимаемого как восстановление единой, т. е. монархической власти. Действительно, продолжая сравнение «Синописа»

⁵⁰ «Синопис», стр. 25.

⁵¹ В Густынской летописи этого нет.

⁵² «Синопис», стр. 26.

⁵³ Стрыйковский, стр. 114.

с его основными источниками — Стрыйковским и Густынской летописью, следует обратить внимание на откровенно монархические взгляды автора, стремящегося во что бы то ни стало преувеличить и приукрасить заслуги князей, оправдать всех их без исключения.⁵⁴ Идеализация монархизма, порой переходящая в заведомую фальсификацию, характерна для «Синописа». Это видно во всем: от подробностей и до главного. Например, Ольга не ключница, а правнучка Гостомысла; она не упрекает Святослава, покинувшего ее; пропущена мотивировка отказа Рогнеды на предложение Владимира; Святополк не совершал никаких злодейств, а представлен как князь «благоверный». Известный ответ Владимира магометанским посланцем передан иначе, чем в летописи: «не можем мы пребыти без вина, понеже в Россиях все веселие и приятельство в подпитии бывает».⁵⁵ Все отрицательные черты в жизни Владимира-язычника «Синописис» объяснял только тем, что «во тьме идолослужения бысть». Но когда «небесным светом крещения святого просветился, в разум истины пришед, тогда сицевых богомерзостей сам гнушашеся и прочим творити я възбраняша».⁵⁶

В свою очередь отрицательные персонажи летописи в «Синописисе» еще более заострены. В этом смысле примечательна характеристика Блуда. Яркий летописный рассказ о княжеском воеводе, изменившем своему господину, дорисован с большой выразительностью. Блуд — это изменник «именем и вещью», враг и изменник своего государя, тогда как у Стрыйковского он «наивиднейший пан радный».⁵⁷

В рассказе о взятии Киева войсками Андрея Боголюбского ничего не говорится о разграблении города. На данном эпизоде, убедительно показывающем, как автор «Синописа» обрабатывал свои материалы, несколько остановимся. Ипатьевская летопись, например, освещает это событие в духе, благоприятном для Северо-Восточной Руси: «поможе бог Андреевичу Мстиславу с братиею, и взяша Киев».⁵⁸ Густынская летопись оценивает взятие Киева войсками северо-восточной коалиции русских князей несколько по-иному. Описав разграбление Киева с реалистическими подробностями, летопись сделала вывод о падении киевского княжества и установлении власти московских князей над киевскими: «...паде княжение Киевское, а Володимирское в Москве вознесся, оттоли бо Московские князи над Киевскими начаша владети».⁵⁹ В «Синописисе» не только обойдено молчанием разграбление Киева, но воздана пространная похвала Андрею Боголюбскому, в которой он назван великим князем «всея Российския земли».⁶⁰

Не ставя перед собой задачу подробного описания древнерусской истории, напротив, стремясь к краткому и популярному изложению, автору «Синописа» было легко опустить неприятные для национального самолюбия подробности и дополнить в патриотических видах выпущенное Стрыйковским. Говоря о войнах, например, с греками, где «Синописис» вообще

⁵⁴ «Синописис», стр. 31; Стрыйковский, стр. 117, 40 и 121; ср также соответственно стр. 45 и 124, 96 и 173, 114 и 202.

⁵⁵ «Синописис», стр. 60. У Стрыйковского (стр. 128) нет даже летописного ответа: «веселие Руси пити не можем без этого быти». В. Н. Татищев в той рукописи, о которой А. А. Шамагов говорил, что в ней «ничего изобретенного самим Татищевым не найдется», изменил текст: «руссом есть в веселие и здравие от пития с разумом пиемого». Зависимость татищевского текста от «Синописа» очевидна.

⁵⁶ «Синописис», стр. 54. Конечно, у Стрыйковского и летописи этого нет. Обращает внимание то, что «Синописис», самостоятельно дополняя свои источники, архаизирует язык, видимо, «достоверности для», что было характерно и для XVIII в.

⁵⁷ «Синописис», стр. 45; Стрыйковский, стр. 124.

⁵⁸ ПСРЛ, т. II, стр. 100.

⁵⁹ ПСРЛ, т. II, стр. 311.

⁶⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 114—115.

немногословен, он позволил серьезные изменения в изложении и толковании событий. Поход Олега на Константинополь в 907 г. «Синописис» изложил ближе к летописному источнику, чем Стрыйковский, у которого описание его дано бледно. Хотя польский хронист рассказал о знаменитом щите, который он мол сам видел в Константинополе в 1575 г., но умолчал о размерах дани, о чем говорит «Синописис».⁶¹ Далее, «Синописис» не сообщил о неудачном походе Игоря на Царьград.⁶² Он ничего не сказал о поражении Святослава в войне с греками, кстати, в этом случае, как и Стрыйковский.⁶³ Следуя в основном в описании подвигов Святослава за Стрыйковским, «Синописис», возвеличивая его как полководца, слова «Хроники» «roskosznych Greków wznadnie bijal» решительно обобщил: «роскошных и ленивых всяких народов побеждаше»,⁶⁴ отбросив заодно антигреческий выпад Стрыйковского.

Слова Н. А. Добролюбова о «Записках касательно Российской истории», составленных Екатериной II с помощью целой коллегии ученых («... автор умел набросить на все темные явления русской жизни и истории какой-то светлый, отрадный колорит»),⁶⁵ целиком применимы к составителю «Синописиса». Только раз он вынужден был отступить от принятой практики поголовной реабилитация князей. Речь идет об Игоре. В ответе древлян, объясняющих, почему они убили киевского князя, изменено и добавлено против летописи: «яко он не бысть милосерд к нам не аки государь с подданными».⁶⁶ Но вряд ли из этой реплики можно делать далеко идущие выводы. Скорее всего автор «Синописиса», отражая интересы украинской верхушки, этим историческим примером хотел подсказать царскому правительству, что ему необходимо считаться с интересами новых подданных, уважать права и привилегии церкви и пр.

Общественно-политические взгляды автора «Синописиса», как и любого историка, лучше всего проследить по его отношению к народным движениям. Освободительную борьбу украинского народа, как мы знаем, он не описал. Но спрашивается, как он отнесся к движениям далекого прошлого, например к киевским событиям 1068 и 1113 гг.? Оказывается, об этих крупных восстаниях народных масс в столице древней Руси, судьбой которой автор «Синописиса» особо интересовался, он говорит донельзя лаконично. Восстание в Киеве 1068 г. «Синописис» свел к недовольству киевских и полоцких бояр великим князем Изяславом, не пожелавшим освободить из заключения полоцкого князя Вышеслава. В результате бояре «воссташа на него вси».⁶⁷ О народном характере движения ни слова. Симпатии автора всецело на стороне законного князя — старшего Ярослава. Даже обращение Изяслава к польскому королю Болеславу, с помощью войск которого он вновь сел на престол, автор не порицает.⁶⁸ Напротив, в изложении событий 1068 г. автор «Синописиса» сознательно отступил от летописи и последовал за Стрыйковским, который в своем тенденциозном объяснении народных движений был ближе к нему, чем древняя русская летопись с ее достаточно реалистическим изображением восстания.⁶⁹

⁶¹ Стрыйковский, стр. 116; «Синописис», стр. 29.

⁶² «Синописис», стр. 31; Стрыйковский, стр. 117.

⁶³ «Синописис», стр. 42; Стрыйковский, 123.

⁶⁴ «Синописис», стр. 39; Стрыйковский, 121.

⁶⁵ Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в трех томах, т. I, М., 1950, стр. 22.

⁶⁶ «Синописис», стр. 34. У Стрыйковского этого нет (см. стр. 119).

⁶⁷ «Синописис», стр. 90—91; Стрыйковский, стр. 163.

⁶⁸ «Синописис», стр. 91.

⁶⁹ В Густынской летописи события изложены по Повести временных лет (см.: ПСРЛ, т. II, стр. 271).

Что касается событий 1113 г. в Киеве, то автор «Синописа» вообще ничего не сказал об этом восстании. Он его просто-напросто опустил. Имея летопись Нестора, нельзя было не заметить восстания. В этом случае он отказался не только от текста русской летописи, но и от своего основного источника — Стрыйковского. В хронике польского автора народное восстание 1113 г. представлено как: «*goscuch wieliki w Kijowie od guzerstwa i zolnierow*», аналогичный бунту янычар в Турции.⁷⁰ В «Синописе» весь рассказ 1113 г. сведен к следующему: Владимир Мономах был «умолен от всех» стать киевским князем и только.⁷¹ Итак, идея украинской государственности, за которую в середине XVII в. боролись Богдан Хмельницкий и другие лучшие люди украинского народа, нашла свое отражение в историческом памятнике украинской общественно-политической мысли, в первой печатной книге по русской истории — «Синописе».

Центральной темой этого произведения явилась идея самодержавия в России, необходимость и закономерность которого автор обосновывал исторически. Общность происхождения славянских народов Восточной Европы, русского и украинского, ведет к общности центральной государственной власти, необходимости воссоединения славянских народов в рамках единого самодержавного государства — таков, как известно, ход мыслей «Синописа». Но наряду с возвеличиванием русского самодержавия автор «Синописа» проводил другую идею — идею украинской государственности.

В представлении автора история самодержавия в России неразрывно связана с Киевом. «Преславное самодержавие Киевское» началось с Владимира I. Киев — это «первоначальный всея России царственный град».⁷² Родина самодержавной власти в России — Киев. В особой статье «О превращении великого княжения Киевского в воеводство» автор объяснял, почему киевское самодержавие «от царствия в княжение, а от княжения в воеводство пременяся».⁷³ Все, согласно традиционной богословской схеме, произошло от бога: «грех ради человеческих».⁷⁴ Но наряду с этим теологическим толкованием автор, излагая события и факты, дал им и реальное объяснение. В его представлении ряд причин низвел «всея России стольны» град Киев на положение воеводства. Это — татаро-монгольское разорение, которое «все государство Киевское ни во что обратиша»; затем взятие Киева литовским князем Гедимином, покончившим с «самодержавием Киевским». С 1569 г. — года Люблинской унии — Киев окончательно перешел под власть Польши. Таким образом, татаро-монгольское нашествие, затем литовско-польское наступление — таково объяснение внешних причин упадка Киева. Княжеские распри — внутренняя причина. Как видно, автор наряду с теологическим объяснением систематически обращается к реальному толкованию событий, так как первая точка зрения ничего не дает и не раскрывает.

Итак, к какому типу исторических произведений надо отнести «Синопис» — к летописному или нелетописному? Как известно, летопись является не только сводом источников, но и сводом идей, хотя феодальный харак-

⁷⁰ Стрыйковский, стр. 182.

⁷¹ «Синопис», стр. 98. Фальсификация событий 1113 г., идущая по крайней мере от Стрыйковского и «Синописа», продолжалась в XVIII в. В. Н. Татищев в «Истории Российской» (т. II, М., 1773, стр. 211) говорит об избрании Владимира Мономаха у церкви святой Софии. Б. Д. Греков (Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 297) принял это предположение Татищева как исторический факт.

⁷² «Синопис», стр. 204.

⁷³ Там же, стр. 202—203.

⁷⁴ Там же, стр. 202.

тер идеологии летописи оставался, конечно, как правило, господствующим на протяжении всего летописного периода русского летописания XI—XVI вв. За это время летописная форма изложения способствовала собиранию и накоплению исторических фактов и знаний. Летопись как свод до поры до времени поэтому была незаменима. Летопись была не только наполнена большим количеством фактов, но в огромных сводах XVI в. перегружена ими. В связи с усложнением условий общественной жизни, с новыми явлениями в социально-экономической и культурной жизни страны, когда подготовлялись предпосылки для превращения исторических знаний в науку, когда на место теологического объяснения требовалось установление причинности, летопись с ее погодной формой изложения уже не удовлетворяла возросших запросов. Становилось все более и более ощутимым, что факты, взятые сами по себе, факты без идей — «сор для голов и памяти» (как писал в свое время В. Г. Белинский).⁷⁵ В XVII в. исторические произведения приобретают еще большую политическую заостренность и злободневность. Если Повесть временных лет являлась сводом источников и идей своего времени, включая наряду с феодальной идеологией и народный эпос, то «Синописис», несмотря на заведомую компилятивность, таким сводом уже не был и являться не мог. «Синописис» — это уже не летопись, но еще и не история.

Редакционная работа автора «Синописиса», которую он проделал над своими источниками, настолько велика и отлична от редакторских приемов летописания, что ее скорее нужно приравнять к работе историка, чем летописца. Однако составитель «Синописиса» во многом поступал как летописец: он сводил, компилировал источники, часто оставляя их без анализа и проверки. Но дело не только в формальном отличии приемов написания произведения. Дело в другом: насколько научное мировоззрение вытеснило религиозное, насколько закономерность в объяснении исторических событий и фактов брала верх над телеологическим пониманием истории. Автор «Синописиса» — церковник. Его идеология феодально-монархическая, религиозная. Но, продолжая верить в бога, по-прежнему объясняя действия людей божественным промыслом, он не был чужд известного понимания закономерности, конечно в идеалистическом смысле.

В важном вопросе о начале древнерусского государства, всегда злободневном в науке, автор стихийно встал, как мы видели выше, на путь признания самостоятельного происхождения государственности на юге и севере, в Киеве и Новгороде. Государство, точнее княжеская власть, не принесена извне, а возникла в результате внутренней необходимости. Как понимал ее автор «Синописиса»? Уже первые славянские князья создают на юге «грады и места ради тишайшего жития и прибежища». Позднее княжеская власть являлась для «российских народов» организацией порядка в «великом междуусобии и многом настроении».

Отрицать элементы научности у автора первой печатной книги по русской истории, думается, неверно. Это значит не видеть того нового, что пробивало себе дорогу сквозь старую средневековую идеологию и летописную форму повествования.

Элементы научности также видны в критическом подходе к отечественным и иностранным источникам. Правда, автор не всегда уточнял свою точку зрения, часто ограничиваясь простым воспроизведением различных мнений и версий, но сам принцип постоянного и систематического сопоставления и проверки источников и литературы уводил его далеко от летописной манеры работы. Даже умолчания и тенденциозность, ведущие часто

⁷⁵ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XII, М., 1926, стр. 453.

к искажению исторической правды, далеко выходили за пределы летописной традиции. Но в итоге нужно признать, что «Синописис» все еще достаточно далек от науки. Он был промежуточным, переходным типом между летописью и историей в прямом смысле этого слова. Появление «Синописиса» способствовало превращению знаний в науку. Первый опыт печатного изложения древней русской истории имел большое значение для распространения и развития исторических знаний в России в XVII—XVIII вв. Его популярность объяснялась доступностью изложения, кратким, но сравнительно верным пересказом летописных источников, определенной патриотической и социальной направленностью.

* *
*

Первая печатная книга по русской истории «Синописис» была издана в свет с согласия русского правительства. Идейное содержание этого произведения таково, что его можно считать произведением русской и украинской историографии.

«Синописис» свидетельствует об известной близости русской и украинской исторической мысли с польской историографией. Напомним, что Стрыйковский, использовавший для краткого очерка истории Восточной Европы русские летописи, явился в свою очередь одним из главных источников для украинского автора «Синописиса». Густынская летопись — другой источник «Синописиса» — со своей широтой в освещении событий Восточной Европы явилась основой для сближения русской и украинской историографии и источником, поверяющим показания польской «Хроники» Матвея Стрыйковского.

Первая печатная книга по русской истории «Синописис» исторически обосновывала необходимость воссоединения Украины с Россией двумя обстоятельствами: родством украинского и русского народов, которые рассматривались как «российские народы», и единством самодержавной власти в России. Автор «Синописиса» считал воссоединение Украины с Россией законным восстановлением единой государственной власти, сложившейся еще в период древней Руси над всеми «российскими народами». Одновременно автор «Синописиса» отстаивал идею украинской государственности, объявляя родиной самодержавной власти в России Киев, куда в его время начало возвращаться «царственное бытие».

О. А. БЕЛОБРОВА

К вопросу об иконографии Максима Грека

В многочисленных списках сочинений и переводов Максима Грека XVI, XVII и XVIII вв. нередко встречаются его изображения. Обычно это миниатюры, представляющие пожилого человека в монашеской одежде, с широкой и длинной бородой, чаще всего в профиль оплечно, иногда по пояс, впрямь, иногда же и в рост, порою с письменными принадлежностями, за перепиской книг. Однако эти условные «портреты» Максима Грека не остались единственными его изображениями. Трудно назвать какого-либо другого деятеля древнерусской письменности и литературы, изображению которого было бы уделено столько же внимания в XVI—XVIII вв. Здесь и миниатюры в рукописных книгах, и многочисленные иконы, отличающиеся разнообразием иконографических прототипов, и, наконец, фрески, украшающие стены соборов и церквей.

При всем богатстве этого материала легко заметить различие между теми изображениями Максима Грека, в которых он представлен как писатель, публицист, мыслитель, и другими, в которых ему придавали значение святого, подчеркивая это не только нимбом вокруг его головы, но и надписью «Преподобный Максим Грек».

Между тем известно, что Максим Грек не был канонизирован. Изображение последнего на иконах обычно объясняется почитанием памяти Максима Грека среди раскольников и старообрядцев в XVII и XVIII вв. Однако и официальная русская православная церковь допускала изображение Максима Грека как «преподобного», «Радонежского чудотворца», святого. Каким же образом дважды осужденный на московских соборах 1525 и 1531 гг. приезжий афонский монах Максим Грек заслужил почетное право быть изображенным, например, в 1564 г. среди наиболее прославленных философов и писателей древности в фресках галереи Благовещенского собора московского Кремля;¹ в конце XVI в. на иконе, принесенной в кремлевский Успенский собор, и на другой, созданной для часовни над гробом Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре;² наконец, в XVII в. в фресках двух храмов этого же монастыря, в вологодском Софийском соборе, Толчковской церкви Иоанна Предтечи в Ярославле и на многочисленных иконах?³ Чтобы ответить на этот вопрос, следует наметить некоторые этапы в развитии иконографии Максима Грека. Не-

¹ Н. Е. Мневва. Московская живопись XVI века. — История русского искусства, т. III. Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. М., 1955, стр. 554.

² Об этом под 1593 г. приведены сведения в рукописном списке жития Максима Грека: ГБЛ, собр. Ундольского, № 338, лл. 90 об.—92 об.

³ В церкви Сошествия святого духа (Духовской) в 1655 г. и в Успенском соборе в 1684 г.; в Толчковской церкви в 1694—1695 гг., в вологодском Софийском соборе в 1686—1688 гг. Иконы с изображением Максима Грека XVII в. хранятся в Гос. Третьяковской галерее, Гос. историческом музее, в Гос. Русском музее.

сомненно, самыми ранними из всех дошедших до нас его изображений являются три рисунка в списках его сочинений Соловецкого собрания.⁴ Обычно их датируют концом XVI—началом XVII в. Если это и не прижизненные изображения Максима Грека, то уж во всяком случае они восходят к какому-то неизвестному устойчивому прототипу, который передает не только вообще монашеский облик Максима Грека, в профиль, с бородой, в клобуке, но и индивидуальные его черты: загнутый книзу крючковатый нос, резкие складки на щеках, пониже скул, пышно растущую бороду.

К этому же кругу изображений Максима Грека следует отнести и миниатюру из списка его сочинений, хранящегося в БАНе и датируемого XVII в.⁵ Максим Грек изображен здесь (рис. 1) сидящим в келье, во весь рост, за перепиской книги, положенной на колени. Этот рисунок тем близок к трем его ранним «портретам», что он также представляет писателя, переводчика, но не святого, хотя надпись и называет его «преподобный Максим Грек»: голова в черном клобуке не имеет нимба.⁶ Интересно еще одно изображение Максима, которое находится также в списке его сочинений, принадлежащем Гос. историческому музею, и относится к началу XVII в.⁷ Здесь Максим Грек изображен не в клобуке, а в камиллавке, впрямь, по пояс, с раскрытой книгой в левой руке, с благословляющей правой рукой. По сторонам его изображения помещена киноварная надпись, причем ее строки расположены вокруг головы Максима, подходя вплотную к контурам последней. Несомненно, и этот Максим Грек, судя по надписи и по характеру изображения, — писатель, ученый монах, а не святой. Но в позднейшее время, по-видимому в XIX в., чья-то безжалостная рука навела вокруг головы Максима тонкую, кое-где прерывистую линию нимба, которая грубо пересекла отдельные буквы и слова сопроводительной киноварной надписи; были раскрашены поверх тонких первых контуров одежды Максима, и даже традиционные характерные складки у скул на щеках оказались почти закрытыми желтыми пятнами краски. Одновременно была смыта и заменена надпись на книге. Это превращение условного «портрета» писателя в каноническое изображение святого как нельзя лучше показывает, что в XVIII и XIX вв. более обычными были изображения Максима Грека в качестве святого, а не писателя. О том же, что современники Максима Грека смотрели на него прежде всего как на писателя и мыслителя, позволяет судить уже упоминавшееся изображение его в фресках 1564 г. всего лишь через 8 лет после его смерти, в галерее Благовещенского собора московского Кремля. Таким образом, первый этап в истории изображения Максима Грека составляют его условные «портреты» как автора многочисленных сочинений и переводов, созданных им во время его почти сорокалетнего (1518—1556) пребывания на Руси: при великокняжеском дворе Василия III в Москве (в Чудовом монастыре), в ссылке в Иосифово-Волоколамском и в Тверском Отроче монастыре и, наконец, в последние годы жизни в Троице-Сергиевом монастыре. Любопытно, что уже в этой группе изображений имеются

⁴ а) ГПБ, Соловецкое собр., № 497/516, л. 1 об. По сторонам изображения — странная надпись, называющая Максима Грека. Издано в сочинениях Максима Грека: Казанская духовная академия, т. I, 1859. Переиздано в ряде монографий, посвященных Максиму Греку; например: В. С. Иконников, Максим Грек и его время. 2-е изд. Киев, 1915; б) ГПБ, Соловецкое собр., № 494/515, л. VII; в) там же, № 496/515, л. 8 об.

⁵ БАН, Архангельское собр., № 1044, М. Б. № 15, л. 10 об.

⁶ М. В. Щепкина любезно указала на сходство с этим типом изображения писца из жития Антония Сийского 1648 г. (ГИМ, собр. Щукина, № 750, л. 163)

⁷ ГИМ, Музейное собр., № 3809/4, л. 38 об.

различные иконографические варианты: и в профиль, и впрямь, и в рост, и по плечи, и по пояс. Однако здесь все же наблюдаются и некоторые индивидуальные, особенные черты: складки на щеках, характерная борода, восточный тип лица. Эти условные «портреты» встречаются с середины XVI до начала XVII в. Они показывают, что в XVI и XVII вв. авторитет Максима Грека как писателя, переводчика и публициста был очень велик. Не следует забывать, что Максим Грек с блестящим умом и талантом сумел во многих сочинениях обличить монастырское стяжательство, лихоимство, узурпацию центральной власти боярскими группировками. К его высказываниям внимательно прислушивались, и сам Иван Грозный «жаловал» посланиями Максима Грека. Чрезвычайно интересно, что многие из его требований, выраженных им в различных литературных произведениях, были приняты еще на Стоглавом соборе. Все это рисует нам Максима Грека как умного, смелого и резкого в суждениях писателя и публициста, который с некоторым фанатизмом отстаивал свои взгляды, слагавшиеся в борьбе «нестяжателей» и «нософлян». Обладая недюжинным темпераментом публициста, Максим Грек представлял собой яркую, хотя и несколько трагичную фигуру в русской культуре XVI в.

Новый этап в иконографии Максима Грека составляют его изображения как святого. Редкий список пространной редакции жития Максима Грека со сказанием о его «чудесах», датируемый 1721 г., сообщает, что в 1593 г. царя Федора Иоанновича под Юрьевым Ливонским спас «от напрасные смерти» Максим Грек, явившийся ему во сне, и что «от сего времени великий государь Федор Иванович велию веру име ко преподобному многострадальному Максиму чудотворцу Радонежскому... И повеле изографу царские полаты имени Михаилу Чустову написать образ преподобного отца нашего Максима; и по царскому повелению написашася образ преподобного Максима и украсиша золотом и серебром и бисером и камением многоценным, и принесоша сам царь Федор Иванович в соборную церковь Успение пресвятой богородицы. И святейший Иов патриарх прииде в соборную церковь, и виде образ преподобного отца Максима Грека, и удивися велии красоте образу его и поклонися честному образу и царю... И сам святейший Иов патриарх и великий государь царь Федор Иванович поидоша во обитель живоначальных Троицы и к преподобным и чудотворным Сергию и Никону и к Максиму поклонитися».⁸ У нас нет оснований не доверять этому источнику так же, как не доверяет ему И. Денисов, не оставляющий за житием никакой научной ценности.⁹ Правда, нам неизвестно по другим документам имя царского иконописца Михаила Чустова. В «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси»¹⁰ мы также не встречаем никаких известий о Максиме Греке. Однако мы увидим ниже, что для возникновения почитания памяти Максима Грека во всех возможных формах — и в литературной, и в иконописной — на Руси в официальных правительственных и

⁸ ГБЛ, собр. Ундольского, № 338, лл. 89—91. Это житие издано дважды: 1) С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, прилож. 9—10, стр. XIII—СХХIV; 2) Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел, в. 7. М., 1900, прилож. 1.

⁹ Elie Denissoff. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe. — *Revue des études slaves*, t. 31, fasc. 1—4. Paris, 1954, стр. 17—18. Денисов напрасно не обращает внимания на имена царя Федора Иоанновича и патриарха Иова, приведенные в житии № 338, на наш взгляд, отнюдь не случайно. Сам Денисов приписывает немалую роль патриарху Иову в реабилитации памяти Максима (стр. 11), но только с точки зрения узко литературной, агиографической, без внимания к другим формам почитания Максима Грека, в том числе к иконописи.

¹⁰ ПСРЛ, т. XIV, первая половина. СПб., 1910.

церковных кругах именно в конце XVI в. были серьезные причины. Обратимся теперь к прерванному нами рассказу жития, которое переносит нас в стены Троице-Сергиева монастыря, где Максим Грек провел последние 5 лет жизни (1551—1556) и где он погребен с северо-запада Духовской (Сошестввенской) церкви.¹¹ Пришедшие сюда в 1593 г. царь Федор Иоаннович и патриарх Иов с целью «поклониться» Максиму принимают, по житию, решительные меры, направленные на прославление Максима Грека как святого. Так, «царь великий повеле деревянную часовню сломати над гробом его и повеле вскоре возградити каменую часовню и украсити ю».¹² А патриарх Иов «повеле образ его над гробом поставити и мнозем людем верующим преподобному образы писати его с прилежанием; и начаша мнози людие преписати образ преподобного Максима Грека».¹³ Древняя часовня над гробом Максима в Троице-Сергиевом монастыре не сохранилась. Не дошли до нас и письменные свидетельства о ней; так, например, монастырская Опись 1641—1643 гг. не упоминает ее среди приделов Духовской церкви.¹⁴ Таким образом, мы не располагаем ранними иконописными изображениями (или их подробными описаниями) Максима Грека, о которых говорится в письменных источниках. Дошедшие до нас три иконописных подлинника XVI в. также умалчивают об иконах Максима Грека.¹⁵

Не то представляют собой материалы, связанные с иконографией Максима Грека в XVII в. Здесь и большое количество икон, и миниатюры в рукописных книгах, и фресковые изображения, и данные различных иконописных подлинников и других письменных источников. Подобно условным «портретам» Максима, в этих изображениях наблюдается несколько различных вариантов. Наиболее распространенным в XVII в. является следующий тип Максима Грека: голова его окружена нимбом, он представлен впрямь, по пояс, сидящим за столом, одетым в мантейку с многочисленными складками; вся его грудь закрыта бородой, широкой и пышной; на столе письменные принадлежности. Такие иконы встречаются в собрании Гос. исторического музея (№№ 18296 ш, 30098, 58270), Музея истории религии и атеизма (№№ А 335, А 3099), в ряде частных собраний. Особенно выразителен образ Максима Грека на иконе этого типа в собрании Государственного литературного музея Пушкинского Дома в Ленинграде (инв. № 58765).¹⁶ Другой, не менее распространенный ва-

¹¹ Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880, № 220, стр. 23; ср. также: Г. А. Красноцветов. Археологические раскопки на территории Троице-Сергиевой лавры в 1942 г. Рукопись. Загорский музей.

¹² Житие, л. 92. Вопрос о времени сооружения часовни над гробом Максима Грека окончательно не решен. Е. Е. Голубинский в труде «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им лавра» (М., 1909, стр. 222), а вслед за ним и В. П. Зубов в работе «Духовская церковь» (рукопись, 1943, Загорский музей, стр. 9) относят постройку часовни к 1651—1656 гг., опираясь только на рукопись Сказания о Максиме Греке собрания Погодина № 114 и не принимая во внимание цитированные нами сведения из жития № 338. Впрочем, весьма возможно, что «повеление» Федора Иоанновича «вскоре возградити каменую часовню» не было осуществлено.

¹³ Житие, л. 92—92 об.

¹⁴ Опись Троице-Сергиева монастыря 1641—1643 годов. Рукопись в собрании Загорского музея, № 289. На л. 296 указаны переводы Максима Грека, хранившиеся в это время в «книгохранительнице» монастыря: «Книга деств на большой бумаге, псалтырь толковая Максимову переводу Грека, поволочена кожею в затылок, 13 кафизем... псалтырь толковая, в ней сем кафизем Максимову переводу Грека».

¹⁵ Г. Филимонов. Иконописный подлинник Новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI в. с вариантами из списков Забелина и Филимонова. — Сборник Общества древнерусского искусства на 1873 год. М., 1873. Материалы, стр. 1—39.

¹⁶ Пользуюсь случаем принести благодарность Д. С. Лихачеву за указание на эту икону и за предоставление ее фотографии. Эта икона была приобретена музеем в 1943 г.

риант изображения Максима Грека может быть представлен по описанию в иконописном подлиннике 1694 г. из собрания ГПБ, где под 21 января отмечена «память преподобного оца нашего Максима Грека Радонежского, чюд, сед, брада широка и плеча закрыла до персей, в камилавке; риз преподобниче, книга в руках».¹⁷ К этому типу следует отнести икону из собрания Гос. Русского музея,¹⁸ а также и фрески Духовской церкви 1655 г., Успенского собора 1684 г. (рис. 2), вологодского Софийского собора 1686—1688 гг. и Толчковой церкви в Ярославле 1694 г.¹⁹

Близкими к этому варианту являются иконы, представляющие Максима Грека без книги (обычно содержащей догмы, на которые опирались старообрядцы), с благославляющей рукой. Такова еще одна икона из собрания Гос. Русского музея,²⁰ икона XVII—XVIII вв. в собрании Гос. Третьяковской галереи²¹ и др. Совершенно такого же типа миниатюра из сборника, содержащего переводы и сочинения Максима Грека, в собрании ГПБ,²² впрочем, слабая в художественном отношении. О том, что изображение «преподобного Максима» не обязательно было с книгой, позволяют судить Сборник ГПБ XVII в., называющий среди имен святых по алфавиту: «Максимы преподобного над, сед, брада кругла аки Николина, в одной ряске внищавой»,²³ и иконописный подлинник XVII—XVIII вв.: «память преподобного оца нашего Максима Грека, Радонежского чудотворца, сед, брада широка и плеча закрыла до персей, в камилавке».²⁴

в Казани у коллекционера Н. Коровина. Перевод-прорись с иконы этого типа был впервые опубликован около 100 лет назад В. Прохоровым в журнале «Христианские древности» (1862, кн. 2, стр. 14—15). Прохоров ошибочно утверждал в сопроводительном тексте, будто «благотворный образ преподобного Максима Грека представляется одинаково на всех старинных иконах». По-видимому, изображения Максима Грека были малоизвестны в XIX в.

¹⁷ ГПБ, О. XIII. 6, л. 113.

¹⁸ № 2253 ДРЖ. Издана в следующих трудах: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. СПб., 1906, ч. II, табл. CCCX, № 568; M. Winkler. Geschichte Osteuropas bis zum 17 Jahrhundert. Propyläen Weltgeschichte, t. 4. Berlin, 1932, стр. 489; A. Yarmolinsky. Studies in Russian Americana. — Bulletin of the New York Public Library, v. 43, № 7, July, 1939; E. Denisoff. Maxime le Grec et l'Occident. Paris—Louvain, 1943. Последний определяет эту икону как старообрядческую (vieux ritualistes).

¹⁹ О фреске с изображением Максима Грека, выполненной первоначально в 1655 г. в Духовской церкви (близ которой он был похоронен), позволяет судить только лишь позднейшая Опись (ЦГАДА, Архив Троице-Сергиевой лавры, дело 1777 г., № 684: «О расписании Сошественской церкви стеном писанием, и о зделании вновь иконостаса»), в которой на л. 49 указывается, «чтоб стеное писание производимо было по старому, ничего неперемня», а на л. 89 описывается в реестре расходов книжек червонного золота: «на левой стороне в окошке на Савву Сторожевского и Максима Грека 9 листов». Как известно, эта роспись была уничтожена еще в XIX в. Фреска 1684 г. в Успенском соборе представляет Максима Грека в рост на северо-западном столбе рядом с Михеем Радонежским (ср.: Ю. А. Олсуфьев. Опись икон Троице-Сергиевой лавры до XVIII в. и наиболее типичных XVIII и XIX вв. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, Сергиев, 1920, стр. 65). В росписи вологодского Софийского собора, выполненной в 1686—1688 гг., Максим Грек представлен погрудно, причем вокруг овальной прориси изображена тяжелая резная рама. Это изображение Максима Грека мало известно и никогда не публиковалось, хотя представляет несомненный интерес. Фреска 1694—1695 гг. в Толчковой церкви Иоанна Предтечи в Ярославле издана трижды: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания, ч. II, табл. CCCVIII, № 587; А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1913, стр. 32/33 (вторая пагинация); Н. Первухин. Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле. М., 1913, рисунок на стр. 50.

²⁰ № 2221 ДРЖ.

²¹ ГТГ, № 20887. Намечена к расчистке.

²² ГПБ, Q.I.219, л. 9 об.

²³ ГПБ, Q. XVII. 32, сборник XVII в., л. 118 об.

²⁴ ГПБ, Q. XIII. 11, Иконописный подлинник по месяцам, лл. 80 об.—81.

Несмотря на то, что насчитывается довольно большое количество икон с изображением Максима Грека, следует заметить, что далеко не все иконописные подлинники упоминают Максима Грека.²⁵ Зато Сийский иконописный подлинник XVII в.²⁶ дает изображение Максима Грека в рост, за работой переписчика книги, наподобие приведенной выше миниатюры из Архангельского собрания БАН, но с нимбом. Сходно с ним по типу изображение Максима в списке его сочинений из собрания БАН,²⁷ датируемое концом XVII—началом XVIII в. Это изображение отличается роскошью и необычайной нарядностью колорита: зеленая шапочка с серой меховой оторочкой, красная мантийка с резкими черными складками и золотыми пробелами, зеленая ряска, белые чулки, лилово-красные башмаки, желтая мебель, с черными тонкими расписными травмами — все говорит о вольном толковании строгого канонического изображения. Да и лик — горбоносый, явно восточный — поражает большой выразительностью, напоминающей о достижениях русского реалистического искусства конца XVII—начала XVIII в. Житие Максима Грека (Унд. № 338) называет имена еще нескольких иконописцев XVII в., писавших изображения его, как например под 1623 г. Василия Матфеева, под 1654 г. Ивана Афанасьева, а также приводит сведения об изографе Евстафии Федорове, сыне Беляеве, который «живет в Спасской слободе у Сухаревой башни» и «образы святые пишет, а грамоте не умеет»; причем выясняется, что в это время «не велено... писати у образов святых благословенные двема персты, но един перст отвращати по новому закону их».²⁸

Из круга всех рассмотренных нами изображений выпадает еще одна несколько необычная икона с изображением Максима Грека. Она хранится в Загорском музее (рис. 3) и, хотя может быть датирована началом XVIII в., явно представляет собой произведение, написанное под икону XVI в. Архаизирующий ее характер отмечал еще Ю. А. Олсуфьев.²⁹ Действительно, это изображение более символично, чем избыточные многочисленными атрибутами иконы и миниатюры XVII и тем более XVIII вв.³⁰ Здесь нет ни свитка, ни книги, ни письменных принадлежностей, ни пояснительных текстов, за исключением высоко поднятой на

²⁵ Например, его нет в ГПБ в иконописных подлинниках; О. XIII. 2, XVII в.; О. XIII. 5, XVII в., Погодинском № 1930, в «Указании, как изображать святых на иконах» — О. XVII. 37, XVII в.; в БАНе его нет в кратком иконописном подлиннике конца XVII—начала XVIII в. — 45.9.4, в иконописных подлинниках XVII в. — 33.3.9, 45.10.1, 38.1.11, Арханг. собр. С. № 205.

²⁶ ГПБ, ОЛДП, LXXXVIII (86), л. 493 об. Изображение Максима Грека из Сийского иконописного подлинника издано дважды: Н. В. Покровский. 1) Сийский иконописный подлинник, в. IV. 1898, рис. 60; 2) Иконография и искусство. СПб., 1900, рис. 221.

²⁷ БАН, собр. Бурцева, № 25 (1.5.97). Издано в кн.: А. Е. Бурцев. Опись старых славянских и новых русских рукописей, т. IV. СПб., 1901, рисунок на стр. 64.

²⁸ Житие № 338, лл. 96, 106 об.—107, 107 об.—108.

²⁹ Ю. А. Олсуфьев. Дополнение II к Описи икон б. Троице-Сергиевой лавры. Комиссия по охране памятников искусства б: Троице-Сергиевой лавры, Сергиев, 1925, стр. 6: «под XVI в. Надо думать, что икона подделана на старой доске». Икона поступила в музей в 1924 г. из Москвы.

³⁰ В собрании ГИМ икона № 68556 XVIII в. представляет Максима Грека с книгой в левой руке, с чегками на правой; борода его написана очень неуклюже, какими-то жесткими, падающими сверху донизу без волны графьями. Сходное изображение дает икона Б 4814 XVIII в. из коллекции Музея истории религии и атеизма. В ГПБ хранится написанный маслом на холсте портрет Максима Грека типа «парсунного письма». Здесь только роскошная шелковистая седая борода отдаленно напоминает об иконописных и рукописных прототипах.

рамку иконы надписи вязью: «ПРЕД МАКСИМЪ ГРЕКЪ».³¹ Изображение поражает своим лаконизмом. Выделяется широкоскулое, худое, восточного типа лицо с резкими, жесткими складками на щеках, пухлыми губами крепко сжатого рта, громадная окладистая борода. Рассматривая эту икону в ряду всех других дошедших до нас изображений Максима Грека, невольно ловишь себя на мысли: а не есть ли это позднейшая копия XVII или XVIII в. с иконы, написанной для установления на гробу Максима в конце XVI в.? Ведь именно такой надгробной иконой и могло быть это изображение, отличающееся и от условных «портретов» писателя, с одной стороны, и от канонических, однообразных типов «преподобного», «Радонежского чудотворца», распространившихся позднее, в XVII в. Во всяком случае трудно представить, чтобы это произведение было создано без какого-либо не дошедшего до нас древнего (и не древнейшего ли в ряду изображений Максима как святого) прототипа.

В заключение необходимо вернуться к вопросу о том, почему обвинявшегося дважды в ересь монаха-иноземца из греческого монастыря допустили без официальной канонизации в «преподобные», в число так называемых избранных святых русской православной церкви. Дело здесь, разумеется, менее всего в том, что Максима Грека после его смерти признали как одаренного публициста, обличителя монастырского стяжательства и т. п. Если бы речь шла только о его авторитете писателя, все могло бы ограничиться в области иконографии лишь распространением его условных «портретов». Остается предположить, что русская церковь стремилась реабилитацией памяти Максима Грека выиграть в это время во взаимоотношениях с константинопольским патриархом. Весьма возможно, что полученная Иваном IV Грозным в 1561 г. грамота константинопольского патриарха, подтверждающая его венчание на царство, и побудила ввести в 1564 г. в число особо чтимых мудрецов соотечественника греков Максима в фресках галереи Благовещенского собора московского Кремля. Это тем более вероятно, что о расположении константинопольского патриархата к Максиму Греку позволяет судить послание 1546 г. от патриарха константинопольского Дионисия к Ивану Грозному.³² Приведенные выше сведения из жития (№ 338) о введении почитания Максима Грека в московском Кремле (Успенский собор) и в Троице-Сергиевом монастыре с ведома царя Федора Иоанновича и только что поставленного (1588 г.) во главе русской патриархии Иова, известия о поощрении ими же иконописцев, изображавших Максима Грека, следует объяснять, как нам кажется, опять-таки взаимоотношениями между русской церковью и константинопольским патриархатом в конце XVI в. Прибывший для поставления в патриархи московские митрополита Иова константинопольский патриарх Иеремия II посетил в 1588 г. Троице-Сергиев монастырь.³³ Здесь, по-видимому, Иеремия II обратил внимание на могилу своего соотечественника и, должно быть, отнесся к его памяти сочувственно, так как ему самому пришлось пережить годы изгнания и опалы.³⁴ Предприним-

³¹ По наблюдению М. В. Щепкиной, палеографические особенности этой надписи указывают на подражание образцу XVI в.

³² Е. Е. Голубинский. История Русской церкви, т. 2, 1-я половина. М., 1900, стр. 816—817.

³³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. VIII, т. X. СПб., 1843, стр. 71—72, прим. 214. В своей статье 1954 г. И. Денисов указывает на роль Иеремии II в реабилитации Максима (стр. 11).

³⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. III, т. X. СПб., 1843, стр. 69. «Греческое дело» 1588 г. (ЦГАДА, ф. 52, дело 1588 г., ед. хр. 3, лл. 42 об.—46 об.) сохранило сведения о том, что Иеремия II пробыл в Троице-Сергиевом монастыре значительно дольше, чем предполагалось. Он уехал из Москвы 5 февраля 1589 г.;

чивый Иов, по-видимому, решил не упускать случая внести свою лепту в укрепление прочных связей между русской православной церковью и константинопольским патриархатом и принял за действительность. Так появились «чудеса» на могильной плите Максима Грека, отсюда же возникло и почитание и изображение его как святого. Если бы это почитание исходило не из официальных кругов, изображению Максима Грека не отвели бы места в Успенском соборе московского Кремля; его сочинения и изображения не находились бы в Троице-Сергиевом монастыре — крупнейшем центре русской православной церкви, посещавшемся представителями высшего восточного духовенства наравне с соборами московского Кремля. Судя по изображениям Максима Грека в фресковых росписях двух церковных зданий Троицкого монастыря: в 1655 г. в Духовской церкви и в 1684 г. в Успенском соборе,³⁵ отношение к Максиму Греку и в XVII в. носило все тот же характер. Уважение к Максиму Греку и его памяти отвечало отчасти и стремлениям превратить русскую православную церковь в оплот всего православного мира в том числе для древнейших восточных церквей.

Таким образом, почитание Максима Грека в среде раскольников, старообрядцев в XVII и XVIII вв. возникло уже после полуофициального признания его памяти московской патриархией.³⁶

О почитании же Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре позволяют судить многочисленные записи в монастырских документах. Так, под 1737 г. сообщается, что «подле церкви Сошествия святого Духа полатка каменная, а в ней деисус писан на трех цках в киоте, деревянной, писан на празелени. Перед деисусом образ преподобного Максима Грека писан на празелени... таблица в рамах столярных на белом железе, писанъ летописец Максиму Греку...»³⁷ Весьма возможно, что к 1759 г. был специально написан новый «образ преподобного Максима Грека во облаце... венец сребренный резной», так как далее указывается: «гробница преподобного Максима Грека каменная, с одной стороны решетка железная, на гробнице образ оного преподобного, писан на красках».³⁸ Под

в наказе Григорию Нащокину предписывалось возвратиться в Москву 7-го или, по воле патриарха, 8 февраля, но Иеремия уехал из монастыря только 11 февраля. Нащокин особо «сказывал» Федору Иоанновичу об этом посещении о чем глухо упоминается на л. 46 об. указанного дела. В том же деле, на л. 26 об., представляет интерес указание, что 21 июля 1588 г. константинопольский патриарх Иеремия, митрополит монемвасийский Иерофей и эласонский архиепископ Арсений «шли ко государю мимо Благовещенья папертью», в фресках которой уже имелось упоминавшееся изображение Максима Грека 1564 г.

³⁵ Изображение Максима Грека сначала в вологодском Софийском соборе (1686—1688 гг.), а затем и в церкви Иоанна Предтечи в Ярославле (1694—1695 гг.) может быть объяснено тем, что во главе артели иконописцев стоял тот же Дмитрий Григорьев, который работал над росписью Успенского собора Троицкого монастыря в 1684 г. Видимо, у него сохранилась прорись от Успенского собора, которую он использовал в Вологде и Ярославле, однако со значительными отклонениями в колорите и в отдельных деталях.

³⁶ Вопросу об отношении раскольников и старообрядцев к Максиму Греку уделено несколько страниц в указанной статье И. Денисова 1954 г. (стр. 16—18). Однако и здесь в сферу внимания автора попали только два литературных памятника и даже не упоминаются многочисленные иконописные изображения Максима, дополняющие свидетельства о его почитании в этой своеобразной среде. Хранящаяся в Гос. Третьяковской галерее прекрасная икона XVI в. Богоматерь Тихвинская (14410) с надписью XVIII в. на обороте доски: «Сему образ М. А. Н. О М А Максим Грека», по любезно сообщенному нам мнению В. И. Антоновой, дает представление еще об одной стороне в старообрядческом почитании Максима Грека в XVIII в.

³⁷ «Книги описные ризной казне... 737 году». Рукописная книга в собрании Загорского музея, л. 137—137 об.

³⁸ «Копия с описи, какова учинена присланным лейбгвардии Преображенского полку капитаном поручиком Андряном Лопухиным» (1759 г.). Рукописная книга в собрании Загорского музея, л. 45 об.

1789 г. сообщается наименование новых икон в палатке, а в их числе архангелы Михаил и Гавриил, Федор Стратилат. На гробнице кирпичной (тоже перестроенной (?)) «образ преподобнаго Максима Грека, на нем венец, с цатою, чеканные серебряные позолочены».³⁹ Как показывают эти записи, вся утварь «палатки» часто обновлялась, заменялась. По-видимому, поэтому-то здесь не сохранились самые первые иконописные изображения Максима Грека еще XVI и начала XVII в. В XIX в. в часовне Максима Грека числилась всего одна икона с его изображением, вложенная в монастырь петербургским купцом Егором Мироновым в 1850 г.⁴⁰ Приведенные известия ясно говорят о том, что древние изображения, возможно, восходившие к подлинному портрету Максима Грека, отсутствовали в монастыре в новое время. Неоднократные капитальные перестройки этой часовни (например, в 1778 и 1847 гг.), частые поновления и замены утвари в ее убранстве не дали возможности сохраниться близ места погребения Максима Грека наиболее древним его изображениям, которые могли быть созданы видевшими его в Троицком монастыре иконописцами.

Сохранившиеся до нашего времени рукописи с миниатюрами, иконы, монументальные фрески,⁴¹ рисуя облик Максима Грека, составляют одну из интересных, до сих пор не написанных страниц в истории древнерусского изобразительного искусства.

³⁹ «Опись церквей и ризницы Троице-Сергиева монастыря 1789 г.». Рукописная книга в собрании Загорского музея, лл. 86—87 об.

⁴⁰ Главной описи Свято-Троицкой лавры. Опись церквей 1859 г. Гл. П. Гробница над мощами преп. Максима Грека, л. 939/2. По-видимому, это новое изображение и было опубликовано в издании сочинений Максима Грека, предпринятом в Троице-Сергиевой лавре в 1910 г. В Описи монастыря под 1908 г. в этой палатке числилась еще громадная картина в золоченой раме, изображавшая Максима Грека в темнице и ангела (см.: «Опись церквей св. Троицкие Сергиевы лавры, составленная в 1908 г. (для отца ризничего)». Рукописная книга в собрании Загорского музея, л. 219).

⁴¹ При подготовке настоящей статьи к изданию было обнаружено еще одно малоизвестное фресковое изображение Максима Грека в паперти Преображенского собора московского Новоспасского монастыря, относящееся к 1690 г. (ср.: К. Я. Тромонин. Очерки с лучших произведений живописи, гравирования и зодчества с кратким описанием и биографиями художников, т. I. М., 1839, стр. 71—73, рис. 24, а также: А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. II. СПб., 1889, Приложение, столб. 214). Как известно, этот монастырь был родовой усыпальницей бояр Романовых и широко посещался представителями высшего восточного духовенства. Изображение Максима Грека могло быть выполнено здесь в память Саввы Святогорца, архимандрита Новоспасского монастыря, который был осужден и сослан вместе с Максимом в 1525 г.

Преподобный Максимъ Грекъ .,

Рис. 1. Максим Грек. (Сборник БАН, Архангельское собр., № 1044, М. Б. № 15, XVII в., 4°, л. 10 об.).

Рис. 2. Максим Грек. Фреска Успенского собора Троице-Сергиева монастыря. 1684 г. Северо-западный столб. (Фот. Г. Б. Лебедева, 1957 г.).

Рис. 3. Икона с изображением Максима Грека. (Собрание Загорского музея, № 5023, XVIII в., 27×24 см).

Н. А. КАЗАКОВА

Сведения об иконах Андрея Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI в.

Иосифово-Волоколамский монастырь, основанный в 1479 г., очень скоро превратился в один из крупнейших русских монастырей. Его основатель Иосиф Волоцкий заботился не только о расширении земельных владений монастыря, но и о придании ему внешнего великолепия. В 1482 г. на месте построенной при основании монастыря деревянной церкви Успения богородицы он приказал воздвигнуть каменную церковь, которая в 1484—1486 гг. была расписана «хитрыми живописци в русской земли Дионисием и его детми Владимиром и Феодосием и Пасею иноком».¹ Преемники Иосифа продолжали заботиться об украшении монастырской церкви «честными иконами», и в середине XVI в. в ее стенах было сосредоточено большое количество икон, принадлежавших кисти выдающихся русских художников. Из описи монастырского храма, ризницы и библиотеки, составленной старцем Зосимой и книгохранителем Паисием в 1545 г., мы узнаем, что в монастырской церкви находилось восемьдесят семь икон, принадлежавших кисти Дионисия, двадцать икон — его сына Феодосия, семнадцать — другого сына Владимира и т. д.² В числе икон опись называет девять икон письма Андрея Рублева.³ Каким образом, некоторые из икон Андрея Рублева попали в Волоколамский монастырь, помогают проследить нам памятники письменности, связанные с Волоколамским монастырем.

В Послании волоколамских иноков старцу Ионе, написанном между 1515 и 1522 г., указывается, что три иконы кисти Рублева принес с собой основатель монастыря Иосиф: «А преподобнаго отца нашего государя игумена Иосифа, — писали иноки, — сам, господине Ионе, помнишь сколько книг с собою принес и святых икон: четыре Евангелия тетры, Апостол тетр (?), две Псалтири с всем, Лествица, Ефрем, Дорофей и вкупе же Петр Дамаскин, Василий Великий, и Патерик азбучной, два Ермолая, четыре иконы, три Рублева письма Андреева».⁴

В Синодике Волоколамского монастыря, хранящемся ныне в Рукописном отделе ИРЛИ на лл. 67 об.—77 об. находятся записи вкладов, вне-

---

¹ А. А. Зими н. Краткие летописцы XV—XVI вв.—Исторический архив, V. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 15—16.

² В. Г. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, стр. 28—29 и Приложение, стр. 1—23.

³ Там же, стр. 28.

⁴ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, Приложения, стр. 57. Послание мы датировем на основе упоминания в нем игумена Даниила (1515—1522 гг.).

сенных в монастырь в конце XV—начале XVI в.⁵ На л. 73 Синодика читается окончание записи, начало которой, к сожалению, неизвестно, так как оно находилось на предыдущем утерянном листе. Эта запись гласит: «...дниково⁶ у монастыря, а дал на ней двадцать рублей, да монастырю дал. А дала иконы Андреева писма Рублева, а цена им двадцать рублей». Очевидно, перед нами окончание записи вклада, сделанного в Волоколамский монастырь представителями какой-то знатной семьи. Вклад был сделан в 1503—1504 гг., так как один из вкладов, записанных на предыдущем листе, датируется 1503 г., а вклад, запись которого следует за интересующим нас текстом, помечен 1504 г. (л. 72 об. и 73). Приведенная запись интересна не только потому, что она сообщает о вкладе икон Рублева, но и потому, что в ней указывается их стоимость — двадцать рублей. Что представляла собой эта сумма в тот период, показывает сравнение ее со стоимостью различных движимых и недвижимых имуществ, упоминаемых во вкладной книге монастыря: двадцать рублей — это средняя стоимость деревни.⁷

Спустя несколько лет иконы Андрея Рублева, находившиеся в Волоколамском монастыре (вероятно, некоторые из них), постигла своеобразная участь. Во время распри монастыря с удельным князем Федором Борисовичем Волоцким (1506—1507 гг.) они были использованы в качестве взятки, которой монастырские власти думали откупиться от притязаний князя. В Житии Иосифа Волоцкого, составленном Саввой Крутицким, сообщается, что Иосиф «начат князя мздою утешати и посла к нему иконы Рублева письма и Дионисиева».⁸ Через некоторое время монастырь примирился с волоцким князем, и после смерти Федора Борисовича (1513 г.) имя его было внесено в Синодик для поминания (л. 77 об.). Были ли возвращены отданные монастырем князю иконы, мы не знаем; в посмертном вкладе в монастырь Федора Борисовича они не упоминаются.⁹

В 1545 г. кисти Андрея Рублева приписывалось, как уже отмечено, девять икон, находившихся в монастырской церкви. В 1561 г. к ним прибавилась еще одна — складни, данные монастырю архимандритом Симоновского монастыря Алексеем. Запись этого вклада гласит: «Лета 7069 дал архимандрит Симоновской Олексей по своей братии — по Даниле, да по Григорье по Васильевых детех Ступишина — образов в киоте три иконы окладные: первая писмо Денисьево, а на ней образ Пречистая богородица, а над главою на поле Троица живоначальная, по сторонах архаггели Михаил да Гавриил, Иоанн Предтеча, да Иоанн Богослов, а на исподнем поле апостоли Петр и Павел, а другая икона Шестодневник, а третия икона все святыя, да складни путные, обложена серебром, Рублева писма: на одной половине образ Пречистыя со младенцем, да Иоанн Богослов, а на другой половине мученик Христов Никита, да Никола Чюдотворец, да Первомученик Стефан...» Помимо икон Дионисия и Андрея Рублева, архимандрит Симоновский дал монастырю еще несколько икон, ряд книг и разную «рухлядь келейную». В записи имеется оценка вклада: «всее тое дачки, что дал Алексей: образов и книг и всякой рухляди келейной на 50 рублей».¹⁰ Этой записью завершаются известные нам сведения об иконах Андрея Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI в.

⁵ Рукописный отдел ИРЛИ, Отдельные поступления 1953 г., № 27.

⁶ Понять это сочетание букв мы не смогли, так как предшествующий текст утерян.

⁷ Ср.: А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. М., 1906, Приложение, записи вкладов №№ 38, 40, 44, стр. 20—21).

⁸ Савва Крутицкий. Житие преподобного Иосифа Волоколамского. М., 1880, стр. 40.

⁹ А. А. Титов. Рукописи славянские и русские... Приложение, стр. 15.

¹⁰ Там же, стр. 56.

Э. С. СМЕРНОВА

Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи

Иконы, изображающие житие Бориса и Глеба, пользуются широкой известностью. Они неоднократно рассматривались в искусствоведческой литературе. Однако исследователи преимущественно занимались лишь художественными особенностями икон, оставляя в тени их сюжетную сторону. Только П. Л. Гусев, издавший рисунки с одной из икон Бориса и Глеба XVI в., сделал попытку определить связь представленных в ней эпизодов с литературными памятниками.¹ Н. П. Лихачев² и Д. В. Айналов,³ издавая и исследуя миниатюры, украшающие лицевые списки «Сказания о Борисе и Глебе», привлекали памятники станковой живописи в качестве сравнительного материала.

Между тем представляется весьма важным специальное изучение иконографии этих памятников и выяснение того, какие именно литературные произведения лежат в их основе. Необходимо установить, насколько точно следуют изобразительные памятники за литературными и чем обусловлены отступления икон от литературной основы.⁴ Преследуя указанные цели, данная работа не ставит своей задачей сопоставление художественных образов литературных произведений и памятников живописи.

* *
*

Политические события огромной важности, связанные с историей канонизации Бориса и Глеба, нашли широкое отражение не только в литературе, но и в искусстве. На месте погребения князей еще в XI в. был создан ряд сменявших друг друга мемориальных построек.⁵ Не подлежит

¹ П. Л. Гусев. Новгородская икона святых Бориса и Глеба в деяниях. — Вестник истории и археологии, т. X. СПб., 1898 (отд. оттиск: СПб., 1898).

² Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба по рукописи конца XV столетия. СПб., 1907.

³ Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. Миниатюры Сказания о свв. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, т. XV, 1910, кн. 3, стр. 1—128, рис. 1—41.

⁴ О литературных произведениях, посвященных Борису и Глебу, см.: Памятники древнерусской литературы, в. 2. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Пгр., 1916 (далее: Д. И. Абрамович); Н. Н. Воронин. Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 11—56; Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа). М., 1957; Ludolf Müller. Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb. — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XXV, Heft 2, 1956, стр. 329—363.

⁵ М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI в. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. — Советская археология, т. XVI. М., 1952, стр. 77—99.

сомнению наличие в этих зданиях икон с изображениями Бориса и Глеба. Древнейшее известие об этих иконах содержится в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора, рассказывающего, что при сооружении величественного пятиглавого храма в Вышгороде князь Ярослав «повеле... и на иконе святою написати, да входяще вернии людии в церковь ти видяще ею образ написан».⁶ Датой постройки храма и, следовательно, написания иконы считают 1020 или 1026 г.⁷ К XII в. относится упоминание о житийной иконе Бориса и Глеба в Вышгородском храме.⁸ Как отмечали исследователи, житийные иконы должны были находиться, помимо Вышгорода, и в иных многочисленных, возникших в разных местах церквях, посвященных Борису и Глебу.⁹

Однако житийных икон Бориса и Глеба домонгольского периода не сохранилось. Наиболее древним изображением «деяний» Бориса и Глеба в станковой живописи является икона XIV в., происходящая из церкви Бориса и Глеба, «что в Запрудах», в Коломне, отнесенная исследователями к раннемосковскому искусству.¹⁰ В средней части иконы представлены Борис и Глеб в рост, в княжеских одеждах, с атрибутами князей и мучеников — мечами и крестами (рис. 1). На полях размещены шестнадцать клейм с изображением истории их убийства и наказания «окаянного» Святополка.

Сюжеты клейм иконы не могут быть объяснены каким-либо одним известным нам литературным произведением. Это роднит ее с миниатюрами XIV в. «Сказания о Борисе и Глебе» в Сильвестровском сборнике. Миниатюры, как доказал Д. В. Айналов, сопровождают текст XIV в., но копируют иллюстрации XII в. к древнему, ныне утраченному житию Бориса и Глеба и лишь приурочены к «Сказанию».¹¹ Поэтому многие особенности миниатюр объясняются не текстом «Сказания», а статьями Повести временных лет, «Чтением» Нестора, Проложным житием, входившим еще в Киевский Начальный свод.¹²

В первой сцене изображено, как князь Владимир посылает Бориса против печенегов. Сидящий на престоле Владимир передает Борису меч. Об отправке Бориса в поход рассказывают и статья «О убиении Борисове» ПВЛ под 1015 г., и «Сказание», и «Чтение» Нестора. Отсутствие воинов свидетельствует о близости изображения к летописному рассказу, умалчивающему о «множестве вои» у Бориса в отличие от других памятников. Соответствующая миниатюра Сильвестровского сборника, по «Сказанию», изображает войско Бориса.

Отличие иконной композиции также и в том, что здесь уже показан прославленный меч Бориса, вручаемый ему Владимиром. Как считает Д. В. Айналов, в период создания оригинала, с которого скопированы

⁶ Д. И. Абрамович, стр. 18.

⁷ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 58, прим. 1; М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 1913, стр. 71—72.

⁸ Х. М. Лопарев. Слово похвальное на перенесение мощей святых Бориса и Глеба. — ПДП, ХСVIII. [СПб.], 1894, стр. 17, 28.

⁹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 77—87; Д. В. Айналов. Очерки и заметки..., стр. 14—16.

¹⁰ Хранится в Гос. Третьяковской галерее, № 08432 (28757). Размер: 134 × 89 см. Икона раскрыта в 1937 г. См.: В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура великокняжеской Москвы. — В кн.: История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., стр. 74, 76, рисунок на стр. 79; Н. Е. Демина. Черты героической действительности XIV—XV вв. в образах людей Андрея Рублева и его круга. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 311—324.

¹¹ Д. В. Айналов. Очерки и заметки..., стр. 1—128.

¹² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 41—44.

миниатюры Сильвестровского сборника, еще не установилось почитание этой родовой княжеской святыни.¹³ Этот культ сложился рано. Уже в 1175 г. летописец говорит о мече как о реликвии, принадлежавшей Андрею Боголюбскому. Услышав приближение убийц, князь «въскочи, хоте взяти мечь, и не бе ту меча, бе бо том дни вынял ѿ Амбал, ключник его; то бо меч бяшетъ святого Бориса».¹⁴ Таким образом, композиция иконного клейма, хотя и более поздняя, могла появиться уже в XII в.

Во второй сцене показано «потаение» тела Владимира. На фоне двух палат и храма два отрока, одетые в короткие рубахи слуг, несут тело Владимира в белом саване, на ковре, который они держат за концы. Имеется полустертая надпись «С[в]я[т]о[п]л[а]к [потаи] с[мерть] о[т]ца сво[его]».

Эта сцена обнаруживает большое сходство со второй миниатюрой «Сказания» в Сильвестровском сборнике, где представлен тот же эпизод. Надпись на иконе, как и на миниатюре, является отрывком из «Сказания», где вестник сообщает Борису, возвращающемуся из похода, о смерти отца: «... како преставися отецъ его Василий... и како Святопѣлк потаи сѣмьрть отца своего, и ночь проймав помост на Берестовемъ и в коврѣ обьретьвѣше, съвесивѣше ужи на землю, везѣше на саньх, поставиша ѿ в церкви святыя Богородица».¹⁵ Но, как и в сильвестровской миниатюре, на иконе не изображен Святополк, и поэтому вся композиция согласуется не с текстом «Сказания», а с текстом летописи, где подчеркивается отсутствие Святополка в Берестове в момент смерти Владимира и «потаения» его тела. По летописи, Владимир «умре... на Берестовем, и потаиша ѿ, бе бо Святополк Кыеве».¹⁶

Это обстоятельство вряд ли можно объяснить творчеством самого иконописца, скомбинировавшего в одном клейме версии двух литературных произведений. Вероятнее всего, что иконное клеймо восходит к миниатюре иллюстрированного списка «Сказания», очень близкого к лицевому «Сказанию» в Сильвестровском сборнике. Как и сильвестровские миниатюры, изображения в этой рукописи, видимо, были иллюстрациями какого-то древнего жития Бориса и Глеба, но затем были приурочены к «Сказанию» и поэтому снабжены надписями-цитатами из «Сказания». Только так можно объяснить появление надписи из «Сказания» в композиции, не соответствующей этому тексту.

Зависимость иконного клейма непосредственно от сильвестровской миниатюры нельзя допустить. При всей его близости к миниатюре (симметрично расположенные здания, два отрока, держащие тело Владимира), здесь отмечено опущенное в сильвестровской миниатюре обстоятельство: тело Владимира держат на ковре. В то же время в иконе опущены некоторые детали, подсказываемые текстом летописи и изображенные миниатюристом: сани, куда кладут тело Владимира, помост, где стоят отроки.

Следует отметить, что изображение ковра, на котором лежит тело Владимира, не встречается ни в одной из иллюстраций к этой сцене. Все они показывают тело Владимира, в соответствии с известными нам текстами «Сказания» и летописи, обернутым в ковер или, точнее, в белый саван. Между тем некоторые эпизоды летописей позволяют предположить особое символическое значение, придаваемое в древности положению на ковер при некоторых церемониях и обрядах. Владимир Мономах указал явившемуся

¹³ Д. В. Айналов. Очерки и заметки... стр. 20.

¹⁴ ПСРА, т. II. СПб., 1843, стр. 113.

¹⁵ Д. И. Абрамович, стр. 29.

¹⁶ Повесть временных лет, ч. 1. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 89.

на съезд князей в Уветичах Давиду Игоревичу как на почесть, уравнивавшую Давида с остальными участниками съезда, на то, что Давид сидит «с братьею своею на одном ковре».¹⁷ Особый смысл вкладывался в положение на ковер при обрядах, связанных со смертью или раной. Описывая исход борьбы Олега и Ярополка Святославичей в 977 г., летопись рассказывает, как тело убитого Олега положили на ковре, «и приде Ярополк, над нем плакася».¹⁸ Люди, посланные для ослепления Василька, «почаста простирали ковер, и простерша яста Василька, и хотяща и поврещи».¹⁹ Практически ковер в данном случае был ненужен и, по-видимому, имел символическое значение. Наконец, тело Андрея Боголюбского клирошане «вземше... на ковре... внесоша ѥ в божицю».²⁰ Вероятно, именно такое несение тела на ковре изображено на коломенской иконе.

В третьем клейме изображено возвращение Бориса из похода. Борис представлен на белом коне во главе войска. Надпись: «Бори[с] възратися не обрете супостат». Об этом эпизоде рассказывают и «Сказание», и «Чтение», и летопись. Но расположение этой сцены на иконе после сцены «потаения» тела Владимира свидетельствует о следовании версии летописи, так как и в «Сказании», и в «Чтении» порядок рассказа иной: возвращающегося Бориса встречает вестник, от которого князь узнает о смерти отца и связанных с этим событиях.

Однако вновь, как и в предыдущем клейме, надпись в этой сцене является почти прямой цитатой из «Сказания», где говорится о Борисе: «Отшедшу же ему и не обрете супостат своих, възвратившюся възпятъ ему».²¹ Это обстоятельство можно объяснить, как и при рассмотрении предшествующей сцены, только зависимостью иконописца от иллюстрированного «Сказания», миниатюры которого восходили к иному тексту, близкому в данном случае к тексту летописи.

Четвертая сцена — молитва Бориса в шатре. Все сцены, происходящие в шатре, изображены на иконе на фоне шатра. В центре стоит Борис, молитвенно воздевший руки. В отличие от предшествующих клейм, он уже без шубы, в синей исподи (на груди видны застежки), в шапке. За ним — отрок в длинной, красной одежде, видимо Георгий-угрин, о котором подробно рассказывают «Сказание» и летопись. Наличие этого персонажа исключает связь изображения с «Чтением» Нестора, которое лишь мельком упоминает о слуге, убитом вместе с Борисом.

Анализируя аналогичное изображение в Сильвестровском списке «Сказания», отличающееся лишь по композиции, Д. В. Айналов отметил в нем отступление от текста «Сказания» и близость к летописному рассказу.²² «Сказание» намекает на наличие «прозвутера», которому Борис вечером «повеле пети вечернюю», а утром начать «заутрнюю».²³ Летопись же о присутствии священника умалчивает. Не изображен он и на иконе.

Эта сцена расположена на иконе до изображения сна Бориса, т. е. так, как будто в ней представлена не утренняя, а вечерняя молитва, опускаемая летописью, но описанная в «Сказании». Не свидетельствует ли также и это обстоятельство в пользу намеренного приспособления к ситуации

¹⁷ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 181.

¹⁸ Там же, стр. 53.

¹⁹ Там же, стр. 173.

²⁰ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 157.

²¹ Д. И. Абрамович, стр. 28—29.

²² Д. В. Айналов. Очерки и заметки..., стр. 56—59.

²³ Д. И. Абрамович, стр. 33.

«Сказания» этих изображений, в основе которых лежал иной, более близкий к летописи текст?

В следующей, пятой сцене (на правом поле, второе клеймо сверху) показан сон Бориса. На фоне шатра на ложе представлен спящий Борис. К нему склоняется отрок, полузакрытый пологом шатра. У изголовья — зверь, напоминающий волка. С образом волка в древней Руси связывалось представление о близости смерти. О зловещем волчьем вое рассказывает ПВЛ под 1097 г.: «И встав, Боняк отъеха от вой, и поча выти волчьскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози».²⁴ В «Слове о полку Игореве» «вльци грозу всърожат по яругам», предвещая поражение Игоря.²⁵ В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, как в ожидании сражения «за многие же дни приидоша на то место мнози волцы, по вся нощи воют непрестанно... ждучи дни грозного, богом изволенного, в он же имать пастися множества трупа человеческого».²⁶ Возможно, что фигура волка на серебряной оковке турьего рога X в. из кургана «Черная могила» в Чернигове имеет тот же символический смысл, намекая на близкую гибель одного из героев изображенной там легенды.²⁷

Рассказ о вешем сне Бориса имеется лишь в «Сказании». После вечерни Борис «леже съпати. И бяше сънь его в мьнозе мысли и в печали, крепьце и тяжьце и страшне, како предатися на страсть, како пострадати и течение съконьчати».²⁸ Надпись на иконе «Борись видить сон о смерти своей» сокращает и делает более конкретными эти слова.

Шестая сцена — убийство Бориса (на левом поле, второе клеймо сверху). К лежащему на земле Борису припал Георгий. Двое воинов-убийц поражают их: один копьем пронзает Бориса, другой мечом отсекает голову Георгия. Надпись: «Убиша Бориса по[том Гео]ргию [отсе]коша гла[ву]».

Убийство Бориса по-разному описано в литературных памятниках. «Сказание», упомянув о получении им раны в шатре, сообщает, что Борис «искочи из шатра в оторопе» и, помолвившись, «успе».²⁹ Далее следует эпизод, являющийся более поздней вставкой,³⁰ повествующий о том, как Борис, которого везли «на колах» в Вышгород, оказался живым и как посланные Святополком варяги его убили. Летопись рассказывает о получении Борисом раны в шатре, а затем, как и «Сказание», об убийстве его по дороге в Вышгород. Эпизод выбегания из шатра опущен. По «Чтению» Нестора, Борис получает рану в шатре, выбегает, и «един от губитель» убивает его. Связь иконной композиции с «Чтением» следует отвергнуть ввиду умолчания «Чтения» о Георгии, занимающем в этой сцене, как и в предшествующих, значительное место.

Заслуживает внимания, что на иконе представлена не смерть Бориса, как она изложена в дошедших до нас версиях летописи и «Сказания» (убийство в колеснице), а лишь получение им раны в шатре. Отсутствие на иконе изображения смерти Бориса было бы странным. Объяснить это можно лишь тем, что икона следует тому древнейшему тексту, где еще не

²⁴ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 179.

²⁵ Слово о полку Игореве. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 13.

²⁶ Русский исторический сборник, т. III, кн. 1. М., 1838, стр. 39—40.

²⁷ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 11. М.—Л., 1949, стр. 50, рис. 20. Связь иконного клейма с народной поэзией отметил еще М. В. Алпатов, считавший, что метафорой смерти здесь служит «черный зверь» (см.: М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, стр. 130).

²⁸ Д. И. Абрамович, стр. 33.

²⁹ Там же, стр. 35—37.

³⁰ А. А. Шамагов. Разыскания... стр. 74—76.

было вставки об убийстве Бориса в колеснице. Все остальные житийные иконы и лицевые рукописи, в том числе даже Сильвестровский сборник, содержат это изображение убийства Бориса в дороге.

Ввиду того что в иконе отсутствует описываемый «Сказанием» эпизод, по которому раненый Борис выбегает из шатра, молится и умирает, можно предположить, что икона следует версии летописи, где этого эпизода также нет.

После изображения погребения Бориса в Вышгороде, данного в условных, традиционных иконных формах, икона обращается к истории убийства Глеба. Эти эпизоды представлены значительно короче.

В восьмом клейме иконы (на левом поле, четвертое клеймо сверху) изображена река, берег которой обозначен горкой; на реке — два сблизившихся насада. В левом — воины, посланные Святополком, один из которых выделен красным шлемом. Видимо, это Гюрясер. Три воина перескочили в насад Глеба. Один из них, держа Глеба за шею, пронзает ему мечом горло. На носу и корме насада Глеба сидят два отрока с поникшими головами.

Эта композиция не может быть объяснена каким-либо одним известным литературным памятником. Глеб изображен в насаде без воинов, лишь с отроками. О том, что воины были отпущены Глебом, рассказывает лишь «Чтение» Нестора.³¹ Только в «Чтении» указывается также, что у Глеба было перерезано горло. Убийца «изволок нож свой и ят святого Глеба за честную главу, хотя и заклати», а затем «пререза гортань его».³² «Сказание» же и летопись отмечают лишь, что убийца «закла»³³ Глеба или «вынез ножь, зареза Глеба».³⁴

Однако в «Чтении» нет указания на то, что убийцы перебрались в насад Глеба, а лишь упомянуто, что «нечестивии приближишася и, имше корабль ключи, и привлекоша к себе».³⁵ Еще короче рассказывает летопись: «И ту абье послании яша корабль Глебов, и обнажиша оружие».³⁶ И лишь «Сказание» говорит об этом обстоятельстве: «И яко быша равню пловуща, начаша скакати зълии они в лодию его, обнажены меча имуще в руках своих, бльщашася акы вода».³⁷

Наконец, все тексты указывают, что Глеб был убит своим поваром. На иконе же в качестве убийцы изображен воин. Можно предположить, что автор композиции имел в виду текст, где не говорилось о поваре.

Надпись к этой сцене: «Приде Глеб в насаде... сretoша его воины Святополка и уби...», близка к тексту «Сказания». Только там говорится о встрече Глеба убийцами.³⁸ Между тем «Чтение» описывает, как посланцы Святополка «гнаша по святем Глебе».³⁹ Летопись же сообщает неопределенно о том, как «внезапу придоша послании от Святополка».⁴⁰ Эта особенность надписи, при наличии существенных отступлений композиции от версии «Сказания», вновь свидетельствует о том, что протооригинал данного изображения сделан по иной литературной основе и что оно лишь приспособлено к тексту «Сказания».

³¹ Д. И. Абрамович, стр. 12.

³² Там же, стр. 13.

³³ Там же, стр. 42.

³⁴ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 93.

³⁵ Д. И. Абрамович, стр. 13.

³⁶ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 94.

³⁷ Д. И. Абрамович, стр. 40.

³⁸ Там же, стр. 40.

³⁹ Там же, стр. 12.

⁴⁰ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 93.

Истории Глеба посвящена и следующая сцена (на правом поле, третье клеймо сверху), изображающая могилу Глеба «между двема колодома». О таком погребении Глеба говорят и «Чтение», и «Сказание», и летопись. Но лишь в «Сказании» и в Н1Л рассказывается о чудесах у могилы Глеба, показанных в иконе: «... овогда видеша столп огнен, овогда же свеща горяща; и паки пеня агельская слышаху же мимоходяще гостие».⁴¹

Представленное далее «пренесение мощем святомуученика Христова Бориса и Глеба» изображено схематично. Архитектура передана условно и не объясняет, какое именно перенесение здесь показано.

Следующие три сцены явно по ошибке помещены здесь художником и, по логике рассказа, должны были занять иное место. В одной из них на фоне шатра изображен сидящий Борис. Перед ним в печальной позе стоит Георгий. Надпись утрачена. Сцена является иллюстрацией к эпизоду, намеченному летописным рассказом и развитому «Сказанием». Остановившемуся на Лыте Борису воины предложили захватить киевский престол. После отказа Бориса «вои разидошася от него, а сам оста тькъмо с отроky своими, и бяше в днь суботный в тузе и печали, удручьнъм сьрдцьмь. И вьлез в шатър свой, плакашеся ськрушенъм сьрдцьмь».⁴² Вместо многочисленных отроков изображен один Георгий. Эта сцена должна была находиться перед изображением вечерней молитвы Бориса, которая, по «Сказанию», следует за рассматриваемым эпизодом.

В соседней сцене изображен сидящий на престоле Святополк; перед ним бородатый муж и группа отроков. Святополк передает мужу красную шубу с длинными рукавами и черным оплечьем. Надпись: «Святополк призва [ки]я[ны] нем... [од]ари и...». Надпись близка к словам «Сказания», где говорится о деятельности Святополка после захвата им киевского престола: «Святополк же, седе в Кыеве по отци, и призва кыяны, одарив, отпусти».⁴³ Текст летописи не столь сходен с надписью, в «Чтении» об этом эпизоде вовсе не упоминается. Эта сцена должна была бы находиться в числе начальных.

Обычай раздачи дорогих одежд в виде подарков неоднократно отмечен в литературных памятниках. Летопись рассказывает, как после убийства третьего брата, Святослава, Святополк, «созвав люди, нача даяти овем корзна, а другим кунами, и раздая множество».⁴⁴ Владимир Мономах вспоминает в своем «Поучении» о заключенных им мирах с половецкими князьями и о том, что при этом было дано «скота много и многы порты».⁴⁵

Изображения на нижнем поле иконы открываются сценой отослания Святополком убийц к Борису. Перед сидящим на престоле Святополком — группа убийц, закутанных в плащи. Надпись: «Святополк [п]ризва вышгородичей веле убити Бор[и]са». О посылке убийц рассказывается во всех литературных памятниках, но «Чтение» Нестора называет убийц не вышгородцами, а более неопределенно — «мужами неистовыми».⁴⁶ Эта сцена, как и две ранее рассмотренные, должна была находиться на иконе в числе начальных клейм.

Чем можно объяснить отступающее от всех текстов расположение трех последних сцен? Вряд ли причиной этого явился сознательный замысел художника. Если и можно допустить, что, перемещая сцены раздачи

⁴¹ Д. И. Абрамович, стр. 43—44; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 174.

⁴² Д. И. Абрамович, стр. 33.

⁴³ Д. И. Абрамович, стр. 31—32. Текст Сказания по Уваровскому списку XV в.

⁴⁴ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 95.

⁴⁵ Там же, стр. 162.

⁴⁶ Д. И. Абрамович, стр. 9.

даров и посылки убийц, автор иконы хотел собрать воедино все эпизоды, связанные со Святополком, то перемещение сцены с Борисом и Георгием в шатре окончательно нарушает логику изложения.

Не является ли это перемещение признаком использования художником лицевой рукописи с перепутанными листами? Если этот иллюстрированный текст следовал в данном отрывке изложению «Сказания», то именно эти три перемещенных эпизода должны были находиться рядом. За сценами, данными в трех первых клеймах иконы, следовали бы раздача даров Святополком, посылка убийц к Борису, Борис и Георгий в шатре. После этого совершенно закономерно изображалась бы молитва Бориса в шатре.

В пользу такого предположения говорит и абсолютная идентичность изображений шатра и горки во всех сценах, где действие происходит в шатре. Это было бы понятно в находящихся рядом и созданных друг за другом миниатюрах.

Об этом же говорят и особенности костюма Бориса. В сцене отправления против печенегов Борис представлен в шубе и исподи. В сцене молитвы в шатре, сна и убийства Борис уже без шубы, только в исподи. В сцене же с Георгием в шатре Борис еще в шубе, что может быть объяснено первоначальным расположением этой сцены после похода, но до молитвы в шатре, когда Борис эту шубу уже снял.

В трех заключительных сценах иконы изображена история борьбы Ярослава со Святополком и гибели Святополка. Эти изображения соответствуют «Сказанию» или летописи. «Чтение» же излагает эти события чрезвычайно суммарно.

Рассматриваемая икона близка к миниатюрам Сильвестровского сборника тем, что обе серии изображений, видимо, восходят к иллюстрациям древних, не дошедших до нас текстов. По мнению Д. В. Айналова, исследовавшего сильвестровские миниатюры, эти древние иллюстрации могли возникнуть уже в начале XII в.⁴⁷ Как уже отмечалось при разборе первых сцен, иллюстрации древнего текста не были непосредственно скопированы иконописцем. Видимо, существовало промежуточное звено в виде лицевого списка «Сказания», повторившего, подобно Сильвестровскому списку, древние миниатюры, но снабдившего их надписями, текстуально близкими к «Сказанию». Иначе нельзя объяснить появление таких надписей на иконных клеймах, композиции которых существенно отступают от изложения «Сказания».

Сильвестровские миниатюры и клейма иконы различны по составу изображений. Так, например, в Сильвестровском сборнике имеется отсутствующее в иконе изображение убийства Бориса в дороге. В качестве убийцы Глеба в иконе представлен воин, а в сильвестровской миниатюре — повар. В иконе изображен меч Бориса, вручаемый ему Владимиром; этого меча нет в миниатюре. Все это свидетельствует о различиях в текстах, легших в основу этих серий.

Следует отметить, что существуют факты тесной взаимосвязи древних лицевых рукописей и житийных икон Бориса и Глеба. Еще Н. П. Лихачев указал на две прорисы из своего собрания, буквально повторяющие соответствующие композиции сильвестровских миниатюр.⁴⁸ Большой размер прорисей заставляет считать их сделанными не с рукописи, а с монументальной иконы. Сильвестровские композиции повторены не только в иконе,

⁴⁷ Д. В. Айналов. Очерки и заметки. . . , стр. 17.

⁴⁸ Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба. . . , стр. 14 и 16.

но и в миниатюрах Уваровского списка «Сказания» XVI в.⁴⁹ Изображения, близкие к коломенской иконе, неизвестны. Это говорит о большей популярности силвестровского «извода».

Изображенные на иконе детали вооружения — ромбовидные копья, треугольные щиты, шлемы с бармицами — могут относиться как к XIV, так и к XII в. Деталь конской упряжи — два ремешка, свисающие с пахв, — имеется в рельефах 1197 г. Дмитриевского собора во Владимире.⁵⁰ Но такой же мотив встречается и в памятниках XIV в. — на иконе «Георгий в житии» (Гос. Русский музей), в миниатюрах Сильвестровского сборника,⁵¹ а также во многих миниатюрах Кенигсбергской летописи (например, лл. 67, 172 об.). Вместе с тем мечи, представленные в средней части иконы, — с бочковидной рукоятью, круглым набалдашником, прогибающейся в центре крестовиной — датируются концом XIII—XIV в. Они хорошо известны на Западе.⁵²

Среди одежд, большей частью показанных весьма реально (круглые княжеские шапки, длинные одежды князей с застежками на груди и тонкими наборными поясками, короткие рубахи отроков-слуг), особый интерес представляют княжеские шубы, изображенные в клеймах (в среднике Борис и Глеб представлены в плащах). Шубы накинута на плечи и застегнута у ворота. Длинные рукава свободно свисают. Шубы подбиты мехом, что хорошо видно в первом клейме (одежда Бориса). Такую же шубу жалует Святополк киевлянам (двенадцатое клеймо). Употребление шуб в качестве парадной княжеской одежды в XII—XIII вв. весьма вероятно. Ипатьевская летопись под 1252 г. описывает «кожюх... оловира грецького круживы златыми плоскыми ошит», принадлежавший князю Даниилу Галицкому.⁵³ Однако их изображения в искусстве этого периода неизвестны. В Сильвестровском сборнике показаны еще корзна, и лишь среди миниатюр Кенигсбергской летописи встречаются подобные одежды (лл. 196 об., 200).⁵⁴

Присутствие в иконе «реалий» XIV в. не противоречит выводу о связи иконы с древними миниатюрами. При копировании иконописец мог заметить архаические детали новыми, современными ему. Аналогичное явление наблюдается в силвестровских миниатюрах, включающих детали XIV в.,⁵⁵ хотя копирование этими иллюстрациями прототипа XII в. неоспоримо доказано Д. В. Айналовым.

Зависимость коломенской иконы от древних миниатюр, восходящих к какому-то еще более раннему прототипу, приобретает особый смысл при сопоставлении с иными особенностями культуры ранней Москвы, например, с фактами тесной связи ее архитектуры (в частности, коломенских памятников XIV в.) с владими́ро-суздальским зодчеством.⁵⁶ Анализ сю-

⁴⁹ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 157—176.

⁵⁰ Э. А. Рикман. Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире. — КСИИМК, в. XLVII. М., 1952, рис. 7, 2.

⁵¹ Д. В. Айналов. Очерки и заметки..., рис. 12.

⁵² Ada Bruhn Hoffmeyer. Middelalderens tuæggede sværd, II. København, 1954, pl. XI, b; pl. XIII, f; pl. XV, c.

⁵³ ПСРА, т. II, стр. 187; А. В. Арциховский. Одежда. — История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 259.

⁵⁴ В. И. Сизов. Миниатюры Кенигсбергской летописи (археологический этюд). — ИОРЯС, т. X, 1905, кн. 1, стр. 28.

⁵⁵ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 173—174.

⁵⁶ Н. Н. Ворошин. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 12. М.—Л., 1949, стр. 234—236.

жетов коломенской иконы позволяет предположить наличие близких связей раннемосковской культуры с домонгольской также и в области живописи.

* *
*

Следующая по времени группа икон, изображающих историю Бориса и Глеба, относится к XVI в. Наиболее ранней из них является икона Гос. Третьяковской галереи первой четверти XVI в. «Владимир, Борис и Глеб в житии». ⁵⁷ Несмотря на наличие фигуры Владимира в среднике, изображения на полях посвящены лишь житию Бориса и Глеба. Первые десять сцен излагают историю гибели Бориса и Глеба. Здесь изображены: 1) отправление Бориса в поход против печенегов; 2) смерть Владимира; 3) раздача Святополком даров «кыянам»; 4) молитва Бориса в шатре; 5) получение Борисом раны в шатре; 6) убийство Бориса в дороге; 7) приход вестника к Глебу; 8) под Глебом «потчеся конь»; 9) убийство Глеба; 10) погребение Глеба «межу двема колодама». Две крайние сцены на нижнем поле посвящены истории наказания Святополка. Здесь изображены битва Ярослава со Святополком и гибель Святополка, проваливающегося в пропасть.

Порядок расположения этих сцен отвечает как рассказу летописной статьи, так и изложению «Сказания». Некоторые композиции свидетельствуют о несомненном использовании в иконе «Сказания». Так, при изображении молитвы Бориса в шатре представлены и отрок Георгий, и «прозвутер», и приблизившиеся к шатру убийцы. ⁵⁸

Однако, показывая убийство Бориса в колеснице одним варягом, художник явно следует версии летописного рассказа: узнав, что Борис «еще дышет», Святополк «посла два варяга прикончат его. Онема же пришедшема и видевшема яко и еще жив есть, един ею извлек мечь, пронзе ѿ к сердцю». ⁵⁹ «Сказание» же говорит о двух убийцах: «Святоплък посла два варяга, и прободоста ѿ мечьмь в срьдьце». ⁶⁰

Три клейма иконы посвящены изображению «чудес» Бориса и Глеба. В них князья представлены как могущественные целители, защитники от болезней. Одно из этих клейм, на нижнем поле, иллюстрирует одновременно несколько эпизодов «Сказания» или «Чтения», показывая исцеление больных у гробов Бориса и Глеба. Другое, на правом поле, изображает явление Бориса и Глеба больному старцу-«мниху» Мартину, бывшему когда-то поваром туровских епископов, в монастыре Бориса и Глеба на Оболони. Рассказ об этом чуде сохранился в составе Пролога 1406 г., ⁶¹ а позднее вошел в Четьи-Минеи Макария под 2 мая вместе с «Чтением» Нестора. «Иаким», упомянутый в рассказе, был туровским епископом в середине XII в. ⁶²

Среднее клеймо нижнего поля изображает, как «Мстислава черниговского принесоша ко гробу святых Бориса и Глеба и приим исцеление от них». Летописи сообщают о чудесном исцелении новгородского (а не черниговского) князя Мстислава в церкви Бориса и Глеба на Смядыни под

⁵⁷ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. [Б. м.], 1937, стр. 265—267, рис. 188. Н. Е. Мневa. Московская живопись XVI века. — В кн.: История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 565, 570—572.

⁵⁸ Д. И. Абрамович, стр. 33—34.

⁵⁹ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 91.

⁶⁰ Д. И. Абрамович, стр. 37.

⁶¹ Там же, стр. 199.

⁶² П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей российских церкви. СПб., 1877, стр. 1046.

Смоленском. Мстислав и Ярополк Ростиславичи были ослеплены во Владимире в 1177 г. «Ведома же има слепома и гньющема очима, и яко доидоста Смольньска и придоста на Смядино в церковь святую мученику Бориса и Глеба и ту абие съпостиже я божия благодать... и ту прозреста».⁶³ Следует отметить несколько особенностей иконного клейма, противоречащих этому рассказу. Изображен не приход князя к церкви, а его принесение на носилках. Надпись говорит о Мстиславе Черниговском, а не Новгородском, и упоминает об исцелении «у гроба», в то время как мощи Бориса и Глеба были перенесены на Смядынь лишь в 1191 г.⁶⁴ Если эти противоречия нельзя объяснить простым искажением, то остается предположить, что икона изображает иной, неизвестный нам эпизод.

В двух других житийных иконах Бориса и Глеба XVI в.⁶⁵ также совмещены эпизоды, описанные в различных известных нам литературных памятниках. Одна из этих икон связана в основном со «Сказанием».⁶⁶ Так, например, в сцене отправления Бориса против печенегов изображаются воины (о которых умалчивает летописная статья), а в надписи упоминаются печенеги, названные в «Чтении» Нестора просто «ратными».

К «Сказанию» же восходит изображение похорон Владимира после рассказа вестника. Надпись в ряде сцен близки к тексту «Сказания». Так, надпись к изображению похода Бориса против печенегов: «Святой Борис боста и[де] прот[ив] печенегов». В «Сказании» же: «Он же, с радостию въстав, иде...».⁶⁷ Плач Бориса по отце пояснен в иконе словами: «Святой Борис разливашеся слезами и плакаше горко о смерти отца своего». «Сказание» же говорит, что Борис «начат тельм утърпывати, и лице его въсе слъз испълняся, и слъзами разливаяся...»⁶⁸

В то же время изображение убийства Бориса противоречит версии «Сказания». В сцене в шатре Борис представлен лежащим «на одре» (чего не отмечает «Сказание», но на чем настаивают «Чтение»⁶⁹ и летопись⁷⁰). Следующая сцена изображает, как Борис «второпе выскочи из шатра своего и, воздев руки, нача молит ѿ. Един от губитель притек удари его в сердце». Приведенная надпись иконы, как и композиция клейма, заставляет возвести эту сцену к «Чтению» Нестора.⁷¹

Вторая новгородская икона, созданная в Новгороде в 1545 г. «повелением раба божия Никифора»,⁷² была сильно переписана и покрыта окладом в XIX в. Она содержит эпизоды, общие для «Сказания» и летописи. Надписи в некоторых сценах близки к тексту «Сказания».⁷³ Между тем

⁶³ Новгородская первая летопись..., стр. 35.

⁶⁴ Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — ИОРЯС, т. 82. СПб., 1907, стр. 114—115; Д. Айналов. Судьба киевского художественного наследия. — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. XII. Пгр., 1918, стр. 36—37.

⁶⁵ Происходили из церкви Бориса и Глеба «в Плотниках» в Новгороде. Погибли в Новгороде во время Великой Отечественной войны.

⁶⁶ Прориси с нее изданы в работе П. А. Гусева «Новгородская икона святых Бориса и Глеба в деяниях».

⁶⁷ Д. И. Абрамович, стр. 28.

⁶⁸ Там же, стр. 29.

⁶⁹ Там же, стр. 11.

⁷⁰ Лавр лет. под 1015 г.

⁷¹ Д. И. Абрамович, стр. 11. Зависимость этой сцены от «Чтения» отметили еще П. А. Гусев (Новгородская икона святых Бориса и Глеба в деяниях, стр. 10) и Д. В. Айналов (Очерки и заметки..., стр. 67—68).

⁷² Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, т. II. М., 1860, стр. 81. Икона упоминается П. А. Гусевым в указанной работе.

⁷³ Речь идет о поздних надписях. Древние надписи скрыты под слоями позднейшей живописи.

изображенное в иконе убийство Святополком третьего брата, Святослава, в «Сказании» отсутствует и отмечается лишь в ПВЛ.⁷⁴

Таким образом, во всех трех рассматриваемых иконах XVI в., сюжеты которых в целом согласуются с изложением «Сказания» (о чем свидетельствуют многие композиции и соответствующие им надписи), в то же время имеются эпизоды, восходящие к иным литературным источникам. Выяснению причин этого явления может помочь одна из особенностей иконы Гос. Третьяковской галереи «Владимир, Борис и Глеб в житии». Еще Н. П. Лихачев, издавая лицевой список «Сказания» конца XV в. из собственного собрания, отметил необычайное сходство между изображениями смерти Владимира и боя Ярослава со Святополком в миниатюрах рукописи и клеймах указанной иконы.⁷⁵ К этим наблюдениям можно добавить также сходство изображений убийства Бориса в колеснице и могилы Глеба. Остальные же клейма иконы близки к миниатюрам лишь стилистически. Композиционно они несходны, и в иконе имеются сюжеты, отсутствующие в миниатюрах (например, раздача Святополком даров «кыянам», некоторые чудеса), что исключает копирование всей серии. Некоторые из отмеченных, близких к иконе миниатюр расходятся с текстом «Сказания», который они иллюстрируют. Так, показывая «потаение» тела Владимира, художник не изображает Святополка, что, как мы видели, говорит о следовании летописной версии. В сцене убийства Бориса в колеснице иконописец, в соответствии с летописным рассказом, изобразил фигуру одного убийцы — варяга; миниатюрист же добавил фигуру второго убийцы — отрока, резко отличающегося от воина-варяга, как бы желая приблизить композицию к версии «Сказания». Не говорят ли эти особенности об использовании иконописцем, и миниатюристом не только текстов «Сказания», но, при создании некоторых композиций, каких-либо древних икон или миниатюр в качестве образцов? Быть может, именно через такие образцы могли проникнуть в эти произведения версии, не сохранившиеся в тексте «Сказания».

Нужно отметить, что как икона XIV в., так и памятники XVI в. содержат такие сцены, где художник, пользуясь скухими намеками текстов, превращает иллюстрации к ним в живые жанровые эпизоды, воплощая в них реальные жизненные наблюдения. Так, например, раздача Святополком даров «кыянам» в иконе XIV в. передана как раздача дорогих одежд. В иконе же начала XVI в. «Владимир, Борис и Глеб в житии» изображено, как Святополк, окруженный воинами, рассыпает перед алчными киевлянами золотые монеты. Надпись «Святополк съзва киян по смерти отца своего и насыпа перед ними множество злата» не зависит от известных нам литературных произведений и, видимо, изобретена художником.

* *

В XVII в. изображения «деяний» Бориса и Глеба приобретают новый характер. В шестнадцати сценах иконы Гос. Третьяковской галереи начала XVII в.⁷⁶ представлены события, начиная с отправления Бориса против печенегов и кончая погребением Глеба вместе с Борисом в Вышгороде, в церкви Василия. Важнейшей чертой иконы является ее точное следование «Сказанию». Подробные надписи являются почти прямыми цитатами.

⁷⁴ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 94.

⁷⁵ Н. П. Лихачев. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба... стр. 34—36.

⁷⁶ № 12867. Размер: 90,5 × 70,5 см. Происходит из бывшего собрания С. П. Рябушинского. Средняя часть иконы (фигуры Бориса и Глеба в рост) относится к XV в.

Например, текст «Сказания»: «Святопѣлк же, седя Кыеве по отци, призвав кыяны, одарив, отпусти. Посла же к Борису, глаголя: „брате, хочю с тобою любовь имети и к отню ти придамъ“. Лъстьно, а не истину глаголя».⁷⁷ Надпись в третьей сцене иконы: «Святополк же сяде в Кыеве на отчем престоле, призвав кыяны, одарив, отпусти. Послав, лесно глаголя Борису: „Брате, хошу любовь с тобою имети“».

Тщательно соблюдая изложение «Сказания», художник в то же время заимствует бытовые детали из близкой ему действительности XVII в. Так, непонятную уже в его время «гривну златую» у Георгия-угрина он изображает в виде драгоценного золотого оплечья и жемчужного ожерелья.⁷⁸ Воины представлены в привычных искусству этого времени фантастических золотых доспехах, а князя — в тяжелых узорчатых московских шубах. Архитектура явно навеяна образами русского зодчества.⁷⁹

Близкая по художественному облику к произведениям так называемой Строгановской школы,⁸⁰ икона уже лишена драматической напряженности, подсказываемой литературной основой и переданной в более ранних памятниках. Однако художник тонко понимает текст произведения и умело передает не только иллюстрируемые фразы, но и более глубокий смысл эпизодов. Так, изображая отправку Святополком послов к Глебу с ложной вестью, «яко отецъ уже бо при смерти есть», он показывает не только посла с грамотой, скрепленной красной печатью, но и убийцу, вынимающего меч из ножен; тем самым раскрываются предательские замыслы Святополка.⁸¹

* *
*

По иной литературной основе представлено житие Бориса и Глеба на двух боковых створках складня-триптиха, на утерянном среднике которого, видимо, находились фигуры Бориса и Глеба.⁸² Створки датируются на основании надписи на нижних полях: «Написано бысть сие деяние... в лето 7181 (1673) июля в 24 день на праздник святых праведных страстотерпцев благоверных князей Бориса и Глеба в Лавру... верою многогрешного раба божия Бориса Козынина». Каждая створка разделена на десять сцен-клейм. Письмо иконы тонкое, миниатюрное, с тщательной разделкой лиц, одежды, пейзажа — горок, зданий. Как и в предыдущей иконе, наряду с фантастическими одеяниями художник изображает и русские костюмы. Борис и Глеб одеты в княжеские шубы, украшенные тончайшим золотым орнаментом. На золотых фонах клейм — сильно стертые киноварные надписи.

Икона отличается от всех ранее рассмотренных памятников уже сюжетами начальных клейм. В первом из них, вместо традиционного изображения отправления Бориса против печенегов, представлен сидящий на

⁷⁷ Д. И. Абрамович, стр. 31—32. Слова «одарив, отпусти» приведены по Уваровскому списку «Сказания» XV в.

⁷⁸ История русского искусства. Под ред. И. Грабаря, т. VI. М., [б. г.], рисунок на стр. 334.

⁷⁹ Там же, рисунок на стр. 335.

⁸⁰ Ю. А. Кожина. Одно из художественных течений в русской живописи XVI—XVII вв. — В кн.: Русское искусство XVII века. Л., 1929, стр. 81.

⁸¹ М. Alpatov, N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst, Bd. II. Augsburg, [б. г.], Abb. 299.

⁸² Находятся в Гос. Русском музее (№№ 2032 и 2033). Размеры створок: 40,5 × 17,5 см. Происходят из коллекции Н. П. Лихачева. Воспроизведены в книге Н. П. Лихачева «Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба...» (табл. II). При воспроизведении створки ошибочно перепутаны местами.

престоле князь Владимир; перед ним — его двенадцать сыновей. В группе сыновей художник выделяет Бориса и Глеба, окружая их головы сияниями-нимбами. Во втором клейме — Борис и Глеб, одевающие подаянием склонившихся к их ногам нищих.

Именно так начинается житие Бориса и Глеба, помещенное в Степенной книге.⁸³ Упомянув, в соответствии со «Сказанием», о двенадцати сыновьях Владимира, Степенная книга описывает юношеские годы Бориса и Глеба и, заимствуя из «Чтения» Нестора, упоминает об их нищелюбии, говоря, что они «многу милостыню творяста нищим и убогим, и вдовицам, и сиротам».⁸⁴

В пользу зависимости художника именно от редакции Степенной книги говорит особое выделение Бориса и Глеба среди остальных сыновей Владимира, являющееся непосредственной иллюстрацией слов Степенной: «Бяху же от сих двоюнадесятых сии стихии и две величии светиле, первии в Рустей земли великомученицы и чудотворьцы, самобратнии и приснопамятнии Рустии князи Борис и Глеб».⁸⁵

Следуя рассказу Степенной, где вестник лишь кратко сообщает Борису, «како преставися отец его Владимир... и како Святополк утаил смерть отца своего»,⁸⁶ художник не изображает характерного для более ранних икон эпизода похорон Владимира.

Нужно отметить, что, изображая в следующих сценах историю убийства Бориса и Глеба, художник добавляет к рассказу Степенной книги некоторые новые моменты. Степенная книга говорит, вслед за «Сказанием», лишь о получении Борисом раны в шатре и об убийстве его в колеснице. В иконе же изображен также эпизод из «Чтения»: выбежавшему из шатра Борису наносит рану «един от губитель». В этом чувствуется стремление художника подчеркнуть и увеличить то обогащение текста «Сказания» за счет эпизодов, заимствованных из «Чтения», которое присуще редакции «Сказания» в Степенной книге. Художник не заменяет одного эпизода другим, а совмещает при изложении события версии различных памятников.

Икона иллюстрирует текст подробно и обстоятельно. В начальных сценах, прежде чем обратиться к истории убийства Бориса, художник показывает Глеба, находившегося в это время, по упоминанию Степенной книги, в Муроме. Глеб сидит на престоле; перед ним — группа подданных. Наличие первых трех сцен, не имеющих непосредственного отношения к развитию действия, говорит о намерении наглядно иллюстрировать литературную основу. Во многих клеймах изображено несколько сцен или несколько моментов действия (эта черта в меньшей степени присутствовала в иконе начала XVII в.). Так, например, в пятом клейме, где показано получение Борисом вести о готовящемся убийстве, он изображен трижды: беседующим с вестниками (иллюстрация к словам Степенной книги: «И паки возвестиша ему, яко близъ грядут послании от Святополка убийцы...»⁸⁷), молящимся («Блаженный же, слышав сия, и на молитву подвижеся сердцем сокрушенным...»⁸⁸) и принимающим причастие (видимо, к словам молитвы Бориса: «...И сподоби мя, господи, прияти часть и жребий со всеми святыми твоими»⁸⁹).

⁸³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, СПб., 1908, стр. 137—163.

⁸⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 138.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 140.

⁸⁷ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 142.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

Погребение Бориса и Глеба, «проявление» и перенесение их мощей, чудесные исцеления от мощей изображены весьма кратко и условно, как и в предыдущих иконах.

Особое место в иконе занимают две последние сцены (рис. 2). В одной из них представлена ладья с белым парусом. В ладье — Борис и Глеб и группа гребцов с поникшими головами. Надпись: «...[Свя]тые к[нязья] Борис и Глеб... на помощь ко князю Але[кс]анд[ру] Н[евс]кому... [гре]бцы же яко мглою...» Сцена является прямой иллюстрацией эпизода жития Александра Невского. Изображено явление Бориса и Глеба «старейшине земли ижорской Пелгусию» в ночь накануне Невской битвы. Надпись свидетельствует о непосредственном знакомстве автора иконы с текстом жития (в житии говорится о гребцах, сидевших, «аки мглою одени»).⁹⁰

Во второй сцене изображены Борис и Глеб, скачущие во главе войска и обращающие в бегство конницу неприятеля. У вражеских воинов — восточные типы лиц. Здесь же, в облаках, также представлены Борис и Глеб. Надпись: «Святые... Борис и Глеб изо облак небесных исшед... ах... противных пол[ки]... князю Димитрию на Донском... и во Азове граде». Сцена совмещает два эпизода, изображая помощь Бориса и Глеба русскому войску на Куликовом поле и в Азове во время «осадного сидения». Помощь «небесного воинства» русскому войску на Куликовом поле описывается и в летописной повести «О Донском бою», и в «Слове о житии и представлении великого князя Димитрия Ивановича», и в «Сказании о Мамаевом побоище»: «Откры ему [бог] видение, в нощи той видев: на востоце облак изрядно идяще от востока, из него же изыдоша два юноши светлы, имуще в обоих руках мечи остры и ркуще полковником [татарским]: кто вам повеле требити отечество наше? Нам бо дарова Господь. И начаша их сечи».⁹¹ «Поэтическая повесть об азовском осадном сидении, некоторые образы которой связаны со «Сказанием о Мамаевом побоище», передает рассказ «языков», подробно описывающих «страшное видение»: «На небеси над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она против самого табору нашего, а перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские... Тою нощию... страшные воеводы азовские во одежде ратной выходили на бой в приступы наши из Азова града, — пластали нас и в збруях наших надвое...»⁹²

Борис и Глеб издавна почитались как покровители воинства. Сюжеты, связанные с этим почитанием, отразились в некоторых иконах. Например, в трех новгородских иконах конца XV в. «Битва суздальцев с новгородцами» («Чудо от иконы Знамение») Борис и Глеб изображены во главе войска новгородцев. В знаменитой иконе середины XVI в. «Церковь воинствующая» они представлены вместе с московским войском. Сцены явления Бориса и Глеба «Пелгусию» встречаются в иконах, изображающих житие Александра Невского.⁹³ Однако в житийных иконах Бориса и Глеба подобные сюжеты не встречались. Кроме того, сцены, представленные

⁹⁰ В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913, стр. 4.

⁹¹ Русский исторический сборник, т. III, ч. 1. М., 1838, стр. 48.

⁹² Воинские повести древней Руси. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР. М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 80.

⁹³ Например, в иконе начала XVII в., хранящейся в церкви Входа в Иерусалим Покровского собора (собора Василия Блаженного) в Москве. Традиционность этого изображения доказывается его наличием и в иконе начала XIX в. Гос. Русского музея.

ные в последнем клейме иконы 1673 г., являются единственным известным нам примером отражения указанных произведений в станковой живописи вообще.

Большой интерес представляет вопрос о том, в каких кругах возникла эта икона. В ней подчеркнуто повторяются тремя эпизодами изображения воинских «чудес». И изображения, и надписи, передающие соответствующие места литературных памятников, свидетельствуют о большой начитанности автора. Они раскрывают ту литературную традицию, на которой основан эпизод явления Бориса и Глеба в «Поэтической» повести об Азове. К сожалению, имя заказчика иконы Бориса Козынина не встречается в документах конца XVII в. Не связана ли икона по своему возникновению с теми кругами казачества, где создавалась и распространилась повесть об азовском сидении? Может быть, «лавра», куда была вложена икона, — это один из тех основанных казаками монастырей (Воронежский Борщевский или Шацкий Чернеев), куда многие из них постригались в старости.⁹⁴

---

⁹⁴ А. Н. Робинсон. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 55—57.

Рис. 1. Борис и Глеб в житии. Икона XIV в. (Гос. Третьяковская галерея, № 08432 (28757), 134 × 89 см).

а

б

Рис. 2. Явление Бориса и Глеба (а) Пелгусию, (б) на Куликовом поле и под Азовом. Фрагменты складня 1673 г. с изображением «деяний» Бориса и Глеба. (Гос. Русский музей, № ДР/ж 2033, 6 × 6 см).

И. П. ЕРЕМИН

Литературное наследие Кирилла Туровского *

5

¹Того же грѣшнаго² мниха³ слово⁴ о расслабленѣмъ, от бытия и от сказания евангелскаго, в неделю 4 по пасцѣ.⁵

Неизмѣрна небесная высота,⁶ ни испытана преисподняя глубина, ⁷ниже свѣдомо⁸ божия смотрения таинство; велика бо и⁹ неиздреченна милость его¹⁰ на родѣ чловѣчѣствѣмъ, ею же помиловани быхом. Того ради должни есмы, братие, хвалити и пѣти и прославляти¹¹ господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, исповѣдающе великая его чюдеса, (л. 16 об.) елико¹² же их створи: неисповѣдима бо суть ни ангелом,¹³ ни¹⁴ чловѣком.¹⁵

Ныня же о расслабленѣмъ побесѣдуим, его же днесь сам бог¹⁶ въспоманул и призрѣл¹⁷ и¹⁸ помиловал, его же и¹⁹ врачеве²⁰ небрѣгома створиша,²¹ его же²² презряху вмѣтающеи в купѣль: егда бо възмутяшеться вода,²³ вси, о богатых пекущесе²⁴ сдравии, сего²⁵ отрѣяху; его же ныня²⁶ Христос, благый чловѣколюбець, словомъ ицѣли: врачъ бо есть душам нашим²⁷ и тѣлом, и слово его дѣломъ²⁸ бысть.

Глаголетъ бо²⁹ евангелист:³⁰ Възиде³¹ Исус в Иерусалим, в преполовление жидовска праздыника. Егда же множество народа от всѣх град³² по обычаю³³ събирахуться в Иерусалим, тѣгда и³⁴ господь приде, всячьскы угажая своим рабом и неистовство противных обличая июдѣи; поистинѣ бо³⁵ приде ища³⁶ заблужших и спаст погыбших. Многа бо по всей Палестинѣ створи чюдеса, и не въровахутъ ему,³⁷ нѣ противу благодати (л. 17) хулятъ,³⁸ лестыца его³⁹ и блазнителя нарицающе. Того ради при мнозѣ приде народѣ⁴⁰ к Соломони вододѣржи, иже нарицаеться⁴¹ Вифезда, сирѣчь⁴² Овчя купѣль, понеже ту полокаху⁴³ жьртвных овецъ утробы.⁴⁴

* Археографический комментарий см.: ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 358—362; публикации других текстов см.: ТОДРА, тт. XII—XIII.

¹⁻⁴ Блаженнаго Кюрила У. ² Кирила ЧТП. ³⁻⁵ в недѣлю 4-ю по пасцѣ слово о расслабленѣмъ, иже 38 лѣт бѣ расслабен, слово от сказани аваггелскихъ Т. ³ Доб. епископа Турувска П. ⁵ Доб. господи, благослови! УЧ. ⁶ Доб. и Т. ⁷⁻⁸ и не свѣдомо же Т. ⁹ Нет Ч. ¹⁰ Божия Т. ¹¹ прославити У. ¹² не елико УЧТ. ¹³ ангелы ЧТ. ¹⁴ ни ЧТ; и У; в ркл. али нѣ. ¹⁵ чловеки ЧТ. ¹⁶ Нет У; господь Т. ¹⁷ призыв ЧТ. ¹⁸ Нет ЧТ. ¹⁹ Нет У. ²⁰⁻²¹ уже небрегоша Т. ²² Доб. и слуги Т. ²³⁻²⁴ и вси прилежаху пекущесе о богатыхъ Т. ²⁵ а сего Т. ²⁶ Доб. посѣти сам Т. ²⁷ Нет У. ²⁸ дѣло У. ²⁹ Доб. Иоанн Т. ³⁰ Доб. Во время оно Т. ³¹ Доб. бо П. ³² градов и от сел Т. ³³ Доб. праздыника Т. ³⁴ Нет П. ³⁵⁻³⁶ пришелъ есть възискат Т. ³⁷ Доб. жидове Т. ³⁸ хуляхуть Ч; хуляхуть и Т. ³⁹ Нет П; доб. зовуще Т. ⁴⁰ Доб. во Иерусалим Т. ⁴¹ глаголется У; доб. жидовскимъ языкомъ Т. ⁴² рекше Т. ⁴³ полагаху У; полосаху ТП. ⁴⁴ чрева Т.

Над ⁴⁵симь бѣ⁴⁶ храм, пять притвор имѣя,⁴⁷ и ту лежаше множество болящих, ⁴⁸хромых же и слѣпых, и инѣми недуги болящей,⁴⁹ чающе движения водѣ; ангел бо господень приходя⁵⁰ въмушаше воду, и⁵¹ по возмущении ⁵²первое вълъзый⁵³ цѣл бываше. Си же бѣ образ святаго крещения: понеже не всегда вода та ицѣляше, ⁵⁴нѣ егда ю ангел възмутяше.⁵⁵ Ныня же к крещения купѣли⁵⁶ сам ангелскый владыка святый дух прихода освящаеть ю и даеть здравие душам и тѣлом, и грѣхом очищение; ⁵⁷аще кто слѣп есть⁵⁸ разумомъ, ли⁵⁹ хром невѣриемъ, ли⁶⁰ сух⁶¹ мнозѣх безаконий отчаяниемъ,⁶² ли⁶³ раслаблен еретичьскымъ учениемъ — ⁶⁴всѣх вода крещенія съдравы творить.⁶⁵ Она⁶⁶ купѣ (л. 17 об.) ль многы⁶⁷ приимающи,⁶⁸ а единого⁶⁹ ицѣляше,⁷⁰ и тоже не всегда, нѣ единою лѣта, — а крещения купѣль по вся дньи многы⁷¹ оживляющи ⁷²съдравы створить;⁷³ к крещению бо аще и всея земля придуть человѣци, не умалиться божия благодать, всѣм дающи⁷⁴ ицѣление от грѣховныхъ недуг. Рьцѣм же⁷⁵ о господни благодати, како приде к Овчи купѣли, и видѣ человѣка раслаблена,⁷⁶ долго врѣмя⁷⁷ на одрѣ в недузѣ лежаща, и въпроси его глаголя: Хощеши ли⁷⁸ съдав быти? ⁷⁹— Ей, рече,⁸⁰ господи! Хотѣл бых, нѣ не имѣю человѣка, дабы по възмущении ангеловѣ въвергл мя бы⁸¹ в купѣль.⁸² Нѣ аще мя еси о съдравии, владыко,⁸³ въпросил, то крѣтъцѣ послушай моего отвѣта,⁸⁴ да ти своя болѣзни напасть исповѣдѣ.⁸⁵ 30 и 8 лѣт на одрѣ семь недугомъ пригвожден слезю; грѣси мои вся уды телесе моего раслабиша, а душа моя преже страсти⁸⁶ поношении⁸⁷ бодома бысть. Богови ся молю, и не послушаеть мене, зане превѣзидоша безакония моя⁸⁸ главу мою. Врачем и (л. 18) здаях все мое⁸⁹ имѣние,⁹⁰ и помощи улучити не възмогах: нѣсть бо⁹¹ зеляя, могуща божію казнь прѣмѣнити.⁹² Знаемии мои гнушаються мене, смрад бо мой всякая утѣхы лиши мя, и⁹³ ближнии мои стыдяться⁹⁴ мною, яко чюжь бых страсти ради братии моей.⁹⁵ Всеи человѣци мною кльнутьяся, а утѣшающаго не обрѣтох. Мъртва ли себе нареку? Нѣ чрево ми пища желаетъ, и⁹⁶ язык от жажа исыхаетъ. Жива ли себе помышляю? Нѣ не тѣкмо въстати⁹⁷ с одра, нѣ ни подвигнути себе не могу; нозѣ имѣю⁹⁸ непоступнѣ, руцѣ же⁹⁹ не тѣчию¹⁰⁰ бездѣлнѣ, нѣ ни осязати себе тѣма¹⁰¹ съвладѣю. Непогребенѣ мъртвыцѣ разумѣюся, и¹⁰² одр съ гроб ми есть. Мъртв¹⁰³ есмь в живых и жив есмь в мъртвых, ибо яко жив питаюся и яко же¹⁰⁴ мъртв не дѣлаю. Мучим же есмь, акы в адѣ, бестудиемъ поносящихъ ми;¹⁰⁵ смѣх бо¹⁰⁶ есмь¹⁰⁷ унотам укаряющимъся¹⁰⁸ мною, и¹⁰⁹ старце (л. 18 об.) м же¹¹⁰ лежю притѣча к наказанию.¹¹¹ Мною вси глумяються, аз же сугубо стражю:¹¹² утрьуду болѣзнь¹¹³ кльщити¹¹⁴ мя,

^{45—46} сею купѣлью бьяше Т. ⁴⁷ имущи УЧТ. ^{48—49} хромии, слѣпнии, нѣмнии, глушии и прочими недуги болящих Т. ⁴⁹ болящих и Ч. ⁵⁰ Доб. и ЧТ. ⁵¹ Нем Т. ^{52—53} же воды преже вълз Т. ^{54—55} Нем ЧТ. ⁵⁶ Доб. не ангел приходитъ, но Т. ^{57—58} и аще кто будет слѣп Т. ⁵⁹ или ЧТП. ⁶⁰ или ЧТ. ⁶¹ Доб. в ЧТ. ⁶² отчаявся Т. ⁶³ или ЧТ. ^{64—65} всѣх сих здравы створяеть крещенная вода Т. ⁶⁵ сътворяеть Ч. ⁶⁶ Доб. бо Овча Т. ⁶⁷ Доб. болящая Т. ⁶⁸ приемлющи ЧТ. ⁶⁹ Доб. токмо Т. ⁷⁰ ицѣляющи Ч. ⁷¹ Нем У; доб. очищающи Т. ^{72—73} здравы створить УЧТП; в ркп. створить. ⁷⁴ Доб. избиланно Т. ⁷⁵ Нем П; доб. нынѣ Т. ⁷⁶ Доб. и Т. ⁷⁷ Доб. боляша и Т. ⁷⁸ Нем П. ^{79—80} И рече: Ей У; И рече раслабленный: Ей Ч; Отвѣща же раслабленный и рече: Ей Т. ⁸¹ Нем ЧТ. ⁸² Доб. Овчю Т. ⁸³ Нем П. ^{84—85} да скажу ти напасти моя болѣзни Т. ⁸⁶ Доб. и У; смерти страстьми Т. ⁸⁷ поношении У; поношенья Т. ⁸⁸ Доб. на ЧТ. ⁸⁹ Нем У. ⁹⁰ житие ЧТ. ⁹¹ Нем У. ⁹² преминути ЧТ; доб. Друзи мои и Т. ⁹³ Нем П. ⁹⁴ срамляются Т. ⁹⁵ Доб. и ЧТ. ⁹⁶ а У; нет ЧТ. ⁹⁷ Доб. не могу Т. ⁹⁸ Доб. но П. ⁹⁹ Доб. имѣю Т. ¹⁰⁰ токмо УТ. ¹⁰¹ Доб. не Ч. ¹⁰² Нем УЧТ. ¹⁰³ Доб. бо Т. ¹⁰⁴ Нем ЧТ. ¹⁰⁵ Доб. и Т. ¹⁰⁶ Нем ЧТ. ¹⁰⁷ есть У. ¹⁰⁸ укаряющихся ЧТ. ¹⁰⁹ Нем ЧТ. ¹¹⁰ Нем У. ¹¹¹ Доб. и Т. ¹¹² злостражю Т. ¹¹³ болезни ЧТ. ¹¹⁴ тружают Т.

вънѣуду¹¹⁵ досадами укоризньник стужаю си. От всѣх бо плавание¹¹⁶ слин покрывает мя. Двое¹¹⁷ сѣтование объдержити мя; глад паче недуга прѣодалает¹¹⁸ ми: аще бо и брашно обрящу,¹¹⁹ нѣ в уста рукою вѣложити его не могу; всѣм молюся, дабы мя кто накѣрмил, и бывает дѣлим мой бѣднѣй укрух с питающими мя.¹²⁰ Стоною съ слъзами, томим¹²¹ болѣзнию недуга моего, и никто же придетъ посѣтит мене; ¹²²един злостражду никымъ же видим.¹²³ Егда же останѣци тряпез богобойныхъ людей принесени будутъ сде,¹²⁴ скоро притекутъ приставници Овчая купѣли, и ¹²⁵не тако¹²⁶ пси Лазоревы облизаху струпы,¹²⁷ яко ¹²⁸же си моя¹²⁹ помилования пожирають.¹³⁰ Не имѣю же ни¹³¹ имѣнья, да бых си¹³² единого умъздил¹³³ о мнѣ пекущаяся (л. 19) человекъ,¹³⁴ яко злѣ расточих ¹³⁵даное ми¹³⁶ в раи богатство, и ¹³⁷змьемъ в едемѣ украдена ми бысть¹³⁸ чистоты одежда, и сде лежю наг божия покровя. Не имам человекъ, иже бы не гнушаяся послужил ми;¹³⁹ Енох и Илия не обрѣтостася на земли: възята бо быста на колесници огньнѣи и прѣбываеа идеже бог вѣсть; Аврам с Ивовомъ мало¹⁴⁰ послуживша мнѣ подобнымъ: прѣставистася в бесконѣчную жизнь. Господи, человекъ не имам вѣрна к богу; Моиси ¹⁴¹—боговидецъ и¹⁴² законодавецъ,¹⁴³ послѣже сѣгрѣши к богу и не въниде в землю обѣтованную; Соломон¹⁴⁴ премудрый три краты с богомъ бесѣдовав, на старость ¹⁴⁵прирази к богу и¹⁴⁶ женами прѣлѣстивъся погыбе. Господи, человекъ не имам вѣложаща мя в купѣль; вси бо уклонишася и неключими быша, и нѣсть творящаго¹⁴⁷ блага, нѣсть ни¹⁴⁸ единого, и не разумѣютъ вси творящия безаконие. И си вся от уст раслабленаго¹⁴⁹ слышав, благый нашъ врачъ господь Исусъ Христосъ отвѣщавъ к раслабленому:¹⁵⁰ (л. 19 об.) Что глаголеши: человекъ не имам? Аз тебе ради человекъ бых, — щедр и милостив, не сългав обѣта моего въ человекѣния. Слышал бо ¹⁵¹еси¹⁵² пророка глаголюща: Яко отроча родитсѣя,¹⁵³ сынъ вышняго, и данъ бысть нам, и тѣ болѣзни и недугы наша понесет. Тебе ради горняго царства скипетры оставль, нижнимъ служа объхожю;¹⁵⁴ не приходъ бо, да ми послужать, нѣ да послужю.¹⁵⁵ Тебе ради, бесплѣтенъ сы, плѣтию обложихъся, да всѣхъ душевныя и телесныя недугы ицѣлю. Тебе ради, невидимъ сы ангельскимъ силамъ,¹⁵⁶ всѣмъ человекѣмъ явихъся; не хощу бо моего образа в тлѣннѣи презрѣти лежаща, нѣ хощу и спасти и в разум истинный привести. И¹⁵⁷ глаголеши: человекъ не имам! Аз быхъ человекъ, да богомъ человекъ сѣтворю, рѣхъ бо: Бози будутъ¹⁵⁸ и¹⁵⁹ сынове вышняго ¹⁶⁰вси. И¹⁶¹ кто¹⁶² ин мене вѣрнѣи служай тобѣ? Тобѣ¹⁶³ всю тварь¹⁶⁴ на работу створих, небо и земля тобѣ служита: оно влагою, а си плодомъ. (л. 20) Тебе ради солнце свѣтомъ и теплою служить,¹⁶⁵ и¹⁶⁶ луна¹⁶⁷ съ звѣздами ношъ объляеть.¹⁶⁸ Тебе дѣля¹⁶⁹ облаци дѣждьмъ землю напаяють, и земля всяку траву сѣмениту и дрѣва плодовая на твою службу въздращаеть.¹⁷⁰ Тебе ради рѣкы ¹⁷¹рыбы носятъ,¹⁷² и пустыни звѣри питаеть.¹⁷³ И глаголеши: человекъ не имам! И¹⁷⁴ кто есть мене вѣрнѣи человекъ, кто не сългахъ обѣта въ человекѣния моего; кляхъся Аврамови глаголя: О сѣмени

115 Доб. же Т. 116 оплевание ЧТ. 117 Доб. бо ЧТ. 118 преодождает Т.
 119 Доб. си Т. 120 Доб. Рыдаю и Т. 121 с П; доб. есмь Т. 122—123 Нет У.
 124 Нет У; ко мнѣ Т. 125—126 яко У. 127 коросты Т. 128—130 съ мою милостивно пождать Т. 129 Нет У. 131 Нет Т. 132 Нет ЧТ. 133 нанял Т.
 134 Нет П. 135—136 даемо У. 137 Нет ЧТ. 138 Нет У. 139 мнѣ УЧ.
 140 Нет Т. 141—142 Нет ЧТ. 143 Доб. сы Т. 144 Доб. же Т. 145—146 согрѣши богови ЧТ. 146 Нет У. 147 творящ Т. 148 Доб. до ЧТП. 149 его Ч.
 150 Доб. и рече: О человекѣ! Т. 151 ли ЧТ. 152 Нет У. 153 родися ЧТ.
 154—155 Нет П. 156 Доб. нынѣ Т. 157 Нет Т. 158 будете УТ. 159 Нет У.
 160—161 Нет У. 162 Доб. есть Т. 163 Доб. бо Т. 164 Доб. мою Т.
 165—168 Нет П. 166 а Т. 167 мѣсяць Т. 168 ради Т. 170 израстаютъ Т.
 171—172 рыбы износятъ ЧТ; в ркп. носятъ. 173 питають Ч. 174 Нет ЧТ.

твою благословятъ язици,¹⁷⁵ в Исаѣ же будетъ ти племя, и в томъ въплътившя, отложю обрѣзание, створю же брѣжу¹⁷⁶ воду, многа чада поражающую крещениемъ, о ней¹⁷⁷ же глаголетъ Исаия:¹⁷⁸ Яко протѣржеса вода в пустыни;¹⁷⁹ жажюще, на воду живу идѣте!¹⁸⁰ Аз есмь животноое озеро, и ¹⁸¹се породный¹⁸² источник от уст моих на тя изливаю, а ты Овчая купѣли жадаеши, помалѣ прѣсѣхнути хотяща! Въстани, възми одр свой, да слышитъ мя¹⁸³ Адам и обновитъся (л. 20 об.) ныня с тобою от истѣлѣнія: в тобѣ¹⁸⁴ бо първаго прѣступления Евѣжину клятву исцѣляю. Лазоря, уже раскисѣвъша в гробѣ и чѣтыри дни имуща в мѣртвых, словомъ жива створих, и тобѣ ныня глаголю: възстани, и възми одр свой,¹⁸⁵ и иди в дом свой.¹⁸⁶ И скоро възкочи раслабленный с одра,¹⁸⁷ съдрав¹⁸⁸ всѣми уди телеса¹⁸⁹ и силою мощьн, и възем носившаго¹⁹⁰ и одра, посредѣ народа хожаше. Бѣ же в тѣ день субота, и¹⁹¹ видѣвъше ¹⁹²его жидове,¹⁹³ не порадовашася о съдравии немощнаго, ни въздаша хвалы богови, въздвигнувъшоому раслабленаго от одра немощи,¹⁹⁴ ни рѣша: Како ти ся,¹⁹⁵ брате,¹⁹⁶ жылы укрѣпиша и¹⁹⁷ телесныя уди утвърдиша? Нѣ акы звѣрие на оружника нападыше отбѣгоша и богохульная словеса акы стрѣлы к камени пушающе съламахуся:¹⁹⁸ изволиша бо неправду паче, нежели глаголати правду. И¹⁹⁹ начаша прѣтити²⁰⁰ носящему одр:²⁰¹ Субота есть, и²⁰² (л. 21) недостойтъ ти взяти одра.²⁰³ Почто възстал еси от немощи? Почто ицѣлѣ еси от недуга? Почто²⁰⁴ прѣмѣнилъ еси от болѣзни? Не лѣпо ти бѣ²⁰⁵ нынѣ одра своего носити.²⁰⁶ И рече им ицѣлѣвый от недуга:²⁰⁷ Что се²⁰⁸ глаголете, о фарисѣи! Мудри суще²⁰⁹ злобою обуродѣсте.²¹⁰ Не насытитисте ли ся²¹¹ в 30 и 8 лѣт, зряще мене ²¹²на одрѣ²¹³ исполумѣртва лежаща? Нынѣ же, възставшю ми божию слово²¹⁴ ослѣпосте умомъ и о своей храмлюще прѣтыкается неправдѣ. Аще не бысть²¹⁵ добро,²¹⁶ а зло не есть мое възстание.²¹⁷ Аще не радуется²¹⁸ преславному чудеси,²¹⁹ понѣ не завидите даному мнѣ съдравии. Не будѣте яко ²²⁰конь и мѣск,²²¹ им же нѣсть разума. Господь поможетъ²²² мнѣ на одрѣ болѣзни моя и весь недуг мой обратилъ есть в съдравие.²²³ Рцѣте же ми,²²⁴ старци²²⁵ и судие Израилевы, в чѣей вас клѣти украдено бысть даное мнѣ съдравие, да тако жаляще си прѣтите ми. Никто же вас прѣобидѣн,²²⁶ ни у кого же вас уем мнѣ дарова,²²⁷ нѣ иже (л. 21 об.) мя ²²⁸есть створил²²⁹ цѣла,²³⁰ тѣ мнѣ рече: Въстани, възми одр свой и ходи! И се есмь весь²³¹ сдрав. Отвѣщаша²³² книжьници:²³³ Кто есть он, иже тя створи цѣла? ²³⁴Носй же одр²³⁵ не вѣдаше,²³⁶ Иисусу уклоньшюся от народа, обаче глаголаше: Нѣсть вѣлхв, ни чародѣй, ни есть²³⁷ ходатай, ни ангел, нѣ сам господь бог Израилев,

175 Доб. и П. 176 добродачну Т. 177 нем ЧТ. 178 Доб. пророк Т. 179 См. Исаия, XXXV, 6. 180 Ср. Исаия, LV, 1. 181-182 живоносный ЧТ. 183 тя ЧТ.
184 том Т. 185-186 Нет ЧТ. 187 Доб. и Т. 188 Доб. бысть Т. 189 Доб. своего УТ. 190 носившаго Ч. 191 Нет Т. 192-193 же жидове раслабленаго ицѣлѣвша Т. 194 Доб. и Т. 195 Нет Т. 196 Доб. здравье бысть или како ти Т. 197 Нет Т.; доб. или како ти Т. 198 славяхуся П. 199 Нет ЧТ. 200 Доб. ицѣлѣвшему и Т. 201 Доб. глаголюще Т. 202 Нет У; нынѣ Т. 203 Доб. своего Т. 204 и У. 205 Нет У; есть Т. 206 Нет У; поносити Ч. 206-207 Отвѣша им раслабленный, ицѣлѣвый от недуга, и рече им Т. 208 Нет П. 209 Доб. но Т. 210 уроди есте Т. 211 Доб. моя болѣзни Т. 212-213 Нет У. 214 Доб. и вы Т. 215 бы ЧТ. 216-217 а зла нѣсть в моемъ възстаньи У. 217 Доб. и здравье Т. 218-219 о преславленемъ чудеси УЧТ. 219 Доб. то Т. 220-221 кони и мѣскы У; конь и мѣск ЧТП; в ркп. и мѣск конь. 222 поможетъ У. 223 Доб. мнѣ Т. 224 Доб. о фарисѣи и Т. 225 Доб. людыстии Т. 226 Доб. бысть Т. 226-227 ни у кого же у вас уем мне дарова ЧТ; никто же вас уем мнѣ дарова У; в ркп. никого же вас уем мнѣ дарова. 228-229 створи УЧТ. 230 здрава Т. 231 Доб. цѣла и Т. 232 Доб. же Т. 233 Доб. и рекоша Т. 234-235 Ицѣлѣвый же Т. 236 видяше У; видяще Ч. 237 нѣсть П.

понеже не осяза мене руками,²³⁸ ни приложи былия²³⁹ к вѣдом удов моих. Нѣ слово его дѣломъ бысть; рече бо ми: Вѣстани²⁴⁰ и ходи! И²⁴¹ вѣслѣдова слову дѣло, и сдравие телеси. Тѣмъ же²⁴² не судите на лица, ни хулите²⁴³ божия благодати. Нѣ праведный суд судите, рѣште богу: Яко възвеличашася дѣла твоя въ Израили! И господнемъ чудесемъ суботу почстите, и бога прославите,²⁴⁴ праздниѣк украсите! Нѣ жидове²⁴⁵ не умѣлькняху²⁴⁶ глаголюще: Кто есть ищѣливый тя в суботу? Покажи повелѣвшаго ти носити одр в праздниѣк. Обрѣте же его паки Исус в церкви и²⁴⁷ глагола ему: Се²⁴⁸ цѣла еси, ктому не сѣгрѣшай, да не горе²⁴⁹ ти что²⁵⁰ будетъ. Нѣ (л. 22) да не мним, яко тому единому се²⁵¹ глагола²⁵² Христос,²⁵³ нѣ²⁵⁴ всѣмъ нам,²⁵⁵ приемѣшимъ крещения благодать, имъ же праотечьскыя очистихомъ ся сквърны и ищѣлени быхом от растѣлѣвающаго ны грѣха. Нѣ²⁵⁶ яко се бы рекла к ищѣлѣвшему²⁵⁷ тому господь: Се в тобѣ всего Адама мозоли исцѣлих, и падѣша преступлениемъ възведох, и всеродную того клятву нынѣ²⁵⁸ отях,²⁵⁹ омых²⁶⁰ сквърну всякого прѣгрѣшения крещениемъ, възискав обрѣтох шѣдѣшаго²⁶¹ в пути неблагы кумирслужения, обязах раны уязвнаго бѣсовьскыи разбойники, възлѣх на язвы его моя крѣве вино и масло,²⁶² и възъм на²⁶³ тѣла моего²⁶⁴ скот²⁶⁵ вѣнесох в гостиньницу²⁶⁶ — святую церковь, дах два срѣбрника гостиньнику — новый и ветѣхый закон святителемъ, да прилежать учениемъ людемъ, обѣщах и²⁶⁷ мзду по възвращении моемъ спасѣшимъ грѣшники. Се цѣла еси и²⁶⁸ ктому не сѣгрѣшай: горе бо — рече — в разумѣ сѣгрѣшаю (л. 22 об.) щому! Разумѣйте же вси слова силу, яко по крещении не велить намъ господь сѣгрѣшати, да не паки истѣлимъ обновленаго богомъ челоуѣка; по възприятии же всякого священнаго сана горе сѣгрѣшающому, реку же по мнѣнишьствѣ, и по²⁶⁹ иерѣйствѣ, и в²⁷⁰ самомъ епискупствѣ не боящимся бога. А челоуѣкъ тѣ вѣрѣн бѣ, ибо²⁷¹ по исцѣлѣнии²⁷² не вѣдасть себе в²⁷³ телесныя сквърны, ни похули же Исуса прѣд июдѣи, нѣ в церкви прѣбываше, идеже и²⁷⁴ обрѣте его²⁷⁵ Христос. И тѣ познав ищѣлившаго²⁷⁶ и глагола: Праведнъ еси, господи, и слово твое истина! Отныня причастник²⁷⁷ есмь всѣмъ боящимся тебе²⁷⁸ и хранящим²⁷⁹ заповѣди твоя. И иде²⁸⁰ по всей странѣ повѣдая:²⁸¹ Яко Исус есть, иже мя створи цѣла.

Да и мы, братие,²⁸² Исуса Христа, бога нашего, праславимъ, ищѣлившаго нас²⁸³ от недугъ грѣховныхъ, и к нему вѣрою припадѣмъ глаголюще: Не помани пѣрвыхъ безаконий нашихъ и нынѣшнягя очисти сѣгрѣшения,²⁸⁴ ты бо еси всѣ (л. 23) х²⁸⁵ богъ, небесныхъ и земныхъ,²⁸⁶ челоуѣчьскый зижителю,²⁸⁷ ангелскый творче,²⁸⁸ цесарю мира всего, архангелскый владыко, хѣровимьскый сдѣтелю, серафимьскый украсителю. Помилуй нас, на тя уповающихъ, да²⁸⁹ спасени тобою славимъ тя съ отцемъ и съ пресвятымъ²⁹⁰ духомъ и нынѣ и присно и вѣкы.²⁹¹

238 Доб. яко же прочии врачеве Т. 239 зелья Т. 240 Доб. возми одр свой Т.
 241 Доб. въскорѣ Т. 242 Доб. о фарисѣи Т. 243 похуляйте Т. 244 Доб. и Т.
 245 Доб. бѣсяхуса и Т. 246 умолкаху У. 247 Нет ЧТ. 248 Нет У. 249 горше Т.
 250 Нет ЧТ. 251 Нет ЧТ. 252 рече П. 253 Нет П. 254 Доб. и Т. 255 Нет У.
 256 Нет У. 257 ослабленому Т. 258 Нет У. 259 Доб. и ЧТ. 260 отмых
 ЧТП. 261 впадшаго ЧТ. 262—265 и на скотъ взем на тѣло мое Т. 263—264 тѣло.
 мое Ч. 266 Доб. в УТ. 267 им У. 268 Нет УЧТП. 269 Нет ЧТ.
 270 по П. 271 и Т. 272—273 не изда себе на Т. 274 Нет ЧТП. 275 Нет У.
 276 Доб. и Т. 277 Доб. аз Т. 278 Доб. господи П. 279 хвалящимъ Т. 280 Доб.
 челоуѣкъ-от Т. 281 проповедая ЧТП. 282 Доб. того УЧТП. 283 ны ЧТ.
 284 Доб. наша Т. 285 Нет У. 286 Доб. и ЧТ. 287 Доб. и ЧТ. 288 Доб. и Т.
 289 господи П. 290 святымъ У; доб. благымъ, животворящимъ Т. 291 Доб. векомъ.
 Амивъ УТ.

6

¹Кюрила мниха² слово о слѣпъци и о зависти жидов,³ от сказания евангельскаго, в недѣлю 6-ю по пасцѣ. ⁴Господи, благослови, отче!⁵

Милость божию и челоѡколюбие господа нашего Исуса Христа,⁶ благодать же⁷ святаго духа, дарованую обильно челоѡчьскому роду, сказано вам, братие, добрии христоролюбивии послушници, чада церковная, сынове свѣта и⁸ причастници⁹ царствия не(л. 25 об.)беснаго. Нѣ¹⁰ не от своего сердца сия изношу словеса — в души бо грѣшнѣ ни дѣло добро, ни слово пользно¹¹ ражается, — нѣ творим повѣсть, въземлюще¹² от святаго Евангѣлия, почтенаго нам ныня от Иоана Фелога, самовидця христовых чудес.

Глаголетъ бо:¹³ В оно врѣмя мимоида Исус¹⁴ обрѣте челоѡвка слѣпа от рожества,¹⁵ и не прѣже помолися ему слѣпецъ, ни ¹⁶въслѣдуя просить¹⁷ прозрѣния, нѣ по въпросѣ¹⁸ своих си¹⁹ ученик, дивно чюдо творить, извѣсто указая себе благими дѣлы, яко то есть бог,²⁰ приде ныня в Иерусалим и обрѣте челоѡвка слѣпа, тако и²¹ рожена. Того ради рече апостол:²² «мимоидый», — миноваше бо уже ветхый закон с трѣбами козых жертв и с прѣдани²³ старьчьскихъ заповѣдий, немогый ищѣлити челоѡчьскихъ недуг; ничтожо бо закон Моисѣевъ свѣрьши, нѣ всѣхъ прѣдасть под грѣ(л. 26)х. Сам же творецъ твари и законудавецъ приде обновит твари и спаст²⁴ челоѡвка, яко же пророк о немъ глаголетъ:²⁵ Не ходатай, ни ангел, нѣ сам господь спасе ны. ²⁶Тѣмъ и к въпросу апостольскому глаголетъ о слѣпъци:²⁷ Ни съ сьгрѣши, ни родителя его, нѣ да ся²⁸ явять²⁹ дѣла божия на немъ.³⁰ И си рек, плону на землю и съмъте прахъ отъ плюновения. Вижь, како показаетъ своего божества исконнаго дѣла образ; тако бо и в начало твари възъм персть отъ земля и створи челоѡвка. Сице ³²и нынѣ³³ помазав каломъ ³⁴слѣпцю очи,³⁵ посла его к³⁶ купѣли Силуамьстѣй, да умывься³⁷ прозритъ,³⁸ и не токмо прозритъ, нѣ и³⁹ сквърну прадѣднѣяго очиститъ грѣха, крещениемъ же⁴⁰ породивься сынъ свѣта будетъ. Оле мудрость божия и неиздреченное челоѡколюбие!⁴¹ Кая душа не веселиться о милости его, ею же ны възлюби и далече суща близъ (л. 26 об.) к собѣ приведе,⁴² всего⁴³ челоѡвка сдрава створив,⁴⁴ ослаблена⁴⁵ востави,⁴⁶ хромыхъ убьстри,⁴⁷ прокаженыхъ очисти,⁴⁸ слукыя⁴⁹ исправи,⁵⁰ глухыя и нѣмыя добрѣ слышаща и глаголивы створи, сухорукыя укрѣпи, бѣсы от челоѡк прогнав⁵¹ и⁵² слѣпныя просвѣти!⁵³ Нѣ жидове ся⁵⁴ на благодѣтеля гнѣвають,⁵⁵ иудѣи рѣпщють на чюдотворца,⁵⁶ израильтяне съвѣт творять на спаса своего, сынове Ияковли погубити мыслять

1—2 Святаго Кюрила У. 1—5 Того же Кирила мниха в недѣлю 3-ю по пасцѣ слово о слѣпцѣ и о зависти жидовьстѣй, от сказаний неваггельскихъ Т. ³ жидовьстѣй У. 4—5 *Нет Ч.* ⁶ *Доб.* и Т. ⁷ *Нет Т.* ⁸ *Нет ЧТ.* ⁹ наследници Т. 10 *Нет У.* ¹¹ *Доб.* не П. ¹² взимающе Т. ¹³ *Доб.* сице Т. ¹⁴ Христос Т. 15 *Доб.* его Т. ^{16—17} въслѣдова прося Т. ¹⁸ въпросѣхъ У. ¹⁹ *Нет У.* 20 *Доб.* иже Т. ²¹ *Нет Т.* ²² евангелист ЧТ. ²³ прѣданием П. ²⁴ спасти У. 25 *Этим словом начинается академический отрывок (А).* ^{26—27} Тѣм же вприсиша ученици господа, глаголюще: Учителю, кто сьгрѣши, сий ли или родителя его, да слѣп родися? Отвѣща господь и рече им Т. ²⁸ *Нет ЧТП.* ²⁹ явяться ЧТП. 30 *Доб.* мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославашаго мя Т. ³¹ *Доб.* слины Т. ^{32—33} *Нет П.* 34—35 слѣпцю очи УЧТ; очи слѣпцю А; в ркп. слѣпцю. ³⁶ в Т. ³⁷ *Доб.* и Т. 38—39 и (ЧТ *нет*) не токмо прозритъ, но и АУЧТ; в ркп. и в П: нѣ и. ⁴⁰ *Нет П.* 41 *Доб.* владычне Т. ⁴² привлече Ч. ⁴³ *Доб.* бо Т. ⁴⁴ створи Т; *доб.* Христос Т. ⁴⁵ ослабленаго АУЧ; ослабленыя Т. ⁴⁶ въздвиже Т. ⁴⁷ очисти Ч; ищѣли Т. ^{47—48} *Нет Ч.* ⁴⁹ сухия ЧТ. ⁵⁰ сдравы сдѣла; *доб.* слукыя ищѣли Т. ⁵¹ прогна УТ. ⁵² *Нет УТ.* ⁵³ просвѣтив А. ⁵⁴ *Нет А.* 55 гнѣваются А. ⁵⁶ творца Т.

пришдѣшаго спаст всего мира, садукѣи прозрѣвшаго на судище влекут, иродяне съборище съвѣкупають: ⁵⁷не вѣрують бо ⁵⁸человѣку, ⁵⁹яко тѣсть, бывый прѣже слѣп. Книжници изумѣвшесе пытаются ⁶⁰родителю прозрѣвшаго: ⁶¹Аще то есть — глаголюше ⁶²— ваю сын? Левгити дивятся, видяще ясно зрящую зѣнищу уродившагося без очю. Старьци укаряють в субботу отвь (л. 27) рзвшаго очи слѣпцю. Народи ⁶³хваляще бога прѣславному ⁶⁴дивятся ⁶⁵чюдеси, и всь Иерусалим радуется, ⁶⁶Исуса Христа ⁶⁷величающе. Нѣ фарисѣи лстыяще народы хулять чюдотворца, ⁶⁸жърци изгоняють от ⁶⁹съборища помилованаго богомъ, ⁷⁰архьерѣи прѣтять ⁷¹прозрѣвшему, да похулить просвѣтившаго и, глаголюще: Сий человекъ нѣсть от бога, понеже ⁷²суботы не хранить. Сами межю собою злохытремь прятяся, а не радуются о прѣславныхъ божиихъ чудесехъ, иже не в иномъ языцѣ съдѣвахуса, ни иноплеменьникомъ в мѣчтѣ творима бяху, нѣ в племени Аврамли, в сынохъ Израилевѣхъ, в градѣ Давыдовѣ, своего языка человекомъ. Его же вси нарицаху сыномъ Иосифовомъ, с немь же мнози ⁷³послушьствоваху: прокажении очищени и ⁷⁴бѣсьнии от злыхъ избавлени дух, и от мъртвыхъ тѣмь въскрѣшени, и всея Пале- (л. 27 об.) стины людии, боле пяти тысящъ, ⁷⁵иже ⁷⁶пятью хлѣб до избытка насытившесе от Христа ⁷⁷в пустыни. ⁷⁸И все ⁷⁹се ⁸⁰свѣдѣаху ⁸¹жидовскыя старѣйшины, нѣ зависть не дадыше им познати божиа благодати, да быша глаголали ⁸²такъ: Велий еси, господи, и чюдьна ⁸³дѣла твоя, яко посѣтил еси ⁸⁴нас милостию и створи избавление людем своимъ! Нѣ изгнавше от сбора ⁸⁵прозрѣвшаго, ⁸⁶къ собѣ сами ⁸⁷прю сътавлеше глаголаху: ⁸⁸Что створимъ галилѣянину сему Исусу? Яко уже отврѣщи хочеть богоданный Моисѣев законъ и старьчская прѣдания в посмѣхъ ⁸⁹положил есть, а рыбарѣ Тивериадскаго езера, невѣгласы суща, яже по собѣ ныня водить, ⁹⁰честнѣйше ⁹¹архьерѣи и фарисѣи створил ⁹²есть. Ис църкве продающихъ овца и голуби изгонить, а мытарѣ и грѣшники прийма ⁹³в жъртвникъ ввѣводитъ и ⁹⁴с ними ⁹⁵ясть же ⁹⁶и пиеть (л. 28) бесумнѣния. На архьерѣе и книжники господьскы грозиться и ⁹⁷фарисѣем с левгиты, акы властель, ⁹⁸прѣтить глаголя: Горе вам, книжници, ⁹⁹фарисѣи, лицемѣри! А блудницѣ, от любодѣецъ отводя, ¹⁰⁰святыя нарица ¹⁰¹я, ¹⁰¹глаголетъ: ¹⁰²О жено! Вѣра твоя спасе тя, иди в мир! Църковь же божию разорити велить ¹⁰³и трьми деньми паки вѣстави ¹⁰⁴ю ¹⁰⁵хупеться. ¹⁰⁶Се же явѣсть, яко ругается чюднѣй сей църкви, ибо ¹⁰⁷и ¹⁰⁸в Сухомѣ ¹⁰⁹блудницы рекл есть: Настанеть врѣмя, егда ни в горѣ сей, ни в Иерусалимѣ поклоняться богови духомъ. И ¹¹⁰еще же и все злато кесареви поущаетъ ны ¹¹¹отдати, и всѣм по своему слѣду ходити в нищетѣ велить. А Моиси у егюптян при исходѣ повелѣ отцем нашимъ с лстыю златыя тѣхъ ¹¹²съсуды поймавше усвоити. И ¹¹³се же нѣсть ли его смертная вина, яко и ¹¹⁴сыномъ божиемъ нарицаеться! А писание глаголетъ:

57—59 не имуть бо вѣры человекъ Т. 58 Нем П. 60 въпрашають Т. 61 Доб. глаголюще Т. 62 Нем Т. 63 Доб. же Т. 64 преславу А. 65 дивятся АУЧТП; в ркп. дивиться. 66—67 господа Исуса Ч. 68 свѣтодавца Т. 69 из Т. 70 Доб. человекъ Т. 71 запрѣцають Т. 72 иже Т. 73 Доб. люди Т. 74 Нем АУЧТ. 75 Доб. мужъ АУЧП. 76 Нем П. 77—78 Нем АУ. 79 вся Т. 80 Нем АУЧ; сия Т. 81 свѣдаху АУЧ; вѣдаху Т; в ркп. съдѣваху. 82 рыкли Т. 83 Доб. суть Т. 84 Этимъ словомъ обрывается л. 1 об. списка А. 85 съборища слѣпца Т. 86—87 и сами промежю собою Т. 88 Доб. Оле, братье Т. 89 помыслѣхъ У. 90 Доб. и ЧТ. 91 честнейша ЧТП. 92 Доб. я Т. 93 суция П. 94 Нем У. 95 ними АУЧТП; в ркп. нимъ. 96 Нем ЧТ. 97 Нем У. 98 властелин Т. 99 Доб. и Ч. 100—101 чисты нарицаеть Т. 102 глаголя Т. 103 глаголетъ Т. 104 въздвигнути Т. 105 Нем У. 106 по кушается (разрядкой — позднейшая поправка) Т. 107 яко Ч; яко же Т. 108 Нем У. 109 Сухемьстѣ Ч; Сихемѣ Т. 110 Нем УЧТ. 111 Нем ЧТ. 112 Доб. и сребренныя Т. 113 Нем У. 114 Нем УЧТ.

Слыши, Израилю, господь бог твой един есть! Друзии же глаголаху: Ни, братие, не хулим бога, ни творим ¹¹⁵сурово (л. 28 об.) съвѣта: ¹¹⁶аще не бы от Бога был, не мог бы сих творити знаменій. ¹¹⁷Нъ ¹¹⁸еда съ есть, ¹¹⁹о немъ же писа ¹²⁰Моиси, глаголя: Пророка вам вѣставитъ ¹²¹бог от братия ваша, и яко мене, тако и того послушайте; ¹²²Исаия ¹²³же: ¹²⁴Радуйся, земле Иудова, яко в тебе явится избавитель твой, и ¹²⁵тогда отверзуться очеса слѣпых, и ушеса глухых услышатъ; ¹²⁶и пакы ¹²⁷Иеремия: ¹²⁸Се ¹²⁹бог нашъ на земли явился и с человекы поживе, и вси держащися понь ¹³⁰живуть, и ¹³¹оставльше его умрутъ, ¹³²нъ испытаим, ¹³³рѣша, ¹³⁴добрѣ, вѣзовѣм и еще второе прозрѣвшаго, ¹³⁵приведем и родителя его ¹³⁶в събор: ¹³⁷познаета ли, аще то есть тою ¹³⁸сын, ¹³⁹его же слѣпа родиста; еда ¹⁴⁰не то будетъ тою сын, ¹⁴¹и обличим галилѣйскую леть, и осужена будета оба на смерть. И пакы вѣзавъше человекы бывшаго слѣпа глаголаша; ¹⁴²Дажь ¹⁴³славу богу! Мы вѣмы, яко ть человекы грѣшныи есть. Нъ прозрѣвый не обвиняся истину им ¹⁴⁴глаголетъ: ¹⁴⁵О роде невѣ (л. 29) рьн, ¹⁴⁶пълн неправды и всякого безаконія! Коему богу славу поущаете мя вѣздати? Понеже ¹⁴⁷давшаго мнѣ очи похулити ¹⁴⁸нудите, ¹⁴⁹льстите мя, акы безумна, ¹⁵⁰вашемъ причаститися грѣсѣ, ¹⁵¹томите ¹⁵²паче мучитель, отвергъше истину, ¹⁵³глаголати лъжо. Нѣсть слышано от вѣка, яко отверзе коли кто очи слѣпу рожену, яко же се ¹⁵⁴мнѣ ныня бог Аврамов створи. ¹⁵⁵И ¹⁵⁶кто есть ин бог болша сего показал ¹⁵⁷в Израили чудеса! ¹⁵⁸Еда телчи главѣ ¹⁵⁹славу велите ми вѣздати? ¹⁶⁰Ей ¹⁶¹же в пустыни отци ваши поклоньшеса ¹⁶²погыбоша: бога бо, рече, ¹⁶³родившаго я ¹⁶⁴оставиша и забыша бога спаса своего. ¹⁶⁵Еда ли ¹⁶⁶Вефильскыма ¹⁶⁷пожру телицами? Има же вы с Еровамомъ пожърше ¹⁶⁸в руцѣ оружия прѣдани бысте богомъ. Раздражиша бо ¹⁶⁹мя, рече, в ¹⁷⁰щюжих и в мързостх своих прогнѣваша мя. ¹⁷¹Ци ли на высокия холмы хотите мя повести, ¹⁷²иде же ¹⁷³вы своя дѣти бѣсом закаласте? Пожроша бо — рече — дѣмоном, ¹⁷⁴(л. 29 об.) а не богу, — богом, их же не вѣдаша ¹⁷⁵отци их. ¹⁷⁶Что же ¹⁷⁷и еще ¹⁷⁸от мене хотите слышати? ¹⁷⁹Понеже рекох вам, и не вѣруете. ¹⁸⁰Еда и вы ученици его съ мною хотите быти? Фарисѣи же укориша его ¹⁸¹глаголюще: Ты ученик еси того, ¹⁸²а мы Моисеови есм ученици. Отвѣщав ¹⁸³и ¹⁸⁴рече им ¹⁸⁵бывый прежде слѣп: Аще бысте были Моисѣеви ученици, не бысте избивали посланных к вам от бога пророк, язычскимъ поклоняющеса рукотворенным богом. А Моисий тако заповѣда: Да ся не поклониши богу чюжему, ниже ¹⁸⁶послужиши ¹⁸⁷дѣлом руку человекю. ¹⁸⁸Не вы ли Иеремию каменемъ побисте, иеопутьскому козлу с кадиломъ

115—116 нать зависти без ума (разрядкой — позднейшая поправка) Т.
 117—119 Но испытываем в писаньи, люблю съ есть Т. 118 Нет Ч. 120 Нет П.
 121 Доб. господь Т. 122 Ср. Второзакон., XVIII, 15. 123 рече Исаия П.
 124 Доб. пророк рече Т. 125 Нет У. 126 Ср. Исаия, XXXV, 1, 4—5. 127 Доб.
 пророк Т. 128 Доб. рече ЧТ. 129 Нет Ч. 130 его Т. 131 а ТП.
 132 Ср. Варух, III, 36, 38; IV, 1. 133 попытаемы Ч; доб. его У. 134 наша П.
 135 Доб. и ЧТ. 136—137 Нет У. 137 собираше Т. 138 его У. 139—141 Нет П.
 140 аще ли Т. 142 Доб. ему Т. 143 Дай же ЧТ. 144 Нет У. 145 глаголаше
 У. 146 Доб. и Ч; доб. невѣрный и лукавный, о роде развращенный Т. 147 Доб.
 бога Т. 148 хулити У. 149 Доб. мя ЧТ; доб. и П. 150—151 Нет У.
 152 нудите Т; доб. мя УТ. 153 Доб. и Т. 154 Нет У. 155 Доб. Скажите ми,
 о фарисѣи Т. 156 Нет Т. 157 показав Ч; показавый Т. 158—159 Коему богу
 велите ми Т. 160 Доб. люблю телчей главѣ велите ми славу вѣздати Т. 161 Вркп.
 Ие. 162 Доб. и Т. 163—164 рожьшаго УП; родившаго тя ЧТ. 165—166 Или Т.
 167 Вифильскыма Т. 168 Доб. и УТ. 169 Нет Т. 170 о ЧТ. 171 Доб. Коему
 богу славу вѣздати ми велите? Т. 172—173 на них же Т. 174 бесом ЧТ. 175 ви-
 деша ЧП. 176 Ср. Второзакон., XXXII, 17. 177—178 Нет У. 179 Доб.
 о иудѣи! Т. 180 имете ми вѣры Т. 181 и У. 182 Нет Ч; его Т. 183 Доб.
 же Т. 184 Нет УЧТ. 185 Доб. иже Т. 186 ни У. 187—188 Нет У.

полагающе требы? Их же дѣля¹⁸⁹ възъяривъся на вы глагола господь: Съберу на ня злая и¹⁹⁰ стрѣлы моя¹⁹¹ сконъчаю на¹⁹² них. И пакы Исаию дрѣвяною прѣтроста пилюю, с Манасиею бездушнымъ служаще кумиром, о них же речено бысть: Бози, иже не створиша не(л. 30)бесе, ни¹⁹³ земля, ти¹⁹⁴ да погыбнуть с работающими им. И¹⁹⁵ еще же Иосию поразисте в Самарѣи, с Ахавомъ не сущему богу моляшеся Валу, и се видѣв зѣло¹⁹⁶ разгнѣвася на люди¹⁹⁷ своя господь,¹⁹⁸ и омързѣ ему достойние свое, и расточи десять скипетр Израила в страны язык, и¹⁹⁹ на прочая посла²⁰⁰ зубы звѣрины,²⁰¹ с яростию пресмыкающихся по земли. Тако же и великаго Иезекиля пролиясте кровь, бранящую вам вавилоньскимъ не²⁰² кланятися капищем, их же Данил на срамоту вам скруши. Нѣ молю вы, не глаголѣте на бога неправды, нѣ смотрите пророческихъ писаний, еда се есть Христос, пришдѣый от бога на спасение Израила.²⁰³ Аще бо сий²⁰⁴ не бы от бога был,²⁰⁵ не бы могъ творити ничтоже. Отвѣща²⁰⁶ жърци с²⁰⁷ фарисѣи: В грѣсѣх²⁰⁸ родилъся еси весь, и²⁰⁹ ты ли ны учиши? И изгнаша и от съборища своего вѣн. Изгнаша и²¹⁰ от ненавидимаго богомъ съборища жидовьскаго, нѣ²¹¹ святая Христова отвързеса ему церкви. Издринуша и от фарисѣйскаго лѣ(л. 30 об.)жесловеснаго учения, нѣ от апостолъ святаго духа²¹² душепользныхъ поучений²¹³ насладися. Не окропиша его завистивии жърци попеломъ унѣца с кровью козлею к плѣтьстѣй чистотѣ, нѣ ангельскый святой ефилиел на того верхъ крещениемъ излияся. Не утѣшиша его богохульнии старѣи Израилеви, нѣ архиепископи²¹⁴ новаго закона с нимъ веселяшеся Христа²¹⁵ славять. Отвѣргошася его плѣтьскыя ужикы, нѣ духовная о Христѣ братия прияха его, их же водою и духомъ язычьская породе церкви. Чюжа его собѣ²¹⁶ створиша друзи²¹⁷ и знания,²¹⁸ нѣ святии ангели на небесѣх²¹⁹ друголюбно с нимъ радуются. Не даша ему жърци в Соломоню вѣлѣсти церковь, нѣ горняго Иерусалима святая святыхъ с богоугодными патриархы акы пѣрвѣнѣца прият его. Не огласиша его богомързѣици жидовьстии архиерѣи,²²⁰ нѣ сам²²¹ Исус Христосъ сынъ божий пакы²²² по изгнании²²³ обрѣте и, и²²⁴ не тѣкмо огласи и,²²⁵ нѣ и²²⁶ о(л. 31)святии его²²⁷ рек: Ты вѣруеши ли в²²⁸ сына божия?²²⁹ То бо есть глаголай с тобою! Он же припада²³⁰ на земли²³¹ сице възпяше:²³² Вѣрую, господи, и кланяю ти ся! Вѣрую в тя,²³³ сыне божий,²³⁴ и прославляю тя!²³⁵ Вѣрую, владыку,²³⁶ и проповѣдаю тя, спаса миру Христа! Вѣрую, милостиве,²³⁷ твоему на землю пришествию²³⁸ и тобою на небеса чловѣкомъ вѣшьствию! Ты бо еси,²³⁹ о немъ же писаша пророци, дозряще духомъ твоего вѣчеловѣчения! Ты еси,²⁴⁰ его же прообразиша патриархи агнѣца божия, всего мира грѣхы възяти хотящаго! Ты,²⁴¹ господи, сам еси, о немъ же учиша законодавци: егда придетъ месия, упразнить²⁴² закон и подастъ²⁴³ благодать! Тобѣ бо²⁴⁴ дастся власть всяка²⁴⁵ и сила на небеси и на земли! Тебе вся тварь²⁴⁶ бездушная послушаетъ раболѣпно,²⁴⁷ и всяко дѣхание видимое и невидимое знаетъ тя, своего творца и владыку! Нѣ израильстѣи людие окаменѣша²⁴⁸ на тя завистию и свои очи от твоихъ

¹⁸⁹ ради У. ¹⁹⁰ Нем Ч. ¹⁹¹ Доб. и ЧТ. ¹⁹² в У. ¹⁹³ и У. ¹⁹⁴ Нем
УЧТ. ¹⁹⁵ Нем УП. ¹⁹⁶ господь У. ¹⁹⁷ вы У. ¹⁹⁸⁻¹⁹⁹ Нем У. ¹⁹⁹ а ЧТ.
²⁰⁰⁻²⁰¹ звѣри У. ²⁰² Нем ЧТ. ²⁰³ наше ЧТ. ²⁰⁴⁻²⁰⁵ Нем Ч. ²⁰⁵ пришел Т.
²⁰⁶ Доб. же Т. ²⁰⁷ Нем У; и П. ²⁰⁸ Доб. ты Т. ²⁰⁹ Нем УТ. ²¹⁰ Нем У.
²¹¹ Этимъ словомъ начинается л. 2 списка А. ²¹² Нем ЧТ. ²¹²⁻²¹³ душепользнаго
учения ЧТ. ²¹⁴ архиерей ЧТ; доб. и епископи ЧТ. ²¹⁵ бога А. ²¹⁶ Нем ЧТ.
²¹⁷⁻²¹⁸ знаемии ЧТ. ²¹⁹ небеси А. ²²⁰ ерѣи У; сбори ЧТ. ²²¹ Доб.
господь Ч. ²²²⁻²²³ позна и А. ²²⁴ Нем У. ²²⁵ Нем А. ²²⁶ Нем АУ.
²²⁷ Доб. и П. ²²⁸ Доб. Христа Ч. ²²⁹ Доб. Се Т. ²³⁰⁻²³¹ Нем АУ.
²³² рече А. ²³³⁻²³⁴ сына божия АУ. ²³⁵⁻²³⁶ Нем У. ²³⁷⁻²³⁸ и прославляю
твое на землю пришествие А. ²³⁹ Доб. господи Т. ²⁴⁰ бо П. ²⁴¹ Доб. бо ТП.
²⁴² упразниться ЧТ. ²⁴³ подастся Т. ²⁴⁴ Нем АУ. ²⁴⁵ Нем ЧТ. ²⁴⁶⁻²⁴⁷ по-
винутся бездушная раболѣпно ЧТ. ²⁴⁸ онѣмѣша (позднейшая поправка) П.

отвратиша чудес. Видѣша бо²⁴⁹ дивна и прѣсла(л. 31 об.)вна тобою творимая, Христе, знаменія, нѣ²⁵⁰ не познаша завистию²⁵¹ божія силы в тобѣ являемыя.²⁵² Завидѣша бо первое твоему рождству, еже²⁵³ небеса повѣдахуть звѣздою, а они к Ироду о убийствѣ ти²⁵⁴ клеветаху; завидѣша и²⁵⁵ творимым тобою чудесым и глаголаху: О Вельзаулѣ князи бѣс изгонити бѣсы.²⁵⁶ И не почиваютъ, акы пси лающе на своего благодѣтеля.

Нѣ мы ныня, оставльше²⁵⁷ иудѣйское²⁵⁸ злобѣсованіе,²⁵⁹ похвалим помилованаго богомъ человекѣа. Сий бо не тѣкмо тельсыма прозрѣ очима, нѣ и душевныма просвѣтися зракома; на земли проповѣдникъ бысть сыну божію и на небесѣхъ²⁶⁰ апостольскаго²⁶¹ сподобися²⁶² вѣнца. О крѣпкій Христовъ²⁶³ воине, доблій на лествѣ въоружниче и²⁶⁴ дързый лѣжи обличителю, непобѣдимый страсотерпче, искусный сына божія поборниче, посрамителю безаконныхъ фарисѣй и²⁶⁵ проповѣдниче истины, добрый прѣжеприи(л. 32)мниче новому закону, първый поклонниче господа и²⁶⁶ бога и спаса нашего Исуса Христа, ему же слава²⁶⁷ с отцемъ²⁶⁸ и с святыимъ²⁶⁹ духомъ и ныня и присно!²⁷⁰

7

¹ Кюрила недостойнаго² мниха³ слово на възнесение господне,⁴ в четвърток, б недѣли⁵ по пасхѣ,⁶ от пророческихъ указаний,⁷ и о въскрѣшеніи⁸ всеродна Адама из ада.⁹

Приди ныня духомъ, священный пророче Захаріе, начатокъ слову дая¹⁰ нам от своихъ прорицаний о възнесеніи¹¹ на небеса господа¹² бога и¹³ спаса¹⁴ нашего Исуса Христа! Не бо притчею, нѣ явѣ показал¹⁵ еси нам, глаголя: Се богъ нашъ грядетъ в славу, от брани опълчания своего, и вси святіи его с нимъ, и станета нозѣ его на горѣ Елеонствѣй, пряму¹⁶ Иерусалиму на вѣсток.¹⁷ Хошемъ бо и прочее от тебе увѣдати. А о брани, бывшій на обещаго врага диявола, от Исаія, ¹⁸серафимьскаго видѣца,¹⁹ разумѣем. Самъ бо господь²⁰ нашъ Исусъ Христосъ единъ воплѣчися²¹ на вся бѣсовскыя силы и (л. 32 об.) власти тмныя испроверже. Попрахъ бо я²² — рече — в ярости моей, и истлихъ²³ я²⁴ в гнѣвѣ моемъ,²⁵ и вся ризы моя окрѣвавахъ побѣженъемъ; снидохъ и до скровищъ плѣнникъ моихъ, и вся избавихъ крѣпостию мышца моя, ²⁶и рѣхъ: Не людие ли си суть и²⁷ чада моя!²⁸ Си вся о страсти господни и о съшествіи его в адъ речена быша. Тамо бо побѣди власти тмныя крестомъ и изведе всеродна Адама съ всѣми отечествіи²⁹ языкъ. Люди же наричетъ вся языки, грѣхъ своихъ ради съведенныя въ адъ, а чада наричетъ, иже в законѣ кончашася.³⁰ Нѣ на вся въцесарилъсѣ бѣ грѣхъ властію смъртною, от самаго³¹ Адама даже и до Христа; низведе³² в прѣисподнихъ ада посади, окованы нищетою и желѣ-

²⁴⁹ *Нет Ч.*   ²⁵⁰ *и А.*   ²⁵¹ *Нет АУ.*   ²⁵² *Доб. и Ч.*   ²⁵³ *иже Т.*
²⁵⁴ *твоем Т.*   ²⁵⁵ *Нет УЧТ.*   ²⁵⁶ *Нет У.*   ^{257—259} *бѣсованіе злое иудѣйское А.*
²⁵⁸ *жидовское ЧТ.*   ²⁶⁰ *небеси У.*   ²⁶¹ *Нет Т.*   ²⁶² *Этим словом (сподоби)*
кончается л. 2 об. списка А.   ²⁶³ *Христов УЧТП; в ркл. Христе.*   ²⁶⁴ *Нет*
²⁶⁵ *Нет ЧТ.*   ²⁶⁶ *Нет УЧТП.*   ²⁶⁷ *Доб. и держава П.*   ^{268—270} *Нет П.*
²⁶⁹ *пречистымъ Ч.*

^{1—3} *Святаго Кюрила У; Того же Кюрила мниха Т.*   ² *Нет П.*   ⁴ *господа*
нашего Исуса Христа Т.   ^{5—6} *Нет УС.*   ^{7—9} *господи, благослови! У.*   ⁸ *въведе*
дены Т.   ⁹ *Доб. господи, благослови, отче! С.*   ¹⁰ *дай ЧТС.*   ^{11—14} *господа У.*
¹² *Нет П.*   ¹³ *Нет ЧТ.*   ¹⁵ *указал ЧТС.*   ¹⁶ *прямо У.*   ¹⁷ *Ср. Захарія,*
XIV, 3—4.   ^{18—19} *серафимовидца Т.*   ²⁰ *Доб. бог ЧТС.*   ²¹ *ополчися У;*
ополчився ЧТС.   ²² *Нет ЧС.*   ²³ *Доб. бо П.*   ^{24—25} *гнѣвомъ моимъ С.*
^{26—28} *Нет У.*   ²⁷ *Нет ЧТСП.*   ²⁸ *Ср. Исаія, LXIII, 3, 5—6, 8.*   ²⁹ *отечествія*
УТ.   ³⁰ *окончавшаяся Т.*   ³¹ *Нет ЧТС.*   ³² *низведе и У; доб. и ТС.*

зоть, — незаконный бо ради своих смѣришася. Нъ скрушив врата ада³³ Христос,³⁴ от бѣд их избави я и узы их прѣтѣрже,³⁵ изведе я ис тмы и сѣни смѣртныя. А за четиридесяте дни сия³⁶ раздѣлила естъ користь радости своя: (л. 33) Радуйте бо ся — рече — съ мною, яко обрѣтох изгыбѣшую драгму, сирѣчь душа³⁷ всѣх чловѣк³⁸ по отечествием язык, — яже в разная мѣста своих обителей въведе: овы в раи с разбойникомъ, а другыя с Адамомъ в пищный едем, ины же³⁹ с Аврамомъ в вѣчныя жизни прѣбывания, — и⁴⁰ всѣх же язык душа в своемъ свѣтѣ на водах поконых усели. По всѣх бо в телеси падших прѣльстию змия, тою же плѣтию Исус пострада, а по дѣлом комуждо⁴¹ в послѣдний день⁴² въздасть, егда придетъ судитъ всему миру. Си же от ангелъ к апостолом на Елеоньстѣй⁴³ речена быша: Мужи бо рѣша — галилѣйстии, что стоите зряще на небо?⁴⁴ Тѣмъ пакы придетъ в славу своего божества судитъ всему миру и въздасть⁴⁵ комуждо по⁴⁶ дѣлом его. Святыя же⁴⁷ пророкы и преподобныя праведникы с собою на небеса в святыи въводитъ град, — их же влаз⁴⁸ от богодѣхновенных скажем книг. Мы бо слову нѣ (л. 33 об.) см творци, нѣ пророческих и апостолских въслѣдующе глагол, иже послушествоваша о бозѣ живѣ, им же дух святыи въписати тако повелѣ: вѣрующим на спасение, а невѣрующим на погыбѣль.

Поидѣм же и⁴⁹ мы нынѣ,⁵⁰ братие, на гору Елеоньскую умоумъ и узрим мыслѣно⁵¹ вся преславная створившася на ней! На ту бо гору сам Христос бог наш днесь пришел естъ, и всѣх святых чиновъ тамо събрашася: праотечествии събори, патриаршьское множество, пророчествии плѣци,⁵² апостольстии ликове и⁵³ вѣрных тѣлпы с седмьдесятными Христовы ученикы, о них же рече Павел: Боле пятисот братия явися господь.⁵⁴ Си же глаголетъ бывшася на горѣ Елеоньстѣй, прѣд ними же⁵⁵ възнесся господь. А их же възведе на небеса Христос⁵⁶ в горний Иерусалим, слыши Матфѣя глаголюща о них: и многа телеса почивших святых въсташа, и видноша по възнесенни в святыи град, сирѣчь в небесный Сион. Видѣць же сим бысть Павъл, егда (л. 34) до третияго възсхыщен бысть небесе. Нѣ си оставаше, о възнесенни Христовѣ⁵⁷ побѣсѣдуим и⁵⁸ яже⁵⁹ быша на горѣ Елеоньстѣй. Тамо бо⁶⁰ ангельскыя силы и архангельская воинства: ови облакы крылы вѣтрными приносятъ на възятие от земля Христа бога нашего, друзии же прѣстолъ хѣровимьскый готовятъ. Бог отецъ жидеть, его же прѣже имѣ в ядрѣх съ собою. Дух же святыи⁶¹ велитъ всѣм ангелом его: Възмѣте врата небесная, да вънидетъ цесарь славы! Небеса веселятъся своя украшающе свѣтила, да благословятъся от своего творца, съ плѣтию сквозѣ тѣх⁶² врата на облацѣх възносима. Земля радуется видящи на себе бога явственно ходяща, и вся тварь красуется от Елеоньскыя горы просвѣщаема, яко на той ангели съ святыми апостолы, по повелѣнию бога⁶³ отца, съвѣкупишася, ожидающе сыновния пришествия. Тѣмъ сий праздыни паче инѣх чѣстныи бысть нам, и си гора святыиши естъ⁶⁴ Синай (л. 34 об.)скыя горы. На ону бо невидимо съниде, а на сей⁶⁵ явственно ся показа. На Синайскую бо съшѣдъ вся устрашаше,⁶⁶ зане гора вся⁶⁷ горяше⁶⁸ огньмъ, молния же и громи приступающая к горѣ умрщваху, тѣчью съ единѣмъ Моисѣемъ бог бесѣдоваше, а на Елеоньскую с тѣмами святых въшѣдъ⁶⁹ Христосъ вся освящаеъ и вся утѣ-

³³ мѣдяная У. ³⁴ Доб. и Т. ³⁵ Доб. и ЧТС. ³⁶ Нет У. ³⁷⁻³⁸ чловѣческыя У. ³⁹ иже П. ⁴⁰ Нет У. ⁴¹ всѣм (поздняя поправка) У. ⁴² Доб. комуждо У. ⁴³ Доб. горе ТС. ⁴⁴ Доб. Се Исус възнесыйся от вас на небо Т. ⁴⁵ вздати С. ⁴⁶ противу У. ⁴⁷ Нет ЧС. ⁴⁸ глас С. ⁴⁹⁻⁵⁰ мы ЧС; в ркп. и в УТП ныне. ⁵¹ Нет ЧС. ⁵² лица ЧС. ⁵³ Нет У. ⁵⁴ Исус П; ср. I Коринф., XV, б. ⁵⁵ Нет ЧС. ⁵⁸ Нет П. ⁵⁷ Нет ЧС. ⁵⁸ Нет У. ⁵⁹ яко же С. ⁶⁰ Нет У. ⁶¹ пресвятыи СП. ⁶² Нет У. ⁶³ Доб. и УП. ⁶⁴ Нет У. ⁶⁵ сю С. ⁶⁶ устраши С. ⁶⁷ Нет У. ⁶⁸ куряшася У. ⁶⁹ сшед ЧС.

шаеть. Свѣтитъ бо ся Олеон, яко солнце, святыхъ чины съ Христъмъ на собѣ имѣя. И⁷⁰ за оны громы и мълнія пророчѣстии слышатся гласи, яже радостно ликѣвуютъ, глаголюще: Възнесися силою твоею, боже! Поем и въспоем⁷¹ силы твоя!⁷² Ангели вся поушаютъ, глаголюще: Въскликнѣте богу вся земля! Пойте⁷³ же⁷⁴ имени его! Патриарси начинаютъ пѣснь: Се бог нашъ възносится, смирив обоя въ едино и⁷⁵ свѣкупив⁷⁶ земныя с небесными! Преподобнии възглашаютъ: Възнесися на небеса, боже! По всей земли слава твоя! Праведници велегласуютъ: Възнесися, судая земли, (л. 35) да и мы в свѣтѣ лица твоего, господи, поидем! Давидъ же, акы старейшина ликов,⁷⁷ уяшняя пѣсенныя гласы, глаголетъ: Все язѣци, всплещѣте руками, въскликнѣте богу гласомъ радости, да възидеть бог в⁷⁸ въскликновении,⁷⁹ господь⁸⁰ в гласѣ трубнѣ!⁸¹ Всѣхъ же гласы окончѣваеть Павъл, глаголя: Кто възиде на небеса Христа съвести?⁸² Кто ли сълѣзе в бездну Христа възвести?⁸³ Нъ тѣ⁸⁴ есть съшедый⁸⁵ и пакуы въшедый⁸⁶ прѣвыше всѣхъ небес.⁸⁷ Ту же бѣ и язычская церкви, уневѣстившися Христу. И⁸⁸ того ныня възносима на небеса зрящи скърбити и стонющи от сердца с Соломономъ въпить: Уязвена есмь аз⁸⁹ любовию твоею, женише небесный! Не трудихся в слѣд тебе и дни человекъ⁹⁰ не възлюбих. И акы проводящи любимаго въпить: Да цѣлуеть мя от лъбвзання уст его! С нею же и⁹¹ апостольский лик зряще на своего учителя и господя,⁹² акы чада церковная, жалостно глаголаху: Владыко, не о(л. 35 об.)стави нас сир, их же волею възлюбил еси яко милостив, нъ посъли, яко же обѣщал еси нам, твой пресвятый дух. К ним же отвѣща Исус, милостию утѣшая: Сядѣте в Иерусалимѣ! Аз бо въскожу к отцю моему и⁹³ богу вашему и посълю, яко⁹⁴ обѣщаю вам, много параклита, духа моего и отча. И въздвиг руцѣ,⁹⁵ благослови я. И се рек, възношашеся⁹⁶ на небо, и ти поклонишася ему, и облак свѣтълъ подъят⁹⁷ и⁹⁸ от очию их: Възиде бо — рече — на хѣровим и летѣ на крилу вѣтрюню. Имѣяшеть же с собою господь и душа человекъскы, яже възнесе на небеса в дар своему отцю, их же в горнимъ градѣ⁹⁹ усели. Си же от Иеремия разумѣи¹⁰⁰ глаголюща¹⁰¹ душа, яже враг в прѣисподняя съведе, — тыя же¹⁰² господь¹⁰³ на небеса възведе рек: Въстаните, възидем в¹⁰⁴ вышний Сион, се же есть небесный Ерусалим!¹⁰⁵ Прѣди же течаху ангельскыя силы¹⁰⁶ страхомъ и радости(л. 36)ю, отвѣрсти хотяще врата небесныя. Нъ вышнийи вратыни възбраняху, въпиюще: Си врата господя, да никто же земныхъ суду проходить; нам бо положи бог, яже не мимо идуть. Ныня же дивимся,¹⁰⁷ зряще человекъ на хѣровимствѣмъ престолѣ сѣдяща и прѣже серафим тѣщащася врата си проити. Ангели же повѣдаху сына божия силу и сан человекъскимъ обложена телесемъ, и не прѣрѣковати божии воли, вся мудростию творящому: Съниде бо рѣша¹⁰⁸ — на землю, никому же не¹⁰⁹ човѣшю, и се рабий нося образъ възходитъ. Они же рѣша:¹¹⁰ Не будемъ покорнѣ,¹¹¹ аще не услышимъ слова божия. Тѣгда възгласи Христос: Отвѣрзѣте мнѣ врата правды, и¹¹² въшѣд в ня възвѣщю отцю моему, яже на земли сѣдѣях и пострадах. И познавъше глас господень вся силы небесныя, падъше поклонишася, глаголюще:

⁷⁰ Нет У. ^{71—72} славу твою ЧТС. ⁷³ Доб. и воспойте ЧТС. ⁷⁴ Нет С.
⁷⁵ Нет У. ⁷⁶ Доб. обое ЧТС. ⁷⁷ ликом ЧТС. ⁷⁸ Нет УЧТСП. ⁷⁹ вос-
кликновением ЧТС. ⁸⁰ господь УЧТСП; в ркп. и господь. ⁸¹ Ср. Пс., XLVI,
2, 6. ^{82—83} Нет ЧТС. ^{83—84} Кто П. ^{85—86} Нет С. ⁸⁷ Ср. Римл., X,
6—7; Ефес., IV, 10. ⁸⁸ Нет У. ⁸⁹ Нет ЧТС. ⁹⁰ покоя ЧТС. ⁹¹ Нет Т.
⁹² бога У. ⁹³ Доб. к П. ⁹⁴ Доб. же Т. ⁹⁵ Доб. свои и Т; доб. и П.
⁹⁶ Нет У. ⁹⁷ поят ЧС. ⁹⁸ Нет ЧС. ⁹⁹ Иерусалиме ЧТС. ¹⁰⁰ разумѣя У.
¹⁰¹ пишу У; доб. и Т. ¹⁰² Нет ЧТ. ¹⁰³ Нет П. ¹⁰⁴ на ТС. ¹⁰⁵ Ср. Ие-
ремия, XXXI, 6. ¹⁰⁶ Доб. с Т. ¹⁰⁷ видим С. ¹⁰⁸ Нет У. ¹⁰⁹ Нет У.
¹¹⁰ рекоша У. ¹¹¹ покорни У; покориви ЧТС. ¹¹² Нет У.

Аще¹¹³ не видѣхом, владыко, тебе¹¹⁴ сходяща, се покланяем ти ся¹¹⁵ възсходящю в славу. И дух святы(л. 36 об.)й на срѣтение ишѣд, въводити равна собѣ сына божия, и почесть творя глаголетъ: И да поклоняются ему вси ангели божи! Сам же бог отецъ¹¹⁶ възгласи к¹¹⁷ грядущему въ плоти: Сын мой еси ты, сяди одесную мене! Се¹¹⁸ прѣстол твой, боже, в вѣкы вѣку! Твоя суть небеса и твоя есть земля, и конецъ¹¹⁹ ея ты основа!¹²⁰ И посадив отецъ сына на престолѣ и своею вѣнча его десницею, възспѣвающимъ сице серафимомъ: Положил еси на главѣ его вѣнецъ от каменія драгаго, славою и честью вѣнчал еси его,¹²¹ славу и вельвѣпоту възложил еси на нѣ!¹²² Посемъ съвършаетъ¹²³ помазаниемъ¹²⁴ божия сущьства, яко же Давыд послушствуетъ: Сего ради помаза тя, боже, бог твой олъемъ радости паче причастникъ твоихъ. Да поистинѣ сий праздникъ пълнъ есть¹²⁵ радости и веселія! Радость на небесѣхъ, възнесъшюся Христу к отцю, и на земли веселие всей твари, обновльшиися от истълѣнія.

Тѣм же и мы, братие, придѣте (л. 37) въздрадуимся господеви, възшѣдъшему на небо небесное на востоки, сѣдѣщему одесную отца поклонимся,¹²⁶ приемъшему всяку власть на небеси и на земли помолимся, цесарьствующему с отцемъ принесѣмъ вѣру яко дары, не явимся прѣд нимъ тѣщи в день праздника, да приемем¹²⁷ божию благодать.¹²⁸ Днесъ бо своя Христосъ всѣмъ¹²⁹ раздаваетъ дары: даеть отцю принесеную имъ в жертву плоть, посылаетъ апостоломъ святымъ¹³⁰ духъ, въводитъ душа святыхъ пророкъ в небесное царство, раздѣляетъ¹³¹ своимъ угодникомъ горняго града обители, отверзаетъ праведникомъ рай, вѣнчаетъ страдавшя¹³² занъ мученикы,¹³³ посылаетъ страсотерпцемъ чудесъ благодать, даеть святителемъ душеполезная прошения, отпускаетъ грѣшникомъ прегрѣшения, милуетъ вся творящая волю его и хранящая заповѣди его, посылаетъ благовѣрнымъ княземъ нашимъ съдравие телесемъ и душамъ спасение и врагомъ одолѣние, утвржа(л. 37 об.)еть церкви, обогащаетъ церковникы, честины творить служащая ему иерѣя и дияконы, освящаетъ монастырѣ,¹³⁴ прославляетъ игумены, укрѣпляетъ на тѣрпѣние мнихы, благословляетъ вся¹³⁵ крестьяны, малыя с великими, нищя с богатыми, рабы с свободными, старьцѣ с унотами и женимыя с дѣвицами, матери с младенци, сироты с вдовицами. Придѣмъ и мы, братия, в святую церковь, възвеличимъ Христа бога нашего, давшаго ны животъ прославимъ и по сихъ обѣщавшаго небесное царство възнесѣмъ имя его въкупѣ, да послеть и¹³⁶ намъ пресвятый¹³⁷ свой духъ. Того бо есмъ рабы и тому славу,¹³⁸ чсть и покланяние въсылаемъ с отцемъ и с¹³⁹ пресвятымъ благимъ и¹⁴⁰ животворящимъ духомъ,¹⁴¹ нынѣ и присно и въ вѣкы вѣковъ. Аминь.¹⁴²

8

¹Кюрила грѣшнаго² мниха слово на сборъ святыхъ отецъ 300 (л. 38) и 18, от святыхъ книгъ указание³ о Христѣ

¹¹³ Доб. и Т. ¹¹⁴ Доб. с небесе (поздняя приписка) Т. ¹¹⁵ Доб. нынѣ Т. ¹¹⁶⁻¹¹⁷ възгласив ТС. ¹¹⁸ Нет П. ¹¹⁹ конце ТП. ¹²⁰ Ср. Пс., II, 7; СІХ, I; XLIV, 7; LXXXVIII, 12. ¹²¹⁻¹²² Нет У. ¹²³ помазаетъ У. ¹²⁴ помаза тя (Т я) елеемъ ЧТС. ¹²⁵ Нет ЧТ. ¹²⁶ Доб. и ЧТС. ¹²⁷ приемъ ЧТС. ¹²⁸ милость У. ¹²⁹ комуждо У. ¹³⁰ Доб. свой У. ¹³¹ раздаеть ЧТС. ¹³²⁻¹³³ законники ЧС. ¹³⁴ Доб. и ЧТС. ¹³⁵ Нет ЧТС. ¹³⁶ Нет ЧС. ¹³⁷ святой ЧТС. ¹³⁸ Доб. и УЧТС. ¹³⁹ Нет П. ¹³⁹⁻¹⁴⁰ Нет П. ¹⁴¹ Доб. и Ч; доб. твоимъ и С. ¹⁴¹⁻¹⁴² Нет ТП.

¹⁻⁸ Святаго Кюрила похвала святыхъ отецъ 300 и 18. Господи, благослови, отче Нафанаиле! Бог ти, чадо, благослови и святой Григорій Чюдотворецъ У; Кирила мниха сказание в 7-ю недѣлю по пасхѣ преже пендикостья, слово на сборъ святыхъ отецъ 300 и 18, собравшихся на Арья, указанье от святыхъ книгъ, якъ Христосъ сынъ божий есть, и похвала святымъ отцемъ Никийского сбора Т. ² Нет П.

сынъ божи,⁴ и похвала⁵ отцем⁶ святаго Никѣйскаго събора, в недѣлю прежде пнантикостия. Господи, ⁷бла-
гослови, отче!⁸

Яко же историци⁹ и вѣтия, рекше лѣтописьци¹⁰ и пѣснотворци, при-
клаяють своя слухи в¹¹ бывшая межю цесари рати и въпълчения,¹² да
украсят¹³ словесы¹⁴ и възвеличат¹⁵ мужествовавшая крѣпко по своемъ
цесари и не давших в брани плещю врагом, и тѣх славяще похвалами
вѣнчаютъ,¹⁶ колми паче нам лѣпо есть и¹⁷ хвалу к хвалѣ¹⁸ приложити храб-
ром и великим воеводам божиам,¹⁹ крѣпко подвизавшимся по сынѣ
божи,²⁰ своемъ цесари, и господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ. ²¹По немъ же²²
опѣлчися на еретики святии наши отци архиепископи,²³ епископи, их же
число 300 и 18, по числу²⁴ дрѣвняго²⁵ Аврама. Нъ Аврам телесную
створи побѣду видимым воем, а си в²⁶ духовнѣй съдолъша рати и неви-
димыя побѣ(л. 38 об.)диша²⁷ бѣсы. Аврам пять цесарев с силами их по-
губи²⁸ и Лота, сыновъца своего, възврати, а си вся еретики духовными
исѣкоша мечи и церковь Христову възвратиша от кумиролужения.
²⁹Аврама възвращающа³⁰ от сѣча цесарьскы³¹ благослови божий иерѣй³²
Мълхиседек и хлѣбы с виномъ³³ изнесе, а святыя наша отца, по низложе-
нии и проклятии богоборецъ еретик, сам бог отецъ благослови и про-
слави, и святый дух вѣнча и освати, а сынъ божий, за он хлѣб и вино, свое
честное тѣло и святую крѣвь тѣм³⁴ прѣдложи в бесконечный живот, не
тѣмко же тѣм единѣм, нъ и всѣм вѣрным.³⁵ Нъ молю вашу, бра-
тие, любовь, не зазрите ми³⁶ грубости; ничто же бо от своего ума сде
въписаю,³⁷ нъ прошю ³⁸от бога³⁹ дара слову на прославление свя-
тыя троица; глаголетъ бо: Отвързи уста своя и напълню я. Тѣмъ прикло-
ните ума вашего слухы, о Христѣ бо начинаю слово, (л. 39) его же⁴⁰
Арий от бога отца отсѣщи мысляще.

Сий Арий поп быше александръскыя церкви, паче же реци съсуд бѣ
сотонин и вѣлк овчю покровен кожею. Сему⁴¹ бѣ поручено учити Христовѣ
вѣрѣ люди, нъ понеже не бѣ от дѣлатель винограда Христова, начат злое
сѣмя сѣяти, по немъ же тѣрние и вѣлчѣць прозябаше. Хульник бо бѣ, а не
благовѣстник, и глаголаше: Нѣсть Христос сынъ божий, нъ вся тварь чада
суть божия, и сынѣмъ божиемъ нарицается тварь. Се увѣдав архиепископ
Петр, издрину его ис церкви. Арий же⁴² съвѣкупляя⁴³ съборище,⁴⁴ своей ереси
учаше народы, богови попустивѣшю такому искусу от диявола на святую
церковь прити. ⁴⁵Се бо бывшю сему надѣлзѣ вѣрмени,⁴⁶ распространяшесе
душегубная та ересь,⁴⁷ доиде⁴⁸ злое то учение⁴⁹ до Антиохия и до⁵⁰ Вузан-
тия,⁵¹ и мнози оставляюще Христову вѣру, пристаа ереси его. Бого-
избраный же и⁵² правовѣрный⁵³ цесарь (л. 39 об.) Костянтин, видѣвъ
церковь Ариемъ възмятену, нехудѣ⁵⁴ опечалися,⁵⁵ и повелѣ⁵⁶ от всея все-
ленныя събрати епископы и прити всѣм в Никѣю. Помянув бо блаженны⁵⁷

3-4 Христос сынъ божий Ч. 5-6 святыхъ отецъ и Ч. 7-8 Нетъ Ч. 9 творци Ч; философи Т. 10 Доб. премудри (позднейшая приписка) Т. 11 Нетъ ЧТ.
12 ополченья У. 13 украсятся ЧП; доб. я Т. 14 Доб. слышащая У. 15 Доб.
храбровавшая и Т. 16 вѣнчаютъ У. 17 Нетъ ЧТ. 18 похвалѣ (позднейшая
поправка) Т. 19 Доб. иерархом (позднейшая приписка) Т. 20 Доб. по Т.
21-22 Понеже У. 23 Доб. и УЧТ. 24 чину У. 25 Нетъ У. 26 к П.
27 Доб. враги Ч. 28 победы ЧТ. 29-30 Аврамъ възвращающа У. 31 Доб. и У.
32 Доб. именемъ Т. 33 виномъ УЧТП; в ркп. виномъ. 34-35 приложивъ всѣм
вѣрнымъ в живот У. 36 моею У. 37 вписано У. 38-39 Нетъ У. 39 господа ЧТ.
40 Доб. океанный, проклятый У. 41 Доб. бо У. 42 Доб. бѣ У. 43 Доб. свое У.
44 Доб. и У. 45-46 Се бо сему надолзе бывшю времени УЧТП; в ркп. Ибо се
бывшю сему надѣлзѣ вѣрмени. 47 Доб. и УП. 48 Доб. же Ч. 49 Доб. и Т.
50 Нетъ У. 51 Доб. рекше до Царяграда У. 52 Нетъ УЧТ. 53 благочестивый У.
54 и велми У. 55 Доб. о томъ У. 56 Доб. въскорѣ У. 57 богоблаженны П; доб.
цесарь У.

пророческое слово глаголюще:⁵⁸ Сьберѣте ему преподобныя его, да ся прославить бог в сьвѣтѣ святых своих.⁵⁹ И скоро сьвѣкупишася святии⁶⁰ отци, по суху же и по морю нетрудно путь шествующе, яко корабли пълни⁶¹ духовнаго богатства, ли⁶² яко орли апостольскимъ вѣкрилившеся учениемъ, льгѣци суще тѣломъ, постыници бо бѣша,⁶³ и смѣрени духомъ, утвержени бо бяху Христовомъ Евангелиемъ.⁶⁴ Приведен же бысть и⁶⁵ Арий с единомысльники своими, и вси внидоша в дом на то устроен. Цесареви же сѣдѣшю на престолѣ,⁶⁶ старѣйшины святитель Христов одесную его на престолѣх посажены быша. Арий же с своими пособьники противу въшед ста, крѣпко вѣоруживъся на святую троицю, и начат (л. 40) яко стрѣлы пушати богохульная своя словеса, яко лъв злохитремъ неукротимо рикая; ему же клятвы⁶⁷ уста его пълна суть горести и льсти.⁶⁸ Изволи бо тѣму паче,⁶⁹ нежели свѣт, ни вѣсхотѣ благословения, нѣ⁷⁰ възлюби клятву, и приде ему. Остави небеса и позвавшаго на ня Христа, и обратися в прѣисподняя ада с прѣльстившимъ его змиемъ, имъ же тѣгда⁷¹ сам дьявол неподобная⁷² глаголаше. Велик бо бѣ воевода сотонин⁷³ Арий, нѣ цесарь его уже бѣ связан, тѣмъ и воинство⁷⁴ его не твърдо⁷⁵ боряшеся; бяху бо философи и книжьници горазди⁷⁶ по Арии⁷⁷ на Христа⁷⁸ власфимисающе. Повелѣ же цесарь Ариеви прѣже своя учения глаголати, ими же льстяше мир, к своей обращая пагубѣ. И начат оканьный сие догматисати: Что ся вам мнить о Христвѣ, яко⁷⁹ от⁸⁰ не⁸¹ искони есть с богомъ, ни⁸² единосущнъ богу⁸³ отцю, ни⁸⁴ равнъ святому духу сущьствомъ, ниже есть слово божие в есть (л. 40 об.) ствѣ,⁸⁵ ни тѣмъ видимая створена бысть тварь,⁸⁶ ни видим⁸⁷ есть отецъ сынови, ни въплѣтился есть⁸⁸ бог в⁸⁹ человекѣе естество,⁹⁰ нѣ вся тварь небесная и земная⁹¹ сын божий речеться.⁹² Се же ему изъглаголавшю и множайша к сим, их же⁹³ не лѣтъ нам⁹⁴ писати, ни вам слышати,⁹⁵ к нему же възгласивше святини наши рекоша отци: Слыши, Арию, безглавный звѣрю, нечистый душе, оканьный человекѣе, новый Каине, второй Иуде, плѣтанный дѣмоне, прельстивный змию, церковный всѣми вѣдомый тати, необратный разбойниче, нераскаемый грѣшьниче, неукротимый на Христова овчата⁹⁶ волче, безбоязнный святыя вѣры разорителю и⁹⁷ хотящимъ спасти пакостниче, божий враже и⁹⁸ сыну погибѣли! Си⁹⁹ от своего ума, а не от святых книг извѣщал еси, и¹⁰⁰ глаголеши¹⁰¹ еже твое сердце умысли, а не еже бог пророком и апостолом о своемъ сыну въписати повелѣ. Нѣ да увѣси и навькнеши о Христвѣ, яко (л. 41) то есть сын божий, един сы от троица, и¹⁰² нашего ради спасения в послѣдняя лѣта въплѣтися. Сам бог отецъ первое¹⁰³ повѣдаеть о своемъ сыну, яко присносущнъ ему есть: И-шрѣва бо — рече — прѣже деньница родих тя.¹⁰⁴ Вижь, како роди!¹⁰⁵ Не таить от своих раб единосущнаго своего сына рожения, о нем же на Иерданѣ и¹⁰⁶ Фаворѣ двократы послушествова глаголя: Се есть сын мой възлюбленный, о немъ же благоизволих.¹⁰⁷ А о твари не рече: Родих ю. Нѣ Моисий тако въписа: И¹⁰⁸ створи бог пятью¹⁰⁹ ден всю тварь видимую,

⁵⁸ *Нет У.*   ⁵⁹ его У; ср. *Пс., XLIX, 5; LXXXVIII, 8.*   ⁶⁰ *Доб.* наши УЧТП.
⁶¹ *Доб.* суще Т.   ⁶² или ЧТ.   ^{63—64} утвержени духомъ Христовомъ У.   ⁶⁵ *Нет УП.*
⁶⁶ *Доб.* и УЧТП.   ⁶⁷ *Нет ЧТ.*   ⁶⁸ *Доб.* под языкомъ его труд и болѣзнь У; ср. *Пс., IX, 28.*   ⁶⁹ *Нет У.*   ⁷⁰ *Нет У.*   ⁷¹ *Доб.* аки У.
⁷² *Доб.* в нем Т.   ⁷³ *Доб.* угодики Т.   ⁷⁴ воеводство ЧТ.   ⁷⁵ крѣпко Т.
⁷⁶ зломудри Т.   ^{77—78} *Нет У.*   ^{79—81} не от У.   ⁸⁰ *Нет ЧТ.*   ⁸² *Доб.* есть ЧТ.
⁸³ *Доб.* и УП.   ⁸⁴ и У.   ⁸⁵ единьствѣ У.   ^{86—87} ни видим ЧТ; в ркп. видим.
⁸⁸ *Нет У.*   ^{89—90} человекѣество У.   ^{91—92} сыномъ божимъ наречеться ЧТ.
⁹³ *Доб.* ми У.   ⁹⁴ *Нет У.*   ⁹⁵ послушати У.   ⁹⁶ стада У.   ⁹⁷ *Нет У.*
⁹⁸ *Нет ЧТ.*   ⁹⁹ *Доб.* оканьне У.   ¹⁰⁰ *Нет У.*   ¹⁰¹ *Доб.* злоумне и оканне У.
¹⁰² иже Т; *нет У.*   ¹⁰³ *Нет У.*   ¹⁰⁴ *Ср. Пс., CLX, 3.*   ¹⁰⁵ *Нет У.*   ¹⁰⁶ *Доб.*
на УЧ.   ¹⁰⁷ *Ср. Матф., III, 17.*   ¹⁰⁸ *Нет У.*   ¹⁰⁹ 6-ю Т.

¹¹⁰елико на земли и елико на небеси.¹¹¹ Паки же о въчеловѣчении бога слова ангели послушьствоваша, к пастырем глаголюще: Слава в вышних богу,¹¹² на земли мир, в челоуѣцѣх благоволение! Се бо вам благоуѣстием радость велию, яже будетъ всѣм челоуѣком, яко днесь родися вам Христосъ спасъ сынъ божий в градѣ Давидовѣ.¹¹³ Сих же не злѣ разумѣй,¹¹⁴ нѣ добре навѣкни, яко (л. 41 об.) сынъ есть божий въплѣтился,¹¹⁴ о семь бо¹¹⁵ и¹¹⁶ евангелистъ написалъ есть рекый: Искони бѣ слово, и богъ бѣ слово.¹¹⁷ И слово плѣтъ бысть, и¹¹⁸ вселися в ны, и видѣхом славу его,¹¹⁹ яко единочадога от отца, испълнь благодати и истины.¹²⁰ Тако же и Павел, посъл¹²¹ божий и¹²² учитель языком, о Христѣ глаголетъ: Велика есть благоуѣрия тайна: богъ явися в плѣти, оправдася в душѣ, показася ангелом,¹²³ проповѣданъ бысть в языцѣх, вѣрнъ бысть в мирѣ, възнесся в славу.¹²⁴ И си вся истина суть: вся бо от бога повелѣна суть глаголати. О твоей же¹²⁵ ереси самъ святыи духъ тѣмъ же апостоломъ¹²⁶ прорече, егда призва¹²⁷ в Милит¹²⁸ ефесскыи священики: Вѣдите, — рече¹²⁹ — яко по ошъствии моемъ внидуть¹³⁰ в вы¹³¹ вълци тяжьци, ¹³²стада не щадяще Христова, истъргати¹³³ ученики въслѣдъ себе. И паки к Тимофѣю о васъ же глаголетъ: Яко в послѣдняя времена¹³⁴ отступятъ нѣщии от¹³⁵ вѣры¹³⁶ Христовы научениемъ дѣмоньскомъ¹³⁷ и духомъ не(л. 42)приязниномъ,¹³⁸ лѣжесловесници, лицемерьи, ихъ же конецъ пагуба.¹³⁹ Да убо повинѣтесе толикомъ свѣдѣтелемъ, о въчеловѣчении сына божия повѣдающемъ. Аще ли от апостола своя откланяете слухы,¹⁴⁰ понѣ пророкъ послушайте, преже глаголавъшихъ о Христѣ, яко искони бѣ с богомъ отцемъ, и вся тѣмъ быша, и како в послѣдняя лѣта сниде на землю и с челоуѣкы поживе. О семь убо препрѣтъ тя пророци, святымъ духомъ гласнѣ трубы повѣдающе, яко Христосъ есть сынъ божий, богъ и челоуѣкъ и присно богъ, сияние¹⁴¹ славы и образъ невидимаго бога. Его же въчеловѣчения дозряще ти¹⁴² святии мужи, вси вельгласно¹⁴³ к нам¹⁴⁴ въпниють о благоуѣщении посланаго к дѣвѣи ангела,¹⁴⁵ и о зачатии от¹⁴⁶ святаго духа, о знамении звѣзды, ведъшии персы к рождшемуся богу, о младенствѣ ветѣхаго деньми, и о крещении его,¹⁴⁷ очищающимъ грѣхы,¹⁴⁸ о отверженнии ветѣхаго закона, о прѣславныхъ его чудесѣхъ, о прѣдании от учени(л. 42 об.)ка и за весь миръ умъртви, о съшъствии¹⁴⁹ в адъ и¹⁵⁰ въскресении от мъртвыхъ, о святѣмъ душѣ,¹⁵¹ его же¹⁵² дасть апостоломъ, о възнесении его¹⁵³ на небеса и о сѣдѣнии одесную бога,¹⁵⁴ и о вторѣмъ его¹⁵⁵ пришьствии, егда придетъ судити миру и въздасть комуждо по¹⁵⁶ дѣломъ его. О сихъ же всѣхъ препрѣша¹⁵⁷ и посрамиша¹⁵⁸ еретики, и прокльнѣше богохульника¹⁵⁹ Ария,¹⁶⁰ издринуша и¹⁶¹ ис церкви,¹⁶² и прославиша Исуса Христа, сына божия суща,¹⁶³ и утвърдиша церковь апостольскыи заповѣдми.¹⁶⁴ Научиша же¹⁶⁵ вся¹⁶⁶ вѣровати в святую троицю, единосущну и нераздѣльну, отца и сына и святаго духа, и повелѣша поклонятися в¹⁶⁷ троици единому богу. Бысть же сий първый съборъ

110—111 *Нет У.* 112 *Доб. и УТП.* 113 *Ср. Лука, II, 10—11, 14.*
¹¹⁴ разумей *УЧТП*; в *ркп.* не разумѣй. ¹¹⁵ бѣ *П.* ¹¹⁶ *Нет УЧТ.* ¹¹⁷ *Доб.*
и слово бѣ от бога *ЧТ.* ¹¹⁸ *Нет УТ.* ¹¹⁹ *Доб. славу Т.* ¹²⁰ *Ср. Иоанн, I, 1, 14.* ¹²¹ апостоль *Т.* ¹²² *Нет УЧ.* ¹²³ апостолом *ЧТ.* ¹²⁴ *I Тимофѣю, III, 16.*
¹²⁵ *Доб. оканьне У.* ¹²⁶ *Доб. и Т.* ^{127—128} *Нет У.* ¹²⁹ *Нет У.* ^{130—131} *Нет У.*
^{132—134} и *У.* ¹³³ и всторьгати *Т*; *доб. имуть Т.* ¹³⁵ *Нет У.* ¹³⁶ *Доб.*
Исусъ *ЧТ.* ^{137—138} *Нет У.* ¹³⁹ *Ср. I Тимофѣю, IV, 1—2.* ¹⁴⁰ *Доб. то Т.*
¹⁴¹ сияниемъ *ЧТ.* ¹⁴² *Нет П.* ^{143—144} *Нет У.* ¹⁴⁵ архангела *У.* ¹⁴⁶ *Нет УП.* ^{147—148} *Нет У.* ¹⁴⁹ *Доб. его У.* ¹⁵⁰ *Доб. о УЧТ.* ^{151—152} *иже У.*
¹⁵³ *Нет У.* ¹⁵⁴ *Доб. и отца У.* ¹⁵⁵ *Нет ЧТ.* ¹⁵⁶ противу *У.* ^{157—158} святии
наши отци оканьнии и треклятия *У.* ¹⁵⁹ богохульнаго *Т.* ¹⁶⁰ *Доб. и У.*
¹⁶¹ *Нет ЧТ.* ¹⁶² *Доб. и сущая с ним в той же оканьнѣи ереси У.* ¹⁶³ *Нет У;* *доб. святи наши отци У.* ¹⁶⁴ *Доб. и УТ.* ¹⁶⁵ *Нет УЧТ.* ¹⁶⁶ *Нет Т.*
¹⁶⁷ *Нет У.*

при Костянтинѣ святѣмъ¹⁶⁸ цесари, в 20-ное лѣто цесарства его. И тѣ за-
точи Ария, хулившаго Христа¹⁶⁹ сына божия. И възвратися болѣзнъ¹⁷⁰
на главу его, и на върх¹⁷¹ ему неправда его снидетъ;¹⁷² тому бо, рече гос-
подь, не бу(л. 43) деть прощения ни в сий вѣкъ, ни в будущий, нѣ и сде
проклинаемъ естъ, и тамо горѣтъ мучим улютаеъ.¹⁷³ Събор же святыхъ отецъ
трий сътъ и осминадесяте освятиша¹⁷⁴ и праздыновати повелѣша. Бяху же
старѣшины събору¹⁷⁵ мужи святии чудотворци: Силивѣстръ папа римьскый,
иже крщениемъ Костянтина цесаря от проказы очисти и многа ина створи
чюдеса, Митрофанъ патриахъ Цесаряграда, иже слѣпцюю очи словомъ отъвързе
и¹⁷⁶ нѣмому молитвою проглаголати створи, Олександръ архиепископъ
Александрия,¹⁷⁷ пророчьскымъ украшенъ даромъ, Евѣстафий отъ Антиохия
и¹⁷⁸ Макарий отъ Иерусалима, патриахъ суща¹⁷⁹ и знаменосьца, Витъ и
Викентий,¹⁸⁰ и с Пафнотиемъ Николае,¹⁸¹ чьстниимъ митрополити и чудот-
творци, и инии мнози святии епископи. В нихъ же бѣ и богоблаженный Спи-
ридонъ, имъ же створи богъ чудо в съборѣ: начьнѣшю бо е(л. 43 об.) му гла-
голати къ философомъ, иже по Арии пряхуся,¹⁸² видѣша огнь изъ устъ его ис-
ходящъ, и¹⁸³ отъвргъшеся Ария,¹⁸⁴ вѣроваша в святую троицю и быша кре-
стяние божиюю благодатию.¹⁸⁵

Да коея¹⁸⁶ чести и похвалы не¹⁸⁷ сутьъ достойни велиции си¹⁸⁸ Христови
срятители, тако подвизавъшеся по Христѣ, яко и апостоли, и того же
апостольскаго¹⁸⁹ прѣстола и вѣнца сподобъшеся!¹⁹⁰ О богоблаженни
отци, правовѣрныя¹⁹¹ вѣры правителе, вѣрнии недрѣмлющей святыя¹⁹²
церкве стражеве, за ню же и до криве противу врагомъ брань постависте,
не убоявъшеся¹⁹³ цесарь челоувѣчьскаго страха, ни мучитель прѣтѣщихъ
общюю смертию, ни пакы¹⁹⁴ же врѣменныя ради чьсти ослабѣвъше, не
прѣвратисте господня слова,¹⁹⁵ ни прѣдасте на лъжи¹⁹⁶ истинны, нѣ яко на-
учени бысте отъ апостолъ, тако и¹⁹⁷ пожисте, яко начасте, тако и коньчасте!
Добрии Христова стада пастыри, за не же и душу свою положиште, не
дадуше вълку (л. 44) къ агнецьмъ приближитися, нѣ на пажить божия
закона цѣлы¹⁹⁸ и многоплодны упасъше, дондеже и в ограду горняго
Иерусалима жьзломъ вашего учения допровадисте! О блаженни¹⁹⁹ святые
тели, богонасаженнаго винограда добрии²⁰⁰ дѣлатели, отъ него же всельст-
ное искоренисте тьрние,²⁰¹ богоразумие въ вся челоувѣкы присадисте и оля-
дѣвшюю грѣхъми²⁰² нашихъ сердець²⁰³ землю²⁰⁴ евангельскыхъ словесъ²⁰⁵
раломъ въздѣласте! Вы есте рѣкы разумнаго рая, напоивъше миръ въсь
спасенаго учения и грѣховную сквърну струями вашего наказания омы-
вающе! Земнии ангели, божию престолу присно прѣдъстояще, мира всему
миру, и благовѣрнымъ княземъ нашимъ сдравие телесомъ и душевнаго²⁰⁶ про-
сите спасения, и за вся крестяныя прилѣжно²⁰⁷ Христу²⁰⁸ помолитесь!²⁰⁹
О богоблаженни архирѣи, высокопарящени орлы, иже не у трупа, нѣ
у живаго тѣла Христова съ(л. 44 об.)бирающеся,²¹⁰ его же ядѣше
в бесконьчьныя вѣкы²¹¹ на небесехъ²¹² живете! Мало потрудистесь на
земли и въ вся вѣкы в небесьнѣмъ почиваете цесарствии! Органи святаго

168 величьмъ Ч; привелицьмъ Т. 169 Нетъ П. 170 Доб. его У. 171—172 его не-
правда сниде ЧТ; ср. Пс., VII, 17. 173 естъ УТ; у люта естъ П; доб. Мы же,
отци и братие и друзи, вси велегласно рѣмъ: Арий еретикъ да будетъ проклятъ и
вси еретици да будутъ прокляти! У. 174 Нетъ У; доб. радости исполнишася и
прославиша бога У. 175 Доб. тому У. 176 а Т. 177 Доб. иже УТ;
доб. и Ч. 178 Нетъ У. 179 Нетъ ЧТ. 180—181 Пафнотий и Николай У.
182 Доб. и ЧТ. 183 Доб. мнози У. 184 Доб. и ЧТ. 185 Доб. Мы же, убозии
и нищии, рѣмъ сиче У. 186 каковая Ч; каковыя Т. 187 Нетъ ЧТ. 188 Нетъ У.
189 Нетъ У. 190 достойни бывше ЧТ. 191 правыя У. 192 Христовы У.
193 Доб. и УТ; ни Ч. 194 како ЧТ. 195—196 не превратисте ЧТ. 197 Нетъ Ч.
198 Доб. си Ч; сия Т. 199 богоблаженни П. 200 Нетъ У. 201 Доб. и УТ.
202—203 Нетъ У. 204—205 евангельскыхъ У. 206 душамъ У. 207 Доб. къ ЧТ;
Нетъ Т. 208 Нетъ У. 209 молитесь П. 210 сбираетесь ЧТ. 211—212 Нетъ У.

духа, вся вѣрныя душеполезными²¹³ и спасеными²¹⁴ наслажающе гласы! Богоносныи облаци, иже чудотворными каплями одждяюще вѣрных сердца, и вся плодосыны²¹⁵ покаяниемъ створисте! Вы есте²¹⁶ необоримии гради,²¹⁷ вся к вамъ прибѣгающая спасше, непоколѣблемии стѣпни, к нимъ же приразивше вси²¹⁸ богохульнии еретици погыбоша! О богоблаженнии наши учителя, свѣтилицы миру, наставницы заблужшимъ, вожи душевными ослѣпшимъ очима, поручницы кающихся спасению, безмздыи врачеве душамъ и тѣломъ, богоучении цѣлители, избавители обидимымъ и²¹⁹ сущимъ в бѣдахъ скории помощници, от уз раздрѣшители,²²⁰ кумиромъ раздруши (л. 45) тели и²²¹ лъсти всякоя обличители! О блаженнии и преподобнии святители!²²² Чистии съсуди, божие слово в собѣ носяще! Красныя обители, в нихъ же святая почиваетъ²²³ троица!²²⁴ Неувядающии цвѣти райскаго сада! Небеснаго винограда красныя лѣторасли! Благоплодная дресеа, наслажающе вѣрныхъ душа²²⁵ же и сердца!²²⁶ Премудрии ловци, миръ весь богоразумиемъ обуюмше,²²⁷ и²²⁸ полную церковную мрѣжю к²²⁹ Христови привлекосте, достойну труда мзду прияли есте! Прославили есте на земли Христа сына суща божия, и тѣ прославили²³⁰ есте²³¹ на небесѣхъ:²³² Славящая бо мя — рече²³³ — прославлю. Самъ бо Исусъ Христосъ, яко фюники доброплодны, в мирскихъ удолихъ избѣралъ вы есте и²³⁴ в церквахъ дому своего посадилъ, на украшение апостольскаго престола, на утверждение святыя вѣры, на поновление обѣщавшимъ грѣхомъ,²³⁵ на възведение падшимъся в ересь, на исправление помятымъся²³⁶ (л. 45 об.) в съблзвѣхъ,²³⁷ на ицѣление недугующимъ в законѣ,²³⁸ на укрѣпление борющимся по Христѣ, на порушание дьяволомъ сѣтий, на издрѣшение вязящимъ в злобѣ, на смѣрение на ся враждующимъ, на извѣлчение топящимъся в телесныхъ похотѣхъ, на спасение погыбающимъ безумиемъ, на пищу алчущимъ и нагимъ на²³⁹ одѣние. И ина многа суть святыхъ отецъ нашихъ богоугодная исправления и²⁴⁰ добрыя дѣтели,²⁴¹ имъ же самъ господь богъ²⁴² свѣдѣтель и мздовоздатель.

Мы же, груби суще разумомъ и нищи словомъ, не по²⁴³ чину,²⁴⁴ нѣ щербопохвалене²⁴⁵ вашему празднику списавше,²⁴⁶ молимъся²⁴⁷ и мили²⁴⁸ дѣемъ, святии²⁴⁹ патриарси, архиепискупи, епископи,²⁵⁰ преподобнии²⁵¹ архирѣи, пречистии²⁵² презвютери и вси священнии праведнии²⁵³ учителя! Приемѣте наша²⁵⁴ худая словеса, акы богъ двѣ мѣдници²⁵⁵ оная убогыя ѡдовица.²⁵⁶ Просите²⁵⁷ нашимъ душамъ (л. 46) отпуста грѣховъ, да и прочее лѣт живота нашего²⁵⁸ в чистотѣ поживше, в руцѣ божии своя²⁵⁹ душа предамы. И²⁶⁰ да отверзеть²⁶¹ намъ небесная врата²⁶² и тамо сущихъ²⁶³ сподобить ны²⁶⁴ благъ,²⁶⁵ милостью и челоувѣколюбиемъ господа²⁶⁶ бога и спаса²⁶⁷ нашего Исуса Христа, ему же слава,²⁶⁸ честь, и держава, и покланяние.²⁶⁹

213—214 нет У. 215 плодосыны У. 216 бо П. 217 огради У. 218 Нет У.
 219 Нет УЧТ. 220—221 Нет ЧТ. 222 учителя У. 223 Нет У. 224 церкви П.
 225—226 Нет У. 227 обуюмше Т. 228 Нет У. 229 Доб. церкви У. 230 про-
 славит ЧТ. 231 вас ЧТ; доб. вас УП. 232 небеси У. 233 Доб. господь
 (позднейшая приписка) Т. 234 Нет Ч. 235 грѣховными сластми У; грѣхы Т.
 236 падшимъся (позднейшая поправка) Т. 237 соблзвѣхъ У. 238 безаконии ЧТ.
 239 Нет ЧТ. 240—241 добродѣтельная дѣла У; добродѣтели ЧТ. 242 Доб. нашъ Т.
 243 по УЧТП; в ркп. пу. 244—245 но щедро похваленье У; что перьво похваление
 ЧТ. 246 списав У. 247 молюся У. 248 Доб. ся ЧТ. 249 честнии П.
 250 Нет П; и епископи УЧТ. 251 Нет У. 252—253 Нет ЧТ. 253 Нет У.
 254 Доб. ся ЧТ. 255 Доб. от П. 256 Доб. и П. 257 Испросите УЧТ.
 258 Нет У. 259 Нет У. 260 Нет У. 261 Доб. и Т. 262—265 Нет У.
 263 Доб. да Т. 264 Доб. вѣчныхъ Т. 265—269 господь богъ спасъ нашъ Исусъ
 Христосъ, ему же слава, честь и держава и покланяние с отцемъ и с пресвятымъ благимъ
 животворящимъ духомъ и нынѣ и присно и в вѣкы вѣкомъ. Аминь. Т. 266—267 Нет У.
 268—269 Нет П; с отцемъ и святымъ (духомъ) У. 269 Доб. с отцемъ и с пресвятымъ
 благимъ животворящимъ Ч.

Г. Н. МОИСЕЕВА

О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева

Вопрос о времени написания произведений Вассиана Патрикеева имеет существенное значение для изучения общественно-политической позиции так называемых «нестяжателей» («заволжских старцев»), их роли в борьбе, развернувшейся в конце XV—первой половины XVI в. по вопросу о церковном и монастырском землевладении. Решение этого вопроса позволяет составить представление о соборе 1503 г. и выяснить, на какие социальные круги опирался великий князь Иван III, когда выдвигал требование об уничтожении вотчинных прав церкви и монастырей.

Ряд исследователей, как известно, все мероприятия, направленные в конце XV—первой половины XVI в. на изменение системы землевладения церкви и монастырей, связывали с деятельностью нестяжателей.¹ Основанием им служило то, что виднейший представитель этого движения князь Василий Иванович Патрикеев, насильно постриженный Иваном III в монахи, в одном из своих полемических сочинений говорил о том, что он учил Ивана III отнимать села у монастырей: «Сие, Иосифе, на мя не лжещи, что аз велю великому князю у монастырей села отъимати».² Это высказывание Вассиана Патрикеева, не подвергавшееся конкретно-историческому анализу, воспринималось как программа, выдвинутая нестяжателями в их борьбе с церковным и монастырским землевладением. В вопросе же о времени возникновения самого движения нестяжательства исследователи опирались на данные двух памятников середины XVI в.: «Письма о нелюбках» и «Жития Иосифа Волоцкого, написанного неизвестным».³ В первом говорилось о том, что после собора 1503 г., когда закончилось обсуждение церковно-юридических прав вдовых священников, нестяжатели, возглавляемые Николом Сорским, подняли вопрос о монастырских землях: «И егда совершися собор о вдовых попех и диаконех, и нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черныцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием».⁴ В «Письме о нелюб-

---

¹ И. С. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, стр. 174 и сл.; А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871, стр. 89; А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882, стр. 40—41; В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 630—631; А. А. Зимин. 1) Княжеские духовные грамоты начала XVI в. — ИЗ, т. 27. М., 1928, стр. 270; 2) О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 169; Н. А. Казакова. Неизданное произведение Вассиана Патрикеева. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 387—426.

² Православный собеседник. Казань, 1863, кн. III (далее: ПС, III), стр. 207—208.

³ Свидетельство «Жития Серапиона, архиепископа Новгородского» мы не принимаем во внимание в силу того, что оно в этой части полностью повторяет известия «Жития Иосифа Волоцкого, написанного неизвестным» (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 291).

⁴ Прибавления к Творению святых отцов. М., 1851 (далее: ПТСО), стр. 505.

ках» сообщалось о том, что ответ Нилу был дан Иосифом Волоцким. Во втором из сочинений, давших исследователям основание считать, что внутрицерковная группировка нестяжателей сформировалась в конце XV в. и оказала существенное влияние на постановку вопроса о монастырских землях на соборе 1503 г., — «Житии Иосифа Волоцкого, написанном неизвестным», имеется известие о том, что по «царскому повелению священныя мужа со архиереи в господствующий град собирающе видети о словеси: монастырем села и нивы аще не приятна суть».⁵ Уже между этим известием и версией «Письма о нелюбках» имеется существенное различие: в «Письме» сказано о том, что вопрос о монастырских землях был поднят на соборе без всякого участия со стороны Ивана III; из «Жития Иосифа Волоцкого, написанного неизвестным» ясно, что собор был созван по «царскому повелению». Второй памятник, в котором имеется известие о соборе 1503 г., проникнут той же тенденцией, что и «Письмо о нелюбках». Хотя в «Житии» Иосифа Волоцкого и говорится о том, что собор был созван по приказанию Ивана III, но сказано, что на этот поступок он был «понужден» нестяжателями, которые имели тогда на него сильное влияние. Кроме того, рассказчик умолчал, что в ответе «отцов собора» Ивану III, где земельная собственность монастырей была объявлена непоколебимой, принимал самое деятельное участие игумен Иосиф.

В обоих памятниках, созданных значительно позднее событий, о которых они повествуют (не ранее 40—50-х годов XVI в.),⁶ налицо одно и то же стремление — замолчать разногласия, существовавшие между Иваном III и Иосифом Волоцким.⁷

Важно рассмотреть аргументацию противников монастырского землевладения, как она передана автором «Жития» Иосифа Волоцкого: «Некоим бо отцем, иже безмолвное и уединенное житие проходящим и любящим отческа учения о нестяжании и ченоризцем добре внявшем, поболеша о стяжании сел монастырем, непщующе суетно отречение мира сотворяют входящии в монастырь: паки бо, акы миряне сих ради молвяще и крамолующе с миряны и с собою, судиа обходящем им и тяжущемся».⁸

Таким образом, по словам автора «Жития», противники монастырского землевладения указывали прежде всего на расхождение между личным обетом нестяжания монахов («отческа учения о нестяжании») и практикой русских монастырей-вотчинодержателей («поболеша о стяжании сел монастырем»). Автор «Жития» передает мнение «неких» полагающих, что монахи «непщующе суетно отречение мира»: постригшись, они остаются «акы миряне», «крамолующе с миряны и с собою, судиа обходящем им и тяжущемся».

Напомним, что противопоставление личного обета нестяжания иноков с их действительной жизнью, обличение корыстолюбия, сутяжничества монахов было лейтмотивом всей литературно-публицистической деятельности Вассиана Патрикеева. Обращаясь к Иосифу Волоцкому, он говорит: «Сищево нечто ныне случилось и тебе, иже аще еси. . . где в еуангельских

⁵ Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. М., 1865, стр. 116.

⁶ О датировке и авторе «Жития Иосифа Волоцкого, написанного неизвестным» см.: С. И в а н о в. Кто был автором анонимного Жития пр. Иосифа Волоцкого? — Богословский вестник. Сергиев Посад, 1915, июль—август, стр. 182—190. А. А. Зимин полагает, что «Письмо о нелюбках» написано в середине XVI в. (А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 170—171).

⁷ Подробный анализ «Письма о нелюбках» и «Жития Иосифа Волоцкого, написанного неизвестным» см. в книге «„Валаамская беседа“ — памятник русской публицистики середины XVI в.» (находится в печати).

⁸ ЧОЛДП, 1865, стр. 116.

и апостольских и отеческих преданиях велено есть иночьскому житию преизобиле стяжании?»;⁹ «Тоже и вам случилось, мирским паки попечением предавшемся»;¹⁰ «Господь убо глаголет: продаждь имениа твоя. Мы же наша убо или устрояем по заповеди господьской, или ни? Таже в монастырь вшедше . . . чюжая не преставаем всяким образом себе пристяжавати села и имениа»;¹¹ «Иноки, иже свет быти и соль земли от господа повелеваемы деланием . . . а сии своих обетований забывше и всяко благоговейнство отврѣгше, и от своих обителей, в старости уже себе возстающе, в мирских судилищах обращаются, или с убогими человеки прядещеся о заимоданий многолихвѣных, или судящеся з соседы своими о прелех своих мест и сел».¹²

Как видно из приведенных отрывков сочинений Вассиана Патрикеева, автор «Жития», передавая аргументацию нестяжателей, несомненно знал эти произведения.¹³ Можно отметить даже сходство выражений Вассиана с указанным отрывком из «Жития» Иосифа Волоцкого. Так, автор помещает слово «непщевати» («непшующе суетно отречение мира»), часто употребляемое Вассианом Патрикеевым («велику правду непшуем и добродетель»);¹⁴ «Ниже да глаголем непщеванием непшующе во гресех»;¹⁵ «понеже убо в вашем писании глаголете, яко аще моим словесем послушают предстатели церквам божим запустети непщут церкви и монастыри»).¹⁶

Связь известий о соборе 1503 г. «Письма о нелюбках» и «Жития Иосифа Волоцкого, написанного неизвестным» с сочинениями Вассиана Патрикеева видна и в том, что оба эти памятника сообщают о борьбе нестяжателей только с монастырским землевладением, как говорит об этом и сам Вассиан.¹⁷ В действительности же на соборе 1503 г. вопрос стоял значительно шире — о конфискации земель и церквей, и монастырей.

Таким образом, встает вопрос о времени написания сочинений Вассиана Патрикеева, ибо с ними, как показано выше, связаны оба произведения, в которых имеются известия о выступлении нестяжателей на соборе 1503 г.

На соборе сам Вассиан Патрикеев не присутствовал, так как в это время находился в опале и ссылке в Кирилло-Белозерском монастыре. Но о том, что происходило там, он был хорошо осведомлен. Он, например, прямо утверждает, что собор 1503 г. был собран по инициативе самого Ивана III с целью отобрать земли у церквей и монастырей: «О еже како во второе лето князь великий Иван Васильевич всея Руси велел быти на Москве святителем и Нилу и Иосифу, попов ради, иже дръжаху наложницы, паче же рещи: въсхоте отымати села у святых церквей и монастырей».¹⁸ Это известие совпадает с данными «Жития Иосифа Волоцкого, написанного неизвестным», с «Соборным ответом»¹⁹ Ивану III и противоречит

⁹ ПС, III, стр. 105.

¹⁰ Там же.

¹¹ ПС, III, стр. 108—109.

¹² ПС, III, стр. 110.

¹³ В литературном наследии Нила Сорского (более 100 списков его сочинений) нет ни одного произведения, направленного против монастырского землевладения (М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского предание и устав. СПб., 1912, стр. XIV—XV; Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 125—129).

¹⁴ ПС, III, стр. 109.

¹⁵ ПС, III, стр. 185.

¹⁶ ПС, III, стр. 188.

¹⁷ ПТСО, стр. 505; ЧОЛДП, 1865, стр. 116; ПС, III, стр. 207—208.

¹⁸ ПС, III, стр. 206.

¹⁹ «Соборный ответ» Ивану III начинается так: «Собор был о землях церковных, святительских, монастырских» (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 514, л. 426).

версии «Письма о нелюбках» (о том, что вопрос о землях был поставлен Нилом неожиданно для великого князя). Как видно из приведенного отрывка, Вассиан знает о том, что на соборе были и Нил, и Иосиф, но ни слова не говорит о выступлении своего учителя,²⁰ в то время как останавливается на основных положениях речи волоцкого игумена в защиту неприкосновенности церковных и монастырских земель.²¹

В 1508 г. Вассиан был возвращен из ссылки и приближен ко двору Василия III. Вскоре он занял там исключительное видное место. По словам современников, он был «великим временным человеком, у великого князя ближним».²² Такое положение Вассиана продолжалось до начала 20-х годов XVI в. В 1522 г. умер его друг и покровитель митрополит-нестяжатель Варлаам и на митрополичью кафедру был призван иосифлянин Даниил, который вскоре начал вести непримиримую борьбу с нестяжателями. Уже в 1525 г. был подвергнут церковному суду Максим Грек, а в 1531 г. эта же судьба постигла и Вассиана Патрикоева. В заточении в Волоколамском монастыре он вскоре и умер.

В промежутке между 10-ми и 20-ми годами XVI в. Вассиан Патрикоев и создал свои основные литературно-публицистические сочинения. Новейший исследователь Н. А. Казакова полагает, что в 1511—1515 гг. было написано «Слово ответно противу клеветующих истину еуангельскую и о иночском житии и устроении церковнем».²³ Не ранее 1515 г. появилось и «Того же инока пустынника Васьяна на Иосифа, игумена Волоцкого, собрание от святых правил и от многих книг собрано, и на его ученики, и различные межь себя ответы от книг».²⁴ С 1517 г. Вассиан Патрикоев работал над переделкой Кормчей книги, которая была передана в казну великого князя Василия III.²⁵

В состав Кормчей книги входит «Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания от святого писания. О отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы», целиком созданное Вассианом Патрикоевым. Первый исследователь его А. С. Павлов полагал, что оно было написано им специально для Кормчей и только позднее, отделившись от нее, подверглось различным переделкам и дополнениям.²⁶ В настоящее время вопрос о времени составления «Собрания некоего старца» был пересмотрен Н. А. Казаковой. Исследователь, правильно определив идейную направленность произведения — полемику с «Соборным ответом» 1503 г. по вопросу о вотчинных правах монастырей, полагает, что оно было написано вскоре после собора (1504—1508 гг.) и позднее в переработанном виде включено самим Вассианом в Кормчую.²⁷

Таким образом, по-новому ставя вопрос о датировке одного из сочинений Вассиана Патрикоева, Н. А. Казакова выдвигает круг вопросов, связанных с определением характера собора 1503 г. В самом деле, если сразу же после собора Вассиан Патрикоев (бывший в то время в опале

²⁰ Вассиан Патрикоев неоднократно подчеркивает в произведениях свою близость с Нилом Сорским.

²¹ ПТСО, стр. 505, ПС, III, стр. 196.

²² ЧОИДР, 1847, т. VII, стр. 11.

²³ Н. А. Казакова. Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикоева. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 454.

²⁴ В этом произведении говорится об Иосифе Волоцком как о мертвом (умер в 1515 г.).

²⁵ ЧОИДР, т. VII, стр. 7.

²⁶ А. С. Павлов. О Кормчей инока-князя Вассиана Патрикоева. — Ученые записки Казанского университета. Казань, 1866, в. 1, стр. 489—498.

²⁷ Н. А. Казакова. Неизданное произведение Вассиана Патрикоева. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956 (далее: Н. А. Казакова), стр. 395—397, 404—405.

и ссылке) смог выступить с цельной политической программой, то, следовательно, это движение сформировалось значительно ранее, и нестяжатели действительно возглавляли в конце XV—начале XVI в. борьбу с церковным и монастырским землевладением, а это в свою очередь подтверждает известия «Письма о нелюбках» и «Жития» Иосифа Волоцкого.

Обратимся к рассмотрению доводов Н. А. Казаковой, выдвинутых ею в обоснование этой точки зрения.

В одном из произведений Вассиана Патрикеева — «Собрании на Иосифа» — Н. А. Казакова видит «косвенное указание на принадлежность Вассиану „Собрания некоего старца“». ²⁸ Вассиан пишет: «А о селех: не подобает монастырем сел дръжати. О сем писано в 3-м слове сих тетратей». ²⁹ Основываясь на этом высказывании, Н. А. Казакова полагает, что «3-е слово» «представляло собою особое произведение, в котором было сформулировано положение о недопустимости для монастырей владеть вотчинами». ³⁰

Действительно ли Вассиан называет в качестве «Слова» отдельное произведение? В «Собрании на Иосифа» он четыре раза ссылается на «2-е слово», один раз на «3-е слово» и один раз на «11-е слово». В первых двух случаях (со 2-м и 3-м словами) мы не можем точно сказать, какое содержание он вкладывает в понятие «слово», но важно лишь то, что указывает на их место в «Собрании на Иосифа». Например: «Царем же и князем сих (еретиков, — Г. М.) подобает заточати и казнити, яко же писано в сих тетратех на преди во 2-м слове». ³¹ «Зри о сем во 2-м слове сих тетратей». ³² В ссылке же Вассиана Патрикеева на «11-е слово» мы можем понять, что автор разумеет под именем «слово»: «12. Вассиан: сие, Иосифе, на мя не лжеши, что аз велю великому князю у монастырей села отъимати, а не у мирских церквей. И аз пишу и глаголю истину. О сем писано в первомнадесяте слове сих тетратей». ³³ В 11-м же слове, на которое ссылается Вассиан, изложены его мнение по вопросу о вдовых священниках и приведенное выше высказывание о монастырских селах. Следовательно, под понятием «слово» Вассиан разумеет, выражаясь современной терминологией, раздел, параграф, пункт своего сочинения. К сожалению, 3 Соловецких списка «Собрания на Иосифа» дефектны: в произведении отсутствуют первые три раздела, и после короткого вступления изложение начинается с четвертого. При наличии хорошего списка этого сочинения не было бы необходимости заниматься специальными наблюдениями, чтобы понять, что Вассиан ссылается здесь на свое предыдущее изложение, разбитое на отдельные абзацы в форме вопроса Иосифа Волоцкого и его ответа.

Показывая первичность «Собрания некоего старца» (по отношению к Кормчей), Н. А. Казакова оперирует неизвестными ранее его списками, один из которых, хранящийся в Музейном собрании Государственного исторического музея, № 1549, начала XVII в. (в дальнейшем: Музейный список), она считает первоначальной редакцией этого произведения. В отличие от редакции «Собрания некоего старца», сохранившейся в составе кормчих книг, Музейный список имеет значительно меньшее количество точных ссылок на Евангелие и отцов церкви. Н. А. Казакова объясняет это тем, что первоначальным замыслом Вассиана Патрикеева было напи-

²⁸ Там же, стр. 389.

²⁹ ПС, III, стр. 207.

³⁰ Н. А. Казакова, стр. 389.

³¹ ПС, III, стр. 201.

³² ПС, III, стр. 204.

³³ ПС, III, стр. 207—208.

сание литературного произведения «в форме поучения, обращенного к инокам, с целью побудить их следовать своим обетам, и в первую очередь обету нестяжания».³⁴ В редакции кормчих Н. А. Казакова отмечает как особенность «отсутствии обращения к инокам, насыщение текста ссылками на священное писание и правила церковных соборов, подчинение всего материала задаче канонического обоснования нестяжательности монастырей».³⁵

В композиционном отношении «Собрание некоего старца» Н. А. Казакова делит «на три четко разграниченные части, каждая из которых имеет свою особую функцию».³⁶ Первая часть, «позитивная, посвящена изложению взглядов автора на иноческую жизнь»,³⁷ где «автор (Вассиан, — Г. М.) от ссылки на Евангелие переходит к ссылке на святых отцов».³⁸ Во второй части, «полемической, автор (Вассиан, — Г. М.) вступает в полемику с защитниками вочинных прав монастырей. В подтверждение этого положения автор приводит примеры святых, основателей монастырей, восточных и греческих, а также русских».³⁹ Третья часть «Собрания некоего старца», по мнению Н. А. Казаковой, «посвящена обличению нарушения своих обетов иноками».⁴⁰ В доказательство своих мыслей Вассиан «приводит выдержки из сочинений Илариона, Аммона, Мины и других святых отцов, а также Апостола».⁴¹ По мнению Н. А. Казаковой, Вассиан Патрикеев «свое произведение заканчивает обращением к инокам».⁴² Приведем полностью это обращение: «Зрите, братие, разумно не творит ли ся ныне тако при нашую очюю, яко же святии пророкоша, вси бо уклонишася на имения и о том упражняхуся и печажуся, а о церквах божиих и о манастырех не радяху и презираху, токмо себе питаху, и одеяху, и о сродстве печажуся, и не бога ради живуще, но чрева ради. Сего ради господь бог предаст их всех под мечь и на расхищение и в плен, яко же Иеросалима, и все бысть в заупустение последнее, и не бысть никого же вселяющихся к тому в тех святых местех».⁴³

Мы не видим в указанном отрывке «обращения к инокам». Это, скорее, горькое сетование на тех, кто «уклонившася на имения и о том упражняхуся и печажуся, и о церквах божиих и о манастырех не радяху и презираху, токмо себя питаху, и одеяху, и о сродстве печажуся». Эти «вся», конечно, не иноки, это светские лица, обладатели имений, не желающие отдавать их монастырям. Но принадлежит ли указанный отрывок самому Вассиану?

Следует сразу же отметить противоречие в системе доказательств Н. А. Казаковой. Выделяя Музейный список «Собрания некоего старца» в качестве первоначальной редакции от того его вида, который сохранился в кормчих, прежде всего по наличию или отсутствию в нем определенного количества ссылок на сочинения отцов церкви и Евангелие, Н. А. Казакова тут же отмечает, что эти ссылки имеются и в первой, «позитивной», части⁴⁴ и в третьей («на Илариона, Аммона, Мины и других святых от-

³⁴ Н. А. Казакова, стр. 392—393.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 390.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 390—391.

⁴⁰ Там же, стр. 391.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 414.

⁴⁴ «Продолжая рассуждение об иноческой жизни, автор от ссылки на Евангелие переходит к ссылке на святых отцов» (Н. А. Казакова, стр. 390).

цов, а также Апостола»). Нет ссылок во второй части Музейного списка, где указаны примеры греческих и русских святых — основателей монастырей, не владевших землями. Но этих ссылок не имеется и в аналогичном месте «Собрания некоего старца» редакции кормчих.

Для того чтобы понять, умышленно ли пропущены ссылки в Музейном списке, представляющем, по мнению Н. А. Казаковой, «литературное произведение» по сравнению с редакцией «Собрания» в кормчих, где, как полагает исследователь, стояла задача «канонического обоснования нестяжательности монастырей»,⁴⁵ обратимся к сопоставлению аналогичных мест «Собрания некоего старца». За основной список «Собрания» редакции кормчих берем Кормчую XVI в., хранящуюся в ЦГАДА (ф. 181, д. 1597). Совершенно совпадает с ней Кормчая из собрания Толстого (ГПБ, Ф. II. 74).

Заголовок

Музейный список

Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания и о отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы.

Список ЦГАДА

Събрание некоего старца на въспоминание своего обещанна от святого писанна. О отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы.

В заголовке Музейного списка, как мы видим, отсутствуют слова «от святого писания» и вместо правильного «о отвержении мира» читается «и отвержении мира».

Н. А. Казакова объясняет пропуск слов «от святого писания» тем, что первоначальная редакция «Собрания некоего старца» «представляло собою подборку текстов главным образом из свято-отеческой литературы»,⁴⁶ а в редакции кормчих оно «основано... в первую очередь на материале священного писания».⁴⁷ В действительности же в Музейном списке Н. А. Казаковой также отмечены ссылки на Евангелие:⁴⁸ Присутствие слов «от святого писания» в редакции кормчих закономерно, так как заголовок соответствует дальнейшему изложению: высказывая свою мысль, Вассиан Патрикеев подтверждает ее собранными материалами (отсюда «С о б р а н и е некоего старца») из Евангелия, Апостола и писания отцов церкви (в первую очередь Василия Великого). В Музейном же списке пропуск слов «от святого писания» нарушает логичность изложения, ибо материал «Собрания» тот же, что и в редакции кормчих — «святое писание» (пусть даже и без указания точных ссылок).

О том, что Вассиан Патрикеев тщательно подчеркивал, что в своей полемической деятельности он руководствуется «святым писанием», свидетельствуют и другие его сочинения. В «Слове ответне»: «нужа ми належит, с в я т ы м п и с а н и е м просвещаемому, проповедати всем человеком путь спасения».⁴⁹ «Что убо безместно или съпротивно с в я т ы м п и с а н и е м сътворяю, аще о сидевых беседую с боголюбивыми князи, плачяся и рыдая церковное нестроение».⁵⁰ Свое последнее произведение Вассиан

⁴⁵ Н. А. Казакова, стр. 392.

⁴⁶ Там же, стр. 401.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Евангелие глаголет: Вослед мене гряди или последуй ми» (Н. А. Казакова, стр. 409); «Аще кто не по Евангелию хошет, мы с такими не хошем погинути...»; «И вси святии отцы о отвержении мира писаша: иноком жити по Евангелию...»; «А се запрещение: Веруйте во Евангелии...»; «Тако же и Росиския земли здешнии начальницы и чюдотворцы... своих учеников учили по Евангелию жити» (там же, стр. 410).

⁴⁹ ПС, III, стр. 182.

⁵⁰ ПС, III, стр. 197.

Патрикеев озаглавил: «Того же инока пустынноика Васьяна на Иосифа, игумена Волоцкаго, собрание от святых правил от многих книг собрано, и на его ученики, и различныя межъ себя ответы от книг».⁵¹ В нем все высказывания Вассиана, как и следует из заглавия, подтверждаются «святым писанием» и авторитетом церковных писателей.

Так же поступает Вассиан Патрикеев и в «Собрании некоего старца».

Музейный список

Василиево правило 84. Аще кто не по Евангелию хощет, мы с такими не хощем погибнути, но спасая и спасет душу свою.⁵²

Редакция кормчих

И в правилах Василиево ж правило 84. Аще кто не по Еуангелию хочет жити, мы с такими не хотим погибнути, но спасая и спасеть душу свою.⁵³

Как видно из сравнения, и в Музейном списке, так же как и в редакции кормчих, помещена ссылка на Василия Великого, в обоих с точным указанием правила (84). Только в Музейном списке пропущено слово «жити», что искажает общий смысл высказывания.

Особенно наглядно порча Музейного списка видна во второй части «Собрания некоего старца».

Заканчивая эту часть «Собрания», где перечислены кары, которые ожидают иноков в случае, если они нарушают свои обеты, Вассиан Патрикеев подтверждает свои слова ссылками.

Музейный список

Аще ли не хранят своего обещания, сим святая писания муками претит и огню вечному осуждают, и отступники их именуют, и проклятию предают.

А се запрещение:

Веруйте во Евангелии
вся елико заповедах вам,
О отступницех глаголет.

мнии наречется

Оле страшно не хранящим закона божия!⁵⁴

Редакция кормчих

Аще ли же не хранят своего обещания, сим святая, писания муками претить и огню вечному осужает, и отступники их именует, и проклятию предаеть.

А се запрещенна: в Марке зачало 2. Веруете в Евангелие. В Матфее 116. Вся елико заповедах вам. В Марке зачало 71, и паки в Матфее в зачало 39, в Марке 41, в Луце 51, в Иоанне 45, и паки в Матфее мнии наречется, в зачало 11. А в Апостоле 52 и 53 и 82 и еще в Луце, ибо и земля мимо идет, а словеса моа не преидуть. В зачале 107 Оле страшно не хранящим закона божия!⁵⁵

Несомненно, что если бы Вассиан Патрикеев не предполагал бы в первоначальной редакции «Собрания некоего старца» делать ссылки на Евангелие и Апостол, то он и не поместил бы слов: «а се запрещения». Наличие же после этих слов в Музейном списке отрывков из Евангелия: «Веруете во Евангелие» (Марк), «Вся елико заповедах вам» (Матфей) и «мнии наречется», свидетельствует о том, что Музейный список представляет собой текст, в котором имеются пропуски. Если же полагать, что Вассиан Патрикеев последовательно сокращал ссылки на источник, оставляя только текст, почерпнутый из «святого писания», то как объяснить пропуск слов: «ибо и земля мимо идет, а словеса моа не преидуть»?

Наглядно выступает порча Музейного списка в следующей части «Собрания некоего старца»:

⁵¹ ПС, III, стр. 200.

⁵² Н. А. Казакова, стр. 409—410.

⁵³ ЦГАДА, ф. 181, л. 1597, л. 317 об.

⁵⁴ Н. А. Казакова, стр. 410.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 181, л. 1597, л. 318.

Музейный список

Еже во псалмех глаголет: Сего ради не воскреснут нечистивии на суд, ни грешници во свет праведных, яко совесть господень путь праведных и путь нечестивых погибнет.

И паки рече: законопреступници пред очима твоима, возненавидел еси творящая беззаконие, и погубиши вся глаголющая лжу.⁵⁶

Отметив пропуск двух слов в пятом псалме (искажение «в совете» — «во свет» не отмечено), Н. А. Казакова объяснила это «небрежностью переписчика». В действительности же здесь, как и в предыдущих случаях, отчетливо выступает дефектность Музейного списка.

Неполнота текста Музейного списка по сравнению с редакцией кормчих видна и в третьей части «Собрания некоего старца».

Музейный список

А во Апостоле и во святых отец писании многа такоа запрещения обрящеши не хранящим заповеди боžia.⁵⁸

В редакции кормчих за этой обобщающей мыслью следуют правила «святых отцов», постановления 1-го, 4-го и 7-го вселенских соборов, рассматривавших вопросы о церковной и монастырской собственности. В Музейном же списке приведены абстрактные, не связанные с вопросами о церковном землевладении, рассуждения Илариона Великого, св. Аммона, св. Исаака, преподобного Мины, преподобного Георгия, «от видения святого Еустафия». Кончается Музейный список, как нами уже указывалось, горьким сетованием по поводу того, что «вся . . . уклонившася на имения, и о том упражняхуся и печажуся, а о церквах божих и о монастырях не радяху и презираху», коренным образом расходящимся с основными мыслями Вассиана Патрикеева, высказанными им и в других его произведениях, и в самом «Собрании некоего старца».

Итак, Музейный список «Собрания некоего старца» не может считаться особым видом этого произведения. Почти все его особенности объясняются механической порчей, утратой целого ряда отрывков.

В самом деле, если согласиться с Н. А. Казаковой и видеть в пропуске части ссылок при цитатах «особенность литературной манеры Вассиана Патрикеева, характерной для его ранних публицистических произведений»,⁶⁰ то как тогда объяснить их «рудименты», отмеченные нами на протяжении всего текста: «правило Василия 84», «а се запрещения», ссылки на Евангелие, Апостол, псалмы.

Одним из важнейших аргументов в системе доказательств Н. А. Казаковой в пользу первичности (и первоначальности) редакции «Собрания некоего старца», представленного Музейным списком, является указание на стиль произведения. Исследователь полагает, что ранняя редакция «Собрания» «не была полемически заострена (объясняется это тем, что Вассиан Патрикеев был тогда в ссылке), а позднее по собственным его признаниям он стал „безстуден . . . именуем есмь и дърз языком и осужаюем“».⁶¹

⁵⁶ Н. А. Казакова, стр. 410.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 181, д. 1597, л. 318.

⁵⁸ Н. А. Казакова, стр. 410.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 181, д. 1597, л. 319.

⁶⁰ Н. А. Казакова, стр. 404—405.

⁶¹ ПС, III, стр. 182.

Редакция кормчих

О еже в псалмех глаголетъ В первом псалме: сего ради не воскреснуть нечестивии на суд, ни грешници в советъ праведных, яко совесть господь путь праведных и путь нечестивых погибнетъ.

В 5 псалме: ни пребудут же законопреступници пред очима твоима, возненавидел еси вся творящая беззаконие, и погубиши вся глаголющая лжу.⁵⁷

Редакция кормчих

А во Апостоле и в святых отец писании многа такоаа запрещения не хранящим заповеди боžia.⁵⁹

Мы не можем согласиться и с этим утверждением Н. А. Казаковой. Все «полемически заостренные» места «Собрания некоего старца»: «Оле страшно не хранящим закона божиа!»; ⁶² «О горе! Увы! преступих заповеди божиа и отець своих учения: села к монастырем емлют и покупают, и владеют ими, и вся злая содеется от них иноком сопротивна к божим заповедом. Ох! что будет в день судный!» ⁶³ — имеются и в Музейном списке. Есть здесь и то место, которое в качестве главного обвинительного пункта против Вассиана приводил на церковном суде 1531 г. митрополит Даниил. Даниил спросил Вассиана: «Писал еси во своих правилех: иноком жити по Евангелию, сел не держати, ни владети ими. Аще ли не хранят своего обещания, сим святое писание муками претит, и огню вечному предает, и отступники их именует, и проклятию предает». ⁶⁴ Это выступление Даниила — точная передача отрывка из «Собрания некоего старца»: «И все святии отци о отвержении мира писаша: иноком жити по Евангелию, а по Апостолу, и по Василию Великому — сел не держати, ни владети ими. . . Аще ли же не хранят своего обещания, сим святая писания муками претит, и огню вечному осужает и отступники, их именует и проклятию их предает». ⁶⁵

Обратим внимание на то, что, цитируя сочинения Вассиана Патрикеева, митрополит Даниил называет его «правила», т. е. Кормчую, в составе которой он только и знал это произведение. Ни о каком отдельном сочинении, направленном против монастырского землевладения, Даниил не упоминает.

Возражая Н. А. Казаковой, доказывающей существование отдельного произведения, написанного Вассианом Патрикеевым в 1503—1508 гг. и позднее, в измененном виде, включенного в Кормчую, и утверждая, что «Собрание некоего старца» было создано специально для Кормчей, мы, однако, не говорим о том, что Музейный список прямо сходит к редакции кормчих. О том, что Музейный список и редакция кормчих имеют между собой не только сходство (которое показано выше), но и различие, свидетельствует начало произведения.

Музейный список

Вдавй себе богови, и вручив ся честному житию, и печатлев свою душу целованием святаго Евангелиа пред многими послухи, и прикоснувся десною рукою на поручение честнаго послушания ко своему игумену, должен есть опасно сохранити сия. И сицевыми делесе и словесе Великий Сава душа их кормити и напояти не престаше, дель и образ подавая им, яко же крила им даяше, и летати их учаще, и выше небеси устраяше. ⁶⁶

Редакция кормчих

Вдав себе богови, и вручив ся честному житию, и печатлев свою душу целованием святаго Еуангелиа пред многими послухи, и прикоснувся десною рукою на поручение честнаго послушания к своему игумену, и сицевыми делесе и словесе Великий Сава душу их кърмляше, и напаяти не престаше, и крыла им даяше летати, и учаще выше небеси восходите поучаше. ⁶⁷

Н. А. Казакова, отметив разное чтение этих абзацев, говорит о том, что в Кормчей (III редакции по ее терминологии) по сравнению с Музейным списком одна и та же мысль передана более лаконично. С этим можно вполне согласиться. Перед нами действительно два варианта вступительной части «Собрания некоего старца», второй из которых был признан

⁶² Н. А. Казакова, стр. 410.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ЧОИДР, М., 1847, кн. 9, стр. 7.

⁶⁵ Н. А. Казакова, стр. 411.

⁶⁶ Там же, стр. 409.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 181, д. 1597, л. 317.

Вассианом Патрикеевым окончательным, так как включен в Кормчую, предназначенную для передачи великому князю Василию III.

Н. А. Казакова указывает, что в Музейном списке перечень греческих святых начинается с Антония Великого, так же как и в «Соборном ответе» 1503 г., с которым «Собрание некоего старца» полемизирует, тогда как в кормчих первым назван Пахомий Великий. Имеется разница и в перечислении русских святых. Так, в Музейном списке, так же как и в «Соборном ответе», «чудотворцы» Дмитрий и Дионисий именуется «вологодскими», а в Кормчей они названы «Дмитреи Прилутский и Денисей Глушитский».⁶⁸

Дополнение и развитие мысли Вассиана Патрикеева особенно наглядно видно при сравнении следующих двух отрывков «Собрания некоего старца»:

Музейный список

Тако же и Росискія земли здешнии началници и чудотворци . . . сел ко своим монастырем не имали, но своих учеников учили по Евангелию жити и по иноческому обещанию, но и паче запрещали им о сем своим писанием — в мирския ни в какия вступатися вещи.⁶⁹

Редакция кормчих

Тако же и Росейския земли здешние наши началници и чудотворци. . . . сел к своим монастырем не имали, но своих учеников учили по евангелию жити и по иноческому обещанию. Понеже села держати епискупом у соборныя церкви нищих ради или убогих, и иное церковное богатство, а не иноком, ни монастырем по своему обещанию. И аще кто целомудрен смысл имеет по бозе, и правила тако же повелевають, наипаче запрещали им о сем своим писанием, ни в мирския вещи ни в какия вступатися.⁷⁰

Фраза «Понеже села держати . . . и правила такоже повелевають» есть безусловная вставка Вассиана Патрикеева,⁷¹ вызванная его размышлениями о том, имеют ли право владеть землями церкви. Размышления эти были решены им в положительном смысле, что нашло отражение и в других его сочинениях: в «Слове ответне»⁷² и в «Собрании на Иосифа».⁷³

И совершенно различно, как уже указывалось выше, окончание «Собрания некоего старца» в Музейном списке и в кормчих. В последних оно логически завершается ссылками на «святыя правила» — на постановления вселенских соборов о церковной земле. В Музейном списке последняя часть совершенно не связана с предыдущим изложением и даже расходится с ним.

Все эти наблюдения над сходством и различием Музейного списка «Собрания некоего старца» с редакцией кормчих показывают, что протограф Музейного списка не мог прямо восходить к протографу Кормчей и что уже при самом своем возникновении их «предки» имели уже некоторые отличия. Но для того, чтобы объяснить разницу Музейного списка и редакции кормчих, не требуется искать в первом особое

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 181, д. 1597, л. 318 об.

⁶⁹ Н. А. Казакова, стр. 410.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 181, д. 1597, л. 318 об—319.

⁷¹ Н. А. Казакова, указывая на эту вставку, полагает, что она особенно наглядно показывает первоначальность Музейного списка (Н. А. Казакова, стр. 402).

⁷² «. . . в архиерействе въсиавших, им же и от святых правил попускается некака стяжания движима и недвижима дрѣжати» (ПС, III, стр. 192).

⁷³ «А у соборныхъ церквей и у мирскихъ повелевають святыя правила земли дрѣжати» (ПС, III, стр. 207).

литературное произведение с иными, по сравнению с Кормчей, задачами повествования, с обращением к другому читателю.⁷⁴

Различие между Музейным списком и редакцией кормчих показывает этапы работы Вассиана Патрикоева над «Собранием некоего старца», предназначенным им для Кормчей. Что процесс работы был длительным и сложным, свидетельствуют два вида окончаний в одной редакции Кормчей. Так называемый Пискаревский список Кормчей (ГБЛ, собр. Пискарева, № 228 (39)), тождественный на протяжении всего повествования со списками Кормчей ЦГАДА (ф. 181, д. 1597) и ГБЛ (Ф. II. 74), имеет иную заключительную часть.⁷⁵

Н. А. Казакова правильно считает, что Пискаревский список Кормчей более ранний по сравнению со списками ЦГАДА и ГПБ. По окончании этого списка видно, что Вассиан Патрикоев, отметив противоречие между постановлениями вселенских соборов и русскими каноническими правилами, не мог еще объяснить их («чим то разрешити»). После приезда в Россию Максима Грека Вассиан Патрикоев включил в «Собрание» соборные правила и толкования к ним Федора Вальсамона, переведенные его новым другом.

Как не сразу создал Вассиан Патрикоев окончание «Собрания некоего старца», так же, по-видимому, долго работал он и над первыми его двумя частями.

О том, что первоначально им были созданы две первые части «Собрания некоего старца», кончающиеся словами: «А во Апостоле и в святых отец писании, многаа таковаа запрещения не хранящими заповеди божия», свидетельствует то, что текст этих частей, за исключением вступительного абзаца, о котором говорилось выше, во всех сохранившихся списках не имеет существенных расхождений.⁷⁶ Третья часть «Собрания» имеет совершенно различный вид в списках Музейном (ГИМ, Муз. 1549),⁷⁷ Волоколамском (ГБЛ, Вол. 566),⁷⁸ Суздальском (В 5636/399)⁷⁹ и Софийском (ГПБ, Соф. 1451),⁸⁰ и это дает основание полагать, что в ее составлении приняли значительное участие редакторы (как например Тушинская редакция).⁸¹ Свообразная «доработка» «Собрания некоего старца» может быть объяснена тем, что интерес, проявляемый в первой половине XVI в. различными социальными кругами к вопросу о церковном и монастырском землевладении, был так велик, что списки с произведений Вассиана Патрикоева могли расходиться еще до того, как он успел окончательно закончить свою работу. Позднее Вассиан Патрикоев изменил вступительный абзац и дописал третью часть «Собрания некоего старца». Происхождение и взаимоотношение всех остальных списков «Собрания» правильно охарактеризовано в работе Н. А. Казаковой.⁸²

Итак, подводя некоторые итоги нашей полемики с Н. А. Казаковой по вопросу о датировке одного из сочинений Вассиана Патрикоева, мы имеем основание полагать, что «Собрание некоего старца» даже в своем первоначальном

⁷⁴ Н. А. Казакова полагает, что первоначальная редакция «Собрания некоего старца» написана в форме поучения, обращенного к инокам с целью побудить их следовать своим обетам, и в первую очередь обету нестяжания (Н. А. Казакова, стр. 391).

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 181, д. 1597, л. 319 об.; ГБЛ, собр. Пискарева, № 228 (39), л. 433.

⁷⁶ Н. А. Казакова, стр. 409—410, 414—416, 419—421.

⁷⁷ Там же, стр. 410—414.

⁷⁸ Там же, стр. 421—422.

⁷⁹ Там же, стр. 421—426.

⁸⁰ ГПБ, собр. Софийское, № 1451, лл. 98—102 об.

⁸¹ Н. А. Казакова удачно назвала так список ГПБ, собр. Софийское, № 1451 (Н. А. Казакова, стр. 399).

⁸² Н. А. Казакова, стр. 399.

чальном виде не могло быть создано ранее 1517 г. — того года, когда князь-инок взялся за работу над Кормчей. Окончательный вид «Собрание», представленное списком Кормчей (ЦГАДА, ф. 181, д. 1597), приобрело не ранее 1518—1519 гг., после приезда в Россию Максима Грека, давшего Вассиану Патрикееву новый материал, внесенный им в Кормчую. В 1511—1515 гг. было написано «Слово ответне противу клеветующих истину еуаггельскую...», в 1515—1518 гг. — «Собрание на Иосифа». Следовательно, памятники, прямо или косвенно отразившие литературную полемику нестяжателей с иосифлянами по вопросу о праве монастырей владеть землями, не могли быть созданы ранее 20-х годов XVI в.

Таким образом, и «Письмо о нелюбках», и «Житие Иосифа Волоцкого, написанное неизвестным», вышедшие из враждебной Вассиану Патрикееву иосифлянской среды и в то же время непосредственно связанные с его сочинениями, не могут быть признаны источниками для характеристики общественно-политических движений конца XV и первого десятилетия XVI в. Созданные значительно позднее тех событий, о которых они повествуют, и призванные тенденциозно, в свете определенных задач, представить деятелей предшествующего периода (в первую очередь Ивана III, Нила Сорского, Вассиана Патрикеева и др.), эти литературные произведения отражают политическую борьбу 40—50-х годов XVI в.

М. А. САЛМИНА

«Ентинарий» в «Повести о зачале Москвы»

Во вступительной части одной из повестей о Москве, именуемой новейшими исследователями ее «Повестью о зачале Москвы»¹ (по С. К. Шамбинаго «хронографической»), имеется отрывок, описывающий легендарные события, сопровождавшие закладку в Риме Капитолия: «первому бо Риму заждиму от Рома и Ромила. И егда начаша Капетелион здати и ров копающе, обретоша главу внове закланна человека нову и теплу, кровь то чашу и лице являюще к живым прилично. Ея же увидев ентинарий искусный знаменем смотритель и рече, яко сей град глава будет многим, но по времени и по заклании, и по пролитии кровей многих».²

В приведенном тексте непонятно слово «ентинарий». В словарях церковнославянского языка,³ древнерусского языка И. И. Срезневского, у А. И. Соболевского,⁴ М. Р. Фасмера⁵ и в других изданиях словарных материалов это слово отсутствует, оно нигде не объяснено. В литературе, посвященной Повести, «ентинарий» также никак не переводится. Между тем это слово имеет свое объяснение.

В Русском Хронографе, или, как его еще называют, Хронографе 1-й редакции (термин А. Попова), в главе 108, под заголовком «Царство Левкиа Таркиния»,⁶ после сообщения о приходе к Тарквинию «жены некой» почти слово в слово читается тот самый отрывок о закладке Капитолия в Риме, который только что был нами приведен. Место с «ентинарием» выглядит в нем почти так же: «... еже увидев Енътинирие искусный и знаменем смотритель, рече...»

Для выяснения слова «ентинарий» эта находка ничего и не дала бы, если бы не был известен источник рассматриваемой главы Хронографа. По поводу 108-й главы в «Обзоре Хронографов русской редакции» (М., 1866, стр. 126) А. Поповым замечено: «из Манассии, v 1620—1750. В Синодальн. списке № 38, л. 59—62». Это ссылка на греческий подлинник Хроники Манассии и славянский перевод ее; собиратель Хронографа пользовался Хроникой Манассии.

¹ См.: М. Н. Тихомиров. Сказания о начале Москвы. — Изз, т. 32. М., 1950, стр. 233; Л. Н. Пушкарев. Повесть о зачале Москвы. — Материалы по истории СССР, т. II. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 221.

² ГИМ, собр. Синодальной библиотеки, № 964, л. 128.

³ Словарь церковно-славянского и русского языка Императорской Академии наук, т. I. СПб., 1847.

⁴ А. Соболевский. 1) Греко-славянские этюды. — Русский филологический вестник, т. 9, 1883, № 1 (стр. 1—6), № 2 (стр. 274—278); т. 10, 1883, № 4 (стр. 163—166); 2) Русския заимствованныя слова. СПб., 1891.

⁵ М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, чч. 1—3. СПб., 1906—1909; Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, erster Band. Heidelberg, 1953.

⁶ ПСРА, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 227.

Еще А. Попов высказал, а А. А. Шахматов впоследствии подтвердил его мысль, что составитель Хронографа обращался к манассиевой Хронике в славянском переводе. А. А. Шахматовым даже конкретно указана та рукопись Хроники Манассии в переводе, которая, по его мнению, могла быть в руках у составителя, — это протограф списка Новгородской Софийской библиотеки № 1497 сербского извода (ныне в ГПБ).⁷ Но и обращение к этой рукописи с целью выяснения слова «ентинарий» ничего нового не внесло, слово это читается в ней так же, как и в только что рассмотренных случаях: «Ентинирие».

Объяснение всему дает лишь греческий текст манассиевой Хроники.⁸ Оказывается, слово «ентинарий» нашей рукописи и Хронографа есть не что иное, как ἐν Τυρρήνοις — выражение, по-видимому, неправильно понятое еще славянским переводчиком Хроники⁹ и в переводе означающее «в Тиррении (Этрурии)». Вот как оно выглядит в контексте. Приводим отрывок о закладке Копитолия в Риме из греческого подлинника Хроники Манассии:

Τούτου καὶ οἰκοδομεῖν ἐν Ῥώμῃ βουλευθέντος
 Βόθρευμα μὲν ὠρύσσετο θεμέθλων ὑπογαίων
 Τῆς δ' ὀρυγῆς ἐπὶ πολὺ τὸ βάθος προϊούσης
 Εὐρέθη κάτω κεφαλὴ νεοσφαγοῦς ἀνθρώπου,
 Αἷμα θερμὸν καὶ νεαρὸν χεόμενον δεικνῦσα,
 Καὶ πρόσωπον παρεμφερὲς ἔχουσα τοῖς ἐμπνῶσις.
 "Ὁπερ μαθὼν ἐν Τυρρήνοις δόκιμος τερασκόπος
 "Εφη τὴν πόλιν κεφαλὴν πολλῶν ἐθνῶν γενέσθαι,
 Πλὴν διὰ ξίφους καὶ σφαγῶν καὶ λιμνασμῶν αἰμάτων.

⁷ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 73—75.

⁸ J.-P. Migne. Patrologiae Graecae, t. 127. Paris, 1864, стр. 282—283.

⁹ Утверждать последнее, однако, не могу, так как мной просмотрен лишь один из четырех известных А. Попову списков Хроники Манассии в славянском переводе (Нов.-Соф., № 1497).

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Новгородские местные летописцы

Летописная традиция Новгорода имела двоякий характер. С одной стороны, это летописные своды, почти всегда в той или иной степени стремившиеся к универсальному охвату общерусского материала (с преимущественным вниманием к внутренней жизни Новгорода) и составлявшиеся, как правило, при архиепископском дворе; с другой стороны — летописцы узко местные, ведшиеся при отдельных церквях и монастырях и уделявшие все (или почти все) внимание новгородским событиям и в первую очередь событиям, связанным с жизнью данной церкви или монастыря. Обе эти струи находились во взаимодействии, наиболее ярким примером которого может служить НЛ старшего извода, соединившая в себе архиепископскую летопись — Софийский временник — с существовавшим еще в XII в. местным летописцем церкви Якова в Неревском конце.¹ Официальные своды широко пользовались местными летописцами вплоть до конца XVII в.² Однако сами эти летописцы в отличие от отразивших их сводов никем до сих пор специально не исследовались (за исключением летописца церкви Якова) и почти не публиковались.³ В отношении поздних памятников основной причиной этого является, по-видимому, недостаточная изученность имеющегося рукописного материала.

Задача настоящей публикации — приведение в известность трех таких летописцев: церкви Дмитрия Солунского, Николо-Дворищенского собора⁴ и церкви Двенадцати апостолов (два последних представлены лишь в виде фрагментов).

Публикуемые памятники показывают, что традиция местного новгородского летописания (церковного и монастырского) не прекращалась вплоть до XVIII в. Можно думать, что именно повсеместное ведение летописной работы (как и чрезвычайно широкое распространение письменности

---

¹ Этот летописец рассмотрен с точки зрения его состава и стиля Д. С. Лихачевым при исследовании новгородских летописных сводов XII в. (см.: Д. С. Лихачев. 1) Новгородские летописные своды XII в. — ИЮЛЯ, т. III, 1944, в. 2—3, стр. 103—105; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 212—215).

² См. об этом подробнее в моей статье «Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в.» в настоящем томе (стр. 274—278).

³ Публикацию отрывков летописца Михаилицкого монастыря см. в статье: Р. Игнатъев. Церковь Рождества богородицы, что на Молоткове в Новгороде. — Новгородские губернские ведомости, 1849, № 33, 13 августа, часть неофициальная, стр. 149—153. Небольшие выдержки из местных летописцев приводит Макарий в «Археологическом описании церковных дивностей в Новгороде и его окрестностях» (ч. I, М., 1860). Нынешнее местонахождение использованных этими авторами рукописей неизвестно.

⁴ Опубликованные «Отрывки из летописного сборника, принадлежащего Новгородскому Николаевскому Дворищенскому собору» (Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 449—488), по своему содержанию не связаны с публикуемым мною летописцем, как и с Николо-Дворищенским собором вообще.

вообще), характерное, по-видимому, только для Новгорода, сделало возможным составление здесь наиболее крупных летописных сводов уже в конце XVII в., когда политическое могущество Новгорода было давно утрачено.

* *
*

Очень небольшой по объему «Летописец о Дмитриевской церкви, что в Славкове» читается в рукописи № 488 Новгородского историко-художественного музея (первая четверть XIX в., в 4-ку) на лл. 1 об.—2.⁵ Памятник открывается небольшим сказанием о построении церкви Дмитрием Донским (в других летописях его причастность к основанию этой церкви не отражена). Далее идут известия 1696—1698 гг. о пожаре, при котором пострадала и церковь Дмитрия, и о ее восстановлении. Текст заканчивается известием об освящении жертвенника митрополитом Иовом в 1699 г.

«Летописец» был известен Макарию, который, между прочим, сообщает, что «сказание летописца, списанное в начале прошлого века (XVIII-го; разрядка моя, — С. А.) и наклеенное на дске, хранится в Дмитриевской церкви».⁶ Таким образом, составление «Летописца» следует относить, очевидно, к самому концу XVII в. — вероятнее всего к 1699 г., которым заканчивается летописный текст. Во всяком случае возводить начало работы над этим памятником к значительно более раннему времени нет оснований, так как в нем не отражена история Дмитриевской церкви в XIV—XV вв., хорошо известная по другим летописям. Заключительное известие летописца — «В лето 7207-го, февраля в 9 день, освятися сей жертвенник Иовом митрополитом, при державе благочестивого государя Петра Алексеевича и при патриархе Адриане, в славу Христа бога», носящее, несомненно, эпиграфический характер («с ей жертвенник»), позволяет предполагать, что публикуемый текст скопирован именно с той «дски», которую видел Макарий и которая была, вероятно, прибита вблизи упомянутого жертвенника.

* *
*

«Сказание о дивном обретении чудотворных иконы святителя Николая архиепископа Мирикийского, о чуде от нея сотворшемся в Великом Новгороде и о создании церкви во имя сего чудотворца на Торговой стороне, на Ярославле дворище, взятое из летописца, хранящегося в той церкви» читается в том же сборнике на лл. 34—37. Дополненный вариант этой же

⁵ В сборнике пронумеровано 40 листов (всего вместе с чистыми 48). Рукопись без переплета, удовлетворительной сохранности (начальные и конечные листы повреждены сыростью). Фигураны: 1) имитация знака «Pro Patria» с цифрой [17] 70, 2) буква «Б» с цифрой 1807, 3) буквы «ВМ» с цифрой «18...» (край обрезан), 4) буквы «АиПМ» с цифрой «18...» (край обрезан). Состав рукописи: лл. 1 об.—2 — «Летописец о Дмитриевской церкви, что в Славкове» (публикуется ниже); лл. 2 об.—33 — «Марфа посадница, или Покорение Новгорода» Н. М. Карамзина (с печатного издания); лл. 34—37 — «Сказание о дивном обретении чудотворных иконы святителя Николая Мирикийского...» (публикуется ниже); лл. 38—40 об.—«Наполеон, его родственники и исполнители воли его. Историческое известие, взятое из тайного французского кабинета». Памфлет (начало: «Французы, грабители, кровопийцы! Где вы похитили законы?»), окончание: «... у принца Конде в Шантильи поварскомь. А женат на Каролине Бонапарте»).

⁶ Макарий. Археологическое описание..., ч. I, стр. 311, прим. 181. Автор приводит начало летописца и излагает содержание его дальнейшего текста (там же, стр. 312—313).

легенды включен в Погодинский новгородский свод конца XVII в. (списки распространенного вида сокращенной редакции).⁷

В легенде повествуется о том, как тяжело заболевший новгородский князь Мстислав Владимирович (названный здесь Святославичем) по совету явившегося ему во сне святого Николая послал в Киев за чудотворным образом Николая, надеясь получить от него исцеление. Посланные были задержаны бурей вблизи Новгорода. Когда буря утихла, чудотворная икона была обнаружена плавающей около ладьи. Посланные доставили ее князю, который и получил исцеление. «За сие преславное чудо» Мстислав и воздвиг Николо-Дворищенский собор.⁸

Легенда была известна некоторым исследователям новгородской старины, дававшим в своих работах ее сокращенное изложение.⁹ Имеются и ссылки на «рукописное сказание об обретении чудотворной иконы св. Николая, хранящейся в Никольском соборе».¹⁰ Можно полагать, что это сказание было известно именно по тому летописцу Николо-Дворищенского собора, выписку из которого представляет собой публикуемый ниже текст¹¹ (есть указание и на другой список, дававший, однако, несколько иной вариант легенды).¹²

Поскольку не имеем данных для датировки летописца в целом, ограничимся выяснением приблизительного времени появления самой легенды. Она возникла, очевидно, позднее середины XVI в., так как в макарьевских Минеях среди «русских» чудес Николая Мирликийского этой легенды нет.¹³ Несомненный отзвук этого памятника имеется в Уваровском новгородском своде.¹⁴ Этот свод составлен, как показало его исследование, не позднее начала XVII в. Таким образом, возникновение интересующей нас легенды может быть отнесено приблизительно ко второй половине XVI или началу XVII в.

* *
*

Летописец церкви Двенадцати апостолов (по-видимому, это только отрывок его) известен мне по трем спискам: БАН, 16.4.17 (вторая половина XVIII в., в 4-ку), л. 1—1 об.; ЦГАДА, ф. 196, № 595 (первая

⁷ См.: С. Н. Азбелев. Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. — ТОДРА. т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 293, ср.: ГПБ, Ф. IV. 888, лл. 38—40; Эрмитажное собр., № 444, лл. 38 об.—41.

⁸ Дополнение, читающееся в Погодинском своде, рассказывает, что Мстислав послал в Киев вестника сообщить о случившемся. От киевлян он узнал, что в Киеве эта икона «невидима бысть» в тот самый день, когда ее нашли под Новгородом. Все поняли, что образ был перенесен чудом и прославили бога.

⁹ См., например: Макарий. 1) Икона святителя Николая чудотворца в Новгородском Николаевском Дворищенском соборе. — Известия Имп. Археологического общества, т. 1. СПб., 1859, в. 6, стлб. 342—344; 2) Археологическое описание. . . , ч. II, М., 1860, стр. 56; П. Тихомиров. Сказание о новгородской чудотворной св. иконе Знамения божией матери. Новгород, 1872, стр. 136—138.

¹⁰ П. Тихомиров. Сказание. . . , стр. 136; ср.: Макарий. Археологическое описание. . . , ч. I, стр. 251, прим. 39. Летописец Николо-Дворищенского собора, о котором Макарий сообщает там же (стр. 250—251, прим. 38), не мог быть тождественен тому, отрывок из которого здесь публикуется, так как легенда в него целиком не входила, а были лишь краткие известия о соответствующих событиях.

¹¹ Очень краткое изложение этой же легенды известно мне в рукописи ГПБ, Соловецкое собр., № 989/879 (XVII—XVIII вв., в 4-ку, 114 лл.) на л. 80 (эта часть рукописи XVIII в.).

¹² Рукопись принадлежала епископу Макарию, который приводит окончание текста легенды (см.: Макарий. История русской церкви, т. II. СПб., 1857, стр. 289), несколько отличное от публикуемого.

¹⁴ См. стр. 255 настоящего тома.

половина XVIII в., в 4-ку), лл. 103 об.—104; ГПБ, собр. Погодина, № 1474 (последняя четверть XVIII в., в лист), л. 103—103 об. Наиболее-полный текст дает первый список, который положен в основу публикации¹⁵ (далее обозначается сокращенно А); по второму и третьему спискам (обозначаемым соответственно Б и В) подведены варианты.

Текст отрывка состоит из трех частей: первая представляет собой летописные известия 1230 г. о землетрясении, голоде и других событиях; в этой части говорится, между прочим, об устройстве вблизи церкви Двенадцати апостолов братской могилы для умерших от голода. Весь этот текст, с незначительными отклонениями, читается и в Летописи Авраамки;¹⁶ поскольку трудно предположить непосредственное заимствование из этого смоленского памятника, то следует, очевидно, полагать, что эта часть летописца церкви Двенадцати апостолов восходит к тем кратким извлечениям из Новгородско-Софийского свода 30-х годов XV в., которые были, очевидно, источником новгородских известий для составителя Летописи Авраамки в первой части его труда (до 1309 г.).¹⁷ Вторую часть отрывка составляет текст надписи 1575 г. о ежегодном поминовении умерших от голода, находившейся, по-видимому, на кресте, который был установлен на братской могиле около церкви Двенадцати апостолов. Отрывок заканчивается подсчетом общего количества погибших в 1230 г.

Публикуемый текст не дает материала для достаточно точной датировки. Во всяком случае летописец был составлен не ранее 1575 г., так как этим годом датирована включенная в него надпись. Поскольку есть все основания думать, что этот памятник был использован составителем пространной редакции НЗЛ,¹⁸ то следует полагать, что он возник не позднее 70-х годов XVII в.¹⁹

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

Летописец о Дмитриевской церкви ^{а-б} что в Славкове. ^{л. 1 об.}
 В лето 6889-го создан сей храм в богоспасаемом Великом Новеграде, на Славкове улице, святого великомученика и страстотерпца Христова Дмитрия Селунскаго, по обещанию великаго князя Дмитрия Донскаго.

¹⁵ В сборнике 9 нумерованных листов. Рукопись без переплета, удовлетворительной сохранности (листы распадаются). Филигрань — имитация знака «Pro Patria» с буквами «ГУБР»; контрамарка — буквы «ФСП» (близки к №№ 528—529 Тромонина, 1780 г.). Состав рукописи: л. 1—1 об. — «Летописец, списан в Великом Новеграде, ис церкви 12 Апостол, что в Чудинцове улицы, в Архерейском саду» (публикуется ниже); лл. 2—6 — «О римском отпадении, како отступиша от православныя веры и от святых восточных церкви» (начало: «При царе Константине и матере его Ирине бысть в Риме папа Андриян...», окончание: «...и врази быша грекам и православной вере, и святей соборной церкви»); лл. 6 об.—9 об. «Осмотрим же мы, как мы любим Христа» (начало: «Люблю Христа, словом у меня в различных селех каменные палаты...», окончание: «... да царствуя над ними благочестивейшая, самодержавнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна и дщерь, и внучка, и правнучка императоров благочестивых, воистину греческаго исповедания»).

¹⁶ См.: ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889, стлб. 50.

¹⁷ См.: А. А. Шахматов. Обзорные русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 242—248.

¹⁸ См. стр. 275 настоящего тома.

¹⁹ О датировке НЗЛ см. в моей статье «Новгородская третья летопись (время и обстоятельства возникновения)» (ТОДРАЛ, т. XII, М.—Л., 1956), стр. 259.

^{а-б} Выделенное курсивом в ркп. отсутствует из-за утраты края листа.

Внегда он борясь^в себе з безбожным царем Мамаем и тогда явися ему святыи на рати с благоверными князи Борисом и Глебом, повелевая держати противу безбожнаго царя Мамаия и всего его поганаго воинства — «и мы тебе вборзе будем на помощь». По сем явлении победы благоверный князь Дмитрий Иоаннович безбожнаго царя Мамаия и, по благословлению Пими́на митрополита московскаго и всеа России, построися сия церковь, и придел присовокупи князей благоверных Бориса и Глеба на полатех, понеже в победе явистася. А сей благоверный князь Дмитрий Иоаннович от корени и родства их. И к той же церкви придел Усекнове-
 л. 2 ние¹ родителей своих в вечныя роды.

В лета 7204-го, месяца мая в 22 день, изволением Божиим, грех ради наших, в пяток, в шестой час дни, в третьей четверти, бысть пожар страшен. Сия вся Торговая сторона погорела и церкви святыя со всеми утварьми, иконы и мног народ — при митрополите Евфимии Новаграда и Великих Лук. И сия святая Дмитриевская церковь в 205-м и в 206-м годех, при преосвященном Иове митрополите Великаго Новаграда и Великих Лук, тое церкви приходскими людьми и иных христороубцев подаванием — иконы и книги и ризы и церковною утварию — построена и своды верхние негодныя вси вновь сведены каменные, и связи железныя вновь положены, и покрыта, и главы, все во утверждение и благолепие святыя церкви божия.

В лето 7207-го, февраля в 9 день, освятися сей жертвенник Иовом митрополитом, при державе благочестиваго государя Петра Алексеевича и при патриархе Адриане, в славу Христа бога. Аминь.

(Новгородский историко-художественный музей, № 488, лл. 1 об. — 2).

2

л. 34 Сказание о дивном обретении чудотворныя иконы святителя Николая архиепископа Мирликийскаго, о чудеси от нея сотворшемся в Великом Новеграде и о создании церкви во имя сего чудотворца на Торговой стороне, на Ярославле дворище, взятое из летописца, хранящегося в той церкви.

л. 34 об. В лето 6621-е великий князь Мстислав Святославичь, внук великаго князя Ярослава Владимировича, нареченный во святом крещении Георгий, содержай престол отчества своего в Великом Новеграде, епископу убо тогда блаженному Никите сушу. И Божиим праведным чудом великому князю Георгию случися в лютую болезнь впасти, яко расслабишася вся уды его и не можаху двинутися с места своего. И в той болезни мучащуся ему многое время, и молящуся из глубины сердца своего || со многими слезами, вопияше ко господу богу и спасу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери о прощении своих согрешений и о еже избавитися ему от болезни, и призываше на помощь множество святых. После же^а убо во ум прииде ему призвати скораго помощника и быстраго послушателя великаго чудотворца Николая.

В та убо времена честныя его мощи многоцелебныя и мироточивыя немощныи людие взяша из Мир и принесоша в Бар град честен с фимиамом и кандилы. И приложиша к тому честному пастырю множество недужных своих, различными недуги мучимых, и исцеление получиша благодатию

^в в ркп. бряся. ¹ Выделенное курсивом в ркп. отсутствует из-за утраты края листа.

^а В ркп. же.

христовою и великаго чудотворца Николая молитвами; тогда же убо и в богоспасаемом граде Кieve уморшее отроча живо наидоша лежащее пред иконою Николая чудотворца, || еще мокроте текущей от него. И о сих преславных, великих и неизследованных чудесех святое имя Николая простресе во вся вселенныя концы, не токмо в верующих, но и неверующих. Но на предлежащее возвратимся.

Великий князь Георгий беспрестанно сие зовый: «Святыи Николае, помилуй мя!» Во едину же ночь великому князю, мало притихнувшу от болезни и воздремавшу во сновидении, ста пред ним святыи Николай в ризах, яко же Иоанн, и рече ко князю: «Что скорбяша зело и вопиеша ко мне?» Он же поведа ему беду болезни своея. И рече ему святыи Николай: «Княже, аще хоцеша цел быти, послы в Киев град, и есть в Кieve у святыя София на полатех икона Николая чудотворца, круглая дска, — и меру образа показуя, — повели речь принести к себе и молебная совершити; и повели святити воду и покропися ею, и примеша исцеление; и егда получиши желаемое, память имей ко иконе моеи и в предыдущие || годы неотложну». И абие с словом невидим бысть.

Князь же убо Георгий, возбнув от видения, нача плакати, и вскоре посылает собора своего клирос с боярином своим дворецким в Киев град в ладии Ильмером езером. И ветру убо противну и зелну сушу, много труждашеса и ничтоже успеха, богу тако изволившу и святому Николаю святителю. И от бури ветренния захаша в некия остров, ожидаху времени, дондеже ветр утихнет. И в том протоце стояху три дни и три ночи, семо и овамо не могуши здвигнутися от бури ветренния. В четвертый же день изыде повар из ладий почерпати воды, уготовати ядь боярину своему и сущим с ним, и видит дску круглу, плавающу по воде, ниц поволочену нечим. || И не сме прикоснути ея, и вшед в ладю, сказа господину своему бывшее. Он же убо вскоре изыде из ладии и подняв плавающее, видит икону написану быстраго помощника и скорого послушателя великаго архиерея христова Николая, тое же мерою написанну, яже с ним посланная от князя мера ей. И пригласив священный клирос, иже с ним, и многия слезы излия, и отпевшая молебная честне, внесоша в ладю и возвратишася к Великому Новуграду с радостию великою. Уже бо и ветру стройну сушу и благополучну.

И егда достигоша Великаго Новаграда, и самому убо великому князю в слух прииде бывшее чудо, и высла в Сретение священный чин со кресты. И множество много людей из града изыдоша в Сретение на преславное то чудо. И егда || принесоша икону пред болящаго князя, и абие в том часе воста от ложа своего, и нача молитися святому чудотворцу Николаю, реки слез испущая из очию своею, облобызал икону, приводя известием словес свидетельство древних его чудес. И в том часе повеле себе вести за иконою во святую церков. И отпевше молебная со освященным собором, и освятивше воду, и чудную ону икону мывше, покропися князь святою водою, и до конца исцеле благодатию христовою и великаго святителя Николая молитвами.

И за сие преславное чудо великий князь Мстислав Святославичь и баба его || благоверная княгина Анна воздвигнуша церков каменну прекрасну на дедине дворе на Ярославле, во имя иже во святых отца нашего Николая архиепископа Мир Ликийских чудотворца, и подписаша стенными писмены, и чудную ону икону в ней поставиша.

Молитвами, господи, святителя и чудотворца Николая помилуй и спаси нас ныне и присно и во веки веков. Аминь.

3

л. 7 ¹Летописец, списан в Великом Новеграте, ис церкви 12 Апостол, что в Чудинцове улицы, в архерейском саду.²

Лета 6638-го, маия³ во⁴ 2 день ⁵от сотворения мира,⁶ в пяток ⁷недели по пасце трясезя земля. Того лета возведоша Спиридона на владычество, и того лета убиша Семиона Борисовича. На ту же осень глад бысть велий: кадца ржи продавалась⁸ по 40,⁹ а овса по 7 гривен, и¹⁰ бысть зло:¹¹ по улицам ¹²трупия пси¹³ ядыху, влачаша¹⁴ главы и руки, и ноги; и наметаша скудельницу у Дванадесяти¹⁵ апостол святых 33000,¹⁶ а на весне¹⁷ конец Чудинцовой¹⁸ улицы,¹⁹ а другую за Рождеством;²⁰ а в Смоленске ²¹2 скудельницы 16000,²² а в третьей 4000,²³ а в четвертой 9000 помечаша;²⁴ все же зло бысть два лета; а в Новгород тое весны прибегоша немцы²⁵ с житом²⁶ и с мукою; и по ярославскаго²⁷ князя послали на всей воли его.

Бысть²⁸ поставлен крест сей на скудельницы, на поминование православных християн,²⁹ а поминати на всяк год в Троицкую субботу умерших православных христианство; а се место здали православные христиане;³⁰ л. 7 об. написана || сия доска лета ³¹от сотворения мира³² 7083,³³ божию³⁴ милостию; трудился мастер Стефан.

³⁵А всего в Новегороде померло народу православных христиан 46000 человек.

Списан 1760 году, сентября 3 дня.³⁶

(БАН, 16.4.17, л.1—1 об.).

1—2 Нет БВ. 3 майя Б; маия В. 4 в БВ. 5—6 Нет БВ. 7 четвергтя БВ.
8 Нет БВ. 9 Доб. гривен БВ. 10 Нет БВ. 11 Доб. и В. 12—13 пси
трупия БВ. 14 влачаше БВ. 15 дванадесети БВ. 16 3030 БВ. 17 Доб.
по БВ. 18 Чудинцове В; Чудинцов В. 19 улице Б. 20 Рождеством Б.
21 Так Б; в АВ. 22 16 тысящ БВ. 23 4 Б. 24 Нет БВ. 25 Нет Б;
26 Так БВ; зжитом А. 27 Так БВ; ерославскаго А. 28 Нет Б. 29 христиан Б.
30 христиане Б. 31—32 Нет БВ. 33 7083-го БВ. 34 божиею БВ. 35—36 Нет БВ.

В. И. МАЛЫШЕВ

Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганных» нашествии

В сборнике стихов «покаянны, слезны и умильны», возникшем еще, по-видимому, в XVI в. и получившем широкое распространение в XVII в., в самом конце имеется раздел, озаглавленный «Прибавочны, коих нет в покаянных» (иногда просто: «Стихи прибыльные»). Стихи «прибавочны» наиболее интересные в сборнике. В то время как остальные стихи сборника в своем большинстве основаны на богослужебных книгах (Октоих, Минея, Златоуст и т. д.), тематика стихов «прибыльных» разнообразна по содержанию. Здесь встречаются стихи о книжном почитании, «воинские», задравные чаши, о суете жития, о пустыне, Адаме и Еве и т. п. Среди этих стихов попадаются также произведения на исторические темы. Исторические стихи едва ли не самые интересные в сборнике, так как являются откликами на определенные события современности, некоторые отличаются патриотической направленностью. Несмотря на отсутствие в них почти всегда указания на конкретные исторические лица, места, хронологических данных, они все же могут быть более или менее легко датированы.

П. Д. Бессоновым, В. Н. Перетцем и позже автором настоящей заметки было опубликовано по спискам XVII—XVIII вв. несколько таких исторических стихов.¹ Однако далеко не все еще подобного рода стихи приведены в известность и изучены. Заметим, кстати, что и сам чрезвычайно интересный сборник стихов «покаянны, слезны и умильны» до сих пор не исследован: не известны время его возникновения, состав, источники, не решен окончательно вопрос об авторе. Этот сборник дошел до нас от XVII—XVIII вв. в большом количестве списков, охотно читался и дополнялся новыми стихами, главным образом в разделе «прибавочны». Для определенных кругов тогдашнего общества он заменял «мирскую» поэзию.²

Стих «покаянны», описывающий «люте» время и «поганных» нашествие, интересен тревожным тоном, взволнованностью за судьбу своей земли. Этот стих находится в рукописи конца XVIII—начала XIX в. Пушкинского Дома АН СССР (Печорское собрание, поступления 1956 г., № 6).

¹ П. Д. Бессонов. Калики переходные, в. VI. М., 1864, стр. IX—X; В. Н. Перетц. К истории древнерусской лирики («стихи умиленные»). — Slavia, т. XI, 1932, кн. 3—4, стр. 474—479; В. И. Малышев. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (стих «покаянны о пьянстве»). — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 146—148. В. Н. Перетцем впервые поставлен вопрос о возможной принадлежности некоторых стихов этих сборников «к эпохе до Смутного времени, может быть, ко времени Ивана Грозного» на основании анализа стиха «о царстве московском» (Slavia, т. XI, кн. 3—4, стр. 476).

² См. общую характеристику сборника в указанных работах П. Д. Бессонова и В. Н. Перетца. У Бессонова приводится соображение и об авторе («клирошанине» Григории), но оно требует еще проверки.

Рукопись состоит из восьми разрозненных листов, без переплета, написана поморским полууставом и имеет заглавие киноварью: «Покаянны же, прибавочны». Филиграни бумаги: знак «Pro Patria», изображение пчелиного сота, обрамленного рамкой с листьями, название фирмы «Comp. Pieter de Vries». Кроме интересующего нас стиха (он находится на лл. 4—6), в состав рукописи входят следующие произведения, встречающиеся не без исключения и в других списках сборника стихов «покаянны, слезны и умильны», в разделе «прибавочны»: о рае, последнем времени, суете жития и покаянии. Последний стих обрывается на начальных строках, так как рукопись имела продолжение. Стихи не имеют заглавий, вместо этого над каждым из них киноварью написан «глас», на какой они поются (вероятно, список сделан с нотно-крюкового текста).

Стих о нашествии «поганых» распет на второй «глас».

Глас 2

О, люте ныне наста время
 В последния роды!
 Кто бо слыша таковое кровопролитие
 И бранем начинание,
 Еже поганых на нас нашествие
 Немилостивно посекающе
 И церкви божия оскверняюще,
 Честныя и чудотворныя иконы пожигающе,
 И обители разоряюще,
 Непрестанно крови поливающе,
 И веру нашу православную днесь потребляюще,
 И телеса наша оскверняюще,
 Неповинно нас закалающе.
 Не предаждь нас, господи,
 Не предаждь поганым в разорение
 И земли нашей в разделение.
 Боже милостиве, помилуй нас!

Не ведет ли нас содержание и настроение этого стихотворения к началу XVII в., ко времени крестьянской войны и иностранной интервенции? Не об этих ли, тяжелых для русского народа, годах, написано это полное грусти произведение? В стихотворении слышится озабоченный голос современника («О, люте ныне наста время!» — восклицает он), на глазах у которого происходит «неповинно» истребление многих русских людей, разорение и осквернение церквей и монастырей «погаными» (т. е. иноземцами). Автор спрашивает, «кто бо слыша таковое кровопролитие и бранем начинание?», и этими словами как бы подчеркивает значимость, размах событий, о которых он сообщает. Он обеспокоен за сохранность православной веры «днесь (ныне) потребляюще». Он молит господя, чтобы тот не предал «поганым» «земли нашей в разделение» и народ в «разорение». Концовка стиха — «Боже милостиве, помилуй нас!» — звучит очень взволнованно.

О каком другом событии XVII—XVIII вв. мог бы писать автор в таком тоне? Иной такой ситуации, когда бы происходило нашествие иноземцев и была угроза разделения земли, в течение этих двух веков не было.

В начале XVII в. действительно имело место разделение земли, грозившее тяжелыми последствиями для дальнейших судеб Русского государства. На севере шведы пытались закрепиться на исконно русских

землях, в центре страны действовали поляки, Москва была захвачена врагами. Этому предшествовала ожесточенная классовая борьба, выразившаяся в крестьянской войне под руководством Ивана Болотникова. Указание в стихе на широко распространенное нашествие и на угрозу разделения земли — прямой намек на события этого времени.

Возможно, стихотворение написано в самый разгар этого «лютее» времени, в годы активизации «Тушинского вора», свержения царя Василия Шуйского, распада первого ополчения и открытой польско-шведской интервенции, когда «кровопролитие и бранем начинание» достигло наивысшего предела и особенно ощущалась угроза разделения земли и потеря национальной независимости страны. Эта обстановка в государстве, вероятно, и побудила патриотически и религиозно настроенного автора к созданию настоящего стихотворения. Стихотворение переключается с «Плачем о пленении и о конечном разорении Московскаго государства», созданным в самые тяжелые годы для русского государства польско-шведской интервенции. Сходство с этим произведением замечается и по линии фразеологии. Кроме того, оба произведения завершаются обращением за помощью к богу, и передается это в почти одинаковых выражениях. «Плач»: «... начнем просити милости у всещедраго бога... дабы... пощадил останок рода христианскаго, и потребил от нас врагов наших, и злолукавый совет их искоренил, и останок бы Российских царств и градов и весей миром оградил и всякия благодати исполнил. И не предаст нас врагом в расхищение и в плен: милостив бо и человеколюбив бог наш» (РИБ, т. XIII, 2-е изд., стлб. 233—234). Стих:

Не предаждь нас, господи,
 Не предаждь поганым в разорение
 И земли нашей в разделение.
 Боже милостиве, пожалуй нас!

Следует заметить, что изданный В. Н. Перетцем исторический стих из сборника «покаянны» — «Плач земли российской»³ тоже сближается со стихом о нашествии «поганых» и относится к тому же времени и также близок к «Плачу о пленении и о конечном разорении Московскаго государства», как это еще подметил его издатель.

Из событий последующего времени только Северная война могла бы как-то подойти к тематике стиха; но, во-первых, в ходе этой войны, даже в начальный ее период, в нашей стране не складывалась такая обстановка, какая отражена в стихе, а, во-вторых, стихи «покаянны» XVIII в. (их немного) и по форме и по содержанию (их писали главным образом старообрядцы) отличаются от данного стихотворения, написанного целиком в традиции сборника. Подделываться же под старую форму не было необходимости. Крупных татарских набегов, захватывавших обширную территорию, в XVII—XVIII вв. не было.

Таким образом, возникновение стиха можно отнести к первой четверти XVII в. и можно считать его откликом на события этого времени.

Литературные источники стиха — в воинских повестях. По тексту видно, что автор был знаком с ними. В воинских повестях при характеристике врага, его намерений, действий применяются такие же формулы. Ср., например, характеристику татар в речах русских князей и владык в «Сказании о Мамаевом побоище» и «Повести о Николе Зарайском». Ритмический склад стиха напоминает отчасти «Повесть о Горе и Злочастии», отчасти стихотворения Квашнина-Самарина.

³ В. Н. Перетц. К истории древнерусской лирики («Стихи умиленные»), стр. 476.

Стих, призывающий к борьбе с «погаными»

Не о том ли времени, о котором повествует публикуемый выше стих о нашествии «поганных», говорится и в этом стихотворении о борьбе с «погаными», встречающемся также среди стихов «прибыльных» в сборниках стихов «покаянны, слезны и умильны». В стихотворении наряду с призывом к борьбе с «погаными» упоминаются «междоусобныя брани», появляется ссылка на «свое разорение». Ситуация, близкая к той, которая нарисована в первом стихотворении.

Стих читается в сборнике стихотворений XVIII в. (последняя четверть) Печорского собрания (поступления 1956 г., № 5, л. 11—11 об.) ИРЛИ АН СССР. Последние три строки в стихе не сохранились (утерян лист), они приводятся по отрывку, напечатанному в «Отечественных записках» (1858, т. 116, № 1, стр. 339), и заключены в квадратные скобки.

Глас 7

Уже пророчество совершися
 Пророка Исаия, прорекшаго о последних днех.
 Восстанут, прорече, лета последняя,
 И будут человецы страхом Божиим гоними.
 Восстанут глади частии, истина погибнет,
 А лжа покрывает землю.
 Знаменія в луне и в солнце,
 И во всей твари небесней
 Прообразуют кончину человеческого роду.
 Тогда не почивает дух Божий в человецех,
 Разум же в них не обрящется,
 Видяще уже конечное житие.
 О, горе тогда будет всем человеком на земли!
 Возмьются и восколеблются, яко пиянии,
 И встанут междоусобныя брани,
 Проливающе крови неповинныя,
 Бегати начнут от поганных,
 И не имеют, где главы подклонити,
 Видяще свое разорение.
 Подшимся убо вкупе [и станем противу поганных,
 Горце возопием ко господу о своем разорении:
 Дажь нам, господи, одоление на врага и
 Помилуй нас!]

П. Г. БОГАТЫРЕВ

Чешская бумага в России

В XVI—XVII вв. усиливаются торговые связи России и Украины с Чехией. Перед палеографами стоит задача изучить, в какой степени рядом с бумагой из различных стран (голландской, итальянской и др.) снабжали в XVII в. бумагой Украину и Россию чешские бумажные мельницы.

В книге: А. V. Florovskij: *Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X—XVIII století)*. Národní technický museum. Statní pedagogické nakladatelství. Praha, 1954, в главе 4 имеется раздел, озаглавленный «Чешская бумага» («Český papír»). В этом разделе дан ряд интересных сведений об экспорте чешской бумаги на Украину и в Россию.

Чешская бумажная промышленность начала развиваться уже с конца XIV столетия (в Моравии с XVI столетия). За границей, главным образом в Германии, а затем в Голландии, чешская бумага появляется с начала XVII столетия. Среди потребителей чешской бумаги в XVII в. были и украинские области Польши. Об этом мы узнаем в связи с заведением, помимо таможенных пошлин, новых налогов на экспортируемую за границу бумагу. 3 июня 1694 г. чешские производители бумаги из Подкрконоши протестовали в чешской камере против вздорожания в связи с новыми налогами экспортируемой бумаги и указывали, что заграничные потребители этого товара — пруссаки и русские (Reiszen und Preiszen auch Moskowitzen) — отказываются платить так дорого за чешскую бумагу и угрожают, что предпочтут покупать бумагу в Англии или Ирландии. В связи с этим подготовленная к посылке в Польшу и Россию чешская бумага лежала на складах в Бреслау (Вроцлав).

Итак, эта жалоба ясно указывает, что чешская бумага экспортировалась в Западную Украину и Москву.

Мемориал, который был вынесен в Трутнове на собрании подкрконошских мастеров, выделяющих бумагу, обращал внимание властей на катастрофическое положение (eysserte guin), которое грозило их семействам, подмастерьям и рабочим, так как мастера, производящие бумагу, вынуждены будут закрыть свои предприятия, если для них закроются заграничные рынки. Трутновскую жалобу подписали мастера (Papiermeister). Таким образом, из этих подписей мы узнаем фамилии тех мастеров, производящих бумагу, которые экспортировали свою бумагу в восточную Европу. Таможенный комиссар Чехии согласился с требованиями мастеров, и чешская камера 12 июня 1694 г. подала венскому правительству проект о снижении налогов на экспортируемую чешскую бумагу. Все это является свидетельством того, что экспорт северочешской бумаги действительно имел большое значение для подкрконошской бумажной промышленности, которая в XVII в. должна была считаться со значительным экспортом бумаги на Украину и в Россию.

Польский исследователь Вл. Будка, сравнивая водяные знаки чешской бумаги с водяными знаками бумаги, имевшей хождение на Украине, и опубликованными в книге: I. Каманин, М. Витвицька. Водяні знаки на папері українських документів XVI—XVII вв. (1566—1651). Київ, 1923 (Збірник історично-філолог. відділу АН УРСР, № 11), установил идентичность различных сортов бумаги чешского производства того времени с бумагой украинских документов. Будка далее установил, что чешская бумага в XVII в. употреблялась в Малопольской области, а также в Галицкой Руси, в областях Волынской, Холмской, Бельзской и в Люблинском воеводстве.

Из сравнения украинских и чешских филиграней вытекает, что чешская бумага употреблялась как учреждениями, так и частными лицами. Исследователю удалось также определить сорта чешской бумаги, ввозимой на Украину.

Экспорт чешской бумаги быстро рос в течение XVII в. Об экспорте чешской бумаги на Украину в предшествующие столетия нет никаких свидетельств. Несомненно, что в поставке чешской бумаги играла большую роль Силезия, в особенности Бреслау (Вроцлав). Бреслау, как известно, был самым важным центром для экспорта бумаги в восточную Европу — Польшу, Литву и Россию. Из чешской бумаги одной из наилучших была бумага, производимая в Бенешове. Эта бумага была наиболее распространенной чешской бумагой в центральной Европе. Распространена она была также и на Украине. Вл. Будка считает, что водяные знаки, приведенные в альбоме Каманина и Витвицькой под номерами 1261 и 1264, являются бенешовскими. Будка полагает, что бенешовская бумага на Украине была распространена в 1604—1643 гг. На Украине была известна также бумага Дольни Поустевни (z Dolní Poustevny—Dolní Einsiedel), а также из Фридланта (z Frýdlantu) и из Йиркова (z Jirkova).

Кроме того, на Украине употреблялась бумага из Среднего Ланова (z Středního Lanova), из Мимоня (z Mimoně), из Трутнова (z Trutnova), из Шумперка в Моравии (z Šumperku na Moravě), из Недошина у Литомышля (z Nedošina u Lýtomyšle) и из Кунчиц в Чехии (z Kunčic v Čechach).

Относительно распространения чешской бумаги на Украине в XVIII в. у нас нет сведений (альбом Каманина и Витвицькой приводит документы только XVI—XVII вв.). Однако чешскую бумагу, по-видимому, продолжали покупать и в последующие столетия. А. В. Флоровский ссылается на сведения, что в 60-х и 70-х годах XVIII столетия бумагу из Моравии, а именно из Ингровиц (Бланский район), экспортировали на Украину, в Крым и т. д. Об этом А. В. Флоровскому в письме в 1950 г. сообщил известный чешский палеограф Фр. Зуман.¹ Итак нам известно, что в XVII в. десять чешских центров бумажной промышленности поставляли на Украину бумагу. А. В. Флоровский высказывает сожаление, что чешские палеографы не могут сравнить чешские водяные знаки с водяными знаками той бумаги, которая была распространена в России. Ведь в альбоме Н. П. Лихачева входят водяные знаки только до XVII в. А. В. Флоровский выражает уверенность, что чешскую бумагу употребляли также в Москве, на севере России, где собственное производство не покрывало потребность в бумаге. А. В. Флоровский ссылается на книгу Фальковский «Москва в истории техники» (М., 1950).

¹ В своем письме Фр. Зуман цитирует документ 1770 г., в котором говорится, что торговец Клеemann покупал для экспорта в Братиславе определенный сорт бумаги («Blansker Papier tugrowitzer. Postpapier») для продажи ее в Крыму. См.: Н. Halm. Oesterreich und Neurussland. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, VI, 1941, стр. 389

Большую научную ценность представляет альбом водяных знаков XVII в., составленный В. Н. Щепкиным и ныне заканчиваемый сотрудниками Московского государственного исторического музея. Издание этого альбома даст возможность сравнить водяные знаки чешских бумажных фабрик и мастерских с водяными знаками бумаги, имевшей хождение в России в XVII в.

Петр Первый в начале XVIII в. пригласил в Россию чешского специалиста по бумажному делу, которому в 1705 г. поручено было недалеко от Москвы в Богодухове основание русской бумажной фабрики.

На основании архивных источников Венского государственного архива А. В. Флоровский устанавливает имя этого основателя бумажного производства в России — это был уроженец Чехии, но, судя по имени, немец Ганс Гейнрих Барфус (Hans Heinrich Barfuss) из Литомышля. Как говорит А. В. Флоровский, Петр Первый и его советники, по-видимому, убедились, что в Чехии техника бумажного производства стоит высоко и специалист оттуда может быть полезным в деле основания русской бумажной промышленности.

М. А. САЛМИНА

**Древнерусские повести о начале Москвы в переработке
А. П. Сумарокова**

На А. П. Сумарокова мы привыкли смотреть главным образом как на поэта и драматурга. Между тем известны его статьи по философии, филологии и др.

Перу Сумарокова принадлежит и ряд сочинений исторического характера. Так, в журнале «Ежемесячные сочинения» напечатана его статья «Надписи, означающие лета преставления высочайших персон фамилии царской в московском Архангельском соборе опочивающих»,¹ содержащая точную копию с церковных надписей. Известны и другие его исторические работы: статьи о Степане Разине,² Стрелецком бунте,³ «Краткая московская летопись»;⁴ приступал он и к созданию истории Петра Великого.⁵

Среди исторических работ Сумарокова имеется одно небольшое произведение, написанное на тему из русской истории, помещенное в 1759 г. в январском номере «Трудолюбивой пчелы» под названием «О первоначалах и созидании Москвы».⁶ Этому произведению Сумарокова и посвящается настоящая заметка. Изучение его представляет интерес в решении вопроса о связях между литературой XVII и XVIII вв.

В сочинении в соответствии с заглавием повествуется об основании и возвышении Москвы. Автор четко и лаконично рассказывает о том, кем была основана столица, как она постепенно отстраивалась — «далее простиралась и более украшалась». Эта своеобразная «История Москвы»⁷ не имеет дат (употребляются только выражения: «того же года», «в тож лето»), но хронологический принцип в ней выдержан: начинается она с основания Москвы Юрием Долгоруким, кончается же сообщением о постройках в столице уже при царе Федоре Иоанновиче.

---

¹ Ежемесячные сочинения, т. 6. СПб., 1757 (ноябрь), стр. 387—404.

² Сокращенная повесть о Стеньке Разине. Сочинение Александра Сумарокова. СПб., 1774.

³ Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году в месяце мани. Писал Александр Сумароков. СПб., 1768. Статья переиздана в «Полном собрании сочинений» А. П. Сумарокова (ч. 6, М., 1787, стр. 165—202): А. П. Сумароков. Второй стрелецкий бунт. — Полн. собр. соч., ч. 6, стр. 203—212.

⁴ Краткая московская летопись. Сочинение Александра Сумарокова, СПб., 1774. Переиздана в «Полном собрании сочинений» А. П. Сумарокова (ч. 6, стр. 143—164).

⁵ А. П. Сумароков. Краткая история Петра Великого. — Полн. собр. соч., ч. 6, стр. 213—224.

⁶ Эта статья вошла в «Полное собрание сочинений» А. П. Сумарокова (ч. 6, стр. 284—292). Текст статьи перепечатан также С. Глинкой (Очерки жизни и избранных сочинения Александра Петровича Сумарокова, часть третья. СПб., 1841, стр. 219—230).

⁷ Так или просто «История» будем называть в дальнейшем разбираемое сочинение Сумарокова.

Знакомство с текстом этого сочинения убеждает, что при написании его Сумароковым были использованы две древнерусские повести о начале Москвы XVII в. (по С. К. Шамбинаго — «хронографическая» и «сказка»).⁸ Эти два сказания о Москве были положены Сумароковым в основу работы.

Рассказ открывается известиями «хронографической» повести. Не говоря уже о том, что в «Истории» эта «хронографическая» повесть, как и «сказка», переложена на современный для автора язык, текст ее представлен здесь не полностью, а дан в сокращенном пересказе. «История» начинается с сообщения о восшествии «на престол великаго княжения в России», после Владимира Мономаха, Георгия, «проименованного Долгоруким». Таким образом, обычное для «хронографической» повести вступление о «трех Римах» в «Истории» опущено. Последнее известие рассказа, совпадающее с текстом «хронографической» повести, — расправа брата Андрея Боголюбского с убийцами последнего; причем убийцам мстит в «Истории» не Михаил, как в повести, а Всеволод, другой брат Андрея Боголюбского. По-видимому, такая замена имен произведена для того, чтобы представить в «Истории» только «великих» князей. Один из отрывков повести, созданный под влиянием Хроники Манассии, в «Истории» переложен и упрощен: пространная характеристика, которая давалась в нем князю Андрею, в «Истории» была бы излишней. В остальном известия «Истории» в пределах от вокняжения Юрия в Киеве до отмщения убийцам, как сказано, повторяют известия «хронографической» повести.⁹

Далее, при составлении начальной части «Истории» Сумароковым было привлечено еще одно древнерусское произведение о Москве — «сказка». Из трех древнерусских повестей о начале Москвы — «новеллы», «хронографической» повести и «сказки» (терминология С. К. Шамбинаго) — две последние должны были казаться наиболее «историчными». В «хронографической» повести говорится об основании Москвы Юрием (так об этом говорится и в поздних летописях), в «сказке» — о построении столицы князем Даниилом Александровичем (по одним спискам или Даниилом Ивановичем по другим). Князь Даниил, сын Александра Невского, официально считался основателем московского царства, поэтому, по-видимому, «сказка» и попала в «Историю Москвы».

Сведения «сказки» включены в «Историю», так же как и сведения «хронографической» повести, неполностью. В «Истории» пересказывается лишь последняя ее часть, где говорится об основании Даниилом Александровичем городов Москвы, Алексина, заложении церкви на горах Подонских и освящении ее епископом Варлаамом. Первая же половина «сказки», включая пророчество Василия-гречанина, в «Историю» не по-

⁸ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы. — ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936, стр. 59—98; История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 244—251. М. Н. Тихомиров и Л. Н. Пушкирев склонны датировать «хронографическую» повесть концом XVI в. (см.: М. Н. Тихомиров. Сказания о начале Москвы. — ИЗ, т. 32. М., 1950, стр. 236; Л. Н. Пушкирев. Повесть о начале Москвы. — Материалы по истории СССР, т. II. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 224—228).

⁹ Только два известия этой части «Истории» в списках «хронографической» повести отсутствуют — это оплакивание Кучковичами отца и сообщение о постройке Юрием Китай-города. Правда, две эти записи известны нам еще по одной рукописи XVIII в. (ГБЛ, собр. Муз., № 1841, лл. 165 об.—167 об.), и они также включены в рассказ о построении Юрием Москвы. Но рассказ этот — особый, поздний вариант «хронографической» повести. По-видимому, и автор «Истории», и составитель рассказа рукописи ГБЛ, собр. Муз., № 1841 пользовались материалами, восходящими в какой-то части к общему источнику.

пала по понятной причине: к «созиданию Москвы» она имела мало отношения.¹⁰

«Сказка» следует за «хронографической» повестью не сразу: между сказаниями находятся еще известия, служащие как бы переходом от одной повести к другой — от времени Юрия Долгорукого ко времени Даниила Московского. Здесь рассказывается о том, что между основанием Москвы «князем Георгием» и «днями» московского князя Даниила Александровича прошло 115 лет и что Даниил, придя на «московские поля», так же как и Георгий, «возлюбил сие местоположение».¹¹

На этом часть «Истории», созданная на основе двух древнерусских повестей, заканчивается. Далее, вслед за известием о построении князем Даниилом монастыря «по имени своему» в «Истории» дается своеобразное перечисление в хронологическом порядке основных построек, которые были возведены в Москве великими князьями от Ивана Калиты до Федора Иоанновича включительно.

Эта вторая часть произведения резко от первой не отличается, так как и в первой части «Истории», помимо «начатия» Москвы, речь шла и о ее постройках — первых «строениях» Москвы. Во второй части «Истории» сведения о возведении церковных сооружений, городских стен тем или иным князем и другие указаны в основном правильно,¹² за некоторым исключением. Так, сказано, что Дмитрием Донским, якобы в память победы над Мамаем построена церковь пророка Елисея. В летописях об этом ничего не говорится, в литературе же указывается, что церковь св. пророка Елисея была построена в 1620 г. царем Михаилом «в память свидания его на том месте с отцем своим Филаретом».¹³ В царствование Федора Иоанновича, говорится в «Истории», построена Грановитая палата. Здесь, вероятно, описка. При Федоре стены Грановитой палаты впервые были покрыты росписью, построена же она была много раньше (90-е годы XV в.). Кроме того, не совсем точно следующее известие: согласно «Истории», «превелика пушка» в царствование Ивана III сделана Антоном Фрязиным, на самом деле она была отлита Павлином Фрязиным Дебосисом.

Неточно, как кажется, переданы в рукописи следующие имена и названия: вместо «Свибловой» башни — «Свирловая», вместо «Солари» — «Сонарии», вместо «Федор Конь» — «Федоров». Однако первое из на-

¹⁰ В этой части «Истории», использовавшей «сказку», имеются сведения о постройке Даниилом в Москве деревянной церкви Преображения на том месте, где впоследствии в 1330 г. Калитой будет выстроена каменная. Откуда оно заимствовано, обнаружить не удалось. В летописях церковь Спаса Преображения в Москве упоминается под 1319 г., но кем и когда она построена, не сказано. Поздние издания (И. Милютин. Описание Москвы и ее достопримечательностей... М., 1850; А. М. Павлинов. История русской архитектуры. М., 1894; М. Красовский. Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества... М., 1911, и др.), в которых это сведение повторено, тоже не разъясняют, на чем оно основывается.

¹¹ Подобные сообщения здесь сведениям известия встречаются в упомянутой же рукописи ГБЛ, собр. Муз., № 1841 второй половины XVIII в., на л. 157—157 об., среди различного рода выписок.

¹² Аналогичное этому сведению «Истории» известие о строительстве в Москве при Федоре Иоанновиче каменных приказов имеется во «Временнике», составленном на рубеже XVII—XVIII вв.: «того ж году (7099) на Москве в Кремле городе построены палаты каменные, что ныне Посолской приказ, Розряд, Поместной приказ, Казанской дворец, Большой приход и прочая» (Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года, в. 2, отд. II, стр. 45).

¹³ Историческое описание находящихся в России епархий, монастырей и церквей с показанием начала и строения оных. СПб., 1819, стр. 169. День пророка Елисея — 14 июня; битва же на Куликовом поле, по летописям, датируется 8 сентября. 8 сентября — день памяти преподобного Серапиона. Таким образом, и указание «Истории», что победа над Мамаем произошла в день пророка Елисея, неправильно.

званных слов в таком же написании встречается в документе XVII в. «Опись ветхостей в башнях и стенах московского Кремля, Китая города и Белаго города 1667 года».¹⁴ Что касается слова «Сонарии», то именно так Петр Антоний называется в часто встречающемся в рукописях XVII—XVIII вв. тексте-переводе латинской надписи на каменной доске Спасской башни. В тексте говорится: «...строитель же бысть Петр Антоний Сонъарии» (см., например, рукопись БАН, 34.6.59, л. 631 об., последняя четверть XVII в.). По-видимому, перечисленные названия в таком виде бытовали в живой речи, откуда они могли проникать и в документы, и в литературные произведения.

Эта вторая часть рукописи производит впечатление составленной по выпискам из материалов летописного характера. Трудно сказать, делал ли эти выписки сам Сумароков или они были сделаны еще кем-то до него. Вполне возможно, что при написании «Истории» Сумароков использовал уже готовую подборку материалов, касающихся Москвы, может быть, в какой-то степени подобную той, которая известна по рукописи ГИМ, собр. Муз., № 1582 второй половины XIX в. В этой рукописи собраны различные материалы, относящиеся к Москве. Среди известий о «начале Москвы» в ней находятся и обе древнерусские повести — «хронографическая» и «сказка», имеются в ней также сведения и о постройках в Москве.

Разбираемое сочинение — отнюдь не простое собрание отрывочных сведений о Москве. Это цельное и связанное повествование о «первоначалии и созидании» столицы. На протяжении всего текста произведения чувствуется рука его составителя. Может быть, «редактирование» обоих включенных в «Историю» сказаний и нельзя отнести целиком за счет автора. Так, «хронографической» повестью Сумароков мог пользоваться и с уже усеченным началом (в таком виде она встречается в рукописях ГИМ, собр. Муз., № 1582 и ГБЛ., собр. Муз., № 1841), но «сказка», можно думать, «приспособлена» для «Истории» им самим.

Связность текста достигнута тем, что в нем находят частое употребление такие слова, как «по нему», «тогда», «потом», «в тож лето», но основное, что придает сочинению видимость рассказа, а не просто собрания отрывочных сведений, — это авторские замечания, вкрапленные в изложение. Сумароков или уточняет что-либо (так, дважды по поводу построения церковей отмечает, что «сия церковь не та, которую мы ныне видим»), или растолковывает сказанное (например, дает объяснение слову «Фрязин»). Он осторожен в подходе к материалу. Положив в основу своей «Истории Москвы» два исключаящих друг друга источника о начале Москвы (в одном говорилось об основании Москвы Юрием, в другом — Даниилом), Сумароков считает нужным сделать при этом оговорку: «Начатаго повелением Георгия города населяемаго переведенцами, как по многому видно, более не было. Может быть остались онаго некоторыя неболшия слободы, которыя недостойны были примечания». Рассуждениям Сумарокова присущи сомнения. Он нередко употребляет такие слова, как: «кажется», «по мнению моему», «как по многому видно», «не знаю», «может быть».

Сочинение написано в середине XVIII в. (можно думать, в конце 50-х годов). Но даже если ни имя автора, ни время написания произведения не были бы известны, все равно можно было бы сказать, что создано оно не в XVII в. Многие встречающиеся в нем слова и фразеологические сочетания и синтаксические обороты характерны для времени более позд-

¹⁴ ЧОИДР, 1877, кн. 2, Смесь, стр. 3 и др.

него, чем XVII в. (иностранный слово «архитект» появилось в употреблении только в начале XVIII в.; см. также выражения: «ныне видим под именем „Успенского собора“», «в должности супружества» и др.). Стилистические его особенности напоминают ту манеру, в которой писались исторические труды XVIII в.

XVIII век по сравнению с XVII — это новая ступень исторического сознания. Исторические работы этого времени говорят о появлении у их авторов нового отношения к материалу: критический подход к источникам, стремление давать свое собственное истолкование фактам, постоянные рассуждения по тому или иному поводу, выяснение противоречий источников и т. д. Эти особенности характерны и для данного сочинения.

Каким материалом, печатным или рукописным, мог располагать Сумароков, когда писал «Историю»? Думается, что последним. Повести о начале Москвы, использованные Сумароковым, насколько нам известно, в 50—60-х годах XVIII в. еще не были изданы. Характер всех остальных сведений, встречающихся в «Истории», склоняет думать, что Сумароков пользовался материалами летописными, быть может выписками из летописей, с соответствующими же летописями в то время можно было ознакомиться только в рукописи, они также еще изданы не были. Рукописные материалы могли быть у Сумарокова дома, он мог работать над ними и в библиотеке Академии наук (до 1769 г. Сумароков жил в Петербурге).

На вопрос, что побудило Сумарокова обратиться к написанию краткой истории Москвы, ничего определенного ответить пока нельзя. Как видно из упомянутых выше исторических сочинений Сумарокова, его интересовала русская древность. Можно думать, что данная статья Сумарокова явилась ответом на особенно проявившийся в то время интерес в некоторых слоях общества к прошлому первой русской столицы.

О неослабном интересе к Москве, к ее памятникам свидетельствует немалое количество работ, вышедших во второй половине XVIII в. и посвященных этому городу.¹⁵ Да и самое сочинение Сумарокова, по-видимому, пользовалось популярностью. Не говоря уже о том, что его использовали позднее при составлении «описаний» города Москвы,¹⁶ оно распространялось в рукописях. Так, в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР в собрании Н. П. Лихачева под № 43 хранится рукопись с текстом сочинения Сумарокова.¹⁷ И в этом есть любопытная сторона: произведение, вышедшее из древнерусской традиции, написанное на древнерусский сюжет, «История» Сумарокова начинает испытывать судьбу древнерусского сочинения.

Хотя «Историю» свою Сумароков и доводит до «нынешнего» времени, перечисление строений, возведенных в Москве, он заканчивает на времени

¹⁵ Роспись московских церквей соборных, монастырских, ружных... внутрь и вне царствующего града состоящих. М., 1778; В. Г. Рубан. Описание императорского столичного города Москвы... СПб., 1782; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии... с прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах и монастырях и знаменитых церквах. М., 1787; Путеводитель к древностям и достопамятностям московским... чч. I—IV. М., 1792—1793; М. Ильинский. Опыт исторического описания о начале города Москвы... М., 1795. (Приношу благодарность М. К. Каргеру за любезно предоставленную возможность использовать его картотеку по московской архитектуре).

¹⁶ См., например: Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы с приобщением генерального и частных ея планов. Изд. Т. Полежаева. М., 1796. В это «описание» сочинение Сумарокова попало через его же «Краткую московскую летопись», включавшую текст статьи «О первоначалии и созидании Москвы».

¹⁷ Рукопись третьей четверти XVIII в., в 4°, представляет собой отдельную тетрадь в папачном переплете XVIII в.; писана красивым крупным полууставом на плотной бумаге. Текст исправный, каждый лист рукописи обрамлен, заглавие и заглавные буквы слов, начинающих новую строку, писаны кинноварью.

Федора Иоанновича. Возможно, он делает так потому, что «История Москвы» есть история памятников столицы, а ко времени Федора основные постройки в Москве были уже окончены.

Итак, сочинение А. П. Сумарокова «О первоначалии и созидании Москвы» представляет собой одну из первых попыток создания истории столицы — «Истории Москвы». Истории Москвы было посвящено несколько повестей, но в них говорилось преимущественно о возникновении столицы. В этом же сочинении наличествует стремление охватить всю историю города.

Произведение входит в круг исторических сочинений XVIII в. и представляет интерес тем, что в нем, так же как и в этих последних, чувствуются уже элементы научной критики текста. Но «История» Ломоносова, Щербатова — это история целой страны, сочинение же Сумарокова — история одного города, история строения Москвы, история ее материальных памятников. И с этой точки зрения она представляет особый интерес.

Ю. К. БЕГУНОВ и А. М. ПАНЧЕНКО

Археографическая экспедиция сектора древнерусской литературы в Горьковскую область

В июне 1957 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР организовал археографическую экспедицию в Уренский, Тонкинский и Семеновский районы Горьковской области с целью поисков и собирания древнерусских рукописных книг. В состав экспедиции, организованной В. И. Малышевым, входили аспирант Сектора древнерусской литературы Ю. К. Бегунов и студент V курса филологического факультета Ленинградского университета А. М. Панченко.¹ Наш путь лежал в места, воспетые П. И. Мельниковым-Печерским и В. Г. Короленко, в места, некогда бывшие уголками кондовой, старообрядческой Руси.

В Керженские, Ветлужские и Уренские леса издавна, со второй половины XVII в., бежали из Москвы, с Волги и из других мест Русского государства, спасаясь от помещичьего гнета, безземелья и нищеты, от преследования царского правительства и «никонианской» церкви, ревнители «старой веры», крестьяне и холопы, участники разинского восстания. По рекам Керженец, Ветлуга и их притокам возникли первые скиты. Наиболее известными скитами были следующие: Смольяны (основан в 1656 и разрушен в 1694 г.), Шарпан (основан в 1676 г. соловецким иноком Арсением), Комаров и Манефин, Оленев, Чернухинский, Улангер и др. В районе Уреня возникло три скита. Красноярский скит по реке Усте, в 13 км ниже Уреня, был основан одним монахом соловецкого монастыря. Мокридинский скит был по речке Бычихе на месте нынешнего «Мокридина поля». Третий скит — по речке Арье, в лесу, между деревнями Шишкино (Потаповка) и Стафеево. Теперь это место называют Крапивники.

В первой четверти XVIII в. в Керженских лесах насчитывалось 77 скитов. Церковь и государство жестоко преследовало старообрядчество. Нижегородский архиепископ Питирим разорил и сжег керженские и чернораменские скиты. Спасаясь от преследований, старообрядцы бежали дальше в глухие лесные чащобы, где могли еще укрыться от преследований. В 20—40-е годы XVIII в. возникло более 50 населенных пунктов по реке Усте (на территории современного Тонкинского района) и к северу от Уреня в направлении на Ветлугу. Урень становится крупным населен-

¹ В Горьковской области, в Городецком, Ковернинском и Семеновском районах, в прошлом году побывала археографическая экспедиция Рукописного отдела Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в составе научных сотрудников Я. Н. Шапова и Б. А. Шлихтера. В этом году археографическая экспедиция ГБЛ снова побывала в Горьковской области; начав работу в Семенове, она потом продолжала поиски на северо-востоке, в Залесном районе, в 80—100 км от Горького (см.: ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 613—618; Вечерняя Москва, 1957, № 138, 13 июня).

ным торговым центром. Население прибывало с Керженца (так возникло село Семеново Уренского района), с Вятки и Ветлуги, с Волги и Москвы. До сих пор в языке здешних мест еще сохранились старомосковские, вятско-ветлужские и керженские черты.

В начале XIX в. наступление церкви против старообрядчества усиливается. В Урене и в Карпове строятся православные церкви, миссионеры отправляются по селам и деревням. В 50-х годах XIX в. царский чиновник, впоследствии видный писатель, П. И. Мельников-Печерский произвел разгром керженских и уренских скитов. В 1853 г. солдаты сожгли Мокридинский скит, а жителей выселили на север (ныне деревня Средняя Ворошиловка) и на юго-восток от Уреня (ныне деревня Коротенское Тонкинского района). Был уничтожен и Красноярский скит. Его монахи вместе с игуменом Михаилом были арестованы за изготовление фальшивых денег («красноярок»).

Несмотря на преследования, старая вера долго держалась в Заволжских лесах. Еще в начале XX в. в Уренском крае, например, было 5 православных часовен, а старообрядческих 23. В Урене существовали одновременно церковь православная и старообрядческие церкви белокриничкая и беспоповского согласия. Вплоть до XX в. просуществовали кельи монахинь по улице Занечайка в Урене, около старoverческого кладбища. В Уренских и Тонкинских лесах находилось немало скрытых часовен и гробниц местных святых, а в каждой деревне еще существовали «мсленные дома». Семеновский, а особенно Уренские и Тонкинские районы были «медвежьими углами» царской России. Потомки старообрядцев еще до сих пор называют себя «кулугурами», «старoverами», «христианами». Пережитки дедовского быта еще сохраняются в деревне, сохраняются и ныне вышедшие из употребления старинные дедовские книги.

Скиты были своеобразными центрами распространения грамотности. С Керженца вышли известные расколоучители и старообрядческие писатели — дьякон Александр, Григорий Талицкий, Иона Курносый. Заволжские книжники пользовались непререкаемым авторитетом в старообрядческих кругах Ветки, Рогожского кладбища, Иргиза. Скиты владели большими библиотеками. Старожилы рассказывают, что понадобилось несколько подвод, чтобы вывезти книги из Комаровского скита (в 15 км от Семенова). Немало книг вывозилось местными торгашами для продажи на Нижегородскую ярмарку и в другие места.

Главными хранителями рукописной старины были старообрядческие начетчики и грамотные люди, знавшие церковнославянский язык. Но с каждым годом все меньше становилось лиц, переписывавших и хранивших старинную книгу, с каждым годом все больше рукописей гибло от времени. В. С. Кузьмичев, житель села Ларионово Семеновского района, рассказал нам, что не так давно он «пустил по воде» рукописные святцы. Очень часто книги гибли от пожара и невежественного отношения к ним со стороны населения. Сбирать рукописные книги в Горьковской области надо как можно скорее.

5 июня наша экспедиция прибыла в Урень. На следующий день, предварительно распросив в райкоме КПСС и в редакции местной газеты о старoverах-книголюбках, мы начали наши поиски. Старопечатные книги встречались у уренских жителей часто: у И. П. Кудрявцева, например, мы обнаружили целую библиотеку, насчитывающую несколько десятков книг, среди которых были старопечатные Минеи первой половины XVII в. Однако рукописей в самом Урене найти не удалось, если не считать сборника канонов XIX в., написанного крестьянином Черногоровым из деревни Титково. Эта первая находка доставила нам большую радость.

От Урениа мы отправились на восток, по долине реки Усты. Еще в Урене мы получили сведения о книжниках, проживающих в ближних деревнях, и в каждом селе узнавали все новые адреса. Двигаясь от села к селу, преимущественно пешком, делая в день по 15—25 км, мы обследовали за две недели 27 населенных пунктов: Климово, Мокроносово, Темта, Титково, Шалега, Безводное, Песочное, Бобылевка, Арья, Карпово, Шароновка, Шитово, Красильниково, Симеоново, Большие Зеленые Луга, Кудряшино, Горячий Ключ, Большое Сидорово, Набережная, Фомино, Захарово, Боровское, Малое Сидорово, Малое Ларионово, Тонкино, Берники, Плотниково. Здесь нам удалось приобрести более 50 рукописных книг. Больших рукописных собраний нам не встречалось: обычно среди массы распространенных богослужебных старопечатных книг удавалось обнаружить 2—3 и редко больше рукописей.

В Уренском и Тонкинском районах до сих пор сохранились старообрядцы почти всех согласий: поповцы, беглопоповцы, перекрещенцы, старообрядцы поморско-даниловского согласия (последних особенно много в Тонкинском районе) и др. Встречаются также баптисты, штундисты, адвентисты 9-го дня, но у этих последних книг не имеется. Поморская секта в Тонкинском районе еще до сих пор сохраняет интерес к переписке полемических статей.

Рукописная традиция очень долго сохранялась лишь среди старообрядцев. В деревнях еще помнят о местных писцах и писателях. В деревне Большие Зеленые Луга еще жива память о Василисе Матвеевiche Новикове, «ученом человеке», который умер около четверти века назад. Нам удалось найти берестяной короб В. М. Новикова. В нем оказалось: Октоих последней четверти XVI в., житие Корнилия Выговского, Повесть о тайном царствии Антихриста, несколько сборников стихов, интересная переписка В. М. Новикова с керженскими и казанскими старообрядцами, сборники старообрядческих полемических сочинений и др. Найдены были гусиное перо и карамса, принадлежавшие В. М. Новикову.

Из местных любителей книжной старины можно отметить Егора Ефимовича Ухабова (деревня Климово), отец и дед которого сами переписывали пришедшие в ветхость книги. Большими любителями книг являются Самсон Дмитриевич Шестоперстов (Большие Зеленые Луга), Порфирий Трифонович Корешков (деревня Горячий Ключ), Осип Павлович Сизов (деревня Шалега), Максим Васильевич Буторин (село Тонкино), в собрании которого имеется несколько сборников старообрядческих полемических сочинений.

От Тонкино мы на машине добрались до железнодорожной станции Шахунья и 21 июня прибыли в город Семенов. Поиски в Семеновском районе носили характер разведки. Из-за недостатка времени нам не удалось полностью обследовать этот район, славившийся некогда множеством скитов и ученостью старообрядцев. В самом городе Семенове и в селе Хвостиково мы приобрели несколько нотнокрюковых рукописей XVIII в. и несколько сборников духовных стихов. Найти большие библиотеки рукописей нам не удалось и здесь. Мы встречали не более 1—2 рукописей у одного владельца.

От Семенова мы направились сначала к северу, а затем к северо-западу. Здесь было обследовано 10 населенных пунктов (Деаново, Пафнутово, Сопы, Плюхино, Ключи, Елфимово, Комарово, Васильево, Рождественское, Ларионово). Здешние старожилы еще помнят о скитах: нам показывали остатки Комарова и Манефина скитов. Больших начетчиков и собирателей книг нам не встречалось. Как и в Тонкинском и Уренском районах, старинные книги сохраняются здесь только по традиции, как

дедова память. Старообрядчество в этом районе менее устойчивое, чем в описанных выше. Старинных книг в Семеновском районе сохранилось меньше, но по содержанию они интереснее: встречается больше сборников светских произведений, меньше полемических сочинений.

В Семеновском районе было приобретено 10 рукописей, в том числе Апокалипсис (лицевой), второй половины XIX в., «Хождение» Трифона Коробейникова (XIX в.), Цветник, переписанный Сергеем Ульяновичем Даниловым, жителем деревни Мордвинки, в 1874 г., и др.

Вскоре мы прибыли в село Владимирское (оно находится в Воскресенском районе), расположенное в полукилометре от озера Светлояр. В селе Владимирском и в окрестных деревнях рукописи не встречались. Даже старопечатные книги попадались довольно редко. Списков «Китежского летописца», о которых нам рассказывали в деревнях, мы не нашли.

Из Владимирского мы пошли к селениям, расположенным по среднему течению Керженца, продолжая по пути поиски рукописей. Через населенные пункты Никитино, Лобачи, леспромхозовский Кордон мы добрались до узкоколейной железной дороги и проехали через район лесоразработок до реки Керженца.

Лыково, Хомутово, Хахалы, раскинувшиеся близ Керженца, некогда были центрами старообрядчества. Однако рукописей в них нам разыскать не удалось. В ответ на наши распросы старожилы указывали на восток, в сторону деревень Желнуха, Орехи, Нестиары, где будто бы еще сохраняются старинные книги. Из-за недостатка времени нам не пришлось побывать в этих деревнях.

30 июня мы вернулись в Горький. Из Горького Ю. К. Бегунов совершил разведочную поездку в Балахну, но рукописей в этом городе не оказалось. Местные краеведы советовали поехать в Городецкий район и в направлении на северо-запад от Городца, где, по их сведениям, должны быть рукописные книги.

По приезде из Балахны Ю. К. Бегунов познакомился с собранием рукописей областного музея. Выяснилось, что в музее имеются рукописные книги, не попавшие в печатные описания. Работники музея и библиотеки сообщили, что у населения города Горького тоже могут найтись рукописные книги, но проверить эти сведения нам не удалось.

Всего в экспедиции мы приобрели больше 80 рукописных книг XVI—XX вв., обследовав за 25 дней 46 населенных пунктов. По времени написания рукописи распределяются так: XVI в. — 2 рукописи, XVII в. — 3 рукописи, XVIII в. — 12 рукописей, XIX в. — 37 рукописей, XX в. — более 32 рукописей. Содержание рукописей разнообразно. Среди них встречаются литературные, исторические произведения, стихотворения, старообрядческие полемические сочинения и т. д.

Основные трудности нашей работы заключались в том, что рукописные книги их владельцы не всегда соглашались отдать, а порой и вовсе отказывались что-либо показывать. Необходимо было долго и настойчиво разъяснять цели и задачи нашей экспедиции и значение вышедших из употребления старинных книг как памятников национальной культуры. Местные партийные и советские организации помогали нам. Инструктор Уренского райкома КПСС Фатей Иванович Булганов несколько дней сопровождал нас. В колхозах, в редакциях местных газет, в райкомах и райисполкомках мы всегда встречали людей, готовых помочь в наших поисках. Уренская газета «Колхозная Искра», «Семеновская правда», «Горьковская правда», газета Тонкинского района помещали на своих страницах корреспонденции об экспедиции, которые очень облегчили нашу работу с населением.

В Уренском и Тонкинском районах, на наш взгляд, еще целесообразно продолжать поиски рукописных книг: здесь нам не удалось побывать на местах бывших скитов. Не исключены находки отдельных интересных рукописей и в Семеновском районе, но разыскать большие собрания рукописной книги вряд ли представляется возможным. Ниже мы публикуем краткую охранную опись рукописных книг, собранных в Горьковской области.

1. Рукописи исторического и литературного содержания

1. Житие Григория Омиритского, второй четверти XVI в., в 4-ку, 169 лл., полуустав, переходящий в скоропись, переплет дощатый, покрытый черной кожей, с одной железной застежкой. Текст без конца. На верхнюю доску переплета наклеен лист со скорописными записями XVII в., на 1-м листе неразборчивая запись 1851 г. Приобретена от О. П. Сизова (деревня Шалега Уренского района).

2. Сборная рукопись, конца XVII—первой половины XVIII в., в 8-ку, 481 лл., полуустав нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый черной кожей, сохранность переплета плохая, от верхней крышки осталась половина доски. Содержание: слова и поучения Максима Грека, Иосифа Волоцкого, Григория Богослова, Василия Великого, аввы Дорофея, Иисуса Сираха, Григория Синаита, Иоанна Богослова, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Кирилла Александрийского, Иоанна Лествичника и др., выписки из Великого Зеркала и др.

3. Сборная рукопись, первой четверти XVIII в., в 8-ку, 93 лл., полуустав, на лл. 84, 93 об. имеются скорописные приписки, переплет — доски в коже. Содержание: отрывки произведений «о царстве Московском», «Иоасафа царевича великия Индии», каноны митрополитам Петру и Алексею, старопечатный канон трем святителям (на лл. 71—83).

4. Сборная рукопись, последней четверти XVIII в., в 4-ку, 191 лл., полуустав нескольких почерков, без переплета, на лл. 159—169 (на полях) множество скорописных приписок. Содержание: Соловецкая челобитная, житие Георгия, видение Макария Египетского, извлечения из Пчелы, старообрядческие полемические сочинения «о старопечатных и новопечатных книгах» и др. Приобретена от С. Д. Шестоперстова (село Большие Зеленые Луга Тонкинского района).

5. Сборная рукопись, последней четверти XVIII в., в 8-ку, 210 лл., полуустав разных почерков, переплет — доски в коже. На л. 209 владельческая запись крестьянина деревни Ларионово Сергея Игнатьева Сухорева. Содержание: Скитское покаяние, Сказание о хмельном питии, слово Кирилла Философа «о хмелю упивающимся им», выдержки из Патерика, статья «о некоей жене гневливой», поучения и слова отцов церкви, каноны.

6. Сборная рукопись, последней трети XVIII в., в 8-ку, 251 лл., полуустав и скоропись, без переплета, в конце и начале рукописи недостает нескольких листов. Содержание: жития Алексея, человека божия, Марины, Анастасии, Марии Египетской, слова и поучения Василия Великого, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Палладия Мниха, выдержки из Патерика, Великого Зеркала, святцы и пасхалия. В рукописи встречаются приписки бытового характера, например: «Я седни больнѣ устал. Шел с Уреня, на силу и дошел» (л. 89). Приобретена от И. Л. Корпачева (деревня Б. Сидорово Тонкинского района).

7. Сборник, конца XVIII в., в 4-ку, 50 лл., скоропись, переплет бумажный, обклеенный холстом, нижняя крышка переплета не сохранилась. В рукописи недостает последних листов. Содержание: отрывки из сочине-

ний Иосифа Волоцкого, Григория Богослова, Ефрема Сирина, Кирилла Иерусалимского, выдержки из Маргарита, Катехизиса, Звезды пресветлой, Великого Зеркала, Кормчей, Стоглава. Приобретена от Порфирия Трифоновича Корешкова (деревня Горячий Ключ Тонкинского района).

8. Сборная рукопись, конца XVIII в., в 8-ку, 523 л., полуустав, переплет — доски в коже, в плохой сохранности. В начале и конце утеряны листы. Содержание: жития Иоанна Богослова, Марины, слова и поучения Василия Великого, Иоанна Лествичника, Иоанна Златоуста, Иоанна Богослова, Макария, Антиоха, Палладия Мниха, аввы Дорофея, повести и извлечения из Скитского патерика (об Арефе черноризце), Лимониса, Пчелы, Катехизиса, Старчества, Великого Зеркала, Цветника духовного, Пролога, Евангелия, повесть о дьяконе Федоре, Страсти Христовы и др.

9. Сборник, начала XIX в., в 4-ку, 120 л., полуустав, переплет дощатый, обтянутый кожей, одна медная застежка, имеется несколько миниатюр. В рукописи недостает нескольких листов (после л. 16). Содержание: Хожение Трифона Коробейникова, жития Феоктиста, Нила Постника, житие и поучение Ефрема Сирина, статьи уставного и учительного характера. Приобретен в селе Рождественском Семеновского района.

10. Сборная рукопись, первой четверти XIX в., в 4-ку, 40 л., скоропись, переплет — доски в коже. Содержание: выдержки из Уложения Алексея Михайловича 1649 г., из Четвх Миней митрополита Макария, из Кормчей, Маргарита, Апокалипсиса и др. Приобретена от А. И. Суслова (село Хвостиково Семеновского района).

11. Сборная рукопись, второй половины XIX в., в 8-ку, 22 л., подражание полууставу, текст без конца. Содержание: Сон богородицы, Сказание о 12 пятницах, Иерусалимский свиток. На рукописи имеются читательские приписки. Приобретена от П. В. Галкина (деревня Большое Сидорово Тонкинского района).

12. Сборная рукопись, второй половины XIX в., в 8-ку, 8 л., подражание полууставу, переплет картонный. Содержание: Сон богородицы и молитвы архистратигу Михаилу, богородице и др. На переплете — выписки из Псалтыри и Евангелия. Рукопись из деревни Хвостиково Семеновского района.

13. Сборная рукопись, составленная из нескольких тетрадей, второй половины XIX—начала XX в., в 8-ку, 91 л., скоропись, переплет картонный. Содержание: Месяцеслов, Повесть о вине, стихи о Ноевом потопе, об Иоасафе царевиче, о памяти смертного часа, о смерти, о монастырском житии, поучение о ленивых, слова Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, выписки и отдельные статьи из Пролога, Патерика, Катехизиса, Кормчей, Пасхалии и др. На л. 91 приписка: «Писал вногрешный в человецех Лазарь Васильев Соколов. От Адама лет 7413 года (1906) генваря 4 дня». Приобретена от П. Т. Корешкова (деревня Горячий Ключ Тонкинского района).

14. Сборная рукопись, разных почерков, второй половины XIX в., в 8-ку, 144 л., полуустав и скоропись, переплет картонный, покрытый кожей. Содержание: Марково показание, отрывки из сочинений Иосифа Волоцкого, Максима Грека, стихи на рождество и воскресение Христово, отдельные статьи и выписки из Кормчей, Пролога, Катехизиса, Маргарита, Скитского Патерика, отрывки из сочинений Кирилла Александрийского, Василия Великого, Никона Черногорца и др. Имеются две владельческие приписки Лазаря Васильевича Соколова, настоятеля большого моленного дома в Больших Зеленых Лугах, в 1906 г.

15. Повесть о тайном царствии Антихриста соловецкого инок Феоктиста, второй половины XIX в., в 8-ку, 104 л., полуустав, нижняя крышка

переплета — картон в коже, верхняя крышка отсутствует. Повесть принадлежала местному переписчику книг Василису Матвеевичу Новикову (село Большие Зеленые Луга Тонкинского района).

16. Сборная рукопись, второй половины XIX в., в 4-ку, 793 л., полуустав, переплет — доски в коже, с одной медной застежкой. Содержание: житие Георгия, житие и службы Иоанну Богослову, Иоанну Златоусту и др.

17. Сборная рукопись, второй половины XIX в., в 4-ку, 184 л., полуустав и скоропись, без переплета. Внизу на обороте л. 114 приписка: «сия книга деревни Чистомежного крестьянина Петра Васильевича Овчинникова». Содержание: Грамматический разум, уставы Соловецкого и Кирилло-белозерского монастырей, поучения Иоанна Златоуста, Никона Черногорца, Григория Назианского, Тимофея Александрийского, Зиновия Мниха, Григория, папы римского, Иоанна Никейского, выписки из Апостола, Псалтыри, Кормчей, Макарьевских Четы-Миней, уставы о постах, молитвах и службы святым и др.

18. Сборная рукопись, второй половины XIX в., в 8-ку, тетрадь, 13 л., полуустав. Содержание: стих «Газета из ада», выписки из патерика Скитского, Драгоценного бисера, Евангелия и др.

19. Сказание о рождении Иисуса Христа, второй половины XIX в., в 4-ку, 24 л., полуустав, переплет картонный со следами кожи, которой ранее был обит переплет.

20. Сборник, 1874 г., в 8-ку, 398 л., полуустав, переплет дощатый, обтянутый кожей, с тиснением, с двумя медными застежками. На л. 397 об. приписка: «Сия богодухновенная книга Цветник имеет 410 листов. Писанная от рождения Христова 1874 г. Аз многогрешный деревни Мордвинок Сергея Ульянова Данилова. От Адама лет 7381 (1873)». Содержание: жития Козьмы и Демьяна, Иоанна архиепископа Новгородского, Феодоры, Гурия, Самона и Авива, Симеона Столпника, Василия Нового, Григория Армянского, Повести о хмеле и об иконе Казанской Богородицы, выписки из Пролога, Апостола, статьи уставного и учительного характера и др.

21. Сборная рукопись, 1886 г., в 4-ку, 525 л., подражание полууставу, переплет дощатый, обтянутый плотной материей. Несколько листов в тексте недостает. На л. 525 приписка: «Написана сия книга в 1886 году. Писал Иван Иванов Комаров. Окончена в июне месяце в 3 день. Конец и богу слава. Аминь». Содержание: Мартыново увещание, видение Макария Египтянина, слово Василия Великого о хмельном питии, жития Пафнутия Египетского, Алексея, человека божьего, Георгия, Онуфрия, Марии Египетской, Евдокии, отрывки из сочинений Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Симеона Дивногорца, Кирилла Иерусалимского, Палладия Мниха, отдельные статьи и выписки из Пролога, Маргарита, Катехизиса, Евангелия и др. Приобретена от Т. В. Щепочкиной (деревня Боровское Тонкинское района).

22. Сборная рукопись, последней четверти XIX в., в 4-ку, 297 л., полуустав, переплет — доски, обшитые материей, одна железная застежка. На обороте л. 25 владельческая приписка крестьянина деревни Большая Шалега Антона Петровича Смирнова. На л. 69 приписка: «писаль Петр Аверьянов Смирнов». Содержание: Повесть об убиении Бориса и Глеба, Сказание о хмельном питии, жития Алексея, человека божьего, Марины, Повесть дьякона Федора о Петре и Евдокиме, Прения дьякона Федора с митрополитом Афанасием Иконийским, «Слово о черноризце, его же изъят блаженный Андрей от диявола», выписки из Печерского и Египетского Патериков, Кормчей, Великого Зеркала, Поучение о ленивых, Поучения Иоанна Златоуста, пророчество Исаино, службы и каноны.

23. Сборник, конца XIX в., в 8-ку, 152 л., полуустав, переплет бумажный. Содержание: старообрядческие полемические статьи, выписки из слов Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Кормчей и др. Сборник составлен братом Татьяны Степановны Поспеловой (деревня Горячий Ключ Тонкинского района).

24. Сборник, конца XIX в., в 8-ку, 18 л., полуустав, переплет картонный. Содержание: копия с двух писем 1881 г., содержащих полемику между иноком Киприаном и Московской Преображенской старообрядческой общиной. Получена от М. В. Буторина (село Тонкино).

25. Сборник, конца XIX—начала XX в., в 4-ку, 275 л., скоропись, переплет — доски, обшитые материей. Содержание: Соловецкая челобитная, статьи о Никоновых изменениях греко-русской церкви, единоверческой церкви, белокриницкой церкви, вопросы и ответы митрополита Кирилла Белокриницкого, статьи богословского и полемического характера о чловеке, перстосложении, кресте и другие и краткая летопись от сотворения мира. Приобретена от Н. Г. Хлюнева (деревня Лобачи Воскресенского района).

26. Сборник, конца XIX—начала XX в., в 4-ку, 58 л., полуустав, без переплета, конца недостает. Содержание: выдержки из Соловецкой челобитной, Слова и правила Максима Грека, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Андрея Юродивого и др.

27. Сборная рукопись, конца XIX—XX в., в 8-ку, 20 л., полуустав, переплет картонный в плохой сохранности. На 1-м листе владельческая запись Сидора Ивановича Сулова (Хвостиково Семеновского района). Содержание: стих об Адаме и стих о страшном суде.

28. Стих о распятии, конца XIX—XX в., в 8-ку, 8 л., полуустав, без переплета.

29. Стих о потопе, конца XIX—XX в., в 8-ку, 5 л., полуустав, без переплета.

30. Житие Корнилия Выговского, конца XIX—начала XX в., в 4-ку, 22 л., подражание полууставу, без переплета. Рукопись написана В. М. Новиковым.

31. Стих об убиенном, XX в., в 8-ку, 2 л., почерк — новейший полуустав.

32. Сборная рукопись, XX в., в 8-ку, 49 л., полуустав и скоропись, тетрадь, обложка картонная. Содержание: стих прощальный, стих Николе, рождеству, стих об Аврааме, стих «как шумит морская пучина...», стих о несчастной судьбе. Приобретена от А. С. Новиковой (село Бердники Тонкинского района).

33. Сборная рукопись, начала XX в., в 4-ку, переплетена вместе с печатным «Осмогласником» (М., 1909) (на лл. 55—138), 145 л., полуустав нескольких почерков, переплет картонный. Содержание: житие Ипполита, папы римского, Иоанна римлянина, Аптека духовная, Мартыново увещание (нач.: «В царствующем граде Москве увещание бывшее в духовной концыстории»), без конца, крестьянское письмо Агриппине Хрисановне. Приобретена от И. Н. Булганова (деревня Бобылевка Уренского района).

34. Сборник, XX в., тетрадь, 21 л., скоропись. Содержит старообрядческие богословские статьи о молитве, крещении и др.

35. Сборник, XX в., тетрадь, 29 л., скоропись. Содержит письмо старообрядца полемического характера (о покаянии) и др. Рукопись, как и предыдущая, получена от М. В. Буторина (Тонкино).

36. Сборник, XX в., в 8-ку, 7 л., полуустав, без переплета. Содержание: вопросы и ответы «о мирских притчах», слово от Старчества (об иноке Захарии), выписки из книги «Камень веры». На обороте последнего

листа владельческая запись Василиса Матвеевича Новикова (Большие Зеленые Луга).

37. Сборник, новейшего письма, к 4-ку, 10 лл. Содержание: указания к гаданию на картах и стихи альбомного характера.

38. Сборная рукопись, новейшего письма, в 8-ку, 124 лл., без переплета. Текст без конца. Содержание: житие Андрея Юродивого, повести из Великого Зерцала и др. Рукопись написана В. М. Новиковым.

39. Сон богородицы и Сказание о 12 пятницах, новейшего письма, в 8-ку, 14 лл., в начале не хватает нескольких страниц. На обороте л. 14 владельческая приписка. Приобретена от И. Е. Красильникова (село Сидорово Тонкинском районе).

40. Сон богородицы и Иерусалимский свиток, новейшего письма, в 16-ю долю листа, 8 лл., не хватает нескольких листов в начале и в конце.

41. Послание жителям Костромских окрестностей Урениа от казанских старцев от 16-го декабря 1903 г., в 4-ку, 2 лл., скоропись, без переплета. Послание адресовано старцам Афанасию Ивановичу и Ерофею Кондратьевичу. Приобретена от В. М. Новикова (Большие Зеленые Луга).

42. Письмо Е. И. Перова к В. М. Новикову о составлении ответов против «бражников», от 4 января 1913 г., 1 л.

43. Письмо Е. И. Перова к В. М. Новикову о покупке хлеба, о земских и потребительских главках, от 1913 г., 1 л.

44. Открытка Е. И. Перова к В. М. Новикову с просьбой прислать духовные стихи, от 23 марта 1913 г.

45. Письмо Е. И. Перова к В. М. Новикову с просьбой списать 3 службы из общей Миней, от 3 ноября 1915 г., 1 л.

46. Письмо Е. И. Перова к В. М., Д. М., Е. М. Новиковым о присылке «книг древних», от 1921 г., 2 л.

47. Письмо Е. И. Перова к В. М. Новикову о «грехах казанского отца Ивана Васильева», с интересными бытовыми подробностями, без даты, 2 лл.

48. Письмо Е. И. Перова к В. М. Новикову, разрозненные листки, без начала и конца.

49. Письмо В. М. Новикова к Е. И. Перову о посылке книг горбуновской печати, черновик, от 1913 г., 1 л.

50. Письмо В. М. Новикова к Е. И. Перову с интересными бытовыми подробностями, без даты, 3 лл.

51. Письмо В. М. Новикова к Е. И. Перову, о «конце мира» и о посылке книг, черновик, без даты, 1 л.

52. Письмо к старообрядцам Казанской общины с вопросами относительно управления общиной, без даты, 1 л.

53. Удостоверение В. М. Новикова, выданное ему старообрядцами, за подписью и печатью Лазаря Васильевича Соколова, без даты.

54. Письмо Ерофея Кондратьевича, духовного отца молитвенного дома деревни Большие Зеленые Луга, «ко всем верным христианам» о «милостыни» для покупки книг, пропитания сирот и т. п., без даты, от письма сохранился только последний лист.

55. Письмо к старообрядцам о распре, возникшей при погребении и поминании умершей христианки, без даты и упоминания конкретных лиц, 2 лл.

56. Письмо к В. М. Новикову от жены, 8 февраля 1921 г., 2 лл.

57. Письмо инокинь московской Покровской старообрядческой обители, 1928—1929 гг., в 4-ку. Приобретено от А. С. Новиковой (деревня Бердники Тонкинского района).

58. Письмо к неизвестному адресату, содержащее извлечения из Псалтыри, Евангелия, Апокалипсиса и др., от 8 февраля 1940 г., 1 л.

59. Форма письменной исповеди, новейшего письма, скоропись, 2 лл.

60. 186 разрозненных листов, XIX—XX вв., полууставной и скорописной почерки. Среди них имеются: листок из Повести о Варлааме и Иоасафе, переписка В. М. Новикова с керженскими и казанскими старообрядцами, выписки о производстве сахара, листы из сборников полемического и догматического содержания, «рассуждение о имени Иисус», выписки из сочинений Максима Грека, Иоанна Дамаскина, Иоанна Богослова и др., из Катехизиса, Маргарита, Кормчей и др.

2. Церковно-служебные рукописи

61. Октоих, последней четверти XVI в., в 4-ку, 207 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей с тиснением. 1-й лист — вклейка конца XVIII в. Имеется несколько владельческих приписок XVII—XVIII вв. Приобретена от В. М. Новикова (Большие Зеленые Луга).

62. Катехизис, последней четверти XVII в., в 4-ку, 356 л., красивый мелкий полуустав, переходящий в скоропись, переплет дощатый, обшитый кожей. На верхней крышке переплета владельческая надпись крестьянина деревни Бобылевки Якова Кириллова.

63. Псалтырь, конца XVII—первой четверти XVIII в., в 8-ку, 208 лл., витиеватая скоропись, переплет — доски в коже, одна железная застежка, кожа на переплете местами повреждена. В конце рукописи влетены несколько листов, написанных другим, полууставным почерком. Они содержат общий канон.

64. Канонник, середины XVIII в., в 8-ку, 20 лл., скоропись, переплет бумажный. В рукописи недостает конца.

65. Октоих, крюковой, третьей четверти XVIII в., в 4-ку, 181 лл., переплет — доски в коже, с двумя застежками. На листах 1 и 181 скорописная владельческая запись крестьянина Семена Александровича Чепова из села Трубина. Содержит «Осьмигласник» Иоанна Дамаскина.

66. Минея с дополнениями, третьей четверти XVIII в., в 4-ку, 242 лл., полуустав, верхняя крышка переплета отсутствует, нижняя крышка — доска в коже. На л. 108 об. владельческая приписка крестьянина Николая Смирнова. На обороте л. 170 владельческая приписка крестьянина Якова Николаевича Сигунова. Содержание: до л. 169 — служебная Минея, от марта до февраля, с л. 169 — каноны и тропари Иоанну Златоусту, Иоанну Богослову, выписки из Евангелия и Апостола.

67. Псалтырь, третьей четверти XVIII в., в лист, 313 лл., крупный полуустав, переплет — доски в коже с жуковинами, верхняя крышка оторвана, застежки отсутствуют. На обороте 2 л. наклеена миниатюра из старопечатной книги, изображающая царя Давида. В начале третьего листа заставка.

68. Стихирарь, крюковой, третьей четверти XVIII в., в 4-ку, 267 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, плохой сохранности. На л. 3 заставка, исполненная красками.

69. Октоих, крюковой, с добавлениями, последней четверти XVIII в., 195 лл., в 4-ку, полуустав, переплет — доски в коже, с двумя застежками.

70. Богослужебная рукопись, начала XIX в., в 8-ку, 15 лл., переплет бумажный. На нижней корке переплета приписки.

71. Ирмологий, первой четверти XIX в., в 4-ку, 43 лл., полуустав, переплет картонный, текст в рукописи сильно испорчен. Имеются владельческие приписки крестьян деревни Титково Семена Никитича Черногорова и деревни Каменной Романа Степанова, деревни Темта — Якова Лукоянова.

72. Ирмологий, сшит из 2 тетрадей (первая тетрадь — лл. 1—7 — первой четверти XIX в., вторая — лл. 8—19 — конца XIX в.), в 8-ку, 19 лл., полуустав. На л. 1 приписка: «1818 года, апреля 23 дня писано рукою для памяти в будущее время меня Павла Ива: Петрова Новосильскаго».

73. Канонник, середины XIX в., в 4-ку, 12 лл., скоропись, листы разрознены.

74. Апокалипсис (лицевой), второй половины XIX в., в 4-ку, 257 лл., полуустав и скоропись, переплет картонный, с 71 миниатюрой в красках и несколькими заставками, выполненными чернилами и красками. Рукопись приобретена от Е. М. Диужиной (село Василево Семеновского района).

75. Богослужбная рукопись, второй половины XIX в., в 4-ку, 18 лл., полуустав и скоропись, переплет бумажный, нижняя корка не сохранилась.

76. Канонник, конца XIX в., в 8-ку, 56 лл., полуустав, без переплета.

77. Богослужбный сборник, последней четверти XIX в., 145 лл., полуустав, переплет картонный, обтянутый холстом. Содержит службу на пасху. На нижней крышке переплета вклейка с владельческой припиской 1882 г. Рукопись из деревни Бобылевка Уренского района.

78. Богослужбный сборник, конца XIX в., в 8-ку, 12 лл., полуустав, переплет бумажный.

79. Стихирарь, крюковой, второй четверти XIX в., в лист, 245 лл., полуустав, переплет — доски в коже, с тиснением, верхняя крышка переплета отсутствует. Заставки выполнены красками на лл. 36, 70, 98, 143, 160, 181. На лл. 143 остатки миниатюры, изображающей Иоанна Дамаскина.

80. Сборная, крюковая рукопись, второй половины XIX в., в 4-ку, 47 лл., полуустав, переплет картонный. Содержание: Ирмологий крюковой и кафизмы.

81. Псалтырь, третьей четверти XIX в., в 4-ку, 256 лл., полуустав и скоропись, переплет — доски в коже, с тиснением, с одной застежкой. На обороте л. 4 рисунок царя Давида, выполненный пером, чернилами. На л. 12 приписка: «Дмитрей писал Псалтырь». В конце каноны и тропари.

82. Октоих и Триодь, крюковые, конца XIX — начала XX в., в 4-ку, 206 лл., полуустав, переплетена в начале XX в. в Астрахани, переплет — тисненная кожа, с двумя железными застежками. На лл. 9 и 128 заставки, выполненные красками и чернилами.

83. Богослужбный сборник, конца XIX в., в лист, 323 лл., полуустав, переплет — доски в коже, без застежек.

84. Богослужбный сборник, конца XIX в., в 8-ку, 40 лл., полуустав, переплет бумажный. Содержит: выдержки из уставов службы на пасху, из устава Московско-Преображенской обители и др. Приобретен от М. В. Буторина (село Тонкино).

85. Канонник, конца XIX — начала XX в., в 4-ку, 70 лл., полуустав, переплет картонный.

86. Ирмологий, крюковой, начала XX в., гектографическое издание, в лист, 222 лл., переплет картонный, на задней крышке переплета владельческая запись Сидора Васильевича Смирнова (деревни Кудряшино, село Карпово Костромской губернии) и Дмитрия Исидоровича Смирнова.

В. И. МАЛЫШЕВ

Отчет о командировке на Печору в 1956 г.

В 1956 г. Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР продолжал археографическое обследование района реки Печоры. На этот раз местом поисков рукописей были избраны селения, расположенные по притокам реки Печоры—Пижме и Цильме, как наименее обследованные в прошлые годы. Рабочая группа состояла опять из двух человек: в нее входили аспирант Ленинградского университета А. М. Панченко и автор настоящего отчета. Командировка продолжалась тридцать дней, с 1 июня по 1 июля.

Мы вновь посетили почти все населенные пункты Пижмы и Цильмы, в которых побывали в 1954—1955 гг.¹ На Пижме мы не стали обследовать вторично лишь маленькие деревушки Абрамовскую и Боровскую, считая, что новых рукописей в них уже не может быть. Нашей задачей было собрать рукописные книги, которые по каким-либо причинам нам тогда не удалось приобрести. На Пижме и Цильме таких «остатков» оказалось немало.

Дополнительно мы побывали на Пижме в деревнях Новожиловской и Левкинской, на Цильме в деревне Мыла (в 12 км от села Трусовское) и во всех мелких деревнях-выселках, расположенных около села Трусовского. На Пижме теперь необследованных селений нет, на Цильме остались непроверенными самая дальняя небольшая деревушка Нонбург и заброшенное селение Омелино (жителей в нем нет с 1919 г.) в самом верховье реки Цильмы, в районе мезенской тайболы. Находки в этих деревнях вполне возможны, особенно в Омелине: это село много лет, в XVIII—XIX вв., было старообрядческим скитом.

Всего нами собрано за эту поездку 95 рукописей XVI—XIX вв. и 5 старопечатных книг XVIII—XIX вв. 84 рукописи мы собрали сами, а 12 рукописей и 5 старопечатных книг доставлены были, по нашей просьбе, ленинградскими геологами из деревни Омелино.

Наибольшее число рукописных книг, и притом самые ценные, и на этот раз были разысканы на Пижме. Нашими главными «поставщиками» опять выступили лица, уже известные по прежним отчетам. Это С. Н. Антонов (деревня Скитская, приобретено 12 рукописей), В. И. Лагеев (село Усть-Цильма, 10 рукописей), Т. М. Мяндин (село Замежное, 6 рукописей), А. О. Осташов (село Замежное, 5 рукописей), А. В. Кислякова (село Трусовское, 5 рукописей), М. П. Михеев (деревня Скитская) и др.

Некоторые из этих лиц обнаружили у себя рукописи уже после нашего отъезда в 1955 г., другие (В. И. Лагеев) специально собирали их у своих односельчан к нашему прибытию. М. П. Михеев окончательно уверовал

¹ См.: ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 425—439; т. XII, М.—Л., 1956, стр. 461—493.

в нас и выкопал из земли самые дорогие для него, как он сказал, книги: житие Зосимы и Савватия Соловецких (XVII в.) и сборник с сочинениями протопопа Аввакума (XIX в.). Они пролежали в земле более 12 лет. Когда Михеев передавал нам рукописи, они еще пахли землей и были совершенно сырые.

П. И. Торопова (Усть-Цильма), наконец, передала нам поморский Торжественник (середина XVIII в.). В прошлые годы от нее всегда был один ответ: «Книга не продажная, книга каши не просит, пусть лежит. Вот умру, дети тогда пускай как хотят». Несколько рукописных книг XVIII—XIX вв. нашлось в деревнях вокруг села Трусовского. Неожиданно оказались три новые рукописи XVIII в. в селе Усть-Цильма, которое, казалось бы, мы обследовали очень тщательно. А тут женщина нашла в чулане сборник стихов (XIX в.), Поморские ответы (XVIII в.) и Сборник крюковой (XVII в.) и сама принесла их нам в Дом колхозника.

Оценивая собранные в 1956 г. рукописные книги по содержанию, прежде всего необходимо выделить следующее.

1. Сборная рукопись (первая четверть XVII—XIX в.) с очень редким Посланием митрополита Макария Ивану Грозному. Список имеет отличия от опубликованного.² Послание подготовлено к печати Г. Н. Моисеевой. По описи (см. в конце статьи) № 2.

2. Поморский Торжественник (середина XVIII в.), возможно переписанный в большей части крупным писателем Мануилом Петровым, несколько поучений написано рукой другого видного деятеля — Выга Алексея Ирадионова. Это один из старых, если не самый древний список поморского Торжественника. Ценен также как автограф двух крупных поморских писателей. По содержанию эта рукопись имеет первостепенное значение для истории выговской литературы XVIII в. По описи № 6.

3. Стих «покаянный» о нашествии «поганых» (находится в сборнике стихов конца XVIII в.) — патристическое произведение современника польско-шведской интервенции начала XVII в. Публикуется в этом томе, в разделе «Материалы и сообщения». По описи № 10.

4. Житие Ивана Акиндиновича, основателя Великопоженского (на Пижме) старообрядческого общежития, написанное им самим, интересное по стилю и содержанию. Редчайший памятник печорской литературы XVIII в., сохранился в одном списке (других текстов жития нам, например, неизвестно). По описи № 29.

Как и в прошлые поездки, летом 1956 г. найдено было немало духовных стихов в записях XVIII—XIX вв., апокрифических произведений, старообрядческих сочинений различных жанров. Удалось опять приобрести несколько повестей и сказаний литературного и исторического содержания и писем местных крестьян XIX в. Среди богослужебных рукописей XVI—XIX вв. есть несколько с интересными приписками и записями. Более десятков рукописей крюковые.

Встает совершенно законный вопрос. Есть ли необходимость дальше продолжать поиски рукописного материала на Печоре после стольких поездок и возможны ли здесь еще находки? При современных условиях хранения рукописей населением, когда эти рукописи уже не имеют практического значения и сберегаются лишь как памятники старины, «дедова память», бывает часто очень трудно сразу напасть на след рукописей, даже в семье, где они имелись. В большинстве случаев книги разбросаны по чердакам, чуланам, сараям, лежат вместе со старыми, ненужными вещами, забытые и заброшенные. Много труда иногда приходится при-

² Летописи русской литературы и древности, т. V, отд. III. М., 1863, стр. 129—136.

ложить, чтобы владелец вспомнил о «досельной книге». А сколько их роздано первым попавшим под руку старичкам и старушкам «на помин души» родственникам. Это положение с рукописной книгой одинаково существует во всех районах страны, где нам приходилось бывать в поисках старинного рукописного материала. При таких условиях хранения рукописного материала создаются большие трудности его обнаружения и возможности постоянного появления новых рукописей.

Про нижнюю и среднюю Печору теперь можно сказать, что она обследована тщательно, в подавляющем большинстве селений произведены поиски. Но, как показал опыт поездки 1956 г., ручаться за то, что все интересное и ценное здесь выявлено и вывезено отсюда, нельзя. Нам кажется, что целесообразно организовать еще одну экспедицию в эти районы, но теперь более длительную, месяца на полтора-два, которая проведет работу на всем протяжении средней и нижней Печоры и подберет все «остатки». Думаем, что поездка не будет безрезультатной. И после этого Печору не следует забывать археографам, но теперь уже надо будет использовать едущих сюда этнографов и фольклористов, которым еще немало предстоит поработать в печорском крае, полном этнографической и фольклорной старины.

Что же касается верховьев реки Печоры, района Троицко-Печорска и выше, то сюда должна быть направлена специальная экспедиция и возможно скорее. Заранее можно сказать, что в этом крае не встретится таких рукописно-книжных богатств, какие оказались в низовой и средней Печоре. Здесь не было таких предпосылок для сохранения письменной старины, как консерватизм местного старообрядчества и его долгая живучесть. Но рукописные книги тут встречаются, и долг археографов проверить их наличие и ценность.

Ниже сообщается краткое описание рукописных книг, доставленных в 1956 г. с Печоры.

Краткое (охранное) описание рукописных книг, найденных в Усть-Цилемском районе Коми АССР в 1956 г.

I. Рукописи исторического, литературного и бытового содержания

1. Сборная рукопись, XVI—XVII вв., в 8-ку, 219 л., скоропись нескольких почерков, переплет берестовый, покрытый черной орнаментированной кожей. Помета от 1701 г. Владельческая запись Ивана Ларионова. Содержание: начало панихиды, правило о посте и др., «Почтение и наказание попом и всем, како подобает дети своя духовныя учити и опитимня им давати», Альфа толковая, вруцелетие, ключ границ, движение часов на весь год и др.

2. Сборная рукопись, первой четверти XVII—XIX в., в 8-ку, 192 л., полуустав и скоропись, переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, застежки не сохранились, лл. 1—166 написаны полууставом XVII в. Лл. 170—172—XIX в. записаны разными пометами церковно-уставного характера. Лл. 173—195 написаны скорописью. Содержание: выписки из Кормчей, Писание митрополита Макария Ивану Грозному, выписка из Стоглава и др.

3. Житие Зосимы и Савватия Соловецких с чудесами, первой половины XVII в., в 4-ку, 159 л., полуустав, переплет картонный. Запись о чтении книги крестьянином Константином Бобрецовым из деревни Вершней (Верховской) от 1843 г. Рукопись очень плохой сохранности.

4. Велиал Якова Палладины, конца XVIII в., в 4-ку, 95 л., полуустав, без переплета. Владельческая запись священника Афанасия Камкина (Панозерский приход). Читательская помета Ивана Ларионова. Обе скорописью XIX в.

5. Поморские ответы, середины (первые 13 листов) и конца XVIII в., в 4-ку (первые 13 листов в 8-ку), 123 л., полуустав двух почерков, переплет из тисненой кожи, с остатками завязок. Печатный штамп устьцилемца Ивана Павловича Ермолина. Владельческая запись крестьянина Якова Кислякова. Текст «Ответов» без конца и без нескольких глав в начале.

6. Торжественник поморский, середины XVIII в., в 4-ку, 334 л., скоропись нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый коричневой кожей, имеющей простенькое украшение в виде тисненой рамки. Владельческие записи устьцилемца Артемия Никитича Тиринова: от 1875, 1881, 1886 гг. и одна без даты; три записи сделаны карандашом, одна чернилами. Содержание рукописи составляют двадцать девять слов поморских писателей на господские и богородичные праздники, а также слова на праздники отдельным святым (Ивану Предтече, Ивану Богослову, Николе Мирликийскому, Зосиме и Савватию Соловецким), о посте и о другом. Из этих слов три приписываются авторству Андрея Денисова; по-видимому, ему же принадлежит и слово о посте, предпоследнее в сборнике. Авторы остальных произведений неизвестны. Два слова в рукописи написаны почерком, очень сходным, если не тождественным, с почерком Алексея Родионова, большая часть листов рукописи имеет почерк, похожий на почерк Мануила Петрова, причем на некоторых листах этим же почерком произведена правка текста. Из известных рукописей поморских торжественников, целиком состоящих из произведений выговских писателей, настоящий список является одним из старших, если не самым древним. Большое достоинство этой рукописи заключается также в том, что она имеет прямое отношение к Выговскому общежительству: она не только вся состоит из произведений здешних писателей, но и, вне всякого сомнения, переписана в Поморье, может быть даже Мануилом Петровым и Алексеем Родионовым, крупными выговскими писателями XVIII в., участвовавшими в создании поморского Торжественника.

7. Сборник, третьей четверти XVIII в., в 8-ку, 453 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание сборника составляют многочисленные мелкие выписки поучительного характера из творений отцов и учителей церкви, книг учительного и духовно-нравственного содержания, а также из произведений некоторых славянских и русских писателей (Кирилла Туровского), жития Кирилла Философа (о начале славянской азбуки), из индекса о книгах праведных и ложных (из постановления первого Никейского собора) и др. В конце книги имеется запись писца: «Сию книгу списах месяца генваря 26 день».

8. Сборник стихов, на крюках, последней четверти XVIII в., в 4-ку, 11 л., полуустав, без переплета. Содержание: стих на смерть Андрея Денисова, стих на воспоминание Андрея Денисова, «Рифмы воспоминательны» о Петре Прокопеве, стих о пустыни и несколько стихов из цикла «покаянны, слезны и умильны».

9. Сборная рукопись, конца XVIII в., в 4-ку, 137 л., полуустав и скоропись нескольких почерков, без переплета. Бумага 1780, 1783, 1790, 1794 и 1796 гг. Запись о переписке повести о Владимирской иконе богоматери крестьянином цилемского выселка Антипом Марковичем Ларионовым в 1798 г. в Заонежском монастыре, сделанная его сыном Иваном Ларионовым. Читательские пометы и отзывы Ивана Ларионова от 1823, 1856 и

1864 г. и Петра Богданова от 1864 г. В 1823 г. И. Ларионовым оценена в восемь рублей. Содержание: повести о богородичных иконах — Тихвинской, Владимирской, Новгородской, слово Ильи пророку (старообрядческое, поморское сочинение). Соборное выговское постановление об общежительском житии (14 статей), соборное постановление выгорецких общежителей о новоженях 1777 г., выписки из челобитной попа Лазаря о праведном суде, об освящении церквей и др., выписка из Поморских ответов, четыре выписки из Киево-Печерского патерика и вопросы и ответы о крещении и о священстве.

10. Сборник духовных стихов, конца XVIII в., в 8-ку, 8 л., полуустав, без переплета. Содержание: стих об изгнании Адама из рая, стих «покаянные» о нашествиях «поганых», о суете жития и о смертном часе.

11. Стих «По грехом нашим» и стих о смертном часе, конца XVIII в., в 8-ку, 7 л., полуустав, без переплета.

12. Стих о пустыне, конца XVIII в., в 8-ку, 3 л., полуустав, без переплета.

13. Видение Григория, ученика Василия Нового, конца XVIII в., в 8-ку, 39 л., поморский полуустав, без переплета. Текст не полный.

14. Житие Василия Нового и Григорьево видение, конца XVIII в. (бумага 1794 г.), в большую восьмерку 271 л., поморский полуустав, переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, с двумя медными застежками. Одна заставка в красках и золоте. На л. 264 владельческая запись от 1821 г., написанная тайнописью.

15. Чудо Николы о трех дочерях, не имевших приданого, и выписки из постановления VI Вселенского собора о запрещении кровейдения и бритья бороды, начала XIX в. (бумага 1799 г.), в 8-ку, 6 л., скоропись, без переплета.

16. Сборная рукопись, конца XVIII—XIX в., в 8-ку, 313 л., полуустав нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый кожей. Читательская помета Василия Чупрова, крестьянина села Усть-Цильма, от 1886 г.; Владельческая помета Ивана Чупрова, крестьянина села Замежное (подписал за него Василий Евтихievич Мяндин). К л. 1 приклеен рисунок пером, изображающий крещение Иваном Предтечей Христа, грубой работы. Содержание: пять кратких рассказов о чудесных явлениях, бывших жителям Выговского общежительства и направленных против федосеевцев (авторство приписывается выговцу Тимофею Андрееву), каноны богородичны, а также отдельным святым и праздникам и др.

17. Сборник, начала XIX в., в 8-ку, 150 л., поморский полуустав, переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, с двумя медными застежками. Пометы о чтении рукописи: 1) галицких мещан Семена и Елизаветы Брудастовых, 2) Герасима Лешукова, 3) Федота Семенова (от 1818 г.), 4) Евстафия Матвеевича Михеева (от 1908 г.). Владельческие записи: 1) Кожевина Петра Андреевича, крестьянина Пустозерской слободки, 2) Антонова Прокопия, крестьянина, о покупке рукописи в 1816 г. Содержание: об Илье и Енохе протопопе Аввакума (из «Книги бесед»); его же вступление к «Книге бесед» и первая беседа в несколько сокращенном виде; его же челобитная (пятая) к царю Алексею Михайловичу; Повесть о Корнилии Выговском (сочинение Пахомия) и рассказ того же Корнилия о патриархе Никоне, Повесть («Видение») о Никоне Димитрия Волжанина.

18. Письмо Якова Григорьева и Семена Степанова Елене Васильевне о получении ее письма с извещением о смерти отца настоятеля Кирилла Михайловича и о выборе на его место Петра Иванова и о получении ее посылки и денег, 1825 г., 1 л., скоропись.

19. Письмо Евтихия Михеева к отцу о продлении ему срока ученья и о разрешении побывать в Усть-Цильме у Ивана Ермолина (?), первой четверти XIX в., в 4-ку, 1 л., скоропись.

20. Отдельные листы из поморского (Выговского) синодика, первой четверти XIX в., в 4-ку, 14 л., поморский полуустав.

21. Стих (псалма) на рождество Христово, на крюках, первой четверти XIX в., в 4-ку, 5 л., полуустав, тетрадка.

22. Сборник, первой четверти XIX в., в 8-ку, 63 л., поморский полуустав, переплет картонный. Записи: 1) выцветшая и совершенно неразборчивая владельческая запись чернилами о 1879 г. (л. 48 об.), 2) владельческая запись крестьян деревни Рошинский Ручей (близ Усть-Цильмы) Ивана Игнатьевича Торопова и Ивана Вокуева (л. 62), 3) владельческая запись тех же лиц, от 1881 г., 4) неразборчивые владельческие записи карандашом какого-то Торопова и, возможно, Ивана Мяндина (л. 62 об. и 63 об.). Содержание: Повесть (Слово) о Федоре купце; Повесть о новгородской иконе Богоматери (об осаде Новгорода суздальцами); стих о пустыне; чудо Варлаама Хутынского о жене, которую пытались отравить из зависти родственники; ответное праздничное поздравительное послание Андрея Борисова на Лексу, от 1776 г.; чудо Спиридона о житопродавце; слово Евгария мниха об умилении души и покаянии; Слова (два) Нифонта об исповеди, покаянии и послушании; Поучения (два) Василия Великого о молчании при еде, полезности почитания Псалтыри; Слова (два) Ивана Златоуста о чтении Псалтыри и о молитве; «Слово о нове и о нищелюбии».

23. Выписки из сочинений Петра Дамаскина и Максима Грека о крестном знамении, первой четверти XIX в. (бумага 1818 г.), в 8-ку, 7 л., полуустав, без переплета.

24. Стих-плач Иосифа Прекрасного, первой четверти XIX в., в 8-ку, 8 л., полуустав, тетрадка без обложки.

25. Сборная рукопись, из нескольких рукописей первой четверти XIX в., середины и конца XIX в., в 8-ку, 79 л., полуустав нескольких почерков, переплет картонный, покрытый синей клетчатой бумагой, корешок матерчатый. Записи: 1) «Молитвы писал Василий Антонович Осташев. Руку приложил» (л. 60); 2) «Писал Василий Антонов Осташев. Эта молитва Якову Трофимовичу» (л. 69). Содержание: Житие протопопы Аввакума (отрывок из первой редакции, начинающийся со слов «Рождение же мое в нижегородских пределах» и заканчивающийся словами: «ночью, покиня жену и дети, по Волге, сам третий, ушел» (бегство в Москву из Юрьевца Повольского). Язык Жития сильно подновлен) Вопросы Антиоха и ответы Епифаниевы о милостыни, Слово о узком пути, идущем в вечную жизнь, и о широком, идущем в вечную муку; Слово Ивана Богослова об услении и погребении Богородицы; Поучение об общем скитском житии и об отшельничестве; Поучение о смертной памяти; три молитвы Богородицы, одна выписана из книги «Небо новое» Иоаникия Голятовского; Слово из Старчества о молитве Исусовой, выписка из поучения на эту же тему, выписки, возможно также из Старчества, о неосуждении ближнего, страхе божьем, милостыни и др.

26. Письмо Ивана Мяндина брату Матвею о присылке ему из Усть-Цильмы печати, об уплате денег старухам за поминание его и др., 1852 г., в 4-ку, 1 л., скоропись.

27. Письмо неизвестного лица, представителя Архангельской духовной консистории, в Усть-Цилемское волостное правление об объявлении всем местным жителям о том, что желающие записаться в единоверцы и иметь

свою церковь, могут приходиться лично к этому лицу в правление «для внесения в список», копия середины XIX в., в 8-ку, 2 л., скоропись.

28. Стих о последнем времени, середины XIX в., в 8-ку, 7 л., полуустав, без переплета.

29. Повесть о самосожжении на Пижме в 1744 г. и Житие Ивана Акиндинова, середины XIX в. (бумага калужской фабрики Аристархова), в 4-ку, 41 л., полуустав, переплет бумажный, сделанный из заемной расписки, выданной в 1836 г. крестьянином деревни Загривочной (Пижма) Иваном, «незаконнорожденным» Торопова, на имя крестьянина Федора Яковлевича Михеева (тоже пижемская фамилия) в получении от него взаймы семидесяти семи рублей 63 копейки «на свою необходимость нуждою платежа государственных податей и для домовых надобностей». На оборотной стороне расписки имеется какая-то выцветшая, плохо читаемая надпись, к заемной расписке, по-видимому, не относящаяся. Верхняя обложка сохранилась лишь наполовину. На л. 40 об. помета Михаила Чупрова с датой 1893 г. На л. 41 читательская запись крестьянина Ивана Анкудиновича Тиронова от 1901 г. Лл. 1—5 в нижнем правом углу прожжены с небольшим повреждением текста на некоторых листах. На лл. 9, 10, 13, 22 имеются читательские карандашные пометки типа глос. По листам есть своя нумерация арабскими цифрами и счет тетрадей буквенным обозначением.

30. Расписка Парменида Михеева в получении от Матвея Осташова пяти рублей за пользование пожней. Внизу приписка другим почерком: «По личной их прозбе Михеевых крестьянин Тимофей Чупров (*неразборчиво*) руку приложил», третьей четверти XIX в., 1 л., скоропись.

31. Стих на рождество Христово и стих «Со страхом мы братия послушаем божия писания», третьей четверти XIX в., в 8-ку, 8 л., полуустав, тетрадка в бумажной обложке. Для обложки послужил черновик заемной расписки Ивана Кириллова, адресованный к Василию Бобрецову, от 1851 г.

32. Сказание, каким святым при какой болезни молиться, второй половины XIX в., в 8-ку, 7 л., полуустав, тетрадка, без обложки.

33. Сказание, каким святым при какой болезни молиться, конца XIX в., в 8-ку, 6 л., полуустав, тетрадка, без обложки.

34. Сборник, конца XIX в., в 8-ку, 11 л., полуустав, тетрадка, обложка из мягкого картона. На нижней обложке написано несколько печорских фамилий (Торопов, Чупров, Дуркин и т. д.). Содержание: сказание о 12 пятницах, Сон Богородицы и Иерусалимский свисток.

35. Сборник духовных стихов, конца XIX в., в 8-ку, 17 л., полуустав, переплет картонный. Содержание: стих «Вечер со другом сидел», стихи о грехах, о распятии Христовом и стих об Иоасафе царевиче индийском.

36. Сборник, конца XIX в., в 8-ку, 43 л., полуустав, переплет картонный, с матерчатым корешком. Содержание: Иерусалимский свиток, чудо Георгия о девице и змее, Повесть о 12 пятницах и др.

37. Стих-плач Иосифа Прекрасного, конца XIX в., в 4-ку, 7 л., полуустав, тетрадка.

38. Постановления собора 1883 г. старообрядцев-поморцев, копия того же времени, в 4-ку, 36 л., полуустав, без переплета. На л. 35 об. помета: «Получил 1884, мая 14 числа, от Ф. Дм. Круглова».

39. Дневник матроса гвардейского флотского экипажа Анания Фотиевича Бобрецова, 1893—1899 гг., в 4-ку, 84 л., скоропись, переплет картонный, с кожаным корешком. Кроме записей из флотской жизни, рукопись содержит «Искусственное гадание на картах» и стихотворение («приговорку») о бедняке, у которого все имущество состоит из «заплатки».

40. Сказание о 12 пятницах, конца XIX в., в 8-ку, 5 лл., полуустав, тетрадка, без верхней обложки. Текст без начала (начинается с 4-й пятницы).

41. Стих об Алексее — человеке божьем, конца XIX в., в 8-ку, 12 лл., испорченный полуустав, тетрадка, без обложки. Стихотворение без начала и конца.

42. Письмо Ивана Пашина на Пижму Нилу Семеновичу Бобрецову о разъяснении по поводу перекрещенцев, употреблении в пищу картошки, о «хмельном питии», пользовании керосиновыми лампами и о другом, конца XIX—начала XX в., 1 л., полуустав.

43. Повесть о крестном сыне с добавлением выписок из соборных постановлений старообрядцев-беспоповцев по вопросам вероисповедания и поведения в быту и правила пения канона за единоумершего, начала XX в., в 4-ку, 16 лл., испорченный полуустав, тетрадка, в бумажной обложке.

44. Сборник стихов, начала XX в., в 4-ку, 27 лл., испорченный полуустав, без переплета. Содержание: стих «О лексинских девицах», о страшном суде, «покаянен» о пьянстве (стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии»), стих-завещание умирающей матери дочери, стих молебный пресвятой богородице, стих поздравительный лексинцу Тимофею Андрееву и стих на рождество Христово.

45. Сказание о 12 пятницах, настенный лист, начала XX в., письмо — испорченный полуустав, текст обведен красной рамкой. На обратной стороне карандашные пометы хозяйственного значения (об отпуске рыбы М. Ф. Бобрецову и др.).

46. Стих девиц о невольном расставании с Преображенским кладбищем в Москве и стих о смертном часе («Всяк человек на земле живет»), начала XX в., в 8-ку, 12 лл., полуустав, тетрадка, без переплета.

47. Слово «О забывших грешных» (Из Измарагда), 1913 г., в 4-ку, 7 лл., испорченный полуустав, тетрадка, с обложкой из обоечной бумаги. В конце текста длинная запись писца Степана Анхеновича Носова от 1913 г.

48. Сборник, 1914 г., в 8-ку, 31 лл., полуустав, переплет картонный, с матерчатым корешком. Запись: «1914 года. Писал Степан Анхенович Носов сию книгу тринадцать лет своего возраста» (л. 31). На л. 20 заставка в красках грубой работы. Содержание: Повесть об Иверском монастыре, Повесть о дьяконе Иване, пасущем овцы, выписка из Пчелы о том, что есть «умному человеку тяжелея всего работать», выписка из Стоглава о самоубийцах и др.

49. Письмо нередкого старообрядческого наставника Андрея Михайловича Бажукова к некоему Семену Ивановичу «с супругой Яковлеевной» о том, что он поминал их родителей за упокой, и о том, что родители их при жизни совершили кровосмешение, 1915 г. 8 сентября, один лист, исписанный с обеих сторон испорченным полууставом. Вместо подписи в конце письма дважды поставлен именной печатный штамп А. М. Бажукова. Письмо было найдено в селе Трусовском (на Цильме), где, возможно, и жил адресат.

50. Стих о браке в Канне Галилейской, новейшего письма, в 4-ку, 2 лл., подражание печатному шрифту.

II. Церковно-служебные рукописи

51. Отрывок богослужебного сборника, середины XVI в., в 8-ку, 20 лл., полуустав, без переплета. Запись XVI в.: «Псалмы куплены у старца у Сергия Печньского». Владельческая помета пижемца Тимо-

фея Мяндина. В рукописи употребляется юс большой. Содержание: молитва богу, кресту, полунощница субботняя, ирмосы богородичны и др.

52. Триодь, второй половины XVI в., в 4-ку, 88 л., полуустав, без переплета.

53. Месяцеслов, конца XVI в., в 8-ку, 86 л., скоропись, без переплета. На полях рукописи имеется несколько записей XIX—XX вв. о затмении луны, солнца, вскрытии реки, выпадении снега, смерти отдельных лиц и др.

54. Минейя общая, XVI в., 119 разрозненных и полуистлевших листков.

55. Триодь цветная, конца XVI—начала XVII в., в лист, 352 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый оленьей замшей. Рукопись имеет одну заставку в красках и несколько заставок и концовок, исполненных чернилами. Заглавия статей написаны вязью и кинovarью. Запись: «Продал сию книгу Треодь цветную боярина князя Федора Федоровича Волконского человек ево Григорей Ратаев. Подписал своею рукою» (л. 331).

56. Псалтырь, второй четверти XVII в., в 4-ку, 251 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. Часть листов (меньшая) имеет печатный текст. На л. 203 об. фамилия И. Бобрецова (скоропись XIX в.).

57. Праздники, крюковые, второй четверти XVII в., в 16-ю долю листа, 147 л., полуустав, без переплета. Текст без начала и конца.

58. Октоих, крюковой, первой половины XVII в., в 8-ку, 117 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей.

59. Сборник, крюковой, первой половины XVII в., в 8-ку, 321 л., полуустав, от деревянного переплета сохранилась лишь верхняя корка. Содержание: Ирмологий, Стихирарь, литургия, отпевание усопших и др.

60. Сборник, крюковой, середины XVII в., в 16-ю долю листа, 361 л., полуустав, от переплета сохранилась лишь нижняя доска. На л. 361 хозяйственные записи с датой 1650 г. Содержание: Октоих, Стихирарь и др.

61. Псалтырь, середины XVII в., в 4-ку, 214 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый орнаментированной замшей. Первые 21 лист рукописи написаны в XIX в. Записи: 1) «Сто шестьдесят восьмого году продал сию книгу Псалтырь Варламей старец Узренские пустыни хресянину Левонтию Филипову Преснухину»; 2) «Продал сию книгу Псалтырь важинин Уздрянския пустыни Левка Филипов сын Преснухин Ивану Никифорову. А подписал Левка своею рукою сто семьдесят третьего году апреля 8 день»; 3) «Псалтырь Ивашка Никифорова сына Костромитинова»; 4) «Сия книга глаголемая Псалтырь Ивашки Никифорова»; 5) «Герентей Викулаевич». Все записи XVII в., за исключением последней (пометы Терентия), которая относится к XVIII в.

62. Ирмологий, крюковой, второй четверти XVII в., в 4-ку, 77 л., полуустав, без переплета. Текст без начала и конца.

63. Октоих, крюковой, середины XVII в., в 8-ку, 16 разрозненных листов, полуустав.

64. Сборник богослужебный, конца XVII в., в 8-ку (малую), 117 л., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей. На л. 54 об. запись следующего содержания: «Росписка. 1813 года, марта 15. Архангельской губернии, Мезенской [о]круги, Пустозерской слободки, Куйской деревни крестьянин Иван Корепанов дал за сию книгу [ч]яны железны [ц]ною] 3... ламену (?) в чем подписуюсь... брат твой хресян—И. К.». К нижней корке переплета подклеен кусок из приказного документа от 1699 г. с упоминанием имени стольника и воеводы Дьякова, ехавшего из Кевроли. Содержание: избранные псалмы, полунощница воскресная и др.

65. Устав, или церковное око, конца XVII в., в 16-ю долю листа, 215 л., полуустав, от деревянного переплета сохранилась лишь верхняя

корка. Записи: 1) о принадлежности рукописи крестьянину Усть-Цилемской волости Ивану Мяндину, от 1841 г. (л. 3); 2) владельческая запись крестьянина усть-цилемской слободки Ивана Матросова (?), почерк начала XIX в.

66. Стихирарь, крюковой, XVII в., в 8-ку, 6 разрозненных листов, полуустан.

67. Стихирарь праздничный, крюковой, последней четверти XVII в., в 16-ю долю листа, 30 разрозненных листов, полуустан.

68. Праздники, крюковые, первой четверти XVIII в., в 4-ку, 51 л., полуустан, от переплета сохранилась лишь часть верхней доски.

69. Канон общий за умерших, первой четверти XVIII в., в 8-ку, 10 л., полуустан, без переплета.

70. Сборник богослужебный, первой четверти XVIII в., в 8-ку, 180 л., полуустан и скоропись нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей. Содержание: блаженны на все дни, службы Христу, богородице, богородичным праздникам, тропари ангелу-хранителю, кресту, службы Иоанну Предтечи, Алексею — человеку божьему, скитское покаяние и др.

71. Сборник богослужебный, первой трети XVIII в., в 8-ку, 48 л., полуустан, от картонного переплета сохранилась лишь нижняя корка. Содержание: келейный чин покаяния и чин исповеди грехов, тропарь за усопшего и др.

72. Часовник, второй четверти XVIII в., в 8-ку, 89 л., полуустан, без переплета. Владельческая запись крестьянина Алексея Ссменова (деревня Белая Щель, Мезень). Пометы Петра Богданова и Ивана Ларионова.

73. Служебник, второй четверти XVIII в., в 8-ку, 107 л., полуустан нескольких почерков, переплет дощатый, покрытый черной, орнаментированной кожей. Рукопись носит следы пребывания в пожаре.

74. Последование церковного пения на весь год, второй четверти XVIII в., в 8-ку, 37 л., полуустан, без переплета.

75. Месяцеслов, первой трети XVIII в., в 8-ку, 12 разрозненных листов, полуустан, без переплета.

76. Псалтырь, третьей четверти XVIII в., в 8-ку, 319 л., полуустан, от переплета сохранился лишь кожаный корешок. Миниатюра царя Давида грубой работы, пером.

77. Стихиры богородичны, на крюках, конца XVIII в., в 8-ку, 49 л., полуустан, без переплета. Рукопись без начала.

78. Скитское покаяние, последней четверти XVIII в. (бумага 1779 г.), в 8-ку, 20 л., полуустан, без переплета.

79. Канон Николаю Мирликийскому, конца XVIII в. (бумага 1783 г.), в 8-ку, 10 л., полуустан, без переплета.

80. Чин погребения мирян, конца XVIII в., в 8-ку, 34 л., полуустан, переплет картонный, с кожаным корешком. На л. 32 карандашная помета: «Якова Бладечинца».

81. Сборник богослужебный, конца XVIII в. (бумага 1787 и 1789 гг.), в 8-ку, 285 л., поморский полуустан. От переплета сохранилась половина нижней доски, кожаный корешок и кожа нижней части переплета. Содержание: чин погребения мирян, чин исповеди, устав о крещении, канон за единоумершего и др.

82. Сборная богослужебная рукопись, XVIII—XIX вв., в 8-ку, 165 л., полуустан, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание: чины исповеди (духовных лиц и мирян), чины причащения (больного, самого себя), вопросы исповедывающимся, епитимейник и др.

83. Канон за единоумершего, первых годов XIX в. (бумага 1799 г.),

в 8-ку, 12 л., полуулав, переплет бумажный. На обороте последнего листа надпись почерком начала XIX в., типа «проба пера» с упоминанием какой-то «Марфиды Мекитиснея».

84. Триодъ постная и цветная, крюковая, конца XVIII в. (бумага 1789 г.), первых годов XIX в., в 8-ку, 168 л., полуулав, переплет дощатый, покрытый кожей, с двумя медными застежками. Печатный штамп пижемца Клеона Мартыновича Носова (из деревни Загривочной).

85. Устав церковный с добавлением богослужебных статей, начала XIX в. (бумага 1807—1809 гг.), в 8-ку, 150 л., поморский полуулав, переплет дощатый, покрытый кожей. Печатный штамп пижемца Клеона Мартыновича Носова (из деревни Загривочной). В рукописи имеется несколько карандашных приписок более позднего времени (л. 10 и 10 об. и на других) литургического содержания. На л. 150 скорописным почерком, современным рукописи, написано: «листов в сей книзе 150 с написанными». Дополнением к уставу служат: исповедная молитва Иоанна Дамаскина и чин исповеди умирающего.

86. Месяцеслов, начала XIX в., в 16-ю долю листа, 172 л., полуулав, переплет дощатый, покрытый кожей, с одной медной застежкой. Перед текстом заставка в красках. Надпись: «Книга глаголемая. Цена 8 руб.» (л. 172).

87. Последование церковного пения за весь год, начала XIX в., в 8-ку, испорченный полуулав, 46 л., без переплета.

88. Канон Иисусу Христу, первой четверти XIX в., в 4-ку, полуулав, 6 л., без переплета, текст без начала и конца.

89. Стихирарь праздничный (отрывок), крюковой, первой четверти XIX в. (бумага 1811 г.), в 8-ку, 8 л., полуулав, без переплета. Содержит стихиры богородичны на Благовещение и Успение.

90. Чин исповеди мирян, первой четверти XIX в., в 8-ку, 75 л., полуулав, переплет картонный, с кожаным корешком.

91. Полуощница, первой четверти XIX в., в 8-ку, 23 л., полуулав, без переплета.

92. Канон за единоумершего, первой половины XIX в., в 8-ку, 20 л., полуулав, в бумажном переплете. Запись: «Канун Иванов. За сий канун плачено денег восемь гривен. Писано того 1848». Владельческая помета Петра Трефалова (почерк XIX в.).

93. Сборник богослужебный, середины XIX в., в 8-ку, 54 л., полуулав, переплет картонный, с кожаным корешком. Содержание: выписки из Соловецкого устава, указ о праздниках, которым поются всенощные бдения, о домашней молитве, о количестве поклонов за отсутствие «по нужде» на церковных службах и др.

94. Чин благодарения бога перед едой и после еды, конца XIX в., в 8-ку, 8 л., полуулав, тетрадка, без обложки.

95. 49 разрозненных листов из различных рукописей XVII—XIX вв., преимущественно церковно-служебного содержания.

III. Старопечатные книги

96. Каноник, Гродно, 1786 г.

97. Устав иноческого жития и обхождение праздника, Супрасль, 1790 г.

98. Месяцеслов, конца XVIII в. Выходные данные не сохранились.

99. Часовник с прибавлением, Москва, Единоверческая типография, 1832 г.

100. Псалтырь, Москва, Единоверческая типография, 1833 г.

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива

В фондах Новгородского областного архива имеется 45 древнерусских рукописей,¹ бóльшая часть которых относится к XVII в. Преимущественно это царские грамоты и другие документы, касающиеся волнений крестьян Толвуйской волости, а также документация, связанная с земельными владениями новгородских монастырей. Есть и рукописи литературного содержания — житие Михаила Клопского в списке XVIII в. и Синодик, составленный в XVII в., в связи с псковским восстанием 1650 г. (дополнен в XIX в.).²

Древнерусские рукописи Музея входят в состав фондов пяти новгородских монастырей: Вяжищского, Михаило-Клопского, Спас-Нередицкого, Сквородского и Отенского, насчитывающих в общей сложности 2049 единиц хранения, основную массу которых составляют рукописи XVIII—XIX вв. Наиболее значительный по объему фонд Вяжищского монастыря в своей основной части поступил в Новгородский губернский (ныне областной) архив в 1926 г., непосредственно из Вяжищского монастыря (часть архива этого монастыря до войны хранилась также в Новгородском музее). Во время войны значительная часть документации Вяжищского монастыря была утрачена. В своем нынешнем виде фонд этого монастыря объединяет 1979 единиц хранения, пять из которых переданы уже в 1953 г. из Псковского областного архива. Фонды Михаило-Клопского, Спас-Нередицкого, Сквородского и Отенского монастырей образованы преимущественно из документов, поступивших в Архив в 1919—1920 гг. через б. Центральный архив монастырей. Часть рукописей Клопского монастыря (вместе с архивом Юрьева монастыря) передана в 1938 г. в ЦГАДА. Центральный государственный исторический архив в Ленинграде передал в 1952 г. Новгородскому архиву 15 рукописей Отенского монастыря. Хранящиеся сейчас в Новгородском архиве фонды этих четырех монастырей по объему незначительны и составляют от 4 до 26 единиц хранения. В Новгородском архиве имеются также фонды ряда других новгородских монастырей и многих церквей Новгорода, не содержащие древнерусских рукописей.

---

¹ К древнерусским рукописям мною причисляются здесь все рукописи, датируемые палеографически не позднее конца XVII в., а также все рукописи более позднего времени, являющиеся списками литературных памятников и документов, возникших ранее XVIII в.

² А. Э. Жаворонков, упоминая о древнерусских рукописях Новгородского архива, называет еще «Сказание о Варлааме-Хутынском монастыре» (см.: А. Э. Жаворонков. Рукописные и старопечатные книги Новгородского областного краеведческого музея. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 511). В Архиве имеются две рукописи, содержащие историю этого монастыря. Эти сочинения не включены мною в описание, так как видно, что они составлены в XIX в. по печатным источникам.

Рукописи XVIII в. (не являющиеся списками древнерусских памятников) имеются в фондах: Вяжищского монастыря (приходо-расходные тетради и другая хозяйственная документация, представленная довольно полно за весь XVIII век, начиная с 1701 г.), Отенского монастыря (несколько грамот, памятей и указов), Новгородской губернской канцелярии (указы Петра I за 1717—1722 гг.), Новгородской духовной консистории (разнообразный актовый материал первой половины XVIII в., начиная с 1702 г.) и Николо-Дворищенского собора (акты первой четверти XVIII в. и документы церковной отчетности с 1720 г.).

Ниже дано полное описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива, расположенное в соответствии с существующей в Архиве нумерацией фондов, инвентарных описей и единиц хранения.

Фонд 513. Вяжищский монастырь. Опись 1

1. Грамота царя Михаила Федоровича в Новгородский уезд, Исаку Байкову, по поводу притеснений крестьян Толвуйской волости, которые ввиду этого не могут нести повинности в пользу Вяжищского монастыря; 15 VIII 1617. Копия. Скоропись XVII в., столбец.

2. Царские указы, выписки из писцовых книг о монастырских земельных владениях и рыбных ловлях и купчая. Скоропись XVII в., в лист, 18 лл., без переплета. Лл. 1—5 об. — указ царя Михаила Федоровича, подтверждающий права монастыря на владение пожалованными ему ранее землями, 17 IX 1621, копия; лл. 5 об.—6 — указ царя Алексея Михайловича о том же, 31 I 1647, копия; лл. 7—14 — выпись из писцовых книг 1605 и 1606 гг., с планом; лл. 15—17 об. — выпись, 18 X 1693, копия; л. 18—18 об. — купчая о продаже двора в Новгороде, 6 V 1700, копия.

3. Грамота царя Михаила Федоровича в Новгород, воеводе Г. П. Ромодановскому, о выполнении крестьянами Толвуйской волости монастырских распоряжений и оброков; 11 X 1623. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

4. Грамота царя Алексея Михайловича в Новгород, воеводе князю Ф. А. Хилкову, о принятии мер против крестьян монастырских вотчин Толвуйской волости, не повинующихся властям монастыря; 27 X 1648. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

5. Грамота царя Алексея Михайловича в Вяжищский монастырь, игумену Иосифу, о даче кормов заезжим людям; 17 IV 1650. Копия. Скоропись XVII в., столбец.

6. Настольная грамота новгородского митрополита Никона архимандриту Вяжищского монастыря Евфимию; 2 IX 1651. Подлинник. Скоропись, в лист, 1 л., с печатью.

7. Память о владениях Спасского Сяберского монастыря и выписи из переписных книг. Скоропись XVII в., в лист, 3 лл., без переплета. Лл. 1—1 об. — память о даче игумену Сяберского монастыря Евфимию выписи из переписных книг о владениях монастыря, 2 III 1653; л. 2—2 об. — выпись из переписных книг 1646 и 1647 гг. о земельных владениях и крестьянах монастыря; лл. 2 об.—3 — выпись из переписной книги 1669 г. о том же.

8. Грамота патриарха Никона в Новгород, воеводе князю Ю. П. Буйносову, о сборе недоимок с крестьян Толвуйской волости; 12 I 1655. Копия. Скоропись XVII в., столбец.

9. Грамота царя Алексея Михайловича в Вяжищский монастырь, архимандриту Илье, о содействии посланному от приказа Тайных дел в Тол-

вуйский погост Козьме Горбову; 21 VIII 1661. Копия. Скоропись XVII в., столбец.

10. Грамота царя Алексея Михайловича в Новгород, воеводе князю И. Б. Репнину, о принятии мер против не повинующихся властям монастыря крестьян Толвуйской волости; 23 III 1663. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

11. Грамота царя Алексея Михайловича в Новгород, воеводе князю И. П. Пронскому, о владении Вяжищским монастырем Толвуйской вотчиной в Олонецком уезде; 7 III 1672. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

12. Грамота царя Алексея Михайловича в Новгород, воеводе князю И. Б. Репнину, о неподчинении крестьян Толвуйской волости монастырским властям; 24 IV 1662. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

13. Грамота царя Алексея Михайловича в Новгород, воеводе князю В. Г. Ромодановскому, о наблюдении за послушанием крестьян Толвуйской волости монастырским властям; 21 VIII 1666. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

14. Царские грамоты, касающиеся Благовещенского монастыря (Никандрова пустынь). Скоропись XVII в., в лист, 11 л., без переплета. Лл. 1—3 об. — грамота царя Алексея Михайловича в Новгород, воеводе князю В. Г. Ромодановскому, о владении монастырем вотчинами и размерах оброка с них, 8 VIII 1667, копия; лл. 3 об.—7 об. — выпись о размерах оброка с монастырских угодий, 6 VIII 1677; лл. 8—9 — грамота царя Федора Алексеевича в Новгород, воеводе князю Н. С. Урусову, о выдаче недоданного хлебного и денежного жалованья Благовещенскому монастырю, 16 VI 1666, копия; лл. 9 об.—10 — грамота царя Алексея Михайловича в Новгород, воеводе князю Ю. П. Буйносову, о выдаче жалованья Благовещенскому монастырю, 3 III 1654, копия; л. 10—10 об. — грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, подтверждающая права Благовещенского монастыря на жалованье, 31 I 1684, копия; лл. 10 об.—11 — грамота царя Алексея Михайловича в Новгород, воеводе князю Ф. А. Хилкову, о владении Благовещенского монастыря вотчиной и угодьями, 17 IV 1649, копия; л. 11—11 об. — грамота царя Алексея Михайловича в Новгород, воеводе князю Ф. А. Хилкову, о посылке нового игумена в Благовещенский монастырь и об описании имущества монастыря, без даты, копия.

15. Грамота царя Федора Алексеевича в Новгород, воеводе князю Н. С. Урусову, о принятии мер к уплате крестьянами Толвуйской волости недоимок в пользу монастыря; 13 XII 1677. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

16. Грамота новгородского митрополита Корнилия в монастыри епархии о сыске беглых крестьян Толвуйской волости; 30 VII 1678. Подлинник. Скоропись, столбец с печатью.

17. Грамота царя Федора Алексеевича в Олонец, воеводе И. Д. Лукину, о сведении кабака с земли Толвуйского погоста; 28 III 1680. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

18. Перечень земельных владений Вяжищского монастыря, числившихся в писцовых книгах по новгородским пятинам за 1582 г.; составлен 30 VIII 1680. Копия. Скоропись XVIII в., в лист, 13 лл. Вложены два письма 1761 г. (одно — черновик), касающиеся земельных владений монастыря (лл. 10 и 11).

19. Грамота царя Федора Алексеевича в Новгород, воеводе князю И. А. Хованскому, о необходимости судить в Новгороде, а не в Олонце, крестьян Толвуйской волости, не подчинявшихся властям; февраль 1681 г. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

20. Грамота царя Федора Алексеевича в Олонец, воеводе И. Д. Лукину, об отписке вотчин Вяжицкого монастыря в Толвуйскую волость; 17 V 1681. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

21. Грамота царя Федора Алексеевича стольнику Е. В. Заборовскому о вотчинах Вяжицкого монастыря и о не принадлежащих ему землях; апрель 1682 г. Копия. Скоропись XVII в., столбец.

22. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей в Олонец, воеводе И. И. Панину, о платеже деньгами за стрелецкий хлеб крестьянами Толвуйской вотчины Вяжицкого монастыря в связи с тем, что в 1682 г. хлеб вымерз; 26 III 1683. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

23. Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей в Олонец, воеводе И. И. Панину, о производстве суда в Новгороде над неподчинявшимися крестьянами Толвуйской волости; 25 VI 1684. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

24. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей в Олонец, воеводе И. И. Панину, о предоставлении Палеостровскому монастырю на пять лет в оброк пустошей Вяжицкого монастыря; 18 III 1683. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

25. Опись и документы, касающиеся Спасского Сяберского монастыря. Скоропись XVIII в., 23 лл., лл. 1—6 — в лист, лл. 7—23 — в 4-ку, без переплета. Лл. 1—6 — опись имущества, вотчин, угодий и доходов Сяберского монастыря; лл. 7—8 об. — грамота новгородского митрополита Корнилия в Вяжицкий монастырь, архимандриту Боголепу, о приписке Сяберского монастыря к Вяжицкому монастырю, 2 XI 1683, копия; лл. 8 об.—9 об. — память о том же, 19 XI 1683, копия; лл. 9 об.—10 об. — память о повинности крестьян бывшего Сяберского монастыря архимандриту Вяжицкого монастыря, 8 XII 1704, копия; л. 11 — письмо царевича Алексея Петровича архимандриту Вяжицкого монастыря Аркадию о принадлежности крестьян бывшего Сяберского монастыря Вяжицкому монастырю, 28 I 1714, копия; л. 11 об. — письмо царевича Алексея Петровича Дмитрию Крюкову о том же, 28 I 1714, копия; лл. 12—22 — выпись из переписных книг 1678 г. с перечислением крестьян Сяберского монастыря, копия.

26. Грамоты и челобитная о земельных владениях и крестьянах Вяжицкого монастыря. Скоропись XVIII в., 26 лл., без переплета. Лл. 1—14 — грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей в Новгород, воеводе князю Б. И. Прозоровскому, о пожаловании земель Вяжицкому монастырю, 18 IV 1694, копия; лл. 15—16 — челобитная архимандрита Аркадия новгородскому митрополиту Юву о неповиновении крестьян бывшего Сяберского монастыря, без даты, копия; л. 16 об. — грамота новгородского митрополита Корнилия в Вяжицкий монастырь, архимандриту Боголепу, о принадлежности Вяжицкому монастырю земель и крестьян бывшего Сяберского монастыря, ноябрь 1683 г., копия.

27. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей и соправительницы Софии в Олонец, воеводе князю В. Ф. Долгорукову, об освобождении 26 дворов вотчин Вяжицкого монастыря от служб и податей; 28 II 1687. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

28. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей, подтверждающая права Вяжицкого монастыря на земли и угодья в Толвуйской волости; 9 VI 1685. Копия. Скоропись XVII в., столбец.

29. Грамота патриарха Иоакима в Новгород, митрополиту Корнилию, о приписке к Вяжицкому монастырю Понедельского монастыря; 26 VII 1687. Копия. Скоропись XVII в., столбец.

30. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей и соправительницы Софии в Олонец, воеводе Н. Д. Глебову, о необходимости судить в Новгороде не подчинявшихся властям крестьян Толвуйской волости; 30 VIII 1686. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

31. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей и соправительницы Софии в Новгород, воеводе П. В. Шереметьеву, о том же; 31 VIII 1686. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

32. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей и соправительницы Софии в Олонец, воеводе князю Д. Ф. Долгорукову, об учинении суда и расправы над отложившимися крестьянами Вяжицкого монастыря согласно царским указам и Уложению; 1 III 1687. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

33. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей в Новгород, воеводе князю П. С. Прозоровскому, о необходимости судить в Новгороде крестьян Толвуйского погоста; 8 X 1689. Копия. Скоропись XVII в., столбец.

34. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей в Новгород, воеводе князю П. С. Прозоровскому, о выдаче Вяжицкому монастырю пятисот рублей; 25 IX 1689. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

35. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей в Олонец, воеводе Л. А. Стрешневу, о зачете в оброчные деньги 200 рублей, ушедших на постройку сгоревших строений Вяжицкого монастыря; 25 II 1582 (!). Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

36. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей в Олонец, воеводе Л. А. Стрешневу, о сборе стрелецкого жалованья с Толвуйской вотчины Вяжицкого монастыря; 28 III 1691. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

37. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей в Новгород, воеводе князю Б. И. Прозоровскому, о пожаловании Вяжицкому монастырю двух вежей на оз. Ильмене взамен взятых мест в Старой Руссе; 8 X 1692. Копия. Скоропись XVII в., столбец.

38. Грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей в Новгород, воеводе князю Б. И. Прозоровскому, о невзимании без особой надобности подвод с крестьян вотчин Вяжицкого монастыря; 21 III 1694. Копия. Скоропись XVII в., столбец с печатью.

39. Грамота новгородского митрополита Корнилия в Вяжицкий монастырь, архимандриту Лаврентию, по поводу ложного доноса о захвате покосов Колмова монастыря; февраль 1697 г. Подлинник. Скоропись, столбец с печатью.

1529. Выпись из дозорных книг 1652 г. Скоропись XVIII в., в лист, 4 л., без переплета.

Фонд. 520. Клопский монастырь. Опись 1

24. Житие Михаила Клопского, Тучковская редакция.³ Скоропись XVIII в., в лист, 35 л., без переплета. Рукопись сильно повреждена сыростью, листы рассыпаются.

Фонд 521. Спас-Нередицкий монастырь. Опись 1

1. Жалованные грамоты Нередицкому монастырю. Скоропись XVIII в., в лист, 3 л., без переплета. Лл. 1—2 — грамота царя Василия Шуйского в Новгород, воеводе князю А. П. Куракину, о пожаловании денежной и

³ Последнее издание текста см. в работе: Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1958, стр. 141—167.

хлебной руги Нередицкому монастырю, 17 XII 1607, копия; л. 2 об. — грамота царя Михаила Федоровича с подтверждением пожалования, 17 X 1617, копия; лл. 2 об.—3 — то же царя Алексея Михайловича, 28 XI 1646, копия; л. 3 — то же царя Федора Алексеевича, 14 XII 1677, копия; л. 3—3 об. — то же царей Ивана и Петра Алексеевичей, 7 IV 1685, копия.

Фонд 523. Сковородский монастырь. Опись 1

1. Синодик, XVII—XIX вв., в лист, 116 лл., без переплета (сохранилась лишь часть нижней дубовой доски). Лл. 4—6, 7—21 и 24—25 об. — XVII в., почерк — крупный, четкий полуустав, с киноварью. Текст XVII в. написан в 1651 г., в связи с указом царя Алексея Михайловича о вечном поминовении 12 июля «дворян и детей боярских и всяких чинов людей, которые в прошлом 159 году на его государеве службе подо Псковом междоусобною бранию на боярах побиты» (л. 4).

Фонд 636. Отенский монастырь. Опись 1

1. Грамота и памятные записи о землях Козьмодемьянского монастыря. Скоропись XVIII в., в лист, 4 лл., без переплета. Л. 1 — грамота царя Алексея Михайловича в Новгород, воеводе князю М. Б. Репнину, о передаче земель разоренного Козьмодемьянского монастыря Отенскому монастырю, 6 V 1662, копия; лл. 1 об.—4 об. — памятная запись подьячему Якову Кононову о том же, 25 X 1666, копия.

2. Памятная запись подьячему Афанасию Балавенскому о том же; июнь 1662 г. Копия. Скоропись XVIII в., в лист, 2 лл., без переплета.

О. П. БУГАЕВА

Рукописи Смоленского областного краеведческого музея

Город Смоленск один из древнейших русских городов. Рукописная традиция Смоленска восходит к далекому прошлому. Однако тяжелая судьба города, долгое время бывшего рубежом Русской земли, сказалась на сохранности местного рукописно-книжного творчества. Территория Смоленска много раз была ареной ожесточенной борьбы с неприятелями, посягавшими на целостность и сохранность Русского государства. Сколько раз пожары и враги уничтожали книжные сокровища смолян.

Последний и огромный урон рукописным богатствам Смоленска был нанесен немецко-фашистскими захватчиками во время оккупации ими города в 1941—1943 гг. Фашистские молодчики не пожалели сил, чтобы уничтожить духовные богатства города: десятки вагонов книг, старинных вещей, предметов искусства были отправлены ими в Германию. Большая часть книг так и не вернулась оттуда. Сейчас в Смоленске имеются лишь жалкие остатки некогда богатой и разнообразной старинной местной письменной культуры.

В областном музее Смоленска в настоящее время хранится 70 славяно-русских рукописных книг XVI—XIX вв. и одна древняя греческая рукопись. В большинстве своем эти рукописи ранее принадлежали Тенишевскому музею и городскому Историко-Археологическому музею. Часть рукописных материалов неизвестного происхождения, по-видимому, поступила при посредстве покупки от частных лиц.

Состав собрания разнообразный. Значительная часть материалов богословского и богослужебного содержания. Однако есть в собрании рукописи исторического, литературного и бытового содержания. Эти рукописи и составляют наиболее ценную часть нашей коллекции. Есть среди них и уникальные вещи, как например подлинное письмо и указ Петра Первого, автографы историка Смоленска И. Мурзакевича и ряд других.

Из литературных произведений можно указать на «Фацеции», Летопись Псково-Печерского монастыря, Сказание («Объявление») о Стрелецком бунте 1682 г., и др. Некоторые рукописные книги, несомненно, представляют интерес для искусствоведа своими заставками и миниатюрами. Из таких назовем Сборник (XVIII в.), «Страсти Христовы» (XVIII в.), Описание свадьбы царя Михаила Федоровича (XVIII в.) и др. Небольшая группа рукописей содержит сведения по истории Смоленска XVIII—XIX вв. (см. описание рукописей в конце статьи — №№ 35, 44, 45, 53, 54, 58, 59, 63, 65—68, 70). Отметим также несколько сборников духовных стихов. Они интересны тем, что содержат песни, бытовавшие в среде смолян в XVIII—XIX вв. Два листа из старинной греческой рукописи предположительно отнесены нами к VII в. Однако эта рукопись нуждается в более тщательном обследовании специалиста, который уточнил бы ее датировку.

Среди богослужебных рукописных книг хочу обратить внимание на сборник XVI в., он переписан в 1592 г. неким Иваном Немчиным, и на Служебник XVI в., написанный если не в Молдавии, то молдаванином.

Цель нашей заметки — привлечь внимание специалистов к рукописным материалам Смоленского музея.

Ниже сообщаем краткое описание 70 рукописных книг Смоленского музея, расположив их в хронологическом порядке. Рядом с порядковым номером поставлен в скобках шифр рукописи.

Описание рукописей Смоленского областного краеведческого музея

1. (8270). Рукопись Греческая (предположительно VII в.). На пергаменте, разграфленном золотыми линиями в клетку, 2 л., разм. 19.5 × 15.5. С заставками и рамками растительного орнамента, исполненными золотом и краской по архитектурному контуру. На сгибах — следы прикрепления листов. Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 5456).

2. (9927). Служебник, первой половины XVI в. (с добавлением XVII в.). На пергаменте, писан поздним молдавским полууставом, с киноварью, 107 л., разм. 22 × 16.3, в кожаной обложке с тиснением. С заставками и заглавными буквами нововизантийского типа, исполненными золотыми красками. Бумага с филигранями: вепрь и корона. На последнем листе запись писца: «Сию литургию исписа монах Спиридон Силуану игумен в лето 7040 (1632)». Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 5246).

3. (9894). Апостол, XVI в. (без начала и конца). Писан уставом, 113 л., разм. 27 × 19, без переплета. Заголовки писаны вязью с применением киновари.

4. (12914). Сборник, конца XVI в. (с добавлением XIX в.). Скоропись, 149 л., разм. 20 × 16, без переплета. На л. 82 запись: «Сию богодуховенную книгу списал, взяв у Ивана Семеона, сына Сотникова, я, Ивашка Немчин, а совершишася в лето 7106 (1592) мая в 10 день». На л. 116 приписка: «Сие слово переведено с Еллинска языка на словенский монахом Арсением греком в 1659 г.». Содержит: книгу «Старчество», слово Ефрема Сирина «О прекрасном Иосифе», Повесть о св. Авраамии, «Песнь о душе» (в стихах. Нач.: «Есть прелесть в свете, так в полном цвете...»), Предисловие «Прохладного Вертограда»; в конце помещен список трав в заморских и русских землях. Поступила книга из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XVIII, № 25).

5. (9907). Сборник, середины XVI в. Полуустав, переходящий в скоропись, 288 л., разм. 19.5 × 18.5. На обложке запись: «Скорописная сия книга „Цветник“ села Рославля крестьянина Автонома Филатьева». Сборник содержит слова и послания некоего митрополита архиепископам, епископам и архимандритам по церковным и религиозно-нравственным вопросам. Поступила из Тенишевского музея.

6. Праздники, крюковые, XVII в. Полуустав, 381 л., разм. 20.8 × 16.2. Переплет — доски, обтянутые кожей, с тиснением, с 2 медными застежками. С заставками, заглавными буквами и концовками растительного орнамента. На 11 листах заставки с миниатюрными лицевыми изображениями, исполненными золотом, серебром и акварелью. В тексте 19 миниатюр. Заголовки писаны вязью, киноварь. Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 5453).

7. (9908). Ирмологий, крюковой, XVII в. Полуустав, 220 л., разм. 16.5 × 9.8. Переплет — доски, обтянутые кожей, с тиснением, с 2 мед-

ными застежками. Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 7843).

8. (9911). Летопись Псково-Печерского монастыря, XVII в., с позднейшими записями. Скоропись двух почерков, 82 л., разм. 21 × 17. Переплет бумажный, с кожаным корешком, поврежден насекомыми. На л. 1 пометка: «Оригинал неизвестно кем составлен, переписан в 1692 г. иродиак Пителиримом. (См. первоист. Псков. Печерск. м.)». На обложке приписка иеромонаха Серафима. В конце рукописи запись: «Сия летопись принадлежит Смоленской заградской Петропавловской церкви причетнику Тимофею Федоровичу Соколову, 1844 г. м-ца октября 4-го».

9. (9910). Ирмологий, крюковой, XVII в. Полуустав, 369 л., разм. 16 × 25, переплет деревянный, верхняя часть его отсутствует. Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 7844).

10. (9923). Октоих, XVII в. Полуустав, 83 л., разм. 20.6 × 26.5. В бумажной обложке. Без начала и конца. Рукопись поступила из Тенишевского музея.

11. (9952). Сборник, XVII в. Полуустав и скоропись. Тетрадь плохой сохранности. С многочисленными иллюстрациями примитивного рисунка (чернила и цветной карандаш). Содержит выписки из Великого Зеркала и других книг. Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XX, № 20).

12. (9896). «Разговоры школьные», XVIII в. Скоропись, 60 л., разм. 19.7 × 16.5. Тетрадь без переплета, на латинском и русском языках в вопросо-ответной форме. На обложке красными чернилами запись: «Собственность преподавателя Смоленской гимназии С. П. Писарева».

13. (8732). Фацеции, XVIII в., разм. 22 × 17. Без переплета. Содержание: О другой девице, О старом муже, О вере. Рукопись поступила из библиотеки музея (пост. № 17).

14. (11497). Объявление о Стрелецком бунте, XVIII в. 40 л., разм. 21 × 5, без переплета. С заставками и концовкой растительного орнамента, исполненными пером (чернила).

15. (11495). Проект военного устава Адамко Вейде (издан в Москве в 1698 г.), XVIII в. Писарский список, 60 л., разм. 20 × 16, без переплета. На нижних краях листов запись: «Тетрадь-артикул полку государя царевича, полкового писаря Петра... сына Богданова». Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XX, № 6).

16. (9895). Описание города Вязьмы и Вяземского уезда, XVIII в. 164 л., разм. 41 × 27, в картонном переплете. На заглавном листе запись: «Принадлежит посреднику Сергею Михайловичу Лыкошину». Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XIV, № 9).

17. (9932). Сборник, XVIII в. Скоропись трех почерков, 623 л., разм. 19.2 × 15.7, переплет — доски, обтянутые кожей, с тиснением, с 4 медными пластинками для застежек, 3 застежки утеряны. На 11 листах рисунки с изображением человека в разные возрасты, начиная с 7 лет, 14 лет и т. д. На л. 17 заставка растительного орнамента. Содержит: Месяцеслов с летописью, Студийный устав с пасхалией и Номоканон. Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 607).

18. (8397). Хиромантия, XVIII в. Скоропись трех почерков, 298 л., разм. 19.8 × 16.5. Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XX, № 24).

19. (9924). Чин погребения, XVIII в. 34 л., разм. 22 × 18, переплет бумажный, с корешком из холста. Рукопись принадлежала крестьянке Агафьи Родионовой (деревня Большие Липки).

20. (8403). Октоих, крюковой, XVIII в. Полуустав, 249 лл., разм. 23.6 × 18.5, киноварь, переплет — доски, обтянутые кожей, с тиснением. С заставками, с заглавными буквами, рисованными акварелью и золотом. На л. 5 заставка растительного белого орнамента по золотистому фону и двух птиц, склоненных над плодом. Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 8064).

21. (9919). Пасхалия зрячая, XVIII в. Полуустав и скоропись, 130 лл., разм. 16 × 10.5, переплет — картон, обтянутый кожей, с тиснением, киноварь. В тексте 20 миниатюр. Один лист с изображением пророка Моисея. Рукопись из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XVIII, № 17).

22. (9919). Луцидариус, XVIII в., с позднейшими записями. Полуустав (2 почерка) и скоропись, 62 лл., разм. 22.2 × 17.5, переплет — доски, обтянутые кожей, с остатками застежек. На обложке записи: «Приобретена от о. диакона с. Большова, Бельского уезда, Смоленской губ., Козлова 1898 г. 1—6. С. Белавенцев»; «9 ноября 1898 г. — подписанием свящ. Петру Цветкому».

23. (8415). Ответы Ивана Пешехонова, XVIII в. (с рисунками древних крестов). Скоропись, 247 лл., разм. 21.5 × 17.5, переплет бумажный. Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XXIII, № 15).

24. (12911). Сборник духовных стихов, XVIII в. 28 лл., разм. 23 × 21, тетрадь. Содержание: Стих о прекрасном Иосифе, псалмы и молитвы.

25. (9922). Житие и чудеса Артемия Веркольского, начала XVIII в. Полуустав, 70 лл., разм. 17.5 × 15, переплет бумажный, ветхий. Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 604).

26. (11490). Житие Петра Первого Петра Крекшина, XVIII в. Скоропись 16 лл., разм. 33 × 21, без переплета. На полях 1-го листа приписка: «В дела кн. Меншикова». Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XX, № 6).

27. (9930). Ирмологий, крюковой, XVIII в. Полуустав, 208 лл., разм. 26 × 20, без переплета. С заставками, заглавными буквами и рисунками на полях растительного орнамента поморского типа. На 1-м листе лицевое изображение Иоанна Дамаскина, сидящего за столом с бумагой и пером в руке. Чернила и краски. На нижних краях первых листов позднейшая запись: «Покровского монастыря... церковные... 1821 г. апреля 2 — о... подписана того же монастыря иноком Иаковом, правого клироса годовщиком».

28. Указ Петра Первого подполковнику Вырубову о наблюдении над оружейными заводами, 1723 мая. 2.1 лл., разм. 20 × 16. Подлинник. Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 8342).

29. (8269). Письмо Петра Первого бригадиру в Эльбинг (послано из Торна), от 1711 г. Скоропись, 2 лл., разм. 20.5 × 16.2. Подлинник. Поступило из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XVIII, № 11).

30. (9902). Письма Аарона епископа Корельского и Ладожского, 1718—1719 гг. Скоропись, 329 лл., разм. 35 × 20.5, переплет — картон, обтянутый кожей, с 4 кожаными завязками.

31. (9921). Страсти Христовы, XVIII в. Скоропись, 125 лл., разм. 20.5 × 17.3, переплет картонный, ветхий. С 26 раскрашенными гравюрами. Рукопись принадлежала московскому купцу 2-й гильдии Семену Иванову, сыну Лесникову. Поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XVIII, № 27).

32. (9916). Вопросы и ответы, XVIII в., с позднейшими записями (список с печатного издания: СПб.). Скоропись, 179 л., разм. 22 × 19,3, переплет бумажный. На обложке записи: «Книга сия ротмистра Егора Кубаровского: Переписал сию книгу дворовый его человек Корнилий Иванов 1772 года, месяца декабря 16 дня»; «Переpletал сию книгу села Верховья диакон Иван Тихонов Каченовский»; «Преосв. Парфению епископу Смоленскому и Дорогобужскому, Смоленского уезда, Ветлицкого стану села Верховья свящ. Степана с прихожаны и руками их подписавшихся». Содержание изложено в вопросе-ответной форме на различные явления жизни. Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XX, № 4).

33. (9925). Сборник, XVIII в. Полуустав, 434 л., разм. 18,3 × 10,5, переплет — доски, обтянутые холстом коричневого цвета. На 26 листах иллюстрации, изображающие события при жизни человека и после его смерти. В конце текста запись: «Сию книгу написал Андрей Федоров (солигалицких) прозвание Рыжев, в лето 1793». На обороте переплета наклейка: «Антикварная книжная торговля В. И. Ключкова СПб Литейный пер. 55». Содержит: Слово Кирилла Александрийского об исходе души от тела и о втором пришествии и другие статьи. Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 603).

34. (9898). Нотные церковные пасхальные песнопения (для тенора), 1727 г. 55 л., переплет бумажный. На обложке запись: «Принадлежит дому Гедео́на, епископа Смоленского и Дорогобужского». На 1-м листе над нотами запись кинноварью: «Семион Давыдович Пеналицин (тенор)».

35. (8781). Сборник (посвящен Гедео́ну Вишне́вскому, епископу Смоленскому и Дорогобужскому), 1752 г. Скоропись, 16 л., разм. 33 × 21, в цветной бумажной обложке. Заглавный лист обрамлен раскрашенным растительным орнаментом. На обороте 1-го листа рисунок пятиконечного креста в виньетке под короной. На обложке позднейшие записи: «Преосвященным Гедео́ном Вишне́вским. Смоленская семинария основана в 1728 году. В том же году был пойман монах Вербицкой, тайно действовавший в совращении смолян с пути православия. Гедео́н окончил жизнь на 83-м году 1761 года»; «Эту рукопись подарил мне Поречской мещанин Мих. Ф. Богданов 8 октября 1889 года. Смоленск. Александр Иванов Скуев».

36. (9903). «Весьма нечаянное незапное пришествие Карла XII, бывшего шведского короля в государство умерших», XVIII в. (список с печатного издания: Лейпциг, 1720). Скоропись, 99 л., разм. 32,5 × 21, переплет — картон, с кожаным корешком и наугольниками. Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XX, № 2).

37. (9870). Описание действия принятия православия и миропомазания Петра III, 1742 г., ноябрь (список с печатного издания). 6 л., разм. 22 × 17,5, без переплета. Рукопись поступила из Тенишевского музея (пост. № 6248).

38. «Мирозрение или мнение о небесно-земных глобусах и их украшениях». Сочинение Христиана Гюенса, 1727 г. (списано с печатного издания: СПб., 1717). Скоропись, 47 л., разм. 32 × 23, переплет бумажный, сделан из листов древних рукописей. Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XX, № 9).

39. (9862). Псалтырь (в стихах), XVIII в. 20 л. Выписана из «Московского» журнала (ч. VIII, 1792). Составлена Гавриилом Покатским, священником церкви св. Константина и Елены при Санктпетербургских го-

родских богадельнях для лишенных зрения (с приложением к каждому псалму исторического и нравственного «смысла»).

40. (8406). Риторика, XVIII в. 212 л., разм. 20.8 × 16.3, переплет — картон, обтянутый кожей, с тиснением, застежки утрачены.

41. (9946). Описание торжества бракосочетания царя Михаила Федоровича Романова, XVIII в. Скоропись, 61 л., разм. 21 × 16.8, переплет картонный, с кожаным корешком. С 58 миниатюрами. Поступила из Тенишевского музея (пост. № 1129).

42. Сборник, XVIII в. Полуустав, 9 л., разм. 15.5 × 12, переплет бумажный. С рисунками печатей для 7 и 5 просфор. На обложке запись: «Отобрана при обыске у крестьянина Захара Тарасова Гжатского уезда, деревни Подмошье. Исправник (подпись неразборчива)». Содержит: Сказание об антихристе и беседу о церковных обрядах.

43. (8739). О пьянстве, бесовских играх, песнях и «богомерзких деяниях», 1740 (копия с царского указа), отрывок из рукописи 1740 г. (без начала). Скоропись, 1 л., разм. 34 × 21. Рукопись поступила из библиотеки музея (№ 17).

44. (8263). Историческое и географическое описание г. Смоленска, составленное к приезду Екатерины II, 1780 г. Скоропись, 18 л., разм. 33.5 × 22, без переплета. Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XIV, № 14).

45. (8267). «Известие о тополе, посаженном Екатериною II с кесарем римским Иосифом II в Смоленске, в саду Блонье, в саду Шагах от генерал-губернаторского дома 3 июня 1780 г.». (списал Лука Голенкин), 1811 г. 2 л., разм. 21 × 16. В конце рукописи приписка автора: «Телескоп, в который смотрят светила небесные». Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XIV, № 18).

46. (8715). Письмо Ивана Чернышева матушке Ульяне Яковлевне (из Москвы), 1796 г. Скоропись, 2 л., разм. 35.5 × 22.2.

47. (9929). «Обряд службы (воинской) для отправления в 1-ой армии Е. И. В., вверенной генерала Кавалера шефа Румянцева», 1770, 108 л., разм. 15.5 × 10.5, переплет — картон, обтянутый кожей. Список.

48. (9943). «Песнь молодая или сочувствование человека о прошедшей резвости», начала XIX в. Полуустав и скоропись, 8 л., разм. 17.7 × 12, переплет бумажный. В тексте 4 рисунка и 1 гравюра с изображением играющих детей, с надписью «Малые дети юность провожают». Нач.:

Горе мне увы мне!
Во младости, во младой...

Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XX, № 19).

49. (9882) «Рассуждение о самопознании слепца-математика, служащая и предисловием к психологии», XIX в., в 2 частях, 27 главах. 107 л., разм. 37 × 23, без переплета.

50. (8919). Объяснение происхождения имен Вране, Авранте и Аврааме, XIX в. Скоропись, 10 л., разм. 24 × 21, без переплета. Рукопись поступила из библиотеки Смоленского областного краеведческого музея (№ 37).

51. (12929). Беседа Спиридона Потемкина о «нечувственных христианах, которые называются православными и прелесть хулят», XIX в. Скоропись, 76 л., разм. 21.5 × 17, переплет — картон с кожаным корешком, половина переплета утеряна, корешок оторван; рукопись без начала. В конце книги запись: «Сию выписку писал в книги листов мещанский сын

Василь Киселев 1850 г. м-ца ноября 21 числа. Руку приложил Василии Киселев».

52. (9899). О нападении разбойников в Брянском уезде Орловской губернии (рукопись неизвестного автора). Скоропись, 106 л., разм. 22.4×18.5 , переплет бумажный; один лист порван.

53. (8741). Письмо неизвестной помещицы дворянству о разорении в 1812 г. французами ее имения и спасении из плена, 1813 г., без начала, черновик, 1 л., разм. 33×20 . Поступило из библиотеки Смоленского областного краеведческого музея (№ 17).

54. (9857). «Тетрадь приходов и расходов в пути следования от Вязьмы в Арзамас по всеобщему несчастному случаю, причененному французами в 1812 г.», 1812, август — 1813, февраль. Скоропись, 16 л., разм. 22×17 . Поступила из Смоленского историко-археологического музея (пост. разд. XIV, № 20).

55. (9926). «О четвероевангелии» (Сочинение священника Смоленской Одигитриевской церкви Никифора Андриановича Мурзакевича), 1813 г., 275 л., разм. 23.5×19.5 , без переплета, в бумажной темно-зеленой обложке. С автографом. Поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XVIII, № 29).

56. (8412). История божественного откровения, сочинение священника Никифора Мурзакевича (г. Смоленск), 1815, 285 л., разм. 22×17.6 . Переплет — картон, обтянутый кожей, с тиснением. На л. 21 книги надпись: «От внука свящ. 72-го Пехотного Тульского полка Павла Мурзакевича. 1889 г. авг. 22 дня г. Смоленск».

57. (8405). Жизнь апостолов Петра и Павла (сочинение Никифора Мурзакевича). Рукопись в 2 книгах, 1819 г. 66 л., разм. 26×21.4 , переплет бумажный. На заглавном листе надпись: «От внука свящ. 72-го Пехотного Тульского полка Павла Мурзакевича 1889 г. авг. 11 дня».

58. (9904). Бухгалтерская книга (АННО 1818 г., Смоленск), с надписью на заглавном листе: «Феофилакта Боровикова, Якова Яковлева Щокотова». Скоропись, 114 л., разм. 34.5×22.7 , переплет бумажный. Поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. № 1324).

59. (9893). Дневник неизвестного дворянина Бельского уезда Смоленской губернии, 1827, 5 мая — 20 октября 1828 г. Скоропись, 16 л., разм. 33.7×21.5 , переплет бумажный. Текст правлен.

60. (8721). Записка неизвестного о своем «временипровождении среди знакомых», XIX в. 3 л., разм. 35.5×31.5 . Рукопись без начала и конца. Текст правлен.

61. (8722). Разбор значения старой русской пословицы: «Не по хорошу мил, а по милу хорош!», 1836 г. (Нижний Новгород). Скоропись, 2 л., разм. 35.5×21.8 . Текст правлен.

62. (8271). Описание конской попоны князя Понятовского, XIX в. 1 л., разм. 20×13.5 . Наклеено на картон. Конец рукописи оторван с текстом. Поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. IV, № 86).

63. (8785). Мнение заседателя от купечества и мещан Щокотова, поданное Смоленской палате гражданского суда по поводу земельного вопроса, 1842 г. (13 май). Копия с копии, 8 л., разм. 36×22 , без переплета.

64. (8724). Запись народных слов и выражений, расположенных в алфавитном порядке, XIX в. Черновик, 8 л., разм. 37×22 . Текст правлен.

65. (8780). Мнение смоленского дворянства, поданное Николаю I об обязанных крестьянах (с приложением), 1849 г. (11 февраля). Копия, 29 л., разм. 34.5×22 . Без переплета.

66. (11529). Биография Никифора Андриановича Мурзакевича (автора «Истории г. Смоленска»), составленная его сыном И. Мурзакевичем в селе Маньковке, 1856 г., 15 октября. Рукопись разм. 36.5×22.2 , без переплета. Напечатано в Смоленской уч. арх. комиссии (в. 1, стр. 173—225).

67. (9860). Смоленский губернский Служебник, или список должностных лиц 1777—1855 гг. (составлен Н. Туркестановым), 1887 (5 ноября). 27 лл., разм. 22×19 , переплет бумажный. На обложке запись: «Прилагаемые списки могут служить небольшим руководством для состояния полного исторического очерка Смоленской губ. в эпоху царств. Екатерины II и ее приемников». Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XIV, № 16).

68. (9879). Родословные примечания к Смоленскому губернскому Служебнику (составлены Н. Туркестановым), с вложением письма об издании и посвящении А. П. Энгельгардту, конец XIX в. 42 лл., разм. 22.7×18.2 , переплет бумажный. Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея.

69. (9895). Краткое топографическое и географическое описание Тверской губернии (с приложением карт), собранное тверским обер-форстмейстером Сверчковым, 1806 г. 25 лл., разм. 25×20.2 , переплет картонный, покрытый зеленой саржей.

70. (8266). Опись смоленской древней крепостной стены и башен, означенных в генеральном плане, 1844 г. 6 лл., разм. 35.5×22 , переплет бумажный. Подписано 17 декабря 1844 г. вице-губернатором Нефедьевым и другими лицами, с печатью. Рукопись поступила из Смоленского городского историко-археологического музея (пост. разд. XIV, № 12).

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Отрывок славянской служебной мины XI—XII вв.

В собрании рукописей Новгородского историко-художественного музея (еще ожидающем своего полного научного описания¹) мне попались два неизвестных в научной литературе пергаменных листка, которые могут представить интерес для языковедов и палеографов.²

Один из отрывков (№ 390) составляет верхнюю, другой (№ 391) — нижнюю половину одного и того же листа книги, исписанного в один столбец с обеих сторон. Один из боковых краев каждого отрывка обрезан, вследствие чего строки сохранились неполностью. Ширина столбца с текстом 15.5 см, высота 22.5 см. Размер листков 17.8 × 14.3 см и 17.3 × 14.0 см. По-видимому, они были использованы для обложки тетради; вдоль одного из продольных краев каждого листка — многочисленные проколы. Обратная сторона листа в обоих случаях сильно истерта и загрязнена — на ней отчетливо читаются лишь отдельные буквы и слова (ниже публикуется только текст лицевой стороны).

Почерк — четкий устав средней величины (высота 3.5—4 мм), без наклона, с почти квадратной формой букв, широко отстоящих одна от другой. Инициалы и заголовки киноварные.

Графика обычна для русских рукописей XI—XII вв.: соединительная линия йотованных букв (как и буквы «и») всегда горизонтальна и проходит посредине строки или чуть выше; «н» имеет укороченную перекладину, но начало ее лежит всегда ниже верхнего конца левой мачты, а конец — ниже середины правой мачты; «ж» всегда строго симметрично; «ч» также симметрично,³ с округлой чашечкой, занимающей по высоте 1/3 строки или чуть больше; примерно такое же соотношение верхних и нижних частей в буквах «ж», «к» и «в»; «е» узкое, вертикальное, с горизонтальным языч-

---

¹ Имеющиеся печатные описания М. Н. Тихомирова и А. Э. Жаворонкова охватывают лишь небольшую часть собрания (в первом описаны 121 рукопись, во втором — 29) и дают (в особенности второе) только самые краткие сведения (см.: М. Н. Тихомиров. Рукописи новгородского музея. — Новгородский исторический сборник, в. 5. Новгород, 1939, стр. 18—32; А. Э. Жаворонков. Рукописные и старопечатные книги Новгородского областного краеведческого музея. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 510—513). Значительная часть рукописей погибла во время оккупации Новгорода гитлеровскими войсками. В настоящее время Новгородский музей начал подготовку полного научного описания своих рукописей для опубликования его в ТОДРА.

² При подготовке настоящей заметки я пользовался консультациями Е. Э. Гранстрем, а также В. Г. Геймана и Н. А. Соколова, которым приношу глубокую благодарность.

³ Лишь в одном случае чашечка «ч» несколько смещена влево, что, впрочем, встречается и в памятниках XI в.; ср., например: Е. Ф. Карский. Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век. Варшава, 1912, стр. 6 (Супрасльская рукопись) — во 2-й строке сверху, стр. 9 (Житие Кондрата XI в.) — в 6-й строке сверху.

ком, лежащим посредине строки; «з» в виде латинского «z» с длинным вертикальным хвостом под строкой.

Некоторые наиболее характерные признаки дают материал для более определенной датировки рукописи. Употребление большого юса (как простого, так и йотованного) указывает на то, что рукопись не младше первой половины XII в.⁴ Омега встречается двух типов: в слове «от» — с высокой серединой (однако вся буква несколько ниже других букв строки вследствие помещения наверху «т»), в слове «озарень» (оборотная сторона листа) — с низкой серединой. Второй тип указывает скорее на XII в., хотя встречается и в рукописях XI в.⁵ Наиболее важна форма буквы «ѣ», которая нигде не выходит за пределы строки, что довольно определенно говорит в пользу XI в.⁶

Находят соответствие в памятниках XI в. и другие, сравнительно редкие особенности графики публикуемого текста: «у» с двумя короткими поперечными штрихами на подстрочной части буквы (ср. Слова Григория Богослова, ГПБ, Qп. I. 16,⁷ Туровское евангелие⁸), знак титла в виде горизонтальной черты с треугольными выступами вниз на концах (ср. Остромирово евангелие⁹). В тех случаях, когда два гласных идут подряд, над вторым из них (а также над йотованными гласными) стоит обычно знак, по форме похожий на лежащую арабскую цифру «1», косой штрих которой имеет вид маленького крючка у левого конца знака сверху (такой же знак в Изборнике Святослава 1073 г.¹⁰).

Пергамен невысокого качества, что встречается и в рукописях XI в. (служебные минеи 1095, 1096 и 1097 гг.¹¹), хотя и не является для них обычным. Впрочем, крайняя немногочисленность дошедших памятников письменности XI в. оставляет последнее обстоятельство, утвердившееся в науке, спорным: количество книг, потребных для богослужения, как показывают статистические данные, должно было быть довольно велико;¹² сомнительно, чтобы во всех русских церквях XI в., в том числе сельских, употреблялись главным образом книги, написанные на высококачественном и дорогом привозном пергамене.

Совокупность палеографических примет позволяет, таким образом, датировать рукопись XI в. или, в крайнем случае (учитывая главным образом наличие омеги с низкой серединой), первой половиной XII в.

⁴ См.: В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 101; ср.: Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 159.

⁵ См.: В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 100—101; ср.: Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 159.

⁶ См.: В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии, стр. 100; ср.: Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 158. В. Н. Щепкин указывает еще одно характерное отличие рукописей XI в. — крестообразную форму буквы пси (Учебник русской палеографии, стр. 100); в тексте рассматриваемых отрывков эта буква отсутствует.

⁷ См.: Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, табл. XXII, 1, левый столбец, 1-я строка снизу.

⁸ См. там же, табл. XXVII, 1, 1-я и 3-я строки снизу.

⁹ См. там же, табл. IV, 1—3; табл. V, 3.

¹⁰ См. там же, табл. VI, табл. VII, 2 (особенно строки 9, 11, 12 снизу в левом столбце и строки 13, 15 сверху в правом). Об употреблении подобных знаков см. в работе: Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 231. Значение этих знаков автором не объяснено. Не сообщают об этом и памятники, опубликованные И. В. Ягичем в его работе «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке» (Исследования по русскому языку, т. 1. Изд. ОРЯС, СПб., 1885—1895, стр. 289—1023).

¹¹ См.: Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги, стр. 5.

¹² См.: Б. В. Сапунов. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII веков. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 323.

По содержанию текст представляет собой отрывок служебной минеи за сентябрь (14 сентября, канон на Воздвижение креста).¹³ Сличение с наиболее близкими по времени списками ЦГАДА, ф. 381, № 294 (1095—1096 гг.) и ГПБ, Софийское собр., № 188 (первая половина XII в.) показывает значительные отличия публикуемого текста (как по языку, так и по составу), большие, чем расхождения списков ЦГАДА и ГПБ между собой. Со стороны языка наиболее заметное отличие заключается в употреблении большого юса — простого и йотованного (он встречается в нашем отрывке девять раз), вовсе отсутствующего в соответствующем тексте списков ГПБ и ЦГАДА. По составу публикуемый список отличается двумя значительными пропусками текста и небольшим числом опущений отдельных слов.

Для удобства сопоставления с двумя упомянутыми списками при публикации отрывка даны все имеющиеся разночтения. Список ЦГАДА, ф. 381, № 294 в разночтениях обозначен буквой *Б*,¹⁴ список ГПБ, Соф. 188 — буквой *В*¹⁵ (публикуемый список — буквой *А*).

Орфография подлинника передается без каких-либо упрощений; произведена разбивка текста на слова с сохранением расположения его по строкам. Киноварь выделена полужирным шрифтом.¹⁶ Пунктуация дана современная (о пунктуации подлинника и расположении надстрочных знаков можно судить по прилагаемой фотокопии). Все буквы и слова, которые настолько стерлись, что не могут быть прочтены, а также утраченные части строк реконструированы по списку *Б*. Стершиеся буквы, которые не могут быть реконструированы по спискам *БВ* (ввиду отсутствия в них соответствующего слова), обозначены точками. Весь реконструированный текст заключен в прямые скобки.

№ 390

- (1) ...прободъшею, [да видать ꙗзыци вси]
- (2) [спс]ение¹ бжие, прославляюще въ вѣкы
- (3) [вся. Бжие]мь соудьмь избърании,² веселите сѧ³
- (4) [крс]тъньский⁴ вѣрнии⁵ црси⁶ хвалите сѧ⁷
- (5) [по]бѣдоноснымь⁸ оружиемь, примь
- (6) [ше] ѿ⁹ ба крста¹⁰ чьстьнааго¹¹ симь¹² бо колѣ
- (7) [на] брани дръзости¹³ поискающе,¹⁴ расыпа
- (8) [ю]ть сѧ въ вѣкы.¹⁵
- (9) [Пѣ]ѣ.¹⁶ Таинъ ѳеси,¹⁷ бже, раи, невъздѣланны.¹⁸

¹³ Ср.: И. В. Ягич. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. СПб., 1886, стр. 0125—0126.

¹⁴ Текст этого списка использован по публикации его, выполненной И. В. Ягичем (Служебные минеи. . ., стр. 0125—0126).

¹⁵ См. лл. 69 об. — 70.

¹⁶ На фотокопии киноварь почти не заметна.

1 спсение *Б*. 2 избърани *Б*. 3 сѧ *В*. 4 крѣтъньский *Б*; крѣтъньский *В*.
 5 вѣрнии *Б*; вѣрнии *В*. 6 црси *Б*; цсре *В*. 7 сѧ *В*. 8 побѣдоноснымь *БВ*.
 9 нет *Б*. 10 крта *Б*. 11 чьстьнааго *Б*. 12 сими *Б*; симь *В*. 13 дръзости *Б*;
 дръзость *В*. 14 поискающе *Б*. 15 Доб. в *Б*; доб. вьси *В*. 16 Доб. ꙗмо *Б*.
 17 еси *Б*. 18 Далее в *БВ* идет следующий текст, опущенный в *А* (дается по *Б*):
 въздрастивъши хѧ, имь же крѣтъноѣ живоносноѣ на земли насажано бы древо.
 Темь ныне в[ѣ]зносимо покланяюще сѧ ѳемоу та величаемь.

- (10) [Да в]ъзрадоуѣтъ¹⁹ сѧ дѣбравнаѧ²⁰ дрѣве
 (11) [са] въсѧчьскаѧ, освъщѣшѧ²¹ сѧ²² ѣстьствоу ихъ
 (12) [Ѹ] него же²³ испърва насаждено²⁴ бысть,²⁵ хви
 (13) [распр]ост[ър]ѣшѧ²⁶ сѧ на дрѣвѣ, тѣмъ ны
 (14) [нѣ] въ[з]носимѧ²⁷ покланѧюще²⁸ сѧ, ²⁹ та ве

№ 391

- (15) [личае]мъ.³⁰
 (16) Свѣщени³¹ въста рогъ бѣгомѣдримъ[ъ],³²
 (17) главѣ въсѣмъ³³ крстѣ,³⁴ на нѣмъ³⁵ же г[рѣш]ь
 (18) ныхъ³⁶ сътирають сѧ рози въси. Темъ[ъ ны]
 (19) нѣ възносимоу покланѧюще³⁷ сѧ ѣм[оу, тя]
 (20) ³⁸ величаемъ.
 (21) Ирм³⁹ [...].⁴⁰ Свѣдѣ ради дрѣвны[г].⁴¹
 (22) Не горест[ъ] дрѣ[в]нѣжю⁴² ос[т]авль⁴³ оуби[с]т[в]ь
 (23) ноу,⁴⁴ ги, крстѣмъ⁴⁵ до коньца пот[р]ѣ[биль]
 (24) еси.⁴⁶ Тѣмъ и дрѣво оуследи дрѣвл[е]⁴⁷ горестъ]
 (25) водѣ мерьскѣ,⁴⁸ проображаѧ крст[ъ]ноую].⁴⁹

¹⁹ възрадоуютъ *БВ*. ²⁰ доубравнаѧ *БВ*. ²¹ освъщшоу *Б*; освъщшоу *В*. ²² сѧ *В*.
²³ Доб. бо *Б*; доб. бѣ *В*. ²⁴ насаженъ *Б*; насажено *В*. ²⁵ бы *Б*. ²⁶ распро-
 стършоу *Б*; распростършоу *В*. ²⁷ възносимоу *БВ*. ²⁸ покланѧюще *Б*; покланѧюще *В*.
²⁹ сѧ *В*; доб. ѣмоу *БВ*. ³⁰ велич. *Б*. ³¹ Свѣщны *БВ*. ³² бѣгомѣдримъ *БВ*.
³³ всѣмъ *Б*. ³⁴ крстѣ *В*. ³⁵ немъ *БВ*. ³⁶ Доб. мыслныхъ *БВ*. ³⁷ покла-
 нѧюще *БВ*. ³⁸⁻⁴⁰ Нет *Б*. ³⁹ Ирмъ *В*. ³⁹⁻⁴⁰ Нет *В*. ⁴¹ дрѣвны *Б*;
 дрѣвны *В*; далее в *БВ* идет следующий текст, опущенный в *А* (дается по *Б*):
 родоу пребы[в]шиѧ смърть крта ради оупразни сѧ днѣ ибо прамѣре въсеродьна
 клѧтва раздроуши сѧ прозибениѣмъ чѣсты бѣжи мѣре, юже всѧ силы нѣснны
 величаютъ. ⁴² дрѣвнѣжю *БВ*. ⁴³ на *Б*. ⁴⁴ оубиствѣнѣю *Б*. ⁴⁵ крстѣмъ *Б*;
 крстѣмъ *В*. ⁴⁶ еси *Б*. ⁴⁷ дрѣвле *Б*. ⁴⁸ мерьскъ *Б*. ⁴⁹ кртыноую *Б*.

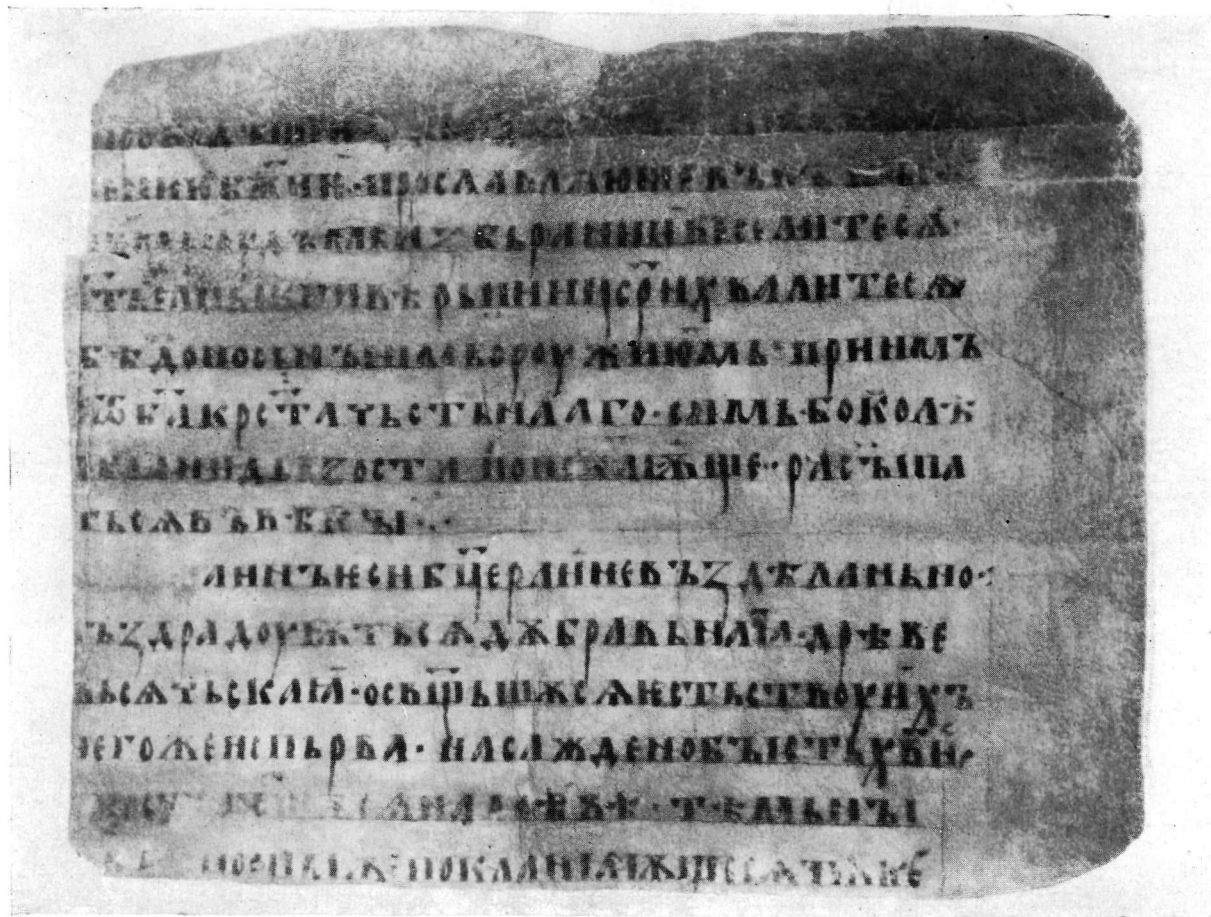

Рис. 1. Отрывок служебной миней XI—XII вв., верхняя половина листа. (Новгородский историко-художественный музей, № 390, разм. 17,8 × 14,3 см).

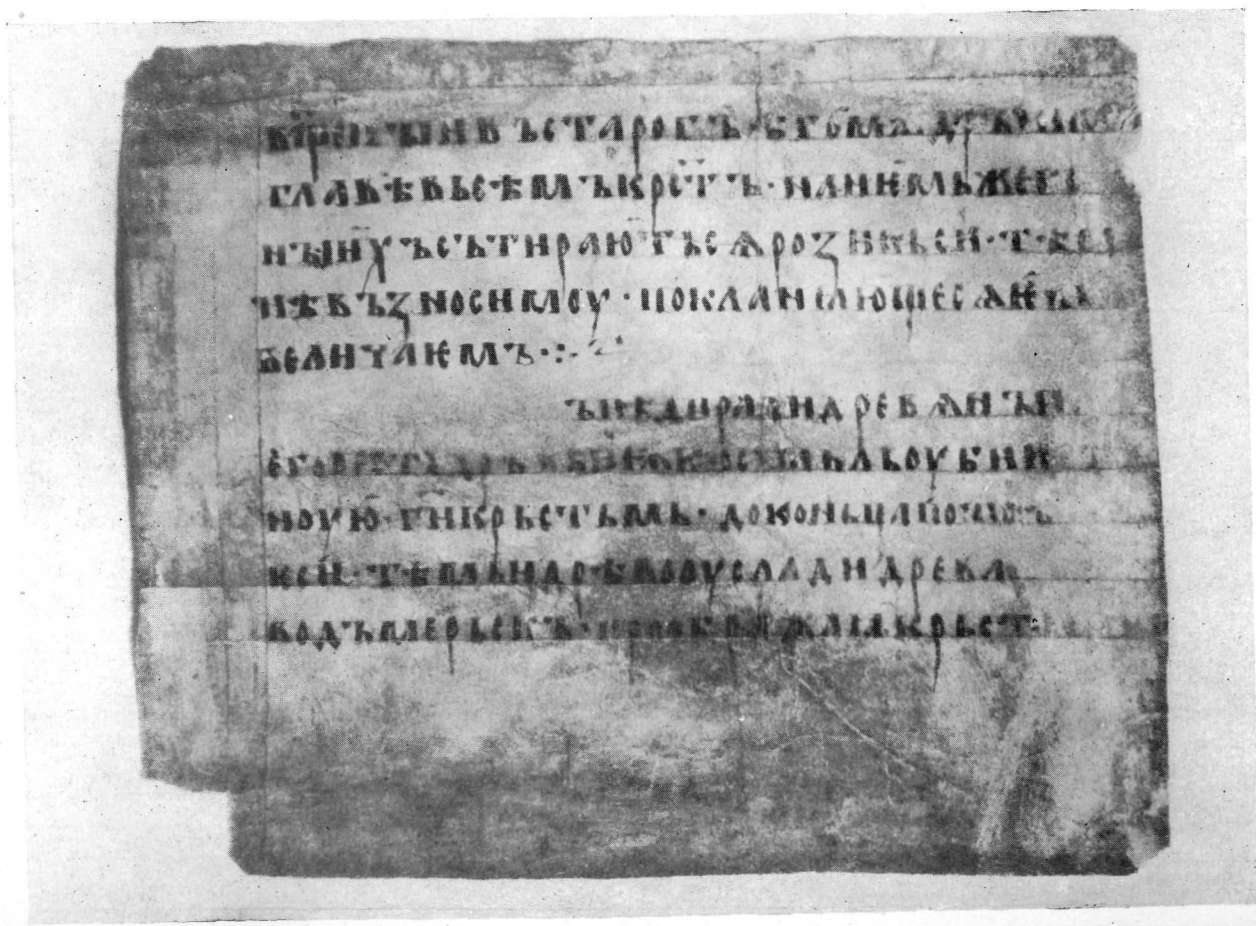

Рис. 2. Отрывок служебной миней XI—XII вв., нижняя половина листа. (Новгородский историко-художественный музей, № 391, разм. 17,3 × 14,0 см).

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

**Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших
в СССР за 1956—1957 гг.¹**

1956

1. Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература. — В кн.: 50 лет Пушкинского Дома. Под ред. В. Г. Базанова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956 (ИРЛИ), стр. 79—100.
2. Адрианова-Перетц В. П. К вопросу о начальном периоде формирования национальной русской литературы. — В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей. Изд. АН СССР, М., 1956 (ОЛЯ АН СССР), стр. 19—24.
3. Азбелев С. Н. Вопросы древнерусской литературы в «Очерках истории исторической науки в СССР», т. I. — ИЮЛЯ, М., 1956, т. XV, в. 6, стр. 541—545.

Рецензия на I том данной книги, вышедшей под редакцией М. Н. Тихомирова (главный редактор), М. А. Алпатов, А. Л. Сидорова (Изд. АН СССР, М., 1955).

4. Азбелев С. Н. Новгородская третья летопись. (Время и обстоятельства возникновения). — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 236—262.
5. Алексеев М. П. Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбуковниках XVI—XVII веков. — В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей. Изд. АН СССР, М., 1956 (ОЛЯ АН СССР), стр. 25—41.
6. Алексеев М. П., В. Г. Базанов, Н. И. Пруцков, И. А. Алексеев. 50-летие Пушкинского Дома. — Вестник АН СССР, М., 1956, № 5, стр. 43—47.

Стр. 44—45 — итоги работы Сектора древнерусской литературы.

7. Алпатов М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 292—310.

С привлечением жития и легенд о Георгии, «Девгениева деяния».

---

¹ Библиография составлена на основании просмотра книжной летописи, летописи журнальных статей и рецензий Всесоюзной Книжной палаты (на русском языке). Из публикуемых материалов исключены газетные статьи (кроме рецензий). Рецензии, вышедшие за рубежом, включены не полностью. Материал отобран по принципам, принятым составителями книги «Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг.» (Под редакцией и со вступительной статьей Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 35—36) В. А. Колобановым, О. Ф. Коноваловой и М. А. Салминой. Приношу мою глубокую благодарность за оказанную помощь В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачеву, В. И. Малышеву, А. С. Морщиной. В библиографию включены работы, поступившие в библиотеки до 1 января 1958 г.

8. Альшиц Д. Н. Неизвестные послания Ивана Грозного. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 427—430.

9. Ангелов Боню С. «Слово о полку Игореве» и българската литература. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 60—70. (На болгарском языке).

10. Анкудинова Л. Е. Социальный состав первых раскольников. — Вестник Ленинградского университета, № 14. Серия истории, языка и литературы, в. 3. Изд. ЛГУ, Л., 1956, стр. 54—68.

Привлекается материал сочинений протопопа Аввакума.

11. Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 1. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 7—43.

На стр. 18—22 — значение открытия берестяных грамот.

12. Арциховский А. В. Раскопки 1955 года в Новгороде. — ВИ. М., 1956, № 3, стр. 66—74.

Новые находки берестяных грамот.

13. Бачманов В. С. и А. М. Плотников. К изучению философской мысли древней Руси XI—XV вв. — Вестник Ленинградского университета, Серия экономики, философии и права, в. 1. Изд. ЛГУ, 1956, № 5, стр. 67—73.

Рецензия на книгу: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1. Изд. АН СССР, М., 1955.

14. Бегунов Ю. К. Кормчая Ивана Волка Курицына. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 141—159.

15. Берков П. Н. Хронологический список печатных работ члена-корреспондента АН СССР Д. И. Абрамовича (1873—1955) и литературы о нем. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 613—621.

16. Берков П. Н. Член-корреспондент АН СССР М. П. Алексеев. (К шестидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научно-литературной деятельности). — ИЮЛЯ, М., 1956, т. XV, в. 5, стр. 457—459.

Очерк деятельности, обзор работ.

17. Браичевський М. Ю. Перший історик східнослов'янських народів (До 900-річчя з дня народження Нестора-літописця). — Вісник АН УРСР. Київ, 1956, № 7, стр. 51—53.

18. Буданов В. И. Ценное пособие. — ИА. М., 1956, № 2, стр. 234—237.

Рецензия на книгу: В. Н. Шумилов. Обзор документальных материалов Центрального Государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1954, 304 стр.

19. Будовниц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 79—104.

20. Булаховский Л. А. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». Изд. АН СССР, М., 1955. — ИЮЛЯ, М., 1956, т. XV, в. 1, стр. 76—81.

Рецензия.

21. Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка. — Вопросы языкознания. М., 1956, № 1, стр. 3—25.

Отзыв о книге Л. П. Якубинского «История древнерусского языка». М. 1953 (стр. 8—9), о работах Д. С. Лихачева над языком «Слова о полку Игореве» и новгородских летописей XII в. (стр. 9). Язык памятников литературы XI—XVII вв. (стр. 10—12, 14).

22. Виноградова В. Л. Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 20—27.
23. Виноградова В. Л. «Повесть о Горе-Злочастии». (Библиография). — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 622—641.
24. Воронин Н. Н. Археологические заметки. (Доклад, читанный на заседании Сектора славяно-русской археологии 27 января 1955 г.). — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, т. 62. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 17—32.

Стр. 19—22 — материал о причастности князя Андрея Боголюбского к литературной деятельности владимирских церковников.

25. II Всесоюзное совещание по вопросам изучения древнерусской литературы в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинском Доме). (23—26 апреля 1955 года). — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 647—650.
26. Галактионов А. А. и П. Ф. Никандров. Насущные вопросы истории русской философии. По поводу «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» (тт. I и II, Изд. АН СССР, М., 1955). — Вестник Ленинградского университета, Серия экономики, философии и права, в. 4. Изд. ЛГУ, 1956, № 23, стр. 151—157.

Рецензия. На стр. 151—152, 154 — по поводу истории русской философии XI—XVII вв.

27. Гарибян Д. Из истории русской лексики. — Ученые записки Ереванского гос. русского педагогического института им. А. А. Жданова, т. VI. Армучпедгиз, Ереван, 1956, стр. 281—314.

На материале Азовских повестей.

28. Гарибян Д. А. Лексика и фразеология Азовских повестей 17 в. Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956 (Институт языкознания АН СССР). 17 стр.
29. Гарибян Д. Несколько лексических уточнений. (О лексике «Азовских повестей» XVII в.). — Известия АН АрмССР, Общественные науки, 1956, № 11, стр. 97—101.
30. Голубев И. Ф. Рукописные книги бывш. Тверской ученой архивной комиссии. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 518—521.
31. Государственные архивы Союза ССР. Краткий справочник. Под ред. Г. А. Белова, А. И. Логиновой, С. В. Нефедовой, И. Н. Фирсова. М., 1956 (Главное архивное управление). 508 стр.
32. Гудзий Н. К. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 35—41.

33. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 6-е, испр. Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для филологических факультетов университетов и факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. Учпедгиз, М., 1956, 511 стр.
34. Гудзий Н. К. Николай Саввич Тихонравов. Изд. МГУ, М., 1956 (серия «Замечательные ученые Московского университета»), 84 стр.
35. Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 527—545.
36. Гудзий Н. К., Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». — В кн.: Большая советская энциклопедия, изд. 2-е, т. 39, стр. 357—358. (Том подписан к печати в 1956 г.).
37. Данелия С. И. К вопросу о личности Псевдо-Дионисия Ареопажита. — Византийский временник, т. VIII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 377—384.

Рецензия на работы Ш. И. Нуцубидзе «Тайна Псевдо-Дионисия Ареопажита» (Тбилиси, 1948) и «Руставели и Восточный Ренессанс» (Тбилиси, 1947).

К вопросу о переводной литературе древней Руси.

38. Данелия С. И. Мировоззрение автора поэмы «Слово о полку Игореве». — В кн.: С. И. Данелия. Статьи о русской литературе. Изд. Научно-методич. кабинета, Тбилиси, 1956, стр. 23—35.
39. Данилецкий М. Д. Полиграфия Львова от Ивана Федорова до наших дней. (К 700-летию г. Львова). — Сборник трудов Украинского научно-исследовательского института полиграфической промышленности, т. IV. Львов, 1956, стр. 5—12.
40. Данилов В. В. Хронологический список трудов академика Василия Михайловича Истрина. (Род. 29 января 1865 г., ум. 19 апреля 1937 г.). — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 586—593.
41. Данилов В. В. Чешский славист Ян. Фрчек. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 642—644.

Очерк жизни и деятельности (работа над «Задонщиной»).

42. Демина Н. А. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 311—324.

В сравнении с приемами изображения людей в литературе той поры.

43. Демина Н. А. и П. Л. Вайншенкер. О сессии, посвященной 575-летию со дня Куликовской битвы. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 651—652.
44. Дмитриев-Кельда И. Д. О восстановлении списков «Слова о полку Игореве». 253 стр. и схемы. (Ученые записки Орского гос. педагогического института, т. 1. Серия филологическая. Саранск, 1956, в. 1).
45. Доронин И. П. (и др.). История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма, т. 1. Отв. ред. К. Р. Симон. Изд. АН СССР, М., 1956 (Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР). 725 стр. (и Приложение 1).

Составители: И. П. Доронин (руководитель работы), А. Н. Байкова, Д. Я. Брилон, Э. Д. Виноград, С. Н. Каптерев, Е. Д. Романова, К. Р. Симон, Е. Н. Харламова.

На стр. 259—261, 267—269, 276—277, 284—287, 300—303 (302—303 — библиография по «Слову о полку Игореве» и «Задонщине»); на стр. 367—368, 372—373, 379—382, 385—386, 403, 406—408, 450, 479, 493—494 — библиография исследований и изданий памятников литературы XI—начала XVIII в.

Рец.:

Боровой С. Я. Ценный вклад в историческую библиографию. — В кн.: Советская библиография. Сборник статей и материалов, в. 47. Изд. Всесоюзной Книжной палаты, М., 1957, стр. 109—112.

46. Дубровский С. М. Против идеализации деятельности Ивана IV. — ВИ. М., 1956, № 8, стр. 121—129.

Рец.:

Конференция читателей журнала «Вопросы истории» в Ленинграде. — ВИ. М., 1956, № 7, стр. 184—190 (см. стр. 188—189).

Курмачева М. Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного. — ВИ. М., 1956, № 9, стр. 195—203.

Шевяков В. Н. К вопросу об опрочнине при Иване IV. — ВИ. М., 1956, № 9, стр. 71—77.

47. Евгеньева А. П. Языковые особенности «Песни о рябине» в записи 1699 г. как материал для ее локализации. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института, т. XV. Факультет языка и литературы, в. 4. Л., 1956, стр. 163—181.
48. Елеонский С. Ф. Литература и народное творчество. Пособие для учителей средней школы. Учпедгиз, М., 1956. 239 стр.

С привлечением литературных памятников XI—начала XVIII в. (стр. 15—48).

Рец.:

Шиповский С. С учетом требования программы. — Учительская газета, 1957, № 14, 31 января, стр. 2.

49. Еремин И. П. К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 28—34.
50. Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 340—361.

Публикация текстов.

51. Еремин И. П. Новейшие исследования художественной формы древнерусских литературных произведений. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 284—291.
52. Жаворонков А. Э. Рукописные и старопечатные книги Новгородского областного краеведческого музея. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 510—513.
53. Жовтис А. Слово о Куликовской битве («Задонщина»). — Литературная Тула. Альманах, кн. 12. Тула, Книжное издательство, 1956, стр. 157—174.

Стихотворный перевод.

54. Жовтис А. Л., К. Ш. Канафиева, Т. В. Поссе, Н. К. Савченко, А. Г. Фролова. Древняя русская литература. Хрестоматия для студентов отделений казахского языка и литературы университета, педагогических и учительских институтов. Казахское гос. учебно-педагогическое издательство, Алма-Ата, 1956. 228 стр.
55. Забродченко В. П. Лексика русских повестей первой трети XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956 (МГУ). 15 стр.

56. «Задонщина». Переложение Александра Скрипова. — Дон. Альманах, № 1. Ростов-на-Дону, Книжное издательство, 1956, стр. 183—196.

Стихотворный перевод.

57. Зимин А. А. «Летописец начала царства» — памятник официальной политической идеологии середины XVI в. — Доклады и сообщения Института истории АН СССР, в. 10. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 78—88.

58. Зимин А. А. Матвей Башкин — вольнодумец XVI в. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. IV. Изд. АН СССР, М., 1956 (Институт истории АН СССР), стр. 230—245.

59. Зимин А. А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 160—173.

60. Зимин А. А. О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв. — ИА. М., 1956, № 6, стр. 133—143.

Характеристика изданий литературных памятников (см. также № 90).

Рец.:

Лихачев Д. С. К вопросу о реконструкции древнерусских текстов. — ИА. М., 1957, № 6, стр. 154—166.

61. Зимин А. А. Р. П. Дмитриева. «Сказание о князьях Владимирских». М.—Л., 1955. — ИА. М., 1956, № 3, стр. 235—238.

Рецензия.

62. Иссерлин Е. М. Из истории русской синонимии. (На материале литературного языка XVII века). — В кн.: Сборник трудов Московского заочного полиграфического института, в. 4. М., 1956, стр. 175—190.

Анализ шести русских переводов книги «Sz. Starowolskiego „Dwor cesarza tureckiego“» с привлечением оригинальных русских повестей XVII в.

63. Кадоев Игоры Стөррыл. «Слово о полку Игоре». Перевод В. А. Газзаева. Изд. 2-е. Госиздат Юго-Осетии, Сталинир, 1956. 53 стр. (На осетинском языке).

64. Казакова Н. А. Неизданное произведение Вассиана Петракеева. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 387—426.

65. Каменская Е. Исторический сюжет в клеймах иконы «Владимирская богоматерь» Истомы Савина. — В кн.: Материалы и исследования. Государственная Третьяковская галерея, т. 1. Изд. «Советский художник», М., 1956, стр. 44—49.

Тема нашествия Тамерлана на Москву.

66. Каштанов С. М. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. — Византийский временник, т. XI. Изд. АН СССР, М., 1956 (Институт истории АН СССР), стр. 308—324.

Рецензия на книгу: W. K. Medlin. Moscow and East Rome. A Political Study of the Relations of Church and State in Moskwite Russia. Geneva, 1952.

67. Каштанов С. Полезное исследование. — В кн.: На берегах Великой. Псковский литературный альманах, 1956, № 7, стр. 134—139.

Рецензия на книгу: Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Изд. ЛГУ, Л., 1955. 196 стр.

68. Кекелидзе К. Проф. Э. Хонигман о Петре Ибере и сочинениях Пс. Дионисия Ареопагита. — Труды Тбилисского гос. университета им. И. В. Сталина, т. 63. Изд. Университета, 1956, стр. 421—430.

Рецензия на книгу: E. Honigmann. Pierre l'Iberien et les écrits du Pseudo-Denys Aréopagite. Bruxelles, 1952.

К вопросу о переводной литературе древней Руси (см. также № 342).

69. Кислов М. Археологические раскопки в Новгороде в 1956 году. — Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. Изд. МГУ, М., 1956, № 2, стр. 177—180.

Обзор 56 вновь найденных берестяных грамот (среди них три азбуки мальчика Онфима).

70. Клибанов А. И. «Самобытийная ересь». (Из истории русского свободомыслия конца XV—первой половины XVI в.). — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, т. IV. Изд. АН СССР, М., 1956 (Институт истории АН СССР), стр. 203—229.
71. Кокорина С. И. К вопросу о составе и плане авторского текста «Казанской истории». (По поводу нового издания «Казанской истории»). — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 576—585.

По поводу книги: Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

72. Колобанов В. А., О. Ф. Коновалова и М. А. Салмина. Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. Под редакцией и со вступительной статьей Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956. 171 стр.

Рец.:

Берков П. Н. Новинки советской литературоведческой библиографии. (Несколько замечаний о нуждах советского литературоведения в области библиографии). — ИЮЛЯ, М., 1956, т. XV, в. 6, стр. 538—541.

На стр. 538 — о библиографических изданиях по древнерусской литературе.

Новые труды по древнерусской литературе. — Псковская правда, 1956, № 14, 20 января, стр. 4.

73. Колосова Т. А. Синтаксис повестей об Азовском взятии и осадном сидении. (Простое предложение). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956 (МГУ). 24 стр.

74. Колчин Б. А. Древнейшая русская азбука. — Русский язык в школе, 1956, № 2, стр. 7—9.

Берестяная азбука XIII в.

75. Корецкий В. И. К вопросу о социальной сущности «нового учения» Феодосия Косого. — Вестник Московского университета, Историко-филологическая серия, Изд. МГУ, М., 1956, № 2, стр. 105—124.

76. Косцова А. К вопросу о датировке Эрмитажного и б. Эрмитажного «Титулярников». — Сообщения Государственного Эрмитажа, т. X. Изд. «Искусство», Л., 1956, стр. 12—14.

77. Котков С. И. Еще одно древнерусское свидетельство о «зегзице». — Доклады и сообщения Института языковедения АН СССР, № 10. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 81—83.

78. Котляренко А. Н. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института, т. XV. Факультет языка и литературы, в. 4. Л., 1956, стр. 131—160.

79. Кравченко А. Г. Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 379—386.

80. Кривчик В. Ф. О словарном составе белорусских переводных повестей второй половины XVI века. — Ученые записки Белорусского гос. университета им. В. И. Ленина. Серия филологическая, в. XXVII. Минск, Изд. университета, 1956, стр. 213—231.

На материале «Повести об Атилле», «Повести о Тристане», «Повести о Бове» (из так называемого Познанского рукописного сборника).

81. Крывелев И. А. «Вопросы истории религии и атеизма». Сборник статей. Тт. 1—3. Изд. АН СССР, М., 1950—1955 (Институт истории АН СССР). — ВИ. М., 1956, № 8, стр. 163—167.

На стр. 164—165 рецензируется статья И. У. Будовница «К вопросу о крещении Руси», на стр. 166 — статья А. И. Клибанова «Написание о грамоте».

82. Кудрявцев И. М. Рукописное собрание А. С. Норова. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, в. 18. М., 1956, стр. 48—63.

Стр. 51—52 — обзор древнерусских рукописей.

83. Кузнецов П. С. Букварь Ивана Федорова. — Вопросы языкознания. М., 1956, № 2, стр. 91—97.

Лингвистический анализ и отзыв на работы: «Ivan Fedorov's primer». Harvard library bulletin, vol. IX, № 1. Cambridge, Mass, 1955; В. С. Люблинский. Судьба памятника и его значение в истории отечественного книгопечатания. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1955, в. 5; Т. А. Быкова. Место «Букваря» Ивана Федорова среди других начальных учебников. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1955, в. 5.

84. Кузьмин Ф. Ф. Список трудов В. В. Виноградова. — В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей. Изд. АН СССР, М., 1956 (ОЛЯ АН СССР), стр. 299—309.

На стр. 301—302, 305—307 — работы по древнерусской литературе.

85. Кузьмина В. Д. Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века. (Исследование и тексты). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1956 (ИМЛИ). 29 стр.

86. Кузьмина В. Д. Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского. (Род. 19 апреля 1863 г., ум. 12 апреля 1938 г.). — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 594—612.

87. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии. (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов). — Ученые записки ЛГУ, № 198. Филологический факультет, Серия филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии и стилистике. Изд. ЛГУ, 1956, стр. 200—224.

На стр. 213—214 и 215—216 — лингвистический комментарий к «Слову» Даниила Заточника и к слову «жир» в «Слове о полку Игореве».

88. Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. Отв. ред. А. А. Григорьев. Изд. АН СССР, М., 1956. (Институт географии АН СССР). 240 стр.

На материале летописей, статейных списков послов, хожений.

89. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. Под ред. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР, М., 1956 (Институт истории АН СССР). 554 стр. и карта.

Стр. 444—450 — об оригинальном происхождении Повести временных лет; стр. 454—459 — о русской переводной литературе XI—XII вв.

Реу.:

Зимин А. А., Г. Л. Курбатов. — Византийский временник, т. XII. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 270—284.

90. Левченко М. В. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии. — Византийский временник, т. VIII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 7—25.

На стр. 23—25 — ~~рецензия~~ ~~по поводу~~ о так называемом «византийском влиянии» в древнерусской литературе и мнимогреческом происхождении русского летописания.

91. Лихачев Д. С. Движение русской литературы XI—XVII веков к реалистическому изображению действительности. Материалы к дискуссии о реализме в мировой литературе. М., 1956 (ИМЛИ). 19 стр.

92. Лихачев Д. С. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV века. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 105—115.

93. Лихачев Д. С. Новое болгарское издание «Слова о полку Игореве». («Песен из похода на Игор, Игор Святославич, внук Олегов»). Преведе Людмил Стоянов. Издание на Българската Академия на науките, София, 1956, 142 стр.). — Славяне. М., 1956, кн. 7, стр. 57—59.

Рецензия.

94. Лихачев Д. С. Об итогах и задачах изучения русской литературы XI—XVII вв. — В кн.: Колобанов В. А., О. Ф. Коновалова и М. А. Салмина. Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. Под редакцией и со вступительной статьей Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 3—34.

95. Лихачев Д. С. От исторического имени литературного героя к вымышленному. — ИЮЛЯ. М., 1956, т. XV, в. 3, стр. 201—214.

96. Лихачев Д. С. По поводу статьи В. А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников. — ИА. М., 1956, № 3, стр. 188—193.

На материале литературных памятников XI—XVII вв. Рецензия на статью В. А. Черных, помещенную в № 4 журнала «Исторический архив» 1955 г. (см. также № 60).

97. Лихачев Д. С. Средневековый символизм в стилистических системах древней Руси и пути его преодоления. (К постановке вопроса). — В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей. Изд. АН СССР, М., 1956 (ОЛЯ АН СССР), стр. 165—171.

98. Лихачев Д. С. Justinia Besharov. Imagery of the Igor' tale in the light of byzantino-slavic poetic theory. Leiden, 1956. — ИЮЛЯ. М., 1956, т. XV, в. 6, стр. 549—552.

Рецензия.

99. Логунова Л. А. Государственный архив Калининской области. Краткий справочник о содержании архивных фондов и научно-справочной библиотеки. Под ред. М. А. Ильина. Калинин, 1956 (Архивный отдел УМВД Калининской области). 20 стр.

Обзор древнерусских рукописей — стр. 18—19.

100. Лукьяненко В. И. «Азбука» Ивана Федорова и ее место в истории русского букваря. — Тезисы докладов IV конференции профес-

- сорско-преподавательского состава по итогам научной работы 20—24 декабря 1956 года. Ленинградский гос. библиотечный институт им. Н. К. Крупской. Л., 1956, стр. 34.
101. Лукьянов В. В. Краеведческие материалы в рукописных собраниях Ярославля. (Краткий обзор). — Краеведческие записки Ярославского обл. краеведческого музея, в. 1. Ярославское книжное издательство, 1956, стр. 251—257.
- На стр. 254 — перечень рукописных житий XVI—XVII вв. местных святых.
102. Лукьянов В. В. Краткие сведения о рукописных собраниях городов Ростова, Щербакова и Тутаева Ярославской области. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 514—517.
103. Лукьянов В. В. Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» — Иоиль Быковский. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 42—45.
104. Лурье Я. С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 116—140.
105. Лурье Я. С. «Материалы по истории СССР, в. II. Документы по истории XV—XVII вв.». Изд. АН СССР, М., 1955. — ИА. М., 1956, № 4, стр. 277—281.
- Рецензируются публикации текстов и статьи О. А. Яковлевой (О Пискаревском летописце — стр. 277—278, 280—281), Л. В. Пушкарева (о «Повести о начале Москвы» — стр. 278, 280—281) и А. Н. Насонова (о Летописном своде XV в. и Ермолинской летописи — стр. 280).
106. Лурье Я. С. Р. П. Дмитриева. «Сказание о князьях Владимирских». Изд. АН СССР, М.—Л., 1955. — ИЮЛЯ, 1956, т. XV, в. 2, стр. 171—177.
- Рецензия.
107. Мавродин В., С. Пештич. Начало серьезной и полезной работы. — Коммунист, 1956, № 11, стр. 109—114.
- Рецензия на книгу: Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. Под ред. М. Н. Тихомирова (главный редактор), М. А. Алпатов, А. Л. Сидорова. Изд. АН СССР, М., 1955.
108. Малышев В. И. Археографическая экспедиция на Пижму. — ИА. М., 1956, № 1, стр. 252—255.
- Обзор древнерусских рукописей.
109. Малышев В. И. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) за 1952—1954 годы. — Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, в VI. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956 (ИРЛИ), стр. 99—102.
110. Малышев В. И. Пижемская рукописная старина. (Отчет о командировке 1955 года). — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 461—493.
- Описание рукописей.
111. Малышев В. И. Повесть о Сухане. (Из истории русской повести XVII века). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1956 (ИРЛИ). 17 стр.
112. Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956 (ИРЛИ). 224 стр.

Рец.:

Дедов А. «Повесть о Сухане». Находка в Институте русской литературы.— Русские новости. Париж, 1957, № 643, 27 сентября (на русском языке).

Домановский Л. Неизвестная воинская повесть.— Вечерний Ленинград, 1957, № 84, 9 апреля, стр. 3.

Зайцев В. Повесть о Сухане.— Вопросы литературы. М., 1957, № 1, стр. 228—229.

Зимин А. А. (В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956).— ИЮЛЯ, 1957, т. XVI, в. 3, стр. 267—269.

Новые труды по древнерусской литературе.— Псковская правда, 1956, № 14, 20 января, стр. 4.

Панченко А. Повесть о Сухане.— Псковская правда, 1957, № 21, 30 января, стр. 4.

Пропп В. Я.— В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957 (ИРЛИ), стр. 348—350.

Путилов Б. Обретенная ценность.— Звезда. М., 1957, № 4, стр. 216—217.

Ценная находка.— Литературная газета, 1956, № 146, 8 декабря, стр. 2 (книжные новинки).

113. Маргарян Б. А. Словарный состав повестей Петровского времени. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956 (Московский областной педагогический институт). 16 стр.

114. Матвеев В. А. Заметки о языке новгородских берестяных грамот.— Вопросы языкознания. М., 1956, № 4, стр. 82—91.

Палеографическое описание и анализ фонетики.

115. Мещерский Н. А. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы.— Византийский временник, т. XI. Изд. АН СССР, М., 1956 (Институт истории АН СССР), стр. 279—284.

116. Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии.— Византийский временник, т. IX. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 170—185.

117. Мещерский Н. А. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода.— Ученые записки Карело-Финского педагогического института, т. II, в. 1. Госиздат Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1956, стр. 198—219.

118. Мещерский Н. А. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики.— Ученые записки Карельского педагогического института, т. III, в. 1. Серия историко-филологических наук. Госиздат Карельской АССР, Петрозаводск, 1956, стр. 64—88.

119. Мещерский Н. А. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве». — Ученые записки ЛГУ, № 198. Филологический факультет, Серия филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Изд. ЛГУ, 1956, стр. 3—9.

120. Мещерский Н. А. Отрывок из книги «Иосиппон» в Повести временных лет.— Палестинский сборник, в. 2 (64—65). Изд. АН СССР, М.—Л., 1956 (Российское Палестинское общество), стр. 58—68.

121. Микитась В. Л. Древние рукописи Института литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украинской ССР.— ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 506—509.

122. Михаил Павлович Алексеев. Список научных печатных трудов. Ред. Е. С. Венецианова и Л. П. Козлова. Л., 1956 (ГПБ. Подготовлено к печати Отделом печатных библиографических работ). 35 стр.

На стр. 11, 16—17, 21—23, 25—26, 28 указаны работы по древнерусской литературе.

123. Моисеева Г. Н. В Институте русской литературы. (Выставка древнерусских рукописей). — Вестник АН СССР. М., 1956, № 3, стр. 130—131.
124. Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-бике и Сумбека «Казанской истории». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 174—187.
125. Мулкиджанян М. Выражение целевых отношений в «Повести временных лет». — Труды Тбилисского гос. университета им. И. В. Сталина, т. 63. Изд. университета, 1956, стр. 397—419.

Лингвистический анализ.

126. Мурзанова М. Н., Е. И. Боброва и В. А. Петров. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела библиотеки Академии наук, в. 1. XVIII век. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956 (БАН). 484 стр.
127. Наврот М. И. Okладная книга Сибири 1697 г. — Проблемы источниковедения, т. V. Изд. АН СССР, М., 1956 (Институт истории АН СССР), стр. 184—209.

Привлекаются Сибирские летописи, Степенная книга, Новый летописец.

Рец.:

Мерзон А. Ц. — История СССР. М., 1957, № 2, стр. 166.

128. Надвикова Т. Ф. Лексика «Хождения» игумена Даниила. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1956 (Институт языкознания АН СССР), 13 стр.
129. Назаревский А. А. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 546—575.
130. Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинского Дома) с января 1955 по май 1956 года. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 653—655.
131. Нечаева В. С. Konrad Górski. Sztuka edytorska. Zarys teorii. Państwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa, 1956. — ИЮЛЯ, М., 1956, т. XV, в. 6, стр. 552—555.

Рецензия на работу о принципах текстологии, привлекающую материал средневековой польской литературы.

132. Нуцубидзе Ш. И. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Ред. С. Г. Каухчишвили. Изд. АН ГрузССР, Тбилиси, 1956. 246 стр.

Рецензия на книгу: Devos Paul. Les origines du «Barlaam et Joasaph» grec. A propos de la thèse nouvelle de M. Nucubidze. — Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1957, t. LXXV, fasc. I—II, стр. 83—104.

133. Орлик И. И. P. Constantinescu-Jasi. Relațiile culturale romîno-ruse din trecut. București. Academia, 1954. 228 p. — ВИ. М., 1956, № 1, стр. 190—192.

Рецензия. На стр. 190—191 о литературных связях X—XVII вв. (румынские и русские летописи и другие памятники).

134. Орлова Н. А. Лексика сатирических повестей XVII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1956 (ЛГУ). 12 стр.
135. Осипов А. М., В. А. Александров, Н. М. Гольдберг. Афанасий Никитин и его время. Изд. 2-е, испр. и доп. Учпедгиз, М., 1956 (Школьная историческая библиотека). 216 стр. и карта.

136. Павел Наумович Берков. (К шестидесятилетию со дня рождения). Список научных печатных трудов. Ред. М. В. Машкова. Л., 1956 (ГПБ. Подготовлено к печати Отделом печатных библиографических работ). 48 стр.

На стр. 15—22, 24—25, 28—30, 32, 36, 38 указаны работы по древнерусской литературе.

137. Павлий П. Д., А. И. Белецкий, Е. П. Кирилук, С. А. Крыжановский. Литература. — В кн.: Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е, т. 39, стр. 135—145. (Том подписан к печати в 1956 г.).

На стр. 137—138 — древняя украинская литература (с привлечением памятников древнерусской литературы, в том числе «Слова о полку Игореве»).

138. Парманин М. П. Путь Игоря Северского на половцев в 1185 г. (Заметка краеведа). — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 55—59.

139. Перетц В. Н. Новый список «Слова» Даниила Заточника. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 362—378.

140. Перцаў В. Н. Гістарычная думка на тэрыторыі Беларусі паводле даных ранняй народнай творчасці і летапісаў (з старажытнейшых часоў да XVI ст.). — Весці АН БССР, Серыя грамадскіх навук. Выд. АН БССР, Мінск, 1956, № 3, стр. 5—14.

141. Петров В. А. Обзор собрания Воронцовых, хранящегося в Архиве Ленинградского отдела Института истории Академии наук СССР. — Проблемы источниковедения, т. V. Изд. АН СССР, М., 1956 (Институт истории АН СССР), стр. 102—145.

На стр. 134—135, 137, 140 — перечень шифров рукописей древнерусских литературных произведений (в том числе перевода «Слова о полку Игореве»).

Рец.:

Мерзон А. Ц. — История СССР. М., 1957, № 2, стр. 166.

142. Петрова И. В. Некоторые вопросы теории перевода (на материале новой попытки перевода «Слова о полку Игореве» на английский язык). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1956 (Тбилисский гос. университет им. И. В. Сталина и Тбилисский гос. педагогический институт иностранных языков). 22 стр.

143. Позднеев А. В. Лирические песни XVII века. (К вопросу о репертуаре). — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956 (ИРЛИ), стр. 78—96.

144. Попов П. Н. К библиографии «Слова о полку Игореве». — ИЮЛЯ, М., 1956, т. XV, в 3, стр. 268—271.

Рецензия на книгу. Л. А. Дмитриев. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954 гг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955. 90 стр.

145. Поппэ А. В. Древнерусская надпись XII столетия на рукоятке ножа из Дрогичина. — Проблемы источниковедения, т. V. Изд. АН СССР, М., 1956 (Институт истории АН СССР), стр. 328—333.

К истории древнерусской письменности.

146. Преображенский А. А. В. Н. Шумилов. «Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв.» Под

ред. М. Н. Тихомирова. М., 1954 (Главное архивное управление. ЦГАДА). 304 стр. — ВИ. М., 1956, № 3, стр. 189—190.

Рецензия.

147. Привалова Н. И. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 494—505.
148. Прийма Ф. Я. К истории открытия «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 46—54.
149. Путилов Б. Н. Народное творчество древней Руси (X—XVII вв.). — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общей ред. П. Г. Богатырева. Изд. 2-е, доп. и испр. Учпедгиз, М., 1956, стр. 176—191.

На материале литературных памятников XI—XVII вв.

150. Путилов Б. Н. О некоторых проблемах изучения исторической песни. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956 (ИРЛИ), стр. 63—77.

К проблеме «древнерусская литература и фольклор».

Рец.:

Чистов К. Сборник «Русский фольклор». — Вопросы литературы. М., 1957, № 3, стр. 217—220.

151. Путилов Б. Н. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 226—235.
152. Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г. Госкультпросветиздат, М., 1956 (Министерство культуры РСФСР. Управление учебных заведений). 447 стр.

На стр. 5—20 — материалы по начальному периоду русской библиографии XI—XVII вв.

153. Ривош Э. Первая русская книга о Китае. — Дальний Восток. Хабаровское книжное издательство, 1956, № 2, стр. 175—177.

По поводу книги Н. Г. Спафария (1678 г.)

154. Робинсон А. Н. Выставка древних рукописных книг. — ИЮЛЯ. М., 1956, т. XV, в. 4, стр. 398—400.
155. Робинсон А. Н. Работа группы по изучению древнерусской литературы в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. — ИЮЛЯ. М., 1956, т. XV, в. 3, стр. 293—296.
156. Розанова Т. Формы глагола прошедшего времени в «Задонщине». — Ученые записки Великолукского гос. педагогического института. Изд. газ. «Великолукская правда», Великие Луки, 1956, стр. 211—224.
157. Розов Н. Н. К юбилею Остромирова евангелия. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 337—339.
158. Розов Н. Н. Настенные росписи на сюжеты древнерусской литературы в Воскресенском соборе в городе Тутаеве. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 325—333.
159. Розов Н. Судьба старейшей русской книги. — Нева. Л., 1956, № 5, стр. 188.

Остромирово евангелие.

160. Рыбаков Б. А. «Остромирова летопись». — ВИ. М., 1956, № 10, стр. 46—59.
161. Садыкова Д. М. Из истории массовой драматической литературы XVIII в. Театр интермедии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956 (Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина) 16 стр.
162. Сапунов Б. В. К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 431—441.
163. Скрипиль М. О. Вопросы научной периодизации русского народного поэтического творчества (X—XVII веков). — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956 (ИРЛИ), стр. 22—38.

С привлечением материала литературных памятников XI—XVII вв.

Рец:

Чистов К. Сборник «Русский фольклор». — Вопросы литературы. М., 1957, № 3, стр. 217—220.

164. Смирнов И. И. Из истории политической борьбы в Русском государстве в 30-х годах XVI в. (Заговор Михаила Глинского 1534 г.). — Ученые записки ЛГУ, № 205. Из истории СССР. Исторический факультет. Серия исторических наук, в. 24. Изд. ЛГУ, 1956, стр. 179—193.

На материале «Царственной книги», «Летописца начала царства» и летописей.

165. Смолицкий В. Г. Вступление в «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 5—19.
166. Соколова М. А. К вопросу о корневых словах. (На материале имен существительных). — Ученые записки ЛГУ, № 198. Филологический факультет. Серия филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Изд. ЛГУ, 1956, стр. 225—233.

На основе лексики «Стоглава», «Домостроя» и «Судебника 1550 г.».

167. Сотникова М. «Петровы» гривны. — Сообщения Государственного Эрмитажа, т. X. Гос. изд. «Искусство», Л., 1956, стр. 49—51.

Сопоставление с графикой берестяных грамот XIII—XIV вв.

168. Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956. 388 стр. с илл.

Рец:

Клибанов А. И. — История СССР. М., 1957, № 3, стр. 204—208.
Саккетти А. Л., Ю. Ф. Сальников. О взглядах И. Пересветова. — ВИ. М., 1957, № 1, стр. 117—124.

169. Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 188—225.
170. Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — Проблемы источниковедения, т. V. Изд. АН СССР, М., 1956 (Институт истории АН СССР), стр. 44—101.

Рец:

Мерзон А. Ц. — История СССР. М., 1957, № 2, стр. 166—167.

171. Тальман Е. М. О передаче текста исторических источников. — ИА, 1956, № 5, стр. 174—186.

По поводу публикации летописных текстов.

Рец.:

Михайлова Д. М. Обсуждение вопроса о передаче текста исторических источников. — ИА. М., 1956, № 5, стр. 239—244.

172. Тиганова Л. В. Литературно-художественная деятельность Симеона Полоцкого. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956 (Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина. Кафедра русской литературы). 19 стр.
173. Тимофеев Л. И. Об истоках русского литературного стихосложения. — ИЮЛЯ. М., 1956, т. XV, в. 6, стр. 496—514.
174. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е, доп. и перераб. Госполитиздат, М., 1956. 477 стр.

На стр. 262—270 — письменность и берестяные грамоты; на стр. 270—273 — городские книгохранилища XI—XIII вв.; на стр. 274—275, 278—282 — летописи и летописные повести XI—XIII вв.; на стр. 276—277 — «Слово» Даниила Заточника как памятник городской литературы.

Рец.:

Монгайт А. Л. — ВИ. М., 1957, № 1, стр. 152—157.

Рорре А. W sprawie początków miast staroruskich. — Przegląd historyczny. Wydawany przez towarzystwo miłośników historii w Warszawie, t. XLVIII, Zeszyt 3. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, стр. 553—568.

175. Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII века. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 442—457.
176. Тихомиров М. Первый русский букварь. — Новый мир. М., 1956, № 5, стр. 268—272.

Рецензия на издание «Букваря» Ивана Федорова 1574 г.: «Ivan Fedorov's Primer of 1574». Facsimile edition, with commentary by Roman Jakobson and appendix by William A. Jackson. Published under the auspices of Harvard College Library and the Department of Slavic Languages and Literatures of Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 1955.

177. Тонян С. Проблема отцов и детей в русских повестях XVII века. — Студенческий научный сборник Ереванского гос. русского педагогического института им. А. А. Жданова, т. IV. Армучпедгиз, Ереван, 1956, стр. 60—73.
178. Ухова Т. Б. Миниатюры, орнамент и гравюры в собрании В. М. Ундольского. Каталог. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, в. 18. М., 1956, стр. 64—141.

Описание древнерусских лицевых рукописей.

179. Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. Ред. В. Л. Коваленко, Н. С. Филиппова. Изд. «Молодая гвардия», М., 1956. 175 стр. и илл.

Краткое предисловие К. Симонова.

Рец.:

Позднеев А. В. — Литература в школе. М., 1957, № 4, стр. 82—84.

Тихомиров М. Н. Новое о «Слове о полку Игореве». — Новый мир. М., 1957, № 1, стр. 297—300.

Тищенко В. І. — Література в школі, Київ, 1957, № 2, стр. 80—82.

Шарапов Ю. Кто был автором «Слова о полку Игореве». — Московский комсомолец, 1956, № 118, 16 июня, стр. 2.

Шиповский С. Интересное исследование. — Учительская газета, 1956, № 51, 17 ноября, стр. 3.

180. Хаустова И. С. Из истории лексики рукописных «Ведомостей» конца XVII века. — Ученые записки ЛГУ, № 198. Филологический факультет, Серия филологических наук, в. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Изд. ЛГУ, 1956, стр. 51—95.
181. Хлебникова-Прокопович Е. Н. Глагольное формообразование при помощи приставок в памятниках русской письменности второй половины XVII века. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 10. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 130—155.

На материале «Повести о Ерше-Ершовиче», «Повести о Горе-Злочастии» и Жития Аввакума.

182. Хрестоматия по археографии. Пособие для студентов Московского Государственного историко-архивного института. Под ред. Г. Д. Костомарова. М., 1955 (на обложке 1956) (Московский гос. историко-архивный институт). 296 стр.

Переиздание материалов о правилах изданий памятников древнерусской литературы (стр. 133—136, 160—163, 186, 208—238, 251—263 и др.).

183. Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. Путеводитель. Под ред. С. Н. Валка и В. В. Бедина. Л., 1956 (Главное архивное управление). 607 стр.
184. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Изд. МГУ, М., 1956. 243 стр.

Лексика эпохи Киевской Руси (стр. 97—183) и XVI—XVII вв. (стр. 184—239).

Рец.:

Исаченко А. В. О книге П. Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии». — Вопросы языкознания. М., 1957, № 3, стр. 119—127.
Львов А. С. — ИЮЛЯ. М., 1957, т. XVI, в. 2, стр. 172—178.

185. Черепнин Л. В. Русская палеография. Госполитиздат, М., 1956 (Московский гос. историко-архивный институт). 616 стр.

Учебное пособие для вузов.

Рец.:

Устюгов Н. В. Л. В. Черепнин. Русская палеография. — ИА. М., 1957, № 3, стр. 240—243.

186. Шаскольский И. П. «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки». Изд. АН СССР, М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»). — Известия Всесоюзного географического общества. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, т. XXXVIII, в. 2, стр. 305—307.

Рецензия.

187. Шепелева Л. С. К вопросу об истоках грузинской драматургии XVIII века. Из истории русско-грузинских культурных связей. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1956 (ЛГУ). 15 стр.

Стр. 4—5 по поводу Сказаний о Вавилонском царстве и Повести о царице Динаре

188. Шиловский А. Н. Хозяйственно-бытовая лексика «Послания Даниила Заточника». — Наукові записки, т. 52. Збірник праць Історико-Філологічного факультету (мовознавство), в. IX. Дніпропетровський державний університет. Видавництво Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка, 1956, стр. 135—158.

189. Шмидт С. О. Миниатюры Царственной книги как источник по истории московского восстания 1547 г. — Проблемы источниковедения, т. V. Изд. АН СССР, М., 1956 (Институт истории АН СССР), стр. 265—284.

Рец.:

Мерзон А. Ц. — История СССР. М., 1957, № 2, стр. 165—166.

190. Шольсон М. М. О первом переводе «Слова о полку Игореве» на польский язык. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 71—78.
191. Шапов Я. Н. Рукописи, поступившие в 1955 г. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, в. 18. М., 1956, стр. 180—209.

Описание древнерусских рукописей.

192. Щеглова С. А. Разночинно-демократический театр начала XVIII века и его репертуар. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 263—283.
193. Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Кировское книжное издательство, Киров, 1956, 243 стр.

Стр. 196—209 — литература Вятского края в XVII—начале XVIII в.

194. Югов Алексей. Искры истины. — Октябрь. М., 1956, № 5, стр. 164—171.

К вопросу о прочтении отдельных выражений в летописях и «Слове о полку Игореве».

195. Яковцевский Б. М. Рукописные книги Устюженского районного музея Вологодской области. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 522—523.
196. Якубинский Л. П. Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка (XV—XVII века). — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института, т. XV. Факультет языка и литературы, в. 4. Л., 1956, стр. 3—35.

Анализ языка литературных памятников.

1957

197. Абецедарский Л. С. Белорусы в Москве XVII в. Из истории русско-белорусских связей. Изд. Белорусского университета им. В. И. Ленина, Минск, 1957, 64 стр.

«Актеры-белорусы в Москве» (стр. 43—46); «Книгоиздательская деятельность С. Полоцкого» (стр. 46—49).

198. Авдусин Д. А. Смоленская берестяная грамота. — Советская археология. М., 1957, № 1, стр. 248—249.
199. Автократов В. Н. (Новые издания по теории и практике архивного дела). — ИА. М., 1957, № 2, стр. 212—214.

Рецензия на работу: М. Н. Шобухов. Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. Под ред. Г. К. Митяева. М., 1955. 68 стр.

200. Адрианова-Перетц В. П. З історії сатирично-гумористичної рукописної української літератури XVII—XVIII ст. — Радянське літературознавство. Вид. АН УРСР, 1957, № 4, стр. 81—83.

201. Адрианова-Перетц В. И. Из истории текста антиклерикальных сатир. («Сказание о бражнике» и «Сказание о попе Саве»). — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 497—500.
202. Адрианова-Перетц В. П. Изучение древнерусской литературы. (Совещание в Институте русской литературы). — Вестник АН СССР, 1957, № 7, стр. 110—112.
203. Адрианова-Перетц В. Пословицы и поговорки. — В кн.: Избранные пословицы и поговорки русского народа. Составители: Н. П. Колпакова, М. Я. Мельц, Г. Г. Шаповалова. Вступительная статья В. П. Адриановой-Перетц. Гослитиздат, М., 1957, стр. 5—23.

На стр. 13—14 — пословицы в памятниках древнерусской литературы; стр. 14—16 — записи пословиц XVII—XVIII вв.

204. Азбелев С. Н. Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. (Обзор списков). — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 282—297.
205. Альшиц Д. Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Труды ГПБ, т. I (IV). Л., 1957, стр. 119—146.
206. Амшинский М. Собраны древние рукописи. — Огонек, 1957, № 10, стр. 20.

Результаты археографической экспедиции ГБЛ в Горьковскую область.

207. Ангонова В. И. Московская икона начала XIV в. из Киева и «Повесть о Николe Зарайском». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 375—392.
208. Артаксергово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, ИРЛИ; ГБЛ. Отдел рукописей). 347 стр. с илл.

Рец.:

Всеволодский-Гернгросс В. Рукописи «Артаксергова действа». — Сообщения Института истории искусств, № 10—11. Театр. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 77—81.

209. Арциховский А. В. Берестяные грамоты мальчика Онфима. — Советская археология. М., 1957, № 3, стр. 215—223.
210. Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 511—518.
211. Бакланова Е. Ф. К вопросу об употреблении некоторых юридических терминов в официальном языке XV—XVI вв. — Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н. И. Лобачевского, в. 44. Серия филологическая. Горький, 1957, стр. 47—69.

На материале Судебников 1497, 1550 и 1589 гг.

212. Бегунов Ю. К. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 214—224.
213. Бейсов П. С. Кубок Фрола Разина. (К истории русского стиха XVII века). — Материалы из фондов. Ульяновский областной краеведческий музей им. И. А. Гончарова, в. 1. Ред. М. Х. Валкин. Ульяновск, 1957. 14 стр.
214. Берков П. Н. Вероятный источник народной пьесы «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 298—312.

215. Берков П. Н. Материалы для библиографии литературы о русских народных (лубочных) картинках. (К 75-летию выхода в свет «Русских народных картинок» Д. А. Ровинского). — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 353—362.
216. Беркович М. Ю. До питання про походження древноруської народності. — Наукові записки, т. III. Держ. вид. «Радянська школа», Київ, 1957, стр. 39—56.

Частично о «Слове о полку Игореве».

217. Библиография русской библиографии по истории СССР. Аннотированный перечень библиографических указателей, изданных до 1917 года. Под ред. З. Л. Фрадкиной. Изд. Всесоюзной Книжной палаты. М., 1957 (Гос. публичная историческая библиотека РСФСР). 197 стр.

На стр. 33, 81—89 — библиография работ по древнерусской литературе.

218. Білецький О. Видатний радянський літературознавець. До 70-річчя з дня народження академіка АН УРСР М. К. Гудзія. — Радянська Україна, Київ, 1957, № 105, 5 травень, стр. 4.
219. Білецький О. І. Микола Каленикович Гудзій. (До 70-річчя з дня народження). — Радянське літературознавство. Вид. АН УРСР, Київ, 1957, № 3, стр. 32—37.
220. Багусевич В. А., М. Ю. Браичевський, В. К. Гончаров. Культура Київської Русі. — В кн.: Нариси стародавньої історії Української РСР. Вид. АН УРСР, Київ, 1957 (Ін-т археології АН УРСР), стр. 494—536.

На стр. 498—504 — письменность и грамотность; на стр. 504—513 — литература XI—XIII вв.

221. Борисевич А. С. Политические тенденции в московских «житиях» XIV в. — Ученые записки Шахтинского гос. педагогического института. Изд. газ. «Ленинское знамя», Шахты, 1957, т. II, в. 1, стр. 55—63.
222. Бродская В. Б., С. О. Цаленчук. История русского литературного языка. Часть первая. X—XVIII вв. Под ред. Е. В. Кротевича. Изд. Львовского университета, 1957. 171 стр.
223. Буганов В. И. Описание московского восстания 1648 г. в Архивском сборнике. — ИА. М., 1957, № 4, стр. 227—228.
224. Бушуев С. К. Учебные материалы по курсу «Русская историография» для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов, в. 1. Изд. МГУ, 1957 (Научно-методический кабинет по заочному обучению при МГУ). 24 стр.

На материале памятников древнерусской литературы XI—XVII вв.

225. Варшавский Л. Р. История искусств. Методические указания. М., 1957 (Московский заочный полиграфический институт. Факультет художественного оформления печатной продукции). 89 стр.

На стр. 71—75 — графика и орнамент в рукописях и книгах XI—XVII вв.; на стр. 74—75 — основная библиография вопроса.

226. Виноградов В. В. Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы. — ИЮЛЯ. М., 1957, т. XVI, в. 5, стр. 407—429.

На стр. 412—413, 417 относительно изучения стилей памятников литературы XI—XVII вв.

227. Витковский В. Работы польских ученых по древнерусской филологии и истории за 1945—1955 гг. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 615—626. (На русском и польском языках).
228. Водовозов Н. В. Повесть о битве на реке Калке. — Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина, т. LXVII. Кафедра русской литературы, в. 6, М., 1957, стр. 3—19.
229. Водовозов Н. В. Повесть XIII века об Александре Невском. (К вопросу о составе повести и ее авторе). — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. LXVII. Кафедра русской литературы, в. 6. М., 1957, стр. 21—45.
230. Воронин Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. ~~364—374~~ 11—56.
231. Воронин Н. Н. Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 364—374.
232. Всеволодский-Гернгросс В. Русский театр. От истоков до середины XVIII в. Отв. ред. С. Ф. Елеонский. Изд. АН СССР, М., 1957 (Институт истории искусств АН СССР). 262 стр. 15 07
233. Всемирная история, т. III. Под ред. Н. А. Сидоровой (отв. редактор), Н. И. Конрада, И. П. Петрушевского и Л. В. Черепнина. Госполитиздат, М., 1957 (АН СССР. Институты истории, востоковедения, истории материальной культуры, китаеведения, славяноведения). 896 стр.

Появление русской письменности (стр. 262), древнерусская литература и связи ее с литературами других стран в XI—начале XII в. (стр. 262—263, 266), XII—начале XIII в. (стр. 468, 471—472), XIV—XV вв. (стр. 794, 796).

- ~~234.~~ Генсворський А. І. Значення форм минулого часу в Галицько-Волинському літопису. Відповідь. ред. І. М. Керницький. Видав. АН УРСР, Київ (АН УРСР. Інститут суспільних наук). 88 стр.
235. Генсворський А. І. Памяти Илариона Семеновича Свеницкого. — ИЮЛЯ. М., 1957, т. XVI. в. 1, стр. 95—96. L 113/3

Указаны работы по летописанию и др.

- ~~236.~~ Генсворський А. І. Редакції Галицько-Волинського літопису. — Наукові записки. Дослідження з мови та літератури, т. IV. Вид. АН УРСР, Київ, 1957, стр. 68—82.
- ~~237.~~ Генсворський А. І., І. М. Керницький. Спостереження над формами аориста і імперфекта в староруських і староукраїнських пам'ятках. — Наукові записки. Дослідження з мови та літератури, т. IV. Вид. АН УРСР, Київ, 1957, стр. 92—101.

Привлекается Галицко-Волинская летопись.

238. Герасимова Н. В. Семантика имен прилагательных в «Слове о полку Игореве». (Прилагательные, сочетающиеся с названием лица). (Часть главы диссертации). — Ученые записки Калининского гос. педагогического института, т. XIX, в. 2. Труды кафедр русского языка и русской и зарубежной литературы. Калинин, 1957, стр. 3—30.

239. Горбунова А. А. Два неизвестных частных письма конца XVII в. (К истории эпистолярного стиля). — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 506—510.

Рец.:

Пиккиев И. Неизвестное письмо XVII века. — Волга. Астрахань, 1957, № 220, 17 сентября, 4 стр.

240. Гравюры В. А. Фаворского «Слово о полку Игореве». К. Федин. Письмо художнику Фаворскому. — Москва. Гослитиздат, М., 1957, № 2, на вклейках между стр. 24 и 25.
241. Гринблат М. Я. Новая запись «Царя Максимилиана». (Материалы к истории Белорусского народного театра). — Белорусское искусство. Сборник статей и материалов. Изд. АН БССР, Минск, 1957 (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора), стр. 97—107.
242. Гринкова Н. П. О языке «Слова о полку Игореве». — В кн.: Изучение языка писателей. Сборник статей. Под ред. Н. П. Гринковой. Учпедгиз, Л., 1957, стр. 12—42.
243. Гудзий Н. К. О русском литературоведческом наследстве. — Вестник Московского университета, Историко-филологическая серия. Изд. университета, М., 1957, № 1, стр. 128—140.

Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Ф. И. Буслаев и А. Н. Веселовский как исследователи древнерусской литературы.

244. Гусев В. Е. Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 273—281.
245. Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 467—482.
246. Демидова Н. Ф., Е. Н. Кушева, А. М. Персеев. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I. XVI—XVII вв. Ред.: Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева. Изд. АН СССР, М., 1957 (К 400-летию присоединения Кабарды к России), 478 стр.

Подбор и переиздание отрывков из летописей (стр. 3—5, 7—13, 33).

247. Державина О. А. К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести начала XVII века. — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. LXVII. Кафедра русской литературы, в. 6. М., 1957, стр. 77—91.
248. Державина О. А. Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 672—688.
249. Деркач Б. А. Юбилей академика АН УРСР. М. К. Гудзья. — Вісник Академії наук УРСР. XXVIII рік видання. Вид. АН УРСР, Київ, 1957, № 6 (247), стр. 48—51.

Очерк жизни и деятельности.

250. Динеев П. Славянская филология в Болгарии. — Славяне. М., 1957, № 3, стр. 34—38.

На стр. 37 — по поводу книги: «Песен из похода на Игор, Игор Святославич, внук Олегов». Преведе Людмил Стоянов. Изд. Българската Академия на науките. София, 1956. 142 стр.

251. Дмитриев Л. А. М. О. Скрипиль. Некролог. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 721—724.

252. Дмитриев Л. А. Памяти Михаила Осиповича Скрипиля. — ИЮЛЯ. М., 1957, т. XVI, в. 4, стр. 386—392.

Очерк жизни и деятельности; на стр. 388—392 — библиография основных работ.

253. Дмитриев Л. А. Славяно-русские рукописи Отдела редких книг Латвийской государственной библиотеки в Риге. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 579—580.

254. Дмитриев Л. А. Список трудов М. О. Скрипиля. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 725—730.

255. Дмитриев Ю. Н. Об истолковании древнерусского искусства. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 345—363.

Общие теоретические положения, касающиеся закономерностей древнерусского литературного процесса.

256. Дмитриева Р. П. О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 440—445.

257. Долинин Н. П. Вопросы истории русской церкви в «Очерках истории СССР». М., 1957, № 2, стр. 126—130.

Роль церковной идеологии в литературном процессе XI—XVII вв.

258. Дробленкова Н. Ф., Л. С. Шепелева. Описание рукописного собрания Архива Географического общества СССР. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 561—568.

259. Дубенцов Б. И. К вопросу о так называемом «Летописце княжения Тферскаго». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 118—157.

260. Дуйчев И. Изучение в Болгарии древнеславянской и древнеболгарской литературы за 1945—1955 гг. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 601—614. (Перевод с болгарского О. Ф. Коноваловой).

Библиографический обзор.

261. Дуйчев И. О древнерусском переводе «Рыдания» Иоанна Евгенника. — Византийский временник, т. XII. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 198—202. (Перевод с болгарского Г. Г. Литаврина).

К вопросу о переводной литературе XV в.

262. Евгеньева А. П. Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 483—496.

263. Егоров И. И. Протопоп Аввакум (к 275-летию со дня страдальческой кончины). — Старообрядческий церковный календарь на 1957 год (издан Высшим старообрядческим советом в Литовской ССР и Рижской Гребенщиковской старообрядческой общиной в Латвийской ССР. Вильнюс), стр. 113—114 с илл.

Информация о научных заседаниях в Москве и Ленинграде.

264. Елеонская А. С. Изучение языка и стиля «Слова о полку Игореве» в школе. — Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина, т. CV. Кафедра методики русского языка и литературы, в. 3. Изд. Института, М., 1957, стр. 117—128.

265. Елеонский С. Ф. Сказочная традиция в старинной повествовательной литературе. — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. LXVII. Кафедра русской литературы, в. 6, М., 1957, стр. 47—76.

На материале повестей XVII в.

266. Емельяx Л. И. Старинные рукописные книги Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 556—560.
267. Еремин И. П. Волынская летопись 1289—1290 гг. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 102—117.

Исследование содержит критические замечания на работу В. Т. Пашуто «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси» (Изд. АН СССР, М., 1950).

268. Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 409—426.

Публикация текстов.

269. Жинкин Н. П. Рукописное собрание Харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 577—578.
270. Жукoвская Л. П. Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галицкого говора по материалам Галицкого евангелия 1357 г.). — Труды Института языковедения АН СССР, т. VIII. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 5—106.

Дано палеографическое описание памятника.

271. Жукoвская Л. П. Юбилей Остромирова евангелия. — Вопросы языковедения. М., 1957, № 5, стр. 154—156.
272. Запaско Я. П. Орнаментовані рукописи XI—XVI ст. в книгозбиццях Української РСР. — Матеріали з етнографії та художнього промислу. Вид. АН УРСР, Київ, 1957 (Праці українського держ. музею етнографії та художнього промислу, в. III), стр. 145—159.
273. Запaско Я. П. Рукописна книга як джерело вивчення народного мистецтва минулого. — Народна творчість та етнографія. Київ, 1957, № 2, стр. 108—115.

На материале древнерусских и украинских рукописей XI—начала XVIII в.

274. Зимин А. А. К изучению источников Степенной книги. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 225—230.
275. Зимин А. А. Новые списки «Хождения» Афанасия Никитина. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 437—439.
276. Зимин А. А., А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века). — ВИ, 1957, № 12, стр. 134—160.

По поводу антифеодалных еретических движений в Твери, Пскове, Новгороде, Москве (стр. 138—139, 141), по поводу публицистики XVI в. (стр. 141).

277. Иванова Л. Русский лубок XVIII века и русская народная пословица. (К изучению истории русской пословицы). — Сборник студенческих научных работ по гуманитарному циклу Московского областного педагогического института, т. II. Изд. Института, М., 1957, стр. 3—18.
278. Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа). Отв. ред. В. Д. Королюк. Изд. АН СССР, М., 1957 (АН СССР. Институт славяноведения). 210 стр.
279. Иоасафовская летспись. Под ред. А. А. Зимина. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. Изд. АН СССР, М., 1957 (Институт истории АН СССР). 240 стр.

280. История русской музыки, т. 1. Общ. ред. Н. В. Туманиной. Допущено в качестве учебника для исполнительских факультетов консерваторий. Музгиз, М., 1957 (Кафедра истории русской музыки Московской ордена Ленина гос. консерватории им. П. И. Чайковского). 347 стр.

На стр. 70—73 — канты и псалмы; на стр. 75—76 — роль музыки в русском театре XVII в. (автор Ю. К. Келдыш).

281. История философии. Под ред. М. А. Дынина, М. Т. Иовчука, Б. М. Кедрова, М. Б. Митина, О. В. Трахтенберга. Т. I. Изд. АН СССР, М., 1957 (АН СССР. Институт философии). 718 стр.

Содержание: Гл. III. О. В. Трахтенберг, М. Т. Иовчук. Россия (XI—XVI в.) — стр. 264—277; Гл. VI. Б. М. Кедров, М. Т. Иовчук, О. В. Трахтенберг. Развитие философской мысли в России в период господства крепостничества и зарождения буржуазных отношений (XVII и первые две трети XVIII в.) — стр. 467—485.

282. Каганов Ю. М. A new contribution to the history of philosophy. — Вестник истории мировой культуры, 1957, № 4, стр. 232—242. (На английском языке).

Рецензия на книгу под № 281.

283. Каган М. Д. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 247—272.

284. Казакова Н. А. Новый список «Слова ответа» Вассиана Патрикеева». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 446—466.

285. Кандаурова Т. Н. К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке псковского Пролога 1383 г.). — Труды Института языкознания АН СССР, т. VIII. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 178—286.

286. Качевская Г. А. Наблюдения над архаическими конструкциями сложного предложения в памятниках русского языка XVI века. — Ученые записки ЛГУ, № 197. Филологический факультет, Серия филологических наук, в. 23. Очерки и исследования по истории языка. Изд. ЛГУ, 1957, стр. 3—24.

На материале «Стоглава», «Судебника» Ивана Грозного, «Правительницы и землемерия» Ермолая Еразма, «Хождения купца Василья Познякава по святым местам Востока» (1558—1561 гг.) и грамот.

287. Клибанов А. И. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 158—181.

288. Князевская О. А. К истории русского языка в Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.). — Труды Института языкознания АН СССР, т. VIII. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 107—177.

289. Ковальский М. П. Політичні і культурні зв'язки західноукраїнських земель з Російською державою в кінці XVI—XVII ст. — Доповіді та повідомлення Львівського держ. ун-ту ім. Івана Франка, в. 8, ч. 2. Львів, 1957, стр. 78—83.

Книгоиздательская деятельность Ивана Федорова во Львове и Остроге и Онуфима Михайловича Радишевского в Москве.

290. Колчин Б. А. Русский феодальный город Великий Новгород. — Советская археология. М., 1957, № 3, стр. 278—288.

На стр. 285—288 — берестяные грамоты.

291. Кононов Ю. Ф. Из истории организации и комплектования б. Государственного архива Российской империи. — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. VIII. По кафедрам теории и практики архивного дела, истории и организации архивного дела. М., 1957, стр. 279—354.

На стр. 323 о коллекции документов, в которой хранятся Сказание о кончине Димитрия Донского и другие материалы.

292. Константинов Н. О начале русской письменности. — Нева. М.—Л., 1957, № 7, стр. 178—182 и таблица.
293. Константинов Н. А. Черноморские загадочные знаки и глаголица. — Ученые записки ЛГУ, № 197. Филологический факультет, Серия филологических наук, в. 23. Очерки и исследования по истории языка. Изд. ЛГУ, 1957, стр. 110—146 с 3 таблицами.

На стр. 134—140 — библиография вопроса.

294. Копанев А. И., А. Г. Маньков, Н. Е. Носов. Очерки истории СССР. Конец XV—начало XVII вв. Под ред. И. И. Смирнова. Учпедгиз, М., 1957. 254 стр.

По поводу памятников древнерусской литературы (стр. 88—96, 169—176, 179—181).

295. Копыленко М. М. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники» Георгия Амартола. — Византийский временник, т. XII. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 232—241.

В сопоставлении с «Хроникой» Иоанна Малалы.

296. Корецкий В. И. Известие о неповиновении крестьян в вотчине Антониево-Сийского монастыря во второй половине XVI в. — ИА. М., 1957, № 4, стр. 231—232.

Текст и комментарии к 14-му чуду Жития Антония Сийского.

297. Корнева И. И. Основные принципы передачи текста документов при публикации и некоторые вопросы воспроизведения текстов ранних переводов (XIV—XVIII вв.). — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. VIII. По кафедрам теории и практики архивного дела, истории и организации архивного дела. М., 1957, стр. 43—65.

298. Котков С. И. К толкованию выражения «заря свѣт запала» в «Слове о полку Игореве». — Лексикографический сборник Института языкознания АН СССР, в. II. Госиздат иностранных и национальных словарей, М., 1957, стр. 161—164.

299. Котляренко А. Н. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века. (Морфология и синтаксис). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1957 (Ленинградский гос. педагогический институт). 13 стр.

300. Кузьмина В. Книга по истории древней русской литературы. — Вопросы литературы. М., 1957, № 2, стр. 220—223.

Рецензия на книгу: Юлия Сазанова. История русской литературы. Древний период, т. I (413 стр.), т. II (413 стр.). Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1955.

301. Кузьмина В. Д. Критико-библиографический обзор статей и заметок по истории древнерусской литературы в журнале «Revue des

- études slaves» (1932—1955). — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 629—634.
302. Курашкевич В. П. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». Отв. ред. В. И. Борковский. Изд. АН СССР, М., 1955 (Институт языкознания АН СССР). 215 стр.— Вопросы языкознания. М., 1957, № 2, стр. 123—125.
- Рецензия.
303. ~~Кынтек~~ деспре оастя луй Игор. Тэлмэчире ын версурь де Г. Меньюк. — Ниструл. Кишинэу, 1957, № 7, стр. 67—89.
- ~~Стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» на молдавский язык.~~
304. Лавров Л. И. К истории русско-кавказских отношений XV в. — Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, т. 1. Майкоп, 1957, стр. 17—26.
- К вопросу о личности Схария-Захарья «князя Таманского» — мнимого основоположника новгородской ереси.
305. Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи. По поводу статьи В. В. Лаптева «Воскресенская летопись» (Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 102, Л., 1955, стр. 165—239). — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 689—705.
306. Лихачев Д. С. Заседание, посвященное творчеству протопопа Аввакума. — Вестник АН СССР, 1957, № 7, стр. 113—114.
307. Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 66—89.
308. Лихачев Д. С. Литературные памятники Киевской Руси. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. Составление, переводы и примечания И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. Гослитиздат, М., 1957, стр. III—XII.
309. Лихачев Д. С. Новый перевод «Слова о полку Игореве». — Ленинградский альманах. Лениздат, 1957, июнь, стр. 359—365.
- Предисловие Д. С. Лихачева и текст перевода С. В. Ботвинник.
310. Лихачев Д. У предыстоков реализма русской литературы. — Вопросы литературы. Гослитиздат, М., 1957, № 1, стр. 73—86.
- Рец.:
Еремин Дм. Без ясной цели. — Литературная газета, 1958, № 5, 11 января, стр. 1, 3.
311. Лукьянов В. В. Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков. Ярославль, 1957 (Архивный отдел управления внутренних дел Исполкома Ярославского областного совета депутатов трудящихся). 180 стр.
- Рец.:
Моисеева Г. Н. Полезная книга. — Северный рабочий. Ярославль, 1957, № 244, 15 декабря, стр. 4.
312. Лурье Я. С. К вопросу об идеологии Нила Сорского. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 182—213.
313. Львов А. С. 900-летие русской книги. — Русский язык в школе. М., 1957, № 3, стр. 51—54.

Остромирово евангелие.

314. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. Учпедгиз, М., 1957. 752 стр.

На стр. 81—84 — «Хождение за три моря» Афанасия Никитина; на стр. 91—92 — «Начальная летопись» и другие летописные источники XII—XIV вв.

315. Магура Е. С. Глагольные формы в Устюжском летописном своде. — Научные записки Харьковского гос. педагогического института им. Г. С. Сковороды, т. XX. Лингвистическая серия. Харьков, 1957, стр. 3—44.

316. Магура Е. С. Синтаксис сложного предложения в Устюжском летописном своде. — XII отчетно-научная сессия Харьковского гос. педагогического института им. Г. С. Сковороды. Секция русского языка и литературы. Тезисы докладов. Харьков, 1957, стр. 10—11.

317. Магура Е. С. Формы имен существительных в Устюжском летописном своде. — Научные записки Харьковского гос. педагогического института им. Г. С. Сковороды. Лингвистическая серия, т. XXVIII. Харьков, 1957, стр. 143—174.

318. Маймин Е. А. Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 501—505.

319. Малеванов Н. Л. Рукописи XVI—XVIII вв. Государственного исторического архива Ленинградской области. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 574—576.

320. Малин М. Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской академии наук). — Вестник истории мировой культуры. М., 1957, № 3, стр. 98—107.

Сведения о рукописях Ричарда Джемса (стр. 102—103); материалы англо-русской переписки XVI—XVII вв.

321. Малышев В. И. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) за 1955—1956 гг. — Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, в. VII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957 (ИРЛИ), стр. 155—160.

322. Малышев В. И. Памятники древней письменной культуры Печоры. Летопись Севера, т. II. Госиздат географической литературы, М., 1957 (АН СССР. Комиссия по проблемам Севера), стр. 265—270.

323. Малышев В. Рукопись протопопа Аввакума. — Нева. М.—Л., 1957, № 3, стр. 220—221.

324. Малышев В. И. Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы Академии наук СССР. (Пушкинского Дома). — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 581—590.

325. Маляревский П. Г. Очерк из истории театральной культуры Сибири. Иркутское книжное издательство, 1957. 283 стр.

На стр. 8—19 — «Ранние театральные зрелища в Иркутске».

326. Маслов С. І. Орієнтовні теми дисертаційних робіт з давньої української літератури. — Радянське літературознавство. Вид. АН УРСР, Київ, 1957, № 2, стр. 155.

327. Маслов В. І. Список найважливіших наукових і науково-популярних праць С. І. Маслова. — Радянське літературознавство. Київ, 1957, № 1, стр. 156—160.

328. Матвеева Е. В. Остромирово евангелие как памятник древнерусской культуры. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 140. Доклады на «Герценов-

ских чтениях» 1956 года. Л., 1957 (Секция русского языка), стр. 37—38.

329. Матвіяс І. Профессор І. С. Свєнціцький (1876—1956). — Мовознавство. Наукові записки, т. XIV. Вид. АН УРСР, Київ, 1957, стр. 145—146.

330. Махновець Л. Є. Новий болгарський переклад «Слова о полку Ігоревім». — Радянське літературознавство. Київ, 1957, № 1, стр. 137—139.

Рецензия на книгу: «Песен из похода на Игор, Игор Святославич, внук Олегов». Преведе Людмил Стоянов. Издание на Българската Академия на науките. София, 1956, 142 стр.

331. Медведев А. Новые открытия археологов в Новгороде. — Дон. Ростов-на-Дону, 1957, № 6, стр. 167—171.

На стр. 169—171 — обзор берестяных грамот.

332. Мещерский Н. А. К вопросу об источниках Повести временных лет. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 57—65.

Рец.:

Исследование петрозаводского ученого. — Ленинская правда. Петрозаводск, 1957, № 215, 11 сентября, 1 стр.

333. Микитась В. Л. Стародавні рукописні книги бібліотеки Ужгородського державного університету. — Доповіді та повідомлення Ужгородського держ. ун-ту, Серія історико-філологічна, № 1. Ужгород, 1957, стр. 121—123.

334. Митрофанова В. В. К вопросу о редакциях былин старинных русских записей. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957 (ИРЛИ), стр. 286—313.

На материале повестей, сказаний и «гисторий» об Илье Муромце.

335. Моисеева Г. Н. Находки древнерусских рукописей. (Выставка в Институте русской литературы). — Вестник АН СССР. Изд. АН СССР, М., 1957, № 1, стр. 100—101.

336. Моисеева Г. Н. Неизвестная повесть первой половины XVIII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 519—540.

337. Мохов Н. А. Зарождение экономических, политических и культурных связей молдавского народа с русским и украинским народами (XV—начало XVI в.). — Ученые записки Кишиневского гос. университета, т. XXVI (Исторический). Изд. Университета, Кишинев, 1957, стр. 25—45.

На стр. 30—31 — русско-молдавские литературные связи.

338. Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР с декабря 1955 по декабрь 1956 г. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 720.

339. Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом) с сентября по декабрь 1956 г. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 719.

340. Немировский Е., Б. Горбачевский. Рождение книги. Под ред. А. А. Сидорова. Изд. «Советская Россия», М., 1957. 230 стр.

На стр. 43—51 — книги, напечатанные Иваном Федоровым.

341. Николай Каллиникович Гудзий. К 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности. Изд. МГУ, 1957 (МГУ). 45 стр.
Очерк жизни и деятельности; на стр. 17—45 — список печатных работ.
342. Нуцубидзе Ш. И. Петр Ивер и проблемы ареопагитики. (После Эрнеста Хонигмана). Ред. С. Г. Каухчишвили. Изд. Тбилисского гос. университета им. И. В. Сталина, Тбилиси, 1957. 63 стр.
Отзыв на статью К. С. Кекелидзе «Проф. Э. Хонигман о Петре Ибере и сочинениях Пс. Дионисия Ареопагита» (см. также № 68).
343. Образцов А. Древнейший памятник русской письменности. — Славяне. М., 1957, № 12, стр. 46.
Остромирово евангелие.
344. Орлов С. Н. и Б. В. Хрычиков. Новый документ древнерусской письменности. (Сообщение и публикация). — Ученые записки Новгородского гос. педагогического института, т. 2. Историко-филологический факультет, в. 2. Новгород, 1957, стр. 241—244.
Палеографическое описание и лингвистический анализ новгородской берестяной грамоты.
345. От редакции. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 3—7.
Итоги изучения древнерусской литературы за последние 40 лет.
346. Охрименко П. П. Украинско-белорусские литературные связи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Минск, 1957 (Белорусский гос. университет им. В. И. Ленина). 24 стр.
Стр. 9—10 — взаимосвязь древнерусской, древнеукраинской и древне-белорусской литератур до XVIII в.
347. Очерки истории Карелии, т. I. Под ред. В. Н. Бернадского, И. И. Смирнова, Я. А. Балагурова. Госиздат Карельской АССР, 1957, Петрозаводск (Карельский филиал АН СССР. Институт языка, литературы и истории). 430 стр.
На стр. 75—76 — влияние русской письменности (XV в.) на культуру Карелии; на стр. 101—102, 154, 156—157 — древнерусские рукописи XVI—XVII вв., найденные на территории Карелии.
348. Панченко А. М. Чешские переводы «Слова о полку Игореве» XIX в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 635—648.
349. Панькевич И. Острожские пергаменные отрывки миней XI—XII вв. — *Byzantinoslavica*, t. XVIII/2. Prague, 1957, стр. 271—274.
350. Пасютина М. И. Синонимика имен существительных в посланиях Ивана Грозного. — Ученые записки Якутского гос. университета, в. II. Серия общественных наук. Якутск, 1957, стр. 129—136.
351. Петров Л. А. Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Отв. ред. К. А. Климов. Иркутское книжное издательство, 1957 (Труды Иркутского гос. университета им. А. А. Жданова, т. XX. Серия философская, в. 1). 87 стр.
352. Петрусь Э. Ф. О грамматическом значении и смысловых функциях имперфекта в 1-й Новгородской летописи по Синодальному списку. — Ученые записки Кировского гос. педагогического института им. В. И. Ленина, в. 11. Факультет историко-филологический. Киров, 1957, стр. 143—154.

353. Петрусь В. П. Соколь в мытяхъ. — Ученые записки Кировского гос. педагогического института им. В. И. Ленина, в. 11. Факультет историко-филологический. Кировское книжное издательство, 1957, стр. 103—107.
354. Петухов В. К. «Слово о полку Игореве» в переводе П. П. Негоша. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 665—671.
355. Пилатов П. Н. Хождение Афанасия Никитина за три моря. (Историко-литературный очерк). — Ученые записки Саратовского гос. педагогического института, в. XXI. Кафедра русской и зарубежной литературы. Саратов, 1957, стр. 242—256.
356. «Повесть о Скандербеге». Издание подготовили Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. Отв. ред. И. П. Еремин. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957 (серия «Литературные памятники»). 244 стр. с илл.
357. Подобедова О. И. Лицевая рукопись XVII столетия «Повести о Петре и Февронии». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 393—406.
358. Полянская Л. И. Памятники древнерусской письменности в собрании Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 569—573.
359. Попов П. Н. Дополнения к библиографии работ о «Слове о полку Игореве» за 1938—1954 гг. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 706—716.

Дополнения к книге: Л. А. Дмитриев. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. Изд. АН СССР, М., 1955. 91 стр.

360. Праздник славянской письменности и культуры. (Заседание в Институте славяноведения). — Вестник АН СССР, М., 1957, № 8, стр. 89—90.

Информация о докладах С. А. Никитина и Д. Ф. Маркова, посвященных деятельности Кирилла и Мефодия и происхождению славянской письменности.

361. Прохазкова Е. Библиография чехословацких работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 627—628. (На чешском языке).
362. Пушкарев Л. Н. Об оценке деятельности Юрия Крижанича. — ВИ. М., 1957, № 1, стр. 77—86.

Критический разбор работ по теме.

Рец.:

Курмачева М. Д., В. Г. Шерстобитова. Обсуждение вопроса о деятельности Ю. Крижанича. — ВИ. М., 1957, № 2, стр. 202—206.

363. Пушкарев Л. Н. Рукописи житийного содержания Центрального государственного архива литературы и искусства. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 543—555.
364. Радченко Е. С. Славяно-русские старопечатные книги в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 591—598.
365. Разин Е. А. История военного искусства, т. II. Военное искусство феодального периода войны. Ред. И. А. Осипов. Воениздат Министерства обороны СССР, М., 1957. 654 стр.

Комментарии к ходу военных действий по летописям, «Слову о полку Игореве» (стр. 142—146), «Сказанию о Мамаевом побоище», сочинениям И. Пересветова, А. Курбского, «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» и др. (стр. 268—291, 392—398 и др.).

366. Рейсер С. А. Библиография в XI—XVII веках. — В кн.: Общая библиография. Учебник для библиотечных институтов. Под ред. А. Д. Эйхенгольца. Изд. «Советская Россия», М., 1957, стр. 39—49.
367. Ржигга В. Ф. «Повесть о Петре и Февронии» в русской литературе конца XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 429—436.
368. Робинсон А. Антология древней русской литературы. — Вопросы литературы. Гослитиздат, М., 1957, № 1, стр. 239—242.

Рецензия на книгу: Anthology of old Russian literature. Edited by Ad. Stender-Petersen. In collaboration with Congrat-Butler. New York, Columbia University press., 1954, XXXIII. 542 стр.

369. Робинсон А. Н. К семидесятилетию Николая Калининвича Гудзия. (Очерк жизни и деятельности). — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 319—325.
370. Рогинский Э. И. Так называемый «Протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I». — Ученые записки Ярославского гос. педагогического института им. К. Д. Ушинского, в. XXII (XXXII). Всеобщая история. Ярославль, 1957, стр. 287—308.
371. Розов Н. Н. Рукописи из Кирилловского краеведческого музея. — Труды ГПБ, т. I (IV). Л., 1957, стр. 285—292.
372. Русинов Н. Д. Новые документы о польско-литовской интервенции начала XVII века в Угличском Верхневолжье. — В кн.: Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья, в. 1. Под ред. Н. Д. Русинова. Углич, 1957 (Угличский краеведческий музей. Филиал Гос. архива Ярославской области в г. Угличе), стр. 24—29.

Описание; отрывки летописных текстов.

373. Салмина М. А. К вопросу о происхождении «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 231—234.
374. Сапунов Б. В. К вопросу о культурных связях России с другими странами в XVI—XVII вв. (По материалам печатных книг). — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 235—246.
375. Сахаров А. М. Историография. — Большая советская энциклопедия, гл. ред. Б. А. Введенский, т. 50, 2-е изд., стр. 538—555. (Том подписан к печати в 1957 г.).

На стр. 539—541—развитие исторических знаний у народов СССР в X—XVII вв. (на материале памятников древнерусской литературы).

376. Свенцицкий І. С. Основи порівняльної історії слов'янських літератур IX—XIV ст. — Доповіді та повідомлення. Львівський Держ. унів.-т ім. Івана Франка, в. 8, ч. 1. Видав. ун-ту, 1957, стр. 3—10.
377. Светлов Л. Рассказы о Георгии Скандербеге. — Новый мир. М., 1957, № 5, стр. 274—275.

По рукописям и книгам XVII—XVIII вв.

378. С. І. Маслов. — Радянське літературознавство. Київ, 1957, № 1, стр. 153—155.

Очерк жизни и деятельности.

379. М. О. Скрипиль. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957 (АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом)) стр. 335—337.

Некролог.

380. «Слово о полку Игореве». Стихотворный перевод А. Н. Скрипова. Ростов-на-Дону, 1957, 38 стр.

Рец.:

Учитель — переводчик «Слова о полку Игореве». — Советская культура. М., 1957, № 91, 13 июля, стр. 4.

381. Сопоставление по древнерусской литературе. — Славяне. М., 1957, № 7, стр. 62.

382. Соколова М. А. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Изд. ЛГУ, Л., 1957 (ЛГУ). 191 стр.

Анализ языковых особенностей «Домостроя» в сопоставлении с языком «Стоглава», «Судебника 1550 г.» и исторических актов за 1533—1598 гг.

383. Соловьев А. В. Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 649—655.

Рецензия на книгу: Cantare della Gesta di Jgor. Epopea russa del XII secolo, a cura di Renato Poggioli. Nuova collana di poeti con testo a fronte, 4. Giulio Einaudi editore. Torino, 1954.

384. Соловьев А. В. Новое словенское издание «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 656—664.

Рецензия на книгу: Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti. Academia Scientiarum et Artium Slovenica. Razred za filološke in literarne vede. Classis II. Philologia et litterae. Dela-Opera. 8. Institut za slovenski jezik. Institutum linguae slovenicae. 5. Staroruski ep Slovo o polku Jgofevè. Slovensko izdajo priredil Rajko Nahtigal. Ljubliana. 1954, стр. 5—136.

385. Сотникова М. П. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв. (Дело Федора Жеребца, 1447 г.). — Советская археология. М., 1957, № 3, стр. 54—59.

Комментарий к отрывку из IV Новгородской летописи.

386. Сотникова М. Рязанский клад литовских серебряных слитков в собрании Эрмитажа. — Сообщения Гос. Эрмитажа, т. XII. Изд. «Искусство», Л., 1957, стр. 15—18.

Палеографический анализ надписей, сопоставление с берестяными грамотами.

387. Стучевська Н. І. Список наукових праць М. К. Гудзія. — Радянське літературознавство. Вид. АН УРСР, Київ, 1957, № 3, стр. 147—155.

388. Сулава Г. Г. Что понимали в Древней Руси под названием «Обезь». — История СССР. М., 1957, № 2, стр. 159.

Отклик на статьи: Л. Лавров. Обезы русских летописей. — Советская этнография, 1946, № 4 (стр. 170). М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне граде. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953 (стр. 153).

389. Сыркин А. Я. Digenes Akritas. Ed. With an introduction, translation and commentary by I. Mavrogordato. Oxford, Clarendon Press., 1956. LXXXIV, 273 стр. — Византийский временник, т. XII. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 340—347.

Рецензия. К переводной литературе древней Руси.

390. Гальман Е. М. Археографическое оформление документов при их публикации. — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. VIII. По кафедрам теории и практики архивного дела, истории и организации архивного дела. М., 1957, стр. 66—94.

На материале памятников XI—XVII вв.

391. Творогов Л. Сокровищница старой русской книжности. (Древлехранилище Научной библиотеки Псковского областного краеведческого музея). Краткая историческая справка. Изд. газ. «Псковская правда», 1957. 49 стр.

Рец.:

Лихачев Д. Ценное издание. — Псковский колхозник. Псков, 1957, № 64, 29 мая, стр. 4.

Лихачев Д. С. — ИЮЛЯ. М., 1957, т. XVI, в. 4, стр. 378—379.

Щеглов А. Сокровищница старой русской книжности. — Островская правда. Остров, 1957, № 99, 18 августа, стр. 4.

392. Тихомиров М. Н. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига. — Вестник истории мировой культуры. Л., 1957, № 3, стр. 3—12.

На материале кормчих и Мерила Праведного.

393. Тихомиров М. Историческое значение «кирилловского алфавита». — Славяне. М., 1957, № 5, стр. 44—45.
394. Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI—начала XVII в. — История СССР, М., 1957, № 3, стр. 112—122.
395. Тищенко В. И. Изучение «Слова о полку Игореве» в VIII классе средней школы. Каменец-Подольская типография им. Ленина, 1957 (Хмельницкий областной отдел народного образования. Областной институт усовершенствования квалификации учителей). 55 стр.

На стр. 55 — библиография к изучению «Слова» в школе.

396. Тищенко В. І. Критичні зауваження до «Слова о полку Ігоревім», надрукованого в шкільній хрестоматії з російської літератури. — Наукові записки Кам'янець-Подільського держ. ін-та, т. V. Серія історико-філологічна. Хмельницький, 1957, стр. 98—108.
397. Томашевский Б. В. В. О. Unbegaun. Russian versification. Oxford, 1956, 164 стр. — Вопросы языкознания. М., 1957, № 3, стр. 127—134.

Рецензия. На стр. 127, 129—130 — о стилосложении XVII в. и подражании трехударной строке народной поэзии.

398. Уханов Г. П. К истории атрибутивных словосочетаний. (Выражение согласованного определения в «Хождении Афанасия Никитина за три моря» и в произведениях паломнической литературы). — Ученые записки Калининского гос. педагогического института, т. XIX, в. 2. Труды кафедр русского языка и русской и зарубежной литературы. Калинин, 1957, стр. 31—76.
399. Хаустова И. С. Редакторская работа над языком и стилем петровских «Ведомостей». — Вестник Ленинградского университета, № 14. Серия истории языка и литературы, в. 3. Изд. ЛГУ, 1957, стр. 109—121.
400. Хронологический список трудов академика Академии наук УССР Николая Каллиниковича Гудзия. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 326—341.
401. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. Составление, переводы и примечания И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. Вступительная статья Д. С. Лихачева. Гослитиздат, М., 1957, 370 стр.
402. Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. Курс лекций. Под ред. М. Т. Белявского. Изд. Московского университета, М., 1957. 306 стр.

На материале памятников литературы XI—начала XVIII в. (стр. 26—50, 52—76, 78—117, 120—130, 132—137, 153—156).

Рец.:

Иллерицкий В. Е. — ВИ, 1957, № 12, стр. 182—188.

403. Чествование профессора Н. К. Гудзия. — Вестник Московского университета, Историко-филологическая серия. Изд. МГУ, М., 1957, № 2, стр. 193—196.

Очерк жизни и деятельности.

404. Чхайдзе М. П. О толковании одного места в «Слове о полку Игореве» («растекашется мыслию по древу»). — XIV научная сессия Телавского гос. педагогического института им. Я. Гогебашвили. План работы и тезисы докладов. Секции русского языка и литературы. Телави, 1957, стр. 45—48.

405. Шейман Л. А. Из наблюдений над художественной системой «Слова о полку Игореве». Фрунзе, 1957 (Киргизский научно-исследовательский институт педагогики. Киргизский гос. заочный педагогический институт). 24 стр.

406. Шептаев Л. С. Заметки к древнерусским литературным памятникам. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 427—428.

Язык «Слова о полку Игореве» и «Сказания о царе Константине» И. Пересветова.

407. Шептаев Л. С. О репертуаре русской народной бытовой песни XVII века. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 134. Кафедра русской литературы. Л., 1957, стр. 91—111.

408. Шмелев Д. Н. Третье всесоюзное совещание по древнерусской литературе. — Вопросы языкознания. М., 1957, № 5, стр. 159—160.

409. Шмидт С. О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений. (Опыт изучения Описи царского архива). — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. VIII. По кафедрам теории и практики архивного дела, истории и организации архивного дела. М., 1957, стр. 260—278.

410. Щепкина М. В. К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 90—101.

411. Щурат М. Василь. «Слово про похід Ігоря Святославича». Поема XII в. — В кн.: Василь Щурат. Поезії Слово про похід Ігоря. Пісня про Роланда. Книжково-журнальне видавництво, Львів, 1957, стр. 37—62.

Стихотворный перевод на украинский язык.

412. Ючас М. А. «Летопись великих князей литовских». — Труды Академии наук Литовской ССР, Серия А. Вильнюс, 1957, № 2 (3).

Резюме на русском языке — стр. 120—121 (на стр. 111—120 — статья полностью на литовском языке).

413. Якубайтис Т. А. О некоторых особенностях русской поэтической речи XVIII—начала XIX в. — Ученые записки Рижского педагогического института, т. V. Изд. Института, Рига, 1957, стр. 7—23.

На стр. 8—9 — употребление кратких прилагательных в «Новой повести» и «Истории о Российском матросе Василии Каряцком...»

414. Якубович М. П. Формы страдательного залога в Остромировом евангелии. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 140. Доклады на «Герценовских чтениях» 1956 года. Л., 1957 (Секция русского языка), стр. 40—42.

Г. РААБ

**Обзор работ по древнерусской литературе, опубликованных
на немецком языке с 1945 г.***

Прежде всего следует сказать, что в странах немецкого языка условия для исследования древнерусской литературы после 1945 г. улучшались лишь постепенно и в настоящее время также не могут быть названы удовлетворительными. Западноевропейские архивы и библиотеки обладают, как известно, лишь очень небольшим числом древнерусских источников. Стремление же иностранных славистов самим изучать источники в СССР пока еще не всегда исполнимо. К тому же правильный книгообмен между советскими и западноевропейскими библиотеками начал завязываться только в недавнее время. Не один исследователь, озабоченный изучением древнерусской литературы, мог целиком присоединиться к тяжелому вздоху Д. Герхардта: «*Hauret aquam scribo quicunque studet sine libro*».¹ Таким образом, интерес к древнерусской литературе, как и индивидуальные способности к ее исследованию, были и остаются в странах немецкого языка значительно большими, чем это можно заключить по количеству и объему наличествующих работ, ей посвященных. Все же можно отметить и некоторые успехи.

Если мы начнем с обозрения работ, посвященных древнерусской литературе в целом или, по меньшей мере, главным ее областям, то следует прежде всего упомянуть несколько кратких изложений истории русской литературы: V. D. Setchkareff. *Geschichte der russischen Literatur im Überblick*. Bonn, 1949; W. Lettenbauer. *Kleine russische Literaturgeschichte*. München, 1952; W. Lettenbauer. *Russische Literaturgeschichte*. Frankfurt am Main—Wien, 1955. Последняя из упомянутых работ в части, касающейся древнерусской литературы, как в отношении объема, так и вследствие стремления к деловой объективности является вполне удовлетворительным руководством.² Первая книга переведенной недавно W. Krämerом с датского языка и изданной в 1957 г. в Мюнхене «Истории русской литературы» А. Стендер-Петерсена отводит 321 страницу древнерусской литературе. Свое понимание древнего периода истории русской литературы Стендер-Петерсен изложил еще в докладе «*Die Problematik der russischen Literatur. Vom Byzantinismus zum Europäismus* (Vorträge auf der

---

* Перевод с немецкого С. Н. Азбелева.

¹ См.: *Festschrift für Dmitro Čyževskij zum 60. Geburtstag*. Berlin, 1954 (= *Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin*, Bd. 6) (далее: Сб. в честь Чижевского), стр. 139.

² См., между прочим, рецензии J. Kobetz'a (*Geist und Zeit*, 1957, Н. 2, стр. 149—153) и G. Wytzens'a (*Wiener Slavistisches Jahrbuch*, V, 1956, стр. 195—199). M. Girod указывает на недостатки в изложении Леттенбауера, которые заключаются в недоучете новейших советских исследований о роли устного народного творчества в древнерусской литературе (*Zeitschrift für Slawistik*, II, 1957, стр. 631 и сл.).

Berliner Slawistentagung (11—13 Novemb. 1954). Berlin, 1956, стр. 130—139 (= Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik an der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, № 8)). Автор рассматривает историю древней русской литературы как историю жанров, в чем он определенным образом идет навстречу требованию, выдвинутому недавно в советской науке.³ Следовало бы только пожелать, чтобы Стендер-Петерсен теснее связал остроумно набросанную эволюцию жанровых систем с конкретным содержанием современной им исторической действительности. Это не нанесло бы никакого ущерба специфическим закономерностям литературы и придало бы концепции большую убедительность.

В своем стремлении к целостному охвату древнерусской литературы Стендер-Петерсен отнюдь не одинок. В Вене Р. Ягодич хранит наследство своего рано умершего учителя Н. С. Трубецкого. Статья Ягодича «N. S. Trubetzkoy als Literaturhistoriker» (Wiener Slavistisches Jahrbuch, IV, 1955, стр. 28—50) знакомит нас с увлекательными и донныне не опубликованными мыслями Трубецкого об эстетических переживаниях древнерусского человека и о специфике литературных жанров в древнерусской литературе. Один из основателей фонологии оказывается, таким образом, и исследователем как внутренней, так и формальной структуры литературных произведений, причем последние не отрываются им от их носителя — человека с его исторически обусловленными психическими предпосылками. В особом разделе названной статьи (стр. 36—41) Ягодич дает собственную краткую оценку некоторых последних работ советских исследователей древнерусской литературы (А. С. Орлова, Н. К. Гудзия и В. П. Адриановой-Перетц). Более подробную сводку, чем у Ягодича, дает труд: M. Woltner. Die altrussische Literatur im Spiegelbild der Forschung 1937—1950 — Zeitschrift für slavische Philologie (далее: ZSP), XXI, 1952, стр. 159—193, 344—367; XXIII, 1954, стр. 189—200 (продолжение печатается). Изучению «Слова о полку Игореве», летописей и повестей посвящены три первых больших раздела, на основании которых рецензентка говорит об успехах прежде всего советских литературоведов. Отдавая должное отдельным выводам исследователей, она выступает против случаев «депоэтизации» («Entpoetisierung») древнерусской литературы (имеется в виду недооценка художественной специфики), следовательно, против тенденции, которая в последние годы была успешно преодолена самими советскими учеными.

В 1952 г. в Берлине был опубликован выполненный А. Magasanik'ом перевод учебника для средней школы советских авторов Н. Пospelова, П. Шаблиовского и А. Зерчанинова (Geschichte der russischen Literatur. Bd. I. Von Anfängen bis zu den dreissiger Jahren des 19. Jahrhunderts), который, конечно, мало мог удовлетворить потребности студентов-славистов ГДР. Переводы известных учебников Н. К. Гудзия и А. А. Кайева в настоящее время еще готовятся к печати. Это заставляет приветствовать начатую заочным отделением русистики педагогического института в Потсдаме серию учебных пособий по русской литературе. Первый выпуск — Geschichte der altrussischen Literatur (10.—17. Jahrhundert). Potsdam, 1957 — составлен мной.⁴ Из рекомендательных хрестоматий напечатана, собственно, только одна: R. Trautmann. Altrussisches Lesebuch. Teil I:

³ См. высказывание И. П. Еремина в ТОДРЛ (т. XII, М.—Л., 1956), стр. 289.

⁴ См. рецензию D. Affeld'a и K. Günther'a в «Fremdsprachenunterricht» (II, 1958, Н. 3). Так называемая «петербургская» концепция, вредное влияние которой в СССР было метко обрисовано Д. С. Лихачевым (Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 4), встречается отчасти и в ГДР, хотя среди славистов в меньшей степени, чем среди преподавателей-практиков.

11.—14. Jh. Leipzig, 1949 (= Slavistische Studienbücherei, № 3). Некоторые тексты из древнерусской письменности приведены в немецком переложении М. Winkler'ом (Slavische Geisteswelt. Russland. Darmstadt, 1955). Переводные извлечения из древнерусских памятников имеются также в обширной антологии: Max Hirschberg. Die Weisheit Russlands. Meisterwerke der russischen Literatur. Die Bedeutung des russischen Geistes in der Kulturkrise der Gegenwart. Stockholm—Zürich—New York—London, 1947. В этой последней работе имеет, однако, место вводящее в заблуждение подразделение материала; так, например, отрывок «Слова о полку Игореве», к тому же плохо переведенный, оказывается среди легенд и сказок!

Наибольшие заслуги в исследовании древнерусской литературы в странах немецкого языка принадлежат, пожалуй без сомнения, Д. Чижевскому. Его работа «Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert (Kiever Epoche)» (Frankfurt am Main, 1948) представляет собой труд, который, несмотря на различные недостатки, вытекающие отчасти из обстоятельств военного и послевоенного времени, привлекает всеобщее внимание.⁵ Д. Чижевский стремится глубже понять древнерусскую литературу как художественное явление и прослеживает путем кропотливой работы ее эстетическое воздействие вплоть до сферы языкового стиля. Некоторые его воззрения, пожалуй, спорны, как например трактовка вопроса о западнославянском и варяжском влиянии⁶ или хронологическое подразделение литературы Киевской Руси на две последовательные стилевые эпохи; однако усилия автора по систематизации едва обозримых единичных фактов с одновременным учетом значительности недошедшего устного поэтического творчества могут служить исходным пунктом для дальнейших исследований.

Многочисленные этюды по отдельным вопросам истории древней русской литературы встречаются в так называемых «Literarischen Lesefrüchten» и «Neuen Lesefrüchten» Д. Чижевского. Для простоты перечисляем заглавия в порядке расположения статей: «Das altrussische Klage lied» (ZSP, XIX, 1947, стр. 348—352), «Ein Zitat aus Theophrast» (там же, стр. 352—353), «Eine Predigt über den Reichen und Lazarus» (ZSP, XXIV, 1955, стр. 68—69), «Die Erzählung vom Blinden und Lahmen» (там же, стр. 70—72⁷), «Die altslavische Wiedergabe des griechischen Hexameters» (там же, стр. 72—73), «Dyśuščeje more = ὠκεανός» (там же, стр. 73—75), «Ein Zitat aus Aristophanes» (там же, стр. 75—76), «Hl. Dimitry» (там же, стр. 79—81), «Izbornik vom J. 1076» (ZSP, XXV, 1956, стр. 312—313), «Die Darstellung des Skomorochen in einer Kirche?» (там же, стр. 313—314), «Versus rapportari in der slavischen Barockdichtung» (там же, стр. 320—322).

Дальнейшее развитие воззрений Чижевского относительно стиля древнерусской литературы следует ожидать в публикации, которая скоро должна появиться в Гааге: «Die Poetik der altslavischen Literaturen» (= Musagetes. Beiträge zur Literatur- und Kulturgeschichte der Slaven, Bd. 7).⁸

⁵ См. рецензию М. Vasmer'a в ZSP (XX, 1950, стр. 459—467) с перечислением всех филологических недосмотров, а также обстоятельный отзыв Р. Ягодича в «Wiener Slavistisches Jahrbuch» (II, 1952, стр. 209—221).

⁶ См. также отпечатанную на машинке в небольшом количестве экземпляров работу Чижевского «Zu der Frage nach den skandinavischen Einflüssen in der russischen Literatur» (Marburg, 1946).

⁷ См. также: W. Anderson. Zu der Parabel vom Blinden und Lahmen. — ZSP, XXV, 1956, стр. 311—312.

⁸ В связи с временным пребыванием Чижевского в США некоторые его работы, касающиеся древнерусской литературы, появились на английском языке. Немецкая рецензия на его работу «Outline of comparative Slavic Literatures» (Boston, 1952) написана G. Wytrzens'ом (Wiener Slavistisches Jahrbuch, IV, 1955, стр. 190—192).

В довольно обширном сборнике «Aus zwei Welten. Beiträge zu der Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen» (Haag, 1956 = Slavistische Drukken en Herdrukken, Bd. 10) Чижевский соединил статьи, отчасти уже ранее опубликованные и теперь расширенные, отчасти вновь написанные. Поскольку они касаются вопросов древнерусской литературы, их также следует кратко перечислить: «Einige Probleme aus der vergleichenden Geschichte der slavischen Literaturen» (стр. 1—16), «Der magische Speerwurf», (стр. 17—28; расширение заметки «Islomi kopie», опубликованной в ZSP, XXII, 1954, стр. 339—343), «Die „soziale Frage“ in den altslavischen Literaturen» (стр. 29—44), «Plato im alten Russland» (стр. 45—65; переработка статьи, опубликованной в соавторстве с М. М. Шахматовым — см.: Записки Русского исторического общества в Праге, II, 1931, стр. 49—81), «Das Buch als Symbol des Kosmos» (стр. 85—114), «Die vertriebene Wahrheit» (стр. 115—128; расширенное изложение заметки в ZSP, XVIII, 1942, стр. 44—49), «Deutsche Mystik in Russland» (стр. 179—196; в сокращенном виде опубликована в «Geistige Arbeit», 21 V 1938), «Jacob Boehme in Russland» (стр. 197—219; опубликована в «Evangelium und Osten», 1935, 10, стр. 175—184; 11, стр. 200—205), «Arndts „Wahres Christentum“ in Russland» (стр. 220—230; опубликована в «Evangelium und Osten», 1935, 3, стр. 41—47), «Zwei Ketzer in Moskau» (стр. 231—268; опубликована в «Kyrios», VI, 1944, 1—2, стр. 29—60), «Esenins „Lied vom Brot“» (стр. 319—336). Разумеется, метод сравнительного сопоставления мотивов оставляет в той или иной степени открытым вопрос о достоверной генетической связи, как например в последней из названных работ, где стихотворение Есенина составляет только отправной пункт для исследования, которое затрагивает не только древнерусскую, но и другие славянские и западноевропейские литературы.⁹ В этой связи можно упомянуть также заметку Чижевского «Stanisław Herakliusz Lubomirski in russischer Übersetzung» (ZSP, XXIII, 1955, стр. 256—262) под общим заголовком «Zu den polnisch-russischen literarischen Beziehungen». Две рецензии Чижевского рассматривают вопросы древнерусской литературы по существу: рецензия на книгу Д. С. Лихачева «Возникновение русской литературы» (М.—Л., 1952) в «Südost-Forschungen» (XIV, 1955, стр. 342—346) и уничтожающая критика спорной книги Ю. Сазоновой «История русской литературы. Древний период» (Нью-Йорк, 1955) в ZSP, XXIV, 1956, стр. 415—419. В изданных Чижевским совместно с J. Schröpfer'ом «Heidelberger Slavischen Texten» встречается также кое-что из древнерусской литературы.¹⁰ Об исключительно богатом для немецких условий собрании рукописей Славянского института Гейдельбергского университета Чижевский опубликовал интересное иллюстрированное сообщение: «Handschriftensammlung des Slavischen Instituts der Universität Heidelberg» (Ruperto-Carola. Mitteilungen der Vereinigung der Freunde der Studentenschaft der Universität Heidelberg, Bd. IX, 1957, H. 22, стр. 45—51).

⁹ К.-Е. Wädekin, напротив, стремится дать строго историческое обоснование сравнительно-литературного метода в своей работе «Nibelungenlied und deutsch-russische Beziehungen im Mittelalter» (Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, LXXIII, 1951, стр. 284—304). Остальные работы, связанные с отзывами древнерусского народного эпоса в Германии, здесь не упоминаются, как и вообще все, что касается устного народного творчества.

¹⁰ Так, например, в первой книжке — «Russische literarische Parodien» (Wiesbaden, 1957) — отрывок из «Слова о полку Игореве», представленный в качестве пародии на стиль Бояна, а также образец из «Службы кабаку», или во второй книжке — «Berufung und Bestimmung des Dichters in der slavischen Dichtung. 1. Von den Anfängen bis zur Romantik» (Wiesbaden, 1957) — вступление «Слова о полку Игореве» и одно место из поучения Кирилла Туровского о вселенских соборах.

В настоящее время он работает над обстоятельным описанием этого собрания, которое содержит, в частности, русские рукописи XVII в.

Прежде чем перейти к краткой характеристике работ по отдельным областям древнерусской литературы, начиная с Киевского периода и кончая XVII в., следует назвать две статьи, которые хотя и не посвящены непосредственно древнерусской литературе, но все же некоторым образом касаются ее предыстории. Речь идет об истолковании известного места в VIII главе жития Константина, где говорится о том, что Константин в 860/61 г. нашел в Херсонесе Евангелие с Псалтирью, написанное «русскими» письменами. В то время как большинство советских исследователей защищают тезис о славянском характере этих письмен, F. Liewehr письмомена, обозначенные в качестве «русских», понимает как готские (*Wie Konstantin-Kyryll mit Wulfilas Bibelübersetzung bekannt wurde. — Beiträge zur Namenforschung, III, 1951/52, стр. 287—290*). В противоположность этому D. Gerhardt предлагает конъектуру «соурьскъ» вместо «роурьскъ» и на основании ее объявляет породившее столько споров Евангелие сирийским (*Goten, Slaven oder Syrer im alten Cherson? Ein Nachtrag. — Beiträge zur Namenforschung, IV, 1953, стр. 78—88*).

Мюнхенский славист-музыковед Е. Koschmieder в своей работе «Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente», I. München, 1952 (= *Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, N. F. 35*); II, München, 1955 (= N. F. 37) вступил в почти неисследованную и находившуюся в полном пренебрежении в течение последних десятилетий область древнерусских церковных песнопений.¹¹ В распоряжении автора имелись только фотокопии рукописей, хранящихся в Москве. Carsten Нюег (Копенгаген) использовал появление этой работы в качестве повода для своей статьи «Ein Buch altrussischer Kirchengesänge» (*ZSP, XXV, 1956, стр. 261—284*). Следующий вклад в изучение этого вопроса принадлежит J. v. Gardner'у, опубликовавшему статьи «Probleme der Erforschung des liturgischen Gesanges der russischen Kirche» (*Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 334—344*) и «Die altrussischen neumatischen Handschriften der Bayerischen Staatsbibliothek in München» (там же, II, 1957, стр. 322—328). В первой из этих статей сообщено, между прочим, об открытии мюнхенской рукописи крюковых нот. Происхождение славянской крюковой нотации Е. Koschmieder трактует в сборнике в честь Чижевского (стр. 146—152 — «Zur Herkunft der slavischen Křjuki-Notation»). Немецкая рецензия на «Русское литургическое творчество» Ф. Спасского (Париж, 1951) написана для *ZSP* Чижевским (см. XXIII, 1954, стр. 210—216).

Вопрос о древнерусских апокрифах кратко затронут в работах: L. S a d n i k. *Das Schicksal der Apokryphen im Slaventum. — Universitas, II, 1947, стр. 1051—1054*; J. M a t l. *Hölle und Höllenstrafen in den volksreligiösen Vorstellungen der Bulgaren und Serben. — Vorträge auf der Berliner Slavistentagung, стр. 162—175*. D. Gerhardt сообщает о древнерусском Физиологе в своем введении к работе J. Siebert'a «Ein russisches Tierbuch aus der Zeit Peters des Grossen» (*Archiv für Kulturgeschichte, XXXV, 1953, стр. 212—214*). Специальный вопрос критики текста поднят F. Scheidweiler'ом в статье «Sind die Interpolationen im altrussischen Josephus wertlos?» (*Zeitschrift für Neutestamentliche Wissenschaft, XLIII, 1950/51, стр. 155—178*). Упомянутые интерполяции представляются автору содержащими известия современных, впоследствии утраченных источников.

¹¹ Подробный разбор этой работы дает А. Vidaković (*Wiener Slavistisches Jahrbuch, V, 1956, стр. 174—180*).

О «великих проповедниках древней Руси» Иларионе и Кирилле Туровском трактует R. Mayer в статье «Die grossen Prediger Altrusslands» (Münchener Theologische Zeitschrift, II, 1951, стр. 235—250). К. Rose принадлежит монография под заглавием «Predigt der russisch-orthodoxen Kirche. Wesen—Gestalt—Geschichte» (Berlin, 1952). Пусть целевая основа этой изданной в ГДР книги и является просветительно-теологической, тем не менее вводная часть, особенно ее глава «Die Periode des byzantinischen Einflusses vom 11.—16. Jahrhundert» (стр. 39—62), содержит полезный материал, к которому присоединяются в текстовой части немецкие переводы древнерусских проповедей Луки Жидяты, Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского и др. Работа отрецензирована F. v. Lilienfeld (Zeitschrift für Slawistik, II, 1957, стр. 473—475). Дальнейший материал о древнерусской проповеди, прежде всего об Иларионе (между прочим — первый немецкий перевод «Слова о законе и благодати»), дает новейшая публикация Розе: Grund und Quellort des russischen Geisteslebens. Von Skythien bis zur Kiewer Rus. Berlin, 1956 (= Studien aus dem Institut für Ost- und Südslavische Religions- und Kirchenkunde der Humboldt-Universität, Bd. I). К. Kasper недавно защитил в Берлинском университете имени Гумбольдта диссертацию «Die Predigtliteratur der Kiewer Rus als Spiegel der Zeit». Скорейшее ее опубликование было бы очень желательно.

Издание «Russische Heiligenlegenden. Übersetzt und erläutert von G. Apel, E. Benz, W. Fritze, A. Luther und D. Tschizewskij. Herausgegeben und eingeleitet von E. Benz» (Zürich, 1952) представляет собой обширную хрестоматию древнерусской житийной литературы в немецком переводе, которая дает немецкому читателю широкое представление об этом важном виде древнерусской литературы. Древнерусская агиография привлекает особое внимание некоторых немецких славистов.¹² Д. Чижевский в своей статье «Anklänge an die Gumpoldslegende des hl. Václav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der „Originalität“ der slavischen mittelalterlichen Werke» (Wiener slavistisches Jahrbuch, I, 1950, стр. 71—86) занимается вопросом западнославянского влияния.¹³ В работе «Studien zur russischen Hagiographie: Die Erzählung vom hl. Isaakij» (Wiener Slavistisches Jahrbuch, II, 1952, стр. 22—49) он рассматривает рассказ о четырех монахах Печерского монастыря, который содержится в летописи Нестора под 1074 г. и который затем, разбитый на четыре отдельные части, попал в Киево-Печерский патерик. Легенда об Исаакии — так называет Чижевский упомянутый рассказ о четырех монахах — кажется ему сочинением с определенной тенденцией, направленной против опасности слишком строгой аскезы. При этом он разделяет мысль, выдвинутую в свое время Н. Никольским (см: Русская мысль, 1913, № 6, стр. 1—23), о том, что русское христианство в XI столетии проповедовало более мягкий и оптимистичный жизненный идеал, чем в позднейшее время. Основательным знатоком сюжета о Борисе и Глебе в последние годы стал L. Müller. До настоящего времени его вкладами в этот сложный текстологический вопрос являются: «Die nichthagio-

¹² В этой связи интересно замечание историка G. Stökl'я, который в своем обзоре «Russisches Mittelalter und sowjetische Mediaevistik», I (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., III, 1955, стр. 13 и сл.) хвалит издательскую технику советских ученых, но, однако, порицает то небольшое внимание, которое выпадает в СССР на долю агиографии, как «сильно текучего вида источников».

¹³ Отголоска чешской легенды в Киевской Руси касается статья K. O n a s c h. Der cyrillo-methodianische Gedanke in der Kirchengeschichte des Mittelalters. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle—Wittenberg, Jahrg. VI, 1956/57, Gesellsch.- u. sprachwiss. Reihe, № 1, стр. 27—40.

graphische Quelle der Chronik-Erzählung von der Ermordung der Brüder Boris und Gleb und der Bestrafung ihres Mörders durch Jaroslav» (Сб. в честь Чижевского, стр. 196—217), «Die Urform der altrussischen Erzählung über Boris und Gleb» (Vorträge auf der Berliner Slavistentagung, стр. 190—194), «Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb» (ZSP, XXIII, 1954, стр. 60—77; XXV, 1956, стр. 329—363), «Zur Rekonstruktion des „Načal'nyj svod“ der altrussischen Chronik auf Grund des „Skazanije über die Ermordung der Heiligen Boris und Gleb“» (Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. = Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität, Berlin, Bd. 9 (далее: Сб. в честь Фасмера), стр. 341—348). Для Мюллера неагиографический источник — это исторический рассказ в художественной прозе, вышедший из дружинной среды (сага), который отличается от «Слова о полку Игореве» как будто только мону-ментальной простотой стиля. Наиболее родственен ему по содержанию и стилю, пожалуй, рассказ о Редде под 1022 г. В качестве второго источника Мюллер предполагает «первоначальную легенду» («Urlegende») о мученичестве. «Сказание» возводится теперь отчасти к сохранившемуся летописному рассказу, отчасти к несохранившейся «первоначальной легенде». В то время как реконструкция неагиографического источника летописного рассказа Мюллером уже предложена, реконструкцию «первоначальной легенды» он предполагает дать в своем следующем этюде, который также должен появиться в ZSP.

Разыскания, касающиеся сюжета о Борисе и Глебе, ввели уже нас в круг проблем, связанных с Повестью временных лет. Для практических учебных целей R. Trautmann издал в 1948 г. в Лейпциге «Die altrussische Nestorchronik» (Летопись Нестора) — выборочно, на древнерусском языке, с немецким предисловием (= Slavistische Studienbücherei, № 1). Отдельные части летописи Нестора затронуты в двух интересных работах D. Gerhardt'a: в статье для Сборника в честь Чижевского (стр. 121—142), касающейся преимущественно истории религии, — «Das Land ohne Apostel und seine Apostel», а также в этнографическом этюде «Über Vorkommen und Wertung der Dampfbäder» (ZSP, XXIV, 1955, стр. 82—90). Проблемы летописи Нестора касается также историческое исследование А. Стендер-Петерсена «Die vier Etappen der russisch-varägischen Beziehungen» (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, II, 1954, стр. 137—157). Менее ценна для истории литературы работа W. Philipp'a «Die religiöse Begründung der altrussischen Hauptstadt» (Сб. в честь Фасмера, стр. 375—387). Далее следовало бы назвать немецкую статью итальянского ученого R. Picchio «A. L. Schlözers Nestor-Kritik und ihr Einfluss auf die quellenkritischen Untersuchungen J. Lelewels zur polnischen Geschichte» (Сб. в честь Фасмера, стр. 388—398). Т. Čuževska в своем небольшом этюде «Zu Wladimir Monomach und Kekaumenos» (Wiener Slavistisches Jahrbuch, II, 1952, стр. 157—160) не смогла окончательно доказать возможную зависимость древнерусского автора от византийского образца.

Вот все то немногое, что имеется после 1945 г. на немецком языке о Повести временных лет. Тем более отрадно появление детального исследования Д. Чижевского «Über den Stil der Galizisch-Volynischen Chronik» (Südost-Forschungen, XII, 1953, стр. 79—109). Рассматривая дательный самостоятельный как одну из наиболее примечательных индивидуальных черт стиля этой летописи, Чижевский путем статистического анализа приходит, между прочим, к заключению, что последней хронологической границей работы первого автора следует определить 1261 г., — мнение, в пользу которого говорит и само содержание летописи. При этом Чижевский полагает, что

места, считавшиеся различными исследователями вставкой, не избежали стилистического воздействия со стороны этого автора. Гипотезу Д. С. Лихачева о том, что составитель Галицкой летописи мог быть причастен к созданию Жития Александра Невского,¹⁴ Чижевский отвергает, исходя из своих соображений об индивидуальности его стиля. Сходство обоих памятников автор объясняет принадлежностью к одному жанру: Галицкая летопись не является летописью в собственном смысле слова, она, так же как Житие Александра Невского, — скорее княжеская биография.

«Слово о погибели Руския земли» А. В. Соловьев считает в своей статье «Helles Russland — Heiliges Russland» (Сб. в честь Чижевского, стр. 282—289) исходным пунктом понятия «светло-светлой земли Русской», причем он стремится проследить дальнейшую судьбу этого общего места (topos) в древнерусской литературе и народной поэзии вплоть до новейшего времени.

Очень поучительную статью о «Слове о полку Игореве» и современном состоянии его изучения под заглавием «Russland und sein Igorlied» (Archiv für Kulturgeschichte, XXXIV, 1952, стр. 67—80) написал D. Gerhardt. Представляет интерес его требование опубликовать все содержание споревшего в 1812 г. сборника Мусина-Пушкина, насколько его можно реконструировать на основании косвенной традиции, вместе с соответствующими местами «Задонщины» и другими свидетельствами. Окружение, в которое древний компилятор поместил «Слово о полку Игореве», «между летописями с их подчеркнутой деловитостью и ослепляющими поэтическими чарами византийских эпических романов», не является случайным (стр. 74), а допускает заключения относительно жанра «Слова о полку Игореве». Отраднo то, что Герхардт со всей резкостью восстает против избитого сопоставления «Слова о полку Игореве» с песней о Роланде и песней о Нибелунгах. Как документ актуальнейшей злободневности его можно сравнить пожалуй только с лирикой Вальтера фон дер Фогельвайде (стр. 76). Призыв к созданию немецкого перевода, соответствующего современному состоянию исследования (стр. 78), является вполне оправданным.

До сих пор неопубликованная диссертация «Beitrag zur Erforschung des Igorliedes» была написана I. Luck'ом в 1951 г. в Гёттингене. По одному спорному месту «Слова о полку Игореве» высказывается G. Kirchner в своей заметке «Мыслию, und trotzdem мышию!» (Wissenschaftliche Zeitschrift der Schiller-Universität. Jena, Jahrg. V, 1955/56, Gesellsch.- u. sprachwiss. Reihe, № 4/5, стр. 621—622). Среди рецензий на литературу по «Слову о полку Игореве», вышедшую не на немецком языке, следовало бы, между прочим, назвать: P. Ягодича на книгу: H. Grégoire, R. Jakobson, M. Szeftel. La geste du Prince Igor. New York, 1948 (Wiener Slavistisches Jahrbuch, II, 1952, стр. 198—208), Д. Чижевского на «Zametki k Slovu o polku Igoreve» (II Belgrad, 1941) (Südost-Forschungen, XII, 1953, стр. 379—382), E. Koschmieder'a на работы: A. Obreńska-Jabłońska. «Słowo o wyprawie Igora», Warszawa, 1954; R. Nahtigal. Staroruski ep «Slovo o polku Igořevě». Ljubljana, 1954 (Welt der Slaven, I, 1956, стр. 209—219). В переводе R. Trautmann'a появились «Очерки» С. П. Обнорского (Skizzen zur Geschichte der alten russischen Literatursprache: Das Lied von der Heerfahrt Igořs, — Sowjetwissenschaft, I, 1948, Н. 1, стр. 93—113¹⁵). Несколько замечаний к именам русских богов, сохранившимся в «Слове о полку Игореве»

¹⁴ См.: ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 36—56.

¹⁵ Следующий отдел «Очерков» Обнорского появился в 1950 г. (Sowjetwissenschaft, Gesellschaftswiss. Abt. 1950, Н. 1, стр. 46—50). Была переведена также работа М. О. Скрипиля — «Forschungsprobleme auf dem Gebiet der altrussischen Erzählung» (Sowjetwissenschaft, I, 1948, Н. 4, стр. 43—59).

и других памятниках, делает А. Schmaus в работе «Zur altslavischen Religionsgeschichte» (Saeculum, IV, 1953, стр. 206—230, главным образом стр. 214 и сл.).¹⁶

Оба жития, написанные Епифанием Премудрым — Стефана Пермского и Сергия Радонежского — Д. Чижевский исследует с точки зрения их «тороі» — так называемых стилистических общих мест в своей статье «Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Торік» (Сб. в честь Фасмера, стр. 105—112). Между прочим, он предостерегает от того, чтобы принимать очевидные «тороі» за автобиографические признания, как это, по его мнению, часто имеет место в «Молении» Даниила Заточника и в других случаях. Новгородской литературы и новгородских ересей попутно касается К. Opasch в работе «Gross-Novgorod und Feofan der Grieche» (Ostkirchliche Studien, III, 1954, стр. 179—192, 287—306). Анонимное описание путешествия, принадлежащее одному из спутников митрополита Исидора в его поездке в Италию в 1437—1440 гг., было издано в немецком переводе и многократно исследовалось;¹⁷ см.: G. Stökl. Reisebericht eines unbekanntenen Russen (1437—1440), übersetzt, eingeleitet und erklärt. — Europa im XV Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Graz—Wien—Köln, 1954 (= Byzantinische Geschichtsschreiber, Bd. 2), стр. 149—189; Н. Ludat. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters. — Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde, XXXV, 1955, стр. 71—84; L. Müller. Ein Russe bereist 1438 die Salzstrasse. — Lauenburgische Heimat, N. F. Dezember 1955, N. 9, стр. 2—6. Критический разбор перевода Штёкля и статьи Людата (которая содержит частичный перевод) дал Л. Мюллер в «Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte» (LXXX, 1956, стр. 244—276). Описание этого путешествия упоминается также в моем докладе к 500-летию Грайфсвальдского университета «Germanoslawisches im Ostseeraum an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit» (Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst—Moritz—Arndt—Universität Greifswald, Jahrg. VI, 1956/57, Gesellsch.- u. Sprachwiss. Reihe, стр. 57—60). В этом докладе я пытаюсь также привлечь внимание к тому обстоятельству, что после включения Новгорода в Московское государство некоторое время существовали исключительно благоприятные условия для непосредственного литературного воздействия со стороны северонемецких ганзейских городов. Московскому конгрессу славистов 1958 г. я предложу доклад о некоторых нижненемецких источниках древнерусских памятников («Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums»), между прочим «Прения живота и смерти» и о непосредственных обстоятельствах его проникновения в Россию (см.: Zeitschrift für Slawistik, III, 1958, N. 2—4). W. Philipp в своей статье «Ein Anonymus der Tverer Publizistik im 15. Jahrhundert» (Сб. в честь Чижевского, стр. 230—237) показывает, как неизвестный автор написанного в середине XV в. «Слова инокa Фомы» (имя сочинителя Фомы является позднейшим добавлением!) сравнивает город Тверь и ее великих князей в стиле «плетения словес» с Византийской империей и ее повелителями. Следовало бы назвать еще лингвистическую заметку О. Hansen'a «Der Name des Kaspischen Meeres im Reisebericht des Afanasij Nikitin» (ZSP, XXI, 1952, стр. 113—115). Оставляем в стороне статьи по истории церкви, имеющие лишь косвенное отношение к древнерусской литературе (например, сообщение G. Stökl'я «Zur Geschichte des

¹⁶ Ср. также: S. Pirchegger. Zum altrussischen Götternamen Stribogъ. — ZSP, XIX, 1947, стр. 311—316.

¹⁷ Ср. русское издание В. Малинина (Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Прилож. XV, стр. 76—87).

russischen Mönchtums» в «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», II, 1954, стр. 121—135).

Вопросам, касающимся XVI в., посвящены три неопубликованные диссертации: Е. Тренцак. Zum Problem und der Gestalt des russischen Nationalbewusstseins im früheren Moskauer Reich des 15.—16. Jahrhunderts. Graz, 1951; R. Winkler. Der Domostroj und seine Entstehungsgeschichte. Leipzig, 1950; Н. Веертх. Wandlungen in der russischen Geschichtsschreibung im 16. und beginnenden 17. Jahrhundert. Göttingen, 1945. Шире представлены работы о русской литературе XVII столетия. Вопросы, касающиеся творчества Аввакума, трактует Р. Hauptmann в своей диссертации «Die christliche Wirklichkeit im Denken und Leben des Protopopos Avvakum» (Münster, 1953; авторское резюме этого, также неопубликованного сочинения напечатано; см.: Theologische Literaturzeitung, LXXX, 1955, стр. 55—56). Статья С. А. Зенковского «Der Mönch Epifanij und die Entstehung der russischen Autobiographie» (Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 276—292) пытается показать, что автобиографический жанр в древнерусской литературе постепенно и вполне естественно развивался, с одной стороны, из духовных завещаний и монастырских правил, а с другой стороны — из автобиографических отрывков житий, так что ни Аввакум, ни его предтеча и вдохновитель — старец Елифаний не могут быть признаны первыми русскими автобиографами.

Особенно острая полемика существует по вопросу о русском литературном барокко. В программном обзоре «Die slavistische Barockforschung» (Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 293—307, 431—445) Д. Чижевский, который уже десятилетия играет роль передового бойца идеи барокко, дает оценку современному состоянию вопроса. Как далеко может простираться понятие «барокко», показывает работа венгерского ученого А. Ангяля «Die Barock-Epoche in der slavischen Literatur- und Kulturgeschichte» (Blick nach Osten, II, 1949, стр. 165—180, 267—286), где такие памятники, как «Сказание о киевских богатырях» или «Повесть о Еруслане Лазаревиче» причисляются к барочному эпосу, а А. Л. Ордин-Нащокин назван представителем барочной дворянской литературы России. В своем докладе к 500-летию Грайфсвальдского университета «Das Problem des slavischen Barocks» (Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst—Moritz—Arndt—Universität Greifswald, Jahrg. VI, 1956/57, Gesellsch.- u. Sprachwiss. Reihe, стр. 67—77) Ангяль сожалеет — так же как и Чижевский в упомянутом выше обзоре (стр. 435 сл.) — о недостаточности изучения литературного барокко в СССР, причем исследование И. П. Еремина о стиле Симеона Полоцкого (ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 125—153) он оценивает как многообещающее исключение. По моему мнению, мы имеем здесь дело с проблемой, которая требует взаимопонимания от всех участников ее разработки. Барокко является — это доказано выводами сравнительного литературного исследования — подлинным литературным течением в самом широком смысле слова, которое в истории европейской литературы нельзя более игнорировать, и в котором Россия также, без сомнения, принимала участие. С другой стороны, нельзя, конечно, переносить литературные нормы схематически с одной нации на другую.¹⁸

Истолкованием духовного перелома, который наметился в России уже в допетровскую эпоху, занимается М. Вгауп в своем этюде «Das Eindringen

¹⁸ Что касается выжидательной позиции советских литературоведов по отношению к идее барокко, то ее можно связать с традиционной самооценкой французского классицизма, который в России оставался действительным дольше, чем где-либо. Франция, родина классицизма, также долго противилась признанию барокко, хотя тем временем обнаружилось, как многим обязан классицизм столь презираемому им барокко.

des Humanismus in Russland im 17. Jahrhundert» (Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 35—49). Русская литература этого времени, по Брауну, выдвигает светских героев, которые имели мужество «отойти от морально-религиозных норм». Однако не может быть речи о гуманизме в собственном смысле слова. О переводной литературе Московского периода трактует, между прочим, J. Matl в «Deutsche Volksbücher bei den Slaven» (Germanisch-romanische Monatsschrift, V, 1955, стр. 193—212). Народная книга, в ее промежуточном положении между высокой литературой и народной повествовательной традицией, рассматривается Матлем как «фольклористический факт», который распространился, при изменении текстовой формы, на целые стилиевые эпохи.¹⁹

Ряд филологически хорошо разработанных диссертаций на немецком языке вышел из школы шведского слависта Г. Гуннарсона; объемистый сборник второй половины XVII в., привезенный в свое время J. G. Sparwenfelt'ом из его поездки в Россию, исследует St. Dahl в своей работе «Codex AD 10 der Västeraser Galmnasybibliothek» (Uppsala, 1949) (= Publications de l'Institut slave d'Upsal, № 2). Из литературных текстов этого сборника следовало бы упомянуть басни Эзопа в русском переводе, комедию Симеона Полоцкого о блудном сыне, две комедии из репертуара пастора Грегори и шесть отрывков из «Римских деяний». Хроника Сафоновича, которая также заключена в этом сборнике, анализируется отдельно С. Borgelius'ом: «Safonovičs Chronik im Codex AD der Västeråser Gymnasialbibliothek. Eine sprachliche Untersuchung» (Uppsala, 1952) (= Publications de l'Institut slave d'Upsal, № 6). Находящийся в Швеции русский список легенды об Удо положен E. Oehgren'ом в основу его работы «Die Udo-Legende. Ihre Quellen und Verbreitung mit besonderer Berücksichtigung ihrer Übersetzung ins Russisch-Kirchenslavische» (Uppsala, 1954) (= Publications de l'Institut slave d'Upsal, № 8). Список Повести об Аполлонии, который является одним из шести отрывков «Римских деяний» в сборнике AD 10, побудил N. Å. Nilsson'a к его текстологическому исследованию (Die Apollonius-Erzählung in den slavischen Literaturen. Uppsala, 1949 = Труды по славянской филологии, изд. Русским институтом при Стокгольмском университете, т. 3). На стр. 132—145 кратко характеризуется почерк сборника AD 10 и говорится о соотношении обеих русских редакций (одна — в «Римских деяниях», вторая — см. Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, I, 2. М., 1859, стр. 6 и сл.).

Ученица М. Фасмера, R. Greve, в своей диссертации «Studien über den Roman Nuovo d'Antona in Russland» (Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropainstituts an der Freien Universität Berlin, Bd. 10. Berlin—Wiesbaden, 1956) попыталась обрисовать происхождение сюжета народной книги и его дальнейшую судьбу на русской почве (в фольклоре, так же как и в литературе).

Что касается работ о начале русского театра, то следует указать три немецкие рецензии на известное издание А. Мазона и Ф. Кокрона «La comédie d'Artaxerxès (Артаксерксово действо)» (Paris, 1955) — M. Vasmer'a (ZSP, XXIV, 1956, стр. 413—415), A. Schmaus'a (Welt der Slaven, I, 1956, стр. 214—216) и H. Baumann'a (Zeitschrift für Slavistik, II, 1957, стр. 137—141). E. Amburger в статье «Die Mitwirkenden bei der Moskauer Aufführung des „Artaxerxes“ am 17. Oktober 1672» (ZSP, XXV, 1956,

¹⁹ Ср. также статьи Матля «Die christliche Idee in den slawischen Literaturen» (Christentum und moderne Geisteshaltung. Versuche, Studien und Übersichten. Wien—München, 1954, стр. 38—51) и «Antike Gestalten in der slawischen literarischen und Volksüberlieferung» (Saeculum, VI, 1944, стр. 407—431), где затронуты различные вопросы древнерусской литературы, особенно ее заключительной эпохи.

стр. 304—309) детально представляет участников спектакля, насколько можно выяснить биографические даты.

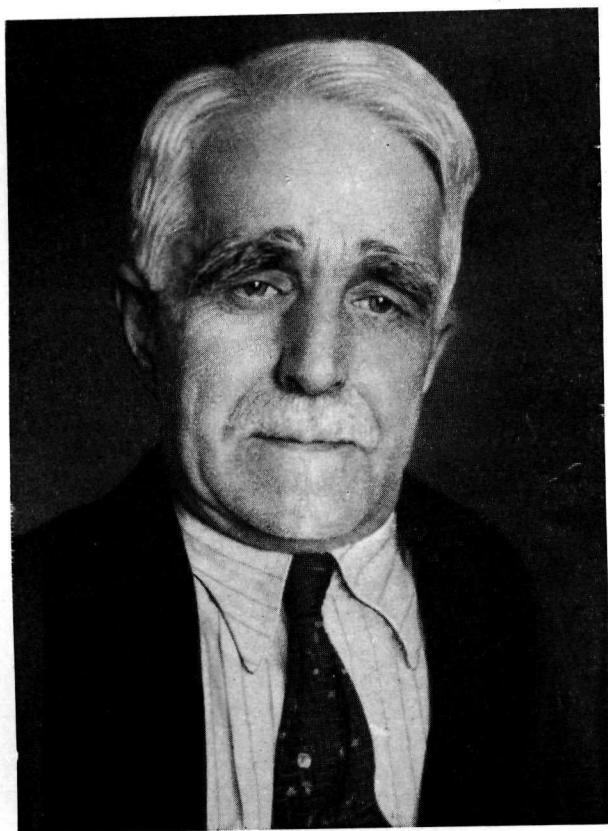
Предложенный обзор работ по древнерусской литературе, опубликованных на немецком языке с 1945 г., который ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту,²⁰ мог бы свидетельствовать, сколь разнообразны проблемы древнерусской литературы, интересовавшие за последние годы исследователей, пишущих на немецком языке. То обстоятельство, что разносторонность таит в себе опасность разъединения и распыленности, нельзя ставить в вину ученым, которым приходится работать в различных, разделенных границами, государствах.

28 января 1958 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АВТОРОВ

Affeld D. 475	Koschmieder E. 478, 481	Stender-Petersen A. 474, 475, 480
Amburger E. 484	Krämer W. 474	Stökl G. 479, 482
Anderson W. 476	Lettenbauer W. 474	Szeftel M. 481
Angyal A. 483	Liewehr F. 478	Trautmann R. 475, 480, 481
Apel G. 479	Lilienfeld F. v. 479	Trenczak E. 483
Baumann H. 484	Luck I. 481	Trubetzkoj N. S. 475
Benz E. 479	Ludat H. 482	Tschizewskij D. см. Čyževskij D.
Borelius C. 484	Luther A. 479	Vasmer M. 476, 484
Braun M. 483, 484	Magasanik A. 475	Vidaković A. 478
Cocron F. 484	Matl J. 478, 484	Wädekin K.-E. 477
Čyževska T. 480	Mayer R. 479	Weerth H. 483
Čyževskij D. (ср. Tschizewskij D.) 474, 476—483	Mazon A. 484	Winkler M. 476
Dahl St. 484	Müller L. 479, 480, 482	Winkler R. 483
Fritze W. 479	Nahtigal R. 481	Woltner M. 475
Gardner J. v. 478	Nilsson N. A. 484	Wytrzens G. 474, 476
Gerhardt D. 474, 478, 480, 481	Obrębska-Jabłońska A. 481	Zenkovsky S. A. 483
Girod M. 474	Oehgren E. 484	Адрианова-Перетц В. П. 475
Grégoire H. 481	Onasch K. 479, 482	Гудзий Н. К. 475
Greve R. 484	Philipp W. 480, 482	Еремин И. П. 475, 483
Gunnarsson G. 484	Picchio R. 480	Зерчанинов А. 475
Günther K. 475	Pirchegger S. 482	Кайев А. А. 475
Hansen O. 482	Raab H. 475, 482	Лихачев Д. С. 475, 477, 481
Hauptmann P. 483	Rose K. 479	Малинин В. 482
Hirschberg M. 476	Sadnik L. 478	Никольский Н. 479
Høeg C. 478	Scheidweiler F. 478	Обнорский С. П. 481
Jagoditsch R. 475, 476, 481	Schmaus A. 482, 484	Орлов А. С. 475
Jakobson R. 481	Schröpfer J. 477	Поспелов Н. 475
Kasper K. 479	Setschkareff V. D. 474	Сазонова Ю. 477
Kirchner G. 481	Siebert J. 478	Скрипиль М. О. 481
Kobetz J. 474	Smolitsch I. 485	Тихонравов Н. 484
	Solovjev A. 481	Шаблювский П. 475

²⁰ Сознательно опущены различные работы по истории церкви, где вопросы древнерусской литературы упоминаются повсеместно. В этой связи следовало бы назвать только: I. Smolitsch. Russisches Mönchtum. — Entstehung, Entwicklung und Wesen 988—1917. Würzburg, 1953 (= Das östliche Christentum, N. F., 10/11), где довольно обстоятельно излагаются литературные труды древнерусского монашества.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси»

18 июля 1957 г. скончался Борис Александрович Романов — историк-источниковед, постоянно соприкасавшийся в своих работах с литературоведением, человек яркой индивидуальности, талантливый воспитатель молодых ученых, блестящий лектор и собеседник, тонкий ценитель и мастер словесного искусства.

Б. А. Романов родился в 1889 г. в Петербурге в семье профессора Института инженеров путей сообщения А. Д. Романова. В 1906 г. он окончил классическую гимназию, а затем, в 1912 г., Историко-Филологический факультет Петербургского университета, где занимался в семинарах С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, Э. Д. Гримма, И. М. Гревса и у А. Е. Преснякова, учеником которого Б. А. и считал себя. Из семинара А. Е. Преснякова вышла первая печатная работа Б. А. «Смердый конь и смерд» (ИОРЯС, кн. XIII, 1908), увидевшая свет, когда ее автор был еще только студентом третьего курса. В этой работе уже сказались типичные черты Б. А. как исследователя: виртуозное толкование источников, обостренный интерес к социальным проблемам, сильное историческое воображение и серьезная филологическая подготовка.

По окончании курса Б. А. был оставлен при университете для подготовки к научной деятельности и одновременно вел преподавательскую работу в средних учебных заведениях Петербурга: в гимназиях Михельсон, Таганцевой, в Смольном институте и др.

После Октябрьской революции, с образованием в 1918 г. особого Архивного ведомства (Главархива), Б. А. вместе с многими другими учеными стал в нем работать (и работал до 1929 г.) по архивным материалам XIX и XX вв. Занятия в архиве, главным образом материалами Третьего отделения Общей канцелярии Министерства финансов, наложили прочный отпечаток на всю последующую научную деятельность Б. А. Длительное общение с архивным материалом воспитало в нем ту тягу к конкретности и дало ему то «дополнительное историческое чувство», которым Б. А. имел впоследствии все основания гордиться. «Чем грязнее и грязноватее работа в исторической кочегарке, — говорил Б. А., — тем органичнее вживание в проблему, тем острее глаз историка, точнее и безошибочнее его рука в работе».

«Историческая кочегарка» — Главархив — дала Б. А. и основные темы его работ по новой русской истории. Министерство финансов, во главе которого стоял Витте, субсидировало строительство Восточно-Китайской железной дороги, фактически осуществляя всю политику России на Дальнем Востоке, поэтому архивный фонд канцелярии Витте давал единственный ключ к ее изучению.

Б. А. был одним из первых историков, обратившихся к современной ему истории. Он отверг предубеждение старых историков против занятий «модернистскими» (как они их называли) темами и применил историко-ведческий анализ, отточенный на древнерусском материале А. А. Шахматовым и А. Е. Пресняковым, к документам, на которых почти еще не сохли чернила.

В архивных материалах Министерства финансов Б. А. нашел документальный комментарий к «Воспоминаниям» Витте. Эти «Воспоминания» произвели в свое время огромное впечатление в разных кругах общества. В частности, они были, по выражению Б. А., своего рода «чудотворной иконой», удобно помогавшей консервативно настроенным людям спокойно объяснить для себя падение николаевского режима, не расставаясь со своими консервативными убеждениями. В ряде своих работ, посвященных Витте, Б. А. вывел этого «ядоотравителя» и «крупнейшего дельца, не доучившегося до того, чтобы стать деятелем» (выражения Б. А.) из-за его своеобразного «литературного прикрытия» и показал империалистические устремления его политики на Дальнем Востоке, лишь маскировавшиеся показным миролюбием.

Только после того, как Б. А. опубликовал более 40 работ, этюдов историко-ведческого характера и острых характеристик отдельных проводников политики самодержавия, он приступил к написанию своего капитального исследования, выросшего на основе его почти десятилетней работы в Центрархиве, — «Россия в Манчжурии» (Л., 1928). Работа эта писалась буквально у типографского станка. Корректуры первых глав шли одновременно с тем, как писались последние. «Типография наступала мне на пятки», — вспоминал Б. А. Такая быстрота в работе могла быть развита только в результате того, что весь материал его будущей книги был досконально подготовлен, удержан в памяти, сам просился на бумагу. В этом громадном труде были изучены русско-китайские, русско-японские и русско-германские отношения, приведшие в конце концов к русско-японской войне 1904—1905 гг. Это была одна из первых советских работ, использовавших немецкую документацию «Die Grosse Politik». По обилию материалов эта книга оставила далеко позади себя все работы, выходившие до того, по дальневосточной политике России и по истории русского империализма на Дальнем Востоке. Но особый интерес этой книги заключался опять-таки в мастерском историко-ведческом анализе. Привычка, выработанная на древнерусском материале, «рассматривать документ в лупу» (выражение Б. А.) сыграла и в этой книге выдающуюся роль. Анализируя источники, Б. А. сумел показать, что войну и международные отношения России того времени следует рассматривать сквозь призму их финансовой ткани.

Книга «Россия в Манчжурии» была встречена маститыми учеными на первых порах с некоторым недоверием. Только Е. В. Тарле отозвался о ней положительно. Но уже через несколько лет вышли ее переводы на китайский и английский языки. Она получила мировую известность и была признана основным трудом по дальневосточной политике России начала XX в.

Я не касаюсь многочисленных работ Б. А. по истории рабочего движения, революции 1905 г., русским финансам и т. д.: они получили заслуженную известность. Остановлюсь только на обширном труде Б. А. «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», изданном в 1947 г. Так же как и предшествующая книга («Россия в Манчжурии»), данная работа синтезировала многочисленные отдельные исследования и публикации автора. Б. А. ставил себе задачей в этом труде опровергнуть

положение школы М. Н. Покровского, что русско-японская война не была войной империалистической. Опираясь на многочисленные документы, Б. А. показывает империалистическую сущность русско-японской войны. Он вскрывает двойственную природу русского и японского империализма, оплетенного и в России и в Японии густой сетью отношений еще докапиталистических. Он рисует русско-японскую войну в свете мировой борьбы империалистических держав за раздел Китая и за господство на Тихом океане. Серьезной заслугой Б. А. явилось то, что он рассмотрел «дипломатическую историю» (кстати сказать, термин, впервые введенный Б. А. в научное употребление) русско-японской войны в тесной связи с внутренней жизнью России и Японии. В этом отношении книга Б. А. решительно отличается от всякого рода зарубежных «histoires diplomatiques» и «diplomatic histories», где весь интерес сосредоточивается на разоблачении закулисных тайн, на демонстрации ловкости дипломатов и т. д. Б. А. характеризует внутреннюю политику царизма, показывает позиции отдельных группировок правящей верхушки. Наконец, Б. А. пристально следит в своей книге за ростом революционного движения.

Второе издание этой книги вышло в 1955 г. По существу, это была почти новая книга, так как по сравнению с первым изданием ее объем увеличился более чем в два раза, а тема расширилась включением Портсмутского мира и ряда других вопросов внешней политики России, международных отношений вообще и внешней политики США в частности.

Возвращение к древнерусской тематике в конце 30-х годов было для Б. А. Романова связано с реальным приближением к древнерусскому письменному, языковому и археологическому материалу. Он работает с филологами над картошкой Древнерусского словаря, руководившегося тогда Б. А. Лариным, расписывая, а иногда почти что переписывая на карточки древнерусские памятники (Ипатьевскую, Симеоновскую и Типографскую летописи, все изданные летописи новгородские, Историческую и Толковую палеи, Русскую Правду, судебники, псковскую и новгородскую судные грамоты, писцовые книги, Акты юридические, ряд памятников Петровского времени и др.). Он работает вместе с археологами над «Историей культуры древней Руси» (см. его главу «Деньги и денежное обращение» в томе 1, М.—Л., 1948) и даже одно время состоит в штате Института истории материальной культуры АН СССР. С историками-текстологами он работает над академическим изданием «Правды Русской», внимательнейшим образом пересматривая весь ее текст, все ее толкования, составляя технический костяк книги — ее превосходные и разнообразные указатели.

В 1947 г. вышел второй том академического издания «Правды Русской» под редакцией акад. Б. Д. Грекова; он был весь посвящен комментариям и в львиной своей доле принадлежал Б. А. Огромный том (80 печатных листов, 862 страницы большого формата) подводил итоги более чем двухсотлетнего изучения Русской Правды и вносил много свежего и нового. Замечательна та точность, с которой Б. А. излагает взгляды своих предшественников, сохраняя их подлинные выражения, терминологию и давая читателям возможность воспользоваться всем тем ценным, что было в старых исследованиях. Историкам древней русской литературы в комментариях Б. А. особенно полезным явились толкования отдельных слов Русской Правды с лексическими параллелями из других памятников древнерусской письменности.

Наибольший интерес для специалистов по древней русской литературе представляет книга Б. А. «Люди и нравы древней Руси (историко-бытовые очерки XI—XIII вв.)», изданная в 1947 г. Ленинградским университетом. Книга эта далеко не обычна по своему замыслу и исполнению. Она вызвала

очень много разговоров, встретила самые различные отзывы — от резко положительных до резко отрицательных. Равнодушных читателей у ней не было. В этом нет ничего удивительного: сам Б. А., когда эту книгу писал, отчасти на это рассчитывал. Он писал свою книгу с некоторой запальчивостью. К сожалению, споры, возникшие вокруг этой книги, не получили должного отражения в печати. И это обстоятельство, как и то, что эта книга наполовину литературоведческая, обязывает нас рассмотреть ее возможно подробнее.

Книга Б. А. «Люди и нравы древней Руси» необычна прежде всего по самому своему подходу к историческому материалу: Б. А. задался целью реконструировать жизнь домонгольской Руси, реконструировать исторические типы людей с тем, чтобы «дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе» (стр. 5). Ученый сочетается в Б. А. с художником, научный анализ с художественным воображением (именно с воображением, а не с фантазией исторического беллетриста). При этом необычном для научной книги профиле необходимо оценить не только ее научные утверждения, но и ее своеобразный художественный замысел.

Обратимся к последнему. О приемах своей художественной реконструкции жизни XI—XIII вв. Б. А. довольно точно пишет сам в предисловии к книге: автор «взял на себя, как толмач, перевести старинные слова» на язык современного читателя (стр. 14—15). Б. А. переводит тут же — на глазах у читателя, демонстрируя в книге и подлинный текст и его интерпретацию в современных понятиях, в современных представлениях (в книге дается, конечно, не языковой перевод, а перевод понятий, представлений). Этот «перевод» сближает древние понятия с современными и одновременно, путем этого сближения, вскрывает их различия. Чтобы приблизить жизнь древней Руси к взору и слуху современного читателя, Б. А. обильно вводит в свой текст вполне современные нам выражения, совмещая их с архаизмами, взятыми из подлинных древнерусских материалов. Эти современные нам выражения возможны в книге только потому, что рядом с ними Б. А. ставит выражения XI—XIII вв. Вместе с тем глубокие архаизмы XI—XIII вв. звучат для нас по-новому только потому, что рядом даны их «эквиваленты» XX в. Отсюда своеобразная гротескность положений (стр. 173—175, 202 и др.). Б. А. ни разу не уклоняется от тонко найденной им необычной линии изложения — ни в сторону преобладания архаизмов, ни в сторону преобладания модернизмов. Всякое уклонение привело бы изложение либо к модернизации исторического материала, либо к чрезмерной его архаизации. В данном же необычайно остром сочетании жизнь древней Руси приближается к современному читателю до почти полной ее осязаемости и зримости в отдельных ее проявлениях. Правда, читателей ученых с консервативными литературными вкусами эта своеобразная манера изложения настроивала отрицательно к книге Б. А., но она же создавала ему близких друзей среди тех, кто предпочитает острую постановку вопросов, научную смелость и оригинальность ученому снобизму и скучному научному благоприличию.

В своей книге Б. А. использует хорошо известные источники — Русскую Правду, Моление Даниила Заточника, Кириковы Вопросания, Поучение Владимира Мономаха, Киево-Печерский патерик, Житие Феодосия Печерского, летопись и т. д., но он ставит этим источникам такие вопросы, которые им еще не предлагались. Б. А. использует эти памятники для воспроизведения живых, ярко расцвеченных картин домонгольской жизни. Он изображает погоню за бежавшим холопом, используя для этого Русскую Правду, рисует картины монастырской жизни, используя для этого

Киево-Печерский патерик, воспроизводит «жизнь человека», идя за этим человеком по следам Кириковых Вопросаний, и т. д. Эти «круги жизни» склываются автором в единую цепь своеобразно выбранным для этой цели «гидом» — Даниилом Заточником. «Гид» этот выбран на редкость удачно. Это человек, захваченный, согласно концепции Б. А., процессом классового образования, человек, носимый, как щепка, в бурном потоке жизни XII—XIII вв., «ищущий выхода из своего художества, т. е. бедственного положения, в какое он попал в середине жизненной карьеры» (стр. 17), человек, «начинающий строить свой быт сызнова» (стр. 183), «мизантроп», относящийся к современной ему жизни с критикой и с «приглядкой к ее гримасам» (стр. 183). Это человек безусловно своего времени, самыми тесными узами связанный с русской действительностью XII—XIII вв. Б. А. не выдумал его — он только реконструирован им на основе реального произведения, но под пером Б. А. он превращен в некий «средний тип» эпохи. Автор примеривает его к различным жизненным ситуациям XII—XIII вв., читает его глазами «Слово о полку Игореве» (стр. 280 и сл.) или расценивает его словами современных ему князей (стр. 22 и сл.). В конце концов Б. А. настолько объединяет Заточника с его эпохой, что Заточник становится для него неким символом своего времени. Перед нами, конечно, своеобразный эксперимент. И если говорят, что эксперимент невозможен в общественных науках, в книге Б. А. это получает живое опровержение.

Что же получается в результате такого рассмотрения жизни древней Руси под таким углом зрения и в таких ракурсах? Действуя воображением историка, Б. А. воссоздал по крохам зримые и слышимые, почти осязаемые сцены старой русской жизни. И эта открывшаяся нам жизнь оказалась совсем не такой, какой она обычно нам представлялась. Культура домонгольской Руси открылась для него не с ее фасадной стороны, а с внутренней. Киевская Русь правильно, хотя и односторонне, ассоциируется до сих пор у современного читателя преимущественно с высокими и светлыми зданиями вроде Киевской Софии, с великолепными мозаиками и фресками, с тончайшими ювелирными изделиями и своеобразной «приподнятой» художественностью «Слова о полку Игореве» или «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Книга Б. А. ввела нас внутрь княжеского двора, внутрь смердьеи клети, внутрь церковного «дома». То, что показал нам здесь Б. А. в современных нам терминах, а его «подручный гид» — Даниил Заточник — в терминах XII—XIII вв., оказалось гораздо сложнее, чем мы представляли себе, разглядывая эти здания с их фасадов. Сложность людских взаимоотношений, пестрота социального состава, сложность процесса классового образования открыли перед нами с новой стороны высоту культуры Киевской Руси. В этой книге Б. А. есть как бы «предчувствие» открытия берестяных грамот (обнаруженных А. В. Арциховским через три года после выхода книги — в 1950 г.). Берестяные грамоты в такой же мере, как и «Слово» Илариона, вскрывают сложность и высоту культуры Киевской Руси, но не с фасада, а изнутри: они вводят нас во двор «среднего» жителя древнерусского города. Из книги Б. А. Романова мы отчетливо увидели и то, что жить в этой обстановке было вовсе не так просто и не так легко, что эпоха была жестокой, что нравы были даже не «домостроевскими», но додомостроевскими. Иногда Б. А. рисует картины прямо-таки мрачные: конкретно, во всех деталях описана погоня за бежавшим холопом, дружинные нравы, продажа детей «одерень», нарушения клятв, случаи феодального самоуправства. Эта обрисовка тяжелых сторон жизни древней Руси вызывала больше всего возражений тех лиц, которые примитивно понимали патриотизм историка, как один лишь долг восхваления прошлого своей родины. А между тем разве могли мы сомневаться в том, что наряду

со светлыми сторонами жизни в домонгольской Руси были и стороны темные? Разве могли мы забывать, что в непосредственном соседстве с великолепными храмами с их полами из разноцветного мрамора и крупного шифера, с их стенами, украшенными драгоценной мозаикой и фресками, сама техника которых восходила к античности, их подлинные творцы ютились в жилищах полуземляночного типа.¹ А между тем сколько раз, думая о Киевской Руси, мы представляли себе только эти величественные сооружения, забывая о соседних хибарках ремесленников. Б. А. пошел по правильному пути, показав нам высоту домонгольской культуры в самой сложности социальных отношений того времени, в сложности процесса классового образования, свидетельствующего об определенной стадии высоты русской культуры, показав нам многообразие умственной жизни того времени, не затушевывая вместе с тем трудностей и горечи древнерусской жизни, не модернизируя ее и не принимая тона барственной к ней снисходительности. Киевская Русь настолько приближена в книге Б. А. к современному читателю, что вызывает в нем сострадание к «среднему» человеку того времени, к Даниилу Заточнику, до отказа «глотнувшему полынной горечи» жизни (стр. 283), к подневольному холопу или «свободному» смерду. Читатель воспринимает прошлое Руси как свое прошлое, и в этом, надо прямо сказать, поразительный художественный эффект книги, а вместе с тем ее подлинный патриотизм.

Главное в содержании книги — это люди, а «нравы» в ней — лишь фон, на котором эти люди показываются. Люди взяты Б. А. из летописи, из Киево-Печерского патерика, из Поучения Мономаха и т. д. — это реально существовавшие люди, обобщенные в традиционных средневековых формах под пером древнерусских литераторов, но в книге Б. А. как бы «переведенные» на язык современного нам художественного метода и ставшие типами своей эпохи. Отсюда в книге Б. А. наряду с Заточником — «заточник» (с маленькой буквы, стр. 285 и сл.), «заточники» (стр. 10, 201 и др.) и даже «заточницы» (стр. 310),² наряду с Переяславом — «переяславы», наряду с Георгием — «такой Георгий» (стр. 151), Пахомий «точь-в-точь такой же, как и Иоанн» (стр. 201) и т. п. Часть людских образов реконструируется Б. А. почти шахматовскими приемами из нелитературных источников — из Русской Правды, из Кириковых Вопросаний, из Митропольчьево Правосудия.

Центральная человеческая фигура первой главы — Заточник. Б. А. Романову удалось показать его не изолированно от социальных процессов его времени, как это делалось во многих историко-литературных исследованиях «Моления», а в сложном контексте эпохи. Впервые для объяснения многих особенностей «Моления» Б. А. привлек Русскую Правду, и это пролило свет не только на «Моление», но, отраженно, на многие статьи самой Русской Правды. Многие из того, что мы принимали до сих пор в «Молении» за литературные условности средневековья, оказалось тесно связанным с социальной действительностью своего времени: его «пессимизм» (стр. 19), его представления о князе (стр. 21—28), его сентенции о злых женах

¹ См.: М. К. Каргер. 1) Землянка — мастерская киевского художника XIII в. — КСИИМК, в. XIII, 1945; 2) Археологическое изучение древнего Киева. — Наука и жизнь, 1940, № 2.

² Д. И. Чижевский в своей книге «Aus zwei Welten (Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen)» (1956) в главе, посвященной «социальному вопросу» в древнерусской литературе, сильно примитивизирующей взгляды советских литературоведов на проблему классового характера древнерусской литературы (Д. И. Чижевский изображает взгляды советских литературоведов как вульгарно-социологические), приписывает Б. А. Романову взгляд на «заточников» как на особый класс (стр. 31—32). Само собой разумеется, что Б. А. Романов ничего подобного утверждать не мог.

(стр. 37—45) и др. Искусное сопоставление сведений о себе Даниила Заточника со статьями Русской Правды (стр. 29—30) устраняет гипотезу о Данииле как о беглом княжеском холопе. Вместе с тем выясняется, что Заточник не один: что Заточник первой редакции «Моления» и Заточник второй редакции «Моления» отражают разные исторические этапы, первый — XII в., второй — XIII в., благодаря чему отпадают многие сомнения в том, что первая редакция «Моления» действительно старше второй.³ Однако Заточник не самодовлеющая фигура в данной главе: с его помощью Б. А. приоткрывает завесу «над ячейкой княжеского хозяйства в действии с фигурой тиуна во главе» (стр. 24 и сл.).

Следующая (вторая) глава уже прямо вводит нас в людской состав этого княжеского хозяйства. Ее тема — феодальная «челядь» в том определении этого термина, какое было дано ему Б. Д. Грековым. Литературных зарисовок XI—XIII вв. отдельных представителей этой челяди не сохранилось, однако и в данном случае Б. А. тонко решил свою задачу, воспользовавшись Русской Правдой и другими нелитературными памятниками, чтобы на основе скупых формулировок юридических статей представить драматическую картину погони за беглым холопом (стр. 73), картину работорговли (стр. 50—51), ряд житейских казусов с холопом в их центре (стр. 56 и 57), обрисовать положение холопов, сопровождающих своего господина в монастырь (стр. 58—60), положение чернеческих холопов (стр. 60—62), отношение к холопам церкви (стр. 65 и сл.) или просто тип оборотистого холопа (стр. 78). Этот ряд жизненно воспроизводимых сцен и типажей вскрывает бытовое положение холопов в рамках феодального общества. Он показывает те типично феодальные каналы, по которым шло пополнение рабочей силы в хозяйстве феодала, показывает стремление законодательства удержать эту рабочую силу в хозяйстве. В основном автор исходит здесь из представления о феодальной общественной формации, вскрывая лишь бытовую обстановку XII—XIII вв. Для автора, как и для Б. Д. Грекова, основой феодального хозяйства остается втягиваемый в него всяческими путями и способами смерд.

«Свободному» смерду как основной человеческой фигуре на этот раз не только хозяйства феодала, но и всей «киевской государственности» (стр. 115) и посвящена следующая (третья) глава. В этой третьей главе Б. А. Романов рисует бытовую обстановку жизни смердов, борьбу течений внутри господствующего класса по основным вопросам политики феодального государства XI—XIII вв. в отношении смердов, тонко вскрывает различное отношение к смердам в среде этого господствующего класса, начиная от полнейшего презрения к смерду и приравливания его к животному (стр. 116) и кончая «смердолюбием» Мономаха.

Четвертая глава посвящена хозяевам того вотчинного двора, который в книге Б. А. постоянно составляет как бы просцениум для демонстрации читателю людей древней Руси. Здесь, в этой главе и на этот просцениум, выходят наконец главные «герои» — светские феодалы, князья. Их выходу предшествует выход ближайших княжеских слуг: Ян Усмошевец, варяжский «князь» Африкан, внук Георгий — воспитатель Юрия Долгорукого, крупные бояре (Варлаам) и бояре поменьше: будущий Феодосий и его мать, портрет которой выгравирован Б. А. Романовым с особенно художественною четкостью. За этой пышной свитой следуют «идеализированные» летописцем князья Святослав и Игорь и наконец вполне реальный Владимир Мономах — центральная и наиболее импозантная фигура этой главы.

³ Доводы Б. А. Романова были приняты и М. О. Скрипилем в его статье «Слово Даниила Заточника» (ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955).

Личность Мономаха раскрыта Б. А. Романовым по-новому. В отличие от своих предшественников, в частности в отличие от А. С. Орлова, рассматривавшего Мономаха в ряду князей X—начала XI в. и создавшего «величественный» и несколько абстрактный образ этого князя, Б. А. Романов рассматривает Мономаха как представителя своего времени — времени феодальной раздробленности. Б. А. раскрывает биографию Мономаха не как нечто уникальное, а как среднюю и типическую, плотно включенную в княжеский быт своего времени (стр. 167). Б. А. подчеркивает в Мономахе добросовестную умеренность как гарантию политической мудрости и хладнокровия (стр. 167). В его Поучении, по-новому раскрываемом, Б. А. подчеркивает готовность на компромисс. Мономах показан как хозяин своего «дома», взывающий к максимальной активности и бдительности внутри своего хозяйства. И эта бережливая и опасливая хозяйственность типичного представителя эпохи феодальной раздробленности удачно подчеркивается Б. А. даже в наставлениях Мономаха о походе. Воин Мономах не только не сходен с воином Святославом, как это обычно считалось, но прямо ему противоположен. Здесь, в этих наставлениях Мономаха о походе, «как в зеркале, бытовая обстановка феодальной войны, а не степного дальнего похода» Святослава (стр. 179). Этот по-новому прочитанный в Поучении образ его автора, Мономаха, — крупный успех Б. А. Мономах в интерпретации Б. А. отнюдь не более мелкая историческая фигура, чем у его предшественников, но фигура эта уже не вознесена над эпохой, а плотно к ней пригнана, объяснена ею и введена в историческую перспективу.

Пятая глава рисует нам еще один тип крупных феодалов — «князей» церкви, а затем возвращает нас в той же церковной сфере к низам общества — к мелким представителям клира. Глава эта начинается с демонстрации личности ростовского епископа «Феодорца», а для церковных низов дает выразительную галерею из зарисовок в Киево-Печерском патерике.

Шестая глава, приближающая читателя к заключению, отрывает его от конкретных социальных категорий XI—XIII вв. и показывает «жизнь всякого человека» древней Руси, поскольку этого всякого человека захватывали одни и те же стороны цепкого церковного быта. Здесь перед читателем проходят роды, крестины, рост ребенка, его половое воспитание, примеры родительской власти над ним, вопросы, связанные с браком, семейным бытом, разводом, побочной семьей, и, наконец, вопросы, возникающие в обстановке преддверия смерти — составление завещания, последствия смерти главы семьи для ближайших ее членов. Многочисленные письменные попытки церкви регламентировать весь этот человеческий и по преимуществу семейный быт позволяют довольно точно представить себе и то, в чем этот быт противоречил установлениям церкви, и то, в чем он шел у церкви на поводу.

Наконец, заключительная (седьмая) глава возвращает нас к центральному образу книги — к Даниилу Заточнику, впрочем постоянно присутствовавшему и в других главах и своим присутствием — своими вопросами и сомнениями — как бы направлявшему внимание читателя к следам классовой борьбы в ее многочисленных мелких бытовых проявлениях. Заточник здесь по-своему читает «Слово о полку Игореве» и оценивает его со своей, неожиданной для нас, точки зрения. По-своему оценивает Заточник и «русских жен» «Слова» во главе с Ярославной, по-своему звучит для его уха и известная фраза из обращения к Всеволоду Суздальскому: «если бы ты был здесь, то была бы раба по ногате, а раб по резане», и резанувшая его по-живому заключительная концовка «Слова» — «князем слава и дружине» — той самой дружине, к которой пришлось когда-то принадлежать

и ему самому. Замысел столкнуть «в лоб» оба произведения, мысленно заставив автора одного из них читать другое, исключительно оригинален и едва ли повторим: он типично «романовский».

Далее в той же главе Б. А. показывает Заточника в поисках устойчивого жизненного положения и в воображении заставляет его еще раз пройти по всем тем кругам жизни, которые только что были раскрыты автором в предшествующих шести главах книги. Эта заключительная глава называется «На распутьи» — она и в самом деле показывает неустойчивость социальной жизни XII—XIII вв., становление нового общества, сложные явления, сопутствующие процессу классообразования. Она вводит нас в преддверие новой эпохи и как бы подсказывает будущие возможные выходы из этой неустойчивости.

На протяжении всей своей книги Б. А. стремится прочесть в памятниках XI—XIII вв. непосредственные, живые следы исторической действительности. Он стремится к конкретному до мелочей воспроизведению «жизни» XI—XIII вв. и, настойчиво пересматривая источники, продельывает работу, близкую литературоведам. Он искусно избегает постоянно подстерегающих его на этом пути опасностей: принять за достоверный факт традиционный литературный мотив (в анализе литературных произведений) или традиционное церковное установление (в анализе церковно-канонических памятников) или в специфических особенностях средневекового мышления увидеть отражение какой-либо определенной политической точки зрения.⁴

Книга «Люди и нравы древней Руси» трактует один из самых существенных вопросов изучения: изображение людей древней Руси, но трактует не с литературоведческой точки зрения, а с исторической. Б. А. Романова интересуется живая личность, стоящая за ее изображением; литературоведа же всегда будет интересовать само изображение, но это последнее не может быть до конца понято, если нет точного представления о первом.

На том же высоком уровне, что и комментарии к «Правде Русской», выдержаны и комментарии Б. А. к Судебнику 1550 г. («Судебники XV—XVII вв.», М.—Л., 1952), дающие важный конкретный материал не только для историков, но и для литературоведов и лингвистов.

Заслуживает внимания переводческая работа Б. А. Романова. В 1950 г. в серии «Литературные памятники» вышло издание «Повести временных лет», в котором вторая половина этого памятника (с 1016 г. и до конца) была переведена Б. А. Романовым. Принципы этого перевода далеко не

⁴ В целом Б. А. умело ведет свое изложение в безопасном расстоянии от этих подводных препятствий, однако кое-какие мелкие недочеты могут быть отмечены. Некоторые из правил Кирика обусловлены общехристианской практикой и вряд ли могут быть сопоставляемы со статьями Русской Правды (стр. 111 — погребение костей умерших), другие отражают типические для психологии всякого христианского писателя положения (стр. 220 — преступления, совершенные еще в язычестве, не в счет), третьи, может быть, в большей мере отражают интерес средневекового богослова к сложным казусам, чем непосредственную и «частную» действительность (стр. 109 — убийство в церкви). Вряд ли можно также считать компромиссом со стороны церкви разрешение монахам и иереям присутствовать на мирских пирах: духовник обязан был посещать своих духовных детей на дому в качестве гостя (С. Смирнов. Древнерусский духовник. М., 1913, стр. 69), знать все частности их семейной жизни, учить их за трапезой и на мирском пиру после четвертой чаши (И. Срезневский. Сведения и заметки, № 4, СПб., 1874, стр. LVIII, 321—322). Не всегда следует видеть в древнерусском термине «раб» (стр. 59 и 62) наше значение этого слова. Термин «раб» в церковной литературе имел церковно-условное значение («раб божий»). Наконец, вряд ли следует сейчас, после соображений В. Л. Комаровича (История русской литературы, т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 282 и сл.), без оговорок говорить о третьей редакции Повести временных лет как о печерской, а не выдубицкой.

бесспорны. Б. А. Романов порою не столько переводил древнерусский текст, сколько его переизлагал, растолковывал, и его перевод сам по себе требовал некоторого истолкования, а потому был во многом исправлен и приближен к древнерусскому тексту редактором издания.

Начиная с конца 30-х годов Б. А. Романов постоянно бывал на заседаниях Сектора древнерусской литературы, принимал участие в обсуждении его работы, печатно выступал с рецензиями на издания Сектора по древнерусской литературе, участвовал в работе серии «Памятники литературы» и охотно консультировал молодых специалистов Сектора по вопросам древнерусской истории.

Короткая, но блестящая преподавательская работа Б. А. Романова в Ленинградском государственном университете (с 1919 по 1927 г. и с 1944 по 1951 г.) заслуженно принесла ему славу одного из лучших преподавателей Исторического факультета и позволила ему воспитать целый ряд талантливых исследователей как древней, так и новейшей русской истории. Многие из молодых специалистов по древнерусской литературе (М. А. Салмина, М. Д. Каган, Р. П. Дмитриева и др.) слушали его лекции в университете и навсегда сохраняют о нем благодарную память как об ученом исключительной личной одаренности и интеллектуального обаяния. Он учил работать над вопросами, слабо обеспеченными материалами, учил наглядно «вообразить» себе исторические ситуации, делая иногда предметами семинарских занятий свои собственные научные затруднения, собственную текущую научную работу, воспитывая в учащихся любовь к самой «черной» предварительной работе источниковеда.

Б. А. был увлекательным собеседником: несколько старомодным *causeur* — остроумным, элегантным, абсолютно корректным к своему партнеру. Речь его блестела неожиданными сравнениями, всегда острыми, отчетливо конкретизировавшими мысль, заставлявшими взглянуть на предмет с необычной стороны. Употребляя термин формалистического литературоведения, можно было бы сказать, что Б. А. своими образными выражениями мастерски «остранял» явления, снимал с них привычную безобидность, заставлял задумываться и самостоятельно, вне всякой традиции, решать научные проблемы. Своими сравнениями и образами Б. А. выводил явления из их обывательской трактовки, открывал для обозрения и беспристрастного изучения. Очень часто казалось, что он вулгаризировал историческое явление, делал его сугубо конкретным, показывал слишком натурально. Но это только казалось, ибо снятие всех и всяческих покровов, развенчание и освобождение от «мнений» не было их вулгаризацией. Манера говорить острее всего сказалась в книге Б. А. «Люди и нравы древней Руси» — книге, которую из всех своих работ он наиболее ценил.

Научный путь Б. А. поучителен во многих отношениях. Мне хочется подчеркнуть в Б. А. главным образом то, что и сам Б. А. считал наиболее важным в научных занятиях: историческое чутье, историческое воображение при сугубо тщательном, тончайшем филологическом анализе источников, при непосредственной и постоянной близости к конкретному материалу изучения.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Реплики

1. Литературная традиция и исторические факты

В статье «Повесть XIII века об Александре Невском»¹ Н. В. Водовозов возражает В. Л. Комаровичу,² усмотревшему в житии Александра Невского литературные реминисценции — «Александрии», Троянской притчи, повести о Девгении и Истории Иудейской войны Иосифа Флавия. Переиначив точку зрения В. Л. Комаровича и приписав ему взгляд на житие Александра Невского как на «простую компиляцию» (стр. 37), Н. В. Водовозов пишет: «Следовательно, по мнению В. Комаровича, автор „Повести“ (т. е. «Жития Александра Невского», — Д. Л.) не просто описывал события так, как они происходили в действительности, но искал сходные случаи в литературных памятниках (переводных) других народов и готовые формулы переносил в свое произведение» (стр. 37). Далее Н. В. Водовозов утверждает: «Неподдельная искренность чувств, которыми пронизана вся „Повесть“, свидетельствует о том, что автор его не заимствовал готовых выражений ни из Александрии, ни из Девгениева деяния, ни из Иосифа Флавия, но как истинный патриот и сын своего народа кровью своего сердца описывал и горестные и славные события русской жизни тех лет. Если Александр Ярославич поразил копьем в лицо Биргера в Невской битве, то об этом знали все современники, и Девгениево деяние тут не при чем. Если шесть русских героев прославили свои имена воинскими подвигами в той же битве, то при чем здесь библейская история или повесть Иосифа Флавия? Ведь имена „храбрых“ в „Повести“ не вымышлены» (стр. 38).

Не надо быть литературоведом, чтобы знать, что нельзя «просто описать события» да еще в художественном произведении, не придерживаясь определенного художественного метода, и что литературная традиция в той или иной мере свойственна всем литературным произведениям, а отчасти и нелитературным. Ведь некоторые из выражений самого Н. В. Водовозова в его статье («кровью своего сердца описывал» и др.) также принадлежат определенной литературной традиции. Как можно доказывать, что литературное произведение стоит вне литературной традиции тем, что оно описывает действительно имевшие место факты, что и Сбыслав Якунович, и Гаврило Олексич — реальные лица, а последний не только существовал, но был даже «прямым предком» А. С. Пушкина.

Нельзя с помощью реально-исторического комментария к литературному произведению снимать литературность произведения, как и нельзя

¹ Учение записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. LXVII. Кафедра русской литературы, в. 6. М., 1957.

² Повесть об Александре Невском. — История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945.

писать просто чернилами «своего сердца» вне всякой традиции: искренность не отменяет литературного искусства и художественного метода. С другой стороны, надо сказать и обратное в адрес тех, кто, отрицая строгую историчность тех или иных эпизодов какого-либо произведения (например, «Слова о полку Игореве»), пытается доказать их литературность: не к чему уничтожать историчность произведения, чтобы доказать его художественную природу. Действительность чрезвычайно многообразна, фактов много, а художественное обобщение отбирает эти факты в духе своего художественного метода и в духе своей литературной традиции.

Литературная традиция и исторические факты не находятся в контрадикции.

2. О методике атрибуции древнерусских литературных произведений

В той же статье «Повесть XIII века об Александре Невском» Н. В. Водовозов приходит к следующему выводу: «Слово о гибели Русской Земли», «Повесть об Александре Невском» (т. е., вернее, житие, — Д. Л.) и «Моление» Даниила Заточника написаны одним автором. Главный аргумент Н. В. Водовозова, которому подчинены остальные, следующий: «Мог ли молчать Даниил, когда Русская земля лишилась такого великого сына, как Александр Невский? Если Даниил был жив (а это, судя по его возрасту, вполне вероятно, так как в год смерти Александра ему было бы лет 65 или только немногим более), то кто же, как не он, взялся бы за благодарную задачу рассказать о жизни и подвигах такого человека, который не только соответствовал его идеалу главы государства, но и лично для него был „добрым“, идеальным господином?» (стр. 44).³ Если идти дальше этим методом, то можно легко свести все многообразие русских писателей к двум-трем в каждом поколении. «Кто же, как не он» — этот риторический вопрос особенно коварен в отношении тех эпох, в которых нет полного списочного состава писателей. К сожалению, стремление подыскать каждому произведению вполне определенного автора появляется чаще, чем находятся к тому реальные основания. Особенно часто подыскивают определенные имена для автора «Слова о полку Игореве». Но еще хуже, когда литературоведы объединяют нескольких авторов. Это объединение нескольких авторов есть обеднение литературы, оно зиждется на представлении, что писателей было мало и писать было некому («кто же, как не он!»).

³ Дополнительные («подчиненные») аргументы таковы: «Даниил мог принимать участие в княжеском совете» (стр. 41) князя Ярослава, он мог быть тем самым советником, который советовал Юрию и Ярославу «творить мир» накануне Липицкой битвы (стр. 42), этот «осторожный совет мог быть воспринят как доказательство трусости советника» (стр. 42), «легко допустить, что советник, предостерегавший князя от битвы, поплатился за свою осторожность» (стр. 42), затем он «мог находиться вместе с ним (с Ярославом. — Д. Л.) в Новгороде и мог быть „самовидцем возраста“ его сына — Александра» (стр. 42), после смерти Ярослава он «должен был стать слугой Александра Ярославича Невского, от которого лично мог слышать подробные рассказы о Невской битве 1240 года и о „Ледовом побоище“ 1242 года. Этим, кстати, легко бы объяснялось то странное (? — Д. Л.) обстоятельство, что автор „Повести“, близкий к Александру Невскому человек, не участвовал ни в одном из этих важнейших сражений» (стр. 42—43). Далее идет новая цепь «легких» объяснений и предположений: Александр Невский «хорошо (! — Д. Л.) знал „Моление“ Даниила» (стр. 44) и Александр Невский «много извлек для себя практически ценного из этого „Моления“». Ведь Александр Невский с его выдающимся умом не мог не понимать, что именно такой правитель нужен был Русской Земле» (стр. 44). Итак, «мог», «мог», «мог», «мог», а под конец «не мог не...».

3. Текстологические выводы без текстологических доказательств

В статье «Повесть о битве на реке Калке»⁴ Н. В. Водовозов пришел к выводу, что тот вариант летописной «Повести о битве на реке Калке», который включает в себе Тверская летопись XVI в., первоначальный, полный и восходит непосредственно к рукописи XIII в., а летописные рассказы о Калкской битве Лаврентьевской летописи XIV в. и Новгородской первой XIII в. — поздние «сокращенные выдержки» (стр. 13) этого полного текста. Рассказ же Ипатьевской летописи XV в. — «незначительная переработка» того же полного текста (стр. 14). Этот весьма ответственный вывод сделан на основе общих рассуждений, занимающих лишь семь страниц печатного текста. При этом Н. В. Водовозов игнорирует общую историю тех летописных текстов, которые включали в свой состав эти повести, как будто бы повести о битве на Калке жили своей обособленной от летописания жизнью, не дает подробного текстологического сличения текста повестей и даже не привлекает всех вариантов повестей о битве на Калке, как если бы повести эти встречались только в нескольких перечисленных им летописях. Вместе с тем и известия этих повестей о богатыре Александре Поповиче, признаваемые Н. В. Водовозовым за безусловно исторические, рассматриваются им вне связи с другими летописными известиями в Никоновской летописи, в Степенной книге и др., где Александр Попович выступает то при Владимире I Святославиче (X—XI в.), то при Владимире Мономахе (XII в.), то в начале XIII в.

Даже если бы повести о Калкской битве находились только в перечисленных четырех летописях и не имели бы никакой связи с остальными летописными текстами, то и в этом случае текстологические выводы Н. В. Водовозова не отличались бы доказательностью. Н. В. Водовозов не только не выделяет необходимого в таких случаях сличения текстов, но и принимает за повесть о битве на Калке текст, который этой повестью отнюдь не является. Так, Н. В. Водовозов называет повестью о битве на Калке (стр. 17) найденный мною в Хронографе Публичной библиотеки (Ф.XVII.17) рассказ об Александре Поповиче, где о повести о Калкском побоище говорится прямо как об отдельном, другом произведении.⁵

Оставлено Н. В. Водовозовым без доказательств утверждение, что вариант Повести в Тверской летописи является «в идейном и художественном отношении целостным, единым, органическим литературным произведением» (стр. 16), а остальные варианты не целостны, не едины, не органичны.

Оставлено без доказательств утверждение, что этот «полный» вариант Тверской летописи возник точно в 20-е годы XIII в.⁶

Оставлено без доказательств утверждение, что домосковские летописи не включали в себя объединительных идей и не осуждали князей, а потому якобы Повесть о битве на Калке не могла быть внесена в летопись XIII в.⁷ (стр. 16—17).

⁴ Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемина, т. LXVII. Кафедра русской литературы, в. 6. М., 1957.

⁵ ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 34: «яко же писано есть в Калкском побоище».

⁶ Если даже считать, что «полный вариант» Повести о Калкской битве, читающийся сейчас в Тверской летописи, принадлежит очевидцу Калкской битвы 1224 г., то почему этот очевидец должен был писать точно в 20-е годы, а не мог писать в 30-е, 40-е, 50-е годы или даже позднее?

⁷ Между тем дело обстоит как раз наоборот: летописи XII—XIII вв. очень часто содержат призывы к единению и осуждения князей (нет нужды в ТОДРА приводить

Оставлено без доказательств и утверждение, что перед «автором»⁸ Тверской летописи 1534 г. была рукопись XIII в. повести о Калкской битве (подчеркиваю: Н. В. Водовозов пишет именно о рукописи XIII в., а не о произведении XIII в. в одной из поздних рукописей).

А. А. Шахматов неоднократно указывал, что нельзя анализировать летописные повествования, рассказы, сказания, отдельные известия, выхватывая их из летописей, не считаясь с их сложным составом, но в данном случае приходится вообще сказать, что нельзя делать текстологические выводы без внимательного текстологического анализа, тем более когда речь идет о таком сложнейшем предмете исследования, как повесть о Калкской битве.

примеры), тогда как московские летописи XVI в. стремятся освободить предков московских государей от всех возможных упреков и заменяют призывы к единению утверждением прав на господство в Русской земле только московских великих князей.

⁸ Н. В. Водовозов приписывает мне нелепую мысль, что один и тот же летописец («автор» Тверской летописи) излагал предания XIII в., затем предания конца XIV—начала XV в. При этом Н. В. Водовозов поучительно замечает: «Но ведь специфика развития устного народного эпоса в том и заключается, что старые предания в нем со временем переосмысляются и под влиянием меняющихся исторических условий становятся другими» (стр. 18). Вот этого-то сам Н. В. Водовозов и не заметил в летописи, полагая, очевидно, что у Тверской летописи был единый, как он выражается, «автор», написавший ее от начала и до конца. Между тем составители летописных сводов не были их «авторами»: они соединяли разновременные и, главное, разнородные письменные источники, отражали и разновременные пласты эпоса.

Я. С. ЛУРЬЕ

Был ли Иван IV писателем?

I

Вопрос о том, был ли Иван IV писателем, поставлен в литературе совсем недавно. До последнего времени литературоведы и историки не сомневались в том, что Иван Грозный был автором посланий Курбскому, Василию Грязному и ряда других произведений: такие исследователи, как И. Н. Жданов и А. С. Орлов, не раз писали о литературном значении этих памятников. Лишь недавно С. М. Дубровский в статье «Против идеализации деятельности Ивана IV», поставив под сомнение прогрессивный характер политической деятельности царя, одновременно совершенно отверг его роль как писателя и публициста. С. М. Дубровский считает, что, поскольку до нас не дошло ни одного автографа Ивана IV, то «действительное авторство» его посланий неизвестно. «Можно предположить, — указывает С. М. Дубровский, — что образованность и грамотность лиц, писавших для Ивана IV, готовивших для него материалы, некоторыми историками выдаются за образованность самого Ивана IV». В связи с этим автор весьма сурово оценивает издание «Посланий Ивана Грозного», предпринятое в 1951 г. Д. С. Лихачевым и автором этих строк под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. В этом издании, по мнению С. М. Дубровского, «нет анализа напечатанных посланий» и «все огульно дано как „послания Ивана Грозного“».¹

Упрек этот едва ли справедлив. Вопрос об авторстве произведений, подписанных именем Ивана IV, действительно довольно сложен, и составители «Посланий Ивана Грозного» достаточно ясно понимали его сложность. Именно потому, что Иван IV как глава государства подписывал бесчисленное множество дипломатических и всяких иных документов, в состав «Посланий Ивана Грозного» были включены только те (относительно немногие) произведения, подписанные именем царя, которые характеризуются определенными стилистическими признаками. Именно поэтому рецензенты ставили в упрек этому изданию недостаточно широкое привлечение эпистолярного наследия Ивана IV;² С. М. Дубровский, наоборот, считает его недостатком излишнюю полноту.

Анализ авторства посланий и других сочинений Ивана IV — задача в основном филологического характера. С. М. Дубровский пытается решить эту задачу с помощью весьма простого аргумента: «отсутствие автографа» царя ставит, по его мнению, под сомнение авторство всех его произведений. Но много ли до нас дошло автографов древнерусских писателей? Если бы наличие автографа было обязательным условием уста-

¹ ВИ, 1956, № 8, стр. 123; ср.: ВИ, 1956, № 9, стр. 196.

² Ср., например, рецензию А. А. Зимина: ВИ, 1952, № 2 стр. 132.

новления авторства, нам пришлось бы отказаться от имен почти всех античных и средневековых авторов; пострадали бы и многие писатели нового времени, предпочитавшие диктовать произведения своим секретарям или печатать их на машинке.

Главный критерий для установления авторства Ивана IV по отношению к произведениям, подписанным его именем (и даже по отношению к произведениям, написанным от имени других лиц), — совершенно своеобразный литературный стиль этих произведений. Уже писатели начала XVI в. ввели в русскую литературу приемы острой публицистической полемики; в творчестве Ивана Грозного эти приемы достигли особого развития. Живой спор с противником, обильные риторические вопросы по его адресу, издевательское пародирование аргументов оппонента («кто же убо желает такова ефиопьска лица видети?» — в послании Курбскому) и вместе с тем нередкие обращения к его рассудку («ты бы сам себе поразсудил») — эти особенности проходят через все изданные нами послания Ивана IV; характерны они и для многих посланий, которые до сих пор издавались лишь как дипломатические документы.³ Устные основы писательской манеры царя сказываются в большем количестве простонародных, «грубых» выражений («ты, взяв собачей рот, хочеш на посмех лаяти» — в послании Иоганну III), в своеобразном синтаксисе, при котором одно предложение вклинивается внутрь другого, образуя как бы замечание в скобках («и ты там спрося уедай!», «и нам того как утаити!»).⁴ И что особенно важно, перечисленные особенности обнаруживаются в посланиях Ивана IV начиная с 50-х годов (ср. послание Сигизмунду-Августу февраля 1558 г.) и кончая последними годами его жизни (послание Баторию 1581 г. и др.). А между тем мы не могли бы назвать ни одного близкого к Грозному человека, который сохранил бы милость царя в течение всего этого срока. Адашев умер в опале в 1561 г.; Висковатый был казнен в 1570 г. Сподвижники Грозного в последние годы его жизни, Бельский, Годунов, — люди по преимуществу «неписьменные», деловые политики. Нет ни одного человека, чью образованность и специфический литературный стиль историк мог бы «выдать за образованность самого Ивана IV».

В пользу принадлежности Ивану Грозному основных литературных произведений, подписанных его именем, говорит еще одно соображение.⁵ Если бы автором царских посланий был не сам Иван IV, это обстоятельство отметили бы его современники, и прежде всего враги Грозного. Курбский был до своего бегства близок ко двору и хорошо осведомлен о личных делах царя и его окружения; если бы он знал, что за Грозного пишут другие, он не преминул бы использовать такой аргумент. Курбский едко высмеивал литературную манеру царя, характеризуя ее как «неистовых баб басни»; он, однако, нисколько не сомневался в том, что осмеиваемые им произведения принадлежат царю, а не какому-либо иному лицу.

Нет оснований для подобных сомнений и у нас. Как бы мы ни расценивали историческую роль Ивана IV, как бы ни относились к его лич-

³ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 27, 57, 156, 215, 219, 224, 225 и др. Ср. дипломатические послания: Сборник Русского исторического общества, т. 59, СПб., 1887, стр. 539; т. 71, СПб., 1892, стр. 55—63, 170—173, 354—362, 442—446, 673; т. 129, СПб., 1910, стр. 216—218, 259—264 и др.

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 152, 160, 193, ср. стр. 276.

⁵ Ср. замечания по этому поводу А. А. Зимина (ВИ, 1952, № 9, стр. 200).

ности (действительно, весьма мало привлекательной), мы не можем не признавать этого царя одним из наиболее выдающихся представителей русской письменности XVI в.

II

Нисколько не сомневаясь в авторстве Ивана IV по отношению к его важнейшим произведениям, дореволюционные исследователи тем не менее слишком сужали значение его писательской деятельности. Важнейшее произведение царя, его первое послание Курбскому рассматривалось прежде всего как часть переписки царя с его бывшим приближенным, как своеобразный литературно-психологический документ. Обнаружение текста первоначальной редакции первого послания, имеющего заголовок (в трех списках): «Цареву государеву послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене», дало нам основание для предположения, что основным адресатом послания было «все Российское царство», т. е. что послание носило характер не личного письма, а всенародного обличения «крестопреступников».⁶

В последнем издании «Истории древней русской литературы» Н. К. Гудзий поставил под сомнение правильность этого вывода. По мнению Н. К. Гудзья, «личный характер послания явствует и из того, что оно является прямым ответом на письмо Курбского, и из того, что в новом своем ответном письме Курбский пишет о том, что он получил „писание“ Грозного». Н. К. Гудзий указывает, кроме того, что вообще «личная переписка деятелей старой Руси, затрагивавшая злободневные вопросы своего времени, рассчитана была не только на непосредственных адресатов, но и на широкий круг читателей, заинтересованных в этих вопросах».⁷

Отметим прежде всего одно явное недоразумение. Автор этих строк никогда не сомневался ни в том, что послание Грозного было ответом на послание Курбского, ни в том, что послание царя было отправлено Курбскому и в свою очередь вызвало ответ с его стороны.⁸ В этом смысле послание, несомненно, является частью переписки между Курбским и Грозным. Бесспорно также, что в древней Руси личные послания, отправленные какому-либо определенному адресату, переписывались затем в сборниках и становились достоянием довольно большого круга читателей. Такова была судьба, например, послания архиепископа Вассиана Рыло Ивану III на Угру или посланий Геннадия Новгородского и Иосифа Волоцкого различным иерархам.

Но послание Ивана Грозного Курбскому имеет все-таки существенное отличие от этих посланий, отличие, не позволяющее переоценивать его «личный характер» даже в момент написания. Вассиан Рыло в первую очередь старался убедить Ивана III наступать на татар, Геннадий и Иосиф прежде всего хотели предостеречь своих собратьев против еретической опасности. Использование этих памятников как публицистических произведений было уже вторичным моментом.

Иное дело — послание Грозного Курбскому. Уже Н. И. Костомаров справедливо заметил, что у царя не было никакой практической цели при

⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 469—471, 528—544. Ср.: Я. С. Лурье. Новые списки «Царева государева послания во все его Российское царство». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 305—309.

⁷ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. Учпедгиз, М., 1956, стр. 340, прим. 1.

⁸ В «Посланиях Ивана Грозного» (стр. 552—553) нами была даже высказана мысль, что одна из дошедших до нас редакций послания восходит к экземпляру, посланному царем Курбскому (в настоящее время это предположение кажется нам сомнительным).

написании письма Курбскому, ему бесполезно было его в чем-либо убеждать, и не было оснований рассчитывать на его возвращение.⁹ Конечно, царь отвечал в своем послании Курбскому, а Курбский — царю, но для обоих корреспондентов эта «переписка» с самого начала была литературной формой. В этом смысле переписка их была аналогична «открытым письмам» писателей нового времени. Такие письма также обычно читаются адресатами и нередко вызывают ответ с их стороны, но прежде всего это публицистика.

Вот почему у нас нет оснований отвергать заголовок «Послания», читающийся в списках первоначальной редакции.

---

⁹ Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. XIII. СПб., 1881, стр. 255—256.

В. В. ЛУКЬЯНОВ

Дополнения к биографии Иоиля Быковского

В связи с интересом, проявленным исследователями к личности первого владельца рукописи «Слова о полку Игореве» — архимандрита Иоиля, привожу ниже некоторые данные, дополняющие и уточняющие опубликованные недавно сведения об Иоиле Быковском и его окружении.¹

1. В дневнике архиепископа Арсения (Верецагина)² осталась незамеченной исследователями небольшая, но содержательная запись от 26 августа 1798 г., касающаяся Иоиля Быковского: «Писано к Б.-Камен. de morte Joel». Обращает на себя внимание прежде всего форма этой записи — сокращение фамилии адресата и передача сути сообщения по-латыни. Известно, что такого рода «тайнопись» применялась довольно часто во второй половине XVIII в. и именно в тех случаях, когда писец хотел — из соображений личного порядка — как-то «зашифровать» свою запись. В «расшифрованном» виде запись Арсения Верецагина читается так: «Писано к Бантышу-Каменскому о смерти Иоиля». Несомненно, речь идет об известном Н. Н. Бантыше-Каменском, одном из редакторов первого печатного издания «Слова о полку Игореве», поскольку в дневнике Верецагина неоднократно упоминается Н. Н. Бантыш-Каменский, который — как видно из записей — находился в переписке с Верецагиным, бывал у него в гостях и принимал его у себя дома, в Москве.³ Осторожность архиепископа Арсения, выразившаяся в «зашифровке» записи от 26 августа, может быть объяснена лишь тем, что ему, вероятно, были известны истинные причины, по которым А. И. Мусин-Пушкин задерживал обнаружение рукописи «Слова о полку Игореве». Во всяком случае, если архиепископ Арсений, при всей своей занятости и болезненном состоянии в это время, счел необходимым сразу же сообщить Бантышу-Каменскому о смерти Иоиля Быковского,⁴ то, очевидно, последний был хорошо известен Н. Н. Бантышу-Каменскому.

2. В конце 1750-х и в начале 1760-х годов Иоиль Быковский одновременно с отправлением должности законоучителя (преподавателя «закона божьего») в С.-Петербургском Кадетском корпусе был также законоучителем и в Имп. Академии художеств.⁵ Пребывание Быковского препода-

---

¹ В. В. Лукьянов. Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» — Иоиль Быковский. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 42—45; Ф. Я. П р и й м а. К истории открытия «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 46—54.

² ГПБ, Q. IV. 267.

³ См. записи в дневнике Арсения Верецагина за 17 марта, 6 апреля, 13 и 27 июля 1797 г.

⁴ Иоиль Быковский умер 25 августа 1798 г., а Бантыш-Каменскому Верецагин писал об этом 26 августа.

⁵ Ф и л а р е т. Историко-статистическое описание Черниговской епархии, ч. II. Чернигов, 1873, стр. 115.

вателем в течение ряда лет в Академии художеств, неизбежные знакомства его с другими преподавателями и постоянное участие его в текущей жизни Академии, несомненно, способствовали общему культурному развитию Быковского.

3. Указание Ф. Я. Приймы,⁶ будто бы фамилия архимандрита Иоиля была «Прецицкий», возникло в результате ошибочного чтения записи

а

Въ протаврѣ въ Европѣ оставили въ Англии
 Киммонта Молодцова. — посетили Архиман-
 дрита Иоиля прецицкаго. — приносили отъ
 Силнгаря подаренныя по архимандритову имению
 бывшаго 2 года съо миссера. Провѣща въ Силнгаре
 Великийъ соборный Монахъ Юриъ по томъ
 гуденныи цѣнами рѣчи и стихи на рожковъ Юри-

б

14 Получены по почте редкыя книги — при — холер
 Киманд Алеситанской книги
 15 разсматривалъ дѣла Еваристовъ
 16 дѣла Еваристовъ и димитровъ
 17 писанъ по почте писемъ, и разсматривалъ

мет.
 Юриъ

в

разсматривалъ дѣла Еваристовъ и димитровъ — при-
 несе отъ миссера отъ князя Петра Соловцова — 1)
 Истариовъ в. бан. 2) Оливцовъ в. б. 3) Маала стариван. 4) а.
 4) Кондратовъ в. 5) Язика. 5) Гавриловъ Боголю. 4) Юриъ.
 6) Юриъ старивану. 7) Юриъ в. бан. 8) Юриъ соцу миссера
 Кель. 9) Юриъ соцу Юриъ. 10) Юриъ миссера. 11) Юриъ.

Дневник Арсения Верещагина. ГПБ, Q. IV. 267, лл. 76, 74 об., 76 об.

а. Запись от 5 марта 1788 г.: 3-я строка сверху — «празницкаго». б. Запись от 14 февраля 1788 г.: 1-я строка сверху — «разныя»; 3-я строка сверху — «разсматривал».

в. Запись от 18 марта 1788 г.: 1-я строка сверху — «разсматривал».

от 5 марта 1788 г. в дневнике Арсения Верещагина.⁷ Там, где Ф. Я. Прийма читает «Посетили архимандрита Иоиля Прецицкаго», в действительности написано «Посетили архимандрита Иоиля празницкаго». Выражение «празницкий» — производная форма от слова «праздничный».⁸ Арсений Верещагин назвал архимандрита Иоиля в своей записи от 5 марта «праздничным» по той причине, что 5 марта в ярославском Спасском монастыре бывал ежегодно «престольный праздник» в память «чудотворцев» Федора, Давида и Константина.

⁶ Ф. Я. Прийма. К истории открытия «Слова о полку Игореве», стр. 49—54.

⁷ ГПБ, Q. IV. 267, л. 76.

⁸ См. слово «праздник» в словаре В. Даля.

Необходимо отметить, что как в копии дневника Арсения Верещагина,⁹ так и в издании этого дневника в Ярославских епархиальных ведомостях¹⁰ интересующее нас слово прочитано «празницкий». Это свидетельствует о том, что подобного рода слово не вызывало никакого сомнения в XIX в. Ошибочное чтение Ф. Я. Приимы объясняется тем, что в списке дневника Верещагина начертание слога «аз» очень похоже на «ец». В этом нетрудно убедиться из прилагаемых фотографий записи от 5 марта 1788 г. и записей от 14 февраля и 18 марта того же года, в которых бесспорное сочетание «аз» по начертанию похоже на «ец». Подтверждение тому, что архимандрит Иоиль имел действительно фамилию «Быковский», находим в его личных надписях на книгах («Из книг архим. Иоиля Быковского»), а также в списке архимандритов ярославского Спасского монастыря, в котором приводятся не только их имена и даты службы в монастыре, но и фамилии архимандритов.¹¹

---

⁹ Дневник Арсения Верещагина, копия 1893—1894 гг. — Ярославский областной архив, инв. № 171, л. 95.

¹⁰ Ярославские епархиальные ведомости, 1895, Неофициальная часть, № 4, табл. 59—60.

¹¹ Там же, 1892, № 21.

III Всесоюзное совещание по древнерусской литературе

С 13 по 15 мая 1957 г. в Ленинграде проходило III Всесоюзное совещание по древнерусской литературе, созванное Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР с широким привлечением как литературоведов, так и лингвистов, искусствоведов, историков и представителей других научных дисциплин. В совещании приняли участие свыше 400 делегатов из 30 городов, представлявших 85 учреждений и организаций, среди которых 18 научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, академий наук других социалистических стран и академий наук союзных республик, 10 университетов, 10 педагогических институтов, Министерство культуры СССР, Академия художеств, Союз писателей и Союз художников СССР, крупнейшие научные библиотеки и музеи Советского Союза, крупнейшие издательства, местные краеведческие музеи, искусствоведческие, библиотечные, полиграфические и другие институты.

В совещании участвовали ученые всех славянских стран. Болгарию представляли чл.-корр. Болгарской Академии наук Петр Динев и проф. Велчо Велчев, Польшу — проф. Антонина Обрембская-Яблонская, Югославию — проф. В. А. Мошин, Чехословакию — доктор Славомир Вольман.

Совещание было посвящено проблеме изучения художественной формы литературы древней Руси. Было прочитано и обсуждено 11 докладов.

* *
*

13 мая. Вступительное слово — чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев. Основные направления развития древнерусского литературного языка — акад. В. В. Виноградов (Москва).

О древнерусской литературе как художественном наследстве — действ. член АН УССР Н. К. Гудзий (Москва).¹

14 мая. Утреннее заседание. Роль учительской литературы XIII—XIV вв. в развитии мастерства изображения внутреннего мира человека — чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц (Ленинград).²

О художественной специфике древнерусской литературы — докт. фил.-л. наук И. П. Еремин (Ленинград).³

Вечернее заседание. К вопросу о зарождении литературных направлений в древней Руси — чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев (Ленинград).⁴

---

¹ Доклад напечатан в «Oxford Slavonic Papers» (v. VII, 1957, стр. 17—26).

² Доклад печатается в Сборнике, посвященном 70-летию В. А. Десницкого.

³ Доклад напечатан в журнале «Русская литература» (1958, № 1, стр. 75—82).

⁴ Доклад напечатан в журнале «Русская литература» (1958, № 2, стр. 3—13).

Художественные принципы автобиографического повествования у Аввакума и Епифания — канд. филол. наук А. Н. Робинсон (Москва).⁵
 15 мая. Утреннее заседание. Искусство перевода в Киевской Руси. — канд. филол. наук Н. А. Мещерский (Петрозаводск).⁶

Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков Девгениева деяния — докт. филол. наук В. Д. Кузьмина (Москва).⁷

Развитие сюжета в переводной новелле XVII в. и его отражение в миниатюре — канд. филол. наук О. А. Державина (Москва).

Вечернее заседание. О художественном языке древнерусской живописи — действ. член Академии художеств СССР М. В. Алпатов (Москва).

О взаимосвязи образов древнерусской литературы и зодчества — докт. истор. наук Н. Н. Воронин (Москва).

Заключительное слово — чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев.

В прениях выступали: докт. филол. наук П. Н. Берков (Ленинград), докт. истор. наук Н. Н. Воронин (Москва), канд. истор. наук Я. С. Лурье (Ленинград), доктор филологии С. Вольман (Прага), докт. филол. наук В. Д. Кузьмина (Москва), проф. В. Велчев (София), канд. филол. наук Л. П. Жуковская (Москва), докт. филол. наук П. Г. Богатырев (Москва), член-корреспондент Болгарской Академии наук П. Динев (София), проф. В. А. Мошин (Загреб), проф. А. Обрембская-Яблонская (Варшава), действительный член Академии художеств СССР М. В. Алпатов (Москва), докт. филол. наук И. П. Еремин (Ленинград), канд. истор. наук А. И. Клибанов (Москва), канд. истор. наук Д. Н. Альшиц (Ленинград), кандидат искусствоведения О. И. Подобедова (Москва), директор Музея им. Андрея Рублева Д. И. Арсенишвили (Москва), канд. филол. наук Е. И. Чепур (Киев), канд. филол. наук В. А. Бартенев (Иваново).

Подробные отчеты о совещании напечатаны в журналах: Вестник АН СССР (1957, № 7, стр. 110—112), Вопросы языкознания (1957, № 5, стр. 159—160), ИОЛЯ (1958, № 1, стр. 91—97), Списание на Българската Академия на науките (София, 1957, № 2—3, стр. 128—132), Език и литература (София, 1958, № 1, стр. 65—72).

⁵ Доклад напечатан в кн.: Славянская филология. Сборник статей, т. II. М.—Л., 1958 (в печати).

⁶ Доклад напечатан в настоящем томе (стр. 54—72).

⁷ Доклад напечатан в настоящем томе (стр. 73—77).

**Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института
русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР
в 1957 г.**

2 января. Доклад канд. истор. наук Н. А. Казаковой «К истории произведения, приписывавшегося Вассиану Патрикееву».

4 января. Доклад канд. филол. наук Л. А. Дмитриева «Первые переводы „Слова о полку Игореве“».

30 января. Сообщение научного сотрудника ИРЛИ С. А. Малахова о выполненном им поэтическом переводе «Слова о полку Игореве».

15 февраля. Доклад чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева «К вопросу о методах реконструкции древнерусских текстов». Напечатан: Исторический архив, 1957, № 6.

20 февраля. Доклад докт. истор. наук Н. Н. Воронина (Москва) «К характеристике владимирской литературы XII века».

27 февраля. Доклад аспиранта ИРЛИ Ю. К. Бегунова «Следы „Слова о погибели Руския земли“ в Степенной книге». Напечатан (в переработанном виде) в настоящем томе.

7 марта. Доклад сотрудницы Отдела редкой книги ГПБ В. И. Лукьяненко «„Азбука“ Ивана Федорова и ее источники».

15 марта. Доклад аспирантки ИРЛИ О. Ф. Коноваловой «Из наблюдений над стилем панегирической литературы XIV—XV вв. (сравнения в Житии Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым)».

26 апреля. Заседание, посвященное 275-летию со дня смерти протопопа Аввакума Петрова.

Вступительное слово чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева.

Доклад канд. истор. наук В. Е. Гусева «„Житие“ протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в.».

Доклад аспирантки ЛГУ Н. С. Сарафановой «Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума».

Доклад канд. филол. наук В. И. Малышева «Два неизвестных письма протопопа Аввакума».

16 мая. Заседание, посвященное состоянию изучения древнерусского рукописного наследия. Сообщения:

сотрудницы Отдела рукописей ГПБ канд. истор. наук Е. Э. Гранстром «О подготовке сводного печатного каталога славянских рукописей»;

сотрудника Отдела рукописей ГБЛ Я. Н. Щапова (Москва) «Археологические поездки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина»;

преподавателя Педагогического института И. Ф. Голубева (Калинин) «О рукописных материалах г. Калинин»;

инженера В. В. Лукьянова (Ярославль) «Рукописные собрания в Ярославле».

18 мая. Обсуждение «Материалов для словаря „Слова о полку Игореве“», подготавливаемых канд. филол. наук В. Л. Виноградовой (Москва). С участием составителя.

22 мая. Доклад проф. В. А. Мошина (Загреб) «Русское влияние на южнославянскую письменность в XIII в.».

25 мая. Доклад докт. филологии С. Ф. Вольмана (Прага) «Проблема поэтического строя „Слова о полку Игореве“».

29 мая. Доклад чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского «Из истории народной легенды о Фаусте» (совместное заседание с Сектором народного творчества).

31 мая. Доклад канд. истор. наук Я. С. Лурье «„Послание вельможе Иоанну“ — новый памятник иосифлянской публицистики». Печатается в журнале «Slavia».

7 июня. Доклад канд. истор. наук А. И. Клибанова (Москва) «Проблема „приятя жизни“ в русской гуманистической мысли первой половины XVI в.».

21 июня. Доклад канд. филол. наук Е. В. Матвеевой «„Слова о полку Игореве“, вступление (историко-лингвистический очерк)».

20 сентября. Доклад канд. пед. наук В. В. Данилова «„Слова о гибели Рускыя земли“ как произведение художественное».

27 сентября. Обсуждение книги Д. Чижевского «Aus zwei Welten. Beitrage zu der Geschichte der slawisch-westlichen literarischen Beziehungen» (Нааг, 1956).

4 октября. Доклад докт. филол. наук И. П. Еремина «Иосиф Волоцкий как писатель».

11 октября. Доклад чл.-корр. АН СССР М. П. Алексеева «„Пророче Рогатый“ Феофана Прокоповича».

26 октября. Доклад докт. филологии Г. Рааба (Грайфсвальд) «К вопросу о немецко-русских литературных связях в средние века».

18 ноября. Обсуждение текстологической части книги канд. истор. наук Н. А. Казаковой «Сочинения Вассиана Патрикеева». С участием автора.

9 декабря. Доклад канд. истор. наук Я. С. Лурье «К литературной деятельности Геннадиевского кружка».

**Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы
Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии
наук СССР в 1957 г.**

6 февраля. Доклад докт. истор. наук Н. Н. Воронина «К характеристике владимирской литературы XII в.».

6 марта. Доклад канд. филол. наук А. В. Позднеева «Герман — неизвестный поэт-силлабик XVII в.».

Обзор новых зарубежных книг и изданий по древнерусской литературе (О. А. Державина, В. Д. Кузьмина, А. Н. Робинсон).

20 марта. Дискуссия на тему «Вопросы атрибуции в русской литературе XVII в.».

3 апреля. Доклад канд. истор. наук А. И. Клибанова «У истоков русской гуманистической мысли».

10 апреля. Доклад старшего научного сотрудника ГИМа Е. С. Овчинниковой «История Эсфири в изобразительном искусстве XVII в.».

24 апреля. Объединенное заседание группы древнерусской литературы ИМЛИ, Литературного музея, Музея им. Андрея Рублева и Отдела рукописей ГИМа, посвященное 275-летию со дня смерти протопопа Аввакума Петрова.

Вступительное слово докт. филол. наук В. Д. Кузьминой.

Доклад канд. филол. наук А. Н. Робинсона «Аввакум — выдающийся писатель XVII в.».

Сообщение архитектора-реставратора П. Н. Барановского «История Крутицкого архитектурного комплекса».

8 мая. Доклад кандидата искусствоведения О. И. Подобедовой «Образный строй летописного свода второй половины XVI в.».

10 мая. Обсуждение и утверждение докладов О. А. Державиной, В. Д. Кузьминой и А. Н. Робинсона, подготовленных для III Всесоюзного совещания по древнерусской литературе в Ленинграде.

9 октября. Доклад канд. филол. наук О. А. Державиной «Проблематика и стиль русской литературы первой трети XVII в.».

23 октября. Доклад канд. филол. наук Л. В. Крестовой «Карамзин-писатель и древнерусская повесть».

20 ноября. Доклад доктора искусствоведения профессора В. М. Беляева «Древнерусская лирика».

27 ноября. Доклад кандидата искусствоведения О. И. Подобедовой «Состав лицевого летописного свода».

11 декабря. Доклад канд. филол. наук А. С. Зерновой «Книги кирилловской печати, хранящиеся в зарубежных библиотеках и неизвестные в русской библиографии».

25 декабря. Доклад докт. истор. наук Б. А. Рыбакова «Летописец князя Изяслава Мстиславича середины XII в.».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные... Археографической экспедицией.
АИ	— Акты исторические.
АН СССР	— Академия наук СССР.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР.
Бряке	— С. М. Briquet. Les filligranes. Paris, 1907.
ВИ	— Вопросы истории.
ВЛ	— Вопросы литературы.
ВМЧ	— Великие Минеи четии, изд. Археографической комиссии.
ВОИДР	— Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве.
ГВЛ	— Галицко-Волынская летопись.
ГИМ	— Государственный исторический музей в Москве.
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим.
ЖМНО	— Журнал Министерства народного образования.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ИА	— Исторический архив.
ИЗ	— Исторические записки.
ИМЛИ	— Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.
ИОЛЯ	— Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
ИпОРЯС	— Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
ЛЗАК	— Летопись занятий Археологической комиссии.
Лихачев, Бум. мельн.	— Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
Лихачев, Вод. зн.	— Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л	— Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПДП	— Памятники древней письменности.
ПДПИ	— Памятники древней письменности и искусства.
П1Л, П2Л, П3Л	— Псковские первая, вторая и третья летописи.
ПСРА	— Полное собрание русских летописей.

- РИБ — Русская историческая библиотека.
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
 СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 С1А, С2А — Софийские первая и вторая летописи.
 Срезневский, Материалы — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
 ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
 Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР в Москве.
 ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
 ЧОЛДП — Чтения Московского общества любителей духовного просвещения.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

	Стр.
А. Болдур (Бухарест). Троян «Слова о полку Игореве»	7
Н. М. Дылевский (София). «Вежи ся половецкии подвизашася» в «Слове о полку Игореве»	36
Б. Ст. Ангелов (София). «Слово о полку Игореве» и его оценка в Болгарии	47
Н. А. Мещерский (Петрозаводск). Искусство перевода Киевской Руси	54
В. Д. Кузьмина (Москва). Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгенияева деяния»	73
А. В. Соловьев (Женева). Заметки к «Слову о погибели Руския земли»	78
Ю. К. Бегунов (Ленинград). Следы «Слова о погибели Руския земли» в Степенной книге	116
Я. С. Лурье (Ленинград). Вопрос об идеологических движениях конца XV—начала XVI в. в научной литературе	131
Н. А. Казакова (Ленинград). Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель (текстологические данные).	153
И. Дуйчев (София). Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного	159
Н. К. Гудзий (Москва). Новые редакции повести о папе Григории	177
В. Е. Гусев (Ленинград). К вопросу о жанре Жития протопопа Аввакума	192
А. Н. Робинсон (Москва). Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии	203
М. Д. Каган (Ленинград). Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в.	225
С. Н. Азбелев (Ленинград). Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в.	251
С. Л. Пештич (Ленинград). «Синописис» как историческое произведение	284

Литература и искусство

О. А. Белоброва (Загорск). К вопросу об иконографии Максима Грека	301
Н. А. Казакова (Ленинград). Сведения об иконах Андрея Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI в.	310
Э. С. Смирнова (Ленинград). Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи	312

Материалы и сообщения

И. П. Еремин (Ленинград). Литературное наследие Кирилла Туровского	331
Г. Н. Моисеева (Ленинград). О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева	349
М. А. Салмина (Ленинград). «Ентинарий» в «Повести о зачале Москвы»	362
С. Н. Азбелев (Ленинград). Новгородские местные летописцы	364
В. И. Малышев (Ленинград). Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганных» нашествиях	371
П. Г. Богатырев (Москва). Чешская бумага в России	375
М. А. Салмина (Ленинград). Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова	378

*По рукописным собраниям Советского Союза
(печатается под наблюдением В. И. Малышева)*

Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко (Ленинград). Археографическая экспедиция Сектора древнерусской литературы в Горьковскую область	387
В. И. Малышев (Ленинград). Отчет о командировке на Печору в 1956 г.	398
В. А. Мошин (Загреб). К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной Публичной библиотеки	409
С. Н. Азбелев (Ленинград). Описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива	418
О. П. Бугаева (Смоленск). Рукописи Смоленского областного краеведческого музея	424
С. Н. Азбелев (Ленинград). Отрывок славянской служебной мины XI—XII вв.	432

Критика и библиография

Н. Ф. Дробленкова (Ленинград). Библиография работ по древнерусской литературе за 1956—1957 гг.	439
Г. Рааб (Грайфсвальд). Обзор работ по древнерусской литературе, опубликованных на немецком языке с 1945 г.	474
Д. С. Лихачев (Ленинград). Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси»	486

Заметки

Д. С. Лихачев (Ленинград). Реплики	499
Б. И. Дубенцов (Ленинград). О Московском своде 1479 г. и правильном цитировании	503
Я. С. Лурье (Ленинград). Был ли Иван IV писателем?	505
В. В. Лукьянов (Ярославль). Дополнения к биографии Иоила Быковского	509

Хроника

III Всесоюзное совещание по древнерусской литературе	515
Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР в 1957 г.	517
Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР в 1957 г.	519
Список сокращений	520

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XV

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

Технические редакторы *Р С Певнер* и *А В Смирнова*
Корректоры *Э А Кацман*, *Е М Романова* и *Н Д Соколова*

Сдано в набор 4/III 1958 г. Подписано к печати 16/VI 1958 г. РИСО АН СССР № 47а—4В
Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$ Бум л $16^{3/8}$
Печ л $32^{3/4} = 44$ 86 усл печ л $\dagger$ 5 вкл
Уч.-изд л 44 83 $\dagger$ 5 вкл (0 55) Изд № 816
Тип зак № 581 М-35087 Тираж 2000
Цена 29 р 15 к

Ленинградское отделение Издательства
Академии наук СССР

Ленинград В 164 Менделеевская лин д 1

1 я тип Издательства Академии наук СССР
Ленинград В 34 9 линия д 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
25	18 снизу	Romînilî,	Romîniei,
28	1 сверху	îmbârînesc	îmbârînesc
32	9 „	joimarîşele,	joimarîşele,
145	2 снизу	Spîdlik.	Şpîdlik.
145	6 „	Čiževskuj.	Čiževskuj.
173	6 сверху	нес носимыя	несносимыя
175	13 снизу	о	в
201	3 „	„Лосаргльо	„Ласарильо
201	4 „	„Рейнехе-Лиса“,	„Рейнеке-Лиса“,
249	3 сверху	по занеж	но занеж
253	9 снизу	Увар. 268,	Увар. 568,
253	11 „	А. И. Насонова.	А. Н. Насонова
256	18 сверху	а Великий	в Великий
256	13 снизу	кн. 2,	кн. 3,
256	16 „	ни Торговой	на Торговой
270	27 сверху	4088-го,	7088-го,
280	1 „	XVII—XVII вв.	XVII—XVIII вв.
368	4 снизу	получища	получища
372	6 сверху	не без	все без
373	25 снизу	пожалуй	помилуй
484	16 сверху	Västeraser Galmna- slybibliothek“	Västeråser Gymna- sialbibliothek“
500	10—11 сверху	контрадиции.	контрадикции.
520	18 снизу	Археологической	Археографической